В. В. ЛЕСЕВИЧЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

СТАТЬИ ОБЩЕНАУЧНАГО ХАРАКТЕРА

Т-во «КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ».

Зкз.

145
36

поставщикъ двора его величества.
m-re скорняченкъ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ НАУКИ И КНИГА УЭВЕЛЯ.

(«Исторія индуктивныхъ наукъ отъ древнѣйшаго до настоящаго времени», сочиненіе *Вильяма Уэвеля*, въ трехъ томахъ. Переводъ съ англійскаго изданія *М. А. Антоновича* и *А. Н. Пыпина* съ примѣчаніями и біографическими приложеніями, составленными по нѣмецкому изданію *Литтрова*. Томы I. II. Т. III-го I-й выпускъ).

Появленіе въ переводѣ столь замѣчательнаго произведенія, какъ «Исторія индуктивныхъ наукъ» Уэвеля*), не можетъ быть оставлено безъ вниманія, и мы считаемъ необходимымъ при этомъ указать читателямъ, какъ общее значеніе предмета, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, такъ и мѣсто, занимаемое недавно умершимъ авторомъ въ ряду писателей по этому предмету.

Во вторую четверть XIX вѣка взглядъ на исторію и на ея задачи существенно измѣнился: войны и церковныя событія, дворцовыя интриги и дипломатическія комбинаціи, исчерпывавшія почти все содержаніе исторіи до того времени, стали терять свое значеніе для историковъ, которые видѣли около себя богатую и вліятельную буржуазію, были современниками или ближайшими преемниками значительныхъ національныхъ движеній, и чувствовали на себѣ и на всемъ окружающемъ, что скромная книга или публицистическая статья иногда важнѣе оффиціальнаго закона, что за формами признанныхъ ученій и обрядовъ волнуется общественная мысль съ ея знаніями, вѣрованіями и предразсудками, что подъ однообразіемъ администраціи остается нетронутымъ разнообразіе расъ, языковъ, образа жизни, обы-

*) Имя это пишется и выговаривается весьма разнообразно. У насъ во многихъ трудахъ принято передавать его такъ, какъ сдѣлали переводчики, но другіе находятъ, что Whewele будетъ вѣрнѣе Юэль.

чаевъ и привычекъ. Появились исторіи цивилизаціи, исторіи культуры, исторіи философіи и т. д. Старались доискаться подъ пестрою наружностью событій настоящей струи исторіи человѣчества. Конечно, при этомъ обратились преимущественно къ литературѣ. Оно было естественно, потому что писали ученые, горожане, болѣе или менѣе удаленные отъ народа, кабинетные труженики, проведшіе бо̀льшую часть своей жизни между книгами, и для которыхъ жизнь внѣ литературы представляла мало интереса. Время еще не пришло тогда, какъ оно еще не пришло повидимому и теперь, писать исторію всего человѣчества, обращать вниманіе на огромное большинство, безграмотное, погруженное въ предразсудки, заваленное безысходнымъ трудомъ и нуждою, чуждое дипломатіи и государственныхъ соображеній, непонимающее ни богословскихъ, ни метафизическихъ тонкостей, незнающее ни любимой трагедіи, ни знаменитой картины. Эту толпу оставили пока въ сторонѣ, отмѣчая по временамъ періоды голода, разоренія, эпидемій, увеличеніе нищеты или взрывы массъ, скоро раздавленныхъ; такъ поступали средневѣковые писатели, такъ поступали и новые историки первой половины XIX вѣка. Захотѣли писать исторію цивилизованнаго меньшинства, и это уже былъ значительный шагъ впередъ противъ прежней исторіи Людовиковъ, Иннокентіевъ, Фердинандовъ и Лютеровъ.

Естественно представлялся вопросъ: въ чемъ же существенно заключается исторія цивилизованной части общества? Отвѣтъ на этотъ вопросъ взятъ былъ историками первой половины XIX вѣка изъ ихъ современности. Это была эпоха поэзіи и философіи. Въ Германіи Гёте и Шиллеръ были какими-то лучезарными божествами, которымъ можно было только поклоняться и развѣ допускалось колебаніе относительно того: кто изъ нихъ выше, божественнѣе? Подъ ними копошился цѣлый міръ полубоговъ: лириковъ, эпиковъ, драматурговъ, при чемъ романтики школы Тика и Ламотъ-Фука изъ кожи лѣзли, чтобы поставить своихъ божковъ-титановъ хоть поближе къ божествамъ перваго разряда. Во Франціи титаны завоевали Олимпъ: древніе боги псевдоклассической эпохи были низвергнуты; лирика Гюго и Ламартина была знаменитостью дня; публика толпилась въ театрахъ посмотрѣть Трибулэ и Антони; французскій романъ завоевалъ Европу съ меньшимъ сопротивленіемъ, чѣмъ оружіе Наполеона. Въ Англіи кончалась эпоха Байрона, Мура, Вальтеръ-Скотта, Уордсворта. Понятно, что историки, видѣвшіе

около себя такое значеніе изящной литературы, придали ей особенное значеніе и во всѣ періоды. Но изящная литература имѣетъ свои особенности, которыя дѣлаютъ ея возвышеніе или паденіе несовсѣмъ вѣрнымъ признакомъ возвышенія или паденія цивилизаціи. Оцѣнка ея значенія невыдѣлима отъ оцѣнки красоты формы, и самый компетентный писатель, если его произведенія не отличаются красотою формы, не можетъ занять высокое мѣсто въ глазахъ безпристрастнаго историка изящной литературы; точно такъ же какъ за самыми безнравственными флюгерами въ области убѣжденій приходится этому историку признать иногда немаловажное значеніе. Развитіе чуткости къ красотѣ формы и способности воплотить схваченное впечатлѣніе въ патетическую рѣчь не зависитъ ни отъ умственнаго развитія, ни отъ гражданской доблести. Мы видѣли и *видимъ* примѣры, что самыя дрянныя во всѣхъ отношеніяхъ личности могутъ быть замѣчательными художниками слова, кисти, рѣзца или мелодіи. Причины, развивающія въ отдѣльной личности эту особенность, составляютъ еще нерѣшенную психологическую задачу. Тѣмъ менѣе можно рѣшить вопросъ о томъ, почему въ данную эпоху являются разомъ нѣсколько оригинальныхъ личностей, обладающихъ этою особенностью. Замѣтьте, я не говорю о массѣ подражателей, вызываемыхъ на свѣтъ Божій привычкою читать чужія произведенія и восхищаться ими. Но почему одновременно жили Виргилій, Горацій, Тибуллъ, Овидій? Почему Гёте, Шиллеръ, Байронъ были современниками? Эти вопросы можно рѣшить лишь путемъ предположеній, которыя здѣсь во всякомъ случаѣ были бы неумѣстны.—Но идемъ далѣе. Если великія эпохи художественнаго творчества намъ неясны, какъ *слѣдствія*, то можно ли ихъ признать за важныя историческія *причины* послѣдующаго развитія?—Едва ли. Вычеркните изъ всеобщихъ исторій (во многихъ это и не упоминается до сихъ поръ) страницы о великихъ поэтахъ временъ Октавія-Августа и спросите себя, многія ли изъ послѣдующихъ явленій въ исторіи человѣчества сдѣлаются вамъ отъ этого неясными? Разберите современную жизнь въ ея главныхъ проявленіяхъ и скажите, сколько элементовъ ея восходитъ къ поэтамъ начала нынѣшняго вѣка?—Главное и незамѣнимое вліяніе художниковъ окажется въ томъ, что они воплощаютъ расплывающіяся стремленія и отвлеченныя мысли въ безсмертныя личности, понятныя большинству, и такимъ образомъ ставятъ современные вопросы

на болѣе опредѣленную почву, помогая и потомству легче разгадать ихъ эпоху помощью небольшого поэтическаго произведенія, чѣмъ при посредствѣ многочисленныхъ трактатовъ. Но, дѣлаясь однимъ изъ лучшихъ историческихъ *матеріаловъ* (и въ этомъ отношеніи только *замѣчательные* художники и даютъ *хорошій* матеріалъ), искусство отъ этого не пріобрѣтаетъ болѣе историческаго *вліянія*. Это вліяніе существуетъ, не спорю, потому что воплощеніе нравственнаго идеала, или отвлеченной идеи въ художественный идеалъ усиливаетъ дѣйствіе первыхъ на общество. Но степень вліянія искусства на исторію такъ неопредѣленна, что придать ему преобладающее значеніе въ развитіи цивилизаціи невозможно. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ вопросѣ, но достаточно, если читатель выведетъ изъ предыдущаго заключеніе, что періоды процвѣтанія изящной литературы, то-есть одновременное появленіе нѣсколькихъ замѣчательныхъ художниковъ слова, не могутъ быть раціонально приняты за главныя эпохи исторіи человѣческой цивилизаціи, что прекрасная *форма* можетъ быть лишь названа цвѣтомъ этой цивилизаціи, но историку приходится обратить особенное вниманіе на *содержаніе*.

Новая школа историковъ начала нынѣшняго вѣка прекрасно поняла это и не затруднилась надъ вопросомъ, въ чемъ именно должно искать содержанія литературы. Конечно, въ философіи. Это была эпоха, когда во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ самые многочисленные слушатели толпились около каѳедръ Шеллинга, Гегеля, ихъ учениковъ и противниковъ. Это было время, когда Кузенъ, Жуфруà, Мэнъ-де-Биранъ создавали французскій психологическій эклектизмъ. Не мудрено, что философія вошла самымъ важнымъ элементомъ въ исторію цивилизаціи. Подъ формами культа, подъ формулой догмата, подъ постановленіемъ юриста, въ миѳѣ, въ загадкѣ, въ обычаѣ, въ государственномъ переворотѣ стали искать *идею*.

Но затѣмъ представился вопросъ: откуда явилась та или другая идея въ ея многоразличныхъ формахъ въ данную эпоху? Какъ рождаются, перерождаются и умираютъ идеи? Какое ихъ преемство?—На это должна была отвѣчать и отвѣчала исторія философіи. Германія и Франція дали цѣлую литературу весьма замѣчательныхъ произведеній въ этой области, и она сдѣлалась единственною живою областью философіи съ того времени, когда рухнулъ авторитетъ нѣмецкаго идеализма, а французъ-

скій эклектизмъ поддерживался лишь вліяніемъ административной централизаціи преподаванія въ рукахъ *одного* университета. Но мало-по-малу развивается сознаніе, что въ этой замѣчательной литературѣ есть важный недостатокъ: она односторонняя. Возьмите исторію философіи Гегеля, Кузена или Риттера, замѣчательныя исторіи философіи Целлера или Брандеса, исторію новой философіи Куно-Фишера, исторію неоплатонизма Вашро̀ или Симона, исторію схоластики Горо̀ (Haureau) или Русло̀— вездѣ вы найдете одинъ характеръ: философы разнаго времени являются какими-то уединенными мыслителями, принимающими одинъ отъ другого традицію метафизическихъ системъ, живущими лишь со своею мыслію, незнающими почти ничего о современной имъ жизни, о ея вопросахъ, о ея борьбѣ, о ея предразсудкахъ. Это какой-то выдѣленный изо всего остального міръ. Но если философія имѣла *только* такое развитіе, то она должна имѣть столь же мало мѣста въ исторіи человѣчества, какъ исторія аскетовъ, передающихъ одинъ другому свою келью въ уединенной киновіи, и размышляющихъ о тщетѣ всего мірского. Лишь то вліяетъ на жизнь, что̀ воспринимаетъ жизнь и въ ней участвуетъ. Если въ обычаѣ и въ учрежденіи, въ сказкѣ и въ догматѣ, въ дѣйствіяхъ личностей и въ переворотахъ государствъ проявилась *идея*, то эта идея не была лишь традиціею, передававшеюся отъ одного мыслителя другому, а имѣла свои корни въ общественной жизни; системы же философовъ были лишь наиболѣе яркими воплощеніями ея. Имѣя замѣчательныя исторіи *философскихъ системъ*, мы еще имѣли только часть дѣла, нужнаго для исторіи цивилизаціи. *Преемство идей* осталось неоткрытымъ. Мы имѣемъ ихъ выраженіе, систематическое соглашеніе, но мы не имѣемъ ихъ развитія изъ ихъ истинныхъ началъ, изъ жизни общества. Мы не имѣемъ исторіи *философіи*.

Посмотрѣвъ внимательно на то, что̀ входило въ составъ нынѣшнихъ исторій этого предмета, дѣйствительно можно усомниться въ томъ, можно ли допустить какое-либо значеніе въ исторіи человѣчества этому содержанію. Атомы Демокрита и омеомеріи Анаксагора, полуочеловѣченныя идеи Платона, демоническій міръ неоплатониковъ, споръ реалистовъ и номиналистовъ, предуставленная гармонія Лейбница, *я* и *не я* или безусловное новыхъ идеалистовъ—всѣ эти метафизическія созданія *безспорно* великихъ умовъ представляются такою дикою фантазіею, если ихъ взять самихъ въ себѣ, такими чуждыми

для жизни отвлеченностями, что всякому свѣжему человѣку невольно представляется вопросъ: допустивъ даже, что это весьма интересные продукты мышленія, допустивъ, что они представляютъ *между собою* генетическую связь, что̀ за связь существуетъ между этими абстрактами и человѣческою исторіею? Не могла ли бы послѣдняя развиваться совершенно такъ же, какъ она развилась, если бы даже вовсе не существовало этихъ почтенныхъ мыслителей? Неужели всего существеннѣе въ цивилизаціи именно то, что̀ доступно нѣсколько особенно развитымъ единицамъ, разсѣяннымъ на пространствѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій? Если философія заключается *только* въ этомъ, то за что ей давать въ разумной исторіи человѣчества болѣе мѣста, чѣмъ подвигамъ завоевателей или хитростямъ дипломатовъ?

Конечно, философія заключается не только въ этомъ. Метафизическія созданія суть лишь удобнѣйшія формы, въ которыхъ концентрируются и передаются міросозерцанія, живущія въ обществѣ, переплетенныя со всѣми его отправленіями, составляющія нераздѣльныя съ жизнію общества элементъ этой жизни. Въ философскихъ системахъ эти міросозерцанія получаютъ свое завершеніе: цѣльную, стройную форму, согласованную во всѣхъ своихъ частяхъ и формулированную въ правильное ученіе. Лишь въ этой формѣ они проявляютъ болѣе полное вліяніе на жизнь, но форма *философскихъ системъ* есть лишь *орудіе* этого вліянія, причина же вліянія лежитъ въ *содержаніи міросозерцанія*. Это содержаніе иногда долго бродитъ въ отрывочныхъ чертахъ въ разныхъ проявленіяхъ жизни, по частямъ округляется различными *мыслителями*, пока оно попадетъ въ голову *философа*, способнаго облечь его въ систему. Исторія философіи должна заключать исторію развитія и перерожденія міросозерцаній какъ въ ихъ содержаніи, такъ и въ формѣ, и въ эту исторію философіи (еще принадлежащую будущему) философскія системы съ ихъ преемствомъ войдутъ лишь какъ элементъ. Будемъ благодарны историкамъ философіи послѣдняго времени, что они разработали *этотъ* элементъ для нѣкоторыхъ періодовъ въ высшей степени добросовѣстно и полно, но не забудемъ, что задача будущаго другая, что для исторіи цивилизаціи человѣчества важнѣе содержаніе міросозерцаній, чѣмъ ихъ форма. Она принадлежитъ единицамъ, содержаніе же составляетъ важнѣйшее достояніе общества; въ немъ выражается, насколько

общество въ данную эпоху *понимаетъ* природу и жизнь, а нетолько безсознательно ими пользуется.

Въ чемъ же состоитъ содержаніе общественныхъ міросозерцаній? Это самый важный вопросъ для исторіи цивилизаціи, и онъ долженъ быть рѣшенъ прежде, чѣмъ можетъ быть построена эта исторія надлежащимъ образомъ. Матеріалъ этого содержанія долженъ быть для этого собранъ и возможно тщательно обработанъ въ спеціальномъ историческомъ развитіи прежде, чѣмъ исторія идей можетъ получить свою окончательную форму.

Въ міросозерцаніе человѣка входятъ два элемента: представленія и понятія, полученныя по преданію или вслѣдствіе вліянія окружающей среды и *не провѣренныя* критикою, а также представленія и понятія, провѣренныя критикою, доказанныя, *продуманныя*. Первыя составляютъ область привычекъ, обычаевъ, вѣрованій; вторыя—область знаній и теоретическихъ взглядовъ. Теоретическіе взгляды сводятся на болѣе или менѣе ловкое и стройное соглашеніе прочихъ областей точно такъ же, какъ обычаи разлагаются при внимательномъ изслѣдованіи на привычки и на вѣрованія. Затѣмъ эти три элемента: привычки, вѣрованія и знанія и остаются, какъ основное содержаніе человѣческихъ міросозерцаній, коренящееся въ человѣческихъ *потребностяхъ*, развивающееся въ самыя разнообразныя формы человѣческой культуры и человѣческой мысли: въ дѣятельность государственнаго человѣка, какъ въ мечтанія аскета; въ промышленное предпріятіе, какъ въ лирическую пѣснь; въ жизнь островитянина Отаити, какъ въ систему философа.

Итакъ, въ основу исторіи цивилизаціи должны лечь: исторія привычекъ, исторія вѣрованій, исторія знаній. Для первыхъ двухъ представляется матеріалъ еще въ сложномъ видѣ, какъ исторія культуры, исторія костюма, исторія религій и т. п. Въ этомъ сложномъ видѣ построеніе исторіи почти невозможно и на всѣ попытки на этомъ пути можно смотрѣть лишь какъ на весьма почтенные труды, подготовляющіе будущія работы, но весьма далекіе отъ того, чѣмъ должны быть эти работы въ послѣдующее время. Недостатокъ сохранившагося матеріала, можетъ быть, и никогда не дозволитъ въ этихъ областяхъ сколько нибудь стройной исторіи, развѣ успѣхи психологіи дадутъ возможность приложить здѣсь выводной методъ въ такой мѣрѣ,

которая теперь была бы совершенно ненаучна. Нѣсколько легче обработка исторіи знаній, тѣмъ болѣе, что издавна матеріалъ этой области собирался спеціалистами и представляется частью въ видѣ литературныхъ произведеній, частью, какъ основа ремесленныхъ производствъ, продукты которыхъ или остались подлежащими прямому наблюденію, или засвидѣтельствованы исторически. Тремъ мыслителямъ принадлежитъ заслуга сближенія философскаго построенія съ современнымъ состояніемъ знаній: Аристотелю, Франсису Бэкону и Огюсту Конту. Только первому это удалось вполнѣ, потому что онъ былъ для своего времени одинаково самымъ всестороннимъ ученымъ и самымъ глубокимъ философомъ. Бэконъ стоялъ, въ отношеніи знаній, ниже уровня замѣчательнѣйшихъ своихъ современниковъ и могъ только построить методику теоріи знанія; зато онъ указалъ на важность исторической обработки литературы. Конту недоставало философскаго взгляда, но онъ первый рѣзко и опредѣлительно выставилъ философское значеніе исторіи науки и попытался создать эту исторію на философскихъ началахъ.

Различеніе знанія отъ науки есть вопросъ терминологическаго опредѣленія и въ рѣшеніи его далеко не всѣ согласны, но, кажется, вѣрнѣе всего разсматривать науку, какъ *понятое* знаніе, какъ сумму отвѣтовъ на *опредѣленно* поставленные вопросы. Всѣ наши дѣйствія основаны на нѣкоторыхъ знаніяхъ; едва ли ихъ можно отрицать въ нѣкоторой степени у животныхъ, по крайней мѣрѣ, высшихъ; они необходимы дикому, стоящему на низшей ступени человѣческаго развитія; они входятъ въ кругъ представленій самаго невѣжественнаго ремесленника. Наука начинается съ той минуты, когда мы *понимаемъ* основу нашихъ дѣйствій, когда между элементами техническаго процесса и его результатомъ въ умѣ нашемъ образовалась раціональная связь. Поэтому исторія науки основывается преимущественно на литературныхъ памятникахъ; она также не имѣетъ нужды обращаться къ весьма глубокой древности, такъ-какъ лишь опредѣленная степень цивилизаціи обусловливаетъ возможность *научнаго* пониманія явленій. Ограниченіе программы дѣлаетъ составленіе исторіи науки легче, чѣмъ исторіи знаній и, слѣдовательно, болѣе удобнымъ подготовленіемъ къ послѣдней. Бо̀льшее затрудненіе здѣсь представляется лишь въ томъ отношеніи, что исторія науки требуетъ строгаго отдѣленія послѣд-

ней, какъ отъ области отрывочныхъ знаній, такъ и отъ области философскихъ построеній.

До сихъ поръ исторія науки почти вовсе не имѣла мѣста во всеобщей исторіи, между тѣмъ уже давно чувствовали, что послѣдней недостаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чего-то для раціональной связи предыдущихъ событій съ послѣдующими. Для краткости укажу только на два пункта.

Издавна во всеобщихъ исторіяхъ и въ исторіяхъ среднихъ вѣковъ входилъ отдѣлъ, подъ названіемъ «вліяніе крестовыхъ походовъ». Онъ былъ болѣе или менѣе обширенъ, смотря по остроумію и многословію писателей, но вообще неудовлетворителенъ. Потребность его являлась изъ очевидной разницы въ жизни Западной Европы XIII вѣка отъ жизни той же Европы въ XI-мъ. Умозаключеніе было просто: измѣненіе произошло; современно ему совершался рядъ событій, о которыхъ много писано въ хроникахъ, романахъ и стихотвореніяхъ; должно быть—такъ заключали — измѣненіе было слѣдствіемъ *этого* ряда событій. Остается только узнать, какъ эта связь обусловливалась въ частности. Но тутъ всѣ остроумныя соображенія оказывались недостаточными; они объясняли одну часть происшедшаго измѣненія, но оставляли нетронутыми много другихъ сторонъ его. Знакомство съ мусульманскимъ міромъ, какъ мы его знаемъ *теперь*, не могло имѣть цивилизующаго вліянія. Мусульманскій міръ былъ тогда иной, говорятъ намъ: владычество арабовъ было владычествомъ цивилизованнаго народа. Но крестоносцы, какъ оказывается, встрѣтили уже не арабовъ, а сельджуковъ, слѣдовательно, объясненіе не подходитъ. Правда, говорятъ объяснители, но арабы вліяли чрезъ испанскіе калифаты, и ихъ сочиненія, переводимыя въ многочисленныхъ еврейскихъ школахъ, послужили для пробужденія Европы. Оказывается, что крестовые походы были сами по себѣ, а рядомъ съ ними шло другое, весьма сильное вліяніе, о которомъ мало писали, но которое оказалось очень значительнымъ, а въ отношеніи цивилизаціи преобладающимъ. Но посмотримъ, что же дали Европѣ арабы? Отвѣчаютъ: переводъ древнихъ авторовъ, которыхъ перевели сами съ сирійскаго языка. Конечно, гимназистъ, а пожалуй, и студентъ, прочитавъ, или выслушавъ, подобное общее изреченіе, немедленно представитъ себѣ Энеиду и Иліаду, Метаморфозы Овидія и Идилліи Ѳеокрита, драмы Софокла и комедіи Теренція въ многочисленныхъ переводахъ съ гре-

ческаго и латинскаго на сирійскій, съ сирійскаго на арабскій, и такъ далѣе до латинскаго. При этомъ гимназистъ или студентъ сообразитъ то, что̀ онъ слышалъ о дурной латыни среднихъ вѣковъ (съ которой его, замѣтимъ, никогда не знакомили), и заключитъ, что у средневѣковыхъ читателей былъ весьма чуткій вкусъ къ изящному, когда они были въ состояніи чувствовать красоты подлинныя сквозь рядъ переводовъ, по всей вѣроятности, крайне плохихъ. Такъ-какъ объ этомъ, вообще говоря, исторія не распространяется, то избранный нами гимназистъ или студентъ такъ-таки и останется при этомъ убѣжденіи: для него *вся* древняя литература, стоющая вниманія, заключается въ поэзіи и исторіи. Если у него есть пріятель по медицинскому факультету, тотъ замѣтитъ ему, пожалуй, о Гиппократѣ и Галенѣ, да едва ли; потому что современнымъ медикамъ столько дѣла съ современными Кэлликерами и Фирховами, что для нихъ почти потеря времени знакомиться съ Гиппократами и Галенами. Но если упомянутый гимназистъ услышитъ эти имена, то, бо̀льшею частью, окажется, что они ему чужды, и онъ тутъ только замѣтитъ, что внѣ поэзіи и исторіи въ древней литературѣ было еще кое-что. Допустимъ (совершенно невѣроятное предположеніе), что онъ заинтересовался вопросомъ и захотѣлъ справиться въ иностранныхъ книжкахъ, переводили ли арабы этихъ новыхъ для него знаменитостей. Онъ откроетъ гогда, что арабы *вовсе* не переводили и не сообщали Европѣ *ни одного* древняго поэта, что ихъ знакомство съ древнимъ міромъ ограничивалось все такими же знаменитыми незнакомцами (для него, гимназиста), какими-то Аристотелями, Евклидами, Архимедами, Гиппархами, Птолемеями. Когда же жили эти господа? Конечно, въ вѣкъ Перикла или въ вѣкъ Августа: на сколько помнитъ ученикъ, другихъ славныхъ вѣковъ древней литературы не было. Увы, ни тотъ, ни другой *славный* вѣкъ не дали ни одного изъ этихъ учителей арабовъ и средневѣковой Европы. Они жили позже Перикла: одни въ вѣкъ презрѣнныхъ діадоховъ, другіе во второй періодъ имперіи. Лишь имя Аристотеля, учителя Александра-Великаго (только этимъ, большею частію, извѣстнаго), звучитъ знакомѣе: гимназистъ, пожалуй, слышалъ, что Аристотель *сочинилъ* силлогизмы (за что не разъ подвергался проклятіямъ юнаго поколѣнія). Студентъ даже знаетъ болѣе: что реалисты и номиналисты, въ своихъ спорахъ ссылались на Аристотеля, какъ метафизика. Но тутъ является

противорѣчіе. Какъ же это? Первое, и самое знаменитое столкновеніе номиналистовъ съ реалистами, это столкновеніе Ансельма съ Росцеллиномъ, а оно предшествовало знакомству Европы съ арабскими писателями. И опять, при внимательномъ разсмотрѣніи, оказывается, что арабы ознакомили Европу не съ логическимъ и метафизическимъ ученіемъ Аристотеля (съ нимъ были знакомы плохо, но все-таки были знакомы прежде), а съ его трудами по *наукѣ*. И всѣ авторы, которыхъ узнала Европа при посредствѣ арабовъ, были *ученые*. И замѣчательное измѣненіе въ образѣ мыслей средневѣковаго цивилизованнаго общества въ XIII-мъ вѣкѣ должно быть приписано распространенію древней *науки* путемъ арабовъ, такъ что не худо бы историкамъ замѣнить параграфъ: «вліяніе крестовыхъ походовъ» болѣе широкимъ заголовкомъ. Измѣненіе средневѣковой жизни въ упомянутый періодъ останется совершенно неяснымъ и непонятнымъ ученику, если ему не будетъ указано хотя въ главныхъ чертахъ: 1) что вліяніе арабской цивилизаціи на европейскую заключалось самымъ существеннымъ образомъ во вліяніи *научномъ*, и что *только* въ этомъ отношеніи арабы были посредниками между древнимъ и новымъ міромъ; 2) что калифаты можно считать цивилизованными и дать имъ видное мѣсто въ исторіи человѣчества, не потому въ особенности, что въ нихъ строились великолѣпные дворцы и мечети, а потому что въ нихъ были первостепенныя для своего времени *школы*, и что въ нихъ была развита *наука* въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ; 3) что въ древнемъ мірѣ, кромѣ поэзіи, исторіи и метафизики, мысль работала еще въ другомъ полѣ, и труды ея на этомъ полѣ были *самыми плодотворными* для послѣдующей цивилизаціи, что это поле была *наука*, и что безъ пониманія древней науки мы будемъ имѣть совершенно ложное понятіе о древней Греціи и о древнемъ Римѣ, въ особенности же о ихъ вліяніи на послѣдующее развитіе человѣчества. И такъ разсмотрѣніе *одной* эпохи исторіи привело насъ къ необходимости внести разсмотрѣніе исторіи науки въ три разные періода жизни человѣчества.

Но перейдемъ къ болѣе новому времени. Между средневѣковою жизнію и второю половиною XVII-го вѣка ничего почти не осталось схожаго. Это не только измѣненіе; это основной переворотъ (конечно, я все говорю о цивилизованномъ меньшинствѣ). Историкамъ приходится образовать здѣсь отдѣлъ столь же крупный, какъ тотъ, который заключается между

древнимъ и новымъ міромъ. Но гдѣ поставить предѣлъ? Какое событіе здѣсь особенно замѣтно? Какое, если и маловажное само по себѣ, характеризуетъ всего ярче происшедшій переломъ? Ромулъ-Августулъ самъ по себѣ ничто, но онъ *послѣдній* реальный слѣдъ древняго всемірнаго преобладанія Рима, и потому 476-й годъ остается почти общепризнанною точкою раздѣла: онъ заключаетъ событіе, *символизирующее* собою существеннѣйшее явленіе періода: замѣну древняго міра средневѣковымъ. Но какое событіе играло подобную роль въ слѣдующій переломъ исторіи? Конечно, не паденіе Византіи, оставшейся уже давно въ сторонѣ отъ общечеловѣческой исторіи. Да и не походъ Карла VIII въ Италію—событіе, еще недавно столь любимое поклонниками политическаго равновѣсія: союзы, военныя соперничества и стремленіе къ завоеваніямъ составляютъ весьма сходную черту въ дѣяніяхъ всѣхъ завоевателей и въ исторіи всѣхъ государствъ Востока и Запада; союзы становятся обширнѣе и крѣпче, войны измѣняютъ характеръ вслѣдствіе увеличенія удобствъ въ международныхъ сношеніяхъ, и въ смѣшеніи національностей; слѣдовательно, новый характеръ политическихъ союзовъ съ конца XV-го вѣка надо искать не въ нихъ самихъ, а въ томъ, что̀ увеличило удобство сношеній между европейскими государствами и сблизило членовъ европейскаго общества между собою. Идея политическаго равновѣсія есть одно изъ многочисленныхъ явленій, происшедшихъ вслѣдствіе сближенія европейскихъ націй, но лишь тотъ историкъ можетъ придавать этому явленію преобладающій символизмъ, для котораго политическія сношенія кабинетовъ составляютъ самый важный элементъ исторіи. Эта точка зрѣнія, кажется, принадлежитъ минувшему.

Историки, придающіе большее значеніе цивилизаціи, замѣчаютъ, что переворотъ совершился преимущественно въ области мысли. Авторитетъ папъ и римскаго ученія, составляющій главный предметъ мысли и главный центръ дѣйствія въ средніе вѣка для приверженцевъ, какъ и для ихъ противниковъ, какъ бы внезапно теряетъ этотъ характеръ. Этотъ авторитетъ стараются *обойти*, оставить въ сторонѣ, предоставляя ему, какъ Византіи въ средніе вѣка, жить пока живется, но давая ему все менѣе и менѣе мѣста въ жизненныхъ интересахъ. Какое же явленіе наиболѣе символизируетъ это измѣненіе? «Конечно—говорятъ нѣмцы—реформація. Это былъ взрывъ новой мысли, пробужденіе

новой Европы. Новая Европа создана Лютеромъ и нѣмцами». Что реформація была протестомъ противу папской власти, это безспорно, но на сколько она характеризовала *новую Европу*— вопросъ весьма сомнительный. Разбирать его подробно здѣсь не мѣсто, но укажу на немногія обстоятельства. Реформаціонное движеніе дало обширную литературу, но пусть современный критикъ сравнитъ ее съ одной стороны съ современною *руководящею* литературою, съ другой—съ произведеніями Ѳомы Аквината, Жерсона и другихъ средневѣковыхъ учителей послѣдняго періода, и пусть добросовѣстно сознается, не есть ли это скорѣе возрожденная схоластика, чѣмъ предшественница мысли нашего времени? Остался ли хотя *одинъ* живой вопросъ изъ этой полемики, или вся она перешла на столько же въ невозвратно минувшее, на сколько въ него ушли вопросы, раздѣлявшіе Абелара и Бернара Клервойскаго и, еще далѣе, Августина и Пелагія? Скажутъ, что этотъ *второй* переворотъ мысли совершился въ позднѣйшій періодъ. Въ такомъ случаѣ и реформація была только предшественницею новаго времени, а не символизируетъ его. Да и посмотрите, какъ недолго жила она настоящей жизнію: не прошло ста лѣтъ послѣ смерти Лютера, какъ католическій кардиналъ заключалъ союзъ съ протестантскимъ королемъ противъ католическаго императора въ войнѣ, имѣвшей мотивомъ религію. Прочтите литературу, такъ-называемыхъ, *симплициссимусовъ*, то-есть литературу пройдохъ времени тридцатилѣтней войны, перебѣгавшихъ изъ лагеря въ лагерь, и спросите себя: много ли роли религіозное движеніе играло въ этой литературѣ, весьма распространенной? Вы иногда остаетесь въ недоумѣніи, и авторъ и герой принадлежатъ къ какому исповѣданію, но во всякомъ случаѣ находите въ нихъ совершеннѣйшій индиферентизмъ относительно папскихъ буллъ или мнѣнія Лютера. Реформація была послѣднею попыткою возрожденія средневѣковаго міра, послѣднимъ яркимъ явленіемъ кончающейся исторіи, какъ нѣкоторые римскіе императоры II и III вѣка или какъ римскіе юристы и неоплатоники были представителями послѣдней борьбы древняго міра съ средневѣковымъ; и они вносили безсознательно въ свою дѣятельность новые элементы, неумолимо-разрушавшіе старое, но боролись за *старое*. И реформація проникалась все болѣе и болѣе новою жизнію, и она способствовала паденію предшествовавшаго ей строя, но она имѣла въ виду *поддержать* и *возродить* этотъ

строй въ его существенныхъ основаніяхъ. Она боролась за *старое*.

Историки романскихъ народовъ придаютъ особенное значеніе эпохѣ, такъ-называемаго, *возрожденія*, то-есть ближайшаго знакомства съ греческими оригиналами въ XV и XVI вѣкахъ, и поклоненія, почти религіознаго, древнему міру. Безспорно, и это было очень видное явленіе протеста противу авторитета среднихъ вѣковъ, для которыхъ древній міръ, какъ міръ языческій, былъ предметомъ осужденія. Особенно ярко же высказался этотъ протестъ потому, что онъ высказался прежде и громче всего въ Италіи, около папскаго престола, и даже нашелъ сочувствіе въ личностяхъ нѣкоторыхъ папъ. Но и поклоненіе древности не было особенно характеристическимъ отличіемъ новѣйшаго міра отъ средневѣковаго. Всякому извѣстно, каково было значеніе въ схоластикѣ не говорю уже Аристотеля или Платона, а какихъ-нибудь древнихъ остатковъ древней мысли: сокращеній, извлеченій и т. д. Что̀ было на лицо въ монастыряхъ XI или XII вѣка, то читалось со страстью, изучалось до галлюцинаціи, переписывалось на сколько было возможно. Да было-то въ этихъ монастыряхъ черезчуръ мало древнихъ порядочныхъ авторовъ. И на сколько уваженіе къ древнему міру осталось непобѣдимо въ средніе вѣка подъ грудою проклятій, которыми осыпали этотъ побѣжденный міръ, видно изъ того обстоятельства, что легенда о *четвертомъ* учителѣ западной церкви, Григоріи Великомъ, говорила, что онъ вымолилъ изъ чистилища душу Траяна, тогда какъ въ бретонской легендѣ св. Кадокъ молится о душѣ Виргилія. Жажда изучать древній міръ даже была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе его знали. Тамъ предполагали мудрость неисчерпаемую, знаніе всеобъемлющее. Эпоха возрожденія была лишь *продолженіемъ стараго*. Внезапно могло быть удовлетворено страстное желаніе прочесть греческихъ учителей и тѣмъ легче, что незадолго передъ тѣмъ изобрѣтенное книгопечатаніе позволяло размножать и распространять эти предполагаемыя сокровища мысли съ чрезвычайнымъ удобствомъ. Вся цивилизованная Европа бросилась на этотъ источникъ—и разочаровалась. Даже для главнаго учителя среднихъ вѣковъ, для Аристотеля наступила пора забвенія: послѣ Казабона (1590) и Дюваля (1619), впродолженіе 172 лѣтъ, до Булэ (1791) его сочиненія не имѣли *ни одного* изданія.

И въ самомъ дѣлѣ, новая Европа почувствовала, что ея жизненные вопросы совершенно отличны отъ вопросовъ древняго міра. Его остатки вошли въ новую жизнь или такъ, какъ обломки древнихъ храмовъ и дворцовъ входили въ средніе вѣка въ постройку римскихъ католическихъ церквей, или какъ пища входитъ въ составъ живого организма. *Цѣльнаго* изъ него ничего не осталось. Юристы все изучаютъ римское право (въ его самой жизненной формѣ, въ формѣ юстиніановскихъ сводовъ), но государственный строй передовыхъ народовъ Европы гораздо болѣе восходитъ къ варварскимъ виттенагемотамъ и судамъ перовъ, чѣмъ къ постановленіямъ преторовъ, а еще болѣе опирается на теоріи естественнаго права и на факты политической экономіи, совершенно неизвѣстные древнимъ. Профессора философіи все возводятъ свое ученіе къ знаменитымъ именамъ Платона и Аристотеля, какъ профессора литературы все превозносятъ неподражаемыя красоты гомерическихъ поэмъ, аѳинскихъ драмъ, римской лирики; но лишь съ нѣкоторымъ напряженіемъ можно въ ученіяхъ XIX вѣка найти связь съ древнею академіею и древнимъ лицеемъ: Гегель и Контъ, Кантъ и Локкъ, самое дальнее—Декартъ и Бэконъ—вотъ *безспорная* генеалогія для большинства мыслителей; далѣе уже идутъ очень тонкія соображенія полумиѳическаго свойства. Что касается до преемства нашей изящной литературы отъ Одиссеи, Эдипа, Лягушекъ или оды Меценату... то, признаюсь, самая мысль о подобномъ преемствѣ мнѣ непонятна въ области *оригинальнаго* искусства, развѣ такъ, какъ нашъ органическій міръ состоитъ изъ частицъ, входившихъ во флору и фауну временъ Аристофана. Замѣчу еще, что наши медики (впрочемъ, не во всей Европѣ) сохранили обычай писать рецепты на языкѣ учениковъ Галена, но каждый медикъ совершенно явно разсмѣялся бы надъ невѣждою, который бы серьезно спросилъ: на сколько современная медицина сохранила традицію древнихъ медиковъ; то, что̀ и сохранилось въ ней отъ ихъ времени, прошло чрезъ критерій *новой* критики, и вошло въ новую науку на основаніи *новыхъ* наблюденій, какъ бы оно никогда и не заключалось въ древнихъ сочиненіяхъ.

Возрожденіе и реформація *не составляютъ* первой эпохи новаго времени; и то и другое принадлежитъ *старому*. Средневѣковыя формы были невыносимы для мыслящихъ людей; имъ представился случай возстановить довольно полно традицію

древняго міра; они съ жаромъ бросились на этотъ путь: онъ скоро оказался совершенно непроходимымъ. Попробовали вернуться къ традиціи первыхъ вѣковъ нашей эры, до Августина и Аѳанасія, какъ это требовали многочисленные сектаторы среднихъ вѣковъ: оказалось, что ни человѣкъ, ни народъ, ни человѣчество не можетъ еще разъ пережить свое прошлое. Новое время не отвернулось отъ этого прошлаго, которое хотѣли возстановить періоды возрожденія и реформаціи; оно, даже, все съ бо̀льшимъ уваженіемъ относится къ своему прошлому, но оно не *поклоняется* прошлому, не пытается уже *вернуться* къ нему и *научиться* отъ него; оно его *изучаетъ* для *своихъ* цѣлей, со *своей* точки зрѣнія.

Есть еще группа событій, на которую указываютъ историки, какъ на грань между средневѣковымъ и новымъ міромъ—это открытіе Колумба, Васко де-Гама и ихъ сподвижниковъ. Тутъ, безспорно, мы имѣемъ нѣчто новое; но спросимъ себя, въ чемъ оказался особенный слѣдъ этихъ событій? Въ государственномъ мірѣ все продолжало итти по-старому. Колоніальные вопросы и расширеніе круга государственной дѣятельности увеличили преобладаніе большихъ державъ надъ малыми. Голландія и Англія замѣнили въ торговомъ отношеніи Венецію, Геную и Ганзу. Колоніальныя компаніи замѣнили евреевъ и фуггеровъ. Но начала политики и международныхъ отношеній въ XVII и XVIII вѣкахъ весьма мало разнятся отъ средневѣковыхъ: тотъ же грабежъ слабаго сильнымъ, то же возвеличеніе подвиговъ завоеванія, та же хищность въ политическихъ привычкахъ; даже почти тѣ же пріемы дипломатіи: чѣмъ размѣнъ городовъ и провинцій на вестфальскомъ мирѣ или переходъ итальянскихъ владѣній въ XVIII вѣкѣ отъ членовъ австрійскаго дома къ бурбонскому и обратно, чѣмъ все это разнится отъ семейнаго дѣлежа городовъ между сыновьями Клотара I въ VI вѣкѣ? Формы нѣсколько поутонченнѣе, а сущность все та же.

Не считаю нужнымъ даже развивать мысль, что *прямого* вліянія на изящную литературу, на богословскія ученія, на философскія теоріи или на историческіе взгляды не имѣли вовсе великія открытія XV вѣка.

Но они подѣйствовали косвенно и на государственный строй, и на всѣ тѣ элементы цивилизаціи, которые я только-что упомянулъ, и на которые почти исключительно обращено вниманіе историковъ цивилизаціи. Прослѣдить это дѣйствіе можно

только взявъ въ соображеніе элементъ, до сихъ поръ оставленный почти въ сторонѣ историками.

Открытіе дальнихъ странъ подѣйствовало сильнѣе другихъ событій, но и многія другія, менѣе замѣтныя явленія дѣйствовали ранѣе его или вмѣстѣ съ нимъ. Возбудились новыя *потребности*, и оказалось, что ихъ *нельзя* удовлетворить ни путемъ пріобрѣтенныхъ *привычекъ*, ни путемъ унаслѣдованныхъ *вѣрованій*. Оставался только путь *знаній*. И долго цивилизованная Европа билась, отыскивая этотъ путь: она искала *знанія* въ мистическихъ заклинаніяхъ магіи, въ лабораторіяхъ алхимиковъ, въ разсчетахъ астрологовъ, въ Аристотелѣ и его комментаторахъ, на соборахъ, требовавшихъ преобразованія католичества, въ нищенствующихъ орденахъ, въ проповѣди катаровъ, вальдезцевъ, Виклефа, Гусса, Лютера, въ кабалѣ евреевъ и въ Тимеѣ Платона. Но все это не дало ей знанія; все это оказывалось пережеваннымъ старьемъ; все это не *жило*, не удовлетворяло потребности новаго. Лучшіе умы возвращались снова и снова къ задачѣ о знаніи, толкаясь во всѣ двери, проводя годы въ заключеніи, умирая на кострахъ или окруженные галлюцинаціями. Привычки и преданія все заставляли рыться въ тѣхъ же книгахъ, возвращали къ тѣмъ же пріемамъ. Но вотъ возникъ изъ океана новый міръ, котораго не знало ни одно преданіе, о которомъ не говорилъ ни одинъ авторитетъ древности ни по-еврейски, ни по-гречески, ни по-латыни. Тщетно старались отыскать этотъ міръ въ преданіи: въ половинѣ XVI вѣка, европейская мысль привыкла къ представленію, что она можетъ знать нѣчто *новое*, что она должна употреблять для этого *свои* средства, и что во многихъ случаяхъ всѣ авторитеты древности и среднихъ вѣковъ ей не помогутъ. Одиноко выступилъ скромный каноникъ съ доказательствомъ, что Птолемей (великій Птолемей!) ошибался, что земля движется. Болѣе смѣло сказалъ медикъ Карла V и Филиппа II, что Галенъ (непогрѣшимый Галенъ!) зналъ строеніе человѣка хуже, чѣмъ мы можемъ узнать это посредствомъ прямого наблюденія. И вотъ, въ началѣ XVII вѣка путь знанія *найденъ*. Италія, Германія, Англія, Франція одновременно выдвигаютъ могучія личности, которыя не оспариваютъ существующаго авторитета, существующаго порядка жизни, не хитрятъ, какъ итальянскіе отрицатели XVI вѣка, не полемизируютъ, какъ сектаторы, но отмежевываютъ человѣческой мысли огромную область, гдѣ авторитеты игнорируются, область,

которая обходится *безъ авторитетовъ*. И рядомъ съ Галилеемъ, Бэкономъ, Кеплеромъ, Декартомъ (я упоминаю самыя крупныя имена) выступаютъ изъ самыхъ различныхъ политическихъ партій Гроцій, Мильтонъ, Гоббзъ, сходящіеся на одномъ пунктѣ: на томъ, что они возводятъ теорію права или теорію государства не къ авторитету, а къ *изученію* человѣческой природы, требуя не ссылокъ, а *критики* и *собственнаго* изслѣдованія. Это люди *новаго* міра, предшественники современности, къ которымъ не трудно возвести генеалогію самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни, насъ окружающей.

Въ самомъ дѣлѣ, вдумываясь внимательно, едва ли найдемъ какую-нибудь особенность современной Европы, которая бы не коренилась въ научныхъ пріобрѣтеніяхъ, и особенно въ строѣ мысли, унаслѣдованномъ отъ начала XVII вѣка. Огромное экономическое развитіе, создавшее современную промышленность и торговлю, банки и акціонерныя общества, выдвинувшее буржуазію въ первые ряды государственныхъ силъ Европы и заставившее министровъ прислушиваться къ измѣненіямъ биржевыхъ цѣнъ, опирается на успѣхи механики, физики, химіи, политической экономіи, на критику, приложенную ко всѣмъ явленіямъ природы и общества. Философскія ученія первой половины XIX вѣка, хотя они и увѣряли, что представляютъ развитіе чистой мысли, мистическаго безусловнаго, но были обусловлены во всѣхъ своихъ частяхъ успѣхами естествознанія, языкознанія и общественныхъ наукъ. Для рѣшенія вопроса о неграхъ въ Америкѣ, какъ для обсужденія проекта желѣзной дороги, мы должны начать съ наблюденій, какъ дѣлалъ Галилей, съ безусловнаго сомнѣнія, какъ требовалъ Декартъ, съ борьбы противъ *идоловъ* нашей мысли, какъ выражался Бэконъ. Въ какой бы то ни было области *настоящей* жизни, ссылка на авторитетъ теперь не можетъ считаться доказательствомъ, и эта привычка восходитъ къ великимъ двигателямъ науки начала XVII вѣка. Съ него началась *новая* Европа и вся ея исторія, весь ея современный бытъ останется непонятнымъ безъ объясненія того значенія, которое имѣло въ эту эпоху *научное* движеніе.

Можетъ быть, я нѣсколько долго остановился на этихъ примѣрахъ, но мнѣ хотѣлось выставить помощью ихъ яснѣе на видъ необходимость исторіи науки не столько для спеціалистовъ (эти спеціалисты, можетъ быть, всего менѣе нуждаются въ исторіи своей науки), какъ для историковъ *вообще*, и для людей,

желающихъ *понимать* исторію. Не только исторія умственнаго движенія немыслима безъ развитія исторіи науки, не только всякая исторія цивилизаціи должна заключать въ себѣ исторію науки, но и разумная исторія политическихъ и экономическихъ явленій въ жизни человѣчества неизбѣжно обязана обратиться къ этому источнику, если хочетъ остаться разумною.

Посмотримъ же, что̀ сдѣлано въ XIX вѣкѣ для исторіи науки вообще.

Огюстъ Контъ не только пытался внести историческій элементъ научнаго развитія въ свою позитивную философію, отожествляя историческое развитіе наукъ съ раціональнымъ развитіемъ научныхъ идей. Онъ посвятилъ этому развитію послѣдніе два тома своего курса (1841, 1842), но уже въ общемъ планѣ сочиненія, изложенномъ во второй лекціи перваго тома (1830) писалъ: «мы конечно совершенно увѣрены, что знаніе исторіи наукъ въ высшей степени важно... Поэтому мы разсмотримъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ дѣйствительную исторію основныхъ наукъ, которыя составятъ предметъ нашего обсужденія; но мы это сдѣлаемъ лишь въ послѣдней части этого курса... разбирая общее развитіе человѣчества, развитіе, въ которомъ исторія наукъ составляетъ самую важную часть, хотя всего болѣе пренебреженную» (изд. 1864, I, 65). Въ 1832 году онъ предложилъ Гизо, тогда министру общественнаго обученія основать во французской коллегіи каѳедру общей исторіи наукъ физическихъ и математическихъ, высказывая въ своей запискѣ отъ 29-го октября, что при современномъ состояніи мысли, «наука человѣческая въ ея положительныхъ элементахъ можетъ быть разсматриваема, какъ единая, и слѣдовательно исторія ея можетъ быть понята». Далѣе Контъ говорилъ: «точное наблюденіе пути, часто не раціональнаго повидимому, которымъ шелъ послѣдовательно рядъ геніальныхъ людей съ цѣлью пріобрѣсти небольшое число точныхъ и вѣчныхъ знаній, составляющихъ область нашей современной науки, должно имѣть большую привлекательность для всѣхъ возвышенныхъ умовъ... Наконецъ, изученіе философской исторіи наукъ представляется необходимымъ элементомъ въ совокупности историческихъ изслѣдованій, представляющихъ теперь въ этомъ отношеніи основный пробѣлъ... Чтобы надлежащимъ образомъ соотвѣтствовать своему назначенію и принести пользу, которую онъ способенъ принести, подобный курсъ долженъ по необходимости обнимать совокупность всѣхъ основ-

ныхъ наукъ, такъ-какъ въ сущности математика, астрономія физика, химія и науки физіологическія развились всѣ вмѣстѣ и подъ взаимнымъ вліяніемъ; поэтому невозможно излагать настоящую исторію, то-есть доказать настоящую фильяцію ихъ успѣховъ, наблюдая исключительно нѣкоторую часть ихъ. Безъ этого пониманія совокупности, курсъ научной исторіи стремится неизбѣжно къ вырожденію въ простую библіографію или въ родъ біографическихъ замѣтокъ». При этомъ Контъ указываетъ на недостатки курса Кювье объ исторіи физическихъ наукъ, недостатки, обусловленные тѣмъ, что знаменитый натуралистъ не включилъ въ свой курсъ исторію математики и астрономіи. Вліятельный министръ-доктринеръ оставилъ безъ вниманія записку и письмо Конта, и отмѣчая въ своихъ мемуарахъ впослѣдствіи свое свиданіе съ проповѣдникомъ позитивизма, выразился съ пренебреженіемъ: «Если бы я и нашелъ нужнымъ основать ее (каѳедру исторіи наукъ), я конечно, ни на минуту не подумалъ бы ее предоставить ему» («Memoires» III, 125).

Программы Конта еще не выполнилъ собственно никто, но по частямъ исторію наукъ разрабатывали многіе, большею частью ограничиваясь довольно краткимъ очеркомъ. Такова диссертація Плэйфэйра (умершаго 1819 года) объ успѣхахъ физическихъ и математическихъ наукъ, начиная съ эпохи возрожденія, помѣщенной въ британской энциклопедіи. Таково предисловіе д'Орбиньи къ словарю естественныхъ наукъ (1842), исключающее математику. Таковъ и прекрасный очеркъ Александра Гумбольдта во II томѣ Космоса (1847), обнимающій 265 страницъ. Нѣсколько обширнѣе трудъ Поуэля (1834) объ исторіи физическихъ и математическихъ наукъ, составляющій одинъ томъ Ларднеровской энциклопедіи; но Поуэль исключилъ всѣ науки организмовъ и, кромѣ того, собственно заключилъ свое изложеніе Ньютономъ; все послѣдующее вмѣщено у него въ 28 страницъ. Несравненно замѣчательнѣе книга Апельта: «Эпохи исторіи человѣчества» (1845, 46), первый томъ которой былъ прочтенъ Александромъ Гумбольдтомъ, какъ онъ писалъ автору, въ «первые же 40 часовъ по его полученіи, не пропуская ни строчки»; но это уже не исторія науки, а попытка построить исторію цивилизаціи на исторіи науки, попытка, повторенная въ наше время довольно несовершенно, неполно и не критически Дрэперомъ, въ его исторіи интеллектуальнаго развитія Европы. Курсъ Кювье, о которомъ говорилъ Контъ въ своей запискѣ,

представляетъ самую обширную обработку предмета, но не заключаетъ математическихъ наукъ, и, кромѣ того, знаменитый авторъ не успѣлъ его просмотрѣть, провѣрить критически подробности, а изданіе Мадленъ де-Сентъ-Ажи далеко не замѣнило этого невознаградимаго недостатка. Жалкая компиляція Фигье о жизни знаменитыхъ ученыхъ, которой вышло уже два тома, едва заслуживаетъ указанія. Въ послѣдніе годы въ Мюнхенѣ возымѣли странную идею издать рядъ спеціальныхъ исторій всѣхъ наукъ въ Германіи за послѣдніе три вѣка, какъ будто современная наука у одного народа можетъ быть выдѣлена изъ явленій той же области у всѣхъ прочихъ. Все это лишь матеріалъ для будущей исторіи науки. Не считаю нужнымъ упоминать труды, находящіеся еще въ самомъ началѣ, или спеціальныя исторіи различныхъ наукъ, гдѣ, конечно, встрѣтимъ самые важные и замѣчательные труды.

Вотъ приблизительно вся литература по исторіи наукъ вообще въ наше время и мнѣ остается лишь указать на трудъ Уэвеля и на его отношеніе къ этой литературѣ, въ которой онъ представляетъ, конечно, самое замѣчательное явленіе.

Недавно умершій Уильямъ Уэвель прожилъ за 70 лѣтъ профессоромъ въ Кембриджѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ, когда онъ отказался отъ своего мѣста, чтобы заняться химіею. Это былъ человѣкъ, обладавшій самыми разносторонними свѣдѣніями, и въ то же время чисто англійскаго строя ума. Онъ былъ строгій ученый; его учебники по математикѣ и механикѣ произвели переворотъ въ англійскомъ преподаваніи этихъ предметовъ; и въ то же время онъ былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ проповѣдниковъ соглашенія науки и религіи. Его сочиненіе объ отношеніяхъ астрономіи и физики къ естественной теологіи (1837) въ этомъ отношеніи пользуется большою извѣстностью. Противникомъ школы Локка и Юма, защитникомъ англиканскаго преданія, является онъ и въ своихъ нравственно-философскихъ произведеніяхъ, связанныхъ съ его преподаваніемъ нравственной философіи, которой каѳедру онъ занималъ около 18 лѣтъ. Его философскій взглядъ есть примиреніе Бэкона, Канта и англиканскаго преданія. Дуализмъ идей и фактовъ, какъ совершенно различныхъ началъ, принадлежащихъ двумъ разнымъ мірамъ, но равно важныхъ, составлялъ основу его теоріи знанія. Переводчики доказали свое совершенное безпристрастіе и свой чисто-научный взглядъ на предметъ, выбравъ

для перевода сочиненіе автора, философскія теоріи котораго, насколько намъ извѣстно, расходятся діаметрально съ ихъ воззрѣніями.

Главная заслуга Уэвеля, конечно, заключается въ двухъ его главныхъ сочиненіяхъ: «Исторіи индуктивныхъ наукъ», появившагося въ 1837 году, и «Философіи индуктивныхъ наукъ, основанной на ихъ исторіи», появившагося въ 1840 г. Послѣднее сочиненіе въ 3-мъ изданіи распадается на двѣ половины: «Исторія научныхъ идей» и «Обновленный новый органонъ». Оба сочиненія Уэвеля находятся въ самой тѣсной связи одно съ другимъ, такъ какъ онъ самъ говоритъ о первомъ изъ нихъ въ предисловіи къ третьему изданію, что оно представляетъ не разсказъ фактовъ исторіи науки, но основаніе для философіи науки; онъ подтверждаетъ въ введеніи къ первому тому, что оба сочиненія получены изъ изученія тѣхъ же писателей и могутъ служить другъ другу дополненіемъ. Второе сочиненіе заключаетъ исторію наукъ, насколько эта исторія зависитъ отъ идей, первое — исторію наукъ, насколько она зависитъ отъ наблюденій. Во второе сочиненіе, какъ элементъ его, Уэвель помѣстилъ и очерки исторіи математическихъ наукъ. Конечно, для всякаго, неотносящаго, подобно Уэвелю, идеи и факты къ двумъ различнымъ мірамъ, исторія науки цѣльна лишь тогда, когда указываетъ, какъ идеи рождались изъ предшествовавшихъ фактовъ, и какъ факты открывались вслѣдствіе наблюденія, руководимаго развившеюся заранѣе идеею. Поэтому, полагаю, переводчики едва ли не будутъ поставлены въ необходимость, для пользы своего труда, перевести и «Исторію научныхъ идей» Уэвеля. «Обновленный новый органонъ» менѣе важенъ въ этомъ отношеніи. Уэвель назвалъ свою книгу исторіею *индуктивныхъ* наукъ, но читатели, знакомые со взглядомъ Милля на индуктивный методъ, замѣтятъ, что у Уэвеля понятіе объ индукціи, ея опредѣленіе, ея предѣлы совсѣмъ иные, чѣмъ у Милля: это люди, принадлежащіе разнымъ лагерямъ не только въ этомъ отношеніи, но почти во всѣхъ. Вслѣдствіе *своего* понятія объ индуктивной методѣ, Уэвель весьма послѣдовательно исключилъ изъ своей исторіи математическія науки, но не былъ послѣдователенъ въ томъ отношеніи, что не ввелъ психологію, политическую экономію и т. д. Онъ сознается въ этомъ въ введеніи къ первому тому, и признаетъ, что вѣрнѣе было бы назвать его сочиненіе: Исторіею главныхъ наукъ, до сихъ поръ основанныхъ на наведеніи.

Его взглядъ на исторію наукъ, какъ на введеніе къ философіи наукъ, объясняетъ и огромную неравномѣрность отдѣловъ, посвященныхъ авторомъ различнымъ наукамъ: науки неорганическаго міра занимаютъ у него почти въ шесть разъ бо̀льшее мѣсто, чѣмъ науки міра органическаго, и одна группа астрономіи съ физикою болѣе чѣмъ вдвое обширнѣе всего остального. Это само собою истекало изъ основной мысли автора, который на физическихъ наукахъ имѣлъ болѣе возможности объяснить приложенія метода индуктивныхъ наукъ въ его послѣдовательныхъ ступеняхъ въ исторіи, чѣмъ онъ могъ это сдѣлать въ наукахъ организмовъ. Конечно, слѣдуетъ имѣть въ виду и то, что Уэвель наиболѣе знакомъ съ науками неорганическаго міра.

Пріемъ автора таковъ: онъ пишетъ исторію каждой главной науки отдѣльно, группируя эту исторію около нѣсколькихъ эпохъ, когда совершились важнѣйшія открытія. Менѣе важные періоды онъ собираетъ около этихъ эпохъ въ видѣ *прелюдій* и *слѣдствій* къ разсматриваемымъ эпохамъ. Это пріемъ очень ловкій. Едва ли не менѣе удобно для читателя, что авторъ разбиваетъ часто исторію науки на исторію ея вопросовъ, такъ что ему иногда приходится возвращаться назадъ и труды одного ученаго разбиваются на многія главы.

Уэвель, конечно, не зналъ плана Огюста Конта, да если бы и зналъ, то цѣль его была совсѣмъ иная. Не развитіе научной мысли въ исторіи человѣчества, не развитіе науки какъ *единой* имѣлъ онъ въ виду, но историческій матеріалъ для индуктивной философіи наукъ. Это и долженъ помнить читатель при оцѣнкѣ его сочиненія. Не включая въ свою исторію развитіе математики, Уэвель не могъ уяснить ни появленіе Архимеда, ни появленіе Гиппарха, а слѣдовательно древняя наука остается у него крайне отрывочною. Чрезвычайная строгость Уэвеля къ Аристотелю есть преданіе школы Бэкона, и далеко несправедлива. Очеркъ науки въ средніе вѣка вовсе не уясняетъ причинъ и связи явленій, даже главныхъ періодовъ въ исторіи мысли этого времени: это понятно, потому что Уэвель не имѣлъ въ виду возстановить эту исторію, а хотѣлъ только указать недостатокъ въ разсматриваемый періодъ тѣхъ пріемовъ, которые создали новую науку и которые должны были войти въ его философію наукъ. Точно также открытія конца XVII вѣка остаются несовсѣмъ ясными, такъ какъ успѣхи математики въ XVI и XVII столѣтіяхъ не указаны. Вообще же раздробленіе *одной* исторіи на множество исто-

рій различныхъ наукъ дѣлаетъ почти невозможнымъ для читателя составленіе общей картины научнаго развитія человѣчества. Но это не укоръ Уэвелю, такъ-какъ онъ составилъ себѣ планъ и остался послѣдователенъ въ его выполненіи. Читатель можетъ пожалѣть, что авторъ не поступилъ иначе, но не имѣетъ права порицать автора, если послѣдній хорошо исполнилъ свое дѣло.

А Уэвель исполнилъ свое дѣло крайне добросовѣстно и хорошо. Если и есть недостатки въ изложеніи періодовъ, наименѣе важныхъ для его цѣли, именно въ изложеніи перваго періода греческой мысли и въ изложеніи развитія среднихъ вѣковъ, то во всемъ остальномъ онъ далъ трудъ, который чрезвычайно полезенъ и основателенъ. На его хронологическія и библіографическія данныя можно, вообще говоря, положиться. Его оцѣнка ученыхъ и значеніе ихъ работъ для ихъ науки вообще вѣрна, и его книга представляетъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ матеріаловъ для исторіи науки.

Конечно, это матеріалъ, не болѣе, и имъ въ особенности можетъ пользоваться ученый спеціалистъ или человѣкъ, изучающій научную методику. Собственно историку или человѣку, желающему понять развитіе научной мысли въ человѣчествѣ, нужно совсѣмъ иную группировку фактовъ, совсѣмъ иное построеніе предмета, и дополненіе его тѣми областями, которыя оставлены Уэвелемъ въ сторонѣ. Повторяемъ: программа Огюста Конта еще не выполнена никѣмъ и настоящая исторія *единой* науки еще не написана. А безъ этого и всеобщая исторія еще заключаетъ весьма важные пробѣлы, весьма многіе непонятные періоды.

Мы должны быть крайне благодарны переводчикамъ, что они взялись ознакомить нашу публику съ столь замѣчательнымъ трудомъ, на важность перевода котораго было уже указано въ примѣчаніи къ переводу «Логики» Милля (I, 66). Весьма хорошо и то, что они дополняютъ свое изданіе примѣчаніями Литтрова. Но всего болѣе мы должны будемъ ихъ поблагодарить, когда они выдадутъ обѣщанный ими четвертый, дополнительный томъ, уже не переводный, а оригинальный, и заключающій развитіе наукъ за послѣднія 10 лѣтъ. Конечно, если этотъ томъ, по точности данныхъ и по вѣрности оцѣнки научныхъ явленій, станетъ въ уровень съ книгой Уэвеля, то онъ найдетъ себѣ переводчиковъ и въ Англіи и въ Германіи.

1868.

«Отеч. Записки», № 3.

ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ ИДЕИ ПРОГРЕССА [1]).

Во всѣ времена и всюду обычный ходъ человѣческой жизни, несмотря на ея краткость, давалъ людямъ возможность почувствовать нѣкоторыя замѣтныя измѣненія въ общественномъ состояніи. Преданіе о рядѣ состояній предшествовавшихъ, пережитыхъ предками, соединяясь съ личнымъ наблюденіемъ въ одно представленіе, давало идею измѣняемости и движенія, какъ свойствъ, присущихъ общественной жизни.

Сравнивая между собою различные моменты разсматриваемаго ряда измѣненій, люди въ весьма раннюю эпоху замѣтили, что измѣненія эти не повторяются, что одни и тѣ же явленія не возвращаются въ извѣстномъ послѣдовательномъ порядкѣ, какъ это, напримѣръ, замѣчается въ измѣненіяхъ, сопровождающихъ смѣну временъ года, а идутъ постоянно къ чему-то новому, различіе котораго отъ стараго пропорціонально взаимному удаленію двухъ сравниваемыхъ моментовъ.

Въ связи съ такимъ наблюденіемъ естественно возникло субъективное отношеніе къ самому процессу измѣненій. Смотря по міросозерцанію наблюдателя, процессъ этотъ получалъ

---

[1]) *Laurent*. Etudes sur l'histoire de l'humanité.—*A. Javary*. De l'idée de progrès —*A. Comte*. Cours de philosophie positive.—*E. Littré*. A. Comte et la philosophie positive.—*Г. Г. Льюисъ* и *Д. С. Милль*. Огюстъ Контъ и положительная философія.—*C. Radenhausen*. Isis, der Mensch und die Welt.—*Д. В. Дрэперъ*. Исторія умственнаго развитія Европы.—*Гербертъ Спенсеръ*. Научные, политическіе и философскіе опыты.—*Его же*. Основныя начала.—*F. Ueberweg*. Grundriss der Geschichte der Philosophie.—*Г. Т. Бокль*. Исторія цивилизаціи въ Англіи.—*М. Стасюлевичъ*. Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи.—*H. Hettner*. Literaturgeschichte des XVIII Jharhunderts.—*A. Mastier*. Turgot, sa vie et sa théorie—и нѣкоторыя другія сочиненія, ссылки на которыя находятся въ статьѣ.

названіе совершенствованія или паденія, прогресса или регресса.

Теорія круговращенія только повидимому противорѣчитъ этому наблюденію. Допуская измѣняемость въ опредѣленные періоды времени, она утверждаетъ, что періоды эти, смѣняясь одинъ другимъ, только повторяются и не представляютъ ни прогрессивнаго, ни регрессивнаго явленія. Если бы возможно было доказать, что періоды или круговращенія эти дѣйствительно равнозначущи, то отрицаніе измѣняемости въ смыслѣ прогресса или регресса могло бы считаться серьезнымъ. Но такое доказательство можетъ основываться только на произвольно избранныхъ для сравненія элементахъ общественной жизни и на столь же произвольномъ устраненіи отъ сравненія другихъ не менѣе важныхъ элементовъ; а потому оно и не имѣетъ серьезнаго значенія, и самая теорія, какъ искусственная и шаткая, критики не выдерживаетъ.

Относительное значеніе того или другого изъ двухъ, упомянутыхъ выше воззрѣній на общественное движеніе, различно въ различныя эпохи.

Въ настоящее время идея регресса составляетъ принадлежность исключительнаго меньшинства. Чтобы отыскать ее, надо спуститься очень низко, до самыхъ одонковъ общества въ умственномъ отношеніи. Здѣсь только не потеряло еще значенія то туманное міросозерцаніе, которое бредитъ о чемъ-то въ родѣ безвозвратно минувшаго золотого вѣка и видитъ такъ, какъ только оно одно видѣть можетъ, непрекращающуюся порчу и паденіе человѣчества, слѣпо идущаго къ конечной катастрофѣ. Такое міросозерцаніе есть результатъ глубочайшаго невѣжества и совершеннаго извращенія всѣхъ здравыхъ понятій, какія только могъ пріобрѣсти человѣческій разумъ. Отрицая естественныя цѣли развитія, оно замѣняетъ ихъ цѣлями фантастическими и, въ силу такой замѣны, закрываетъ всѣ свои связи съ жизнью. Понятіе о регрессѣ, вытекая изъ такого чуждаго жизни міросозерцанія, представляетъ замкнутую въ себѣ самой, чисто-отрицательную идею, неподвижность которой составляетъ непремѣнное и безусловное основаніе ея существованія.

Не подлежа развитію, идея регресса не можетъ имѣть исторіи. Идея эта сложилась однажды и потомъ, какъ мумія, передавалась изъ вѣка въ вѣкъ. Заявленіе о ея существованіи есть вся ея исторія. Если же она и можетъ имѣть другую, то

развѣ только исторію своего постепеннаго исчезанія съ лица земли. Но эта исторія, очевидно, сливается съ исторіей развитія, понимаемаго какъ прогрессъ.

Міросозерцаніе, не отрѣшающееся отъ жизни, разсматриваетъ развитіе человѣка какъ совершенствованіе, какъ прогрессъ, т.-е. какъ такой рядъ измѣненій, путемъ котораго вырабатывается въ человѣчествѣ перевѣсъ свойствъ собственно-человѣческихъ надъ свойствами общими всѣмъ животнымъ. Въ этой внутренней перемѣнѣ, обусловливающей всѣ многосложныя явленія прогресса внѣшняго, заключается сущность прогресса. Первое прямое и отчетливо формулированное указаніе на нее сдѣлалъ Огюстъ Контъ; но она подразумѣвается въ каждомъ фазисѣ развитія идеи прогресса и ею объясняются всѣ усилія, сдѣланныя когда-либо, съ цѣлью понять прогрессъ и найти возможность руководить имъ.

Эта тѣсная связь идеи прогресса съ жизнью и развитіемъ человѣческаго общества дѣлаетъ ее столь же живой и измѣняющейся, какъ это общество. Она, въ одно и то же время, и идея прогресса, и идея прогрессивная.

Прогрессъ ея и составляетъ содержаніе ея исторіи. Эта исторія должна указать на первыя отрывочныя проявленія и затѣмъ прослѣдить всѣ фазисы ея развитія до настоящаго времени. Слѣдя за этимъ развитіемъ, она должна подмѣчать связь ея съ жизнью общества и его умственнымъ развитіемъ, и указывать на тѣ вліянія, которыя способствовали ея развитію или замедляли его. Такимъ образомъ, исторія идеи прогресса должна представиться какъ отрасль исторіи самого прогресса или какъ исторія сознанія и пониманія прогресса.

Нельзя отрицать, конечно, ни интереса, ни важности такой исторіи.

Я выбралъ ее предметомъ изученія, какъ ради научнаго значенія, всегда ей присущаго, такъ и съ цѣлью уясненія одного изъ обиходнѣйшихъ понятій, въ которомъ неизбѣжна нѣкоторая темнота до тѣхъ поръ, пока мы не дадимъ себѣ отчета въ его происхожденіи и развитіи.

Задача эта весьма обширна и конечно не можетъ быть исчерпана въ небольшомъ очеркѣ. Настоящія статьи суть только *пространная программа* предполагаемой исторіи идеи прогресса. Отдавая ее для печати, я, не безъ основанія быть можетъ, предполагалъ, что чѣмъ сжатѣе изложеніе, тѣмъ скорѣе найдетъ оно читателей.

I.

Выше было сказано, что обычный ходъ человѣческой жизни давалъ людямъ возможность замѣтить нѣкоторыя измѣненія въ ихъ общественномъ состояніи, но что для укрѣпленія и обобщенія этого наблюденія необходимо было вліяніе на него преданія о рядѣ состояній, предшествовавшихъ ему. На этомъ основаніи, идея измѣняемости, въ ея сколько нибудь общемъ значеніи, могла возникнуть только въ обществѣ, пережившемъ уже болѣе или менѣе продолжительный рядъ измѣненій, и пока идея эта имѣла характеръ эмпирическій, опредѣленность и полнота ея зависѣли отъ того, длиннѣе или короче былъ рядъ наблюденій и преданій, обширнѣе или тѣснѣе была та область, къ которой относились эти наблюденія и преданія.

Народы древности были весьма мало знакомы съ своимъ прошедшимъ; кромѣ того, и это знакомство отличалось крайней неточностью, примѣсью баснословныхъ преданій, бросавшихъ на дѣянія предковъ ложный свѣтъ.

Хотя они и не могли не замѣтить въ жизни человѣческихъ обществъ нѣкоторой измѣняемости, но опредѣлить съ достаточной точностью характеръ и значеніе этихъ измѣненій они не могли, потому что не обладали достаточнымъ запасомъ наблюденій, необходимыхъ для сравненія и вывода сколько-нибудь устойчивыхъ положеній о ходѣ развитія жизни человѣческихъ обществъ. Рядомъ съ утвержденіемъ, что подмѣченныя измѣненія имѣютъ прогрессивный характеръ, мы находимъ убѣжденіе, что эти же самыя измѣненія свидѣтельствуютъ о присущемъ человѣческому обществу стремленіи къ регрессу. Оба эти взгляда подкрѣпляются столь слабыми аргументами, что трудно опредѣлить, который изъ нихъ имѣлъ перевѣсъ въ ту эпоху.

Вѣрованіе въ минувшій золотой вѣкъ и постоянную порчу и паденіе человѣчества было чрезвычайно распространено. «Болѣе злые чѣмъ отцы,—говоритъ Горацій,—наши предки произвели на свѣтъ дѣтей еще худшихъ, за которыми послѣдовали еще злѣйшіе потомки». Не только масса, но и множество личностей философскаго образа мыслей смотрѣли на предстоящую человѣчеству катастрофу какъ на роковой исходъ и считали невозможностью борьбу противъ судьбы.

Съ другой стороны, идея прогресса заявляется уже въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ людей древности. Но заявляется она какъ случайное наблюденіе и не развивается никѣмъ до такой степени, чтобы стать способной вліять на общій строй ученій того или другого мыслителя. Вообще она имѣетъ характеръ частный, неопредѣленный и очень еще далека отъ выработки для себя раціональнаго основанія.

Прежде всего прогрессъ былъ подмѣченъ въ области научной человѣкомъ, пользовавшимся знаніями, собранными его предшественниками съ цѣлью приращенія ихъ и усовершенствованія методовъ ихъ научной обработки. Аристотель во 2-й книгѣ Метафизики говоритъ: «Никто не можетъ достичь истины вполнѣ, но никто не лишенъ ея совершенно. Всякій философъ объясняетъ какую-нибудь тайну природы. То, что всякій, въ частности, добавляетъ къ познанію истины, конечно, ничтожно или маловажно; но совокупность всѣхъ идей представляетъ важные результаты. Справедлива, слѣдовательно, признательность не только къ тѣмъ, мнѣнія которыхъ мы раздѣляемъ, но и къ тѣмъ, которые разсматривали вопросы нѣсколько поверхностно, потому что и они также внесли свою долю труда. Они своими работами подготовили современное состояніе науки». Во 2-й книгѣ «Политики» онъ говоритъ: «Нововведенія были полезны всѣмъ наукамъ: медицинѣ, освободившейся отъ старыхъ пріемовъ, гимнастикѣ, и вообще всѣмъ искусствамъ, служащимъ для упражненія человѣческихъ способностей. Политика должна стать въ ряду прочихъ наукъ и потому принципъ этотъ прилагается и къ ней; и можно сказать, что сами факты служатъ тому доказательствомъ. Древніе законы были просты и до крайности жестоки. Люди должны искать не того, что древне, но того, что хорошо. Наши праотцы вѣроятно были похожи на чернь и неучей нашего времени».

Этотъ послѣдній отрывокъ, кромѣ идеи научнаго прогресса, уже содержитъ въ себѣ начатки идеи прогресса соціальнаго.

Цицеронъ рѣшительно отдаетъ преимущество новому передъ старымъ. Сенека говоритъ о постепенности, съ которою открывается истина. Онъ утверждаетъ, что тайны природы не могутъ обнаруживаться вдругъ и что многое еще предстоитъ узнать въ будущемъ. Такія же убѣжденія встрѣчаются и у натуралиста Плинія съ еще болѣе неограниченнымъ довѣріемъ къ будущему. «Сколько вещей относили прежде къ числу невоз-

можныхъ, говоритъ онъ. Будемъ же питать твердую надежду на то, что вѣка слѣдуютъ одинъ за другимъ, постоянно совершенствуясь». Лукрецій рисуетъ картину развитія и побѣдъ промышленности, начиная съ тѣхъ временъ, когда, какъ онъ думаетъ, человѣкъ не зналъ еще жизни общественной и обиталъ въ лѣсахъ.

Чтобы окончить характеристику состоянія идеи прогресса въ эпоху ея происхожденія, мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о томъ, какъ относился къ ней Платонъ. Платонъ былъ убѣжденъ, что характеръ человѣческой дѣятельности можетъ и долженъ быть прогрессивнымъ; но въ то же время онъ видѣлъ въ современномъ ему обществѣ всѣ признаки паденія. Чтобы спасти его отъ гибели, онъ предлагаетъ въ своей «Республикѣ» радикальныя преобразованія, которыя должны поддержать падающую добродѣтель и предотвратить окончательную побѣду порока. Въ одномъ изъ своихъ разговоровъ онъ развиваетъ мысль о тѣхъ посредствующихъ формахъ общественнаго развитія, помощью которыхъ долженъ совершиться переходъ отъ развращеннаго современнаго ему состоянія къ начертанному имъ плану совершеннѣйшихъ формъ общественнаго развитія. Эта идея послѣдовательности, также какъ и опредѣленность указываемой имъ цѣли даютъ мыслямъ его чрезвычайно прогрессивный характеръ. Не надо упускать изъ виду однако же, какъ узокъ былъ прогрессъ, планъ котораго начертывался Платоновой «Республикой». Прогрессъ этотъ захватывалъ только незначительную часть общества, такъ какъ учрежденіе рабства считалось Платономъ необходимымъ и не подлежало уничтоженію. Время этого великаго вопроса еще не наступило.

Разрозненныя мысли о прогрессѣ, разбросанныя въ сочиненіяхъ древнихъ писателей, могли бы стать и конечно стали бы первыми звеньями длинной цѣпи развитія идеи прогресса, если бы тѣ перипетіи, чрезъ которыя проходила цивилизація, не прервали ее надолго. Древняя образованность пала и настали вѣка варварства, среди мрака которыхъ свѣтило прогресса—умственная дѣятельность—издавало чуть видное мерцаніе. Все реальное было принесено въ жертву фантастическому и иныя идеи, а не идея прогресса, овладѣли умами.

Вѣка, отдѣляющіе паденіе древней цивилизаціи отъ первыхъ проблесковъ возрожденія умственной дѣятельности въ XI столѣтіи, ознаменованы событіями, произведшими важныя измѣненія въ ходѣ европейской жизни. Новое ученіе утвердилось на развалинахъ древняго міросозерцанія и новые народы смѣнили прежнихъ дѣятелей на значительно-расширенной сценѣ исторіи. Первое изъ этихъ измѣненій занимало, конечно, средневѣковые умы всего болѣе. Оно имѣло для нихъ безусловно-прогрессивный характеръ не только по сравненію съ внушавшимъ имъ ужасъ язычествомъ, но и по отношенію къ еврейскому вѣроученію, которое оно замѣнило. «Законъ Моисеевъ былъ хорошъ,—говоритъ Ѳома Аквинатъ въ своей «Summa Theologica»,—но онъ былъ не совершенъ, такъ какъ ему недоставало благодати». Этого же мнѣнія держится и Гуго, аббатъ монастыря С.-Виктора (1097—1141). Оба эти писателя полагаютъ, что новый завѣтъ могъ смѣнить ветхій только тогда, когда человѣчество было достаточно подготовлено къ принятію его, т.-е. они предполагаютъ извѣстный прогрессивный ходъ въ развитіи человѣчества до начала нашей эры. Прогрессъ этотъ оканчивается однако же, по ихъ мнѣнію, вмѣстѣ съ провозглашеніемъ новаго ученія, такъ какъ ученіе это, представляя полнѣйшее совершенство, не подлежитъ развитію, а слѣдовательно и совершенствованію. Представители католичества не могли, конечно, говорить иначе; но они какъ бы чувствовали въ то же время, что безусловный застой невозможенъ, что человѣчество должно жить, слѣдовательно должно развиваться... Но какъ же согласить это развитіе съ законченностью доктрины, которую они проповѣдывали не только для настоящаго, но и для отдаленнѣйшаго будущаго? Они думали найти это согласіе въ прогрессѣ пониманія откровенія, идущемъ совмѣстно съ общественнымъ прогрессомъ человѣчества. Они не замѣчали того, что такимъ образомъ открывались двери дѣйствительному прогрессу, такъ какъ не въ формулѣ идеи, а въ пониманіи ея заключается все значеніе ея для всякаго даннаго момента развитія. И дѣйствительно: настало время, когда одни и тѣ же слова стали означать совсѣмъ другія вещи, и тогда, естественно, рѣшенія разума должны были получить первенствующее, или лучше сказать, верховное значеніе.

Та идея прогресса, представителями которой являются теперь передъ нами Ѳома Аквинатъ и Гуго изъ С.-Виктора;

была бы не вполнѣ охарактеризована, если бы мы пропустили одну весьма важную своеобразную черту ея. Человѣчество, по мнѣнію этихъ учителей католической церкви, прогрессировало какъ путемъ подготовленія къ принятію новаго ученія, такъ и принятіемъ самаго ученія. Здѣсь говорится о прогрессѣ; но если слово это понимать въ настоящемъ его смыслѣ, то получается совершенно иное представленіе, чѣмъ то, которое имѣли авторы «Summa Theologica» и «De Sacramentis». Говоря о прогрессѣ, о совершенствованіи, они не имѣли въ виду ни умственнаго, ни нравственнаго, ни тѣмъ болѣе матеріальнаго преуспѣянія. Ихъ занималъ исключительно прогрессъ культа, выразившійся послѣдовательной замѣной жертвы всесожженія обрѣзаніемъ, и затѣмъ этого послѣдняго таинствомъ крещенія. Вотъ тѣ предѣлы, въ которыхъ является идея прогресса въ XII и XIII столѣтіи у строгихъ послѣдователей католицизма. Это скорѣе идея застоя, чѣмъ прогресса; но мы сейчасъ увидимъ, какъ измѣнялась эта идея въ эту же эпоху съ одной стороны подъ вліяніемъ мистическихъ ученій, съ другой подъ вліяніемъ изученія точныхъ наукъ.

Строгая ортодоксія ставитъ предѣлы мистическимъ тенденціямъ своими законченными и опредѣленными догматами. Она допускаетъ мистицизмъ, но съ условіемъ управлять имъ и не подчиняться ему. Отъ этого, правда, является въ ней извѣстная непослѣдовательность, неполнота, съ которыми не могутъ мириться пылкія, не терпящія условной регламентаціи, натуры, но она не терпитъ ничего смѣлаго и предпочитаетъ нѣкоторую трезвость умѣреннаго мситицизма необузданной послѣдовательности чистыхъ мистиковъ. Это различіе ортодоксовъ и мистиковъ видно и въ разсматриваемомъ нами вопросѣ: тогда какъ первые полагали, что началомъ ихъ эры заключался прогрессъ и могло только совершаться развитіе пониманія разъ установившейся доктрины, вторые утверждали, что моментъ, который желаютъ сдѣлать предѣломъ прогрессивнаго движенія, есть только переходный моментъ развитія, что новое откровеніе поставитъ людей еще на высшую ступень духовнаго развитія и просвѣтленія. Нѣкоторыя положенія этого ученія были высказаны уже въ XII вѣкѣ Амори Шартрскимъ, но тогда они прошли почти безслѣдно. Въ XIII вѣкѣ ихъ возобновилъ аббатъ Іоахимъ де-Фіоре съ бо̀льшимъ успѣхомъ. Аббатъ Іоахимъ основывалъ свои воззрѣнія на текстахъ писанія и на ученіи отцовъ церкви.

Ветхій и новый завѣты, утверждалъ онъ, были откровеніями первыхъ двухъ лицъ Троицы; впереди предстоитъ откровеніе третьяго лица—Св. Духа. Царство Отца ознаменовано могуществомъ, страхомъ и вѣрою; царство Сына—смиреніемъ, истиной и мудростью; характеристикой царства Духа будутъ любовь, веселіе и свобода. Первые два завѣта были закрѣплены словами писанія, третій будетъ чисто духовнымъ. Въ эпоху перваго завѣта люди жили по плоти; въ эпоху второго они находились въ состояніи посредствующемъ между плотью и духомъ; въ третьемъ, который продолжится до скончанія міра, они будутъ жить исключительно духовно. Въ продолженіе первой эпохи люди жили въ брачномъ состояніи; въ продолженіе второй въ состояніи священства, съ третьей эпохой они перейдутъ въ состояніе монашества. Созерцательная, аскетическая жизнь становится такимъ образомъ конечною цѣлью, послѣднимъ звеномъ развитія по понятіямъ аббата Іоахима.

«Il calavrese abate Giovachino
Di spirito profetico dotato»

говоритъ о немъ Дантъ въ «Божественной Комедіи», помѣщая въ Раю этого одареннаго духомъ пророчества калабрійца. Но если мистическій аббатъ и достоинъ прославленія въ какомъ-нибудь отношеніи, то это, конечно, за то, что онъ раздвинулъ границы идеи прогресса, открылъ широкій кругозоръ, котораго не хотѣла видѣть ортодоксія, но который былъ заманчивъ для грядущихъ поколѣній. Другіе люди продолжали то, что началъ Іоахимъ, и если иныя цѣли стали мотивами ихъ дѣятельности, то это случилось потому, что умственная работа выяснила то, что для мистика XIII вѣка было еще скрыто туманомъ его ученія.

Итакъ, ортодоксія ограничивала свою идею прогресса узкой сферой совершенствованія культа и притомъ только въ прошедшемъ; мистики говорили уже о религіозномъ прогрессѣ въ прошедшемъ и будущемъ, но ставили ему цѣли, строго обусловленныя точкой отправленія, и приходили къ аскетизму. Неужели у людей среднихъ вѣковъ не могло быть данныхъ для болѣе широкаго формулированія идеи прогресса? Неужели будущее не могло представлять имъ ничего, кромѣ застоя или стремленія къ нравственному уродству? На вопросы эти можно было бы отвѣчать отрицательно, если бы въ числѣ дѣятелей

на умственномъ поприщѣ средніе вѣка не считали Рожера Бакона, великаго ученаго и философа этой эпохи.

Р. Баконъ обладалъ громадной эрудиціей. Можно сказать, что онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ знанія, какія только возможно было имѣть въ его время. Но его генію было тѣсно въ узкихъ рамкахъ средневѣковой учености и онъ двигалъ впередъ многія отрасли точныхъ наукъ. Что онъ былъ докторомъ теологіи и знатокомъ латинскаго языка, это разумѣется само собою, но кромѣ того онъ зналъ языки: греческій, еврейскій и арабскій и, что всего важнѣе, былъ знакомъ съ научной литературой этихъ языковъ. Онъ первый понялъ и доказалъ, что математика предшествуетъ всѣмъ прочимъ точнымъ наукамъ и совершенно необходима при изученіи физики. Объ его астрономическихъ свѣдѣніяхъ всего лучше можно судить по тому, что онъ предложилъ исправить календарь тѣмъ способомъ, который дѣйствительно былъ примѣненъ впослѣдствіи. Ему приписываютъ изобрѣтеніе очковъ. Теорію телескоповъ и микроскоповъ онъ излагалъ довольно правильно. Онъ говорилъ о возможности быстраго движенія кораблей и экипажей безъ помощи животной силы, одними механическими средствами и обдумывалъ устройство машины для летанія. Онъ зналъ, что воздухъ не однороденъ и утверждалъ, что въ немъ содержится газъ, который гаситъ пламя. Такой взглядъ на газы въ томъ вѣкѣ, когда они считались за духовъ, весьма замѣчателенъ. Необходимость воздуха для горѣнія была ему также извѣстна...

Его открытія и изобрѣтенія были бы, конечно, еще многочисленнѣе, если бы онъ пользовался свободой, а не провелъ многихъ лѣтъ жизни въ заключеніи. «Никто такъ жестоко не искупилъ славу первенства надъ людьми своего времени какъ Р. Баконъ,—говоритъ Фигье (Vies des savants illustres). Бо́льшую часть своей жизни онъ провелъ въ заключеніи, подъ строгимъ надзоромъ, не дававшимъ ему возможности ни писать, ни дѣлать вычисленія, ни чертить геометрическія фигуры... Что же за преступленіе совершилъ онъ? Преступленіе его заключается въ горячей любви къ наукѣ и независимости человѣческой мысли».

Горячая любовь къ независимости человѣческой мысли и была въ немъ результатомъ горячей любви къ наукѣ. Онъ понималъ, что рабство мысли неразрывно связано съ ничтожествомъ науки, а потому отвергалъ значеніе авторитета и на его

мѣсто ставилъ самостоятельное наблюденіе и опытъ. Это неуваженіе къ авторитету, это стремленіе къ независимости и самобытности составляетъ главную и существенную характеристическую черту идеи прогресса, какъ онъ понималъ ее, и въ этомъ заключается коренное различіе ея отъ идеи ортодоксовъ и мистиковъ, такъ какъ послѣдніе замѣняли только старый авторитетъ новымъ и не отвергали его въ принципѣ. Баконъ называетъ авторитетъ цѣпью, бремя которой заставляетъ умъ двигаться все въ одномъ и томъ же кругѣ идей и препятствуетъ прогрессу науки. «Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ,—говоритъ онъ,—что философы ошибались, мы будемъ тоже ошибаться вслѣдъ за ними, если станемъ относиться къ нимъ съ слѣпою довѣрчивостью. Вѣдь и мудрѣйшіе могутъ ошибаться по слабости человѣческой. Итакъ, вмѣсто того, чтобы принимать мнѣнія древнихъ только ради ихъ древности, по этой же причинѣ слѣдовало бы ихъ отвергать». Изъ этого не слѣдуетъ однако же; чтобы Р. Баконъ отвергалъ безразлично все, что его время унаслѣдовало отъ древнихъ. Изъ другого мѣста того же сочиненія его, изъ котораго приведенъ первый отрывокъ (Opus Majus) видно, что онъ требовалъ только критики, которая не склонялась бы передъ авторитетами. «Не слѣдуетъ—говоритъ онъ—отвергать сочиненія Аристотеля и Аверроэса ради заблужденій, которыя въ нихъ встрѣчаются, такъ какъ несовершенство неразлучно съ наукой. Мы, люди новаго времени, мы одобряемъ эти книги, но отвергаемъ только находящіяся въ нихъ заблужденія». То, что Баконъ говоритъ о философахъ, онъ прилагаетъ также и къ тѣмъ учителямъ церкви, которыхъ ортодоксія привыкла считать непогрѣшимыми. Указавъ на противорѣчія, встрѣчаемыя у нихъ, Р. Баконъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Мы не обязаны соглашаться со всѣмъ, что мы читаемъ и слышимъ; напротивъ того, обязанность наша заключается въ строго-внимательномъ разсмотрѣніи мнѣній нашихъ предшественниковъ для того, чтобы добавлять къ нимъ то, чего у нихъ недостаетъ, и исправлять, что невѣрно или ошибочно; во всякомъ случаѣ, впрочемъ, со скромностью и приличіемъ. Истина, милостью божіей, постоянно возрастаетъ. Справедливо, что человѣкъ никогда не достигаетъ абсолютнаго совершенства и полной достовѣрности, но онъ постоянно совершенствуется; вотъ почему не должно слѣдовать слѣпо мнѣніямъ древнихъ: если бы они ожили, то исправили бы многое въ томъ,

что они говорили, и перемѣнили бы понятіе о многихъ предметахъ. Также точно ученые нашего времени не знаютъ многаго, что нѣкогда будетъ знать всякій школьникъ».

Вотъ какъ широко могъ понимать научный прогрессъ и какъ высоко ставить значеніе научной критики монахъ XIII вѣка, просвѣщенный изученіемъ природы. Но какъ бы ни былъ великъ геній, какъ ни обгонялъ бы онъ умственное развитіе своего времени, онъ все же остается сыномъ своего вѣка и не можетъ въ чемъ-нибудь не отдать ему дани. Философскаго прогресса онъ не признаетъ совершенно; онъ вмѣстѣ съ ортодоксальными схоластиками убѣжденъ, что «Philosophia est theologiae ancilla», и полагаетъ, что самостоятельная философія ведетъ только къ ослѣпленію и мраку. Онъ не видѣлъ связи, существующей между прогрессомъ научнымъ, философскимъ и теологическимъ, не понималъ, что это только три стороны одного и того же прогресса умственной дѣятельности, и потому не замѣчалъ противорѣчія, въ которое впадалъ. Совѣтуя относиться критически даже къ учителямъ католической церкви, онъ имѣлъ въ виду только несогласіе ихъ положеній съ научными истинами и былъ твердо убѣжденъ, что каковъ бы ни былъ прогрессъ науки, принципы философіи никогда не пойдутъ врозь съ разъ навсегда установившейся теологіей, прогрессъ въ которой невозможенъ.

Сравнивая идею прогресса, какъ она намъ представляется въ приведенныхъ мнѣніяхъ средневѣковыхъ писателей, съ тою же идеей въ древности, нельзя не открыть, что идея эта прогрессировала, и хотя прогрессъ этотъ и ограниченъ, но онъ несомнѣнно существуетъ. Идея научнаго прогресса формулирована полнѣе и точнѣе, идея же религіознаго прогресса, не существовавшая у древнихъ, заявлена чрезвычайно смѣло и имѣетъ католическій, т.-е. универсальный характеръ. Идея прогресса соціальнаго, хотя и поставлена въ связи съ идеей религіозной, хотя и приводитъ къ антисоціальнымъ формамъ развитія, но это происходитъ, какъ уже сказано, отъ свойства точки отправленія, которая не могла удержать навсегда свою неподвижность при широкомъ допущеніи прогресса научнаго. Чрезвычайно важно ужъ то, что идея эта относилась къ современности отрицательно. Существованіе идеи научнаго прогресса, хотя и не вліяетъ въ данный періодъ на идеи современныя, но служитъ великимъ залогомъ развитія какъ идеи про-

гресса, такъ и самаго прогресса въ будущемъ. Воздѣйствіе ея на общество должно было указать ему иные пути вмѣсто тѣхъ, какіе представляли доселѣ мистика и ортодоксія, при чемъ широкое значеніе прогресса, указанное мистиками, нисколько не падало, а возрастало, и такимъ образомъ и идеѣ прогресса предстояло болѣе широкое и всестороннее развитіе.

Но для того, чтобы это развитіе дѣйствительно совершилось, необходимо было, чтобы и само общество не оставалось неподвижнымъ, чтобы въ немъ происходили перемѣны. Если бы справедливо было мнѣніе тѣхъ писателей, которые утверждаютъ, что средніе вѣка нисколько не подвинулись впередъ ни въ умственномъ, ни въ соціальномъ отношеніи, то ходъ развитія европейской мысли и жизни долженъ бы казаться чудомъ. Онъ дѣйствительно и кажется чудомъ тѣмъ историкамъ, которые рѣшаются произнести это слово. Отъ XII и до XV вѣка—утверждаетъ Мишлѐ въ своей исторіи возрожденія—совершается общее ретроградное движеніе. «Умъ человѣческій—говоритъ онъ—претерпѣваетъ въ эту эпоху ту операцію, которую произвелъ надъ собою Оригенъ». По его мнѣнію, великій переворотъ XVI вѣка вышелъ изъ ничего и былъ проявленіемъ громадной личной воли. Послѣ заявленія такого воззрѣнія на развитіе человѣчества, Мишлѐ имѣлъ конечно право сказать, что видитъ во всемъ этомъ чудо, котораго не понимаетъ!

Развитіе человѣчества совершается путемъ правильной послѣдовательности причинъ и слѣдствій, а потому всѣ измѣненія въ немъ совершаются постепенно и никакъ не могутъ произойти изъ ничего, вдругъ. Всякое историческое явленіе находится въ связи съ явленіями предъидущими и послѣдующими, а потому имѣетъ всегда нѣчто общее съ тѣми и другими. Средневѣковая эпоха, какъ продолженіе глубокаго умственнаго паденія, отдѣляющаго древнюю цивилизацію отъ эпохи возрожденія, заключала много элементовъ застоя и неподвижности; но, какъ предшественница умственнаго и соціальнаго движенія XVI вѣка, она неизбѣжно содержала въ себѣ это движеніе въ зародышѣ. Мы покажемъ далѣе, что прогрессъ не былъ чуждъ даже и схоластикѣ, а теперь приведемъ то мѣсто изъ исторіи индуктивныхъ наукъ Уэвелля, въ которомъ онъ говоритъ о присутствіи живыхъ началъ въ умственной жизни средневѣковаго общества. Признаніе существованія этихъ началъ Уэвеллемъ имѣетъ тѣмъ бо̀льшее значеніе, что онъ очень

склоненъ къ преувеличенію темной стороны разсматриваемой нами эпохи.

«Даже во времена самаго полнаго господства схоластики—говоритъ онъ—элементы перемѣны уже дѣйствовали. Въ то время, когда доктора и философы получали отъ людей весь видимый почетъ, постепенно образовывались ученія и философія иного рода: практическіе инстинкты человѣка, нетерпѣніе, съ какимъ выносилась наконецъ тираннія догматистовъ, развитіе полезныхъ искусствъ, обѣщанія алхиміи,—все это располагало людей отбросить авторитетъ и отвергнуть притязанія господствующаго философскаго символа. Во мнѣніяхъ существовали два противоположныхъ направленія; нѣкоторое время эти направленія держались отдѣльно и почти независимо одно отъ другого, но наконецъ, во времена Галилея, пришли въ столкновеніе, и борьба быстро распространилась по всей цивилизованной Европѣ».

Уэвелль говоритъ, что стремленіе отбросить авторитетъ и отвергнуть притязанія господствующаго философскаго символа существовало отдѣльно и *почти* независимо отъ направленія чисто-схоластическаго. Не говоря о Р. Баконѣ, какъ исключеніи, мы для уясненія значенія прогрессивныхъ элементовъ, обнаружившихся среди католико-феодальнаго застоя, постараемся показать точнѣе значеніе этого неопредѣленнаго *почти*. Обыкновенно подъ схоластикой разумѣютъ философію, безусловно подчиненную теологіи. Сами схоластики понимали ее такъ и искренно желали остаться всегда вѣрными ортодоксальной доктринѣ. Но это было невозможно, потому что стремленіе ихъ страдало внутреннимъ противорѣчіемъ, устранить которое они были не въ силахъ. Философія по существу своему тожественна съ свободою мысли и если дѣйствительно въ эпоху среднихъ вѣковъ рядомъ съ теологіей существовала хоть какая-нибудь философія, то значитъ существовала и извѣстная свобода мысли, а если существовала эта послѣдняя, то ортодоксіи постоянно угрожала опасность столкновенія съ положеніями, несогласными съ ея догматами. Такъ и было на самомъ дѣлѣ: оба главныя направленія схоластики приходили въ своихъ крайнихъ заключеніяхъ къ выводамъ, которые католическая церковь не могла не осудить. Номинализмъ велъ прямо къ раціонализму, а реализмъ къ пантеизму, и представители этихъ двухъ направленій, если только они были послѣдовательны, были всегда

осуждаемы церковью по мѣрѣ вины. Припомнимъ Беренгара Турскаго, Росцелина, Абеляра, Аморй Шартрскаго...

Но совмѣстность живыхъ началъ прогресса съ элементами косности была бы еще не вполнѣ прослѣжена, если бы мы не указали на то обстоятельство, что причина допущенія философскаго мышленія заключалась въ самой теологіи, такъ что живое направленіе, о которомъ говоритъ Уэвелль, непосредственно граничило и совмѣщалось въ одной изъ своихъ исходныхъ точекъ съ тѣмъ, чѣмъ оно отрицалось. Эта сторона средневѣковой умственной жизни весьма удачно подмѣчена Дрэперомъ въ его «Исторіи умственнаго развитія Европы». «Сравнивая десятое и двѣнадцатое столѣтія,—говоритъ онъ,—нельзя не замѣтить огромнаго успѣха, сдѣланнаго Европой въ интеллектуальномъ отношеніи. Идеи, занимавшія умы христіанъ, и образъ ихъ мыслей совершенно измѣнились. Ревность германцевъ, соединенная съ ученостью магометанъ, не могла долго увлекаться туманомъ теологическихъ споровъ, изъ которыхъ возникла философія. Эта философія робко возвратилась въ свѣтъ подъ именемъ схоластики, убѣждая людей изслѣдовать, при помощи ихъ собственнаго разума, тотъ догматъ, который въ такой степени превышалъ всѣ разсчеты разума — догматъ о транссубстанціаціи. Едва заслышана была ея робкая рѣчь въ рядахъ духовенства, какъ возникъ мятежъ противъ авторитета церкви, и съ этихъ поръ ей необходимо было защищаться противъ этого мятежа его же собственнымъ оружіемъ; церковь принуждена была покровительствовать схоластической философіи».

Итакъ, католическая церковь покровительствовала схоластикѣ столько же по необходимости, сколько и по недоразумѣнію. Это покровительство было для нея тѣмъ гибельнѣе, что, вмѣстѣ съ покровительствомъ схоластики, она должна была соединять и покровительство наукѣ, такъ какъ нерѣдко оба эти вида умственной дѣятельности соединялись въ одномъ лицѣ. Достаточно припомнить ученыя заслуги монаховъ доминиканскаго ордена и особенно Альберта Великаго, епископа Регенсбургскаго (1193—1277), чтобы видѣть, какъ далеко шло иногда это покровительство. Отъ людей, стоявшихъ на стражѣ католичества, невозможно было разумѣется ожидать такой глубокой проницательности, которая позволяла бы имъ провидѣть пагубныя послѣдствія направленія, принятаго многими монахами,

епископами и даже монахинями [1]); но они не могли не видѣть, что направленіе это возросло на чуждой почвѣ и пересажено въ католическій вертоградъ тѣми, которыхъ они считали своими злѣйшими врагами, а именно—арабами. Арабы вступили въ вѣкъ разума гораздо ранѣе европейскихъ народовъ и уже въ X вѣкѣ, т.-е. въ то время, когда въ Европѣ царилъ глубочайшій мракъ, Гербертъ, будущій папа Сильвестръ II, изучалъ точныя науки въ школахъ Кордовы и потомъ удивлялъ современниковъ невиданнымъ дотолѣ глобусомъ и арабскимъ способомъ счисленія. Чрезъ арабовъ Европа ознакомилась съ наукою древнихъ; по ихъ переводамъ и по ихъ комментаріямъ изучалась эта наука монахами и епископами, и мало-по-малу ядъ скептицизма, отрицанія и неуваженія къ авторитетамъ проникалъ въ ихъ умы... Это разложеніе ортодоксіи наукой конечно не всегда встрѣчало такую слѣпоту со стороны католическихъ властей, какая обнаружилась, напримѣръ, въ отношеніи къ Альберту Великому. Примѣръ Р. Бакона показываетъ намъ, что мартирологъ науки начинался уже съ этой ранней эпохи; но важно то, что отношенія ортодоксіи къ наукѣ не были послѣдовательны, что рядомъ съ гоненіемъ она, какъ мы видѣли, принуждена была допустить покровительство и не могла предотвратить появленія въ своей средѣ разрушителя самой основы ея міросозерцанія, появленія каноника Коперника.

Политическое движеніе въ эпоху среднихъ вѣковъ гораздо замѣтнѣе движенія умственнаго. Оно выразилось въ борьбѣ свѣтской власти съ духовной, подкрѣпленной нападеніями юристовъ на права и значеніе церкви и главы ея... Уже въ XII в. Арнольдъ Брешіанскій мечтаетъ о радикальномъ переворотѣ въ цѣломъ строѣ католической церкви. Неудача его и смерть на кострѣ не измѣнили хода идей, представителемъ которыхъ онъ явился...

Условія общественной жизни также значительно измѣнились въ разсматриваемый нами періодъ времени. Успѣхи торговли и ремеселъ значительно повліяли на возрастаніе благосостоянія нѣкоторыхъ классовъ: возникли города и въ нихъ свободное сословіе горожанъ. Государственный строй окрѣпъ. Все болѣе и болѣе чувствовалась потребность въ благахъ, приносимыхъ мирнымъ состояніемъ общества. Искусства получили болѣе

---

[1]) Св. Гильдегарда, аббатиса въ Рупертсбергѣ, въ XII в. (1098—1197).

развитія... И наступило, наконецъ, время, когда рядомъ съ духовнымъ образованіемъ стало, какъ нѣчто совершенно самостоятельное, образованіе свѣтское. Возникла чисто свѣтская литература. Человѣческія страсти и всякое естественное человѣческое чувство, развивающееся въ общественной жизни, чуждой всякаго аскетизма, нашли глубокое и потрясающее выраженіе въ свѣтской поэзіи. Это человѣческое (гуманное) образованіе развило вкусъ къ классической литературѣ и классическому міросозерцанію. Въ Италіи, ранѣе чѣмъ въ другихъ странахъ, возродилась никогда не угасавшая тамъ любовь къ древнему искусству и древней литературѣ; борьба политическихъ партій возбудила интересъ къ древней римской исторіи и литературѣ. Связь этой послѣдней съ литературой греческой вызвала занятія греческими писателями, сочиненія которыхъ стали разъискиваться гораздо ранѣе взятія турками Константинополя. По мѣрѣ же того, какъ древняя литература становилась извѣстнѣе, страсть къ ней возрастала все сильнѣе и сильнѣе, такъ какъ умы, которымъ было тѣсно и душно подъ суровымъ гнетомъ католицизма, открывали въ этой невѣдомой имъ литературѣ то, что отнялъ у нихъ католицизмъ, но въ чемъ они нуждались, какъ голодный въ хлѣбѣ—независимость мысли. Такимъ образомъ совершился переломъ въ умственной жизни общества и настала эпоха, извѣстная въ исторіи подъ названіемъ эпохи возрожденія.

Въ связи съ возрожденіемъ и въ зависимости отъ него возникла реформація. На зависимость эту указывалъ еще самъ Лютеръ, говоря, въ одномъ изъ посланій къ Эразму, что любовь къ изученію древней литературы несомнѣнно повліяла на ближайшее ознакомленіе съ писаніемъ. Да это и весьма естественно: реформація есть также проявленіе независимости мысли, также своего рода возрожденіе.

Приступая къ характеристикѣ этой замѣчательной эпохи и разсмотрѣнію тѣхъ элементовъ, подъ вліяніемъ которыхъ развивалась въ теченіе ея идея прогресса, мы должны указать прежде всего на то, что правильнѣе было бы называть эпоху возрожденія *переходной эпохой*, такъ какъ дѣйствительный исходный моментъ современной намъ науки долженъ быть отнесенъ къ XVII столѣтію, т.-е, къ тому времени, когда была провозглашена необходимость отрицанія всего стараго для движенія впередъ въ новомъ направленіи, когда сверженіе

всякихъ идоловъ было поставлено непремѣннымъ условіемъ правильнаго развитія и когда, наконецъ, были неопровержимо заявлены факты, дававшіе торжество геліоцентрической системѣ надъ геоцентрической, торжество, безвозвратно разрушавшее основу ретрограднаго міросозерцанія. Время Декарта, Фр. Бакона и Галилея есть время дѣйствительнаго возрожденія или обновленія человѣчества; эпоха же, о которой мы теперь будемъ говорить, имѣетъ совершенно иной характеръ.

Мы сказали уже, что всякая историческая эпоха содержитъ въ себѣ два рода элементовъ: элементы общіе ей и эпохѣ предъидущей и элементы, связующіе ее съ эпохой послѣдующей. Въ разсматриваемой теперь переходной эпохѣ элементами перваго рода слѣдуетъ считать обѣ стороны—собственно классическую и реформаціонную—такъ называемаго возрожденія; элементами же второго рода—тѣ стадіи *самостоятельнаго* научнаго развитія, которыя и составляютъ переходъ къ новѣйшему времени. Первымъ существеннымъ результатомъ собственно-классическаго возрожденія была борьба противъ схоластическаго аристотелизма, опиравшаяся на возобновленный и съ энтузіазмомъ принятый платонизмъ и неоплатонизмъ. Главными поборниками философіи Платона были Гемистъ Плитонъ, Бессаріонъ и Марцилъ Фицинъ. Рядомъ съ этой борьбой противъ искаженнаго схоластиками Аристотеля идетъ возстановленіе текста его сочиненій по греческимъ древнимъ спискамъ и принятіе толкованія ихъ по греческимъ комментаторамъ, въ числѣ которыхъ самое видное мѣсто занимаетъ Александръ Афродизійскій. Александристы, какъ назывались послѣдователи этихъ комментарій, склонялись къ деизму и натурализму и были также противниками пониманія Аристотеля, принятаго схоластиками. Между александристами замѣчательнѣе прочихъ Помпонатъ, о взглядѣ котораго на прогрессъ будетъ сказано ниже. Для болѣе полной характеристики этого направленія слѣдуетъ упомянуть, что кромѣ ученія Платона и Аристотеля были возобновлены и другія ученія: стоицизмъ (Липсій), эпикуреизмъ (Гассенди), скептицизмъ (Монтэнь, Шарронъ и др.).

Мы замѣтили, что гуманисты были сильно увлечены той независимостью мысли, которую они находили у древнихъ писателей. Имъ было дѣйствительно необыкновенно широко и привольно послѣ узкой и черствой схоластики; но независимость, приводившая ихъ въ восторгъ, не была еще независимо-

стью разума, самобытно изучающаго природу, это была условная, относительная независимость, независимость, въ которой еще было много рабства, для которой еще существовало много идоловъ. Мѣна схоластическихъ авторитетовъ на авторитеты классическіе была, конечно, освобожденіемъ, но освобожденіемъ, все значеніе котораго заключается въ сравнительномъ достоинствѣ новыхъ и старыхъ авторитетовъ. Платонъ или Аристотель, Зенонъ, Эпикуръ или Порфирій... все это были представители *прошедшаго*. Исторія не повторяется. Послѣ сказаннаго, намъ, конечно, не стоитъ уже говорить о реформаціонной сторонѣ возрожденія. Значеніе ея очевидно. Вотъ причина, по которой мы считаемъ классическіе и реформаціонные элементы возрожденія продолженіемъ старой эпохи.

Переходъ къ новому времени слѣдуетъ искать не въ возвращеніи къ древней литературѣ и философіи, а въ самостоятельномъ изученіи физической и нравственной природы и стремленіи къ независимому отъ всѣхъ внѣшнихъ нормъ нравственному самоопредѣленію. Въ области математики и механики, географіи и астрономіи были возстановлены свѣдѣнія и изысканія древнихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, частью путемъ постепеннаго совершенствованія, частью путемъ открытій и смѣлыхъ теорій, свѣдѣнія и изысканія эти были значительно расширены. Рядомъ съ этими прочными завоеваніями науки шло возникновеніе попытокъ новаго міросозерцанія, основывающагося на новыхъ успѣхахъ наукъ и содержащаго послѣдующія зрѣлыя ученія въ зародышѣ. Философія переходной эпохи была нерѣдко болѣе или менѣе связана съ теософіей, большею частью заимствованной изъ каббалы и мистическихъ доктринъ неоплатонизма. Однимъ изъ первыхъ представителей такого слитія натурфилософіи и теософіи былъ Николай Куза (1401—1464), не возстававшій еще противъ церкви и бывшій кардиналомъ. Его воззрѣнія послужили впослѣдствіи основаніемъ смѣлой и свободной доктринѣ Джіордано Бруно. Представителями теософической философіи въ ея послѣдующемъ развитіи были: медикъ Парацельсъ; математикъ и астрологъ Карданъ; основатель академіи, названной его именемъ Телезій; свободно-мыслящій противникъ церкви Ванини; упомянутый выше Д. Бруно и ученый послѣдователь Аристотеля, проникнутый духомъ католичества, Кампанелла. Религіозный элементъ имѣетъ перевѣсъ у протестантскихъ теологовъ—Швенкфельда и Вейгеля и теософа Якова Бёмё и ихъ

послѣдователей. Правовѣдѣніе развилось также болѣе или менѣе самостоятельно; здѣсь мы встрѣчаемся съ именами Макіавелли, Томаса Мора, Жана Бодена.

Связь науки и философіи съ теософіей, магіей и каббалой у всѣхъ почти представителей научнаго направленія переходной эпохи показываетъ уже, сколько нетерпѣнія вносили они въ свои изъисканія, какъ много хотѣли они угадать, узнать и понять вдругъ. Это нетерпѣніе и горячность вмѣстѣ съ незнающимъ мѣры восторгомъ, производимымъ наслажденіемъ умственной свободой, характеризуютъ идеи и воззрѣнія этихъ замѣчательныхъ умовъ. Ни мысль о кострѣ, ни вынужденное скитаніе изъ страны въ страну, ни несчастье и неудачи, ничто не могло заставить ихъ смотрѣть на міръ и на будущее иначе, какъ съ улыбкой счастья. Радуясь о томъ, что прошедшее наконецъ миновало, они пророчески, вдохновенно относились къ будущему и превозносили настоящее надъ варварствомъ миновавшихъ грубыхъ временъ. Ихъ настоящее представляло, дѣйствительно, вещи, способныя возбудить восторгъ и удивленіе: изобрѣтеніе книгопечатанія, открытіе Новаго Свѣта, начинающійся переворотъ въ воззрѣніи на значеніе земли во вселенной. Понятно, почему могла возникнуть идея, что новое слѣдуетъ предпочитать старому только потому, что оно ново. Все это черты, характеризующія истыхъ предтечъ новаго времени, людей отвернувшихся отъ прошедшаго и смотрѣвшихъ впередъ, въ будущее...

«Утопія» Томаса Мора (1516) принадлежитъ именно къ числу произведеній, задуманныхъ подъ вліяніемъ размышленій о будущемъ. «Утопія» есть воображаемая страна, представляющая такой общественный строй и такія условія быта, къ которымъ, по мнѣнію автора, правильный прогрессъ можетъ привести человѣческое общество. Томасъ Моръ смѣется надъ тѣми, которые, отвергая нововведенія, ссылаются на мудрость предковъ и говорятъ: «дай намъ, Боже, сравняться хоть съ ними!» «Они точно боятся,—говоритъ авторъ «Утопіи»,—чтобы между ними какънибудь не родился человѣкъ, превосходящій ихъ предковъ по уму. Сохранимъ хорошія учрежденія, оставленныя ими; но когда намъ предлагаютъ что-либо новое, не станемъ цѣпляться къ старинѣ, но послѣдуемъ за прогрессомъ». Законодатель «Утопіи» желаетъ, чтобы соотечественники его развивали свои умственныя способности изученіемъ наукъ и литературы. Въ *помномъ* развитіи заключается истинное счастіе, говоритъ онъ.

Какое громадное различіе этихъ стремленій отъ мистическихъ стремленій среднихъ вѣковъ! Мы видимъ, какъ въ соотвѣтствіи съ прогрессивнымъ ходомъ человѣческаго ума развилась и идея прогресса.

Медикъ-философъ Парацельсъ (1493—1541) такъ формулируетъ идею прогресса. «Всѣ мы,—говоритъ онъ,—чѣмъ болѣе живемъ, тѣмъ болѣе становимся свѣдущими, и чѣмъ бо̀льшее число столѣтій поучаетъ насъ Богъ, тѣмъ болѣе распространяетъ онъ наши знанія; чѣмъ ближе подходитъ къ намъ время страшнаго суда, тѣмъ далѣе идемъ мы въ наукѣ, въ мудрости, въ проницательности, въ разумѣ; ибо всякое сѣмя, брошенное въ нашъ разумъ, достигнетъ зрѣлости, такъ что тѣ, которые придутъ послѣдніе, опередятъ во всемъ пришедшихъ прежде». Этотъ взглядъ на прогрессъ былъ бы до извѣстной степени удовлетворителенъ и полонъ даже для нашего времени, если бы только Парацельсъ не указывалъ на предѣлъ прогресса, предѣлъ произвольный, не могущій быть подтвержденнымъ наукой и противорѣчащій здравому разуму. Отчетливость же формулированія идеи прогресса во всѣхъ другихъ отношеніяхъ доказываетъ, что мысль останавливалась на этомъ вопросѣ ужъ не такъ бѣгло, какъ въ предшествовавшія эпохи. Нельзя, однако же оставить безъ вниманія того, что Парацельсъ былъ человѣкъ, увлекающійся до крайности, а потому неудивительно, если, слѣдуя впечатлѣнію минуты, онъ уклонялся отъ своего направленія и впадалъ въ противорѣчія. Приведенный отрывокъ находится въ его «Liber de inventione artium»; въ другомъ же сочиненіи «De Sulfure», онъ жалуется, что образованность гибнетъ и что міръ сдѣлался вертепомъ разбойниковъ.

Идея прогресса, какъ ее высказалъ Кампанелла (1568—1639), монахъ-философъ-поэтъ и политикъ, уступаетъ въ опредѣленности идеѣ Мора и Парацельса и имѣетъ сильно обозначенный клерикальный оттѣнокъ; зато, по пылкому стремленію своему къ лучшему будущему, она живо рисуетъ намъ характеръ людей разсматриваемой теперь эпохи. Онъ также написалъ нѣчто въ родѣ «Утопіи», это «Civitas Solis», образцомъ которому послужила «Республика» Платона, съ тѣмъ измѣненіемъ, что философы-правители греческаго мыслителя замѣнены правителями-патерами. Совершавшіяся на его глазахъ великія открытія и изобрѣтенія внушаютъ ему безпредѣльныя надежды и превращаютъ вдохновеніе въ пророчество: «Новая монархія возни-

кнетъ. Искусства и законы совершенно преобразятся; явятся пророки; природа возродится и на святой народъ Христовъ ниспошлются блага; но прежде, чѣмъ строить, надо рубить и искоренять... Если счастливый золотой вѣкъ существовалъ когда-то на землѣ, то отчего же не вернуться ему опять?.. Философы увидятъ тогда описанную ими совершенную Республику, доселѣ еще никогда не существовавшую».

Совсѣмъ иной взглядъ на оплакиваемый Кампанеллою протекшій золотой вѣкъ имѣетъ поборникъ религіозной терпимости, Жанъ Боденъ (1530—1596), Идея прогресса у Бодена вытекаетъ изъ изученія исторіи и представляетъ удивительную для его времени ясность и опредѣленность. Онъ отрицаетъ старую басню о первобытномъ совершенствѣ. «Предполагаемый золотой вѣкъ—говоритъ онъ—былъ на самомъ дѣлѣ настоящимъ желѣзнымъ вѣкомъ, потому что, по свидѣтельству всѣхъ историковъ, въ эпоху младенчества человѣчества господствовала грубая сила». Постоянный прогрессъ въ исторіи Боденъ доказываетъ фактами. Онъ выставляетъ на видъ капитальные недостатки древней цивилизаціи. Восхваленіе прошедшаго и озлобленіе противъ настоящаго онъ считаетъ предразсудкомъ. Почему старики восхваляютъ прошедшее? Потому что на современное они смотрятъ сквозь недуги и дряхлость ихъ возраста, тогда какъ прошедшее оцѣнивается ими по воспоминаніямъ молодости. Такое понятіе о прогрессѣ, по духу, принадлежитъ уже нашему времени и на Бодена мы можемъ смотрѣть какъ на *крайняго* человѣка переходной эпохи.

Весьма замѣчателенъ также для своего вѣка взглядъ на прогрессъ гуманиста Помпоната (1462—1526), обвиненнаго въ ереси за идеи, высказанныя въ его сочиненіи «De Incantationibus». Онъ занятъ преимущественно прогрессомъ религіознымъ и настаиваетъ на его необходимости. Если человѣчество постоянно совершенствуется, говоритъ онъ, то не нелѣпо ли утверждать, что религія его останется неизмѣнною? Не должна ли она слѣдовать за прогрессомъ, совершающимся вокругъ нея, и быть такимъ образомъ въ соотвѣтствіи съ идеями людей, воспитаніе которыхъ она должна направлять? Если идея эта вѣрна, то, утверждаетъ Помпонатъ, нѣтъ религіи, которая не имѣла бы своего цвѣтущаго состоянія и своего паденія. Помпонатъ примѣнилъ это общее разсужденіе къ католичеству; онъ полагалъ, что непреложнымъ признакомъ его паденія было прекращеніе

чудесъ; а чудеса, по убѣжденію этого философа, были непремѣннымъ условіемъ не только эпохи установленія религіи, но и эпохи ея господства.

Отличіе этого взгляда отъ идей аббата Іоахима и Кампанеллы, съ которыми онъ имѣетъ сходство, весьма важны и должны быть взяты въ соображеніе при сравнительной оцѣнкѣ этихъ трехъ видоизмѣненій идеи религіознаго прогресса.

Переходная эпоха представляетъ несомнѣнный шагъ впередъ въ развитіи идеи прогресса. Мы видѣли, что формулированіе этой идеи Т. Моромъ и въ особенности Боденомъ представляетъ черты чисто новѣйшаго характера и вообще обнаруживаетъ взглядъ на развитіе человѣчества, значительно разнящійся отъ воззрѣній предшествовавшей эпохи.

Нельзя не замѣтить, однако же, что въ XVI столѣтіи, также какъ и ранѣе, идея прогресса не имѣетъ еще точки опоры, и потому, представляя отрывочныя наблюденія, нерѣдко весьма глубокія, и отдѣльныя соображенія, иногда смѣлыя, она не можетъ еще развиться въ ученіе, тенденціи къ которому замѣчаются уже въ воззрѣніяхъ Бодена. Этотъ существенный недостатокъ въ развитіи разсматриваемой нами идеи былъ пополненъ въ XVII вѣкѣ: точка опоры была найдена.

Мы сказали уже, что переходъ отъ геоцентрической системы къ геліоцентрической представляетъ великій переворотъ въ умственномъ развитіи человѣчества, такъ какъ вѣрное понятіе объ истинномъ положеніи земли во вселенной устанавливаетъ въ положеніи человѣка въ общей системѣ мірозданія новую точку зрѣнія, не имѣющую ничего общаго съ традиціоннымъ міросозерцаніемъ. Сочиненіе каноника Коперника, совершившаго этотъ громадный переворотъ въ представленіи о вселенной, вышло еще въ 1543-мъ году и система его была принята многими учеными; но вообще она распространялась медленно, такъ какъ убѣдиться въ истинѣ ея возможно было только умозрительно: телескопъ не былъ еще изобрѣтенъ и говорящія чувству доказательства: движеніе спутниковъ Юпитера, фазы Венеры, измѣненія вида пятенъ на солнцѣ и пр. не могли еще быть представлены всѣмъ и каждому. «Если ученіе Коперника справедливо,—говорили, напримѣръ, противники его системы,—то Венера должна представлять такія же фазы, какъ и луна, чего не бываетъ». Коперникъ видѣлъ это затрудненіе,

но опровергнуть его онъ могъ только посредствомъ предположенія, что планета, на которую указывали, прозрачна.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что эти частности не были въ состояніи помѣшать системѣ Коперника одержать верхъ; но для побѣды ея необходимо было весьма продолжительное время. Но внезапно совершилось событіе, значительно ускорившее эту побѣду и давшее геліоцентрической системѣ ясность и доказательность, легко достижимыя для всѣхъ и каждаго. Этимъ великимъ и счастливымъ событіемъ было изобрѣтеніе телескопа въ 1608 или 9 году.

Но кромѣ того, упроченіе и развитіе новой системы пошло успѣшно, благодаря сильному движенію, проявившемуся въ научной дѣятельности XVII вѣка. Галилей, кромѣ своихъ важныхъ изобрѣтеній и открытій въ области астрономіи, сдѣлалъ не менѣе важныя открытія въ механикѣ, изложенныя въ его «разговорахъ». Кеплеръ въ первыхъ годахъ столѣтія (1609—1617) установилъ на прочныхъ математическихъ основаніяхъ законы движенія небесныхъ тѣлъ и значительно исправилъ систему Коперника. Одновременно съ успѣхами астрономіи и механики прогрессировали и другія науки: Декартъ (1596—1650) положилъ основаніе аналитической геометріи; Нэперъ (1550—1617) усовершенствовалъ логариѳмы, Кастелли (1577—1644) создалъ гидравлику, Торричелли (1643) изобрѣлъ барометръ и открылъ законы гидростатики; Гарвей открылъ обращеніе крови (въ 1628), Санкторіо (1561—1636) употребилъ въ первый разъ вѣсы при физіологическихъ изысканіяхъ и положилъ начало новѣйшей физіологіи. Паскаль (1623—1662) установилъ ученіе о тяжести и давленіи воздуха, Отто Герике (1602—1686) изобрѣлъ воздушный насосъ, Бойль усовершенствовалъ его... Кромѣ того многія важныя открытія сдѣланы Гукомъ, Рейемъ, Турнефоромъ, Мальпиги, Листеромъ, Борелли и мн. другими, наконецъ этотъ же вѣкъ прославился великими открытіями Ньютона и Лейбница. Первый въ своихъ «Principia», представленныхъ въ 1686 г. Королевскому обществу, изложилъ открытый имъ законъ всеобщаго тяготѣнія. Кромѣ того онъ же сдѣлалъ еще открытія въ математикѣ (биномъ) и физикѣ (теорія свѣта). Лейбницъ установилъ дифференціальное и интегральное исчисленія, послужившія могущественнѣйшимъ средствомъ при изученіи природы... «Работа въ мірѣ мысли съ этихъ поръ идетъ ужъ непрерывно,—говоритъ А. Гумбольдтъ во 2-й книгѣ «Кос-

моса».—Всѣ ея части поддерживаютъ другъ друга. Ни одинъ изъ прежнихъ умственныхъ зародышей не глохнетъ».

Очевидно, несмотря на краткость сдѣланныхъ нами указаній, что научное движеніе XVII вѣка дало совершенно новое направленіе умственной дѣятельности, направленіе, опиравшееся на разумѣ, самобытно изучавшемъ природу и совершенно свободно относившемся къ традиціи, выше которой естественно долженъ былъ стать опытъ, наблюденіе и добытыя ими положительныя знанія. Все это не могло не повліять весьма рѣшительно на развитіе идеи прогресса, и мы сказали уже, что въ теченіе этого вѣка она пережила важный моментъ своего собственнаго прогресса.

Два великихъ философа XVII столѣтія, Франсисъ Баконъ и Рене Декартъ, установили тѣ основныя начала, отъ которыхъ идея прогресса уже болѣе не уклонялась въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, а потому мы и начнемъ теперь съ обзора ихъ воззрѣній.

Первая часть знаменитаго сочиненія Бакона «Novum Organon» посвящена изслѣдованію причинъ и источниковъ человѣческихъ заблужденій, препятствовавшихъ людямъ постигать истину. Баконъ называетъ эти источники заблужденій «идолами», которымъ поклоняются люди. Такихъ идоловъ, по его мнѣнію, четыре рода: 1) идолы наслѣдственные, состоящіе въ тѣхъ общечеловѣческихъ заблужденіяхъ, которыя происходятъ отъ недостатковъ, врожденныхъ человѣку. 2) Idola specus, личныя заблужденія, являющіяся отъ особенностей индивидуальнаго развитія. 3) Идолы форума, идолы площади, т.-е заблужденія, происходящія отъ условнаго уваженія общества къ какому-нибудь понятію; и наконецъ 4) идолы сцены, т.-е. заблужденія, внушаемыя намъ авторитетами мысли, при помощи сценической обстановки своихъ идей. Эти идолы, по мнѣнію Бакона, самые опасные. Въ заключеніе (во 2-й книгѣ) авторъ предостерегаетъ читателя отъ опасности обращенія его воззрѣній въ новый idolum theatri, отъ которыхъ онъ такъ желалъ его освободить.

Увлеченіе древностью было еще очень сильно въ его время, а потому онъ обращаетъ особенное вниманіе на ниспроверженіе идоловъ, представляемыхъ древностью и стоящихъ поперекъ всего развитія той эпохи. «Одна изъ причинъ, наиболѣе препятствовавшихъ прогрессу, который возможно было совершить

въ наукахъ,—говоритъ онъ,—и такъ сказать, какъ бы очарованіемъ пригвоздившихъ людей къ одному мѣсту, заключается въ глубокомъ почтеніи, которое они имѣютъ всего прежде къ древности, и потомъ къ авторитету тѣхъ личностей, на которыхъ они смотрятъ, какъ на великихъ учителей философіи.

«Что касается древности, то мнѣніе, которое они составили о ней вслѣдствіе недостаточной обдуманности, совершенно поверхностно и ни мало не сообразно съ естественнымъ смысломъ слова, къ которому оно прилагается. Слово древность слѣдуетъ связывать со старостью міра и его зрѣлымъ возрастомъ; но старость міра и есть именно время, въ которое мы живемъ, а не то, въ которое жили древніе и которое было молодостью міра. Въ самомъ дѣлѣ, время, въ которое они жили, болѣе древне по отношенію къ намъ; но по отношенію къ міру, оно было ново. Но, точно такъ же, какъ при желаніи найти въ человѣкѣ большее знаніе жизни и извѣстную зрѣлость сужденія, будутъ искать то и другое скорѣе въ старикѣ, чѣмъ въ молодомъ человѣкѣ, достаточно зная, какое преимущество дается первому его продолжительнымъ опытомъ, количествомъ и разнообразіемъ предметовъ, видѣнныхъ имъ, слышанныхъ и обдуманныхъ самимъ; такимъ образомъ и по той же самой причинѣ, если бы нашъ вѣкъ, знающій лучше свои силы, имѣлъ мужество испытать ихъ и желаніе увеличить, упражняя ихъ, то отъ него можно бы ожидать болѣе, чѣмъ отъ древности, въ которой онъ ищетъ себѣ образцы: міръ сталъ старѣе и масса опытовъ и наблюденій возрасла до безконечности.

«Не слѣдуетъ еще оставлять безъ вниманія и того, что при посредствѣ мореплаванія и столь умножившихся въ наше время отдаленныхъ путешествій, было открыто и наблюдаемо въ природѣ безчисленное множество вещей, могущихъ распространить новый свѣтъ въ философіи. И кромѣ того, не было ли бы стыдомъ для человѣчества, послѣ открытія въ матеріальномъ мірѣ столькихъ странъ, земель, морей и свѣтилъ, терпѣть въ то же время, чтобы предѣлы міра интеллектуальнаго оставались въ тѣсныхъ границахъ древнихъ открытій».

Разрушивъ идоловъ древности, Баконъ посвящаетъ вторую книгу «Органона» развитію своего новаго метода. Къ сожалѣнію, книга эта не кончена. Взглядъ Бакона на исторію человѣчества чрезвычайно замѣчателенъ. Онъ не только ставитъ прогрессъ какъ главный законъ ея, но и указываетъ самый путь прогресса.

Сущность прогресса, по мнѣнію Бакона, заключается въ стремленіи побѣдить природу, цѣль его—эта побѣда, средства—искусство наблюдать, умѣніе пользоваться своими наблюденіями, изобрѣтательность. Задача исторіи есть не только исчисленіе такихъ изобрѣтеній, но и наука дѣлать ихъ. Исторія, по выраженію Бакона, должна обезпечить искусство изобрѣтенія и, если до сихъ поръ человѣкъ изобрѣталъ случайно, то, когда будутъ найдены правила самаго изобрѣтенія, онъ будетъ изобрѣтать несравненно болѣе. Предѣлы невозможнаго для человѣка все будутъ отодвигаться дальше и дальше. И въ настоящее время даже, говоритъ Баконъ, понятіе невозможнаго было всегда только условно: «Надобно думать, что природа скрываетъ отъ насъ еще тысячи тайнъ, самыхъ полезныхъ, которыя не имѣютъ и тѣни сходства съ тѣмъ, что уже изобрѣтено, и которыя лежатъ внѣ пробитыхъ дорожекъ нашего воображенія... Родъ человѣческій всегда признаетъ сначала то или другое рѣшительно невозможнымъ, а послѣ ему кажется невозможнымъ то, чтобы такое изобрѣтеніе когда-нибудь могло быть неизвѣстнымъ».

Между всѣми человѣческими дѣяніями, Баконъ всего выше ставитъ изобрѣтеніе. Онъ утверждаетъ, что такъ же думали и въ древности, потому что изобрѣтателямъ отдавались божескія почести, тогда какъ тѣхъ, которые оказывали услуги государству, считали только героями. Сравнивая эти два рода услугъ, Баконъ называетъ вторыя временными, а первыя—вѣчными. Онъ называетъ изобрѣтенія вторичнымъ твореніемъ и приписываетъ имъ причины различія между цивилизованнымъ человѣкомъ и дикаремъ. Разсматривая съ этой точки человѣческое честолюбіе, онъ дѣлитъ его на три рода: къ первому онъ относитъ людей, стремящихся увеличить власть свою въ странѣ; ко второму—желающихъ усилить власть своей страны надъ остальнымъ человѣчествомъ, и къ третьему, истинно-высокому и благородному честолюбію, онъ причисляетъ тѣхъ, которые стремятся утвердить и расширить власть рода человѣческаго надъ матеріальною природой. «А власть человѣка надъ природой основана единственно на наукахъ и искусствахъ, потому что природою можно повелѣвать, только повинуясь ея законамъ».

Одна изъ сторонъ прогресса, какъ его понимаетъ Баконъ, заключается въ томъ, что люди будутъ постепенно уравниваться въ умственномъ развитіи, такъ что то, что было возможно пре-

жде только людямъ особенно проницательнымъ или необыкновенно искуснымъ, сдѣлается возможнымъ для всѣхъ и каждаго. Въ прежнее время, напримѣръ, только тотъ могъ провести правильно прямую линію или вѣрно начертить кругъ, кто имѣлъ особенную твердость руки и вѣрность глаза; но съ тѣхъ поръ, какъ были изобрѣтены линейка и циркуль, это сдѣлалось не только возможно, но и легко для всѣхъ и каждаго.

Въ этой же части «Органона» излагаются въ общихъ чертахъ мысли Бакона о *постоянствѣ* и *вѣчности* прогресса, которыя должны были быть развиты въ четвертой части его «Инставраціи», которой нѣтъ. Главная мысль его состоитъ въ томъ, что самыя неудачи нашихъ предковъ въ стремленіи къ цѣлямъ, которыхъ мы успѣли достигнуть, свидѣтельствуютъ о томъ, что причина невозможности находится не въ природѣ вещей, а въ нашемъ неумѣніи пользоваться ими. Такъ какъ въ познаваніи вещей сдѣланъ большой прогрессъ и такъ какъ прогрессъ этотъ достигнутъ лучшими методами познаванія, то очевидно, что препятствія лежатъ въ существующихъ еще недостаткахъ метода. Но недостатки эти могутъ быть устранены и вообще методъ можетъ совершенствоваться безконечно.

Каковы же недостатки метода, предшествовавшаго Бакону? Самъ онъ отвѣчаетъ на это такъ: «Науки до сихъ поръ были обработываемы или эмпириками, или догматиками. Эмпирики, какъ муравьи, умѣютъ только накоплять все въ кучу и потреблять все сами на мѣстѣ. Догматики, наподобіе пауковъ, ткутъ ткань изъ самихъ себя. Процедура у пчелы занимаетъ средину между ними: она собираетъ, какъ муравей, свой матеріалъ на цвѣтахъ садовъ, на поляхъ, но она ихъ преобразуетъ и дистиллируетъ въ силу прирожденной ей способности. Таковъ образъ истинной работы философіи, которая не считаетъ сама себя источникомъ познанія, какъ паукъ, или, какъ муравей, не ограничивается наносомъ въ нашу память множества опытныхъ фактовъ, но влагаетъ ихъ въ нашъ духъ видоизмѣненными и преобразованными. Надобно ожидать великаго отъ соединенія этихъ двухъ методовъ, опытнаго и раціональнаго,—соединенія, до сихъ поръ еще не встрѣчавшагося».

Такова общая характеристика основаній прогресса, положенныхъ Бакономъ. При оцѣнкѣ ихъ, какъ онъ самъ говоритъ, слѣдуетъ становиться на ту точку зрѣнія, что онъ ничего не сдѣлалъ великаго, но только то, что считалось великимъ, сдѣлалъ малымъ.

Декартъ задумалъ свое «Разсужденіе о методѣ» подъ впечатлѣніемъ чтенія «Новаго Органона»; но умъ французскаго философа былъ настолько оригиналенъ, что онъ далъ теченію своихъ идей совершенно иное направленіе. Точка исхода обоихъ мыслителей имѣетъ, однако же, много общаго и общность эта, въ отношеніи къ разсматриваемой нами идеѣ, имѣетъ важное значеніе. Баконъ начинаетъ съ низверженія идоловъ, Декартъ выходитъ изъ безусловнаго сомнѣнія. Оба, слѣдовательно, относятся къ прошедшему отрицательно. Это отношеніе къ прошедшему выразилось еще у Декарта тѣмъ, что онъ писалъ, противъ принятаго обыкновенія, не на латинскомъ языкѣ, а на французскомъ. Подобно Бакону, Декартъ не требуетъ рабскаго преклоненія предъ своими воззрѣніями, а заявляетъ необходимость свободнаго, критическаго отношенія къ нимъ. «Я не хочу давать другимъ средство руководить ихъ разумомъ, — говоритъ онъ, — и намѣренъ только показать, какимъ образомъ я старался руководить своимъ собственнымъ».

Для руководства своего разума Декартъ принялъ четыре слѣдующія правила:

Первое состоитъ въ томъ, чтобы не принимать ничего за истину прежде, чѣмъ очевидность этой истины не стала извѣстной; т.-е. тщательно избѣгать предубѣжденій и поспѣшныхъ заключеній и принимать только то, что представляется разуму ясно и отчетливо и не даетъ повода ни къ какому сомнѣнію.

Второе заключается въ раздѣленіи каждой встрѣчающейся трудности на столько частицъ, сколько только возможно и на сколько требуется для лучшаго ихъ разрѣшенія.

Третье: вести идеи въ порядкѣ, начинать съ вещей простѣйшихъ и легче познаваемыхъ и постепенно переходить къ болѣе сложнымъ.

И наконецъ, *четвертое* правило требуетъ такихъ полныхъ перечисленій и обозрѣній столь общихъ, чтобы могла составиться увѣренность въ томъ, что ничего не было пропущено.

Изъ этого видно, что критически-скептическое отношеніе къ прошедшему и твердое направленіе пути для открытія истины въ будущемъ давали Декарту, какъ бы готовою уже, смѣлую и свободную идею прогресса. Притомъ же, «Новый органонъ», какъ я сказалъ, былъ ему извѣстенъ и идея была ему дана ранѣе, чѣмъ своими размышленіями онъ выработалъ ея основы и характеръ. Однако же, несмотря на все это, онъ высказываетъ ее

далеко не вполнѣ и чрезвычайно односторонне, такъ что въ изложеніи его нельзя не видѣть явнаго противорѣчія съ имъ же установленными правилами. Причина такой сдержанности заключается, по предположенію Жавори (De l'idée du progrès), въ томъ, что еще въ 1624 году (Discours de la methode вышелъ въ 1637) состоялось постановленіе парламента, запрещавшее, подъ страхомъ смертной казни, всякое измѣненіе разсужденій противъ одобренныхъ Сорбонною писателей. Такимъ образомъ. осторожность заставила его ограничиться только прогрессомъ научнымъ.

Говоря о своихъ открытіяхъ въ области естествознанія, онъ выражается такъ: «Открытія эти доказали мнѣ, что существуетъ возможность достичь до такихъ познаній, которыя были бы полезными для жизни, и что вмѣсто той умозрительной философіи, которую преподаютъ въ школахъ, можно открыть иную философію—практическую, съ помощью которой, узнавъ силу и дѣйствіе огня, воды, воздуха, свѣтилъ и другихъ окружающихъ насъ тѣлъ, такъ же хорошо, какъ мы знаемъ ремесла, мы пользовались бы нашимъ знаніемъ для употребленія этихъ вещей сообразно ихъ свойствамъ и стали бы, такимъ образомъ, какъ бы владѣтелями и господами природы». Это идея Бакона; но Декартъ идетъ еще далѣе; онъ полагаетъ, что при такомъ прогрессѣ наукъ «можно будетъ освободиться отъ безчисленнаго множества какъ тѣлесныхъ, такъ и умственныхъ болѣзней и даже, можетъ быть, отъ одряхлѣнія въ старости, если только причины ихъ будутъ извѣстны, и будетъ открыто то множество лекарственныхъ средствъ, которыми снабдила насъ природа».

Въ виду такой важности научнаго развитія для общества, Декартъ высказываетъ желаніе: «чтобы всѣ дѣльные умы обнародовали результаты своихъ занятій и опытовъ, такъ чтобы предѣлъ жизни и работъ однихъ становился началомъ жизни и работъ другихъ и чтобы такимъ образомъ индивидуальные успѣхи служили источникомъ и основаніемъ всеобщаго прогресса человѣчества». Это желаніе, столь обыкновенное въ наше время, тѣмъ и замѣчательно, что оно внушено духомъ новѣйшаго времени. Оно показываетъ, что Декартъ смотрѣлъ на преемство знаній какъ на необходимое условіе прогресса, но что преемство это относилъ онъ къ знаніямъ и опытамъ и не придавалъ никакого значенія понятіямъ о вещахъ, имѣвшихъ источникомъ бездоказательную традицію, откуда бы она ни шла. Отецъ ра-

ціонализма, конечно, и не могъ думать иначе; но постороннія причины заставляли его касаться этого вопроса только косвенно...

Здѣсь не мѣсто оцѣнивать Декарта и Бакона какъ основателей новѣйшей философіи и опредѣлять ихъ относительное значеніе въ этомъ отношеніи. Каковы бы ни были ихъ достоинства и недостатки и какъ бы ни различались между собою тѣ направленія философскаго мышленія, которыя отъ нихъ берутъ свое начало,—значеніе обоихъ ихъ въ развитіи идеи прогресса почти въ одинаковой степени велико. Имъ обоимъ, какъ мы сказали, идея прогресса обязана той прочной точкой опоры, которой недоставало въ развитіи ея до того времени и отсутствіе которой дѣлало это развитіе недостаточно-послѣдовательнымъ и медленнымъ. Съ Бакона и Декарта начинаетъ обозначаться первенство умственной дѣятельности въ ходѣ человѣческаго развитія. Это первенство составляетъ главную характеристическую черту новѣйшаго фазиса развитія идеи прогресса и служитъ основаніемъ для послѣдующаго развитія этой идеи въ полное и всестороннее ученіе о прогрессѣ. Этотъ переходъ совершился, конечно, не вдругъ: мыслители XVII вѣка кладутъ идеѣ прогресса произвольныя ограниченія и, такимъ образомъ, мало способствуютъ ея развитію; но важно уже то, что развитіе это не подвигается болѣе ощупью, а строится на незыблемомъ основаніи и неуклонно стремится къ расширенію границъ которыя могутъ назначаться ему только искусственно.

Признаніе первенства разума очевидно исключаетъ господство авторитетовъ. Верховнымъ авторитетомъ становится разумъ, предъ которымъ неизбѣжно долженъ склониться всякій авторитетъ. Я говорилъ уже, что Декартъ началъ съ безусловнаго сомнѣнія и что авторитетовъ онъ не уважалъ ни ради ихъ древности, ни ради другихъ какихъ бы то ни было постороннихъ разуму побужденій. Ученикъ его, Мальбраншъ, уважалъ древнихъ не болѣе своего учителя. Повторяя мысль Декарта, что люди должны руководиться однимъ только разумомъ, онъ говоритъ, «что чрезмѣрное почтеніе къ древности часто заставляетъ насъ считать себя неспособными сдѣлаться когда-либо столь просвѣщенными, какъ были древніе, и лишаетъ насъ смѣлости предпринять что-либо въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ ихъ постигла неудача. Причина этого воззрѣнія заключается въ чрезмѣрномъ уваженіи, смѣшанномъ съ глупымъ любопытствомъ (sotte curiosité). Разъискиваютъ древнія медали, съѣденныя

ржавчиной, и сберегаютъ тщательно фонарь и туфли какого-нибудь древняго человѣка, вся цѣна которыхъ въ ихъ древности... Мнѣнія древнихъ, ради древности ихъ, также особенно уважаются и, конечно, если бы Немвродъ написалъ исторію своего царствованія, въ ней открыли бы самую тонкую политику и даже всѣ другія науки. Надо почитать древность, говорятъ. Какъ можно, чтобы такіе великіе люди, какъ Платонъ, Аристотель, Эпикуръ, ошибались! Не принимаютъ въ соображеніе того, что Платонъ, Аристотель, Эпикуръ были такіе же люди, какъ и мы, и, болѣе того, что вѣкъ, въ который мы живемъ, старѣе того, въ которомъ они жили, на цѣлые двѣ тысячи лѣтъ; что вѣкъ этотъ обладаетъ бо̀льшимъ опытомъ, что поэтому онъ долженъ быть болѣе просвѣщеннымъ, такъ какъ старость и опытность вѣка способствуютъ открытію истины» (Recherche de la vérité, 1674). Рядомъ съ этимъ взглядомъ на древность слѣдуетъ указать на то ограниченіе идеи прогресса, которое свойственно, какъ я указалъ, всѣмъ мыслителямъ XVII вѣка, которое дѣлаетъ и Мальбраншъ. Ограниченіе это касается области теологіи. Мальбраншъ не допускаетъ въ ней никакихъ измѣненій. Истина—утверждаетъ онъ—вполнѣ открыта въ этой сферѣ умозрѣній, а потому всякое любопытство здѣсь излишне. Мальбраншъ, очевидно, былъ не въ состояніи помирить послѣдовательность своихъ воззрѣній съ ортодоксальностью и рѣшился принести первую въ жертву послѣдней.

Ограниченіе идеи прогресса, на которое мы уже не разъ указывали, имѣетъ слѣдствіемъ то, что идея прогресса проникаетъ въ лагери самыхъ противоположныхъ направленій. Янсенистамъ нелегко было согласить идею прогресса съ своимъ міросозерцаніемъ. Однако же, Арно̀ и Николь не только не отвергаютъ ее, но и стараются привести новые доводы для ея подкрѣпленія. «Существуетъ постоянный, столь же древній, какъ міръ, прогрессъ,—говоритъ Николь въ своемъ разсужденіи о бытіи Бога.—Прогрессъ этотъ подобенъ прогрессу человѣка, выходящаго изъ дѣтства и проходящаго другіе возрасты».

Это сравненіе всеобщаго прогресса человѣчества съ прогрессомъ отдѣльнаго человѣка съ большею полнотою высказано Паскалемъ. «Человѣкъ невѣжественъ въ первомъ возрастѣ своей жизни, но онъ никогда не перестаетъ прогрессировать; потому что онъ извлекаетъ выгоду не только изъ своего опыта, но и изъ опыта своихъ предшественниковъ. Отсюда происходитъ,

что, благодаря особенному преимуществу, не только всякій человѣкъ со дня на день подвигается впередъ въ наукахъ, но что и всѣ люди вмѣстѣ дѣлаютъ въ нихъ постоянный прогрессъ по мѣрѣ того, какъ міръ старится, потому что человѣческія поколѣнія представляютъ тѣ же явленія, что̀ и жизнь отдѣльнаго человѣка. Такимъ образомъ человѣческое общество, во всей его совокупности, должно быть разсматриваемо какъ одинъ человѣкъ, существованіе котораго не прекращается и который не перестаетъ обучаться». Эта мысль приводитъ Паскаля къ повторенію мнѣнія Бакона и Мальбранша о превосходствѣ людей новаго времени надъ древними. Мнѣніе же его о неизмѣняемости теологіи то же, что и Мальбранша.

Идея прогресса высказывается нерѣдко во французской литературѣ XVII вѣка. Такъ, напримѣръ, Ла-Брюйэръ говоритъ: «Если міръ просуществуетъ только сто милліоновъ лѣтъ, то онъ будетъ находиться еще во всей своей свѣжести, и теперь едва еще только начинается: мы сами примыкаемъ къ первымъ людямъ и къ патріархамъ; и какъ можно будетъ не смѣшать насъ съ ними по прошествіи столькихъ вѣковъ? Но если судить о будущемъ по прошедшему, то такое множество вещей еще неизвѣстно намъ въ искусствахъ, въ наукахъ, въ природѣ и, смѣю сказать, въ исторіи! Какихъ только открытій не будетъ сдѣлано? Какіе разнообразные перевороты должны произойти по всей землѣ, въ разныхъ странахъ и государствахъ! Какъ велико наше невѣжество! и какъ ничтоженъ опытъ какихъ нибудь семи, восьми тысячъ лѣтъ!»

Популяризаціи, а отчасти и развитію идеи прогресса много способствовалъ возникшій въ литературѣ споръ о сравнительномъ значеніи древняго и новаго времени. Шарль Перро́, нынѣ извѣстный только какъ авторъ волшебныхъ сказокъ, утверждалъ превосходство новаго времени и горячо полемизировалъ съ Буало́, отстаивавшимъ древность. Все образованное общество приняло участіе въ этомъ спорѣ, даже при дворѣ были партіи, державшіяся той или другой стороны. Всякому приходилось высказаться въ томъ или другомъ смыслѣ. Споръ этотъ, повидимому, чисто литературный, имѣлъ философское значеніе, такъ какъ полемика о превосходствѣ произведеній поэзіи и вообще искусства предполагала уже такъ или иначе сознанную и понимаемую идею прогресса.

Перро́ доказывалъ, что современники безусловно превосхо-

дятъ древнихъ во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности. Такой тезисъ, очевидно, долженъ былъ встрѣтить не мало трудностей по отношенію къ искусствамъ, такъ какъ было общепринято, что древность оставила такія произведенія, превзойти которыя было невозможно. Итакъ, ему предстояло всего прежде устранить эти предразсудки и сдѣлать такимъ образомъ возможнымъ безпристрастіе въ оцѣнкѣ древняго и новаго времени. Планъ его сочиненія: «Parallèle des Anciens et des Modernes, 1688» былъ составленъ въ такомъ смыслѣ, но остался невыполненнымъ, отчего у него явилось множество несообразностей и противорѣчій, которыми и воспользовался Буало́, ѣдко осмѣявъ своего неловкаго противника, такъ что весь споръ, по замѣчанію Вольтера, окончился смѣхомъ надъ Перро́.

Неудача Перро́ не лишаетъ, однако же, значенія высказанныя имъ идеи, а потому мы и скажемъ о нихъ нѣсколько словъ. Перро́ былъ приведенъ къ признанію превосходства новаго времени надъ древностью наблюденіемъ прогресса, совершоннаго въ области науки и промышленности. Это наблюденіе приводитъ его къ опредѣленію общихъ принциповъ прогресса. Онъ сравниваетъ прогрессъ человѣчества съ теченіемъ рѣки, масса водъ которой постоянно возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ она принимаетъ въ себя впадающіе въ нее притоки и ручьи. Онъ повторяетъ сравненіе человѣчества съ отдѣльнымъ человѣкомъ, не перестающимъ обучаться; онъ утверждаетъ вслѣдъ за Бакономъ, что древняя эпоха есть эпоха младенчества человѣчества, и старается объяснить задержки развитія сравненіемъ съ подземнымъ теченіемъ рѣкъ, выходящихъ на нѣкоторомъ разстояніи опять на поверхность и совершающихъ безпрепятственно свое дальнѣйшее теченіе. Изложивъ общія основанія, онъ послѣдовательно разсматриваетъ прогрессъ краснорѣчія, поэзіи, искусствъ и наконецъ наукъ, доказывая посредствомъ сравненія превосходство новаго времени въ каждой изъ этихъ отраслей умственной дѣятельности. Нельзя не замѣтить, что порядокъ, принятый имъ, былъ крайне не цѣлесообразенъ: научный прогрессъ не отрицали и въ его время, а потому и надо было начинать съ него. Онъ, несомнѣнно, глубоко убѣжденъ въ томъ, что́ доказываетъ, и идею прогресса понимаетъ широко и ясно; но неумѣніе справиться съ своимъ предметомъ, отсутствіе таланта дѣлаютъ аргументацію его слабой и отнимаютъ у нея почти всякій интересъ въ настоящее время.

Сравненіе древняго и новаго времени встрѣчается въ послѣдній разъ у Фонтенеля въ его «Digression sur les anciens et les modernes, 1723». Хотя сочиненіе это относится по времени къ XVIII вѣку, но оно такъ тѣсно связано по своему предмету съ полемикой Перро́ и Буало́, что о немъ лучше сказать теперь. Сдѣлавъ сравненіе между древнимъ временемъ и новымъ, Фонтенель говоритъ, что новое, естественно, должно было уйти впередъ и что ему, по справедливости, слѣдуетъ отдать преимущество. Но онъ спѣшитъ замѣтить, что достоинство древности совершенно не унижено превосходствомъ новаго времени; самыя заблужденія, которыя встрѣчаются у древнихъ, имѣютъ для новаго времени значеніе, потому что они способствовали также просвѣщенію его. Затѣмъ онъ дѣлаетъ различіе между науками, прогрессъ которыхъ обусловливается накопленіемъ знаній и опыта, и поэзіей, требующей живости воображенія и нѣкоторыхъ только, весьма ограниченныхъ знаній. Изъ этого онъ заключаетъ, что древніе могли подняться въ поэзіи до такой высоты, до которой не могла подняться ни одна изъ послѣдующихъ эпохъ; но что это не рѣшаетъ еще вопроса о ихъ превосходствѣ. Что же касается наукъ, то Фонтенель признаетъ въ нихъ постоянный прогрессъ, предѣлъ котораго, по его мнѣнію, назначить невозможно. Итакъ, споръ о сравнительныхъ преимуществахъ новаго и стараго времени имѣлъ результатомъ укрѣпленіе и распространеніе убѣжденія въ первенствующей важности прогресса умственной дѣятельносстн и въ особенноти прогресса научнаго.

Не останавливаясь надъ сужденіемъ о прогрессѣ бельгійскаго врача Ванъ-Гельмонта, идеи котораго вращались преимущественно въ теологической сферѣ и были во многихъ отношеніяхъ крайне не ортодоксальны, въ особенности же по вопросу о вѣчности загробныхъ мукъ, мы перейдемъ къ Лейбницу, стоящему на рубежѣ XVII и XVIII столѣтій и имѣющему весьма видное мѣсто въ исторіи развитія идеи прогресса. Лейбницъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы сдѣлаться философомъ прогресса. Геній универсальный, мыслитель глубокій, тщательный историкъ, нововводитель въ математикѣ, страстный ученый,—онъ располагалъ всѣми средствами для того, чтобы мысленно охватить прогрессъ во всемъ разнообразіи его проявленій, открыть его законъ и формулировать со всею опредѣленностью, и ясностью, на какую только былъ способенъ такой высокій умъ. Къ несчастью, этому высокому уму не доставало одного качества—рѣ-

шимости. Вотъ причина, почему онъ такъ горячо хлопочетъ о соглашеніи вопросовъ, по существу своему совершенно несогласимыхъ, такъ старается объ объясненіи вещей рѣшительно необъяснимыхъ и заставляетъ философію дѣлать уступки требованіямъ совершенно нефилософскимъ. Такимъ образомъ, идея прогресса у Лейбница, не смотря на оптимизмъ, въ который онъ ее возвелъ, вышла, однако же, ограниченною, неполною и не лишенною противорѣчій.

Воззрѣнія Лейбница на прогрессъ изложены въ его «Théodicée» и «Principes de la nature et de la grâce». Они находятся въ прямой зависимости отъ общаго «закона непрерывности», который, по понятію Лейбница, управляетъ всѣмъ существующимъ. Вотъ этотъ законъ въ общихъ чертахъ. Міръ состоитъ изъ монадъ, т.-е. изъ неуничтожимыхъ частицъ, сущность которыхъ есть дѣятельность. Эти монады были сотворены одновременно и одарены разными свойствами и необходимою силою для саморазвитія. Развитіе монадъ предѣла не имѣетъ: ихъ смерть есть только возрожденіе къ новой жизни и каждый такой переходъ къ новой жизни есть только обнаруживаніе новаго фазиса ихъ существованія. Въ этомъ сцѣпленіи возрожденій и заключается законъ непрерывности, содержащій въ себѣ идею безпредѣльнаго прогресса. Души человѣческія также монады и отличаются отъ другихъ монадъ только высшими свойствами: сознаніемъ и свободой, и потому Лейбницъ выдѣляетъ ихъ изъ совокупности всѣхъ прочихъ монадъ, но, тѣмъ не менѣе, подчиняетъ тому же закону непрерывности, по смыслу котораго люди не были прежде тѣмъ, что они теперь и чѣмъ будутъ впослѣдствіи. Вѣчное и постоянное измѣненіе есть необходимый законъ существованія.

Міръ, управляемый закономъ непрерывности, есть одинъ изъ множества *возможныхъ* міровъ, стремящихся къ бытію, но это есть *самый лучшій* міръ, выбранный Богомъ изъ множества представляющихся возможностей. Въ этомъ мірѣ—утверждаетъ Лейбницъ—существуетъ одинъ безпрерывный и самобытный прогрессъ, стремящійся къ верху красоты и совершенства, какое возможно для рукъ божества, такъ что міръ стремится постоянно къ лучшему состоянію. Это вѣчное совершенствованіе и дѣлаетъ его лучшимъ изъ міровъ.

Принимая законъ безконечнаго совершенствованія для человѣка, совершенствованія, не прекращающагося даже и

смертью, Лейбницъ, очевидно, долженъ былъ войти въ столкновеніе съ нѣкоторыми весьма важными теологическими положеніями. Будучи вполнѣ послѣдовательнымъ, онъ долженъ былъ склоняться къ воззрѣніямъ Ванъ-Гельмонта; но, по своей нерѣшимости, онъ этого не дѣлаетъ. Напротивъ, онъ старается согласить свои воззрѣнія съ теологіей посредствомъ разныхъ тонкихъ метафизическихъ различеній и сближеній и успѣваетъ въ этомъ... насколько это возможно.

Оставляя высокія и отдаленныя сферы прогресса, переходящаго даже за предѣлы жизни, остается сказать только о томъ, какъ понималъ Лейбницъ прогрессъ земной жизни человѣчества въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Мы уже сказали, что подъ лучшимъ онъ разумѣетъ міръ совершенствующійся, міръ прогрессивный. Исходя изъ такой точки зрѣнія, онъ выражаетъ желаніе, чтобы всякій человѣкъ дѣлалъ все возможное для усовершенствованія себя и всего, прогрессъ чего отъ него зависитъ. Онъ предвѣщаетъ большія перемѣны въ жизни человѣческихъ обществъ, но, осторожно избѣгая опредѣленныхъ указаній, умалчиваетъ о томъ, каковы именно будутъ эти перемѣны. Онъ вообще говоритъ, что совершится много добра и много зла, но что въ концѣ-концовъ все придетъ однако къ лучшему.

Эту послѣднюю мысль, особенно рельефно выставляющую его историческій оптимизмъ, онъ съ наибольшею опредѣленностью высказываетъ въ «Nouveaux essais sur l'Entendement humain». Говоря о нѣкоторыхъ неодобряемыхъ имъ идеяхъ, попадающихся въ новыхъ *модныхъ* сочиненіяхъ и приготовляющихъ неизбѣжный переворотъ въ Европѣ, онъ прибавляетъ слѣдующее: «Если эпидемія, вредное дѣйствіе которой начинаетъ уже быть замѣтнымъ, будетъ устранена, то, быть можетъ, бѣдствія будутъ предупреждены; но если она станетъ возрастать, то провидѣніе исправитъ людей тѣмъ самымъ переворотомъ, который былъ ею подготовленъ, ибо, чтобы ни случилось, *все придетъ въ концѣ-концовъ къ лучшему*, хотя это не обойдется и не можетъ обойтись безъ кары тѣхъ, которые *привели къ добру своими недобрыми дѣйствіями*» (?).

Переходъ къ новому времени, открывающемуся XVII вѣкомъ, совершился, какъ сказано выше, путемъ великаго умственнаго, переворота, произведеннаго наукой. Земля изъ средоточія міра снизошла на степень ничтожной песчинки въ

міровомъ пространствѣ, наполненномъ безчисленнымъ множествомъ такихъ песчинокъ. Прежній взглядъ на исключительное ея значеніе во вселенной лишился опоры и сторонникамъ его приходилось или стречься отъ него и всѣхъ его послѣдствій, или отвергать его. Первое стоило послѣдняго: оба исхода были для нихъ ужасны, такъ какъ имъ равно не хотѣлось ни отречься отъ своего міросозерцанія и, обратясь въ обыкновенныхъ смертныхъ, лишиться своего значенія, ни упорно держаться старины и, повидимому только сохраняя свое прежнее величіе, стать явными обскурантами и ретроградами, т.-е. уступить другимъ первенство въ сферѣ умственной дѣятельности. Эта альтернатива, очевидная даже и для наименѣе проницательныхъ, заставила клерикаловъ употребить всѣ усилія, чтобы задушить истину ранѣе, чѣмъ она успѣетъ распространиться. Завязалась борьба, въ которой наука опиралась на одну только собственную силу противъ могущественныхъ повидимому средствъ своего врага,— и наука побѣдила. Эта побѣда, произведя сильное впечатлѣніе на умы, не могла не повліять на пониманіе прогресса. Значеніе научнаго прогресса впервые представлялось во всей его силѣ и оно было заявлено двумя величайшими умами этой эпохи. До Бакона и Декарта идея прогресса страдала большою неопредѣленностью: говорили о прогрессѣ вообще и въ прошедшемъ, и въ будущемъ; но какимъ образомъ онъ совершается, на чемъ основывается, чѣмъ задерживается, объ этомъ никто не говорилъ. Вообще идея прогресса не разработывалась какъ отдѣльный самостоятельный вопросъ, ни въ XV, ни въ XVI вѣкѣ. Она высказывается *между прочимъ*, она подразумѣвается, она на второмъ планѣ. Одинъ Боденъ составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Неопредѣленность идеи прогресса имѣетъ еще и другое слѣдствіе—прогрессъ будущаго представляется болѣе или менѣе фантастическимъ, и то или другое начало отрицается во имя принциповъ, не всегда ясно сознанныхъ и твердо установленныхъ. Таковы представленія о будущемъ Кампанеллы, отрицаніе авторитетовъ Помпоната, презрѣніе къ древности Парацельса. Въ семнадцатомъ вѣкѣ вырабатывается наконецъ убѣжденіе, что основаніе прогресса есть умственная дѣятельность. Идея прогресса разработывается въ этомъ направленіи. Баконъ даетъ опредѣленіе научнаго прогресса. Декартъ развиваетъ это опредѣленіе и говоритъ о прогрессѣ въ будущемъ, опираясь на научную точку зрѣнія. И тотъ, и другой основы-

ваютъ свое отрицательное отношеніе къ авторитету и къ древности на свободѣ и самобытности разума и указываютъ на научное отношеніе къ природѣ какъ на могущественное средство прогресса. Перро́ прилагаетъ идею прогресса къ искусствамъ и Ванъ-Гельмонтъ къ теологіи, руководствуясь все тою же точкою зрѣнія—первенства разума въ развитіи человѣка. Рядъ этихъ положеній даетъ идеѣ прогресса опредѣленность, которой она до того не имѣла, указываетъ путь, на которомъ лежитъ ея развитіе. Но, вмѣстѣ съ опредѣленностью, мыслители XVII вѣка сохранили отъ прежней эпохи одинъ важный недостатокъ, отъ котораго ее должно было освободить послѣдующее развитіе. Недостатокъ этотъ—ограниченіе идеи прогресса извѣстными, условными предѣлами. Но признаваніе научнаго прогресса, противорѣча такому ограниченію, было залогомъ болѣе широкаго пониманія прогресса; связь науки съ вопросами философіи и практической жизни, болѣе и болѣе обозначавшаяся съ прогрессомъ наукъ, неизбѣжно усложняла идею прогресса и раздвигала всѣ произвольныя ограниченія. Уже у Лейбница идея прогресса имѣетъ значительное обобщеніе; но точка зрѣнія Лейбница лишаетъ обобщеніе это всякаго значенія, для дальнѣйшаго развитія идеи прогресса ей необходимо было стать въ болѣе живое отношеніе къ дѣйствительности и освободиться отъ посторонніхъ вліяній, еще ограничивавшихъ ее во все продолженіе XVII вѣка. Этотъ шагъ въ развитіи идеи прогресса былъ сдѣланъ тогда, когда идея эта перешла изъ придворныхъ сферъ, въ которыхъ она преимущественно вращалась въ XVII вѣкѣ, въ лагерь свободныхъ мыслителей XVIII столѣтія.

II.

Мы сказали уже, при разсмотрѣніи развитія идеи прогресса въ эпоху среднихъ вѣковъ, что первые признаки возстановленія умственной дѣятельности были и первыми признаками разлада между философскимъ мышленіемъ и традиціоннымъ міросозерцаніемъ. Представители оппозиціи этому міросозерцанію существовали въ самыя темныя времена у всѣхъ культурныхъ народовъ Европы и поддерживали у этихъ народовъ преемство свободной мысли. Существованіе этихъ поборниковъ самобытности человѣческаго развитія было причиною того, что по

мѣрѣ устраненія обстоятельствъ, задерживавшихъ развитіе того или другого народа, народъ этотъ не только могъ воспринять то, что было выработано ранѣе его, но еще и самъ скоро вносилъ въ ходъ дальнѣйшаго развитія свои идеи, велъ далѣе работу, начатую его предшественниками. Это преемство идей было сравнено Гёте съ обширной фугой, въ которой голоса народовъ вступаютъ одинъ послѣ другого.

Ученіе объ опытѣ и наблюденіи, объ измѣреніи и исчисленіи, какъ источникѣ знаній и средствъ, помощью которыхъ достигалась его удобопримѣняемость, прошло чрезъ жизнь всѣхъ европейскихъ народовъ, развитіе которыхъ произвело его. Начиная съ первыхъ проблесковъ умственной дѣятельности и до конца XVII вѣка каждый народъ имѣлъ своихъ представителей науки и философіи. Но во весь этотъ долгій періодъ времени общественное мнѣніе было не за нихъ, а противъ нихъ. Они должны были или вступать въ недостойные компромиссы, или терпѣть притѣсненія какъ отъ правительства, такъ и отъ возбуждаемыхъ духовенствомъ массъ тѣхъ странъ, въ которыхъ они рѣшались провозглашать чуждыя всякихъ постороннихъ вліяній научныя и философскія истины. Но въ исходѣ XVII вѣка произошли въ Англіи тѣ важныя политическія перемѣны, которыя упрочили въ этой странѣ свободу изслѣдованія и дали наукѣ и основывающемуся на ней міросозерцанію возможность оказывать на жизнь благотворное вліяніе.

Итакъ, во главѣ того умственнаго движенія и той борьбы, которая наполняетъ собою XVIII вѣкъ, стояла Англія. Здѣсь, одновременно съ обновленіемъ политической жизни, наука сдѣлала великій шагъ впередъ, шагъ, имѣвшій такое рѣшительное вліяніе на направленіе мысли XVIII столѣтія: я говорю о томъ великомъ открытіи, которое обезсмертило имя Ньютона. Въ первой статьѣ было уже говорено о переворотѣ, произведенномъ Коперникомъ и Галилеемъ во взглядѣ на значеніе земли и человѣка во вселенной. Переворотъ этотъ былъ громаденъ, но вселенная и послѣ открытій этихъ астрономовъ все-еще оставалась чудомъ. Побѣда науки не была еще окончательною. Только послѣ великаго открытія Ньютона взглядъ на механическіе законы вселенной могъ вполнѣ проясниться. Міръ представился самодвижущимся цѣлымъ, безъ чудесъ и произвола, безъ цѣли и намѣренія, покоящимся въ самомъ себѣ и сохраняющимся самъ собою,—царствомъ разума, истины и вѣчно

правящей законности. Въ первый разъ изъ фантастическаго міра воображенія человѣкъ могъ перейти въ дѣйствительность природы. Магическія силы астрологіи потеряли свое очарованіе; чудеса древней миѳологіи стали научными фактами.

То, что сдѣлалъ Ньютонъ въ отношеніи къ міровому механизму, совершено Локкомъ въ отношеніи къ человѣку; а потому Локка называютъ Ньютономъ философіи. Въ разсмотрѣніи человѣческаго духа онъ выходилъ изъ тѣхъ же принциповъ, изъ какихъ выходили современные ему естествоиспытатели въ разсмотрѣніи природы. Его философія послужила исходною точкой для позднѣйшихъ англійскихъ мыслителей, идеи которыхъ были приняты, развиты и преобразованы французами и чрезъ нихъ имѣли вліяніе на ходъ всего европейскаго просвѣщенія.

Такимъ образомъ послѣ Англіи выступаетъ Франція. Уже со временъ Людовика XIV французскій языкъ и французское образованіе стали языкомъ и образованіемъ всего свѣта; распространеніе новыхъ идей французскими писателями представляло поэтому чрезвычайныя удобства. Притомъ же французы умѣли облечь эти идеи въ новыя привлекательныя формы и сдѣлать ихъ общедоступными. Все это сообщило умственному движенію XVIII вѣка такую побѣдоносную силу, которую оно врядъ ли бы имѣло безъ посредства Франціи. Франція, по словамъ Маколея, была для новой философіи тѣмъ, чѣмъ былъ Ааронъ для Моисея.

Вслѣдъ за Франціей выступаетъ на поприще дѣятельности во имя просвѣщенія и Германія. Являются Лессингъ, Гердеръ, Кантъ... и все глубже, шире и могучѣе становится потокъ новыхъ идей. Человѣчество, по выраженію Канта, выходитъ, наконецъ, изъ добровольнаго малолѣтства.

Итакъ, періодъ времени отъ Локка и Ньютона до Канта наполненъ открытою борьбою самосознающаго разума съ традиціоннымъ міросозерцаніемъ и всѣмъ, что имъ держалось. Эта борьба была неизбѣжна, потому что основаніе ея заключалось въ коренномъ противорѣчіи двухъ давно ужъ сопоставленныхъ ходомъ исторической жизни началъ. Безнадеженъ былъ путь, которымъ думала разрѣшить противорѣчіе это инквизиція: временное воплощеніе идеи гибло на кострѣ; но сама идея продолжала жить, окруженная ореоломъ мученичества... Скрытая борьба, затаенная вражда не прекращались, а усиливались. Не менѣе безнадеженъ былъ и путь компромиссовъ, избран-

ный большинствомъ писателей XVII вѣка: онъ только скомпрометировалъ дѣло ортодоксіи и не привелъ ни къ чему. Такіе люди, какъ Декартъ, Мальбраншъ, Лейбницъ, старались увѣрить себя и другихъ, что ихъ доктрины были въ совершенномъ согласіи съ традиціоннымъ міросозерцаніемъ; но до этого согласія было такъ далеко, что всѣ они были осуждены какъ враги ортодоксальнаго ученія, враги болѣе или менѣе скрытые, конечно, хотя враги безсознательные. «Такое несогласіе,—говоритъ Лоранъ въ своихъ «Etudes sur l'histoire de l'humanité»—доказываетъ лучше, чѣмъ открытая вражда, всю радикальность противорѣчія философіи и ортодоксіи: если люди, убѣжденные въ томъ, что ихъ ученіе подкрѣпляетъ традиціонные догматы, подрывали ихъ, то не служитъ ли это, такъ сказать, математическимъ доказательствомъ невозможности соглашенія ортодоксіи и философіи?»

Если два столь противоположныя между собою начала не могли существовать рядомъ не сталкиваясь, то естественно, что борьба между ними не могла долго оставаться скрытою. Она и вспыхнула въ XVIII вѣкѣ. Каковы же были требованія, предъявленныя мыслителями этого вѣка? Они требовали уничтоженія всего, что въ государствѣ и церкви противорѣчило ненарушимымъ правамъ ума и сердца. Они требовали свободы и огражденія человѣческаго достоинства, независимости мысли, терпимости въ дѣлахъ вѣры, улучшенія управленія, уменьшенія податей, доступнаго для всѣхъ образованія... Ведя борьбу за эти великіе вопросы, они были воодушевлены горячею любовью къ человѣчеству, стремленіемъ къ достиженію безпредѣльнаго счастья на землѣ и глубокою ненавистью къ прошедшему. Однимъ словомъ, они стояли за *прогрессъ* и горячо вѣровали въ него... Противъ нихъ стояла *неподвижность*, поддерживавшая всѣ злоупотребленія, посредствомъ освященія ихъ. Неподвижность эта была воплощена въ ортодоксіи; нельзя было итти впередъ, оставивъ ее неприкосновенной.

Изъ этого видно, какъ далеко идетъ борьба, наполняющая собою XVIII вѣкъ. Характеръ ея измѣнился, но она продолжается и до сихъ поръ. «Еще и теперь стоимъ мы среди этой борьбы,—говоритъ Геттнеръ.—Одни стараются самостоятельно развить руководящія идеи этой борьбы, уничтожить замѣченныя ошибки и односторонности и вѣкъ свободнаго просвѣщенія сдѣлать вѣкомъ всеобщаго, проникающаго всѣ слои, полнаго

и цѣльнаго образованія; другіе живѣе чѣмъ когда-нибудь стараются подвергнуть сомнѣнію самыя основанія и право этой борьбы и воротить на столѣтія стремящуюся впередъ исторію». Но если борьба, среди которой мы живемъ, и составляетъ одно съ борьбою XVIII вѣка, то характеръ ея, какъ мы сказали, иной. Мы относимся къ врагу съ спокойствіемъ увѣренности, не лишеннымъ, однако же, нѣкотораго горькаго чувства, производимаго убѣжденіемъ въ неизбѣжности неудачъ. Осьмнадцатый вѣкъ, у котораго все еще было впереди, вносилъ въ борьбу весь жаръ страсти и вѣрующаго увлеченія. Его блестящія надежды казались ему осуществимыми въ ближайшемъ будущемъ и онъ торжественно провозглашалъ, что призваніе его заключается во всеобщемъ обновленіи.

Въ этомъ по преимуществу прогрессивномъ вѣкѣ идея прогресса естественно должна была преобразиться. Она, дѣйствительно, вступаетъ въ новый фазисъ развитія: изъ отвлеченной она дѣлается практической и, откинувъ произвольно поставленные ей предѣлы, ищетъ широкаго и всесторонняго приложенія къ жизни.

Осьмнадцатый вѣкъ такъ богатъ мыслителями, способствовавшими развитію идеи прогресса, что говорить о всѣхъ ихъ, не выходя далеко за предѣлы журнальнаго очерка, невозможно. Мы остановимся на тѣхъ немногихъ именахъ, которыя обозначаютъ собою важнѣйшіе моменты развитія идеи прогресса.

«*Во главѣ движенія* (XVIII вѣка),—говоритъ Луи Бланъ въ 1-мъ томѣ исторіи революціи,—слѣдовало, казалось бы, стоять мыслителямъ рѣдкой гибкости ума для того, чтобы обольщеніе могло сдѣлаться всеобщимъ,—горячимъ защитникамъ человѣчества, чтобы всякая благородная душа могла заранѣе ликовать объ ихъ торжествѣ,—писателямъ расточительно роскошнымъ, чтобы благодѣянія ихъ могли создать цѣлый сонмъ кліентовъ,—людямъ непобѣдимымъ въ насмѣшкѣ, чтобы передъ ними дрожали,—главамъ партій, въ одно и тоже время упорнымъ и благоразумнымъ, чтобы не было ни остановокъ, ни ложныхъ маневровъ; необходимы были историки, повѣствователи, драматурги, романисты, публицисты, которые за ихъ славу и геній были бы запросто приняты у королей; наконецъ, ради долготерпѣнія народа, необходимы, быть можетъ, были философы, страшившіеся цикуты, развязные до крайности, способные на

лицемѣріе, вкрадчивые, искусно умѣющіе усыпить или поднять тревогу, если нужно, изощрившіеся въ лести... Въ XVIII вѣкѣ всѣ эти люди были однимъ человѣкомъ и имя ихъ было—Вольтеръ».

Вольтеръ—царь общественной мысли XVIII вѣка. Вся жизнь его была посвящена борьбѣ за прогрессъ и преимущественно за прогрессъ соціальный. Онъ пылко желаетъ его, онъ возбуждаетъ къ нему современное ему общество. Вся его долгая, разнообразная и неутомимая дѣятельность показываетъ, какъ сильна была въ немъ вѣра въ возможность улучшенія условій общественной жизни, какъ хорошо понималъ онъ, въ чемъ заключались преграды и препятствія этого улучшенія, и какъ изобрѣтателенъ былъ онъ въ средствахъ устраненія этихъ препятствій. «Складомъ ума Вольтеръ принадлежитъ по преимуществу къ людямъ новѣйшаго времени,—говоритъ Бокль («Исторія цивилизаціи въ Англіи»).—Презирая ничѣмъ не подкрѣпляемый авторитетъ и не обращая никакого вниманія на традицію, онъ посвятилъ себя изученію такихъ предметовъ, въ которыхъ побѣда человѣческаго разума слишкомъ очевидна, чтобы можно было не признать ее. Чѣмъ болѣе дѣлалъ онъ успѣховъ въ знаніяхъ, тѣмъ болѣе благоговѣлъ предъ тѣми громадными средствами, которыми созданы эти знанія. Поэтому его уваженіе къ человѣческому разуму вообще не только не уменьшалось, но возрастало по мѣрѣ обогащенія его собственнаго ума. Въ такой же самой пропорціи усиливалась въ немъ любовь къ человѣчеству и ненависть къ предразсудкамъ, такъ долго омрачавшимъ его исторію». Итакъ, благоговѣя предъ разумомъ, имѣя сердце, преисполненное любви къ человѣчеству и ненависти къ причинамъ его бѣдствій, обладая обширными знаніями и сильнымъ проницательнымъ умомъ, Вольтеръ былъ въ высшей степени способенъ привести идею прогресса къ новому фазису развитія. И дѣйствительно, взглядъ его на исторію можетъ считаться тѣмъ замѣчательнымъ шагомъ, который велъ къ этому фазису. Съ его точки зрѣнія всѣ внѣшнія событія: войны, договоры, придворныя интриги и т. п. не могли ужъ имѣть никакого значенія и онъ устраняетъ ихъ изъ своего «Essai sur les moeurs et l'ésprit des nations», цѣлью котораго онъ ставитъ исторію развитія человѣчества, т.-е. исторію прогресса.—«Дѣло не въ томъ,—говоритъ онъ,—чтобы разсказать, напримѣръ, изъ какой фамиліи былъ владѣтель Пюизэ или владѣтель Мон-

лери, а въ томъ, чтобы увидѣть, по какимъ ступенямъ люди переходили отъ варварской грубости тѣхъ временъ къ образованности нашего времени». Такимъ образомъ прогрессъ становится содержаніемъ исторіи и ни одна изъ сторонъ жизни не разсматривается какъ исключеніе изъ этого всеобщаго и вѣчнаго закона. Формулированная такимъ образомъ, идея прогресса довольно рѣзко отличается отъ того, какъ она понималась въ предыдущемъ вѣкѣ, и значительно приближается къ современному намъ пониманію ея. Но мало было высказать ее, какъ общее положеніе, нужно было провести ее въ исторіи, связать ее неразрывно со всею прошедшею жизнью человѣчества. Для успѣха этой второй задачи необходимы были данныя, которыхъ у Вольтера не было. Всего прежде онъ не могъ относиться къ своему предмету объективно, какъ ученый; онъ видѣлъ въ немъ, какъ и во всемъ, что выходило изъ-подъ его пера, оружіе для уничтоженія своихъ заклятыхъ враговъ, а потому все достоинство его труда уничтожается доведенною до крайности тенденціозностью. Ранѣе своего вѣка онъ видитъ почти исключительно невѣжество, варварство, мракъ... Философія ранѣе Локка и Ньютона почти не имѣетъ никакой цѣны въ его глазахъ... Такимъ образомъ прогрессъ не получаетъ характера развитія, а представляется какимъ-то внезапнымъ переходомъ отъ варварства къ цивилизаціи, переходомъ недостаточно выясненнымъ и невольно влекущимъ за собой множество недоразумѣній. Другой важный недостатокъ, дѣлающій исполненіе его плана неудовлетворительнымъ, заключается въ томъ, что, понимая идею прогресса весьма широко, онъ прилагаетъ ее къ человѣчеству, крайне узко. Онъ видитъ прогрессъ во всѣхъ сторонахъ жизни, онъ не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи никакихъ ограниченій; но зато онъ думаетъ, что въ такомъ широкомъ прогрессѣ участвуетъ только незначительная часть общества. Онъ равнодушно говоритъ о томъ, что народныя массы могутъ не переставать коснѣть въ невѣжествѣ, суевѣріи и предразсудкахъ.

Такой взглядъ на прогрессъ особенно рѣзко выставляется въ его корреспонденціи. Онъ говоритъ, напримѣръ, что «Никто не имѣлъ никогда притязанія просвѣщать сапожниковъ и горничныхъ», или «Суевѣріе слѣдуетъ истреблять между порядочными людьми и оставить его у сволочи», или «Разумъ восторжествуетъ въ средѣ порядочныхъ людей, сволочь же создана не для него».

Лишая такъ называемую имъ «сволочь» возможности подняться до уровня развитія «порядочныхъ людей», онъ не отнимаетъ у нея, однако же, тѣхъ благъ, которыя были отняты у нея корыстолюбіемъ, алчностью и безчеловѣчіемъ порядочныхъ людей. Эти требованія Вольтеръ заявляетъ во многихъ изъ своихъ сочиненій. «Когда господствуетъ законъ, а не произволъ,—говоритъ онъ въ одномъ изъ «*Разговоровъ между A, B, C*»,—крестьянина не будетъ угнетать любой мелкій чиновникъ, гражданина не посадятъ въ тюрьму, не начавъ тотчасъ же его процесса предъ законными судьями, ни у кого не будутъ отнимать его по́ля подъ предлогомъ общей пользы, не вознаграждая его за это, клерикалы не будутъ властвовать надъ народомъ и обогащаться на его счетъ, вмѣсто того, чтобы научать его».

Взглядъ его на совершившійся и желаемый прогрессъ современнаго ему общества Вольтеръ облекъ въ форму сказки. Сказка эта называется «*Путешествіе Разума*». Будучи убѣжденнымъ, что ему пришлось жить въ ту эпоху, когда Разумъ и Истина могли, наконецъ, заявлять права свои, Вольтеръ вѣрилъ въ скорое наступленіе золотого вѣка. Ему казалось, что начало этого вѣка будетъ положено мѣрами какого-нибудь мудраго законодателя. Вольтеръ ожидалъ такимъ образомъ прогресса извнѣ и не думалъ, что онъ обусловленъ развитіемъ самого общества. Когда Тюрго́ былъ назначенъ министромъ, Вольтеръ полагалъ, что назначеніемъ этимъ открывается заря новаго вѣка. Онъ пишетъ объ этомъ друзьямъ своимъ и воспѣваетъ въ нарочно написанномъ для этого случая стихотвореніи, въ которомъ между прочимъ говоритъ:

«Contemple la brillante aurore,
Qui t'annonce enfin les beaux jours:
Un nouveau monde est prés d'éclaure».

Вѣра въ грядущій золотой вѣкъ не мѣшаетъ однако Вольтеру трезво смотрѣть на окружающую его дѣйствительность и смѣяться надъ нелѣпостями оптимизма и надъ лучшимъ изъ міровъ Лейбница. И въ этомъ случаѣ также Вольтеръ придалъ своимъ идеямъ повѣствовательную форму, въ «Кандидѣ».

Вольтеру, какъ видно изъ вышесказаннаго, принадлежитъ въ развитіи идеи прогресса не маловажная заслуга. Онъ не ставитъ, подобно писателямъ XVII вѣка, произвольныя ограниченія прогрессу; не предполагаетъ, какъ они, что въ жизни

человѣческихъ обществъ существуютъ элементы, подлежащіе застою, а смотритъ на прогрессъ какъ на всеобщее и всестороннее развитіе человѣчества. Имѣя такой взглядъ на прогрессъ, онъ, слѣдуя духу своего вѣка, не ограничивается одними теоретическими разсужденіями о немъ, но смѣло вноситъ его въ жизнь и громко проповѣдуетъ его, какъ благую вѣсть новаго времени. Подъ вліяніемъ такого воззрѣнія, исторія, подъ перомъ его, изъ повѣствованія о войнахъ, договорахъ, интригахъ, подвигахъ и преступленіяхъ героевъ преобразуется въ картину развитія образованности, въ исторію прогресса человѣчества, т.-е. получаетъ свой истинный смыслъ. Прогрессъ, проповѣдуемый Вольтеромъ, есть торжество разума и истины; торжество, готовящее человѣчеству лучшее будущее, далеко не похожее на окружавшую его дѣйствительность. Этого лучшаго будущаго можно достичь, однако же, только посредствомъ труда и усилій; оно не прійдетъ роковымъ образомъ: нашъ міръ не есть тотъ фантастическій лучшій изъ міровъ, въ которомъ все предуставлено и, въ силу того, все идетъ къ лучшему.

Жанъ-Жакъ Руссо представляетъ въ области моральныхъ идей обращеніе души на самое себя, воззваніе къ совѣсти, какъ къ внутреннему голосу, къ которому надо всегда прислушиваться: онъ представитель *чувства* вообще или *естественнаго инстинкта*, а въ области идей политическихъ—принципа *республиканской свободы* и *самодержавія народа*. Какъ представитель этихъ идей, онъ совершаетъ весьма значительный поворотъ въ настроеніи и образованіи осьмнадцатаго столѣтія. Онъ клеймитъ блестящее образованіе этого вѣка, его науку и литературу какъ ничтожную и вредную мишуру и, взамѣнъ того, проповѣдуетъ простоту природы и величіе простой добродѣтели; въ противоположность чрезмѣрной утонченности и изнѣженности образованнаго свѣта выставляетъ даже идеаломъ первобытное состояніе дикарей, и гордости образованія противопоставляетъ гордость природы. Въ то время, когда могущество и свобода англійской государственной жизни были представлены образцомъ, къ которому могла бы стремиться Франція, Руссо́ говоритъ, что сама Англія кажется ему угнетенной и лишенной свободы, что свобода и благосостояніе могутъ быть прочны и сильны только тамъ, гдѣ самъ народъ непосредственно есть свой повелитель.

Изъ этой краткой характеристики видно, что идеи Руссо

шли двумя параллельными направленіями: отрицательнымъ и положительнымъ. Въ «*Discours sur les sciences et les arts*» и въ «*Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes*» онъ представляетъ критическое отрицаніе настоящаго, открыто объявляетъ войну противъ господствующаго образованія и общества, въ «Эмилѣ» и «Contrat social» даетъ новое систематическое построеніе, опытъ дѣйствительнаго улучшенія и преобразованія. Такимъ образомъ два послѣднія сочиненія можно разсматривать какъ отвѣты на вопросы, поставленные въ двухъ первыхъ разсужденіяхъ: разсужденіе о наукахъ и искусствахъ стремится доказать, что существующее образованіе вредно; «Эмиль» хочетъ воспитать людей для правильнаго и истиннаго образованія; «Разсужденіе о неравенствѣ» стремится доказать, что существующее государство противорѣчитъ ненарушимой сущности человѣка; «Общественный договоръ» ищетъ правильнаго и истиннаго государственнаго строя.

Это сопоставленіе идей Руссо, сопоставленіе, на которое я могу только указать, не входя въ дальнѣйшія подробности, даетъ намъ вѣрную точку зрѣнія при оцѣнкѣ воззрѣній Руссо на прогрессъ. Отрицаніе нравственнаго прогресса, желаніе повернуть человѣчество вспять къ дикому первобытному состоянію представляется, при этомъ взглядѣ, только парадоксальностью, внушенною крайнимъ увлеченіемъ и въ свою очередь отрицаемою сочиненіями, имѣющими положительный характеръ.

Проповѣдь Руссо въ пользу первобытнаго состоянія была нерѣдко ложно понята. Вольтеръ еще говорилъ, что, читая «*Разсужденіе о наукахъ и искусствахъ*», является желаніе ходить на четверенькахъ. Впослѣдствіи Руссо упрекали въ непониманіи того, что цивилизація наша подобно храму о двухъ дверяхъ, изъ которыхъ въ однѣ входятъ, а въ другія выходятъ, и говорили, что онъ бросился во входную дверь и задохнулся, борясь съ потокомъ, стремившимся прямо противъ него. Принимая это сравненіе, вѣрнѣе было бы утверждать, что Руссо не хотѣлъ итти ни во входную, ни въ готовую выходную дверь, а хотѣлъ продѣлать или, вѣрнѣе, звалъ рабочихъ для продѣланія новой двери. Не вѣрно и то, что онъ изнемогъ въ борьбѣ съ потокомъ, стремившимся прямо противъ него. Изнемогъ онъ совсѣмъ по другимъ причинамъ; успѣхъ же идей его—что всего важнѣе въ настоящемъ случаѣ—былъ громаденъ, особенно же начиная съ того времени, когда ихъ стали провозглашать въ народныхъ

собраніяхъ и когда, какъ выразился Луи Бланъ, онѣ стали «по формѣ истинами догматическими и острыми какъ мечъ».

Руссо положительно способствовалъ развитію идеи прогресса, хотя и писалъ противъ нея. Доказывая, что прогрессъ наукъ и искусствъ былъ причиною порчи нравовъ, онъ этимъ парадоксальнымъ положеніемъ обращалъ вниманіе общества на одну изъ важнѣйшихъ сторонъ прогресса, бывшую въ его время въ большомъ небреженіи. Указывая на порчу нравовъ, онъ тѣмъ обнаруживалъ ясное пониманіе недостатковъ современнаго ему общества; онъ обращалъ вниманіе образованныхъ людей на ту сторону ихъ жизни, которая требовала радикальнаго преобразованія, безотлагательнаго прогресса. Не придираясь къ его парадоксамъ, можно видѣть во всемъ, что онъ говорилъ о современномъ ему состояніи общества, ту общую мысль, что несомнѣнно существующей порчѣ нравовъ слѣдуетъ помочь возвращеніемъ къ природѣ, отъ которой удалила человѣка слишкомъ большая искусственность, проникшая со всѣхъ сторонъ въ жизнь цивилизованныхъ людей. Онъ требовалъ личнаго совершенствованія какъ залога общественнаго прогресса и полагалъ, что раціональное воспитаніе можетъ сдѣлать много въ этомъ смыслѣ.

Съ этою цѣлью онъ написалъ «Эмиля». Въ этой книгѣ онъ изложилъ свои взгляды на основанія и условія чистаго, по его понятію, и человѣчески свободнаго воспитанія. Изъ своего воспитанника онъ хотѣлъ сдѣлать не «естественнаго», не «первобытнаго» человѣка, но хочетъ воспитать его сколько возможно естественно. «Все дѣло,—говорилъ онъ,—заключается въ томъ, чтобы не испортить естественнаго человѣка посредствомъ пріурочиванія его къ жизни общественной». Онъ не хотѣлъ, какъ самъ говоритъ, «создать дикаря» и послать его въ лѣса, а желалъ достичь того, чтобы Эмиль не увлекался въ вихрѣ свѣта страстью и предразсудками людей и былъ въ состояніи видѣть своими собственными глазами, чувствовать своимъ собственнымъ сердцемъ и чтобы никакая власть въ свѣтѣ не могла управлять его рѣшеніями, «*кромѣ его разума*».

Такимъ образомъ всѣ его нападки на современное ему общество имѣли цѣлью нравственное обновленіе этого общества. Эта идея руководила имъ, когда онъ такъ неумѣренно восхвалялъ древность. Какъ Тацитъ восхвалялъ Германцевъ для обличенія и исправленія Римлянъ, такъ и онъ указывалъ современникамъ на добродѣтель древнихъ временъ. Такъ онъ превоз-

носилъ Спарту, называлъ ее государствомъ полубоговъ и утверждалъ, что высокія добродѣтели были ей свойственны потому, что она изгнала ученыхъ и художниковъ. Но само собой разумѣется, что это изгнаніе свидѣтельствуетъ только о варварствѣ спартанцевъ и что добродѣтели же ихъ существуютъ только въ воображеніи Руссо.

Руссо подвинулъ впередъ развитіе идеи прогресса, посредствомъ опроверженія этой идеи,—говоритъ Жавари («De l'idée de progrés»).—Утверждая въ своемъ знаменитомъ разсужденіи, что прогрессъ наукъ и искусствъ способствовалъ порчѣ нравовъ, онъ возбудилъ вниманіе къ важной сторонѣ общаго вопроса прогресса человѣчества, и такъ какъ было совершенно невѣроятно, чтобы цивилизованные народы отказались отъ накопленныхъ ими умственныхъ и матеріальныхъ богатствъ, то могла по крайней мѣрѣ выясниться необходимость уничтоженія злоупотребленій, развившихся въ средѣ этихъ народовъ. Такимъ образомъ, идея прогресса получала недоставшую ей полноту, потому что связь прогресса общественнаго и моральнаго съ прогрессомъ наукъ и промышленности представлялась совершенно необходимою».

Переходъ идеи прогресса къ тому фазису развитія, въ который она вступила въ XIX столѣтіи, особенно явственно обозначается у французскихъ писателей революціонной эпохи: Вольнея, Тюрго́ и Кондорсэ. Изъ числа ихъ Вольней представляетъ столько же горячую вѣру въ прогрессъ и увлеченіе имъ, сколько легкость и поверхностность въ разработкѣ его историческаго значенія, и потому я только упомянулъ о немъ въ нѣсколькихъ словахъ. Что же касается до Тюрго́ и Кондорсэ, то о нихъ, какъ о непосредственныхъ предшественникахъ позитивной теоріи прогресса, я буду говорить подробнѣе. Затѣмъ я разсмотрю воззрѣнія представителей идеи прогресса въ Англіи и Германіи.

Сочиненіе Вольнея «*les Ruines*» представляетъ собой пламенное исповѣданіе вѣры въ прогрессъ. Музой, вдохновляющей его размышленія о судьбахъ человѣчества, являются развалины древнихъ городовъ, надъ которыми онъ нерѣдко мечталъ во время пребыванія своего на востокѣ. «Привѣтствую васъ, пустынныя развалины, святыя могилы, безмолвныя стѣны! къ вамъ взываю я, къ вамъ обращаюсь съ молитвой!—говоритъ онъ во введеніи къ своей книгѣ.—Да, зрѣлище, которое вы пред-

ставляете, отталкиваетъ взоры вульгарнаго наблюдателя; но сердце мое находитъ въ созерцаніи васъ прелесть тысячи чувствъ и тысячи мыслей. Сколько полезныхъ уроковъ, сколько трогательныхъ размышленій представляете вы вопрошающему васъ уму». И дѣйствительно, не напоминаютъ ли развалины вещественныхъ созданій человѣка иныхъ развалинъ, столь же пустынныхъ и безмолвныхъ—развалинъ созданій его духовной дѣятельности. Причины паденій этихъ созданій, условія ихъ прочности, основы ихъ правъ на существованіе—сколько вопросовъ возникаетъ при взглядѣ на груды камней, среди которыхъ когда-то жили и дѣйствовали люди!

Существенными и первобытными побужденіями, вызвавшими людей изъ ихъ грубаго, естественнаго состоянія, Вольней считаетъ любовь человѣка къ самому себѣ, стремленіе его къ благосостоянію и отвращеніе къ страданію. Эти побужденія привели человѣка къ обществу, къ наукѣ, къ искусствамъ, къ наслажденіямъ; извращеніе же ихъ въ слѣпую необузданность жадности и происходящее отъ нея невѣжество были источниками всѣхъ золъ, опустошавшихъ міръ. Вольней видитъ во французской революціи попытку осуществить на дѣлѣ господство разума. «Пораженное меньшинство привилегированныхъ восклицаетъ: «все потеряно, народъ просвѣтился!» и народъ говоритъ: «все спасено, потому что мы просвѣтились; но мы не будемъ теперь злоупотреблять нашей силой; мы желаемъ только нашего блага; въ насъ есть чувство мщенія, мы забываемъ его. Мы были рабами, мы хотимъ быть свободны, а свобода есть не что иное, какъ справедливость».

Говоря о прогрессѣ въ будущемъ, Вольней вдохновенно восклицаетъ: «Обширное движеніе возникнетъ; начнется новый вѣкъ, вѣкъ удивленія для душъ вульгарныхъ, неожиданности и ужаса для притѣснителей, освобожденія для великаго народа, надежды для всей земли...» «Это великое движеніе,—говоритъ онъ далѣе,—будетъ медленно, потому что ему надо будетъ сообщиться обширному тѣлу; надо будетъ, чтобы одно и то же броженіе расшевелило множество частицъ самыхъ разнообразныхъ; но движеніе это совершится».

Тюргó, знаменитый министръ несчастнаго Людовика XVI, извѣстенъ какъ политическій дѣятель; но онъ замѣчателенъ также и какъ глубокій мыслитель. «Тюрго,—говоритъ біографъ его, Матье,—находясь на рубежѣ нашего столѣтія, тѣмъ самымъ

какъ бы даетъ намъ мѣру своего вѣка. Если кто желаетъ судить о XVIII столѣтіи по человѣку, который былъ высочайшимъ его представителемъ по той причинѣ, что онъ начиналъ уже возвышаться надъ нимъ, тотъ долженъ изучать Тюрго». Бокль утверждаетъ, что заслуга Тюрго въ области философіи исторіи громадна. «Тюрго,—говоритъ онъ,—принадлежитъ къ тому чрезвычайно малому кружку людей, которые смотрѣли на исторію широкимъ взглядомъ, и считали, что для изученія ея необходимы почти безпредѣльныя познанія». Тюрго изложилъ свой взглядъ на прогрессъ въ нѣсколькихъ небольшихъ разсужденіяхъ, бывшихъ подготовительными работами къ обширному философскому труду, который онъ задумалъ и за который принялся послѣ своего удаленія отъ дѣлъ. Изъ этого видно, что сужденіе Тюрго о прогрессѣ не можетъ представлять ничего полнаго и законченнаго. Его «*Discours sur les progrès successifs de l'ésprit humain*», «*Plans des deux discours sur l'histoire universelle*», «*Lettres sur la tolérence*» и «*Discours sur les avantages que l'établissement du christianisme a procuré au genre humain*» представляютъ рядъ идей по философіи исторіи, которыя я резюмирую теперь въ той послѣдовательности, въ какой расположилъ ихъ Матье и въ которой, по моему убѣжденію, онѣ складываются всего естественнѣе.

Исторія, говоритъ Тюрго, представляетъ вѣчную послѣдовательность никогда не повторяющихся измѣненій. Всѣ состоянія, которыя путемъ этихъ измѣненій проходитъ родъ человѣческій, связаны между собою какъ непрерывный рядъ причинъ и слѣдствій. Настоящее содержалось какъ зародышъ въ прошедшемъ и такъ же точно въ немъ содержится будущее. Но рядъ историческихъ фактовъ не представляетъ одни только измѣненія; онъ своего рода возрастаніе, развитіе, прогрессъ. Чрезъ разрушенія и потрясенія масса человѣческаго рода движется постоянно къ большему совершенству. Науки и искусства развиваются то скоро, то медленно и переходятъ изъ страны въ страну. Корысть, самолюбіе, суетная слава постоянно видоизмѣняютъ свѣтъ, наводняютъ землю кровью; но, среди ихъ опустошеній, нравы смягчаются, разумъ человѣческій просвѣтляется разъединенныя націи сближаются; торговля и политика соединяютъ, наконецъ, всѣ части свѣта; и масса человѣчества, путемъ покоя и волненій, путемъ добра и зла, хотя и медленными шагами, идетъ все къ большему и большему совершенству.

Принципъ послѣдовательнаго прогресса, наблюдаемаго въ исторіи человѣчества, согласно взгляду Тюрго, заключается въ двухъ основныхъ свойствахъ человѣческой природы: въ мысли и языкѣ съ ихъ вспомогательными средствами—письмомъ и книгопечатаніемъ.

Разумъ даетъ человѣку возможность умножать пріобрѣтенныя идеи новыми безпредѣльно; посредствомъ языка человѣкъ овладѣваетъ ими и передаетъ ихъ себѣ подобнымъ. Письмо даетъ возможность распространить передачу идей на самыя отдаленныя поколѣнія. Всѣ знанія отдѣльныхъ лицъ составляютъ такимъ образомъ общее благо, передаваемое изъ поколѣнія въ поколѣніе и увеличиваемое открытіями каждаго вѣка. Родъ человѣческій представляется глазамъ философа какъ великое цѣлое, возрастающее и совершенствующееся подобно отдѣльной личности.

Итакъ, прогрессъ основывается на самой природѣ человѣка, на разумѣ и проявленіи его—языкѣ. Прогрессъ разума есть, такимъ образомъ, сущность всѣхъ видоизмѣненій прогресса, въ какихъ бы сферахъ человѣческой дѣятельности онъ ни проявлялся.

Научная форма есть совершеннѣйшая форма человѣческой мысли, и, слѣдовательно, научный прогрессъ слѣдуетъ разсматривать какъ основной прогрессъ разума. Кромѣ того, научный прогрессъ представляетъ самое плодотворное проявленіе умственной дѣятельности по своему вліянію на развитіе прочихъ элементовъ цивилизаціи—промышленности, нравовъ, законовъ и религій.

Тюрго дѣлитъ науки на три класса: науки математическія, физическія и моральныя. Математическія науки имѣютъ правильный ходъ, и прогрессъ ихъ непрерывенъ. Науки физическія прогрессируютъ, по мнѣнію Тюрго, только путемъ ошибокъ и ложныхъ объясненій. Онѣ какъ бы ощупью отыскиваютъ истину: это-то и производитъ такое множество противорѣчивыхъ системъ и такое множество гипотезъ; но самыя системы эти и гипотезы помогаютъ открытію новыхъ явленій и вѣрному ихъ объясненію. Моральныя науки, т.-е. политика, политическая экономія, исторія, логика, метафизика и собственно мораль прогрессируютъ точно такъ же, какъ и науки физическія, т.-е. доходятъ до истины путемъ ошибокъ и заблужденій.

Научный прогрессъ можетъ быть разсматриваемъ какъ

развитіе, предѣловъ которому назначить невозможно. Это прогрессъ безконечный.

Благодаря наукамъ математическимъ и физическимъ, человѣкъ овладѣваетъ природой и заставляетъ ее служить себѣ. Науки эти, своимъ вліяніемъ на земледѣліе и промышленность, способствуютъ увеличиванію богатства. Не меньшую услугу оказываютъ человѣчеству и моральныя науки. Естественная религія очищаетъ и развиваетъ религіозныя чувства и освобождаетъ умъ отъ вредныхъ суевѣрій. Мораль установляетъ идею человѣческихъ обязанностей, политика—идею его правъ. Политическая экономія опредѣляетъ, въ чемъ именно заключаются истинные интересы народовъ, и указываетъ на условія, необходимыя для ихъ матеріальнаго благосостоянія и уничтожаетъ предразсудки, препятствующіе этому благосостоянію.

Прогрессъ языка естественно связанъ съ прогрессомъ идей. Прогрессъ ремеслъ и изящныхъ искусствъ также отъ нихъ зависитъ. Такимъ образомъ прогрессъ умственной дѣятельности совершается разными путями и приводитъ, съ одной стороны, къ побѣдѣ человѣка надъ природой и, съ другой, къ торжеству справедливости въ нравахъ и законодательствѣ.

Но хотя прогрессъ обусловливается природой человѣка, онъ можетъ быть замедляемъ или ускоряемъ различными обстоятельствами.

Желанія, вызываемыя разными потребностями, дѣйствуютъ на прогрессъ возбудительно. То же значеніе имѣютъ и страсти. Главное слѣдствіе страстей въ исторіи есть война. Война, хотя и возбуждается большею частью такими мотивами, какъ жадность, тщеславіе, высокомѣріе и т. п., имѣла полезное вліяніе на развитіе человѣчества. Способствуя смѣшенію народностей, она благопріятствуетъ прогрессу. Элементы цивилизаціи всегда берутъ верхъ при этомъ смѣшеніи и препятствуютъ застою овладѣть обществомъ, какъ это случилось, напримѣръ, въ Китаѣ долго не бывшемъ въ столкновеніи и соприкосновеніи съ другими народностями. Притомъ же страсти, производя большія перемѣны, дѣлаютъ людей опытнѣе, а опытность чрезвычайно полезна человѣчеству.

Переходя къ другимъ условіямъ, вліяющимъ на прогрессъ, Тюрго разсматриваетъ вліяніе расовыхъ отличій и мѣстныхъ условій; и тѣмъ, и другимъ онъ не придаетъ большого значенія. Онъ полагаетъ, что природа установила между людьми очень

не много различій. Существеннѣйшія различія производятся, по его мнѣнію, воспитаніемъ. Подъ воспитаніемъ же онъ разумѣетъ результатъ всѣхъ испытываемыхъ людьми ощущеній и всѣхъ идей, какія только могли быть пріобрѣтены съ самаго ранняго возраста. Все окружающее человѣка вліяетъ на воспитаніе, понимаемое въ этомъ смыслѣ; наставленія же родителей и учителей, т.-е. то, что разумѣется подъ воспитаніемъ въ тѣсномъ смыслѣ, составляетъ малѣйшую часть этого общаго воспитанія.

Прогрессъ человѣческаго разума, согласно взгляду Тюрго, можетъ не только ослабѣвать, но и совершенно останавливаться. Есть народы, которые въ теченіе вѣковъ неподвижно пребывали въ состояніи варварства и какъ бы каменѣли на извѣстныхъ моментахъ своего развитія. Таковы китайцы. Другіе, напримѣръ турки, какъ бы осуждены на неизбѣжное паденіе. Главная причина этого явленія заключается въ политическомъ и религіозномъ деспотизмѣ, которому подверженъ этотъ народъ. Свобода или по крайней мѣрѣ извѣстная доля ея, есть непремѣнное условіе всякаго прогресса.

Свобода столь же необходима наукѣ, какъ и философіи. Для развитія той и другой необходима независимость ихъ отъ государства и церкви. Успѣхъ наукъ зависитъ преимущественно отъ свободы изслѣдованія всего и *даже отрицанія всего*. Народъ слишкомъ скоро установившійся можетъ, вслѣдствіе отсутствія свободы изслѣдованія, никогда не подвинуться въ своемъ развитіи. Китайцы представляютъ примѣръ такого народа. Они похожи на тѣ деревья, верхушка которыхъ была обрѣзана и которыя вслѣдствіе того пускаютъ вѣтви у самой земли. Они остановились на первыхъ ступеняхъ развитія наукъ и думая, что все ужъ совершено, что только совершить можно, не дерзаютъ итти далѣе. Они только учатся, но не изобрѣтаютъ. Они знаютъ все, что было у нихъ сдѣлано, но не имѣютъ никакой идеи о томъ, что предстоитъ сдѣлать. Если бы Греція была подчинена одной деспотической власти, прогрессъ этой страны былъ бы сильно задержанъ во всѣхъ отношеніяхъ. Духъ секты, столь свойственный первымъ ея философамъ, сдѣлался бы духомъ націи, и Пиѳагоръ сталъ бы у нихъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлался у китайцевъ Конфуцій. Къ счастью, раздѣленіе Греціи на множество мелкихъ государствъ помѣшало вмѣшательству полиціи въ дѣла науки и религіи, и та, и другая могли развиваться свободно, опираясь на то соперничество усилій, которое ей такъ необходимо.

Политическій и религіозный деспотизмъ угрожаетъ еще болѣе нравственному и политическому прогрессу, чѣмъ прогрессу научному. Соединеніе этихъ двухъ деспотизмовъ у магометанскихъ народовъ остановило естественный ходъ развитія разума у этихъ народовъ. Напротивъ того, у народовъ чуждыхъ такого деспотизма, у народовъ, не боявшихся перемѣнъ и переворотовъ, и нравы, и учрежденія быстро совершенствовались и разумъ человѣческій наиболѣе прогрессировалъ.

Обобщая воззрѣнія Тюрго на прогрессъ, можно сказать, что онъ ставитъ его въ зависимость отъ двухъ главныхъ условій: свободнаго проявленія человѣческихъ способностей и разнообразія положеній. Онъ замѣчаетъ еще, кромѣ того, что прогрессъ имѣетъ свойство извлекать новыя силы изъ имъ же добытыхъ результатовъ, а потому онъ постоянно облегчается и ускоряется.

Тюрго указалъ уже въ общихъ чертахъ на тѣ три эпохи въ развитіи человѣческаго разума, которыя были впослѣдствіи съ большею опредѣленностью и полнотою очерчены Огюстомъ Контомъ. «Прежде, чѣмъ взаимная связь естественныхъ явленій была узнана,—говоритъ онъ,—всего естественнѣе было предполагать, что явленія эти производятся существами разумными, невидимыми и подобными людямъ; такъ какъ на что же могутъ они быть похожи? Все, что ни случалось помимо воли человѣческой, имѣло свое божество, которому скоро стали воздавать поклоненіе ради страха и надежды, и это поклоненіе опять-таки было подражаніемъ знакамъ почтенія, воздаваемыхъ людямъ могущественнымъ; боги были людьми еще болѣе могущественными и болѣе или менѣе совершенными, смотря по тому, были ли они созданіемъ вѣка, такъ или иначе понимавшаго истинное человѣческое совершенство (періодъ теологическій). Когда философы убѣдились въ нелѣпости этихъ басенъ (мѳовъ), не пріобрѣтя, однако же, вѣрнаго взгляда на естество, то вздумали объяснять причины явленій отвлеченными положеніями, каковы сущность и свойства, положеніями ничего не объясняющими, но о которыхъ разсуждали, однако же, какъ о какихъ-то существахъ, какъ о новыхъ божествахъ, замѣнившихъ божества древнія (періодъ метафизическій). Только гораздо позже наблюденія надъ естественными явленіями привели къ новымъ положеніямъ, которыя возможно было доказать математически и подтвердить опытомъ (періодъ научный).

Теорія прогресса, высказанная въ изложенныхъ выше об-

щихъ положеніяхъ, основываясь на фактахъ, должна въ нихъ же искать и свое подтвержденіе. Это подтвержденіе Тюрго представляетъ въ двухъ планахъ всеобщей исторіи, въ которыхъ широкими чертами рисуетъ успѣхи цивилизаціи. Онъ различаетъ двѣ эпохи въ исторіи: доисторическую, о которой мы можемъ только составлять предположенія, и историческую, извѣстную намъ изъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ свидѣтельствъ.

Историческія времена не могутъ восходить ранѣе изобрѣтенія письма, да и по изобрѣтеніи его заносятся одни только извращенныя воображеніемъ преданія, хронологія которыхъ всегда спутана и лишена всякой достовѣрности. Преданія эти не могутъ дать никакого понятія о первоначальномъ прогрессѣ человѣческихъ обществъ. Предположенія, какія только можно составить о дѣтствѣ человѣческаго рода, должны быть основаны не на этихъ преданіяхъ, а на природѣ человѣка, на вѣрномъ представленіи о средѣ, въ которой онъ долженъ былъ находиться, и на настоящемъ состояніи различныхъ племенъ. Исторія человѣчества не стерлась съ лица земли: безконечно разнообразное состояніе развитія людей представляется намъ одновременно различными народами, находящимися на всѣхъ степеняхъ развитія, которыя были пройдены человѣчествомъ въ теченіе вѣковъ.

Основываясь на этомъ наблюденіи Тюрго, полагаетъ, что люди первоначально существовали тѣми *произведеніями земли*: какія они могли находить въ обитаемой ими мѣстности. Потомъ, когда произведеній этихъ оказалось недостаточно, они обратились къ *охотѣ*, когда же и ея средства были не въ состояніи удовлетворить нуждъ размножившагося населенія, люди стали *пастухами*, и отъ этого состоянія только перешли ужъ къ *земледѣлію*. Только начиная съ этой эпохи возникаетъ то, что можно назвать цивилизаціей: земля прокармливаетъ большее число людей, чѣмъ сколько необходимо для ея обработки. Такое положеніе вещей даетъ начало досугу. Возникаютъ искусства, торговля: условія жизни совершенно измѣняются.

Затѣмъ Тюрго приступаетъ къ изображенію *исторической* эпохи развитія. Онъ представляетъ намъ картину цивилизаціи, возникающей на Востокѣ и постоянно подвигающейся къ Западу. Онъ изображаетъ постепенное процвѣтаніе и паденіе древней цивилизаціи и возрожденіе ея у народовъ европейскаго Запада. Въ средневѣковомъ обществѣ, говоритъ онъ, вырабатывается зародышъ новой цивилизаціи. Принципъ этой цивилизаціи—фи-

лософія. Царство философіи есть царство разума. Вмѣстѣ съ разумомъ воцаряется справедливость. На этихъ началахъ основывается возможность счастья для человѣчества, въ такой степени, по крайней мѣрѣ, въ какой допускаютъ условія, среди которыхъ оно поставлено. Успѣхи наукъ, способствуя успѣхамъ свободы и мира, дозволятъ человѣчеству избавиться наконецъ отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ только возможно избавиться.

Тюрго, какъ я сказалъ уже, не оставилъ ничего цѣлаго, законченнаго; его мысли, разбросанныя по нѣсколькимъ сочиненіямъ, даютъ только отрывочное и весьма неполное представленіе о его общей идеѣ. Это обстоятельство весьма неблагопріятно для вѣрной критической оцѣнки заслуги Тюрго въ дѣлѣ развитія идеи прогресса; но и изъ того, что даютъ намъ оставшіеся послѣ него очерки и планы, можно заключить, что развитіе это обязано ему многимъ. Главная заслуга Тюрго заключается въ томъ, что онъ создалъ одну общую теорію изъ всѣхъ идей, заявленныхъ его предшественниками, и дополнилъ ее многими своими оригинальными и мѣткими положеніями. Послѣдовательность эпохъ, взаимная ихъ связь и зависимость, постепенное возрастаніе и ускореніе прогресса, облегчающагося работой, унаслѣдываемой отъ предшествовавшихъ періодовъ развитія, значеніе прогресса разума ,какъ первенствующаго дѣятеля въ развитіи человѣчества— вотъ тѣ общія черты, которыя характеризируютъ идею прогресса такъ, какъ ее понималъ Тюрго.

Идею эту, не ограниченную никакими произвольными предѣлами, онъ свободно прилагаетъ къ исторіи развитія человѣчества, и начертываетъ планъ этой исторіи, какъ исторіи постепеннаго прогресса человѣческаго разума. Итакъ, послѣ Вольтера, Тюрго первый обобщилъ идею прогресса до такой степени, что сдѣлалъ ее содержаніемъ всего историческаго развитія человѣчества; но обобщеніе Тюрго тѣмъ отличается отъ обобщенія Вольтера, что оно гораздо глубже и разностороннѣе. Тюрго поднимаетъ вопросы, которые для Вольтера еще не существовали: онъ разсматриваетъ отдѣльно каждый изъ элементовъ прогресса и очерчиваетъ различныя эпохи, характеризующія степени его постепеннаго возрастанія, и, хотя и бѣгло, разсматриваетъ причины, ускоряющія и замедляющія прогрессъ. Главный недостатокъ его заключается въ сильной склонности къ оптимизму, особенно рѣзко выдающейся въ опредѣленіи значенія страстей

въ развитіи человѣческихъ обществъ и неумѣренномъ ослабленіи вреднаго вліянія войнъ на это развитіе. Нѣкоторая неясность и неполнота относятся также къ числу важныхъ недостатковъ теоріи Тюрго, хотя, какъ выше сказано, недостатки эти и не могутъ быть вмѣнены ему въ вину.

Дальнѣйшее развитіе идей Тюрго въ XVIII столѣтіи принадлежитъ знаменитому ученому—Кондорсэ. Въ своемъ «Esquisse d'un Tableau historique des progrès de l'ésprit humain», одно заглавіе и введеніе въ которое, по словамъ Огюста Конта, было достаточно для утвержденія за ихъ авторомъ вѣчной чести созданія (вѣрнѣе: *развитія)* великой философской идеи,—Кондорсэ, съ отчетливостью и ясностью, которой не было у его предшественника, изображаетъ постепенные фазисы развитія человѣчесгва, опредѣляетъ ихъ характеръ и взаимную связь. Главная заслуга Кондорсэ для развитія идеи прогресса заключается въ его общихъ положеніяхъ, изложенныхъ во введеніи; приложеніе же ихъ къ исторіи гораздо слабѣе и не всегда удачно; поэтому я считаю полезнымъ остановиться преимущественно на его замѣчательномъ введеніи, а объ остальномъ сочиненіи скажу лишь нѣсколько словъ.

Всего прежде Кондорсэ опредѣляетъ смыслъ выраженія «картина прогресса человѣческаго разума», т.-е. смыслъ заглавія своей книги. «Когда,—говоритъ онъ,—разсматриваютъ общіе факты и постоянные законы развитія человѣческихъ способностей въ ихъ результатахъ, по отношенію къ массѣ личностей, сосуществующихъ въ одно и то же время и на опредѣленномъ пространствѣ, при чемъ обращается вниманіе на послѣдовательность этого развитія изъ поколѣнія въ поколѣніе, тогда и представляется картина прогресса человѣческаго разума».

Прогрессъ человѣческаго общества, по его мнѣнію, есть результатъ развитія индивидуальныхъ способностей человѣка, разсматриваемый въ одно и то же время у большого числа индивидуумовъ, соединенныхъ въ общество. Изъ этого слѣдуетъ, что прогрессъ общества, подчиняется тѣмъ же общимъ законамъ, которые управляютъ личнымъ нашимъ развитіемъ. Разсматривая взаимное соотношеніе моментовъ въ общемъ ходѣ прогресса, Кондорсэ находитъ, что результатъ каждаго даннаго момента зависитъ отъ результатовъ, представляемыхъ моментами предыдущими, и вліяетъ на моменты послѣдующіе.

Картина прогресса, начертанная согласно съ этими нача-

лами, должна составляться постепенно и подвергаться постоянным измѣненіямъ. Она образуется послѣдовательными наблюденіями надъ человѣческими обществами въ различные моменты, ими проходимые. Она должна представить порядокъ измѣненій и дать отчетъ о вліяніи, производимомъ каждымъ моментомъ на моментъ послѣдующій, и, такимъ образомъ, показать поступательный ходъ человѣчества къ счастью и истинѣ путемъ измѣненій и обновленій. Наблюденія надъ тѣмъ, чѣмъ человѣкъ былъ и что онъ есть, должны повести къ средствамъ, служащимъ для обезпеченія и ускоренія новаго прогресса, надежда на который допускается еще человѣческой природой.

«Такова цѣль предпринятой мною работы,—говоритъ Кондорсэ.—Результатомъ ея будетъ разумное и фактическое доказательство несуществованія предѣла въ развитіи человѣческихъ способностей; доказательство, что способность совершенствоваться въ человѣкѣ дѣйствительно неопредѣленна (indéfinie), что прогрессивный ходъ этой способности не будетъ зависѣть впредь ни отъ какихъ силъ, которыя вздумали бы остановить его, и не будетъ имѣть другого предѣла, кромѣ продолжительности существованія планеты, на которую бросила насъ природа. Прогрессъ этотъ несомнѣнно будетъ итти болѣе или менѣе быстро; но итти будетъ онъ всегда впередъ, никогда назадъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока земля не перестанетъ занимать то мѣсто въ системѣ вселенной, какое она занимаетъ въ настоящее время, и пока общіе законы этой системы не произведутъ на нашей планетѣ ни всеобщаго переворота, ни такихъ перемѣнъ, которыя не дозволятъ человѣчеству сохранять и развивать прежнія способности и находить прежнія средства».

Первою ступенью цивилизаціи, на которой было наблюдаемо человѣчество, считаетъ Кондорсэ то состояніе, которое мы обыкновенно называемъ дикимъ. Характеризуя его, онъ говоритъ, что люди, находящіеся на этой низшей ступени цивилизаціи, живутъ небольшими обществами, пропитывающимися охотой и рыболовствомъ. Имъ извѣстна только грубая выдѣлка оружія и нѣкоторыхъ предметовъ домашней утвари. Жилье для себя они вырываютъ въ землѣ. У нихъ существуетъ уже разговорный языкъ и небольшое число нравственныхъ идей, изъ которыхъ выводятся общія правила взаимныхъ отношеній. Живутъ они семействами, имѣютъ общіе обычаи, замѣняющіе имъ законы, и даже грубую форму правленія.

Понятно, что такое состояніе совершенно не обезпечено: оно не представляетъ возможности добывать пищу и ставитъ человѣка въ неизбѣжную альтернативу между крайнею усталостью и полнымъ бездѣйствіемъ. Оно не доставляетъ досуга, дозволяющаго предаваться размышленію и обогащенію разума наблюденіями и знаніями, и связываетъ удовлетвореніе человѣческихъ потребностей съ временами года и непредвидѣнными случайностями. Оно не въ состояніи поддерживать такого рода промышленность, прогрессъ которой могъ бы передаваться, и заставлять поэтому заботиться объ усовершенствованіи личнаго искусства и ловкости.

Такія условія существованія чрезвычайно замедляютъ прогрессъ; да онъ при нихъ и не всегда возможенъ. Только на большихъ промежуткахъ времени и при стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ оказывалось его присутствіе. Общій итогъ измѣненій за разсматриваемый періодъ времени показываетъ однако, что ходъ жизни за это время прогрессируетъ. Прогрессъ обнаруживается въ замѣнѣ пищи, добываемой охотой, рыболовствомъ и собираніемъ самопроизрастающихъ плодовъ земли,—пищею, доставляемою животными, обращенными въ состояніе домашнихъ, а впослѣдствіи и земледѣліемъ. Еще позже, человѣкъ выучивается собирать запасы, хранить ихъ вокругъ своего жилья, сѣять или садить ихъ и, наконецъ, способствовать ихъ произрастанію уходомъ и обработкой.

Въ этомъ періодѣ развитія, собственность, ограничивавшаяся прежде убитыми животными, оружіемъ, сѣтями и домашнею утварью, переходитъ сперва на стадо, а потомъ и на землю, которая была расчищена и обработана. Со смертью главы семейства, собственность эта, естественно, переходитъ къ его семьѣ. У нѣкоторыхъ собирается излишекъ запаса. Если онъ безусловенъ, то порождаетъ новаго рода потребности, если же, при излишкѣ въ одномъ предметѣ чувствуется потребность въ другомъ, то потребность эта порождаетъ идею мѣры, которая служитъ къ умноженію и усложненію сношеній. Большая безопасность, досугъ, болѣе обезпеченный и постоянный, дозволяютъ предаваться размышленію или, по крайней мѣрѣ, послѣдовательному наблюденію. Возникаетъ классъ людей, время которыхъ не поглощено совершенно тѣлеснымъ трудомъ и желанія которыхъ заходятъ за предѣлъ первыхъ потребностей. Пробуждается промышленность; извѣстныя уже искусства расширяются и совер-

шенствуются. Факты, случайно представляющіеся наблюденію человѣка внимательнаго и умѣлаго, даютъ начало новымъ искусствамъ. Народонаселеніе увеличивается по мѣрѣ того, какъ средства къ жизни перестаютъ быть сопряженными съ опасностью и становятся болѣе надежными. Земледѣліе, могущее прокармливать большее число людей на одномъ и томъ же пространствѣ земли, замѣняетъ собою другіе способы существованія: оно покровительствуетъ возрастанію численности населенія, которое, въ свою очередь, благодѣтельно воздѣйствуетъ на прогрессъ. Идеи, уже пріобрѣтенныя, сообщаются отъ одного другому скорѣе и утверждаюся прочнѣе въ обществѣ болѣе осѣдломъ, сближенномъ и дружественномъ. Знанія начинаютъ пріобрѣтать большую связь и точность: начинаетъ складываться наука... *Человѣкъ является выдѣленнымъ изъ прочихъ родовъ животныхъ и перестаетъ, подобно имъ, быть способнымъ на одно только индивидуальное совершенствованіе.*

Но въ обществѣ этомъ еще нѣтъ письменнаго языка. Изложивъ обстоятельства, подготовившія его возникновеніе, Кондорсэ объясняетъ потомъ и непосредственныя причины, его вызвавшія.

Расширенныя, умноженныя и усложнившіяся сношенія между людьми, говоритъ онъ, возбуждаютъ потребность въ средствахъ сообщенія идей лицамъ отсутствующимъ, требуютъ увѣковѣченія ихъ способами болѣе прочными, чѣмъ изустное преданіе, пробуждаютъ къ укрѣпленію условій мѣрами болѣе вѣрными, чѣмъ память свидѣтелей, и вызываютъ подтвержденіе общепринятыхъ въ руководство обычаевъ на основаніяхъ столь же точныхъ, какъ и прочныхъ.

Потребность въ письменномъ языкѣ начинаетъ ощущаться и онъ вскорѣ является въ своей первобытной грубой формѣ. Кондорсэ полагаетъ, что первоначально между письменностью и живописью не было никакого различія и что только впослѣдствіи живопись распалась на собственно живопись стремившуюся къ достиженію сходства съ изображаемыми предметами, и на условную живопись, старавшуюся примѣниться къ условіямъ разговорнаго языка. Эта послѣдяя, удаляясь постепенно отъ первой, сохранила, наконецъ, однѣ только характеристичныя черты предметовъ. Впослѣдствіи, помощью метафоры, аналогической съ тою, которая существовала уже въ разговорѣ, предметъ физическій сталъ замѣнять собою нравственную идею...

Возникновеніе этихъ знаковъ, такъ же какъ и происхожденіе словъ, было, со временемъ, забыто и письмо превратилось въ искусство связывать съ каждой идеей, а потомъ и съ каждымъ измѣненіемъ идеи и слова извѣстный, условный знакъ.

Далѣе, Кондорсэ показываетъ переходъ отъ этого гіероглифическаго письма къ азбучному; онъ говоритъ: «Геніальные люди, безсмертные благодѣтели человѣчества, которыхъ не только имена, но даже и мѣста рожденія навѣки скрыты забвеніемъ, замѣтили, что слова были соединеніями весьма ограниченнаго числа первичныхъ звуковъ и что это ограниченное число было однако достаточно для образованія почти безчисленно-разнообразныхъ соединеній. Имъ пришло на мысль обозначать знаками не идеи и соотвѣтствующія имъ слова, а тѣ простые элементы, изъ которыхъ слова составлены. Съ этого времени стало извѣстнымъ азбучное письмо. *Письменный языкъ отождествился съ языкомъ разговорнымъ и этотъ послѣдній шагъ упрочилъ навѣки прогрессъ человѣческаго разума*».

Такимъ образомъ между первобытною доисторическою эпохою, о которой мы можемъ только предполагать, и началомъ образованности, о которой мы имѣемъ нѣкоторыя положительныя свѣдѣнія, существуетъ внутренняя связь, и исторія, рисуя эту картину, представляетъ непрерывную цѣпь развитія человѣческаго разума. Въ свою очередь, исторія изобрѣтенія азбучнаго письма связывается съ исторіею современнаго намъ состоянія развитія образованнѣйшихъ народовъ Европы и пріобрѣтаетъ полную достовѣрность.

«Остается, наконецъ, сдѣлать очеркъ послѣдней картины,— говоритъ Кондорсэ,—а именно: картины надеждъ нашихъ на прогрессъ, предстоящій грядущимъ поколѣніямъ и, какъ кажется, обезпеченный имъ постоянствомъ законовъ природы. Слѣдуетъ показать, какимъ путемъ постепенности дѣлается не только возможнымъ, но и легкимъ то, что въ настоящее время представляется химерой; почему вопреки временному успѣху предразсудковъ, вопреки опорѣ, доставляемой имъ порчею народовъ и ихъ руководителей, все-таки восторжествуетъ окончательно истина; какою связью природа неразрывно соединила прогрессъ просвѣщенія съ прогрессомъ свободы, добродѣтели и уваженія естественныхъ правъ человѣка; какимъ образомъ эти единственно-существенныя блага (до такой степени часто раздѣляемыя, что ихъ стали считать даже несовмѣстимыми) должны

стать нераздѣльными, лишь только просвѣщеніе достигнетъ извѣстной степени въ большомъ числѣ націй и проникнетъ въ массу великаго народа, языкъ котораго будетъ повсемѣстно распространенъ и торговыя отношенія котораго обнимутъ все пространство земного шара. Когда идея неразрывности тѣхъ благъ, которыя были названы, проникнетъ въ массу образованныхъ людей, тогда они сдѣлаются исключительно друзьями человѣчества и всѣ, какъ одинъ, примутся за работу совершенствованія и ускоренія человѣческаго счастья».

Кондорсэ понималъ, однако же, что картина прогресса, существеннѣйшія черты которой были до сихъ поръ обозначены, не могла еще считаться полною, а потому онъ предполагалъ дополнить ее очеркомъ происхожденія и распространенія заблужденій, болѣе или менѣе задерживавшихъ прогрессъ разума и нерѣдко отодвигавшихъ человѣка назадъ, въ невѣжество. Онъ утверждаетъ, что заблужденія эти, подобно тому, какъ и истины, совершенствующія и просвѣщающія разумъ, составляютъ неизбѣжное слѣдствіе дѣятельности этого послѣдняго. *Заблужденія*, говоритъ, онъ *можно считать результатомъ вѣчно существующей несоотвѣтственности между тѣмъ, что человѣкъ знаетъ, и тѣмъ, что онъ желаетъ или считаетъ нужнымъ знать.*

Можно замѣтить даже, что, согласно съ общими законами развитія нашихъ способностей, извѣстные предразсудки должны были явиться въ каждую изъ эпохъ прогресса и сохранить силу и обаяніе даже и во времена позднѣйшія, потому что люди сохраняютъ заблужденія дѣтства и предразсудки своей страны и своего вѣка еще долго послѣ того, какъ они признаютъ всѣ истины, необходимыя для устраненія этихъ заблужденій.

Кондорсэ различаетъ три рода предразсудковъ и считаетъ ихъ тремя врагами, съ которыми придется постоянно бороться: предразсудки метафизиковъ, вредящіе прогрессу новыхъ идей, предразсудки привилегированныхъ классовъ, препятствующіе распространенію идей уже извѣстныхъ, и предразсудки невѣжественныхъ массъ, производящіе запаздываніе въ распространеніи даже тѣхъ идей, которыя уже миновали два первыя препятствія. Побѣда надъ этими тремя врагами достанется разуму только послѣ долгой и упорной борьбы. Одно изъ средствъ этой борьбы есть изученіе исторіи древнихъ предразсудковъ, которое должно раскрыть причины и слѣдствія ихъ и обнаружить зло, причиненное ими.

«Достигли ли мы,—говоритъ Кондорсэ,—такого положенія, въ которомъ не должны бояться ни новыхъ заблужденій, ни возвращенія старыхъ,—въ которомъ ни одно развращающее установленіе не можетъ болѣе существовать, будучи представлено лицемѣріемъ, принято невѣжествомъ или энтузіазмомъ,—въ которомъ ни одно ложное соображеніе не можетъ сдѣлать цѣлую націю несчастной?»

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо знать, какимъ образомъ въ прежнее время народы были обманываемы, развращаемы и повергаемы въ рабство.

Слѣдя за совершавшимися вокругъ него дѣлами, Кондорсэ не могъ не провидѣть, что старый порядокъ доживалъ послѣдніе дни. «Все указываетъ намъ на то,—говоритъ онъ,—что мы приближаемся къ эпохѣ великаго переворота въ человѣчествѣ. Что же можетъ быть намъ полезнѣе и что можетъ лучше руководить насъ, какъ не исторія переворотовъ, предшествовавшихъ намъ? Изученіе этой исторіи должно привести къ такому отношенію къ грядущимъ событіямъ, изъ котораго произошла бы для насъ наибольшая сумма блага».

Хотя Кондорсэ, какъ мы могли замѣтить, и заимствовалъ весьма многое у Тюрго, тѣмъ не менѣе, придавъ заимствованнымъ имъ идеямъ законченность и полноту, онъ сдѣлалъ ихъ своими и ему первому безспорно принадлежитъ заслуга развитія идеи прогресса въ полное *ученіе о прогрессѣ*. Это ученіе тѣмъ еще особенно замѣчательно, что оно стремится поставить вопросъ развитія человѣчества на почву положительной науки и служитъ такимъ образомъ непосредственнымъ прецедентомъ позитивной школы.

Научная разработка историческихъ фактовъ есть какъ бы завѣтъ, переданный Кондорсэ столь уже близкому къ нему XIX вѣку.

«Небольшое число безсмертныхъ страницъ введенія въ сочиненіе Кондорсэ,—говоритъ Огюстъ Контъ,—не оставляетъ желать ничего существеннаго по отношенію къ постановкѣ вопроса, который, по моему мнѣнію, будетъ всегда основываться на изложенныхъ въ этомъ введеніи положеніяхъ, составляющихъ на вѣчныя времена достояніе науки».

Огюстъ Контъ, разбирая сочиненіе Кондорсэ и указывая на него какъ на точку опоры въ развитіи своихъ собственныхъ идей, находитъ, что планъ, набросанный имъ во введеніи, стоитъ

до такой степени выше выполненія его, что это послѣднее, по его мнѣнію, можно считать совершенно неудавшимся. Кондорсэ сдѣлалъ два особенно важныхъ промаха, подрывающихъ значеніе всего его изложенія: онъ не обратилъ достаточнаго вниманія на распредѣленіе эпохъ и повторилъ ошибку Вольтера относительно оцѣнки прогрессивнаго значенія времени, предшествовавшаго XVIII столѣтію.

Что касается распредѣленія эпохъ, то Кондорсэ не видѣлъ, что распредѣленіе это составляетъ самую важную часть плана и требуетъ первоначальной общей работы, несомнѣнно труднѣйшей, въ какой только нуждается исторія прогресса. Кондорсэ полагалъ, что факты будутъ распредѣлены удовлетворительно, если за начало каждой эпохи онъ возьметъ какое-нибудь замѣчательное событіе изъ области промышленности, науки или политики. Поступая такимъ образомъ, онъ не могъ установить между фактами дѣйствительную связь, такъ какъ тѣ, которые должны были служить связью для другихъ, были сами разобщены между собою.

Оцѣнивая фазисы развитія, предшествовавшіе современной ему эпохѣ, онъ видитъ постоянно одно только невѣжество, жестокость, нетерпимость, обманъ и глупость. Такое тенденціозное отношеніе къ прошедшему было не только шагомъ назадъ послѣ Тюрго, не только совершенно безполезно, но и вносило въ трудъ Кондорсэ противорѣчіе, подрывавшее научное его значеніе. Огюстъ Контъ очень мѣтко выразился, сказавъ, что Кондорсэ не наблюдалъ историческихъ фактовъ, а повелъ процессъ противъ нихъ. Такое отношеніе къ предмету представляетъ высокую цивилизацію XVIII вѣка не результатомъ движенія предшествующихъ вѣковъ, не суммою ихъ успѣховъ, а какимъ-то чудомъ, непонятнымъ и необъяснимымъ.

Неудача Кондорсэ въ выполненіи начертаннаго имъ плана ни мало не уменьшаетъ, однако же, его высокаго значенія въ исторіи развитія идеи прогресса. Къ нему можно примѣнить то сужденіе, которое высказалъ Бокль въ отношеніи къ Монтескье. Бокль говоритъ, что во всѣхъ высшихъ отрасляхъ знанія главная трудность заключается въ открытіи метода, по которому могутъ быть приведены въ извѣстность законы фактовъ, и потому наудача выполненія той или другой задачи не имѣетъ никакого значенія въ томъ случаѣ, когда мыслитель умѣлъ указать вѣрный путь для достиженія истины. У Кондорсэ, какъ и у Монтескье, мы

видимъ, «какъ великій мыслитель набрасываетъ въ общихъ чертахъ планъ, выполнить который было невозможно при тогдашнемъ состояніи науки и довершеніе котораго онъ долженъ былъ предоставить болѣе зрѣлой опытности и болѣе обширнымъ средствамъ позднѣйшаго вѣка. Упреждать такимъ образомъ ходъ развитія человѣческаго ума и какъ бы забѣгать впередъ его дальнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ—есть особенное преимущество умовъ самаго высшаго разряда».

Англія XVIII столѣтія богата мыслителями, способствовавшими развитію идеи прогресса: къ нимъ надо причислить всѣхъ работавшихъ для освобожденія мысли и проложенія ей новыхъ путей; но непосредственная разработка идеи прогресса была здѣсь весьма ограниченна. Только Гиббонъ и Пристлей высказали взгляды, имѣвшіе нѣкоторое значеніе. О нихъ я и скажу теперь нѣсколько словъ.

Гиббонъ въ своей «Исторіи паденія Римской Имперіи» дѣлаетъ сравненіе между цвѣтущимъ состояніемъ древней цивилизаціи и варварствомъ, послѣдовавшимъ за ея паденіемъ. Это сравненіе наводитъ его на вопросъ: угрожаетъ ли такая опасность и нашей цивилизаціи? «Опытъ четырехъ тысячъ лѣтъ долженъ уменьшить наши опасенія и усилить наши надежды», говоритъ онъ, отвѣчая на этотъ вопросъ.

«Мы не можемъ назначить предѣла совершенствованію, до котораго человѣчество можетъ достигнуть; но мы, не безъ разумнаго основанія, можемъ предполагать, что ни одинъ изъ нынѣ живущихъ образованныхъ народовъ не возвратится къ первобытной дикости, если только не случится такого всеобщаго переворота, который измѣнитъ видъ всей поверхности земного шара». Въ самомъ дѣлѣ, исторія доказываетъ, что «отъ сотворенія міра,—говоритъ далѣе Гиббонъ,—богатство, счастье, разумъ, а *можетъ быть* и добродѣтель возрастали съ каждымъ вѣкомъ».

Пристлей замѣчателенъ своею необыкновенною разносторонностью: онъ былъ и теологъ, и химикъ, и историкъ, и философъ. Въ своемъ «Курсѣ исторіи» онъ проводитъ идею всеобщаго прогресса; но изложеніе его поверхностно и идеи его не заключаютъ ничего новаго и оригинальнаго. Такой курсъ тѣмъ только и замѣчателенъ, что свидѣтельствуетъ о стремленіи идеи прогресса перейти отъ отрывочныхъ наблюденій къ систематическому обобщенію.

Обращаясь затѣмъ къ Германіи, мы должны начать съ Лес-

синга. Его вліяніе на ходъ умственной жизни Германіи было громадно и разносторонне. Вопросы науки, искусства, теологіи и философіи разсматривалъ онъ съ необычайною глубиною и проницательностью, внося въ нихъ духъ свободнаго изслѣдованія, гуманности и жизненной правды. Эти высокія достоинства поставили Лессинга высоко въ глазахъ его соотечественниковъ. Даже въ наше время была заявлена мысль, что «auf Lessing zurückgehen heisst jetzt — fortschreiten».

По отношенію къ развитію идеи прогресса Лессингъ имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ въ числѣ многочисленныхъ его сочиненій есть одно, исключительно посвященное изложенію развитія человѣчества — это «Erziehung des Menschengeschlechts» [1]). Небольшое сочиненіе это не потеряло своего значенія и до настоящаго времени. Блунчли, называя его самымъ зрѣлымъ плодомъ благороднаго генія Лессинга, говоритъ, что въ Германіи найдется теперь мало образованныхъ людей, которые вступали бы въ умственную жизнь помимо вліянія идей, высказанныхъ въ этомъ сочиненіи. Вліяніе его, безспорно, можетъ быть только благотворно; но съ условіемъ, чтобы идеи Лессинга были понимаемы вѣрно. Недоразумѣнія же и ложныя толкованія тѣмъ возможнѣе, что Лессингъ сохраняетъ старую терминологію, хотя и выдвигаетъ, подъ ея прикрытіемъ, понятія совершенно несогласныя съ отжившимъ міросозерцаніемъ. Поводъ къ недоразумѣнію встрѣчается ужъ въ первомъ параграфѣ. «Воспитаніе для личности,—говоритъ Лессингъ въ этомъ параграфѣ,—есть тоже, что откровеніе для рода человѣческаго. Воспитаніе есть откровеніе, совершающееся для личности; откровеніе есть воспитаніе, совершившееся для человѣческаго рода». Что же понимаетъ Лессингъ подъ словомъ откровеніе? «Откровеніе,—говоритъ онъ,—не даетъ человѣку ничего такого, чего бы онъ не могъ достичь собственными силами; но оно облегчаетъ ему работу, дозволяя достичь цѣли скорѣе». Изъ этого понятно, что Лессингъ не видѣлъ въ откровеніи ничего супранатуральнаго и потому не могъ допускать въ немъ законченности, полагающей предѣлъ дальнѣйшему прогрессу. Откровеніе представлялось ему воспитаніемъ, никогда не останавли-

---

[1]) Для критической оцѣнки этого сочиненія, кромѣ книгъ, упомянутыхъ въ 1-й статьѣ, я пользовался еще соч. Штара: «Lessing, sein Leben und seine Werke».

вающимся, вѣчно развивающимся, непрестанно прогрессирующимъ.

Говоря о двухъ формахъ, въ которыхъ представлялось откровеніе въ прошедшемъ, онъ говоритъ о неизбѣжности возникновенія новой формы его, которая будетъ новымъ шагомъ къ совершенствованію. Этотъ новый шагъ онъ характеризуетъ тѣмъ, что указываетъ на разумъ, какъ на единственное основаніе истины въ этомъ періодѣ развитія.

Понимая прогрессъ въ смыслѣ воспитанія, Лессингъ не возмущается ни его медленностью, ни его колебаніями. Онъ отвергаетъ сравненіе его съ прямой линіей. По его мнѣнію, взглядъ этотъ ложенъ потому, что воспитаніе человѣка многосложно и трудно. Эта медленность, утверждаетъ онъ, служитъ нерѣдко залогомъ прочности; во всякомъ же случаѣ, она неизбѣжна. «Подвигайся нечувствительнымъ шагомъ вѣчное провидѣніе!—говоритъ онъ.—Дозволь мнѣ только не отчаяваться въ тебѣ даже въ томъ случаѣ, если движеніе твое покажется мнѣ ретроградным! Неправда, что кратчайшая линія есть всегда линія прямая».

Это медленное развитіе должно наконецъ привести человѣчество къ цѣли его воспитанія, къ торжеству разума и свободы. Тогда возвѣстится человѣку та «благая вѣсть», о которой грезили мечтатели (напр. Іоахимъ де Фіоре) и для выработки которой *природа* нуждается въ тысячелѣтіяхъ. Такимъ образомъ объясняются намъ какъ истинный смыслъ предшествовавшаго отрывка, такъ и коренное различіе представляемаго Лессингомъ будущаго отъ фантастической идеи средневѣковыхъ мистиковъ, хотя и Лессингъ, и эти мистики пользовались одними и тѣми же *словами* для выраженія своихъ столь различныхъ *мыслей*.

Личному совершенствованію Лессингъ не ставитъ предѣловъ. Онъ допускаетъ возрожденіе человѣка на землѣ, отличающееся отъ древней метампсихозы тѣмъ, что возрождающаяся личность, по мнѣнію Лессинга, не перестаетъ совершенствоваться. Итакъ, прогрессъ личности, какъ и прогрессъ всего рода, безпредѣльны. Ни одна изъ ступеней ихъ развитія не представляетъ собою послѣдняго слова.

Эту мысль Лессингъ выразилъ въ слѣдующей—не забудемъ опять—условной формѣ. «Если бы Творецъ,—говоритъ онъ,—держалъ въ правой рукѣ всю истину, а въ лѣвой одинъ только

вѣчно живой инстинктъ, стремящійся къ ея открытію, и если-бы въ то же время онъ угрожалъ мнѣ проклятіемъ за постоянное заблужденіе и сказалъ мнѣ: «выбирай!» я кинулся бы смиренно къ его лѣвой рукѣ и сказалъ: Отецъ! отдай мнѣ то, что у тебя здѣсь; чистая истина принадлежитъ только тебѣ одному». Такимъ образомъ, Лессингъ осуждаетъ все неподвижное, абсолютное, считающее себя законченнымъ и неподлежащимъ измѣненію... Старая терминологія не имѣетъ здѣсь никакого значенія, такъ какъ подъ сухими ея формами Лессингъ скрывалъ истины живыя, практическія. Онъ считаетъ совершенно неудовлетворительнымъ тотъ методъ воспитанія, который проповѣдуемыя имъ истины выдаетъ за абсолютныя.

Геніальный трудъ Лессинга не лишенъ, однако же, недостатковъ, которые и были указаны новѣйшею критикою. Я уже говорилъ о неясности, происходящей отъ противорѣчія между его идеями и принятой имъ терминологіей. Но, кромѣ того, нельзя не замѣтить у него вліянія Лейбница, обнаружившагося въ склонности къ оптимизму, и—что всего важнѣе—въ томъ, что свою «*идею воспитанія*» онъ прилагаетъ только къ еврейскому народу въ древности, и къ христіанскимъ народамъ въ новое время. Между тѣмъ въ воспитаніи (въ прогрессѣ) человѣчества принимали участіе и многіе другіе народы. Такъ въ древности греки и римляне совершили для него гораздо болѣе, чѣмъ евреи, а въ новую эру арабы имѣли громадное значеніе. Конечно, терминологія, которую принялъ Лессингъ въ своемъ разсужденіи о прогрессѣ, помѣшала ему говорить объ этихъ народахъ; но, тѣмъ не менѣе, это не извиняетъ его, а только еще сильнѣе доказываетъ неудовлетворительность этой терминологіи.

Теперь мы перейдемъ къ Гердеру, обширное сочиненіе котораго «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» имѣетъ также весьма важное значеніе въ исторіи идеи прогресса. Никто въ Германіи ранѣе Гердера не излагалъ идеи прогресса въ исторіи человѣчества съ такою систематичностью и полнотою. Многія главы имѣютъ чисто научную обработку и по всему сочиненію разбросано множество прекрасныхъ мыслей и мѣткихъ наблюденій; но зато можно найти противорѣчія и непослѣдовательности, значительно нарушающія гармонію цѣлаго, и—что важнѣе всего — сочиненіе испорчено мистическими бреднями и созерцательными разглагольствіями, переносящими идею

прогресса въ сферу непознаваемаго, куда, конечно, ни одинъ разсудительный человѣкъ за ней слѣдовать не станетъ.

Но ознакомимся хоть вкратцѣ съ содержаніемъ этой «Философіи исторіи». Общую идею ея Гердеръ опредѣляетъ такъ: «Тяжелое зрѣлище представляютъ земные перевороты, накидавшіе развалины на развалины, эти начала безъ конца»... «Только цѣль образованности связываетъ эти развалины въ одно цѣлое; правда, въ этомъ цѣломъ исчезаютъ недѣлимыя личности, но духъ человѣчества живетъ одинъ безсмертный и непрерывный».

Самое изложеніе Гердеръ начинаетъ съ описанія земли до появленія на ней человѣка. Это необходимо по двумъ причинамъ: во-первыхъ, для того, чтобы ознакомиться съ театромъ будущей дѣятельности человѣческаго рода, судьбы котораго, по мнѣнію Гердера, находятся въ тѣсной зависимости отъ условій мѣстности, и во-вторыхъ потому, что въ геологическихъ явленіяхъ эпохи, предшествующей появленію человѣка, Гердеръ видитъ обнаруженія усилій природы достигнуть сознанія, т. е. первые факты, непосредственно связывающіеся съ исторіей человѣческаго рода. Природа, какъ понимаетъ ее Гердеръ, есть толька почка, изъ которой выйдетъ послѣдній цвѣтъ творенія— человѣкъ.

Сообразно съ этимъ взглядомъ, весь рядъ органическихъ и неорганическихъ формъ, какія только можно наблюдать между глыбой земли и человѣкомъ, есть только рядъ проявленныхъ природою усилій доразвиться до человѣка, т. е. до способности мыслить, сознавать себя.

Итакъ, уже до появленія человѣка природа представляла рядъ прогрессивныхъ явленій, рядъ, въ который вошли всѣ явленія, создавшія своею послѣдовательностью и взаимнодѣйствіемъ тотъ характеръ земной поверхности, тѣ свойства почвы, климата, ту конфигурацію материковъ и проч., которые своею совокупностью образовали жилище человѣка, свойства котораго должны были обнаружить громадное вліяніе на новаго жителя. Но прежде чѣмъ слѣдить за перипетіями его жизни, Гердеръ подвергаетъ его тщательному разсмотрѣнію и выводитъ заключеніе, что человѣкъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ строеніе его тѣла, предназначенъ къ свободѣ, дару слова и безсмертію.

Только по изслѣдованіи двухъ главныхъ данныхъ исторіи— природы и человѣка, приступаетъ Гердеръ къ изложенію самой исторіи. Какіе же виды прогресса признаетъ онъ? Всего прежде,

научный прогрессъ, конечно. Каждый вѣкъ, каждый день даже, утверждаетъ онъ, завѣщаетъ будущему какое-нибудь новое знаніе. Движеніе человѣчества впередъ подобно теченію рѣки, воды которой возрастаютъ. И человѣчество, какъ эти воды, не знаетъ поворота назадъ. Точно также признаетъ онъ и прогрессъ соціальный. Говоря о международныхъ отношеніямъ, онъ замѣчаетъ, что мирныя начала берутъ постоянно верхъ надъ военными инстинктами. Прогрессъ нравственный онъ считаетъ совершенно упроченнымъ. Онъ говоритъ, что «разумъ и правосудіе, въ силу законовъ имъ присущихъ, должны распространяться между людьми все болѣе и болѣе и утвердить человѣчность на основаніяхъ самыхъ прочныхъ». Вообще онъ имѣетъ твердую вѣру въ совершенствованіе человѣка и утверждаетъ, что «общій ходъ жизни ведетъ къ утвержденію общаго блага и что даже зло полезно для будущаго».

Прогрессъ, столь рѣшительно утверждаемый, Гердеръ относитъ только къ личности, а не къ обществу. Онъ полагаетъ, что всякая личность имѣетъ свое частное призваніе, сообразное съ ея способностями, мѣстомъ и временемъ, въ которыхъ она живетъ; но что для всего человѣчества не существуетъ единаго идеала, нѣтъ общаго закона, которому бы каждая личность отдѣльно повиновалась. Прогрессъ имѣетъ характеръ исключительно частный, индивидуальный.

Другая особенность взгляда Гердера на прогрессъ заключается во взглядѣ его на вліяніе природы на человѣка. Онъ утверждаетъ, что люди всегда и вездѣ были такими, какими они могли быть при извѣстныхъ вліяніяхъ мѣстныхъ условій, и что вообще «все, что могло цвѣсти на землѣ, цвѣло въ своемъ мѣстѣ, въ своемъ климатѣ и въ свою пору». Утверждая такъ безусловно вліяніе природы на развитіе человѣка, онъ оставляетъ неразрѣшеннымъ вопросъ о томъ, почему мѣстныя условія, произведшія въ древности культуру извѣстнаго характера, не производили ее позже, не производятъ ее и въ настоящее время. Почему мы видимъ иную жизнь въ Египтѣ, на азіатскихъ берегахъ Средиземнаго моря, въ Греціи и т. д. Приписывая мѣстнымъ условіямъ слишкомъ большое вліяніе, Гердеръ, самъ не замѣчая того, отрицалъ прогрессъ въ принципѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если, напримѣръ, на негровъ смотрѣть какъ на народъ, умственное и нравственное развитіе котораго безусловно зависитъ отъ мѣстныхъ условій, то слѣдуетъ заключить, что циви-

лизація имъ недоступна и что африканская почва вѣчно останется населенною народомъ, до котораго прогрессъ не коснется. То же самое можно сказать о китайцахъ, японцахъ и т. д.

Такое противорѣчіе въ основныхъ убѣжденіяхъ Гердера заставляетъ Лорана сомнѣваться даже въ томъ, утверждаетъ ли Гердеръ прогрессъ, или отрицаетъ его? «Можно сказать да, можно сказать нѣтъ,—говоритъ Лоранъ.—Несомнѣнно то, что онъ не утверждаетъ прогресса въ смыслѣ французскихъ философовъ прошедшаго столѣтія. Они не колебались, они не сомнѣвались, а утверждали. Даже тогда, когда они предрекали будущій прогрессъ человѣческаго разума, слова ихъ такъ же точны, какъ алгебраическая формула. Гердеръ не рѣшителенъ; онъ идетъ впередъ, отступаетъ назадъ—онъ неуловимъ. Вамъ кажется, что онъ вашъ; онъ раздѣляетъ вашу вѣру и ваши надежды, и минуту спустя, онъ ускользаетъ...»

Самый важный недостатокъ Гердера заключается, однако же, въ мистическихъ тенденціяхъ, примѣшанныхъ къ его серьезному, ученому труду. Говоря о будущности человѣчества, Гердеръ впадаетъ какъ бы въ экстазъ и, руководствуясь одною только личной фантазіей, говоритъ объ этомъ будущемъ съ такою увѣренностью, какъ будто знаніе его было основано на несомнѣнныхъ научныхъ данныхъ. «Въ природѣ все связано тѣсно,—говоритъ онъ,—одно состояніе приготовляетъ другое. Если такимъ образомъ человѣкъ есть самое послѣднее и самое совершенное звено, замыкающее собою цѣпь земного творенія, то, съ другой стороны, человѣкомъ *должна* (?) начаться цѣпь новыхъ существъ высшаго порядка, гдѣ человѣкъ является самымъ низшимъ звеномъ, которое служитъ связью между двумя смежными системами творенія...» Далѣе Гердеръ съ тою же увѣренностью утверждаетъ, что существуетъ какая-то степень бытія, скрытая отъ человѣка, но стоящая выше его. Онъ полагаетъ, что такое воззрѣніе не есть плодъ мистическаго созерцанія, а есть «взглядъ, подтверждаемый всѣми законами природы». По его мнѣнію, взглядъ этотъ одинъ только и даетъ намъ ключъ къ рѣшенію задачи, поразительной для человѣка, и одинъ можетъ быть настоящею философіею исторіи... (?)

Далѣе онъ говоритъ, развивая ту же мысль, что «жизнь человѣка, здѣсь въ этомъ мірѣ, далеко не разсчитана на вѣчность» и что поэтому нельзя смотрѣть на землю какъ на жилище, годное для постояннаго обитанія. «Мы приходимъ и уходимъ;

каждая минута приноситъ и уноситъ миріады живыхъ существъ. Земля есть гостиница для пріѣзжающихъ, дерево, на которое опускаются перелетныя птицы, чтобы, поднявшись съ него, пуститься въ послѣдній путь». Этотъ послѣдній путь предстоитъ совершить въ высшемъ мірѣ, въ которомъ человѣкъ явится опять дитятею, дѣлающимъ свои первые опыты.

Такимъ образомъ прогрессъ переносится за предѣлы нашего міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за предѣлы нашего изслѣдованія.

Воззрѣнія Канта на прогрессъ изложены въ его «Ideen zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht» (1784). Сочиненіе это состоитъ изъ девяти положеній, въ которыхъ Кантъ резюмировалъ всю философію исторіи, какъ онъ понималъ ее съ своей точки зрѣнія.

Въ предисловіи къ изложенію тезисовъ онъ даетъ общую идею исторіи и указываетъ на необходимость руководящей нити для ея пониманія. «Какимъ образомъ ни желали бы въ метафизикѣ представить свободу воли, проявленія ея въ человѣческихъ дѣяніяхъ опредѣлены, какъ и всякое другое естественное явленіе, общими законами природы. Исторія, имѣющая предметомъ разсказъ объ этихъ проявленіяхъ, какъ бы ни были скрыты причины ихъ, не отказываетъ себѣ, однако же, въ одной надеждѣ, а именно: разсматривая въ массѣ проявленія свободной воли, открыть въ нихъ правильный ходъ и то, что у отдѣльной личности кажется неправильнымъ и спутаннымъ, представить какъ постоянное, хотя и медленное, развитіе прирожденныхъ наклонностей въ цѣломъ родѣ. Такимъ образомъ,—продолжаетъ Кантъ—бракъ, рожденіе и смерть повидимому не подчиняются никакому закону, который дозволилъ бы опредѣлить число ихъ въ будущемъ; однако же годовыя таблицы, составляемыя въ большихъ государствахъ, доказываютъ, что и эти явленія также повинуются постояннымъ законамъ, какъ измѣненія атмосферы, изъ которыхъ ни одно въ частности не можетъ быть предусмотрѣно въ данномъ мѣстѣ, но которыя, въ совокупности, оказываютъ непрерывное и однообразное вліяніе на прозябаніе растеній, теченіе рѣкъ и всю остальную экономію природы. Отдѣльныя личности и даже цѣлые народы и не воображаютъ даже, что, отдаваясь собственнымъ побужденіямъ и даже вступая въ борьбу другъ съ другомъ, они слѣдуютъ планамъ природы, имъ неизвѣстнымъ, и содѣйствуютъ развитію, до котораго, даже въ томъ случаѣ, если бы они имѣли идею о немъ, имъ было бы мало нужды».

Кантъ утверждаетъ далѣе, что люди въ массѣ не дѣйствуютъ въ силу одного только инстинкта, какъ животныя; но они не дѣйствуютъ также согласно условленному плану, какъ бы слѣдовало разумнымъ членамъ человѣческаго общества. Казалось бы поэтому, что ихъ исторіи нельзя дать такой правильности, какъ исторіи пчелъ или бобровъ. Кантъ говоритъ, что нельзя отрѣшиться отъ нѣкотораго непріятнаго чувства при видѣ человѣческихъ дѣяній, представляющихъ, за рѣдкими исключеніями, массу глупости, пустой суетности и часто злобы и чисто дѣтскаго духа разрушенія; такъ что, наконецъ, не знаешь, какую идею составить о нашемъ родѣ, столь предубѣжденномъ въ пользу своихъ преимуществъ. Съ этой точки зрѣнія остается, по мнѣнію Канта, одинъ выходъ для философа: выходъ этотъ заключается въ томъ, что, не имѣя возможности предположить въ дѣяніяхъ людей разумнаго плана, имъ принадлежащаго, онъ попытался бы открыть въ этомъ нелѣпомъ ходѣ событій планъ природы, который дозволилъ бы построить изъ дѣяній существъ, дѣйствующихъ безъ плана, исторію, согласующуюся съ опредѣленнымъ планомъ природы.

Изложивъ основныя положенія своего взгляда на исторію, Кантъ переходитъ къ разысканію «путеводной нити, которая можетъ указать направленіе, слѣдуя которому, можно достичь приведенія въ исполненіе заявленной имъ мысли». Самое же исполненіе онъ считаетъ возможнымъ только въ будущемъ, когда природа произведетъ человѣка, способнаго представить связь событій съ такой точки зрѣнія и который будетъ относиться къ Канту какъ Ньютонъ къ Кеплеру. Затѣмъ слѣдуютъ девять положеній, о которыхъ я упоминалъ.

1) *Всѣ естественныя наклонности каждаго творенія направлены къ достиженію полнаго и цѣлесообразнаго развитія.*

Это положеніе доказывается наблюденіемъ надъ условіями развитія органовъ у животныхъ: органы, остающіеся безъ употребленія, представляютъ противорѣчіе съ телеологическимъ ученіемъ. «Если мы примемъ этотъ взглядъ нашей точкой отправленія, то вмѣсто правильной природы получимъ природу, представляющую безцѣльную игру».

2) *Всѣ естественныя наклонности человѣка, какъ основанныя на разумѣ, должны найти себѣ полное развитіе въ цѣломъ человѣческомъ родѣ, а не въ отдѣльной личности.*

Это положеніе Кантъ поотверждаетъ тѣмъ, что краткость

жизни отдѣльнаго человѣка не соотвѣтствуетъ времени, необходимому для развитія всѣхъ естественныхъ наклонностей, которыя, согласно 1-му положенію, должны достигнуть полнаго и цѣлесообразнаго развитія.

3) *Природа хотѣла, чтобы человѣкъ извлекалъ изъ самого себя все, что превосходитъ механическую конструкцію его существа, и чтобы онъ не зналъ иного счастья или совершенства, какъ только то, которое онъ доставляетъ самъ себѣ посредствомъ освобожденія отъ инстинкта своимъ собственнымъ разумомъ.*

4) *Средство, которымъ пользуется природа для достиженія развитія всѣхъ наклонностей, есть антагонизмъ людей.*

Эти два положенія тѣсно связаны между собою. Мысль Канта заключается въ томъ, что средствами совершенствованія онъ считаетъ самодѣятельность и мирное соперничество.

5) *Величайшая задача, къ рѣшенію которой побуждаетъ человѣка природа, заключается въ выработкѣ такого общественнаго строя, въ которомъ частная воля повиновалась бы волѣ всеобщей.*

Во всякомъ обществѣ свобода отдѣльнаго лица должна быть въ гармоніи съ свободою всѣхъ прочихъ. Кантъ сравниваетъ хорошо организованное общество съ лѣсомъ, въ которомъ деревья, побуждаемыя потребностью выбраться на свѣтъ и на воздухъ, растутъ прямо, стройно, тогда какъ дерево стоящее отдѣльно въ полѣ, выходитъ кривымъ и неуклюжимъ.

6) *Задача эта есть труднѣйшая, и она разрѣшается родомъ человѣческимъ позже всѣхъ другихъ задачъ.*

7) *Задача совершеннѣйшаго общественнаго строя предполагаетъ установленіе правильнаго строя международныхъ сношеній.*

Въ настоящее время между народностями существуютъ тѣ же отношенія, какія нѣкогда существовали между отдѣльными лицами; но какъ бѣдствія, которыя влекла за собою неправильность личныхъ отношеній, заставили обратиться къ регулирующему дѣйствію закона, такъ и бѣдствія, производимыя войною, повлекутъ народности къ составленію федераціи, которая также будетъ руководиться законами и дастъ возможность избѣгать войны между народами, какъ избѣгается война между отдѣльными личностями. Современный общественный строй можно считать только подготовленіемъ къ будущему совершеннѣйшему строю, и много еще пройдетъ времени, пока общество въ состояніи будетъ его выработать.

8) *Такимъ образомъ, исторію человѣческаго рода можно разсматривать какъ процессъ исполненія скрытаго плана природы, имѣющаго цѣлью установленіе совершеннѣйшаго политическаго строя какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ,— единственнаго строя, при которомъ природа можетъ развивать всѣ наклонности, сообщенныя ею человѣчеству.*

Это положеніе есть слѣдствіе предыдущаго и служитъ основаніемъ послѣднему, 9-му положенію, утверждающему, что *философская попытка изложенія всеобщей исторіи согласно плану природы, имѣющему цѣлью полную гражданскую ассоціацію человѣческаго рода, должна быть разсматриваема не только какъ возможная, но также и какъ благопріятная этому плану природы.*

Воззрѣніе Канта на ходъ исторіи какъ на естественное явленіе, подчиненное опредѣленнымъ условіямъ, въ высшей степени замѣчательно, такъ какъ оно служитъ большимъ шагомъ впередъ къ научной разработкѣ идеи прогресса. Но нельзя не оспаривать основанія, на которомъ Кантъ построилъ свое воззрѣніе. Основаніе это есть чисто умозрительное понятіе о цѣлесообразности въ природѣ. Кантъ утверждаетъ что въ природѣ ничто не совершается вотще и что если человѣческія способности не могутъ достигнуть своего полнаго развитія въ прогрессѣ преходящей личности, то онѣ должны достигнуть его въ прогрессѣ всего рода, существованію котораго нѣтъ предѣла. Съ научной точки зрѣнія такое положеніе не подкрѣпляется рѣшительно ничѣмъ и имѣетъ характеръ чисто-произвольнаго предположенія. На самомъ дѣлѣ мы не имѣемъ рѣшительно никакого понятія о томъ, совершается или не совершается что-либо въ природѣ вотще. Для рѣшенія такого вопроса намъ необходимо бы имѣть положительное значеніе цѣлей природы, но такого знанія у насъ нѣтъ, а потому и всякое сужденіе о согласованіи того или другого явленія съ этими цѣлями не можетъ имѣть никакого значенія. Ранѣе торжества геліоцентрической системы было основаніе пріурочивать цѣли эти къ человѣку, но въ настоящее время такое пріурочиванье лишено всякаго смысла. Итакъ, субъективное рѣшеніе поставленнаго Кантомъ вопроса неудовлетворительно; но уже одна постановка вопроса обнаруживаетъ глубокое пониманіе задачи и какъ бы предчувствіе ея разрѣшенія.

Въ заключеніе изложеннаго выше обзора развитія идеи про-

гресса въ XVIII столѣтіи мнѣ придется сказать немного, такъ какъ читателю слишкомъ, я думаю, очевиденъ прогрессъ этой идеи. Мы видѣли, что у главныхъ представителей мысли великаго вѣка «просвѣщенія» идея прогресса совершенно обособилась отъ прочихъ идей, создала свою отдѣльную область, превратилась въ самостоятельное ученіе о прогрессѣ. Но, обособясь въ ученіе, она не только не разорвала связи своей съ другими элементами прогресса, но опредѣлила ее точнѣе и установила на болѣе прочныхъ основаніяхъ. У Тюрго, Кондорсэ, Гердера, Канта прогрессъ не является уже результатомъ проявленія какой-нибудь внѣміровой воли, а обусловливается естественными законами природы и приводится въ связь съ такими явленіями, соотношеніе съ которыми прежде и не подозрѣвалось. Сама же идея прогресса путемъ анализа расчленяется на многіе отдѣльные, имѣющіе свой частный интересъ вопросы и представляется такимъ образомъ сложнымъ цѣлымъ, требующимъ многосторонняго и тщательнаго изученія.

Таковы общія черты развитія идеи прогресса въ XVIII столѣтіи. Сопоставляя разобранныя нами воззрѣнія мыслителей этого столѣтія, мы легко можемъ опредѣлить мѣсто и значеніе частностей въ этомъ общемъ абрисѣ. Я не стану входить въ эти частности и укажу только на значеніе, пріобрѣтенное умственной дѣятельностью въ ряду прочихъ элементовъ прогресса. Значеніе это, установленное въ предыдущемъ столѣтіи Бакономъ и Декартомъ, выяснилось все съ большею и большею опредѣленностью, и, наконецъ, въ историческихъ трудахъ замѣчательнѣйшихъ представителей XVIII вѣка, умственная дѣятельность сдѣлалась руководящею нитью прогресса, центральнымъ пунктомъ его, вокругъ котораго вращались всѣ прочіе элементы цивилизаціи. Послѣ историческихъ обобщеній Тюрго, Кондорсэ, Лессинга, Гердера и Канта вполнѣ установился уже тотъ взглядъ на значеніе умственной дѣятельности въ исторіи, который, благодаря популярнымъ сочиненіямъ современныхъ представителей положительной школы, сдѣлался всеобщею истиною. Я думаю поэтому, что, въ заключеніе этой статьи будетъ весьма кстати напомнить читателю характеристику значенія умственной дѣятельности, сдѣланную Боклемъ. «Писать исторію какой-либо страны,—говоритъ онъ,—не принимая въ соображеніе хода ея умственнаго развитія, было бы то же самое, какъ если бы астрономъ составилъ планетную систему, не включивъ въ нее

солнца, котораго свѣтъ одинъ даетъ намъ возможность видѣть планеты и притяженіе котораго даетъ направленіе планетамъ и заставляетъ ихъ обращаться въ назначенныхъ имъ орбитахъ. Великое свѣтило, сіяніемъ своимъ озаряющее небеса, не болѣе величественно и всемогуще, чѣмъ разумъ человѣческій въ нашемъ земномъ мірѣ. Человѣческому разуму—и только ему одному—обязаны всѣ народы своими знаніями; и чему если не успѣхамъ и распространенію знанія, одолжены мы нашими искусствами, науками, мануфактурами, законами, мнѣніями, обычаями, удобствами жизни, роскошью, цивилизаціей—короче сказать, всѣмъ тѣмъ, что ставитъ насъ выше дикарей, невѣжествомъ своимъ униженныхъ до уровня животныхъ, съ которыми они составляютъ одно стадо».

1868 г.

«Соврем. Обозрѣніе», №№ 4 и 5.

РОЛЬ НАУКИ
ВЪ ПЕРІОДЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ И РЕФОРМАЦІИ.

Louis Figuier: «Vies des savants illustres de la renaissance» (Paris. 1868).
Paul-Antoine Cap.: «La science et les savants au XVI siécle» (Tours. 1867).

1. Біографія и исторія.

Знаменитый медикъ XIV вѣка, Гви де Шоліакъ, писалъ: «Одинъ человѣкъ не можетъ видѣть всего; но, какъ карликъ, взобравшись на плечи гиганта, видитъ все, что́ видитъ гигантъ, и даже далѣе послѣдняго, точно такъ и успѣхи науки составляются изъ накопленія результатовъ наблюденія и опыта всѣхъ ученыхъ». Мы уже имѣли случай указать [1]), говоря объ «Исторіи индуктивныхъ наукъ», какой важный элементъ для всеобщей исторіи представляетъ исторія науки. Возвращаемся къ этому предмету для спеціальнаго періода, который составляетъ содержаніе двухъ недавно появившихся французскихъ сочиненій. Этотъ періодъ самъ по себѣ довольно важенъ для исторіи науки, а въ разсматриваемыхъ сочиненіяхъ разработанъ двумя различными способами, на которыхъ мы сначала и остановимся.

Роль личностей въ исторіи человѣчества оцѣнивалась весьма различно. Если въ младенчествѣ исторіи этой роли придавали слишкомъ большое значеніе, то впослѣдствіи, прямо наоборотъ, стали слишкомъ отрицать личный элементъ въ исторіи. Вмѣсто преобразователей, создателей государствъ, создателей законовъ, создателей культуры, въ исторіи воцарился безличный законъ событій, неизбѣжная сила идей, двигающая массы. Личностямъ

---

[1]) См. первую статью этого тома. *Прим. ред.*

отмежевано было лишь скромное мѣсто глашатаевъ того, что развивалось внутри общества, болѣе или менѣе полныхъ представителей жизни идей. Но при всякомъ подобномъ противоположеніи двухъ принциповъ, почти неизмѣнно повторяется законъ Гегеля: умъ человѣческій, схвативъ одну сторону предмета, непосредственно вѣрную, замѣчаетъ ея неполноту, разрушаетъ ее, противополагая ей то начало, которое въ ней не было взято въ разсмотрѣніе, и затѣмъ переходитъ къ болѣе полному воззрѣнію, гдѣ удержана вся непосредственная вѣрность перваго начала, но дополненная усвоеннымъ противоположеніемъ. *Воспринятое* отдѣльное явленіе сдѣлалось явленіемъ *понятымъ* въ его отдѣльности, именно потому, что оно временно разсматривалось, какъ эфемерная случайность закона, въ которомъ исчезла всякая отдѣльность явленій.

Съ личнымъ элементомъ исторіи повторяется то же самое. Безспорно, что реальны въ исторіи лишь личности; лишь онѣ желаютъ, стремятся, обдумываютъ, дѣйствуютъ, *совершаютъ* исторію. Это—первобытное воспріятіе, само собою бросающееся въ глаза, и потому самому первое доступное хроникеру, писателю мемуаровъ, точно такъ же, какъ оно первое доступно изъ исторіи ребенку. Біографическій элементъ въ преподаваніи исторіи есть могущественнѣйшее орудіе педагога, точно также какъ сильнѣйшее побужденіе для хроникера перейти отъ безсмысленной записи событій къ ихъ оживленію. Но едва-ли не столь же очевидно для мыслящаго историка, что, начиная съ мелкихъ, до важныхъ человѣческихъ мыслей и дѣйствій, все въ личности есть непзбѣжное слѣдствіе предшествующихъ причинъ. Неизбѣжные законы физики, химіи, физіологіи и психологіи господствуютъ надъ человѣкомъ въ каждое мгновеніе его бытія. Климатическія данныя, преемство расы, культурныя привычки общества, его окружающаго, преданія и вѣрованія, передаваемыя ему съ дѣтства, составляютъ неотвратимую обстановку, проникающую своимъ вліяніемъ во всѣ поры человѣка, обусловливающую всякое его физическое и нравственное движеніе. Наконецъ вѣчная борьба теоретическихъ и практическихъ міросозерцаній, кипящая въ обществѣ, вѣчное столкновеніе экономическихъ интересовъ бросаетъ развивающагося человѣка въ ряды той или другой партіи, возбуждаетъ въ немъ самостоятельную личность, опредѣляетъ размѣръ его знаній, твердость его убѣжденій, энергію его характера, округляетъ его міросозерцаніе и обо-

собляетъ его жизнь въ жизни его современниковъ. Наука исторіи начинается лишь съ усвоенія этого подчиненія личности общимъ законамъ личной и общественной жизни. Историкъ, для котораго оно не вошло въ плоть и кровь, можетъ быть весьма интереснымъ разсказчикомъ, весьма полезнымъ критикомъ отдѣльныхъ фактовъ, сочиненій, памятниковъ; но онъ столь же мало заслуживаетъ названіе *ученаго историка*, какъ туристъ, описывающій иногда весьма мѣтко природу страны, но незнающій законовъ физики и физіологіи, заслуживаетъ названіе ученаго ботаника, зоолога, климатолога. Непзмѣнность закона въ разнообразіи явленій, непзбѣжность факта, какъ слѣдствія предшествующихъ причинъ, слѣдовательно исчезаніе самостоятельности факта въ безразличіи закона, въ преемственности причинъ и слѣдствій,—это первое слово науки во всѣхъ ея сферахъ, въ исторіи, какъ въ химіи.

Но одно дѣло—твердое убѣжденіе въ неизмѣнности дѣйствующихъ законовъ и въ непрерывной связи причинъ и слѣдствій, охватывающихъ все сущее, и совсѣмъ иное—познаніе всѣхъ законовъ природы, всѣхъ цѣлей, причинъ и слѣдствій и возможность возвести всѣ частности даннаго явленія къ опредѣленной совокупности законовъ, къ опредѣленнымъ причинамъ. Первое есть необходимое условіе науки, второе—ея весьма отдаленная отъ исполненія desiderata. Безъ перваго условія всякое явленіе для насъ только любопытно, и мы не умѣемъ приступить къ его изученію, потому что совсѣмъ не знаемъ, что̀ именно надо изучить. Но сущность научнаго изслѣдованія заключается именно въ разборѣ индивидуальнаго явленія, съ помощью извѣстныхъ общихъ законовъ и причинныхъ связей, для открытія въ индивидуальномъ явленіи новыхъ законовъ и новыхъ причинныхъ связей. Именно потому, что физики и метеорологи совершенно увѣрены въ томъ, что законы электричества, движенія воздуха, его насыщенія парами воды и т. д. совершенно неизмѣнны и суть *единственные* дѣятели во всякой грозѣ, именно потому они тщательно изучаютъ каждую замѣчательную грозу въ индивидуальности ея явленій и открываютъ дополнительные законы къ тому, что уже извѣстно. Учредители и акціонеры страховыхъ отъ огня обществъ были бы совершенно неблагоразумны, если бы, при составленіи обществъ, не выходили изъ убѣжденія, что число пожаровъ въ данной мѣстности, при данныхъ общественныхъ условіяхъ, повторяется съ такою же

неизмѣнностью, какъ цифра средней годовой температуры, но именно потому каждый фактъ пожара долженъ подвергаться самому тщательному изслѣдованію, нетолько въ юридическомъ, но въ чисто-научномъ отношеніи, такъ какъ лишь путемъ подобнаго изученія можно надѣяться открыть нѣкоторые психическіе законы личной и общественной жизни, еще малоизвѣстные или совсѣмъ неизвѣстные.

Біографіи отдѣльныхъ лицъ не имѣютъ вовсе научнаго значенія, если біографъ не усвоилъ и не хочетъ знать неизбѣжнаго обусловленія личностей общими законами жизни и вліяніемъ среды. Но біографъ, мечтающій, что онъ можетъ *всѣ* факты жизни изучаемой личности свести на *извѣстныя* общія начала и вліянія, доказываетъ неясное пониманіе средствъ и предѣловъ науки; если же онъ считаетъ въ біографіи важными лишь факты, объясняемые извѣстными общими законами, то онъ отнимаетъ у біографіи всякій научный интересъ, низводя ее на степень иллюстраціи началъ, вовсе ненуждающихся еще въ одномъ подтвержденіи. Но біографическая монографія имѣетъ большое научное значеніе именно въ рукахъ ученаго историка, если онъ умѣетъ прослѣдить въ жизни личности все то, что можетъ быть выведено, какъ неизбѣжный результатъ общихъ физіологическихъ, психологическихъ, экономическихъ законовъ, дѣйствующихъ при данной обстановкѣ расы, культуры, идей, и затѣмъ съ любовью изучаетъ все обособляющее данную личность, принадлежащее ей настолько, что другія лица, поставленныя, повидимому, въ подобныя или почти подобныя обстоятельства, вышли иными и въ своихъ чувствахъ, и въ своихъ мысляхъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ. Успѣхъ всѣхъ антропологическихъ наукъ зависитъ именно отъ тщательнаго изученія всего, обособляющаго личности, но и успѣхъ исторіи зависитъ оттого же, такъ какъ въ каждую эпоху, развитіе историческаго пониманія заключается именно въ томъ, чтобы ясно сознать, насколько изслѣдованія позволяютъ подвести событія исторіи подъ общіе законы, и что̀ осталось въ теченіи событій на долю дѣятельности конкретныхъ личностей, неразрѣшенной въ общій законъ.

Такимъ образомъ монографическая обработка біографій вліятельныхъ личностей можетъ представить весьма большой интересъ. Но затѣмъ представляется дальнѣйшій вопросъ о біографическомъ элементѣ въ общихъ исторіяхъ эпохи, народа или человѣчества, или въ спеціальныхъ исторіяхъ той или

другой отрасли общественной жизни. Во всѣхъ этихъ сферахъ историческія событія *сами собою* не происходятъ. Что̀ ни писали бы о «духѣ времени», о неизбѣжномъ теченіи событій, увлекающемъ личностей, но, въ концѣ концовъ, все-таки дѣлаютъ исторію *личности*; духъ времени составляется изъ настроенія мысли *личностей*; потокъ событій, увлекающій однихъ, образуется другими, опять-таки *личностями*. Отсюда біографическій элементъ, совершенно неизбѣжно проникающій во всеобщую исторію, и образующій ея реальную основу, такъ что исторія народовъ, исторія государствъ, исторія культуры, исторія мысли, исторія науки представляютъ лишь идеальныя обобщенія событій, принадлежащихъ съ реальной точки зрѣнія къ области разныхъ біографій. Соединеніе въ надлежащей мѣрѣ обоихъ элементовъ исторіи: идеально-обобщающаго и реально-біографическаго, составляетъ до сихъ поръ одну изъ труднѣйшихъ задачъ для историка, желающаго *понять* какую-либо эпоху жизни человѣчества въ истинномъ ея значеніи и *возсоздать* ее во всей ея жизненности.

Увлекаясь страданіями и борьбою личностей, ихъ пестрыми судьбами, историкъ весьма легко можетъ потерять изъ виду истинный смыслъ событій въ ихъ отношеніи къ прошедшему и будущему, въ ихъ самыхъ глубокихъ элементахъ, безсознательно вызывающихъ личности къ той или другой дѣятельности. Въ этомъ случаѣ историкъ воспроизведетъ предъ глазами читателя волненія партій и ихъ измѣнчивую судьбу, укажетъ, какъ личности данной эпохи *сами* понимали окружающія ихъ событія, свою дѣятельность и свои стремленія. Но почему могла въ эту эпоху образоваться и усилиться партія, которая въ другую эпоху не имѣла вліянія? Почему энергическія личности въ одномъ случаѣ боролись съ успѣхомъ, въ другомъ остались лишь юридическими представителями невозможныхъ стремленій, а въ третьемъ едва оставили слѣдъ своей дѣятельности? Что скрывалось въ разныя эпохи подъ тѣми же словами, шло за тѣми же знаменами? На всѣ эти вопросы современники могутъ отвѣтить лишь въ самыхъ рѣдкихъ исключительныхъ обстоятельствахъ; этого имъ не видно, только потомокъ, сближая множество свидѣтельствъ, на основаніи историческаго опыта разгадываетъ подъ сознаннымъ, драматическимъ слоемъ исторіи, другой, безсознательный ея слой, въ которомъ заключаются центры рефлексовъ жизни обществъ. Если историкъ ограничится

изображеніемъ видящаго глаза, слышащаго уха, сокращенныхъ мышцъ, бьющагося сердца, воспаленной кожи, онъ еще сдѣлалъ только часть своего дѣла. Если онъ прослѣдилъ пути нервовъ общества, и этого еще недовольно. Первое сознаетъ и профанъ. Второе—задача анатома. Физіологъ идетъ далѣе въ своемъ изученіи. Онъ изучаетъ нервные центры въ ихъ отправленіяхъ, въ томъ, чего не видитъ и самъ человѣкъ, сознающій свои страданія и свою волю, въ томъ, чего не видитъ и анатомъ, разсѣкающій трупы. Понять эпоху можно лишь тогда, когда подъ картиною ея жизни мы угадываемъ безсознательные процессы, служащіе основаніемъ этой картинѣ.

Но, съ другой стороны, и въ томъ случаѣ, если мы станемъ смотрѣть на исторію *только* какъ на результатъ рефлексовъ, совершающихся въ обществѣ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ дѣятелей, мы получимъ лишь схему исторіи, рядъ формулъ, которыя не заключаютъ именно того, что́ составляетъ особенность всего человѣческаго. Въ нихъ мы не видимъ, какъ люди страдали и боролись, стремились къ лучшему и сознавали себя борцами за лучшее. Какъ бы мы ни смотрѣли на человѣка, съ точки зрѣнія матеріалистовъ или спиритуалистовъ, сознаніе своихъ стремленій, увлеченіе своими цѣлями и страданіе въ случаѣ ихъ недостиженія остаются безспорными фактами антропологіи. Ихъ выкинуть нельзя, будемъ ли мы признавать ихъ призраками, или припишемъ имъ существенное значеніе. Поэтому исторія, лишенная сознательнаго элемента, не исполняетъ своей задачи. Зная, какія безсознательныя, неизмѣнныя начала присутствуютъ въ жизни общества, мы хотимъ еще знать, насколько и какимъ образомъ эти начала переходятъ въ сознаніе личностей, какъ видоизмѣняются въ сознаніи различныхъ личностей, и какіе результаты получаются отъ встрѣчи этихъ лучей, преломленныхъ въ столькихъ человѣческихъ призмахъ. Лишь изучая *это*, мы изучаемъ *жизнь* общества, и знать эту жизнь мы можемъ, лишь вглядываясь въ біографіи личностей, составляющихъ общество. Возсоздать жизнь эпохи можно лишь при пособіи біографическаго элемента.

Все это прилагается и къ области исторіи науки, хотя можетъ быть, въ нѣсколько меньшей степени, чѣмъ въ другихъ спеціальныхъ и общихъ исторіяхъ. Біографическій элементъ частью потому играетъ меньшую роль въ исторіи науки, что люди, участвующіе въ этой исторіи, различаются гораздо менѣе

своими пріемами мысли, чѣмъ прочія личности, а тѣ психическія дѣятельности, которыя всего болѣе обособляютъ людей, ихъ чувства, страсти, жизненныя цѣли и привычки, не особенно участвуютъ въ дѣятельности ученыхъ. Все это, конечно, такъ; но, тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать важности біографическаго элемента и въ исторіи науки. Большею частью онъ потому только мало обращаетъ наше вниманіе, что біографическія извѣстія объ ученыхъ, нѣсколько отдаленныхъ отъ насъ по времени, крайне скудны, и для большей части изъ нихъ наши свѣдѣнія ограничиваются лишь ихъ учеными трудами. Какъ только о томъ или другомъ ученомъ сохранился достовѣрный и обстоятельный біографическій матеріалъ, сейчасъ мы замѣчаемъ научное его значеніе. Біографія входитъ часто объяснительнымъ элементомъ въ научную дѣятельность, не говоря уже о томъ, что лишь точныя біографическія свѣдѣнія могутъ въ иныхъ случаяхъ свидѣтельствовать объ оригинальности нѣкоторыхъ трудовъ или о заимствованіяхъ автора отъ другихъ писателей. Но стоитъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что ученые труды личностей, особенно замѣтныхъ, представляютъ въ иныхъ случаяхъ типическія особенности по своимъ пріемамъ, по общему характеру трудовъ и т. п., и что эти типическія особенности иногда совпадаютъ съ особенностями физіологическими, психическими, жизненными, такъ что отъ однихъ позволительно, можетъ быть, заключать, вообще говоря, и о другихъ. Подобное распредѣленіе ученыхъ по типамъ, мысль о которомъ, повидимому, впервые высказана г. Вешняковымъ [1]), конечно, требовало бы весьма тщательнаго собранія матеріала и осторожной критической ихъ обработки; но если бы эта мысль была приложима и въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, все-таки она заслуживаетъ вниманія и можетъ указать на важность біографическаго элемента въ исторіи науки тамъ, гдѣ существуетъ достаточный и критически достовѣрный матеріалъ для подобной обработки.

Конечно, тотъ, кто захочетъ придать бо́льшій интересъ исторіи науки помощью болѣе или менѣе апокрифическихъ анекдотиковъ изъ жизни ученыхъ, тотъ отступитъ здѣсь отъ строгости науки точно такъ же, какъ и въ другихъ сферахъ.

*) *Th. Wechniakow:* «Ebauche d'une économie des travaux scientifidues» etc. (Moscou, 1860). Recherches sur les conditions antropologiques de la production scientifique et esthetique» (St.-Pet. 1865).

И въ этомъ случаѣ нельзя не сказать, что весьма многіе писатели значительно погрѣшаютъ. Существующее раздѣленіе ученыхъ на спеціальныя отрасли, мало сближающіяся между собою, въ этомъ случаѣ отзывается довольно жесткими промахами.

Возьмите филолога, юриста, политико-экономa, пишущаго исторію. Изъ пяти авторовъ четыре, какъ только коснутся событій, относящихся до естествознанія, математики или техники, выдадутъ свое незнаніе новѣйшихъ и наиболѣе научныхъ воззрѣній на предметъ, или свое непониманіе значенія того или другаго научнаго открытія на ходъ исторіи. Едва ли не этимъ обстоятельствомъ, да еще тѣмъ, что исторіи преимущественно писали ученые этого отдѣла, приходится объяснить жалкую роль, которую до сихъ поръ въ общихъ исторіяхъ играетъ элементъ исторіи науки. Изъ многочисленныхъ примѣровъ возьму два, и для этихъ примѣровъ возьму историковъ, безспорно принадлежащихъ къ первостепеннымъ. Маколей написалъ исторію Англіи при Яковѣ II и Вильгельмѣ III, Гервинусъ пишетъ исторію XIX вѣка. Если спросить себя, что̀ изъ Англіи Якова II осталось наиболѣе вліятельнымъ на послѣдующую жизнь Европы и на нашу современность, то нельзя не признать, что къ первостепеннымъ фактамъ этого рода (если это не самый важный) принадлежитъ появленіе въ 1687 г. знаменитыхъ Principia Ньютона, составившихъ міровое событіе. Посмотрите же, какую роль играетъ этотъ фактъ въ исторіи Маколея. Если отдать себѣ безпристрастный отчетъ въ относительномъ значеніи для нашего времени политическихъ столкновеній 1815—1840 годовъ и научныхъ работъ за это время, то, правду сказать, слѣдъ политической борьбы покажется весьма ничтожнымъ предъ результатами научныхъ и техническихъ завоеваній. Если первыя представляютъ драматическій интересъ и волнуютъ насъ, то прочны оказались лишь послѣднія, такъ что теперь можно даже въ извѣстной степени сочувствовать извѣстному восклицанію Гёте, который болѣе интересовался споромъ Кювье съ Сентъ-Илеромъ, чѣмъ современною этому спору іюльскою революціею, низвергшею Бурбоновъ. Но много ли мѣста далъ Гервинусъ въ своей исторіи XIX вѣка великимъ ученымъ этого времени и ихъ вліянію? Скажутъ, что Маколей и Гервинусъ писали политическую исторію; но ни тотъ, ни другой не высказали, что они ограничиваютъ планъ своихъ трудовъ подобнымъ образомъ; даже у нихъ очевидно желаніе связать факты исторіи мысли съ

исторіею политическаго развитія, и литературѣ въ разныхъ ея отрасляхъ тотъ и другой дали гораздо болѣе мѣста, чѣмъ это они сдѣлали бы, если бы имѣли въ виду исключительно политическія событія. Просто, по складу своего развитія, по своимъ привычкамъ мыслить, они не могли придать надлежащаго значенія трудамъ естествоиспытателей и техниковъ, обусловившимъ и современный строй мысли и современную культуру.

Но съ другой стороны и естествоиспытители, когда берутся за историческіе труды по своей наукѣ, слишкомъ часто выказываютъ свое незнакомство съ пріемами и результатами исторической критики. Въ весьма дѣльныхъ сочиненіяхъ сплошь да рядомъ встрѣтишь слѣды евгемеризма для первыхъ періодовъ. Асклепій (Эскулапъ) для многихъ историковъ медицины (напр. для Гиршеля) дѣйствительная личность. Шаль, въ своей исторіи геометріи, не думаетъ усомниться въ томъ, что Ѳалесъ вывезъ начала геометріи изъ Египта. Въ лучшей до сихъ поръ исторіи химіи (Коппа) указаны весьма многія сочиненія безъ всякихъ библіографическихъ данныхъ о времени и мѣстѣ ихъ изданія, или о мѣстѣ нахожденія рукописи. И для Коппа Асклепій, Хиронъ, Гомеръ, безспорно, историческія лица. Не точно провѣренныя и безъ критики принятыя данныя встрѣчаются и въ исторіи физическихъ наукъ Кювье, и въ исторіи наукъ организованныхъ тѣлъ де-Бленвиля, и въ исторіи наукъ въ средніе вѣка Пушэ. Рѣдко, рѣдко встрѣтишь сочиненія по этому отдѣлу, которыя, подобно исторіи медицины Гэзера, исторіи ботаники Мейера (неконченной за смертью автора), или исторіи алгебры у грековъ Нессельмана, соединили бы спеціальныя знанія со строгими пріемами исторической критики.

Понятно поэтому, что сочиненія, имѣющія въ виду не ученыхъ читателей, а публику вообще, еще менѣе могутъ представить достовѣрныхъ данныхъ. Но именно публику вообще имѣютъ въ виду обѣ французскія книги, на которыя указано въ началѣ статьи. Фигье принадлежитъ къ довольно искуснымъ популяризаторамъ, и прежніе его труды по исторіи новѣйшихъ техническихъ открытій, или по исторіи чудеснаго, а также его ежегодники по естествознанію заслуживаютъ вниманія. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ принялся за изданіе популярной энциклопедіи по естествознанію, выпуская ее ежегодно въ великолѣпномъ изданіи по одному тому къ новому году для подарковъ, съ тѣхъ

поръ онъ обратился въ довольно недобросовѣстнаго компилятора, и даже его ежегодники стали хуже. Еще первый томъ этой энциклопедіи: «Земля до потопа» былъ нѣсколько научнѣе, но уже со второго: «Земля и моря», спѣшность и небрежность работы лишили его трудъ всякаго серьезнаго значенія. Этотъ-то Фигье съ 1864 года принялся подобнымъ же образомъ *обрабатывать* исторію науки въ біографіяхъ, и съ аккуратностью фабриканта свѣчъ поставилъ къ началу 1866 года древнихъ ученыхъ, къ началу 1867 средневѣковыхъ, въ нынѣшнемъ же году—ученыхъ временъ возрожденія, т.-е. собственно XVI вѣка. Не знаемъ, какимъ образомъ спеціально историческій журналъ могъ назвать жалкую компиляцію Фигье въ прошломъ году трудомъ «изящнымъ по изданію и ученымъ по значенію»[1]), и сказать, что авторъ остался вѣрнымъ своему девизу: «поучать, поучать, поучать!» Кто желаетъ поучать, тотъ не беретъ свѣдѣній откуда попало, лишь бы книга скорѣе была кончена, не обращая даже вниманія на случайныя ошибки. Такъ Фигье въ предъидущихъ томахъ, гдѣ критика всего нужнѣе, дѣлалъ выписки крайне небрежно и не критически изъ подручныхъ французскихъ сочиненій. О древнихъ ученыхъ у него сообщены весьма милые анекдоты по Діогену Лаэрцію, который давно потерялъ всякое достовѣрное значеніе для серьезныхъ историковъ. Во второмъ томѣ (который именно и разобранъ въ упомянутой критикѣ) Фигье такъ добросовѣстно бралъ изъ исторіи наукъ въ средніе вѣка Пушэ (тоже не весьма серьезная работа), что переписалъ *даже опечатки*. Когда ему встрѣчался порядочный матеріалъ, то и книга его получала значеніе. Въ первомъ томѣ едва ли можно указать на что-либо въ этомъ отношеніи съ похвалою: самое лучшее во всемъ томѣ, это смерть Плинія при изверженіи Везувія, засыпавшаго Геркуланъ. Описано дѣйствительно обстоятельно и интересно. Во второмъ томѣ уже встрѣчаются кое-какія порядочныя мѣста, напр., отрывокъ о салернскомъ медицинскомъ училищѣ имѣетъ большой интересъ, потому что предъ авторомъ были труды Даремберга (Daremberg) и Ренци, дѣйствительно научные и мало извѣстные публикѣ. Что касается до изящества изданія, то конечно бумага, шрифтъ, французскій переплетъ очень хороши и картинки недурны,

[1]) «Вѣстникъ Европы» (1867). III, Литер. хрон. 13.

но въ наше время отъ изящныхъ *научныхъ* изданій требованія, кажется, нѣсколько измѣнились. Надо, чтобы картинки и изображенія были *достовѣрны* или, по крайней мѣрѣ, взяты были съ оригиналовъ, имѣющихъ какое-либо историческое значеніе; но такихъ у Фигье очень мало, нѣкоторыя же поражаютъ своею фантастичностью, какъ, напримѣръ, Пиѳагоръ въ египетскомъ храмѣ (гдѣ онъ едва ли когда и былъ) или Роджеръ Бэконъ въ весьма комфортабельной темницѣ. Недурны тоже Аристотель, размахивающій руками предъ Александромъ Македонскимъ, который чуть не плачетъ, его слушая, или разные арабы, производящіе опыты. О первыхъ двухъ томахъ Фигье «Знаменитые ученые» можно сказать, что «поучать» вовсе не входило въ мысль автора, а фабриковать ходкую книгу. Читатель найдетъ такъ мало точныхъ свѣдѣній въ обоихъ томахъ, что лучше ихъ не брать «для поученія». Воспользоваться ими въ нѣкоторыхъ частяхъ можетъ лишь тотъ, кто знаетъ относительное достоинство матеріаловъ, имѣвшихся у Фигье.

Послѣдній вышедшій томъ гораздо лучше предшествующихъ, но это не вина Фигье: просто матеріалъ у него былъ подъ рукою полнѣе и лучше. Для многихъ изъ выбранныхъ имъ ученыхъ существуетъ во французской литературѣ по три и по четыре порядочныя монографическія работы, слѣдовательно, компилятору гораздо легче. Поэтому и указанный томъ Фигье можетъ быть небезполезнымъ чтеніемъ. Правда, и здѣсь не обходится безъ промаховъ, очевидно, происшедшихъ отъ небрежности; такъ, напримѣръ, на стр. 43-й, императоръ Фридрихъ II смѣшанъ со своимъ дѣдомъ, Фридрихомъ I Барбаруссою. Выборъ и расположеніе біографій также показываетъ вниманіе автора къ своему дѣлу. Колумбъ во второмъ томѣ, а Васко де-Гама въ третьемъ; Ранделэ помѣщенъ, а Белонъ, имѣющій совершенно одинакія съ нимъ права, если не большія, не помѣщенъ; Тартаглія тоже не попалъ сюда, нѣтъ Леонардо да-Винчи, одного изъ геніальнѣйшихъ умовъ всего разсматриваемаго періода; наконецъ, Віета, слава французской математики, принадлежавшій къ замѣчательнѣйшимъ аналистамъ своего времени и къ основателямъ новой алгебры, не нашелъ себѣ мѣста во французской галлереѣ «знаменитыхъ ученыхъ». Конечно, о математикѣ пришлось бы говорить сухія вещи; о жизни же Віеты мало извѣстно. Какъ бы то ни было, но все-таки этотъ третій томъ представляетъ настолько улучшенія, сравнительно съ предшествующими, что накопленіе

матеріала позволяетъ надѣяться для слѣдующихъ томовъ также сноснаго состава.

Капъ (Cap), которому принадлежитъ другое упомянутое въ началѣ сочиненіе, писатель болѣе серьезный. Онъ издалъ сочиненія Палисси и Сенесэ, началъ спеціальную исторію фармаціи, издалъ уже два тома біографическихъ изслѣдованій, относящихся къ исторіи естествознанія. Но теперь изданное имъ произведеніе, очевидно, написанное вслѣдствіе книгопродавческой спекуляціи какого-то турскаго издателя, не можетъ быть поставлено особенно высоко ни въ отношеніи научномъ, ни въ отношеніи интереса чтенія. Оно увѣряетъ, что арабы «изобрѣли» алгебру, какъ бы не зная индійскихъ знаменитыхъ алгебристовъ. Онъ повторяетъ опять избитую и давно опровергнутую фразу, что Гербертъ (Сильверстъ II) учился въ Кордовѣ и ввелъ въ Европу употребленіе, такъ называемыхъ, арабскихъ цифръ[1]), хотя Гербертъ почти навѣрно не былъ никогда въ Кордовѣ или въ странахъ, подчиненныхъ калифату; испанскіе арабы въ его время едва ли и употребляли индійскую систему счисленія, и сочиненія Герберта явно доказываютъ, что онъ слѣдовалъ греко-римской, а не арабской традиціи. Капъ увѣряетъ, что въ 1210 г. сожгли въ Парижѣ *метафизическія* книги Аристотеля, когда это извѣстіе Ригорда опровергается всѣми современными свидѣтельствами; они говорятъ о гоненіи на сочиненія Аристотеля по *естествознанію*. Странно также встрѣтить въ сочиненіи по исторіи науки перечисленіе эпохъ высшей цивилизаціи, какъ это принято у историковъ преимущественно обращающихъ вниманіе на изящную литературу. Периклъ, Августъ, Левъ X и Людовикъ XIV, вотъ давно знакомые представители періодовъ процвѣтанія человѣческой мысли. Капъ осмѣливается прибавить къ нимъ періодъ калифовъ: этотъ послѣдній, дѣйствительно, былъ весьма важенъ для истинныхъ успѣховъ человѣческой мысли, то-есть для научныхъ ея пріобрѣтеній; но можно ли это же сказать о періодахъ, считающихся по рутинѣ временемъ лучшаго блеска человѣчества? Періодъ Перикла еще имѣетъ право на высокое значеніе, какъ *предшествовавшій* наукѣ, и

[1]) Къ сожалѣнію, это и у насъ многіе повторяютъ, конечно, по французскимъ источникамъ, которые не знаютъ даже сомнѣній своего соотечественника Шаля въ этомъ отношеніи, а гдѣ же имъ знать труды нѣмцевъ.

кромѣ того, въ дѣятельности софистовъ и Сократа наука подготовлялась, а въ Гиппократѣ имѣла уже весьма замѣтнаго представителя. Періодъ Августа былъ во всѣхъ отношеніяхъ періодомъ упадка научной мысли, которая отъ Гиппарха (наблюдалъ между 160—125 г. до Р. Х.) до Никомаха (ок. 100 по Р. Х., даетъ крайне мало произведеній, стоющихъ вниманія и *ни одного*, имѣющаго право стоять рядомъ съ произведеніями Эвклида, Архимеда и Гіерофила въ предшествующемъ, или Птолемея и Галена въ послѣдующемъ періодѣ. Относительно Льва X, опять-таки періодъ его правленія какъ разъ попадаетъ *между* эпохами движенія научной мысли. Леонардо да-Винчи доживаетъ свои послѣдніе годы; циклъ морскихъ открытій завершается первымъ кругосвѣтнымъ путешествіемъ; Коперникъ пишетъ свое сочиненіе, еще никому неизвѣстное; а предшественники новаго времени, Везалій, Геснеръ, Карданъ, Ла-Рамэ) Парэ, Палисси, Парацельсъ и др., или еще дѣти, или еще совершенно неизвѣстны [1]). Что касается до Людовика XIV, то странно указывать на французскаго короля въ эпоху Ньютона, Лейбница и Шталя, когда Франція, по смерти Декарта (1650) и Паскаля (1662), въ длинный періодъ владычества Людовика (1661—1715), не представляетъ ни одного первостепеннаго дѣятеля въ области научной мысли, и король занималъ ученыя академіи проектами празднествъ, фонтановъ и медалей. Кажется, уже пора оставить эти рутинныя названія и, признавъ науку за главный двигатель прогресса въ человѣчествѣ, вычеркнуть имена Августа, Льва X и Людовика XIV изъ числа представителей чего бы то ни было хорошаго въ исторіи. Книга Капа также иллюстрована, какъ и книга Фигье, и хотя иллюстраціи похуже, но ученое ихъ достоинство одинаково съ картинками у Фигье, то-есть ученаго достоинства въ нихъ нѣтъ вовсе. Одинаковые сюжеты въ обѣихъ книгахъ вышли у Фигье поизящнѣе (напримѣръ, Альбертъ-Великій, читающій лекцію на площади, у Капа ужъ очень безобразенъ), но расположеніе фигуръ у Капа какъ будто естественнѣе.

Способъ обработки предмета, принятый авторами, какъ уже сказано выше, различенъ. Фигье пишетъ рядъ біографій, предпосылая имъ общіе обзоры. Капъ группируетъ по отдѣламъ все

[1]) Въ годъ смерти Льва X, Парацельсу было 28 лѣтъ, но онъ выступилъ въ Цюрихѣ лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ. Карданъ былъ еще студентомъ. Остальные изъ названныхъ ученыхъ были не старше восьми лѣтъ.

научное движеніе данной эпохи. Біографическій способъ изложенія для XIV, XV и XVI вѣковъ всего удобнѣе прилагается къ исторіи науки. Біографическій матеріалъ здѣсь во многихъ случаяхъ уже достаточенъ для очерчиванія личностей, въ то же время, какъ наука еще не такъ обобщила свои методы, чтобы необходимо было разсматривать труды многихъ личностей не иначе, какъ въ ихъ взаимномъ отношеніи. Кромѣ того, это эпоха, гдѣ личности, въ области науки, какъ во всѣхъ другихъ областяхъ жизни, выступаютъ съ самой необузданной энергіею характера. Среди кочующей толпы студентовъ, идущихъ изъ одного университета въ другой на завоеваніе науки, среди торговцевъ, отправляющихся въ невѣдомыя страны за барышемъ, среди конквистадоровъ, грабящихъ цѣлый материкъ и разрушающихъ имперіи съ горстью смѣлыхъ разбойниковъ, проявляется тотъ духъ безграничной предпріимчивости, который одушевлялъ дѣйствительныхъ рыцарей, пріобрѣтавшихъ королевства и имперіи подъ знаменемъ креста, и фантастическихъ Амадисовъ въ огромномъ циклѣ рыцарскихъ романовъ. Во всѣхъ областяхъ жизни въ это время мы встрѣчаемъ личности, которыя идутъ неуклонно къ опредѣленной цѣли, опираясь только на себя, съ готовностью отвергнуть всѣ авторитеты, спорить съ самыми могучими силами, употребить трудъ нѣсколькихъ десятилѣтій на одно и то же дѣло. Оттого, рядомъ съ Гусомъ и Лютеромъ, съ Данте и Буонаротти, съ Колумбомъ и Кортесомъ получаютъ такой интересъ біографіи Палисси, Агриппы Нетесгеймскаго, Ла-Рамэ, Парацельса, Раймунда Луллія, Кардана и другихъ представителей знанія, жизнь которыхъ по пестротѣ и драматичности событій поспоритъ съ жизнію любого героя романа. Но и тѣ личности, которыхъ жизнь протекла въ кабинетномъ трудѣ и въ мелкой борьбѣ съ ежедневною нуждою, поражаютъ насъ своимъ упорствомъ въ трудѣ. «Всеобщая библіотека», задуманная Геснеромъ, представляетъ трудъ, одна мысль о которомъ пугаетъ воображеніе, а Геснеръ *совершилъ* этотъ трудъ, и это былъ *одинъ* изъ длиннаго ряда его трудовъ зоологическихъ, ботаническихъ, филологическихъ, библіографическихъ, которые почти всѣ, въ большей или меньшей степени, заслуживаютъ видное мѣсто въ исторіи науки. Между тѣмъ человѣкъ, написавшій эти громадныя по эрудиціи произведенія, прожилъ всего 49 лѣтъ, при чемъ большую часть жизни находился въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Очень не мало

ученыхъ изданій и оригинальныхъ сочиненій оставилъ астрономъ Іоганъ Мюллеръ, извѣстный подъ именемъ Іоанна Регіомонтануса или de monte Regio (кенигсбергскаго), а прожилъ онъ всего 40 лѣтъ. И всѣ эти люди работали большею частью внѣ всякой традиціи, среди общества, чуждаго ихъ трудамъ, чуждаго вообще научному пониманію вещей, собирая матеріалъ для болѣе счастливыхъ потомковъ. Эта разобщенность трудовъ, ихъ малая связь, какъ между собою, такъ и съ общимъ ходомъ общественной жизни, придаетъ даже біографіямъ скромныхъ ученыхъ этого періода большую цѣлость и бо́льшій интересъ, чѣмъ въ другія эпохи развитія науки. Въ общую исторію науки для этого времени неизбѣжно внести біографическія частности, потому что лишь онѣ могутъ уяснить самый характеръ работъ, быструю извѣстность однихъ, и незнакомство съ другими, въ продолженіе даннаго времени; напримѣръ, то обстоятельство что Леонардъ да-Винчи былъ почти до нашего времени извѣстенъ лишь какъ художникъ, и что теперь въ немъ видятъ прямого предшественника Галилея, одного изъ геніальнѣйшихъ ученыхъ конца XV вѣка.

Но не должно думать, что исторія науки представляетъ для этого времени лишь біографическій и эпизодическій интересъ. При внимательномъ разсмотрѣніи есть много обобщающаго, связнаго въ различныхъ проявленіяхъ научной мысли этого времени, и эти проявленія имѣютъ много родственнаго съ фактами другихъ сферъ общественной жизни. Если Парацельса и Кардана легко признать за современниковъ, то нельзя отрицать и въ Лютерѣ духовную близость къ этимъ дѣятелямъ. Не даромъ существуетъ разсказъ (повидимому, довольно достовѣрный) о томъ, какъ Парацельсъ сжигалъ публично книги медицинскихъ авторитетовъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ Лютеръ сжигалъ папскую буллу. Но, кромѣ того, движеніе науки является въ это время не просто эпизодомъ. Эпоха Бэкона, Галилея и Кеплера настаетъ не внезапно. Мы можемъ прослѣдить въ предыдущемъ періодѣ, какъ нарастаютъ матеріальныя силы научнаго пониманія вещей; какъ сталкиваются въ истребительной борьбѣ партіи въ тѣхъ сферахъ, которыя, повидимому, господствуютъ надъ человѣческою мыслію; какъ истощаются силы, утомляются борцы этихъ партій, и равнодушіе начинаетъ овладѣвать большинствомъ; какъ свѣжіе и сильные умы все болѣе и болѣе обращаются къ сферѣ научныхъ изслѣдованій и вносятъ

стремленіе къ научнымъ взглядамъ даже въ вопросы, къ которымъ наука не можетъ еще приложить своихъ методовъ; какъ, наконецъ, среди окоченѣлыхъ или разлагающихся остатковъ прежнихъ стремленій, пробиваются наружу живые и крѣпкіе ростки новой науки, долженствующей обусловить всю послѣдующую жизнь Европы. Если Капъ очень посредственно исполнилъ предпринятую задачу и въ его книгѣ, съ многочисленными главами и параграфами, нельзя видѣть настоящей исторіи науки въ XVI вѣкѣ и ея подготовленій въ предыдущій періодъ, если еще менѣе у него указано значеніе науки въ это время для всеобщей исторіи, то это вина автора, а не предмета; книга Капа, по интересу и по умѣнью составить ее, несравненно ниже книги Фигье, хотя Капъ, повидимому, добросовѣстнѣе принялся за дѣло. А могла бы она выйти гораздо лучше.

Конечно, въ журнальной статьѣ нельзя съ достаточною полнотою развить характеръ историческаго движенія въ замѣчательный періодъ, обнимающій эпохи возрожденія и реформаціи, но мы постараемся на слѣдующихъ страницахъ уяснить читателю хотя главныя черты этого движенія, въ особенности же то значеніе, которое имѣютъ при этомъ проявленія научной мысли. Трудность дѣла не есть оправданіе слабаго его исполненія, но мы скорѣе указываемъ желательное для исторіи этого періода, чѣмъ даемъ очеркъ самой исторіи. Для удобства, мы разобьемъ весь разсматриваемый періодъ (1450—1590) на пять эпохъ, и предпошлемъ ихъ очерку указаніе на состояніе европейской мысли въ началѣ періода.

2. Европа въ половинѣ XV вѣка.

Узнать состояніе мысли значитъ узнать состояніе знаній, вѣрованій и практическихъ идеаловъ въ Европѣ въ половинѣ XV вѣка.

Надъ массою народа, въ которой жилъ одинъ доступный для этой массы источникъ истины—повѣрья семейныя и мѣстныя, окружавшія человѣка міромъ оживленныхъ и знаменательныхъ предметовъ природы, чудесными силами и невидимыми духами, надъ этою массою, мало измѣнившеюся съ доисторическаго времени, стояло цивилизованное меньшинство, для котораго существовало, внѣ жизненныхъ преданій, два источника истины: слово церкви и древность. Въ преданіи католической церкви имѣлись безразлично и древнехристіанскія, начала, и, слѣды историческаго развитія папства въ борьбѣ съ равноправными ему когда-то епископами и со свѣтскою властью, наконецъ, слѣды борьбы католицизма противу многочисленныхъ попытокъ оппозиціи, которыя съ давнихъ поръ подрывали его авторитетъ. Все это было освящено одинаковою непогрѣшимостью папскихъ рѣшеній, составляло одинаково догматъ; ему слѣдовало вѣрить или выйти изъ среды церкви, которая одна имѣла право на существованіе, на слово и на мысль. Точно также въ почитаніи древности смѣшивались безразлично достовѣрные и недостовѣрные обрывки греческаго и латинскаго міровъ, великихъ произведеній и жалкихъ компиляцій, сочиненій высшихъ эпохъ древней цивилизаціи и временъ ея упадка. Органонъ Аристотеля и свадьба филологіи съ Меркуріемъ Марціана Капеллы, Изагога Порфирія и комментаріи арабовъ были одинаково свидѣтельствами древней мудрости. Кодексы Ѳеодосія и Юстиніана были «писаннымъ разумомъ». Гомеръ и Виргилій были глубокомысленными учителями наравнѣ съ Птолемеемъ и Галеномъ. Мало

того, средневѣковые читатели не видѣли особенной разницы между остатками древности и представителями схоластики; арабскіе и монашескіе комментаріи были для нихъ равноправными наслѣдниками древней мысли; стихотворенія Марбода реннскаго или Алана лильскаго удовлетворяли ихъ вкусу на столько же, какъ и Луканъ или Персій. Оппозиція, не замолкавшая впродолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и постоянно росшая съ XIII вѣка въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, не представила никакихъ новыхъ источниковъ истины. Она противополагала одни элементы католическаго преданія другимъ; Аристотеля—Августину, Аверроэса—Ѳомѣ Аквинату, была болѣе или менѣе послѣдовательна, но внѣ текстовъ разнаго сорта, надерганныхъ изъ богословскихъ, античныхъ и схоластическихъ авторитетовъ, не было другого оружія и у оппозиціи. Со времени пробужденія Европы въ XIII вѣкѣ, раздавались кое-гдѣ единичные голоса, предрекавшіе *иные* пути (напримѣръ, Роджеръ Бэконъ), но это были отрывочныя явленія, внѣ всякаго общаго историческаго значенія. Въ сущности росла только ненависть къ строю католицизма, къ формамъ схоластическаго ученія; а гдѣ искать лучшаго—этого никто не понималъ ясно.

Тѣмъ не менѣе и тщательное изученіе наличнаго матеріала, даже при отсутствіи исторической критики, все-таки позволяло накоплять знанія. Два раза уже въ теченіе среднихъ вѣковъ приливъ матеріала оказалъ вліяніе на школы и вызвалъ борьбу мнѣній. Въ первый разъ около конца XI и начала XII вѣка, когда Органонъ Аристотеля, въ его почти полномъ составѣ, замѣнилъ для ученыхъ жалкіе учебники римлянъ послѣднихъ временъ имперіи или разсужденія неоплатониковъ. Съ тѣхъ поръ началась разработка логики и рядъ опытовъ приноровки перипатетическихъ категорій къ идеямъ, которыя были закрѣплены догматомъ, но были преимущественно съ неоплатоническимъ строемъ мысли, а не съ какими-либо логическими пріемами. Такъ какъ Аристотель представлялся преимущественно логикомъ, а метафизическое содержаніе міросозерцанія приходилось преимущественно черпать извнѣ, потому, впродолженіе всего XII вѣка, еще возможна была въ схоластикѣ борьба такъ называемыхъ платониковъ и такъ называемыхъ аристотеликовъ. Но конецъ XII вѣка и XIII принесли Европѣ обширный матеріалъ почти исключительно выработанный подъ вліяніемъ перипатетизма. Почти всѣ сочиненія Аристотеля, огромное число арабскихъ

комментаріевъ и переводовъ древнихъ ученыхъ, немалое количество византійскихъ трудовъ по логикѣ вошли въ кругъ школьнаго ученія Запада. Все это надо было переварить, скомпилировать, сообразить съ господствующимъ догматомъ. Платоники исчезли изъ школъ. Мнѣнія раздробились до безконечности, смотря по матеріалу, которымъ преимущественно пользовался тотъ или другой ученый, такъ какъ, по сказанному выше, весь наличный матеріалъ былъ одинаково цѣненъ для почитателей древности. Къ половинѣ XV вѣка логика получила отъ схоластиковъ разныхъ школъ лишь весьма выработанную терминологію, привычку къ различенію тонкостей въ процессѣ отвлеченія, но болѣе и болѣе теряла живую основу, которую она черпала въ древности изъ метафизики, вызывавшей ея развитіе. Новыхъ пріобрѣтеній эта самая разработанная область средневѣковой мысли не представляетъ. Самые оригинальные, повидимому, мыслители были лишь болѣе или менѣе искусными компиляторами античныхъ, арабскихъ и византійскихъ данныхъ [1]).

Наиболѣе древней традиціи сохранили средніе вѣка въ области математики. Боэцій былъ учителемъ ряда абакистовъ, между которыми Бэда, Одо клеонійскій, наконецъ Гербертъ, представляются мыслящими хранителями греко-римской традиціи, именно въ той ея практической сферѣ, которая развилась въ послѣдній періодъ имперіи, послѣ эпохи великихъ математиковъ и астрономовъ древности. Мы говоримъ объ облегченіи практическихъ пріемовъ счисленія, столь затрудненныхъ способомъ изображенія греческихъ и латинскихъ чиселъ. Счетъ на абакѣ помощью аписовъ (первообразовъ нашихъ цифръ) представлялъ уже всѣ удобства нашего способа—счисленія съ нулемъ, за исключеніемъ того, что этотъ счетъ былъ механическій, а не письменный. Но рядомъ съ абакистами въ началѣ XII вѣка являются въ Европѣ алгоритмики (послѣдователи Мохамедабенъ-Музы Аль-Харизми), приносящіе въ Европу результаты арабской науки, и нуль, съ котораго начинается новая ариѳметика. Предполагаемый переводчикъ ариѳметики Мохамеда-бенъ-Музы, геометріи Евклида, и авторъ книги объ абакѣ, Аделаръ батскій, если ему дѣйствительно принадлежатъ всѣ эти работы, былъ точкою соединенія двухъ математическихъ традицій Рима

[1]) Ср. *C. Prantl:* «Geschichte der Logik im Abendlande». II, III.

и Востока. Послѣ него все увеличивается число алгориѳмиковъ, все уменьшается число абакистовъ и ихъ методы забываются. Въ первой половинѣ XIII вѣка Леонардо пизанскій (Фибоначчіо) соединяетъ въ своихъ трудахъ результаты обѣихъ традицій. Съ тѣхъ поръ Европа имѣетъ *одну* математику, *новоевропейскую*, и дѣятельность Леонардо почти на два вѣка устанавливаетъ центръ математическихъ успѣховъ Европы въ Италіи [1]). Впродолженіе XIV вѣка число математическихъ работъ въ ней становится такъ значительно и приложеніе ихъ къ техникѣ такъ разнообразно, что лишь замѣчательные труды XVI вѣка могли заставить забыть этотъ періодъ, обѣщавшій будущее развитіе. Литературная эрудиція, начавшаяся въ концѣ XIV вѣка, нѣсколько отклонила итальянскую мысль отъ этого направленія, но не надолго [2]).

Второй наплывъ матеріала въ средневѣковыя школы, о которомъ мы говорили выше, былъ особенно важенъ въ томъ отношеніи, что онъ далъ ученымъ XIII вѣка сочиненія Аристотеля по естествознанію и труды арабскихъ ученыхъ въ той же области. Въ XIII же вѣкѣ Альбертъ Великій, Роджеръ Бэконъ и Викентій Бовейскій потрудились заключить пріобрѣтенный матеріалъ въ свои обширные труды (изъ которыхъ лишь произведенія Роджера имѣютъ самостоятельное значеніе). Послѣдующіе два вѣка прибавили къ этому матеріалу наблюденія путешественниковъ, проникшихъ до Китая, картографическія исправленія вслѣдствіе употребленія компаса, результаты астрономическаго опредѣленія мѣстъ, знакомство еще съ нѣкоторыми важными сочиненіями древности (напримѣръ, съ географіею Птолемея), наконецъ различныя пріобрѣтенія алхимиковъ въ области ихъ изслѣдованій (преимущественно Арнольда де-Виллановы и Раймунда Луллія).

Меньшинство ученыхъ схоластиковъ, слѣдуя Гиппарху, Птолемею и арабскимъ астрономамъ, представляло себѣ землю шаромъ, неподвижнымъ въ пространствѣ. Около нея обращались, по эксцентрическимъ путямъ, усложненнымъ еще эпициклами или винтообразнымъ движеніемъ, солнце, луна и 5-ть планетъ. Въ Европѣ никто не предпринималъ новаго измѣренія величины

[1]) Ср. *M. Cantor*: «Mathematische Beitrage zum Culturleben der Volker» и литературу, имъ цитируемую.

[2]) Объ этой эпохѣ для Италіи см. *G. Libri:* «Histoire des sciences mathematiques en Italie» II.

окружности земного шара, однако, какъ древнія, такъ и арабскія измѣренія были извѣстны схоластикамъ, но употребленныя при этомъ мѣры истолковывали такъ, что земля выходила меньше дѣйствительнаго на $\frac{1}{6}$ или по крайней мѣрѣ (у Роджера Бэкона) на $\frac{7}{100}$. Въ альфонсинскихъ таблицахъ XIII-го вѣка находится уже рядъ мѣстностей, широты и долготы которыхъ опредѣлены астрономически по арабскимъ ученымъ. Въ Италіи пробовали опредѣлить высоту полюса (съ ошибкою на 1°13′). Знали, что разность долготъ двухъ мѣстностей можно опредѣлить по разности мѣстныхъ временъ начала солнечнаго или луннаго затменія. Роджеръ Бэконъ пробовалъ даже составить карту по Альмагесту и по арабскимъ даннымъ, на основаніи астрономическихъ опредѣленій. Но внѣ тѣснаго круга личностей, знакомыхъ съ астрономіею, эти болѣе точные пріемы оставались неизвѣстны. Одни географы держались мнѣнія Птолемея, что материкъ на сѣверномъ полушаріи распространяется съ востока на западъ на 180°. Другіе, и въ томъ числѣ Альбертъ Великій (впервые высказавшій эту мысль) и Бэконъ, полагали, что восточный берегъ Азіи отстоитъ очень недалеко отъ береговъ Испаніи. Съ XIV-го вѣка появляются карты, составленныя для мореплавателей съ помощью компаса, поражающія точностью очертаній береговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ все направленіе береговъ повернуто, сообразно неизвѣстному еще тогда отклоненію магнитной стрѣлки. Тѣмъ не менѣе на нихъ длина оси Средиземнаго моря показана несравненно точнѣе, чѣмъ у арабовъ, которые, въ свою очередь, исправили еще значительнѣйшую ошибку Птолемея въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, въ началѣ XV-го вѣка, знакомство съ географіею Птолемея, и непоколебимый авторитетъ этого ученаго, побудили вернуться къ ошибочной оцѣнкѣ длины Средиземнаго моря на цѣлую треть этой длины, хотя, конечно, вмѣстѣ съ изученіемъ географа II-го вѣка, являлось требованіе несравненно большей научности при составленіи картъ. Если карта Санута въ началѣ XIV-го вѣка указываетъ намъ все расширеніе географическихъ знаній, со времени употребленія компаса для картографіи до начала разсматриваемаго нами періода, то карты Агаѳодемона, конечно, отодвигали знанія назадъ къ эпохѣ римлянъ, но онѣ заключали въ себѣ задачу объ изображеніи земной поверхности въ проэкціи и астрономическаго опредѣленія какъ странъ свѣта, такъ и расположенія мѣстностей. Путешественники во внутренность Азіи сообщили

свѣдѣнія объ особенностяхъ строенія этой части свѣта, о ея хребтахъ, плоскогорьяхъ, и о направленіи ея рѣкъ. Ристоро д'Ареццо въ XIII-мъ вѣкѣ полагалъ, что внутренность земли расплавлена, объяснялъ этимъ явленіе горячихъ ключей, сближалъ землетрясенія съ поднятіемъ горъ и неровностями земной поверхности. Впрочемъ, большинство схоластическихъ авторитетовъ держалось аристотелевой теоріи землетрясеній, какъ слѣдствіе скопленія воздуха въ подземныхъ пещерахъ и пустотахъ. Изъ арабскихъ источниковъ заимствовалъ Альбертъ Великій мнѣніе о попеременномъ погруженіи материковъ въ воду и ихъ выхожденіи изъ воды, а Викентій Бовейскій—мнѣніе о размываніи возвышенностей дождями и морскими приливами и отливами. Ристоро д'Ареццо указывалъ на окаменѣлости рыбъ на горахъ, какъ на доказательство, что эти горы были когда-то подъ водою. Схоластики пытались объяснить себѣ явленіе прилива и отлива, а также соленость морской воды. Обращали вниманіе на нѣкоторыя, болѣе поразительныя климатическія явленія. Изъ Аристотеля почерпнули свѣдѣнія о круговоротѣ атмосферной воды. Альбертъ Великій связалъ степень нагрѣванія земной поверхности съ большею или меньшею наклонностью лучей солнца и возсталъ противъ мнѣнія, что между тропиками сильный жаръ не дозволяетъ существовать ничему живому. У него и у Викентія Бовейскаго встрѣчаемъ замѣтки объ уменьшеніи температуры въ зависимости отъ вертикальнаго возвышенія, о вліяніи рѣдкости верхнихъ слоевъ воздуха на существованіе на вершинахъ горъ вѣчнаго снѣга (впервые упомянутаго Альбертомъ), о вліяніи направленія горныхъ хребтовъ на климатъ. Находимъ у схоластиковъ и указаніе на географическія границы распространенія новыхъ животныхъ и растеній, а также на измѣненіе органическаго міра на различныхъ высотахъ горъ. Новые организмы, встрѣченные путешественниками, были описаны довольно отчетливо, и даже для монгольской расы, съ которой теперь впервые ознакомились ученые, встрѣчаемъ у Плано Карпини порядочную характеристику[1]).

Источникомъ накопленія свѣдѣній по естествознанію были также лабораторіи алхимиковъ. Арабская теорія, восходящая къ Геберу (Абу-Мусса-Джафаръ аль-Соффи), предполагала въ металлахъ начало металличности (называемое ртутью) и начало

[1]) Ср. *O. Peschel:* «Geschichte derErdkunde» (1865).

измѣняемости (названное сѣрою). Для иныхъ алхимиковъ, подъ болѣе сильнымъ вліяніемъ аристотелизма, вода составляла также составную часть металловъ. Съ конца тридцатаго вѣка, особенно подъ вліяніемъ Раймунда Луллія, алхимическія занятія сильно проникаются мистическимъ элементомъ, такъ что въ этомъ отношеніи замѣтно пониженіе мысли. Нѣсколько ранѣе возникаетъ мнѣніе о цѣлительной силѣ золота, о томъ, что вещество, обращающее металлы въ золото, есть въ то же время и средство продолженія жизни. Стали требовать каѳедръ алхиміи въ новыхъ университетахъ и занятія алхиміею распространялись, несмотря на то, что алхимиковъ поражали буллы папъ (1317) и повелѣнія государей (1380 во Франціи). Преимущественно алхимики XIII вѣка оставили въ своихъ сочиненіяхъ много частныхъ указаній на расширеніе ими химическихъ свѣдѣній сравнительно съ знаніями арабовъ въ этомъ отношеніи. Очищеніе металловъ, улучшеніе перегонки, болѣе точное изслѣдованіе дѣйствій нѣкоторыхъ химическихъ составовъ (въ особенности меркуріальныхъ) частью сдѣлало значительные успѣхи, частью появилось только въ это время[1]).

Алхимики много занимались медициной, но это была область, гдѣ работали и многія другія силы, направляя мысль на самостоятельныя изслѣдованія. Съ XII вѣка являются юридическія постановленія о медицинскомъ устройствѣ и медицина выходитъ изъ рукъ духовенства. Съ Таддеуса Флорентійскаго (1215—1300) схоластическіе пріемы комментаріевъ и диссертацій господствуютъ въ медицинѣ и замѣняютъ аѳоризмы и риѳмованныя постановленія салернской школы. Въ университетахъ открываются медицинскіе курсы. Конечно, въ нихъ господствовало въ особенности разсужденіе о пустякахъ, предразсудочные взгляды и цитированіе многочисленныхъ авторитетовъ. Но во второй половинѣ XIII вѣка изъ курса медиковъ-схоластиковъ выдѣляется во Франціи коллегія хирурговъ; въ XIV вѣкѣ Мондини и Шольякъ обращаются уже къ собственнымъ наблюденіямъ; наконецъ, страшныя эпидеміи конца XIV вѣка вызываютъ самостоятельныя изслѣдованія, появленіе аптекъ и убѣжденіе, что въ Галенѣ и у арабовъ нельзя найти цитатъ на всѣ случаи[2]).

Если въ естествознаніи мы видимъ хоть кое-какія подгото-

---

[1]) Ср. *Корр:* «Gesch. d. Chemie». I, II.

[2]) Ср. Исторіи медицины Гэзера, Вундерлиха, Гиртля и др.

вленія матеріала для будущей жизни, то въ области исторіи языкознанія и общественныхъ наукъ не находимъ даже этого. Въ темныхъ мечтаніяхъ о царствѣ Духа Святаго, которыя съ XIII вѣка встрѣчаются и преслѣдуются въ разныхъ формахъ, проявляется сознаніе прогрессивнаго хода исторіи. Въ легендахъ о трехъ лжецахъ, о трехъ кольцахъ, о скептическихъ выраженіяхъ Аверроэса высказываются начала сравнительнаго изученія религій. Мнѣніе, что еврейскій языкъ былъ первымъ языкомъ человѣчества, было всеобще.

Переходя отъ области теоретическихъ изслѣдованій въ область практическихъ идей, мы встрѣчаемъ рядъ сталкивающихся непримиримыхъ идеаловъ, которые опираются на цитаты изъ однѣхъ и тѣхъ же книгъ, допускаютъ одни и тѣ же источники истины. Несмотря на потрясеніе папскаго авторитета долговременнымъ расколомъ, несмотря на рядъ попытокъ поставить соборы выше папъ, въ половинѣ XV вѣка папы, побѣдители на констанцкомъ и базельскомъ соборахъ, могли еще поддерживать ученіе, что они, намѣстники апостоловъ, намѣстники Христа, суть истинныя главы міра, что идеальный строй общества есть теократія, гдѣ міряне должны быть подчинены духовенству, вся собственность должна принадлежать церкви и свѣтская власть должна лишь охранять истину, изрекаемую духовнымъ главою, исполнять его велѣнія. Въ Ѳомѣ Аквинатѣ папство нашло самаго строгаго теоретика своихъ притязаній, но не надолго. Христіанскій идеалъ безусловнаго аскетизма, отреченія отъ всякой собственности, отъ всего мірскаго, противопоставленъ былъ теократіи еретиками, мистиками и лучшими органами папства, нищенствующими монахами. Папство побѣдило ихъ практически, но слова: «мы всѣ священники» еще жили въ глубинѣ души всего того, что было способно къ религіозному увлеченію.

Рядомъ съ идеалами религіозными возникали свѣтскіе. Изъ римскаго права выростаетъ идеализированный призракъ цезаря, владыки міра, безусловнаго повелителя тѣла и мысли подданныхъ. Феодализмъ самъ себя подрывалъ, уступая двѣ главныя свои основы: исключительное право собственности, и исключительную обязанность участвовать на войнахъ государей. Когда раззорившіеся феодалы добились права продавать и передавать имѣнія въ руки разбогатѣвшихъ купцовъ и промышленниковъ, когда разлѣнившіеся собственники нашли удобнѣйшимъ платить королю деньги вмѣсто того, чтобы становиться подъ его знаменами, то политическая сила стала вымирать въ феодализмѣ.

Оставалась сила фактическая, но ее мало по малу стали разъѣдать юристы, расширяя сферу аппеляціи къ королю (cas royaux); эту силу стали разъѣдать города, присвоивая и покупая себѣ всѣ права, которыя имѣли прежде только феодалы. Римское право «писанная мудрость» противопоставлялась юристами папамъ и феодаламъ. Наемныя войска и артиллерія придавали громадное превосходство немногимъ напудобнѣе поставленнымъ центрамъ относительно съ другими. Данте употреблялъ свой геній на доказательство необходимости всемірной монархіи. Схоластикъ Оккамъ, doctor suptilimus, выписывалъ длинные аргументы въ пользу единства государственной власти. Но бурное время XIV вѣка вызвало уже и новыя стремленія. Марсиль Падуанскій провозглашалъ самодержавіе народа; констанцкій соборъ большинствомъ 61-го голоса противъ 26-ти не согласился осудить ученіе Іоанна Малаго о правѣ убійства тирановъ. Народныя возстанія, подавленныя въ крови, говорили о перераздѣлѣ собственности и ея общности. Между тѣмъ, все съ большею жолчностью и насмѣшливостью сатира народная и схоластическая возставала противъ средневѣковаго общественнаго строя. Рѣзкія выходки поэмы Лиса въ ея позднѣйшихъ развѣтвленіяхъ, романа «Розы» и «Сна въ саду» (Songe du Vergier) не были превзойдены и позднѣйшими реформаторами. Ереси были раздавлены; нищенствующіе ордена обращены въ орудія папства и въ столь же обычныхъ духовныхъ собственниковъ, какъ другіе монахи; соборы преклонились предъ папами; но чѣмъ безсильнѣе оказались всѣ попытки реформы общества при пособіи католическо-церковнаго идеала, тѣмъ глубже духъ оппозиціи вкоренялся въ общество.

Въ XIV вѣкѣ, въ эпоху авиньонскихъ папъ и аверроистовъ, отрекшихся отъ христіанства, Петрарка сдѣлался представителемъ движенія мысли въ пользу древняго міра. Но здѣсь древній міръ являлся не безразличнымъ преданіемъ цѣлой массы авторовъ: это былъ опредѣленный элементъ прекрасной формы для выраженія прекрасныхъ мыслей, и типами его представлялись Цицеронъ и Виргилій. Оппозиція противъ средневѣковыхъ воззрѣній, которыя кипѣли въ Европѣ уже издавна, получила опредѣленное знамя: противъ средневѣковыхъ мыслителей, ученыхъ, медиковъ, литераторовъ, Петрарка выставлялъ ясно высказанную причину осужденія: недостатокъ прекрасной формы. Если онъ предпочиталъ Августина новымъ учителямъ церкви, это было во имя красоты его выраженія. Невысказанный прин-

цип борьбы гуманистовъ противъ схоластики заключался въ слѣдующемъ: человѣчно лишь прекрасное; тамъ, гдѣ нѣтъ красоты формы, нѣтъ ни истины, ни добра; прекрасная же форма, даже облекающая содержаніе ничтожнаго или сомнительнаго свойства, уже по своей красотѣ дѣйствуетъ благотворно. Конечно, этотъ принципъ, какъ положительный, держаться не могъ, потому что ни личность, ни общество не можетъ жить формою, а всегда живутъ ея содержаніемъ. Но въ эпоху, когда оппозиція противъ средневѣковаго строя искала всюду оружія, подобный принципъ, какъ знамя, имѣлъ неоспоримыя выгоды. Онъ не оскорблялъ ни одной изъ установившихся властей и организованныхъ силъ общества. Онъ не внушалъ опасенія ни издыхающей аристократіи феодализма, ни растущей аристократіи капитала; ни государямъ, съ любовью лелѣявшимъ идеалъ цезарей-самодержавцевъ. ни республикамъ, давившимъ другъ друга и во имя свободы установлявшимъ деспотизмъ совѣта десяти; ни римскимъ папамъ, все признававшимъ себя намѣстниками апостоловъ, но до мозга костей проникнутымъ свѣтскими влеченіями; ни даже монашескимъ орденамъ, которые могли украсить свою искаженную жизнь блескомъ художественныхъ произведеній. Почему христіанство не можетъ искать прекрасныхъ формъ и ими наслаждаться? Почему древніе мыслители и поэты, у которыхъ учились первые отцы церкви: Климентъ, Оригенъ, Августинъ, Іеронимъ, не могутъ быть предметомъ тщательныхъ занятій христіанина? Такъ спрашивали гуманисты, и все спѣшило встрѣтить сочувственно ихъ невинныя желанія; но въ сущности это было нарушеніе тысячелѣтней традиціи, это была первая попытка явной оппозиціи средневѣковому строю, которая вела не на костеръ, не къ отлученію, а была опробована высшими авторитетами католическаго міра. Языческій міръ, давшій схоластикѣ учителей, *лишь потому и лишь на столько* признанныхъ, на сколько они могли служить поддержкою католической мысли, давшій христіанскимъ государямъ принципы законодательства, *лишь потому и лишь на столько* годные, на сколько эти принципы сходились съ интересами растущаго самодержавія, — теперь становился самостоятельнымъ авторитетомъ, сегодня рядомъ съ средневѣковой традиціей, завтра выше ея. Петрарка, защитникъ христіанства противъ аверроистовъ, могъ, въ сочиненіи, неосужденномъ церковью, обращаться къ «безсмертнымъ богамъ», и начиналъ длинный рядъ литераторовъ, отучившихъ европейскую публику

отъ христіанскихъ формъ рѣчи обращеніями къ Зевсу, Аполлону, музамъ и ко всей олимпійской компаніи. Его современникъ Кола ди-Ріензи напоминалъ римлянамъ, безсмысленно бродившимъ среди памятниковъ своего города и связывавшимъ съ этими памятниками нелѣпыя легенды, что Римъ былъ республикою, что были когда-то народные трибуны, передъ которыми трепеталъ древній міръ (и о которыхъ самъ Ріензи имѣлъ очевидно смутное понятіе). Съ Ріензи начинается рядъ тѣхъ маскарадныхъ Брутовъ и Цезарей, которые обращали древнія формы въ оружіе для новыхъ стремленій, были жалки, когда точно вѣрили въ возможность воскресить древній міръ въ дѣйствительной жизни, были презрѣнны, когда вызывали призрачный цезаризмъ въ пользу деспотизма наполеонидовъ, были величественны, когда вызывали призраки Катоновъ и Гармодіевъ, какъ символы новыхъ народныхъ стремленій, но во всякомъ случаѣ показывали, что древній міръ есть *сила*, на которую можно опереться для разныхъ цѣлей и что Сен-Жюсты найдутъ въ немъ еще удобнѣйшее оружіе, чѣмъ цезаристы.

Въ страсти къ языческому міру, соединившей борющіяся силы, общество нашло опору и одну изъ самыхъ живыхъ, положительныхъ силъ новой Европы. Научныя занятія въ формѣ эрудиціи находили поддержку у республикъ и у государей, у папъ и въ монастыряхъ. Во имя латинской эрудиціи могли сплотиться *свѣтскіе* ученые, образовать на глазахъ всѣхъ «республику науки», разсѣянную по всей Европѣ, предпринять далекія путешествія для отысканія рукописей, и пользоваться высокимъ уваженіемъ потому лишь, что писали хорошимъ латинскимъ слогомъ и знали по-гречески; имъ прощались и личная дерзость, и безнравственныя выходки, и даже худо скрытое невѣріе. Въ бѣднѣйшей изъ своихъ формъ, въ формѣ эрудиціи, наука укрѣплялась на почвѣ Европы. Жадно собирались и переписывались рукописи. Ученые ѣздили въ Константинополь учиться по-гречески и отыскивать то, чего не имѣлъ Западъ. Стали являться греки на итальянскихъ каѳедрахъ. Ругательства Паджіо и Филельфо не мѣшали ихъ тріумфальнымъ поѣздкамъ изъ государства въ государство. Между тѣмъ предшественники великихъ художниковъ XVI вѣка переносили любовь къ древней красотѣ во дворцы папъ и епископовъ, въ монастыри христіанскихъ отшельниковъ.

3. Книгопечатаніе (1450—1477).

Таково было положеніе европейской мысли, когда въ половинѣ XV вѣка совершились два событія, давшія незамѣтный, но рѣшительный толчокъ новой исторіи. Появились первыя изданія майнцкой типографіи Гуттенберга, Шеффера и Фуста, и къ берегамъ Италіи хлынули въ большихъ массахъ бѣглецы изъ Константинополя, которые везли съ собою греческія рукописи императорскихъ библіотекъ. За ними шли по Европѣ вѣсти съ Востока все страшнѣе и страшнѣе: Мохаммедъ у стѣнъ Византіи; св. Софія обращена въ мечеть (1452); Бѣлградъ осажденъ (1456); пала Сербія (1459); завоеванъ Пелопонезъ (1460); палъ Трапезунтъ и погибли Комнены (1462); пала Боснія (1464) и Герцеговина; завоевана Эвбея (1470); турки въ Италіи (1479). Папы, обѣщавшіе Византіи спасеніе цѣною признанія ихъ первенства, выказали свое безсиліе предъ теченіемъ исторіи. Оказались правы не защитники флорентійской уніи, не кардиналъ Висаріонъ, не митрополитъ Исидоръ, а Марко Эфезскій. Послѣдняя Палеологъ перенесла въ Москву (1472) византійскую традицію непокорности римскому престолу, буквальнаго храненія первобытныхъ догматовъ и византійскій типъ императора. Литовскія братства отстаивали оппозиціонное папству начало православія въ западной Руси съ такою же энергіею, съ которою во Франціи, въ Англіи, въ Германіи проявлялось среди самого католическаго духовенства начало національныхъ церквей. Уже на констанцскомъ соборѣ духовные подавали голоса не лично, а по національностямъ. Съ Эдуардомъ третьимъ Англія отказалась платить папѣ подати, и Виклефъ сталъ однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ предшественниковъ реформы. Во Франціи еще жило преданіе оппозиціи папству, начатой съ Филиппа IV. Длинный періодъ раскола и соборовъ, судившихъ папъ, пріучилъ духо-

венство разныхъ странъ къ бо́льшей самостоятельности предъ лицомъ наслѣдниковъ апостоловъ. Нигдѣ эта оппозиція духовенства папѣ не была такъ замѣтна, какъ въ Германіи, гдѣ, вслѣдствіе частыхъ столкновеній императорской власти съ папскою, было болѣе случаевъ развиться и усилиться взаимной ненависти нѣмецкой и итальянской національности. Нѣмецкіе архіепископы и епископы, во время борьбы соборовъ съ папами, принадлежали къ самымъ энергическимъ ораторамъ церковной реформы. Отъ имени Германіи дѣйствовалъ Эней Сильвіо Пикколомини въ то время, когда онъ принадлежалъ къ оппозиціи, и въ Германіи онъ встрѣчалъ самыхъ опасныхъ и упорныхъ враговъ своей изворотливой политикѣ, когда онъ сталъ защитникомъ папства и наконецъ самъ папою Піемъ II (1456—1464). Ему, какъ его предшественникамъ, пришлось отлучать отъ церкви и смѣщать архіепископовъ. Ему пришлось бороться съ своимъ прежнимъ союзникомъ и помощникомъ, знаменитымъ Григоріемъ Геймбургскимъ († 1472), рѣзкія выраженія котораго противъ папства уже предвѣщали діатрибы Лютера. Постановленія соборовъ въ пользу папъ принимались въ Германіи лишь съ измѣненіями. Германія же противопоставляла самое большое сопротивленіе денежнымъ сборамъ папъ въ пользу новаго крестоваго похода для изгнанія турокъ. Ей слишкомъ хорошо было извѣстно, какъ часто деньги, собранныя съ этою цѣлью, получали совсѣмъ иное назначеніе. Оно и еще разъ повторилось при наслѣдникѣ Пія II, Павлѣ II (1464—1472); этимъ послѣднимъ начался рядъ папъ, которые, своею личностью, лишенною всякаго духовнаго достоинства, выставили папство съ самой невыгодной стороны въ глазахъ Европы.

Столѣтняя война между Франціею и Англіею кончилась, безъ заключенія трактата, однимъ очевиднымъ безсиліемъ Англіи продолжать ея завоевательныя попытки. На престолѣ Англіи сидѣлъ вѣчно опекаемый Генрихъ VI, игрушка партій, и около него англійская аристократія, желавшая достигнуть такого же значенія, какое имѣли феодалы материка, начала (1459) борьбу во имя правъ Іорка и Ланкастера,—борьбу, въ которой должно было погибнуть 80 членовъ королевскаго дома Англіи. Между тѣмъ Франція вступила въ тотъ періодъ централизующихъ стремленій, который составилъ силу и слабость ея правительствъ до нашего времени, обезличилъ окончательно ея провинцію и стянулъ всѣ жизненныя силы въ Парижъ. Въ то же

время, когда подъ знаменемъ Кэда въ англійскомъ народѣ шевелились демократическія и даже коммунистическія стремленія, во Франціи банды *живодеровъ* (ecorcheurs) разоряли народъ и французскіе феодалы пытались осуществить во Франціи то, что́ удалось германскимъ духовнымъ и свѣтскимъ ѳеодаламъ: стать самостоятельными государями. Но на престолъ Франціи сѣлъ «всемірный паукъ» (l'universelle araiquée), по выраженію современнаго сатирика, и не вымирающему феодализму было вести борьбу съ Людовикомъ XI (1461—1483). Послѣдній замѣчательный представитель ѳеодализма, герцогъ Бургундскій, могъ бы сдѣлаться самостоятельнымъ государемъ, но слишкомъ разсѣевалъ свои усилія: то онъ предпринималъ раздробленіе Франціи по примѣру Германіи, говоря: «я такъ люблю Францію, что желаю ей семь королей вмѣсто одного»; то пытался усилить свое вліяніе въ Германіи; то дѣйствовалъ противу Фридриха III, то вступалъ съ нимъ въ соглашеніе; то тратилъ совершенно безтолково свои силы изъ-за безполезной борьбы съ швейцарскими кантонами. Съ гибелью Карла при Нанси предъ оружіемъ швейцарцевъ (1477) ѳеодализмъ потерялъ свою послѣднюю опору. Бургундія, которая поддерживала борьбу французскихъ провинціальныхъ центровъ противъ Парижа, перестала существовать какъ самостоятельная сила, и ея распаденіе раздѣлило окончательно ходъ внутренней политической исторіи Франціи отъ хода событій въ Германіи.

Въ эпохи борьбы различныхъ общественныхъ силъ всего ярче выказывается значеніе личностей, удобно поставленныхъ въ средѣ общества, чтобы вліять на событія. Ничтожество, непостоянство или мелочность влеченій въ представителяхъ ѳеодализма и центральной власти въ Англіи имѣли слѣдствіемъ безполезную трату силъ въ продолженіе войны алой и бѣлой розы,—трату, которая дозволила усилиться политическому сознанію городской буржуазіи и мелкихъ владѣльцевъ. Преобладаніе личности Людовика XI дозволило королевской власти во Франціи рѣшительно унизить ѳеодаловъ прямымъ захватомъ, учрежденіемъ новыхъ юридическихъ центровъ, усиліемъ администраціи и обратить парламенты, собранія членовъ, городскія власти въ орудія королевской власти. Дрянная личность Фридриха III, впродолженіе 53 лѣтъ (1440—1493) занимавшаго императорскій престолъ, помогла давнишнему стремленію германскихъ свѣтскихъ и духовныхъ князей къ самостоятельности.

Германія окончательно образовала систему государствъ, гдѣ феодальная связь обратилась въ миѳъ, государствъ, которыя вели уже не междоусобныя, а международныя войны, какъ бы не существовало германскаго императора, и потому самому внутреннія столкновенія въ Германіи приводили совсѣмъ къ къ иному политическому вопросу, чѣмъ во Франціи и въ Англіи. Во Франціи шло дѣло лишь о томъ, въ какихъ географическихъ предѣлахъ утвердится власть парижскаго короля. Въ Англіи вопросъ былъ въ томъ, какія личности и какіе элементы будутъ господствовать надъ страною. Въ Германіи еще рѣшались вопросы и на долго они оставались нерѣшенными—какія мѣстности сдѣлаются центрами государствъ? Изъ какихъ государствъ составится то, что носило общее имя Германіи? Юрій Подѣбрадъ чешскій (1458), Матвей Корвинъ венгерскій (1458), Гогенцоллерны, Вительсбахи, архіепископы Майнца, Кельна, Трира, саксонскіе князья, рыцари нѣмецкаго ордена—стремились образовать государственные центры, въ то время какъ императоръ, пытаясь обобрать своихъ питомцевъ, самъ подвергался опасности въ стѣнахъ своего вѣнскаго замка отъ возмутившихся подданныхъ. Городская самостоятельность и феодальная подчиненность падали. Вездѣ въ Европѣ росъ, на счетъ всѣхъ другихъ политическихъ идеаловъ, идеалъ центральной государственной власти. Только было еще не рѣшено, каковы будутъ государства.

Но гораздо важнѣе этихъ вопросовъ о географическихъ центрахъ общественной организаціи и о пространствѣ, на которое будетъ распространяться дѣйствіе каждаго изъ этихъ центровъ, былъ вопросъ о тѣхъ средствахъ, помощью которыхъ будетъ проявляться жизнь этихъ образующихся центровъ, и этотъ вопросъ рѣшался не Людовикомъ, не Уарвикомъ, не Альбертомъ Ахилломъ и не папами. Они спорили о *формѣ* государствъ. Для будущаго *содержанія* гораздо важнѣе то обстоятельство, что рядомъ съ дорогими рукописями явились внезапно дешевыя. Экономическое удешевленіе школьныхъ учебниковъ (такъ-называемыхъ донатовъ), затѣмъ библій, наконецъ любимыхъ писателей ускорило въ значительной степени движеніе европейскаго общества. Въ то самое время, когда самостоятельное участіе личности въ государственной жизни затруднялось усиленіемъ государственныхъ центровъ, печатныя изданія облегчали для личности работу мысли. Въ то самое время,

когда оппозиція средневѣковымъ началамъ была наиболѣе распространена, она получала новое орудіе для своей дѣятельности. Въ то время, какъ Италія стала центромъ литературнаго возрожденія и эрудиціи, когда къ ней притекали греческія рукописи, получалась и возможность размножать ихъ. Съ невѣроятною быстротою типографіи въ первую же четверть разлились по Европѣ. Къ концу семидесятыхъ годовъ XV вѣка, несмотря на католическое запрещеніе имѣть библію въ переводѣ, существовало пять нѣмецкихъ ея изданій, два голландскихъ, два итальянскихъ (1471), одно французское и одно испанское, не считая тѣхъ, которыя остались неизвѣстными[1]). Въ 1470 году появилось изданіе Петрарки и Боккачіо, въ 1472 году Данте. Въ томъ же году и въ слѣдующемъ въ Падуѣ выходили латинскія изданія учителей схоластики, различные трактаты Аристотеля съ комментаріями Аверроэса. Въ томъ же 1472 году напечатанъ астрономическій отрывокъ Изидора Севильскаго, древнѣйшаго средневѣковаго учителя, и астрономическое сочиненіе Пеурбаха, представителя новой астрономіи[2]). Даже любимый сборникъ повѣстей, Gesta Romanorum, изданъ въ 1473 году. Совершенно естественно было то обстоятельство, что прежде всего новое могучее орудіе мысли послужило оружіемъ привычнымъ средневѣковымъ интересамъ, церковнымъ и античнымъ стремленіямъ, тѣмъ болѣе, что споры о богословіи занимали всѣ умы, и древность возбуждала живѣйшій интересъ. Повидимому, индульгенціи были первыми произведеніями майнцской типографіи, но мы видѣли, что изъ типографскихъ станковъ весьма скоро вышли и запрещенныя библіи на народныхъ нарѣчіяхъ. Размножить остатки древнихъ литературъ сдѣлалось одною изъ первыхъ заботъ типографовъ, но желаніе общества имѣть нѣчто свое выразилось въ раннихъ изданіяхъ великихъ писателей Италіи. Размноженіе университетовъ въ четверть вѣка, слѣдовавшее за началомъ типографіи, имѣетъ также характеръ возбужденной страсти къ древности: въ большинствѣ случаевъ прямо высказывалось, что именно занятіе древней литературой составляетъ цѣль открытія новой высшей школы.

Едва замѣтны за этимъ возрожденіемъ древней литературы и эрудиціи, за спорами аристотеликовъ, новыхъ платониковъ

[1]) Ed. Reuss. «D. Geschichte d. heiligen Schriften neuen Testaments» (1860). 452, 453.

[2]) Оба изданія есть въ библіотекѣ пулковской обсерваторіи.

авэрроистовъ, за полемикою богослововъ и юристовъ, за шумомъ оружія государствъ, спорящихъ о преобладаніи или о своей формѣ, научные труды и предпріятія этой четверти вѣка, между тѣмъ они заслуживаютъ вниманія, потому что въ нихъ подготовляется сила будущаго.

Замѣчательнымъ представителемъ мысли этой эпохи въ разномъ ея направленіи является сынъ бѣднаго лодочника на берегахъ Мозеля, Николай Кребсъ или Хрипсъ, извѣстный подъ именемъ Николая Кузскаго (1401—1464). Какъ членъ духовенства, онъ принадлежалъ къ тѣмъ многочисленнымъ, горячимъ требователямъ реформы въ средѣ католической церкви, которые на базельскомъ соборѣ измѣнили своему знамени и стали защитниками папскаго единовластія. Онъ получилъ за то санъ кардинала (1448), епископство Бриксенское (1450) и выказался самымъ рѣзкимъ борцомъ за привиллегіи духовенства противу свѣтскихъ владѣтелей. Какъ мыслитель, онъ былъ первымъ представителемъ школы, пытавшейся замѣнить христіанскимъ платонизмомъ тотъ аристотелизмъ, который господствовалъ повсюду въ Европѣ. Съ точки зрѣнія этого возрожденнаго неоплатонизма Николай Кузскій пытался внести въ мистическое созерцаніе схоластическую связность доказательствъ и оживить формулы схоластики мистическою поэзіею. Предшественникъ Джіордано Бруно и Кампанеллы, онъ извлекъ изъ христіанскихъ догматовъ пантеизмъ, который во всемъ находилъ проявленіе Бога; философію религіи, которая признавала всѣ религіи несовершенными, но заключающими въ себѣ зародышъ высшаго единства совершеннѣйшей религіи; достигнувъ ея, высшіе умы поймутъ, что всѣ вѣрованія—одно и то же. Наконецъ, какъ ученый, Николай Кузскій допускалъ движеніе земли около ея оси, безконечность міра и потому отсутствіе центральнаго положенія земли, какъ и какого-либо другого тѣла; онъ предложилъ (1436) реформу календаря за полтора вѣка до грегоріанскаго преобразованія, указалъ ошибки альфонсинскихъ таблицъ и окружалъ себя учеными, хотя увлеченіе воображенія побуждало его часто предпочитать ученому изслѣдованію полумистическое созерцаніе таинственныхъ свойствъ чиселъ и стремиться къ разрѣшенію неразрѣшимыхъ задачъ, въ родѣ квадратуры круга. Какъ въ эпоху Николая Кузскаго сталкивались разнообразные идеалы, въ разныхъ формахъ проявлялась оппозиція средневѣковому строю, даже не всегда сознательная, и поэтическія

красоты древняго міра господствовали надъ его научною традиціею, такъ и въ произведеніяхъ знаменитаго кардинала мы встрѣчаемъ смѣшеніе различныхъ идеаловъ, несознанную оппозицію тѣмъ самымъ началамъ, которыя онъ защищалъ въ жизни, наконецъ, предпочтеніе стройности и привлекательности при построеніи міросозерцанія критическому продумыванію его частей.

Въ пантеистическихъ стремленіяхъ Николая Кузскаго мы находимъ уже слѣды того религіознаго отношенія къ природѣ, которое составляло рѣзкое противорѣчіе съ прежнимъ христіанскимъ отвращеніемъ отъ природы, какъ отъ царства сатаны. Это религіозное отношеніе, жившее въ язычествѣ, таившееся въ запрещенномъ колдовствѣ и сатанинскомъ шабашѣ въ народѣ, теперь входитъ снова въ европейскую цивилизацію одновременно съ возрожденіемъ языческой литературы. Но оно имѣло и еще одну область, гдѣ именно въ эту эпоху достигло своего апогея. Выше было уже сказано, что съ Раймунда Луллія мистическій элементъ входитъ въ алхимію, но всего рѣзче онъ проявляется въ сочиненіяхъ таинственнаго алхимика второй половины XV в., Базиліуса Валентина, личность котораго осталась до сихъ поръ проблематична. Замѣчательный для своего времени изслѣдователь и аналистъ, онъ открылъ соляную кислоту, употреблялъ сюрмянистые составы, какъ лечебное свойство, понялъ лекарственное дѣйствіе ядовъ, улучшилъ качественный анализъ, и во многихъ отношеніяхъ служилъ переходомъ отъ эпохи чисто-алхимической къ эпохѣ медиковъ-химиковъ XVI вѣка. Но именно у него алхимія является, какъ задача человѣческой жизни, какъ религіозное дѣло, такъ что полученіе философскаго камня есть награда и прославленіе благочестія. У него встрѣчаемъ уподобленіе жизни и смерти человѣка уже не христіанскимъ первообразамъ, а химическому процессу, въ которомъ земныя страданія очищаютъ человѣка въ процессѣ броженія, въ могилѣ разрушаютъ нечистыя примѣси и душа отдѣляется въ міръ высшій процессомъ возгонки. Рядомъ съ Базиліусомъ Валентиномъ остальные химики той же эпохи не имѣютъ значенія.

Кардиналъ-епископъ Бриксена, о которомъ говорили выше, покровительствовалъ австрійцу Пеурбаху (или Байербаху); этотъ послѣдній со своимъ знаменитымъ ученикомъ, Іоганномъ Мюллеромъ изъ Кенигсберга (Regiomontanus), сдѣлался осно-

вателемъ новой астрономіи. Для этихъ двухъ нѣмцевъ древніе были уже не авторитетами, а основнымъ матеріаломъ науки, требующимъ критическаго разбора и исправленія. Основою же критики долженъ былъ быть тотъ самый методъ, который со времени Гиппарха до нашего времени былъ *единственнымъ* орудіемъ раціональной астрономіи: возможно точное наблюденіе, обобщенное математическимъ выводомъ. И вотъ Георгъ Пеурбахъ, впродолженіе своей недолгой 33-лѣтней жизни (1423—1461), и Мюллеръ, жившій немногимъ болѣе своего учителя (1436—1476), придумываютъ инструменты для наблюденія, наблюдаютъ, составляютъ таблицы тригонометрическія, астрономическія, устанавливаютъ тригонометрію, которой недостаетъ лишь логариѳмовъ, чтобы быть современною намъ тригонометріею; исправляютъ, комментируютъ Альмагестъ Птолемея; учатся по-гречески, чтобы точнѣе отнестись къ критикуемому автору; переводятъ Ѳеона, Менелая, Ѳеодосія, Апполонія, Герона и множество другихъ авторовъ, пишутъ о кометахъ; составляютъ эфемериды и даютъ типографіи первыя ученыя изданія новаго времени: въ 1472 году напечатана новая теорія планетъ Пеурбаха; въ 1476—календарь по эфемеридамъ Мюллера. Подъ вліяніемъ Мюллера, сдѣлавшаго Нюрнбергъ центромъ своей дѣятельности въ послѣдніе 10 лѣтъ своей жизни, тамъ образовалась не только школа новыхъ астрономовъ и математиковъ, не только ученыя типографіи, гдѣ чрезъ полвѣка Коперникъ нашелъ удобнѣйшимъ напечатать свое знаменитое произведеніе, но еще фабрики точныхъ ремеслъ: извѣстная фабрика компасовъ Эцлауба и Гартмана, фабрика Гэле, изъ которой чрезъ четверть вѣка вышли первые карманные часы со стальными колесами. Новая наука накопляла свои матеріалы и немедленно выказывала свою тѣсную связь съ техникою: ея успѣхи требовали механическихъ усовершенствованій и въ свою очередь вызывали ихъ.

Если Германія выставила на этомъ поприщѣ три замѣчательныя личности, то Италія со времени Леонардо Пизанскаго не теряла традиціи математическихъ и астрономическихъ трудовъ. Въ венеціанскомъ комментаріи 1477 года на поэму Данте находимъ первое упоминаніе о вѣроятностяхъ. Астрономъ Паоло даль Пацца Тосканелли († 1482) устроилъ въ флорентійскомъ соборѣ самый большой изъ извѣстныхъ гномоновъ (1468), указалъ на путь чрезъ Атлантическій океанъ для достиженія береговъ Азіи, и располагалъ свою морскую карту по прямоугольной

сѣти. Альбертъ Фіоравенти (извѣстный впослѣдствіи въ Москвѣ Аристотель) перенесъ съ Гаспардомъ Надп въ 1455 башню Maggione въ Болоньи на разстояніе 35 футовъ, хотя она имѣла, какъ пишутъ, до 85 футовъ высоты. Въ то время, когда Мюллеръ стоялъ во главѣ европейскихъ астрономовъ, Италія представляла нѣсколько достойныхъ его корреспондентовъ, и одинъ изъ нихъ, Доменико-Марія Новара (1464—1514), имѣлъ честь быть учителемъ Коперника. Эти многочисленные труды не имѣли еще никакого рѣшительнаго вліянія на общественную мысль, но подготовляли будущее.

Но ближайшее будущее науки заключалось въ распространеніи географическихъ знаній, и на этомъ пути подготовленія шли еще быстрѣе. Со времени посольствъ отъ папъ къ монголамъ въ XIII вѣкѣ, традиція путешественниковъ въ дальнюю Азію не прекращалась и въ тотъ періодъ, о которомъ мы теперь говоримъ, Барбаро и Конти продолжали дѣло Плано Карпини и Марко Поло. Между тѣмъ въ Португаліи принцъ Генрихъ употреблялъ всѣ свои скромные доходы гросмейстера ордена Христа на расширеніе знаній о южныхъ прибрежьяхъ Атлантическаго океана. Послѣ двадцатилѣтнихъ ежегодныхъ попытокъ, въ 1434 году обойденъ мысъ Баядоръ. Собраны были свѣдѣнія о степныхъ путяхъ въ Тимбукту. Въ 1445 году знали о Сенегалѣ и о томъ, что въ жаркомъ поясѣ есть населеніе. Къ 1460 году, когда умеръ Генрихъ, уже острова Зеленаго мыса были пройдены и Фра Мауро въ Венеціи уже нанесъ на свою карту (донынѣ существующую) какъ открытія португальцевъ въ Атлантическомъ океанѣ, такъ и абессинскія карты для восточной Африки. И тутъ, конечно, личность Генриха имѣла преобладающее значеніе, но уже недалеко было время, когда общественный порывъ долженъ былъ перегнать стремленія личностей въ открытіи дальнихъ странъ.

4. Новый свѣтъ (1477—1509).

Если появленіе книгопечатанія и его распространеніе было самою важною чертою разсмотрѣнной эпохи, чертою, предъ которой отступаетъ на задній планъ и господство турокъ въ Византіи, и борьба французскаго короля съ послѣднимъ великимъ феодаломъ, и кровавая рѣзня Ланкастеровъ и Іорковъ, то слѣдующая за тѣмъ эпоха по справедливости характеризуется открытіемъ новаго свѣта.

Какъ нарочно рядомъ съ этимъ могущественнымъ побужденіемъ къ новой мысли, къ новымъ предпріятіямъ, къ самостоятельной дѣятельности, средневѣковыя силы выдвигаютъ самыя отвратительныя явленія. Папскій престолъ занимали сряду трое образцовыхъ папъ: Сикстъ IV (1471—1484), Иннокентій VIII (1484—1492), Александръ VI (1492—1503). Съ наглою рѣшимостью началъ строитель знаменитой синкстинской капеллы 90-лѣтній періодъ политики завоеваній для родственниковъ папъ; наслѣдникъ апостоловъ былъ въ числѣ заговорщиковъ, чтобы зарѣзать братьевъ Медичи по знаку, поданному священнѣйшимъ обрядомъ христіанскаго богослуженія; отлученіе отъ церкви было наказаніемъ за то, что Венеція не хотѣла отдать племяннику (а можетъ быть, сыну) первосвященника завоеванныхъ земель. Празднество незапятнаннаго зачатія было рекомендовано (1477) человѣкомъ, котораго обвиняли въ самомъ противоестественномъ развратѣ. Личности, подобныя Людовику XI и Фридриху III, имѣли право укорять папу за его хищничество и презрѣніе ко всѣмъ правамъ. Наконецъ ему обязана Испанія возрожденіемъ инквизиціи, сдѣлавшейся въ рукахъ Фердинанда Аррагонскаго (1479—1516) и Изабеллы Кастильской (1474—1504) королевскимъ духовнымъ судомъ, орудіемъ подавленія всѣхъ политическихъ враговъ и средствомъ грабежа подданныхъ

Несправедливость и жестокость первыхъ государственныхъ инквизиторовъ (1480) Морильо и Санъ-Мартино вызвали жалобы кортесовъ и даже неудовольствіе Сикста. Но это было ничто съ послѣдовавшимъ за тѣмъ инквизиторствомъ Торквемады (1483—1498), при которомъ въ 15 лѣтъ сожгли 8,300 человѣкъ живыми, 6,500 въ изображеніи и различнымъ образомъ наказали 90,000 человѣкъ. Въ то же время въ самый годъ паденія Гренады и открытія Антильскихъ острововъ, выселялись изъ Испаніи всѣ евреи, нежелавшіе принять христіанство. Не менѣе дѣятеленъ былъ наслѣдникъ Торквемады, Діего Деца (1498—1506), при которомъ сожжено 1,664 человѣка живыми, 832 въ изображеніи и наказано различнымъ образомъ 32,456 человѣкъ.

Въ другихъ странахъ инквизиторы не были орудіями и помощниками свѣтскаго деспотизма, и ихъ юридикція была очень ограничена папою Николаемъ I (1451), но они нашли возможность въ эту эпоху играть роль не менѣе эффектную, какъ и ихъ испанскіе товарищи, благодаря одному подсудному имъ пункту, колдовству и союзу съ дьяволомъ. Вслѣдъ за сожженіемъ Жанны д'Аркъ (1431), еще одна дѣвушка была сожжена близъ Парижа какъ колдунья. Въ 1436 психическая эпидемія демономаніи вспыхиваетъ въ Ваатландѣ, и сотни людей гибнутъ на кострѣ. Въ 1459 г. подобная же эпидемія вызываетъ казни въ Артуа; наконецъ, демономанія дѣлается постоянною психическою болѣзнію въ Европѣ на два вѣка, начиная съ 1484 г., когда германскіе инквизиторы своими увѣщаніями вызываютъ ее въ обществѣ и папа Иннокентій VIII своею буллою въ упомянутомъ году призываетъ инквизиторовъ къ дѣятельности. Этотъ папа, обозначившій такимъ образомъ свое вступленіе на престолъ, оставилъ 16 человѣкъ дѣтей, бралъ съ христіанъ деньги на войну съ турками и съ султана деньги и подарки за содержаніе его брата въ заключеніи, продавалъ кардинальское званіе 13-лѣтнимъ мальчикамъ, былъ достойнымъ преемникомъ Сикста IV и предшественникомъ Александра Борджія. При немъ написанъ въ 1487 и напечатанъ въ 1489 г. нѣмецкимъ инквизиторомъ Шпренгеромъ знаменитый «Молотъ Колдуній» (Malleus maleficarum), который столько же свидѣтельствуетъ о полной искренности этихъ судей-палачей, какъ и о возмутительномъ отрицаніи всякаго понятія о судебномъ безпристрастіи и юридическихъ правахъ, когда дѣло шло о разбирательствѣ вопроса,

касающагося религіи. Доносы слѣдовали за доносами, пытки за пытками; эпидемія демономаніи разливалась все далѣе и далѣе, не щадя ни пола, ни возраста, ни состоянія и зажигая костры для несчастныхъ галлюцинатовъ то тамъ, то здѣсь. При свѣтѣ этихъ костровъ все, что оставалось здоровымъ отъ эпидеміи, проникалось все болѣе отвращеніемъ къ средневѣковому строю общества, который логически приводилъ къ подобнымъ извращеніямъ истины и справедливости.

Эта же эпоха, въ виду быстраго распространенія путемъ книгопечатанія сочиненій, враждебныхъ церкви, вызвала первое проявленіе цензуры. Примѣръ подалъ архіепископъ-курфюрстъ Майнцскій (1486), и примѣръ его скоро нашелъ послѣдователей. Цензура церкви окончательно установлена папою Александромъ VI въ 1501 г.

При этихъ обстоятельствахъ оппозиція католицизму уменьшиться не могла. Во имя средневѣкового аскетическаго идеала выступилъ Савонаролла, связывая этотъ идеалъ съ республиканскими стремленіями городовъ Италіи. Но эти стремленія начинали болѣе и болѣе обращаться въ отвлеченности. Богатые *принчипе* итальянскихъ городовъ стремились быть государями, а граждане республикъ обращались въ подданныхъ. Блескомъ литературы и эрудиціи при ихъ дворахъ искали государи Италіи прикрыть свой захватъ власти, и безчисленные хвалители, въ стихахъ и въ прозѣ, на итальянскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ превозносили Медичи, Эсте, Сфорца, Фердинанда Неаполитанскаго или даже Борджію. Потокомъ лились сонеты и поэмы изъ цикла Карла Великаго, но лишь Луиджи Пульчи (1432—1487) и Боярдо († 1494) были достойными предшественниками Аріосто. Сатира обращалась въ мелкую насмѣшливость надъ пустяками; подражатели Боккачіо старались превзойти одинъ другого наготою чувственныхъ картинъ. Сотни литературныхъ академій съ самыми странными названіями соперничали изъ-за мѣстныхъ знаменитостей и изъ-за тонкостей оборота рѣчи. Дворъ Лоренцо Медичи (1472—1492), поэта, банкира и повелителя Флоренціи, былъ главнымъ центромъ итальянской литературы и искусства. Во Флоренціи началось возрожденіе архитектуры, и при Лоренцо еще были свѣжи преданія Брунелѣско († 1444) и Альберти († 1472); рѣзецъ Бенедетто до-Мояно († 1498) и кисть Гирляндайо († 1495) украшали столицу Медичи превосходными произведеніями; въ ней

развивался геній Буанаротти (р. 1474). Во Флоренціи при Лоренцо писали Пульчи. Тамъ отправлялись празднества въ честь Платона. Тамъ учитель Лоренцо, неоплатонникъ новаго времени, Марсилій Фензинъ († 1499) сравнивалъ Сократа со Христомъ, помѣщалъ Пиѳагора, Сократа и Платона между святыми, давалъ превосходный для того времени переводъ Платона (1483—84), Плотина (1492), и другихъ произведеній древности. Тамъ ученый грекъ Халькондиласъ († 1511) издавалъ по-гречески Гомера (1488), и это изданіе было образцомъ современнаго типографскаго искусства, тѣмъ болѣе, что лишь за 12 лѣтъ предъ тѣмъ появились въ Европѣ (именно въ Миланѣ) первыя греческія изданія. Соперникомъ Халькондиласа былъ во Флоренціи Анджело Полиціано († 1494), одинъ изъ самыхъ разнообразныхъ талантовъ, можетъ быть, слишкомъ расхваленныхъ современниками и потомствомъ: его итальянскіе стихи считались образцовыми по своей отдѣлкѣ; его «Орфей» (1472), написанный въ два дня, былъ первою итальянскою драмою; его переводы съ греческаго считались лучшими; его латинскую рѣчь находили не уступающею древнимъ; его латинскія толкованія греческихъ писателей превосходили по богатству содержанія и по блеску изложенія толкованія ученыхъ грековъ. Нельзя забыть между личностями, окружавшими Лоренцо и Джіованни Пико да-Мирандола († 1494), каббалиста, предложившаго на 24-мъ году жизни ученымъ Европы споръ по 900 тезисовъ изъ всѣхъ областей знанія (de omni re scibili). Лоренцо великолѣпный не щадилъ денегъ для рукописей, ученыхъ и литераторовъ, но это дорого стоило республикѣ и, въ 1420 г. личное имущество Медичи было спасено лишь на счетъ банкротства республики, т.-е. разоренія множества частныхъ людей.

Если Флоренція была главнымъ центромъ дѣятельности возрожденія, то тѣмъ не менѣе эта дѣятельность кипѣла и въ другихъ мѣстностяхъ Италіи, переходя и за Альпы. Въ сикстинской капеллѣ работали художники изо всей Италіи. Умбрійская школа выдвигала уже Перуджино (р. 1441, † 1524). Въ Римѣ, около Помпоніо Лэта († 1494) группировалась школа ученыхъ антикваріевъ. Въ Падуѣ, въ то самое время, когда Помпонацій всходитъ на каѳедру (1495), чтобы начинать свою долгую борьбу съ Ахиллини во имя матеріализма, прикрываемаго именемъ Аристотеля и Александра Афродизскаго, въ той же Падуѣ Леоникусъ Томеусъ (1497) начинаетъ чисто гуманистическое толко-

ваніе Аристотеля по-гречески. Тамъ же преподавалъ знаменитый Эрмолао Барбаро († 1493). Съ 1494 г. въ Венеціи работаютъ станки Альда Мануція; съ 1496 г. начинается его изданіе Аристотеля; въ 1501 г. появляется первое альдинское изданіе in 8°. Съ 1501 же года начинаютъ появляться изданія Этьена во Франціи. Между тѣмъ Цельтесъ († 1508) былъ увѣнчанъ въ Германіи за свои латинскія стихотворенія и основалъ первое нѣмецкое общество гуманистовъ; Рудольфъ Гуйсманъ Агрикола († 1485) былъ уже замѣтнымъ дѣятелемъ гуманизма на берегахъ Рейна; Рейхлинъ удивлялъ римлянъ своимъ знаніемъ латинскаго языка (1482), удивлялъ грека Аргиропуло своимъ знаніемъ греческаго (1498) и становился однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ гебраистовъ Европы.

Несмотря на весь блескъ, который имѣли эти знанія гуманистовъ, несмотря на красоту рѣчи, навѣянную Фициномъ, Полиціаномъ, Помпонаціемъ, древними образцами, несмотря на прелесть художественныхъ произведеній скульпторовъ и живописцевъ, нетрудно было замѣтить, что всѣ эти пріобрѣтенія не имѣли никакого приложенія къ жизненнымъ вопросамъ времени, и что обширная эрудиція, прекрасный слогъ гуманистовъ служили украшеніемъ дворовъ и университетовъ, но не давали содержанія, способнаго войти въ жизнь общества. Гуманизмъ и искусство существовали сами по себѣ, а вопросы жизни шли сами по себѣ. Рѣчи Цицерона были хороши, но римскаго сената и римскихъ легіоновъ не существовало. Въ альдинской академіи могли говорить не иначе, какъ по-гречески, но общество требовало литературы на народномъ языкѣ. Въ честь Платона могли совершаться празднества, но неоплатонизмъ Фицина былъ еще болѣе искусственнымъ цвѣткомъ, чѣмъ неоплатонизмъ Плотина и Порфирія. Гуманистическое движеніе могло имѣть важное историческое значеніе лишь какъ средство усиленія свѣтской учености, независимой отъ церкви, и какъ воспитательное орудіе литературы для пріученія къ изящнѣйшей формѣ рѣчи. Внѣ этого значенія, оно имѣло лишь смыслъ собранія матеріала для далекаго будущаго: гуманисты подготовляли пониманіе историческаго процесса жизни человѣчества, но еще самые элементы этого пониманія не развились тогда въ умахъ, такъ какъ и наше время только приступило къ этой великой задачѣ.

Гораздо болѣе значительныя и невѣроятныя новости волно-

вали мыслящихъ людей Европы. Съ Пиринейскаго полуострова шли вѣсти о великихъ открытіяхъ. Съ самаго вступленія на португальскій престолъ Іоао II (1481), оживилось снова въ этой странѣ стремленіе къ морскимъ открытіямъ, ослабѣвшее послѣ смерти Генриха (1460). Устроена была въ Лиссабонѣ астрономическая юнта, и въ 1486 г. Діасъ дошелъ до южной оконечности Африки. Но давно уже работала мысль смѣлыхъ предпринимателей надъ путемъ чрезъ Атлантическій океанъ въ богатыя страны, описанныя Марко Поло. Еще въ 1474 г. Тосканелли въ письмѣ, вызванномъ португальскимъ правительствомъ, указалъ, что путь чрезъ океанъ короче пути около африканскаго материка. Въ 1486 г. составилось даже въ Португаліи общество для отысканія на западѣ острова Антигліи, обѣщаннаго Тосканелли, или какого-либо материка. Подъ вліяніемъ этихъ извѣстій и стремленій оставили берега Испаніи 3-го августа 1492 три маленькія судна, съ которыми Христобалъ Колонъ (Христоферъ Колумбъ) предпринялъ свое знаменитое странствіе. Во время перваго же переѣзда невольно бросились въ глаза указанія новыхъ научныхъ истинъ: на одной и той же широтѣ измѣнялась температура; магнитная стрѣлка давала отклоненія, и притомъ въ различныя стороны; среди океана оказались массы плавающихъ травъ; воды океана стремились къ западу, какъ увлекаемыя (по мнѣнію Колумба) теченіемъ звѣзднаго неба, и въ самомъ океанѣ текли какъ бы широкія рѣки въ водяныхъ берегахъ; задачи физики земли въ ихъ разнообразіи вставали неотразимо предъ первымъ смѣлымъ мореплавателемъ. Онъ 11-го октября увидѣлъ землю и въ 1493 г. Европа узнала о новомъ мірѣ. Колумбъ былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ недалеко отъ богатыхъ странъ, описанныхъ Марко Поло, и пріурочивалъ названія Клавдія Птолемея къ своимъ открытіямъ, но, къ своему удивленію, онъ былъ окруженъ бѣднымъ, дикимъ населеніемъ, неушедшимъ далѣе самыхъ первыхъ началъ культуры. Впрочемъ, путешественники искали золота и драгоцѣнныхъ камней, и съ жадностью шли впередъ по темной вѣсти о дальнихъ драгоцѣнностяхъ. Въ 1493 г. предполагаемый меридіанъ безъ магнитнаго отклоненія, по волѣ папы, сталъ границею владѣнія двухъ государей Пиринейскаго полуострова, и блуждая въ этихъ обширныхъ моряхъ, еще болѣе почувствовали нужду науки. Колумбъ признавалъ за единственный безошибочный методъ вычисленія курса судовъ—методъ астроно-

мовъ. Эфемериды Мюллера (Регіомонтануса) цѣнились на вѣсъ золота. Антикварій Помпоній Лэтъ плакалъ отъ радости при полученіи извѣстій о великихъ открытіяхъ. «Каждый день», по словамъ Петра Ангіеры, «приносилъ новыя чудеса изъ новаго міра», и изнѣженные папы (Левъ X) зачитывались въ кругу своихъ, до поздней ночи, увлеченные «Океаникою» Ангіеры. Геніальный умъ Леонардо-да-Винчи находилъ уже раціональное объясненіе морскихъ теченій. Между тѣмъ жадность къ пріобрѣтеніямъ окрыляла предпріимчивость. 8-го іюля 1497 года отправился Васко-де-Гамо въ свою поѣздку около Африки; 22-го ноября уже обогнулъ Мысъ Доброй Надежды, и 20-го мая 1498 бросилъ якорь предъ Калькутомъ. Еще ранѣе, въ маѣ 1407 г., отправились Джіованни Габотто (Джонъ Каботъ) и сынъ его Себастьянъ изъ Бристоля чрезъ океанъ отыскивать, берега Ципангу (Японіи), 24-го іюня видѣли уже материкъ, но все-таки нашли слѣды лишь самой бѣдной культуры. Затѣмъ путешествія чрезъ океанъ сдѣлались уже обычными. Жажда обогащенія влекла толпы конквистадаровъ далѣе и далѣе. Въ 1498 г. Колумбъ, въ 1499 эскадра, на которой былъ Америго Веспуччи, въ 1500 Кабраль были у береговъ Южной Америки. 25-го сентября 1513 г. увидѣлъ Бальбоа Восточный океанъ Тѣмъ не менѣе Колумбъ умеръ (1506) въ убѣжденіи, что онъ видѣлъ острова, лежащіе у береговъ Азіи, и золотой Херсонесъ Птолемея (Малакку). Но въ началѣ XVI вѣка весь читающій міръ Европы, давно волнуемый извѣстіями объ открытіяхъ въ Атлантическомъ океанѣ, бросился читать собраніе четырехъ путешествій, приписанное Америго Веспуччи, которое особенно распространилось въ страсбургскомъ изданіи 1509 г. Космографіи Пелакомилуса (Вальдмюллера). Тамъ предложено было признать новый міръ особою частью свѣта подъ названіемъ Америки, и имя счастливаго флорентійскаго кормчаго вошло навсегда въ рядъ самыхъ элементарныхъ человѣческихъ свѣдѣній.

Было уже сказано выше, какъ очевидно было требованіе точной науки вслѣдствіе новыхъ открытій. Астрономическую традицію Мюллера-Регіомонтануса хранилъ въ Нюрембергѣ его товарищъ и ученикъ Бернардъ Вальтеръ († 1504), оставившій рядъ весьма тщательныхъ наблюденій и впервые изъ новыхъ писателей обратившій вниманіе на дѣйствія астрономической рефракціи. Въ то же время Лука Пачіоли († въ октябрѣ 1509)

въ Италіи резюмировалъ въ своей обширной математической энциклопедіи (1494) всю математическую традицію Леонардо Пизанскаго, вносилъ пріемы алгебры въ геометрію и подготовлялъ математическіе труды Кардана и Тартаглія.

Пачіоли былъ флорентинецъ, но его имя мы не встрѣчаемъ въ ряду лицъ, покровительствованныхъ Лоренцо. Между ними нѣтъ и имени другого флорентинца, одного изъ геніальнѣйшихъ и многостороннѣйшихъ умовъ Италіи, Леонардо-да-Винчи († 1519). Видя на этихъ примѣрахъ, какъ слѣпы были такъ-называемые покровители наукъ и искусствъ къ настоящему величію націи, невольно припоминаешь слова Либри: «Истинные благодѣтели Италіи, возвратившіе ей ея прежній блескъ, были не тѣ, которые ее притѣсняли, и полезно повторить, что никогда тираны не составляли славу націи». Леонардо да-Винчи не входитъ и въ галлерею ученыхъ, представляемую Фигье[1]), тогда какъ разнообразная его дѣятельность и оригинальность мысли могли бы его сдѣлать предметомъ интереснѣйшаго біографическаго этюда. Но его можно назвать исторически-несчастнымъ человѣкомъ. Онъ былъ замѣчательный архитекторъ и инженеръ, но о его архитектурной дѣятельности нельзя было упомянуть даже Любке въ своемъ учебникѣ исторіи искусствъ. Его скульптурныя произведенія удивляли современниковъ, но они погибли безслѣдно. Какъ живописецъ, онъ стоитъ наравнѣ съ Буонароти и Рафаэлемъ, но его лучшія произведенія или совсѣмъ погибли, или испорчены насколько возможно, и немногія, оставшіяся произведенія даютъ слабое понятіе о геніи живописца. Между тѣмъ, именно Леонардо наиболѣе извѣстенъ какъ живописецъ. О его импровизаторскомъ и музыкальномъ талантѣ, доставившемъ ему вниманіе Сфорцы въ Миланѣ, мы знаемъ лишь по словамъ современниковъ. Тѣмъ не менѣе, художественная дѣятельность, охватившая всѣ сферы искусства, была лишь небольшимъ случайнымъ эпизодомъ въ жизни великаго итальянца. Въ наше время, онъ удивляетъ какъ ученый, какъ предшествен-

[1]) Въ своемъ предисловіи Фигье посвятилъ ему менѣе страницы. Какъ небрежно составлялъ Фигье свое сочиненіе, видно изъ того, что онъ на страницѣ 45-й говоритъ, что рисунки анатоміи Везалія приписывались Леонардо да-Винчи. Но послѣдній умеръ, когда Везалію былъ пятый годъ, слѣдовательно, самое предположеніе нелѣпо, да едва ли кѣмъ-либо и было высказано. На стр. 291-й тотъ же Фигье совершенно вѣрно говоритъ, что эти рисунки приписывались Тиціану.

никъ Бэкона и Галилея. Но въ этомъ отношеніи Леонардо не оставилъ ни одного произведенія: онъ не воспользовался великимъ оружіемъ книгопечатанія, которымъ такъ быстро злоупотребляли его современники. Онъ разбросалъ свою мысль въ сочиненіяхъ, отъ которыхъ до насъ дошли только оглавленія въ записныхъ книгахъ, донынѣ неизданныхъ вполнѣ и растерянныхъ небрежными хранителями; наконецъ, въ словѣ, которое перешло въ сочиненія учениковъ и современниковъ. Пачіоли, Ломаццо, Вазари сохранили обрывки этой мысли; наше время начало собирать ихъ; но кромѣ неоконченнаго труда Вентури (1797) и небольшого очерка Либри [1]), насколько намъ извѣстно, еще не существуетъ надлежащей монографіи объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ предшественниковъ новаго времени. Онъ стоитъ въ ряду свѣтлыхъ умовъ, указывавшихъ, при изученіи природы, не на авторитетъ, а на наблюденіе, переходящее въ опытъ, который долженъ служить къ отысканію причины, установленію правила, и послѣднее должно быть провѣрено вычисленіемъ. Леонардо приписываютъ и основаніе въ Миланѣ перваго ученаго общества. Но онъ не только ставилъ задачу науки; онъ самъ выполнялъ ее: онъ составлялъ планъ опытовъ, которые слѣдуетъ произвести, списокъ фактовъ, которые надо установить, сомнѣній, которыя приходится разрѣшать. Подготовивъ такимъ образомъ данныя, Леонардо старался придать разсужденію строго доказательный силлогическій характеръ. Ему приписывалъ Либри, на основаніи его рукописей, употребленіе буквъ въ алгебрѣ и нѣкоторыхъ употребительнѣйшихъ алгебраическихъ знаковъ. Онъ написалъ геометрическій трактатъ и вліялъ на сочиненія Пачіоли. Онъ много занимался теоретической и практической механикой, призналъ въ дѣйствіи тяжести постоянную ускорительную силу, изслѣдовалъ центры тяжести тѣлъ (первый послѣ Архимеда), теорію наклонной плоскости, теорію удара тѣлъ, ввелъ въ вычисленія треніе, устроилъ динамометръ, наблюдалъ сопротивленіе, сжатіе и вѣсъ воздуха и основалъ на этомъ теорію образованія тучъ. Леонардо изучалъ движеніе животныхъ и полетъ птицъ, съ цѣлью дать возможность людямъ летать. Онъ утверждалъ, что земля вращается около оси, изучалъ свѣтъ луны, сверканіе звѣздъ,

[1]) Libri: «Hist. d. sciences mathematiques en Italie», III (1840). Изъ него преимущественно взято послѣдующее.

явленіе прилива и отлива, теорію морскихъ теченій, теорію волнъ, явленія грозъ, магнитное притяженіе, теорію зрѣнія; замѣтилъ волосныя явленія и диффракцію свѣта; Леонардо тщательно наблюдалъ ископаемыя растенія и ископаемыхъ животныхъ; изложилъ теорію поднятія горъ и материковъ и дѣйствіе воды при образованіи долинъ, валуновъ, при отложеніи пластовъ земной поверхности; раздѣлилъ животныхъ на два класса по внутреннему или внѣшнему положенію скелета (позвоночныя и безпозвоночныя); занимался физіологіею растеній. Всѣ эти теоретическія изслѣдованія имѣли всегда въ глазахъ Леонардо практическое значеніе. Онъ прилагалъ ихъ къ многочисленнымъ работамъ и изобрѣтеніямъ. Гидравлика вообще, канализація, осушеніе болотъ, инженерное искусство, приборы для черченія, физическіе приборы (между прочимъ, камеръ-обскура), машины по самымъ разнообразнымъ ремесламъ и работамъ, лампы, высушиваніе растеній и множество другихъ техническихъ примѣненій привлекали на себя вниманіе этого могучаго ума, и не мимоходомъ, а при полномъ сознаніи теоретическихъ и практическихъ затрудненій. Многое изъ идей Леонардо могло найти отголосокъ между современниками, осуществиться на практикѣ, или перейти, по преданію, къ болѣе счастливымъ потомкамъ, которые обнародовали мысль, дошедшую до нихъ. Избытокъ изобрѣтательности и творческой силы часто мѣшаетъ людямъ округлить, систематизировать свои труды и заняться ихъ обнародованіемъ. Повидимому, Леонардо принадлежалъ къ этой категоріи людей и, очевидно, что онъ самъ виноватъ въ значительной степени тому, что его ученые труды чрезъ нѣсколько поколѣній стали неизвѣстны: когда типографіи давали средство закрѣпить мысль, онъ не воспользовался этимъ средствомъ. Поэтому, размѣры его ученаго вліянія были далеко менѣе того, чѣмъ они могли бы быть, и Леонардо представляетъ намъ высшую точку научной мысли въ началѣ XVI вѣка, но его историческое значеніе въ наукѣ остается неразъясненнымъ, да едва ли и можетъ быть когда-либо разъяснено.

Мы остановились нѣсколько долѣе на замѣчательной личности Леонардо потому именно, что и въ наиболѣе сподручныхъ европейскихъ сочиненіяхъ онъ недостаточно оцѣненъ, тѣмъ болѣе русскій читатель не имѣетъ возможности оцѣнить въ немъ и самаго многосторонняго дѣятеля, и представителя мысли XVI вѣка.

Но эпоха, нами разсматриваемая, имѣла значеніе для науки и въ другомъ отношеніи. Ее можно назвать возрожденіемъ медицины. Въ концѣ вѣка проявились съ большою силою двѣ болѣзни: по Европѣ разлился сифилисъ (преимущественно 1495, но проявлялся и ранѣе) и въ Англіи начала дѣйствовать (1486) убійственная потовая горячка. И здѣсь Галенъ и Гиппократъ, точно также, какъ арабскіе авторитеты, были безсильны, потому что не знали этихъ болѣзней; приходилось наблюдать, изслѣдовать, лечить самому. Съ 1496 г. начинается (прежде всего въ Германіи) обширная литература о сифилисѣ. Личное наблюденіе дѣлается у многихъ врачей главнымъ руководителемъ. Во главѣ медицинскаго движенія становится болонская школа, въ особенности же Беренгаръ ди-Карпи (профессоръ съ 1502 г.), который разсѣкалъ сотни труповъ (по преданію даже двухъ живыхъ испанцевъ), впервые демонстрировалъ на самомъ трупѣ и впервые иллюстрировалъ свои сочиненія анатомическими рисунками. Его анатомическія открытія подготовляли замѣчательную школу анатомовъ XVI вѣка. Анатомическія занятія встрѣчали тѣмъ болѣе сочувствія въ Италіи, что первостепенные художники (между прочимъ, Леонардо да-Винчи и Микель-Анджело Буонаротти) считали эти занятія необходимыми для искусства.

Развитіе эпидемій, о которыхъ мы говорили, связываетъ внутреннюю, *настоящую* исторію Европы въ эту эпоху съ тѣми внѣшними ея пестрыми проявленіями, которыя слишкомъ долго закрывали отъ глазъ историковъ дѣйствительныя пріобрѣтенія человѣчества. Развитіе сифилиса связано съ походомъ французовъ въ Италію, какъ появленіе потовой горячки связано съ послѣдними фазисами войны алой и бѣлой розы. Если съ точки зрѣнія развитія сознательности и мысли въ европейскомъ человѣчествѣ посмотрѣть на то, что составляетъ *политическую* исторію разсматриваемой эпохи, эта исторія представится намъ событіями самаго низшаго разряда, весьма мало отличающими человѣка отъ другихъ родовъ животныхъ. Хищничество и животное стремленіе къ наслажденіямъ—вотъ формула политики эпохи. Послѣдніе годы Людовика XI († 1483 г.) заняты попытками присвоить себѣ сколько можно болѣе изъ бургундскаго наслѣдства. Послѣдній представитель дома Іорка, Ричардъ III (1483—1485), есть одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ образцовъ самаго беззастѣнчиваго употребленія всѣхъ средствъ для достиженія

власти, которыя невольно придаютъ животной сторонѣ человѣка грандіозные размѣры. Его наслѣдникъ и побѣдитель, примиритель Англіи и основатель династіи Тюдоровъ, Генрихъ VII (1485—1509), по жаждѣ къ деньгамъ, по склонности торговаться обо всемъ и со всѣми, былъ достойный представитель эпохи. На престолѣ намѣстниковъ верховныхъ апостоловъ, послѣ упомянутыхъ выше Сикста IV и Иннокентія VIII, садится Александръ VI (1492—1503), который, со своими дѣтьми, Цезаремъ и Лукреціей, сдѣлался типомъ животнаго проявленія въ человѣчествѣ, даже для личностей, мало знакомыхъ съ исторіею: брать, что̀ можно, и наслаждаться, какъ только можно, не обращая вниманія рѣшительно ни на что—это было девизомъ политическихъ властей вѣка, а Борджіи отличились лишь тѣмъ, что выполнили этотъ девизъ съ самою наглою откровенностью и послѣдовательностью. Въ сущности, онъ былъ всюду девизомъ представителей власти, которую стѣсняла иногда лишь боязнь послѣдствій. Медичи во Флоренціи, Людовикъ Моръ въ Миланѣ, Альфонсъ въ Неаполѣ (1494—1495) слѣдовали ему такъ же, какъ Фердинандъ и Изабелла въ Испаніи, Карлъ VIII (1483—1498) и Людовикъ XII (1498—1515) во Франціи, Генрихъ VII въ Англіи, или наслѣдникъ Александра, воинственный Ровере, Юлій II (1503—1513), возвеличенный геніемъ Буонаротти и Рафаэля. Только удача была различна. Со смертью Лоренцо (1492) закатилась звѣзда Медичи, и въ 1492 они пошли въ изгнаніе. Наслѣдникъ Арнольда Брешіанскаго, Савонаролла, сталъ призывать Флоренцію къ христіанскому покаянію и къ гражданской свободѣ, мечтая возстановить невозможный уже идеалъ католическаго республиканскаго правленія въ Италіи. Онъ погибъ на кострѣ (1498 г.) въ то самое время, когда парижскій университетъ принималъ догматы незапятнаннаго рожденія (1497), а папа справлялъ свои оргіи. Альфонсъ Неаполитанскій имѣлъ только годъ времени на то, чтобъ ужаснуть народъ жестокостью и распутствомъ. Людовикъ Моръ (1479—1500) умѣлъ, при пособіи образцоваго политическаго двоедушія, прослыть даже тонкимъ государственнымъ человѣкомъ, хотя ему пришлось умереть во французской тюрьмѣ, какъ Александру VI отъ яда, приготовленнаго имъ для другихъ. Блестящій Карлъ VIII бросился на Италію съ тою наивною хищностью, съ какою термиты одной кучи бросаются грабить термитовъ другой. Если его походъ (1493—1498) повлекъ за собою

паденіе Медичи во Флоренціи, паденіе Альфонса Неаполитанскаго, то его порывчатое хищничество встрѣтилось при этомъ съ болѣе разсчитаннымъ хищничествомъ государей Испаніи. Этимъ знаменитымъ Фердинанду и Изабеллѣ удалось очень многое, и недаромъ ихъ имя прогремѣло въ исторіи Европы. Имъ удалось окончить осьмивѣковую задачу христіанской Испаніи, разрушить слѣды мохамеданскаго владычества на Пиринейскомъ полуостровѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ низвести Испанію съ ея высокаго мѣста центра человѣческой цивилизаціи (въ X—XII вѣкахъ) на одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду цивилизованныхъ народовъ Европы. Имъ удалось подломить государственное устройство испанскихъ кортесовъ и изъ страны, гдѣ въ средніе вѣка развилось довольно значительное чувство политической самостоятельности чиновъ, сдѣлать, при пособіи инквизиціи, самую деспотическую и ничтожную въ политическомъ значеніи страну Европы. Имъ удалось обратить величайшее пріобрѣтеніе новаго времени, открытіе Америки, въ образецъ самаго безчеловѣчнаго истребленія беззащитной расы одного материка толпою разбойниковъ изъ другого, называвшихъ себя христіанами. Даже попытка пощады краснокожихъ обратилась въ рукахъ этихъ католическихъ королей и добродушнаго Ласказаса въ проклятіе человѣчеству: она повела къ началу торговли неграми (1505), которая дошла до нашего времени какъ одна изъ самыхъ ядовитыхъ ранъ минувшаго, отравила лучшій государственный строй въ современномъ человѣчествѣ, отравила даже науку въ ея спокойныхъ изслѣдованіяхъ. Но недовольные всѣми этими историческими заслугами, великіе основатели испанскаго единства попытались въ вѣроломствѣ политики поспорить съ Людовикомъ XI и съ Борджіями для пріобрѣтенія Неаполя; имъ и это удалось; французы завоевали для нихъ страну, которую знаменитому рыцарю Гонзальву Кордуанскому осталось лишь взять. Даже отецъ народа, добрый Людовикъ XII (которому приписывали, между прочимъ, убійство его предшественника, Карла [1]), точно какъ какому-нибудь Борджіи), и тотъ увлекся желаніемъ немножко пограбить въ Италіи (1499—1504). Но здѣсь вмѣсто Александра VI онъ встрѣтилъ папу Юлія II, который, по искусству хищничать, не

[1]) По рукописной замѣткѣ, относящейся къ 1637 г., и ссылающейся на мемуары Рено де-Бонъ (Beaune), архіепископа Санскаго (1527—1606).

уступалъ никому. Измѣнять союзникамъ, захватывать города, предпринимать рѣшительные походы и усиливать своихъ родственниковъ, эти всѣ пріемы государственной жизни того времени были до точности знакомы Юлію. И въ то же время онъ умѣлъ сдѣлать Римъ центромъ искусствъ, прикрывавшихъ для поверхностнаго наблюдателя и деспотизмъ, и вѣроломство, и развратъ, и разореніе народа. Съ 1504 былъ въ Римѣ Микель-Анджело; съ 1508 Рафаэль. Мраморъ для памятника Юлію II загромождалъ площадь св. Петра, но этотъ памятникъ никогда не долженъ былъ быть оконченъ, такъ какъ его впервые задумалъ Буонаротти; за то куполъ Сикстинской капеллы покрывался грандіозными фигурами пророковъ и сивиллъ. Въ то же время «афинская школа» и рядъ фресковъ Рафаэля украшали стѣны Ватикана, а Браманте начиналъ постройку св. Петра. Рядомъ съ упомянутыми выше искусными хищниками играетъ жалкую роль Максимиліанъ I (1493—1519), который, несмотря на свой прославленный рыцарскій характеръ, тоже пытался много разъ утвердить силою свое господство и во Фландріи и въ Германіи и въ Италіи, но высказался вполнѣ неспособнымъ къ какой-либо значительной государственной роли и почти всю четверть вѣка своего правленія переходилъ отъ неудачъ къ безсмысленнымъ предпріятіямъ, которыя вели къ новымъ неудачамъ. Великолѣпное изданіе «Тэйерданка» (Theuerdank) (1517), проникнутаго феодальнымъ духомъ въ эпоху, когда феодальный міръ принадлежалъ вполнѣ прошедшему, характеризуетъ этого государя, не имѣвшаго достоинствъ ни прежняго, ни новаго времени. При немъ центральная власть императора и сеймовъ потеряла еще болѣе вліянія, и государственное значеніе разныхъ частныхъ центровъ Германіи еще болѣе возвысилось.

Въ обществѣ, управляемомъ этими главными политическими актерами, были требованія совершенно не тѣ, которыя побуждали государей вести нескончаемыя войны, ученыхъ латинистовъ и эллинистовъ уходить въ наслажденіе древнимъ міромъ и художниковъ создавать свои великолѣпныя фрески и статуи. Забота о насущномъ хлѣбѣ, невыносимое давленіе на поселянина, разореніе общества честолюбивыми предпріятіями правительствъ, ненависть горожанъ къ феодаламъ,—таковы были жизненные вопросы для большинства, грубая сатира надъ высшими классами, а пожалуй и надъ собою, такова была эстети-

ческая пища, нужная для его удовлетворенія. Эти жизненные вопросы вызывали крестьянскія волненія въ Германіи (1491, 1493), коалицію городовъ Швабскаго союза (1488) или смѣлыя рѣчи Филиппа По (Pot) на собраніи французскихъ чиновъ 1484 г., говорившаго черезъ годъ по смерти Людовика XI: «Очевидно, король не можетъ самъ распоряжаться общими дѣлами» (республикою). Политическое правило, что подати могутъ быть наложены на народъ лишь съ его согласія, встрѣчаемъ и у приверженца Людовика XI, переманеннаго имъ изъ Бургундіи, просидѣвшаго въ желѣзной клѣткѣ въ первые годы Карла VIII и давшаго Франціи одно изъ лучшихъ ея историческихъ произведеній, у Филиппа де-Комино († 1509). Его мемуары выказали въ немъ и внимательнаго наблюдателя, и человѣка государственнаго пониманія, по крайней мѣрѣ съ той точки, которая ставила единство государственной власти, ея крѣпость и ея расширеніе идеаломъ правителя.

Эстетическимъ требованіямъ массы удовлетворяли во Франціи стихи Вильона († 1482), шутки Кокильяра († ок. 1490), сатира Гренгуара († 1547) или фарсы Пателена на сценѣ; въ Германіи же «Корабль дураковъ» (Narrenschiff) Себастьяна Брандта († 1521), «Заклинаніе дураковъ» (1506) францисканца Муркера, Эйленшпигель (1483), или еще болѣе рѣзкая форма поэмы Лиса (Reinike de Vos, 1498), относящаяся къ этой эпохѣ. Литература дураковъ имѣла такое распространеніе въ это время, что знаменитый страсбургскій проповѣдникъ Гейлеръ († 1510) и упомянутый уже Муркеръ вносили ее въ свои проповѣди, какъ не менѣе знаменитые парижскіе проповѣдники Менэ († 1518) и Мальяръ († ок. 1508) не нравились бы, если бы ихъ проповѣди не были перемѣшаны съ довольно грубыми фарсами и желчною сатирою.

Замѣтимъ, что къ этому времени, когда новый свѣтъ входилъ въ кругъ научнаго, экономическаго и политическаго пониманія Европы, къ этому времени относится и вступленіе московской Руси, сбросившей иго татаръ (1480) и подчинившей себѣ Новгородъ (1478), въ политическіе вопросы Европы, вслѣдствіе сношеній Максимиліана съ Иваномъ III Васильевичемъ († 1505) для дѣйствія противу Матвея Корвина Венгерскаго († 1490). Къ этому же времени относятся проявленія въ русской литературѣ какъ слѣдовъ заимствованій (имѣвшихъ мѣсто и ранѣе) изъ обширной повѣствовательной литературы Запада,

такъ и слѣдовъ религіозныхъ движеній, издавна волновавшихъ славянскія и не славянскія племена Европы, что̀ видно въ сектѣ жидовствующихъ, появившихся въ это время, и достигшихъ значенія даже въ теремахъ царицъ. При этомъ продолжалось соперничество Москвы съ Литвою при Казимирѣ, соединившемъ (1444—1492) короны литовскую и русскую съ польскою, и при наслѣдникѣ Казимира въ Литвѣ, Александрѣ (1492—1506), впослѣдствіи также соединившемъ обѣ короны (1501—1506); оно не могло быть прекращено и бракомъ дочери Ивана Васильевича съ Александромъ. Между тѣмъ Польша при Янѣ-Альбертѣ (1492—1501), имѣла своего Коммина въ лицѣ тосканца Буонакарки Каллимаха († 1496), своего религіознаго лирика въ лицѣ пріора Андрея Слопуковскаго († послѣ 1497), и даже своего френолога (едва ли не перваго въ Европѣ) Яна Глоговчика († 1507).

5. Протестантизмъ (1509—1536).

Предшедствующая эпоха исчерпала то, что̀ могъ дать гуманизмъ съ его чисто-литературнымъ характеромъ. Наслажденіе древностью скоро оказалось лишь поверхностнымъ наслажденіемъ и роскошью мысли, если не приложить къ изученію древности критическихъ пріемовъ и предварительныхъ знаній, едва существовавшихъ въ новой Европѣ. Практическіе же вопросы какъ политики, такъ и общественной экономіи, оказались совершенно чужды этой сферѣ эрудиціи. Они несравненно болѣе обусловливались огромнымъ расширеніемъ колоніальныхъ предпріятій. Тѣмъ не менѣе, слѣдующая эпоха (1509—1536) разсматриваемаго періода особенно характеризована религіознымъ движеніемъ. Та оппозиція противъ католицизма, которая накоплялась впродолженіе трехъ столѣтій, проявляясь въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, попыталась послѣдній разъ обновить религіозную жизнь Европы, оставаясь вѣрною христіанскимъ идеаламъ, т.-е. попыталась выполнить задачу среднихъ вѣковъ такъ, какъ они ее постоянно ставили: найти въ основныхъ документахъ христіанства матеріалъ теоретической истины и практической правды, пользуясь всѣми остальными потребностями и пріобрѣтеніями человѣчества лишь какъ пособіемъ. Это особенно характеризовало эпоху реформаціи.

Въ тотъ самый годъ (1510), когда Юлій II быстро мѣнялъ свою политику и изъ союзника французовъ становился ихъ врагомъ, молодой саксонскій монахъ провелъ 14 дней въ Римѣ и ужаснулся невѣрію, господствовавшему среди тамошняго духовенства. Этотъ вѣрующій пилигримъ, съ 1509 профессоръ богословія въ Виттенбергѣ, былъ Мартинъ Лютеръ. Онъ былъ представителемъ общества, которое еще вѣрило, что истину можно найти въ тѣхъ каноническихъ источникахъ, гдѣ искалъ

ее католицизмъ въ средніе вѣка, вѣрило, что эту истину надо лишь очистить. Но для цивилизованнаго общества Италіи это время прошло. Юлія II смѣнилъ тотъ самый Медичи, который 13-ти лѣтъ былъ сдѣланъ кардиналомъ, Левъ X (1513—1521). Этому человѣку, смѣявшемуся со своимъ секретаремъ, кардиналомъ Бембо, надъ религіозными миѳами, пришлось пережить эпоху, гдѣ, во имя религіознаго чувства, народы возстали противу папства. Изъ всѣхъ дѣлъ, его интересовало только усиленіе семьи Медичи, которыхъ ему, еще за годъ до вступленія на папскій престолъ, удалось вернуть во Флоренцію (1512). Бембо и Садолетъ были близъ него представителями новыхъ цицероніанцевъ, употреблявшихъ лишь выраженія, дозволенныя великимъ ораторомъ послѣдняго вѣка до нашей эры. Рафаэль († 1520) украшалъ Римъ и другіе города Италіи самыми совершенными и великими изъ своихъ произведеній. Микель Анджело собирался отдѣлывать Сан-Лоренцо, любимую церковь Медичи. Папа не умѣлъ лишь привлечь къ своему двору хвалителя феррарскихъ д'Эсте, Аріосто, который въ своемъ «Неистовомъ Роландо» (1515) явился истиннымъ представителемъ современной итальянской придворной поэзіи. Чрезвычайное искусство въ отдѣлкѣ эпизодовъ, при полномъ недостаткѣ изобрѣтательности, огромная рыцарская поэма въ 46 пѣсенъ, при полномъ равнодушіи автора къ рыцарству, къ среднимъ вѣкамъ вообще, и даже къ христіанству; безспорная красота формы, при содержаніи, имѣющемъ цѣлью лишь пустую забаву, чуждую положительнаго идеала настолько же, насколько и сатирическаго отношенія къ дѣйствительности,—таково классическое произведеніе Аріосто; читая его, едва ли можно вспомнить, что оно писано въ годы, когда французскія, нѣмецкія, испанскія арміи разоряли Италію изъ конца въ конецъ и спорили изъ-за того, кто изъ иностранцевъ будетъ въ ней господствовать.

Черезъ годъ послѣ перваго появленія «Роланда», въ Италіи вышла книга Помпонація († ок. 1525) «О безсмертіи души», гдѣ истина религіозная была совершенно отдѣлена отъ истины научной; авторъ принималъ безсмертіе души на основаніи откровенія и отвергалъ его на основаніи размышленія и доказательствъ разума. Только заступничество кардинала Бембо спасло автора отъ венеціанскихъ инквизиторовъ. Подобный же пріемъ Помпонаціо приложилъ позже къ теоріи свободы воли, наконецъ рѣшился приложить начало развитія и къ исторіи рели-

гіи. Въ этомъ замѣчательномъ умѣ пріемы стараго и воззрѣнія новаго времени представляютъ борьбу, которую находимъ и у многихъ его современниковъ. Сюда принадлежитъ и Агриппа Неттельгемскій (1483—1535), этотъ рыцарь-профессоръ, алхимикъ и мистикъ, врагъ духовенства, одинъ изъ первыхъ защитниковъ колдуній отъ безобразныхъ юридическихъ пріемовъ, употребляемыхъ въ ихъ процессахъ, ставившій изученіе природы въ основу богословія, писавшій одно изъ полнѣйшихъ руководствъ магіи и доказывавшій тщетность и невѣрность всякаго знанія, распаденіе всѣхъ классовъ общества. Въ этой личности, можетъ быть, лучше, чѣмъ въ какой-нибудь другой выразилось то безпокойное исканіе истины, которое характеризуетъ весь разсматриваемый періодъ, когда вернуться къ старому было уже невозможно, но по привычкѣ вопросы были поставлены все такъ же, какъ прежде: все искали таинственную сущность, которая бы *разомъ* дала и знаніе и могущество.

Несравненно важнѣе и характеристичнѣе для новаго времени была «Утопія» Томаса Мора, появившаяся въ 1515 г. [1]). Авторъ уже ранѣе подражалъ Лукіану. Здѣсь, въ формѣ политическаго романа, онъ высказалъ нѣсколько идей, шедшихъ въ разрѣзъ со всѣми средневѣковыми понятіями. Такова была терпимость для всякой вѣры (кромѣ отрицанія безсмертія души и провидѣнія), какъ для дѣла чисто личнаго; уничтоженіе всѣхъ сословныхъ различій по праву рожденія, отрицаніе смертной казни для менѣе важныхъ проступковъ. Эти идеи, высказанныя въ 1511 г., когда вся Западная Европа признавала *одну* церковь, истребляла еретиковъ и раздѣлялась на тысячи разноправныхъ кружковъ по рожденію и по сословіямъ, были болѣе смѣлы, чѣмъ мысль объ общности имущества, тоже встрѣчающаяся въ «Утопіи», но вовсе не новая для среднихъ вѣковъ.

---

[1]) Не имѣя предъ собою этого изданія, указываемъ годъ по Mohl: «D. Gesch. u. Litter. d. Staatswiss.» I, 179, примѣч. Зигвартъ въ Энциклопедіи Герцога, цитируя того же Моля, указываетъ 1516 какъ годъ, когда *написана* Утопія. Карьеръ (D. Phil. Weltansch. d. Reformations Zeit, 315) говоритъ, что рукопись отослана въ печать 1517. Грэссэ (Handb. d. Allgem Litteraturgesch. III, 61) называетъ 1516 г. годомъ изданія. Тотъ же годъ въ моей статьѣ «Оч. разв. идеи прогресса», въ «Совр. Обозр., 1868 апр. 168. Грегуаръ въ «Nouv. biogr. gen.» (Didot) XXXVI, 689, относитъ ее къ 1518. Мы держимся Моля, потому что онъ имѣетъ обыкновеніе указывать, какихъ книгъ онъ самъ не видалъ.

Замѣтимъ, что рядомъ съ нею Морусъ рисуетъ семью, съ строгимъ охраненіемъ ея чистоты законами, точно также, какъ рядомъ съ обязательствомъ физическаго труда земледѣльца и ремесленника для всѣхъ гражданъ Утопіи, онъ вводитъ рабство.

Томасъ Моръ съ ранней молодости былъ другомъ Дезидерія Эразма Роттердамскаго, совѣты котораго не мало вліяли на англійскаго гуманиста-богослова, и который въ Англіи, у своего друга, писалъ одну изъ изящнѣйшихъ и самыхъ ѣдкихъ сатиръ этого времени, свою «Похвалу глупости» (1508), гдѣ картина всего общества и особенно церкви, была набросана съ такою рѣзкостью, что впослѣдствіи католическіе богословы говорили: Эразмъ снесъ яйцо, которое высидѣлъ Лютеръ. Эразмъ разсыпалъ свою сатиру на церковь и въ другихъ произведеніяхъ, но онъ былъ не только сатирикъ. Онъ положилъ начало теоретической обработкѣ новой педагогіи, далъ образцы слога для обученія въ школахъ, но еще важнѣе былъ матеріалъ, данный имъ для научной обработки богословскихъ источниковъ: греческое изданіе Новаго Завѣта (1516) по доступнымъ ему рукописямъ съ латинскимъ переводомъ, отступавшимъ отъ Вульгаты, принятой церковью, и парафразы библіи. Это было начало критической обработки писанія. Замѣтимъ, что въ 1517 г. кончено печатаніе многоязычной библіи (полиглотты), изданной лишь въ 1522 г. испанскими учеными подъ руководствомъ кардинала Хименеса, пережившаго лишь нѣсколькими мѣсяцами конецъ ея печатанія.

Нѣмцы считали Эразма однимъ глазомъ гуманизма въ Германіи. Другимъ былъ Іоаннъ Рейхлинъ, о которомъ мы уже говорили, и который посвятилъ свои послѣдніе годы въ особенности изученію еврейскаго языка и каббалѣ. Въ началѣ разсматриваемой нами эпохи Рейхлинъ, несмотря на свой мирный характеръ, былъ вовлеченъ въ процессъ, гдѣ ему угрожалъ чуть ли не костеръ еретика, именно въ процессъ противъ кёльтскихъ доминиканцевъ, требовавшихъ сожженія всѣхъ еврейскихъ книгъ, которыя Рейхлинъ защищалъ какъ во имя науки, такъ и вслѣдствіе своего пристрастія въ каббалѣ. Споръ начался въ 1510 г. Чувствуя, что онъ поддержанъ всѣми гуманистами, Рейхлинъ напечаталъ въ 1512 г. свою защиту по-нѣмецки; въ 1514 году епископъ Шпейерскій произнесъ приговоръ въ его пользу и въ 1517 г. въ Римѣ процессъ прекращенъ безъ приговора. Но онъ успѣлъ уже взволновать умы, далъ

поводъ для цѣлаго потока сатиръ, между прочимъ и для знаменитыхъ «Писемъ темныхъ людей» (Epistolae obscurorum virorum), появившихся въ 1515 и 1517 гг.

Въ этой борьбѣ партія гуманистовъ впервые сознала свою силу, какъ опредѣленнаго лагеря, могущаго дѣйствовать вмѣстѣ и энергически противъ общихъ враговъ, которые были въ то же время враги всякой здоровой человѣческой мысли. Если бы это стремленіе могло получить свое законное развитіе, полная безсодержательность литературно-филологическаго гуманизма вѣроятно повела бы къ оживленію его научнымъ опытно-натуралистическимъ гуманизмомъ, который связалъ бы университетскую образованность съ реальными потребностями массъ и безъ особенной борьбы обновилъ бы европейскую жизнь на основаніяхъ терпимости, высказанной Моромъ, соединенія науки съ техникою, какъ проповѣдывалъ примѣромъ Винчи, и здоровой педагогики, которую указывалъ Эразмъ. Но накопившаяся оппозиція противъ католицизма не могла выждать этого ровнаго теченія дѣлъ. Средневѣковые взгляды засѣли еще глубоко въ привычки большинства даже передовыхъ личностей и нетерпѣливое стремленіе къ обновленію бросило европейское общество въ борьбу, гдѣ реальные интересы были закрыты фантастическими, энергія замѣчательныхъ личностей тратилась на споръ о словахъ, чуждыхъ всякой научной мысли, всякаго полезнаго, а тѣмъ болѣе справедливаго стремленія. Богословскіе факультеты университетовъ получали преобладающее значеніе; полвѣка послѣ «Утопіи» слово *вѣротерпимость* оказалось новостью и люди всѣхъ партій доказывали самымъ дѣйствительнымъ образомъ, что они о немъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Распадавшійся католицизмъ нашелъ въ борьбѣ средство возродиться, укрѣпиться, выставить сильныхъ борцовъ и сдѣлать схоластическое міровоззрѣніе такою силою, о которой нельзя было, казалось, и думать въ эпоху Бембо, Помпонація, Макіавелли, Эразма, Мора и Гюттена. Подъ соединенными усиліями духовенства всѣхъ партій школы получили тенденціозный характеръ; наука отодвинулась на второй планъ предъ вопросами сектаторства; нравственность потеряла смыслъ предъ вопросами догматическаго разномыслія. Короче, всѣ силы были вызваны для того, чтобы раздавить въ Европѣ жажду къ научной истинѣ и къ человѣческой справедливости. Эти силы до сихъ поръ неутомимо борятся, отстаивая шагъ за ша-

гомъ царство тьмы и безнравственности, возобновляя при всякомъ удобномъ историческомъ событіи попытки реакціи. Но если воплощеніе справедливости есть вопросъ еще отдаленный, живучая растительность науки поборола враговъ. Несмотря на длинный періодъ всеобщаго увлеченія въ область фантастическихъ споровъ, несмотря на потоки крови и на звѣрское варварство, которое разливалось по Европѣ подъ вліяніемъ фанатиковъ всѣхъ сектъ, несмотря на то, что и внѣшнія и внутреннія причины не дозволяли надолго почти ни одному замѣчательному уму устраниться совершенно отъ безтолковыхъ разсужденій о предметахъ, лежащихъ за предѣлами пониманія,—несмотря на все это, небольшая группа работниковъ продолжала устанавливать вехи на пути науки, собирать матеріалъ, бороться съ невѣжествомъ и безуміемъ. Къ концу вѣка методъ былъ найденъ; основанія науки были установлены, въ слѣдующемъ вѣкѣ она сдѣлалась силою и, можно сказать, единственною живою силою Европы. Съ тѣхъ поръ объ нее разбивались всѣ усилія представителей невѣжества; на нее, какъ на безспорное основаніе, опирались всѣ мыслители, которые хотѣли расширить пониманіе человѣка и внести правду въ общественныя формы; по всѣмъ вѣроятностямъ, ее уже не будетъ въ состояніи никто остановить въ ея развитіи.

Черезъ два года послѣ «Утопіи» Мора, перваго тома «Писемъ темныхъ людей» и «Неистоваго Роланда» Аріосто, черезъ годъ послѣ книги Помпонаціо о душѣ и появленія греческаго перевода Новаго Завѣта, въ тотъ самый годъ, когда Левъ X прекращалъ процессъ Рейхлина и закрывалъ пятый латеранскій соборъ (1517 г.), появились, въ Виттенбергѣ, знаменитые тезисы Лютера. Онъ былъ глубоко искрененъ, былъ одаренъ энергическимъ характеромъ и обладалъ чрезвычайнымъ практическимъ тактомъ. Онъ умѣлъ въ своей борьбѣ найти себѣ союзниковъ во всѣхъ наличныхъ силахъ XVI-го вѣка: въ средневѣковыхъ привычкахъ мысли, какъ въ давно накипѣвшей оппозиціи противу духовенства; въ стремленіи къ національному обособленію, какъ въ политическихъ цѣляхъ германскихъ князей; въ потребности расширенія знаній въ школахъ, какъ въ нелюбви большинства къ слишкомъ тонкой критикѣ ученыхъ. Шагъ за шагомъ, вслѣдствіе давленія обстоятельствъ, онъ переходилъ отъ спора противъ индульгенцій къ спору противъ правъ папы, отъ обвиненія Эка къ обвиненію Льва X, отъ признанія

римской церкви истинною (1517) къ сочиненію «о вавилонскомъ плѣненіи церкви» и къ сожженію папской буллы (1520), наконецъ къ противопоставленію въ Вормсѣ *своего* пониманія Библіи папѣ, собору, императору, цѣлому міру (1521). Однажды, почувствовавъ себя силою и авторитетомъ, онъ употребилъ всю гибкость своего ума, всю энергію своего характера на то, чтобы удержать этотъ авторитетъ, укрѣпить его, оградить со всѣхъ сторонъ, словомъ, на то, чтобы образовать новую церковь, столь же неподвижную, законченную, подавляющую разумъ и волю внѣ назначенныхъ ею предѣловъ, какъ и католицизмъ. Съ неумолимою послѣдовательностью и съ необычнымъ успѣхомъ Лютеръ не только отражалъ авторитетъ католицизма, но и давилъ всѣ партіи, которыя, подъ вліяніемъ революціоннаго стремленія въ религіи, шли далѣе буквы, признанной *имъ*, Лютеромъ, за безспорный авторитетъ, истолкованный сообразно *его* пониманію современныхъ потребностей. Онъ раздавилъ Карльштадта (1521—1525), отрицавшаго средневѣковыя формы нѣсколько болѣе его, отрицавшаго потребность знанія во имя религіознаго одушевленія и христіанскаго возвышенія нищихъ духомъ. Онъ раздавилъ цвикаускихъ пророковъ (1522), вѣровавшихъ въ прямое откровеніе Духа Святаго. Онъ поддержалъ всею силою своего авторитета кровавую и безпощадную реакцію князей и рыцарей, которые истребили крестьянъ, возставшихъ подъ предводительствомъ Мюнцера († 1525) во имя христіанскаго равноправія, чтобы хотя нѣсколько облегчить свое тяжелое положеніе. Онъ послалъ силы протестантизма на помощь католическому епископу, когда въ Мюнстерѣ образовался центръ анабаптической проповѣди, не признававшей его авторитета и готовой не останавливаться передъ радикальнымъ переворотомъ общественныхъ формъ (1533—1535). Онъ возсталъ самымъ жестокимъ образомъ противу Эразма, который выступилъ защитникомъ свободы воли противу августиніанскаго ученія о благодати, принятаго Лютеромъ, и едва-ли въ этомъ случаѣ знаменитаго реформатора не руководило желаніе не дозволить гуманизму оказать болѣе значительное вліяніе на новое движеніе и особенно на школы, находившіяся въ протестантскихъ земляхъ. Лютеръ помѣшалъ Филиппу Гессенскому (1518) ввести въ его земли учрежденія реформы, довольно самостоятельныя по своей формѣ (1527). Наконецъ Лютеръ отвергъ всѣ попытки къ сближенію съ швейцарскими реформатами изъ-за такихъ

схоластическихъ соображеній, которыя ставили его ученіе ни чѣмъ не выше въ теоріи отвергаемаго имъ католицизма. Ему пришлось при этомъ, въ спорѣ противъ Цвингли, защищать даже вѣру въ безсмысленное на основаніи буквальнаго смысла, а должно замѣтить, что это раздѣленіе лютеранизма отъ реформатства ослабляло значительно политическія силы новаго движенія. Но допустить толкованіе Цвингли и Эколампада значило уступить другому авторитету, слѣдовательно поколебать въ глазахъ его приверженцевъ. *Этого* Лютеръ допустить не могъ, и не изъ разсчета, а изъ совершенно естественнаго и безсознательнаго стремленія къ господству и изъ неуступчивости во мнѣніяхъ, которая дозволила ему, бѣдному монаху, возстать противъ всего католицизма, и въ нѣсколько лѣтъ поставила его во главѣ огромной церкви.

И лучшіе представители Германіи почуяли въ смѣломъ августинскомъ монахѣ защитника ихъ національныхъ стремленій. Гюттенъ († 1523), Зикингенъ († 1523), готовы были встать на защиту реформы словомъ и оружіемъ. Величайшій нѣмецкій живописецъ, Альбрехтъ Дюреръ († 1528) былъ ея приверженцемъ. Лучшій нѣмецкій поэтъ того времени, Гансъ Саксъ (1494—1576), посвятилъ ей значительную часть своей литературной дѣятельности.

Между тѣмъ швейцарскіе реформаты дѣлали свое дѣло столь же энергически, и Швейцарія становилась однимъ изъ самыхъ могущественныхъ центровъ религіознаго движенія. Прежде, чѣмъ Лютеръ явился предъ королевскимъ сеймомъ 1521), уже свободная проповѣдь раздавалась въ Цюрихѣ, и проповѣдь болѣе радикальная, чѣмъ проповѣдь Лютера. Тамъ же возникло (1525) движеніе анабаптистовъ, центрами котораго сдѣлались потомъ: Страсбургъ (1526), Нидерланды (1530) и Мюнстеръ (1533). Въ концѣ разсматриваемой эпохи для проповѣди протестантизма во Франціи получила значеніе Женева, только что освободившаяся отъ власти савойскихъ герцоговъ (1524). Гордое національное сознаніе швейцарцевъ, желавшихъ имѣть *свою* церковь, точно также какъ свою государственную самостоятельность, сдѣлало ихъ ревностными протестантами. Скоро религіозные споры грозили распаденіемъ союзу кантоновъ, и Цвингли своею кровью († 1531) запечатлѣлъ эту распрю.

Точно также на сѣверѣ Европы національный вопросъ опредѣлилъ значеніе протестантизма. Король датскій и норвежскій

Христіанъ II (1512—1523) господствовалъ надъ Швеціею (1520—1523) помощью казней, при чемъ былъ ревностный католикъ. Густавъ Ваза, освободивъ Швецію (1523) и сдѣлавшись ея государемъ (1523—1560), сталъ ревностнымъ лютераниномъ, и король датскій Фридрихъ I (1523—1533), свергнувшій Христіана, ввелъ также протестантизмъ въ свои земли, несмотря на противодѣйствіе епископовъ. Въ Германіи протестантизмъ, подчинявшій духовенство свѣтской власти и дѣлавшій государей въ нѣкоторомъ смыслѣ главами церкви, встрѣтилъ сочувствіе въ большинствѣ князей, которые этимъ самымъ становились еще болѣе независимы отъ императора. Такимъ образомъ въ немногіе годы протестантизмъ сдѣлался господствующею религіею въ значительной части Германіи. Въ особенности это лежало въ интересѣ гросмейстера нѣмецкаго ордена, который обращался путемъ протестантизма въ самостоятельнаго, наслѣдственнаго государя. Поэтому Альбрехтъ Бранденбургскій уже въ 1523 г. приглашалъ въ Пруссію лютеранскихъ проповѣдниковъ; въ 1524 году два прусскіе епископа (прежде всѣхъ епископовъ) приняли протестантизмъ и въ 1525 г. Альбрехтъ сталъ герцогомъ Прусскимъ подъ ленною зависимостью отъ Польши. Конечно, мы не имѣемъ права приписывать это явленіе сознательному разсчету, но частныя біографіи и исторіи народовъ слишкомъ часто представляютъ примѣры весьма искреннихъ увлеченій личностей и обществъ въ ту сторону, гдѣ лежитъ ихъ выгода.

Само собою разумѣется, не менѣе искренно было и положеніе, принятое Карломъ V, наслѣдникомъ Фердинанда и Изабеллы въ Испаніи и Америкѣ (1516), Максимиліана I въ Нидерландахъ, австрійскихъ земляхъ и въ Германіи (1519), именно положеніе защитника католицизма противу ереси. Правда, что обширность его владѣній и дальнѣйшіе виды на Италію вовлекли Карла въ непрестанную борьбу съ турецкимъ султаномъ Селиманомъ II и въ особенности съ королемъ французскимъ Францискомъ I. Наслѣдникъ Селима I (1512—1520) истребителя шіитовъ и побѣдителя египетскихъ мамелюковъ (1517), Солиманъ, вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ (1520), завоевалъ Родосъ (1522) и донесъ свое знамя до самой Вѣны (1529). Карлу приходилось отражать мусульманъ въ Европѣ и сражаться съ ними въ Африкѣ (1535). Съ Францискомъ I (1515), побѣдителемъ швейцарской пѣхоты при Мариньяно (1515),

Карлу пришлось вести рядъ войнъ въ высшей степени разорительныхъ для обоихъ государствъ (1512—1526, 1527—1529, 1532—1538). Это побуждало Карла временно относиться къ протестантизму снисходительно. Тѣмъ не менѣе, онъ выжидалъ лишь удобной минуты для дѣйствія противу своихъ политическихъ противниковъ въ Германіи, и они такъ хорошо знали это, что спѣшили составить въ Шмалькальденѣ союзъ (1531). Но насколько, при всей искренности религіозныхъ влеченій обѣихъ партій, онѣ руководились безсознательно политическими интересами, видно изъ того, что Филиппъ Гессенскій дѣятельнѣйшій членъ шмалькальденскаго союза, вступалъ въ союзы съ католической Баваріей и съ Франциской I противу императора; Лютеръ, столь неуступчивый въ отношеніи Цвингли, давалъ согласіе на двоеженство Филиппа, требуя лишь, чтобы это двоеженство оставалось тайнымъ, а Меланхтонъ даже присутствовалъ при второмъ бракѣ Филиппа; наконецъ Карлъ V, этотъ защитникъ католицизма противу ереси, посылалъ свою армію противу папы Климента VII (1523—1534), и войска римскаго императора повторили подвигъ Гензерика, разграбили Римъ (1527).

Характеристична для внутренняго значенія реформаціи была ея судьба въ Англіи. Тамъ сѣлъ на престолъ пріятель гуманистовъ и въ особенности Томаса Мора, покровитель Ганса Гольбейна (1498—1554), знаменитаго «Пляскою смерти», Генрихъ VIII (1509), отъ котораго Эразмъ ожидалъ золотаго вѣка. Протестантизмъ быстро нашелъ въ Англіи приверженцевъ, и уже въ 1577 г. епископъ Фоксъ требовалъ реформы церкви отъ Вольсея, главнаго руководителя политики Генриха. Но гуманисты въ Англіи, какъ и въ Германіи, чувствовали, что реформаціонное движеніе, которому они сочувствовали въ его оп позиціонныхъ началахъ, по своимъ положительнымъ стремленіямъ, отвлекаетъ европейскую мысль совсѣмъ не въ ту сторону, гдѣ они видѣли истинное развитіе, и потому ни одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей гуманизма этого времени не вступилъ въ ряды реформаторовъ. Они содѣйствовали и тому, чтобы Генрихъ, готовившійся при жизни старшаго брата, Артура, къ вступленію въ духовенство, противодѣйствовалъ развитію лютеранизма. Его сочиненіе противъ Лютера (1522) было просмотрѣно Моромъ и защищено Эразмомъ, что̀ и вызвало споръ послѣдняго съ Лютеромъ. Но Генрихъ принадлежалъ

къ одному изъ чистѣйшихъ типовъ деспотовъ, которые тогда пытались въ Европѣ осуществить идеалъ государя, стоявшаго превыше законовъ. Ослабленіе дворянства въ войнѣ Іорковъ съ Ланкастерами и политическая апатія, всегда слѣдующая за эпохами политическаго возбужденія, если оно не привело къ улучшенію общественныхъ формъ, при непривычкѣ англійской нижней палаты къ государственной иниціативѣ, давали Генриху возможность дѣлать въ этомъ отношеніи эксперименты, невозможные ни прежде, ни послѣ того. Грабежъ страны подъ формою закона для воинственныхъ предпріятій и для неограниченной роскоши короля, шелъ такъ далеко, какъ только можно было его довести безъ опасенія возстанія. Когда же королю, послѣ двадцати лѣтъ брака, вздумалось развестить съ его первою женою, Катериною Аррагонскою, то онъ не задумался принять въ религіозномъ отношеніи весьма оригинальное положеніе. Отвергнувъ авторитетъ папы, Генрихъ объявилъ себя главою церкви уже въ болѣе прямомъ значеніи, чѣмъ сдѣлались главами церкви протестантскіе князья Германіи, именно установителемъ догмата. Онъ захотѣлъ поддержать данный ему Львомъ X титулъ defensor fidei, устроивъ католическую церковь безъ папы и строго охраняя ея чистоту, при чемъ, впрочемъ, онъ нѣсколько видоизмѣнилъ догматы. Вслѣдствіе этого лютеранъ стали жечь въ Англіи какъ еретиковъ, а католиковъ вѣшать, какъ враговъ супрематіи короля. Но какую важность могли имѣть для короля эти казни, когда ему ничего не значило казнить такого человѣка, какъ Томасъ Моръ († 1535), и и даже королеву Анну († 1535), изъ-за которой онъ началъ реформу, свергъ всемогущаго Вольсея († 1530), заключилъ первую жену († 1534). Духовенство Англіи съ покорностью и страхомъ соглашалось со своимъ королемъ-папою, какъ парламентъ нарушалъ всѣ юридическія традиціи, посылая на эшафотъ кого угодно по желанію короля, и еще радуясь, что грабежъ богатыхъ монастырей Англіи давалъ Генриху возможность не требовать новыхъ сборовъ съ народа.

Франція была самой прочной опорой католицизма въ это время. На престолѣ ея сидѣлъ съ 1515 г. Франциск I, одинъ изъ многихъ государей Франціи, которыхъ литература до нашего времени окружала крайне-незаслуженнымъ ореоломъ какого-то рыцарства. Развратникъ до мозга костей, онъ былъ готовъ всякую минуту давать какія угодно обѣщанія, съ тѣмъ чтобы

сейчасъ же протестовать противъ нихъ и нарушить ихъ при первомъ удобномъ случаѣ; деспотъ въ душѣ, онъ нагло объявляетъ парламентамъ и государственнымъ чинамъ, что онъ не признаетъ никакого права внѣ своей власти, и въ то же время готовъ былъ маскировать свою лживость и свои фанфаронады правомъ парламентовъ регистрировать его приказанія; онъ губилъ свои арміи по недостатку заботливости, разорялъ свой народъ для безтолковыхъ предпріятій, толкалъ самъ своихъ лучшихъ помощниковъ (Бурбона, Дорію) на путь измѣны, самъ измѣнялъ сплошь да рядомъ своимъ союзникамъ и никогда не умѣлъ во-время вести войну или заключить миръ. Предъ ничтожествомъ его качествъ какъ государя, кажется великимъ даже его соперникъ Карлъ, необладавшій тоже особенно замѣчательными свойствами, но по крайней мѣрѣ послѣдовательный. Религіозный вопросъ занималъ всѣ умы при Францискѣ, и онъ выказался въ немъ столь же жалкимъ, какъ и въ другихъ случаяхъ. Изъ-за политическихъ цѣлей, совершенно чуждыхъ Франціи, онъ ввелъ во Францію конкордатъ, отмѣнявшій прежнюю самостоятельность галликанской церкви. Союзникъ Солимана и нѣмецкихъ протестантовъ, онъ во главѣ процессіи (1535) молился торжественно предъ кострами, зажженными на шести площадяхъ Парижа, въ то время какъ остроумно придуманныя качели то погружали мученика-реформата въ пламя, то выдергивали его изъ пламени, пока перегорѣвшія веревки не позволяли ему окончательно упасть въ огонь. Если ловкое стихотворное посланіе Клемена Мора (1495—1544) побуждало короля спасти одинъ разъ своего остроумнаго поэта, то скоро его снова хватали, снова грозили ему смертью, пока наконецъ среди возрастающихъ казней, Моро не рѣшился оставить навсегда Францію, какъ пришлось ее оставить весьма многимъ въ слѣдующіе вѣка. Но это гоненіе сдѣлало только Моро изъ автора легонькихъ произведеній переводчикомъ псалмовъ и сатирикомъ реформы. Усиленіе гоненій не остановило распространенія ученія. Къ нему склонялась и сестра Франциска, Маргарита Ангулемская, впослѣдствіи королева наварская, духовные стихи которой вызывали діатрибы Сорбоны и прямое обвиненіе ея констаблемъ Монморанси предъ лицомъ короля въ ереси. Къ протестантамъ принадлежалъ и знаменитый Роберъ I Этьенъ изъ династіи ученыхъ издателей, оспаривавшихъ во Франціи славу Альдовъ. Францискъ, охотно подражавшій итальянскимъ

князьямъ въ ихъ деспотизмѣ, развратѣ и въ покровительствѣ безвредной эрудиціи, старался хвастаться своимъ вниманіемъ къ Этьену, какъ старался привлечь къ своему двору художниковъ и ученыхъ. Леонардо да-Винчи умеръ во Франціи (1519). Примаччіо († 1570) и другіе украшали Фонтенебло. Итальянскіе ученые получали милостыню отъ короля Франціи. Между тѣмъ базошь, давшая Франціи народную драматическую сатиру, была запрещена (1540) и французская драма должна была возродиться въ слѣдующемъ вѣкѣ лишь въ чуждой для народа искусственной формѣ псевдоклассицизма. Самою важною заслугою Франциска можно назвать учрежденіе французской коллегіи (ок. 1530), которая оживила во Франціи филологію, и заставила даже парижскій университетъ, переживший свою славу и завистливо смотрѣвшій на новое учрежденіе, не ограничиться доносами на еретическія лекціи профессоровъ коллегіи, но и улучшить свое преподаваніе. Притомъ Франциск дѣйствовалъ подъ вліяніемъ перваго знаменитаго французскаго филолога, Гильома Бюде (1467—1540), получившаго особенную извѣстность своимъ сочиненіемъ «объ асѣ и его раздѣленіи» (1514) и потомъ защитою гелленистовъ отъ обвиненія въ ереси (1534). Франциск приглашалъ даже Эразма въ новоучрежденную коллегію, но знаменитый гуманистъ, опасаясь за свою независимость, не поѣхалъ.

Свита Карла V привезла идеи протестанизма въ Испанію, гдѣ, впрочемъ, наиболѣе вліяла мистическая сторона новаго ученія. Сочиненія Лютера, Цвингли, Меланхтона, Буцера находили обширный сбытъ и въ Италіи, гдѣ въ самомъ началѣ разсматриваемой эпохи, въ Римѣ образовался кружокъ лицъ, думавшихъ о реформѣ церкви, а около 1520 г. въ Венеціи были уже ревностные послѣдователи новаго ученія.

Такимъ образомъ во всей Европѣ умы были направлены на богословскіе вопросы. Гуманистовъ укоряли въ языческихъ стремленіяхъ; споръ о пресуществленіи волновалъ общество. Идеалы мучениковъ за религіозныя убѣжденія вставали предъ мыслію новаго поколѣнія и влекли его изъ школъ, гдѣ профессоръ обращался къ разсудку, въ пламенныя собранія сектаторовъ, гдѣ проповѣдникъ, готовый на смерть всякую минуту, говорилъ о таинствахъ, недоступныхъ уму, о вопросахъ, неразрѣшимыхъ разсудкомъ. Интересы науки и общества, заботы о семьѣ, о согражданахъ, о мірской свободѣ казались такъ

блѣдны и мелки предъ вопросами вѣчнаго блаженства, религіозной обязанности. И мученики шли на костры; палачи дѣлали свое дѣло; національный и семейный союзъ былъ разрушенъ во имя вражды относительно благодати и предопредѣленія, относительно дѣйствительнаго или идеальнаго присутствія тѣла и крови во хлѣбѣ и водѣ, относительно мессы или проповѣди.

Въ то же время неудержимо и неизбѣжно религіозное движеніе исчерпывало само себя и доходило до конца своего содержанія. Лютеръ изготовлялъ катихизисъ (1529), оканчивалъ переводъ Библіи (1534). Меланхтонъ обдѣлывалъ весь циклъ лютеранскаго богословія. Молодой Кальвинъ выступалъ со своимъ «Instituta christianae religionis» (1535); аусбургское исповѣданіе (1530) заковывало лютеранизмъ въ опредѣленный догматъ. Развитіе въ средѣ протестантизма прекращалось. Онъ оставлялъ свою основную точку исхода: свободную личную вѣру на основаніи единственнаго авторитета—Библіи, чтобы прійти къ общему требованію всякой господствующей церкви: къ требованію чистоты и единообразія въ догматическихъ вѣрованіяхъ отъ всѣхъ членовъ церкви. Подавленіе крестьянскаго возстанія (1525) и анабаптистовъ (1535) выдѣляло и это религіозное движеніе изъ народа. Страждущій, притѣсненный, безграмотный народъ скоро увидѣлъ, что господа пасторы, такъ горячо спорящіе о благодати и пресуществленіи, столь же мало заботятся о *его* жизненныхъ вопросахъ, какъ и епископы или монахи католицизма. Протестантизмъ съ его тонкими схоластическими теоріями остался религіей богослововъ, какъ и прочія исповѣданія. Народъ шелъ за своимъ пасторомъ, или за епископомъ, подвергался казнямъ, разоренью, лилъ кровь въ безконечныхъ религіозныхъ войнахъ, потому что энергія предводителей всегда увлекаетъ большинство; но что было общаго у крестьянина или ремесленника съ проповѣдникомъ-лютераниномъ, ругавшимъ реформата, или съ проповѣдникомъ реформатомъ, ругавшимъ лютеранина? Жизнь шла своимъ чередомъ, а религіозные споры своимъ.

Но и цивилизованное меньшинство участвовало лишь во внѣшнихъ проявленіяхъ протестантскаго движенія, а вовсе не было проникнуто религіозными стремленіями. Если протестантизмъ давалъ возможность удовлетворить средневѣковой привычкѣ мысли, именно поставленію богословскихъ вопросовъ выше всего, то истинная религіозная потребность, именно

потребность согласить всѣ дѣйствія жизни съ основаніями вѣры, проявлялась въ очень небольшомъ числѣ личностей, и особенно мало въ тѣхъ, которыя стояли во главѣ самаго движенія. Мы видѣли, что̀ за люди были Франциск̀ъ или Генрихъ, посылавшіе на казнь людей, нѣсколько отклонявшихся во мнѣніяхъ отъ ихъ взгляда. Послѣдній коронованный папою (1530) римскій императоръ, Карлъ V, въ своихъ стремленіяхъ ко всемірному господству, представляетъ тоже весьма мало слѣдовъ религіознаго одушевленія. Какъ только папа устроилъ противъ него священную лигу (1526), онъ въ Шпейерѣ дозволяетъ слова: пусть каждый въ дѣлахъ религіи поступаетъ такъ, какъ ему кажется лучше для отвѣтственности предъ Богомъ и императоромъ. Это была первая юридическая санкція лютеранизма. Послѣдній Медичи на папскомъ престолѣ, Климентъ VII, съ своими хитрыми пріемами политики, лавирующей между властелинами Европы, не напоминаетъ также фанатиковъ папъ прежняго времени. Вся его оппозиціонная система, направленная противу императора, исчезаетъ, какъ только Медичи возвращены (1529) во Флоренцію, несмотря на энергическую защиту города геніальнымъ Буонаротти, сдѣлавшимся изъ художника инженеромъ. Даже въ Лютерѣ, соглашающемся на секретное двоеженство Филиппа Гессенскаго, трудно не видѣть сына времени, когда религіозные вопросы были несравненно болѣе культурными привычками, чѣмъ высшими элементами цивилизаціи; и невольно бросается въ глаза противорѣчіе между первымъ изъ знаменитыхъ тезисовъ Лютера (1517), что вся жизнь христіанина должна заключаться въ покаяніи, и не менѣе знаменитымъ его изреченіемъ: кто не любитъ женщинъ, вина и пѣсенъ, тотъ останется дуракомъ на всю жизнь. Религіозные вопросы были уже въ XVI-мъ вѣкѣ отголоскомъ другаго времени, и жизнь, съ ея реальными задачами, на зло главнымъ представителямъ реформаціоннаго движенія, безсознательно для нихъ самихъ, руководила ихъ несравненно болѣе, чѣмъ тѣ мистическіе девизы, которые были написаны на ихъ знаменахъ. Эти девизы, внося призрачные представленія въ исторію могли лишь отдалить европейское общество отъ раціональнаго пути его развитія и тѣмъ увеличить страданія общества; но какъ ни громко ихъ провозгласили, на каждомъ шагу подъ маскою ихъ боролись интересы реальные: экономическіе, политическіе, личные, научные, общечеловѣче-

скіе, а мистика оставалась лишь въ словѣ проповѣдника, въ религіозной пѣсни, въ схоластическихъ томахъ богословской полемики, или въ мечтѣ галлюцинатовъ, которыхъ всегда было довольно въ человѣчествѣ.

Не лишено значенія обстоятельство, что въ то самое время, когда религіозные вопросы, казалось, руководили Европой, писалъ свои сочиненія человѣкъ, который выставилъ самое безпощадное изображеніе политическихъ идеаловъ современности, именно Николо Маккіавелли († 1527). Одинъ изъ дѣятелей во Флоренціи въ недолгій періодъ ея свободы (1494—1512), онъ, съ возвращеніемъ Медичи, потерялъ всякую возможность дѣйствовать политически, и 15 лѣтъ его непроизвольнаго досуга дали Италіи нѣсколько образцовыхъ произведеній ея литературы. Безнравственность Италіи и въ особенности ея духовенства отразилась самымъ наглядным образомъ въ «Мандрагорѣ» и другихъ комедіяхъ Маккіавелли; но политическіе и историческіе труды его служатъ одновременно доказательствомъ геніальнаго ума автора и глубокаго разложенія національной нравственности въ его отечествѣ. Приверженецъ республики, Маккіавелли былъ способенъ отнестись такъ же объективно-безучастно къ теоріи тиранніи, какъ математикъ къ своей задачѣ. Съ самой безпощадной логикой представилъ онъ современнымъ государямъ тотъ идеалъ, который ихъ руководилъ, и представилъ такимъ схожимъ, что никто не захотѣлъ признать его своимъ идеаломъ. Это было приведеніе къ нелѣпости теоріи тиранніи. И въ то самое время, когда Маккіавелли писалъ своего «Государя» и предлагалъ изгнавшимъ и пытавшимъ его Медичи воспользоваться этою математическою выкладкою, въ то же самое время, въ своихъ «Discorsi» онъ, съ такою же послѣдовательностью, развивалъ для республики средства освободиться отъ тиранніи. Человѣкъ своего времени, онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы говорить о нравственныхъ обязанностяхъ людямъ, которые потеряли всякое сознаніе этихъ основныхъ обязанностей человѣка. Оттого его откровенное оставленіе въ сторонѣ всякихъ нравственныхъ требованій, его наивное и холодное описаніе ужасовъ кроваваго лицемѣрія Цезаря Борджіи и другихъ ему подобныхъ, дали произведенія, сдѣлавшія его имя нарицательнымъ и вызвавшія обширную литературу опроверженій, возраженій, порицаній и т. д., всего чаще отъ тѣхъ, кто всего охотнѣе слѣдовалъ на практикѣ выводамъ Маккіавелли

(напр. от. іезуитовъ и Фридриха II). Строгіе судьи геніальнаго флорентинца должны припомнить себѣ Италію его времени, разореніе ея иноземцами, все усиливающееся господство въ ней испанцевъ, измѣну національнымъ и даже мѣстнымъ интересамъ повсюду. Это была эпоха, когда можно было въ Италіи отдохнуть лишь на картинахъ Джуліо Романо (1492—1546) и Корреджіо (1492—1534). Даже комедіи и сатиры Аріосто († 1534), писанныя послѣ его «Роланда», не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго. Искусственность Саннацаро († 1530) и манерность Берни († 1536) или дидактическіе и драматическіе опыты Руччелаи († 1526) тѣмъ менѣе можно считать интересными явленіями. Прославленная латинская поэма «Syphilidis» (1530) ученаго стихотворца-медика Фракасторо († 1553) можетъ лишь возбудить удивленіе по странности сюжета. Впрочемъ, на сколько Макіавелли былъ неодинокъ въ своихъ теоріяхъ, видно изъ посмертныхъ «Совѣтовъ» современника Макіавелли, историка и государственнаго дѣятеля Гвиччардини († 1540), гдѣ высказываются совершенно такія же мнѣнія, какъ и у Макіавелли, хотя съ меньшимъ талантомъ и только въ пользу монарховъ.

Если самое видное стремленіе эпохи заключалось въ возрожденіи богословскаго интереса, то нельзя сказать, чтобы рядомъ съ нимъ не видно было въ жизни обществъ и другихъ стремленій, гдѣ безусловный авторитетъ человѣческаго разума или личной мистики становился выше всякой буквы. Въ этомъ направленіи, повидимому, дѣйствовала проповѣдь либертиновъ (извѣстныхъ весьма плохо, такъ-какъ они извѣстны лишь по полемическимъ сочиненіямъ ихъ врага Кальвина). Они въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVI-го вѣка встрѣчаются въ Нидерландахъ, во Франціи, въ Женевѣ со своею проповѣдью живаго духа, въ противность мертвой буквы, съ своимъ пантеистическимъ представленіемъ повсемѣстности духа божія, съ гордымъ отрицаніемъ грѣха и обязательства общественныхъ формъ для возрожденнаго человѣка, въ которомъ грѣхъ обратился въ ничто и который поэтому равенъ Христу. Обвиненіе въ безнравственности слишкомъ постоянно падаетъ на всѣхъ еретиковъ, чтобы можно было вѣрить подобнымъ обвиненіямъ и относительно либертиновъ, а частные случаи ничего не доказываютъ. Наконецъ гуманистъ Вивесъ (1492—1540) выступилъ представителемъ новаго времени какъ въ томъ, что онъ,

на основаніи болѣе здравой педагогіи, требовалъ, чтобы начинали съ ближайшаго, то-есть съ доступнаго чувствамъ, такъ и въ своихъ нападеніяхъ на Аристотеля, уму котораго онъ отдавалъ полную справедливость, но требовалъ, особенно въ сочиненіи «О причинахъ порчи искусствъ» (1531), обращенія къ изслѣдованію природы путемъ прямаго опыта, говоря, что въ этомъ заключается настоящее послѣдованіе Аристотелю. Естественныя науки доставили извѣстность и (репутацію колдуна) учителю Агриппы Нетесгеймскаго, болѣе важному по историческимъ трудамъ, аббату Шпангейма, Іоганну Тритгейму (1462—1516). Онъ положилъ, можно сказать, въ новой Европѣ начало исторіи ученыхъ и церкви на основаніи критическихъ пріемовъ разработки матеріала.

Но несравненно характеристичнѣе для этой эпохи появленіе Парацельса или фонъ-Гогенгейма († 1541). Въ своей бурной и безпорядочной жизни, какъ въ своемъ не менѣе бурномъ и безпорядочномъ ученіи, онъ соединялъ предвидѣнья новаго времени съ привычками стараго. Врагъ авторитетовъ, онъ гордо ставилъ положеніе: никто не долженъ подчиняться другому, когда можетъ стоять на своихъ ногахъ, и провозглашалъ себя авторитетомъ выше арабскихъ ученыхъ и Галена, сочиненія которыхъ онъ сжегъ, какъ разсказываютъ, съ неменьшею рѣшимостью, хотя съ меньшею опасностью для себя (1527) какъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ Лютеръ сжегъ папскую буллу. Парацельсъ требовалъ наблюденія природы и изслѣдованія ея путемъ опыта. Онъ гордится тѣмъ, что ему свѣтитъ на его пути свѣтъ природы, а не аптечная лампочка, и говоритъ: «Если кто-либо хочетъ писать и учить, онъ долженъ это дѣлать на основаніи опыта. Основанія всему получаются не изъ головы, не по слухамъ, но изъ опыта, изъ разложенія природы и изученія ея свойствъ». Поэтому онъ обращался чаще къ эмпиризму народныхъ повѣрій, гдѣ думалъ найти прямыя наблюденія, чѣмъ къ ученію профессоровъ въ университетахъ, гдѣ, по его словамъ, умѣли только «обрѣзывать деревья». Въ оппозицію какъ средневѣковымъ схоластикамъ, такъ и современнымъ ему гуманистамъ, Парацельсъ читалъ свои лекціи по-нѣмецки. Въ основаніе медицины онъ положилъ химію; стремился примѣнить свойства простыхъ тѣлъ, извѣстныя горнымъ работникамъ и алхимикамъ, къ леченію болѣзней; а для этого отыскивалъ во всякомъ органическомъ лечебномъ средствѣ

основный дѣйствующій элементъ (квинтэссенцію) и упрощалъ рецепты для дѣйствія сильными химическими средствами, въ особенности же искалъ специфическія лекарства. Но это теоретическое и практическое обращеніе къ природѣ было у Парацельса основано на самой дикой мистической наукѣ, которая носитъ характеръ средневѣковаго отсутствія критики въ самыхъ безобразныхъ формахъ. Здѣсь міросозерцаніе большинства, о которомъ мы говорили въ началѣ, магическое дѣйствіе веществъ и невидимыхъ олицетвореній силъ природы, смѣшивается съ обрывками физіологическихъ, химическихъ и мистическихъ теорій цивилизованнаго меньшинства. Пантеистическое распространеніе божественной силы, археи, оживляющіе тѣла, свойства прочности (соли), измѣнчивости (сѣры), и жидкости (ртути), тартаръ, иліастеръ и мистическія сигнатуры, каббала, требованіе добродѣтели и точный опытъ, явное хвастовство и блестящія мысли составляютъ въ міровоззрѣніи Парацельса такой хаосъ, который дозволялъ какъ современникамъ Парацельса, такъ и его позднѣйшимъ цѣнителямъ одинаково легко его ставить между геніальными представителями новаго времени, и между самыми безобразными шарлатанами, или полоумными писателями, которые сами не понимаютъ своихъ словъ. Заслуги его для техники медицины—безспорны, нельзя ни въ какомъ случаѣ отвергнуть, что съ него начинаетъ входить въ жизнь химическое воззрѣніе на явленія, и что подъ его вліяніемъ химія изъ лабораторіи мистическихъ изыскателей философскаго камня перешла въ область изслѣдованія медиковъ, слѣдовательно, изъ орудія мечтательной философія сдѣлалась орудіемъ науки. Трудно сказать, на сколько въ другихъ отношеніяхъ Парацельсъ способствовалъ движенію идеи новаго времени: требованія опыта на основаніи мистическихъ воззрѣній и борьба съ авторитетами при тѣхъ безобразныхъ формахъ ярмарочнаго шарлатанства, которое придавалъ своему ученію вѣчно пьяный Monarcha medicorum et Mysteriarcha chemicorum princeps, не могло ни въ какомъ случаѣ привлечь умы къ этому направленію мысли. Парацельса называли медицинскимъ Лютеромъ; но ему недоставало именно того, что̀ заставляло даже противниковъ уважать Лютера, именно достоинства личности и жизненнаго такта. Лютеръ умѣлъ пользоваться временемъ и господствовать надъ нимъ настолько, чтобы подавить въ значительной степени стремленія, разнив-

шіяся отъ его направленія. Парацельсъ былъ лишь отраженіемъ оппозиціоннаго духа своего времени, на сколько эта оппозиція склонялась уже къ пути прямаго изслѣдованія природы и ко враждѣ со всѣми авторитетами. Эту сторону современной мысли онъ высказалъ въ своей жизни ярко, но за то и нѣсколько карикатурно.

Замѣчательно, что и Лютеръ въ спорѣ съ Эразмомъ противополагалъ познаніе природы и ея изученіе книжному ученію роттердамскаго гуманиста. Правда, что Лютеръ въ этомъ изученіи, подобно Парацельсу, видѣлъ первую ступень для теологіи, для изученія Создателя въ созданіи. Наука слѣдующаго вѣка должна была оставить въ сторонѣ всякія цѣли, для нея постороннія, какъ бы эти цѣли ни казались высокими въ другихъ сферахъ. Оттого духовные потомки Лютера сознали, что добровольное изученіе природы еще болѣе оппозиціонно въ отношеніи къ ихъ стремленіямъ, чѣмъ къ стремленіямъ гуманистовъ.

Работы по естествознанію подвигались скромно впередъ при шумѣ религіозной полемики и при кровавой борьбѣ политическихъ силъ. Георгъ Бауэръ или Агрикола работалъ сначала въ Богеміи (1527), потомъ уже спеціально въ Хемницѣ (1531), полагая основанія точной металлургіи, особенно въ ея химическихъ процессахъ, и сколько либо систематической минералогіи (по наружнымъ признакамъ). Его «Bermannus» (1530) имѣло до восьми изданій.—Между тѣмъ постройка веронской цитадели повела (1517 г.) къ открытію большого числа ископаемыхъ раковинъ, и для добросовѣстныхъ наблюдателей (напр., медикъ Фракостеро, 1483—1553) стало уже невозможно сомнѣніе въ томъ, что это были раковины, принадлежавшія дѣйствительнымъ животнымъ, жившимъ на этихъ самыхъ мѣстахъ. Мысль Леонардо да-Винчи, встрѣчавшаяся, какъ мы видѣли, и прежде, о поднятіи материковъ и о дѣйствіи на нихъ воды, находила опытное подтвержденіе.

Но самыя важныя научныя работы подготовлялись въ области, гдѣ не приходилось дожидать затруднительныхъ наблюденій и производить опыты, для которыхъ не существовало еще порядочныхъ инструментовъ, именно въ области математиковъ, хотя разсматриваемая эпоха не дала ни одного первостепеннаго труда. Живописецъ Альбертъ Дюреръ издавалъ свое сочиненіе о перспективѣ (1525). Іоганъ Вернеръ († 1528)

пытался подвинуть далѣе геометрію древнихъ. Но всѣ эти произведенія должны были исчезнуть предъ міровымъ блескомъ труда, о которомъ пока еще никто не зналъ, но который въ кабинетѣ фрауэнбургскаго каноника (1510) подготовлялъ болѣе сильный ударъ авторитету папъ и древнихъ авторовъ, чѣмъ вся полемика Лютера и Цвингли противъ католицизма, или Парацельса противу Галена. Правда, что вліяніе подготовляемаго съ 1510 г. (или около того) труда Николая Коперника должно было быть враждебно не только авторитету Ѳомы Аквината, но и авторитету Лютера, такъ что, впослѣдствіи, нетолько католическое духовенство Варшавы нашло нужнымъ въ 1829 г. отсутствовать на празднествѣ въ честь знаменитаго поляка, но и въ наше время пасторы лютеранизма приходятъ къ убѣжденію, что для *ихъ* міросозерцанія надо, чтобы земля стояла на мѣстѣ, а солнце двигалось.

Но еще сочиненіе Коперника не появилось и вниманіе большинства было обращено на тѣ открытія, которыя представляла Европѣ незадолго узнанная новая часть свѣта. На второй годъ царствованія Карла въ Испаніи (1-го марта 1517) впервые испанскій корабль наткнулся на цивилизованную страну въ Америкѣ. Это былъ Юкатанъ. Въ слѣдующемъ году послы императора Монтезумы привѣтствовали бѣлыхъ пришельцевъ. Жажда богатствъ быстро двинула на материкъ Мексики толпы конквистадоровъ. Въ 1519 г. Фернандо Кортесъ вступалъ на почву мехиканской имперіи и въ 1521 г. имперія Монтезумы не существовала, въ то самое время, когда средневѣковыя права кортесовъ были раздавлены окончательно войскомъ Карла послѣ неудачной борьбы (1519—1521). Вмѣстѣ съ извѣстіями о богатствахъ, награбленныхъ испанцами, Европа узнавала о государствѣ съ особеннымъ строемъ, съ обширною культурою, съ цѣлою системою религіозныхъ миѳовъ, съ исторіею, лежавшею внѣ всѣхъ европейскихъ преданій.

20-го сентября 1510 г. оставляла берега Испаніи эскадра, отправлявшаяся въ первое кругосвѣтное путешествіе. Въ ноябрѣ того же года Магалхаэсъ (Magalhaes, Магелланъ) вступилъ въ Восточный океанъ, обойдя Южную Америку, и смерть предводителя (27-го апрѣля 1521) не мѣшала единственному еще цѣлому судну эскадры вернуться въ отечество чрезъ 3 года и 14 дней по отъѣздѣ (6-го сентября 1522). Оставшіеся въ живыхъ 18 человѣкъ экипажа обошли земной шаръ.

Какъ только испанцы вступили на берега Восточнаго океана, они начали и тамъ свои хищническія экспедиціи. Въ 1524 г. Франсиско Пизарро является на берегахъ имперіи инковъ и въ 1533 г. послѣдній центръ туземной цивилизаціи въ Америкѣ вмѣстѣ съ столицею Перуанской имперіи былъ разрушенъ европейскими разбойниками. Подъ знаменемъ христіанской пропаганды варварство воцарялось во всемъ материкѣ Новаго Совѣта. Король испанскій и императоръ римскій могъ сказать, что въ его государствѣ солнце не закатывается.

Въ то же время возникало въ Индіи такъ-называемое царство великаго Могола (1525) подъ правленіемъ Мохаммеда Бабура (1483—1530) и дѣлалось новымъ центромъ мусульманской цивилизаціи, а на равнинахъ Руси подъ ударами Василія Ивановича (1505—1533) падало послѣднее сѣверорусское народоправство, Псковъ (1510), и присоединенъ къ Москвѣ послѣдній княжескій удѣлъ (1525); типографія Скарины въ Вильнѣ выпускала первыя русскія изданія (1517); Максимъ Грекъ неутомимо боролся за распространеніе просвѣщенія (1518—1556), и, подъ правленіемъ литвянки Елены Глинской (1533—1538), первый разъ кнутъ опускался на спины русскихъ вельможъ.

6. Предшественники новаго времени (1536—1559).

Четвертая эпоха разсматриваемаго періода уже носитъ характеръ опредѣлительнаго предвѣстія новаго времени. Оба элемента, составлявшіе главный интересъ предыдущихъ эпохъ, какъ они составляли идеальныя стремленія среднихъ вѣковъ, истощились настолько, что передовые люди могли понять тщету мечтаній предковъ.

До Петрарки думали найти въ древнихъ авторахъ неисчерпаемую мудрость; послѣ Петрарки искали въ нихъ неисчерпаемые источники красоты. Жаловались, что древнихъ авторовъ нѣтъ, что рукописей мало, что онѣ дороги. Рукописи нашлись; книгопечатаніе ихъ удешевило. Восхищеніе было безмѣрно. Но подражатели древнихъ скоро произвели литературу, интересную лишь для самихъ авторовъ и для ихъ пріятелей. Красоты Гомера и Горація были безспорны, но гуманисты сознавали, къ собственному удивленію, что остроумный фабліо, разсказъ изъ цикла Карла-Великаго, личная современная сатира или Лютеровъ гимнъ гораздо болѣе шевелятъ ихъ самихъ, чѣмъ превосходнѣйшія произведенія грековъ и римлянъ. Латинская поэзія новаго времени оказалась совершенно бумажнымъ цвѣткомъ, и французскіе, нѣмецкіе, итальянскіе, испанскіе поэты стали писать на своихъ *варварскихъ* языкахъ; они извинялись въ этомъ; но дѣлать было нечего: иначе ихъ не стали бы читать. Относительно предполагаемой мудрости древнихъ тоже скоро разочаровались, когда большинство сохранившихся текстовъ было издано. Въ девятнадцать столѣтій, прошедшихъ отъ Платона и Аристотеля до Леонардо да-Винчи, Макіавелли и Томаса Мора, обстановка общества, требованія знанія и задачи жизни измѣнились настолько, что древняя мысль могла служить лишь *однимъ* изъ многихъ положительныхъ элемен-

товъ науки и практической философіи новаго времени. Огромный матеріалъ, завѣщанный новой Европѣ классическимъ міромъ, былъ драгоцѣненъ, но передовые мыслители убѣдились, что этотъ матеріалъ долженъ быть подвергнутъ критикѣ по своему содержанію, и эта критика должна была произнести свои приговоры на основаніи положеній, выработанныхъ самостоятельно европейскою мыслію новаго времени. Древній міръ требовалъ не поклоненія ему, а пониманія его, какъ особеннаго, *минувшаго* міра, возвращеніе котораго невозможно. Къ этому распространяющемуся убѣжденію передовыхъ дѣятелей въ области мысли присоединилось сознаніе, что союзъ, заключенный между церковью и гуманическою эрудиціею, не пойдетъ въ пользу первой. Вслѣдъ за Альбертомъ-Великимъ и Ѳомою Аквинатомъ выступили аверроисты, Марсиль падуанскій, Помпонаціо. Вслѣдъ за Петраркой пошли платоники—пантеисты, скептики, Эразмъ. Нетрудно было папамъ замѣтить, что въ *ихъ* интересахъ было опасно слѣдовать покровителямъ гуманизма Николаю V или Льву X. Пока католицизмъ былъ одинъ въ Западной Европѣ, можно было на это не обращать вниманія, потому что десятину все-таки платили, индульгенціи покупали и распространяющееся невѣріе не колебало строя духовенства. Но когда протестантизмъ могъ лишить папство доходовъ, и пришлось спорить о церковномъ владычествѣ съ другимъ исповѣданіемъ, то дѣло становилось совсѣмъ инымъ. Но точно также протестантизмъ не могъ благопріятно смотрѣть на гуманистовъ. Какъ движеніе, имѣвшее въ виду внести возможно болѣе религіознаго элемента въ жизнь, протестантизмъ не могъ не понять, что языческій міръ, дѣлаясь предметомъ почитанія, есть весьма плохое орудіе для развитія христіанскаго чувства, и не могъ не видѣть, что среди гуманистовъ развивается скептицизмъ и индифферентизмъ, а вовсе не стремленіе къ религіозности.

Отсюда быстрое ослабленіе гуманистическаго движенія, какъ въ Италіи, бывшей до сихъ поръ центромъ его, такъ и въ протестантскихъ странахъ Европы. Какъ только папы перестали покровительствовать гуманистамъ, и какъ только значеніе различныхъ центровъ итальянской жизни ослабѣло подъ вліяніемъ испанскаго господства, число гуманистовъ въ Италіи уменьшилось. Къ концу разсматриваемой эпохи только Петръ Викторіусъ (1499—1585) и Карлъ Сигоніусъ (1524—1584) были

замѣчательными представителями итальянской эрудиціи. Въ Германіи оппозиція Лютера противъ Эразма, а послѣ того приверженцевъ Лютера противъ приверженцевъ Меланхтона, привела къ подчиненію школъ и университетовъ богословскимъ цѣлямъ, къ съуженію занятій и къ рутинѣ, продолжавшейся до XVIII вѣка. Оттого филологи потеряли въ Германіи значеніе, и положеніе ихъ сдѣлалось весьма бѣдственно[1]). Изъ замѣчательныхъ германскихъ дѣятелей въ этой области къ разсматриваемой эпохѣ относятся лишь Камераріусъ (1500—1574) и Штурмъ († 1589). Позднѣйшій, Хессель (Казеліусъ, 1533—1613), котораго мы здѣсь упоминаемъ для связи, былъ *послѣднимъ* замѣчательнымъ гуманистомъ Германіи до XVIII вѣка.

Всего выгоднѣе было положеніе Франціи въ этомъ отношеніи. Несмотря на гоненіе гугенотовъ, короли французскіе слишкомъ дорожили самостоятельностью своего государственнаго авторитета, чтобы подчиниться вполнѣ католической реакціи, но они также не стали во главѣ церкви, какъ государи Англіи. Для французскаго правительства реформа была гораздо болѣе практическимъ, чѣмъ теоретическимъ вопросомъ. Строй реформатскихъ общинъ, непризнававшихъ іерархіи, гораздо болѣе возмущалъ и вызывалъ преслѣдованіе, чѣмъ теоретическія основы ихъ вѣрованій, и короли Франціи заботились о внѣшнемъ единствѣ церкви гораздо болѣе, чѣмъ о внутреннемъ. Оттого именно Франція въ эту эпоху высказываетъ всего болѣе гуманистическія тенденціи, какъ въ слѣдующую она выдвинула замѣчательнѣйшихъ филологовъ Европы. Здѣсь, конечно, надо всего прежде упомянуть семью Этьеновъ, изданія которыхъ положили начало серьезнымъ работамъ во Франціи по этой области. Правда, ихъ протестантскія убѣжденія наложили печать на ихъ дѣятельность. Въ 1550 Роберъ Этьенъ оставилъ Парижъ для Женевы и напечаталъ (1552) свое рѣзкое оправданіе. Но одинъ сынъ его, Роберъ II, продолжалъ традицію Этьеновъ въ Парижѣ въ то время, какъ другой, знаменитый Анри Этьенъ (1532—1598), впервые издавалъ Анакреона (1554) такъ, какъ онъ теперь извѣстенъ, Діодора Сицилійскаго съ десятью новыми книгами и цицероновскій лексиконъ (1557), гдѣ Анри Этьенъ высказывалъ свою ученую самостоятельность

[1]) Эразмъ вѣрно предсказалъ для ближайшаго времени: «всюду, гдѣ царствуетъ лютеранизмъ, гибнутъ литературныя занятія».

тѣмъ, что рѣшался исправлять ошибки въ текстахъ великаго оратора. Столь же серьезны для знакомства съ древнимъ міромъ были труды Жака Аміо (1513—1593), особенно какъ переводчика Плутарха (1559). Впрочемъ, въ самой замѣтной формѣ процвѣтанія гуманизма во Франціи, выказалась вся безжизненность этого направленія въ отношеніи къ вопросамъ новаго времени. Жанъ Дора или Auratus († 1588) былъ учителемъ ряда восторженныхъ почитателей древности, замѣчательнымъ латинистомъ и эллинистомъ и, по словамъ своихъ учениковъ, *новымъ Пиндаромъ* въ стихахъ на классическихъ нарѣчіяхъ. Изъ его школы вышла знаменитая французская плеяда XVI вѣка (онъ самъ былъ включенъ въ нее), которая пыталась внести формы древнихъ языковъ во французскій языкъ, породила періодъ псевдо-классицизма въ литературѣ, совершенно отдѣлившей цивилизованное меньшинство отъ народа, и несмотря на свою громкую славу между современниками, потеряла всякое значеніе въ слѣдующій періодъ. Въ 1549 г. появился манифестъ новой школы поэтовъ, написанный Жоакеномъ Дю-Беллэ (1524—1560) (*французскимъ Овидіемъ*, по словамъ товарищей) о систематическомъ обновленіи французскаго языка и литературы. Въ слѣдующемъ году появилось произведеніе главы школы («Аполлона, источника музъ», по словамъ Маріи Стюартъ), великаго пиндаризатора, Пьера Ронсара (1524—1585). Рядомъ, съ нимъ сражался Баифъ (1552—1589), который за свои старанія ввести латинскія сравнительныя во французскій языкъ удостоился *похвальнаго* посланія, гдѣ Баифа называли:

Docte, doctieur et doctime Baif.

Наконецъ, къ плеядѣ принадлежалъ и Жодель (1532—1573), авторъ первыхъ драматическихъ произведеній по образцу древнихъ (1552), пьесъ, за которыя его товарищи по плеядѣ, согласно древнему греческому преданію, почтили Жоделя увѣнчаннымъ козломъ и пѣніемъ пэана. За три года предъ появленіемъ «Клеопатры» Жоделя, французскіе парламенты запретили представленіе мистерій (1549), какъ за девять лѣтъ предъ тѣмъ Францискъ I заставилъ молчать драматическую сатиру Базошь. Въ томъ же 1549 г. Павелъ III запретилъ драматическія представленія въ Колизеѣ. Средневѣковое искусство, которое, при всѣхъ своихъ дикостяхъ, имѣло ту важную заслугу, что оно было искусствомъ для народа, исчезало подъ давленіемъ но-

вой цивилизаціи и меньшинства, желавшаго искусственныхъ элементовъ въ поэзіи, вслѣдствіе временнаго господства искусственнаго взгляда на красоту, какъ на исключительную принадлежность древнихъ формъ.

Другой элементъ предшествующей эпохи, религіозная реформа, выказалъ теперь всю сухость своего содержанія. Уже давно, со временъ блаженнаго Іеронима, вздыхали о томъ, что церковь не соотвѣтствуетъ своимъ требованіямъ. Сначала думали помочь, вытѣсняя изъ нея еретиковъ, усиливая значеніе епископовъ и папы. Въ эпоху Григорія VII пытались реформировать церковь регламентаціею, исходившею отъ папъ, безбрачіемъ духовенства, усиленіемъ аскетизма. Потомъ остановились на мысли, что зло въ церкви лежитъ именно въ католической іерархіи, въ противоположеніи католицизма—библіи. Со всѣхъ сторонъ возвышались голоса, что надо устроить церковь по безспорному авторитету библіи, авторитету, доступному и ясному для всѣхъ, потому что библія—слово Божіе. Это, наконецъ, удалось. Библія, какъ безспорный, божественный авторитетъ, легла въ основаніе ученія Лютера и Цвингли. Но оказалось, что даже эти люди, проникнутые глубокою религіозностью, не могли сойтись въ догматахъ. Буква разныхъ исповѣданій и конкордій давила мысль не менѣе буквы папскихъ буллъ. Еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ отдѣлился отъ лютеранизма Швенкфельдъ (1490—1562), требовавшій болѣе внутренняго богопочитанія, чѣмъ то, которое давалъ лютеранизмъ. Въ 1537 г. Грикель (Агрикола) Эйслебенскій (1492—1566) началъ споръ антиномистовъ изъ-за того, насколько законъ долженъ стоять ниже вѣры. Послѣ смерти Лютера (1546) полемика богослововъ еще усилилась. Андрей Озіандеръ (1498—1552), о заслугахъ котораго по научнымъ изданіямъ еще скажемъ ниже, вызвалъ въ новомъ, кенигсбергскомъ университетѣ (1546) своими мнѣніями (1549 и сл.) жестокій споръ о томъ, божественная или человѣческая природа Христа послужила къ оправданію вѣрующихъ. Этотъ споръ продолжался и послѣ смерти Озіандера и довелъ даже до казни его зятя, Функа (1566). Еще жарче былъ споръ адіафористическій, начавшійся въ 1548 г., о томъ, что̀ именно можно считать безразличнымъ (адіафорою) въ религіозномъ вѣрованіи, при чемъ Флацихъ (Флаціусъ, 1520—1575) осыпалъ Меланхтона самыми изысканными ругательствами. Тотъ же Флацихъ, со многими другими, возсталъ про-

тивъ Георга Майора (1502—1574), который нѣсколько неосторожно защищалъ (1552) мнѣніе, что добрыя дѣла необходимы для спасенія, тогда какъ его противники утверждали, что для этого необходима лишь вѣра, изъ которой добрыя дѣла слѣдуютъ сами собою. Майоръ былъ лишенъ всякихъ средствъ существованія и умеръ въ нищетѣ. Опять Флациха встрѣчаемъ въ спорѣ (нач. 1555) о томъ, вызываетъ-ли Духъ Святой въ волѣ прежде всего желаніе спастись, или спасаетъ человѣка совсѣмъ независимо отъ его воли. Изъ-за этого нѣсколько іенскихъ пасторовъ были (1559) ночью схвачены въ кроватяхъ и заключены въ тюрьму. Самъ Флацихъ былъ чрезъ 3 года низложенъ и высланъ, за то, что принималъ первородный грѣхъ за субстанцію, а не за принадлежность (accidens) человѣческой природы. Въ то же время съ прежнимъ жаромъ продолжались споры между лютеранами и реформатами, а частію и въ средѣ самихъ лютеранъ, о пресуществленіи хлѣба и воды. Реформаты—бѣглецы изъ Англіи не могли найти себѣ пріюта въ лютеранской Германіи. Лютеранскіе богословы называли ихъ мучениками за дьявола и говорили, что скорѣе можно терпѣть папистовъ, чѣмъ этихъ еретиковъ. Среди этихъ споровъ, вовлеченный въ нихъ на зло своей примирительной природѣ, раздразнивъ сухихъ фанатиковъ буквы лютеранизма своею уступчивостью, умеръ Меланхтонъ (1560). Слабѣющею рукою онъ написалъ предсмертныя слова: „ты будешь избавленъ отъ всѣхъ заботъ и отъ бѣшенства богослововъ“ (et a vabie theologorum).

Герой реформаціоннаго движенія этой эпохи былъ Жанъ Кальвинъ, уже извѣстный первымъ изданіемъ своей «Institution» (1535). Онъ испугалъ Женеву своимъ ригоризмомъ во время перваго своего пребыванія тамъ (1536—1538), былъ изгнанъ, но вернулся (1541) духовнымъ и свѣтскимъ диктаторомъ республики. Съ тѣхъ поръ Кальвинъ, впродолженіе 23 лѣтъ († 1564), господствовалъ въ Женевѣ, неумолимо преслѣдуя всякое разномысліе, и сдѣлалъ Женеву центромъ реформаціоннаго движенія для значительной части Европы. Это была одна изъ тѣхъ фанатическихъ натуръ, которыя, во имя предполагаемаго долга, могутъ задавить въ себѣ всякое человѣческое движеніе и столь же безпощадно требуютъ отъ другихъ безусловной покорности. Противъ него въ Женевѣ стояли либертины—пантеисты съ требованіемъ духовной свободы совѣсти для личности. Про-

тивъ него были и либертины—политики, только что освободившіе Женеву (1535) отъ господства Савойи, конечно, не для того, чтобы подчиниться инквизиціи богослововъ. Кальвинъ сломилъ всѣ сопротивленія съ опасностію собственной жизни, но не щадя и своихъ противниковъ. Его неумолимый характеръ отразился и въ богословіи позднѣйшихъ переработокъ его «Institution» (1539, 1559), гдѣ онъ утверждалъ, что Богъ предопредѣляетъ нетолько спасенныхъ къ блаженству, но и грѣшниковъ къ гибели. Кальвинъ организовалъ въ Женевѣ строгую теократію консисторіи, съ подчиненіемъ гражданъ изысканной богословской полиціи и съ отрицаніемъ всякаго права свободы мысли. Консисторія сдѣлалась грозою гражданъ; толпы французскихъ эмигрантовъ были поддержкою деспотизма Кальвина. Въ 1547 г. повелѣно было посѣщеніе церквей подъ опасеніемъ денежныхъ штрафовъ. Запрещено изготовленіе игральныхъ картъ. Въ 1550 учреждены домашнія посѣщенія членовъ консисторіи для изслѣдованія вѣры и нравственности всѣхъ гражданъ республики. За то, что Амо назвалъ Кальвина злымъ человѣкомъ, его водили въ рубашкѣ по городу съ зажженной свѣчей въ рукахъ до висѣлицы, подъ которою онъ долженъ былъ испросить прощеніе у Кальвина. Итальянку выгнали изъ Женевы за неосторожное выраженіе противу Кальвина и консисторіи. Однихъ наказывали за танцы; другихъ за то, что они смѣялись во время проповѣди Кальвина. Въ 1558 и 1559 гг. было 400 случаевъ подобныхъ наказаній. Въ 1564 г. осужденъ на публичное покаяніе гражданинъ за то, что не причащался въ Духовъ день. Игроковъ выставляли къ позорному столбу съ картами на шеѣ. Ребятъ сѣкли по приговору суда и даже казнили за оскорбленіе родителей. Всеобщій терроръ, во имя очищенія вѣры, господствовалъ въ Женевѣ. Подъ руководствомъ Кальвина реформація доказала, что она нисколько, по своей сущности, не допускаетъ большей свободы мысли и совѣсти, чѣмъ католицизмъ. Послѣдовательно развивая свой принципъ преобладанія религіознаго начала въ жизни, она должна была дойти и дошла до террористической теократіи, до домашней инквизиціи, до всеобщаго наушничества и до казней.

Главнымъ помощникомъ Кальвина былъ Теодоръ де-Бэза, особенно важный, какъ апостолъ кальвинизма во Франціи, подобно тому, какъ Кноксъ (1505—1572) сдѣлался его апостоломъ въ Шотландіи. Теодоръ де-Бэза былъ руководитель ре-

форматской академіи въ Лозаннѣ (1549—1558), а потомъ въ Женевѣ (съ 1559), остроумный сатирикъ и полемикъ на защиту кальвинизма. Но насколько богословское подчиненіе затемняло его мысль, видно изъ того, что онъ не устыдился быть защитникомъ казни Сервэ.

Женева казалась центромъ свободы совѣсти для всѣхъ гонимыхъ за вѣру въ католическихъ земляхъ, но когда эмигранты еретики приходили въ это мѣсто спасенія, они замѣчали, что могутъ оставаться тамъ лишь въ такомъ случаѣ, когда думаютъ совсѣмъ такъ, какъ женевская консисторіи относительно догматовъ и жизни. Въ этомъ отношеніи особенно важно направленіе унитаріевъ (позже социніанъ), которое представляло весьма замѣтный фазисъ въ развитіи протестантизма. Оттого ли, что средневѣковая схоластика съ особеннымъ стараніемъ останавливалась на догматѣ Троицы, оттого ли, что, въ своихъ практическихъ стремленіяхъ, Лютеръ, Цвингли и Кальвинъ не видѣли нужды останавливаться на этомъ трансцендентномъ положеніи, но главы реформы лишь изрѣдка касались его въ своихъ главныхъ работахъ. Тѣмъ не менѣе унитаризмъ нашелъ себѣ довольно раннихъ представителей. Гецеръ († 1528) сближалъ его съ анабаптическими стремленіями; Себастьянъ Франкъ († 1545), первый историкъ на нѣмецкомъ языкѣ, связывалъ его съ пантеистическою философіею, которая дѣлаетъ Франка предшественникомъ новѣйшаго идеализма. Клавдій Савойскій проповѣдывалъ унитаризмъ въ Бернѣ (1534). Но это ученіе особенно развилось въ Италіи, гдѣ умы, привыкшіе въ гуманистическихъ школахъ болѣе свободно относиться къ религіознымъ вопросамъ, и въ то же время болѣе склонные къ отдѣленію теоретическихъ воззрѣній отъ практическихъ, обратились смѣло къ основному догмату. Камиллусъ Ренатусъ изъ Сициліи проповѣдывалъ (съ 1542) въ Кіавеннѣ и оставилъ значительную школу. Подъ его вліяніемъ (съ 1547) началъ дѣйствовать и Леліо Соццини (1525—1562), неутомимо разносившій унитаризмъ отъ береговъ По и Темзы до береговъ Вислы. Всего поразительнѣе было отпаденіе въ это ученіе пламеннаго проповѣдника, Бернардино Оккино (1487—1565), папскаго духовника, а потомъ генерала ордена капуциновъ, незадолго предъ тѣмъ отдѣлившагося отъ францисканцевъ (о чемъ скажемъ ниже). Не останавливаясь на многихъ другихъ унитарьянцахъ этого времени, мы должны въ особенности упомянуть о Микаэлѣ Сервето или

Сервэ. Этотъ испанецъ, углубившійся въ философскія мечтанія, былъ въ то же время одинъ изъ первыхъ ученыхъ своего времени. Онъ издавалъ древнихъ авторовъ, зналъ анатомическое строеніе пути легочнаго кровообращенія и, можетъ быть, открылъ бы большое кровообращеніе за ¾ вѣка до Гервэя, если бы ему дозволили жить долѣе. Но его пламенная натура и страсть къ полемикѣ создавала ему всюду враговъ. Въ 1538 году полемика его противу невѣжественныхъ медиковъ заставила его оставить Парижъ. Въ 1542 году его предисловіе къ изданію библіи, вслѣдствіе его способа объяснять пророчества, вызвало порицаніе. Уже въ 1546 году Кальвинъ грозилъ ему казнью. Въ 1553 г. его «Возстановленіе христіанства», направленное противу различія ипостасей и крещенія дѣтей, вызвало надъ нимъ судъ въ Вьеннѣ. Онъ бѣжалъ изъ тюрьмы, предоставляя королевскому и духовному суду сжигать его en effigie, но имѣлъ неосторожность остановиться на мѣсяцъ въ Женевѣ. Кальвинъ донесъ на него и, несмотря на энергическую защиту Сервэ, добился его осужденія на смерть. Предшественникъ Гервэя былъ сожженъ въ Женевѣ (1554). Въ то время, какъ унитаристы возставали въ многочисленныхъ сочиненіяхъ противу варварства Кальвина, и католики съ злорадствомъ указывали на его нетерпимость, значительнѣйшіе богословы обѣихъ протестантскихъ сектъ: Меланхтонъ, Буллингеръ и Бэза оправдывали казнь. Костеръ, на которомъ сгорѣлъ Сервэ, утвердилъ владычество Кальвина въ Женевѣ, но тѣмъ самымъ освѣтилъ истинное значеніе протестантизма. Въ самой сущности его лежала не свобода мысли, не свобода гражданская, какъ до сихъ поръ еще говоритъ большинство историковъ, а подчиненіе всѣхъ жизненныхъ элементовъ религіозному вѣрованію, нетерпимость относительно всѣхъ міросозерцаній, кромѣ того, которое вѣрующій считаетъ истиннымъ. Оно такъ и должно быть. Кто вѣритъ, что ему открыта сверхъестественная истина сверхъестественнымъ путемъ, долженъ видѣть грѣхъ и преступленіе во всякомъ разномысліи, и терпимость есть для него слабость. Только тотъ можетъ имѣть терпимость въ отношеніи къ другимъ мнѣніямъ, кто знаетъ, что его убѣжденіе получено на основаніи критики, должно быть постоянно провѣряемо, и можетъ, какъ всякое естественное человѣческое знаніе, всегда допускать исправленіе. Но это точка зрѣнія *науки*, а не *религіи*. Унитаризмъ былъ естественнымъ врагомъ протестантизма, потому что онъ допускалъ возможности

коснуться до самыхъ основныхъ догматовъ христіанства, и его послѣдователей можно назвать христіанами лишь по имени. Допустить критику унитарьянъ, значило допустить, что критика есть единственное орудіе мысли для полученія истины, что мысль человѣка есть высшій авторитетъ, то-есть допустить для области религіи то, что̀ едва допускали въ области почитанія человѣческихъ авторитетовъ школы. Протестантизмъ, какъ *элементъ реакціонный*, этого допустить не могъ, и долженъ былъ бороться на смерть съ унитаризмомъ. Кальвинъ былъ лишь послѣдовательнѣйшимъ изъ протестантскихъ проповѣдниковъ, и обстоятельства были для него удобнѣе. Оттого онъ пришелъ къ теократіи, къ инквизиціи, къ казнямъ.

Пока, такимъ образомъ, протестантизмъ логически шелъ къ своимъ выводамъ, католицизмъ, озадаченный бурею, противу него поднявшеюся, быстро вызывалъ изъ своей среды тѣ могущественныя орудія, которыя должны были обновить его внѣшнія формы. Его крѣпкая организація, несмотря на упадокъ внутренняго содержанія, давала ему еще много средствъ бороться.

На папскомъ престолѣ сидѣлъ въ это время Павелъ III Фарнезе (1534—1544), одинъ изъ тѣхъ свѣтскихъ папъ прежняго періода, для которыхъ возвышеніе родственниковъ, великолѣпныя постройки и политическіе вопросы были единственнымъ важнымъ дѣломъ. При немъ Фарнезе сдѣлались однимъ изъ княжескихъ домовъ Италіи; Парма и Пьяченца страдали отъ тираніи его сына. При немъ Микель-Анджело кончилъ свою громадную фреску страшнаго суда (1541) и взялъ въ свои руки работы по постройкѣ собора Св. Петра, работы, завершившія жизнь великаго художника († 1564), который, въ своихъ стихотвореніяхъ, выказалъ болѣе патріотизма, чѣмъ современные ему самые блестящіе представители итальянской литературы. При Павлѣ III выступилъ въ рядъ знаменитѣйшихъ художниковъ Италіи и Бенвенуто Челлини (1500—1570), которому пришлось посидѣть, по волѣ папы, въ крѣпости Св. Ангела, откуда онъ бѣжалъ во Францію. Но несмотря на свѣтскія стремленія Павла III, опасность, грозившая католицизму, была такъ замѣтна, что онъ невольно сдѣлался орудіемъ партій, направлявшихъ папство на прежній путь Григоріевъ и Иннокентіевъ. Около него собралась комиссія, гдѣ фанатическій Караффа, цицероніанецъ Садолетъ и другіе, столь смѣло высказали (1538) мнѣніе о разстройствѣ церкви, что это рѣшеніе кардиналовъ пришлось

чрезъ 20 лѣтъ помѣстить въ Индексъ. Всѣхъ дѣятельнѣе и энергичнѣе для возрожденія католицизма дѣйствовалъ кардиналъ Караффа, основатель ордена театинцевъ (1524); подъ его вліяніемъ папа учредилъ во всей Италіи инквизицію (1542), устроивъ главный центръ ея въ Римѣ. Именно съ этого времени начинается окончательное паденіе итальянскаго гуманизма, о которомъ мы говорили выше, и ослабленіе преподаванія въ итальянскихъ университетахъ, такъ какъ свобода слова и мысли стала опасностью; это же энергическое орудіе въ рукахъ Караффа истребило протестантизмъ въ Италіи, имѣвшій уже не мало послѣдователей.

Но самое важное орудіе возрожденія католицизма заключалось въ новыхъ духовныхъ орденахъ, основанныхъ около этого времени. Въ 1525 г. отдѣлились отъ францисканцевъ капуцины. Это отдѣленіе произошло, повидимому, лишь по вопросу о формѣ капуцы (колпака) на монашеской рясѣ; но въ сущности, это было возрожденіе нищенствующихъ орденовъ, сослужившихъ такую важную службу папству въ XIII вѣкѣ. Но теперь папство не смотрѣло уже подозрительно на ихъ отрицаніе собственности и всей блестящей внѣшности католицизма, какъ бы на укоръ своей свѣтскости. У него были другіе, болѣе опасные враги, и оно предоставило капуцинамъ оставаться босоногими, грязными и нищими, чтобы воспользоваться вполнѣ тѣмъ вліяніемъ, которое всегда аскетизмъ и лишенія производятъ на нищую и неразвитую массу. Прошло время, когда нищенствующіе ордена могли выставлять соперниковъ папской власти въ ученыхъ, профессорахъ, собиравшихъ около себя десятки тысячъ слушателей и служившихъ умственною поддержкою свѣтской власти королей и императоровъ. Враждебная папству наука выскользнула изъ рукъ монаховъ: враждебные имъ богословы были протестанты, враждебные имъ философы были свѣтскіе гуманисты, а вскорѣ получили возможность опереться на болѣе прочное основаніе, на науку природы. Капуцины могли сдѣлаться лишь орудіями, а не противниками папства.

Какъ грубая проповѣдь и аскетическая внѣшность капуциновъ были направлены на простонародье, такъ, для завоеваній въ средѣ цивилизованнаго меньшинства, католицизмъ выдвинулъ въ эту эпоху самыхъ энергическихъ своихъ защитниковъ, которые должны были столь же ощутительно доказать мыслящему человѣчеству, какія силы лежатъ въ сущности новаго католицизма, какъ строй Женевы при Кальвинѣ долженъ былъ дока-

зать ему, въ чемъ сущность протестантизма. Мы говоримъ о іезуитахъ, для которыхъ монашескій донъ-Кихотъ, донъ-Иниго, Лопесъ де-Рекальде, или Игнатій Лойола (1491—1556), получилъ въ 1540 г. утвержденіе отъ папы. Если его товарищу и наслѣднику, Лайнесу, принадлежитъ организація ордена въ самое могущественное орудіе для противодѣйствія человѣческому развитію, то основатель іезуитовъ уже далъ въ своихъ *упражненіяхъ* самый искусный способъ, какъ педагогически развивать въ личностяхъ помѣшательство. Они доводили человѣка методически до той мысли, которую желательно внушать помѣшанному; они доводили паціента до пункта, гдѣ фантастическое настолько сплетается съ реальнымъ, что личность дѣлается вполнѣ орудіемъ въ рукахъ человѣка, ее направляющаго, но фантастическіе образы не получаютъ еще того преобладающаго значенія, которое создаетъ изъ сумасшедшаго новую, самостоятельную личность. Полупомѣшанный установилъ теорію, какъ дѣлать другихъ столь же помѣшанными, какъ онъ самъ, и систематически противопоставить армію людей безъ критической мысли новому міру, который собирался всюду внести критику. Въ то время, какъ Лойола устанавливалъ орденъ іезуитовъ въ Европѣ, самоотверженная миссія Ксавера, впродолженіе десяти лѣтъ (1542—1552) проповѣдывавшаго христіанство въ Азіи, облекала этотъ орденъ ореоломъ апостольскаго подвижничества.

Значеніе іезуитовъ, какъ безусловныхъ защитниковъ папства, проявилось уже въ первый періодъ засѣданій тридентскаго собора (1545—1547). Всѣ бури, заботы, колебанія и случайности эпохи отражались на этомъ собраніи, которое должно было столько разъ измѣнить свой характеръ. Доминиканцы спорили съ францисканцами о схоластическихъ догматахъ; епископы пробовали отстаивать свое божественное право противу мысли о томъ, что они делегаты папъ; императоръ хотѣлъ употребить соборъ для политическихъ цѣлей, папа—для іерархическихъ; догматы католицизма, въ виду протестантскаго отпаденія, устанавливались съ бо̀льшею опредѣленностью, и давали еще менѣе, чѣмъ когда-либо, свободы личному убѣжденію и мѣстнымъ потребностямъ. Но между тѣмъ, какъ эти различныя силы боролись за свои спеціальныя стремленія, ходъ засѣданій собора опредѣлялся теченіемъ внѣшнихъ политическихъ событій.

Взаимно обманывая другъ друга разсчитанными любезно-

стями, Франциск и Карлъ дошли до новой войны (1542—1544), во время которой императоръ и король англійскій собирались уже раздѣлить Францію, между тѣмъ, какъ христіаннѣйшій король не только ссылался съ протестантами за границей, истребляя у себя еретиковъ огнемъ и мечомъ, но прямо призвалъ турокъ разорять христіанскіе города. Тѣмъ не менѣе война кончилась лишь страшнымъ разореніемъ народа, увеличеніемъ налоговъ, которые вызывали даже возмущенія (въ Ла-Рошелѣ 1542), и новыми лицемѣрными любезностями. Истощенный развратомъ, Франциск передалъ корону (1547) еще болѣе ничтожной личности, Генриху II (1547—1559). На мѣсто всемогущей герцогини д'Этампъ стала руководить дѣлами Діана Пуатье, герцогиня Валентинуа, бывшая 20-ю годами старше своего любовника и заподозрѣнная историками въ томъ, что она была одною изъ жертвъ сластолюбія Франциска. Ея помощникомъ былъ гордый и кровожадный интриганъ, коннетабль Аннъ де-Монморанси. Оба они были ревностные католики, и казни протестантовъ умножились. Притѣсненія народа вызвали возстанія, подавленныя въ крови возмутившихся. Они вызвали (1548)[1]) и знаменитое произведеніе друга Монтеня, Ла-Боэти «Le contr'un ou de la servitude volontaire», гдѣ высказана революціонная мысль, что рабское чувство народовъ обращаетъ ихъ въ рабство и ихъ трусость составляетъ силу дурныхъ монарховъ; для того, чтобы быть свободными, имъ достаточно не поддерживать власти. Тяжесть общественнаго положенія вызвала въ то же время и другое сочиненіе, важное потому, что указывало ходъ общественной мысли. Это «Arrêts royaux» (1556) Рауля Спифама, гдѣ предлагается полная реформа общества: налогъ на доходы, секуляризація духовныхъ земель, переплавка колоколовъ въ орудія и монету, начало новаго года съ 1-го января, доставленіе въ публичныя библіотеки по экземпляру всѣхъ появляющихся сочиненій, надзоръ за нездоровыми жилищами, защита бѣдныхъ классовъ отъ богатыхъ и т. п.

Двумя мѣсяцами ранѣе Франциска умеръ Генрихъ VIII (1547). Онъ казнилъ двухъ женъ и едва не казнилъ еще одну (шестую). Шесть пунктовъ догмата, имъ установленнаго (1539),

[1]) Согласно Де-Ту и большинству біографовъ, между прочимъ, Фежэръ (Feugere). Впрочемъ, Пайенъ въ своей біографіи (1853) доказываетъ, что сочиненіе Ла-Боэти написано въ 1546 г., когда ему было 16 лѣтъ.

вызывали безпрестанныя казни искреннихъ католиковъ и протестантовъ. Парламентъ былъ одинаково готовъ признать дочерей короля незаконными, какъ и способными наслѣдовать престолъ Англіи. Льстецы, подобные Кромвелю и Норфольку, были столь же близки къ эшафоту, какъ смѣлые противники деспотизма монарха. Кромвель былъ казненъ (1540); Норфолькъ не могъ спастись отъ осужденія на смерть, даже обвинивъ своего сына, поэта Соррея (Surrey). Сына казнили, но смерть короля спасла отца. Царствованіе Эдуарда VI (1547—1553) представляло лишь рядъ интригъ со стороны партій, желавшихъ управлять именемъ молодого короля. Если герцогу Нортумберландскому (Варвику) удалось низложить (1549) и возвести на эшафотъ (1552) протектора, опекуна и дядю короля, герцога Соммерсэта, то они оба одинаково притѣсняли и разоряли народъ, посылали на казнь иновѣрцевъ и требовали подчиненія всѣхъ англичанъ, начиная съ принцессы Маріи, молитвеннику, установленному парламентскими актами о единообразіи (1549—1552). Эдуардъ, несмотря на свои молодые годы, былъ ревностнымъ преслѣдователемъ иновѣрцевъ, и это побудило его предъ смертью, по совѣту герцога Нортумберландскаго, измѣнить законъ о престолонаслѣдіи, установленный его отцомъ, отстранить католичку Марію и назначить наслѣдницею свою двоюродную племянницу, Дженъ Грей. Но она не удержалась, и Марія (1553—1558) взвела ее на эшафотъ.

Въ Германіи на шпейерскомъ сеймѣ (1544) протестанты впервые получили юридическія права на существованіе, пока императоръ скрывалъ свои планы. Но еще ранѣе смерти Франциска и Генриха, Карлъ рѣшился нанести давно изготовляемый ударъ протестантскимъ князьямъ, въ которыхъ видѣлъ столько же политическихъ, какъ и религіозныхъ враговъ. Мориць Саксонскій перешелъ на сторону императора. Побѣда при Мюльбергѣ (1547) окончила шмалькальденскую войну и отдала въ руки Карла обоихъ вождей нѣмецкаго лютеранизма; но въ то самое время, когда оружіе католицизма торжествовало надъ еретиками, глава католицизма, испуганный увеличеніемъ могущества императора, и боясь почувствовать его вліяніе, перевелъ соборъ въ Болонью (1547) и искалъ союза Франціи.

Недовольный императоръ предпринялъ своими средствами, для Германіи, совершить дѣло собора, именно найти примирительные пункты, къ которымъ бы могли примкнуть враждующія ре-

лигіозныя партіи. Конечно, эти пункты установлялись временно (interim) до окончанія собора. Германскіе князья поневолѣ согласились на это средство. Но явились и примирительные богословы обѣихъ партій для этого дѣла. Гуманистъ и приверженецъ Эразма Пфлугъ, епископъ наумбургскій, склонилъ къ уступкамъ въ Аугсбургѣ (1548) своихъ товарищей обоихъ исповѣданій. Въ Лейпцигѣ, подъ вліяніемъ новаго курфюрста, Морица, Меланхтонъ и другіе согласились (1548) также на примирительные пункты, нѣсколько болѣе близкіе къ лютеранизму. Оба *интерима* были основаны на томъ, что самыя жгучія спорныя положенія были выражены такъ неясно, что допускали противоположныя толкованія, или были объявлены неимѣющими значенія для истинной вѣры (одіафорами). Съ этихъ интеримовъ начался длинный рядъ попытокъ согласить католицизмъ съ протестантизмомъ, при чемъ люди, дѣлавшіе эти попытки, весьма добросовѣстно предполагали, что вопросы, неважные для нихъ, будутъ столь же маловажны въ глазахъ массы вѣрующихъ. Но уже въ XVI вѣкѣ рѣзко проявлялось раздѣленіе въ области культуры и мысли между цивилизованнымъ меньшинствомъ и большинствомъ общества, раздѣленіе, составляющее одно изъ самыхъ большихъ затрудненій въ развитіи Европы. Это раздѣленіе имѣло одинъ и тотъ же результатъ тогда, какъ и впослѣдствіи: столь интимныя вещи, какъ религія, связаны со множествомъ традиціонныхъ, культурныхъ привычекъ и живыхъ, раздражительныхъ вопросовъ современности, а потому въ ней мысль немногихъ личностей никогда не могла быть мѣркою для большинства. Чѣмъ выше было развитіе этихъ личностей и чѣмъ менѣе онѣ подчинялись раздражающему вліянію жизненныхъ столкновеній, тѣмъ менѣе имъ было понятно жаркое упрямство людей, болѣе узкихъ мыслію, и болѣе доступныхъ волненію минуты. Примиреніе для враждующихъ религіозныхъ партій возможно лишь тогда, когда цивилизація, въ своемъ примирительномъ ходѣ, обращаетъ интересы людей на другіе болѣе человѣчныя задачи, отодвигая прежніе сектаторскіе вопросы вообще на второй планъ, т.-е. когда образуется новое раздѣленіе вѣрующихъ на секты. Это явленіе происходило въ Европѣ постепенно; оно не совершилось окончательно и до нашего времени. Оттого находились люди, которые старались о соединеніи и готовы были на уступку, между тѣмъ какъ около нихъ большинство видѣло измѣну святынѣ вѣры во всякой

попыткѣ къ уступкамъ. Оттого и оба интерима имѣли слѣдствіемъ лишь самые жестокіе споры въ средѣ самихъ лютеранъ, о чемъ было сказано выше, и навлекли на Агриколу и Меланхтона съ ихъ приверженцами желчныя обвиненія за участіе въ составленіи интеримовъ.

Но Павелъ III умеръ, не уступивъ побѣдоносному императору и не переведя снова собора въ Тріентъ. Юлій III (1550—1555) поторопился сдѣлать это, но и этотъ послѣдній представитель папъ періода возрожденія, занятый гораздо болѣе своими личными дѣлами, чѣмъ дѣлами церкви, долженъ былъ подчиниться влеченіямъ новаго времени. Іезуиты основали центральную школу своего ордена въ Римѣ (Collegium Romanorum, 1550), получили (1552) право основывать всюду школы и коллегіи и давать академическія званія, и въ томъ же году получила начало ихъ римская коллегія для обращенія Германіи (Collegium germanicum, 1552). Они преобладали въ вѣнскомъ университетѣ, дѣйствовали въ Кельнѣ и Ингольштадтѣ, вызывали безпорядки и просьбы объ ихъ удаленіи въ Португалію, побуждали испанцевъ-доминиканцевъ видѣть въ нихъ предшественниковъ антихриста. Французскій король вступилъ въ союзъ съ протестантскими князьями, и въ ряду противниковъ, вызванныхъ преобладаніемъ Карла, былъ Морицъ, поставленный имъ такъ высоко. Внезапно императоръ увидѣлъ себя окруженнымъ врагами. Интеримы были отмѣнены, и хотя Морицъ палъ въ битвѣ (1553), но аугсбургскій религіозный міръ (1555) былъ важнымъ фактомъ въ европейской цивилизаціи. Въ противоположность невозможному идеалу религіознаго единства, онъ ставилъ положенія о раздѣльности государственныхъ интересовъ отъ религіозныхъ. Религіозное различіе не должно было мѣшать миру между разновѣрцами. Еретическія государства получали право на существованіе. Конечно, все это было еще далеко отъ мысли о свободѣ совѣсти, о религіи, какъ правѣ личнаго убѣжденія. Въ XVI вѣкѣ въ возрастаніи находился идеалъ самодержавія государей и централизаціи всѣхъ политическихъ функцій въ одной личности. Въ пользу этого идеала выпали и постановленія аугсбургскаго мира. *Государи* могли свободно выбирать религію, и въ странахъ, гдѣ государи приняли протестантизмъ, подданные могли его исповѣдывать; но никто не могъ мѣшать государю-католику не допускать въ своихъ земляхъ ересь и требовать выселенія еретиковъ. Лишь привычная оппозиція противу духовенства

оградила подданныхъ духовныхъ курфюрстовъ и владѣтелей отъ преслѣдованія. Аугсбургскій миръ былъ торжествомъ не свободы совѣсти, но государственнаго принципа надъ религіозною нетерпимостью. Фактъ разновѣрныхъ государствъ въ одной политической системѣ былъ узаконенъ.

Уже въ этихъ послѣднихъ дѣйствіяхъ представителемъ католическихъ интересовъ былъ не Карлъ, а братъ его Фердинандъ. Предпріятія Карла противу Франціи, какъ противу германскихъ князей, кончились неудачно, и утомленный владѣтель столькихъ коронъ спѣшилъ сложить ихъ съ себя (1556), чтобы удалиться въ монастырь Св. Юста, откуда, впрочемъ продолжалъ оказывать вліяніе на политическія дѣла († 1558). Если современный мыслитель захотѣлъ бы оцѣнить въ исторіи послѣдующаго времени слѣдъ громкой дѣятельности государя, господствовавшаго впродолженіе 40 лѣтъ отъ Тихаго океана до Дуная и постоянно напрягавшаго всѣ силы своихъ государствъ къ достиженію опредѣленныхъ цѣлей честолюбія, то слѣдъ этотъ окажется крайне жалкимъ. Изъ дѣятельности Карла замѣтно до сихъ поръ лишь разрушеніе политической жизни въ Испаніи, да еще память Карла неразрывно связана съ картинами Тиціана Вечелли (1477—1576), самаго вѣрнаго и преданнаго ему художника, представителя венеціанской школы живописцевъ съ ея блестящимъ колоритомъ. Протестантское движеніе въ его могуществѣ и въ его слабости, обновленіе католицизма подъ вліяніемъ іезуитизма, возвышеніе Франціи и Англіи въ политической системѣ Европы, научныя завоеванія, промышленный переворотъ—все это совершилось *рядомъ* съ нимъ, мимо его воли, безъ его вліянія. Даже расширеніе могущества турокъ остановлено не имъ, хотя онъ употреблялъ на это значительныя усилія.

Съ 1554 года сынъ Карла, Филиппъ, былъ мужемъ королевы Англіи, которая выросла въ католическомъ фанатизмѣ и цѣнила, по собственнымъ словамъ, спасеніе своей души выше десяти королевствъ, подобныхъ Англіи. Неизбѣжно начались гоненія. Эмигранты хлынули на материкъ. Кранмеръ, умѣвшій угодить Генриху, взошелъ на костеръ (1556), точно также какъ Латимеръ (1555) и много другихъ епископовъ. Соперничествуя съ Испаніей, англійскіе духовные суды казнили до 300 еретиковъ въ пятилѣтнее царствованіе *кровавой* Маріи. Парламентъ, утвердившій въ 1552 г. новое исповѣданіе, съ такою же готовностью

изъявилъ въ 1554 г. сожалѣніе объ отдѣленіи отъ апостольской церкви, и Юлій III, дѣлавшій кардиналомъ 16-лѣтняго вожака обезьянъ, могъ сказать, что онъ очень счастливъ, когда англичане его благодарятъ за то, за что онъ самъ долженъ бы ихъ благодарить. Какъ только Филиппъ сдѣлался королемъ, война съ Франціей возобновилась (1556—1559), и Марія соединила оружіе Англіи съ оружіемъ мужа. Но Англія поплатилась за это своимъ послѣднимъ владѣніемъ на материкѣ; именно Кале, остатокъ завоеваній Эдуарда III и Генриха V, былъ взятъ Гизомъ (1556), тогда какъ Испанія по миру въ Като-Камбрези (1559) отнимала у Франціи почти всѣ прежнія ея пріобрѣтенія, «около трети королевства», говоритъ Монлюкъ. Въ то самое время, когда Генрихъ II собирался ввести во Франціи инквизицію и употребить самыя энергическія средства для истребленія ереси въ королевствѣ, копье Монгомерри на турнирѣ передало власть въ руки вдовы Генриха, Катерины Медичи (1559). Если Филиппъ пріобрѣталъ въ ней союзницу своимъ планамъ, то онъ за годъ предъ тѣмъ потерялъ болѣе вѣрную союзницу въ женѣ († 1558), и эта потеря была тѣмъ важнѣе, что Марію замѣнила на англійскомъ престолѣ Елизавета.

Со смертью Юлія III католическая реакція достигла, наконецъ, папскаго престола. Если Марцелъ II (1555) едва успѣлъ промелькнуть на этомъ престолѣ, то уже самое его избраніе указывало на новый характеръ въ конклавѣ. Это стало еще болѣе поразительно, когда наслѣдникомъ Марцела явился, подъ именемъ Павла IV (1555—1559), тотъ самый Караффа, который раздавилъ протестантизмъ въ Италіи и былъ однимъ изъ самыхъ энергическихъ дѣятелей католическаго возрожденія. Какъ основатель театиновъ и человѣкъ со своимъ особеннымъ пониманіемъ обновленія католицизма, онъ столь же мало любилъ іезуитовъ, какъ и Филиппъ II. Тѣмъ не менѣе, именно при немъ іезуитизмъ организовался окончательно, когда генераломъ ордена сдѣлался, по смерти Лойолы, Лайнесъ (1558—1565). Въ годъ смерти Лойолы, іезуиты дѣлились уже на 13-ть провинцій, изъ которыхъ 7 находились на Пиринейскомъ полуостровѣ, 3 въ Италіи, одна во Франціи и 2 въ Германіи. Пожизненный генералъ ордена былъ представитель Бога для членовъ ордена, какъ папа представитель Бога для всякаго католика, и безусловное повиновеніе генералу сдѣлало изъ этихъ монаховъ, вышколенныхъ съ дѣтства, самую энергическую

армію. Какъ трупы въ рукахъ начальника, судя о добрѣ и злѣ сообразно требованію начальника, они пошли на свой тройной трудъ: внутренней миссіи среди католицизма, обращенія христіанскихъ иновѣрцевъ, обращенія язычниковъ. Сущность религіи, какъ глубокаго убѣжденія, исчезла въ этой дѣятельности предъ пламеннымъ желаніемъ торжества тому, что̀ носило названіе религіи. Когда предъ лицомъ духовника-іезуита можно было оправдать всякое дѣйствіе на основаніи *пробабилизма*, то-есть на основаніи цитаты какого-либо авторитета, тогда религія потеряла всякое значеніе, какъ нравственно-обязательное ученіе. Когда предосудительное дѣйствіе, по методу направленія намѣренія (methodus dirigendae intentionis), могло быть совершено, если въ виду имѣлась не грѣшная, но похвальная цѣль, то самый безобразный фанатизмъ былъ оправданъ. Когда ограниченіе въ мысли (restrictio или reservatio mentalis) дозволяло обѣщать съ цѣлью не сдержать обѣщанія въ той формѣ, какъ оно было дано, тогда всякая возможность общественныхъ сношеній исчезла. Понятно, что личности и общества, съ наибольшею терпимостью относившіяся къ чужимъ религіознымъ убѣжденіямъ, относились иногда враждебно къ іезуитамъ, которые, во имя самыхъ основныхъ своихъ учрежденій, отказывались отъ всего, что составляло нравственное достоинство человѣка; отъ личнаго убѣжденія, отъ уваженія къ своему слову, отъ уваженія къ своему дѣйствію. Конечно, католицизмъ въ его цѣломъ столь же мало можетъ быть отожествленъ съ іезуитизмомъ въ его крайнихъ представителяхъ, какъ протестантизмъ въ его цѣломъ можетъ быть отожествленъ съ инквизиціонною теократіею Кальвина въ Женевѣ. Но іезуиты вывели логическіе результаты католическаго строя въ минуту борьбы съ опасными врагами, какъ Кальвинъ вывелъ результаты религіознаго одушевленія протестантизма. Когда высшая премудрость и справедливость предполагается воплощенною въ одну личность, то совершенно логично для этой личности перестроить правила нравственности согласно своимъ видамъ; совершенно логично для вѣрующихъ въ эту личность принять мѣры для систематическаго отупленія молодежи, для подчиненія себѣ ея мысли и ея воли, и для употребленія этихъ «живыхъ труповъ» на подорваніе всѣхъ общественныхъ связей, непокорныхъ идеѣ, одушевляющей вѣрующихъ. Первый шагъ въ борьбѣ вѣрующихъ съ враждебнымъ міромъ былъ безбрачіе и аскетизмъ

монашества; второй—безбрачіе духовенства вообще; третій—инквизиція; четвертый—іезуитизмъ. По мѣрѣ того, какъ опасность увеличивалась, а вѣра въ неизбѣжное торжество уменьшалась, средства дѣлались лишь болѣе и болѣе энергичными, но сущность этихъ средствъ была одна и та же: для высшей религіозной цѣли, вѣрующій долженъ подавить въ себѣ все, что̀ цѣнно для личности: мірскіе интересы, плотскую любовь, человѣчность, наконецъ, личное достоинство. Исторія іезуитовъ доказала, что это ученіе не осталось въ книгахъ, а перешло въ жизнь. Однако, какъ ни сильна была ихъ организація, природа человѣческая была достаточно энергична, чтобы эта организація не побѣдила Европы. Даже знаменитое іезуитское воспитаніе весьма скоро привело лишь къ тому, что изъ іезуитскихъ школъ стали выходить самые опасные враги католицизма. Впрочемъ, организація іезуитскихъ школъ принадлежитъ послѣдующей эпохѣ.

Правленіе Караффы замѣчательно и въ другомъ отношеніи. Ревностный до фанатизма, приверженецъ очищенія католицизма отъ всѣхъ его свѣтскихъ наростовъ, онъ былъ въ то же время горячимъ итальянскимъ патріотомъ. Ненависть къ испанскому владычеству въ Италіи была одною изъ самыхъ основныхъ чертъ его страстной натуры. Столкновеніе этихъ двухъ страстей составляло драматическую особенность его жизни. Конечно, никто въ Европѣ не былъ въ эту эпоху столь ревностнымъ католикомъ, какъ Филиппъ II-й; никто не могъ и не желалъ сдѣлать столько для очищенія католицизма и для подавленія ереси. Но онъ-то именно, какъ король испанскій, былъ врагомъ самостоятельности Италіи, и въ немъ видѣлъ Павелъ IV самаго ненавистнаго противника; ему искалъ папа всюду соперниковъ. Во имя этой вражды папа призвалъ къ себѣ еретиковъ-протестантовъ, чтобы ихъ противопоставить ревностнымъ католикамъ войска герцога Альбы. Во имя ея же Караффа, врагъ всѣхъ прежнихъ злоупотребленій папскаго непотизма, довелъ могущество своихъ презрѣнныхъ племянниковъ до такой высоты и до такихъ злоупотребленій, какимъ мало было примѣровъ даже въ предшествующія правленія папъ. Никогда внутренняя лживость увлеченія религіозными девизами, которые вызвали кровавыя войны и безчеловѣчныя казни въ тогдашней Европѣ, не была такъ очевидна, какъ въ этой борьбѣ: неумолимый Альба, трепетавшій отъ мысли о папѣ, когда ничто не заставляло его

дрожать, все-таки осаждалъ Римъ, и, цѣлуя съ умиленіемъ туфлю побѣжденнаго первосвященника, употреблялъ всѣ усилія, чтобы ослабить его могущество; фанатикъ папа называлъ ангелами, пришедшими съ неба, войска протестантовъ, шедшихъ на помощь Риму, и давалъ своимъ племянникамъ грабить народъ; протестанты ландскнехты и протестанты швейцарцы бились за господство католическаго короля Испаніи въ Италіи и за папу римскаго. Павелъ IV въ этомъ столкновеніи увидѣлъ, что всѣ его планы разрушены. Ему пришлось подчиниться господству испанцевъ въ Италіи. Ему пришлось сознаться предъ священною коллегіею, что онъ самъ допустилъ жестокія злоупотребленія въ церкви. Онъ изгналъ свою родню, и его племянники были казнены при его наслѣдникѣ, такъ что Караффа были послѣднимъ княжескимъ домомъ въ Италіи, возвысившимся чрезъ родство съ римскими первосвященниками. Неудача Павла IV окончила и рядъ попытокъ папъ пріобрѣсти европейское политическое вліяніе. Съ тѣхъ поръ имъ пришлось ограничиться государственнымъ значеніемъ въ сферѣ своихъ владѣній и лишь духовнымъ вліяніемъ въ остальномъ католическомъ мірѣ. Средневѣковой идеалъ папы, повелителя государей, погибъ навсегда.

Изъ предыдущаго видно, что вопросъ о реформѣ церкви, такъ долго занимавшій средневѣковыхъ мыслителей, привелъ въ своихъ двухъ отрасляхъ къ печальнымъ результатамъ: реформаторы, отдѣлившіеся отъ прежней церкви, впали въ схоластическіе споры о тонкостяхъ, недоступныхъ пониманію, и вернулись къ теократіи со всѣми ужасами инквизиціи; консерваторы создали для борьбы противъ новизны орудіе, которое испугало даже приверженцевъ старой церкви своимъ губительнымъ дѣйствіемъ. Требованія истины и справедливости не были удовлетворены ни тамъ, ни здѣсь. Для мыслящихъ людей обѣ партіи могли представить интересъ лишь тѣмъ, что могли служить опорою для борьбы за какія-либо человѣчныя начала противъ другихъ преобладающихъ эгоистическихъ элементовъ.

Именно, какъ мы видѣли, былъ одинъ элементъ, который уже въ Шпейерѣ, а еще рѣшительнѣе въ Аугсбургѣ 1555 г. противопоставилъ религіозному вопросу себя, какъ элементъ высшій. Это былъ элементъ государственный. Въ XVI-мъ вѣкѣ онъ сливался съ личностью государей, и религіозныя партіи, для успѣшной полемики противъ этого господствующаго надъ ними начала, не могли найдти лучшаго орудія, какъ подверг-

нуть понятіе о государствѣ болѣе тщательной критикѣ. Ихъ давили господствующія личности государей; имъ пришлось полемизировать съ точки зрѣнія народовластія. Такимъ образомъ религіозная борьба дала поводъ къ обороту мысли довольно революціоннаго характера. Это случилось особенно со стороны протестантовъ, такъ-какъ ихъ наиболѣе притѣсняли. Но вовсе не должно думать, какъ думаютъ до сихъ поръ многіе писатели, что существовала какая-нибудь логическая связь между реформаціею и политическимъ либерализмомъ. *Логической* связи между ними не было, и быть не могло, но произошла связь *историческая*, именно сближеніе интересовъ двухъ, *совершенно различныхъ* партій, хотя стремленія одной изъ нихъ принадлежали *вполнѣ* прошедшему, а другой—будущему. Догматы реформаціи ничего не имѣли общаго съ политикою, и реформація сдѣлалась случайнымъ орудіемъ либерализма, лишь потому, что реформатовъ притѣсняли государи, стремившіеся къ неограниченной власти. Этотъ поворотъ въ реформаціонномъ движеніи, совершавшійся именно въ сектѣ, пришедшей къ женевскому инквизиціонному деспотизму, придалъ кальвинизму историческое значеніе, котораго самъ по себѣ кальвинизмъ не имѣлъ. Этотъ поворотъ принадлежитъ слѣдующей эпохѣ.

Гуманизмъ, осуществившій средневѣковое желаніе узнать древность, скоро, какъ мы видѣли, окончилъ свою роль. Соперникомъ ему явились національныя литературы. Италія имѣла уже въ прошедшемъ образцы формы, которые своею красотою подавляли современность. Если средневѣковое величіе Данте слишкомъ отходило отъ задачъ этого періода, то его лирика опредѣлялась традиціею Петрарки, его литература новеллъ—Декамерономъ, его шуточная эпика—Роландомъ. Послѣдній, какъ самая свѣжая слава, оказывалъ и самое значительное вліяніе на разсматриваемую эпоху. Но подражатели Аріосто не имѣютъ даже оригинальности въ частностяхъ. И «Влюбленный Роландъ» Берни (1541) и «Джироне» Аламани, и «Амадисъ» (1559) Бернардо Тассо суть лишь передѣлки готоваго матеріала. Ни духовные стихи Викторіи Калонны (1548), ни патріотическая лирика изгнанника Аламани († 1556) и паписта Джудичьони († 1541) не могутъ быть причислены къ первостепеннымъ произведеніямъ. Количество стихотворцевъ этого времени, вслѣдствіе обработки стиха предшествующими писателями, было уже такъ велико, что въ 1559 г. издано собраніе

стихотвореній 50 дамъ (nobilissime e virtuosissime Donni). Изъ многочисленныхъ итальянскихъ сатириковъ упомянемъ въ особенности Пьетро Аретино (1492—1557), одну изъ самыхъ характеристическихъ личностей для разсматриваемаго времени. Одаренный замѣчательнымъ талантомъ, остроуміемъ и пониманіемъ, онъ былъ лучшимъ драматическимъ писателемъ своего времени, какъ въ своей трагедіи, такъ и въ своихъ комедіяхъ, которыя можно поставить рядомъ съ комедіями Макіавелли. Онъ умѣлъ понять, что литература, при содѣйствіи книгопечатанія, есть сила, предъ которою могутъ трепетать самыя могучія власти, и что умный литераторъ, вооруженный своимъ перомъ, занимаетъ экономическое и общественное положеніе, достаточно выгодное, чтобы не нуждаться въ постоянныхъ покровителяхъ, не закабалить себя въ какую-либо партію и стоять независимымъ дѣятелемъ во имя правды внѣ всякихъ личныхъ партій. И Аретино достигъ этого независимаго положенія. Императоры, короли, папы, герцоги осыпали подарками и почестями этого незаконнорожденнаго литератора; онъ чуть-чуть не попалъ въ кардиналы; онъ гордо разсылалъ государямъ медаль съ своимъ изображеніемъ и съ подписью il divino Aretino. Этому искусству подчинить себѣ, во имя ума и таланта, всѣ общественныя власти, надо, кажется, приписать то вниманіе, которымъ пользовался Пьетро Аретино къ кругу современныхъ ему литераторовъ и художниковъ, заслуживавшихъ уваженіе какъ личности, вниманіе, доказываемое его обширною перепискою. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, это былъ самый презрѣнный человѣкъ. Едва-ли кто соединялъ такой блестящій и разнообразный талантъ, какъ Аретино, съ такимъ циническимъ пренебреженіемъ къ самымъ элементарнымъ требованіямъ самоуваженія. Онъ употреблялъ литературу, какъ безразличное оружіе, для всякой лести и для всякой клеветы; для провозглашенія себя свободнымъ служителемъ истины и для самыхъ грязныхъ возбужденій чувственности, невыносимыхъ даже въ *тогдашней* Италіи; для духовныхъ пѣсней и для самаго безцеремоннаго осмѣянія всякой святыни. Онъ совершенно открыто продавалъ свою похвалу и свое молчаніе тѣмъ, кто могъ ихъ купить, и грозилъ пасквилями, тѣмъ, кто не могъ этого сдѣлать. Свое независимое перо и богатства, имъ доставляемыя, онъ употреблялъ лишь на обжорство и на животный развратъ. Онъ не разъ подвергался жестокимъ побо-

ямъ и рисковалъ жизнію изъ-за ѣдкой сатиры; но эта сатира, всегда личная, не была проводникомъ какой-либо идеи, а оружіемъ личной мести, личнаго раздраженія во имя самыхъ низкихъ побужденій. Въ Пьетро Аретино выказалось вполнѣ могущество литературы, какъ общественнаго оружія, но въ то же время и съ такою же ясностью выказалось, что нравственное достоинство литератора, а не степень его таланта, сообщаютъ литературѣ ея высокое общественное значеніе, что талантъ презрѣнной личности можетъ доставить ей вліяніе, но въ то же время унижаетъ литературу вообще, и лишаетъ ее надолго возможности дѣйствовать благотворно на общество.

Гораздо значительнѣе чѣмъ въ Италіи были явленія національной французской литературы въ эту эпоху. Мы уже упоминали выше о той партіи ея, которая, подъ вліяніемъ гуманизма, отреклась отъ формы старой французской литературы, и положила начало французскому псевдо-классицизму, долженствовавшему имѣть такую обширную будущность. Но рядомъ съ этимъ ложнымъ направленіемъ было въ разсматриваемую эпоху и другое, несравненно болѣе живое и замѣчательное, хранившее въ себѣ традиціи свободной средневѣковой новеллы и сатиры, и сливавшее эти традиціи съ новымъ матеріаломъ, доставленнымъ изученіемъ греко-латинскихъ классиковъ. Замѣчательно, что произведенія этой литературы стояли внѣ религіозныхъ партій, раздиравшихъ Европу, и насмѣшливо относились къ ихъ борьбѣ въ то самое время, какъ авторы не могли не терпѣть отъ нея. Подъ прямымъ вліяніемъ Лукіана писалъ Бонавантюръ Дэперьѣ свои «Cymbalum mundi» (1537), проникнутый элементомъ невѣрія настолько же, какъ и произведенія его первообраза. Это произведеніе, осужденное католиками и гугенотами, сожженное рукою палача, было истреблено такъ хорошо, что едва могли найдти потомъ одинъ экземпляръ для его возстановленія. Авторъ, гонимый повсюду, окончилъ свою жизнь самоубійствомъ въ томъ самомъ году (1544), когда выходилъ «Второй адъ» книгопродавца Долэ, гдѣ была осмѣяна французская магистратура, что̀ повело чрезъ два года (1546) автора на костеръ. Дэперье оставилъ и собраніе новеллъ, появившихся одновременно (1558) съ новеллами его покровительницы, Маргариты Валуа. До самой ея смерти (1549), ея дворъ въ Неракѣ былъ убѣжищемъ многихъ гонимыхъ за вѣру или за невѣріе, и умѣренные католики, развитые гугеноты и

либертины не разъ пользовались покровительствомъ сестры Франциска I, всегда остававшейся внѣ борьбы религіозныхъ партій. Конечно, на обоихъ упомянутыхъ сборникахъ новеллъ слишкомъ ясно видно вліяніе Боккаччіо, которому авторы значительно уступаютъ въ талантѣ, но многочисленныя изданія обоихъ сборниковъ въ XVI вѣкѣ показываютъ, какъ соотвѣтствовали эстетическимъ потребностямъ общества эти полусатирическіе, нѣсколько вольные, а иногда и довольно грязные, разсказы съ примѣсью нравственныхъ сентенцій.

Впрочемъ, всѣ французскія произведенія этого времени блѣднѣютъ предъ громадною эпическою сатирою Франсуа Раблэ (р. ок. 1495; † ок. 1553), гдѣ безпощадная насмѣшка геніальнаго автора поразила всѣ классы тогдашняго общества, всѣ партіи, споривпіія о мечтательныхъ благахъ, когда реальные вопросы сами собою возникли предъ обществомъ, требуя себѣ отвѣта. Раблэ не принадлежалъ ни къ какой традиціи; его Гаргантуа, Пантагрюэль, Панюржъ, братъ Жанъ, и многочисленныя аллегорическія личности, оживленныя его мыслію, столь же мало восходятъ къ традиціи аллегоріи «Романа розы», какъ къ Овидію. Умъ въ высшей степени самостоятельный и творческій, онъ переработалъ въ нѣчто *ему* принадлежащее и античные и средневѣковые литературные пріемы. Безобразію схоластическаго ученія онъ противопоставилъ изученіе природы; магистратуру Франціи онъ осмѣялъ и въ лицѣ невѣжественныхъ ея представителей, и въ лицѣ кровожадныхъ рамин-ограбиновъ; бичуя женевскихъ инквизиторовъ, онъ столь же смѣло нарисовалъ рядъ картинъ, гдѣ католицизмъ выступалъ со всѣми карикатурными чертами монастырской жизни, жирной іерархіи и обоготворенія папъ; наконецъ, въ виду безконечныхъ войнъ, вызываемыхъ хищничествомъ европейскихъ государей, прямо назвалъ подвиги Александра и Цезаря грабежомъ и разбойничествомъ, осмѣялъ героевъ-завоевателей въ картинѣ загробнаго міра и вложилъ въ уста циника Панюржа слова: «эти черти-короли, точно телята, ничего не знаютъ и ни на что не годятся, кромѣ на то, чтобы ихъ бѣдные подданные страдали, и чтобъ свѣтъ волновался войнами для ихъ злого и противнаго удовольствія». Кровавой борьбѣ мнѣній, деспотизму пытокъ и казней Раблэ противопоставилъ идеальный девизъ аббатства Телэмъ: «дѣлай что̀ хочешь», продолжая традицію вѣротерпимости, указанную Моромъ, и совершенно чу-

ждую практикѣ общества, окружавшаго Раблэ. Замѣчательно, что, несмотря на желчныя нападенія многочисленныхъ и ожесточенныхъ враговъ, Раблэ нашелъ возможнымъ съ третьей книги «Пантагрюэля» (1546) объявить свое имя. Онъ это сдѣлалъ въ то самое время, когда зажигался костеръ для Долэ, который своимъ изданіемъ Пантагрюэля еще болѣе возбудилъ противъ себя неудовольствіе. Франциск I, Генрихъ II и даже папы покровительствовали бѣглому монаху-медику, который дѣлалъ изъ своего Гаргантуа такого идеальнаго монарха-пастыря народа и такъ забавно разсказывалъ приключенія Панюржа. Раблэ удалось въ фанатическое правленіе Генриха II еще издать (1453) четвертую книгу, но остальное появилось послѣ его смерти, и можетъ быть, никакое покровительство не спасло бы автора отъ преслѣдованій за рѣзкія выходки, за ключающіяся въ этой пятой книгѣ Пантагрюэля, хотя, повидимому, кое-что въ ней слѣдуетъ приписать другому перу, воспользовавшемуся тѣмъ, что Раблэ былъ уже недоступенъ наказанію. Геніальная сатира Раблэ, несмотря на ея многочисленныхъ хвалителей, лишь потому до сихъ поръ менѣе читается и цѣнится, чѣмъ многія другія, несравненно слабѣйшія, произведенія, что именно вслѣдъ за Раблэ французскій литературный языкъ претерпѣлъ столь сильное измѣненіе, что современному читателю Раблэ представляется несравненно болѣе затрудненія, чѣмъ итальянскій языкъ Данте, писавшаго за два вѣка до Раблэ. Но «Пантагрюэль» остался не только весьма важнымъ источникомъ для мысли и культуры Франціи въ половинѣ XVI в. Онъ остался и въ эстетическомъ отношеніи однимъ изъ произведеній, гдѣ богатство живыхъ типовъ и сатирическое творчество не было превзойдено ни кѣмъ впослѣдствіи времени.

Авторъ «Пантагрюэля» былъ не только литераторъ. Въ его фантастической сатирѣ высказывается глубокая эрудиція по предмету естествознанія, показывающая, что онъ стоялъ въ уровень въ этомъ отношеніи съ лучшими представителями науки въ срединѣ XVI вѣка. И дѣйствительно, какъ медикъ, Раблэ оставилъ по себѣ извѣстность: Монпелье хранило долго его красное платье, въ которое долженъ былъ облекаться всякій новый баккалавръ на своемъ послѣднемъ экзаменѣ. Сохранилось также преданіе о его первомъ диспутѣ по медицинской ботаникѣ, о его превосходномъ объясненіи Гиппократа и о нѣкоторыхъ его открытіяхъ.

Наука, вотъ было знамя, къ которому сознательно и безсознательно примыкали лучшіе умы эпохи. Гуманизмъ, какъ почитаніе древней красоты, выдыхался всюду: онъ долженъ былъ ждать оживленія въ новой формѣ отъ науки. Преобразованіе церкви и общества не удалось ни соборамъ, ни папамъ, ни Лютеру, ни Кальвину. Чтобы поддержать католицизмъ, соборамъ пришлось подчиниться папамъ. Чтобы остаться чѣмъ-нибудь, папамъ пришлось отказаться отъ своего гордаго идеала повелителей міра. Лютеранизмъ пришелъ къ безжизненной схоластикѣ. Кальвинизмъ пришелъ къ теократическому деспотизму. Ни въ одномъ изъ этихъ элементовъ не было своей жизни, богатой будущностью, и всѣхъ ихъ давило растущее преобладаніе королевской власти съ чисто-хищническими стремленіями. Невольно насмѣшка или утомленіе прокрадались въ умы нѣсколько трезвые при подобномъ жалкомъ состояніи самыхъ видныхъ общественныхъ вопросовъ. Чаще и чаще обращались къ личному наблюденію, къ самостоятельной критикѣ, внѣ всѣхъ авторитетовъ. Это уже дѣлали спокойно безъ шарлатанскихъ замашекъ Парацельса. И результаты получались блестящіе. Простой ремесленникъ, цырульникъ, крестьянинъ, нищій, опираясь на упорный трудъ, на собственное мышленіе, становились во главѣ современной науки. Громаднѣйшіе авторитеты древности: Птолемей и Галенъ, выказывались несостоятельными предъ спокойною критикою новаго времени. Великіе математики древности уступали новымъ аналистамъ. Сознаніе собственныхъ силъ усиливалось въ Европѣ. Молодые умы обращались къ сферамъ занятій, обѣщавшимъ столько въ будущемъ. И самые представители борющихся партій начинали чувствовать необходимость опереться на эти новыя силы. Математика и естествознаніе получили видное мѣсто въ школахъ іезуитовъ, въ то время какъ кальвинизмъ, для успѣшной борьбы съ государственной властью, проникался во Франціи и въ Англіи началами политическими, становился знаменемъ для вопросовъ жизни. Точное знаніе природы, критика общественныхъ формъ—таково было требованіе будущаго, и потому предшественниковъ новаго времени въ эту эпоху приходится искать не на престолахъ, не на каѳедрахъ проповѣдниковъ, не среди художниковъ и литераторовъ, а среди скромныхъ тружениковъ науки.

Именно въ эпоху Раблэ медицина получала значительную

помощь отъ успѣховъ анатоміи. Въ Парижѣ каѳедра медицины въ королевской коллегіи перешла 1550 г. отъ Гвидо Флорентійскаго къ Жаку Дюбуа (1478—1555), получившему европейскую извѣстность подъ именемъ Сильвіуса. Его искусство разсѣченія труповъ и хорошая терминологія для сосудовъ и мышцъ сдѣлало его школу одною изъ первыхъ въ Европѣ. Его мысль объ инжекціи сосудовъ цвѣтными жидкостями была правильно осуществлена лишь гораздо позже. Изъ его школы вышелъ Шарль Этьенъ († 1564), сынъ Робера I, и, братъ Анри, извѣстный своими изданіями анатомическихъ рисунковъ, своими трудами по анатоміи скелета и связокъ, своимъ различеніемъ сѣраго мозговаго вещества отъ бѣлаго и венной крови отъ артеріальной, настолько же, насколько и французскимъ изданіемъ «Maison rustique». Ученикомъ Дюбуа былъ и Сервэ, о судьбѣ котораго мы говорили выше. Но самый значительный изъ его учениковъ, основатель новой анатоміи и одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ предшественниковъ новаго времени, былъ Андрей Везалій (1514—1564).

Въ падуанскомъ университетѣ, послѣднемъ убѣжищѣ отживающаго аввероизма, вступилъ 23-лѣтній фламандецъ Андрей Везалій на каѳедру анатоміи и хирургіи, которую послѣ него занимали достойные его наслѣдники, Габріэле Фаллопіо и Фабричіо Аквапенденте. Какъ и другіе, онъ началъ комментировать Галена, но чѣмъ тщательнѣе онъ его комментировалъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что знаменитый медикъ II вѣка неточно передаетъ анатомію человѣка, что онъ разсѣкалъ не человѣка, а обезьяну. Съ четвертаго курса Везалій отрекся отъ Галена, и съ разныхъ концовъ Европы хлынули въ Падую внимательные ученики на слухъ, что молодой профессоръ, демонстрируя на трупѣ, опровергаетъ шагъ за шагомъ неприкосновенный авторитетъ среднихъ вѣковъ. Везалій читалъ то въ Падуѣ, то въ Болоньѣ, то въ Пизѣ и, наконецъ, несмотря на отсовѣтыванье ученыхъ друзей, онъ издалъ въ 1543 г. свое большое сочиненіе «Объ устройствѣ человѣческаго тѣла» (De humani corporis fabrica), положившее начало современной анатоміи и бросившее перчатку всѣмъ рутинерамъ—поклонникамъ Галена. Располагая анатомію почти по плану Галена, Везалій въ каждомъ вопросѣ сначала излагалъ состояніе науки до него, затѣмъ собственныя наблюденія, и наконецъ дѣлалъ выводъ о настоящемъ положеніи дѣла. Онъ отмѣтилъ у Галена съ 200 невѣр-

ностей и, несмотря на неизбѣжныя ошибки при такомъ огромномъ трудѣ, установилъ методъ и всѣ главныя основанія анатомическаго познанія человѣка, особенно въ отношеніи скелета.

Какъ и ожидали друзья Везалія, его книга вызвала самыя желчныя нападки. Смущенный многочисленностью обвиненій, императоръ Карлъ подвергъ книгу Везалія просмотру богослововъ; въ Саламанкѣ былъ поднятъ вопросъ (1555), можно ли христіанамъ разсѣкать трупы. Везалія осыпалъ ругательствами его старѣющій учитель Дюбуа; но самыя сильныя возраженія пришли, какъ оно и слѣдовало, отъ анатомовъ, которые воспользовались методомъ самаго Везалія для того, чтобы подвинуть науку далѣе, и употребляли свои успѣхи, невозможные безъ труда Везалія, именно на то, чтобы унизить значеніе реформы, имъ произведенной. Личное наблюденіе при внимательномъ разсѣченіи и препарированіи труповъ, т.-е. именно методъ Везалія сдѣлался орудіемъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Съ помощью его римскій профессоръ Бартоломео Евстахій († 1574) противопоставилъ нормальному человѣку анатоміи Везалія съ одной стороны многочисленныя индивидуальныя отклоненія строенія, съ другой стороны генетическое измѣненіе формъ при развитіи органовъ. Эта полемика дала начало изученію аномалій, эмбріологической анатоміи и сравнительной анатоміи, не говоря уже о многочисленныхъ дополненіяхъ къ анатоміи человѣка вообще. Труды Евстахія оказали бы гораздо болѣе вліянія на ходъ науки, чѣмъ они имѣли въ дѣйствительности, если бы огромный анатомическій атласъ, изготовленный имъ уже 1552, не остался совершенно неизвѣстенъ впродолженіе полутора вѣка. Нѣсколько менѣе рѣзко чѣмъ другіе, напалъ на Везалія его преемникъ на падуанской каѳедрѣ, Габріэле Фаллопіо († 1562); онъ, какъ пишутъ, разсѣкалъ даже живыхъ преступниковъ, осужденныхъ на смерть, и сдѣлалъ въ анатоміи многія дополненія, исправивъ недосмотры своего знаменитаго предшественника. Везалій получилъ въ Испаніи возраженія (1561) Фаллопія и поторопился ему отвѣтить, не имѣя подъ руками даже черепа въ богомольномъ Мадридѣ Филиппа II, но возраженіе не застало уже Фаллопія въ живыхъ, и Везалій былъ приглашенъ снова на каѳедру, которую занималъ въ своей молодости. Смерть вслѣдствіе кораблекрушенія помѣшала ему продолжать свои труды. Но труды этихъ трехъ великихъ анатомовъ установили науку че-

ловѣческаго строенія, и наслѣдники ихъ могли смѣло приступить къ важнѣйшимъ *физіологическимъ* задачамъ, такъ какъ задачи *анатомическія* требовали лишь дополненія въ подробностяхъ. Ученикъ Везалія, Реальдусъ Колумбусъ оспариваетъ у несчастнаго Сервэ и честь открытія легочнаго кровообращенія (1559).

Рядомъ съ этими теоретиками науки, ея успѣхамъ содѣйствовалъ и великій практикъ Амбруазъ Парэ (1517—1590), вышедшій изъ лавки цырульника въ то самое время, когда хирурги пріобрѣтали во Франціи (1545) ученыя права и вытѣсняли изъ своей среды цырульниковъ, тогда какъ въ Германіи вся хирургія была въ рукахъ цырульниковъ и ихъ занятіе считалось безчестнымъ. Парэ сдѣлался реформаторомъ хирургіи, какъ вслѣдствіе своего открытія, что раны отъ огнестрѣльнаго оружія не ядовиты, такъ и вслѣдствіе введенной имъ перевязки артерій въ замѣнъ прижиганія при ампутаціяхъ, не говоря уже о многочисленныхъ частныхъ улучшеніяхъ, введенныхъ имъ въ хирургію. Кромѣ того, онъ, своимъ сочиненіемъ объ огнестрѣльныхъ ранахъ (1545), сдѣлался основателемъ французской научной литературы, такъ-какъ это было первое ученое сочиненіе, напечатанное на французскомъ языкѣ. Точно также его небольшая хирургія (1564) сдѣлалась руководствомъ для большинства хирурговъ и подготовила изгнаніе латинскаго языка изъ учебниковъ. Хотя Парэ, плохо образованный и мало знакомый съ литературою, относился съ крайнимъ уваженіемъ къ авторитетамъ Гиппократа и Галена, но и его дѣятельность была результатомъ того самаго начала, которое должно было лечь въ основу новаго европейскаго развитія, именно результатомъ личнаго опыта и критической оцѣнки наблюдаемыхъ фактовъ.

Рядомъ съ великимъ хирургомъ, чуждымъ ученаго образованія, слѣдуетъ поставить имя другаго, еще болѣе геніальнаго его современника. Также какъ и Парэ, лишь силою своей мысли и энергіею характера возвысился Бернаръ Палисси изъ положенія бѣднаго ремесленника до значенія первостепеннаго художника, стоявшаго наравнѣ съ Челлини, и до того свѣтлаго взгляда на природу, который сдѣлалъ горшечника Палисси предшественникомъ Кювье и Гумбольдтовъ. Впрочемъ, намъ придется говорить о Палисси преимущественно въ слѣдующую эпоху, тогда какъ вся первая и большая часть его жизни (род.

около 1570) прошла въ упорной борьбѣ съ бѣдностью и въ преслѣдованіи открытія разноцвѣтной глазури для фаянсовыхъ издѣлій, что̀ составляло необходимую матеріальную основу для художественныхъ подражаній природѣ помощью глины, покрытой глазурью. Трудясь безъ всякой ученой подготовки и безъ чьей бы то ни было помощи, Палисси въ этотъ періодъ своей жизни накопилъ тѣ многочисленныя наблюденія въ области химіи, геологіи и физики земли, которыя ставятъ его въ рядъ первостепенныхъ естествоиспытателей. Подавленіе возстанія, вызвавшее республиканское произведеніе Ла-Боэти, дало и Палисси болѣе широкое поле дѣятельности. Оно привело конетабля Монморанси въ мѣстность, гдѣ кровожадный и хищный министръ Генриха II могъ ознакомиться съ изящными rustiques figulines Палисси, построилъ ему мастерскую для украшенія своего замка и далъ ему опору для будущаго, тѣмъ болѣе грознаго для Палисси, что онъ въ это самое время принялъ кальвинизмъ и сдѣлался однимъ изъ его проповѣдниковъ.

Къ этой же эпохѣ относятся многочисленные труды по изученію природы. Личности, которыя, въ предшествующіе періоды, посвятили бы себя эрудиціи по древней или схоластической литературѣ, а всего скорѣе богословію, теперь неудержимо стремились къ наблюденію природы, и эти наблюденія накоплялись въ обширныхъ сочиненіяхъ, большею частью компилятивнаго характера, съ рѣдкими проблесками обдуманнаго и яснаго метода, но подобныя компиляціи *дѣйствительныхъ* наблюденій служили прекраснымъ матеріаломъ для будущихъ изслѣдователей, которые должны были внести въ наблюденія природы болѣе систематическій взглядъ. Георгъ Бауэръ (Агрикола, † 1555), о которомъ мы имѣли случай уже говорить прежде, издалъ (1546) свои знаменитыя сочиненія по металлургіи и минералогіи, которыя долго оставались классическими по этимъ предметамъ, были много разъ изданы и послужили основою для развитія новой европейской металлургія и минералогіи. Валерій Эбервеинъ (Кардусъ) въ свою недолгую жизнь (1515—1544) успѣлъ пріобрѣсти извѣстность замѣчательнаго ботаника и фармаколога. Еще болѣе замѣчателенъ былъ въ этой области Леонгардъ Фуксъ (1501—1566), который своею полемикою противу арабскихъ авторитетовъ въ ботаникѣ, и особенно точностью рисунковъ растеній въ своемъ главномъ сочиненіи (1542), далъ надлежащее направленіе

ботаникѣ. Во многихъ мѣстахъ (особенно въ Италіи) возникали ботаническіе сады. Изученіе рыбъ привлекло на себя вниманіе нѣсколькихъ замѣчательныхъ ученыхъ этого времени. Почти одновременно (1551—1555) напечатали въ этой области свои труды Белонъ (1518—1564), пріятель Раблэ—Рондлэ (1507—1566) и итальянецъ Сальвіани (1514—1572). Но самою характеристическою личностью въ этомъ отношеніи былъ Конрадъ Геснеръ (1516—1565), охватившій своею обширною дѣятельностью не только всѣ царства природы, но почти всѣ области человѣческаго знанія. Ботаникѣ принадлежали его первые (1541) труды, точно также какъ его послѣднее сочиненіе, изданное двѣсти лѣтъ послѣ его смерти. Его зоологическое сочиненіе (1551—1558) Кювье считалъ основою современной зоологіи, несмотря на полное отсутствіе метода и на алфавитный порядокъ, принятый Геснеромъ для животныхъ. Впрочемъ, въ послѣдующихъ извлеченіяхъ изъ большого сочиненія (1553—1560) Геснеръ уже употребляетъ группировку видовъ въ роды (genus), и даже собираетъ иногда нѣсколько родовъ въ высшія группы. Онъ оставилъ сочиненіе и по минералогіи (1565), впрочемъ, уступающее сочиненію Агриколы, и небольшой трудъ по фармацевтикѣ (1552), при чемъ самъ на себѣ испытывалъ лекарственное дѣйствіе растеній. Внѣ этихъ трудовъ по естествознанію Геснеръ издалъ громадную компиляцію «Всеобщей библіотеки» (1545), гдѣ далъ полный списокъ всѣхъ извѣстныхъ авторовъ (существовавшихъ въ его время или потерянныхъ), писавшихъ на трехъ ученыхъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ; у Геснера названіе сочиненія сопровождается краткимъ отчетомъ о его содержаніи и критическимъ отзывомъ. Въ 1555 г. Геснеръ напечаталъ «Митридата», то-есть алфавитный списокъ 130 извѣстныхъ въ его время языковъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Кромѣ того, онъ издалъ нѣсколько переводовъ древнихъ авторовъ, участвовалъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ греческаго, латинскаго словарей, и въ своемъ «письмѣ о горахъ» (1541) выказалъ даже довольно замѣчательное поэтическое пониманіе красотъ природы. Ему принадлежатъ и первые опыты употребленія гекзаметра на нѣмецкомъ языкѣ. По обычаю того времени, Геснера назвали новымъ Плиніемъ, но если его сочиненія не уступаютъ въ эрудиціи труду Плинія, то надо замѣтить, что Геснеръ, вѣчно нуждавшійся, не имѣлъ ни рабовъ, ни секретарей, которые бы трудились за него; что онъ

умеръ моложе Плинія, написалъ несравненно болѣе его, и высказалъ въ своихъ сочиненіяхъ не мало критики и стремленія къ личнымъ наблюденіямъ, которыя не приходили и въ голову римскому консуляру.

Италія въ эту эпоху была особенно замѣчательна своими математиками. Какъ Палисси добывалъ себѣ неутомимымъ трудомъ и наблюдательностью мѣсто между первыми учеными, такъ сдѣлалъ и Николо Тартаглія († 1559). Изуродованный французами при разореніи Брешіи (1512), по бѣдности не выучившійся писать всю азбуку до 14 лѣтъ, онъ въ 30 лѣтъ сдѣлалъ первое существенное математическое открытіе новой Европы, рѣшеніе кубичныхъ уравненій (1530—1535), надъ которыми впродолженіе XV вѣковъ трудились математики. Начало этому открытію было положено въ первыхъ годахъ вѣка (ок. 1505) мало извѣстнымъ Сципіо Ферро, преподававшимъ въ Болоньѣ (1496—1525), и его ученики, пользовавшіеся его открытіями, не понимая его, вызывали Тартаглію на состязаніе, которое привело ко вторичному открытію формулы для корней кубичныхъ уравненій и къ ея распространенію. Впрочемъ, Тартаглія не напечаталъ этой формулы ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій, гдѣ положено было начало научной теоріи полета снарядовъ (Scienza nuova. 1550; Quesiti et Invenzioni diversi, 1554) и заключалось не мало замѣчательныхъ розысканій по чистой математикѣ (General trattato, 1560). Эта была эпоха, когда итальянскіе математики посылали другъ другу вызовы съ герольдами, когда ученые турниры при пособіи радикаловъ и кривыхъ линій были весьма обычнымъ явленіемъ. Конечно, многіе старались при этомъ скрыть оружіе, которое доставляло имъ побѣды, и Тартаглія принадлежалъ къ этому числу. По крайней-мѣрѣ, лишь этимъ можно себѣ объяснить то упорное молчаніе, которое онъ хранилъ о своемъ открытіи впродолженіе четверти вѣка, такъ что приходится радоваться нѣкоторой безсовѣстности его соперника, обнародовавшаго это открытіе, несмотря на торжественную клятву молчать о немъ, данную Тартаглія.

Этотъ соперникъ былъ знаменитый Джироламо (Іеронимъ) Кардано (р. 1501), самая замѣчательная часть дѣятельности котораго принадлежитъ разсматриваемой эпохѣ и представляетъ самую оригинальную смѣсь средневѣковыхъ тенденцій мысли съ новыми ея задачами. И ему пришлось, при всей жаждѣ ли-

тературнаго безсмертія, при неутомимомъ трудѣ и обширномъ знаніи, ждать до 36-го года, пока нашелся издатель его сочиненій. Ему пришлось бороться съ нищетою, съ презрѣніемъ рутинеровъ, съ собственными безпорядочными влеченіями и предразсудочною мыслію, пока его книга «О великомъ искусствѣ (Ars magna, 1545) не поставила его въ первомъ ряду современныхъ ему математиковъ, въ то же время, какъ его слава, какъ медика, распространялась до Шотландіи, дѣлала его дорогимъ гостемъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, а его философскія произведенія (De Subtilitate, 1551; De rerum varietate, 1557) дѣлали его имя популярнымъ среди всѣхъ классовъ образованныхъ читателей. Впрочемъ, какъ медикъ, Карданъ не оставилъ слѣда въ исторіи, если не считать важнымъ указаніе имъ практическихъ ошибокъ въ современныхъ ему способахъ леченія. Въ философіи Карданъ принадлежалъ къ разряду мыслителей, которые сохранили средневѣковые пріемы мистическаго міросозерцанія, хотя не считали нужнымъ связывать себя средневѣковыми авторитетами. Старинное число стихій онъ уменьшилъ до трехъ. Психическую дѣятельность человѣка возвелъ къ двумъ началамъ: къ душѣ, умирающей вмѣстѣ съ тѣломъ, и къ божественному духу, единому для всѣхъ людей. Вся природа для него проникнута жизнію, которая тожественна съ небесною теплотою. Поэтому всѣ вещи находятся въ симпатической связи, и человѣкъ можетъ, при посредствѣ экстаза, сновидѣнія или въ истолкованіи знаменій, узнать тайны этой всеобщей симпатіи вещей, предвѣщающей ему будущее, связанной со всею его дѣятельностью. Для Кардана это было нетолько теоретическое воззрѣніе, но совершенно практическій элементъ жизни. Въ своихъ трудахъ, какъ въ своихъ предпріятіяхъ, въ общественной и въ семейной дѣятельности, онъ постоянно наблюдалъ знаменія, ими руководился, и былъ окруженъ міромъ видѣній, въ которыя вѣрилъ совершенно искренно. Въ его ученіи старый фетишизмъ первобытнаго человѣчества выплывалъ наружу наканунѣ развитія новой Европы, какъ бы для болѣе яснаго доказательства, что рядъ метафизическихъ вѣрованій, чуждыхъ природѣ, могъ только на время заслонить отъ человѣка сознаніе ея непосредственнаго вліянія на него, и вся метафизика Порфиріевъ, Августиновъ, Аквинатовъ оказывалась столь мало вліятельною на развитіе человѣческой мысли, что ея призраки, разлетѣвшись, оставляли человѣка

почти на той же ступени пониманія міра, на которой люди стояли въ доисторическій періодъ. Этотъ возрожденный фетишизмъ оказался совершенно годною подготовкою для научнаго періода европейской мысли, такъ-какъ, при всей своей предразсудочности, онъ требовалъ внимательнаго наблюденія и истолкованія наблюденнаго, т.-е. индуктивнаго и дедуктивнаго способа мышленія надъ *реальными* явленіями. Оттого, несмотря на странность міросозерцанія Кардана, онъ могъ стать на видное мѣсто въ ряду предшественниковъ новаго времени. Это было именно въ области математики, гдѣ онъ впервые понялъ значеніе символическихъ выраженій (отрицательныхъ и мнимыхъ), подвинулъ способъ рѣшенія уравненій далеко за предѣлы, которые были достигнуты древними геометрами, и въ особенности внесъ въ общій капиталъ знанія, какъ стройное цѣлое, тѣ отрывочныя завоеванія въ алгебрѣ, которыя составляли секретъ учениковъ Ферро и Тартаглія. Здѣсь Кардану содѣйствовалъ его ученикъ Феррари († 1565), уже 18-ти лѣтъ извѣстный преподаватель и 43-хъ лѣтъ умершій профессоромъ въ Болоньѣ; онъ оставилъ по себѣ извѣстность одного изъ замѣчательнѣйшихъ математиковъ своего времени и обозначилъ своимъ именемъ одинъ изъ важныхъ успѣховъ алгебры, хотя и не оставилъ ни одного сочиненія. Въ естественныхъ наукахъ Карданъ, искавшій въ природѣ фантастическихъ силъ и знаменій, конечно, не могъ сдѣлать многаго; тѣмъ не менѣе онъ пытался путемъ опыта опредѣлить плотности тѣлъ и вѣсъ воздуха, разсматривалъ холодъ какъ отсутствіе жара, производилъ опыты надъ магнитомъ и пытался приложить свое знаніе къ изобрѣтенію разныхъ полезныхъ машинъ. Впрочемъ, то, что можно найти полезнаго въ этомъ отношеніи въ сочиненіяхъ Кардана совершенно отрывочно, не превосходитъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ и средневѣковыми учеными, такъ что изъ средневѣковыхъ тенденцій, тяготѣющихъ на мысли Кардана, эта мысль выработалась лишь въ области математики.

Въ одно время съ Карданомъ трудился надъ математикою и астрономіею мессинецъ Мауролико (1496—1575), и уже въ 1540 г. написалъ обширную математическую энциклопедію, заключавшую всѣхъ замѣчательнѣйшихъ математиковъ и астрономовъ прежняго времени и многочисленные трактаты по всѣмъ отраслямъ чистой и прикладной математики. Но эти сочиненія бо̀льшею частію погибли, а онъ самъ при жизни своей напечаталъ

весьма немногое, и, судя по сохранившимся свѣдѣніямъ, обширная математическая эрудиція «новаго Архимеда» (какъ его называли современники) не привела его къ особенно новымъ результатамъ.

Гораздо важнѣе былъ для математики современникъ Кардана, Штифельсъ, сочиненіе котораго по алгебрѣ (Arithmethica integra, 1854) заключало многія изъ современныхъ алгебраическихъ обозначеній и даже первые шаги къ теоріи логарифмовъ.

Но значеніе всѣхъ этихъ работъ блѣднѣло предъ великимъ трудомъ фрауэнбургскаго каноника,—трудомъ, появленіе котораго совпало съ годомъ смерти автора (1543). Болѣе тридцати лѣтъ Коперникъ подготовлялъ и отдѣлывалъ свое сочиненіе, почти готовое уже въ 1530 г. Извѣстность его распространялась среди ученыхъ Европы, несмотря на его скромную и уединенную жизнь. Уже въ 1536 году, кардиналъ Шомбергъ просилъ его обнародовать свои открытія. Въ 1541 г. напечатано письмо астронома Ретикуса, заключающее главныя черты великой теоріи Коперника. Съ нетерпѣніемъ ждали истинные ученые труда «новаго Птолемея». Издателемъ сочиненія «О движеніи тѣлъ небесныхъ» явился въ 1543 г. Озіандеръ, содѣйствовавшій появленію въ печати многихъ трудовъ Кардана, тотъ самый Озіандеръ, который вызвалъ, какъ мы видѣли, ожесточенные богословскіе споры своими особенными воззрѣніями. Насколько путешествіе Колумба произвело революцію въ географіи, настолько книга Коперника произвела революцію въ астрономическихъ воззрѣніяхъ ученыхъ. И до Коперника было нѣсколько человѣкъ въ исторіи, предполагавшихъ, что земля движется, но они ограничивались предположеніями, догадками, слѣдовательно, ихъ мнѣнія относятся къ философіи, а не къ наукѣ. Можетъ быть, Аристархъ Самоскій сдѣлалъ болѣе, но его сочиненія не дошли до насъ и даже не сохранились въ какомъ-либо подробномъ извлеченіи. Польскій каноникъ первый сдѣлалъ философское *представленіе* о движеніи земли научнымъ *понятіемъ*: онъ предпринялъ оцѣнку его вѣроятности, сравнительно съ другими предположеніями; доказалъ, что оно объясняетъ факты, наблюдаемые астрономами, и давая возможность своимъ преемникамъ повѣрить, исправить и дополнить свою теорію въ тѣхъ частностяхъ, въ которыхъ она была недостаточна. Конечно, при всемъ огромномъ значеніи

сочиненія Коперника, должно сознаться, что оно еще принадлежало не вполнѣ новой наукѣ. Во имя авторитета и эстетическихъ соображеній, онъ допускалъ круговую форму движенія для небесныхъ тѣлъ, какъ единственно возможную. Даже вращеніе земли около оси защищалъ Коперникъ на совершенно ненаучномъ основаніи различія естественнаго движенія отъ насильственнаго. Согласно историческому закону Конта, научное пониманіе небесной механики не могло предшествовать научному пониманію механики вообще, а во время Коперника Галилей еще не родился. Поэтому, метафизическій элементъ долженъ былъ еще имѣть много мѣста въ сочиненіи польскаго астронома и въ книгѣ «De revolutionibus» выказывается характеристическая черта сильныхъ умовъ XVI вѣка: не имѣя ни достаточно матеріала, ни достаточно упражненія для чисто-научныхъ изслѣдованій новаго времени, они смѣло употребляли философскую догадку и даже свидѣтельство авторитета рядомъ съ научною критикою, не различая особенно строго вѣроятности этихъ пріемовъ; но невольно, подъ общимъ давленіемъ времени, они давали все болѣе мѣста научнымъ соображеніямъ, ограничивая гипотезы и цитаты, насколько было возможно; кромѣ того, они руководились эстетическими соображеніями по простотѣ и гармоніи въ природѣ несравненно болѣе, чѣмъ ихъ предшественники—схоластики, чуждые всякаго чувства стройности, или чѣмъ ихъ послѣдователи—эмпирики, сознавшіе, что эстетическія соображенія вовсе не имѣютъ права на мѣсто въ научномъ выводѣ. Изъ указанныхъ трехъ особенностей, первая связываетъ великіе умы разсматриваемой эпохи съ предыдущимъ періодомъ; вторая дѣлаетъ ихъ предшественниками новаго времени; послѣдняя же составляетъ характеристическую черту эпохи, когда обожали Платона и Цицерона; когда именно красота древняго міра привлекала къ нему; когда Рафаэли, Тиціано, Дюреры находили всюду покровителей и въ красотѣ мадоннъ высказывалась настолько же оппозиція противъ средневѣковаго католицизма, насколько она высказывалась въ насмѣшкѣ Маккіавели или въ пламенной проповѣди Лютера.

Прославленное нѣсколькими учеными сочиненіе Коперника не произвело сначала никакого шума, какъ не встрѣтило особеннаго противодѣйствія. Лишь гораздо позже оно подверглось осужденію церкви и внесенію въ «Индексъ».

Замѣтимъ, что въ эту самую эпоху (1554) появились первыя карты Кауфмана (Меркатора) (1512—1594) съ улучшенною системою проэкцій, и Герберштейнъ издалъ (1549) первую карту Россіи.

Въ тотъ самый годъ, когда появилась книга о движеніи свѣтилъ, въ Парижѣ были напечатаны два сочиненія, несравненно болѣе привлекшія вниманіе большинства личностей, считавшихъ себя учеными. Это была логика, пытавшаяся замѣнить логику Аристотеля (Dialeticae institutionis) и рѣзкое нападеніе на знаменитаго стагирита (Arestotelicae animaduersiones). Они принадлежали сыну крестьянина, Пьеру Ла-Рамэ (Ramus), заявившему себя уже прежде (1536) дерзкимъ тезисомъ, что «все, сказанное Аристотелемъ,—ложь». Нападенія на средневѣковаго учителя были не новостью, но никто еще не высказалъ ихъ такъ безусловно и рѣшительно. Озлобленіе схоластиковъ дошло до того, что они обратились къ власти. Франциск I назначилъ диспутъ и окончилъ дѣло указомъ, который запретилъ Ла-Рамэ преподавать философію и вообще запретилъ порицать Аристотеля. Ла-Рамэ занялся математикою, скоро сталъ въ главѣ прэльской коллегіи и поставилъ ее такъ высоко, что снова возбудилъ неудовольствіе университета. Смерть Франциска доставила Ла-Рамэ не только свободу преподаванія, но еще мѣсто профессора въ королевской коллегіи (1551), имѣвшей къ концу жизни Франциска 12 каѳедръ. Несмотря на противодѣйствіе университетскихъ схоластиковъ и на новые процессы о правѣ преподаванія по своему методу, вліяніе Ла-Рамэ было значительно. Онъ былъ предшественникомъ новаго времени именно по своей мысли сблизить философское преподаваніе съ положительною наукою и съ изящною литературою, черпая изъ великихъ писателей и великихъ ученыхъ образцы правильнаго мышленія. Какъ реальный міръ долженъ былъ сдѣлаться основою знанія, такъ реальная жизнь должна была указать потребности школъ. Религіозный вопросъ явился враждебнымъ элементомъ для Ла-Рамэ, какъ онъ явился временною помѣхою для всѣхъ другихъ раціональныхъ началъ развитія въ Европѣ того времени.

Для дополненія характеристики времени замѣтимъ, что въ той же королевской коллегіи занималъ одно время каѳедру еврейскаго языка (1539—1563) визіонеръ Постель, въ ученіи котораго смѣшивались апокалипсическія предсказанія съ мистическою увѣренностью въ высшія силы, ему данныя.

Еще много средневѣковыхъ элементовъ присутствовало въ дѣятельности самыхъ лучшихъ представителей этой эпохи; тѣмъ не менѣе одновременное появленіе въ разныхъ сферахъ мысли личностей съ опредѣленнымъ пониманіемъ новыхъ требованій времени показывало, какую силу пріобрѣтало реальное воззрѣніе на міръ и жизнь въ то самое время, когда фантастическія задачи стояли на первомъ планѣ, и богословы заглушали своими ожесточенными спорами все остальное, а государственная власть стремилась эксплуатировать всѣ элементы жизни. На каѳедрахъ гремѣли ругательства проповѣдниковъ; костры зажигались во всей Европѣ для еретиковъ; войны государей разоряли народы и средневѣковыя права задыхались подъ давленіемъ самодержавныхъ владыкъ. Сравнительно съ этимъ стукомъ и громомъ, очень тихи и мало замѣтны кажутся труды Коперника, Везалія, Кардана, Тартаглія, Палиссѝ, Парэ, Геснера, Ла-Рамэ; но въ этихъ трудахъ скрывались несокрушимыя начала будущаго. Сила ихъ заключалась въ томъ, что они росли и укрѣплялись, несмотря на всѣ препятствія, и что самые ихъ противники невольно прибѣгали къ этимъ началамъ, какъ только это могли сдѣлать безъ очевидной опасности для своихъ стремленій. Что касается до элементовъ, занимавшихъ первыя роли на сценѣ эпохи, то довольно было присмотрѣться къ ихъ развитію, чтобы замѣтить, какъ несовременно и пусто содержаніе фантастическаго элемента, зажигавшаго костры по Европѣ, и какъ неизбѣжно государственная власть должна была въ своемъ быстромъ возрастаніи встрѣтить противодѣйствіе въ тѣхъ самыхъ элементахъ, на которые она опиралась, но которые не могли терпѣть ея безусловнаго преобладанія.

Внѣ движенія, охватившаго Европу въ эту самую эпоху, стояло Московское царство; концетрировавъ всѣ силы Руси подъ рукою Ивана Васильевича Грознаго, оно раздавило ханства Казанское (1552) и Астраханское (1554), оттѣснило крымцевъ (1559) и готовилось вступить въ борьбу съ западно-европейскими силами въ Ливоніи и Польшѣ. Это столкновеніе должно было повести къ сознанію необходимости новыхъ началъ и для московской Руси, которая именно въ то время, когда начинала эту важную для себя борьбу, думала успокоиться на *своихъ* средневѣковыхъ началахъ, закрѣпленныхъ въ Стоглавѣ (1551), въ Судебникѣ (1550), и въ Домостроѣ попа Сильвестра († 1560); ихъ дополняла личная дѣятельность Ивана Васильевича съ его

византійско-монгольскимъ идеаломъ владыки. Раціоналистическія попытки Башкина и Косаго были раздавлены. Противъ любимой литературы народа, противъ апокрифовъ, начиналось сильное гоненіе... Боярамъ, которые не могли ужиться подъ рукою московскаго царя, оставались на выборъ казни или бѣгство въ Литву. Бродячее населеніе казаковъ умножалось на окраинахъ Руси и пробовало искать пути на дальній Востокъ.

1868.

«Отеч. Записки», №№ 8, 9 и 10.

ОБЩІЕ ГЕОЛОГИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ И ИХЪ РѢШЕНІЯ[1]).

> Эти строки, какъ и все, что я когда-либо написалъ и намѣреваюсь со временемъ написать, имѣютъ цѣлью возбудить любопытство, а не удовлетворить его. Я никогда не задавался цѣлью: избавить моихъ читателей отъ труда наблюдать или мыслить. Трудъ есть жизнь. Самоученіе есть наилучшая школа и уроки такой школы наиболѣе заслуживаютъ получаемую ими награду.
>
> Георгъ Маршъ: „Человѣкъ и природа".

Какъ произошла земля? Что претерпѣла она съ тѣхъ поръ, какъ произошла? Каковъ ея составъ въ настоящее время? Вотъ вопросы, которые исчерпываютъ все, что только человѣку хотѣлось и хочется знать о планетѣ, на которой онъ живетъ. Значеніе, постановка и группировка этихъ вопросовъ очень различны, однако же, для различныхъ фазисовъ умственнаго развитія. Для супра-натуралистическаго міросозерцанія группа вопросовъ ограничивается только первыми двумя, при чемъ вопросъ о происхожденіи получаетъ первенствующее значеніе. Постановка этихъ вопросовъ обусловливается сущностью самого міросозерцанія, пріурочивающаго ихъ къ своей безусловной данной и предрѣшающаго ихъ въ этомъ смыслѣ. Постановка второго вопроса, кромѣ того, непремѣнно согласуется еще съ антропоцентрическою системой, неизбѣжно присущей всякому теологическому міровоззрѣнію, а потому и рѣшеніе вопроса суживается, ограничивая прошедшую исторію земли исторіей ея, какъ человѣческаго жилища. Такимъ образомъ, теорія про-

---

[1]) Статья эта, первоначально напечатанная въ «Отеч. Зап.», исправлена авторомъ. *Прим. ред.*

исхожденія земли (геогенія), будучи на этой ступени развитія разума плодомъ фантазіи, сливается съ поэзіей, съ разными легендами и т. п. Гимны Ведъ, космогонія египтянъ, древнѣйшія сказанія семитическихъ племенъ и т. д. нисколько не различаются въ этомъ смыслѣ. Описанія же такихъ фактовъ, какъ землетрясенія, наводненія, вулканическія изверженія и т. п. встрѣчаются обыкновенно какъ эпизоды въ сказаніяхъ и легендахъ того или другого народа и до того искажены и извращены, что совершенно теряютъ свой геологическій характеръ и являются только иллюстраціями телеологическаго воззрѣнія на природу. Такъ, напримѣръ, мѣстныя наводненія превращены во всеобщія, ниспосланныя притомъ же съ извѣстными нравственными цѣлями; такой же характеръ приданъ вулканическимъ изверженіямъ, землетрясеніямъ и т. п. Такимъ образомъ, вмѣсто скромнаго «не знаю»,—единственнаго отвѣта, существующаго на приведенные выше вопросы, для разума, находящагося еще въ своемъ первобытномъ состояніи развитія, мы имѣемъ дѣло съ разнообразными, миѳическими сказаніями, пестрыми легендами и анекдотами. Положительному изученію земли совершенно чужды всѣ эти миѳы, легенды и анекдоты; и если о нихъ здѣсь упоминается, то только потому, что возникновеніемъ своимъ они обязаны тѣмъ именно вопросамъ, съ которыми имѣетъ дѣло и наука.

Метафизическое міросозерцаніе, составляя переходную ступень отъ супра-натуральныхъ воззрѣній къ положительному изученію природы, представляетъ безчисленное множество разнообразнѣйшихъ отвѣтовъ на вопросы о происхожденіи земли, перемѣнахъ, на ней совершавшихся, и ея составу. Несмотря на это разнообразіе, всѣ эти отвѣты не трудно расположить въ возрастающей прогрессіи отъ супра-натурализма до науки, смотря по тому, берется ли за точку исхода отвлеченное понятіе—гармонія чиселъ, идеи, абсолютное бытіе, или какое-нибудь наблюденіе—дѣйствіе воды, огня и т. д., и въ послѣднемъ рядѣ, смотря по количеству и значенію фактовъ, служащихъ опорною точкою построенія и соотношенію къ нимъ дѣлаемыхъ изъ нихъ выводовъ. Этотъ рядъ, какъ очевидно, конечно, для читателя, привелъ бы насъ къ воззрѣніямъ, достойнымъ уже назваться научными, но еще сильно страдающимъ вліяніемъ метафизическихъ традицій, постепенное освобожденіе отъ которыхъ и ведетъ къ чисто научнымъ рѣшеніямъ вопросовъ. Если

бы мы представили теперь распредѣленіе геогеническихъ и геологическихъ взглядовъ въ упомянутомъ порядкѣ, то читателю было бы видно, какъ измѣнялись мало-по-малу группировка и значеніе трехъ главныхъ вопросовъ касательно жизни земли; какъ, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, все болѣе и болѣе брали верхъ тѣ вопросы, которые могутъ быть выведены изъ этихъ фактовъ, и какъ отступали назадъ тѣ, источникомъ которыхъ, по неимѣнію положительныхъ данныхъ, все-таки оставалось воображеніе, какъ измѣнялась постановка этихъ вопросовъ подъ вліяніемъ критики и трезваго взгляда на достижимость изысканій, приведшихъ, наконецъ, къ явственному отдѣленію догадокъ отъ гипотезъ и заключеній, подтверждаемыхъ доказательствами. Мы не станемъ, однако же, такъ долго останавливаться надъ характеристикой метафизическихъ взглядовъ на происхожденіе и развитіе земли, такъ какъ взгляды эти почти столь же мало, какъ и супра-натуралистическія воззрѣнія, имѣютъ общаго съ современною наукой. Нѣтъ сомнѣнія, что и метафизическія предположенія содержатъ иногда извѣстную долю истины; но эта доля истины, связываясь съ общимъ неустойчивымъ строемъ ученія, никогда не могла пустить корней, не могла имѣть вліянія на будущій ходъ научныхъ соображеній. По этой причинѣ метафизическій фазисъ развитія взглядовъ на геогенію и геологію можетъ имѣть значеніе только въ исторіи развитія мысли, въ исторіи же развитія науки его можно пропустить безъ вреда для этой исторіи, такъ какъ онъ не далъ никакого научнаго плода.

Научный періодъ развитія геологіи, т.-е. тотъ именно періодъ, съ котораго начинается опредѣленное и послѣдовательное развитіе этой отрасли знаній, какъ науки, начинаютъ обыкновенно съ фрейбергскаго геолога Вернера, т.-е. со второй половины прошлаго столѣтія. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы научные взгляды не высказывались и ранѣе: послѣдовательное возникновеніе міровоззрѣній не исключаетъ возможности ихъ сосуществованія не только въ одно время, но даже и въ одномъ и томъ же умѣ; они не могутъ сосуществовать только въ рѣшеніи одного и того же вопроса. Метафизическое рѣшеніе неизбѣжно устраняетъ или даже уничтожаетъ рѣшеніе теологическое; научное же рѣшеніе дѣлаетъ излишнимъ и то, и другое. Такимъ образомъ всѣ изобрѣтенія, открытія, весь прогрессъ умственной дѣятельности, служа упроченію, уясненію и расширенію науч-

наго міровоззрѣнія, способствуетъ господству его надъ умами и отодвигаетъ все болѣе на задній планъ предшествовавшія ему теологическія и метафизическія ученія. Такой ходъ развитія совершенно вѣренъ въ примѣненіи къ прогрессу геологическихъ наблюденій. Уже въ древности, когда количество наблюденій было еще чрезвычайно малочисленно, когда средства изученія природы были до крайности скудны, когда во всѣхъ отрасляхъ знанія надо было пробивать совершенно новые пути,—въ это время даже умы, свободно обращавшіеся къ наблюденію природы, безъ робко предвзятыхъ авторитетовъ, безъ предварительно измышленныхъ умозрительныхъ теорій, доходили до результатовъ, которые можно назвать научными, какъ они ни отрывочны. Аристотель, и, въ особенности, Страбонъ высказали нѣкоторыя положенія, которыя могли бы сдѣлать исходными точками для цѣлаго рода другихъ такихъ же положеній и привести такимъ образомъ къ установленію науки на началахъ наблюденія, а впослѣдствіи, конечно, и опыта; но послѣдовавшее въ извѣстный историческій періодъ сильное уклоненіе человѣческаго ума къ вопросамъ характера супра-натуральнаго и умозрительнаго надолго отсрочило эту желанную эпоху. Аристотель замѣтилъ уже, что распредѣленіе суши и моря въ нѣкоторыхъ странахъ не всегда остается одинаково, что часто море является тамъ, гдѣ была суша, и потомъ снова является суша тамъ, гдѣ было море; изъ чего онъ выводилъ предположеніе, что такія измѣненія совершаются по извѣстнымъ законамъ и въ извѣстный періодъ времени. Онъ утверждалъ также, что большія рѣки, каковы напр. Нилъ, или Танаисъ (Донъ), не текли отъ вѣка. Онъ полагалъ, что мѣста, изъ которыхъ онѣ возникли, были нѣкогда сухи, и что въ будущемъ непремѣнно существуетъ предѣлъ ихъ теченію. А такъ какъ для времени предѣловъ нѣтъ, то слѣдуетъ думать, утверждалъ онъ, что *все* измѣняется съ теченіемъ времени.

Мы увидимъ, какъ здравы и глубокомысленны эти наблюденія съ точки зрѣнія современныхъ геологовъ.

Но еще замѣчательнѣе воззрѣнія Страбона. Онъ замѣтилъ, что воды поднимались или опадали, отступали отъ нѣкоторыхъ мѣстностей и наводняли другія. Причину такихъ явленій онъ видѣлъ въ томъ, что одна и та же мѣстность иногда подымается, а иногда осѣдаетъ. Такимъ образомъ, море то прибываетъ, то убываетъ, такъ что оно или затопляетъ землю, или снова воз-

вращается въ свое ложе. Изъ этого можно заключить, утверждалъ онъ, что земля, какъ находящаяся подъ моремъ, такъ и затопляемая имъ, подвижна. Кромѣ этого замѣчательнаго наблюденія, онъ высказалъ еще одну общую для всѣхъ геологическихъ явленій мысль, значеніе которой могло быть оцѣнено лишь въ новѣйшее время. Онъ говоритъ, что заимствовать свои объясненія всегда слѣдуетъ изъ такихъ явленій, которыя очевидны и которыя случаются, такъ сказать, ежедневно, какъ, напримѣръ, наводненія, землетрясенія, вулканическія изверженія и внезапное вздуваніе земли подъ моремъ; ибо послѣднее подымаетъ также и самое море; когда же дно морское снова осѣдаетъ, то заставляетъ осѣдать и море. Изъ этого Страбонъ вывелъ то заключеніе, что не только малые и большіе острова, но и цѣлые материки могутъ осѣдать и вновь подыматься.

Онъ первый, наконецъ, взглянулъ на вулканы какъ на предохранительные клапаны, и утверждалъ, что землетрясенія тамъ бываютъ слабѣе, гдѣ существуютъ уже готовые кратеры для изверженій.

Примѣрами такихъ здравыхъ, но отрывочныхъ взглядовъ на развитіе земли довольно богатъ весь многовѣковой до-Ляйэллевскій періодъ исторіи геологіи. Съ первымъ пробужденіемъ умственной дѣятельности въ X вѣкѣ у арабовъ, мы находимъ уже весьма вѣрныя отдѣльныя мнѣнія у Авицены, Омара Эль-Аалема и въ XIII вѣкѣ у Могамеда Кацвини. Въ Европѣ, съ первыми же годами возрожденія, передъ нами является Агрикола съ своими замѣчательными трудами по минералогіи. Позже мы встрѣчаемъ Палисія, Стенона, Листера, Лацаро-Моро, Дженерелли и многихъ другихъ, изысканія которыхъ по геогнозіи и палеонтологіи исходили непосредственно изъ наблюденія и подготовляли путь установленію научныхъ теорій. Историку науки весьма важны всѣ эти мнѣнія въ ихъ послѣдовательномъ и связномъ развитіи, наша же общая характеристика геологическихъ воззрѣній можетъ довольствоваться изложеніемъ взглядовъ только тѣхъ немногихъ ученыхъ, которые, подобно Аристотелю и Страбону, стояли выше общаго уровня и болѣе другихъ способствовали обособленію теорій, имѣвшихъ научную точку опоры наблюденія, отъ тѣхъ, которыя опирались на выгороженномъ изъ критики авторитетѣ или на зыбкомъ произволѣ фантазіи и личнаго умозрѣнія.

Такими опередившими свой вѣкъ учеными были: Лацаро-

Мòро (1740) и комментаторъ его Дженерелли (1749). Мòро, вопреки общепрнпятому въ его время мнѣнію, утверждалъ, что всѣ великія явленія природы, какъ относящіяся къ глубокой древности, такъ и новѣйшія, одинаково происходятъ отъ постояннаго дѣйствія обыкновенныхъ причинъ, обусловливающихъ всѣ естественныя явленія и въ настоящее время. Сочиненіе его «о раковинахъ и другихъ морскихъ тѣлахъ, находящихся на горахъ» (Sui trostacei ed altri Corpi marini che si trovano sui monti), вышедшее въ свѣтъ въ 1740 году, содержитъ основательное и изящное изложеніе его теоріи. Мòро былъ хорошо знакомъ съ древними писателями и очевидно заимствовалъ основанія своей теоріи у Страбона. Замѣчательныя явленія, случившіяся при его жизни, обратили его вниманіе на дѣятельность подземныхъ силъ. Появленіе новаго острова въ Санторинскомъ заливѣ (1707) дало ему поводъ остроумно осмѣять нелѣпыя мнѣнія его современниковъ. Онъ описываетъ вымышленный пріѣздъ на новый островъ общества натуралистовъ, ничего не знающихъ о его недавнемъ происхожденіи. Одинъ изъ нихъ тотчасъ же указываетъ на морскія раковины, какъ на подтвержденіе всемірнаго потопа; другой говоритъ, что онѣ свидѣтельствуютъ о первобытномъ пребываніи моря на горахъ; третій принимаетъ ихъ за простую игру природы; а четвертый доказываетъ, что онѣ родились и вскормились внутри этой скалы въ древнихъ пещерахъ, въ которыя соленая вода поднималась въ видѣ паровъ отъ дѣйствія подземнаго жара. Но ни одинъ изъ всѣхъ этихъ глубокомысленныхъ метафизиковъ не приходитъ даже къ малѣйшему намеку на то, что островъ образовался тѣми именно силами, которыя работали на глазахъ у самихъ наблюдателей.

Теорія Мòро была такъ глубоко понята и такъ усвоена Дженерелли, что онъ былъ увѣренъ въ возможности, при помощи ея, объяснить всѣ явленія, безъ насилія, безъ вымысловъ, безъ гипотезъ и безъ чудесъ.

Но такихъ независимыхъ умовъ было немного.

Въ процессѣ возникновенія и возрастанія научныхъ воззрѣній въ области геологіи въ высшей степени поучительно слѣдить за тѣмъ давленіемъ, которое долго оказываютъ супра-натуралистическія ученія и метафизика на выводы, дѣлаемые учеными изъ своихъ наблюденій. И въ наше время даже мы имѣемъ печальный примѣръ умопзвращенія Агасиса и ему подобныхъ геоло-

говъ, но такое умоизвращеніе имѣло несравненно бо́льшіе размѣры и было гораздо грубѣе тогда, когда причины его были и рѣзче, и сложнѣе. Въ эти печальныя эпохи цѣлые періоды литературы, сохраняя свою внѣшнюю связь съ геологіей, вырождались, по мѣткому выраженію Фогельзанга, въ ничтожную «Sündfluth-Literatur» или что-нибудь подобное (H. Vogelsang: «Philosophie der Geologie», 57). Не менѣе печальны и вліянія метафизики, которыя въ сильной степени отразились и на отцѣ современной геогнозіи—Вернерѣ. Геологическія мнѣнія Вернера были основаны на непосредственномъ изученіи явленій, представляемыхъ земной корой. Къ несчастью, наблюденія эти тѣсно ограничивались только окрестностями того города (Фрейберга, въ Саксоніи), гдѣ протекла ученая дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка. Если бы Вернеръ не былъ зараженъ метафизикою, наблюденія его послужили бы драгоцѣннымъ матеріаломъ для его преемниковъ. На самомъ же дѣлѣ, онъ, какъ метафизикъ, считалъ себя въ правѣ говорить о «всемірныхъ формаціяхъ», сооружать всеобщую теорію нептуническаго происхожденія этихъ формацій, и въ то же время всѣ наблюденія его ограничивались однимъ маленькимъ саксонскимъ округомъ, да и тутъ, какъ замѣтилъ Ляэйлль, въ разстояніи часа ходьбы отъ Фрейберга, можно было встрѣтить факты, явно опровергавшіе его поспѣшныя заключенія. Нептуническая теоріи Вернера, по словамъ Спенсера, нелѣпа не только потому, что она представляетъ выводы нисколько несоразмѣренные съ массою сдѣланныхъ наблюденій, но еще и потому, что она не выдерживаетъ анализа. «Совершенно непонятно, какимъ образомъ всеобщій хаотическій растворъ могъ осаждать, одинъ за другимъ, многочисленные, рѣзко опредѣленные пласты, разнящіеся другъ отъ друга по составу. Еще непонятнѣе, какимъ образомъ осаждаемые такимъ способомъ пласты могутъ содержать животныхъ и растеній, которыя не могли существовать при предполагаемыхъ условіяхъ» (Спенсеръ: «Нелогическая геологія». Собр. соч., вып. IV, стр. 281). Это замѣчаніе Спенсера выказываетъ еще одну слабую сторону Вернеровой теоріи, сторону, также обнаруживающую въ немъ метафизика, т.-е. человѣка, увлекающагося объективированіемъ понятій и ускользающаго отъ неумолимыхъ требованій дѣйствительности. Въ меньшей степени, чѣмъ глава нептунистовъ—Вернеръ, былъ подчиненъ вліянію метафизики Гюттонъ—глава вулканистовъ. Этотъ геологъ по-

шелъ гораздо далѣе Вернера: взглядъ его шире, методъ раціональнѣе; но окончательные выводы почти столько же односторонни, какъ и выводы Вернера. Гюттонъ, самъ того не зная, развилъ въ нѣкоторой степени взгляды Стенона; онъ указалъ на то, что осадочные слои никогда не перестаютъ образовываться на днѣ моря изъ ила, приносимаго прѣсноводными теченіями; далѣе онъ обратилъ вниманіе на то, что тѣ наслоенія, изъ которыхъ состоитъ бо̀льшая часть видимой поверхности земли, носятъ слѣды, указывающіе на образованіе ихъ прежде бывшаго материка, и заключилъ, что наслоенія эти могли превратиться въ сушу только чрезъ повышеніе почвы, послѣдовавшее за ихъ образованіемъ. Такимъ образомъ онъ пришелъ къ тому выводу, что въ теченіе неопредѣленнаго періода времени должны были въ прошломъ происходить періодическіе перевороты, поднимавшіе материки и сопровождавшіеся промежутками покоя, впродолженіе котораго, образовавшіеся такимъ образомъ материки смывались и снова превращались въ подводныя наслоенія, долженствовавшія въ свою очередь быть поднятыми надъ поверхностью океана.

Отличительною чертою этой теоріи отъ теоріи Вернера было еще и то, что Гюттонъ не допускалъ, подобно Вернеру, дѣйствія въ прошедшемъ никакой причины, которая не принадлежала бы къ настоящему порядку природы. При всемъ этомъ превосходствѣ надъ Вернеромъ, Гюттонъ, по мнѣнію Ляэйлля, ни на шагъ не опередилъ Лацаро-Мо̀ро и нѣкоторыхъ другихъ предшествовавшихъ ему геологовъ. Онъ даже отсталъ отъ нихъ, допустивъ перемежающіеся періоды повсемѣстнаго потрясенія и покоя, котораго не допускали ни Мо̀ро, ни Дженерелли.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія,—говоритъ Ляйэлль,—что періоды потрясенія и покоя послѣдовательно наступали во всякой области земного шара; но не менѣе того справедливо, что сила подземныхъ движеній всегда была одинакова въ отношеніи ко всей землѣ. Сила землетрясеній въ извѣстный періодъ лѣтъ постоянно ограничивалась, какъ и теперь, большими, но опредѣленными пространствами, и потомъ постепенно перемѣщалась, такимъ образомъ, что другая область, въ теченіе вѣковъ пребывавшая въ покоѣ, въ свою очередь становилась великимъ центромъ ея дѣйствій» (Ляйэлль: «Основанія геологіи». I, 59).

Эти замѣчанія не имѣютъ цѣлью умалить значеніе дѣйствительныхъ заслугъ Вернера и Гюттона, но скорѣе смягчаютъ сте-

пень ихъ заблужденій, объясняя причину ихъ. Мало того: какъ ни сильно вліяніе метафизики на теоріи этихъ двухъ геологовъ, оно не простирается, однако же, до такой степени, чтобы заставить ихъ отвергать наблюденіе, какъ основаніе своихъ теорій, и такимъ образомъ упорно удерживать метафизико-теологическій порядокъ и постановку вопросовъ. Геогенія отходитъ уже на задній планъ, и на первый выступаетъ вопросъ о составѣ земной коры; масса фактовъ не перестаетъ возрастать, не перестаетъ накопляться матеріалъ, долженствующій впослѣдствіи обнаружить несостоятельность слишкомъ поспѣшныхъ теорій и послужить основаніемъ теоріямъ болѣе совершеннымъ.

Очень важны въ этомъ смыслѣ работы Джемса Галля, въ первый разъ примѣнившаго *опытъ* къ рѣшенію геологическихъ вопросовъ. Страсть къ гипотетическимъ теоріямъ была такъ сильна, однакожъ, что опыты Галля были почти не замѣчены и не могли помѣшать неистовому и чисто нелѣпому спору вулканистовъ и нептунистовъ,—спору, все болѣе и болѣе обнаруживавшему несостоятельность обѣихъ спорящихъ сторонъ. Такимъ образомъ, умы не освободились еще вполнѣ отъ вліяній Вернеръ-Гюттоновскихъ воззрѣній, и новая теорія, выработанная въ концѣ прошлаго вѣка людьми геніальными и имѣвшая и позже не менѣе геніальныхъ представителей, не могла, несмотря на многія великія достоинства, развиться до чисто-научной системы, а служила только переходной ступенью отъ полу-метафизическихъ воззрѣній исключительныхъ нептунистовъ и вулканистовъ къ научнымъ воззрѣніямъ нашего времени.

Переходная теорія, о которой мы говоримъ, считаетъ въ числѣ своихъ основателей и послѣдователей такихъ людей, какъ Кантъ, Гершель, Лапласъ, Кювье, Эли-де-Бомонъ и др. Геогенія занимаетъ еще въ ней весьма видное мѣсто и представляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ гипотезъ, какія только создавалъ когда-либо умъ человѣческій. Первоначальная идея этой геогеніи была высказана Кантомъ, еще въ 1755 году, въ его «Allgem. Naturgeschichte des Himmels», потомъ развита В. Гершелемъ и, наконецъ, получила свою окончательную блестящую форму въ «Exposition du systeme du monde» Лапласа, явившемся въ 1796 г.

Чтобы читатель могъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ гипотезы Лапласа, я напоминаю ему ее въ общихъ чертахъ.

Лапласъ предполагаетъ, что въ неопредѣленно-отдаленное отъ насъ время—вся масса матеріи, изъ которой состоятъ не-

бесныя тѣла, наполняла собою все небесное пространство, а потому состояніе этой массы было въ высочайшей степени разрѣженное,—газообразное. Но такъ какъ масса этой матеріи и тогда неизбѣжно подчинялась тѣмъ же законамъ, которые и теперь управляютъ естественными явленіями, то, вслѣдствіе силы притяженія, частицы этой газообразной матеріи стали стремиться другъ къ другу, встрѣчаться, соединяться химически... Это сближеніе и соединеніе частицъ естественно развило нагрѣваніе ихъ, которое, мало-по-малу, вслѣдствіе сложности и многочисленности вызывавшихъ теплоту процессовъ, достигло въ центральныхъ точкахъ оплотненія матеріи, сильнѣйшей степени калильнаго жара. Центральныя эти точки представили такимъ образомъ, по прошествіи извѣстнаго времени, опредѣлить которое невозможно, отдѣльныя сферы, которыя, будучи результатомъ движенія частичекъ матеріи къ одному общему центру, притомъ, разумѣется, съ неровною скоростью, двигались вокругъ своихъ осей и общаго центра тяжести. Наша солнечная система произошла отъ одной изъ такихъ сферъ, вслѣдствіе измѣненій, которыя пришлось претерпѣть огненной массѣ этой сферы, непереставшей измѣняться согласно съ законами, вѣчно и неизмѣнно присущими матеріи. Измѣненія, обнаружившіяся прежде другихъ, были слѣдствіемъ центробѣжной силы: отъ сферы стали отдѣляться кольца, имѣвшія, подобное ей, вращательное движеніе. Это отдѣленіе колецъ или обручей продолжалось до тѣхъ поръ, пока сцѣпленіе частицъ центральнаго тѣла было уже въ состояніи противиться дальнѣйшему ихъ отдѣленію. Далѣе измѣненія пошли все тѣмъ же, правильнымъ, естественнымъ порядкомъ: неровная толщина колецъ и неравномѣрное ихъ охлажденіе послужило причиной ихъ разрыва и сгущенія въ отдѣльныя, сравнительно, небольшія сфероиды, продолжавшія двигаться по тому же направленію, по которому двигались кольца. Эти сфероиды и суть планеты, въ своемъ первоначальномъ газообразномъ состояніи. Нѣкоторыя изъ нихъ отдѣлили кольца, подобно центральному тѣлу—солнцу и, вслѣдствіе разрыва этихъ колецъ, пріобрѣли себѣ спутниковъ; другія такихъ колецъ не отдѣлили и спутниковъ не имѣютъ; у третьихъ, наконецъ, кольца остались неразорванными и продолжаютъ вращаться вокругъ планеты и до настоящаго времени.

Въ солнечной системѣ такія кольца остались только у одной планеты—Сатурна.

Итакъ, согласно идеѣ Лапласа, всѣ планеты, вращающіяся вокругъ солнца, были прежде составною его частью и представляли одно громадное сферическое тѣло, плотность котораго была менѣе плотности водорода. Періодъ такого газообразнаго состоянія продолжался и по отдѣленіи колецъ, и потому земля, какъ и всякая планета, начала свое отдѣльное существованіе съ формы газообразнаго шара, діаметръ котораго въ шесть разъ превосходилъ настоящій поперечникъ земли. Всѣ планеты въ этотъ періодъ времени различались только по величинѣ и не имѣли никакого индивидуальнаго характера. Характеръ этотъ стали онѣ пріобрѣтать только тогда, когда охлажденіе, доведя ихъ до теперешнихъ размѣровъ, начало образовать твердую кору. Эта гипотеза, какъ мы сказали уже, блестяща, геніальна: она лучше, чѣмъ всякая другая, объясняетъ всѣ великія явленія астрономіи: единообразное движеніе планетъ отъ запада къ востоку, вращеніе ихъ вокругъ своихъ осей и вокругъ общаго центра тяжести, вращеніе и движеніе большей части спутниковъ вокругъ ихъ планетъ и т. д. Наконецъ, кольца Сатурна краснорѣчивѣе всего остального говорятъ въ пользу вѣроятности этой геніальной гипотезы. Наблюденіемъ небесныхъ явленій не истощаются, однако жъ, доказательства, подтверждающія эту вѣроятность; французскій физикъ Платò (Plateau) придумалъ въ высшей степени остроумный способъ, которымъ воспроизводятся въ маломъ размѣрѣ явленія, имѣющія у Лапласа космическое значеніе. Но, какъ ни обаятельно дѣйствуетъ на умъ эта теорія, не надо забывать, однако жъ, что она есть не болѣе, какъ гипотеза, и что самъ Лапласъ относился къ ней съ *недовѣріемъ* (Expos. du syst. d. monde, p. 450). И въ самомъ дѣлѣ, гипотеза эта, по замѣчанію Е. Реклю (La terre, p. 22, 23 et suiv.), не объясняетъ возникновенія и законовъ движенія кометъ, тяготѣющихъ къ центру солнечной системы, но чуждыхъ этой системѣ, по мнѣнію Лапласа; она не объясняетъ равнымъ образомъ эллиптической формы планетныхъ орбитъ и наклоннаго положенія планетныхъ осей; она противорѣчитъ направленію движеній спутниковъ Урана, вращающихся вокругъ этой планеты въ сторону, противоположную направленію движенія спутниковъ всѣхъ другихъ планетъ. Далѣе, отдаленныя туманныя пятна, долго считавшіяся астрономами массами несгустившейся еще космической матеріи, большею частью разложены теперь при помощи усовершен-

ствованныхъ телескоповъ на множество звѣздъ, а потому перестаютъ служить данными, подтверждающими гипотезу Лапласа. Очевидно изъ этого, что эта гипотеза не можетъ считаться состоятельною, такъ какъ она не даетъ объясненія *всѣхъ*, охватываемыхъ ею, явленій.

Но какимъ же измѣненіямъ подверглась далѣе та газообразная, раскаленная сфера, изъ которой впослѣдствіи образовался твердый шаръ, называемый нами землей?

Газообразная, раскаленная сфера эта, утверждаютъ систематики той школы, съ воззрѣніями которой мы теперь знакомимъ читателя, теряла отъ лучеиспусканія въ безпредѣльное пространство свою теплоту, вслѣдствіе чего сжималась и мало-помалу переходила изъ газообразнаго въ жидкое состояніе. Этотъ переходъ совершался, однако жъ, неравномѣрно, такъ какъ степень охлажденія для различныхъ составныхъ частей земли была различна. Такимъ образомъ и тогда, когда значительнѣйшая масса сфероида находилась уже въ жидкомъ состояніи, ее облекалъ газообразный слой несгустившихся частицъ. Мало-по малу, нѣкоторая доля этихъ частицъ стала сгущаться и опускаться на жидкое ядро, охлажденіе котораго превратило его мѣстами изъ жидкаго состоянія въ твердое. Эти отвердѣвшія части соединялись постепенно въ одну массу, подобно льдинамъ замерзающей рѣки, и сплотились, наконецъ, такъ, что образовали одну сплошную твердую кору.

Окончательное образованіе этой коры не могло, однако жъ совершаться путемъ равномѣрнаго отвердѣнія; различная толщина коры, различный составъ ея, обусловливавшій неровную степень охлажденія, и вліяніе приливовъ и отливовъ внутренней огненно-жидкой массы безпрестанно производили трещины, сквозь которыя извергалась эта масса, застывая мало-по-малу на поверхности въ видѣ неровныхъ возвышеній. Эти возвышенія и были первобытными горными цѣпями, образовавшимися на только-что застывшей и еще раскаленной поверхности земли.

Поверхность эта, изрытая по всѣмъ направленіямъ такими горными цѣпями и трещинами, продолжала охлаждаться и настало, наконецъ, время, когда температура ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и температура окружающей ее атмосферы, понизилась до того, что пары, изобильно содержавшіеся въ этой послѣдней, перешли изъ газообразнаго въ жидкое состояніе и упали въ видѣ дождя на землю. Но первый дождь, сошедшій на раскален-

ную еще поверхность земли, не могъ остаться на ней, и немедленно же вновь превратился въ пары и поднялся въ верхніе слои атмосферы, откуда новое охлажденіе опять устремило его на землю въ видѣ дождя.

Сколько времени продолжалась эта борьба стихій—опредѣлить, конечно, невозможно; можно утверждать только то, что настало время, когда побѣда осталась на сторонѣ воды, которая и наполнила собой всѣ углубленныя части земной поверхности. Вода эта, естественнымъ образомъ, заключала въ себѣ огромное количество минеральныхъ частицъ, примѣшавшихся къ ней вслѣдствіе размыванія ею твердыхъ массъ земной коры. Послѣ многихъ и многихъ лѣтъ кипѣнія такой воды въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она накопилась, образовались огромныя моря минеральнаго болота, начавшаго давать осадокъ только тогда, когда всеобщее движеніе кипѣнія и дистилляціи прекратилось. Осадки эти, отличаясь ровными слоями, образовали тѣ первоначальныя породы, большей части которыхъ не суждено было, однакожъ, долго остаться въ томъ состояніи, въ которомъ онѣ отложились, такъ какъ подъ вліяніемъ раскаленной поверхности, съ которою онѣ вошли въ непосредственное соприкосновеніе, онѣ были расплавлены и потерпѣли различныя преобразованія (метаморфозы). Позднѣйшее ихъ кристаллизованіе, бывшее слѣдствіемъ продолжавшагося охлажденія земли, образовало сланцы, находящіеся теперь поверхъ первоначальныхъ породъ огненнаго происхожденія.

Вслѣдъ за этими первыми потрясеніями послѣдовалъ періодъ сравнительно болѣе спокойный, извѣстный у той школы геологовъ, мнѣнія которыхъ мы теперь излагаемъ, подъ названіемъ «переходной эпохи». Въ теченіе этой послѣдней эпохи появляется уже на землѣ жизнь, и два первобытныя животныя—*Eozoon Canadense* и *Paradoxides Harlani*, какъ бы оспариваютъ одно у другого честь называться первымъ звеномъ жизни на нашей планетѣ.

Такимъ образомъ мы нечувствительно перешли изъ области геогеніи въ область геогнозіи, то-есть отъ воззрѣній, могущихъ имѣть характеръ не болѣе, какъ гипотетическій, къ той части геологіи, которая, вмѣстѣ съ палеонтологіей, содержитъ уже въ себѣ всѣ данныя для научной достовѣрности. Въ самомъ дѣлѣ, не представляютъ ли горныя породы, минералы, окаменѣлости, какія только теперь были открыты и изслѣдованы,

какъ бы богатый архивъ, содержащій всю протекшую исторію земли? Тогда какъ геогеническія воззрѣнія опираются на однѣ только догадки, воззрѣнія геогностическія и палеонтологическія строются на прочномъ основаніи наблюдательныхъ и испытуемыхъ явленій, и геологу надо только умѣть пользоваться находящимся передъ нимъ архивомъ, чтобы придать своимъ изслѣдованіямъ вполнѣ научное значеніе.

Геологи той школы, воззрѣнія которой непосредственно связываются съ геогенической гипотезой Лапласа, не были еще, какъ мы и сказали уже, свободны отъ вліянія метафизики. Они не могли, слѣдовательно, приступить къ изученію геогностическихъ и палеонтологическихъ явленій безъ всякихъ предвзятыхъ идей, съ полною рѣшимостью слѣдовать безусловно научнымъ указаніямъ. Это обстоятельство отклоняло ихъ отъ прямого научнаго пути и не дозволяло имъ пользоваться «архивомъ» исторіи земли такъ, какъ то было возможно при сравнительно-высокомъ состоянія развитія точныхъ знаній, на которыя они могли опираться. Мы остановимся на Кювье, какъ на самомъ характеристическомъ представителѣ систематиковъ этой школы, и покажемъ, какъ даже великія научныя открытія этого ученаго, далеко подвигавшія впередъ частныя отрасли геологіи, служили, при метафизическомъ строѣ его мышленія, источникомъ ложнаго разрѣшенія общихъ вопросовъ этой науки.

Открытія, о которыхъ мы говоримъ, касаются палеонтологіи, и намъ приходится сказать о ней теперь нѣсколько словъ.

Вѣрные взгляды на окаменѣлые остатки организмовъ, находимыхъ въ землѣ, имѣли общую участь со всѣми положительными знаніями естественныхъ явленій; древніе ученые пытались установить ихъ на основаніи наблюденія, но попытки эти были забыты и, въ слѣдующую затѣмъ эпоху паденія умственной дѣятельности, выдвигаются самыя безобразныя мнѣнія. Схоластическіе ученые обнаружили особенно богатую изобрѣтательность. Андрей Маттіоли, напримѣръ, ботаникъ и комментаторъ Діоскорида, утверждалъ, что какое-то жирное вещество, «materia pinguis», приходя отъ теплоты въ броженіе, производитъ ископаемыя, органическія формы. Падуанецъ Фаллоппіо полагалъ, что окаменѣвшія раковины зарождались отъ броженія въ мѣстахъ, на которыхъ находились, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ получали свою форму отъ «возмущеннаго движенія земныхъ испареній». Онъ хотя и славился какъ профессоръ

анатоміи, однакожъ, доказывалъ, что слоновые клыки, вырытые въ его время въ Апуліи, были не что иное, какъ земляныя отвердѣнія и, основываясь на такихъ началахъ, дошелъ до того, что принялъ посуду, найденную въ Римѣ, за естественные отпечатки на почвѣ. Наиболѣе же распространенный взглядъ на окаменѣлости въ средніе вѣка заключался въ приписываніи ихъ образованія какимъ-то таинственнымъ силамъ «vis plastica», «nisus formativus» и т. п. Или, наконецъ, ихъ просто считали игрою природы, «lusus naturae». Эти и подобныя нелѣпости, будучи въ теченіе столѣтій единственными рѣшеніями вопроса объ ископаемыхъ органическихъ остаткахъ, вмѣстѣ съ другими неменьшими абсурдами, изобильно обрѣтавшимися въ упомянутой уже нами «Sundfluth-Literatur», пустили въ умахъ до того глубокіе корни, что еще даже въ прошломъ столѣтіи возможно было утверждать, что каменныя породы оплодотворялись посредствомъ такъ называемаго «Aura seminalis», проникавшаго въ нихъ вмѣстѣ съ водой, и производили то «каменное мясо» (caro fossilis), которое мы считаемъ теперь окаменѣлыми остатками древнихъ организмовъ.

Здравые научные взгляды встрѣчаемъ мы опять только въ эпоху возрожденія. Знаменитый Леонардо де-Винчи (1452—1519) утверждалъ, что илъ, отлагающійся въ видѣ осадка въ водѣ, служилъ причиною окаменѣванія тѣхъ органическихъ остатковъ, которые въ немъ погребались; потомъ Фракасторо (1517) былъ убѣжденъ, что ископаемыя раковины принадлежали живымъ животнымъ, нѣкогда обитавшимъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь находятся ихъ остатки. То же самое говорилъ и Беннаръ Палисси (1500—1589) въ сочиненіи своемъ: «О происхожденіи ключей изъ дождевой воды». Цеховые ученые долго не принимали, однакожъ, этого простого и естественнаго объясненія, и только со временъ Вернера вошло оно въ науку и стало, наконецъ, общепринятымъ. Строго научное значеніе получили, однакожъ, эти взгляды на органическіе ископаемые остатки лишь въ началѣ настоящаго столѣтія въ трудахъ Ламарка и Кювье. Этотъ послѣдній, въ знаменитомъ сочиненіи своемъ «Recherches sur les ossements fossiles» (1821—24), установилъ на чисто-научныхъ основаніяхъ важнѣйшіе законы палеонтологіи. Одинъ изъ главнѣйшихъ изъ нихъ тотъ, что различіе организмовъ, погребенныхъ въ разныхъ пластахъ земной коры, отъ организмовъ, нынѣ живущихъ, тѣмъ рѣзче, чѣмъ глубже находятся окаменѣ-

лые остатки, то-есть, чѣмъ древнѣе жили тѣ животныя, которымъ принадлежатъ эти остатки. Въ самомъ дѣлѣ, при каждомъ вертикальномъ разрѣзѣ земной коры можно наблюдать, какъ постепенно усиливается сходство погребенныхъ въ ней организмовъ съ организмами современныхъ животныхъ по мѣрѣ приближенія пластовъ къ наносамъ новѣйшаго образованія.

Возвратимся теперь къ общимъ геологическимъ воззрѣніямъ Кювье, изложеннымъ въ его «Discours sur les revolutions de la surface du globe» 1830. Мы уже сказали, что воззрѣнія эти находились въ прямой зависимости отъ его палеонтологическихъ изысканій и сложились подъ вліяніемъ метафизическаго міросозерцанія. Зависимость отъ палеонтологическихъ изысканій обнаруживается тѣмъ, что Кювье, очевидно, *ими* былъ приведенъ къ установленію характеристикъ своихъ геологическихъ періодовъ; вліяніе же метафизики видно изъ того, что періоды эти разграничены всеобщими земными переворотами, обусловленными у Кювье дѣйствіями особенныхъ силъ, переставшихъ уже обнаруживаться въ современномъ ходѣ жизни земли. Такимъ образомъ, развитіе земли, какъ индивида, представляется у Кювье рядомъ перемежающихся катастрофъ, смѣняемыхъ періодами сравнительнаго покоя, при чемъ флора и фауна каждаго изъ этихъ періодовъ безусловно отличается отъ флоры и фауны смежныхъ періодовъ, такъ какъ катастрофы уничтожаютъ вполнѣ все живое, и съ наступленіемъ новаго періода *создаются* совершенно новыя формы растительной и животной жизни. Силы, создающія эти новыя формы жизни, и суть именно тѣ метафизическія бытія, которыя идутъ въ разрѣзъ со всѣми современными наблюденіями. Результаты дѣятельности этихъ силъ—рѣзкія границы флоръ и фаунъ различныхъ періодовъ, не менѣе противорѣчатъ этимъ наблюденіямъ, неоспоримо доказывающимъ ровную постепенность въ ходѣ жизни и отсутствіе всякихъ границъ при переходѣ отъ однѣхъ формъ къ другимъ.

Изъ предыдущаго видно, что, несмотря на вліяніе метафизики, которому, очевидно, были подчинены геологи той школы, о которой мы теперь говоримъ, научный элементъ настолько уже успѣлъ получить въ ней значеніе, что группировка и постановка трехъ капитальныхъ вопросовъ, резюмирующихъ изученіе земли, замѣтно продолжала прогрессировать въ томъ направленіи, о которомъ мы имѣли уже случай говорить въ настоящемъ очеркѣ. Въ самомъ дѣлѣ, геогенія, хотя и не теряетъ еще

всякаго значенія, но теоріи ея представляются уже только какъ гипотезы, и притомъ «съ недовѣріемъ». Между тѣмъ изученіе современнаго строенія земли пріобрѣтаетъ такую важность, что начинаетъ замѣтно колебать апріористическія воззрѣнія на исторію ея развитія, какъ мы и видѣли это у Кювье, палеонтологическія изысканія котораго обусловливали уже до извѣстной степени его теорію всеобщихъ переворотовъ. Такимъ образомъ, изученіе современнаго состоянія земли пріобрѣтаетъ все большую и большую важность, и начинаетъ становиться очевиднымъ, что наступленіе того времени, когда всякое воззрѣніе, не опирающееся на это изученіе, будетъ считаться метафизическимъ,— близко. Уже Кювье и другіе геологи этой школы много говорили о естественныхъ причинахъ, производящихъ современныя намъ измѣненія земной коры; но они считали причины эти недостаточными для произведенія такихъ рѣзкихъ измѣненій, какія несомнѣнно совершились на землѣ съ тѣхъ поръ, какъ она существуетъ. Если бы геологи эти не имѣли въ запасѣ апріористической гипотезы объ огненно-жидкомъ ядрѣ—гипотезы, вытекающей изъ геогенической теоріи; если бы они не подходили такимъ образомъ къ рѣшенію вопроса съ двухъ противоположныхъ сторонъ, метафизической и научной, они бы не имѣли никакого разрѣшенія этого вопроса до тѣхъ поръ, пока не было бы выработано положительное рѣшеніе. Но отсутствіе рѣшенія какого-либо вопроса—если вопросъ этотъ поставленъ—не въ привычкахъ тѣхъ, которыми руководитъ духъ метафизики. Разрѣшая вопросъ, они въ каждую данную минуту готовы оставить путь научный, готовы вступить на иную дорогу, хоть на такую даже, исходный пунктъ которой, завѣдомо для нихъ самихъ, есть гипотеза, «принимаемая съ недовѣріемъ»; они готовы на все, лишь бы вопросъ былъ рѣшенъ или, вѣрнѣе, лишь бы вопросъ считался рѣшеннымъ. Въ томъ случаѣ, о которомъ мы теперь говоримъ, такая несостоятельность метода имѣла, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, два вредныя послѣдствія: 1) вопросъ былъ рѣшенъ метафизически и 2) гипотеза, на которой основалось это рѣшеніе, непровѣренная положительнымъ методомъ, осталась въ наукѣ. Предстояло, слѣдовательно, разсмотрѣть еще разъ: возможно ли объяснить измѣненія, которыя претерпѣла земля въ прошедшемъ, посредствомъ естественныхъ силъ, нынѣ въ ней дѣйствующихъ, и, если это возможно, провѣрить, основываясь на изученіи этихъ же силъ, удовлетворительность гипотезы огненно-жидкаго

ядра. Рѣшеніемъ же этого послѣдняго вопроса обусловливалось бы правдоподобіе геогенической теоріи Лапласа. Такимъ образомъ, въ силу одной только методической постановки вопросовъ, они окончательно установились въ томъ порядкѣ, къ которому очевидно вело все предшествовавшее развитіе геологической науки. Основаніемъ этой науки стало изученіе современнаго состоянія земли, за нимъ слѣдовала теорія ея развитія, выводимая изъ этого ученія, и только за тѣмъ допускалась уже геогенія, какъ гипотеза, и то только въ такомъ случаѣ, если она не противорѣчила ни одному изъ данныхъ, содержащихся въ рѣшеніяхъ двухъ первыхъ вопросовъ. Первенствующее значеніе метода въ рѣшеніи всѣхъ научныхъ вопросовъ высказывается чрезвычайно рельефно въ настоящемъ случаѣ и можетъ служить подтвержденіемъ вѣрности ея воззрѣній.

Переходъ отъ полуметафизическихъ теорій къ чисто-научнымъ взглядамъ на развитіе земли начался только съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, то-есть со времени выхода въ свѣтъ «Основаній геологіи Ч. Ляйэлля». Нельзя не упомянуть при этомъ случаѣ, что переходъ этотъ могъ начаться ранѣе, если бы тому не препятствовало еще одно сильно укоренившееся метафизическое зло—подобострастное отношеніе къ авторитетамъ. Въ настоящемъ случаѣ идоломъ служилъ Кювье, и вліяніе его было главнымъ препятствіемъ къ дальнѣйшему ходу развитія науки. Уже новые пути, которые старался проложить въ біологіи противникъ Кювье, Ламаркъ, могли сильно отразиться на геологіи; но взгляды Ламарка были оцѣнены только сравнительно недавно, а тогда они прошли безслѣдно и надъ умами безусловно царствовалъ Кювье. О несостоятельности его теоріи не было и рѣчи. Но вотъ появляется книга Ляйэлля и разрушаетъ теорію Кювье до основанія. Это совершается именно въ тотъ самый годъ, когда Кювье торжествуетъ свою величайшую побѣду, когда онъ полагаетъ основаніе господству своихъ біологическихъ воззрѣній на цѣлыя 30 лѣтъ впередъ. Очередь паденія этихъ воззрѣній еще не пришла. Они были разрушены Дарвиномъ лишь въ 1859 году; теперь же была подорвана одна теорія катаклизмовъ.

Такъ какъ школы Кювье и Эли-де-Бомона не допускали, чтобы однѣ только нынѣ дѣйствующія причины произвели тѣ измѣненія, памятники которыхъ мы теперь постоянно встрѣчаемъ при изученіи земной коры, а наука, желающая остаться наукой,

не можетъ прибѣгать къ помощи другихъ силъ, т.-е. къ помощи вымышленныхъ объясненій,—то и оставалось, какъ я сказалъ уже, анализировать вопросъ, почему нынѣ дѣйствующія причины считаются недостаточными для объясненія послѣдовательной смѣны различныхъ фазисовъ развитія земли? Основаніе такого ненаучнаго мнѣнія Ляйэлль находитъ въ различныхъ предразсудкахъ, мѣшавшихъ прежнимъ геологамъ не только разрѣшить, но и вѣрно поставить этотъ вопросъ. Другими словами, виною несостоятельности ихъ воззрѣній былъ метафизическій строй ихъ мышленія. Всего прежде, Ляйэлль указываетъ на господствовавшее до него предубѣжденіе относительно продолжительности прошедшихъ временъ. «Читатель легко можетъ удостовѣриться,—говоритъ онъ, что какъ бы ни былъ неуклончивъ естественный ходъ природы съ самыхъ раннихъ эпохъ, людямъ, впервые начавшимъ разработывать геологію, не представлялось возможности составить себѣ такого точнаго заключенія, пока они заблуждались во мнѣніяхъ относительно возраста нашей планеты и времени появленія на ней первыхъ живыхъ существъ. Какъ ни фантастичны кажутся теперь нѣкоторыя теоріи XVI столѣтія, недостойныя, казалось бы, ихъ авторовъ—людей талантливыхъ и здравомыслящихъ, однакоже мы можемъ быть увѣрены, что если бы нынѣ господствовало такое же ложное понятіе относительно памятниковъ дѣяній человѣческихъ, то и оно привело бы точно къ такому же ряду нелѣпостей. Предположимъ, напримѣръ, говоритъ Ляйэлль—что Шамполіонъ и другіе французскіе и тосканскіе ученые, занимавшіеся изслѣдованіемъ древностей Египта, прибыли въ эту страну съ твердою увѣренностью, что берега Нила не были населены людьми до начала XVI столѣтія, и допустимъ, что эту увѣренность ихъ точно также трудно было поколебать, какъ и мнѣніе нашихъ предковъ о томъ, что земля, до появленія нынѣшнихъ континентовъ и существующихъ теперь животныхъ, не была населена живыми существами. При такомъ предположеніи, не трудно угадать, въ какія странныя гипотезы вдались бы эти ученые, если бы они, подъ вліяніемъ такого заблужденія, начали объяснять памятники, открытые въ Египтѣ. Зрѣлище пирамидъ, обелисковъ, колоссальныхъ статуй и разрушенныхъ храмовъ преисполнило бы ихъ такимъ удивленіемъ, что на нѣкоторое время они были бы совершенно очарованы и вполнѣ лишились бы способности здраваго обсужденія фактовъ. На первыхъ порахъ, они были бы готовы

приписать построеніе такихъ громадныхъ работъ какимъ-нибудь сверхчеловѣческимъ силамъ первобытнаго міра» (Основ. геол. I, 70). Далѣе Ляйэлль дѣлаетъ предположеніе, что въ то время, когда разныя вымышленныя объясненія занимали бы этихъ ученыхъ, было открыто обширное хранилище мумій. Что̀ сказали бы эти ученые? Не повторилась ли бы съ муміями та же исторія, что и съ окаменѣлостями? Не были бы и муміи приписаны игрѣ природы, пластической силѣ и т. д.

Но предубѣжденіе относительно продолжительности прошедшихъ временъ не ограничивалось однимъ только указаннымъ выше предразсудкомъ. Даже и въ то время, когда, наконецъ, убѣдились, что земля заселена живыми существами ранѣе, чѣмъ сначала предполагалось, все еще не понимали, въ какой пропорціи къ исторической эрѣ стояло время, до нея протекшее. Время это считали сравнительно очень малымъ. Если бы соотвѣтственно такому уменьшенію времени въ исторіи земли, уменьшили бы, положимъ, время какой-нибудь исторической эпохи и предположили бы, напримѣръ, что рядъ событій, въ дѣйствительности совершившихся въ теченіе тысячелѣтія, совершился будто бы въ одинъ вѣкъ, то однимъ этимъ предположеніемъ обратили бы обычный ходъ исторіи взятой нами эпохи въ басню, полную чудесъ и непонятныхъ явленій. Такими непонятными явленіями и были именно катаклизмы Кювье и де-Бомона, страдавшихъ объясненнымъ выше предразсудкомъ относительно опредѣленія продолжительности прошедшихъ временъ.

Источники предразсудковъ, о которыхъ до сихъ поръ шла рѣчь, свойственны по преимуществу незрѣлому состоянію науки; но есть еще предразсудки другого рода, на которые также обратилъ вниманіе Ляйэлль, которые принадлежатъ всѣмъ намъ, вслѣдствіе особеннаго положенія, принадлежащаго намъ, какъ обитателямъ земли. Люди населяютъ только четвертую часть ея поверхности. Часть эта почти исключительно служитъ театромъ разрушенія, а не воспроизведенія. Мы знаемъ, конечно, о процессахъ, совершающихся на днѣ моря и въ нѣдрахъ земли; но мы не можемъ слѣдить за этимъ процессомъ. Мы можемъ только представлять его себѣ, а потому далеко несовершенно опредѣляемъ эти результаты. Это же послѣднее обстоятельство лишаетъ насъ возможности признать тотчасъ сходство этихъ результатовъ съ результатами первобытныхъ эпохъ, когда намъ

случается разсматривать эти послѣдніе. «Кто наблюдалъ выломку камня изъ какой-нибудь горной породы,—говоритъ Ляйэлль,—и видѣлъ, какъ его отправляютъ на кораблѣ въ отдаленный портъ, и потомъ старался представить въ воображеніи, какого рода зданіе будетъ построено изъ этихъ матеріаловъ, тотъ находился въ такомъ же затрудненіи, въ какомъ стоитъ геологъ, который, будучи ограниченъ сушью, видитъ разложеніе горныхъ породъ и перенесеніе вещества по рѣкѣ въ море, и потомъ старается вообразить тѣ новые пласты, которые природа устраиваетъ подъ водами» (Осн. геол. I., 75).

Изъ этого видно, что геологъ, желающій освободиться отъ метафизическихъ теорій и замѣнить ихъ научными, долженъ всего прежде отрѣшиться отъ предвзятаго понятія о продолжительности жизни земли, и вооружась сколь возможно многостороннимъ изученіемъ современнаго ея состоянія, создать себѣ точку опору для рѣшенія вопроса о минувшихъ фазисахъ ея развитія. Заслуга Ляйэлля заключается не только въ томъ, что онъ именно такъ поставилъ этотъ вопросъ, но еще и въ томъ, что рѣшилъ его съ тою ученостью и глубиною мысли, которая ему присуща, и при помощи тѣхъ многочисленныхъ путешествій, которыя онъ совершилъ въ разныя части свѣта,—путешествій, столь существенно необходимыхъ для геолога.

«Школа Кювье и Эли де-Бомона—говоритъ Боккардо—представляетъ природу чрезвычайно щедрою на трату силъ и скупою на время. Школа Ляйэлля, напротивъ, видитъ въ ней тихую и спокойную, но неутомимую энергію, не прекращавшуюся въ теченіе безпредѣльнаго ряда вѣковъ. Памятники, представляемые намъ горными цѣпями и напластованіями каменныхъ породъ, также какъ и дномъ океана, не относятся болѣе (согласно воззрѣніямъ этой школы) къ разряду явленій, миновавшихъ на вѣки; это не древнія хартіи, письмена которыхъ, выражая идеи отжившія, принадлежатъ языку мертвому; но книги, написанныя на языкѣ живомъ, которымъ выражается теперь и будетъ вѣчно выражаться природа» (Fisica del globo, p. 145).

Разсмотримъ же, въ чемъ заключается дѣйствіе силъ, отъ вѣка непрерывно измѣняющихъ видъ земной поверхности.

Изслѣдованіе земной коры несомнѣнно доказываетъ, что въ ней происходитъ постоянное измѣненіе. Повидимому твердая и неподвижная кора эта никогда не остается въ покоѣ и въ дѣйствительности столь же подвижна, какъ ея воздушная оболочка,

какъ облегающій нѣкоторыя части ея океанъ, какъ сама планета, наконецъ, незамѣтно для насъ совершающая свое вѣчное движеніе въ пространствѣ. Разница этихъ различныхъ движеній заключается только въ томъ, что движеніе частицъ, составляющихъ твердыя части земной поверхности, совершается сравнительно чрезвычайно медленно, такъ медленно, что иногда цѣлые вѣка необходимы для того, чтобы результаты движенія стали замѣтны для человѣка, всегда готоваго поэтому утверждать, что почва, мнимую неизмѣняемость которой онъ наблюдаетъ изо дня въ день въ теченіе цѣлой жизни, неподвижна. Но мы знаемъ, что было время, когда неподвижными считались и звѣзды, двигающіяся, однако же, съ громадною быстротою. Бернгардъ Котта говоритъ, что круговращеніе матеріи въ такой же мѣрѣ примѣняется къ неорганической, какъ и къ органической природѣ, такъ что почти нельзя найти горной породы, образованіе которой было бы не ново и которая сохранилась бы до настоящаго времени въ томъ состояніи, въ которомъ она возникла (Die Geologie der Gegenwart. 15 und 93).

Этотъ-то вѣчный процессъ измѣненій, претерпѣваемыхъ твердою частью земли, и воздѣйствуетъ на ея поверхность, постоянно видоизмѣняя ее. Ляйэлль говоритъ, что внутренняя работа эта, то подымающая, то понижающая, то разрушающая верхнія напластованія, можетъ заключаться или въ расширеніи твердаго вещества отъ непрерывно возрастающаго жара, или въ расплавленіи горныхъ породъ, или въ окристаллизованіи густой жидкости, или въ накопленіи запертыхъ газовъ. Во всякомъ же случаѣ—отбрасывая гипотезу внутренняго огненно-жидкаго ядра и безъ предвзятой мысли наблюдая измѣненія земной поверхности—мы можемъ утверждать, что измѣненія эти происходятъ отъ внутренней работы въ тѣхъ пластахъ, которые служатъ какъ бы основаніемъ наблюдаемой мѣстности, и что эта внутренняя работа заключается въ измѣненіи строенія земного шара на неизвѣстной для насъ глубинѣ и на пространствѣ, опредѣленіе котораго болѣе или менѣе возможно въ каждомъ частномъ случаѣ. Такъ, напримѣръ, пространство, занимаемое внутренней работой, подымающей почву Швеціи и Норвегіи, приблизительно простирается на 1000 миль въ длину и нѣсколько сотъ миль въ ширину.

Такимъ образомъ, объясняется тотъ несомнѣнный и давно замѣченный фактъ, что кора земная подвижна и что движеніе

ея весьма разнообразно. Мѣстами цѣлыя массы земли медленно подымаются въ теченіе вѣковъ, мѣстами же опускаются столь же медленно и постепенно; мѣстами движеніе это переходитъ изъ одного въ другое, и есть пункты, которые успѣли совершить и то, и другое движеніе даже въ историческое время, какъ, напримѣръ, храмъ Сераписа близъ Пуццуоли, стоящій теперь на сушѣ и носящій слѣды погруженія своего въ море. Такое движеніе материковъ можно сравнить съ волненіями водъ океана. Это волненіе почвы можно прослѣдить теперь, при помощи науки, въ теченіе вѣковъ, и понять такимъ образомъ естественность тѣхъ величественныхъ результатовъ, которые казались работой скоро преходящихъ, непонятныхъ катаклизмовъ прежнимъ геологамъ. Придетъ время, говоритъ Дарвинъ, когда неподвижность земной коры въ теченіе цѣлаго періода ея исторіи будетъ столь же непонятна, какъ теперь непонятна неподвижность атмосферы въ теченіе цѣлаго времени года.

Поднятія, пониженія и колебанія земной поверхности чрезвычайно многочисленны[1]). Мы уже упоминали о поднятіи почвы Скандинавскаго полуострова. Почва эта подымается приблизительно на 3 фута въ столѣтіе. То же самое происходитъ вдоль всего западнаго берега южной Америки, а также замѣчено поднятіе острововъ, входящихъ въ составъ Японіи, острововъ Сандвичевыхъ, Маріанскихъ, Ліу-Кіу и мн. др., острова Шпицбергена, сѣверной части Шотландіи, о. Сардиніи, Сициліи, Ньюфаундленда и т. д. и т. д. Напротивъ того, понижаются: южная часть Гренландіи, сѣверо-восточная часть Австраліи, сѣверная часть Суэцкаго перешейка, острова Мальдивскіе, Канарскіе, Зеленаго мыса, штаты Георгія и Каролина, восточный берегъ Патагоніи и т. д. Принявъ за исходную точку эти повышенія и пониженія, стоитъ только помножить вѣковые результаты ихъ на тѣ милліоны тысячелѣтій, которые слѣдуетъ принимать въ соображеніе при обозрѣніи жизни земного шара, и получатся тѣ колоссальныя послѣдствія, которыя теперь поражаютъ наблюдателя и для поясненія которыхъ нужны были супра-натуралистическія толкованія монаху среднихъ вѣковъ и катаклизмы—геологу школы Кювье и Эли-де-Бомона.

Результаты дѣятельности подземныхъ силъ не всегда впро-

---

[1]) Любопытную карту поднятій и пониженій см. у *Reclus:* «La terre, description des phenomens de la vie du globe». 2 t. 1868.

чемъ такъ медленны и постепенны, какъ упомянутыя нами поднятія и пониженія почвы. Землетрясенія и вулканическія изверженія производятъ, какъ извѣстно, весьма сильныя опустошенія и служатъ причиной очень замѣтныхъ перемѣнъ на земной поверхности. Перемѣны эти, не надо забывать, однако же, всегда ограничиваются крайне тѣсными границами, такъ что, сравнивая поверхности, на которыя они распространяются, съ общею поверхностью земного шара, нельзя не признать ихъ ничтожными, по крайней мѣрѣ ничтожными на столько, что только несмѣтное число сильнѣйшихъ землетрясеній и изверженій въ состояніи произвести замѣтную перемѣну во внѣшнемъ видѣ земли. Что касается изверженій, то вѣрность этого замѣчанія слишкомъ очевидна, чтобы о ней распространяться; по отношенію же землетрясеній надо имѣть въ виду то, что сфера ихъ дѣятельности часто очень преувеличивается, такъ какъ нѣтъ еще никакой возможности утвердительно относить къ одной общей причинѣ явленія сотрясенія земли въ разныхъ, далеко отстоящихъ одна отъ другой странахъ въ томъ случаѣ, когда промежуточныя мѣстности нисколько не испытывали колебаній почвы. Притомъ же, самое громадное землетрясеніе изъ всѣхъ, какія только, судя по геологическимъ памятникамъ, происходили на нашей планетѣ [1]), охватило окружность, діаметръ которой равнялся приблизительно длинѣ линіи, проведенной отъ береговъ Боливіи до Санъ-Франциско.

Рѣчь идетъ о землетрясеніи 1868 года. Оно покрыло развалинами почти весь западный берегъ Южной Америки, разрушило десять большихъ городовъ, несмѣтное число мѣстечекъ и деревень, было причиной гибели многихъ тысячъ людей... Разсказы о немъ наводятъ ужасъ. Однако же, нельзя не согласиться, что даже и такое бѣдствіе не даетъ и малѣйшей идеи о всеобщемъ катаклизмѣ, созданномъ воображеніемъ Кювье и его школы.

Изъ сказаннаго нами о явленіяхъ, производимыхъ подземной работой силъ, читатель могъ заключить, что объясненіе этихъ явленій нѣсколько не нуждается въ гипотезѣ внутренняго огненно-жидкаго ядра, и потому намъ и предстоитъ теперь сказать о причинахъ, заставляющихъ въ настоящее время окончательно оставить эту гипотезу, и затѣмъ мы постараемся дать

[1]) См. *Deherain:* Annuaire scientifique. 1869, p. 181.

идею о тѣхъ новыхъ догадкахъ, которыя съ бо̀льшимъ основаніемъ могутъ замѣнить ее.

Гипотеза, о которой идетъ рѣчь, представляетъ себѣ шаръ земной огненно-жидкой массой, покрытой корой, толщина которой такъ же относится къ діаметру шара, какъ скорлупа къ поперечнику яйца. При такой сравнительно ничтожной толщинѣ земной коры становится невозможнымъ объяснить достаточность сопротивленія, оказываемаго ею неизбѣжно происходящимъ внутри ея ежедневнымъ приливомъ и отливомъ океана огненно-жидкой массы, уподобляющимся приливамъ и отливамъ океана внѣшнихъ водъ. Необъяснима также и слабая сплюснутость земли у полюсовъ; сплюснутость эта, при данныхъ условіяхъ, должна бы обратить землю, по мнѣнію Реклю, въ плоскій дискъ (La terre. I, 28).

Подтвержденіе гипотезы огненно-жидкаго ядра часто видятъ въ томъ, что температура постоянно возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія глубины артезіанскихъ колодцевъ, шахтъ и т. п. Нельзя не замѣтить, однако же, что заключеніе отъ возрастанія температуры въ этихъ случаяхъ къ опредѣленію состоянія всей внутренней массы земного шара слишкомъ поспѣшно. Наибольшая глубина, до которой достигали люди, сравнительно ничтожна: рудники въ Куттенбергѣ (чешск. Kutnahora) и въ Гуанахуато (Мексика) имѣютъ едва одинъ километръ (0,937 верст.) въ глубину, т.-е. равняются одной шести или семитысячной долѣ земного радіуса. Возрастаніе температуры въ этихъ поверхностныхъ слояхъ земного шара ровно еще ничего не доказываетъ относительно внутренняго ядра, такъ какъ температура этихъ слоевъ обусловливается многими разнообразными причинами, и теплота въ нихъ можетъ развиваться совершенно независимо отъ температуры центральной массы. Притомъ же и толщина земной коры представляется теперь далеко не столь ничтожной, какъ думали прежде. Вычисленія Гопкинса и Томсона неопровержимо доказали, что толщина эта не можетъ быть такъ мала, какъ обыкновенно утверждаютъ. По мнѣнію же Эммануэля Ліэ, твердое состояніе всей массы земного шара не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ, по его вычисленіямъ, гипотеза огненно-жидкаго ядра прямо противорѣчитъ всѣмъ астрономическимъ явленіямъ, обусловливаемымъ тѣмъ или другимъ состояніемъ этой массы. Дѣлая общій выводъ изъ этихъ вычисленій и наблюденій, Реклю утверждаетъ, что гипотеза жидкаго ядра можетъ

быть оставлена, и что съ гораздо большимъ основаніемъ ее можно замѣнить предположеніемъ Гопкинса и Вальтерсгаузена объ огненно-жидкихъ моряхъ, находящихся на сравнительно небольшой глубинѣ подъ земною поверхностью и раздѣленныхъ одно отъ другого массами твердыхъ горныхъ породъ (La terre. I, 30). Ляйэлль, упомянувъ о предположеніи Гопкинса, прибавляетъ: Если это такъ, то постепенное плавленіе горныхъ породъ и расширяющая сила теплоты, дѣйствующей въ теченіе вѣковъ, равно какъ слѣдующее затѣмъ сжатіе этихъ породъ во время медленнаго охлажденія, по всей вѣроятности, могутъ объяснить происхожденіе горныхъ цѣпей. (Основ. геологіи. I, 195). Итакъ, заканчивая наше отступленіе, мы приходимъ къ тому общему заключенію относительно предмета этого отступленія, что новѣйшей наукѣ удалось только замѣнить одну гипотезу другою, болѣе естественной, болѣе понятной, болѣе сообразной съ явленіями, которыя они должны объяснить, но все еще, не больше, какъ гипотезой; такъ что, въ концѣ концовъ, полное научное объясненіе вулканическихъ явленій есть вопросъ будущаго.

Возвратимся теперь къ нашему вопросу, а именно къ изслѣдованію причинъ, постепенно, но постоянно измѣняющихъ наружный видъ земной поверхности.

Мы видѣли уже, что вулканизмъ самъ по себѣ—какова бы тамъ ни была его теорія—въ состояніи произвести въ теченіе ряда тысячелѣтій такія измѣненія, совокупность которыхъ способна внушить идею о страшныхъ всеобщихъ катаклизмахъ. Аргументы противниковъ этой теоріи, весьма сильные, какъ мы уже видѣли изъ объясненія результатовъ дѣятельности вулканическихъ силъ, пріобрѣтаютъ еще большую силу данныхъ, доставляемыхъ наблюденіемъ надъ дѣятельностью воды, непрестанно совершающей разрушительно-созидательную работу. Чтобы дать понятіе о колоссальныхъ размѣрахъ этой работы, мы приведемъ здѣсь нѣкоторые примѣры, сожалѣя, что не имѣемъ возможности вдаться въ большія подробности.

Если мы обратимъ вниманіе на измѣненія, произведенныя рѣкою По въ одни только историческія времена, то будемъ поражены ихъ размѣрами. Но что же значитъ короткій историческій періодъ передъ неизмѣримымъ временемъ, ему предшествовавшимъ! Какъ ни малъ, однако же, этотъ періодъ, но совершившаяся въ теченіе его работа громадна: отъ сѣверной части Тріестскаго залива, съ того самаго мѣста, гдѣ впадаетъ

въ него Изонцо, до самыхъ южныхъ рукавовъ По лежитъ теперь громадная плоскость новыхъ земель, не существовавшихъ въ эпоху владычества римлянъ. Эти новыя земли, образовавшіяся наносами рѣки По, простираются на 100 миль въ длину и 20 миль въ ширину. Итакъ, въ промежутокъ времени меньшій, чѣмъ въ 2000 лѣтъ, одна рѣка могла образовать 2.000 кв. миль наноса, превысившаго уровень моря. Какія же массы лежатъ еще на днѣ, постоянно подымая уровень его и подготовляя образованіе новыхъ полосъ материка! Старыя гавани лежатъ среди суши и берегъ ежегодно подвигается впередъ на 70 метровъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что совокупная работа По, Изонцо, Бренты, Адиджа и Тальяменто обратитъ наконецъ въ равнину всю сѣверную часть Адріатическаго моря. Таковъ результатъ дѣятельности силы, работающей и въ настоящее время и никогда не перестающей вліять на вѣчно измѣняющіяся формы поверхности земного шара.

Но работа По, Роны и всѣхъ вообще европейскихъ рѣкъ, не исключая и величайшей изъ нихъ—Волги, ничтожна сравнительно съ работой громадныхъ рѣкъ, протекающихъ въ другихъ частяхъ свѣта, каковы: Нилъ, Миссисипи, Гангъ и др. Нилъ, напримѣръ, образовалъ своими наносами всю равнину, по которой онъ протекаетъ, начиная съ водопадовъ у Элефантины, и теперь морская вода возмущена этими наносами на 40 миль кругомъ дельты; Миссисипи ежегодно уноситъ въ море болѣе 3 милліоновъ куб. футовъ размытой ею земли; ея дельта равняется теперь 13,600 кв. англ. миль, и, по вычисленію новѣйшихъ геологовъ, не могла образоваться въ періодъ времени меньшій 67,000 лѣтъ...

Мы не станемъ продолжать этотъ рядъ примѣровъ; не станемъ также говорить о дѣйствіи воды въ видѣ льда и снѣга; читателю очевидно уже, конечно, что нептуническія силы, подобно вулканическимъ, дѣйствуя вѣчно согласно съ одними и тѣми же законами, произвели громадные результаты, только благодаря тому громадному времени, которое протекло съ тѣхъ поръ, какъ онѣ дѣйствуютъ.

Рядомъ съ дѣятельностью вулканическихъ и нептуническихъ силъ, непрестанно измѣняющихъ видъ земной поверхности, мы должны поставить работу безчисленныхъ органическихъ существъ, населяющихъ нашу планету съ глубокой древности, совершенно неопредѣлимой никакими числовыми выраженіями.

Органическія существа совершили свою колоссальную работу безсознательно: работа эта заключается въ накопленіи остатковъ,—накопленіи, достигающемъ поразительныхъ размѣровъ. Во многихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Бранденбургѣ, при устьяхъ Одера, и проч., почва состоитъ изъ органическихъ остатковъ, лежащихъ громадными толщами. Мѣлъ, встрѣчающійся такъ часто огромными массами, состоитъ почти сплошь изъ микроскопическихъ панцырей корненожекъ и т. д. Наконецъ, самое поразительное явленіе этого рода представляется работой коралловыхъ полиповъ, усѣявшихъ своими рифами громадныя пустыни Тихаго, Индійскаго и частью Атлантическаго океановъ. Коралловые полипы, болѣе чѣмъ какія-либо другія животныя, доказываютъ способность органическихъ существъ видоизмѣнять форму и строеніе земной коры. Дѣятельность этихъ зоофитовъ можно уподобить сравнительно меньшей дѣятельности, проявляемой на сушѣ растеніями, образующими торфъ. Въ этихъ растеніяхъ верхняя часть прозябаетъ въ то время, какъ нижняя переходитъ въ минеральную массу, въ которой остаются слѣды организаціи, хотя жизнь тамъ и совершенно прекратилась. Подобнымъ образомъ и въ кораллахъ болѣе прочныя части одного поколѣнія, уже отжившаго, служатъ какъ бы основаніемъ, въ которомъ живыя животныя продолжаютъ воздвигать подобныя же постройки. Это приспособленіе работы коралловыхъ животныхъ къ условіямъ среды, въ которой они дѣйствуютъ, даетъ имъ возможность изъ вѣка въ вѣкъ, изъ тысячелѣтія въ тысячелѣтіе вести свою работу, и достигать, наконецъ, того, что результаты ея вносятъ значительныя перемѣны не только въ очертанія, разграничивающія море и сушу, но и въ самый составъ земной коры, такъ какъ матеріалъ работы былъ предварительно переработанъ ихъ микроскопическими организмами.

Таковы общія основанія теоріи, созидающей исторію прошедшей жизни земли исключительно на изученіи настоящаго ея состоянія. Теорія эта долго давала поводъ къ одному капитальному возраженію: она не могла объяснить постепенное измѣненіе органической природы тѣмъ же способомъ, какъ она объясняла измѣненія природы неорганической, то-есть съ помощью приложенія однихъ только нынѣ дѣйствующихъ естественныхъ законовъ. Это происходило, однако же, не отъ несовершенства теоріи, а отъ неполноты ея. Геній Дарвина пополнилъ теорію, и создалъ подтвержденіе ея именно тамъ, гдѣ до него видѣли

слабую ея сторону. Возраженіе устранено навсегда, и теорія катаклизмовъ такъ же перестала царствовать въ палеонтологіи, какъ и въ остальныхъ частяхъ геологіи.

Уже въ 1795 году Этьенъ Жоффруа Сентъ-Илеръ призналъ, что виды, существующіе въ настоящее время, произошли путемъ постепенныхъ измѣненій прежде существовавшихъ типовъ подъ вліяніемъ измѣненія жизненныхъ условій. Съ 1801 по 1815 годъ Ж. Ламаркъ въ различныхъ сочиненіяхъ (а особенно въ *Philosophie zoologique*, 1809 г.) выразилъ мнѣніе объ измѣняемости видовъ и происхожденіи видовъ настоящихъ отъ видовъ предшествовавшихъ. Причинами этихъ измѣненій Ламаркъ считалъ употребленіе или неупотребленіе органовъ, измѣненіе физическихъ условій жизни и скрещиванія различныхъ формъ. Но знаменитый и поздно понятый французскій натуралистъ давалъ закону развитія абсолютный и строго-геометрическій характеръ; между тѣмъ, какъ законъ этотъ, подобно всѣмъ естественнымъ законамъ, дѣйствуетъ въ связи съ другими, и потому всякій результатъ его слѣдуетъ разсматривать не по отношенію къ одному какому-нибудь закону, а къ цѣлой группѣ ихъ, дѣйствовавшихъ совмѣстно при произведеніи разсматриваемаго результата. Вслѣдъ за Ламаркомъ упомянемъ Исидора Жоффруа Сентъ-Илера, Гёксли, Гукера и другихъ, сдѣлавшихъ въ уясненіи закона, о которомъ идетъ рѣчь, болѣе или менѣе важныя улучшенія. Но какъ ни почтенны труды всѣхъ этихъ ученыхъ, они теряютъ, однако же, значительную долю своей важности передъ геніальнымъ шагомъ, сдѣланнымъ Дарвиномъ въ разработкѣ вопроса о естественномъ и постепенномъ развитіи видовъ. Дарвинъ обработалъ этотъ вопросъ заново, и съ такою полнотою, которой не имѣли труды предшествовавшихъ ему натуралистовъ. Онъ собралъ огромное количество фактовъ, далъ имъ новое толкованіе, и положилъ твердое основаніе естественной генеалогіи видовъ растительнаго и животнаго царства. Теорія постепеннаго развитія жизни земли была пополнена и блистательно подтверждена.

Мы бы вышли далеко за предѣлы этой статьи, если бы стали излагать здѣсь теорію Дарвина даже въ самыхъ общихъ чертахъ. Да притомъ же мы полагаемъ, что рѣдкій изъ нашихъ читателей не знакомъ съ нею. Поэтому мы ограничимся однимъ выясненіемъ ея геологическаго и философскаго значенія, и напомнимъ только, что два основныя положенія ея: *естествен-*

ный подборъ и борьба за существованіе составляютъ тѣ два краеугольные камня, на которыхъ удалось Дарвину установить всю свою замѣчательную теорію.

Естественный подборъ, или законъ сохраненія всѣхъ благопріятныхъ, для особи, измѣненій въ организаціи и ограниченія вредныхъ для нея отклоненій выражаетъ собой постоянное стремленіе природы—отбрасывать все дурное, сохранять и дополнять все хорошее.

Борьба за существованіе есть постоянная борьба всѣхъ живыхъ существъ между собою за средства къ существованію, начиная съ плотоядныхъ, пожирающихъ своихъ родичей, и кончая растеніемъ, заглушающимъ своего сосѣда.

Эти два положенія, объясняя развитіе органической жизни, составляютъ ключъ къ пониманію всей прошедшей исторіи этой жизни: они показываютъ, что жизнь эта развивалась на тѣхъ же началахъ, на которыхъ развивается жизнь современныхъ намъ видовъ, и что она никогда не могла требовать нарушенія этихъ вѣчныхъ началъ для перехода отъ одной формы къ другой, какъ бы рѣзко ни различались между собою эти формы.

Самъ Дарвинъ говоритъ, что исторію видовъ можно сравнить съ вѣтвями дерева. Зеленыя вѣтви, съ ихъ почками, будутъ представлять существующіе виды; вѣтки же, произведенныя въ прежніе годы, могутъ представить намъ длинный послѣдовательный рядъ вымершихъ видовъ. Въ каждый періодъ роста всѣ юные отпрыски пытались распространиться во всѣ стороны, съ тѣмъ, чтобы перерости и заглушить окружающіе отпрыски, и вѣтви, подобно тому, какъ виды и группы видовъ старались взаимно пересилить другъ друга въ великой жизненной борьбѣ. Сучья, раздѣленные на большія вѣтви, разчленяющіяся на болѣе и болѣе мелкія вѣточки, сами нѣкогда были незначительными отпрысками съ почками на молодомъ деревѣ; эта связь прежнихъ и современныхъ почекъ черезъ вѣтвящіеся сучья можетъ дать намъ ясную идею объ общей систематической классификаціи всѣхъ живыхъ и вымершихъ видовъ на группы, подчиненныя одна другой. Изъ всѣхъ этихъ вѣтвей, покрывающихъ дерево, когда оно было лишь кустомъ, всего только двѣ или три, сдѣлавшіяся теперь толстыми сучьями, живы и до сихъ поръ, и несутъ на себѣ всѣ прочія вѣтви; такъ точно и изъ видовъ, жившихъ въ давно минувшія геологическія времена, весьма немногіе имѣютъ непосредственныхъ потомковъ

живущихъ въ настоящее время. Во время роста дерева многіе сучья отпали, и эти отпавшія въ различныхъ мѣстахъ вѣтви представляютъ всѣ отряды, семейства и роды, несуществующіе больше въ наше время, но извѣстные намъ по ископаемымъ остаткамъ. Подобно тому, какъ мы видимъ тамъ и сямъ, тонкій, слабый сучокъ, выходящій изъ расщелины, образуемой двумя сильными суками, и достигающій извѣстнаго развитія при благопріятныхъ для него условіяхъ, точно такъ же можно встрѣтить иногда животное (напримѣръ, утконосъ, лепадосиренъ), до нѣкоторой степени связывающее своимъ страннымъ организмомъ два обширныя развѣтвленія животнаго царства, и спасенное, повидимому, отъ роковой борьбы защищеннымъ мѣстомъ жительства. «Итакъ—заключаетъ Дарвинъ—явленіе, изображенное иносказательно для дерева, происходитъ и съ великимъ деревомъ жизни, наполняющимъ земную кору своими мертвыми сучьями, тогда какъ поверхность ея покрывается вѣчно новыми, разростающимися вѣтвями его».

Теорія Дарвина, такъ краснорѣчиво имъ самимъ охарактеризованная, внесла совершенно новый свѣтъ въ палеонтологію и разрушила всякое сомнѣніе относительно естественности и постепенности развитія организмовъ, нѣкогда обитавшихъ на землѣ и извѣстныхъ намъ по своимъ ископаемымъ остаткамъ.

Громадная заслуга Дарвина заключается впрочемъ не исключительно только въ томъ, что онъ сдѣлалъ послѣдній шагъ къ ниспроверженію теоріи катаклизмовъ и завершилъ такимъ образомъ ученіе Ляйэлля о постепенномъ развитіи жизни земли. Дарвину принадлежитъ честь еще большей заслуги: онъ, по вѣрному замѣчанію Гэккеля, создалъ опытное основаніе для великаго принципа единства органической и неорганической природы,—принципа, разрѣшающаго многіе важные вопросы, надъ которыми такъ долго и тщетно работала умозрительная философія.

Этими замѣчаніями мы окончимъ нашу общую характеристику Ляйэлля—дарвинской теоріи. Главная отличительная черта этой теоріи заключается, какъ мы видѣли, въ томъ, что она безусловно отвергла все, что только было метафизическаго въ прежнихъ геологическихъ воззрѣніяхъ, и сложилась изъ однихъ только чисто научныхъ элементовъ. Чтобы разрѣшить удовлетворительно такую задачу, она сдѣлала изученіе современнаго состоянія земли точкой исхода своихъ изысканій, возстановила

прошедшую исторію развитія земли въ той мѣрѣ, которая допускалась собранными матеріалами, провѣрила ими старыя гипотезы, отвергла ихъ, какъ неудовлетворительныя, и замѣнила болѣе основательными, подвергла критикѣ геогеническія теоріи и устранила ихъ совершенно изъ своей области, ограничивъ такимъ образомъ эту послѣднюю знаніями достовѣрными. Она допустила при этомъ вѣроятныя предположенія, но навсегда отказалась отъ всего гадательнаго и фантастическаго.

Рѣшеніе задачи, понимаемой такимъ образомъ, основывается, слѣдовательно на наблюденіи и опытѣ, чуждыхъ всякихъ предвзятыхъ теорій, всякаго поклоненія авторитету, чуждыхъ боязни передъ какими бы то ни было заключеніями. Плодотворность такого отношенія къ предмету была указана нами при разсмотрѣніи созидательно-разрушительной работы вулканическихъ, нептуническихъ и органическихъ силъ. Мы сочли лишнимъ вдаваться въ бо̀льшія подробности: говорить о наблюденіяхъ надъ распредѣленіемъ формацій, ихъ геогностическомъ характерѣ, надъ опредѣленіемъ происхожденія или химическаго состава той или другой горной породы и т. д. Все это дало бы статьѣ нашей спеціальный характеръ и нисколько не измѣнило бы той общей характеристики научной геологической теоріи, съ которой мы желали познакомить читателя, и которая—какъ мы надѣемся—представляется ему и теперь въ своемъ надлежащемъ свѣтѣ.

Первый и важнѣйшій общій выводъ изъ этой теоріи заключается въ томъ, что земля развивалась посредствомъ дѣятельности тѣхъ же самыхъ силъ, которыя и нынѣ работаютъ надъ измѣненіемъ ея вида и состава. Развитіе это, учитъ ляйэлле-дарвиновская теорія, шло естественно, ровно, постепенно, безъ потрясеній, безъ скачковъ, безъ непонятныхъ всеобщихъ катаклизмовъ. Напряженіе извѣстныхъ намъ силъ никогда не было бо̀льшимъ, чѣмъ въ настоящее время и, если результаты ихъ и поражаютъ насъ теперь, то это происходитъ лишь вслѣдствіе неумѣнія нашего оцѣнить значеніе элемента времени.

Значеніе наблюденія надъ современнымъ состояніемъ земли не ограничивается, впрочемъ, однимъ только тѣмъ, что оно даетъ возможность понять ходъ ея прошедшихъ измѣненій. Значеніе это гораздо шире: оно важно еще по отношенію геологіи къ другимъ наукамъ. Относительно этого значенія скажемъ вмѣстѣ съ Пэджемъ, что геологія «благотворно дѣйствуетъ на

развитіе другихъ наукъ. Границы знаній у химика значительно раздвинулись съ тѣхъ поръ, какъ въ горныхъ породахъ и минералахъ стали открывать новыя соединенія. Ботаника, зоологія и сравнительная анатомія получили гораздо большее значеніе съ тѣхъ поръ, какъ кругъ явленій, ими разработываемыхъ, расширился открытіями въ мірѣ ископаемыхъ существъ и т. д. Каждая отрасль естественныхъ наукъ получила новый толчокъ отъ успѣховъ новѣйшей геологіи, толчокъ, который и нынѣ возобновляется при каждомъ новомъ открытіи, дѣлаемомъ въ полѣ, или при каждомъ новомъ выводѣ, сдѣланномъ въ кабинетѣ» (Д. Пэджъ: «Философія геологіи», стр. 126). Наконецъ, геологія имѣетъ еще значеніе, какъ наука, дающая намъ понятіе о томъ періодѣ жизни земли, который предшествовалъ появленію человѣка, и о тѣхъ условіяхъ, которыя и въ настоящее время имѣютъ громадное вліяніе на его развитіе. Вся дѣятельность человѣка заключается въ приспособленномъ для извѣстныхъ цѣлей преобразованіи матеріаловъ, которые ему даетъ земля. Путемъ ремеслъ, промышленности, искусства онъ претворяетъ сырой матеріалъ природы въ предметы для себя полезные и пріятные; путемъ наблюденія, опыта и обобщенія—онъ ихъ же претворяетъ въ знанія, въ науку. Такимъ образомъ, изученіе матеріала, доставляемаго природой человѣку, необходимо для пониманія оцѣнки дѣятельности этого послѣдняго: работа человѣка объясняется предшествующей и современной ему работой природы. Безъ геологіи непонятна исторія. Земля, по мѣткому выраженію Фуку (*F. Foucou*: «Histoire du travail»), представляетъ собой скелетъ исторіи: горы, равнины, рѣки, моря, озера, архипелаги какъ бы держатъ на себѣ тѣ мускулы и нервы, которые представляются жизнью человѣческой. Кости и ткани находятся не въ меньшей связи между собою, чѣмъ земля и человѣкъ. Ихъ взаимное вліяніе сложно и многообразно; оно представляетъ отдѣльный и важный предметъ изученія, имѣющій свою литературу...

1870.

«Отеч. Зап.», № 7.

ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЯ ЧЕРТЫ РАЗВИТІЯ ФИЛОСОФІИ И НАУКИ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА [1]).

I.

Паденіе политической свободы и установленіе диктатуры въ древнемъ Римѣ служили, вмѣстѣ съ начавшимся одновременно съ ними пониженіемъ уровня умственной дѣятельности, внѣшними проявленіями саморазложенія древняго общества и цивилизаціи. Саморазложеніе это было, однако же, не безусловно, т. е. оно не было такъ полно, чтобы обновленіе не могло въ немъ возникнуть и развиться. Начало обновленія, въ самомъ дѣлѣ, почти совпадаетъ съ эпохой первыхъ симптомовъ разложенія и неразрывно даже связано съ ними. Не имѣя почвы ни въ области политики, ни въ области литературы и искусства, ни въ области научной, оно неизбѣжно должно было имѣть своею точкою исхода и опоры область религіозную. Въ этой области совершался въ это время всеобщій переходъ къ монотеизму, начало котораго хотя и было положено въ Греціи еще Элеатами, но который продолжалъ оставаться достояніемъ самаго незначительнаго меньшинства. Такимъ образомъ, обновленіе, заключавшееся во всеобщемъ распространеніи монотеизма, подготовляло умственному развитію общества путь, имѣвшій важныя преимущества передъ тѣмъ путемъ, который представилъ ему прежній политеизмъ народныхъ массъ, и возрожденное общество получало

---

[1]) Эта статья, первоначально появившаяся въ журналѣ «Знаніе», 1873 г., исправлена авторомъ въ 80-хъ годахъ. Повидимому, авторъ подготовлялъ къ изданію сборникъ статей, въ который должна была войти и эта статья, подъ общимъ заглавіемъ «Схоластика и Данте». Заглавная страница сборника, написанная авторомъ въ 1874 г., подклеена въ началѣ этой статьи. *Прим. ред.*

сравнительно большіе задатки къ преуспѣянію, если бы ему возможно было не уклоняться отъ того пути, который оно приняло. На самомъ дѣлѣ было не такъ: едва начавшееся развитіе оборвалось подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ и заключилось не возрожденіемъ, а катастрофой. Варвары, долго сдерживаемые у границъ греко-римскаго міра, переступили эти границы и наводнили почти одновременно Галлію, Испанію и весь западъ. То были готы, вандалы, гепиды, аланы, герулы, гуны, бургунды. Слѣдствія ихъ нашествія были гибельны. Однако же, многіе изъ этихъ народовъ, пришедшіе изъ разныхъ странъ и управляемые разными законами, были, сравнительно съ другими, болѣе склонны къ общественному порядку, и потому цивилизація, претерпѣвъ отъ нихъ жестокія испытанія, не погибла. Готы и бургунды были уже христіанами и охотно усвоивали греко-римскую образованность. Достаточно умомянуть имя Боэція, жившаго въ эту эпоху, чтобы показать, какъ живо поддерживалась еще научная и философская традиція. Но когда франки прошли Галлію, истребляя безъ разбора галловъ, римлянъ, бургундовъ, когда лонгобарды вторглись въ Италію, тогда сумерки, произведенныя прежними нашествіями, замѣнились полнѣйшимъ мракомъ. Подробности исторіи этого ужаснаго времени слѣдовало бы искать въ хроникахъ современниковъ, но такихъ хроникъ нѣтъ, такъ какъ самая грамотность исчезла, наступило всеобщее торжество варварства.

Историки-провиденціалисты и метафизики видятъ, однако же, въ фактѣ этомъ результатъ неисповѣдимости мистическихъ «путей» или исполненія неизбѣжной миссіи народовъ. Забывая о сплѣ и значеніи новаго общества, вырабатывавшагося въ средѣ стараго, разлагавшагося и близившагося къ своему естественному концу, они стараются увѣрить себя и другихъ, что только благодаря «призванію» сѣверныхъ народовъ могло совершиться обновленіе. Сѣверные народы, говорятъ они, сохранили въ своихъ лѣсахъ чистую, сильную натуру и воспріимчивость для высокихъ благъ души; они держались въ сторонѣ отъ вырожденія и рабскаго духа римскаго міра и потому были преимущественно призваны принять въ себя благородное и неистощимое сокровище христіанскаго образованія и христіанскихъ правилъ и подвергнуть ихъ новой жизненной переработкѣ; они были новые сосуды, въ которые вылился новый «сокъ», послѣ того, какъ онъ разорвалъ старые. И далѣе, сѣверные

народы, сохранивъ въ своихъ лѣсахъ чистую и сильную натуру, были поэтому самому способны обновить свѣжею кровью истощенную и выродившуюся кровь романскихъ населеній, а потому только они и могли влить жизнь въ устарѣвшее общество.

Такой взглядъ на «призваніе варваровъ» долгое время былъ ходячимъ; но мало-по-малу начало выясняться, что взглядъ этотъ былъ искусственный и противорѣчилъ дѣйствительности. Начали съ того, что, не унижая варваровъ и не отрицая у нихъ задатковъ хорошаго общественнаго быта и культуры, не отрицали и полезной стороны первоначально мирнаго вступленія ихъ въ римскій міръ въ видѣ воиновъ, колоновъ, литовъ и т. д.— Происшедшее отъ этого смѣшеніе народностей считали въ высшей степени благопріятнымъ для человѣчества, и только разрушительное вторженіе варваровъ въ римское государство разсматривали какъ нарушеніе постепеннаго хода вещей, а вступленіе ихъ въ дѣятельную историческую роль—преждевременнымъ и случайнымъ, т. е. происшедшимъ отъ напора на нихъ племенъ монгольскихъ, еще болѣе, чѣмъ они сами, варварскихъ, и потому, въ концѣ концовъ, бѣдственнымъ для хода всемірной исторіи. Впослѣдствіи, благодаря еще болѣе глубокому и объективному изученію фактовъ, идеи эти развились и получили бо́льшую опредѣленность. На успѣхъ сѣверныхъ народовъ въ борьбѣ ихъ съ Римомъ прямо взглянули какъ на несчастье человѣчества и, какъ выразился одинъ писатель, перестали возносить молитвы за Арминія, а стали возносить ихъ за римлянъ. Сдѣлалось ясно, что вторженіе варваровъ влекло за собою гибель литературы, искусства, наукъ, словомъ, полнѣйшее разрушеніе цивилизаціи. Добродѣтели побѣдителей, о которыхъ, со словъ Тацита, кричали германофилы, подверглись крайнему сомнѣнію: было высказано, что если такія добродѣтели и существовали, то онѣ были оставлены по ту сторону Рейна, и потому все, что́ было принесено завоевателями, поставлено было ниже того, что завоеватели эти нашли у побѣжденныхъ. Въ свободѣ ихъ, столь прославленной, увидѣли ясно одну только свободу дѣлать зло. Презрѣніе къ жизни, заставлявшее ихъ такъ легко идти на смерть, оказалось вымысломъ, и истинный мотивъ ихъ храбрости—любовь къ добычѣ—былъ подтвержденъ, какъ несомнѣнный фактъ. Признали, наконецъ, что сѣверные варвары нисколько не способствовали возстановленію общества, а только

испортили его и сдѣлали возстановленіе его болѣе труднымъ [1]). Позитивная школа придала вопросу этому окончательную и полную опредѣленность и ясность. Она признала, вмѣстѣ съ тѣми, которые разработывали вопросъ этотъ безъ предвзятыхъ идей и вполнѣ объективно, то прямое зло, которое было причинено вторженіемъ варваровъ въ римскій міръ; но, пойдя далѣе, она еще отклонила всякую возможность приписывать вторженію этому косвенное благо и вообще такія послѣдствія, которыя могли быть выгодны для цивилизаціи. Исходя изъ того воззрѣнія, что римское общество въ эпоху вторженія сѣверныхъ народовъ переживало періодъ обновленія, заключавшагося въ разрушеніи политеизма и установленіи монотеизма, и вело въ будущемъ къ отдѣленію власти духовной отъ свѣтской, распространенію началъ нравственности на все человѣчество и, какъ слѣдствіе, уничтоженіе рабства, словомъ, лучшую теологію и лучшую политику, позитивная школа ставила вопросъ: были ли полезны варвары для всего этого? Нѣтъ, отвѣчала она; несомнѣнно, что варвары не способствовали утвержденію монотеизма, не служили дѣлу нравственности, не ускорили уничтоженіе рабства. Напротивъ того, безпорядокъ, распространенный ими повсемѣстно, замедлилъ необходимыя измѣненія и долго вредилъ имъ. Болѣе того, умственный уровень понизился, и точно такъ, какъ смѣсь горячей воды и холодной даетъ воду средней температуры, такъ и смѣсь варварства и цивилизаціи понизилась до средней степени, на которой и колебалась до сихъ поръ, пока безпорядокъ улегся, новые пришельцы слились со старымъ населеніемъ, и силы, созданныя до нашествія, снова стали дѣйствовать. Тогда цивилизація снова поднялась до точки, болѣе высокой, чѣмъ была та, на которой она стояла въ древности. Точно такъ же позитивная школа разрушила и другое мнѣніе о благихъ послѣдствіяхъ варварскаго вторженія, а именно, мнѣніе объ обновленіи варварами истощенной крови романскихъ населеній. Позитивная школа, всегда отправляющаяся въ своей критикѣ съ научной точки зрѣнія, увидѣла въ этомъ мнѣніи двойную ошибку—физіологическую и историческую.

---

[1]) Подробное изложеніе упомянутыхъ здѣсь взглядовъ и критику ихъ читатель найдетъ у *М. П. Драгоманова*: «Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской Имперіи и Тацитъ. Кіевъ 1869».

Всего прежде предстояло объяснить значеніе термина «улучшеніе крови». Физіологія понимаетъ улучшеніе крови, какъ улучшеніе расы, что̀ бываетъ въ томъ случаѣ, когда въ извѣстную расу вводятся особи, одаренныя сравнительно высшими качествами. Введеніе это, при посредствѣ наслѣдственности, составляющей одно изъ своихъ живыхъ тѣлъ, проводитъ высшія качества новыхъ особей въ потомство и, если при этомъ будутъ приняты мѣры къ устраненію смѣшенія съ особями низшими, то образуется усовершенствованный типъ, который затѣмъ распространяется самъ собою. Такимъ образомъ была произведена лошадь англійской породы. Произошло ли что-нибудь подобное во время смѣшенія варваровъ съ романскимъ населеніемъ? Конечно, нѣтъ. По теоріи наслѣдственности, дикіе народы, имѣющіе менѣе идей и менѣе способностей, чѣмъ народы цивилизованные, могутъ вліять примѣсью своей крови въ смыслѣ неблагопріятномъ; исторія доказываетъ, что, далеко не улучшая крови, они сами, напротивъ, нуждаются въ такомъ улучшеніи. Всегда проходитъ продолжительное время, пока они становятся способными къ воспріятію такихъ идей, которыя кажутся намъ самыми простыми. Это препятствіе и дѣлаетъ тщетными всѣ попытки примѣненія къ отсталымъ народамъ учрежденій народовъ передовыхъ; оно же замедляетъ и возрожденіе тѣхъ, которые, по какой бы то ни было причинѣ, пали до низшаго состоянія. Такимъ образомъ, физіологически, не варвары улучшили романское населеніе, а это послѣднее улучшило варваровъ. Но такъ какъ варварское нашествіе было многолюдно, то, конечно, послѣдовало пониженіе типа. Извѣстная доля дикости, упрямства и тупости перешла къ потомству, происшедшему отъ смѣшенія, и это имѣло большое вліяніе на медленность, съ которой совершилось обновленіе. Что касается исторической ошибки, которую позитивная школа усматриваетъ вмѣстѣ съ ошибкой физіологической, то ошибка эта, по мнѣнію позитивной школы, заключается въ томъ, что историки, толковавшіе объ обновленіи устарѣвшаго общества, смѣшивали двѣ разнородныя части этого общества:—часть дряхлую, дѣйствительно отживавшую, и часть новую, полную жизни. Изъ двухъ этихъ частей, часть отживавшая—языческая, не была обновлена варварами: оставшіеся обломки этой части продолжали разлагаться и послѣ вторженія варваровъ, какъ вся она разлагалась до этого вторженія. Что же касается *части новой, развивавшейся собственными силами*,

какъ естественный продуктъ древней цивилизаціи [1]), то часть эта нисколько не нуждалась въ варварахъ для своего развитія и процвѣтанія и, рядомъ съ нею, германцы, съ ихъ дикимъ сонмомъ боговъ и чуждыми культуры нравами, фактически принадлежали къ міру болѣе древнему, чѣмъ міръ греко-римскій, къ историческому періоду болѣе отдаленному по времени, чѣмъ періодъ римскаго политеизма, отброшеннаго уже новымъ обществомъ, какъ устарѣлая форма вѣрованій. Такимъ образомъ, позитивная школа выяснила до очевидности, что физіологія—закономъ наслѣдственности, исторія—правильной оцѣнкой дѣйствительнаго положенія вещей—одинаково доказываютъ, что нашествіе не могло ничего улучшить. Позитивная школа приходитъ этимъ путемъ къ тому окончательному заключенію, что варварское нашествіе было важною болѣзнью соціальнаго тѣла, самою важною, быть можетъ, какую только знаетъ исторія [2]).

Характеристикой этой болѣзни опредѣляется и исходная точка развитія избранной мною эпохи. Ограничивъ область изслѣдованія ходомъ умственной дѣятельности, я могу сказать, что крайнее пониженіе уровня этой дѣятельности, пониженіе, доходящее до варварства, вполнѣ резюмируетъ главныя черты этой характеристики. И въ самомъ дѣлѣ, паденіе уровня умственнаго было такъ велико, что въ нѣкоторыхъ частяхъ прежней Западной имперіи исчезла даже грамотность, школы стали пусты, латинскій языкъ былъ частью забытъ, частью подвергся извращенію, всякая традиція, какъ литературная, такъ и философская—а тѣмъ болѣе научная—порвалась почти повсемѣстно. Григорій Турскій, напримѣръ, самъ сознается въ полномъ своемъ невѣжествѣ: онъ никогда не изучалъ ни грамматики, ни риторики. Папа Григорій I идетъ еще далѣе: онъ считаетъ знанія этихъ наукъ предосудительными, чуть не преступными, не только для духовнаго, но даже и для мірянина, и предостерегаетъ епископовъ отъ этого «осквернения». Въ VIII столѣтіи убѣжденіе во вредѣ всякаго ученія сдѣлалось ходячимъ: епископы, аббаты запрещали даже писать и разсуждать о священныхъ книгахъ.

---

[1]) Научную разработку этого вопроса можно найти у *E. Havet*—Origines du christianisme и *L. Noack*—Ursprung d. Christenthums (1-я часть), см. еще отдѣльныя мѣста у *Radenhausen* (Isis).

[2]) Полную разработку вопроса о переходѣ древняго міра въ новый съ позитивной точки зрѣнія см. у *E. Littré*. Etudes sur les barbares et le moyen âge.

По ихъ понятію, ничто не должно было смущать простосердечной чистой вѣры. Въ свое время, убѣждали они, являлись пророки, евангелисты, апостолы для провозглашенія и распространенія благой вѣсти; въ свое время являлись св. отцы, учители церковные, объяснявшіе писаніе по вдохновенію свыше и обличавшіе еретиковъ. Ими все было высказано и выяснено, а теперь разумъ долженъ отрѣшиться отъ всякихъ усилій и пребывать въ покоѣ до скончанія вѣка. Другіе прибавляли къ этому угрозу, предупреждая ослушниковъ, что они сумѣютъ принудить ихъ къ проповѣдуемому имъ покою, предаться которому можетъ мѣшать только гордость и упорство въ страсти къ размышленію и писанію [1]).

Единственнымъ мѣстомъ, гдѣ сохранились еще остатки древней цивилизаціи, была отдаленная Ирландія. Здѣсь, въ теченіе всего варварскаго періода, существовали школы, въ которыхъ многочисленное юношество изучало философію и литературу не только по латинскимъ, но даже по греческимъ источникамъ. Сюда отправлялись многіе духовные и нѣкоторые свѣтскіе люди изъ Галліи, удивлявшіе потомъ соотечественниковъ своею необыкновенною ученостью. Отсюда же, начиная съ VI вѣка и до IX, отправляются миссіонеры древней цивилизаціи въ Англію, Галлію, Германію, Италію и Испанію. «То были, говоритъ Горео, поэты, ученые, монахи въ старинныхъ одеждахъ, которые, смѣшивая *религіозное апостольство* съ апостольствомъ литературнымъ, волнуютъ, тревожатъ континентальную церковь новостью своихъ рѣчей, которые, будучи всюду ласково приняты и потомъ почти отовсюду изгнаны, удаляются, оставляя послѣ себя слѣды, даже и тогда, когда присутствіе ихъ было кратковременно[2]). Однимъ изъ первыхъ и знаменитѣйшихъ изъ числа такихъ миссіонеровъ былъ монахъ Коломбанъ, основавшій въ концѣ VI вѣка монастырь въ Галліи, въ Вогезахъ, а потомъ, въ Ломбардіи—въ Баббіо. Въ VII столѣтіи особенно замѣчателенъ епископъ Зальцбурскій Виргилій, обвиненный папою Захаріемъ въ утвержденіи существованія антиподовъ на основаніи греческихъ источниковъ. Въ IX вѣкѣ ирландцы являются при дворѣ Карла Великаго. Знаменитѣйшій изъ нихъ былъ Кли-

[1]) *B. Hauréau.* Histoire de la philosophie scolastique. Paris. 1872, p. 2—7.

[2]) *B. Hauréau.* Singularités historiques et litéraires. Paris. 1861, p. 6 et suiv.

ментъ. Такимъ образомъ, Ирландія, единственная страна, пощаженная варварствомъ, несетъ исключительно ей принадлежащее бремя образованія варваровъ и передаетъ традиціи древняго міра міру новому, побуждая этотъ послѣдній примкнуть къ духовной жизни перваго [1]).

Изъ этого видно, что, благодаря вліянію Ирландіи, возможенъ сталъ первый шагъ къ возрожденію въ Европѣ умственной дѣятельности. Шагъ этотъ и былъ сдѣланъ дѣйствительно Карломъ Великимъ. И хотя значеніе личности Карла въ этомъ первомъ опытѣ возрожденія и очень важно, но оно обусловлено вліяніемъ на него тѣхъ представителей литературы и науки, которыхъ онъ встрѣтилъ въ Италіи, тогда уже ознакомившейся съ проповѣдью ирландскихъ миссіонеровъ. Ранѣе встрѣчи съ Алкуиномъ, Петромъ Пизскимъ, Павломъ Варнефридомъ, Карлъ не обнаруживалъ никакихъ преобразовательныхъ стремленій, и только сдѣлавшись проводникомъ взглядовъ этихъ для своего времени высоко-образованныхъ людей, могъ онъ оказать ту великую заслугу цивилизаціи на западѣ, которая составляетъ величайшую его славу. Самъ вступивъ въ число учениковъ основанной имъ Палатинской школы, Карлъ является истиннымъ представителемъ своей эпохи, столь нуждавшейся въ ученіи. Капитуляріи его свидѣтельствуютъ о томъ, до какой степени сознана была необходимость ученія въ это время. «Мы опредѣлили,—объявляетъ Карлъ въ одномъ изъ капитуляріевъ,—считать полезнымъ, чтобы въ епископствахъ и монастыряхъ, кромѣ исполненія правилъ монастырской жизни и религіозныхъ упражненій, прилежали къ размышленію о наукахъ и ихъ изученію, каждый по своимъ способностямъ, какъ онъ можетъ учиться при помощи Божіей»... «Конечно,—говоритъ онъ далѣе,—хорошій поступокъ лучше, чѣмъ хорошее знаніе, однакожъ, нужно прежде знать дѣло, чтобы его сдѣлать»... «Къ намъ приносили изъ нѣкоторыхъ монастырей посланія, въ которыхъ говорилось, что братія поминаетъ наше имя въ своихъ святыхъ и благочестивыхъ молитвахъ; но мы замѣтили, что въ большей части такихъ посланій внутренній смыслъ рѣчи хорошъ, но самая рѣчь необработана, внутреннее вѣрно продиктовано благочестіемъ, но въ отношеніи внѣшнемъ невѣже-

[1]) Idem, p. 21. *A. Rousselot.* Etudes sur la philosophie du moyen age, I, p. 33.

ственный языкъ былъ не въ силахъ выражаться безъ ошибокъ. Вотъ потому-то мы и начали бояться, что, если братія такъ мало смыслитъ въ искусствѣ письма, то еще гораздо менѣе, можетъ быть, она смыслитъ въ чтеніи священнаго писанія. А мы всѣ хорошо знаемъ, что, какъ ни опасны ошибки въ словахъ, но еще опаснѣе ошибки въ уразумѣніи смысла. Почему и убѣждаемъ васъ не только не пренебрегать научными занятіями, но, со всею скромностью и благимъ предъ Богомъ намѣреніемъ, предаваться имъ прилежно» [1]).

Въ чемъ же состояло обученіе, которое признавалось столь настоятельно необходимымъ?

Въ Палатинской школѣ, которая была представительницею высшихъ знаній своего времени, преподавались только грамматика, риторика, логика, ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка, входившія въ составъ такъ-называвшихся *Trivium* и *Quadrivium*. Уровень знанія былъ, какъ видно, очень не высокъ. Но одни названія наукъ не даютъ еще понятія о дѣйствительномъ ихъ содержаніи, такъ какъ грамматика, логика, астрономія и т. д. того времени состояли нерѣдко изъ пустѣйшихъ разглагольствованій, которыя приправляли самое глубокое невѣжество. Алкуинъ, глава Палатинской школы, уступавшій въ учености только Клименту и другимъ ирландцамъ, былъ собственно грамматикъ и далеко не обладалъ тѣми обширными знаніями, которыя были ему приписываемы историками клерикальной школы. Самыя грамматическія его познанія были преувеличены. Гораздо выше были знанія ирландцевъ, но свѣдѣнія объ объемѣ ихъ преподаванія далеко не удовлетворительны. Что же касается другихъ школъ, основанныхъ по повелѣнію Карла, то онѣ стояли несравненно ниже Палатинской, такъ какъ невѣжественные и для своего даже времени монахи, обучавшіе въ этихъ школахъ, не могли сравниться ученостью даже съ Алкуиномъ, а не только съ ирландцами. Къ философіи и древней литературѣ существовало повсемѣстное недовѣріе. При изученіи грамматики не допускались цитаты изъ древнихъ писателей и особенно *sceleratorum naeniae poetarum*. Обученіе держалось въ тѣсныхъ предѣлахъ элементарнѣйшихъ знаній и со страхомъ смотрѣло на то неизвѣстное, которое лежало за этими предѣлами.

[1]) Капитулярій о занятіяхъ науками. Перев. М. М. Стасюлевича (Ист. Средн. в. въ ея писателяхъ и пр. т. II).

Послѣ Карла, число школъ хотя и возросло, но обученіе въ нихъ не шло впередъ. Въ церкви, наконецъ, рядомъ съ голосомъ, поощряющимъ занятія науками, начинаетъ раздаваться голосъ порицанія такому занятію и поднимается вопросъ о сожиганіи «вредныхъ» книгъ... Таково положеніе вещей при карловингахъ, эпоха которыхъ завершаетъ варварскій періодъ, имѣющій значеніе подготовительнаго времени для развитія слѣдующаго за нимъ періода средневѣковаго. Отличительный характеръ этого послѣдняго заключается въ слитіи элементовъ варварскаго и романскаго, или, вѣрнѣе, въ поглощеніи перваго послѣднимъ, въ образованіи новыхъ европейскихъ народностей и окончательной осѣдлости ихъ въ занятыхъ ими областяхъ, въ повсемѣстномъ утвержденіи господства туземныхъ королей и установленіи католико-феодальнаго порядка, во всеобщей замѣнѣ рабства серважемъ и, наконецъ, въ возникновеніи и развитіи на новыхъ началахъ западно-европейскихъ языковъ (кромѣ англійскаго) [1]).

Долгое время не могъ установиться научный взглядъ на средніе вѣка. Субъективныя требованія однихъ дѣлали изъ этой исторической эпохи время господства безусловнаго мрака, невѣжества и варварства, тогда какъ въ поэтическихъ грезахъ другихъ средніе вѣка возставали въ какомъ-то ореолѣ и представлялись блестящею эпохою, сосредоточивавшей въ своихъ представителяхъ неисчислимыя высокія качества. Научная точка зрѣнія здѣсь, какъ и въ вопросѣ о варварскомъ нашествіи, установлена была позитивной школой. Анализъ фактовъ, проведенный съ этой точки зрѣнія, не далъ въ результатѣ ничего напоминающаго односторонность субъективныхъ воззрѣній. Средніе вѣка, для позитивной школы, представляются тѣмъ періодомъ всемірной исторіи, въ теченіе котораго совершалось развитіе европейской мысли отъ состоянія, близкаго къ варварству въ исходной точкѣ періода, до состоянія «возрожденія», постепенному подготовленію къ которому и служитъ это развитіе. Съ позитивной точки зрѣнія оно весьма вѣрно было уподоблено развитію обучающагося дитяти или ученика, поднимающагося изъ класса въ классъ [2]). Подобно такому дитяти или ученику, средневѣковое общество проходитъ курсъ ученія, ра-

[1]) E. Littré. Etudes, p. XXIV.
[2]) Littré. Idem, p. XXV.

ботая добросовѣстно и упорно. Каждый вѣкъ его существованія обозначенъ важными шагами, и всѣ переживаемыя имъ перипетіи въ концѣ концовъ приводятъ его на высшую ступень умственнаго развитія. Не измѣняя поступательнаго его движенія въ попятное, перипетіи эти обусловливаютъ только неравномѣрность движенія: до введенія арабскихъ книгъ оно гораздо слабѣе, чѣмъ послѣ этого введенія. Сообразно съ этимъ обстоятельствомъ средніе вѣка распадаются на два періода.

Первый періодъ обнимаетъ XI и почти весь XII вѣкъ, второй—XIII и часть XIV. Умственная дѣятельность перваго изъ этихъ періодовъ, къ характеристикѣ котораго я и намѣренъ теперь приступить, существенно не отличается по характеру своему отъ дѣятельности предшествовавшихъ двухъ вѣковъ переходнаго періода, т. е. она совершается исключительно въ средѣ чисто-клерикальной. Направленіе ея опредѣляется прежде всего направленіемъ, принятымъ искони католичествомъ, а потому мы и начнемъ съ знакомства съ нимъ.

Одна изъ основоположенныхъ идей католичества заключается въ различеніи между чувственнымъ и сверхчувственнымъ, между духомъ и плотью. Различіе это, развиваясь какъ антитезисъ цѣльному міросозерцанію языческаго міра, не могло не достигнуть этимъ путемъ полной своей опредѣленности и не перейти въ противоположность между духомъ и матеріей. И, такъ какъ въ этой противоположности существенное значеніе приписано было началу сверхчувственному, а чувственное было низведено до несущественнаго, то выработавшееся такимъ образомъ міросозерцаніе приняло отвлеченный отъ природы, человѣка, жизни, міра вообще, характеръ, и отвлеченный притомъ не отъ того только, что въ мірѣ есть пустого и суетнаго, но и отъ того, что въ немъ есть положительнаго. Словомъ, выработавшійся характеръ былъ характеръ антикосмическій.

Антикосмическій характеръ католичества особенно ярко выразился въ отношеніи къ изученію природы. Природа, какъ предметъ изученія, пала крайне низко въ глазахъ всякаго послѣдовательнаго католика. Природа, существеннѣйшее свойство которой есть чувственность, представлялась аскетическому взору католика какъ отрицаніе духа, какъ нѣчто суетное, отвлекающее отъ созерцанія существеннаго. Ее, какъ казалось отрѣшившемуся отъ нея уму, нельзя было сдѣлать предметомъ серьезнаго, усидчиваго труда, сосредоточиваться на ней. При-

рода съ этой точки зрѣнія какъ бы скрылась отъ человѣка, который не хотѣлъ знать ее непосредственно, не хотѣлъ открыть на нее глазъ [1]).

Факты, представляемые литературой этой эпохи, даютъ понятіе о томъ, до какой степени нелѣпы и дики были тогда понятія о природѣ [2]). Описанія естественныхъ явленій, сдѣланныя въ то время, справедливо сравниваютъ съ скульптурными украшеніями католическихъ церквей. Въ обоихъ случаяхъ представленіе о природѣ было фантастическое: какъ тамъ, такъ и здѣсь являлись разнообразнѣйшіе плоды вымысла и вездѣ примѣшивался мистическій элементъ. Все это показывало глубокое отклоненіе отъ здороваго отношенія къ природѣ и полнѣйшее извращеніе понятій о ней.

Итакъ, животворное начало изученія природы было изгнано, самостоятельное расширеніе умственнаго кругозора сдѣлано невозможнымъ, всѣ выходы изъ умственной тьмы закрыты... Спасеніе могло придти только извнѣ, и оно дѣйствительно явилось въ видѣ скудныхъ и жалкихъ обрывковъ знаній древняго міра, какимъ-то случаемъ сохранившихся при всеобщемъ крушеніи. Изученіе этихъ обрывковъ и было единственною пищею дѣятельныхъ и пытливыхъ умовъ. Увеличеніемъ числа этихъ обрывковъ и опредѣляется исключительно наростаніе знанія въ теченіе этого періода. Имъ совершается воспитаніе умовъ и переработка господствующаго міросозерцанія. Книжные источники имѣютъ поэтому для времени отъ IX до XIV вѣка исключительно важное значеніе. Обзоромъ ихъ мы теперь и займемся, ограничиваясь пока до-арабскимъ періодомъ.

Изъ всей литературы цвѣтущей поры древней цивилизаціи въ теченіе этого періода были извѣстны только: Тимей Платона въ переводѣ Халкидія, Эрменейя и Категоріи Аристотеля, нѣкоторыя сочиненія Ливія и Саллюстія и произведенія поэтовъ: Горація, Виргилія, Овидія и др. Все остальное книжное богатство ученыхъ и мыслителей отъ девятаго до четырнадцатаго вѣка состояло изъ сочиненій, принадлежащихъ эпохѣ упадка. Въ сочиненіяхъ этихъ частью содержались скомпилированные остатки древнихъ авторовъ, частью собственныя бредни. Распредѣляя эти сочиненія по времени ихъ происхо-

[1]) *L. Feuerbach*. Sammtliche Werke. Leipzig. 1847. B. IV. Einleitung.

[2]) См. у Pouchet. Hist. des sciences naturelles. *Hoefer*. Hist. de la Zoologie и мн. др.

жденія, слѣдуетъ всего прежде упомянуть о сочиненіяхъ неоплатониковъ: Апулея, Порфирія и Халкидія, сохраненіе которыхъ было, впрочемъ, скорѣе несчастьемъ, нежели счастьемъ для бѣдныхъ всякими плодами мысли средневѣковыхъ ученыхъ и философовъ. Неоплатонизмъ, по вѣрному замѣчанію Прантля, всегда оказывалъ тлетворное вліяніе, убивая вездѣ, гдѣ ни появлялся, всякое свѣжее и здоровое зерно развитія. Логическія произведенія неоплатониковъ, по словамъ того же писателя, представляютъ потокъ столь мутный и грязный, что поколѣнія, черпавшія изъ него свои свѣдѣнія, гораздо бы болѣе выиграли, если бы вмѣсто нихъ не имѣли никакихъ [1]). Къ несчастью, Апулей, Порфирій и Халкидій испортали своими негодными произведеніями длинный рядъ писателей отъ IX до XIII вѣка. Эпохѣ этой отъ Апулея осталось одно сочиненіе (de syllogismo categorico) вполнѣ и отрывокъ другого, извѣстный подъ названіемъ трактата о естественной философіи. Отъ Халкидія перешли толкованія къ Тимею, а отъ Порфирія, имѣющаго для среднихъ вѣковъ гораздо большую важность, чѣмъ Апулей и Халкидій,—«Введеніе» къ категоріямъ или Изагогъ, бывшій всеобщимъ учебникомъ діалектики и средоточіемъ безчисленныхъ толкованій. Къ неоплатоническимъ сочиненіямъ слѣдуетъ еще присоединить и тѣ, которыя были ошибочно приписываемы Діонисію Ареопагиту и которыя цѣликомъ содержатъ идеи Прокла, изложенныя въ Эннеадахъ [2]).

Остальные затѣмъ источники, изъ которыхъ почти до конца XII столѣтія черпались знанія, заключались въ сочиненіяхъ V, VI и VII вѣковъ, а именно — въ сочиненіяхъ Боэція, Марціана Капеллы, Кассіодора и Исидора Севильскаго, къ которымъ надо еще присоединить переводы нѣкоторыхъ медицинскихъ сочиненій и два трактата неизвѣстнаго происхожденія, ложно приписывавшіеся Августину Гиппонскому.

Наибольшею передъ всѣми другими извѣстностью пользовались сочиненія Боэція; они долго уважались наравнѣ съ сочиненіями самого Аристотеля. Сочиненія эти заключались въ толкованіи къ «Изагогу», толкованіяхъ къ «Категоріямъ» и къ «Эрменейѣ» и въ нѣсколькихъ собственныхъ трактатахъ (объ опредѣленіи, о силлогизмѣ гипотетическомъ, о силлогизмѣ

---

[1]) *C. Prantl.* Geschichte der Logik im Abendlande, II. S. 578 und 626.

[2]) *Haurёau.* Hist. de la phil. sc., p. 91—106.

категорическомъ и о топическихъ различіяхъ). Въ этихъ трактатахъ было вкратцѣ изложено все содержаніе «Органона», который до конца XII вѣка и былъ извѣстенъ только этимъ путемъ. Характеръ толкованій и собственныхъ трактатовъ Боэція—эклектическій. Задачею его, по его же словамъ, было соглашеніе ученія Платона съ ученіемъ Аристотеля. Но онъ не выполнилъ этой задачи и, представляя положенія той и другой стороны, онъ умалчиваетъ о своемъ собственномъ мнѣніи, почтительно находя его *non aptum*. Такимъ образомъ, всѣ вопросы, ставимые имъ, остаются открытыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ своимъ основательнымъ изложеніемъ даетъ возможность ознакомиться съ содержаніемъ Органона ранѣе, чѣмъ всѣ его части дѣлаются извѣстными. Не менѣе важную услугу развитію мысли этого времени оказали и математическія сочиненія Боэція. Черезъ нихъ проникли свѣдѣнія, заимствованныя у Никомаха, Евклида, Архимеда и Кл. Птолемея. Особенную важность для дальнѣйшихъ успѣховъ математики—этого главнаго и основного орудія всякаго научнаго изслѣдованія—получило описаніе древняго способа счисленія на абакусѣ, изложенное въ трактатѣ Боэція о геометріи. Знакомство съ этимъ способомъ было очень распространено и послужило подготовкой къ усвоенію болѣе усовершенствованныхъ способовъ счисленія, заимствованныхъ впослѣдствіи отъ арабовъ[1]). Такимъ образомъ, Боэція справедливо можно назвать звеномъ соединенія древней эпохи съ новою.

Съ IX вѣка получило большую извѣстность сочиненіе Марціана Капеллы, носящее странное заглавіе «Сватьбы Меркурія и Филологіи». Сочиненіе это даетъ плохое изложеніе «Категорій», «Эрменейіи» и обѣихъ «Аналитикъ». По совершенному неимѣнію учебниковъ, оно долго служило руководствомъ въ школахъ и удостоилось толкованій отъ людей, сравнительно съ Марціаномъ Капеллой, и болѣе умныхъ и болѣе свѣдущихъ. Той же цѣли, что и сочиненія М. Капеллы, служили еще нѣкоторые трактаты современника Боэція, Кассіодора. Особен-

[1]) О математическихъ трудахъ Боэція см. *Moritz Cantor*. Mathematische Beiträge zum Kulturleben der Völker. Halle 1863, и переводъ этой книги: *Th. H. Martin*. Les signes numéraux et l'arithmétique chez les peuples de l'antiquité et au moyen-âge. Rome 1864. Краткое изложеніе нѣкоторыхъ главъ этого сочиненія можно найти у *G. Noël*: La numération décimale. (Philos. positive. Revue. Juillet-Août, 1869).

ною извѣстностью пользовалось «*De institutione divinarum litterarum*». Кассіодоръ, подобно М. Капеллѣ, представляетъ отрывки жалкихъ знаній, изложенныхъ въ формѣ энциклопедіи. Не выше двухъ этихъ писателей стоитъ и Исидоръ Севильскій, имѣвшій весьма громкую извѣстность. Въ одномъ изъ его сочиненій находится весьма бѣглое изложеніе содержанія «Органона», большая же часть остальныхъ посвящена теологіи и изложенію семи частей тривіума и квадривіума. Особеннаго вниманія заслуживаетъ его трактатъ объ этимологіи по своимъ страннымъ толкованіямъ. Два трактата, приписываемые Августину, представляютъ: первый—краткое изложеніе нѣкоторыхъ грамматическихъ вопросовъ, и второй—перечень сокращенныхъ опредѣленій, заимствованныхъ изъ Органона, и, наконецъ, нѣкоторыя сочиненія Ипократа и Галена, исчерпываютъ все литературное богатство первыхъ столѣтій средневѣковой эпохи.

Несмотря на всю ничтожность почти всѣхъ сочиненій этихъ, духъ ихъ, за немногими исключеніями, представлялъ полную противоположность съ духомъ католичества, а потому и пользованіе ими было осложнено и приняло совершенно своеобразное направленіе. Направленіе это опредѣлялось не однимъ только антикосмическимъ характеромъ католичества, о которомъ я говорилъ выше. Тлетворное вліяніе этого міросозерцанія шло еще далѣе: кромѣ отвращенія отъ природы, которое проникало его всего, оно содержало еще массу тезисовъ, считавшихся установленными разъ навсегда и абсолютно-неизмѣняемыми. Эти тезисы, предваряя свободныя изысканія разума, давали готовыя рѣшенія и не допускали возможности противорѣчія съ ними. Такимъ образомъ католичество вносило въ дѣятельность разума этого времени не только антикосмическій характеръ, но и лишало еще дѣятельность эту свободы, обрекая ее на вѣчную подчиненность.

Изъ этого видно, что умственной дѣятельности не только полагались тѣсные предѣлы, но и въ этихъ предѣлахъ еще ей не дозволялось быть свободной. Мало того, что она должна была не выходить изъ книжной среды, но и здѣсь она должна была сообразоваться съ внѣшней регламентаціей. Такимъ образомъ усвоеніе и толкованіе книжнаго матеріала, унаслѣдованнаго отъ древности, также не могло быть свободнымъ и должно было подчиняться требованіямъ догмата, а такъ какъ этотъ книжный

матеріалъ былъ единственнымъ умственнымъ достояніемъ этой эпохи, и идеи, содержащіяся въ немъ, единственною средою, въ которой могла проявляться дѣятельность мыслителей, то главною задачею ихъ и стало естественнымъ образомъ пріуроченіе своего книжнаго матеріала къ установленному догмату. Помимо такого пріуроченія, самое пользованіе этимъ матеріаломъ казалось невозможнымъ. Это пріуроченіе, составляя неизбѣжное слѣдствіе историческихъ условій, являлось единственнымъ видомъ дѣятельности, на которую могли устремиться умы, предѣломъ достижимой для человѣка мудрости, альфой и омегой всего міра мысли. Оно было основной задачей всей средневѣковой философіи или схоластики; въ немъ весь ея смыслъ и значеніе.

Въ задачѣ этой предстояло согласить принципіально два взаимно исключающіяся міроразумѣнія—теологическое и метафизическое; для схоластиковъ соглашеніе это казалось не только возможнымъ, но необходимымъ и благотворнымъ: теологія должна была положить предѣлъ возникновенію пагубныхъ идей и обратить дѣятельность разума на направленіе ортодоксальное, метафизика же должна была найти въ опекѣ теологіи единственно-возможное ей руководительство, столь необходимое при отсутствіи сознанія самобытности и способности къ самодѣятельности. Все, казалось, должно было итти наилучшимъ образомъ въ этой наилучшей изъ комбинацій.

Посмотримъ какъ шло дѣло въ дѣйствительности. Начнемъ съ ближайшаго знакомства съ вопросами схоластики.

Схоластика, хотя и считалась служанкой теологіи, *theologiae ancilla*, была, однако же, въ дѣйствительности опредѣленнымъ, отдѣльнымъ отъ теологіи, строемъ умственной дѣятельности, именно метафизическимъ строемъ, развитіе котораго подчинялось извѣстному историческому закону, а не волѣ личностей. Эта внутренняя самобытность схоластики, какъ метафизики, не сознаваемая ея представителями, не мѣшала имъ вносить принципъ подчиненія не только въ смыслъ своихъ умозрѣній, но даже и въ форму ихъ. Форма эта заключалась въ перефразировкѣ и толкованіи сочиненій древнихъ писателей,—въ компендіумахъ и комментаріяхъ. Эти компендіумы и комментаріи придавали и самой схоластикѣ видъ длиннаго толкованія на источники, особенно на Аристотеля и его комментаторовъ въ числѣ которыхъ схоластики первое мѣсто отводили Порфирію.

Этотъ внѣшній характеръ схоластики, закрывъ внутренній ея смыслъ, не мѣшаетъ, однако же, ясно видѣть и различать этотъ послѣдній, а потому нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ писателей, которые утверждаютъ, что схоластика возникла изъ толкованія одного изреченія Порфирія. Если бы такое мнѣніе было справедливо, то значеніе всѣхъ схоластическихъ положеній было бы обусловлено одною ихъ логическою вѣрностью,—другой санкціи бы не требовалось. Въ дѣйствительности же санкція эта требовалась со стороны теологіи, которая выше правильности положеній ставила ихъ согласіе съ ея догматами, или, вѣрнѣе, полагала ихъ правильность именно въ этомъ согласіи. Изреченію Порфирія схоластика обязана такимъ образомъ не самими вопросами своими, а только ихъ постановкой, которая ничего общаго не имѣла съ руководящею мыслью схоластической философіи. Схоластики приняли эту постановку вслѣдствіе скудости своихъ метафизическихъ источниковъ и вслѣдствіе слабаго своего философскаго развитія, допускавшаго облеченіе общихъ вопросовъ въ формы, почерпнутыя изъ частной науки. Этимъ путемъ и возникло соединеніе основнаго схоластическаго вопроса съ вопросомъ или вопросами Порфирія.

Для ближайшаго знакомства съ такою постановкою схоластическаго вопроса обратимся къ самому изреченію Порфирія.

«Такъ какъ необходимо», пишетъ Порфирій къ нѣкоему Хризаору, «для пониманія ученія Аристотеля о категоріяхъ, знать: что̀ такое—родъ, различіе, видъ, собственное и случайное, и такъ какъ знаніе этихъ предметовъ, полезно для установленія опредѣленія и всего, относящагося къ раздѣленію и доказательству, то я постараюсь передать тебѣ въ сжатомъ сокращеніи и въ формѣ введенія то, чему учили древніе объ этомъ предметѣ, воздерживаясь отъ слишкомъ возвышенныхъ вопросовъ, довольно мало останавливаясь даже на простѣйшихъ. Такимъ образомъ я отказываюсь высказаться о томъ: существуютъ ли роды и виды или заключаются только въ чистой мысли; если существуютъ, тѣлесны-ли они или безтѣлесны; существуютъ ли они, наконецъ, отдѣльно отъ чувственныхъ вещей или въ этихъ самыхъ вещахъ, составляя съ ними нѣчто сосуществующее. Это дѣло слишкомъ важно и требуетъ слишкомъ пространныхъ изысканій» [1]).

---

[1]) *Hauréau*. Hist. de la ph. sc. p. 49.

Итакъ, «существуютъ ли роды и виды или заключаются въ чистой мысли?»—вотъ та логическая форма, помимо которой коренной вопросъ о соглашеніи вѣры и умозрѣнія казался въ средніе вѣка неразрѣшимымъ. И сколько времени и сколько силъ потратили на него мыслители среднихъ вѣковъ! Уже въ XII столѣтіи говорили, что времени потребовалось болѣе, чѣмъ сколько надо было дому Цезаря для покоренія міра. Существуютъ ли роды и виды объективно, или это только субъективныя понятія, или, выражаясь иначе, есть ли понятіе о родахъ и видахъ *только понятіе*, или оно имѣетъ еще и *реальное существованіе*,—вопросъ этотъ,—великій вопросъ объ общихъ понятіяхъ (universalia), для теолого-метафизическихъ умовъ схоластиковъ допускалъ разныя рѣшенія. Порфирій указываетъ только на три; но для схоластиковъ этого было мало. Они, схватясь горячо и ревностно за разрѣшеніе вопроса, надъ которымъ недоумѣвалъ авторитетный для нихъ Порфирій, придумали тринадцать рѣшеній, обнаруживающихъ чрезвычайную изворотливость ума и изобрѣтательность [1]). Главныхъ, вполнѣ характеристичныхъ и опредѣленныхъ рѣшеній было, впрочемъ, два: утвердительное и отрицательное. Представители перваго держались того мнѣнія, что общія понятія существуютъ отдѣльно отъ вещей и притомъ независимо отъ вещей и ранѣе вещей. Формула ихъ: *universalia ante rem*. Это крайніе реалисты. Представители отрицательнаго рѣшенія отвергали объективное существованіе общихъ понятій и считали ихъ только именами вещей. Формула ихъ: *universalia post re*. Это крайніе номиналисты. Умѣренные реалисты и номиналисты различались отъ крайнихъ тѣмъ, что реалисты, допуская дѣйствительное существованіе общихъ понятій, полагали ихъ не внѣ вещей, а въ самыхъ вещахъ (in re), а умѣренные номиналисты считали общія понятія не именами вещей, но субъективными понятіями, концептами, почему и назывались концептуалистами.

Чтобы лучше уяснить себѣ отношеніе этихъ рѣшеній вопроса объ общихъ понятіяхъ къ основному вопросу схоластики, припомнимъ всего прежде, что всякая метафизика неизбѣжно предполагаетъ тождество бытія и мышленія [2]). Это тождество

---

[1]) Prantl. Geschichte der Logik. II, 118.

[2]) Это отождествленіе, неизбѣжное съ позитивной точки зрѣнія, признаетъ и столь далекій отъ позитивизма Ф. Х. Бауръ, утверждающій,

всегда даетъ возможность сводить вопросы чистаго мышленія на вопросы бытія, дѣлать изъ всякаго логическаго вопроса философскій [1]). Средневѣковые мыслители такъ и поступили съ вопросомъ объ общихъ понятіяхъ, сдѣлавъ его, какъ говоритъ Горео, полемъ, на которомъ сходились для борьбы всѣ разнообразныя направленія схоластики изъ самыхъ противоположныхъ пунктовъ. Все значеніе этой борьбы зависѣло, впрочемъ, отъ отношенія результатовъ ея къ предъустановленному рѣшенію теологическихъ вопросовъ. Вопросы Порфирія, такимъ образомъ, никогда не брали верхъ надъ вопросомъ собственно-схоластическимъ.

Сущностью этого вопроса обусловливалась та особенность схоластики, которая немыслима по отношенію къ независимой философіи, и именно, что схоластика предполагала уже ортодоксальность. Разработка всѣхъ занимавшихъ схоластику вопросовъ была ограничена такимъ образомъ одною формальною стороною, что̀ не могло не лишить ее всякой производительности, всякой творческой дѣятельности и самобытности и низвести до жалкаго ничтожества. И дѣйствительно, схоластика отличается духомъ крайней отвлеченности, скудостью мысли, скукою и полнымъ отсутствіемъ оригинальности по отношенію къ содержанію, и полнымъ отсутствіемъ вкуса по отношенію къ формѣ. Но, такъ какъ въ теченіе всего перваго средневѣковаго періода, всѣ, безъ исключенія, схоластики сознательно не уклонялись отъ ортодоксальнаго направленія, то естественно, что крайняя отвлеченность, сухость, скудость мысли и отсутствіе вкуса, легко заслоняя собою другія черты, вкравшіяся въ строй мысли нѣкоторыхъ схоластиковъ, помимо ихъ воли, даютъ средневѣковой философіи характеръ безотраднѣйшаго однообразія. Схоластика, по этой причинѣ, прослыла у многихъ писателей философіей глупцовъ, имѣющей столько же философскаго смысла, сколько его было у гунновъ и вандаловъ.

Но схоластика, какъ я уже пояснилъ, имѣла свой опредѣленный философскій смыслъ:—она была метафизическою формою мышленія, и, слѣдовательно, по отношенію къ той формѣ,

---

что отождествленіе бытія и мышленія было основнымъ положеніемъ всей средневѣковой философіи. (См. Theologische Jahrbüche, herausgegeben von E. Zeller. 1846. V Band. S. 202).

[1]) Для еще болѣе ясной формулировки см. Бена—«Логику»,—т. I, стр. 7.

которой подчинялась, стояла выше, принадлежала къ фазѣ возрастанія разума сравнительно болѣе зрѣлой. Поэтому, какъ бы высоко ни ставился его принципъ подчиненія теологіи, но, будучи метафизикой, она не могла быть лишенною тѣхъ свойствъ, которыя присущи всякой другой метафизической философіи и, всего прежде, перваго и существеннаго отличительнаго признака ея отъ теологіи—свободы мысли. И въ самомъ дѣлѣ, безъ свободы мысли разумъ неизбѣжно лишенъ авторитета, а безъ этого авторитета немыслима и самая схоластика, такъ какъ и задача соглашенія метафизики и теологіи сводилась неизбѣжно къ подтвержденію авторитетомъ разума положеній, основанныхъ на авторитетѣ вѣры. Вполнѣ справедливо поэтому мнѣніе, что схоластика, несмотря на свое прислужничество теологіи, пробуждала, однако же, свободный духъ изслѣдованія. Она достигала этого, дѣлая предметы вѣры предметами разума, возвышая человѣка изъ области безусловнаго преклоненія предъ внѣшнимъ авторитетомъ въ область сомнѣнія и изслѣдованія, въ область преклоненія предъ внутреннимъ авторитетомъ,— авторитетомъ разума. Схоластика вводила такимъ образомъ въ западно-европейскій міръ новый принципъ, иной чѣмъ принципъ, освященный католичествомъ, принципъ мыслящаго духа, самосознающаго разума [1]). Этою стороною схоластика, какъ замѣтилъ О. Контъ, дала окончательное преобладаніе метафизическому духу надъ духомъ теологическимъ и этимъ путемъ подготовила послѣдующее торжество духа позитивнаго.

Итакъ, по смыслу самой своей преисполненной противорѣчіями задачи, схоластика роковымъ образомъ была осуждена на мнимую ортодоксальность. Сохраняя глубокое субъективное убѣжденіе въ томъ, что тезисы древнихъ писателей, достодолжно истолкованные, вполнѣ согласны съ духомъ и буквой теологическихъ авторитетовъ, схоластики сами обманывали себя: они служили на самомъ дѣлѣ не теологіи, но нарождавшейся независимой мысли и прокладывали дорогу сознанію этой независимости. Этой стороной своей дѣятельности, при всей ея сухости и скудости, они выполняли существеннѣйшую часть своей задачи, и это ихъ великая историческая заслуга.

Если бы клерикализмъ такъ понималъ значеніе схоластики, то, имѣя власть въ рукахъ, онъ, конечно, долженъ бы былъ

---

[1]) *Feuerbach*. jd.

сдѣлать всѣ усилія для того, чтобы схоластика не существовала вовсе и не самообольщалась бы мыслью о различіи философіи еретической, подрывающей его, отъ философіи ортодоксальной, обогощающей зданіе его новыми опорами. Но, на несчастье для себя и на счастье для человѣчества, онъ преслѣдовалъ представителей схоластики тогда только, когда въ состояніи былъ понять, что ортодоксальность нарушена, и опредѣлить это нарушеніе. Благодаря такой ограниченности пониманія представителей клира, схоластика, вообще говоря, процвѣтала, а нѣкоторыя ея направленія были даже въ высокомъ почетѣ. Такъ, не понимая, что послѣдовательный реализмъ ведетъ къ пантеизму, церковь считала направленіе это, поскольку оно не договаривало своего послѣдняго слова, правильнымъ и возвела даже знаменитѣйшаго изъ представителей его—Ансельма Кентерберійскаго—въ святые; послѣдовательнаго же реалиста—Скота Эригена, хотя и поздно (въ 1226 году только) осудила. Гораздо доступнѣе была ея пониманію опасная сторона номинализма, прямо ведущаго къ раціонализму, и потому она осудила не только крайняго номиналиста—Росцелина, но и концептуалиста—Абеляра.

Преслѣдуя рѣшеніе своей задачи—подтвержденія и оправданія разумомъ положеній, установленныхъ въ области вѣры, схоластика доработывалась не только до мнѣній еретическихъ, т.-е. положеній, противорѣчившихъ догмату, но и до широкихъ скептическихъ положеній, дѣйствовавшихъ разлагающимъ образомъ не только на одну изъ частныхъ формъ теологическаго міроразумѣнія, но и на самыя основы этого міроразумѣнія. И здѣсь также работа мысли была безсознательная и исходила изъ желанія упрочить устои теологическихъ тезисовъ и придать имъ бо́льшую степень необоримости. Уже Ансельмъ Кентерберійскій говорилъ, что онъ «старается понимать не для того, чтобы вѣровать, но что онъ вѣруетъ для того, чтобы понимать», т.-е. пытался построить соглашеніе теологіи и метафизики на новомъ тезисѣ, казавшемся недосягаемымъ для сомнѣнія. Такъ думалъ и Абеляръ и, опираясь на эту мысль, приступилъ къ изслѣдованію вопроса о томъ, «чему же надо вѣрить?» Ансельмъ утверждалъ, что всякій тезисъ теологіи имѣетъ полную достовѣрность, опредѣленность и точность, но Абеляръ, изучивъ источники гораздо глубже, пришелъ къ убѣжденію въ ошибочности такого утвержденія. Онъ составилъ

длинный списокъ вопросовъ, на каждый изъ которыхъ одинъ изъ авторитетовъ теологіи отвѣчаетъ да (*sic*), а другой—нѣтъ (*non*). Такимъ образомъ возникъ знаменитый его трактатъ «*Sic et non*», приводившій уже не къ положенію Ансельма, а къ новому, совершенно неожиданному: «сомнѣніе ведетъ къ изысканію, а изысканіе къ истинѣ». Опасность для теологіи этого принципа, основоположнаго и для новѣйшаго раціонализма, очевидна, также какъ и далекія послѣдствія этой опасности. Поэтому, хотя другой трактатъ Абеляра—«Введеніе въ теологію» чуждъ полемики, но для церкви достаточно было того, что онъ былъ написанъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ «*Sic et non*»,—на основаніяхъ изысканія, основаннаго на сомнѣніи, чтобы осудить Абеляра. Итакъ, скептическое направленіе въ схоластикѣ могло исходить изъ крайне-догматическихъ положеній, и результаты его съ большею рѣзкостью обозначали то раздвоеніе, о примиреніи элементовъ котораго еще мечтали.

Скептицизмъ не ограничивался, впрочемъ, одною областью теологіи, но сталъ уже, въ XII вѣкѣ, проявляться и въ философіи. Какъ Абеляръ указывалъ на противорѣчивыя рѣшенія вопросовъ авторитетами теологіи, такъ Іоаннъ Салисберійскій говорилъ о противорѣчіяхъ авторитетовъ философіи. Онъ говоритъ, что подвергалъ тщательному изслѣдованію ихъ утвержденія. По его мнѣнію, сомнѣніе должно быть спутникомъ мудреца во всѣхъ вопросахъ, подлежащихъ доказательству, во всѣхъ вопросахъ, гдѣ только дано взвѣшивать «за и противъ». На основаніи такого взгляда, Іоаннъ Салисберійскій указываетъ на ошибки у Платона и даже у Аристотеля—этого «учителя» схоластиковъ, философа по преимуществу. Скептицизмъ Іоанна Салисберійскаго идетъ мимо вопросовъ, разрѣшенныхъ авторитетами теологіи, и хотя въ перечисленіи всего подлежащаго сомнѣнію, онъ довольно темно говоритъ «и о нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ», но нѣтъ положительнаго основанія утверждать, что въ число ихъ онъ мысленно включалъ то, о чемъ не дерзалъ говорить явно. Во всякомъ случаѣ, при всей ограниченности своего скептицизма, Іоаннъ Салисберійскій представляетъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ явленій перваго періода схоластики. У него свѣжесть мысли и живость изложенія обличаютъ присутствіе такихъ элементовъ мысли, которые обнаружились только, быть можетъ, отчасти въ той долѣ скептицизма, которую ему, какъ епископу, возможно было высказать.

Время, въ которое жилъ Іоаннъ Салисберійскій, не давало, впрочемъ, почвы для сомнѣнія глубокаго и плодотворнаго. Зарождалось ли оно въ области теологіи, или въ области метафизики, ему не было исхода къ самобытному изученію дѣйствительности, къ опытному изслѣдованію, къ научному, положительному знанію. Оно должно было поэтому поневолѣ держаться въ предѣлахъ крайне ограниченныхъ и тѣсныхъ. Единственный выходъ, представлявшійся смѣлому и широкому скептицизму, былъ выходъ къ неограниченному мистицизму, въ темный потокъ котораго влекли самыя разнообразныя побужденія и вліянія.

Мистицизмъ, какъ стремленіе, посредствомъ возбужденнаго состоянія духа, экзальтаціи, экстаза, достигнуть высшей степени просвѣтлѣнія и разумѣнія, есть результатъ хотя и не всегда высказываемаго вполнѣ, но тѣмъ не менѣе весьма рѣшительнаго отрицанія тѣхъ путей къ раскрытію истины, которые указываются теологіей. Мистицизмъ или вовсе ничего не хочетъ знать объ откровеніи, изложенномъ въ Писаніи, или знаетъ о немъ только отчасти, вполнѣ довѣряя одному только непосредственному откровенію, субъективному раскрытію истины въ созерцаніи, въ экстазѣ. Относясь такимъ образомъ къ авторитету теологіи, онъ къ метафизикѣ относится вполнѣ отрицательно, ничего не желая знать не только объ идеяхъ ея представителей, но и самыхъ законахъ мысли. Такой смыслъ и значеніе имѣлъ послѣдовательный мистицизмъ всегда и вездѣ. И въ средніе вѣка также онъ является какъ самостоятельное направленіе мысли, установляющееся рядомъ съ направленіемъ схоластическимъ. Является ли онъ въ связи съ аскетизмомъ, какъ у Бернарда Клервоскаго, или въ формѣ систематической, отчасти сближающейся съ схоластикой, какъ у Викториновъ—Гуго и Рихарда, или въ сочетаніи съ поэзіей, какъ у Аллана Лильскаго,—во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ одинаково приводитъ къ экстазу, къ субъективному откровенію. По этой причинѣ церковная власть всегда находила необходимымъ ставить предѣлы мистическимъ стремленіямъ, какъ опаснымъ и ведущимъ къ ереси. Пока мистики держались въ предѣлахъ умѣренности, пока они не договаривали своего послѣдняго слова и соглашались подчиняться руководительству церковной власти, до тѣхъ поръ они были не только терпимы, но въ нихъ видѣли даже подвижниковъ высоко-развившихъ свое религіозное чувство, но какъ

только представителями мистическаго направленія являлись натуры пылкія, предававшіяся необузданнымъ порывамъ экстаза и не желавшія подчиняться дисциплинѣ церкви,—церковь относилась къ нимъ какъ къ еретикамъ и осуждала ихъ [1]).

Независимый характеръ мистицизма особенно ярко обнаружился тогда, когда онъ, выступивъ изъ предѣловъ школы, сталъ развиваться, главнымъ образомъ, въ области чувства и стремиться къ прямому вліянію на жизнь. Здѣсь, вмѣстѣ съ возрастаніемъ значенія проповѣди мистиковъ, возрастаетъ и ихъ отрицательное отношеніе къ установленному порядку вещей. Въ лицѣ аббата Іоахима, впервые заговорившаго о «вѣчномъ евангеліи», является представитель идеи прогрессивнаго христіанства, идеи, въ корнѣ подрывающей основы католической церкви. Католическая церковь учитъ, что она обладаетъ откровеніемъ, которое не нуждается ни въ какомъ дополненіи и обновленіи, такъ какъ въ немъ изложена уже вся истина. Что же проповѣдуетъ аббатъ Іоахимъ, этотъ великій пророкъ не только для всего XII столѣтія, но даже и для Данте, помѣстившаго его въ своемъ «Раю». Аббатъ Іоахимъ, основываясь на текстахъ Писанія, провозглашаетъ, что новый завѣтъ будетъ имѣть свой конецъ, точно также какъ имѣлъ его ветхій, и что вслѣдъ затѣмъ настанетъ завѣтъ св. духа, эра вѣчнаго евангелія. Существовалъ завѣтъ отца, существуетъ завѣтъ сына, но скоро наступитъ завѣтъ 3-го лица троицы—духа, завѣтъ, которому не будетъ конца. Исторію, сообразно съ такимъ взглядомъ, Іоахимъ ди Фіоре дѣлитъ на три періода: на первый періодъ, въ которомъ первенствовала вѣра евреевъ, на второй періодъ, въ которомъ первенствуетъ вѣра христіанъ и, наконецъ, на третій, въ которомъ будетъ первенствовать вѣра св. духа. Этимъ тремъ періодамъ соотвѣствуютъ три общественныя состоянія: мірское, въ которомъ люди жили по плоти, священническое, въ которомъ жизнь ихъ представляетъ нѣчто среднее между плотью и духомъ, и иноческое, въ которомъ люди будутъ жить вполнѣ духовно. Такимъ образомъ, иноческій, созерцательно-мисти-

---

[1]) О мистицизмѣ, кромѣ *Hauréau*, *Rousselot* и *Stökl*, сочиненія по исторіи схоластики которыхъ были упомянуты выше, см. L. *Noack*, Die christliche Mystik. Königsb. 1853. *E. Vacherot*. Hist. critique de l'école d'Alexandrie. Paris. 1851, t. III. (Chap. II. Influence du néoplatonisme sur le mystiques du moyen-âge) и Barth. S-t Hilaire. De l'école d'Alexandrie. Paris, 1845. (О средневѣковыхъ мистикахъ, въ предисловіи).

ческій складъ жизни становится конечноъ цѣлью развитія человѣчества. Это *аскетическое заключеніе*, какъ реакція, вызванная *развратомъ духовенства*, противорѣчило законамъ общественнаго развитія, и поэтому въ жизнь войти не могло и составляло слабую сторону проповѣди о вѣчномъ евангеліи. Но другая сторона этой проповѣди, сторона отрицательная, осуждающая весь порядокъ жизни, съ его основами и авторитетами, на гибель, какъ яркое выраженіе идеи прогресса, не могла не волновать умы, не распространяться, не порождать протестовъ и вызывать движеній. Въ ней вѣяло чѣмъ-то новымъ, лучшимъ, манящимъ въ безвѣстную даль, для которой печальное настоящее должно стать прошедшимъ. Удивительно ли послѣ этого, что аббатъ Іоахимъ прослылъ пророкомъ:—онъ былъ имъ, и церковь осудила за то его ученіе, пощадивъ его самого ради громкой репутаціи его святости. Осужденіе это, какъ и всѣ категорическія утвержденія, направленныя противъ критической мысли, не достигло цѣли: идея калабрійскаго монаха жила до самой реформаціи и въ XIII столѣтіи имѣла еще блестящаго представителя въ лицѣ Іоанна Пармскаго[1]).

Итакъ, втеченіе XI и XII столѣтій успѣли возникнуть и до извѣстной степени развиться разнообразныя формы воззрѣній, относившихся отрицательно не только къ оковамъ, положеннымъ на умъ человѣческій католичествомъ, но и къ отдаленнымъ причинамъ, обусловившимъ такое положеніе вещей, къ самимъ основамъ установленнаго порядка вещей. Если мы припомнимъ при этомъ, что втеченіе этихъ же двухъ вѣковъ установилась независимость городскихъ коммунъ, что было началомъ отрицанія феодальнаго порядка, то намъ представится въ главныхъ общихъ чертахъ великое значеніе этихъ двухъ вѣковъ для дальнѣйшаго развитія европейскихъ народовъ. И хотя, между началомъ умственнаго освобожденія и освобожденіемъ коммунъ не существовало никакой внѣшней связи, такъ какъ представители того и другого овобожденія не только не понимали другъ друга, но находились даже въ отношеніяхъ враждебныхъ[2]), тѣмъ не менѣе, очевидно, что они работали въ одномъ и томъ же направленіи, и что работа ихъ была въ

[1]) *X. Rousselot.* Histoire de l'évangile éternel. Paris 1861. *Laurent.* Etudes. t. VIII.

[2]) *Guizot.* Histoire de la civilisation en Europe. Paris. 1857. 6 leçon.

высшей степени плодотворна. Конечно, автономія разума, также какъ и автономія коммунъ, понимаются въ наше время далеко не такъ, какъ они понимались въ XII вѣкѣ, но для выясненія того и другого потребовалась вѣковая практическая и теоретическая дѣятельность, и начало той и другой было положено именно въ XI и XII столѣтіяхъ. Въ этомъ и заключается ихъ великое историческое значеніе. Непосредственное вліяніе этого значенія видно уже въ XIII вѣкѣ. Умственная дѣятельность этого вѣка, успѣхи которой главнымъ образомъ основаны на внѣшнемъ вліяніи, была бы невозможна, если бы въ теченіе XI и XII столѣтій европейскій умъ не подготовился къ пониманію и усвоенію того новаго матеріала, который онъ пріобрѣлъ. Это счастливое пріобрѣтеніе произошло благодаря сношеніямъ съ арабами, сохранившими богатое наслѣдіе древней философіи и особенно науки и давшими теперь европейцамъ то, въ чемъ они наиболѣе нуждались—положительныя знанія.

Въ этомъ обстоятельствѣ, какъ замѣтилъ Литтре[1]), и заключается важность вліянія арабовъ, такъ какъ племя это само по себѣ было не такъ счастливо одарено, какъ племена европейскія, и послѣ кратковременнаго блеска остановилось въ своемъ развитіи и понизилось до полу-варварства и ничтожества.

Итакъ, преемство умственной дѣятельности, осложненное въ первомъ періодѣ посредничествомъ неоплатониковъ и другихъ мистиковъ, осложнено и во второмъ посредничествомъ арабовъ, передавшихъ сочиненія древнихъ авторовъ, извѣстнымъ образомъ искаженныя переводомъ и толкованіями. Этотъ видъ передачи не могъ, конечно, остаться безъ вліянія на европейскую мысль, а потому намъ и необходимо теперь ознакомиться съ характеристическими чертами новаго элемента, вступающаго въ процессъ развитія умственной дѣятельности европейцевъ.

Арабы ознакомились съ древнею наукою и древнею философіей очень рано, еще тогда, когда въ Европѣ царилъ глубочайшій мракъ. Начиная съ VIII вѣка, они сблизились съ изгнанными изъ предѣловъ греческой имперіи несторіанами и съ сирійскими христіанами, пріобрѣвшими знанія отъ тѣхъ же несторіанъ. Въ это же время они начинаютъ знакомиться и съ индійскою

[1]) Littré. Etudes p. XXVII.

наукою и прежде всего съ сочиненіями по астрономіи, доставленными учеными индійцами въ Багдадъ около 773 года. Пріобрѣтеніе значительнаго запаса положительныхъ знаній подѣйствовало весьма возбудительно на умъ этого племени, привыкшаго еще на родинѣ, когда оно жило почти внѣ всякаго соприкосновенія съ остальнымъ міромъ, къ наблюденію явленій природы, какъ на земной поверхности, такъ и на небесномъ сводѣ. Эта склонность, составляющая основную характеристическую черту умственнаго склада арабовъ того времени, и придала имъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, міровое значеніе. Они не только усвоили себѣ науку древнихъ, но и съумѣли подвинуть ее впередъ, такъ что, по словамъ Гумбольдта, ихъ должно считать основателями физическихъ наукъ въ томъ значеніи этого термина, которое мы теперь привыкли придавать ему [1]).

Усвоеніе и успѣшная разработка физическихъ наукъ неизбѣжно предполагаетъ соотвѣтствующую степень развитія математическихъ знаній. Физическія науки находятся въ строгой зависимости отъ точнаго опредѣленія времени, пространства и силы, т.-е. вообще говоря, науки эти по преимуществу количественныя. Математика, поэтому, всѣмъ имъ служитъ необходимымъ основаніемъ, и арабы не могли не изучать ее наравнѣ съ науками физическими. И дѣйствительно, начало развитія ея у нихъ относится къ концу VIII вѣка. Въ это время имъ стало извѣстно индійское счисленіе, въ которомъ значеніе цифръ было и абсолютное и относительное, т.-е. могло быть обусловлено мѣстомъ, занимаемымъ цифрою. Главнымъ распространителемъ этой системы счисленія былъ, въ IX вѣкѣ, Мохамедъ-бенъ-Муса Альхаризма, составившій о ней трактатъ, долго служившій образцомъ для другихъ арабскихъ математиковъ. Въ X вѣкѣ система бенъ-Мусы проникла и къ западнымъ арабамъ, въ Испанію. Здѣсь ей пришлось претерпѣть нѣкоторыя измѣненія: испанскіе арабы, ознакомясь съ счисленіемъ по абакусу, сохраненнымъ для странъ западной Европы Боэціемъ, приняли его вмѣстѣ съ девятью нео-пиѳагорейскими знаками аписовъ Боэція. Успѣвъ привыкнуть къ этимъ знакамъ, или находя, быть можетъ, что пять изъ нихъ похожи на знаки индійскіе, они сохранили ихъ начертаніе, отбросивъ абакусъ, употре-

[1]) *А. Гумбольдтъ*. Космосъ. Пер. Флорова. Т. II, стр. 197.

бленіе котораго становилось излишнимъ послѣ изобрѣтенія нуля. Эти девять знаковъ съ нулемъ стали извѣстны у нихъ подъ названіемъ цифръ «гобаръ» и въ XII вѣкѣ были уже во всеобщемъ употребленіи какъ у нихъ, такъ и у испанскихъ евреевъ. Индіи же обязаны арабы и знакомствомъ съ алгеброй, которую они развили значительно и вполнѣ самостоятельно. Бенъ-Муса и Тебитъ-бенъ-Кора особенно замѣчательны своими работами: первый былъ изобрѣтателемъ рѣшенія квадратныхъ уравненій, второй извѣстенъ примѣненіемъ алгебры къ геометріи. Эту послѣднюю арабы разработывали также съ успѣхомъ; лучшими геометрами были: Магомедъ-Гамедъ и Альгазенъ. Наконецъ, тригонометрія имѣла своимъ представителемъ опять бенъ-Мусу, у котораго встрѣчаются уже рѣшенія сферическихъ треугольниковъ, а также Ибнъ-Юнису и Геберу, которые оставили замѣчательныя сочиненія по этой части математики [1]).

Вслѣдъ за знакомствомъ арабовъ съ древнею астрономіей возникаетъ рядъ ихъ самостоятельныхъ работъ въ этой области: при халифѣ Альмамунѣ наклоненіе эклиптики было опредѣлено съ большею точностью сравнительно съ опредѣленіемъ александрійскихъ ученыхъ, произведено градусное измѣреніе въ двухъ мѣстахъ, произведено наблюденіе надъ солнечнымъ затменіемъ (14 мая 812 г.), сдѣлана попытка опредѣленія эксцентрицитета земной орбиты, провѣрены теоріи луны Птоломея, въ первый разъ заявлена мысль о необходимости замѣны круговой линіи планетныхъ орбитъ другою кривою, и сдѣланы многія другія важныя наблюденія. Для наблюденій этихъ арабы умѣли приготовлять инструменты, имѣвшіе иногда необыкновенные размѣры и значительную точность [2]).

Успѣхи астрономіи, по вѣрному замѣчанію Менсинги [3]), были главнымъ образомъ обусловлены потребностью въ астрологическихъ свѣдѣніяхъ. Въ этомъ и заключается особенность арабской астрономіи. Всякое «*астрономическое сужденіе*» слагалось изъ элементовъ чисто-астрономическихъ; составленіе гороскоповъ, *по этой причинѣ*, *было невозможно* безъ астроно-

---

[1]) *G. Noël.* La numération décimale. *А. Гумбольдтъ.* Космосъ Т. II. *Libri.* Histoire des sciences mathématiques en Italie. J. *Mædler.* Geschichte der Himmelskunde. *H. Suter.* Geschichte der Mathematischen Wissenschaften. Zürich. 1873.

[2]) *Mædler.* Geschichte der Himmelskunde. I. Abschn. S. 85.

[3]) Журналъ «*Знаніе*», 1872 г., февраль.

мическихъ знаній. Такимъ образомъ, астрологія, при всей ея нелѣпости, имѣетъ въ исторіи астрономіи очень важное значеніе. У арабовъ она большею частью смѣшана съ астрономіей, частью же разработывается отдѣльно. Въ X вѣкѣ въ особенности появляется много астрологовъ и астрологическихъ сочиненій. Большою извѣстностью, по словамъ Мори, пользовался астрологъ Мослема, авторъ сочиненія «Хаятъ-эль-Хакимъ» [1]). Но, кромѣ значенія астрологіи по отношенію къ успѣхамъ астрономіи, вліяніе ея было вообще очень широко и разнообразно. Мистическимъ характеромъ своихъ предсказаній, страхомъ, который они тогда внушали—напр., предсказаніемъ о концѣ міра и т. п., астрологія поддерживала, конечно, суевѣріе и мистическое настроеніе умовъ, но у астрологіи были и такія идеи, которыя оказывали вліяніе діаметрально-противоположное; такова идея гороскопа религій, предполагавшая естественность ихъ возникновенія и естественность ихъ неизбѣжнаго конца. Роковой конецъ этотъ, по ученію Аверроэса, предвозвѣстится соединеніемъ луны и Юпитера [2]). Книга «Великихъ соединеній» Абу-Машара содержала полное изложеніе этой смѣлой для своего времени теоріи.

Но кромѣ изученія небеснаго свода и земли, какъ планеты, арабы съ большимъ успѣхомъ изучали землю, какъ отдѣльное, самостоятельное цѣлое и какъ жилище человѣка. Знакомство ихъ съ тѣмъ, что сохранилось отъ древнихъ, также какъ и собственная дѣятельность, служили основаніемъ ихъ значительныхъ успѣховъ въ этой области. Замѣчательными географами ихъ были: Эдризи, Массуди, Ибнъ-Гауканъ, Аль-Варди, Абульфеда, Ибнъ-Батута, Макризи, Абдала-Тифъ и Аль-Гассанъ. Гумбольдтъ называетъ ихъ отличными географами и говоритъ, что никогда, ранѣе открытія португальцевъ и испанцевъ, землевѣдѣніе не получало разомъ бо̀льшаго обогащенія. Правда, въ описанія арабскихъ географовъ и путешественниковъ вплетены очень часто басни и фантастическія прикрасы, но несмотря на это, по замѣчанію историка-географа Левенберга, за арабами остается заслуга научной разработки землевѣдѣнія и расширенія его границъ [3]).

---

[1]) *A. Maury.* La magie et l'astrologie. P. 1864, p. 695.

[2]) *Em. Charles.* Roger Bacon, sa vie, ses ouvrages, ses doctrines. Paris. 1861, p .47.

[3]) *I. Läwenberg.* Geschoichte der Gegraphie. Berlin. 1866. S. 87.

Геологія также не была оставлена арабами безъ изученія и разработки. Хотя арабы могли сдѣлать очень мало для этой науки, требующей, какъ для наблюденій, такъ и для установленія научныхъ теорій, высокой степени развитія всѣхъ естественныхъ наукъ, тѣмъ не менѣе, свѣтлый умъ арабовъ цвѣтущаго періода ихъ исторіи, умъ, богатый способностями для изученія природы, далъ и здѣсь—правда, отрывочныя, — но очень здравыя наблюденія и взгляды. Особенно выдающееся мѣсто занимаетъ здѣсь Авиценна, высказавшій свои догадки о поднятіяхъ земной поверхности и образованіи горъ, Омаръ-Эль-Аалемъ, сравнивавшій морскія карты своего времени съ картами, сдѣланными индійскими и персидскими астрономами за двѣ тысячи лѣтъ до того и, повидимому, какъ говоритъ Ляйэлль, убѣдившійся, что въ историческія времена произошли важныя измѣненія въ формѣ азіатскихъ береговъ и что въ прежнее время море было гораздо пространнѣе, наконецъ, Магометъ-Кацвини, въ концѣ XIII вѣка, указавшій на постоянныя измѣненія въ мѣстонахожденіи моря и суши[1]).

Научныя работы арабовъ въ области физики были сравнительно ограничены. Гумбольдтъ, Пуше и Медлеръ упоминаютъ только о первомъ употребленіи маятника для измѣренія времени астрономомъ Ибнъ-Юнисомъ и о работахъ Аль-Газена по оптикѣ. Эти послѣднія были очень обширны, онѣ содержали теорію преломленія лучей, заимствованную, быть можетъ, у Плинія, и нѣкоторыхъ собственныхъ наблюденій. Что же касается изобрѣтенія термометра, приписываемаго также арабамъ (Авиценнѣ), то оно лишено основанія[2]).

Какъ астрологія побуждала къ занятіямъ астрономіей, такъ алхимія побуждала къ занятіямъ химіей, которая и была разрабатываема арабами съ особенною ревностью и большимъ успѣхомъ. И по времени, и по значенію своихъ работъ, здѣсь первое мѣсто занимаетъ Геберъ (Джаферъ), слава учености котораго была также высока у арабовъ, какъ и у европейцевъ; первые называли его царемъ арабовъ, вторые—учителемъ учителей. Кромѣ заслугъ Гебера по отношенію къ сохраненію

---

[1]) *Ч. Ляйэлль.* Основныя начала геологіи. Перев. А. Мина. Москва 1866, стр. 20 и сл.

[2]) *Гумбольдтъ.* Космосъ. II. 206. *Pouchet.* Hist. des sciences nat. 191. *Maedler.* Gesch. der Himmelskunde. IV Abschnitt. (Abriss einer Geschichte der Optik) S. 320.

сочиненій древнихъ писателей, которыя только благодаря ему спасены были отъ гибели, собственныя его работы имѣли очень важное значеніе для его времени, въ особенности же работы практическія, дававшія плодотворные результаты всего чаще независимо отъ теорій, на основаніи которыхъ они производились. Такъ онъ умѣлъ приготовлять нѣкоторыя кислоты (сѣрную, селитро-соляную, уксусную), зналъ нѣкоторыя соли (квасцы, селитру, нашатырь, купоросъ), обладалъ искусствомъ производить нѣкоторыя манипуляціи (обжиганіе, перегонку, процѣживаніе, возгонку) и изъ металловъ зналъ тѣ, которые были извѣстны Плинію и Діоскориду (золото, серебро, свинецъ, олово, мѣдь и ртуть). Что же касается его теоретическихъ взглядовъ, то въ нихъ высказываются уже явственно характеристическія понятія его времени, не дававшія еще возможности химическимъ знаніямъ сложиться самобытно и низводившія эти знанія на низкую степень служенія мистико-метафизическимъ идеямъ алхиміи. Задача всего изученія и всѣхъ изслѣдованій металловъ, солей и кислотъ заключается, по мнѣнію Гебера, въ достиженіи умѣнья облагораживать металлы, которое, какъ думалъ онъ, будетъ возможно тогда, когда алхимики откроютъ философскій камень. Геберъ не говоритъ, что онъ рѣшилъ эту задачу, но онъ указываетъ путь для ея рѣшенія. Это указаніе, основанное на метафизической теоріи состава металловъ, служило руководящею нитью всѣхъ алхимическихъ работъ. По этой теоріи, металлы представляютъ соединеніе двухъ началъ: начала металличности и начала измѣняемости, смѣшанныхъ въ различной степени въ разныхъ металлахъ. Въ наивысшей степени начало измѣняемости заключено въ ртути, а начало металличности—въ сѣрѣ, и въ этомъ смыслѣ, всѣ металлы можно разсматривать какъ соединеніе ртути и сѣры. Умѣнье извлекать эти начала и соединять ихъ въ опредѣленной пропорціи и вело къ рѣшенію основной задачи алхиміи [1]). Кромѣ Гебера замѣчательны еще у арабовъ алхимики: Раеусъ (Аль-Рази), открывшій способъ приготовленія водки, Авиценна (Ибнъ-Синна), Авенцоаръ (Ибнъ-Цоръ) и Альбуказесъ (Абулъ-Казесъ). Всѣ эти алхимики, независимо отъ теорій, имѣвшихъ, впрочемъ, важное значеніе стимула для ихъ работъ, фактически положили осно-

[1]) *H. Kopp.* Geschichte der Chemie. Braunschweig 1844. *I. B. Pouchet.* Hist. des sciences nat. Гумбольдтъ. Космосъ. II. *Савченковъ.* Исторія химіи С.-Пб. 1870.

ваніе химіи, какъ науки. Въ работахъ алхимиковъ, какъ замѣтилъ Гумбольдтъ, въ первый разъ признана была разнородность веществъ и свойство силъ, не проявляющихся явно въ движеніи, и такимъ образомъ положено основаніе значенію смѣшенія и соединенія веществъ.

Въ области наукъ біологическихъ, наконецъ, успѣхи арабовъ очень неравномѣрны: къ анатоміи они питали отвращеніе, а потому и не могли много сдѣлать по отношенію къ естественной исторіи животныхъ. Большею счастью они довольствовались одними переводами, и только труды Авиценны, Абдала-Тифа и Кацвини представляютъ кое-какіе самостоятельныя изслѣдованія. Болѣе обширныя работы сдѣланы были въ области ботаники, тѣсно связанной съ фармакологіей, которой арабы много занимались. Бенъ-Бейтаръ, Авиценна и Серапіонъ обогатили науку собственными наблюденіями. У халифа Абдуррахмана I былъ ботаническій садъ близъ Кордовы, для котораго собирались въ Сиріи и другихъ азіатскихъ странахъ рѣдкія сѣмена[1]). Наибольшіе успѣхи сдѣлали арабы въ медицинѣ, которой они занимались съ особенною любовью. Многіе изъ числа упомянутыхъ выше ученыхъ, были въ то же время и медиками. Патологіей занимались: Исаакъ, Али-Абасъ и Авиценна; терапіей—Мезюэ; фармакологіей—Серапіоны, старшій и младшій; гигіеной—Эльмишаръ, Исаакъ; хирургіей—Абулькасисъ. Всѣ эти, и многіе другіе арабскіе медики, были, впрочемъ, какъ доказалъ Дарамберъ, переводчиками, толкователями и составителями энциклопедій, сборниковъ и т. д. Матеріаломъ для нихъ служили сочиненія греческихъ медиковъ. Арабской медицины, въ тѣсномъ смыслѣ, не существовало, и заслуга арабовъ въ этой отрасли знанія замѣчается въ сохраненіи произведеній представителей древней науки[2]).

Таковъ былъ научный матеріалъ, которымъ обладали арабы въ то время, когда Европа заимствовала у нихъ знанія. Обращаясь къ ихъ философіи, мы не можемъ не остановиться прежде всего на томъ, что эта философія, подобно схоластикѣ, представляла извращенный платонизмомъ перипатетизмъ. Кромѣ того, арабская философія относилась къ источникамъ тоже подобно схоластикѣ: стремилась проникнуть въ ихъ смыслъ,

---

[1]) *Гумбольдтъ*. Космосъ. II. *Pouchet*, id.

[2]) *C. Daremberg*. Histoire des sciences médicales. I. p. 270 et suiv.

усплывалась ихъ согласить, но не была возбуждена ими къ самобытной метафизической производительности. Толкованія у арабовъ, какъ и у схоластиковъ, были главною формою философскихъ трактатовъ, и также относились, главнымъ образомъ, къ сочиненіямъ Аристотеля, который для арабскихъ мыслителей былъ учителемъ и философомъ по преимуществу. Толкованія эти, вплетая въ идеи Аристотеля не только неоплатоновскія понятія, но и воззрѣнія мусульманскихъ мистическихъ сектъ, извратили систему Аристотеля настолько, что она сдѣлалась неузнаваемой. Все это дѣлалось, впрочемъ, точно такъ же, какъ и у схоластиковъ, безсознательно; для Аверроэса, напримѣръ, ученіе Аристотеля представляется законченнымъ, и онъ смотритъ на свою задачу исключительно какъ на изысканіе средствъ, облегчающихъ распространеніе и общедоступность этого ученія.

При всѣхъ этихъ чертахъ сходства между арабскою философіею и схоластикою, между ними существовало, въ другомъ отношеніи, значительное различіе. Всего прежде объемъ матеріала, которымъ владѣли арабы, рѣзко различается отъ объема матеріала, извѣстнаго европейцамъ. Тогда какъ послѣднимъ почти до конца XII столѣтія извѣстны были только два сочиненія Аристотеля, одно—Платона, и затѣмъ уже только сочиненія неоплатониковъ, арабы знали всѣ сочиненія Аристотеля и главнѣйшія ихъ толкованія. Кругозоръ арабской философіи былъ поэтому гораздо шире кругозора схоластики, и сама она не могла не получить болѣе широкаго развитія. Не менѣе важно и то, что для арабской философіи не существовало ни того рокового вопроса, который гнетомъ лежалъ на схоластикѣ, ни той обязательной формы тезисовъ «Изагога», которые съуживали философскія задачи схоластики и неумѣренно расширяли діалектическую сторону этихъ задачъ. Кромѣ того, арабскіе мыслители отличались отъ схоластиковъ большею степенью смѣлости мысли и энергіи при изслѣдованіи философскихъ вопросовъ, и потому мысль ихъ глубже и метафизичнѣе, чѣмъ у схоластиковъ[1]).

Уже съ IX вѣка, т.-е. со времени своего основателя Алькинди, арабская философія заключала въ себѣ задатки всѣхъ своихъ характеристическихъ признаковъ, а именно: предста-

---

[1]) *Prantl.* Gesch. d. Logik. II. 300. *E. Renan.* Averroes et l'averroisme. Paris. 1867. p. 88 et suiv.

вляла смѣшеніе перипатетическихъ положеній съ воззрѣніями александрійскихъ мистиковъ. Позже, въ X вѣкѣ, у Альфараби, она является уже почти въ полномъ своемъ развитіи. Ученіе объ активномъ и пассивномъ разумѣ и объ эманаціи изложено здѣсь почти въ томъ же объемѣ, какъ и у Аверроэса. Полной зрѣлости арабская философія достигаетъ у Авиценны (Ибнъ-Сина) въ концѣ X и началѣ XI вѣка. Въ это же время скептицизмъ въ философіи, соединенный съ религіознымъ мистицизмомъ, является у Газали (Альгазель), сочиненіе котораго «Опроверженіе философовъ» (Tehafot ol filosifa) направлено преимущественно противъ воззрѣній, представителемъ которыхъ былъ Авиценна, т.-е. противъ перипатетизма, и было выраженіемъ мусульманской реакціи противъ греческаго свободомыслія. Перипатетизмъ не былъ, однако же, ни уничтоженъ, ни ослабленъ этимъ нападеніемъ и произвелъ еще нѣсколькихъ знаменитыхъ личностей, боровшихся противъ реакціи. Авемпасъ (Ибнъ-Бадіа), Абубацеръ (Ибнъ-Тофеилъ) и, наконецъ, въ XII в. самый блестящій представитель арабской философіи Аверроэсъ (Ибнъ-Рошдъ) подвинули еще далѣе разработку греческой философіи. Чрезъ Аверроэса шло главнымъ образомъ вліяніе арабовъ на схоластику, и онъ былъ извѣстенъ какъ главный толкователь Аристотеля, упоминаемый даже у Данте, какъ творецъ великаго комментарія. Сочиненія его, по словамъ Ренана, исчерпываютъ все содержаніе арабской философіи.

Къ числу арабскихъ философовъ слѣдуетъ причислить еще и испанскаго еврея Авиценброна (Ибъ-Гебироль), жившаго въ половинѣ XI вѣка, такъ какъ сочиненіе его «*Fons vitae*» имѣло значительное вліяніе на схоластиковъ XIII-го столѣтія, и самъ онъ былъ считаемъ схоластиками арабомъ. Въ средніе вѣка ученіе его нерѣдко смѣшивалось съ ученіемъ Аверроэса, хотя оно весьма рѣшительно отличается отъ него своимъ рѣзкоочерченнымъ эклектизмомъ, заимствованнымъ у александрійскихъ философовъ. Наконецъ, на ряду съ этимъ еврейскимъ сочиненіемъ, стоитъ еще одно произведеніе, полученное отъ евреевъ же и долго слывшее подлиннымъ сочиненіемъ Аристотеля; это знаменитая въ средніе вѣка *Liber de causis*, характеръ которой Ренанъ считаетъ неопредѣленнымъ и которая, по мнѣнію Вашро, есть точное воспроизведеніе одного изъ сочиненій Прокла (Institutio theologiae). Вмѣстѣ съ другимъ апокрифомъ Аристотеля (Theologia), это сочиненіе представляетъ полный

сводъ теологическихъ и метафизическихъ мнѣній александрійцевъ съ ихъ ученіемъ о единомъ, о разумѣ, о іерархіи духовъ и т. д. [1]).

Я уже говорилъ, что философская мысль арабовъ гораздо глубже и метафизичнѣе мысли европейскихъ схоластиковъ перваго періода. Это свойство арабской мысли выразилось въ томъ, что изслѣдованіе отношенія бытія и мышленія не облеклось у нихъ въ форму вопроса объ общихъ понятіяхъ, но основывалось на метафизической теоріи, изучавшей матерію и познаваніе. Что же касается вопроса объ общихъ понятіяхъ, то онъ былъ заимствованъ арабами, также какъ и европейцами, у Порфирія, и потому постановка его у арабовъ не могла не имѣть общаго сходства съ постановкою у схоластиковъ; тѣмъ не менѣе сходство это не шло далѣе частностей, и общее значеніе его въ арабской философіи было совсѣмъ не то, что въ схоластикѣ. Въ арабской философіи вопросъ объ общихъ понятіяхъ былъ не болѣе, какъ частный вопросъ, и, притомъ же, отличался отъ вопроса схоластиковъ и общимъ смысломъ своей постановки. Арабы признавали тройственное отношеніе общихъ понятій къ вещамъ: *universalia ante rem*, *in re*, *post rem*, но соединяли всѣ эти отношенія въ высшемъ метафизическомъ единствѣ и потому полагали, что общія понятія, существуя метафизически въ абсолютномъ разумѣ (ante rem), существуютъ въ то же время интеллектуально въ человѣческой мысли, въ которой они поднимаются отъ множественности явленій (in re) къ понятію (post rem).

При частномъ значеніи этого вопроса, главный интересъ арабской философіи непосредственно сосредоточивался вокругъ главной ея метафизической теоріи, распадавшейся на два отдѣла: ученіе о матеріи и ученіе о познаваніи. Первое развилось изъ неоплатоновскаго толкованія метафизики Аристотеля, второе—изъ толкованія его трактата «О душѣ». Матерія,—учатъ арабскіе философы,—первобытна, вѣчна, способна къ самымъ противоположнымъ измѣненіямъ и лишена всякаго положительнаго свойства. Она есть чистая возможность (потенціальность). Такимъ образомъ, всякая субстанція, какъ состоящая изъ матеріи, вѣчна. Происхожденіе вещей есть движеніе этой матеріи, переходъ отъ возможности къ дѣйствительности (актуальности). Движеніе это непрерывно и вѣчно. Оно, хотя и

---

[1]) *E. Vacherot.* Hist. critique de l'école d'Alex. t. III. p. 96 et 100.

производится первымъ движителемъ, но производится имъ не свободно, а въ зависимости отъ присущей матеріи возможности. Движитель только возводитъ къ дѣйствительности то, что содержалось уже въ матеріи въ возможности и такимъ образомъ только осуществляетъ соединеніе матеріи и формы. Изъ этого слѣдуетъ, что движитель представляется какъ общая причина вещей: все добро, существующее въ природѣ, приписывается его волѣ,—зло же, напротивъ, не считается его дѣломъ, но роковымъ послѣдствіемъ свойствъ, присущихъ матеріи и преграждающихъ осуществленіе нѣкоторыхъ его намѣреній. Первый движитель, однако же, приводитъ въ движеніе матерію не непосредственно, а при помощи цѣлаго ряда промежуточныхъ движителей, расположенныхъ іерархически по свойственнымъ имъ степенямъ совершенства. Управленіе міромъ уподобляется такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ и Аверроэсъ, управленію государствомъ, гдѣ все исходитъ изъ одного центра, но гдѣ, однако же, не все совершается непосредственно самимъ правителемъ.

Перейдемъ теперь къ ученію о познаніи. Основоположный тезисъ этого ученія заключается въ различеніи двухъ родовъ разума: разума дѣятельнаго (активнаго) или объективнаго и страдательнаго (пассивнаго) или субъективнаго. Этотъ послѣдній индивидуаленъ и конеченъ, какъ и всѣ свойства души, для которой доступно одно только измѣняемое; разумъ активный, напротивъ, будучи совершенно отдѣленъ отъ человѣка, свободенъ вполнѣ отъ всякаго смѣшенія съ матеріей; онъ единъ, и понятіе о множественности приложимо къ нему только по отношенію къ личностямъ, одареннымъ пассивнымъ разумомъ, ему причастнымъ. Ученіе это, какъ замѣчаетъ Ренанъ, лишено той ясности, которую привыкли требовать въ настоящее время даже отъ метафизики, но можно съ увѣренностью утверждать, что оно не имѣетъ того нелѣпаго значенія, которое навязывали ему схоластики. Единство активнаго разума, по объясненію Ренана, слѣдуетъ понимать съ смыслѣ всеобщности принциповъ чистаго разума и единства психологическаго строя во всемъ человѣческомъ родѣ. Въ подтвержденіе этой мысли, Ренанъ приводитъ указаніе на нее у самаго Аверроэса, который говоритъ, что активный разумъ не отличается отъ познанія, которое мы имѣемъ о вселенной, что безсмертіе разума означаетъ безсмертіе человѣчества и т. д. Руководящею мыслью Аверроэса была, конечно,

мысль о вѣчно-живущемъ человѣчествѣ, и этою мыслью безсмертіе активнаго разума можетъ быть объяснено, какъ вѣчное возрожденіе человѣчества и непрерывность цивилизаціи. Схоластика, конечно не могла понимать этой части ученія Аверроэса такъ, какъ толкуетъ ее Ренанъ, даже въ томъ случаѣ, если и самъ Аверроэсъ понималъ ее именно такъ: поэтому объясненіе Ренана нисколько не относится къ выясненію историческаго значенія этого ученія, а служитъ только къ разрѣшенію до извѣстной степени его загадочности.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи ученіе это излагаетъ послѣдовательный ходъ единенія разума пассивнаго съ разумомъ активнымъ. Пассивный разумъ стремится къ этому единенію подобно пламени, стремящемуся къ горючему тѣлу, но достигаетъ его только постепенно. Первая степень единенія образуетъ разумъ пріобрѣтенный. *Полное единеніе* есть полное отождествленіе обоихъ разумовъ. Этимъ отождествленіемъ достигается вѣчное блаженство, независимо отъ религіи, исповѣдываемой человѣкомъ, и образа поклоненія его божеству. Понятіе о свойствѣ этого блаженства превращаетъ ученіе теологовъ о загробной жизни, раѣ и т. д. въ одно изображеніе тѣхъ духовныхъ наградъ, которыя будутъ достигнуты человѣкомъ сообразно со степенью совершенства его земной жизни. Такимъ образомъ, арабская философія вмѣстѣ съ Аверроэсомъ доходитъ до раціоналистическаго мистицизма, существенно отличнаго отъ мистицизма религіознаго, имѣвшаго въ ней также своихъ представителей, стремившихся къ единенію съ активнымъ разумомъ внѣшними средствами: аскетизмомъ, сосредоточеннымъ созерцаніемъ и даже кружеміемъ, заимствованнымъ у дервишей[1]).

Изъ представленнаго здѣсь бѣглаго очерка научнаго и философскаго движенія у арабовъ видно все громадное превосходство его надъ умственнымъ движеніемъ европейцевъ того же времени. Естественно поэтому, что та часть средневѣковаго общества, которой доступно было образованіе и которая со временъ Карла Великаго не переставала, какъ замѣчено было выше, обнаруживать ученическаго рвенія и старанія, не могла не накинуться съ жадностью на богатую умственную добычу, обладателями

[1]) *Renan.* Averroés et l'averr. 107—122 et 133—147. *Stökl.* Gesch. d. Ph. d. Mittelalters. II. 99—103. *Prantl.* Gesch. d. Logik. II. 318—361. *S. Munck.* La philosophie des arabes. (Dictionnaire des sciences philosophiques. t. I).

которой оказались арабы. Уже со временъ посольства халифа Гарунъ-Аль-Рашида къ Карлу Великому, европейцы могли убѣдиться въ превосходствѣ арабской образованности. Позже, слава и блескъ кордовскаго халифата сдѣлались предметомъ удивленія для всего Запада. Высокое умственное развитіе извѣстной части арабскаго общества, всеобщее распространеніе благосостоянія, обусловленное процвѣтаніемъ земледѣлія, промышленности и торговли, вѣротерпимость, подобною которой пользуются и теперь не всѣ европейскія страны, разрушавшая рознь между мусульманами, евреями и христіанами и позволявшая всѣмъ имъ соединенными силами работать на пользу общую, дѣлали изъ Испаніи страну очень мало похожую и на даже образованнѣйшія страны средневѣковой Европы.

Сношенія между арабами и европейцами, несмотря на войны, были непрерывны. Прибрежные итальянскіе города имѣли постоянныя учрежденія во всѣхъ портахъ Средиземнаго моря, занятыхъ арабами, и этимъ путемъ вліяніе арабской культуры получало постоянную возможность проникать въ Европу. Дѣятельнѣйшими проводниками этого вліянія, особенно вліянія философскаго и научнаго, были евреи. Хотя народъ этотъ не переставалъ въ теченіе всей средневѣковой эпохи терпѣть гоненія отъ христіанъ, но, благодаря своей терпѣливой и неутомимой дѣятельности, онъ не только съумѣлъ перенести эти гоненія, но еще успѣлъ у нѣкоторой части общества заслужить уваженіе и пріобрѣсти во многихъ отношеніяхъ очень важное значеніе.

Будучи разсѣяны по всему прибрежью Средиземнаго моря, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, и Африкѣ, евреи занимали самое удобное положеніе для посредничества между различными народностями, обитавшими вокругъ Средиземнаго моря. Еврейскія синагоги постоянно сносились между собою посредствомъ путешествующихъ соплеменниковъ, которые никогда не были чужды пропагандѣ идей. Кромѣ того, евреи, какъ мѣстные жители, умѣли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ побороть предразсудки и занимать положеніе удобное для распространенія своего вліянія: въ южной Франціи они имѣли школы и нерѣдко въ городахъ избирались на важнѣйшія общественныя должности; государи и феодалы, нуждаясь въ ихъ деньгахъ и медицинскихъ знаніяхъ, покровительствовали имъ и брали къ своимъ дворамъ какъ врачей. Только низшіе, необразованные классы питали къ нимъ ненависть и презрѣніе; люди же, у которыхъ была пробуждена

уже жажда знанія, нисколько не затруднялись даже дѣлаться учениками евреевъ: наука начинаетъ уже становиться нейтральною почвою, на которой дружелюбно сходились люди, рѣзко различавшіеся своими теологическими убѣжденіями.

Сближеніе между образованными европейцами и евреями получило особенную важность съ того времени, когда у арабовъ, подъ давленіемъ реакціоннаго вліянія фанатической секты ашаритовъ, началось пониженіе умственной дѣятельности, а затѣмъ наступилъ и упадокъ ея. Евреи съ этого времени стали хранителями памятниковъ арабской литературы: они сдѣлали многочисленные переводы научныхъ и философскихъ сочиненій или сдѣлали списки съ нихъ еврейскими буквами [1]).

Нельзя пройти молчаніемъ, однако же, что вмѣстѣ съ научными и философскими сочиненіями древнихъ, евреи приносили еще ничего общаго не имѣющее съ ними таинственное ученіе каббалы. Ученіе это, изложенное въ двухъ знаменитыхъ въ средніе вѣка книгахъ:—Іецирахъ (твореніе) и Цохарь (сіяніе), было выдаваемо за древнее преданіе, шедшее отъ временъ Авраама; въ дѣйствительности же оно возникло во второй половинѣ IX вѣка. Оно заключало въ себѣ изложеніе темной теоріи *эманаціи* (истеченія), по которой все существующее считалось истекшимъ изъ единаго вѣчнаго источника и распредѣлялось сообразно близости къ этому источнику. Ученіе еврейской каббалы давало поводъ возникновенію и процвѣтанію массы суевѣрій, и, въ особенности богатому развитію демонологіи [2]).

Гораздо ранѣе, чѣмъ началась посредническая дѣятельность евреевъ, нѣкоторые представители европейскаго умственнаго движенія имѣли уже возможность познакомиться съ умственными сокровищами арабовъ и черпать изъ нихъ: въ первыхъ еще годахъ XII столѣтія Аделяръ Батскій странствовалъ на Востокѣ и возвратился съ запасомъ знаній, заимствованныхъ изъ источниковъ, тогда еще въ Европѣ неизвѣстныхъ. Современникъ его Платонъ изъ Тиволи занимался также переводами съ арабскаго языка. Интересъ къ арабскимъ знаніямъ былъ

---

[1]) О посредническомъ значеніи евреевъ въ средн. вѣка см. *Libri.* Hist. des sciences mathem. en Italie. *Renan.* Averroes. *Munck.* Статьи въ Dictionnaire des sciences philos. *A. Jourdain.* Recherches critiques sur l'age et l'origine des traductions latines d'Aristote. Paris, 1843. *Amador de los Rios.* Historie de los Judios de Espana.

[2]) *Ad. Franck.* Systéme de la Kabbale. Paris, 1842.

такимъ образомъ уже возбужденъ, и естественно поэтому, что посредничество евреевъ, открывавшее возможность широко пользоваться арабскими источниками, привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе. Вошло въ обыкновеніе образовывать коллегіи еврейскихъ переводчиковъ, работавшихъ подъ наблюденіемъ какого-нибудь знающаго латинскій языкъ лица, преимущественно духовнаго, имя котораго нерѣдко значилось, какъ имя переводчика. Такъ Раймундъ, архіепископъ толедскій, образовалъ между 1130 и 1150 г. коллегію переводчиковъ, во главѣ которой былъ поставленъ архидіаконъ Доминикъ Гондисальви. Изъ евреевъ, работавшихъ въ этой коллегіи, наиболѣе извѣстны Іоаннъ Авендеанъ и Іоаннъ Севильскій. Переводы этой коллегіи дали европейцамъ нѣкоторыя сочиненія Авиценны, Альгазеля и Альфараби, преимущественно научныя, и частью философскія и мистическія. Изъ послѣднихъ переведенъ былъ «Fons-vitae» Авицеброна, о которомъ говорено было выше. Подобная же коллегія переводчиковъ-евреевъ работала съ 1284 года въ Монпелье надъ медицинскими сочиненіями Аверроэса, которыя и были переведены почти всѣ. Нѣсколько ранѣе, а именно въ 1240 г., была образована еврейская коллегія переводчиковъ Альфонсомъ X, королемъ кастильскимъ, призвавшимъ астрономовъ «всякаго исповѣданія» для провѣрки птоломеевыхъ астрономическихъ таблицъ. Переводчики этой коллегіи занимались преимущественно сочиненіями по астрономіи, которыя они и переводили на кастильское нарѣчіе. Латинскіе переводы этихъ работъ были сдѣланы позже[1]).

Съ конца XII вѣка требованія на переводы съ арабскаго возрасли до такой степени, что переводами этими стали заниматься не одни евреи, но и многіе европейцы. Интересъ къ древней философіи и древней наукѣ возросталъ все болѣе и болѣе, и начало малу-по-малу возникать желаніе ознакомиться съ греческими источниками непосредственно. Въ послѣдней четверти XII столѣтія Герардъ изъ Кремоны перевелъ «Альмагестъ» и нѣсколько сочиненій Авиценны, Гебера и др., преимущественно научныхъ. Въ первой половинѣ XIII вѣка были переведены всѣ замѣчательнѣйшія сочиненія Аверроэса Михаиломъ Скоттомъ и Германномъ Аллеманусомъ. Непереведенными оставались только толкованія на «Органонъ» и «Оп-

[1]) *Jourdain*. Recherches 151. *Maedler*. Geschichte d. H.I. Abschn. 99.

роверженіе опроверженія». Сочиненія эти пріобрѣли извѣстность только въ XVI вѣкѣ[1]).

Упомянувъ о Михаилѣ Скоттѣ, жившемъ при дворѣ Фридриха II, я перешелъ къ той средѣ, черезъ которую шло арабское вліяніе не слабѣе, чѣмъ черезъ евреевъ. Я уже упоминалъ о сношеніяхъ съ арабами итальянскихъ прибрежныхъ городовъ, но сношенія эти, вообще говоря, были далеко не такъ дѣятельны, какъ сношенія тѣхъ городовъ южной Италіи, которые лежали вблизи арабскихъ владѣній. Здѣсь итальянцы, и особенно ихъ правители, были очень близки съ арабами. Еще Рожеръ очень любилъ арабовъ и всегда искалъ ихъ общества. При дворѣ его жилъ географъ Эдризи, устроившій для него глобусъ съ арабскими надписями. Но особенно значительно стало вліяніе арабовъ при Фридрихѣ II. «Ненасытная любознательность этого государя,—говоритъ Ренанъ[2]),—его пытливый умъ, его познанія, поистинѣ изумительныя, должны были сблизить его съ этимъ разумнымъ племенемъ, представлявшимъ въ его глазахъ свободу мысли, раціональную науку. Онъ любилъ арабскіе города съ ихъ мечетями, училищами, базарами и самими сералями». Его дворъ былъ на половину дворомъ мусульманскаго владыки, а постоянныя сношенія съ арабами и еврейскими учеными пріобрѣли ему и христіанскимъ ученымъ, жившимъ при его дворѣ, извѣстность сомнительныхъ христіанъ, имѣвшихъ дѣло съ Астартою и Вельзевуломъ. По его иниціативѣ, были предприняты переводы сочиненій по математикѣ и логикѣ, быть можетъ, и нѣкоторыхъ сочиненій Аристотеля[3]).

Между знаніями, пріобрѣтенными европейцами отъ арабовъ, особенно важное значеніе имѣютъ знанія математическія, такъ какъ безъ нихъ научное развитіе не могло бы выйти на путь самостоятельнаго развитія. У арабовъ, какъ было уже упомянуто, математическія знанія стояли высоко и, слѣдовательно, усвоивая ихъ, европейцы пріобрѣтали могуществен-

[1]) Сочиненія Германна были крайне плохи. Рожеръ Бэконъ былъ о нихъ того мнѣнія, что переводами ихъ считать нельзя. Ренанъ приводитъ слѣдующій примѣръ изъ одного изъ нихъ: Inuarikin terra alkanarnihy, stediei et baraki et castrum munitum destendedyn descenderunt adenkirati ubi descendit super eos aqua Euphratis veniens Euetin. (Renan. Averroès, 215).

[2]) *Renan*. id. p. 287 et suiv.

[3]) Критическое изслѣдованіе этого вопроса см. у Jourdain. Recherches critiques. p. 152—165.

ное орудіе положительнаго изслѣдованія. Усвоеніе математическихъ знаній было бы, однако же, невозможно, если бы не была усвоена арабская система счисленія. Усвоеніе этой системы не можетъ поэтому быть обойдено въ настоящемъ очеркѣ.

Въ XI столѣтіи въ Европѣ считали на абакусѣ, способъ счисленія, сохраненномъ какъ было уже говорено Боэціемъ, и въ этомъ столѣтіи еще чуждомъ всякаго вліянія со стороны арабовъ [1]). Абакусъ въ эту эпоху отличался отъ древняго абакуса въ значительной степени: онъ представлялъ таблицу безъ вырѣзокъ, покрытую пескомъ, на которомъ чертились столбцы, апісы ужъ болѣе не употреблялись, и вмѣсто знаковъ Боэція ставились обыкновенно первыя девять цифръ римскихъ. Цифры эти писались прямо въ столбцахъ абакуса и имѣли значеніе, соотвѣтствующее мѣсту столбца, въ которомъ онѣ были поставлены. Съ конца XI столѣтія и съ первыхъ годовъ слѣдующаго начало обнаруживаться вліяніе испанскихъ арабовъ. Конечнымъ результатомъ этого вліянія было устраненіе абакуса и примѣненіе девяти цифръ и нуля, что давало возможность обусловливать значеніе цифръ ихъ положеніемъ безъ помощи столбцевъ абакуса. Въ половинѣ XII- вѣка новая система счисленія распространилась по всей Испаніи при посредствѣ сочиненія Іоанна Севильскаго, которое было написано по образцу сочиненія Альхоризми. Отсюда вслѣдствіе извращенія имени Альхоризми возникаетъ система алгоризма или алгориѳма, и идетъ нѣкоторое время рядъ алгориѳминовъ параллельно ряду абакистовъ. Но счисленіе на абакусѣ мало-по-малу уступаетъ мѣсто новой системѣ: всего прежде въ Англіи сочиніе Іоанна Севильскаго становится извѣстнымъ въ латинскомъ переводѣ; съ XIII- вѣка алгоризмъ становится господствующимъ въ Италіи, а потомъ и во Франціи. Преданіе объ абакусѣ падаетъ до такой степени, что Вильгельмъ Мальмсберійскій, въ XIII вѣкѣ, приписываетъ изобрѣтеніе его арабамъ; неопиѳагорейскіе же знаки, снова перешедшіе къ европейцамъ въ формѣ слегка измѣненной арабами [2]), и до сихъ поръ слывутъ у мно-

[1]) Преданіе, дѣлающее Герберта (Папу Сильвестра II) ученикомъ арабовъ, легендарно. Легенда эта возникла черезъ два столѣтія послѣ смерти Герберта и продолжаетъ съ тѣхъ поръ повторяться и до настоящаго времени. (О Гербертѣ см. у Кантора и у Ноэля).

[2]) Европейцы, въ свою очередь, нѣсколько измѣнили начертаніе этихъ цифръ.

гихъ за цифры арабскія, хотя и существовала попытка приписать изобрѣтеніе ихъ индійцамъ. Только новѣйшимъ изслѣдованіямъ удалось опредѣлить достовѣрно ихъ происхожденіе [1]).

II.

Изъ предшествовавшаго видно, что Европа получила отъ арабовъ такое богатство научнаго и философскаго матеріала, предъ которымъ жалкія знанія, унаслѣдованныя ею отъ древнихъ черезъ Боэція, Кассіодора, Исидора Севильскаго и т. д., были совершенно ничтожны. Особенную важность имѣли пріобрѣтенія научныя: они неизбѣжно должны были поставить предѣлъ успѣхамъ субъективнаго умствованія, изощрявшагося въ діалектическихъ тонкостяхъ и усиливавшагося дать теологической системѣ метафизическое основаніе, и открыть путь объективному мышленію, которое шло въ разрѣзъ съ антикосмическимъ характеромъ господствовавшаго міроразумѣнія. Переходъ этотъ, однако же, не могъ совершиться скоро, такъ какъ правильной оцѣнкѣ сочиненій чисто научныхъ мѣшала не только слабая къ тому предварительная подготовка, но и неизбѣжное увлеченіе метафизическими теоріями и болѣе привлекательными, и болѣе доступными. По этой причинѣ пріобрѣтеніе новаго запаса знаній не повліяло на первыхъ порахъ на развитіе науки и не дало, за исключеніемъ Фибоначчи и Рожера Бэкона, ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго ученаго, тогда какъ движеніе въ области метафизики было богато смѣлыми представителями освобождавшейся мысли.

Въ области науки, послѣ введенія арабскихъ книгъ, также какъ и до ихъ введенія, продолжаютъ господствовать сокращенія и толкованія, матеріаломъ для которыхъ служатъ пріобрѣтенныя сочиненія ученыхъ. У нѣкоторыхъ писателей XIII и XIV столѣтій толкованія разрастались въ многотомные фоліанты, не заключавшіе ни одного собственнаго наблюденія, ни одной оригинальной мысли и, нерѣдко крайне многорѣчивые и безтолковые. Плодовитѣйшимъ изъ комментаторовъ былъ Альбертъ Больштадскій, епископъ Регенсбургскій, оставившій двадцать одинъ томъ in-folio и прозванный великимъ. Но стоилъ

[1]) *Noël.* La numération décimale.

ли Альбертъ этого прозванія? Пуше, воодушевленный клерикальнымъ рвеніемъ, старается оправдать это прозваніе, но внимательное чтеніе длиннаго отчета его о трудахъ Альберта обнаруживаетъ, что общія мѣста и возгласы объ умѣ и учености этого будто бы Аристотеля среднихъ вѣковъ не имѣютъ фактическаго подтвержденія и иногда лишены даже смысла, какъ, напримѣръ, то мѣсто, гдѣ Пуше подводитъ итогъ всему сказанному имъ объ Альбертѣ и опредѣляетъ главную его заслугу[1]). Очевидно, что заслуга, приписываемая Альберту современнымъ историкомъ, не имѣетъ ничего общаго съ наукой и представляетъ только одну изъ чертъ характеристики писателя, серьезно толковавшаго о пищевареніи и снѣ безплотныхъ духовъ. На основаніи фактовъ, доставленныхъ Пуше, можно скорѣе согласиться не съ его выводами, а съ мнѣніемъ Медлера, который говоритъ, что сочиненія Альберта обнаруживаютъ знакомство его съ древними авторами и доказываютъ даже, что онъ понималъ кое-что въ ихъ сочиненіяхъ. Въ его время, прибавляетъ къ этому Медлеръ, этого было довольно, чтобы прославиться и даже стать «великимъ»[2]). Такое же невысокое мнѣніе объ Альбертѣ имѣетъ и Дарамберъ, который утверждаетъ, что чѣмъ болѣе изучаютъ сочиненія этого писателя, тѣмъ болѣе приходится убѣждаться въ отсутствіи у него всей самобытности. Дарамберъ говоритъ, что тщательное изученіе сочиненій Альберта значительно освѣтило бы современную этому писателю литературу, и еще болѣе литературу, ему предшествовавшую, такъ какъ онъ широко пользовался и тою и другою, не дѣлая ссылокъ. Узнавъ авторовъ, которыми пользовался Альбертъ, можно бы рѣшить какіе авторы были ему извѣстны и что припуталъ онъ отъ себя къ тексту этихъ авторовъ. Только часть сочиненій Альберта изслѣдована въ этомъ смыслѣ К. Іессеномъ и многое, что прежде приписывалось Альберту, возстановлено какъ подлинный текстъ другихъ писателей. Болѣе строгая критика, по словамъ Дарамбера, нашла бы еще и послѣ Іессена чѣмъ облегчить «великаго» схоластика въ пользу арабовъ, грековъ и писателей перваго

---

[1]) La plus belle gloire d'Albert le grand est, sans contredit, d'avoir complété et terminé le cercle des connaissances humaines, en comblant son hiatus par la démonstration scientifique des rapports de l'homme et de Dieu! Pouchet. Hist. des sciences nat. p. 319.

[2]) *Maedler*. Gesch. d. Himmelskunde. I. Abschn. s. 108.

средневѣковаго періода [1]). Приведу, наконецъ, и замѣчаніе Прантля, который подтверждаетъ невысокую цѣну Альберта, и говоритъ, что если въ прекрасной исторіи ботаники Мейера и встрѣчаются непомѣрныя похвалы этому средневѣковому писателю, то похвалы эти обусловлены недостаточнымъ изученіемъ источниковъ, изъ которыхъ черпалъ Альбертъ. Всѣ его ботаническія знанія, какъ говоритъ Прантль, заимствованы у арабскихъ и греческихъ писателей, которыхъ Альбертъ обиралъ постоянно, руководствуясь при этомъ не какимъ-либо опредѣленнымъ принципомъ, но исключительно однимъ только впечатлѣніемъ, которое производило на него то или другое мѣсто. Поэтому, когда объ Альбертѣ говорятъ, что онъ нѣчто думаетъ или высказываетъ, то впадаютъ въ недоразумѣніе: Альбертъ самъ ничего не думаетъ и не высказываетъ; все, что встрѣчаемъ въ его сочиненіяхъ, обдумано и высказано его источниками [2]). Не большее значеніе имѣютъ ученыя работы Винцента де Бовэ и гораздо меньше—Ѳомы Аквинскаго. О послѣднемъ даже Пуше считаетъ лишнимъ распространяться. Энциклопедическое сочиненіе Винцента во многомъ напоминаетъ сочиненія Альберта и даже содержитъ изъ нихъ заимствованіе. Въ немъ точно также господствуетъ узкая супра-натуралистическая точка зрѣнія, и также, подъ именемъ научныхъ данныхъ, предлагаются свѣдѣнія, заимствованныя изъ народныхъ сказаній, какъ, напримѣръ, разсказъ о скиѳскомъ ягненкѣ (agnus scythicus), прикрѣпленномъ корнями къ почвѣ подобно растенію и произростающемъ такимъ образомъ на берегахъ Волги, о странаго рода шотландскихъ деревьяхъ, плоды которыхъ, падая въ воду, превращаются въ утокъ и т. д. Равною съ названными писателями извѣстностью пользовался долго въ средніе вѣка Іоаннъ Галифакскій, болѣе извѣстный подъ именемъ Іоанна Сакробоско. Онъ не имѣлъ смѣлости считать себя учителемъ по всѣмъ отраслямъ знанія подобно Альберту Больштадскому, Ѳомѣ Аквинскому и Винценту де-Бовэ и писалъ только объ астрологіи, но научное значеніе его сочиненій не выше значенія сочиненій его всесторонихъ современниковъ. Заключая въ себѣ извлеченіе изъ Птоломея и Альбатена, сочиненія эти обнаруживаютъ, по словамъ Медлера, слабыя математическія познанія и полное

---

[1]) *Daremberg*. Hist. des sciences medic. p. 289.

[2]) *Prantl*. Gesch. d. Logik. II. 89.

отсутствіе самостоятельныхъ работъ. Одна только скудность научныхъ руководствъ въ эпоху Сакробоско (XIII столѣтіе) объясняетъ громадную извѣстность и необыкновенную распространенность его слабыхъ произведеній [1]). Упомяну, наконецъ, объ учителѣ Данте—Брунето Латини, пользовавшемся въ Италіи и во Франціи, гдѣ онъ жилъ нѣкоторое время, большою извѣстностью. Его энциклопедическое сочиненіе «*Le Trésor*», написанное на французскомъ языкѣ, представляетъ довольно обширный сводъ знаній его времени. Сочиненіемъ этимъ много пользовались современники и часто на него ссылались; но оно, конечно, не было и не могло быть выше другихъ сочиненій той же эпохи [2]).

Наука, какъ видно изъ этого прошлаго обзора дѣятельности ея представителей, стояла еще очень низко въ XIII столѣтіи, что̀ было очевидно и такимъ людямъ этого вѣка, какъ Рожеръ Бэконъ, который относился къ знаніямъ, пріобрѣтеннымъ отъ арабовъ, осмысленно. Рожеръ Бэконъ говоритъ о пресловутыхъ ученыхъ своего времени съ глубочайшимъ презрѣніемъ, уличаетъ ихъ въ невѣжествѣ и не скупится на оскорбительные эпитеты этимъ знаменитостямъ, называя ихъ идіотами, ослами и т. п. [3]). Но ничтожество научныхъ трудовъ писателей XIII столѣтія нисколько не уменьшаетъ ихъ важнаго историческаго значенія. Писатели эти были первыми, положившими основаніе европейской наукѣ, существовавшей до нихъ въ разрозненныхъ отрывкахъ, лишенныхъ единства и полноты. Альбертъ Больштадтскій, Ѳома Аквинскій, Винцентъ де Бовэ и Брунето Латини пытаются дать европейцамъ энциклопедіи знаній своего времени, собирая для этихъ энциклопедій все, что только попадалось имъ подъ руку, и потому энциклопедіи эти наполнены массою нелѣпостей и противорѣчій. Тѣмъ не менѣе. однако же, писатели XIII вѣка ввели умы въ новый міръ, міръ объективнаго знанія и, такимъ образомъ, проложили пути новой работѣ мысли,—они дали, по мѣткому выраженію Либри, костыли человѣческому уму.

Единственнымъ источникомъ знаній, самобытныхъ, расширявшихъ умственный кругозоръ и имѣвшихъ научное значеніе, были путешествія въ отдаленныя страны Азіи:—Рубруквиса,

[1]) Maedler. id.

[2]) Libri, id. II. p. 152.

[3]) Em. Charles. Roger Bacon. sa vie etc. p. 15 et 17.

Плано Карпини, Маттео и Николая Поло и въ особенности сына Николая знаменитаго Марко Поло. Путешествіе этого послѣдняго продолжалось отъ 1271 до 1295 года и охватывало почти всю Азію. «Цѣлый томъ потребовался бы для того, чтобы вмѣстить отчетъ объ открытіяхъ Марко Поло,—говоритъ Либри [1]). Въ краткомъ же описаніи, сдѣланномъ имъ, онъ далъ Европѣ понятіе о существованіи народовъ и странъ, о которыхъ до него не имѣли никакой идеи; благодаря ему, космографія и географія сдѣлали обширные успѣхи». Но кромѣ того, Марко Поло способствовалъ успѣхамъ наукъ въ Европѣ еще и тѣмъ, что впервые принесъ нѣкоторыя знанія восточныхъ народовъ: о китайской гравюрѣ, о бумажныхъ деньгахъ, каменномъ углѣ, фарфорѣ, устройствѣ почтъ, знанія, хотя и казавшіеяся баснословными, но несомнѣнно имѣвшія вліяніе на успѣхи, сдѣланные въ Европѣ впослѣдствіи. Многія цитаты изъ описаній М. Поло у писателей XIV столѣтія свидѣтельствуютъ о впечатлѣніи, произведенномъ имъ на умы, впечатлѣніи, не исчезнувшемъ и въ XV вѣкѣ [2]).

Обратимся теперь къ схоластикѣ.

Мы видѣли уже, что задача схоластики заключалась именно въ примиреніи руководительства теологіи съ присущею уму свободою и самобытностью, видѣли также, что блестящіе представители схоластики, обольщавшіе себя мыслью о возможности такого примиренія, безсознательно подымались до свободной отъ всякой теологіи метафизики и видѣли, наконецъ, появленіе такихъ симптомовъ, которые ясно доказывали, что и теологія, и метафизика въ данныхъ формахъ перестали удовлетворять потребностямъ умовъ, и что наступила эпоха обновленія умственной дѣятельности. Это обновленіе могло совершиться или самостоятельной работой, расширяющей умственной кругозоръ и обогащающей разумъ пріобрѣтеніями наблюденій и открытій, или новымъ наплывомъ наблюденій и знаній чужихъ, готовыхъ. Случилось послѣднее: европейцы получили отъ арабовъ и евреевъ громадныя сокровища, и для ума дѣйствительно началась эпоха обновленія, которое привело его позже и къ полному возрожденію.

Главнымъ вопросомъ схоластики перваго періода былъ вопросъ соглашенія теологическихъ тезисовъ съ умозрѣніемъ,

---

[1]) Libri. id. p. 145.

[2]) Libri. id. p. 150. Lowenberg. Geschichte der Geographie. s. 120.

разрабатывавшійся въ формѣ изслѣдованій общихъ понятій; метафизическій элементъ схоластики, вслѣдствіе этого, былъ развитъ, сравнительно съ метафизикой арабовъ, очень низко. Естественно поэтому, что схоластика не могла не подчиниться арабской философіи. И дѣйствительно, со времени знакомства съ сочиненіями арабовъ, вопросъ объ общихъ понятіяхъ низводится до второстепеннаго значенія и на его мѣсто выступаетъ вопросъ о субстанціи, который и дѣлается излюбленнымъ вопросомъ всѣхъ великихъ и малыхъ свѣтилъ схоластики послѣдующаго времени.

Вопросъ о субстанціи,—т.-е. матеріи и формы по ученію Аристотеля,—какъ и всякій метафизическій вопросъ, былъ всего прежде теменъ, схоластическая же паутина, которой его опутали въ XIII и XIV столѣтіи, окончательно затемнила его. Принявъ точкою исхода ученіе Аристотеля о матеріи и формѣ (потенціальности и актуальности), схоластики не подвергали его критикѣ и только пріурочивали къ нему всѣ свои метафизическія комбинаціи. Комбинаціи эти возникали впрочемъ не какъ плоды самодѣятельности мыслителей, но, какъ и въ предшествовавшемъ періодѣ, изъ элементовъ извнѣ полученнаго матеріала, и, главнымъ образомъ, изъ сочиненій Аристотеля и его толкователей. Такъ какъ при такомъ способѣ компилированія метафизическихъ ученій, отдѣльныя части ихъ очень часто брались недостаточно разборчиво изъ различныхъ источниковъ и плохо переработывались, то самыя комбинаціи естественнымъ образомъ имѣли характеръ пестрой смѣси, лишенной всякаго единства и отдѣльныя части ихъ только представляли иногда что-нибудь опредѣленное. Комбинаціи эти не были, однако же, для схоластиковъ лишены значенія и пусты, какъ это можетъ показаться и для изучающаго ихъ въ настоящее время, такъ какъ схоластики не переставали имѣть въ виду то значеніе, которое имѣли рѣшенія ихъ частныхъ метафизическихъ вопросовъ на главный основной вопросъ средневѣковой философіи какъ перваго, такъ и второго періода.

При разработкѣ вопроса о субстанціи, на матерію смотрѣли иногда какъ на вѣчную и безформенную, которая, будучи ничто, можетъ сдѣлаться все—при посредствѣ подателя формъ (dator formarum), существующаго, какъ абсолютное бытіе, рядомъ съ матеріей. Такимъ путемъ приходили къ дуализму. Иногда матерію отождествляли съ абсолютнымъ бытіемъ и дѣлали ее

общею основою всякаго существованія. Такимъ путемъ вырабатывали пантеизмъ. Иногда принимали одну только матерію, когда прибѣгали къ ученію объ эманаціи и т. д., и вообще получали самыя разнообразныя видоизмѣненія метафизическаго міроразумѣнія. И далѣе, непосредственно за установленіемъ основныхъ тезисовъ являлось еще множество вопросовъ второстепенныхъ: существуютъ ли формы независимо отъ матеріи? Если существуютъ, въ какомъ отношеніи находятся онѣ къ пространству и времени? Существуютъ ли онѣ самобытно или только въ нѣдрахъ верховной причины ихъ бытія? Существуютъ ли онѣ во множествѣ или какъ отдѣльная единая форма? Затѣмъ разсматривали матерію и форму въ соединеніи, т.-е. субстанцію, и задавались вопросомъ о томъ, какое значеніе принадлежитъ матеріи, и какое—формѣ въ этомъ соединеніи? Чѣмъ различаются отдѣльныя существа между собою:—формой или матеріей? Такимъ образомъ доходили до одного изъ труднѣйшихъ схоластическихъ вопросовъ—вопроса индивидуализаціи. Если различіе между существами полагали въ формѣ, т.-е. матерію считали родомъ, а форму—видомъ, то приходили къ идеѣ всеобщаго рода, обнимающаго всю дѣйствительность и служащаго ей опредѣленіемъ. Если же, для избѣжанія такого заключенія, принципъ различія приписывали матеріи, тогда приходилось отрицать индивидуальность души человѣческой, какъ чистой формы, и приписывать индивидуальность только тѣлу и т. д. [1]).

Изъ этого видно, что схоластическія комбинаціи составлялись изъ самыхъ разнообразныхъ ингредіентовъ, и различались, какъ говоритъ Прантль, только объемомъ дозъ этихъ ингредіентовъ, захваченныхъ тѣмъ или другимъ авторомъ. И такимъ образомъ возникло то разнообразіе мнѣній, которымъ отличается этотъ періодъ схоластики. Старыя подраздѣленія на партіи исчезли и замѣнились новыми. Номиналистовъ и реалистовъ болѣе не существуетъ, такъ какъ различіе метафизическихъ комбинацій ужъ не исходило болѣе изъ изслѣдованій вопроса объ общихъ понятіяхъ, и рѣшеніе его, какъ второстепеннаго, подчинилось вполнѣ взгляду арабовъ. Клерикальное дѣленіе на томистовъ и скоттистовъ, имѣющее значеніе для исторіи теологіи, толь же мало годно, какъ и предыдущее. Вообще партіи въ XIII

---

[1]) *Emile Charles.* Roger Bacon. 169 et suiv. Prantl. Gesch. d. Logik. III. 181—183.

столѣтіи не различаются такъ легко и просто, какъ въ предшествовавшемъ періодѣ: по мнѣнію Прантля число ихъ стало такъ велико, что не поддается никакому счету [1]).

Кромѣ внутренняго измѣненія, испытаннаго схоластикой послѣ введенія арабскихъ книгъ, способъ ея изложенія, организаціи ея строя подъ этимъ вліяніемъ также совершенно измѣнился. Основаніемъ для такого измѣненія послужили главнымъ образомъ воззрѣнія Авиценны на задачу всякаго изученія. Задачу эту онъ считалъ тройственною: 1) разсматриваніе вещей въ самомъ принципѣ ихъ сущности, 2) разсматриваніе вещей въ природѣ, т. е. въ ихъ собственной обособленности, и 3) разсматриваніе вещей въ дѣятельномъ разумѣ. Изъ этихъ трехъ родовъ разсматриванія вещей исходило раздѣленіе системы знаній на три части: первую, изучавшую принципы—логику; вторую, имѣвшую предметомъ вещи естественныя—физику, и третью, разыскивающую истину въ нѣдрахъ самого абсолютнаго разума—метафизику. Философія, заключавшая въ себѣ эти три дисциплины, была всеобщей наукой, цѣлью которой была истина. Не останавливаясь надъ критикой этой классификаціи, недостатки которой слишкомъ очевидны, я замѣчу только, что она была значительнымъ шагомъ впередъ передъ классификаціей, представляемой тривіумомъ и квадривіумомъ, и была выраженіемъ расширившагося объема знаній и увеличившагося значенія метафизическаго элемента.

Это возрастаніе метафизическаго элемента схоластики, обнаруживавшееся и съ внутреннимъ содержаніемъ и внѣшнимъ строемъ, было несомнѣннымъ философскимъ прогрессомъ, несомнѣннымъ поступательнымъ движеніемъ отъ теологіи къ независимой дѣятельности разума. Но для схоластики, какъ это понятно безъ объясненій, по смыслу основнаго вопроса его, философскій прогрессъ отождествлялся съ началомъ разложенія и паденія. Въ первомъ періодѣ схоластики, когда не существовало еще сознательнаго отступленія отъ схоластическаго принципа, всѣ наличныя силы посвящались разработкѣ схоластическихъ вопросовъ. Внесеніе въ эту разработку послѣдовательности, таланта, живости, проницательности выражалось всегда скрытымъ разрывомъ съ мертвечиной и ложью схоластической задачи и иногда обнаруживалось явною еретичностью

[1]) Prantl. id. III. 181.

положеній. Совсѣмъ не такъ было послѣ введенія арабскихъ книгъ; съ этого времени талантливыя личности рѣдко стоятъ на сторонѣ ортодоксальной схоластики, представители которой большею частью принадлежатъ къ числу бездарностей. Прославленные учители XIII вѣка Альбертъ Бельштадтскій. Ѳома Аквинскій, Александръ изъ Галеса могутъ казаться мудрецами только теологамъ и тѣмъ, которые привыкли повторять съ ихъ голоса и сдѣлали изъ восхваленій схоластиковъ XIII вѣка общее рутинное мѣсто.

Ортодоксальные схоластики XIII вѣка, хотя болѣе метафизичные, чѣмъ ихъ предшественники, не были, однакожъ, выразителями философскаго прогресса этой эпохи, котораго имъ и прежде слѣдуетъ искать конечно въ области оппозиціонной мысли. Ортодоксальные схоластики XIII вѣка, подобно своимъ предшественникамъ XI и XII, были компиляторами и въ лучшихъ случаяхъ эклектиками. Эклектизмъ ихъ былъ основанъ на капитальномъ недоразумѣніи, общемъ всѣмъ имъ по отношенію къ древней философіи: имъ была мало извѣстна свобода мысли греческихъ философовъ, споры ихъ школъ; они воображали, что выше всѣхъ отдѣльныхъ школъ существовала одна господствующая система, освященная преданіемъ, и они ревностно искали эту мнимую систему. Но откуда же было взять имъ ее? Она, казалось имъ, должна возродиться изъ примиренія противорѣчій; и вотъ они принимаются за это примиреніе: смягчаютъ, какъ говоритъ Горео, Платона Аристотелемъ и Аристотеля Платономъ и торжественно провозглашаютъ, что съ одной стороны истина принадлежитъ Платону, но съ другой— она у Аристотеля. Такой простодушный эклектизмъ проходитъ черезъ всѣ сочиненія знаменитѣйшихъ схоластиковъ этого времени. Объ Альбертѣ, напримѣръ, Горео говоритъ, что этотъ прославленный учитель заимствовалъ у Платона общее въ себѣ, которое онъ именуетъ началомъ, чистою сущностью, причиной бытія и мѣсто которому онъ опредѣляетъ въ самомъ абсолютномъ бытіи съ тою цѣлью, чтобы ясно различать его отъ субъективнаго понятія и затѣмъ, когда приходится высказаться вполнѣ опредѣленно объ этой чистой сущности и стать окончательно на сторонѣ Платона, Альбертъ переходитъ на сторону Аристотеля и старается согласить его взгляды съ приложенными взглядами Платона, что ему разумѣется не удается[1]). Неудачей этой не

[1]) *Haureau.* De la philos. sc. II. 25, 26.

ограничивается впрочемъ число неудачъ Альберта. Прантль указываетъ на цѣлый рядъ грубыхъ противорѣчій у этого философа, противорѣчій, доказывающихъ, что безсмысленный компиляторъ представляетъ заразъ все, что только возможно было нахватать у арабовъ. И дѣйствительно, вслѣдъ за Платономъ, Аристотелемъ и другими греческими философами идетъ и псевдо-Аристотель въ лицѣ автора книги: «*De Causis*», и нельзя не удивляться, какъ легко книга эта повергаетъ Альберта въ трущобы мистицизма и до какой степени онъ безсиленъ отличать его отъ истиннаго ученія Аристотеля. Нельзя не согласиться послѣ этого, что Прантль не безъ основанія считаетъ Альберта темной головой и замѣчаетъ, что изреченіе враждебныхъ ему францисканцевъ: «ex asino filosophus factus et ex filosopho asinus» хотя и грубо, но вѣрно [1]). Еще ничтожнѣе эклектизмъ ученика Альберта—Ѳомы Аквината, такъ какъ эклектизмъ этотъ взятъ готовымъ у учителя, и только облеченъ въ форму, какъ выражается Горео, «торжественную и доктринальную». Клерикальные писатели, удивлявшіеся глубинѣ мысли этого дорогого имъ теолога, удивлялись собственно глубинѣ мысли Аристотеля, о заимствованіи изъ котораго они не знаютъ или не желаютъ знать. Штокль, напримѣръ, называя Ѳому Аквината корифеемъ умственнаго рыцарства, стяжавшимъ безсмертные лавры, свѣтиломъ науки, великимъ мыслителемъ и т. д., или Вернеръ, посвятившій Аквинату трехъ-томную монографію, не думаютъ объ изслѣдованіи заимствованій, сдѣланныхъ прославляемымъ ими компиляторомъ, и вездѣ говорятъ о немъ какъ о мыслителѣ самобытномъ [2]). Строгое и независимое изслѣдованіе Прантля приходитъ къ замѣчаніямъ, до тла уничтожающимъ всѣ эти безсмысленные панегирики. У Прантля знаменитый «doctorus angelicus» является безъ прикрасъ со своими противорѣчіями, спутанностями и усиліями примирить взаимно исключающія положенія... Таковы корифеи ортодоксальнаго направленія схоластики. Ничтожество ихъ, обличаемое ихъ сочиненіями, было впрочемъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ занятаго ими положенія. Въ самомъ дѣлѣ, если послѣ пріобрѣтенія громаднаго научнаго и философскаго матеріала отъ арабовъ эти Ѳомы и Альберты могли посвящать силы свои разрѣшенію схо-

[1]) Prantl. id. III. 89—107.

[2]) *A. Stöcl.* Geschichte der Philos. d. Mittelalters. II. Band. V. *Werner.* Der heilige Thomas v. Aquino. III Band.

ластическаго вопроса, когда еще ранѣе ихъ, въ то время, когда знанія европейцевъ были ничтожны, смѣлые умы невольно шли далѣе, то не обличается ли этимъ однимъ ихъ ограниченность, тупость и недальнозоркость. Ужели, получивъ богатую литературу въ свое пользованіе, они, при малѣйшей искрѣ таланта, не сумѣли бы понять ея значенія и ограничились бы только выкраиваніемъ изъ нея заплатокъ для старой системы, не могшей уже удовлетворять автора «*Sic et non*» въ XII столѣтіи? Нѣтъ никакого интереса поэтому останавливаться надъ воззрѣніями этихъ охранителей преданія даже и въ томъ случаѣ, когда они, подобно Дунсу Скотту, напримѣръ, обнаруживаютъ нѣкоторое присутствіе ума. При томъ же, что такое Дунсъ Скоттъ для своего времени передъ Альбертомъ и Ѳомой? Не болѣе какъ «*doctor subtilis*», тогда какъ Аквинатъ—«*doctor angelicus*», а Альбертъ «*doctor uniwersalis*» великій, въ естественной наукѣ, еще болѣе великій въ философіи и величайшій въ теологіи... Я оставляю поэтому ортодоксальныхъ схоластиковъ и ихъ теологическое величіе и обращаюсь къ схоластикамъ направленія оппозиціоннаго.

Первое столкновеніе возбужденной арабами независимой мысли съ господствовавшимъ міросозерцаніемъ произошло на соборѣ въ Парижѣ въ 1207 году. Демонъ, какъ разсказываетъ наивно хроникеръ, внушилъ четырнадцати клерикамъ самыя превратныя мысли: клерики эти дерзали отрицать многія установленныя истины и явно шли противъ ортодоксальнаго ученія. Но намѣреніе этихъ злосчастныхъ было открыто благодаря нѣкоему Раулю изъ Немура, которому одинъ изъ четырнадцати—по имени Вильгельмъ—открылъ нѣкоторые взгляды своего тайнаго кружка. Рауль, наружно показывая сочувствіе, немедленно же донесъ о всемъ слышанномъ аббату монастыря св. Виктора, съ которымъ и явился потомъ къ епископу парижскому и тремъ магистрамъ теологіи, доводя до ихъ свѣдѣнія все, что ему было извѣстно. Сильно испуганные, епископъ и теологи, пообѣщавъ Раулю отпущеніе грѣховъ, поручили ему, вмѣстѣ съ однимъ священникомъ, сблизиться съ членами кружка и узнать все, касающееся ихъ невѣрія. Исполняя ихъ порученіе, Рауль и его товарищъ-священникъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ странствовали по епархіямъ Парижа, Лангра и Труа и открыли множество единомышленниковъ Вильгельма, и затѣмъ опять явились къ епископу и обо всемъ ему донесли. Слѣдствіемъ ихъ доноса

былъ судъ надъ еретиками и сожженіе десятерыхъ самыхъ упорныхъ на кострахъ. «Когда ихъ вели на казнь, прибавляетъ ко всему этому хроникеръ, поднялась страшная гроза, произведенная—никто въ томъ не сомнѣвается—духами преисподней, которые, будучи виновниками ихъ заблужденій, сдѣлались виновниками ихъ трагической кончины». Соборъ не удовольствовался, однако же, только казнью десятерыхъ; по его распоряженію были вырыты останки Амальриха Бенскаго, котораго считали основателемъ превратнаго ученія, и похоронили на какомъ-то полѣ; книги же другого еретическаго учителя—Давида изъ Динанта—были сожжены и, наконецъ, было воспрещено въ теченіе трехъ лѣтъ читать книги о «натуральной философіи» (Аристотеля) [1]).

Высказанное соборомъ 1209 года запрещеніе относительно чтенія сочиненій Аристотеля было повторено папскимъ легатомъ Робертомъ Курсономъ въ статутахъ, данныхъ имъ парижскому университету въ 1215 году, и еще позже, именно въ 1231, подтверждено буллою папы Григорія IX. Въ статутахъ и буллѣ исчисляются подлежащія запрещенію сочиненія Аристотеля и къ нимъ въ статутахъ присоединяются еще сочиненія Амальриха Бенскаго, Давида изъ Динанта и Мавриція Испанскаго, подъ которымъ, какъ утверждаетъ Ренанъ, слѣдуетъ разумѣть Аверроэса [2]), и запрещеніе при этомъ не ограничивается никакимъ срокомъ, такъ какъ статуты даны были *in perpetuum*. Для насъ не важно въ настоящемъ случаѣ: ошибались ли парижскій соборъ, легатъ Курсонъ и папа Григорій IX, преслѣдуя Аристотеля вмѣсто книги «De Causis», которую имѣли въ виду; для насъ важенъ только фактъ осужденія новаго философскаго матеріала

---

[1]) *Haureau.* De la philos. sc. I. 397 et suiv. *Renan.* Averroés. 220. *Prantl.* Gesch. d. Logik. III. 6.

[2]) Полное арабское имя Аверроэса было Абулвалидъ-Могаммедъ-ибнъ-Ахмедъ-ибнъ-Могаммедъ-ибнъ-Рошдъ. Слово Аверроэсъ образовалось изъ словъ ибнъ-Рошдъ вслѣдствіе испанскаго извращенія «ибнъ» въ абенъ или авенъ. Но Аверроэсъ было далеко не единственное латинское имя арабскаго философа; въ латинскихъ рукописяхъ встрѣчаются еще: Jbin-Rosdin, Filius Rosadis, Jbn-Rusid, Ben-Raxid, Jbn-Ruschod, Ben-Rasched, Aben-Rassad, Aben-Rois, Aben-Rasd, Aben-Rust, Avenrosd, Avenryz, Adveroys, Benroist, Avenroyth, Averroista, и т. д. Изъ Абдулвалида образовались: Abulgnail, Aboolit, Alulidus, Ablult, Aboloyr; изъ Могаммедъ—Membucius, Mahuntius, Maunitius и Mauritius. *Renan.* Averroés. p. z. et 222.

и его послѣдовательныхъ и независимыхъ толкователей. Осужденіе это, какъ мы видѣли, стоило жизни десятерымъ смѣлымъ искателямъ истины и повлекло различныя мѣропріятія, которыя считались предохранительными отъ дальнѣйшаго распространенія свободы мысли. Все это обнаруживало нѣкоторый страхъ передъ ученіемъ, въ которомъ видѣли нѣчто новое, угрожающее... И хотя страхъ былъ значительно усиленъ альбигойцами, тѣмъ не менѣе ученье Амальриха и Давида было несомнѣнно смѣлое и существенно не схоластическое, т.-е. не ставившее себѣ сознательно задачи, дававшей смыслъ и содержаніе всей схоластикѣ. Что же это было за ученіе? Оно было, какъ видно, изъ изслѣдованія Горео, мистическимъ пантеизмомъ и, подобно ортодоксальнымъ ученіямъ, имѣло компилятивный характеръ, но оно стремилось къ независимости отъ теологическаго авторитета и не искало вдохновеній въ указанныхъ источникахъ, явно признавая превосходство надъ ними «сочиненія язычниковъ и поклонниковъ Магома».

Такимъ образомъ началось сознательное освобожденіе метафизики изъ-подъ гнета теологіи. Оно не остановилось ни передъ громоносными предостереженіями парижской схоластики, ни передъ папскими буллами, ни передъ казнями. При слабомъ развитіи науки, не дозволявшемъ еще основывать на ней никакихъ положеній, при полномъ отсутствіи малѣйшаго предчувствія научной философіи, метафизика была единственною представительницею свободы мысли, единственнымъ убѣжищемъ умовъ, созрѣвшихъ для перехода изъ перваго фазиса умственнаго развитія. Такое положеніе вещей дѣлало неизбѣжнымъ, какъ и было уже замѣчено, отсутствіе талантовъ на сторонѣ ортодоксальнаго направленія философіи и возрастаніе числа ихъ на сторонѣ оппозиціи. Буллы и казни, само собою разумѣется, имѣли отрицательный результатъ. Не говоря о томъ, что въ мірѣ мысли булла, костеръ и т. п. представляютъ аргументъ по меньшей мѣрѣ ничтожный, обнаруживающій умственное убожество тѣхъ, которые къ нему прибѣгаютъ, замѣчается еще во всѣхъ подобныхъ случаяхъ неумѣнье пользоваться даже и этимъ аргументомъ. Обыкновенно при нарожденіи какой-нибудь новой опасной идеи, когда она скрывается еще въ большей или меньшей извѣстности, авторы буллъ и ауто-да-фе недоумѣваютъ, куда направлять свои удары, и всегда почти бьютъ враговъ наименѣе опасныхъ или даже своихъ; когда же идея окрѣпнетъ

и, не страшась ударовъ, явно выходитъ на битву съ врагами, тогда является возможность только удовлетворить чувству мести, но о пораженіи самой идеи и думать уже поздно. Буллы и ауто-да-фе всегда являются такимъ образомъ или неумѣстно, или несвоевременно и позоря тѣхъ, которые къ нимъ прибѣгаютъ, не приносятъ имъ никакой пользы, а только служатъ самой идеѣ, озаряя ее ореоломъ мученичества. Такъ было всегда, такъ было и въ средніе вѣка: жгли десятерыхъ несчастныхъ клериковъ, но оппозиціонная мысль росла и крѣпла и скоро должна была явиться грозною и необоримою.

Первымъ шагомъ къ сознанію и самоопредѣленію оппозиціонной мысли было установленіе того гибельнаго для схоластики положенія, что истинное въ теологіи можетъ быть ложно въ философіи и обратно. Обѣ эти области были этимъ положеніемъ отдѣлены одна отъ другой и, въ принципѣ, для каждой изъ нихъ установлено право независимаго саморазвитія. Схоластика была подрыта этимъ положеніемъ въ корнѣ, и свободной мысли данъ просторный ходъ впередъ. Это движеніе мысли обнаружилось рядомъ столкновеній съ представителями ортодоксіи, которыя опять направлялись противъ отдѣльныхъ положеній, будучи вполнѣ безсильными противъ общей причины явленія. Въ 1240 году епископъ парижскій осудилъ нѣсколько тезисовъ, извлеченныхъ изъ арабскихъ источниковъ и именно изъ сочиненій Аверроэса; подобныя же осужденія послѣдовали въ 1269 и въ 1277 годахъ. Какой успѣхъ сдѣлала оппозиціонная мысль съ 1209 года, видно изъ того, что эти послѣднія осужденія имѣютъ въ виду уже не пантеизмъ Амальриха и Давида, но ученіе, извѣстное въ средніе вѣка подъ названіемъ аверроизма, т.-е. полнѣйшее невѣріе. Невѣріе не было, конечно, искоренено этими осужденіями, но расширилось и достигло значительныхъ размѣровъ подъ самыми разнообразными формами. Сказаніе о трехъ лжецахъ, романъ о лисицѣ, многочисленныя свидѣтельства писателей о существованіи радикальныхъ отрицателей теологическихъ началъ и многія другія явленія умственной жизни второго періода среднихъ вѣковъ указываютъ на размѣры, до которыхъ было развито невѣріе послѣ введенія арабскихъ книгъ, этого могущественнаго рычага умственной эмансипаціи европейскаго ума [1]).

---

[1]) *Renan*. Averroés. p. 278, 292. *Laurent*. Etudes. VIII. 338, 345.

Сочиненія аверроистовъ, изъ которыхъ можно бы было ознакомиться съ систематическимъ изложеніемъ ихъ ученія, не сохранились; но такъ какъ у знаменитѣйшихъ представителей схоластики встрѣчаются многочисленныя опроверженія аверроистическихъ положеній, то не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что возраженія эти имѣли передъ собой дѣйствительныхъ противниковъ и что у аверроистовъ существовали свои трактаты. Главнѣйшимъ пунктомъ, въ которомъ сосредоточивалась такая оппозиціонная дѣятельность, былъ, по мнѣнію Ренана, парижскій университетъ.

Университеты въ XIII столѣтіи представляли новую силу, которою установленное міровоззрѣніе пренебрегать не могло. Парижскій университетъ былъ изъ самыхъ старыхъ: годомъ основанія его обыкновенно считаютъ 1200, когда Филиппъ Августъ даровалъ ему главныя права, но университетъ существовалъ уже ранѣе. Вслѣдъ за парижскимъ въ теченіе XIII столѣтія возникли университеты въ другихъ европейскихъ городахъ: Кембриджѣ, Оксфордѣ, Болоньѣ, Падуѣ, Римѣ, Салерно и т. д. Первоначально университеты были корпораціями, въ которыя принимались учащіеся всѣхъ націй; они не дѣлились на факультеты и преподаваніе для всѣхъ было одно. Корпораціи эти были чрезвычайно многочисленны; въ Парижѣ, напримѣръ, учащіеся въ университетѣ составляли одну треть всего населенія. Въ Парижъ стекались знаменитости всей Европы, здѣсь получали они докторскія степени и здѣсь читали. Нравственный авторитетъ парижскаго университета стоялъ чрезвычайно высоко; это была великая школа всего европейскаго запада.

Такое значеніе парижскаго университета придавало факту существованія въ немъ аверроизма большую важность. Осужденіе аверроистическихъ положеній въ 1240 и 1269 году было направлено, какъ думаетъ Ренанъ, противъ сторонниковъ этого ученія въ парижскомъ университетѣ. Такое мнѣніе подтверждается тѣмъ, что одиннадцать положеній, на которыя указываетъ одинъ парижскій монахъ какъ на аверроистическія, тождественны съ положеніями, осужденными въ упомянутыхъ выше годахъ. Противъ этихъ же положеній пишетъ Альбертъ «*Liber determinativus ad Parisienses*», а Ѳома Аквинатъ—«*Opus contra pestiferum*» и «*Liber contra Magistras Parisiensis*». Аверроистическій характеръ очевиденъ впрочемъ по характеру такихъ вопросовъ и положеній какъ: «Quod sermones theologi sunt fundati in fa-

bulis? Quod fabulae et falsa sunt in lege christiana, sicut et in aliis? Quod resurrectio futura non debet credi a philosopho, quia impossibilis est investigari per rationem. Error, quia philosophus debet captivare intellectum in obsequium fidei» и т. п. [1]).

Оппозиція этого періода, какъ и предыдущаго, не могла быть однородна и всегда прогрессивна не только по намѣренію, но и въ дѣйствительности; сами источники, изъ которыхъ черпали европейцы свои идеи, давали имъ поводъ сбиваться съ пути поступательнаго движенія и вмѣсто выхода изъ теологіи въ метафизику попадать въ темныя области мистицизма. Умы, не созрѣвшіе для перехода къ независимому умозрѣнію или слишкомъ подчинявшіеся движенію чувства и въ то же время не достаточно податливые регламентаціи, неизбѣжно кидались въ мистицизмъ, надѣясь въ его темной неизвѣстности удовлетворить свои свободолюбивыя стремленія. Церковь, всегда допускавшая мистицизмъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, еще болѣе поощряла этотъ выходъ изъ-подъ ея опеки, давая возможность вступать на путь, на которомъ послѣдовательныя и энергическія натуры не способны были останавливаться по произвольному указанію извнѣ. Тѣ же, которые были способны на подчиненіе такому руководительству, продолжаютъ и въ области мистицизма ту же эклектическую работу, на которую вотще тратили свои силы ортодоксальные схоластики. Таковъ былъ знаменитѣйшій изъ мистиковъ этого рода—Бонавентура [2]). Совершенно иной интересъ имѣли тѣ смѣлые мистики, которые, вслѣдъ за Іоахимомъ ди-Фіоре, приходятъ къ полному отрицанію ортодоксальнаго ученія и проповѣдуютъ «вѣчное евангеліе», предвозвѣщающее новую религію, новый общественный строй, новый порядокъ вещей вообще. Эти мистики, подобно аверроистамъ, ведутъ борьбу съ установленными авторитетами, платятся за то страданіями, но не покоряются и смѣло распространяютъ свое ученіе до того времени, когда идеи церковной реформы входятъ въ свое историческое русло, видоизмѣняясь извѣстнымъ образомъ.

Идеи аббата Іоахима не умерли вмѣстѣ съ нимъ и, начиная съ половины XIII вѣка, имѣли многочисленныхъ представителей: Іоаннъ Пармскій и Герардино де-Боргозанъ-Доннино были

[1]) См. Renan. ed. p. 274, гдѣ помѣщены и многіе другіе вопросы того же рода. Тѣ же вопросы въ нѣмецкомъ переводѣ читатель найдетъ у *Kortüm und Meldegg*, Geschichte Europas. Band. II. Leipz. 1860.

[2]) *Noack*. Die christliche Mystik. I. 128.

извѣстны какъ іоахимиты ранѣе 1250-го года, Петръ Олива—во второй половинѣ этого же вѣка,—вслѣдъ за нимъ, Убертино ди-Казале, еще позже Михаилъ ди-Чезена и др. Всѣ эти проповѣдники породили множество сектъ въ Италіи, Франціи и Германіи, которыя были постоянно преслѣдуемы, нерѣдко истребляемы, но духъ оппозиціи которыхъ никогда не былъ истребленъ.

Ученіе аббата Іоахима, пройдя изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, потерпѣло, само собою разумѣется, болѣе или менѣе важныя и разнообразныя измѣненія. Я не стану слѣдить за этимъ ходомъ его развитія, выходящимъ за предѣлы періода, разсматриваемаго въ настоящемъ очеркѣ, и остановлюсь только на той формѣ, которую оно имѣло въ XIII вѣкѣ, т.-е. на «вѣчномъ евангеліи». Существовала ли въ дѣйствительности книга, называемая «вѣчнымъ евангеліемъ» или нѣтъ,—это нисколько не важно для исторіи тѣхъ идей, которыя жили въ обществѣ, прикрываясь ея названіемъ. Руссло, въ монографіи о вѣчномъ евангеліи, приходитъ къ заключенію, что ея никогда не существовало и что идеи вѣчнаго евангелія были изложены только въ «Введеніи къ вѣчному евангелію», существованіе котораго допускается съ гораздо большей вѣроятностью. Кто былъ авторомъ этого введенія, если оно существовало? Іоаннъ Пармскій или кто другой? Это также нисколько не важно. Вѣчное евангеліе, какъ замѣтилъ Дону, не книга, а ученіе и именно ученіе аббата Іоахима [1]). Ученіе это жило, распространялось, имѣло своихъ проповѣдниковъ и страдальцевъ и потому, помимо вопросовъ библіографическихъ и біографическихъ, заслуживаетъ всего болѣе вниманія по своему содержанію.

Въ общихъ чертахъ содержаніе это заключалось въ слѣдующемъ: законъ новозавѣтный долженъ былъ существовать всего только 1260 лѣтъ и замѣниться потомъ болѣе совершеннымъ закономъ св. духа. Такимъ образомъ, вѣчное евангеліе возвѣщало наступленіе этого новаго закона и утверждало при этомъ, что вмѣстѣ съ его наступленіемъ жизнь дѣятельная, какъ безполезная, должна окончиться и начаться жизнь созерцательная. Управленіе церковью въ этомъ третьемъ состояніи міра будетъ ввѣрено монахамъ, власть которыхъ будетъ столь велика, какъ никогда не была велика власть апостоловъ. Таково было дикое заключеніе этого мистико-пророческаго ученія, безсильнаго

---

[1]) Hist. lit. de la France. t. XX. цит. у Руссло.

своею положительною стороною, но дѣйствовавшаго могущественно стороною отрицательною: критикою господствовавшаго кругомъ порядка вещей, обличеніемъ его язвъ, пророчествомъ о его гибели. Эта сторона, которой вѣчное евангеліе обязано своею жизненностью, и придаетъ ему важность въ ряду оппозиціонныхъ явленій умственной дѣятельности XIII столѣтія [1]).

Въ заключеніе намъ остается остановиться еще надъ одной характеристической чертой, одинаково свойственной обоимъ средневѣковымъ періодамъ,—общераспространенностью аллегорической формы выраженія понятія.

Я сказалъ уже, что вопросъ объ объективномъ существованіи общихъ понятій былъ главнымъ вопросомъ схоластики перваго періода, не будучи чуждъ и второму, и что покровительствуемое церковью схоластическое направленіе,—реализмъ, рѣшало вопросъ этотъ утвердительно; извѣстно, наконецъ, что для теологіи и мистики олицетвореніе общихъ понятій всегда было обыкновеннѣйшимъ и употребительнѣйшимъ пріемомъ: олицетвореніями отвлеченныхъ идей полны источники католическаго ученія. Изъ этого можно заключить, до какой степени сильна была въ средніе вѣка наклонность къ конкретному и опредѣленному представленію идей, имѣющихъ для современнаго человѣка чисто-отвлеченное значеніе. Аллегорія, такимъ образомъ, коренилась въ мистико-теологическомъ и схоластико-метафизическомъ умонастроеніи средневѣковаго общества, но развитіе и распространеніе ея было усилено съ одной стороны традиціями, шедшими отъ языческихъ писателей, извѣстныхъ въ это время, и съ другой, потребностью и привычкой все истолковывать согласно съ предвзятою мыслью. Аллегорія и иносказаніе вообще давали такому субъективному толкованію широкій просторъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, аллегорія въ средніе вѣка имѣла необыкновенно обширное примѣненіе.

Идея аллегоріи (иносказанія), какъ выраженіе одного понятія, предмета или представленія—другимъ понятіемъ, предметомъ или представленіемъ, была уже формулирована платоновскою школою за нѣсколько вѣковъ до нашей эры и была любимою формою изложенія и толкованія какъ александрійскихъ мистиковъ, такъ и послѣдователей всевозможныхъ сектъ, образовавшихся въ эпоху теологическаго броженія, начиная

[1]) *X. Rousselot.* Hist. de l'évangil éternel. p. 123—153.

отъ перваго проявленія религіознаго синкретизма въ грекоримскомъ мірѣ и кончая утвержденіемъ окончательно выработавшихся системъ,—католической, а потомъ и мусульманской. Католичество и мусульманство рано схватились за аллегорію и разработали ее въ смыслѣ, согласующемся съ ихъ основными идеями. Католичество устами древнѣйшихъ своихъ представителей дало аллегоріи направленіе, соотвѣтствующее господствовавшему въ немъ дуализму, и прежде всего приложило его къ теологической эксегезѣ. Здѣсь, по словамъ Августина, предстояло открыть въ каждомъ выраженіи смыслъ, скрытый буквальнымъ его значеніемъ, подобно тому, какъ невидимая душа скрыта видимымъ тѣломъ. Такъ аллегорическій эксегезъ произвелъ цѣлый рядъ разъ навсегда установленныхъ аллегорій или символовъ и преемственно переходилъ отъ первыхъ представителей католичества, установившись въ систему, до Ѳомы Аквинскаго и далѣе, процвѣтая преимущественно у мистиковъ и особенно у Викториновъ. У Рихарда, напримѣръ, въ его сочиненіи: *De praeparatione ad contemplationem*, мы встрѣчаемъ чрезвычайно сложныя и обширныя аллегоріи, выдержанныя какъ въ общемъ, такъ и въ подробностяхъ съ большимъ искусствомъ.

Различеніемъ аллегоріи въ обширномъ смыслѣ отъ символа, т.-е.отъ аллегоріи, условной, частной, не ограничилось развитіе иносказанія. Духовный смыслъ аллегоріи, имѣвшей всегда существенное значеніе, сталъ съ первыхъ вѣковъ католичества развѣтвляться; сперва возникли смыслы: моральный или тропологическій и мистическій или анагогическій, и къ нимъ вскорѣ присоединился еще типическій или аллегорическій въ полномъ смыслѣ. Моральный смыслъ имѣлъ въ виду иносказаніе по отношенію къ нравамъ, анагогическій—по отношенію къ явленію невидимаго міра, собственно-аллегорическій—по отношенію къ вещи подразумѣваемой, но не называемой и не указываемой въ смыслѣ буквальномъ. Такъ слово Іерусалимъ, буквально означая названіе извѣстнаго города, морально означало человѣческую душу, анагогически—царствіе небесное, собственно-аллегорически—церковь. Въ школѣ, для удержанія въ памяти всѣхъ этихъ различеній, затверживалось:

Littera gesta docet: quam credas allegoria;
Moralis quid agas: quid speras anagogia.

Аллегорія, какъ я сказалъ уже, имѣла въ средніе вѣка чрезвычайно обширное примѣненіе. Отъ философіи—утѣшительницы Боэція, и филологіи, сочетающейся бракомъ съ Меркуріемъ, до «владычицы мысли» Данте идетъ рядъ безчисленныхъ аллегорій по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Небольшое число примѣровъ, которые я могу привести здѣсь, даетъ о нѣкоторыхъ родахъ этихъ аллегорій общее понятіе.

Прежде всего обратимся къ схоластической метафизикѣ; здѣсь, какъ я сказалъ уже, существовала для аллегоріи богатая почва: объективированныя общія понятія давали готовый матеріалъ для аллегорическихъ олицетвореній, мистическое же умонастроеніе всегда было готово украсить и обставить эти олицетворенія пестрыми цвѣтами своего творчества. Прежде всего сама философія могла являться не иначе, какъ въ видѣ женщины; для союза ея съ человѣкомъ имѣлась масса готовыхъ аллегорій, одною изъ наиболѣе удачныхъ былъ бракъ Авраама съ Агарью, причемъ госпожа Агари, Сара, символизировала теологію. Далѣе, человѣческія способности явились также въ видѣ олицетвореній, и Рихардъ изъ С. Виктора роздалъ ихъ роли всему семейству Іакова. Здѣсь Лія—воля—рождаетъ Іуду—любовь къ предметамъ невидимымъ, и возбуждаетъ у Рахили (мысли) желаніе также имѣть дѣтей, ибо «кто любитъ,—говоритъ Рихардъ,—тотъ желаетъ познать. Но, продолжаетъ онъ,—мысль еще грубая не въ состояніи подняться до созерцанія небесныхъ предметовъ, такъ какъ ей представляются только формы предметовъ чувственныхъ: она жаждетъ узрѣть невидимое и не можетъ. Что же дѣлать? То, что возможно сдѣлать лучшаго. Такъ какъ она не можетъ созерцать чистымъ разумомъ, то она приспособляется къ созерцанію однимъ воображеніемъ. Рахиль соединяетъ рабыню свою съ Іаковомъ и такимъ образомъ родятся первые ея (?) сыновья. Наконецъ, душѣ даруется благодать созерцанія—Веніаминъ. Но лишь только рождается онъ, умираетъ Рахиль....» и т. д. Подобныя же олицетворенія встрѣчаемъ мы и у арабовъ: «Вчера, пишетъ одинъ изъ еврейскихъ послѣдователей Аверроэса своему учителю,—дочь твоя Плеяда, прекрасная, милая, снискала у меня милость. Молодая дѣвица мнѣ понравилась и я искренно обручился съ нею согласно закону, данному на Синаѣ. Я вступилъ съ нею въ бракъ трояко: давъ ей въ приданое серебро моей дружбы; подписавъ условіе любви, ибо я любилъ ее, и принявъ ее въ мои объятія, какъ прини-

маетъ въ свои объятія юноша дѣву. И, овладѣвъ ею этими способами, я пригласилъ ее на брачное ложе любви; я не употреблялъ ни убѣжденія, ни насилія; она отдала мнѣ свою любовь, потому что я ей отдалъ мою и потому что я связалъ мою душу съ ея душею. Все это происходило при свидѣтеляхъ... Но она была еще на брачномъ ложѣ, подъ моею властью, какъ стала уже мнѣ невѣрною и обратилась къ другимъ возлюбленнымъ» и т. д.

Обратимся теперь къ примѣрамъ, взятымъ изъ другихъ областей мысли и знанія.

Въ грамматикѣ мы встрѣчаемъ символическое значеніе нѣкоторыхъ буквъ: У—означаетъ жизнь человѣческую, Θ—смерть, Т—крестъ, Альфа и Омега—безконечность. Въ естественныхъ наукахъ нѣкоторыя описанія часто разрѣшаются въ аллегорію: такъ, напримѣръ, въ X вѣкѣ, существовалъ разсказъ о бобрѣ, бросающемъ охотнику въ лицо ту часть тѣла, ради которой охотникъ его преслѣдовалъ. Бобръ здѣсь означаетъ человѣка, долженствующаго отрѣшиться отъ грѣховъ и бросить ихъ въ лицо діаволу, т.-е. охотнику аллегоріи, который преслѣдуетъ его до тѣхъ поръ, пока не убѣдится въ его нравственной чистотѣ. Подобный же разсказъ о плодахъ, превращавшихся въ птицъ, которыя становились живыми, если плоды падали въ воду, и оставались мертвыми, если плоды попадали на землю. Здѣсь символизировалось спасительное дѣйствіе таинства крещенія и т. п. Описанія общеизвѣстныхъ даже животныхъ иногда аллегоричны; такъ у одного писателя XIII вѣка (Guillaume, clerc de Normandie) встрѣчаются слѣдующія описанія: «*Обезьяна*. Это животное безобразно и дурно сложено. Каково ни есть оно спереди, оно еще ужаснѣе сзади. У него есть голова, но нѣтъ хвоста...» Таковъ символъ діавола. «*Левъ*. Животное обитаетъ на высокихъ горахъ, когда оно знаетъ, что его преслѣдуетъ охотникъ, оно заметаетъ слѣдъ свой хвостомъ. Спитъ левъ съ открытыми глазами. Львица рожаетъ дѣтенышей мертвыми и они лежатъ такъ на землѣ три дня, оставленные матерью; но является левъ, дышетъ на нихъ и дыханіемъ возвращаетъ имъ жизнь». Это также символъ одного изъ событій I вѣка и т. д. [1]). Въ исторіи и политикѣ существовала также масса аллегорій: общеизвѣстна аллегорія солнца и луны, означавшихъ власть пап-

[1]) *F. Hoefer*. Hist. de la Zoologie. p. 163. Символическія эти описанія, по замѣчанію Гефера, приносятъ ту пользу теперь, что даютъ возможность объяснять изображенія средневѣковой живописи и скульптуры.

скую и императорскую; папа Иннокентій III пользовался этой аллегоріей какъ аргументомъ; не менѣе извѣстна также аллегорія пастыря и стада, во имя которой требовалось отъ стада безусловное повиновеніе, а пастырю предоставлялось полное своеволіе, которое подчасъ такъ надоѣдало стаду, что оно выставляло новыя аллегоріи: говорило о жадности волковъ, о развращенности новаго Вавилона, о вертепѣ разбойниковъ, и себя самого символизировало въ видѣ Лазаря, возстающаго изъ гроба, народа еврейскаго, исходящаго изъ Египта и т. д.

Область искусства была особенно обильна аллегоріями. Съ первыхъ вѣковъ христіанства для живописи, скульптуры и архитектуры аллегорія была высшимъ эстетическимъ принципомъ: въ готическомъ стилѣ особенно былъ послѣдовательно проведенъ этотъ взглядъ; здѣсь и цѣлое и часть имѣли свое аллегорическое значеніе. Что же касается скульптуры и живописи, то, пока они были исключительно церковными, символизмъ оставался господствующимъ въ нихъ элементомъ; даже самая одежда поповъ и монаховъ получила аллегорическое значеніе, изображая духовное оружіе аскетическаго воинства. Церковное вліяніе, наконецъ, распространило аллегоріи даже и на вещи домашняго обихода; такъ въ одномъ изъ посланій папы Инокентія III говорится, что кольца обозначаютъ вѣчность, золото, изъ котораго они сдѣланы,—мудрость, изумруды, въ нихъ вставленные—вѣру, сапфиры—надежду, гранаты—добрыя дѣла и т. д.

Чтобы закончить эти указанія на повсемѣстность аллегоріи, надо упомянуть еще и о примѣненіи ея къ толкованію древнихъ писателей. Какъ теологическій взглядъ на нихъ имѣлъ главною задачею подчиненіе ихъ идей традиціонному міросозерцанію по отношенію къ содержанію, также точно и по отношенію къ формѣ вопросъ этотъ не только рѣшали въ томъ же смыслѣ, но нерѣдко даже устранялся вовсе, такъ сказать, эскамотировался посредствомъ аллегоріи. Аллегорическій эксегезъ, вездѣ открывая скрытый смыслъ, легко приходилъ къ заключенію, что всѣ древнія религіи и вся древняя литература были скрытымъ подъ условными формами монотеистическимъ ученіемъ. Такое толкованіе было смертельнымъ ударомъ для пониманій и оцѣнки древнихъ писателей, вся ихъ естественность, правдивость и высокая красота погибли для длиннаго ряда поколѣній, но зато непомѣрно расширилась область аллегоріи: Виргилій сдѣ-

лался провозвѣстникомъ католичества; Овидій былъ сближенъ съ теологами; Горацій, Луканъ, Ювеналъ и др. были окончательно извращены. Странно представить себѣ въ настоящее время, что Троя стала обозначать Египетъ, Эней—Моисея. Эвридика—жену Лота, Кекропсъ—Авеля и т. д. [1]).

Указаніемъ на аллегорію, какъ на свойственную всей средневѣковой умственной дѣятельности черту, я заключаю общую часть моего очерка. Принимая во вниманіе факты, которые были въ немъ разсмотрѣны, нельзя не придти къ заключенію, что средніе вѣка представляютъ время энергической умственной работы. Работа эта, начинаясь съ усвоенія элементарныхъ знаній, дѣйствительно подобна работѣ ученика, повышающагося изъ класса въ классъ: она въ теченіе всего періода не теряетъ характера элементарности, но зато она непрерывна и плодотворна; зато она вѣрными шагами ведетъ европейское общество къ умственной зрѣлости, къ возвращенію того, что было утеряно при саморазложеніи древней цивилизаціи, и къ возстановленію того, что было уничтожено нашествіемъ варваровъ. Но если умственный прогрессъ среднихъ вѣковъ достаточно опредѣленно обозначенъ фактами, о которыхъ было говорено, то онъ станетъ еще опредѣленнѣе, когда къ нимъ прибавятся самыя крупныя явленія мысли этой эпохи, первые провозвѣстники новаго времени—Рожеръ Бэконъ и Леонардъ Фибоначчи.

II.

Рожеръ Бэконъ и Фибоначчи рѣзко выдѣляются изъ среды схоластиковъ XIII вѣка; они стоятъ особнякомъ и отъ ученыхъ компиляторовъ, и отъ ортодоксальныхъ корифеевъ школы, и отъ свободно-мыслящихъ аверроистовъ, представляя для XIII вѣка явленіе совершенно исключительное, предвозвѣщающее возрожденіе. По этой причинѣ я обратилъ на нихъ особенное вниманіе и намѣренъ разсмотрѣть ихъ дѣятельность съ большею, сравнительно съ прежнимъ изложеніемъ, подробностью.

О жизни Рожера Бэкона извѣстно очень немногое, и это

---

[1]) Объ аллегоріи см. *Fr. Perez.* La Beatrica svelata. Palermo. 1866. *A. F. Ozanam.* Oeuvres complétes, tome VI. Paris. 1859. *Renan.* Averroés. *Pouchet.* Histoire des sciences naturelles.

немногое не вполнѣ достовѣрно [1]). Полагаютъ, что онъ родился близъ Ильчестера, въ графствѣ Соммерсетъ, въ 1214 году. Школьное ученіе онъ началъ въ Оксфордѣ, гдѣ въ числѣ учителей его были: Робертъ Капито (Гростетъ) и Адамъ изъ Мариско, къ которымъ онъ сохранилъ въ теченіе всей жизни глубокое уваженіе. Начало ученія было счастливо для способнаго юноши: оксфордская школа славилась свободой своихъ мнѣній, новизною ученія и тщательностью изученія математики, презираемой въ другихъ школахъ. Здѣсь почерпнулъ молодой Бэконъ свою привычку свободно мыслить и ту твердость разума, которыя были причиною его послѣдующихъ страданій, но также и его славы.

Оксфордъ не могъ, однако же, удовлетворить того, кто желалъ получить высшее образованіе. Столицею схоластической дѣятельности былъ Парижъ; сюда стекались со всѣхъ странъ и здѣсь пріобрѣтали званіе доктора. Бэконъ, слѣдуя этому обычаю, также прибылъ въ Парижъ, какъ полагаютъ, около 1234 года. Онъ былъ уже въ это время постриженъ въ духовное званіе; во французскій же орденъ онъ вступилъ или во время пребыванія въ Парижѣ, или по возвращеніи въ Оксфордъ.

Парижъ, въ эпоху прибытія Бэкона, представлялъ въ высшей степени оживленный центръ обще-европейской умственной

[1]) О жизни и сочиненіяхъ Бэкона см. *H. Siebert.* Roger Bacon, sein Leben und seine Philosophie. Marburg. 1861 (60 стр.) и *Em. Charles.* Roger Bacon, sa vie, ses ouvrages, ses doctrines, d'après des textes inédits. Paris, 1861 (400 стр.). Изъ этихъ двухъ авторовъ, первый пользовался сочиненіями Бэкона, изданными *Jebb'*омъ, въ Лондонѣ, въ 1733 году (Opus majus) и *Brewer'*омъ, въ Лондонѣ же, въ 1859 (Opus minus, opus tertium, Compendium studiae theologiae); второй только изданіемъ *Jebb'*а, но зато имѣлъ въ своемъ распоряженіи богатый рукописный матеріалъ. Кромѣ этихъ монографій, особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что говорятъ о Бэконѣ Прантль (Geschichte der Logik. III Band.) и *Emile Saisset.* (R. Bacon d'après de nouveau documents, помѣщ. въ собраніи статей, озаглавл. Descartes, ses précurseurs et ses disciples. P. 1862). Затѣмъ все, что было говорено о Р. Бэконѣ ранѣе 1859 года (и особенно восхваленія: *P. Leroux*—Encycl. nouv. *Begin*,—Moyen-âge et renaissance (Lacroix et Serret) и др.) устарѣло. Къ числу устарѣвшихъ принадлежитъ впрочемъ и трудъ Штекля, хотя онъ и появился въ 65 году. Штекль, кромѣ изданія *Jebb'a*, не имѣлъ о Бэконѣ никакихъ матеріаловъ. Для настоящаго очерка я пользовался преимущественно монографіей Шарля и книгой Прантля и отчасти Зибертомъ и Сессэ. Новой монографіей Шнейдера (*Leonhard Schneider.* Roger Bacon. Augsb. 1873) воспользоваться я не успѣлъ.

дѣятельности. Парижскій университетъ, какъ было уже говорено, стоялъ на высотѣ своей славы; въ стѣнахъ его, при всемъ внѣшнемъ однообразіи, кипѣла самая пестрая и разнообразная умственная жизнь; здѣсь, при общемъ для всѣхъ эклектическомъ методѣ и латинскомъ языкѣ, были и ортодоксальные схоластики, и смѣлые мистики, и послѣдователи разныхъ еретическихъ положеній и, наконецъ, молчаливые сторонники опаснаго ученія Аверроэса... Подъ какое же знамя станетъ молодой Бэконъ? Какого учителя изберетъ онъ въ толпѣ знаменитыхъ докторовъ? Теперь онъ имѣетъ возможность наблюдать непосредственно, въ самой столицѣ просвѣщеннаго міра, науку, которой такъ гордились его современники. И что же? Въ немъ возбуждаетъ она не восторгъ, а презрѣніе. Онъ слушаетъ краснорѣчивѣйшихъ профессоровъ и, однако же, избираетъ себѣ учителемъ не великаго теолога Александра изъ Галеса, не «аристотелеву обезьяну»—Альберта Великаго, но темную, потерянную для исторіи личность, какого-то Петра изъ Пикардіи. Этотъ Петръ, по очерку сдѣланному самимъ Бэкономъ, представляется удивительною и поразительною личностью для своего времени. Презирая ученость своихъ современниковъ, находя ее лживою, Петръ, въ уединеніи, дающемъ ему безопасность и покой, занимается математикой, естественными науками, медициной и—что всего замѣчательнѣе—пренебрегая спорами о словахъ, превозноситъ опытъ, значеніе котораго онъ, по мнѣнію Бэкона, одинъ только и понимаетъ въ ту эпоху [1]). Опытъ, говоритъ Бэконъ, открылъ ему тайны природы, искусство врачеванія, небесныя явленія и связь ихъ съ явленіями земными. Онъ ничѣмъ не пренебрегаетъ, онъ не боится низводить науку до повседневной дѣйствительности: онъ умѣетъ лить металлы и обрабатывать ихъ, онъ изобрѣлъ смертоносныя орудія для войны; онъ ввелъ науку въ земледѣліе и сельское хозяйство, онъ занимался землеизмѣреніемъ и строительнымъ искусствомъ, онъ изучалъ, наконецъ, даже тѣ истины, на которыхъ основаны обманы фокусниковъ и чары колдуновъ. Всему этому онъ посвятилъ свою жизнь, все это онъ изучилъ, во всемъ отдѣлилъ истину отъ лжи и, вмѣсто науки безплодной и пустой, онъ создалъ практическое знаніе. «При его помощи только, по словамъ

[1]) Вѣрная оцѣнка такой характеристики возможна только тогда, когда извѣстно, что понимаетъ подъ опытомъ самъ Бэконъ. Объ этомъ см. далѣе.

Бэкона, возможно движеніе науки впередъ». Отъ этого-то необыкновеннаго человѣка научился Бэконъ всему, что онъ зналъ: языкознанію, математикѣ, астрономіи и—что всего важнѣе—опытной наукѣ; въ сравненіи съ нимъ, всѣ остальные учителя для Бэкона не болѣе какъ «ослы и идіоты».

Подъ такимъ-то вліяніемъ сложились основныя убѣжденія Бэкона: опытъ значитъ болѣе, чѣмъ весь Аристотель, и кое-что изъ грамматики и математики болѣе полезно, чѣмъ вся школьная метафизика. Руководствуясь этимъ положеніемъ, Бэконъ передѣлываетъ свое образованіе, изучаетъ математику, естествознаніе, языки арабскій, греческій и еврейскій, обогащаетъ себя знаніями самыми разнородными какъ теоретическими, такъ и практическими.

Когда ему нечего было болѣе изучать въ Парижѣ, онъ возвратился въ Оксфордъ, гдѣ продолжалъ усердно заниматься въ уединенной башнѣ, съ которою, вслѣдствіе этихъ занятій, связались разныя легенды и которая существовала еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Здѣсь онъ пробылъ около семи лѣтъ, и затѣмъ, въ 1257, году былъ отосланъ властями ордена въ Парижъ, гдѣ и содержался въ домѣ, принадлежавшемъ ордену, какъ узникъ, подъ строгимъ надзоромъ. Сперва ему не позволяли даже ничего писать или, по крайней мѣрѣ, ничего не издавать въ свѣтъ. Пока папами были Александръ IV (1254—1261) и Урбанъ IV (1261—1265), занятые интересами, не имѣвшими ничего общаго съ интересами заключеннаго ученаго монаха и притомъ же преданные—особенно Урбанъ—Ѳомѣ Аквинату и его партіи, до тѣхъ поръ Бэкону нечего было ожидать отъ владыкъ католическаго міра. Но когда на римскій престолъ вступилъ бывшій папскій легатъ въ Англіи Гвидо Фулькоди, уже прежде интересовавшійся работами Бэкона, тогда для несчастнаго узника являлась надежда на лучшее будущее: онъ сталъ мечтать о томъ, что знанія и труды его не погибнутъ для науки и что самъ онъ, быть можетъ, будетъ извлеченъ изъ заточенія, въ которомъ, по его выраженію, «былъ, такъ сказать, похороненъ и забытъ». Несмотря на присмотръ, которымъ онъ былъ окруженъ, ему удалось передать письма новому папѣ, Клименту IV, при посредствѣ одного рыцаря (Бонкора), которому онъ поручилъ передать папѣ и нѣкоторыя словесныя объясненія. Въ 1266 году былъ имъ полученъ отъ папы отвѣтъ; въ отвѣтѣ этомъ папа обнаружилъ столько же добродушія и мягко-

сердія, сколько и безхарактерности. Поручая ему прислать его сочиненія, которыя папа считалъ уже написанными, онъ, не дерзая итти противъ генерала ордена, не требовалъ освобожденія Бэкона и самому Бэкону предписывалъ о всемъ хранить молчаніе. Такой образъ дѣйствій папы приготовилъ несчастному ученому тысячи новыхъ затрудненій: сочиненія, которыя требовалъ папа, не были еще написаны; для этого прежде всего необходимы были деньги, которыхъ у Бэкона не было. Никто не хотѣлъ ему дать ихъ ни на какихъ условіяхъ; одни только друзья, столь же бѣдные, какъ и онъ самъ, продавая и закладывая вещи, съ трудомъ добыли ему незначительную сумму. Только благодаря этимъ усиліямъ, получилъ онъ возможность писать. Результатомъ его трудовъ явилось первое его сочиненіе «Opus majus», въ которомъ онъ смѣлою рукою изображаетъ картину невѣжества своего вѣка и говоритъ о средствахъ, при помощи которыхъ возможно выйти изъ такого плачевнаго умственнаго состоянія. Полагая, однако же, что обширныя занятія папы не дозволятъ ему прочесть столь объемистое сочиненіе, какъ «*Opus majus*», Бэконъ присоединилъ къ нему сокращенное изложеніе его содержанія, назвавъ его «*Opus minus*». По окончаніи его онъ нашелъ необходимымъ написать еще одно сочиненіе: «*Opus tertium*», долженствовавшее служить дополненіемъ первому. Всѣ эти три сочиненія были переданы въ 1267 году папѣ при посредствѣ ученика Бэкона—Іоанна, который, по словамъ Бэкона, былъ знакомъ съ науками гораздо болѣе, чѣмъ всѣ достославные доктора его времени, но о которомъ не существуетъ никакихъ другихъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, которыя можно найти у Бэкона.

Только послѣ полученія сочиненій Бэкона рѣшается Климентъ сдѣлать для него нѣчто выходящее за предѣлы изъявленій сочувствія и выраженій любознательности. Въ 1267 году несчастный узникъ былъ освобожденъ и возвращается въ Оксфордъ полный самыхъ свѣтлыхъ надеждъ. Папа благосклонно принялъ его сочиненія! Покровительство, столь ему необходимое, наконецъ найдено!.. И Бэкону грезится, что заря обновленія міра близка! Надежды эти пришлось, однако же, ему лелѣять недолго: въ 1268 году Климентъ IV скончался и послѣ трехлѣтняго междуцарствія на папскій престолъ избранъ былъ Григорій X. Немногаго могъ ожидать Бэконъ отъ этого папы, обязаннаго мистику Бонавентурѣ своимъ возвышеніемъ. Но Бэ-

конъ не приходитъ, однако же, въ отчаяніе; онъ пишетъ новое сочиненіе «*Compendium Philosophiae*», въ немъ къ критикѣ чисто теоретической присоединяются у него неустрашимыя нападки на нищенствующіе ордена, на прелатовъ, на распущенные нравы и невѣжество духовенства, на законниковъ, на государей, и даже на испорченность римскаго двора. «Обличенія эти такъ смѣлы, замѣчаетъ Эм. Шарль, что читая ихъ, забываешь о времени ихъ возникновенія». Неудивительно поэтому, что мщеніе за нихъ не заставляло ожидать себя долго. Въ 1278 году Бэконъ былъ осужденъ въ одно время съ іоахимитомъ Петромъ Оливой и снова подвергнутъ заключенію. На этотъ разъ заключеніе длилось для него 14 лѣтъ и только въ 1292 году онъ былъ освобожденъ великодушнымъ Раймундомъ Гофреди, генераломъ францисканскаго ордена. Испытанный несчастіями, 78-лѣтній старецъ ничего не утратилъ, однако же, изъ своей энергіи и нравственной силы. Послѣднее его сочиненіе «*Compendium Theologiae*», написанное послѣ выхода изъ тюрьмы, служитъ тому краснорѣчивѣйшимъ свидѣтельствомъ. Годъ его смерти неизвѣстенъ (1294?). Говорятъ, что онъ умеръ въ Оксфордѣ и былъ похороненъ тамъ въ церкви францисканцевъ.

Изъ этого очерка главныхъ чертъ жизни Бэкона видно, что въ его лицѣ передъ нами является человѣкъ, стоявшій въ противорѣчіи съ умственнымъ складомъ и нравственнымъ порядкомъ вещей своего времени, человѣкъ, поплатившійся мученичествомъ за это противорѣчіе, но не сломившійся подъ гнетомъ этого мученичества. Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть ближе тѣ идеи и воззрѣнія, изъ которыхъ истекало противорѣчіе между этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ и установленнымъ строемъ жизни, и рѣшить, какъ далеко заходило это противорѣчіе.

Корнемъ золъ, противъ которыхъ всю жизнь вооружался Бэконъ, было, по его мнѣнію, непомѣрное довѣріе къ извѣстнымъ ученіямъ и даже извѣстнымъ личностямъ и недостатокъ свободы въ такихъ вопросахъ, гдѣ верховное рѣшеніе должно принадлежать одному только разуму, словомъ, причиной безсилія, науки и безплодности усилій, дѣлаемыхъ для ея оживотворенія, было преклоненіе предъ авторитетами. Рядомъ съ этою основною причиною, онъ ставитъ еще господство рутины, невѣжество черни и надменность ученыхъ, заставляющую ихъ скрывать невѣжество подъ выставляемой наружу мнимой наукой. Эти четыре причины

Бэконъ считаетъ тѣми *pestiferae causae*, которыя держатъ міръ во мракѣ. Искорененію ихъ Бэконъ посвящаетъ всю свою жизнь ихъ клеймитъ онъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, противъ нихъ истощаетъ онъ всѣ аргументы своего ума, всѣ чувства своего сердца. Эта точка исхода его отрицательнаго отношенія къ современности.

«Конечно,—говоритъ онъ,—слѣдуетъ почитать древнихъ и питать къ нимъ чувство признательности: они проложили намъ дорогу; но не слѣдуетъ забывать, что они были, также какъ и мы, люди, и нерѣдко ошибались, они даже тѣмъ чаще впадали въ ошибки, чѣмъ они древнѣе, такъ какъ младшія поколѣнія на самомъ дѣлѣ старѣе древнихъ и должны превосходить ихъ по отношенію къ просвѣщенію, потому что наслѣдуютъ всѣ предшествующія имъ работы [1]). Самъ Аристотель, чтобъ онъ тамъ ни говорилъ, не зналъ всего; онъ сдѣлалъ все, что было возможно для его времени, но онъ не достигъ предѣловъ мудрости. Авиценна сдѣлалъ важныя ошибки, а Аверроэсъ не выдерживаетъ критики по многимъ вопросамъ. Авторитеты церкви не непогрѣшимы; они часто ошибались, ошибались Августинъ, Іеронимъ, Оригенъ. Они оставили намъ много работы и сами заявляютъ, что нѣкоторыя ихъ положенія не безспорны. Станемъ относиться къ нимъ съ уваженіемъ, не позабудемъ о благодарности, которою мы обязаны этимъ древнимъ мудрецамъ,— безъ нихъ мы ничего бы не знали; станемъ испрашивать у нихъ прощеніе, когда намъ придется уклоняться отъ ихъ идей, но не будемъ колебаться, когда потребность укажетъ намъ стоять въ противорѣчіи съ ними: они не выше человѣчества и, обманутые слабостью человѣческаго разума, они не въ состояніи были достичь до полнаго различенія истины отъ лжи во всѣхъ вещахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что исканіе опоры въ обычаѣ и преданіи представляетъ жалкій аргументъ... Если что и возможно заключить по такимъ посылкамъ, это нѣчто совершенно противоположное, и потому тѣмъ болѣе подвергать сомнѣнію положеніе, чѣмъ оно древнѣе и общепринятѣе. Вездѣ, гдѣ господствуютъ такіе предразсудки, разумъ путается, сужденіе извращается, законы нарушаются, благо исчезаетъ, природа теряетъ свой авторитетъ и, вслѣдствіе этого, порядокъ вещей смѣшивается,

[1]) Мысль эту первый высказалъ Сенека. Послѣ Рожеръ Б. ее повторяли: Джіордано Бруно, Френсисъ Бэконъ (Antiquitas seculi juventus mundi), Паскаль и др.

порокъ торжествуетъ, добродѣтель угасаетъ и истина теряется». И какъ бы испугавшись смѣлости своего отрицанія, онъ ограничиваетъ его тотчасъ же, заявляя, что онъ не говоритъ о томъ прочномъ и истинномъ авторитетѣ, который божіимъ избраніемъ врученъ церкви и который пріобрѣли мудрецы и пророки превосходствомъ своихъ заслугъ, но о томъ, который множество людей употребляли во зло, безъ соизволенія Божія, не въ силу своей мудрости, но только по надменности и изъ жажды почестей. Такая непослѣдовательность нисколько не ослабляетъ впрочемъ силы высказанныхъ выше положеній, что исканіе опоры въ преданіи представляетъ жалкій авторитетъ, что чѣмъ древнѣе положеніе, тѣмъ болѣе слѣдуетъ его подвергать сомнѣнію, что господство авторитетовъ ведетъ къ общему упадку... Заключеніе слѣдовало само собою и Бэконъ какъ бы открывалъ ему входъ, указавъ на способъ его приложенія: не колеблясь становиться въ противорѣчіе со всякимъ авторитетомъ, мысленно испрашивая у него за то прощенія и не отказывая ему въ уваженіи и благодарности.

Рядомъ съ преклоненіемъ передъ авторитетомъ, упорству въ рутинѣ и лживости ученыхъ, Бэконъ, какъ я замѣтилъ выше, ставитъ еще и четвертую причину застоя: невѣжество черни. Какъ одинъ изъ видовъ застоя, невѣжество это есть не причина, а слѣдствіе не только выставленныхъ Бэкономъ трехъ причинъ, но еще и другихъ, болѣе важныхъ; но Бэконъ не видитъ этого и относится къ невѣжеству ни въ чемъ неповинной черни, глупой черни (*stultum vulgus*), какъ онъ говоритъ, столь же страстно, какъ и къ истиннымъ причинамъ зла. «Толпа,— говоритъ онъ,—была всегда презираема великими людьми, которыхъ она не знала... Передъ нею не слѣдуетъ разсыпать жемчуга мудрости». Особенно гнѣвно относится онъ къ тѣмъ, которые когда либо стояли во главѣ толпы—*capita vulgi*. Онъ ихъ обличаетъ къ невѣжествѣ, надменности, упрекаетъ въ сопротивленіи успѣхамъ науки и преслѣдованіи философовъ... Очевидно, что Бэконъ находился подъ вліяніемъ недоразумѣнія, выяснить которое было выше его силъ, или, вѣрнѣе, выше силъ его времени.

Принципъ отрицанія авторитетовъ, высказанный теоретически весьма непослѣдовательно и неполно, Бэконъ примѣнялъ съ достодолжной добросовѣстностью, дѣйствительно отвергая то, что слѣдовало отвергать по его принципу, и принимая то, что

не противорѣчило этому принципу. Къ величайшему авторитету схоластиковъ—Аристотелю, онъ относился поэтому весьма свободно. «Я не придерживаюсь метода Аристотеля, говоритъ онъ; мнѣ часто еще придется уклоняться отъ него; совершенствовать твореніе человѣческаго разума всегда возможно; Аристотель и другіе посадили дерево науки, но дерево это не произвело еще ни всѣхъ своихъ вѣтвей, ни всѣхъ плодовъ. Притомъ же, какой Аристотель извѣстенъ въ настоящее время, продолжаетъ онъ. Ужели воображаютъ, что всѣ сочиненія его извѣстны, или что отрывки, которыми теперь владѣютъ, поняты?» Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, Бэконъ совершенно расходится съ своими современниками, и такимъ образомъ, искренно или лицемѣрно, открываетъ себѣ путь къ свободному отношенію къ существовавшему въ его время тексту аристотелевыхъ сочиненій. Заявляя постоянно объ уваженіи къ этому философу, онъ безпрестанно опровергаетъ его, ссылаясь на то, что мысли Аристотеля извращены переводчиками, и идетъ такъ далеко, что считаетъ даже полезнымъ сожженіе всѣхъ сочиненій Стагирскаго мудреца, потому что изученіе заставляетъ только терять время, порождаетъ заблужденія, распространяетъ невѣжество далѣе, чѣмъ возможно вообразить. Относясь такимъ образомъ къ верховному учителю схоластики, Бэконъ, какъ объ этомъ и было уже говорено, не щадитъ, само собою разумѣется, нисколько авторитетовъ современныхъ, обличаетъ ихъ невѣжество и пустоту, считаетъ ихъ даже идіотами и ослами. Александръ изъ Галеса, Альбертъ Больштадтскій, Ѳома Аквинскій, Герардъ Кремонскій, Михаилъ Скоттъ, Германъ Аллеманусъ,—всѣ они не избѣгли суровой критики и язвительныхъ упрековъ строгаго обличителя. Бэконъ не признавалъ авторитета никого изъ этихъ знаменитостей его времени; онъ выгородилъ себя отъ всякой связи съ ними; онъ хотѣлъ стоять внѣ всѣхъ школъ. И въ самомъ дѣлѣ, одна эта черта только придаетъ Бэкону, какъ мыслителю, характеръ независимости, для XIII столѣтія поразительный.

Разрушая значительную часть авторитетовъ, на которыхъ строилось схоластическое ученіе, Бэконъ очень хорошо понималъ, что новое ученіе станетъ возможнымъ только тогда, когда будутъ найдены для него новыя основанія. Это новое основаніе, по мнѣнію Бэкона, есть опытъ. «Есть три способа познавать истину,—говоритъ онъ,—авторитетъ, который можетъ произвести

только вѣру; умозрѣніе, достовѣрнѣйшія заключенія котораго неудовлетворительны, если они только не провѣрены, и, наконецъ, опытъ, *довлѣющій себѣ*». Мысль эта дополнена въ другомъ мѣстѣ слѣдующими поясненіями: «умозрѣніе,—говоритъ онъ,—не всегда исключаетъ сомнѣніе и вообще убѣждаетъ не вполнѣ и, хотя Аристотель говоритъ, что наука есть познающій силлогизмъ, но есть случаи, когда лучше всякаго силлогизма познанію служитъ опытъ; существуютъ тысячи предразсудковъ, тысячи закоренѣлыхъ заблужденій, которыя держатся на голомъ доказательствѣ (in nuda demonstratione). Если Аристотель во II-й книгѣ метафизики полагаетъ, что знаніе причинъ превосходитъ предѣлы опыта, то онъ говоритъ о низшемъ опытѣ; тотъ же опытъ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, достигаетъ причины и открываетъ ее посредствомъ наблюденія. По отношенію къ истинѣ фактовъ можно обойтись безъ доказательствъ тому, кто умѣетъ пользоваться опытомъ».

Пока Бэконъ противополагаетъ авторитету и умозрѣнію опытъ и говоритъ о высокомъ его значеніи, пока онъ не опредѣляетъ смысла слова «опытъ» и дозволяетъ намъ понимать это слово такъ, какъ мы понимаемъ его въ настоящее время, до тѣхъ поръ не можетъ быть мѣры удивленію нашему передъ Бэкономъ. Этимъ перенесеніемъ на слова ученаго XIII столѣтія смысла, который они получили гораздо позже, и объясняется то непомѣрное восхваленіе Бэкону, которое встрѣчается у нѣкоторыхъ писателей; такъ, напр., Пуше видитъ у Бэкона зародыши всѣхъ идей, прославившихъ потомъ его соименника [1]) и т. п. Ожидать, однако же, отъ мыслителя XIII вѣка вѣрнаго пониманія существеннѣйшей основы новѣйшаго міроразумѣнія, значитъ ожидать невозможнаго. Писатели, допускавшіе возможность такого пониманія, были жертвою наивнѣйшаго недоразумѣнія. Для того, чтобы идея опыта выяснилась и созрѣла, необходима была долгая подготовительная работа, долгій періодъ развитія наукъ и совершенствованія всѣхъ необходимыхъ имъ вспомогательныхъ средствъ. На что же могъ опереться Бэконъ для того, чтобы, миновавъ всю эту томительную работу вѣковъ, однимъ скачкомъ очутиться на той высотѣ, до которой вела эта томительная работа? Спросимъ у него самого, что̀ такое опытъ, столь высоко имъ возносимый, и посмотримъ, удер-

[1]) Pouchet. Hist. des sciences nat. p. 335.

житъ ли отвѣтъ его на той высотѣ, на которую готовы ставить и ставятъ его тѣ, которые изъ сочиненій его знали только отрывки и по нимъ рѣшались дѣлать общія заключенія, такъ далеко уносясь иногда въ порывѣ неумѣстнаго усердія, что, какъ говоритъ Прантль, имѣли даже смѣлость предлагать празднованіе Бэконова юбилея.

«Есть два рода опыта,—говоритъ Бэконъ,—одинъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, это опытъ *человѣческій* и *философскій;* но опытъ этотъ едва даетъ возможность познавать тѣла, о душѣ же онъ не позволяетъ знать рѣшительно ничего. Необходима слѣдовательно помощь другой способности, внутренняго просвѣтлѣнія, родъ божественнаго вдохновенія, дающаго непосредственное познаніе извѣстныхъ началъ, которыя не могутъ быть открыты чувствами. Внутреннее это просвѣтлѣніе нисходитъ постепенно и, по-Бэкону, имѣетъ семь степеней.

Такое опредѣленіе опыта, по мнѣнію Прантля, обличаетъ въ авторѣ его мистицизмъ, возобновленіе ученія о «*Jux interior*» Августина, словомъ, не прогрессъ, но регрессъ мысли. Все предшествовавшее ему отрицаніе, выходитъ изъ этого, было безплодно и излишне, да притомъ же, какъ доводящее до мистицизма, оно не было новостью не только для XIII вѣка, но даже и для XII; аббатъ Іоахимъ шелъ, вѣдь, очень далеко по пути отрицанія... Въ чемъ же заслуга Рожера Бэкона?

Шарль держится противоположнаго мнѣнія; онъ утверждаетъ, что ошибся бы тотъ, кто вздумалъ приписывать Бэкону склонность къ мистицизму; складъ ума этого мыслителя удаляетъ его, по мнѣнію Шарля, на сколько это возможно, отъ такого умонастроенія. Странность сочетанія просвѣтлѣнія и опыта объясняется ученіемъ его о дѣятельномъ разумѣ. Душа, согласно этому ученію, познаетъ абсолютную истину только при посредствѣ свѣта, исходящаго изъ божественнаго источника. Такимъ образомъ, сочетаніе опыта и такого рода просвѣтлѣнія равносильно утвержденію ограниченности познавательной способности чувствъ, утвержденію необходимости помощи «дѣятельнаго разума» или просто разума, говоря современнымъ языкомъ, разума, безъ котораго матеріальный міръ непонятенъ, а міръ духовный совершенно неизвѣстенъ.

Желаніемъ отождествить Бэконовское понятіе о внутреннемъ просвѣтлѣніи съ ученіемъ о дѣятельности отдѣльной способности души—разума Шарль обнаружилъ ту часто встрѣ-

чающуюся слабость историковъ, на которую уже обратилъ вниманіе Люисъ по поводу сочиненій Аристотеля [1]), а именно: онъ обнаружилъ желаніе приписывать Бэкону тѣ мысли, которыя возбуждаются у него, послѣдователя извѣстнаго психологическаго ученія XIII вѣка, при чтеніи авторовъ, жившихъ въ иной сферѣ и мыслившихъ совершенно иначе. На какомъ основаніи, въ самомъ дѣлѣ, станетъ современный историкъ навязывать свои мысли автору XIII вѣка и для объясненія встрѣчающихся у него словъ тянуть произвольно изъ запаса современныхъ теорій все, что только покажется идущимъ къ дѣлу по внѣшнему сходству? Притомъ же ссылки Шарля на психологическія теоріи Бэкона ничего еще не доказываютъ; въ томъ-то и дѣло, напротивъ, что теоріи эти даютъ поводъ тому своеобразному пониманію опыта, о которомъ теперь мы и слышать не хотимъ отъ человѣка, въ геніальности и величіи котораго предварительно себя убѣдили. Теорія «дѣятельнаго разума» сама по себѣ уже темна, истолкована у Бэкона такъ, что значеніе его «внутренняго просвѣтлѣнія», какъ я думаю, не остается сомнительнымъ.

Изъ этого не слѣдуетъ, однако же, чтобы намъ осталось только стать на сторону Прантля и низвести Бэкона на степень мистика, отвергающаго всѣ пути познанія кромѣ дорогого ему «просвѣтлѣнія». Не слѣдуетъ забывать, что это просвѣтлѣніе есть не болѣе, какъ одна степень опыта,—самая важная, правда,—но не исчерпывающая всего объема понятія объ опытѣ, какъ оно является у Бэкона; кромѣ этого высшаго опыта, остается еще опытъ низшій—человѣческій, философскій, который хотя и представляетъ слабое средство познаванія, но все же не исключается при сравненіи опыта вообще съ другими путями достиженія истины. Кромѣ опыта, всѣ пути, по мнѣнію Бэкона, ведутъ къ невѣжеству или къ недостовѣрному знанію; одинъ опытъ только «довлѣетъ себѣ». Отдѣлимъ же въ этомъ значеніи опыта вообще ту долю, которая, согласно ученію Бэкона, можетъ принадлежать въ немъ опыту низшей степени, и у насъ останется все-таки нѣчто. Это нѣчто, какъ бы мало и ничтожно оно ни было, какъ бы ни затемнялось неразрывно связаннымъ съ нимъ мистическимъ просвѣтлѣніемъ, все же даетъ блистательную для

G. H. Lewes. Aristoteles. Uebersetzt von J. V. Carus. Leipzig 1855, s. 158.

XIII вѣка санкцію тому отрицанію, которое разбило преграды и дало выходъ мысли изъ-подъ гнета авторитета, и дало этотъ выходъ не на путь отвлеченнаго умозрѣнія, не на путь безусловнаго мистицизма, но на путь научный, путь хотя и далеко не очищенный еще отъ нечистотъ традиціи, связанный съ мистическими стремленіями, но имѣющій и свою спасительную отличительную черту, черту, не дѣлающую его похожимъ ни на одинъ изъ тѣхъ путей, по которымъ шли другіе мыслители и ученые, современные Бэкону, не исключая и аверроистовъ, отрицаніе которыхъ не было такъ плодотворно, какъ отрицаніе Бэкона.

Шарль утверждаетъ, что складъ ума Бэкона удалялъ его, *сколько это было возможно*, отъ мистицизма; по-Прантлю же, Бэконъ производитъ впечатлѣніе шарлатана или сумасброда. Оба эти мнѣнія врядъ ли согласны съ истиной: Бэконъ обладалъ слишкомъ пылкимъ воображеніемъ, а потому, конечно, съ трудомъ могъ бороться противъ мистическаго ученія о просвѣтлѣніи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, у него всегда хватало силъ не доходить до конца въ своемъ увлеченіи, по этой причинѣ онъ былъ въ состояніи не отдаваться мистицизму вполнѣ, и такимъ образомъ, хотя онъ и былъ близокъ къ мистицизму, но сумасбродомъ его все-таки назвать нельзя. Увлеченія горячей фантазіи и сужденія трезваго практическаго ума смѣшаны у него самымъ причудливымъ образомъ. Въ этомъ смѣшеніи—характеръ его индивидуальности. Что же касается до подозрѣнія его въ шарлатанствѣ, то мысль о немъ не совмѣщается съ искреннимъ тономъ его рѣчи, да и какъ-то странно подозрѣвать въ шарлатанствѣ человѣка, который всю жизнь боролся противъ лжи и обмана и поплатился за то 24-лѣтнимъ заключеніемъ. Правда, онъ написалъ два свои первыя большія сочиненія въ $1^1/_2$ года, правда, онъ хвалился тѣмъ, что можетъ научить еврейскому языку въ три дня, греческому тоже въ три дня и всей геометріи въ шесть дней, но для всего этого не надо было быть ни сумасбродомъ, ни шарлатаномъ. Сочиненія писалъ онъ послѣ десяти лѣтъ заключенія, въ теченіе которыхъ онъ могъ всесторонне основательно обдумать свой предметъ, обѣщанія объ обученіи могъ давать вслѣдствіе излишней вѣры въ свои пріемы обученія, провѣрить которые на опытѣ онъ еще не имѣлъ случая. Да, наконецъ, относительно обученія слѣдуетъ замѣтить, что Бэконъ разумѣлъ только низшую его степень, и такимъ образомъ несообразность его обѣщанія нѣсколько смягчается.

Смѣшеніе противоположностей, сплетеніе здравыхъ идей и порожденій необузданной фантазіи составляютъ основную характеристическую черту всей умственной дѣятельности Бэкона, вполнѣ согласуясь съ двойственностью его исходной точки: опыта и мистическаго просвѣтлѣнія. Эта двойственность не дозволяетъ ему быть послѣдовательнымъ ни въ какомъ направленіи: онъ не идетъ до конца ни по пути опытнаго знанія, ни по пути мистицизма; онъ эклектикъ, какъ и всѣ главнѣйшіе мыслители его времени, съ тою только разницею отъ нихъ, что въ эклектизмъ его входитъ крупица научнаго міроразумѣнія, не встрѣчающаяся ни у кого, кромѣ его въ это время, и эта крупица и даетъ смыслъ и значеніе его широкому для схоластической эпохи отрицанію и его усиліямъ выйти на новый путь, въ существованіе котораго онъ вѣрилъ, но найти котораго не могъ.

Бэконъ, какъ я сказалъ уже, презиралъ авторитеты, особенно же авторитеты ему современные, и нещадно бичевалъ ихъ. Если бы онъ былъ въ состояніи провести свою мысль послѣдовательно въ этомъ направленіи, то онъ не только вышелъ бы за предѣлы схоластики, но и пошелъ бы еще далѣе аверроистовъ, поправъ авторитеты Аристотеля и Аверроэса. Этого не случилось, однако же, и здѣсь мы опять встрѣчаемся со свойственной Бэкону незаконченностью и неполнотой. Онъ отрицаетъ схоластику, но отрицаетъ ее въ ея второстепенныхъ элементахъ, отрицаетъ ее только постольку, поскольку она доводитъ преклоненіе предъ авторитетомъ до нелѣпости, поскольку она невѣжественна въ тѣхъ философскихъ теоріяхъ, которыя думаетъ продолжать, поскольку она злоупотребляетъ логикой, поскольку она погружается въ словесныя различенія и пустыя тонкости, поскольку пренебрегаетъ опытомъ и практическими истинами, поскольку отворачивается отъ многихъ полезныхъ знаній и т. д. Но касательно главной задачи схоластики—соглашенія философіи и теологіи, Бэконъ остается вполнѣ схоластикомъ. Основной схоластическій тезисъ его смягченъ, правда, тѣмъ, что онъ не говоритъ о *подчиненіи* философскихъ ученій теологіи, а только о союзѣ ихъ, считая философію и теологію двумя лучами, исходящими изъ одного общаго источника свѣта. И въ этомъ смягченномъ видѣ, однако же, тезисъ этотъ есть предѣлъ его отрицанія и рамка, въ которую онъ вставляетъ общіе всѣмъ схоластикамъ вопросы; о субстанціи, индивидуализаціи и т. д., разрѣшая ихъ, конечно, въ гармоніи съ основ-

нымъ тезисомъ. О философіи Бэкона поэтому говорить болѣе не стоитъ.

Предчувствіе новаго пути мысли у Бэкона остается искать слѣдовательно въ области науки. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе черта сходства его съ другими учеными его современниками—Альбертомъ, Ѳомой, Винцентомъ, именно въ томъ, что онъ, подобно имъ и столь же ненаучно, строитъ общую систему знаній своего времени. Первымъ звеномъ Бэконовой классификаціи наукъ служитъ грамматика, которая, по смыслу его опредѣленія, нѣсколько приближается къ современной «наукѣ о языкѣ». Достаточно обратить вниманіе на такую роль науки о языкѣ, чтобы судить до какой степени произвольна Бэконова классификація. Серьезныхъ требованій по отношенію къ классификаціи наукъ нельзя впрочемъ и предъявлять мыслителю XIII столѣтія, а потому я и не останавливаюсь далѣе надъ ошибками этой классификаціи и обращаюсь къ ея тенденціи, которая въ настоящемъ случаѣ интереснѣе самой классификаціи. У Бэкона тенденція эта вполнѣ просвѣтительная и этою тенденціей и объясняется первенство, отданное, названной грамматикою, наукѣ о языкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, грамматика, по-Бэкону, изучаетъ происхожденіе языка, занимается изысканіями о первобытномъ языкѣ, преслѣдуетъ вопросъ о томъ, самъ ли первый человѣкъ далъ названіе предметамъ, интересуется догадками насчетъ того, станутъ ли дѣти, оставленныя въ пустынѣ, изъясняться между собою и т. д., вообще вопросы, которые, по мнѣнію Бэкона, «могутъ разрѣшить большія затрудненія въ теологіи и логикѣ». Такая наука, по мысли Бэкона, должна положить конецъ утонченностямъ діалектики, приносящимъ философіи безчестіе, и—что всего важнѣе—способствовать изученію тѣхъ языковъ, на которыхъ написаны великія произведенія человѣческаго ума: греческаго, еврейскаго, арабскаго и этимъ путемъ привести европейцевъ къ знакомству съ этими произведеніями, извѣстными теперь только въ искаженныхъ невѣждами переводахъ. Такимъ образомъ, наука, какъ думаетъ Бэконъ, должна притти къ обновленію, и «безконечное безуміе», которымъ одержимы философы, должно исчезнуть. Грамматика, какъ видно изъ этого, является, по мнѣнію Бэкона, спасительнымъ средствомъ отъ золъ ему современныхъ, первымъ шагомъ къ обновленію и спасенію. Въ этомъ смыслѣ она и составляетъ краеугольный камень всей системы знанія.

Вслѣдъ за установленіемъ значенія грамматики, Бэконъ продолжая преслѣдованіе цѣлей просвѣтительныхъ, ратуетъ противъ опущенія въ общей системѣ знанія такихъ наукъ, безъ которыхъ невозможны дальнѣйшіе успѣхи умственнаго развитія. Кромѣ незнанія «философскихъ языковъ», незнанія, какъ думаетъ Бэконъ, наиболѣе вреднаго, онъ обращаетъ еще вниманіе на невѣжество въ нѣкоторыхъ другихъ наукахъ, которыя не были пренебрегаемы древними мыслителями и которыя потомъ, благодаря обычаю, стали предавать презрѣнію и подвергать изгнанію. Къ числу этихъ наукъ относится всего прежде математика, которую ненавидятъ теологи. А между тѣмъ, говоритъ Бэконъ, безъ математики ничего невозможно знать, такъ какъ всѣ науки находятся въ тѣсной связи съ нею. Поэтому математику ставитъ Бэконъ непосредственно вслѣдъ за грамматикой и изученіе ея дѣлаетъ необходимымъ для всякаго занимающагося науками. Математика не дѣлаетъ успѣха, по мнѣнію Бэкона, вслѣдствіе многихъ причинъ: во-первыхъ, она слыветъ крайне трудною; ее изучаютъ при помощи обыкновеннаго метода тридцать, сорокъ лѣтъ; во-вторыхъ, въ пользѣ этого изученія не отдаютъ себѣ обыкновенно яснаго отчета и потому скоро бросаютъ его, всего чаще уже послѣ 4-го предложенія Евклида, которое и прозвано по этой причинѣ *Eleofuga* или *Fuga miserorum*; наконецъ, о математикѣ идетъ дурная молва: ее не изучали отцы церкви и потому отвращеніе къ ней сдѣлалось наслѣдственнымъ у духовныхъ. Отвращеніе это поддерживается современными математиками, придерживающимися крайне неудовлетворительнаго метода и обучающими тысячѣ излишнихъ мелочей. «Діаволъ, говоритъ Бэконъ, похищаетъ такимъ образомъ у людей самые корни ученія, ибо математика есть азбука философіи». Математика, какъ ее понимаетъ Бэконъ, дѣлится на теоретическую и практическую: первая изучаетъ количества безотносительно, не входя въ разсмотрѣніе приложеній; вторая, напротивъ, изслѣдуетъ вещи, полезныя для жизни, и орудія, способствующія успѣхамъ наукъ. И такъ какъ обѣ части эти нераздѣлимы, такъ какъ теорія безъ практики безполезна, а практика безъ теоріи слѣпа, то и не слѣдуетъ никогда отдѣлять одну отъ другой. Практическая сторона, какъ ее понимаетъ Бэконъ, особенно замѣчательна въ этомъ планѣ: она, вопреки рутинѣ, вводитъ науку въ сельское хозяйство, домоводство, во всѣ частности обыденной жизни. Такая идея столь же нова для XIII вѣка,

сколько могла бы быть и плодотворна, если бы современники въ состояніи были понять ее, усвоить и приложить къ дѣлу.

Тотъ же просвѣтительный духъ, враждебный рутинѣ и жаждущій обновленія, обнаруживается у Бэкона и въ области астрономіи. Онъ не только, вслѣдъ за нѣкоторыми арабскими писателями, выражаетъ сомнѣніе въ правильности системы Птоломея, но еще первый высказываетъ мысль о необходимости реформы календаря. «Недостатки календаря, говоритъ онъ, не могутъ быть терпимы мыслящими людьми, астрономовъ же они приводятъ въ ужасъ». Онъ доказываетъ необходимость реформы календаря и предлагаетъ средство для ея осуществленія, упреждая такимъ образомъ на три вѣка дѣло Григорія XIII.

Бэконъ не оставилъ безъ вниманія и географіи, отъ изученія которой онъ ожидалъ много пользы. Географія, говоритъ онъ, подобно астрономіи, корни свои имѣетъ въ математикѣ: она необходимо должна основываться на измѣреніи обитаемой земли и на точномъ опредѣленіи широтъ и долготъ. Безпечность христіанъ, продолжаетъ онъ, оставляетъ, однако же, въ неизвѣстности даже и ту четверть земнаго шара, на которой они обитаютъ и о положеніи которой они ничего не знаютъ. Прежде всѣхъ другихъ работъ, по мнѣнію Бэкона, слѣдовало бы приняться современникамъ его за точное опредѣленіе положенія городовъ и странъ, и для этого войти между собою въ соглашеніе относительно общей исходной точки для долготъ. За такую точку на западѣ Бэконъ предлагаетъ принять западную оконечность Испаніи, а для востока—восточную оконечность Индіи. Эту обширную работу, говоритъ нашъ ученый, могъ бы предпринять папа, императоръ, или король, доставивъ философамъ необходимыя пособія. Кромѣ того, Бэконъ вводитъ въ объемъ своей географіи вопросъ о вліяніи климатовъ на произведенія земли и на человѣка и опровергаетъ по этому поводу нѣкоторыя мнѣнія Плинія и Марціана Капеллы, подтверждая свои замѣчанія математическими соображеніями. Въ четвертой части своего перваго сочиненія («*Opus majus*») онъ даетъ описаніе земли, причемъ критически относится ко многимъ изъ своихъ источниковъ. Эта работа, по словамъ Шарля, значительно превосходитъ то, что сдѣлалъ Альбертъ Больштадтскій по тому же предмету въ своемъ сочиненіи «*De natura locorum*».

Физика занимала видное мѣсто среди научныхъ трудовъ Бэкона; въ нее онъ внесъ многое, шедшее въ разрѣзъ съ обще-

принятыми схоластическими теоріями. Теоріи эти, основанныя главнымъ образомъ на «физикѣ» Аристотеля и арабскихъ ея толкованіяхъ, имѣли всѣ недостатки ихъ основъ: они чуждались наблюденія и опыта, слишкомъ увлекались отвлеченными умозрѣніями о естественныхъ свойствахъ тѣлъ и, приплетя къ этимъ умозрѣніямъ другія чисто метафизическаго характера, толковали о причинахъ, когда факты были еще не обслѣдованы. Бэконъ обратилъ вниманіе на многіе изъ этихъ недостатковъ и старался придать физикѣ болѣе прочныя основы. Онъ находилъ отвлеченный ея характеръ безплоднымъ, утверждалъ, что ей не слѣдуетъ заниматься изслѣдованіемъ причинъ,—*non oportet causas investigare*,—а болѣе обращать вниманія на опытъ и наблюденіе. Опытъ и наблюденіе должны привести къ открытію общихъ законовъ—*leges*, *canones*, которые должны замѣнить ложныя представленія о таинственныхъ причинахъ. Образецъ такого опытнаго ученія о физическихъ явленіяхъ Бэконъ даетъ въ изложеніи науки, имъ самимъ, какъ онъ говоритъ, открытой, которую онъ называетъ то «*de multiplicatione specierum*», то «*de influentia agentis*». Наука эта имѣетъ предметомъ всѣ чувственныя явленія, изучаетъ дѣятельность всѣхъ естественныхъ силъ какъ на землѣ, такъ и въ небесномъ пространствѣ, руководствуясь наблюденіемъ и опытомъ. Бэконъ чрезвычайно гордится авторствомъ этой науки и съ гордостью восклицаетъ, что она во сто кратъ болѣе стоитъ, чѣмъ все то, что знаютъ европейскіе ученые—его современники. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни далекъ отъ совершенства этотъ первый шагъ европейскаго ума на пути опытнаго изслѣдованія физическихъ явленій, какъ ни богатъ онъ ошибками и нелѣпостями, тѣмъ не менѣе эта «новая» опытная наука дѣйствительно представляетъ собою зачаточное состояніе той науки, которая теперь существуетъ, и поэтому она во многихъ отношеніяхъ упреждаетъ починъ замѣчательнѣйшихъ умовъ эпохи возрожденія. Изъ частныхъ отдѣловъ физики Бэконъ особенно много занимался оптикой, въ которой высказалъ также много здоровыхъ мыслей, хотя еще болѣе мечтаній чисто-фантастическихъ.

Въ химіи, столько же какъ и въ физикѣ, Бэконъ обнаружилъ просвѣтительный характеръ своей дѣятельности и свое превосходство надъ современниками: онъ раздѣляетъ алхимію на двѣ части, на практическую и умозрительную. Послѣднюю онъ опредѣляетъ какъ науку, не имѣющую ничего общаго съ

алхимической задачей и обладающую бо̀льшимъ значеніемъ, чѣмъ часть практическая или собственно алхимія. Умозрительная часть алхиміи изучаетъ соединеніе элементовъ и всѣхъ неодушевленныхъ тѣлъ вообще, также какъ и внутреннія свойства растеній и животныхъ. Наука эта, по словамъ Бэкона, извѣстна только троимъ изъ его современниковъ и потому трактатомъ о ней Бэконъ гордится почти столько же, сколько и трактатомъ «*de multiplicatione*». Что касается трудовъ Бэкона по наукамъ біологическимъ, то, по незначительности ихъ, упоминать о нихъ въ этомъ очеркѣ я считаю излишнимъ.

Изъ этого краткаго обзора научныхъ трудовъ Бэкона можно заключить, что этотъ замѣчательный человѣкъ держался во всѣхъ отрасляхъ знанія просвѣтительныхъ цѣлей, не довольствуясь, подобно пресловутымъ своимъ современникамъ, безсвязнымъ собираніемъ всякаго рода и достоинства свѣдѣній, многочисленность которыхъ должна была свидѣтельствовать о степени учености автора. У Бэкона мы встрѣчаемъ постоянно идеи опредѣленныя и ясно сознанныя цѣли при изложеніи каждой отдѣльной науки. Кромѣ того онъ установляетъ нѣкоторыя научныя положенія, оригинальность которыхъ есть основаніе допустить и которыя, хотя и не всегда достаточно точны и часто смѣшаны съ ошибками, фантастическими представленіями и даже нелѣпостями, но всегда обличаютъ стремленіе выйти изъ безплоднаго буквоѣдства, пустыхъ разглагольствованій и неприложимыхъ отвлеченностей. Наконецъ, разработка отдѣльныхъ частей нѣкоторыхъ наукъ у Бэкона утверждаетъ насъ въ убѣжденіи, что онъ прилагалъ къ нимъ не мистическій, но дѣйствительный опытъ и наблюденія, какъ они понимаются новѣйшею наукою. Такимъ образомъ научныя изслѣдованія Бэкона дополняютъ его философскія идеи и даютъ имъ окончательную опредѣленность.

Но если Бэконъ по праву стоитъ выше своихъ современниковъ, то онъ все-таки остается сыномъ своего вѣка и во многихъ отношеніяхъ стоитъ въ уровень съ господствующими понятіями: раздѣляетъ съ своими современниками многіе предразсудки и суевѣрія. Такъ онъ, какъ мы уже видѣли, принимаетъ основной тезисъ схоластиковъ, и кромѣ того, онъ не свободенъ и отъ алхимическихъ и астрологическихъ теорій [1]). И этого

[1]) Въ этой послѣдней онъ былъ впрочемъ послѣдователенъ и принималъ гороскопъ религій, что̀, однако же, противорѣчило его ортодоксальности.

мало, по причинѣ необузданности своей фантазіи, онъ создалъ себѣ не мало новыхъ фиктивныхъ представленій, которыя вмѣстѣ съ научными его идеями представляютъ пеструю смѣсь,— этотъ неизбѣжный продуктъ двойственности его исходной точки зрѣнія. Всякая наука имѣетъ у него, кромѣ опредѣленнаго круга реальныхъ явленій, неопредѣленную область, наполняемую имъ явленіями чисто-фантастическаго свойства. Такъ, напримѣръ, математика, кромѣ изученія пространства и числа, имѣетъ еще, по его мнѣнію, вліяніе на дѣла міра нравственнаго и религіознаго. Принявъ такую мысль, онъ доходитъ до самыхъ странныхъ идей: то благодать распредѣлялась у него сообразно извѣстному математическому закону, то какой-нибудь догматъ изображался графически, то законы чиселъ отождествлялись съ законами морали и т. д.

Общее заключеніе послѣ всего сказаннаго то, что Рожеръ Бэконъ, при всѣхъ своихъ несомнѣнно крупныхъ заблужденіяхъ, былъ глубокій мыслитель и замѣчательный для своего времени ученый, во многихъ отношеніяхъ упредившій умственное движеніе эпохи возрожденія; онъ, кромѣ того, замѣчателенъ еще и тѣмъ, что нѣкоторыя его положенія указываютъ на выходъ изъ-подъ теологической опеки не къ метафизикѣ, куда шли аверроисты, но къ системѣ чисто-научной, позитивной, какъ мы говоримъ въ настоящее время: онъ признаетъ опытъ необходимымъ основаніемъ знанія, онъ ставитъ освобожденіе отъ авторитета непремѣннымъ условіемъ умственнаго развитія, онъ приписываетъ математикѣ значеніе азбуки всѣхъ наукъ, онъ высказываетъ мысль объ общей связи всѣхъ наукъ между собою какъ частей единаго цѣлаго, и говоритъ о необходимости изложенія исторіи науки вмѣстѣ съ ея теоріей; все это идеи несомнѣнно позитивнаго характера. Бэкона по этой причинѣ можно въ извѣстномъ ограниченномъ смыслѣ считать провозвѣстникомъ позитивизма; но въ то же время нельзя не высказаться рѣшительно противъ тѣхъ, которые видятъ въ общемъ строѣ его идей нѣчто большее, чѣмъ отдѣльные, разрозненные тезисы позитивнаго характера. Тѣмъ болѣе нелѣпо сужденіе тѣхъ, которые, не понимая или не желая понимать смысла и значенія позитивизма и отождествляя его почему-то съ ученіемъ о практической приложимости знаній, называютъ Бэкона «своего рода позитивистомъ», какъ это дѣлаетъ, напримѣръ Тэнъ [1]). Бэконъ

[1]) Въ «Revue de deux mondes». 15 Janvier 1860. p. 37 (цит. у Шарля)

несомнѣнно былъ сторонникомъ приложимости знаній, но чтобы это называлось позитивизмомъ, о томъ, кромѣ Тэна, никто еще не слышалъ.

Мнѣ остается теперь сказать еще нѣсколько словъ объ изобрѣтеніяхъ, которыя такъ щедро приписывались Бэкону разными писателями. Съ давнихъ временъ стало общимъ мѣстомъ утвержденіе, что Бэконъ изобрѣлъ порохъ, затѣмъ многіе находили въ сочиненіяхъ Бэкона свидѣтельство того, что у него существовала идея о такомъ способѣ перевозки, для котораго не было надобности въ лошадяхъ и который дѣйствовалъ съ неимовѣрною быстротой, а такимъ образомъ являлась будто бы возможность предполагать, что дѣло шло о силѣ пара; далѣе говорили, что ему извѣстно было орудіе для поднятія на воздухъ, похожее на современные аэростаты, и что въ его сочиненіяхъ весьма ясно говорится о водолазномъ колоколѣ. Особенно же много изобрѣтеній приписывали Бэкону въ области оптики; увѣряли, что онъ изобрѣлъ очки, камеръ-обскуру, увеличительныя стекла, зажигательныя зеркала, волшебный фонарь и, наконецъ, телескопъ и подзорную трубу, т.-е. важнѣйшія изобрѣтенія, сдѣланныя съ тѣхъ поръ, какъ изучаются оптическія явленія. Наконецъ, увѣряютъ, что ему извѣстенъ былъ магнетизмъ, что онъ предугадывалъ законъ всемірнаго тяготѣнія, описалъ устройство компаса и предвидѣлъ открытіе Америки. По изслѣдованіямъ Шарля, большая часть этихъ открытій и изобрѣтеній приписывается Бэкону ошибочно. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не изобрѣлъ компаса и не предвидѣлъ открытія Америки; въ его сочиненіяхъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ ни одного мѣста, которое можно было бы истолковать въ смыслѣ, благопріятномъ для такихъ предположеній. Что же касается пороха, то Бэконъ дѣйствительно говоритъ о немъ два раза, но онъ не приписываетъ себѣ его изобрѣтенія, и утверждаетъ положительно, что составъ этотъ былъ уже извѣстенъ въ его время, что совершенно вѣрно. Бэконъ предугадалъ только значеніе его для военнаго дѣла. О машинахъ, напоминающихъ пароходы, локомотивы, аэростаты и воздушные колокола, дѣйствительно упоминается у Бэкона, но столь неопредѣленно и съ такими преувеличеніями, что Шарль не безъ основанія видитъ въ описаніяхъ Бэкона отрывки его химерическихъ фантазій, лишенныхъ всякаго реальнаго основанія, такъ, напримѣръ, какія научныя данныя можно было имѣть въ XIII вѣкѣ

для того, чтобы говорить объ инструментѣ, величиною 3 дюйма въ длину и ширину, посредствомъ котораго можно поднимать и опускать «невѣроятныя» тяжести и который могъ бы быть очень полезнымъ въ такихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, бѣгство изъ тюрьмы; при помощи такого инструментика можно бы, какъ думаетъ Бэконъ, подняться съ друзьями высоко въ воздушныя пространства. Шарль справедливо называетъ такой инструментъ талисманомъ изъ тысячи и одной ночи.

Обращаясь затѣмъ къ оптическимъ открытіямъ Бэкона, Шарль и ихъ вводитъ въ истинные предѣлы: увеличительныя стекла были извѣстны ранѣе Бэкона, о камеръ-обскурѣ онъ не говоритъ нигдѣ, догадка объ изобрѣтеніи имъ волшебнаго фонаря основана на нелѣпой фантазіи, въ родѣ приведенной выше о трехъ-дюймовой машинкѣ; о телескопѣ Бэконъ говоритъ такъ неопредѣленно, что нѣтъ возможности утверждать правильность догадокъ о изобрѣтеніи его имъ; не подлежитъ только сомнѣнію, что онъ умѣлъ приготовлять зажигательныя зеркала и усовершенствовалъ способъ ихъ обдѣлки.

Наконецъ, предугадывалъ ли Бэконъ всемірное тяготѣніе? Шарль говоритъ, что изъ текста, на которомъ основано это предположеніе, видно, что если и возможно основать на немъ какое-нибудь предвидѣніе, то никакъ не предвидѣніе тяготѣнія, а развѣ химическаго сродства. Впрочемъ и эта послѣдняя догадка навсегда сохранитъ характеръ большой натяжки, такъ какъ слова Бэкона крайне темны и содержатъ нелѣпости.

Въ заключеніе этого очерка философскихъ и научныхъ воззрѣній Бэкона слѣдуетъ упомянуть, что вопросъ о томъ, какъ далеко идутъ заимствованія этого ученаго и мыслителя у арабовъ, еще не изслѣдованъ и едва только поставленъ. Можно догадываться впрочемъ, что заимствованія эти весьма значительны. Догадка эта основывается на тѣхъ мѣстахъ его сочиненій, въ которыхъ онъ говоритъ о вещахъ очевидно, мало ему извѣстныхъ или даже почти неизвѣстныхъ. Такимъ образомъ, полная характеристика Бэкона и окончательное заключеніе о степени его значенія въ философскомъ и научномъ отношеніи еще впереди; не подлежитъ только сомнѣнію, что дальнѣйшія изысканія еще болѣе свяжутъ его съ его вѣкомъ и такимъ образомъ докончатъ разрѣшеніе той загадочности, которая, вслѣдствіе его обособленности, и до сихъ поръ отчасти еще его окружаетъ.

Переходя теперь къ Леонарду Фибоначчи [1]) или Леонарду Пизанскому, какъ его часто называютъ, я всего прежде долженъ напомнить читателю то, что было сказано мною прежде о состояніи математическихъ знаній въ Европѣ въ теченіе средневѣковой эпохи. Математическія знанія,—этотъ краеугольный камень всякаго самостоятельнаго научнаго развитія,—стояли въ періодъ, предшествовавшій введенію арабскихъ книгъ, на крайне низкомъ уровнѣ; введеніе арабскихъ книгъ вывело ихъ на новый путь развитія, давъ исходною точкою знакомство съ десятичною системою счисленія. Я говорилъ уже, что подражанія и переводы Алхоризми были проводниками десятичной системы въ Европѣ, но я не указалъ тогда ни на одну самостоятельную работу и не сказалъ ни слова о переходѣ къ европейцамъ другихъ отраслей математическихъ знаній, которыя разработывались арабами. Пропускъ этотъ сдѣланъ былъ мною потому, что самостоятельныя работы и заимствованія другихъ отраслей математики, кромѣ ариѳметики, были дѣломъ единственнаго ученаго, стоявшаго среди своихъ современниковъ совершенно отдѣльно, не имѣвшаго между европейцами предшественниковъ, и долгое время и послѣдователей [2]), а потому и не вліявшаго нисколько на ту характеристику *общаго* состоянія научныхъ знаній, которая мною была представлена. Ученый, о которомъ я говорю,—Фибоначчи. Съ нимъ и предстоитъ намъ познакомиться теперь ближе.

О жизни этого замѣчательнаго человѣка извѣстно только то, что онъ самъ разсказываетъ о ней въ своихъ сочиненіяхъ [3]). Современники его, прозвавшіе его простакомъ (bigollone) за то, что онъ увлекался «безполезнымъ» занятіемъ наукой, придавали такъ мало значенія его личности, что считали лишнимъ

[1]) Леонардъ былъ сыномъ Боначчія (Leonardo filio Bonaccii), отсюда въ сокращеніи—Фибоначчи.

[2]) *Libri.* Hist. des sciences mathematiques en Italie. T. II. p. 28 et 44. *M. Kantor.* Mathematische Beiträge zum Kulturleben der Völker. s. 341. Платонъ изъ Тиволи и Герардъ изъ Кремоны, которыхъ можно разсматривать какъ предшественниковъ Фибоначчи, были не самостоятельные ученые, а переводчики.

[3]) Сочиненія его напечатаны частью въ приложеніи ко второму тому упомянутаго выше сочиненія Либри, частью отдѣльно: Scriti di Leonardo Pisano, Matematico del secolo decimoterzo, publicati da B. Boncompagni. Roma, 1862.

говорить о немъ. Неудивительно поэтому, что годъ рожденія его неизвѣстенъ. Можно предполагать только, что онъ родился около 1150 года. Родомъ онъ былъ изъ Пизы, гдѣ отецъ его былъ городскимъ писцомъ. Впослѣдствіи, когда мѣсто городскаго писца было замѣнено другимъ—при таможнѣ, учрежденной на сѣверномъ берегу Африки, въ Буджіи (Bugia), туда отправился и Фибоначчи, въ то время еще мальчикъ. Здѣсь, по желанію отца, онъ началъ изучать счисленіе на абакусѣ, и впервые ознакомился съ десятичною системою. Эта послѣдняя понравилась ему до такой степени, что впослѣдствіи, когда онъ по торговымъ дѣламъ посѣщалъ Египетъ, Сирію, Грецію, Сицилію и Провансъ, онъ, преодолѣвая всѣ трудности, знакомился съ состояніемъ этой системы въ этихъ странахъ. Но все это потеряло въ глазахъ его важное значеніе, когда онъ познакомился съ такъ называемою имъ «индійскою системою», подъ которою, по мнѣнію Кантора, слѣдуетъ разумѣть алгебру и нѣкоторые неизвѣстные еще тогда ариѳметическіе пріемы. Изучивъ основательно эту систему, онъ разработалъ ее, частью на основаніяхъ, почерпнутыхъ изъ Евклида, частью вполнѣ самостоятельно, и изложилъ результаты этихъ трудовъ въ сочиненіи объ Абакусѣ (liber Abbaci), первая обработка котораго появилась въ 1202 году, а вторая, съ посвященіемъ Михаилу Скотту, придворному астрологу Фридриха II, въ 1228. Въ 1220 г. Фибоначчи написалъ еще «Практическую Геометрію» (Practica Geometriae), которая была также посвящена другому придворному астрологу Фридриха—Доминику, представлявшему Фибоначчи Фридриху въ Пизѣ, въ 1225 году. При этомъ представленіи присутствовалъ Іоаннъ Палермскій, предлагавшій Фибоначчи многія сложныя и трудныя для того времени алгебраическія задачи, которыя этотъ послѣдній тутъ же и разрѣшалъ. Объясненіе этихъ рѣшеній онъ изложилъ въ трехъ сочиненіяхъ: 1) о квадратныхъ числахъ, которое, кромѣ объясненій, которымъ было посвящено, содержало еще изысканія о теоріи чиселъ; 2) Flos (цвѣтокъ), по словамъ самого Фибоначчи, такъ названный какъ ради цвѣтистаго краснорѣчія кардинала Раніеро Каноччи, которому былъ посвященъ, такъ и ради уподобленія этого сочиненія цвѣтку, содержащему въ себѣ сѣмена новыхъ цвѣтковъ и, наконецъ, 3) трактатъ, извѣстный современнымъ математикамъ подъ названіемъ «задачи о птицахъ», представляетъ оригинальное изобрѣтеніе самого Фибоначчи.

Время, въ которое были написаны эти трактаты, опредѣлить съ точностью невозможно; возможно утверждать только, что это было около 1225 года. Затѣмъ ни о дальнѣйшей жизни Фибоначчи, ни о годѣ и мѣстѣ его смерти ничего неизвѣстно.

Чтобы оцѣнить научное значеніе трудовъ Фибоначчи, слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на то, что труды эти были плодомъ изученія самыхъ разнообразнѣйшихъ методовъ счисленія, заимствованныхъ Фибоначчи у народовъ, которыхъ онъ посѣщалъ, и далѣе, что это богатство матеріала давало ему возможность сравнивать разные методы и дѣлать выборъ, который онъ и производилъ съ величайшей разборчивостью и знаніемъ дѣла. Обработка же, которую онъ давалъ добытымъ такимъ путемъ даннымъ, и собственныя открытія, которыми онъ ее обогощалъ, сообщили въ окончательномъ результатѣ трудамъ его такое высокое достоинство, что труды эти въ весьма значительной степени превышали уровень математическихъ знаній въ Европѣ за это время. Самое раннее сочиненіе Фибоначчи—«объ Абакусѣ», содержитъ приложеніе десятичной системы счисленія, нѣкоторыя ея практическія приложенія и алгебру, впервые дѣлаемую извѣстною въ Европѣ и изложенную въ такой полнотѣ, что, по словамъ Либри, въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій къ ней ничего не могло быть прибавлено. Слѣдующее затѣмъ сочиненіе, о «Практической Геометріи», содержало какъ совершенно неизвѣстныя еще въ Европѣ геометрическія теоремы, такъ и практическія приложенія геометріи, а также и нѣкоторыя алгебраическія изысканія. Остальныя сочиненія содержатъ теорію чиселъ, рѣшеніе неопредѣленныхъ уравненій 2-й степени, изслѣдованіе свойствъ квадратовъ цѣлыхъ чиселъ и множество частныхъ изысканій, связанныхъ съ рѣшеніями задачъ, которымъ сочиненія эти посвящены.

Но сочиненія Фибоначчи, какъ говоритъ Либри, не менѣе замѣчательны тѣмъ, чего они не содержатъ, нежели тѣмъ, что они содержатъ. Въ ту эпоху, когда математическія сочиненія были преимущественно разработываемы съ цѣлью приложенія къ магіи и астрологіи, Фибоначчи сумѣлъ освободить себя отъ этихъ препонъ. Въ его сочиненіяхъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ тайныхъ наукъ и его геній опередилъ всѣхъ въ философскомъ отношеніи, также какъ и въ научномъ. И въ самомъ дѣлѣ, если принять во вниманіе время, въ которое онъ жилъ,

и то, что онъ совершилъ; если сравнить его сочиненія, столь исключительно научныя и содержащія изслѣдованія столь остроумныя, съ сочиненіями самыхъ знаменитыхъ личностей его вѣка, писавшихъ даже послѣ него и все-таки примѣшивавшихъ ложь и грубѣйшее суевѣріе къ истинѣ; если подумать, что ему исключительно обязана Европа алгеброй; если обратить вниманіе на замѣчательныя теоремы и важныя изслѣдованія, имъ оставленныя, теоремы и изслѣдованія, которыя долгое время переписывались безъ всякихъ прибавленій,—то, конечно, надо будетъ признать его величайшимъ математикомъ среднихъ вѣковъ, въ теченіе трехъ столѣтій поддерживавшаго традицію чистой математики въ Европѣ.

1873.

«Знаніе», № 10.

ГУМАНИСТЫ XIV И XV СТОЛѢТІЙ [1]).

Умственное возрожденіе западной Европы и предшествовавшее ему умственное движеніе среднихъ вѣковъ не только непосредственно примыкаютъ одно къ другому, но и находятся между собою въ самой тѣсной связи. Средніе вѣка, вопреки мнѣнію, такъ долго державшемуся въ наукѣ, не составляютъ пробѣла въ ходѣ интеллектуальнаго развитія западныхъ народовъ, а представляютъ, напротивъ того, постепенное подготовленіе къ тому рѣшительному движенію впередъ, которое извѣстно подъ названіемъ «возрожденія». Имѣя въ виду дать въ настоящей статьѣ очеркъ одного изъ первыхъ проявленій возрожденія, я считаю необходимымъ привести прежде на память читателя главныя характеристическія черты умственнаго склада, господствовавшаго въ средніе вѣка.

Особенность характера средне-вѣковаго склада мысли заключается всего прежде въ его двойственности: характеръ этотъ опредѣлялся взаимодѣйствіемъ двухъ противуположныхъ началъ, унаслѣдованныхъ отъ эпохи предшествовавшей: католической системы и античнаго міросозерцанія, отрывочно сохранившагося послѣ варварскаго погрома въ немногихъ памятникахъ греко-римской образованности. Католическая система, безраздѣльно господствовавшая надъ умами въ первые вѣка послѣ погрома, представляетъ въ основныхъ элементахъ своихъ неуравновѣшенный дуализмъ, изъ двухъ частей котораго—понятія о духѣ и понятія о матеріи—первенство, принадлежавшее первому, опредѣляло супра-натуральный и мистическій пошибъ этого ученія, и—какъ неизбѣжное слѣдствіе—отторженіе отъ

[1]) Первоначально эта статья была напечатана въ «Отеч. Зап.» подъ заглавіемъ «Классики XIV и XV столѣтій». Заглавіе измѣнено авторомъ. *Прим. ред.*

всего земнаго, отвращеніе къ изученію природы, человѣка, жизни, міра вообще, враждебное отношеніе къ научному, точному или положительному знанію и страхъ передъ ведущей къ нему свободой мысли. Это анти-космическое, оцѣпеняющее умъ міросозерцаніе въ сопоставленіи даже и съ самыми скудными обломками міросозерцанія древняго міра не могло не наводить умы на мысль о противорѣчіи между ними и не дѣлать неизбѣжною постановку вопроса о согласованіи ихъ между собою, вопроса, предрѣшавшагося для беззавѣтныхъ послѣдователей супра-натурализма подчиненіемъ одного другому. Такія побужденія съ X вѣка вызвали уже работы надъ согласованіемъ воззрѣній, содержавшихся въ отрывкахъ Аристотеля, Платона, Порфирія и хранителей традиціи ихъ—Боэція, Кассіодора и Исидора Севильскаго съ ученіемъ, признаваемымъ непогрѣшимымъ и неподлежащимъ измѣненіямъ. Работы эти, имѣвшія для своего времени капитальнѣйшее значеніе, составляли въ теченіе всей средневѣковой эпохи все содержаніе философіи или схоластики. Пути, которые она принимала, неизбѣжно увлекая умъ къ дѣятельности и пытливости, приводили къ выработкѣ различныхъ частныхъ рѣшеній основнаго схоластическаго вопроса только внѣшнимъ образомъ, въ дѣйствительности же вопроса этого не рѣшали, а только вели умы къ самосознанію и свободѣ. Просвѣтительная дѣятельность Карла Великаго и затѣмъ еще болѣе важныя слѣдствія просвѣтительнаго вліянія арабовъ, представляютъ два важнѣйшіе момента въ исторіи той разрушительной для супра-натуральнаго міросозерцанія дѣятельности умовъ, которая, постоянно возбуждаясь новыми открытіями памятниковъ древности, все болѣе и болѣе пробуждалась, становилась все смѣлѣе и смѣлѣе и отъ Абеляровскаго «*sic et non*», нанесшаго первый ударъ схоластикѣ въ XII столѣтіи, перешли въ XIII къ воззрѣніямъ, положившимъ основаніе ея разложенію.

Вліяніе арабовъ на ходъ развитія средневѣковой мысли, вліяніе, столь важное по своимъ послѣдствіямъ, резюмировалось главнымъ образомъ въ двухъ моментахъ:—философскомъ и научномъ. Существенное значеніе перваго заключалось въ ученіи о двойственности истины, т. е. въ признаваніи возможности для одного и того же положенія быть одновременно истиннымъ въ смыслѣ философскомъ и ложнымъ въ смыслѣ теологическомъ, и обратно. Существенное значеніе второго—въ духѣ

точнаго опытнаго изслѣдованія дѣйствительности, духѣ, совершенно чуждомъ католичеству. Ученіе о двойственности истины, извѣстное въ средніе вѣка подъ названіемъ аверроизма, было много разъ осуждаемо соборами и папами и служило исходнымъ пунктомъ разложенія схоластической философской системы. Ему, а не Вильгельму Оккаму, какъ привыкли повторять по рутинѣ многіе историки философіи, слѣдуетъ приписать первый смертельный толчокъ надеждѣ разрѣшить основной схоластическій вопросъ [1]). Имъ, а не темнотою и безсмысленностью оккамовскихъ тонкостей, была устранена изъ философіи самая возможность постановки этого вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ подрыто и міросозерцаніе, на почвѣ котораго онъ возникъ и развился. Что же касается схоластическихъ тонкостей, отвлеченностей и нелѣпостей, то они были только вспомогательными элементами въ дѣлѣ разрушенія; они оттолкнули отъ схоластики свѣжіе, здоровые умы и устремили ихъ къ исканію истины внѣ ея. Поскольку арабы способствовали успѣхамъ развитія этихъ тонкостей и нелѣпостей, постольку шло въ этомъ направленіи и ихъ вліяніе на схоластику; аверроизмъ же вліялъ въ прямомъ смыслѣ, и для сколько-нибудь проницательныхъ умовъ легко отдѣлялся отъ метафизическаго тумана схоластики; въ XV вѣкѣ онъ уже былъ ходячею истиною и выработалъ независимо отъ схоластики многія важныя и смѣлыя частныя положенія [2]).

---

[1]) Исходный пунктъ разложенія схоластики долгое время принято было пріурочивать къ В. Оккаму (ум. 1347); но, благодаря изслѣдованіямъ Прантля (Geschichte der Logik im Abendlande. Leipzig, 1867. III. B. XIX Abschnitt), выяснилось, что ненависть теологовъ къ Оккаму совершенно извратила значеніе этого писателя въ исторіи средневѣковой мысли, приписавъ ему многое, чего онъ никогда не утверждалъ, и умолчавъ о многомъ, что въ дѣйствительности составляло главное содержаніе его ученія. Оккамъ, какъ послѣдователь идеи двойственности истины, принадлежитъ конечно къ числу мыслителей, дѣятельность которыхъ подрывала схоластику въ самомъ корнѣ, но начало этой дѣятельности относится къ первымъ годамъ XIII столѣтія (ср. Maywald, Die Lehre von der zweifachen Wahrheit. Berl. 1871), предшествуетъ Оккаму; собственно оккамовскимъ же въ схоластикѣ слѣдуетъ считать усугубленіе отвлеченностей и тонкостей, приведшихъ въ непроходимыя дебри и трущобы, безсмысленности, превосходящія, по словамъ Прантля, все, что только возможно себѣ вообразить. (Id. IV B. XX Abschn).

[2]) См. Renan. Averroés et l'averroisme, а также, какъ интересный эпизодъ, столкновеніе Петрарки съ венеціанскими аверроистами, въ монографіяхъ, на которыя будетъ указано ниже.

Въ научномъ отношеніи вліяніе арабовъ было еще значительнѣе, чѣмъ въ философскомъ. Сочиненія древнихъ ученыхъ, сохраненныя и переведенныя ими, были истиннымъ кладомъ для бѣдныхъ знаніями европейцевъ. Сочиненія эти мало-по-малу выводили европейскій умъ изъ области чисто-субъективнаго умозрѣнія и сообщали ему наклонность къ тому объективному изученію природы, которое такъ рѣзко противорѣчило самой основѣ католичества. Двинутые по этому живому и плодотворному направленію, европейцы шли по немъ все далѣе и далѣе, все болѣе и болѣе отрѣшаясь отъ рутины варварской эпохи и въ концѣ XIII вѣка обнаружили уже пробужденное въ нихъ чувство природы, эстетическія стремленія, несомнѣнно указывающія на начало умственнаго кризиса. У Данте, при всей его ортодоксальности и схоластичности, мистическій сюжетъ по временамъ совершенно поглощается элементами, заимствованными изъ жизни общественной, свѣтской, съ теологической точки зрѣнія—суетной; у него, вдохновенное описаніе природы нерѣдко заставляетъ забывать о томъ загробномъ мірѣ, въ которомъ совершается дѣйствіе поэмы; внѣшнимъ образомъ, наконецъ, вліяніе древняго міра выражается здѣсь избраніемъ въ проводники Виргилія, котораго Данте ставилъ высоко, какъ поэта и мыслителя, и литературныя достоинства котораго умѣлъ цѣнить. Такимъ образомъ, возбужденное арабами стремленіе къ воскрешенію духа исчезнувшей античной цивилизаціи успѣло уже къ началу XIV вѣка дать весьма важные результаты. и, развиваясь далѣе, неизбѣжно создавало потребность непосредственнаго знакомства съ памятниками древности. И дѣйствительно, въ XIV вѣкѣ начинается дѣятельное разыскиваніе сочиненій древнихъ писателей, заброшенныхъ и затерянныхъ въ монастырскихъ библіотекахъ, гдѣ они гнили и поѣдались мышами. Вмѣстѣ съ этимъ возбужденіемъ самодѣятельности европейцевъ, роль арабовъ, какъ виновниковъ этого возбужденія, естественнымъ образомъ оканчивается. Европейцы начинаютъ забывать арабскіе переводы и комментаріи, тяжелые и темные, и обращаются прямо къ источникамъ, изъ которыхъ и стараются извлечь основы для новаго направленія умственной дѣятельности.

Духъ этого новаго направленія былъ совершенно противоположенъ духу того времени, когда надъ умами господствовалъ еще католицизмъ. Объективное изученіе природы и че-

ловѣка, затертое супра-натурализмомъ, возстановляло свои права, возрождало забытые результаты своей прежней независимой дѣятельности и вело къ необходимости продолжать эту дѣятельность, добиваться новыхъ успѣховъ на ея поприщѣ. Арабы дали европейскому уму могущественный и плодотворный толчокъ въ томъ направленіи, въ которомъ долженъ былъ совершиться этотъ великій переходъ: чрезъ ихъ посредство передовые умы Европы обогатились тѣмъ, что наслѣдіе древности представляло наиболѣе драгоцѣннаго—положительными знаніями. Эти знанія были положены въ основу дальнѣйшаго хода развитія и они, послѣ временнаго отклоненія и преходящихъ колебаній, создали науку новой Европы, создали критическій духъ ея, которые, мало-по-малу проникая въ жизнь, переработаютъ наконецъ и ее.

Въ настоящее время, послѣ трехвѣковаго успѣха наукъ и критической мысли, послѣ Галилея и Фрэнсиса Бэкона, мы мало интересуемся наукою древнихъ и нерѣдко забываемъ, что наука эта въ лицѣ Евклида, Архимеда, Гиппарха, Аристарха самосскаго, Аполлонія пергскаго, Эратосѳена и др. ближе намъ, чѣмъ всѣ остальныя нравственныя явленія древней жизни. Теперь, вмѣстѣ съ мыслью о древней цивилизаціи всего скорѣе возникаетъ мысль о литературныхъ и эстетическихъ ея памятникахъ и объ изученіи ихъ въ филологическомъ отношеніи и какъ слѣдствіе такой односторонности возникаетъ нелѣпое противопоставленіе классицизма реальному изученію природы. Въ дѣйствительности же наша наука и наша образованность не противополагается и не можетъ противополагаться наукѣ и образованности древнихъ, а относится къ нимъ какъ болѣе зрѣлый фазисъ одного и того же процесса развитія, средній моментъ котораго—наука арабовъ—играетъ роль соединительнаго звена. Древніе были въ дѣйствительности великими реалистами, великими дѣятелями въ области математики и естествознанія; окрещивать ихъ именемъ узкую близорукую односторонность можетъ только невѣжество и ограниченность.

Я только что сказалъ, что арабская наука была соединительнымъ звеномъ между наукою древнею и наукою новою; значеніе арабской науки было бы, однако же, ложно понято, если бы мы упустили изъ виду, что арабы дали европейцамъ не самые источники, но только свои переводы ихъ и комментаріи, и что непосредственное знакомство съ источниками было

уже самостоятельнымъ дѣломъ европейцевъ, съ XIV вѣка начинающихъ ихъ разыскиваніе и изученіе.

Первый періодъ этого разыскиванія древнихъ источниковъ не имѣетъ, однако же, того характера, который дѣлалъ бы изъ него непосредственное продолженіе дѣятельности, возбужденной арабами; я и не называю его поэтому, какъ это общепринято, возрожденіемъ, а только зарею возрожденія умственной жизни новой Европы. Намъ необходимо теперь же обратить вниманіе на это обстоятельство и не упускать изъ виду различія возникающаго умственнаго движенія отъ исходнаго его момента. Это различіе отодвинуло дѣйствительное возрожденіе до XVII вѣка и положило основаніе тому нелѣпому противоположенію классицизма и реализма, о которомъ я упомянулъ выше. Его значеніе и предстоитъ опредѣлить мнѣ въ настоящемъ очеркѣ.

Умонастроеніе арабовъ дѣлало ихъ чуждыми литературѣ и искусству древнихъ; они поэтому усвоили только научный и частью философскій матеріалъ. Европейцамъ, такимъ образомъ, пока они заимствовали научныя и философскія свѣдѣнія у арабовъ, оставалось только брать то, что они находили. Когда же возбужденный интересъ къ древности обратилъ ихъ къ непосредственному ея изученію, когда они стали рыться въ монастырскихъ библіотекахъ и открывать тамъ рукописи, тогда въ руки ихъ попали не одни только научные, но и литературные памятники. Памятники эти были для умовъ, слабо еще подготовляемыхъ въ научномъ отношеніи, болѣе доступны, чѣмъ сочиненія древнихъ ученыхъ, а по характеру своему, родственному имъ, какъ людямъ одной и той же расы, что греки и римляне, особенно привлекательны. Доступность эта и привлекательность произвели то, что европейцы оказываются безсильными итти далѣе по научному направленію, гармонически пополняя его литературою и искусствомъ, и охладѣваютъ совершенно къ разыскиванію и изученію древнихъ памятниковъ науки, которые попадаются имъ въ руки только случайно и остаются почти безъ вліянія. Наукѣ они рѣшительно начинаютъ предпочитать литературу и искусство. Это предпочтеніе скоро переходитъ въ увлеченіе и наступаетъ періодъ, въ теченіе котораго передовые европейскіе умы всецѣло отдаются одному только разыскиванію и изученію памятниковъ краснорѣчія, поэзіи, ваянія, зодчества и т. д.

Отодвигая на задній планъ научныя сочиненія древнихъ и тѣмъ замедляя успѣхи умственнаго развитія, новое поколѣніе передовыхъ дѣятелей не удержало и того трезваго отношенія къ древности, великій образецъ котораго проявился у Данте, не популяризировало идей древнихъ писателей посредствомъ передачи ихъ на языкѣ народномъ, какъ дѣлалъ этотъ геніальный мыслитель, и наконецъ, не продолжало традиціи самобытности мысли, начало которой было положено арабами, а бросилось отъ слѣпого преклоненія передъ теологіей къ слѣпому преклоненію передъ авторитетомъ древнихъ писателей. Оно, такимъ образомъ, въ значительной степени ослабляло наступательный ходъ умственнаго развитія, устремляя мысль не въ будущее, а опять-таки въ прошедшее и значительно умаляло то благо, которое могло быть принесено Европѣ возстановленіемъ духа и содержанія древней цивилизаціи. Тѣмъ не менѣе, однако же, этотъ духъ и это содержаніе, даже и тогда, когда они были сужены односторонностью новаго исключительно-литературнаго направленія, представляли, въ сравненіи съ традиціонною системою, такія преимущества, что, вопреки всѣмъ ошибкамъ поборниковъ ихъ въ XIV и XV столѣтіяхъ, внесли въ европейскую мысль массу элементовъ, подѣйствовавшихъ благотворно на ея развитіе.

Всего прежде слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ XIV и XV вѣкахъ Европа получила точные и вѣрные списки сочиненій древнихъ авторовъ, извѣстныхъ до того времени въ извращенномъ видѣ, и множество сочиненій совершенно для нея новыхъ. Слѣдствіемъ такого накопленія книжнаго матеріала было значительное наростаніе разнообразнѣйшихъ свѣдѣній и новыхъ идей. Свѣдѣнія эти и идеи, хотя и приходили извнѣ, не могли, однако же, не укрѣплять силъ пробуждавшейся умственной дѣятельности и не питать въ этой послѣдней антитеологическаго направленія. Подъ ихъ вліяніемъ измѣнялись постепенно формы и духъ образованія и самый складъ жизни того класса общества, на который распространялось это вліяніе. Рядомъ съ старымъ духовнымъ образованіемъ возникло образованіе новое—свѣтское, и какъ общественная, такъ и семейная жизнь стали рѣшительно извергать изъ себя все мистическое и аскетическое и все болѣе и болѣе давать свободное выраженіе независимой отъ старыхъ авторитетовъ мысли, начинавшей сознавать свои силы и свое достоинство. Такое же

свободное выраженіе стали получать и человѣческія страсти и всякое человѣческое чувство, развивавшееся при новыхъ, освобожденныхъ отъ клерикальныхъ оковъ общественныхъ и семейныхъ отношеніяхъ. Такимъ путемъ выработался новый типъ, типъ представителя свѣтской интеллигенціи—гуманиста, заключающаго въ себѣ зачатки нѣкоторой части тѣхъ характеристическихъ чертъ, которыми человѣкъ новаго времени отличается отъ человѣка средневѣковаго.

Увлеченіе филологическимъ изученіемъ древности, отличающее XIV и XV вѣка, оттѣснило философское и научное движеніе на задній планъ и, хотя нѣкоторые гуманисты не были чужды философіи и науки, но дѣятельность ихъ въ этомъ направленіи имѣла частный характеръ, не представляла ничего выдающагося, и вліяніе ея было сравнительно слабо. Философское движеніе начинаетъ оживать со второй половины XV вѣка, но движеніе научное продолжаетъ быть ничтожнымъ. Такимъ образомъ, главной характеристической чертой умственной дѣятельности XIV и XV столѣтій остается увлеченіе литературой и искусствомъ древняго міра. Увлеченіе это, начинающееся въ формѣ умѣренной, проходитъ въ послѣднихъ годахъ XIV и первыхъ годахъ XV вѣка чрезъ періодъ колебаній и борьбы, затѣмъ вновь возникая съ новою силою, оно наполняетъ все XV столѣтіе, уже какъ направленіе вполнѣ опредѣлившееся [1]).

Родиной классическаго возрожденія была Италія,—страна, гдѣ традиція древней цивилизаціи никогда не умирала и гдѣ, начиная съ XII вѣка, жизнь политическая стала складываться особенно благопріятно для свободы мысли и самобытнаго развитія индивидуальности. Первымъ, по времени, представителемъ этого фазиса возрождающейся европейской мысли былъ

---

[1]) Хотя арабамъ, племени семитическому, и пришлось играть очень важную роль въ исторіи возрожденія, но вліяніе ихъ, какъ уже замѣчено выше, было не непосредственное и заключалось въ принесеніи въ Европу сочиненій древнихъ грековъ и римлянъ, т.-е. исчезнувшихъ блестящихъ представителей расы арійской. Принимая во вниманіе это обстоятельство, нельзя не придать значенія мнѣнію Эмиля Бюрнуфа, считающаго «возрожденіе» пробужденіемъ арійскаго духа у западныхъ европейцевъ, стремящихся къ освобожденію отъ узъ, наложенныхъ на ихъ развитіе унаслѣдованнымъ вліяніемъ семитической расы, внесшей непосредственно въ началѣ нашей эры свои элементы въ міросозерцаніе, сдѣлавшееся съ тѣхъ поръ традиціоннымъ. (Em. Burnouf. Essai sur le Vêda. Paris 1863. p. 465. Le même. La science des religions. Paris. 1872. p. 423).

Петрарка [1]). Вся жизнь этого замѣчательнаго человѣка была, главнымъ образомъ, посвящена возстановленію древней литературы. Всего прежде, продолжительная и неутомимая дѣятельность его должна быть охарактеризована указаніемъ на тѣ упорныя и плодотворныя усилія, которыя были потрачены имъ на разыскиваніе и популяризацію древнихъ рукописей. Почти полвѣка, отъ кончины отца своего (въ 1326 году), давшей ему возможность самостоятельно вступить на избранный путь, до своей смерти (въ 1374 году), посвящено имъ почти исключительно разнообразнымъ занятіямъ, вызваннымъ преслѣдуемою имъ цѣлью:—разыскиванію, перепискѣ, исправленію и распространенію древнихъ рукописей, тлѣвшихъ въ библіотекахъ монастырей и рыцарскихъ замковъ. Обстоятельства значительно благопріятствовали ему: онъ безъ труда могъ завести и сохранить необходимое для его дѣла обширное знакомство: то были посланники, акредитованные при авиньонскомъ дворѣ, знатныя лица, близкія покровительствовавшему ему семейству Колонна, эрудиты, искавшіе знакомства съ нимъ какъ съ знатокомъ рукописныхъ сокровищъ и т. д. Словомъ, масса лицъ не только со всѣхъ краевъ Италіи, но и изъ Франціи, Испаніи, Англіи, Германіи и даже востока. Всѣ они поддерживали съ нимъ сношенія и по его просьбамъ и настояніямъ производили разыскиванія въ библіотекахъ монастырей и частныхъ лицъ. Самъ Петрарка, во время частыхъ своихъ путешествій дѣлалъ по-

[1]) Для очерка дѣятельности Петрарки я пользовался слѣдующимъ сочиненіемъ *G. Voigt.* Die Wiederbelebung des classischen Alterthums, oder das erste jahrhundert des Humanismus. Berl. 1859. *I. Burckhardt.* Die Cultur der Renaissance in Italien. Leipz. 1869, монографіей Мезьера, о которой будетъ упомянуто ниже и письмами П. Обширная переписка Петрарки содержитъ богатыя данныя для характеристики какъ самого Петрарки, такъ и лицъ, бывшихъ съ нимъ въ сношеніяхъ и вообще его времени. Переписка эта, на важность полнаго изданія которой давно уже было обращено вниманіе, дала въ прекрасномъ изданіи Фракассети обширную массу историческаго матерьяла, которымъ и начинаютъ уже пользоваться. (A. Mezières. Petrarque, étude d'après de nouveaux documents. P. 1868). Ранѣе переписка Петрарки извѣстна была только отчасти. Первое появленіе ея въ печати относится къ началу XVII вѣка. Мысль о полномъ изданіи впервые явилась у Бальделли, одного изъ лучшихъ біографовъ Петрарки. Преемникамъ его: аббату Менегелли и Джузеппе Ведова удалось лишь сдѣлать собраніе рукописей. Только съ 1859 года стало выходить изданіе Фракассети, а съ 1865 года итальянскій переводъ писемъ, сдѣланный имъ же.

добныя разыскиванія и собиранія вездѣ, гдѣ только могъ. Случалось ему сворачивать съ дороги и пробираться въ уединенный монастырь, въ надеждѣ найти въ немъ какіе-нибудь остатки древней литературы; случалось собственноручно переписывать цѣлые фоліанты, нерѣдко удавалось очень вѣрно исправлять въ нихъ ошибки и т. д. Все это онъ дѣлалъ со страстью и увлеченіемъ, не зная ни утомленія, ни отдыха. Сознавая въ себѣ эту страсть, онъ въ ней видитъ залогъ своихъ успѣховъ, такъ какъ, говоритъ онъ, чтеніе одной книги наводитъ его на разыскиваніе другой и возбуждаетъ его къ этому разыскиванію. Такимъ образомъ ему удалось собрать, прочитать, снабдить замѣтками и частью выучить наизусть сочиненія Горація, Теренція, Стація, Плинія, Сенеки, Квинтиліана, а также Лактанція, Макробія, Августина и т. д. Цитатами изъ этихъ сочиненій полны его письма, наиболѣе знаменитымъ онъ старается подражать и расточаетъ имъ высокопарныя восхваленія. Нѣкоторымъ избраннымъ онъ выражаетъ свое уваженіе въ письмахъ, обращенныхъ къ нимъ, какъ къ живымъ. Всѣхъ выше для него—Виргилій и Цицеронъ. Они, въ глазахъ его—отцы латинскаго краснорѣчія. Объ открытіи ихъ сочиненій онъ возвѣщаетъ. какъ объ открытіи невѣдомаго до того времени міра красоты и мудрости. Въ Виргиліи видитъ онъ сладкозвучнаго, многоумнаго, боговдохновеннаго пѣвца; въ Цицеронѣ, превозносимомъ имъ выше Виргилія, высочайшую степень человѣческой мудрости и краснорѣчія. Сочиненія его имѣютъ въ себѣ нѣчто для него обаятельное, они приводили его въ восторгъ еще тогда, когда онъ не могъ понимать ихъ содержанія. Онъ называетъ Цицерона источникомъ свѣта, освѣщающаго своихъ послѣдователей, руководителемъ своимъ и учителемъ. Восторженное преклоненіе предъ Цицерономъ доходитъ у него до обожанія.

При такомъ отношеніи къ названнымъ древнимъ писателямъ, Петрарка естественно старался сколько силъ у него было приблизиться къ нимъ и всего прежде приблизиться своимъ слогомъ. По этой причинѣ, кромѣ извѣстнаго всему міру «Canzoniére», онъ ничего не писалъ на народномъ языкѣ, рѣшительно предпочитая ему языкъ латинскій. Его поэма «Африка», философскія разсужденія и письма, обработанныя имъ чрезвычайно тщательно и назначаемыя для обращенія къ публикѣ, написаны по-латыни. Сочиненія эти, какъ воспроизведенія об-

разцовъ древняго краснорѣчія, составляли для него самую важнѣйшую часть его литературной дѣятельности и на нихъ смотрѣлъ онъ, какъ на основу своей славы, какъ на заслугу передъ современниками и потомствомъ. Сочиненія эти не заключали въ себѣ, однако же, никакихъ новыхъ идей, никакого прогрессивнаго начала, представляли даже, какъ увидимъ далѣе, такой складъ понятій, уровень котораго былъ значительно ниже уровня, до котораго дошла мысль въ аверроизмѣ. Значеніе ихъ заключалось, слѣдовательно, не въ нихъ самихъ, какъ ошибочно думалъ Петрарка, а состояло только въ томъ, что они возбуждали любовь къ древнимъ писателямъ, знакомили съ ними, вводили читателя въ міръ ихъ посредствомъ множества цитатъ и извлеченій и, возстановляя давно забытыя идеи, дѣлали ихъ достояніемъ европейской интеллигенціи.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть о трудахъ Петрарки по отношенію къ возстановленію греческой литературы, красоты которой онъ болѣе угадывалъ, нежели зналъ, такъ какъ попытка его изучить греческій языкъ не имѣла удачи. То было время, когда трудно было найти не только человѣка, знающаго греческій языкъ, но и греческую книгу. Петрарка былъ первымъ въ Европѣ, возбудившимъ интересъ къ памятникамъ греческой литературы, первый, вызвавшій попытку перевода Гомера на латинскій языкъ. Разыскиванію греческихъ рукописей онъ способствовалъ сколько могъ, но, получая эти рукописи онъ въ порывѣ восторга обнималъ и цѣловалъ ихъ, горько сожалѣя о невозможности ими пользоваться.

Характеризуя Петрарку, какъ перваго дѣятеля европейскаго возрожденія, я всего прежде остановился на самой выдающейся чертѣ его дѣятельности и представилъ его какъ возстановителя классической литературы и проводника классическихъ идей въ современное ему образованное общество. Значеніе его не ограничивается, однако же, этою ролью. Какъ ревностный почитатель классическихъ ораторовъ, поэтовъ и историковъ, какъ пропагандистъ ихъ воззрѣній, Петрарка неизбѣжно усвоилъ ихъ всего прежде самъ и такимъ образомъ выработалъ изъ себя личность, рѣзко противоположную типу средневѣковаго человѣка, личность, которая, помимо роли, посредствующей между древнимъ міромъ и міромъ ей современнымъ, вліяла на послѣдній непосредственно и вліяла тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе противополагалась ему. Въ этомъ отношеніи,

даже непомѣрное славолюбіе Петрарки и его мелочное тщеславіе служили къ усиленію его преобразовательнаго вліянія, которое и было въ дѣйствительности колоссально. Петрарку, какъ замѣчаетъ одинъ изъ историковъ «возрожденія», можно считать не только родоначальникомъ гуманистовъ, но и родоначальникомъ людей новаго времени вообще.

Средневѣковый человѣкъ сознавалъ себя только какъ представителя племени, народа, партіи, корпораціи, семейства, той или другой формы общественныхъ группъ. Никогда поэтому столь значительныя массы людей не жили въ такой степени одинаковою жизнью, не дѣйствовали такъ однообразно и не представляли такой разительной однородности даже въ мысляхъ и чувствахъ, какъ въ средніе вѣка. Даже ученые и художники, составлявшіе самую незначительную часть населенія и по своему роду занятій наименѣе способные поддаваться регулирующему вліянію извнѣ, не могли итти противъ общаго теченія. Величайшіе изъ нихъ представляются не какъ самобытныя личности, но какъ наиболѣе послѣдовательно, ясные и полные истолкователи своихъ системъ, пожертвовавшіе для выполненія этой задачи всѣми особенностями своей индивидуальности. Впервые, у Данте, лишеннаго отечества, блуждающаго изъ страны въ страну и по собственнымъ словамъ его, однимъ собою составлявшему свою политическую партію, проявляются черты индивидуальности, но онѣ не достигаютъ опредѣленности и законченности подъ гнетомъ выдержаннаго схоластическаго міросозерцанія. Не то у Петрарки. Этотъ первый человѣкъ новаго времени освободилъ себя отъ порабощенія какою бы то ни было системою, пересталъ считать послѣдовательность системы своею личною послѣдовательностью и выше своихъ убѣжденій уже почти не зналъ другой регулирующей инстанціи. У него нельзя найти поэтому того спокойнаго самоудовлетворенія, которое водворялось въ душѣ средневѣковаго человѣка, достигшаго болѣе или менѣе полнаго осуществленія требованій своей системы или своей корпораціи; напротивъ того, все существо Петрарки проникнуто идеей борьбы, трудной работой созиданія самобытнаго личнаго характера. Даже и съ внѣшней стороны ярко проявляется у него это новое направляющее начало жизни и дѣятельности; постоянно можно наблюдать, какъ онъ опредѣляетъ достоинство своихъ поступковъ не внѣшней регламентаціей, а внутреннимъ убѣжденіемъ.

Онъ—католическій священникъ—передъ лицомъ цѣлаго свѣта воспѣваетъ свою возлюбленную и ея чисто земныя прелести, онъ не скрываетъ своихъ незаконныхъ дѣтей (отъ другой женщины), онъ устраиваетъ жизнь по своему личному вкусу, то въ обществѣ, то въ уединеніи, но всегда внѣ подчиненія требованіямъ аскетизма, онъ, наконецъ, домогается выгодныхъ приходовъ, для того, чтобы не посѣщать ихъ, а получаемые съ нихъ доходы тратить на покупку сочиненій «языческихъ» писателей.

Поднявъ высокимъ развитіемъ индивидуальности значеніе человѣческой личности, приниженной средневѣковымъ міросозерцаніемъ и средневѣковымъ складомъ жизни, Петрарка не мало сдѣлалъ и для поднятія значенія природы, низведенной до презрѣннаго ничтожества, недостойнаго вниманія ортодоксальнаго католика, одушевленнаго такъ называемыми высшими стремленіями. Правда, что вліяніе арабовъ и поэзія Данте были уже важными шагами къ возстановленію правъ природы, какъ предмета, достойнаго изученія, и какъ источника эстетическихъ наслажденій, но Петрарка и здѣсь вліялъ не однимъ только теоретическимъ, книжнымъ путемъ, а и живымъ примѣромъ. Его восхитительное уединеніе въ Воклюзской долинѣ, на берегахъ Сорги, представляющее одно изъ прелестнѣйшихъ мѣстоположеній европейскаго юга, несомнѣнно оказывало воспитательное вліяніе на посѣщавшихъ Петрарку почитателей, по меньшей мѣрѣ такое же вліяніе, какъ и описаніе красотъ Валькіузы, такъ часто встрѣчающееся въ письмахъ Петрарки. Такое же значеніе имѣло и восхожденіе на гору *Ventoux*, первое восхожденіе новоевропейца, предпринятое безъ всякой практической цѣли, по одному побужденію чувства природы [1]).

Я сказалъ уже, что внутренній міръ Петрарки представляетъ неразрѣшившуюся борьбу противоположныхъ элементовъ. Въ измѣнчивости и текучести его мысли нечего искать чего-нибудь установившагося, прочнаго. Самъ онъ говоритъ, что иногда бывалъ перипатетикомъ, иногда—стоикомъ, иногда,—послѣдователемъ академіи и часто, ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ. Въ другой разъ онъ утверждаетъ, что держится ученія, сомнѣвающагося во всемъ, кромѣ того, сомнѣніе въ чемъ,

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что рѣшеніемъ осуществить это восхожденіе Петрарка обязанъ все же таки древнему автору, и именно Ливію.

по его мнѣнію, преступно. Преклоненіе передъ авторитетомъ древнихъ писателей, также какъ и передъ авторитетомъ католицизма, остается, правда, у него неизмѣннымъ, но зато также неизмѣннымъ остается и противорѣчіе между элементами его раздвоившагося міроразумѣнія. Раздвоеніе это порождаетъ самое хаотическое и безвыходное смѣшеніе понятій: католическая система выставляется какъ сокровищница высочайшихъ истинъ, а аргументы, ее подкрѣпляющіе, заимствуются не только у теологовъ, но и у древнихъ философовъ; допускается даже мысль, что послѣдніе могли получать вдохновеніе свыше подобно первымъ. Случалось, наконецъ, что постороннія вѣянія заставляли Петрарку разрубать этотъ узелъ и достигать мнимаго единства своихъ убѣжденій; такъ подъ вліяніемъ досады, произведенной рѣшительными нападками аверроистовъ, онъ въ сочиненіи «*De sui ipsius et multorum ignorantia*» ставитъ католическое ученіе превыше всѣхъ нападокъ скептицизма. Практика мирно должна была, однако же, обнаруживать для него постоянно, до какой степени произвольно и безпочвенно для него самого было это рѣшительное утвержденіе.

Петрарка, какъ видно изъ предшествовавшаго, подобно схоластикамъ, стремился къ соглашенію теологическаго ученія съ міросозерцаніемъ древнихъ; сходство задачи схоластиковъ съ задачею Петрарки было, однако же, только внѣшнее, и слѣдовательно мнимое, а потому и не могло сдѣлать изъ Петрарки схоластика. Петрарка, впрочемъ, не замѣчалъ сходства своей задачи съ задачею схоластическою и не допскивался его. Онъ былъ заклятымъ врагомъ схоластики и схоластиковъ. Причина этой вражды вполнѣ объяснима. Основная задача схоластики:— соглашеніе свободнаго умозрѣнія, унаслѣдованнаго отъ древнихъ, и неизмѣнно-непогрѣшимой традиціи, была до такой степени затерта мелкими пустыми вопросами, чуждыми сути дѣла, до такой степени скрывалась подъ хламомъ темныхъ отвлеченностей и не идущихъ къ дѣлу разглагольствій, что на практикѣ бороться противъ схоластики не всегда значило бороться противъ постановки или рѣшенія основного вопроса ея, а часто только противъ всего этого многосложнаго вздора. При томъ же, сами схоластики временъ Петрарки такъ увлекались своими вздорными разсужденіями и до такой степени забывали о существеннѣйшемъ содержаніи своей задачи, что сами же они всѣхъ прежде относились къ задачѣ этой крайне безучастно.

Большая часть ихъ, наконецъ, смотрѣла на свое дѣло, какъ на ремесло и была совершенно чужда страстности, по отношенію къ интересамъ мысли. Очевидно, что Петрарка, воспитывавшій себя на древнихъ авторахъ, привыкшій къ ихъ опредѣленности, ясности, соотвѣтствію содержанія и формы и всегда относившійся къ перипетіямъ своей внутренней борьбы съ глубокою тревогою и искренностью, очевидно, что Петрарка не могъ не питать отвращенія къ людямъ, представлявшимся ему глупыми, невѣжественными, пошлыми, праздно-болтливыми и своекорыстными. Ихъ варварская латынь, наконецъ, серьезно раздражала пламеннаго поклонника сладкозвучной рѣчи и придавала враждебнымъ чувствамъ его послѣднюю степень рѣзкости. Послушаемъ только, какъ говоритъ онъ о схоластикахъ: возведеніе въ званіе доктора онъ называетъ превращеніемъ, которое было неизвѣстно Овидію, превращеніемъ глупца въ учителя мудрости; о всѣхъ этихъ учителяхъ мудрости, какъ о толпѣ пустыхъ спорщиковъ, которые будутъ скоро совсѣмъ забыты, «имена ихъ и тѣла, говоритъ онъ, схоронятся въ одной общей могилѣ». Защитники Аристотеля пробовали прятаться за авторитетъ Аристотеля, но это не спасло ихъ: Петрарка обыкновенно устранялъ Аристотеля изъ спора, ссылаясь на искаженія, которымъ подверглись сочиненія этого философа отъ переводчиковъ и толкователей. Принужденный высказать свое мнѣніе объ Аристотелѣ безъ изворотовъ, онъ имѣлъ смѣлость, впрочемъ, отвергнуть абсолютное значеніе авторитета Аристотеля и такимъ образомъ рѣшительно стать выше раболѣпія схоластиковъ. Поступая такимъ образомъ, онъ чувствовалъ себя не одинокимъ, какъ сто лѣтъ предъ тѣмъ Рожеръ Бэконъ: время обновленія умственной дѣятельности было близко. И хотя схоластика была еще не убита, но она принуждена уже была уступить свое передовое положеніе новому умонастроенію, первымъ представителемъ котораго и былъ Петрарка.

Враждуя противъ схоластики и доходя въ этой враждѣ до отверженія авторитета Аристотеля, Петрарка инстинктивно противупоставлялъ Аристотелю Платона. Для схоластиковъ Платонъ не имѣлъ большого значенія: они знали изъ всѣхъ его сочиненій только два и думали, что онъ не написалъ ничего болѣе. Петрарка владѣлъ 16 сочиненіями Платона и, слѣдовательно, былъ вполнѣ убѣжденъ въ несостоятельности поня-

тія схоластиковъ объ этомъ мыслителѣ. Онъ зналъ, что великіе классики, которыхъ онъ цитировалъ наизусть, восхищаются Платономъ и называютъ философію его божественною. Этого было довольно для него, чтобы вѣровать въ величіе Платона, называть его первымъ философомъ, краснорѣчіе его—божественнымъ и считать противниковъ его плебейскимъ и мелочнымъ народомъ. Такимъ образомъ онъ предвѣщалъ новое направленіе философіи, возникшее съ XV вѣка, но не имѣлъ силъ сколько-нибудь опредѣленно формулировать его.

Превозношеніе Платона было въ борьбѣ Петрарки со схоластиками только эпизодомъ. Гораздо тѣснѣе были сплетены съ борьбою этою его нападенія на нѣкоторыя застарѣлыя и общераспространенныя суевѣрія, на которыя, также какъ и на схоластику онъ смотрѣлъ какъ на пагубное для умовъ наслѣдіе темнаго времени. Во главѣ такихъ суевѣрій стояло вѣрованіе въ алхимію и астрологію. Вѣрованіе это было, правда, осуждено церковью, какъ навожденіе діавола, но тѣмъ самымъ потверждалась только реальность его содержанія, а существованіе каѳедръ астрологіи и алхиміи въ университетахъ и должности астролога при дворахъ придавало суевѣріямъ этимъ особенно важное значеніе. Рѣшительное нападеніе на нихъ Петрарки свидѣтельствовало такимъ образомъ и о независимости его мысли и о прямотѣ его характера, также какъ и замѣчательномъ предчувствіи наступленія того времени, когда изученіе небесныхъ явленій и состава тѣлъ освободится отъ обманчивыхъ побужденій и внѣшнихъ цѣлей, а будетъ совершаться въ смыслѣ научномъ.

Ненавидя алхимиковъ и астрологовъ, какъ обманщиковъ и шарлатановъ, Петрарка преслѣдовалъ такою же ненавистью и медиковъ. Хотя медицина его времени, какъ говоритъ историкъ этой науки Дарамберъ, и начинала уже покидать старый путь и вступать на новый, но прогрессъ этотъ былъ еще такъ слабъ, что Петрарка не въ состояніи былъ замѣтить его и судилъ о наукѣ, какъ многіе это и теперь дѣлаютъ, по отдѣльнымъ ея представителямъ. Подъ вліяніемъ частныхъ личныхъ столкновеній, нападенія его на медиковъ были особенно страстны; ими онъ положилъ начало той отдѣльной отрасли полемической литературы эпохи возрожденія, которая впослѣдствіи получила широкое развитіе и пріобрѣла громкую извѣстность—литературы инвектовъ. Въ инвективахъ Петрарки

(Invectivae in medicum) есть уже въ зародышѣ всѣ особенности инвективъ Поджіо, Филельфо, Лоренцо Валлы и др. гуманистовъ XV вѣка.

Страстная борьба Петрарки противъ невѣжества, бездарности и шарлатанства схоластиковъ, астрологовъ, алхимиковъ и медиковъ имѣла, конечно, не маловажное значеніе для его времени. Борьба эта заставляла скептически относиться къ вопросамъ, рѣшенія которыхъ успѣли принять рутинный характеръ, нарушала сонъ догматизма въ наукѣ, толкала умъ на путь критики; но она еще не въ состояніи была выработать сколько-нибудь вѣрнаго взгляда на положительную задачу науки, она не умѣла даже поставить вопросъ объ этой задачѣ. Свойства личнаго ума и характера Петрарки, раздвоенность его основной точки зрѣнія, никогда не разрѣшавшаяся внутренняя его борьба, страсть къ изученію только литературныхъ источниковъ древности и увлеченіе преимущественно внѣшнею стороною ихъ: краснорѣчіемъ, сладкозвучіемъ, самая новость, наконецъ, того пути, на который Петрарка вступилъ первымъ,—все это было причиною возникновенія тѣхъ наивныхъ и нелѣпыхъ сужденій о наукѣ, которыя мы встрѣчаемъ у этого перваго классика новаго времени. Наука, по его идеѣ, должна служить добродѣтели и преклоняться передъ нею; филологъ, по его мнѣнію, совершенно напрасно заботится о законахъ языка и ради ихъ забываетъ о законахъ божіихъ, историкъ—о дѣяніяхъ другихъ, а не о своихъ собственныхъ и т. д. Неудивительно поэтому, что сочиненія Петрарки лишены всякаго значенія для настоящаго времени. Едва ли я ошибусь, утверждая, что за исключеніемъ высказанной имъ мимоходомъ мысли о вліяніи климата на человѣка [1]), мысли, развитой впослѣдствіи Монтескье и представляющей зачаточное состояніе одной изъ отраслей современной соціологіи—мезологіи (см. *Bertillon*. De l'influence du milieu ou Mésologie), врядъ ли найдется хоть одно научное положеніе, связанное историческою филіаціею съ современнымъ міросозерцаніемъ. Географическія его работы не имѣютъ также важнаго значенія: Оскаръ Пешель и Вивьенъ де С. Мартенъ въ извѣстныхъ своихъ сочиненіяхъ считаютъ излишнимъ упоминать о нихъ.

Вотъ все, что я считалъ нужнымъ сказать о Петраркѣ, какъ

[1]) См. цитату у *P. Verri*. Storia di Milano. Firenze, 1851. Vol. I. p. 342.

о дѣятелѣ, имѣющемъ общеевропейское значеніе. Говорить же о заслугахъ его для итальянской литературы, имѣющихъ относительно частное значеніе, здѣсь, конечно, не мѣсто.

Я упомянулъ уже объ усиліяхъ Петрарки овладѣть греческимъ языкомъ на столько, чтобы имѣть возможность непосредственно ознакомиться съ греческою литературою. Я говорилъ, что Петрарка былъ первый изъ западно-европейцевъ, поставившій себѣ такую цѣль, и объяснилъ причину его неудачи. Но если Петрарка самъ не могъ понимать тѣхъ греческихъ книгъ, которыми владѣлъ, если онъ вынужденъ былъ довольствоваться тѣмъ, что любовался ими, цѣловалъ ихъ, то это только сильнѣе возбуждало его приложить всѣ усилія для побужденія къ занятію греческимъ языкомъ другихъ, поставленныхъ въ лучшія условія. Все вліяніе, которое онъ имѣлъ на поклонника своего и друга—Боккаччіо, было употреблено имъ для этой цѣли. Возбуждаемый постоянными его настояніями, Боккаччіо дѣйствительно, какъ самъ говорилъ потомъ съ гордостью, былъ первымъ, оказавшимъ радушное гостепріимство греческой музѣ въ Италіи, первымъ, имѣвшимъ возможность комментировать Иліаду по подлиннику. Три года работалъ онъ съ одному ему свойственною усидчивостью, добиваясь этого результата и тщательно отмѣчая все то, что узналъ отъ учителя своего Леонтія Пилата, не исключая и массы вздора, которымъ щедро снабжалъ его этотъ шарлатанъ. Какъ бы то ни было, но завѣтная цѣль Петрарки была достигнута; слушая чтеніе Боккаччіо, онъ не рисковалъ уже болѣе споткнуться на знаменитую фразу: «graeca sunt, non leguntur», а имѣлъ право ожидать еще перевода и толкованія.

Обладая талантомъ блестящаго разсказчика, Боккаччіо сдѣлался эрудитомъ только вслѣдствіе подчиненія вліянію Петрарки и если значеніе этой эрудиціи, поскольку она первая проложила путь въ греческую литературу, и очень важно, то сама по себѣ она всегда была ничтожна. Въ своихъ ученыхъ сочиненіяхъ: «Генеалогія боговъ», трактатѣ «о горахъ, лѣсахъ, источникахъ, рѣкахъ, болотахъ и моряхъ», также, какъ и въ трактатѣ «о знаменитыхъ женщинахъ», Боккаччіо является крайне жалкимъ и безхарактернымъ компиляторомъ: онъ безъ критики нагромождаетъ факты на факты, записываетъ безъ разбору все, что ни находитъ у древнихъ авторовъ, заноситъ, какъ достойныя вниманія, всѣ глупости, слышанныя отъ Леон-

тія Пилата, сваливаетъ въ одну кучу самыя рѣзкія противорѣчія и наивно объясняетъ свою неразборчивость тѣмъ, что для бога все возможно. Всѣ заслуги Боккаччіо для европейскаго возрожденія сводятся такимъ образомъ къ его трудамъ по греческой филологіи. Труды эти распространяли вкусъ къ греческой литературѣ и возбуждали къ изученію греческаго языка. Вскорѣ послѣ смерти Боккаччіо вокругъ каѳедры Хризолора толпились слушатели, тогда какъ Леонтій Пилатъ никогда не могъ собрать ихъ болѣе пяти.

Петрарка и Боккаччіо были первыми и главными представителями классическаго возрожденія въ его первоначальной умѣренной формѣ. Оба они, вмѣстѣ съ провозвѣстникомъ возрожденія—Данте, каждый въ предѣлахъ тѣхъ условій, въ которыхъ стоялъ, послужили возстановленію почти забытой древней литературы и каждый болѣе или менѣе и самъ писалъ на одномъ изъ языковъ этой литературы; но каждый, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отказывался, однако же, отъ языка своего народа и всѣ трое остались навсегда въ исторіи, какъ создатели итальянскаго литературнаго языка. Иной путь избираютъ представители возрожденія, начиная съ 30-хъ годовъ XV-го столѣтія: они отвертываются отъ народа, отказываются отъ его языка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доводятъ преклоненіе передъ авторитетомъ древнихъ до крайности и увлеченіе внѣшнею красотою рѣчи до нелѣпости. Они создаютъ крайнюю форму классицизма, видоизмѣненія котораго существуютъ и по настоящее время.

Между временемъ первыхъ дѣятелей возрожденія, заканчивающемся смертью Петрарки и Боккаччіо (1374—1375), и вѣкомъ беззавѣтныхъ классиковъ лежитъ, такимъ образомъ, значительный промежутокъ времени, составляющій переходный періодъ отъ умѣреннаго фазиса возрожденія къ крайнему. Въ теченіе періода этого неизбѣжно долженъ былъ совершиться въ той или другой формѣ процессъ выработки новыхъ ультраклассическихъ воззрѣній и вытѣсненія ими старыхъ, народноклассическихъ. Неизбѣжность этого процесса очевидна. Форма его, послѣдовательность ихъ смѣны, также, какъ и вообще колебанія и перипетіи этого процесса были до послѣдняго времени совершенно неизвѣстны, не только европейскимъ ученымъ, но и самимъ итальянцамъ. Первый, правильно поставившій вопросъ объ этомъ періодѣ и разрѣшившій его, былъ нашъ соотечественникъ—А. Н. Веселовскій. Теперь, благодаря его ученому труду,

явилась возможность объяснить характеръ переходнаго періода эпохи возрожденія и перестать повторять тѣ несообразности, которыя, переходя изъ книги въ книгу, успѣли сдѣлаться уже общимъ мѣстомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда отъ вопросовъ, возникающихъ при изученіи этого историческаго періода, отдѣлывались самымъ простѣйшимъ изъ средствъ—молчаніемъ.

Изслѣдованіе этой эпохи всего ближе было, конечно, итальянцамъ. Они не сдѣлали этого по той причинѣ, по которой и у насъ часто не дѣлается многое, что̀ должно бы и могло бы дѣлаться. Широкость натуры, какъ можно заключить изъ упрека, дѣлаемаго итальянцамъ Де-Санктисомъ, была тому причиною. «Мы,—говоритъ Де-Санктисъ,—не сдѣлали ничего значительнаго для изученія того или другого изъ нашихъ писателей, а имѣемъ уже много исторій литературы. Почему же это такъ? Потому, что замыслы наши широки, несоразмѣрны съ нашими силами, потому что мы не беремся за работы опредѣленнаго размѣра, вполнѣ сообразнаго съ нашею подготовкою». По этой причинѣ и могло выработаться въ итальянской литературѣ мнѣніе, что будто бы въ теченіе періода, о которомъ идетъ рѣчь, литература отсутствуетъ, поэзія безмолствуетъ и философія не существуетъ (Феррари).

Г. Веселовскому, при помощи новыхъ матеріаловъ, открытыхъ имъ въ риккардіанской библіотекѣ въ 1865 году [1]), стало возможно отвергнуть ложные взгляды на этотъ важный моментъ исторіи европейской культуры и подтвердить, какъ несомнѣнный фактъ, что между эпохою Данте, Петрарки и Боккаччіо и эпохою исключительной латино-греческой эрудиціи существуютъ посредствующіе связующіе фазисы развитія, отношенія причины и слѣдствія, остававшіяся до сихъ поръ неизвѣстными. Работою своею г. Веселовскій пролилъ совершенно новый свѣтъ на періодъ, такъ долго подвергавшійся ложному истолкованію, онъ разложилъ его на его элементы, указалъ на сродство и противоположность между ними, прослѣдилъ вымираніе однихъ

---

[1]) *A. Wesselofsky.* Il Paradiso degli Alberti, ritrovi e ragionamenti del 1389, romanzo di Giovanni da Prato, dal codice autografo e anonimo della riccardiana. Bol. 1866—68, 4 t. То же сочиненіе, съ нѣкоторыми измѣненіями, по-русски: Вилла Альберти, новые матеріалы для характеристики литературнаго и общественнаго перелома въ итал. жизни XIV и XV ст. М. 1870.

и возростаніе другихъ, опредѣлилъ отношеніе ихъ какъ къ предшествовавшей, такъ и къ послѣдующей эпохѣ [1]).

Весь періодъ отъ смерти Боккаччіо до побѣды Козимо Медичи, какъ видно изъ изслѣдованія г. Веселовскаго, представляетъ постепенное вымираніе и постоянное зарожденіе какъ въ политикѣ, такъ и въ литературѣ: вымираетъ итальянскій языкъ, только что получившій права литературнаго гражданства, и обновляется латинскій; падаютъ народныя надежды партіи Чомпи, и въ то же время побѣда мелкихъ цеховъ готовитъ путь для принципата; вымираетъ національная литература, ея мѣсто занимаетъ придворная поэзія и уединенное философствованіе избранныхъ умовъ, которые начинаютъ сторониться отъ *profanum vulgus*, собираясь подъ крылья княжескаго меценатства, вскорѣ пріобрѣтающаго привычку смотрѣть на нихъ, какъ на предметы роскоши. Однимъ словомъ, насколько пріобрѣталось съ одной стороны, настолько утрачивалось съ другой: возстановлялись упорнымъ трудомъ дѣдовскія преданія античнаго міра, забытыя въ теченіе столькихъ вѣковъ національнаго развитія, и въ то же самое время упускалась изъ-подъ ногъ эта національная почва, такъ что самая культура возрожденія носитъ скорѣе универсальный, чѣмъ итальянскій отпечатокъ... Переходъ этотъ совершился, конечно, не вдругъ, но происходилъ тихо, незамѣтно: въ той мѣрѣ, какъ падала прежняя свобода и самостоятельность народнаго развитія, возвышалась на плечахъ ихъ классическая образованность принципата, такъ что время отъ 1375 до 1434 г. представляетъ непрерывную постепенность упадка и прогреса. Переходный періодъ полонъ противоположностей, но противоположности эти не всегда достаточно опредѣленны и представляются иногда какъ бы сплывающимися. Явленіе это происходитъ оттого, что противоположности эти не всегда ограничивались одною теоріею и нерѣдко переходили въ жизнь: люди разныхъ партій, вышедшіе изъ одного и того же прошлаго, не всѣ одинаково умѣли отъ него отрѣшиться и одинаково страстно отдаться привлеченіямъ новизны. Оттого и на людяхъ, и на всѣхъ явленіяхъ переходной эпохи лежитъ одинъ и тотъ же смѣшанный колоритъ непримиримыхъ противоположностей, неразрѣшимыхъ противорѣчій, гдѣ свѣжія краски

[1]) О томъ, какъ высоко цѣнятъ итальянцы заслугу г. Веселовскаго, см. *Giosué Carducci*, Musica e poesia del secola XIV. (въ Studi Letterari. p. 380).

легли на старый грунтъ, и, наоборотъ, въ поддѣлкѣ, обличающей самое современное происхожденіе, иногда объявляется черта, напоминающая доброе старое время [1]).

Когда Данте выступилъ противъ духовенства, стоявшаго на стражѣ науки, защищенной китайской стѣною мертваго языка, и началъ свою горячую проповѣдь о популяризаціи знанія, со свойственною ему прямотою и искренностью взывая къ тѣмъ, «которые сидятъ у стола, гдѣ подается пища ангеловъ», не желая знать «питающихся скотскою пищею», и требовалъ отъ этихъ счастливцевъ участія къ невѣжеству бѣдняковъ (Convito. Tr. I. Cap. I),—тогда духовенство вооружилось противъ него и обвинило его въ стремленіи «умалить божество» (menomare la deitade) посредствомъ популяризаціи научныхъ истинъ, и озлобилось до такой степени, что было даже не прочь предать сожженію его прахъ. Оно, очевидно, понимало уже, что Данте представлялъ своими требованіями требованія самого народа, начинавшаго сознавать свои права на независимость мысли. Чтобы мысль эта продолжала безмолствовать, необходимо было оставлять ее попрежнему безъ органа для ея выраженія, надо было вести борьбу противъ народнаго языка. Миновало, однако же, это время, побѣдилъ народный языкъ, и сама церковь принуждена писать и наставлять народъ по-итальянски, какъ вотъ противъ народнаго движенія возстаетъ новая оппозиція, наносится ему новый ударъ оттуда, откуда можно было ожидать его всего менѣе. Что это за явленіе? Это—опирающееся на принципатъ классическое возрожденіе, медленно, но вѣрно подвигающееся къ своей цѣли. «Оно уже не задается прежнею задачею: передать народу и на его языкѣ науку, которую церковь эгоистически берегла подъ проницаемой броней схоластической латыни, она тоже хочетъ отнять ее у церкви, но лишь затѣмъ, чтобы возвести ее къ исконному источнику и къ чистотѣ цицероновской рѣчи. Какъ видно—вопросъ въ томъ и другомъ случаѣ ставился одинъ и тотъ же: надо было взять науку изъ рукъ клериковъ, до тѣхъ поръ исключительно владѣвшихъ ею, и передать ее свѣтскимъ людямъ. Только въ послѣднемъ случаѣ средство употреблено было менѣе народное, отчего и развивается впослѣдствіи та новая исключительность, характеризующая школу позднѣйшаго классическа-

[1]) Вилла Альберти, стр. 71—72 и III.

го возрожденія, которая на золотой XIV вѣкъ итальянской литературы смотритъ свысока, смѣшивая его съ средними вѣками, и снова пишетъ по-латыни. Попытки старыхъ популяризаторовъ забыты, знаніе попрежнему уединяется на этотъ разъ въ блестящую латинскую фразу. Чѣмъ далѣе въ XV столѣтіе, тѣмъ яснѣе и точнѣе высказывается это новое направленіе свѣтской литературы, тѣмъ рѣже память объ изящныхъ образцахъ, завѣщанныхъ цвѣтущимъ періодомъ народной итальянской поэзіи. Языкъ, выработанный тремя флорентійскими поэтами, оставленъ; и къ чему они сами, когда Виргилій и Овидій раскрывали читателю красоты совсѣмъ иного свойства, а разсказы Ливія и Саллюстія поднимали его народное самознаніе на высоту, откуда оно охватывало всю Италію и все человѣчество въ чертѣ стараго orbis romanus? Еще у Бенедетто Аккольти (1415 † 1466), посвятившаго Козмѣ Медичи свой «Dialogus de praestantia virorum sui aevi», Данте и Петрарка являются великими именами, ихъ позволено сравнивать съ Виргиліемъ и Гомеромъ по изяществу, нѣжности и богатству мыслей. «Жаль только, что они писали на народномъ языкѣ, а не по-латыни и не по-гречески! Это, разумѣется, не помѣшало имъ быть ученѣйшими и мудрѣйшими и не совсѣмъ неспособными къ латинской поэзіи, что доказываютъ ихъ буколики и Африка послѣдняго: творенія далеко не посредственныя, хотя, разумѣется, они не могутъ быть сравнены ни съ однимъ произведеніемъ древнихъ. То же самое должно сказать и о Джіованни Боккаччіо, мужѣ очень ученомъ и столь изящномъ писателѣ въ прозѣ и стихахъ, что, если взвѣсить только содержаніе, а не изложеніе, онъ можетъ считаться хорошимъ поэтомъ и отличнымъ ораторомъ» [1]). Еще бо̀льшей опредѣленности достигаетъ новое направленіе у Никколо Никколи, разсужденія котораго находятся въ рукописи, открытой г. Веселовскимъ. Никколи находитъ свой вѣкъ жалкимъ: крайній недостатокъ книгъ не даетъ никому возможности выйдти изъ невѣжества. «Найдется ли теперь какое-нибудь искусство или наука, которая не была бы лишена своего значенія или и вовсе изгнана, говоритъ онъ. Посмотри на любую изъ нихъ и разсуди, что она теперь и чѣмъ была прежде: ты видишь, всѣ онѣ до того дошли, что остается только отчаиваться»... И опять приходитъ онъ къ жалобѣ на то, что книгъ нѣтъ, что незначительное число суще-

[1]) Тамъ же, стр. 194—195.

ствующихъ до того испорчены, что недалеки отъ разрушенія, тексты искажены и даже сочиненія Аристотеля, на которыя постоянно ссылаются, какъ на высшій авторитетъ, находятся въ такомъ состояніи, что если бы показать ихъ Аристотелю, онъ точно также не призналъ бы ихъ своими, какъ Актеона, обращеннаго въ оленя, не признали его же собаки. Условія времени, заключаетъ онъ, таковы, что невѣжество не можетъ не преобладать повсемѣстно. По этой причинѣ Никколи еще извиняетъ невѣжество, но не можетъ переносить надменности этого невѣжества, считающаго себя мудростью. Онъ не стѣсняется поэтому обвинять Данте, Петрарку и Боккаччіо въ недостаткахъ языка и слога, въ неумѣлыхъ поэтическихъ пріемахъ и незнаніи древности и величайшаго изъ нихъ—Данте, называетъ круглымъ невѣждою. «Я отдѣляю этого поэта,—говоритъ онъ,—отъ сонма литераторовъ, представляя его булочникамъ, шорникамъ и подобному люду. Онъ и писалъ такъ, какъ будто хотѣлъ быть имъ понятенъ» [1]).

Итакъ, образованность и знаніе древности тождественны, невѣжество есть незнаніе древности, народность—презрѣнна, положенія эти ясно формулированы и съ ними мы приближаемся къ новому фазису возрожденія.

Выйдти изъ невѣжества, значитъ узнать древность; но какъ узнать ее? Только по оставленнымъ ею памятникамъ и всего прежде по книгамъ. Но книгъ, какъ жалуется уже Никколи, нѣтъ, т. е. число ихъ крайне ничтожно, такъ ничтожно, что не даетъ еще желаемаго знанія. Чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣзче слышится щемящій сердце гуманиста возгласъ:—книгъ нѣтъ, и возгласъ этотъ становится стимуломъ для самыхъ дѣятельныхъ поисковъ древнихъ рукописей. Италія и вся западная Европа, также какъ и востокъ, становятся обширною ареною дѣятельности многочисленныхъ книгоискателей, проникающихъ во всѣ закоулки, гдѣ только они могли подозрѣвать существованіе памятниковъ старины. Открытыя ими сокровища быстро распространяются въ средѣ образованнаго общества и, въ свою очередь, воздѣйствуютъ на него: еще сильнѣе возбуждаютъ въ немъ любовь къ древности, еще рѣзче выставляютъ контрастъ между нею и современностью, еще пламеннѣе заставляютъ желать новыхъ находокъ и придаютъ еще большее упорство жалобѣ на непс-

[1]) Тамъ же: 203—207.

правность и недостатокъ книгъ. Изъ такого взаимнодѣйствія любви къ древней литературѣ и успѣховъ возстановленія древнихъ памятниковъ вырабатывается при дѣятельной помощи усиливающагося принципата тотъ новый фазисъ ультра-классическаго направленія, представителями котораго являются итальянскіе литераторы XV вѣка—гуманисты.

Напряженному желанію знакомства съ древнею литературою и обладанія ея произведеніями соотвѣтствовало и то напряженное состояніе духа, которое составляетъ отличительную черту гуманистовъ, разыскивающихъ древнія рукописи. «Читая письма итальянскихъ ученыхъ этого времени, говоритъ Уэвель, едва возможно понять теперь ихъ восторгъ по поводу такой находки (какъ старая рукопись), точно также какъ и отчаянія, производимаго неудавшимся ожиданіемъ. Вѣнцы и троны не обрадовали бы въ такой степени этихъ людей, какъ открытіе неизвѣстной до того или только не вполнѣ извѣстной греческой или римской рукописи. Когда флорентинецъ Поджіо нашелъ копію Квинтиліана,—другъ его Аретинъ писалъ ему: «О великолѣпная находка, о громаднѣйшее пріобрѣтеніе! я прошу тебя, я заклинаю тебя, Поджіо, пришли мнѣ рукопись, такъ скоро, какъ только возможно, чтобы я могъ увидѣть ее, ранѣе, чѣмъ умру»[1]).

Время констанцкаго собора составляетъ эпоху въ исторіи классическихъ открытій гуманистовъ, такъ какъ съ этого именно времени разыскиваніе ихъ начинаетъ распространяться на всю Европу. Перестаетъ быть рѣдкостью, чтобы легаты и нунціи римской куріи были въ то же время и литературными эмиссарами. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, кардиналъ Бранди и Чезарини, были настолько образованы, что сами могли рыться въ нѣмецкихъ монастырскихъ библіотекахъ, другіе имѣли для этой цѣли секретарей, избранныхъ изъ среды гуманистовъ. Подобныя духовныя лица и ихъ секретари отовсюду присылали въ Италію свои находки. Во время базельскаго собора дѣло это велось весьма широко и кардиналы Чезарини и Альбергати въ той же мѣрѣ занимались древнею литературою, какъ и теологіею.

Поджіо (Брачіолини), будучи въ качествѣ папскаго секретаря на констанцскомъ соборѣ, особенно прославился своими

---

[1]) *W. Whewell.* Geschichte der inductiven Wissenschaften. Uebers. v. J. J. Littrow. I. Th. s. 362.

удачными находками. Пренія прелатовъ и докторовъ о дѣлахъ еретиковъ и связанныхъ съ ними вопросахъ казались ему смѣшными; онъ считалъ ихъ старосвѣтскими и глупыми. Онъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ относился къ своему апостолическому секретаріатству и всю свою дѣятельность посвящалъ литературной миссіи, возложенной на него его флорентинскими и венеціанскими друзьями. Ничто не останавливало его при выполненіи взятыхъ имъ на себя обязанностей; онъ—житель юга—пренебрегалъ холодомъ и снѣгомъ и разъѣзжалъ по монастырямъ, вездѣ разыскивая литературныя сокровища. Нашедши какое-нибудь сочиненіе, онъ отсылалъ его въ Италію въ оригиналѣ или собственноручной копіи. Здѣсь присланныя имъ рукописи сличали съ рукописями уже имѣвшимися и возстановляли, сколько было возможно, ея текстъ, или, если сочиненіе было совершенно неизвѣстно, ограничивались распространеніемъ его во множествѣ списковъ. Изъ Констанца прислалъ Поджіо частью полныя, частью отрывочныя сочиненія Квинтиліана, Валерія Флакка, Лукреція, Витрувія, Колумеллы, нѣкоторыя рѣчи Цицерона, нѣкоторыя комедіи Плавта и другія сочиненія, менѣе важныя. Всѣ эти находки потребовали многочисленныхъ поѣздокъ въ разныя стороны и большой траты денегъ, на которыя не скупились меценаты. Не обошлись поиски Поджіо безъ излишнихъ, напрасныхъ хлопотъ и разочарованій: такъ, самъ онъ напрасно ѣздилъ за книгами въ Англію и столь же напрасно посылалъ развѣдчиковъ въ нѣкоторые датскіе монастыри. Около этого же времени и другіе гуманисты дѣлали важныя находки: Бартоломео де-Монтепульчіано нашелъ сочиненіе Вегеція о военномъ искусствѣ и грамматическія извлеченія изъ Помпея Феста; Ліонардо Бруни (Аретинъ), нѣкоторыя сочиненія Цицерона, вліяніе котораго на гумманистовъ было особенно сильно, такъ что Флавіо Біондо считалъ открытіе этихъ сочиненій началомъ новой эры; самъ Флавіо Біондо открылъ въ Лоди одно изъ сочиненій Цицерона (Брута). Другіе гуманисты были очень счастливы въ своихъ поискахъ на востокѣ, откуда они возвращались съ большимъ запасомъ греческихъ рукописей: Ауриспа въ 1423 году привезъ 238 рукописей, въ числѣ которыхъ находились сочиненія Платона, Ксенофонта, Арріана, Діона Кассія, Діодора, Страбона, Лукіана и др. Филельфъ, въ 1427, тоже привезъ большое количество книгъ. Всѣхъ менѣе доставилъ ихъ Гуарино, такъ какъ часть ихъ погибла на морѣ во время пе-

рѣзда; несчастіе это, какъ разсказывали позже, сдѣлало его сѣдымъ [1]).

Такъ въ постоянномъ возрастаніи классическаго матеріала и постепенномъ усиленіи и развитіи партіи, для которой онъ служилъ нравственною пищею, прошло то переходное время, когда продолжали еще раздаваться голоса сторонниковъ народнаго направленія, и наступило полное торжество литературно-классическаго возрожденія, безусловное полновластіе надъ умами той партіи, для которой итальянская литература начиналась съ Хризолора и Ліонардо Бруни, ранѣе коихъ виднѣлась одна лишь мерзость запустѣнія, а вѣкъ Данте, Петрарки и Боккаччіо представлялся отребьемъ всѣхъ вѣковъ, зараженнымъ глубочайшимъ невѣжествомъ, т.-е. незнаніемъ классической литературы, становящейся теперь исключительнымъ источникомъ свѣта [2]).

Если въ первой трети XV вѣка поклонники классической литературы жалуются на недостатокъ книгъ, то въ позднѣйшіе годы его, благодаря неутомимой дѣятельности гуманистовъ, книгъ набралось уже столько, что явились цѣлыя библіотеки, составленныя исключительно изъ классическихъ сочиненій. Всякому, знавшему латинскій и греческій языки представлялся теперь для изученія древности богатый матеріалъ. Разыскиваніе книгъ не прекращалось, конечно, такъ какъ надежда пополнить пробѣлы во вновь образованныхъ библіотекахъ не исчезла и богатые покровители классицизма во Флоренціи, Венеціи, Римѣ и другихъ городахъ Италіи продолжали держать литературныхъ агентовъ и тратить на книги значительныя суммы. Повсемѣстное разыскиваніе книгъ, бывшее отличительною характеристическою чертою переходнаго періода, не прекращается такимъ образомъ и въ этомъ новомъ ультра-классическомъ; но такъ какъ новыя находки становятся уже рѣдкостью, то вопросъ о систематизаціи собранныхъ книгъ и храненіи ихъ самъ собою выступаетъ на первый планъ. Сперва во Флоренціи, а потомъ и въ другихъ городахъ Италіи, возникаютъ библіотеки, какъ по составу своему, такъ и по способу пользованія хранимыхъ въ нихъ книгъ, существенно отличающіяся отъ преж-

---

[1]) См. *Voigt.* Die Wiederbelebung etc. s. 134—143. *Burckhard.* Die Cultur der Renaissance s. 149.

[2]) Веселовскій, тамъ же, стр. 196. *Voigt.* id. s. 195.

нихъ библіотекъ монастырскихъ. Первая мысль объ учрежденіи такихъ библіотекъ возникала еще у Салутато; ему, впрочемъ, хотѣлось только предотвратить искаженіе текстовъ и для этой цѣли онъ считалъ необходимымъ ввѣрить библіотеку лицамъ, извѣстнымъ своимъ знаніемъ дѣла. Образовательныхъ цѣлей у него еще не было. У Никколи являются уже совершенно другіе мотивы: онъ стремится къ общественной пользѣ и задумываетъ поэтому уже публичную библіотеку. Идея эта могла осуществиться, однако же, только послѣ его смерти, а именно въ 1444 году, благодаря щедрости Козимо Медичи [1]), впослѣдствіи много способствовавшаго ея обогащенію. Первымъ библіотекаремъ этой библіотеки былъ Томассо Парентучелли. Ему принадлежитъ планъ классификаціи книгъ, принятый потомъ во всѣхъ вновь учреждаемыхъ итальянскихъ библіотекахъ, въ томъ числѣ и римской, основателемъ которой былъ тотъ же скромный Парентучелли, тогда уже папа Николай V. Дѣятельность этого страстнаго собирателя книгъ выступаетъ ярко даже и рядомъ со множествомъ соревнователей его во всѣхъ городахъ Италіи. Покупка книгъ и поощреніе дѣятельности гуманистовъ вообще входила въ его бюджетъ, какъ одна изъ главныхъ статей расхода казны, средства которой были особенно блестящи послѣ юбилейнаго года (1450). Какъ распорядитель большихъ денежныхъ средствъ и какъ глава католичества, Николай V имѣлъ возможность проявить свою дѣятельность чрезвычайно широко. Монастыри Италіи и всей западной Европы до Вислы и Прегеля, повинуясь его распоряженіямъ, открыли свои библіотеки его агентамъ. Ослушаніе влекло за собою отлученіе. Тайные агенты папы проникали между тѣмъ на востокъ, гдѣ добывали греческія и еврейскія рукописи. Эти послѣднія стали разыскиваться впервые при Николаѣ, которому особенно хотѣлось имѣть евангеліе отъ Матѳея на еврейскомъ языкѣ. За эту находку онъ обѣщалъ пять тысячъ дукатовъ, но его ожиданія, само собою разумѣется, никогда не осуществились.

Выгоды положенія Николая V дали ему возможность основать въ Римѣ библіотеку, которая съ успѣхомъ могла соперни-

[1]) Такъ, напримѣръ, Козимо Медичи, узнавъ, что въ одномъ монастырѣ, въ Любекѣ, существуетъ еще не бывшее извѣстнымъ сочиненіе Плинія, вступилъ въ переговоры о немъ съ монахами и купилъ его за сто червонцевъ.

чать съ библіотеками Флоренціи. Этого папу и слѣдуетъ въ дѣйствительности считать основателемъ ватиканской библіотеки, такъ какъ существовавшій до него запасъ книгъ, сдѣланный при Мартынѣ V, не соотвѣтствовалъ по составу своему требованіямъ гуманистовъ и былъ, по свидѣтельству современниковъ, ничтоженъ. Краеугольнымъ камнемъ ватиканской библіотеки несомнѣнно былъ фондъ классическихъ сочиненій, а сочиненія эти были собраны при Николаѣ. И если онъ не успѣлъ довести плановъ своихъ до конца,—что впослѣдствіи сдѣлалъ уже Сикстъ IV,—то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для ихъ осуществленія... Въ теченіе пяти лѣтъ, а именно отъ юбилея въ 1450 году до самой смерти, Николай V относился къ ватиканской библіотекѣ, какъ къ любимому своему учрежденію, и не жалѣлъ на него денегъ. Ему заманчива была слава Птоломеевъ и онъ дѣлалъ многое ради ея, но несомнѣнно и то, что въ любви къ книгамъ было у него много непосредственнаго и искренняго: проводить время въ библіотекѣ, расхаживать между книгами, разставлять ихъ на полкахъ, разсматривать дорогіе переплеты, перелистывать рѣдкія рукописи, все это было для него наслажденіемъ. Такъ и изображенъ онъ, разставляющимъ книги, въ одной изъ залъ Ватикана.

При учрежденіи библіотекъ не могло быть конечно и рѣчи о наполненіи ихъ тѣми драгоцѣнными оригиналами, которые были находимы ревностными искателями книгъ и число которыхъ было относительно очень незначительно. Въ связи съ учрежденіемъ библіотекъ находилось поэтому воспроизведеніе оригиналовъ. А такъ какъ копіи нужны были кромѣ того и частнымъ лицамъ, то занятіе перепиской стало въ это время не безвыгоднымъ и было пріурочено частью къ библіотекамъ, частью къ книготорговлѣ. До какихъ размѣровъ доходило производство копій можно видѣть изъ примѣра, представляемаго учрежденіемъ библіотеки въ монастырѣ С. Лоренцо при Козимо Медичи. Двѣсти томовъ этой библіотеки, составлявшіе первоначальный фондъ ея, были приготовлены по заказу Медичи переписчиками въ 22 мѣсяца. Еще до большихъ размѣровъ доведена была работа переписчиковъ при устройствѣ ватиканской библіотеки. Николай V превратилъ Ватиканъ, по выраженію Грегоровіуса, въ фабрику копій и даже во время путешествій возилъ за собою переписчиковъ (librarii), въ числѣ ко-

торыхъ находились не только итальянцы, но также французы и нѣмцы. Въ послѣдніе пять лѣтъ его первосвященства было переведено, по словамъ Ферари, однихъ греческихъ писателей болѣе, чѣмъ въ теченіе 50 лѣтъ до него. Черезъ 10 лѣтъ послѣ его смерти, при папѣ Павлѣ, въ 1465 году, являются въ Римъ первые типографщики изъ Франкфурта, и книжное дѣло вступаетъ въ новый фазисъ.

Собиратели и организаторы библіотекъ не ограничивались разыскиваніемъ древнихъ рукописей и сниманіемъ съ нихъ копій, но въ обширныхъ размѣрахъ занимались еще переводомъ съ греческаго на латинскій, такъ какъ греческіе оригиналы могли быть доступны только незначительному меньшинству образованнаго класса. Переводчикамъ пришлось взяться не только за тѣхъ авторовъ, которые были открыты вновь, но и за тѣхъ, которые хотя и были переведены прежде, но, по выраженію Энея Сильвія Пикколомини, давали возможность только угадывать о томъ, что хотѣлъ сказать авторъ, а не о томъ, что онъ говорилъ. Переводчики Аристотеля и Платона стояли на первомъ планѣ и имѣли громадное значеніе. Уже въ переходный періодъ возрожденія явились переводы Салутато и превосходные переводы Л. Бруни; затѣмъ слѣдовали работы Марсупини, Траверсари, Джустиніани, Франческо Барбаро и, наконецъ, Гаурино и Филельфа. Греки, жившіе въ Италіи, сдѣлали также нѣсколько хорошихъ переводовъ, преимущественно Аристотеля и частью Платона. Болѣе полный переводъ сочиненій этого послѣдняго былъ сдѣланъ только въ послѣднихъ годахъ XV-го вѣка. При дворѣ Николая V обращено было вниманіе на греческихъ ученыхъ и историковъ, и сдѣланы были попытки перевода Иліады и Одиссеи, удачно доведеннаго до конца только черезъ 20 лѣтъ послѣ смерти этого папы. Къ концу XV-го вѣка образованные люди европейскаго запада могли уже читать всѣ главныя сочиненія важнѣйшихъ греческихъ писателей на латинскомъ языкѣ. Многіе стали читать ихъ и въ оригиналѣ, такъ какъ изученіе греческаго языка сдѣлалось уже въ это время необходимою частью высшаго образованія. Къ концу вѣка въ переводахъ нуждались уже не столько представители интеллигенціи, сколько владѣтельныя особы, желавшія также вкушать отъ прелестей прославляемыхъ всѣми писателей.

Это послѣднее обстоятельство повліяло въ значительной

степени на качество переводовъ; они зачастую дѣлались до крайности произвольны. Случалось, что нѣкоторыя владѣтельныя особы находили вѣрный и правильный переводъ того или другого писателя неизящнымъ, тогда придворные угодники брались за исправленіе перевода съ полнѣйшею беззастѣнчивостью; они передѣлывали его даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда сами не знали греческаго языка. По выраженію одного писателя эпохи возрожденія, люди эти «были подобны осламъ, если обращать вниманіе на глупость, и подобны разбойникамъ, если принять въ соображеніе ихъ безстыдный произволъ». Фойгтъ полагаетъ, что подобные безпорядочные переводы должны открыться не въ маломъ числѣ, если переводы, сдѣланные для государей и меценатовъ, будутъ пересмотрѣны.

Другая особенность многихъ переводовъ этого времени возникала изъ того своеобразнаго взгляда на краснорѣчіе, который былъ исключительно свойственъ гуманистамъ. Краснорѣчіе, образцомъ котораго считались сочиненія Цицерона, признавалось необходимымъ и непремѣннымъ качествомъ всякаго писателя и тѣмъ болѣе славнаго, великаго писателя. На основаніи указаній латинскихъ писателей на Грецію, какъ на отечество всякой красоты, держалось мнѣніе, что греческіе писатели должны превосходить латинскихъ своимъ краснорѣчіемъ. Отсутствіе такого краснорѣчія, или вѣрнѣе витіеватости, сваливалось на переводчиковъ и побуждало ихъ часто подкрашивать на свой ладъ переводы, т. е. извращать ихъ въ большей или меньшей степени. Такое произвольное обращеніе съ греческими авторами поддерживало убѣжденіе, что рано или поздно вся сила краснорѣчія ихъ раскроется въ переводахъ болѣе совершенныхъ и тогда обнаружится, что у Гомера было въ дѣйствительности болѣе привлекательности и пылкости, чѣмъ сколько замѣчалось въ современныхъ переводахъ, у Ѳукидида болѣе пріятности, что Демосѳенъ могъ болѣе растрогивать, что Платонъ писалъ яснѣе и легче, а Аристотель игривѣе и живѣе. Э. С. Пикколомини заявилъ даже со всею наивностью, что онъ не обрѣлъ у Аристотеля никакого краснорѣчія и вмѣстѣ съ другими современниками своими удивлялся тому, что, по свидѣтельству древнихъ писателей, Аристотель могъ краснорѣчіемъ своимъ образовать учениковъ. Такъ погоня за краснорѣчіемъ видоизмѣняли возрождавшуюся древность и представляла ее въ томъ фантастическомъ освѣщеніи, которое дѣ-

лало ее весьма несхожею съ древностью минувшею, дѣйствительною.

Таковъ былъ характеръ дѣятельности гуманистовъ какъ собирателей книгъ, устроителей библіотекъ и переводчиковъ. Теперь намъ предстоитъ перейти къ обзору вліянія на нихъ классической древности, сплетавшагося съ вліяніемъ историческихъ условій жизни и совмѣстно съ нимъ опредѣлявшихъ внутреннія и внѣшнія свойства ихъ собственной дѣятельности [1]).

Гуманисты или точнѣе гуманисты-литераторы представляли среди итальянскаго общества XV-го вѣка отдѣльный классъ независимыхъ писателей, литературная дѣятельность которыхъ была посвящена не интересамъ церкви, не развитію схоластики, но исходила исключительно изъ побужденій личныхъ, между которыми первенствующее значеніе имѣло славолюбіе [2]). При всей односторонности и исключительно-литературномъ значеніи этой группы, въ ней именно продолжалась обновляющая дѣятельность, начало которой было положено Петраркой. Одинъ за другимъ возникали зародыши идей, выработывались стремленія, дальнѣйшее развитіе которыхъ неизбѣжно должно было придать мысли характеръ окончательно свѣтскій и на столько развить ея силы, что послѣ возрожденія древней литературы, а за нею и философіи, т. е. собственно метафизики, она могла перейти къ возрожденію и древней науки—этой основы ея собственнаго возрожденія и самобытнаго развитія, приведшаго къ современному строю понятій, къ положительному міросозерцанію. Само собою разумѣется, что гуманизмъ или первый шагъ къ обновленію европейской мысли, какъ заря интеллектуальной жизни новой Европы, представлялъ далеко не однородную и не вполнѣ опредѣлившуюся совокупность идей; многое свѣжее и животворное было смѣшано въ немъ съ хламомъ, задерживавшимъ развитіе, и всякаго рода нелѣпостями; нерѣдко даже заслонялось ими. Самую темную сторону гуманизма составляло конечно ложное отношеніе къ той самой древности, возстановленію которой посвящали гуманисты всѣ свои силы.

---

[1]) Кромѣ упомянутыхъ выше соч. Фойгта и Буркхардта, я, при дальнѣйшемъ изложеніи, пользовался еще: *F. Wahlen*. Lorenzo Valla. Berl. 1870. *Nizard*. Les gladiateurs de la république des lettres. 2 t. *Gregorowius* Gesch. d. Stadt Rom im Mittelalter. t. VII. *Voigt*. E. S. Piccolomini. 3 B-de.

[2]) Объ усиліяхъ гуманистовъ согласить славолюбіе съ принципомъ католическаго самоуничиженія см. у Voigt. E. S. Piccol. I. 263.

Раболѣпно относясь къ свѣтиламъ классической литературы, гуманисты переходили отъ стараго авторитета теологіи къ новому, и, такимъ образомъ, по вѣрному замѣчанію Буркхардта и Валена, губили самый драгоцѣнный плодъ древней образованности—независимость мысли. Другимъ важнымъ слѣдствіемъ ихъ раболѣпія была неумѣренная и неумѣлая подражательность, которая вела къ нелѣпому обезъянничанью внѣшности и мелочей, крайней пустотѣ и рѣзкой фальши. Такова была мелочная подражательность древнихъ именъ и названій и еще болѣе наивная страсть гуманистовъ представить современную имъ дѣйствительность прямымъ и непосредственнымъ продолженіемъ древности: государей, папъ, полководцевъ изображать во всемъ величіи героевъ, вопреки ихъ всѣмъ извѣстному и для всѣхъ очевидному ничтожеству и т. д. [1]). Ихъ не смущали противорѣчія, проистекавшія изъ такого ложнаго отношенія къ предмету, между дѣломъ и ихъ словомъ. Это слово, облеченное всею красотою античнаго стиля, занимало ихъ всего болѣе и они твердо вѣрили, что однихъ высокопарныхъ ихъ разглагольствій на латинскомъ языкѣ достаточно для пріобрѣтенія безсмертія тѣмъ, которыхъ они превозносили и, всего прежде, себѣ самимъ. Отчего бы, восклицаетъ одинъ изъ гуманистовъ, дѣяніямъ Тамерлана не возбуждать такого-же вниманія, какъ и дѣяніямъ Александра Македонскаго? Оттого, отвѣчаетъ онъ, что Тамерланъ лишенъ былъ герольда, провозглашающаго славу этихъ дѣяній. Другой гуманистъ утверждаетъ, что тамъ нѣтъ недостатка въ славной исторіи, гдѣ есть талантливые историки и приводитъ примѣръ обыденнѣйшихъ дѣлъ римлянъ, возведенныхъ въ громкія дѣянія, благодаря краснорѣчію Ливія. Третій—утверждаетъ, что ничто не можетъ такъ управлять міромъ, какъ краснорѣчіе и т. д.

Краснорѣчіе, высокій блестящій слогъ, восторгъ и восхищеніе передъ ними; все это традиціонно шло еще отъ временъ

[1]) Если случалось, напримѣръ, что два кондотіера стояли лагеремъ одинъ противъ другого и при этомъ, кромѣ поборовъ съ крестьянъ для прокормленія солдатъ, ничего болѣе не совершалось, то и этого достаточно было для гуманиста, чтобы сравнивать военачальниковъ враждующихъ сторонъ съ Аннибаломъ и Сципіономъ. О какомъ-нибудь сластолюбивомъ папѣ не стѣсняясь говорили, что онъ одинаково равнодушно переноситъ и голодъ, и жажду; всякаго вліятельнаго шалопая дѣлали великимъ человѣкомъ и приравнивали непремѣнно къ какому-нибудь герою древности.

Петрарки. Первоначально желали только избавиться отъ темнаго, тяжелаго, варварскаго слога схоластиковъ, выработать слогъ ясный, простой, изящный, выразительный, но потомъ, подъ вліяніемъ узкаго пониманія древности, неспособности проникнуться духомъ ея и отсутствіе изученія ея научныхъ твореній, увлеченіе внѣшностью взяло верхъ и развитіе слога пошло крайне односторонне. Уже Петрарка благоговѣлъ передъ Цицерономъ; позднѣйшіе гуманисты рѣшительно боготворили его. Во второй половинѣ XV вѣка поклоненіе ему дошло до такой степени, что на него стали смотрѣть какъ на высочайшій, безусловный образецъ. Высказать высочайшую похвалу писателю можно было, назвавъ его обезьяной Цицерона. Критиковать Цицерона считалось чуть не преступленіемъ. «О безумное легкомысліе! восклицаетъ Поджіо по поводу нѣкоторыхъ критическихъ замѣчаній Валлы о Цицеронѣ, о невыносимая смѣлость! о явное безстыдство! Ужели слава, знаніе, краснорѣчіе Цицерона подвергнутся сомнѣнію до такой степени, что какой-нибудь сумасбродъ, бѣшенный, невѣжда, вертопрахъ, осмѣлится позволять себѣ злыя шутки по отношенію къ знаменитому оратору? Что можетъ ярче обнаруживать глупость, какъ не враждебное отношеніе къ краснорѣчію Цицерона, какъ не дерзновенное посягательство на измѣненіе того, что имъ было сказано? Какъ будто есть возможность выразиться краснорѣчивѣе его? Сколько запомнить могутъ люди, никто никогда не смѣлъ, никогда не пытался совершить нѣчто подобное... Боже мой! что означаетъ такое чудо, что послѣ полуторы тысячи лѣтъ неприкосновеннаго уваженія къ имени Цицерона является не человѣкъ, но чудовище, обладающее однимъ лишь безстыдствомъ, чудовище, вспоенное не источниками Геликона, но пойломъословъ, имѣющее наглость исправлять Цицерона? и т. д. [1]). Это увлеченіе краснорѣчіемъ и богомъ краснорѣчія— Цицерономъ достигло, наконецъ, до крайности, переходившей въ нелѣпость. Ложь и фальшь гуманистическаго писательства выступили вслѣдствіе того еще съ большею яркостью, а пустота содержанія выполнялась битыми фразами и массою цитатъ изъ древнихъ авторовъ. Ближнее знакомство съ ними считалось ученостью, и ею щеголялъ всякій гуманистъ, сколько только могъ.

---

[1]) *Nizard*. Les glad. I. 230.

Въ такой манерѣ произошелъ, однако же, рѣшительный переломъ съ тѣхъ поръ, какъ по мысли *Gasparino da Barzizza* и его примѣру начали вырабатывать новую манеру, такую, которая должна была обнаруживать не «ученость», а *геніальность* писателя. Согласно основной идеѣ этой новой манеры, слогъ долженствовалъ быть всего прежде живымъ, легкимъ, изящнымъ; въ немъ должны были первенствовать проявленія высокихъ дарованій; всѣ же слѣды изученія правилъ, образцовъ и т. д. и всѣ вообще средства, способствовавшія его выработкѣ, не должны были показываться наружу. На самомъ дѣлѣ, не было ничего искусственнѣе этого мнимо-естественнаго слога. Онъ имѣлъ свои многосложныя правила и разнообразные пріемы, которымъ обучался всякій гуманистъ и въ примѣненіи которыхъ совершенствовался посредствомъ болѣе или менѣе долгаго упражненія. Простота и легкость были первыми требованіями хорошаго слога; растянутость и «тонкая небрежность» предпочитались загадочной краткости и тяжеловатости, отчего бы эта послѣдняя ни происходила. Характеризируя такой слогъ, Э. С. Пикколомини говорилъ, что слѣдуетъ писать такъ, какъ говоритъ умный человѣкъ, когда онъ даетъ себѣ волю и не имѣетъ въ виду выказать свою ученость или же высшее развитіе своего вкуса. Слогъ этотъ не исключалъ, впрочемъ, тонкостей выработки, какъ, напримѣръ, погони за «разнообразіемъ словъ», благозвучія, провѣреннаго компетентнымъ ухомъ, удачнымъ помѣщеніемъ выразительнаго слова и т. д. Поджіо и Филельфъ были самыми видными представителями такого искусственнаго слога; онъ былъ усвоенъ также Пикколомини, Л. Валлою, Гуарино, Ауриспою и друг. Не всѣми, впрочемъ, съ одинаковымъ успѣхомъ. Ему обязаны гуманисты расширеніемъ круга своихъ читателей и громкою извѣстностью, сдѣлавшею ихъ корифеями литературы своего времени.

Все, что вышло изъ-подъ перьевъ гуманистовъ: рѣчи, историческія сочиненія, полемическія статьи, философскія разсужденія, научные трактаты, офиціальная и частная переписка, все носило на себѣ отпечатокъ той или другой манеры искусственнаго слога, но нигдѣ отличительныя черты этого слога не проявляются съ такою опредѣленною законченностью, какъ въ рѣчахъ. Здѣсь, согласно господствовавшему мнѣнію, краснорѣчіе должно было блистать ярче и разительнѣе, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ. За то и фальшь выступала здѣсь

особенно рѣзко. У гуманистовъ не было публики, на которую можно было вліять латинскимъ краснорѣчіемъ, не существовало предмета, который могъ бы служить соединительнымъ звеномъ между ними и публикой, словомъ, не существовало почвы для развитія ораторскаго искусства. Передъ представителями страны приходилось говорить на языкѣ народномъ, да при этомъ и не увлекаться искусственнымъ строеніемъ рѣчи, а держаться внимательно ея дѣлового содержанія, и, такъ какъ въ суды гуманисты вовсе не допускались, то и оставалось только пользоваться тѣми рѣдкими случаями, когда гуманисты являлись въ качествѣ посланниковъ и при этомъ имѣли возможность держать рѣчи, не справляясь о томъ, будутъ ли они, кромѣ слушателей-гуманистовъ, поняты именно тѣми, къ которымъ они съ рѣчью обращались[1]). При такомъ положеніи вещей оставалось только одно поприще: служить модѣ, требовавшей рѣчей при свадьбахъ, похоронахъ и т. п. торжествахъ. Искусственности рѣчи въ этихъ случаяхъ даваемъ былъ, само собою разумѣется, самый широкій просторъ, и ораторъ имѣлъ полную возможность приложить свои силы къ развитію благозвучія, не обращая никакого вниманія на правдивость и на содержаніе рѣчи вообще. Такія рѣчи—а на нихъ гуманисты были чрезвычайно щедры—лишены всякаго реальнаго отношенія къ современности и представляютъ только образцы празднаго витійства. При всемъ томъ онѣ имѣли очень важное значеніе для своего времени: ими ораторское искусство, оставшееся замкнутымъ въ средѣ духовенства въ теченіи всей средневѣковой эпохи, было выведено изъ церкви и поставлено на свѣтскій путь развитія, гдѣ оно и получало возможность, видоизмѣняясь извѣстнымъ образомъ, начать служить серьезнымъ интересамъ жизни и науки.

Одною изъ выдающихся характеристическихъ чертъ гуманистовъ была необыкновенная разносторонность. Блестящими представителями такой разносторонности являются знаменитѣйшіе изъ гуманистовъ: Филельфъ, Поджіо, Валла, Пикколомини. Они были ораторы, поэты, моралисты, историки, этнографы, метафизики, политики, космографы. Можно сказать,

---

[1]) Карлъ V, слушая въ Генуѣ латинскую рѣчь, которую онъ не понималъ, прошепталъ: «правъ былъ мой учитель, увѣряя меня, что за нерадѣніе мое къ латинскимъ урокамъ я буду наказанъ».

что только однѣ точныя науки оставались внѣ ихъ сферы знанія: къ нимъ они были совершенно не подготовлены и вновь открываемыя научныя сочиненія древнихъ не оказывали на нихъ никакого вліянія. Широкая разносторонность мѣшала, конечно, гуманистамъ изучить что-либо спеціально, да они, по характеру своему, были на то и неспособны: съ чрезвычайною легкостью вторгались они въ разнообразнѣйшія отрасли знанія и всюду вносили поверхностность и диллетантизмъ. Зато сочиненія ихъ были легки и удобочитаемы и скоро получали популярность въ средѣ публики, читавшей по-латыни. Свѣдѣнія, сообщаемыя ими, понятія и взгляды легко и скоро становились, такимъ образомъ, какъ бы ходячею монетою и вытѣсняли старые. Нельзя сказать, однако же, чтобы, кромѣ популяризаціи знаній и идей, сочиненія эти не принесли никакой другой пользы, чтобы они остались безплодными для науки. Слѣдуя древнимъ образцамъ, нѣкоторые гуманисты умѣли пользоваться матеріаломъ, тѣмъ или другимъ путемъ попадавшимъ имъ въ руки, и оставили не мало полезныхъ работъ по землевѣдѣнію, этнографіи и исторіи; они положили начало исторической критики и сдѣлали первые шаги въ области экзегетики. Всѣ эти заслуги ихъ даютъ мнѣ право войти при обзорѣ научныхъ трудовъ ихъ въ нѣкоторыя подробности.

Начнемъ съ географіи. Въ средніе вѣка, какъ извѣстно, наука эта разработывалась, особенно же послѣ введенія въ Европу арабскихъ книгъ, не безъ успѣха. Рубруквисъ, Плано Карпини, Маттео и Никколò Поло, и въ особенности сынъ послѣдняго Марко Поло, своими путешествіями, дали богатые источники для самобытнаго расширенія области географическаго знанія въ то время, когда всѣ другія научныя отрасли развивались посредствомъ накопленія знаній извнѣ, изъ сохранившихся сочиненій древнихъ. Общая черта путешествій Рубруквиса, Карпини и Поло заключается въ томъ, что путешественники эти, какъ и всѣ вообще путешественники въ средніе вѣка, стремились въ страны отдаленныя, тогда еще легендарныя, и, наконецъ, въ св. землю. Объ изученіи странъ, обитаемыхъ европейцами и другими ближайшими къ Европѣ народами, не заботились. Впервые, присутствіе Бруно и Поджіо на констанцскомъ соборѣ дало случай высказаться отношенію гуманистовъ къ европейской странѣ и въ противоположность взгляду, господствовавшему прежде, приняться за ея описаніе.

Подобное же описаніе сдѣлалъ и Филельфъ, совершившій въ 1423 году путешествіе изъ Константинополя въ Буду. Оба эти сочиненія представляютъ, впрочемъ, очень легкій, бѣглый очеркъ, рядъ набросковъ и важны только какъ первыя свидѣтельства совершившагося въ умахъ переворота. Первымъ большимъ и солиднымъ географическимъ сочиненіемъ въ XV вѣкѣ является «Italia illustrata» Флавіо Біондо, одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей XV вѣка, наиболѣе далекаго, при томъ же, отъ типа гуманиста. Italia illustrata есть обширное описаніе Италіи, опирающееся на многочисленные источники и дающее массу разнообразнѣйшихъ свѣдѣній какъ о древнемъ, такъ и о современномъ автору состояніи страны. Еще выше слѣдуетъ поставить географическія сочиненія Э. С. Пикколомини, который изъѣздилъ всю Италію и Германію, былъ во Фландріи, Англіи и Шотландіи и, такимъ образомъ, имѣлъ обширное поприще для примѣненія своей рѣдкой наблюдательности и дѣйствительно замѣчательнаго таланта. Особенно хорошо зналъ онъ Германію, гдѣ имѣлъ продолжительную дипломатическую миссію, и Италію, въ которой родился. Эту послѣднюю страну онъ особенно близко изучилъ во время своего папства, когда, вполнѣ располагая своимъ временемъ, онъ могъ предпринимать путешествія съ единственною цѣлью изученія страны. Страдая подагрой и почти не выходя изъ носилокъ, въ которыхъ совершалъ путешествіе, Пикколомини (тогда уже папа Пій II) имѣлъ возможность, однако же, прослѣдить многое, чего не видѣли и не замѣчали другіе, посѣщавшіе тѣ мѣста при лучшихъ условіяхъ. Прежняя подвижная и дѣятельная жизнь такъ развила его наблюдательность, такъ изощрила его зрѣніе, что никто изъ его современниковъ не можетъ равняться ему въ этомъ отношеніи. Ни одинъ почти городъ, гдѣ ему пришлось быть, не оставилъ онъ безъ описанія, и тѣ, въ которыхъ ему приходилось жить, описаны были имъ весьма пространно: онъ говоритъ о ихъ положеніи, древностяхъ, политическихъ учрежденіяхъ, нравахъ и т. д., упоминаетъ о великихъ людяхъ, прославившихъ ихъ и не упускаетъ даже случая сказать нѣсколько словъ о красотѣ, нравственности и любезности мѣстныхъ женщинъ. Въ счастливые годы онъ штудировалъ эту статью не хуже иного современнаго туриста, но только не такъ исключительно. Всѣ описанія его сдѣланы тщательно и обставлены такъ, что всегда можно судить о сте-

пени ихъ достовѣрности: въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не имѣлъ возможности пріобрѣсти необходимыя ему свѣдѣнія непосредственно или изъ книгъ, онъ записывалъ разсказы жителей, съ которыми встрѣчался, всегда отмѣчая отъ кого слышанъ былъ имъ тотъ или другой разсказъ. Что же касается его сочиненій, составленныхъ по книжнымъ источникамъ, то при всей ихъ полнотѣ и разнообразіи, они не отличаются достаточно зрѣлою обработкою, а потому полны массы скороспѣлыхъ выводовъ и неудачныхъ догадокъ. Тѣмъ не менѣе, его описанія острововъ Родоса и Лесбоса, а особенно же его Азія (описаніе Малой Азіи), дали значительный толчокъ изученію древней географіи. «Азія» была первою работою, съ которой начиналось исполненіе обширнаго плана, задуманнаго Пикколомини еще до вступленія на папскій престолъ. Онъ оканчивалъ его будучи уже папой и придавалъ ему важное значеніе.

Въ описаніяхъ мѣстностей, видѣнныхъ самимъ Пикколомини, во множествѣ разсыпанныхъ въ его письмахъ и разныхъ сочиненіяхъ, есть еще одна сторона, о которой я упомяну теперь какъ о связанной, хотя и внѣшнимъ образомъ только, съ его географическими работами. Я говорю о широкомъ и блестящемъ проявленіи у него чувства природы, характеризующемъ его какъ гуманиста и какъ человѣка, про котораго говорили, что у него «primum apparuit secu i mutati signum». Онъ первый способенъ былъ чувствовать красоты итальянской природы и вдохновенно изображать ихъ въ своихъ описаніяхъ. Намекая на свое имя, Пикколомини говоритъ, что онъ «Silvarum amator et varia videndi cupidus». И въ самомъ дѣлѣ, его теплое отношеніе къ разнообразнѣйшимъ красотамъ природы поразительно, даже и тогда, если только принять въ расчетъ одни только образцовыя, истинно прекрасныя описанія, каковы описанія Сіенны, Тиволи, ручья Виковаро, окрестностей Витербо, монастыря въ горахъ (С.-Мартино), Больсенскаго озера, Монте Аміати, Monte Olivetto, Mons Albanus, Тоди, Остіи, Фраскати. Описывая Больсенское озеро, онъ говоритъ о лѣстницахъ въ скалахъ, осѣненныхъ виноградными лозами, и ведущихъ къ берегу, гдѣ между утесами стоятъ вѣчно-зеленые дубы, постоянно оглашаемые пѣніемъ дроздовъ. Находясь, во время путешествія, въ виду зеленѣющихъ рощъ каштановъ и фруктовыхъ деревьевъ, онъ чувствуетъ, что здѣсь именно, въ этихъ «убѣжищахъ Діаны», должно посѣтить поэта вдохновеніе. Часто,

на зеленыхъ лугахъ, подъ развѣсистыми оливковыми деревьями, вблизи шумящихъ ручьевъ, устраивалъ онъ засѣданія консисторіи и принималъ пословъ. Всякое отдѣльное проявленіе красоты природы, если только оно было характерно, привлекало также его вниманіе и всегда вызывало сочувственный откликъ.

Переходя теперь къ исторіи, заслугами для которой особенно гордились гуманисты, я разсмотрю прежде хроники современныхъ авторовъ ихъ событій и затѣмъ ученыя изслѣдованія прошедшаго. Достоинство хроникъ много зависитъ не отъ однихъ только личныхъ способностей лѣтописцевъ, но и отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Лѣтописцы съ успѣхомъ ведутъ свое дѣло только тогда, когда положеніе ихъ дозволяетъ имъ пользоваться достовѣрными свѣдѣніями и свободно излагать ихъ. Этихъ-то именно условій у гуманистовъ и не было: почти всѣ они поставлены были такъ, что кругозоръ ихъ былъ узокъ, свѣдѣнія односторонни и всего чаще ложны или, по крайней мѣрѣ, не точны, и угодничество меценатамъ не давало возможности обойтись безъ лести и искаженія фактовъ. Что касается личныхъ качествъ гуманистовъ, то качества эти стояли въ полномъ противорѣчіи съ качествами, требующимися отъ хорошаго лѣтописца: простота и ясность изложенія были имъ чужды, внѣшнему эффекту они всегда были готовы жертвовать правдивостью и, по отсутствію самостоятельности, были слишкомъ склонны налагать на событія своего времени античный колоритъ. Такимъ образомъ, лѣтописи гуманистовъ представляютъ современную имъ исторію крайне ходульною и надутою: ничтожныя стычки наемныхъ войскъ описываются какъ великія войны, въ уста невѣжественныхъ кондотіеровъ вкладываются рѣчи, составленныя по Ливію, выводятся на сцену «patres conscripti» и т. д. Лучшими мемуарами были мемуары Пикколомини, главнымъ образомъ потому, что онъ, благодаря своему положенію—(посланникъ, кардиналъ, папа),—обладалъ многими достовѣрными и въ тоже время разнообразными свѣдѣніями. Правдивость его представляла элементъ крайне колеблющійся и доходила, конечно, чуть не до нуля при изложеніи нѣкоторыхъ щекотливыхъ для него подробностей базельскаго собора и т. п. Изложеніе его въ рѣдкихъ случаяхъ, изящно и просто, и погоня за краснорѣчіемъ, общая всѣмъ гуманистамъ, не чужда большей части и его хроникъ и мемуаровъ.

Что касается разработки исторіи прошедшаго, то дѣло это стояло на сравнительно высшей ступени, такъ какъ изученіе древности не могло не пріучить гуманистовъ къ объективному отношенію къ своему предмету и не внести въ труды ихъ духа критики. Благодаря этому благотворному вліянію древности сталъ возможенъ историческій трудъ Флавіо Біондо, обнимающій исторію среднихъ вѣковъ до смерти Фридриха II. Трудъ этотъ признается Фойгтомъ, Буркхардтомъ и Грегоровіусомъ за изумительное для своего времени явленіе. Ф. Біондо отличается замѣчательнымъ умѣніемъ пользоваться источниками и оцѣнивать ихъ съ полною самостоятельностью. Взглядъ его широкъ, пониманіе событій поражаетъ проницательностью и глубокомысліемъ. Буркхардтъ и Грегоровіусъ видятъ въ немъ предшественника Гиббона. Всѣхъ выше стоитъ Біондо и въ разработкѣ древней исторіи, которою гуманисты занимались съ особенною любовью. У Біондо, какъ историка древней эпохи, нѣтъ того паѳоса и раболѣпія передъ древностью, которыми отличаются прочіе историки, и постоянно замѣтно объективное спокойствіе ученаго. Его *Roma instaurata* представляетъ замѣчательное для его времени описаніе древняго Рима. Всѣ источники, которыми возможно было пользоваться въ половинѣ XV вѣка, были имъ исчерпаны и описаніе сдѣлано съ замѣчательною тщательностью и полнотою. Не меньшее значеніе для новаго направленія въ изученіи древности имѣло и упомянутое уже прежде сочиненіе Біондо *Italia illustrata*, дающее при описаніи городовъ свѣдѣнія о великихъ людяхъ, ихъ прославившихъ, а также и *Roma triomphans*, въ которыхъ Біондо разсматриваетъ нравы, религію и государственное устройство древнихъ римлянъ, обнаруживая при этомъ основательное знакомство съ источниками и обширную подготовку. Кромѣ Ф. Біондо, замѣчательны еще историки-гуманисты Бенедетто Аккольти, Платона и Лоренцо Валла; послѣдній въ особенности развилъ элементъ критики и сомнѣнія.

Историческіе труды гуманистовъ, при всѣхъ недостаткахъ, вообще свойственныхъ литературнымъ работамъ ихъ, недостаткахъ, отъ которыхъ свободенъ былъ одинъ только Ф. Біондо, важны главнымъ образомъ потому, что у гуманистовъ впервые начинаютъ вырабатываться пріемы исторической критики. Сомнѣніе и отрицаніе, приложенныя къ древней исторіи, казались безопасными и повидимому удовлетворяли только строгимъ

требованіямъ науки. Никто не могъ предвидѣть послѣдствій отъ дальнѣйшаго ихъ развитія и болѣе широкаго приложенія. А между тѣмъ въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ гуманистовъ начинало уже обнаруживаться разъѣдающее значеніе критики по отношенію къ неколебимости и непреложности традиціонныхъ авторитетовъ. Уже Л. Валла началъ колебать историческія основанія свѣтской власти папъ, доказывая не только подложность актовъ, на которыхъ основывалось преданіе о дарѣ Константина,—это дѣлали и другіе, но невозможность самаго факта, полную несообразность его съ историческими условіями. Валла шелъ еще далѣе: своими филологическими замѣчаніями на Вульгату онъ прокладывалъ путь свободной экзегезѣ и иногда весьма удачно подымалъ вопросы, уясненіе которыхъ было дѣломъ позднѣйшаго времени и которые даже въ настоящее время наводятъ ужасъ на простодушныхъ.

Въ возбужденіи критической мысли заключается конечно одна изъ величайшихъ заслугъ гуманистовъ. Какъ мыслители, они въ этомъ отношеніи стояли на наивысшей точкѣ, до которой только могли подняться. Заговоривъ объ этой сторонѣ ихъ дѣятельности, я коснулся значенія гуманистовъ какъ философовъ, а потому и перейду теперь къ отношенію гуманистовъ къ схоластикѣ, несостоятельность которой они стремились всегда обнаружить и авторитетъ которой старались подорвать. Здѣсь они далеко не въ такой мѣрѣ, какъ въ историческихъ трактатахъ проявили силу критической мысли и философскій складъ своего ума. Борьбу свою они направили главнымъ образомъ противъ внѣшности, противъ формъ. Они нападали на запутанность и темноту изложенія схоластиковъ, на ихъ варварскую латынь, на неумѣстность безчисленныхъ техническихъ терминовъ. Такая односторонность вытекала не только изъ ихъ увлеченія внѣшностью вообще, но и изъ историческихъ условій и имѣла для своего времени большую важность. Ренанъ полагаетъ, что реформа языка именно въ это время стояла на очереди и была даже, какъ онъ думаетъ, первымъ условіемъ прогресса мысли, которая встрѣчала въ схоластической манерѣ изложенія неодолимую преграду для своего развитія [1]). Освобожденіе мысли отъ этой преграды и завоеваніе такимъ образомъ возможности выхода философіи изъ школы въ жизнь,

---

[1]) *E. Rénan.* Averroés et l'averroisme p. 339.

было конечно цѣлью въ высшей степени важною. Выходъ этотъ, однако же, не могъ совершиться вдругъ, и предварительно приходилось пройти еще новую школу, преклониться еще разъ передъ новыми авторитетами. На этотъ разъ, къ счастью, авторитеты эти были авторитеты древнихъ, и если гуманисты въ состояніи были пройти ихъ школу только внѣшнимъ образомъ, то все же таки они поставили развитіе мысли на вѣрный путь, такъ какъ благодаря воскрешенной традиціи работы мысли древнихъ возникло и развилось и въ новой Европѣ самостоятельное умственное движеніе. Нельзя поэтому винить гуманистовъ, если они не шли далѣе внѣшности и безсодержательныхъ восхваленій древнихъ; они дѣлали что могли. Смѣшно, конечно, теперь слышать о томъ, что у Платона и Аристотеля всего важнѣе краснорѣчіе и что Цицеронъ былъ величайшимъ философомъ древности, смѣшно читать философскіе трактаты, въ которыхъ ничего не обрѣтается кромѣ усилій автора быть краснорѣчивымъ, но не слѣдуетъ забывать, что, если въ трактатахъ этихъ нѣтъ внутреннихъ достоинствъ, то они важны уже тѣмъ, что въ нихъ возникалъ противникъ мертвящей схоластики и содержалась въ зародышѣ свобода мысли. Имѣя въ виду только гуманистовъ-литераторовъ, а не философовъ, группировавшихся въ академіяхъ, я и ограничиваю сказаннымъ обзоръ философской ихъ дѣятельности.

Характеристика гуманистовъ осталась бы не законченною, если бы я не сказалъ ни слова о тѣхъ литературныхъ произведеніяхъ ихъ, которыя болѣе, чѣмъ какія бы то ни было другія, даютъ понятіе о гуманистахъ, какъ о людяхъ, а именно ихъ офиціальныя и частныя письма, а также пасквили или инвективы.

Письма гуманистовъ лишены интимнаго характера, но зато представляютъ крайнее проявленіе субъективности. Изъ этихъ писемъ мало узнаемъ мы о семейныхъ и частныхъ дѣлахъ писавшихъ, но очень многое о ихъ личныхъ свойствахъ. Въ своихъ письмахъ гуманисты имѣли обыкновеніе беззавѣтно отдаваться тщеславному желанію блистать своими талантами. Письмо гуманиста не предназначалось тому, кому было адресовано, а имѣло въ виду обширный кругъ читателей, какъ и всякое другое литературное произведеніе. Всякій писавшій письмо былъ увѣренъ въ томъ, что оно будетъ переписано и пущено по рукамъ. Многіе, предупреждая такую услугу друзей, сами собирали копіи со своихъ писемъ и пускали ихъ въ

обращеніе. Само собою разумѣется, что высокомѣрное самомнѣніе гуманистовъ никогда не упускало изъ виду и потомства. Увѣренность въ почтительномъ его отношеніи къ геніальнымъ трудамъ преемниковъ славы Цицерона никогда у гуманистовъ не ослабѣвала. «Предметы о которыхъ я не желаю возвѣщать потомству,—писалъ какъ-то Филельфъ,—излагаю я на языкѣ простонародья».

По содержанію, письма гуманистовъ не касались не только частныхъ дѣлъ, но также и дѣлъ политически-церковныхъ и вообще интересовъ современныхъ. Причиною тому было презрѣніе къ нимъ поклонниковъ древности. Только письма государственныхъ людей, какъ Франческо Барбаро, Энея Сильвія, или сановниковъ церкви, какъ Траверсари, составляли исключеніе. Большая часть писемъ адресована къ меценатамъ, къ милостивцамъ, которыхъ было такъ много у взлелѣяннаго принципатомъ гуманизма. Письма эти содержатъ или разнаго рода попрошайства или изъявленія благодарности за оказанныя благодѣянія и забѣганія для проложенія путей къ новымъ попрашайствамъ. Искусство льстить и льстить всегда на новый и новый ладъ практикуется здѣсь такъ беззастѣнчиво, что только обоюдное тщеславіе гуманиста и мецената могло имъ ослѣпляться. Обаяніе краснорѣчія спасало все. Сила его была такъ велика, что самъ султанъ даже не устоялъ противъ нея и исполнилъ то, о чемъ просилъ его письменно великій для своего вѣка Филельфъ.

Частная переписка гуманистовъ между собою дорисовываетъ ихъ внутренній міръ какъ нельзя лучше. Въ ней, также какъ и въ перепискѣ гуманистовъ съ ихъ покровителями, ярче всего бросается въ глаза неисчерпаемое море лести и лжи. Всякій, расточавшій ихъ, разсчитывалъ прежде всего на достодолжную отплату. Обоюднымъ восхваленіямъ и конца нѣтъ. Рядомъ съ ними идетъ высокопарное проявленіе культа дружбы, бывшаго у гуманистовъ чистѣйшею ложью. Состязуясь въ погони за милостями меценатовъ и ихъ подачками, гуманисты большею частью ненавидѣли другъ друга и готовы были подставить одинъ другому ногу на каждомъ шагу. Но какъ поклонники древности, они по внѣшности свято хранили культъ цицероновской дружбы, традиціонно шедшей черезъ Петрарку, и упражняли на эту тему свое краснорѣчіе. Уже Пикколомини писалъ, что вмѣсто друзей остались только льсте-

цы, но онъ тутъ-же прибавлялъ: «но, надо льстить, если всѣ льстятъ».

Если дружескія отношенія между гуманистами были лишены искренности, то взаимная вражда ихъ была за то безупречно правдива. Если бы пасквили, о которыхъ я сейчасъ буду говорить, показались намъ недостаточными доказательствами искренности ихъ вражды, то попытка убійства Филельфа и кулачная расправа между Поджіо и Трапезунтіосомъ не должна, казалось бы, оставлять никакихъ сомнѣній. Я напираю на искренность въ выраженіяхъ взаимной ненависти между гуманистами потому, что благодаря ей, полемика гуманистовъ разоблачаетъ нравственную сторону ихъ личностей и живо рисуетъ среду ихъ. Инвективы гуманистовъ въ самомъ дѣлѣ очень интересны.

И здѣсь, какъ и во всемъ почти, касающемся гуманистовъ, починъ принадлежитъ Петраркѣ. О его инвективахъ я уже говорилъ. Но инвективы мягкосердаго пѣвца Лауры даютъ только слабое понятіе о беззастѣнчивыхъ рѣчахъ его послѣдователей. Не только форма впрочемъ, но и самое содержаніе совсѣмъ стали не тѣ: пререканіе рѣдко возникаетъ изъ-за принциповъ, а всегда почти изъ-за личныхъ интересовъ, обвиненія безцеремонно вторгаются въ частную жизнь и оскорбленія расточаются не только на самую личность противника, но и на его родителей, жену, родныхъ и друзей. Поджіо, Филельфъ, Валла довели инвективу до предѣловъ возможнаго. Въ стихахъ и прозѣ умѣли они разсказывать безконечно-длинныя, отвратительно-грязныя исторіи и изливать безъ устали потокъ самыхъ грубыхъ площадныхъ ругательствъ. О чемъ только не вели они рѣчи? Поджіо, напримѣръ, утверждалъ, что Филельфъ былъ сыномъ патера и поденщицы, занимавшейся въ Римѣ мытьемъ требухи. Разоблаченія такого рода мѣтили главнымъ образомъ на низкое происхожденіе соперника, а вопросъ о происхожденіи, для гуманистовъ, вращавшихся преимущественно при дворахъ, былъ всегда вопросомъ важнымъ. Оскорбленіе было слѣдовательно сильно, но формы, въ которыхъ было оно облечено, должны были еще болѣе усугублять его. Приведемъ подлинныя слова Поджіо. «Удивительно ли,—говоритъ онъ,—что тотъ, чья мать такъ долго прокармливалась въ Римѣ мытьемъ требухи, издаетъ гадкій запахъ, которымъ несло отъ его матери. Смрадъ этотъ гнѣздится въ ноздряхъ сына. Его дыханіе преисполнено вонючими газами, изобличаю-

щими ремесло его матери, и горло его до такой степени пропитано ими, что невозможно и ему самому не быть гнилью, не быть самимъ смрадомъ». Но и этого мало. Имѣя въ виду доканать Филельфа, Поджіо прибѣгаетъ къ любимому пріему гуманистовъ, къ повѣствованію о жизни врага. «Я сдѣлаю обозрѣніе всей твоей жизни, говорилъ онъ, всѣ твои постыдныя домашнія дѣла будутъ раскрыты мною; время, мѣсто будутъ указаны вмѣстѣ съ такими подтвердительными доводами, что никому на мысль не придетъ подвергать ихъ сомнѣнію. «Ну же, восклицаетъ онъ,—ну же, солдатъ, или вѣрнѣе, презрѣнный холопъ, помѣряемся!» И вслѣдъ за такимъ приступомъ начинаются разоблаченія. Когда Филельфъ учился въ Падуѣ, онъ, по увѣренію Поджіо, былъ изобличенъ въ преслѣдованіи нецѣломудренными поползновеніями одного мальчика и былъ выгнанъ за то изъ города. Онъ бѣжалъ въ Константинополь. Здѣсь вступилъ онъ въ семейство Хризолора, соблазнилъ его дочь и вынудилъ отца согласиться на бракъ Филельфа съ нею для скрытія позора. Послѣ такого подвига онъ вернулся въ Италію. Вступивъ на поприще педагога, онъ снова началъ развращать юношество и, чтобы утѣшить жену, сдѣлавшуюся вслѣдствіе того вдовой при живомъ мужѣ, сводничалъ ее съ другими. «Развратники,—говорилъ при этомъ Поджіо,—которые возвращаютъ женѣ то, что они получили отъ тебя, находятъ послѣ твоей вонючей бороды утѣшеніе въ твоихъ поцѣлуяхъ. О, козелъ вонючій, о рогачъ смердящій и т. д.» Далѣе Поджіо обвиняетъ Филельфа въ кражѣ книгъ у Траверсари, въ мошенничествѣ и т. п. Филельфъ, конечно, не остается въ долгу и изливаетъ на Поджіо цѣлое море грязныхъ обвиненій и непристойнѣйшихъ ругательствъ. Онъ рисуетъ картины самаго грязнаго разврата, перемѣшивая свое описаніе воззваніями къ музамъ и Аполлону. Особенно рѣзко выставляетъ онъ пьянство и прожорливость Поджіо и, наконецъ, въ надеждѣ помѣшать его женитьбѣ, выставляетъ на видъ преклонность его лѣтъ и т. д. Замѣчательно, что всѣ эти непристойности излагались такъ многословно, что литературный поводъ распри заслонялся ими и исчезалъ за ними совершенно. Только у Л. Валлы хватало настолько самообладанія, что онъ переходилъ къ оскорбленіямъ и ругательствамъ только послѣ выясненія спорнаго вопроса. Онъ былъ особенно силенъ въ инвективахъ, изложенныхъ въ формѣ разговоровъ. Этого рода инвективы были са-

тирами, не лишенными иногда остроумія и юмора, часто весьма живыя и всегда ѣдкія.

Меценаты и публика вообще относились къ распрямъ гуманистовъ съ напряженнымъ вниманіемъ и всегда ожидали появленія новыхъ инвективъ съ нетерпѣніемъ. Инвективы вслѣдствіе этого имѣли очень важное для своего времени значеніе, онѣ были популярнѣйшею отраслью литературы. Гуманисты очень хорошо видѣли это и обработывали ихъ поэтому съ особеннымъ тщаніемъ. Это же обстоятельство сильно способствовало размноженію инвективъ и усиленію злобы и раздраженія противниковъ. Въ лѣтописяхъ распрей гуманистовъ занесено поэтому очень мало случаевъ примиренія и еще менѣе проявленія со стороны общества чувства умѣренности и миролюбія. Борьба гуманистовъ между собою была зрѣлищемъ, которымъ общество того времени никогда не могло пресытиться.

Инвективы, которыхъ я могъ коснуться только вскользь, даютъ дополнительныя черты характеристики гуманистовъ и всего общества. Грубая чувственность, изображаемая въ этихъ инвективахъ, и столь же грубая злоба, вдохновлявшая ихъ, также какъ и вкусъ къ такого рода литературнымъ произведеніямъ не могутъ не поражать насъ. Рѣзче всего очерчивается въ инвективахъ развратъ; и хотя не можетъ подлежать сомнѣнію, что представленныя злобою картины разврата утрированы, но не можетъ подлежать сомнѣнію, тѣмъ не менѣе, что основныя черты ихъ не были вымышлены. Имѣются прямыя свидѣтельства о нравахъ времени и нравахъ гуманистовъ въ особенности, и они представляютъ крайне печальное зрѣлище. Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, я укажу на нѣкоторыя данныя, рисующія намъ нравственность гуманистовъ. Одними изъ наиболѣе характеристическихъ выдаются признанія Э. С. Пикколомини, разсѣянныя въ его письмахъ. Признанія эти были извѣстны всякому читавшему по-латыни, и, однако же, это не помѣшало Энею Сильвію быть избраннымъ папой. Что же послѣ того думать о тѣхъ гуманистахъ, которые были извѣстны какъ распутные люди? Одно изъ первыхъ признаній, бросающихся въ глаза, было сдѣлано имъ передъ вступленіемъ въ духовный санъ: онъ выражаетъ страхъ, ощущаемый имъ передъ обѣтомъ воздержанія, который, какъ ни похваленъ, по его мнѣнію, можетъ, однако же, легче быть исполняемымъ на словахъ, нежели на дѣлѣ. И въ самомъ дѣлѣ, бывши уже

духовнымъ, онъ вполнѣ оправдываетъ основательность своего страха: онъ не разъ въ своихъ письмахъ возвращается къ болтовнѣ о любви, говоритъ шутливымъ тономъ, что не ощущавшій огня любви подобенъ камню, что любовь есть чувство человѣческое, вожделѣніе, лежащее въ самой природѣ вещей и т. п., заурядъ смѣшивая похоть съ любовью и всегда принимая первую за послѣднюю. Но никогда не высказывался онъ съ такою опредѣленностью и съ такимъ цинизмомъ, какъ въ письмѣ къ отцу по поводу рожденія ребенка одною изъ своихъ любовницъ. Изложивъ съ обычнымъ краснорѣчіемъ гуманистовъ чувство счастья, наполняющее сердце человѣка, сознающаго себя отцомъ, онъ продлжаетъ: «Но ты скажешь, быть можетъ, что поступокъ мой огорчаетъ тебя потому, что я зачалъ сына во грѣхѣ. Я не знаю, какое мнѣніе составилъ ты обо мнѣ. Ты конечно произвелъ сына не изъ камня или желѣза, такъ какъ самъ ты плоть. Ты знаешь самъ, каковъ ты былъ пѣтухъ. Я также не скопецъ и не принадлежу къ числу холодныхъ. И не лицемѣръ я также, не желаю казаться лучшимъ, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ. Я свободно признаю мою ошибку, я не святѣе царя Давида и не мудрѣе Соломона. Это старая и обычная болѣзнь, и я не знаю, кто отъ нея свободенъ. Это болѣзнь далеко распространенная, если только слѣдствія естественной любви можно называть болѣзнью. Я не вижу, въ самомъ дѣлѣ, почему слѣдуетъ такъ проклинать совокупленіе, ибо природа, ничего не совершающая ложнаго, внѣдрила стремленіе къ нему во всѣхъ животныхъ. Человѣческій родъ также желаетъ продолжаться. Но ты говоришь, какъ я себѣ представляю, что существуютъ извѣстныя границы, въ которыхъ это должно быть дозволено: вожделѣніе не должно быть допускаемо внѣ законнаго брака. Конечно такъ, и однако же преступленіе это совершается даже и въ бракѣ. Вѣдь и пить и ѣсть, и говорить слѣдуетъ также въ извѣстныхъ границахъ, но кто наблюдаетъ за этимъ? Кто такъ праведенъ, что живетъ, не совершая по семи грѣхопаденій въ день? Пусть болтаетъ лицемѣръ, что не знаетъ за собою никакого грѣха, я же не знаю за собой никакой заслуги, и только благодать божія даетъ мнѣ надежду на помилованіе. Господь вѣдаетъ, что мы шатки и нетверды въ слѣдованіи по пути истины. Онъ будетъ для меня источникомъ помилованія, текущимъ для всѣхъ».

Какъ эти строки свидѣтельствуютъ о разнузданности плотскихъ страстей у гуманистовъ, такъ *Hermaphroditus* Беккa-

делли доказываетъ, что и извращеніе ихъ, обличаемое такъ часто въ инвективахъ, было не вымысломъ. *Hermaphroditus*, по замѣчанію Фойгта, указываетъ на всеобщее распространеніе педерастіи въ итальянскомъ обществѣ того времени. «Бойкіе стихи поэта,—говоритъ Фойгтъ,—играютъ съ этими представленіями, какъ съ естественнѣйшими и понятнѣйшими предметами, на которыхъ можетъ изощряться остроуміе и находить пищу веселость. И болѣе того: поэтъ съ радостью признаетъ себя авторомъ постыдной книги; онъ защищаетъ ее по примѣру древне-римскихъ писателей; онъ смотритъ на охранителей нравственности, какъ на глупый народъ, не понимающій прелести античнаго сладострастія». Прелесть эту понималъ далеко не одинъ Беккаделли, но и большая часть гуманистовъ и образованныхъ людей вообще. Обличеніе педерастовъ повсемѣстно; въ Неаполѣ возстаютъ противъ нихъ проповѣдники, въ Миланѣ—вооружается законодательство, но въ инвективахъ гуманистовъ о педерастіи говорится, какъ о явленіи обыкновеннѣйшемъ.

Таковы свѣтлыя и темныя стороны классиковъ эпохи возрожденія, гуманистовъ, которымъ Европа обязана возстановленіемъ древней литературы. Я указалъ на крайности, въ которыя впали они, выполняя свою задачу, на узкое пониманіе ими древности, раболѣпство передъ античными авторитетами и несчастное стремленіе возстановить не столько духъ древней цивилизаціи, сколько ея формы и, всего прежде, ея мертвый языкъ, бывшій недоступнымъ для народа. При всемъ этомъ я указалъ и на заслуги ихъ, а потому, оставляя ихъ теперь, могу сказать вслѣдъ за Грегоровіусомъ, что заслуги эти безсмертны. Гуманисты были первыми новыми людьми, родоначальниками новоевропейскаго умонастроенія, пропагандистами забытыхъ животворныхъ идей древности, распространителями легкаго и живого книжнаго языка, поборниками свѣтскаго склада жизни и первыми представителями исторической критики и сомнѣнія въ области традиціонныхъ вопросовъ. Къ заслугамъ ихъ слѣдуетъ отнести также опредѣленность и рѣшительность ихъ воззрѣній. Ничто такъ не было чуждо имъ, какъ то малодушное стремленіе отыскать златую средину между противорѣчивыми положеніями, которое изъ боязни причинить кому либо вредъ, никому не приноситъ пользы. Данте не оскорбилъ бы ихъ презрѣніемъ, не сказалъ бы, что ихъ отвергаетъ небо и не прини-

маетъ адъ и по поводу ихъ не вложилъ бы въ уста Виргилія извѣстнаго терцина—этой вѣчной кары ничтожества:

«Свѣтъ не сохраняетъ о нихъ никакой памяти—
Милосердіе и правосудіе ими пренебрегаетъ;
Не станемъ разсуждать о нихъ, но взгляни и иди мимо».

1874.
«Отеч. Зап.», № 12.

НОВАЯ ЛОГИКА.

«Къ вопросу о реформѣ логики.—Опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ». Николая Грота. Лейпцигъ. 1882.

Книга г. Грота—какъ видно изъ предисловія ея, написана для спеціалистовъ. Она, какъ «серьезное научное сочиненіе», «страдаетъ сжатостью изложенія, нѣкоторою сухостью и неудобопонятностью (конечно, только съ точки зрѣнія мало подготовленнаго читателя)». «Авторъ ея, имѣя въ виду воображаемыхъ противниковъ-спеціалистовъ, поневолѣ предполагалъ многое извѣстнымъ, поневолѣ часто не договаривалъ своихъ мыслей и аргументировалъ какъ можно лаконичнѣе». «Онъ поневолѣ принужденъ былъ сводить развитіе каждой мысли къ minimum словъ, въ которыхъ она можетъ быть выражена, и не могъ заботиться объ украшеніи своего текста многочисленными примѣрами и сопоставленіями, которые бы сдѣлали его обобщеніе понятнымъ для *обыкновенныхъ читателей*» (Предисл., стр. XVI—XVII).

Прочитавъ все это, мы, какъ причисляющіе себя именно къ обыкновеннымъ читателямъ, рѣшили было ужъ совсѣмъ и не читать книгу, написанную не про насъ, и готовы были терпѣливо дожидаться, когда она появится въ новомъ, доступномъ и для насъ видѣ, на что предисловіе подаетъ надежду, заявляя, что популяризированіе своихъ воззрѣній авторъ отчасти предоставляетъ другимъ лицамъ, *особымъ спеціалистамъ этого дѣла*, отчасти же надѣется сдѣлать самъ въ болѣе удобное время, тогда ему, можетъ быть, удастся заняться этою, сравнительно уже легкою, работою (Ib. стр. XVIII).

Рѣшеніе наше было тотчасъ же поколеблено тѣмъ же самымъ предисловіемъ, которое его внушило. Мы заинтересовались вопросомъ о томъ, кто же это такіе «особые спеціалисты», кото-

рымъ авторъ предоставляетъ популяризацію своихъ сочиненій? Это вѣдь, конечно, не тѣ спеціалисты науки, для которыхъ написана книга и которымъ «многое» изъ того, что знаетъ авторъ, предполагается извѣстнымъ. Спеціалисты науки, конечно, сами пишутъ «серьезныя научныя сочиненія» и, вѣроятно, не станутъ заниматься популяризаціею чужихъ трудовъ. Это и не тѣ «обыкновенные» читатели, которымъ сочиненіе это недоступно. Кто же это? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ XIII стр. предисловія, гдѣ опять является «читатель», надо полагать, тотъ же «*обыкновенный*», о коемъ была уже рѣчь, ибо ничего необыкновеннаго читателю этому не приписывается. На сей разъ читатель этотъ оказывается способнымъ не только понимать серьезное научное сочиненіе, но удостоивается даже быть поставленнымъ рядомъ со спеціалистами науки и признается одинаково съ ними способнымъ отнестись къ книгѣ автора съ безпощадной и неумолимой критикой. Читателю этому, наравнѣ со спеціалистами науки, заявляется желаніе автора видѣть свои теоріи встрѣченными съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, но въ то же время серьезно и съ уваженіемъ, «такъ какъ результаты многолѣтней напряженной работы ума фактически невозможно уничтожить одною остроумною игрою словъ и легкомысленнымъ издѣвательствомъ. Эти пріемы,—прибавляетъ авторъ,—столь обычные въ *нашей* литературѣ, падутъ рано или поздно на голову тѣхъ, кто ими будетъ пользоваться» (I. стр. XIII).

Не останавливаясь надъ тѣмъ, что выраженный въ этихъ словахъ репримандъ равно относится къ «читателямъ» изъ литературной братіи и къ спеціалистамъ, т.-е. гг. Троицкому, Владиславлеву, Козлову, Кавелину, Сѣченову и т. д., не дебатируя вопроса о томъ, заслужили ли господа эти такой репримандъ, мы, обрадованные тѣмъ, что явилась надежда засѣсть за книгу г. Грота не напрасно, немедленно же принялись за внимательное ея чтеніе, что намъ и удалось совершить на этихъ дняхъ.

Говоря откровенно, мы не жалѣемъ о принятомъ нами рѣшеніи. Если насъ не ослѣпляетъ иллюзія,—illusion of introspection, какъ называетъ ее Джемсъ Селли:—мы въ состояніи были понять *все* содержаніе книги. Такое сознаніе дало намъ смѣлость разсуждать о книгѣ, сперва съ пріятелями и знакомыми, а потомъ, пользуясь разрѣшеніемъ, даннымъ въ предисловіи самимъ авторомъ, и съ публикою. Всего прежде мы не можемъ

не пожалѣть, что не чувствуемъ себя въ силахъ стать въ ряды тѣхъ «особыхъ спеціалистовъ», о которыхъ говоритъ авторъ, и заняться популяризаціей тѣхъ идей его, которыя мы нашли достойными сдѣлаться достояніемъ не однихъ только спеціалистовъ, но и всего образованнаго общества. О спеціалистахъ популяризаціи можно, конечно, говорить свысока и принимать всевозможныя мѣры для того, чтобы жрецы науки, сплотясь въ тѣсную кучку, изрекающую неисповѣдимые глаголы, могли понимать только другъ друга, утѣшая толпу, что истина откроется завтра или тамъ когда будетъ досужно; но такое подобіе «заравшанской академіи» можетъ тѣмъ болѣе возмущать «обыкновеннаго читателя» изъ литературной среды, уличаемаго въ склонности къ «остроумной игрѣ словъ и издѣвательству», что онъ въ то же время склоненъ и чрезвычайно высоко ставить эту презрѣнную, «особую спеціальность». По поводу ея онъ можетъ лишь повторять,—и повторять то, что уже было высказано не разъ, а именно: что если большинство ученыхъ до сихъ поръ еще полагаетъ свою гордость въ томъ, что ихъ прочтутъ и оцѣнятъ только такіе же спеціалисты, какъ и они, то у другихъ, напротивъ, желаніе болѣе гордое: они не привыкли говорить въ пустой залъ, и имъ нуженъ не менѣе какъ весь читающій міръ.

Мы не будемъ ни критиковать, ни популяризировать книгу г. Грота. Это дѣло «спеціалистовъ», въ собственномъ смыслѣ этого слова, «спеціалистовъ» особаго рода, о которыхъ говоритъ г. Гротъ. Мы не причисляемъ себя ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Мы предполагаемъ дать читателю лишь рядъ замѣтокъ по тѣмъ изъ вопросовъ, возбуждаемыхъ книгою г. Грота, которые, съ одной стороны, доступны обыкновенному читателю, и, съ другой, входятъ въ кругъ его интересовъ. И въ этихъ предѣлахъ, впрочемъ, мы постараемся быть сколько возможно болѣе краткими, оставляя многое на долю читателя. Такимъ образомъ, мы введемъ статью нашу, неизбѣжно очень длинную, въ возможно тѣсные предѣлы и сохранимъ за ней наибольшую степень доступной для нея занимательности, ибо «le secret d'ennyer est celui de tout dire».

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ ознакомленію съ теоріею г. Грота, долженствующею совершить реформу логики, мы попытаемся опредѣлить связь ея съ теоріями ей предшествовав-

шими и современными. Опредѣливъ группу или группы, къ которымъ принадлежитъ нашъ авторъ, мы подготовимся къ уразумѣнію и его собственнаго индивидуальнаго характера, какъ теоретика по данному вопросу, и затѣмъ уже, облегчивъ по возможности свою задачу, обратимся къ ознакомленію и съ теоріей самого г. Грота.

Имѣя въ виду очистить новый путь, по которому должно идти развитіе логики, какъ науки, г. Гротъ останавливается прежде всего надъ необходимостью устраненія того новаго врага прогресса, который, оставаясь всегда однимъ, постоянно скрывается подъ различными формами. «Этотъ врагъ есть преувеличенное довѣріе къ силамъ человѣческаго ума. Оно служитъ, прежде всего, причиною возведенія отдѣльныхъ представителей мысли въ степень геніевъ и непогрѣшимыхъ судей, передъ мнѣніями которыхъ и преклоняется затѣмъ толпа, забывая, что никто и ничто, кромѣ нея самой, не ставило передъ нею этихъ «идоловъ знанія». Оно же служитъ потомъ, съ ослабленіемъ довѣрія къ отдѣльнымъ личностямъ, причиною преклоненія человѣка передъ «массовыми движеніями» человѣческой мысли, основаннаго на убѣжденіи, что если столько и столько поколѣній людей что-либо думали или считали истиною, то тутъ должна быть заключена, если не вся правда, то хоть значительная часть ея, причемъ забываются уроки исторіи: заблужденія алхимиковъ, предразсудки схоластическихъ мудрецовъ и другіе подобные образцы «инстинктивной непогрѣшимости» мыслящихъ массъ. Но то же преувеличенное довѣріе къ силамъ человѣческаго ума выражается и въ другихъ, безличныхъ, формахъ: оно лежитъ и въ основаніи деспотизма языка и гибельнаго вліянія традицій, связанныхъ съ «словами»; оно же обусловливаетъ и безсознательное подчиненіе авторитету школы, литературныхъ нравовъ и модныхъ пріемовъ изслѣдованія. Наконецъ, имъ же объясняется и преувеличенное современное благоговѣніе къ авторитету не только безличной, но и отвлеченной единицы—«науки». Въ средніе вѣка для многихъ мыслителей послѣднимъ аргументомъ были слова «онъ такъ говоритъ», причемъ подразумѣвался авторитетъ Аристотеля. Позднѣе, съ развитіемъ множества философскихъ школъ, чаще стали употреблять выраженіе «они такъ говорятъ», разумѣя цѣлый рядъ представителей той или другой школы (номиналистовъ, идеалистовъ, сенсуалистовъ, матеріалистовъ, наконецъ, позитивистовъ). Въ настоящее время

безпрестанно восклицаютъ: «она, т.-е. наука, то или другое утверждаетъ», причемъ этотъ авторитетъ, самой новѣйшей формаціи, имѣетъ иногда тоже весьма двусмысленное значеніе» (Стр. 20—21).

Едва ли можно согласиться съ авторомъ, что всѣ перечисленныя имъ явленія обнаруживаютъ преувеличенное довѣріе къ силамъ человѣческаго ума. Если бы такое довѣріе дѣйствительно существовало, то всякій ученый, философъ, мыслитель, настолько бы довѣрялъ своему собственному уму, что отвергалъ бы потребность въ авторитетѣ, какъ личномъ, такъ и безличномъ, отвлеченномъ, и начиналъ бы свою работу сначала въ самомъ полномъ и безусловномъ смыслѣ, т.-е. самъ создавалъ бы себѣ новыя основанія, новый методъ, новую постановку вопросовъ. Благоговѣніе же передъ авторитетами показываетъ, напротивъ того, что къ силамъ человѣческаго ума вообще очень часто нѣтъ довѣрія, что силы эти считаются результатами сочетанія случайныхъ условій, создающихъ «геніевъ и непогрѣшимыхъ судей», передъ мнѣніями которыхъ, какъ передъ мнѣніями авторитетовъ, и преклоняются. Такое преклоненіе обнаруживаетъ не избытокъ довѣрія къ силамъ ума, а извѣстнаго рода умственное рабство, самоуничиженіе, самоосужденіе на безсиліе, способность итти только на помочахъ авторитетовъ.

Но если обращеніе къ авторитетамъ вообще никакъ не можетъ свидѣтельствовать о преувеличенномъ довѣріи съ силамъ человѣческаго ума, то исключительное пользованіе идеями авторитетовъ, какъ мы то видимъ въ эклектизмѣ, и того менѣе намекаетъ на избытокъ довѣрія къ силамъ ума. О какомъ же довѣріи можетъ итти рѣчь тамъ, гдѣ явно утверждается, что ни одна школа, ни одно направленіе, ни одно отдѣльное лицо не оказалось состоятельнымъ въ поискахъ за истиной и что затѣмъ остается только одно средство,—средство, напоминающее соломинку утопающаго,—склейка всевозможныхъ обрывковъ для полученія цѣлаго хоть въ формальномъ отношеніи. Что же касается до другихъ видовъ преклоненія передъ авторитетами, то мы полагаемъ, что г. Гротъ совершенно напрасно смѣшалъ ихъ въ одну кучу и представилъ однородными, когда на дѣлѣ не только ничего подобнаго нѣтъ, но, напротивъ того, между разнаго рода признаніями авторитетовъ существуетъ несомнѣнная противуположность. Такъ, авторитетъ традицій всегда признавался въ силу увѣренности въ слабости и немощности человѣ-

ческаго ума и являлся поэтому дѣйствительно помѣхою прогресса, тогда какъ авторитетъ науки, свидѣтельствуя о довѣріи къ силамъ ума, хоть и не всегда преувеличенномъ, не заключаетъ въ себѣ ничего антипрогрессивнаго, такъ какъ правильное понятіе о наукѣ нераздѣлимо отъ понятія сомнѣнія и критики и всегда идетъ рука объ руку съ противодѣйствіемъ умственной косности и рутинѣ. Чтобы сохранить хоть правдоподобіе при подведеніи всѣхъ авторитетовъ подъ одинъ шаблонъ, г. Гроту и оставалось только выставить по отношенію къ авторитету науки одну совершенно случайную, если не совсѣмъ фиктивную, черту, не существующую, по его мнѣнію, какъ надо полагать, въ авторитетахъ, перечисленныхъ выше, именно: на двусмыслiе научныхъ авторитетовъ новѣйшей формаціи. Это двусмыслiе мѣтитъ, конечно, на то же, на что мѣтитъ и заявленіе противника г. Грота—г. Козлова, утверждающаго, что «у насъ есть не мало культурныхъ людей, въ умахъ которыхъ можно водрузить чистѣйшій вздоръ, сказавъ, что онъ стоитъ на анатоміи и физіологіи»[1]). Авторитетъ анатоміи и физіологіи для г. Козлова такъ же двусмысленъ, конечно, какъ и какіе-то «авторитеты новѣйшей формаціи» вообще для г. Грота. Очевидно, однако же, что, помимо этого двусмыслія, столь неожиданно соединившаго противниковъ, авторитетъ науки долженъ быть признанъ всѣми, кто остерегается питать къ силамъ единичнаго ума преувеличенное довѣріе.

Истина эта столь очевидна, что самъ г. Гротъ, едва указавъ на преувеличенное довѣріе къ силамъ человѣческаго ума, какъ на источникъ авторитета и традиціонной рутины, и живой науки, немедленно же беретъ назадъ свое утвержденіе и заявляетъ, что «противъ авторитета ума или мысли человѣческой вообще, конечно, не способна бороться никакая теорія: противъ него боролся, правда, скептицизмъ, но, въ концѣ-концовъ всегда безуспѣшно. Вѣра въ авторитетъ мысли дана человѣку самою природою его или, вѣрнѣе говоря, развивается съ необходимостью изъ самой его организаціи. Но человѣкъ не долженъ забывать, что для нея существуетъ только одна законная форма—это довѣріе къ собственной мысли, сознательно и критически направляемой на всестороннее изученіе того или

---

[1]) *А. Козловъ*. Замѣчанія на статью Н. Я. Грота. Газета «Заря», 1883 г., № 52.

другого предмета, и что объективнымъ авторитетомъ, который могъ бы сдѣлать обязательною мою мысль для всѣхъ другихъ людей, могутъ служить только матеріальные факты, на которыхъ она основана. Глубокомысленные метафизики, какъ и подобаетъ, конечно, назовутъ это утвержденіе выраженіемъ «наивнаго міросозерцанія», ссылаясь на шаблонное мнѣніе, что внѣшній опытъ насъ обманываетъ и передаетъ явленія въ искаженномъ и субъективно-переработанномъ видѣ. Однако, предположивъ даже пока, что это шаблонное мнѣніе справедливо, нельзя же отрицать факта, что въ оцѣнкѣ данныхъ внѣшняго опыта, на чемъ бы она въ концѣ-концовъ ни основывалась, согласіе всѣхъ людей, при опредѣленныхъ условіяхъ этого опыта, совершенно неизбѣжно и вполнѣ обезпечено. Напротивъ, всякая мысль, внѣ аппарата фактовъ, тѣми или другими людьми непремѣнно оспаривается. А если такъ, то ссылка на чьи-либо мысли, т.-е. мотивировка своихъ выводовъ авторитетами лицъ, школъ и направленій, въ условномъ смыслѣ, можетъ быть допущена только тамъ, гдѣ эти мысли служатъ лишь символами всѣмъ извѣстнаго и прочно установленнаго конкретнаго содержанія, а имена лицъ и названія школъ, въ свою очередь—символами такихъ именно мыслей, служащихъ лишь формулами для выраженія всѣми признанныхъ объективныхъ фактовъ» (стр. 21—22).

Если мы вѣрно поняли взглядъ г. Грота, выраженный въ только-что приведенной цитатѣ, то мы смѣемъ думать, что онъ узаконяетъ единственную форму довѣрія къ силамъ человѣческаго ума—довѣріе къ собственной мысли, сознательно и критически направленной на всестороннее изученіе того или другого предмета, а затѣмъ уже допускается условно и ссылка на авторитетъ лицъ, школъ и направленій, т.-е. на авторитетъ представителей коллективной мысли вообще, иначе говоря, науки. Такое отрѣшеніе единоличнаго ума, созидающаго свою науку съ самыхъ ея основъ, отъ работы коллективной представляется намъ не только неправильнымъ, въ силу соображеній, привенныхъ выше но еще и противорѣчащимъ мнѣнію самого г. Грота, который въ другомъ мѣстѣ своей книги говоритъ: «Индивидуальная мысль, по самымъ законамъ природы,—мысль, болѣе или менѣе ограниченная, замкнутая въ извѣстные предѣлы, зависящіе отъ условій индивидуальнаго развитія даннаго человѣка: только синтезъ большаго числа индивидуальныхъ мыслей создаетъ ту без-

предѣльность и широту умственнаго горизонта, которыми отличается дѣйствительная наука и которые гарантируютъ ее отъ всякаго увлеченія и односторонности» (стр. IX).

Сопоставляя взаимно-исключающія мнѣнія г. Грота, съ которыми мы ознакомились на предшествующихъ страницахъ, невозможно, конечно, рѣшить, которое изъ нихъ онъ сочтетъ примѣнимымъ для самого себя: отринетъ ли онъ помощь предшественниковъ и современниковъ и избавитъ себя такимъ образомъ отъ преувеличеннаго довѣрія къ силамъ человѣческаго ума, или, считая такое довѣріе непреувеличеннымъ, будетъ искать въ немъ опоры, или, наконецъ, довѣрясь своему уму, онъ лишь подкрѣпитъ это довѣріе ссылками на работы другихъ. Рѣшеніе этого вопроса было для насъ тѣмъ болѣе интересно, что логика, какъ ее опредѣляетъ г. Гротъ, захватываетъ немало вопросовъ не только логики, но еще психологіи и теоріи познанія, такъ что такое или иное отношеніе его къ чужимъ трудамъ касалось трудовъ весьма обширной группы писателей. Рѣшеніе этого интереснаго вопроса г. Гротомъ было для насъ нѣсколько неожиданное, такъ какъ оно не соотвѣтствовало ни одному изъ трехъ предполагавшихся нами рѣшеній и могло бы, пожалуй, послѣдовать безъ всѣхъ долгихъ предварительныхъ пустыхъ разсужденій. «Кто отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ фактѣ,—говоритъ г. Гротъ,—что *прошедшее* логики смутно, *настоящее* хаотично, а задачи *будущаго* еще *вовсе не* опредѣлены, тотъ долженъ, конечно, подвергнуть отрицанію все прошлое этой науки, и, вооружившись сомнѣніемъ по отношенію ко всѣмъ безусловно понятіямъ и терминамъ, хотя бы кажущимся на первый взглядъ совершенно естественными и законными, долженъ начинать всю работу снова, и притомъ на совершенно новыхъ основаніяхъ, при помощи новыхъ методовъ и новой постановки вопросовъ» (стр. 22—23). И въ самомъ дѣлѣ, если опираться и ссылаться не на кого, то, само собою разумѣется, только и остается одно: начать все съизнова.

Намъ, какъ неспеціалистамъ, только и оставалось, конечно, что оказать г. Гроту полное довѣріе и, махнувъ рукою на всякаго рода смутные и хаотичные трактаты, заняться изученіемъ мыслей самого автора; но тутъ опять онъ самъ создалъ намъ новое затрудненіе. «Будучи всецѣло занятъ тяжелою работою систематической выработки своихъ собственныхъ воззрѣній,—говоритъ въ предисловіи г. Гротъ,—воззрѣній, въ *общей origи-*

нальности которыхъ авторъ могъ убѣдиться изъ предшествующаго долговременнаго изученія логической литературы, онъ естественно пренебрегалъ ссылками на чужія мнѣнія и на указаніе случайныхъ совпаденій различныхъ своихъ взглядовъ со взглядами другихъ писателей. При этомъ онъ руководился отчасти и добрымъ примѣромъ другихъ *весьма солидныхъ новѣйшихъ писателей по логикѣ*». «Въ такомъ предметѣ, какъ логика,—справедливо замѣчаетъ Стэнли-Джевонсъ (Основы науки. Трактатъ о логикѣ и проч. Перев. Антоновича, С.-Петербургъ. 1881, стр. 20),—едва ли возможно высказать какія-нибудь мнѣнія, *которыя не были бы высказываемы прежде въ той или другой формѣ; по крайней мѣрѣ зародыши всякаго ученія* можно найти у прежнихъ писателей, и *новость можетъ состоять главнымъ образомъ только въ способѣ гармонированія и развитія* идей». А потому естественно, что, по крайней мѣрѣ при первомъ изложеніи своей оригинальной «общей системы воззрѣній», многіе весьма основательные мыслители и не находятъ нужнымъ тратить время и силы свои на то, чтобы искусственно ставить свои взгляды въ связь съ подобными же взглядами предшественниковъ. «Даже то, что мы могли бы заимствовать у другихъ, пришлось вновь найти помощью развитія своеобразной связи своихъ собственныхъ мыслей (in dem eigenthümlichen Zusammenhange meiner Gedankenreihe),—можемъ мы повторить вмѣстѣ съ Шуппе (Erkenntnisstheor. Logik. Bonn, 1878, стр. 5),—а потому мы и считали непроизводительною работою включать впослѣдствіи въ текстъ свой цитаты (изъ другихъ писателей), когда находили, уже значительно послѣ выработки какого-нибудь своего мнѣнія, извѣстное соотвѣтствіе его съ мнѣніями другихъ мыслителей» (стр. XIV).

Прочитавъ эту страницу, мы сочли, конечно, довѣріе наше къ мыслямъ автора, высказаннымъ на стр. 23 его книги и приведеннымъ выше, преувеличеннымъ, и такъ какъ у насъ нѣтъ возможности окончательно рѣшить вопросъ: какія именно причины—субъективныя ли предисловія, или объективныя текста—заставили г. Грота оставить въ сторонѣ писателей по логикѣ (солидныхъ или смутно-хаотичныхъ, опять-таки не знаемъ), то мы такъ бы и оставили вопросъ этотъ безъ рѣшенія, если бы рѣшенія этого не далъ самъ авторъ совершенно независимо отъ всѣхъ разсужденій объ авторитетахъ, о довѣріи къ силамъ ума, значеніи предшественниковъ и современниковъ и т. д. «Общая

оригинальность нашихъ теорій,—говоритъ г. Гротъ,—будетъ очевидна для всякаго толковаго и сколько-нибудь компетентнаго читателя настоящей книги, а неизбѣжныя частныя совпаденія ихъ съ выводами предшественниковъ и безъ всякихъ цитатъ несомнѣнны» (стр. XVI).

И такъ, поиски наши для опредѣленія связи воззрѣній г. Грота съ воззрѣніями его предшественниковъ и современниковъ дали намъ слѣдующіе результаты: мы узнали изъ книги г. Грота, что признаніе авторитетовъ, какіе бы они тамъ ни были,—авторитеты рутины, традиціи, науки, авторитеты личные, безличные, отвлеченные,—одинаково основано на преувеличенномъ довѣріи къ силамъ человѣческаго ума... Что это довѣріе, однако, имѣетъ двѣ законныя формы: одну безусловную—довѣріе къ собственной мысли, другую условную—довѣріе къ наукѣ, такъ что, слѣдовательно, можетъ быть и дѣйствительно бываетъ нисколько непреувеличеннымъ... Что за всѣмъ тѣмъ,—въ виду того, что всѣ вообще писатели, писатели по логикѣ, не исключая и новѣйшихъ, весьма солидныхъ, произвели въ наукѣ этой лишь смуту и хаосъ,—авторъ рѣшилъ начать работу снова, на новыхъ основаніяхъ, при помощи новыхъ методовъ и новой постановки вопросовъ, и, такимъ образомъ, работа его есть вполнѣ оригинальная, что очевидно для всякаго толковаго и сколько-нибудь компетентнаго читателя.

Теперь стало ясно уже, что намъ придется совсѣмъ оставить въ сторонѣ не только все прошедшее логики (знакомство съ коимъ поставляется, впрочемъ, необходимымъ условіемъ для оцѣнки книги, см. предисл. стр. XVIII), но и современное ея состояніе и не пытаться болѣе опредѣлять характеръ новаго, лежащаго передъ нами сочиненія поисками за связью его съ прошедшимъ и настоящимъ науки. Здѣсь основанія, методы, постановки вопросовъ—все ново и оригинально, какъ то и должно быть, впрочемъ, очевидно «всякому толковому и сколько-нибудь компетентному читателю». Сочтемъ же этотъ вопросъ рѣшеннымъ и не будемъ болѣе толковать объ оригинальности сочиненія г. Грота, а поведемъ рѣчь о вопросѣ оригинальности вообще, насколько она можетъ проявиться въ рѣшеніи философскихъ вопросовъ, сводимыхъ на научную почву. Соображенія, которыя мы имѣемъ въ виду высказать по этому поводу, направлены не къ опроверженію путанныхъ мнѣній г. Грота, а имѣютъ цѣлью ознакомленіе читателя съ нашей собственной точкой

зрѣнія и должны помочь ему оріентироваться среди дальнѣйшаго изложенія нашихъ мыслей. По этой причинѣ они будутъ здѣсь не совсѣмъ неумѣстны.

Искать внѣшнюю точку опоры для своихъ воззрѣній, когда нѣтъ внутренней,—дѣло, конечно, безнадежное. Предполагать, что внутренняя опора станетъ устойчивѣе, если будетъ поддерживаться внѣшней—нелѣпо, такъ какъ все-же-таки предстоитъ доказать устойчивость этой послѣдней. Возлагать надежды на громкія и сильныя имена—опрометчиво, такъ какъ и великіе умы могутъ ошибаться. Сколько бы ни возлагалось надеждъ на внѣшній авторитетъ, а въ концѣ-концовъ дѣло сведется не на авторитетное, а на самостоятельное, внутреннее доказательство и убѣжденіе. Здѣсь вполнѣ примѣнима мысль, высказанная однажды Донъ-Кихотомъ. Узнавъ, что нѣкоему Хуану Альдудо не хотятъ давать вѣры, такъ какъ онъ клянется рыцарскимъ достоинствомъ, котораго онъ никогда не получалъ, благородный герой Ла Манчи замѣтилъ: «это ничего не значитъ: и Альдуды также могутъ быть рыцарями, тѣмъ болѣе, что всякій человѣкъ—сынъ дѣлъ своихъ [1]). Но если мы отрицаемъ значеніе авторитета въ томъ же смыслѣ, въ какомъ отрицали авторитетъ именно рыцарскаго достоинства для Альдудо, то мы не можемъ не видѣть, однако же, что такое отрицаніе слишкомъ обще, слишкомъ неопредѣленно и необходимо требуетъ комментаріевъ, такъ какъ авторитетъ авторитету рознь, да и въ признаніи авторитета можетъ существовать множество степеней и оттѣнковъ, которые необходимо различать. Суздальство здѣсь не менѣе вредно, чѣмъ и при разсмотрѣніи всякаго другого вопроса.

Въ метафизическихъ системахъ преемство мыслей есть явленіе обычное. Даже и самые сильные и оригинальные умы примыкаютъ къ кому-либо изъ предшественниковъ, къ какой-нибудь школѣ или группѣ. Понятно, однако же, что всякое изслѣдованіе, опирающееся въ опредѣленномъ пунктѣ на какое-нибудь заимствованное положеніе, неизбѣжно предполагаетъ, что весь ходъ разсужденія, изъ котораго данное положеніе заимствовано, вплоть до самаго этого положенія, признается правильнымъ. Такимъ образомъ, и при условіи заимствованія, всякій мыслитель неизбѣжно долженъ былъ даже и при метафизическихъ изслѣдованіяхъ, допускающихъ такой просторъ лич-

[1]) *Cervantes*. Don Quijote de la Mancha. I. cap. IV.

ному творчеству, быть до извѣстной степени самостоятельнымъ и, такъ сказать, начинать сначала. Но если метафизикъ имѣетъ возможность выбирать того мыслителя или ту школу, къ которымъ онъ желаетъ примкнуть, то представитель научной философіи ограниченъ въ этомъ выборѣ: его точка зрѣнія,—точка зрѣнія науки,—дана; основанія—тоже даны: они незыблемы и неизмѣнны; вопросы намѣчены. Представителю научной философіи, какъ видно изъ этого, совсѣмъ невозможно проявить свою самостоятельность въ томъ самомъ смыслѣ, въ которомъ можетъ проявить ее метафизикъ. Въ научной философіи, какъ и вообще въ наукѣ, можно только продолжать, при чемъ необходимо предполагается согласіе съ извѣстными положеніями, общепринятыми и давно уже провѣренными и прочно установленными; начинать же сначала въ буквальномъ смыслѣ этого слова значило бы брать на себя, частью, излишній и безполезный трудъ вторичнаго открытія того, что уже открыто, частью—такое бремя, которое несоразмѣрно со средствами единоличныхъ силъ. Объективный авторитетъ фактовъ тутъ ровно ничего не значитъ: факты у всѣхъ передъ глазами; ихъ могутъ не признавать лишь люди темные или недобросовѣстные, т.-е. вообще такіе, съ которыми ни разсуждать, ни спорить не стоитъ; дѣло идетъ не о констатированіи фактовъ, а о расширеніи ихъ области, объ ихъ классификаціи и истолкованіи. Отвергнувъ метафизическую точку зрѣнія, приходится принять точку зрѣнія науки, какъ единственную вносящую свѣтъ въ наше міроразумѣніе, и затѣмъ нести этотъ свѣтъ въ тѣ уголки и закоулки нашего сознанія, куда онъ еще не проникъ. Въ рѣшеніи такой задачи есть, конечно, и своя доля признанія авторитета (но въ этомъ признаніи нѣтъ ничего рабскаго и антипрогрессивнаго), и своя доля самостоятельности, обусловленная съ объективной стороны тѣмъ, что было сдѣлано ранѣе, а со стороны субъективной—объемомъ и качествомъ задачи и соразмѣреніемъ ея съ личными силами. Когда пишешь исключительно для спеціалистовъ, тогда, конечно, можно предоставить имъ самимъ разобраться среди всякаго рода данныхъ, доставленныхъ анализомъ вопроса объ отношеніи представленнаго сочиненія къ трудамъ предшественниковъ; притомъ же очень часто въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ стоитъ забота о сохраненіи оригинальности хоть за планомъ комбинаціи элементовъ, если не за созданіемъ самихъ элементовъ. Но когда пишешь для обыкновенныхъ чи-

тателей, для публики, тогда вопросъ объ оригинальности совсѣмъ уходитъ на задній планъ,—дѣлаются цитаты, ссылки на все, что было изучаемо или просто читаемо, приводятся авторитеты, если они припоминаются, и, вообще, «on prend son bien où on le trouve». Не всякая, вѣдь, компиляція свидѣтельствуетъ непремѣнно объ эклектической точкѣ зрѣнія ея автора, а дѣльно-продуманная компиляція нерѣдко и полезнѣе, и почетнѣе иного ученаго сочиненія. Говоримъ это, чтобы предостеречь читателя отъ одинаково вредной крайности—излишней требовательности и излишняго высокомѣрія. Отъ всякой работы можно требовать только то, что она обѣщаетъ. Что же касается авторовъ собственно научныхъ сочиненій, то они бы поступили, какъ намъ думается, правильно, если бы уподобляли себя мореплавателямъ, которые устремляются къ чуждымъ морямъ, въ неизвѣданныя еще страны, сознавая при этомъ, что не только корабль, компасъ и другія орудія и средства мореплавателей унаслѣдованы ими отъ ихъ предшественниковъ, но что и самое побужденіе къ странствіямъ и открытіямъ не могло бы у нихъ возникнуть, если бы зерно этихъ побужденій не таилось уже въ умственной и критической дѣятельности ихъ предковъ. Они могутъ вполнѣ сознавать свое превосходство надъ этими скромными предшественниками и предками, но вмѣстѣ съ тѣмъ они должны не упускать изъ виду причины своего превосходства и съ твердостью заявлять о нихъ. Прекрасно высказывается въ этомъ смыслѣ Васко-де-Гама у Камоэнса; онъ даже сравниваетъ съ собой не однихъ мореходовъ, но и философовъ древности. «Если бы древніе философы,—говоритъ онъ,—такъ много странствовавшіе ради познанія тайнъ чужихъ земель, подобно мнѣ, ввѣрившъ себя столькимъ разнымъ вѣтрамъ, могли бы увидѣть такъ много чудесъ,—какія высокія произведенія оставили бы они намъ» [1]).

Таково наше общее соображеніе, до сихъ поръ оправдывавшееся во всѣхъ отрасляхъ науки и научной философіи, къ которымъ намъ приходилось его прилагать. И мы не можемъ не отмѣтить здѣсь того факта, что самъ г. Гротъ, нынѣ такъ рѣзко расходящійся съ нашимъ взглядомъ, былъ очень близокъ къ нему въ то время, когда писалъ свое произведеніе о «психологіи чувствованій». «Нельзя же предположить,—говорилъ онъ тогда,—что всѣ наши предшественники совершенно

[1]) L. de Camóens Os. Lusiadas. Canto V. 23.

даромъ трудились надъ анализомъ обширной области явленій, называемыхъ чувствованіями. Такъ или иначе, они выработали уже рядъ принциповъ, рядъ различныхъ направленій изслѣдованія этихъ явленій. Если мы, въ связи съ собственными наблюденіями, критически разберемъ эти направленія и опредѣлимъ, которое изъ нихъ наиболѣе правильно, то, очевидно, будемъ въ состояніи оказать наукѣ лучшую услугу, чѣмъ если, прервавъ связь со всѣми предшествующими изслѣдованіями, начнемъ всю работу сначала, т.-е. начнемъ съ новаго собиранія фактовъ, новаго описанія ихъ, новаго самостоятельнаго разбора. Конечно, многіе психологи слѣдуютъ именно такому пріему, но работа ихъ напоминаетъ лишь сказку о Сизифовой работѣ въ аду. До сихъ поръ именно потому анализъ чувствованій сопровождался такими малыми успѣхами, что каждый изслѣдователь считалъ своею обязанностью *все* дѣло начинать сызнова, не будучи въ состояніи довести его до конца». («Псих. чувств.» стр. 415—416).

Оттѣняя этотъ фактъ, мы нисколько не имѣемъ въ виду обращаться съ упрекомъ къ автору въ измѣненіи его мнѣнія. Съ одной стороны, онъ могъ уйти впередъ, а мы—остаться на мѣстѣ, съ другой—то былъ одинъ предметъ, а теперь другой. То была старая логика, а теперь—логика новая.

Затѣмъ мы рады были бы поставить здѣсь точку и перейти къ ближайшему ознакомленію съ самой теоріей г. Грота, но, къ величайшему нашему сожалѣнію, на самомъ порогѣ этого ознакомленія мы опять наталкиваемся на вопросъ объ отношеніи труда г. Грота къ трудамъ его предшественниковъ, а потому, вмѣстѣ съ первыми шагами къ непосредственному ознакомленію съ теоріей г. Грота, намъ поневолѣ придется сказать еще послѣднее слово объ этомъ, быть можетъ, успѣвшемъ уже надоѣсть читателю вопросѣ.

Въ рѣчи, произнесенной на диспутѣ, г. Гротъ резюмировалъ содержаніе своего сочиненія въ слѣдующихъ словахъ: «Въ своемъ трудѣ «Къ вопросу о реформѣ логики» я пытаюсь найти способъ и изъ логики сдѣлать науку естественную, одну изъ наукъ объ организмѣ человѣка, т.-е. найти методы и основы для точнаго изученія нашей познавательной дѣятельности. Для этого я становлюсь на современную точку зрѣнія всѣхъ наукъ объ организмѣ, на точку зрѣнія идеи «развитія», и пытаюсь расширить и сдѣлать вполнѣ научною старую, но весьма еще

несовершенную психологическую теорію ассоціаціи. Въ этихъ немногихъ словахъ исчерпывается вся задача моего труда»[1]).

Мы не останавливаемся на томъ, что здѣсь вовсе не говорится уже, что *всю* работу приходится начинать сначала, «на совершенно новыхъ основаніяхъ, при помощи новыхъ методовъ и новой постановки вопросовъ», а ведется рѣчь лишь о расширеніи и возведеніи къ научности старой, но весьма еще не совершенной психологической теоріи ассоціаціи. Останавливаться надъ согласованіемъ новой варіаціи на тему уже достаточно варіированную значило бы растягивать статью совсѣмъ ужъ непомѣрно; мы обратимъ лишь вниманіе на то, дѣйствительно ли старая теорія ассоціаціи такая ужъ несовершенная и, въ особенности, требуется ли ея расширеніе? Какъ неспеціалисты, мы, само собою разумѣется, обращаемся къ спеціалистамъ. Прежде всего, беремъ въ руки сочиненіе русскаго профессора, г. М. Троицкаго, «Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи», и внимательно читаемъ его, отыскивая отвѣтъ на наши вопросы. Отвѣтъ г. Троицкаго очень ясенъ: многія части психологіи разработаны психологами-ассоціонистами вполнѣ научно; что же касается широты теоріи ассоціаціи, то здѣсь не остается ужъ никакого сомнѣнія, что расширять нечего, такъ какъ теорія ассоціаціи захватила *всѣ* области психической дѣятельности и, что касается собственно умственной дѣятельности, дала самые блестящіе результаты. «Въ исторіи философіи духа со временъ Бэкона и Локка,—говоритъ г. Троицкій,—основнымъ двигателемъ успѣховъ въ этой области знаній мы встрѣчаемъ именно стремленіе къ возможному упрощенію элементарныхъ явленій духа, сведенію всего разнообразія и богатства духовной жизни къ немногимъ общимъ началамъ, или законамъ, или способностямъ духа; и нигдѣ это стремленіе не сопровождалось такими блестящими успѣхами, какъ въ наукѣ объ умѣ» [2]). Такимъ обра-

[1]) «Отношеніе философіи къ наукѣ и искусству». Профессора *Н. Я. Грота*. Кіевъ, 1883, 25 стр.

[2]) *М. Троицкій*. «Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи», 1867, стр. 175. Тутъ кстати будетъ отмѣтить и мнѣніе Рибо, который, въ своей «Исторіи англійской психологіи», излагая основныя положенія экспериментальной школы, говоритъ: «Самый общій законъ, заправляющій психологическими явленіями, *есть законъ ассоціаціи*. Широтою своего охвата онъ идетъ въ сравненіе съ закономъ тяготѣнія въ мірѣ физическаго». La psychologie anglaise contemporaine, par Th. Ribot 2-e éd. 1875, p. 424.

зомъ, мнѣніе г. Грота, не свободное отъ нѣкотораго противорѣчія и довольно голословное, опровергается цѣлою диссертаціею другого профессора-спеціалиста и склоняетъ насъ по меньшей мѣрѣ къ сторонѣ весьма уважительныхъ сомнѣній. Мы не придаемъ важности тому, что третій спеціалистъ назвалъ недавно диссертацію г. Троицкаго «большимъ фельетономъ»: профессора полемизируютъ часто довольно рѣзко. Иной фельетонъ можетъ быть дѣльнѣе какой-нибудь диссертаціи, а по общедоступности своей формы, для обыкновенныхъ читателей,—сущій кладъ. Мы вовсе и не намѣревались поэтому провѣрять г. Троицкаго, а, руководясь единственно только желаніемъ полноты свидѣтельствъ, обратились къ другимъ спеціалистамъ. На этотъ разъ свидѣтельствуетъ уже цѣлая академія, и притомъ еще чуть не вчера, а именно Парижская академія нравственныхъ и политическихъ наукъ. Академія эта предложила въ прошедшемъ году на конкурсъ слѣдующую тему: «Изложить и обсудить философскія ученія, приводящія къ единому факту ассоціаціи способности человѣческаго ума и самое наше «я». Въ настоящемъ же году она увѣнчала представленное на конкурсъ сочиненіе профессора римскаго университета Ферри, подъ заглавіемъ: «Психологія ассоціаціи отъ Гоббса до нашихъ дней» [1]). И такъ какъ,

---

[1]) La psychologie de l'association depuis Hobbes jusqu'à nos jours. Par Louis Ferri, P. 83. Упоминая объ этой книгѣ, нельзя не выразить сожалѣнія, что авторъ остановился на Спенсерѣ и ни однимъ словомъ не упомянулъ о литературѣ ассоціонизма за послѣдніе года. Не будучи спеціалистами и не имѣя задачею слѣдить за этою литературою, мы не могли, однако же, не замѣтить нѣсколько весьма достойныхъ вниманія статей и указаній по данному вопросу. Таковы, напр.: 1) *W. James*. The association of ideas. (The popular science, 1880. March), гдѣ авторъ сводитъ всѣ законы ассоціаціи къ закону привычки и объясняетъ имъ различіе умовъ вульгарныхъ отъ умовъ самобытныхъ. 2) *V. Brochard*. La loi de similarité dans l'association des ideés. (Revue philosophique, 80. Mars.), гдѣ, между прочимъ, высказывается мысль, что логика никогда не научаетъ правильно разсуждать, подобно тому, какъ піитика никогда не создаетъ поэтовъ. 3) *F. Paulhan*. L'erreur et la seléction. (Rev. Philos. 1879. Sept. Oct. Nov.). гдѣ высказывается значеніе подбора въ борьбѣ представленій и установляется законъ ассоціаціи идей, какъ самый высшій и общій, заправляющій умственною дѣятельностью. 4) *S. Stricker*. Studien über die Association der Vorstellungen. Wien, 1883, гдѣ, между прочимъ, показывается несостоятельность «словесной логики» (Verbale Logik). 5) *Herm. Siebeck*. Ueber das Bewusstsein. Gotha. 1879, гдѣ проводится мысль о различіи знанія и мышленія и поясняется, что законъ

согласно требованію конкурса, профессору Ферри приходилось не расширять и совершенствовать теорію ассоціаціи, а критиковать и опровергать ее, то увѣнчаніе его сочиненія показываетъ, что онъ раздѣляетъ взгляды академіи на широту теоріи. Что же касается вопроса о ея совершенствѣ, то метафизическая точка зрѣнія какъ академіи, такъ и Ферри, не даетъ намъ никакого годнаго для насъ матеріала, хотя обстоятельное изложеніе теоріи ассоціонистовъ отъ Гоббса до Спенсера очень далеко отъ того, чтобы оставить у безпристрастнаго читателя впечатлѣніе такого ничтожества теоріи въ области изученія умственной дѣятельности, чтобы только и оставалось, что начинать все съизнова, сначала. Но мы не призваны рѣшать окончательно этотъ вопросъ, и теперь считаемъ себя совершенно въ правѣ поставить столь давно желанную и читателемъ и нами точку.

Теперь мы можемъ нѣсколько ближе ознакомиться съ расширенной и возведенной къ научности теоріей ассоціаціи г. Грота и съ этою цѣлью обратимся къ составленному имъ же самимъ конспекту своего сочиненія, помѣщенному въ философскомъ журналѣ Авенаріуса [1]).

«Въ области теоріи познанія,—сказано здѣсь,—собственно *наука* о процессахъ познанія должна быть отдѣлена отъ *теоріи искусства* познанія, такъ какъ чисто-теоретическія задачи науки вообще должны быть изучаемы совершенно отдѣльно отъ практической задачи теоріи искусства. Всѣ процессы мысли и процессы познанія вообще суть процессы *органически необходимые* и *непогрѣшимые*: такъ называемыя заблужденія мысли могутъ быть всегда сведены на ихъ *матеріальныя* причины, т.-е. на недостаточность опыта или на незнаніе. Поэтому теорія искусства познанія можетъ быть обработана лишь какъ *методологія* или теорія методической организаціи различныхъ процессовъ познанія, и названіе *логики* можетъ быть перенесено только на новую, *чисто теоретическую* науку о процессахъ познанія. Эти

ассоціаціи охватываетъ и синтетическую дѣятельность ума, (S. 25). 6) *A. Riehl.* Der philosophische Kriticismus». 1879. II Band., гдѣ комментируются воззрѣнія Римана (извѣстнаго математика) въ томъ смыслѣ, что Риманъ считалъ законъ ассоціаціи физическимъ закономъ, и, наконецъ, еще статьи Séailles, Pannier, Binet, Erdmann и др.

[1]) Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, herausgegeben von R. Avenarius. IV Jahgang, № 3.

процессы познанія, какъ-то подтверждается анатоміей и физіологіей, раздѣляются на три класса: на 1) периферическіе процессы воспріятія, 2) центральные или мысленные процессы, и 3) периферическіе процессы выраженія (рѣчь). Въ сочиненіи «Къ вопр. о реформѣ логики» изслѣдуются болѣе подробно лишь вторые или *мысленные процессы*. Въ ходѣ развитія процессовъ познанія вообще, а слѣдовательно и процесса мышленія, существуетъ четыре главныхъ ступени. Изъ этихъ четырехъ стадій резвитія процессовъ мышленія, первоначальные процесы—*безсознательные*, затѣмъ слѣдуютъ процессы *сознательные*, далѣе двояко-сознательные (объективно и субъективно) или *произвольные* и, наконецъ, трояко-сознательные (сознательныя идеи, сознательныя стремленія, сознательное изложеніе) или методическіе (планомѣрные). Но умственные процессы все же въ основѣ своей тождественны, ихъ можно, вообще говоря, опредѣлить какъ процессы *ассоціаціи*. Подъ это общее понятіе подходитъ шесть различныхъ классовъ мысленныхъ процессовъ: процессы ассоціаціи, диссоціаціи, дизассоціаціи (ассоціація, приводящая къ диссоціаціи), интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи (рядъ интеграцій, приводящихъ къ дезинтеграціи). Процессы первыхъ трехъ классовъ суть процессы *механическіе*, такъ какъ они не измѣняютъ содержанія данныхъ элементовъ мышленія, а только соединяютъ ихъ механически; процессы послѣднихъ трехъ классовъ суть *органическіе*, ибо они создаютъ новые продукты мысли (представленія, понятія, научныя идеи) или разлагаютъ на составные элементы сложные продукты.

Съ точки зрѣнія этой теоріи ассоціаціи, *сужденія* и *заключенія* (по скольку они отвлечены отъ ихъ формы) суть *сознательные* механическіе или органическіе процессы ассоціаціи; синтезъ и анализъ являются какъ *произвольные* процессы интеграціи и дифференціаціи, индукція и дедукція суть *методически-организованныя* интеграція или дифференціація идей. Старинныя понятія *подлежащаго* и *сказуемаго* не могутъ получить въ настоящей теоріи мысленныхъ процессовъ никакого примѣненія. Они вводятся только въ теорію *формъ выраженія* сужденій и заключеній. Такъ называемые *законы мышленія* (тождества, достаточнаго основанія и т. д.) могутъ быть разсматриваемы *какъ таковые* лишь въ томъ случаѣ, если они получатъ новую постановку, а именно, когда ими будутъ выражаемы различныя закономѣрныя *условія* ассоціаціи, диссоціаціи и т. д.

При всемъ этомъ они должны потерять всякое органическое значеніе, такъ какъ они суть не искусственные, а *естественные* законы мышленія».

Переходя теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ частностей, по поводу которыхъ мы имѣемъ въ виду высказать наши замѣчанія и которыя будутъ представляться яснѣе на данномъ нами общемъ фонѣ книги, мы остановимся на такъ называемомъ г. Гротомъ психическомъ оборотѣ, имѣющемъ въ сочиненіи значеніе исходнаго пункта.

Чтобы опредѣленіе психическаго оборота было понятнѣе, необходимо прежде ознакомиться съ опредѣленіемъ, которое даетъ авторъ существованію организма вообще и *психическому существованію его* въ особенности. *Существованіе организма*, по мысли автора, есть взаимодѣйствіе его съ окружающею средою, имѣющее результатомъ столько же приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, сколько и наоборотъ—внѣшнихъ къ внутреннимъ. Соотвѣтствующее, болѣе широкое, опредѣленіе психическаго существованія, сообразно этому, формулируется такъ: психическое существованіе организма есть тотъ видъ взаимодѣйствія его съ окружающею средою, ради приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ и внѣшнихъ къ внутреннимъ, который состоитъ въ обмѣнѣ между ними впечатлѣній, вліяній или, вообще говоря, движеній, въ противуположность обмѣну веществъ. Главные моменты очерченнаго такимъ образомъ психическаго взаимодѣйствія выясняются при этомъ весьма опредѣленно. Моменты эти обусловливаются, съ одной стороны, «воспріимчивостью», чувствами, съ другой—«дѣятельностью», движеніями и, согласно этому, различаются и обозначаются авторомъ какъ моментъ сенсорный и моментъ моторный. Такимъ образомъ, въ самомъ общемъ своемъ видѣ, психическій оборотъ является какъ кругъ взаимодѣйствія организма и среды чрезъ посредство вліяній сенсорныхъ, идущихъ отъ среды къ организму, и вліяній моторныхъ, идущихъ отъ организма къ средѣ. Затѣмъ, каждый изъ этихъ моментовъ, согласно взгляду автора, распадается на два частные момента: субъективный и объективный, сообразно главной роли субъекта или объекта въ данномъ моментѣ, и полный оборотъ является уже состоящимъ изъ четырехъ моментовъ: 1) *объективно-сенсорнаго*, или объективной воспріимчивости, 2) *субъективно-сенсорнаго*, или субъективной воспріимчивости, 3) *субъективно-моторнаго*, или субъективной

дѣятельности, 4) *объективно-моторнаго*, или объективной дѣятельности. Такова, въ общихъ чертахъ, формальная сторона психическаго оборота. Что касается до содержанія, соотвѣтствующаго обозначеннымъ выше четыремъ моментамъ, то оно можетъ состоять или изъ первоначальныхъ, простѣйшихъ явленій, или явленій осложненныхъ. Въ первомъ случаѣ оборотъ представляетъ собою слѣдующее преемство: 1) ощущеній, 2) чувствованій, 3) стремленій и 4) движеній; во второмъ—ощущеніямъ будутъ соотвѣтствовать идеи, чувствованіямъ—чувства, стремленіямъ—желанія и движеніямъ—дѣйствія.

Само собою разумѣется, что не всѣ обороты такъ правильны и равномѣрны, какъ только-что представленный идеальный типъ ихъ. Точно также не всѣ они и безразличны, т.-е. не у всѣхъ ихъ замѣчается отсутствіе преобладанія котораго-нибудь изъ составляющихъ ихъ моментовъ. Въ дѣйствительности, психическіе обороты всего чаще неправильны, неравномѣрны и небезразличны. Чтобы ознакомиться съ главными типами, ими представляемыми, начнемъ съ правильнаго неравномѣрнаго или (по терминологіи автора) характернаго оборота. Здѣсь прежде всего мы можемъ замѣтить два главныхъ вида: въ однихъ можетъ преобладать дѣйствіе среды на организмъ, т.-е. моментъ сенсорный или моментъ воспріимчивости; въ другихъ, наоборотъ,—дѣйствіе организма на среду, т.-е. моментъ моторный или моментъ дѣятельности. Въ первомъ случаѣ, каждый оборотъ, уже въ цѣломъ своемъ составѣ, явится орудіемъ приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, во второмъ—внѣшнихъ къ внутреннимъ. Въ оборотахъ перваго рода движенія и дѣйствія суть только пассивные продукты или неизбѣжныя послѣдствія ощущеній и чувствованій и отражающагося въ нихъ дѣйствія среды; въ оборотахъ второго рода, напротивъ, они являются способами вліянія организма на среду и, въ свою очередь, источниками неизбѣжныхъ ощущеній и чувствованій, извѣщающихъ о перемѣнахъ во внѣшней средѣ, произведенныхъ организмомъ. Такимъ образомъ, передъ нами является два рода оборотовъ: 1) начинающіеся отъ среды (страдательные и 2) начинающіеся отъ самаго сознанія т.-е. организма, помимо непосредственнаго вліянія среды (дѣятельные). Преемство моментовъ въ каждомъ изъ этихъ оборотовъ, конечно, одинаково, и разница заключается только въ томъ, что въ страдательныхъ оборотахъ точкою исхода бываетъ ощущеніе, а заключительнымъ моментомъ—дви-

женіе, тогда какъ въ дѣятельныхъ оборотахъ исходную точку занимаетъ стремленіе, а заключительную—чувствованіе.

Читателю очевидно и безъ объясненій, что здѣсь идетъ рѣчь объ идеально-простомъ типѣ страдательныхъ и дѣятельныхъ оборотовъ, встрѣчающихся въ существованіи человѣческаго организма довольно рѣдко. Въ дѣйствительности, простые типы страдательныхъ и дѣятельныхъ оборотовъ замѣняются обыкновенно болѣе сложными, а именно двойными. Начало такимъ оборотамъ даютъ воспроизведенія слѣдовъ изъ запаса болѣе раннихъ внутреннихъ и внѣшнихъ воспріятій. Воспроизведенія эти, приводя къ тому или иному дѣйствію организма, вызывающему извѣстныя внѣшнія перемѣны въ средѣ, даютъ поводъ воздѣйствію этихъ перемѣнъ на организмъ, полагающихъ начало новому обороту, т.-е. собственно говоря, удвоенію перваго. Не трудно понять, что, при извѣстномъ развитіи сознанія и осложненіи взаимодѣйствія его со средою, усложняются и самые обороты и изъ простыхъ становятся *составными*, представляющими сплетеніе самыхъ разнообразныхъ сочетаній, распадающихся, однако, при анализѣ на составныя свои части, всегда имѣющія типы оборотовъ того или иного опредѣленнаго рода (стр. 48 и слѣд.). Конечно, de facto строгаго разграниченія простыхъ и составныхъ оборотовъ въ развитомъ организмѣ сдѣлать невозможно, ибо число переходныхъ ступеней отъ одного типа къ другому безконечно. Но это не мѣшаетъ различать тотъ или другой типъ *въ идеѣ*, ибо несомнѣнно возможны все-таки въ дѣйствительности и такіе обороты (хотя бы при началѣ жизни), которые совершенно независимы отъ слѣдовъ прежнихъ оборотовъ. Наконецъ, въ организмѣ вполнѣ развитомъ можно все-таки противуполагать «сравнительно простые» обороты «сравнительно сложнымъ» (Псих. чувств., стр. 431). Но какъ бы ни были сложны психическіе обороты, тщательное изученіе ихъ приводитъ, какъ утверждаетъ авторъ, къ убѣжденію, что установленное имъ преемство моментовъ этихъ оборотовъ есть единственное, могущее считаться правильнымъ. Если же мы и можемъ наблюдать такіе обороты, въ которыхъ указанное преемство является какъ бы нарушеннымъ, то нарушеніе это слѣдуетъ считать лишь кажущимся, такъ какъ всѣ отклоненія отъ установленнаго преемства имѣютъ болѣе видимый, чѣмъ дѣйствительный характеръ: одни моменты могутъ быть слабѣе другихъ и могутъ поглощаться этими послѣдними; иные моменты

надо искать въ области безсознательныхъ психическихъ отправленій, между тѣмъ, какъ другіе принадлежатъ сознанію; наконецъ, дополнительныхъ звеньевъ преемства надо искать въ прошедшихъ или будущихъ психическихъ оборотахъ. Все это даетъ намъ право признать общею основою смѣны психическихъ явленій законъ, что ни одно чувствованіе не можетъ возникнуть безъ участія ощущенія, какъ ни одно стремленіе безъ участія чувствованія, ни одно движеніе безъ участія стремленія. Тотъ же законъ примѣнимъ и къ смѣнѣ сложныхъ психическихъ явленій, и поэтому его можно формулировать такъ: ни одно психическое явленіе, простое или сложное, не можетъ возникнуть безъ настоящаго или хоть прошедшаго участія явленія, соотвѣтствующаго предыдущему моменту въ правильномъ типѣ психическаго оборота» (id. стр. 442).

Такъ какъ мы предполагаемъ, что предшествующее изложеніе теоріи оборота дало о ней достаточное понятіе, то и находимъ теперь возможнымъ приступить къ имѣющимся у насъ въ виду замѣчаніямъ.

Очень важнымъ пунктомъ психическаго оборота г. Грота мы считаемъ постановку въ оборотѣ чувствованій, какъ самостоятельнаго элемента. Вотъ на этомъ-то пунктѣ мы и думаемъ остановиться, сдѣлавъ его исходною точкою нашихъ замѣтокъ и вопросовъ. Поступая такъ, мы начнемъ съ того, что, собственно говоря, повторимъ замѣчаніе, сдѣланное г. Козловымъ въ его критическомъ этюдѣ о «Психологіи чувствованій г. Грота», а именно то, въ которомъ г. Козловъ противопоставляетъ упомянутому выше утвержденію г. Грота мнѣнія Карла Геринга и Вундта, изложенныя первымъ въ его «System der kritischen Philosophie», а вторымъ—въ статьѣ въ философскомъ журналѣ Авенаріуса. Мы пересмотрѣли не только статьи, упомянутыя г. Козловымъ, но еще и другія,—напр., Виндельбанда и др.,—и почерпнули изъ нихъ убѣжденіе, что точка зрѣнія, на которой стоятъ Вундтъ, Виндельбандъ и особенно К. Герингъ, уясняетъ вопросъ о роли чувствованій и ихъ коррелата—воли въ процессѣ мышленія и познанія гораздо полнѣе, яснѣе и вообще удовлетворительнѣе, чѣмъ теорія г. Грота; а потому мы и рѣшились прежде всего подѣлиться съ читателемъ главными результатами нашихъ поисковъ въ литературѣ современной нѣмецкой научной психологіи.

Современная нѣмецкая эмпирическая школа утверждаетъ,

что чувствованія (Gefühle) не составляютъ самостоятельнаго момента психической жизни, а представляютъ явленіе соотносительное съ основнымъ явленіемъ этой жизни—хотѣніемъ (Begehren), обозначаемымъ обыкновенно терминомъ «воля» (Wille). Этимъ основнымъ тезисомъ своимъ школа примыкаетъ къ Шопенгауэру, но не становится чрезъ то ея послѣдовательницею. Шопенгауеръ, какъ извѣстно, распространялъ понятіе воли за предѣлы области собственно психологической и возводилъ волю во всеобщій, міровой принципъ, отождествляя ее съ тѣмъ, что обыкновенно называютъ силою. Шопенгауэръ могъ поэтому говорить о волѣ въ природѣ; но научно-философская школа, или, по крайней мѣрѣ, большинство ея представителей, не идетъ вслѣдъ за Шопенгауэромъ въ этомъ направленіи и, «тщательно стараясь ограничить себя индуктивнымъ методомъ и удаленіемъ отъ всякихъ метафизическихъ вліяній», примыкаетъ къ этому мыслителю лишь постольку, поскольку его психологическое понятіе воли согласуется съ установленными принципами эмпирической психологіи и опытной науки вообще. Итакъ, чувствованія и воля, сказали мы, разсматриваются научно-философской школой какъ явленія соотносительныя: гдѣ есть одно, тамъ есть и другое; гдѣ есть причина—воля, тамъ есть и слѣдствіе—чувствованія. Эти послѣднія, какъ такія состоянія, съ которыми всегда связано сознаніе наслажденія или боли, радости или горя и, вообще, удовольствія или страданія, и даютъ намъ указаніе на существованіе тѣхъ хотѣній, удовлетвореніе или неудовлетвореніе которыхъ и выражается удовольствіемъ или страданіемъ, но которыя, независимо отъ этихъ состояній, всегда остались бы для насъ неизвѣстны, т.-е. никогда не дошли бы до нашего сознанія. Многочисленныя и остроумныя наблюденія, надъ которыми мы, къ сожалѣнію, не можемъ останавливаться, и которыя интересующіяся этимъ предметомъ найдутъ у Геринга, показываютъ, что безсознательность воли есть основное свойство этой стороны нашего существованія. Но воля не только безсознательна, она еще, кромѣ того, слѣпа, т.-е. возникаетъ и развивается совершенно независимо отъ нашей умственной дѣятельности, въ тѣхъ темныхъ глубинахъ нашего существованія, куда не проникаетъ даже и сознаніе. Вплетаясь, однако же, въ умственную дѣятельность, подобно тому, какъ она вплетается въ другія отрасли психической дѣятельности, воля является какъ хотѣніе знать, какъ любопытство

и любознательность; и хотя, такимъ образомъ, она служитъ первоначально стимуломъ къ познаванію, но неизбѣжно воздѣйствуетъ на первыхъ порахъ познавательнаго стремленія ума самымъ вреднымъ образомъ, такъ какъ стремится къ удовлетворенію слѣпо и безъ разбора средствъ и только путемъ трудной и продолжительной дисциплины приводится къ той роли, въ которой она становится способной подчиняться разуму и безмолвствовать передъ предписываемыми имъ законами. Вообще говоря, побужденіе къ познанію имѣетъ тѣ же свойства, что и другія наши побужденія, которымъ оно первоначально уступаетъ въ силѣ; впослѣдствіи же, когда другія побужденія получаютъ сравнительное удовлетвореніе, и оно пріобрѣтаетъ вполнѣ самостоятельное значеніе. Эта особенность хотѣнія познавать, только тогда выступающаго въ полной силѣ, когда другія побужденія будутъ ужъ до извѣстной степени подавлены не можетъ, однако же, вести къ тому заключенію, что побужденіе къ знанію разумнѣе другихъ человѣческихъ побужденій. Оно такъ же слѣпо, какъ и всѣ остальныя. И оно также подчиняется тому всеобщему закону, согласно которому воля,— въ томъ случаѣ, когда она сосредоточивается на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ,—пріобрѣтаетъ чрезвычайную силу и интенсивность и, при полномъ отсутствіи какого-либо воздѣйствія свѣта критики, стремительно кидается къ своей цѣли, не обращая никакого вниманія на предостереженія трезвыхъ мыслителей, голоса которыхъ раздаются при такихъ случаяхъ какъ вопль въ пустынѣ. Весьма своеобразно выразилась эта первобытная слѣпота любознательности у Лессинга, который, какъ извѣстно, заявлялъ, что онъ предпочелъ бы безконечное стремленіе къ истинѣ полному обладанію ею. Лессингъ, подобно многимъ другимъ мыслителямъ, не зналъ другого высшаго наслажденія, какъ исканіе истины; въ то же время онъ зналъ, конечно, что наслажденіе его исчезнетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ порождающаго его побужденія, а потому онъ и отказывался отъ полнаго удовлетворенія этого побужденія и разсчитывалъ на сохраненіе единственнаго наслажденія въ жизни, посредствомъ постепеннаго удовлетворенія любознательности. Такимъ рѣшеніемъ онъ свидѣтельствовалъ, конечно, о преобладаніи слѣпого побужденія надъ разумомъ. И въ самомъ дѣлѣ, побужденіе его не можетъ назваться разумнымъ, такъ какъ онъ отклонялъ достиженіе цѣли, этому побужденію присущей, а дѣлалъ по-

бужденіе само для себя цѣлью. Если же человѣкъ такой рѣдкой ясности и силы ума, какъ Лессингъ, подчинялся естественной слѣпотѣ хотѣнія познавать, то нечего удивляться, что образъ дѣйствія стремящихся къ знанію людей вообще представляется, хотя и на иной ладъ, лишеннымъ всякой критичности.

Естественное побужденіе къ знанію стремится прежде всего ко всеобщему и полному удовлетворенію; по этой причинѣ оно никогда не можетъ довольствоваться методическимъ научнымъ изслѣдованіемъ, опредѣляющимъ границы, за которыя знаніе переходить не можетъ. Не довольствуясь же путями науки, оно, само собою, создаетъ свои пути и средства, имѣя въ виду достиженіе невозможнаго, примѣры чему исторія мысли даетъ въ преизбыткѣ, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ. Формы такого достиженія невозможнаго измѣняются, но основы достиженія и содержаніе достигнутаго остаются все тѣми же.

Эти условія сильно задерживаютъ, конечно, прогрессъ знанія и не могутъ итти въ сравненіе съ условіями прогресса въ сферѣ матеріальной. Воля, когда она направляется къ цѣлямъ матеріальнымъ, находитъ неизбѣжно свои естественныя границы во внѣшней средѣ,—границы, реальность которыхъ не можетъ быть часто преодолѣна даже и при самой высокой степени необузданности воли, ибо «*сурово сталкиваются предметы въ пространствѣ*». Недаромъ же и житейская мудрость пришла къ убѣжденію, что на всякое хотѣніе есть терпѣніе. Совсѣмъ не то замѣчается тогда, когда воля направляется къ достиженію познанія; познанію не достаетъ корректива дѣйствительности; оно легко можетъ создать себѣ свой собственный міръ и, при его помощи, можетъ выбросить за бортъ своего умственнаго обихода неудобную для себя дѣйствительность, если она становится преградой къ полному удовлетворенію его хотѣнія знать. Довольствуясь словами и мыслями, оторванными отъ дѣйствительности, побужденіе къ знанію находитъ свое удовлетвореніе и представляетъ намъ картину «*мирнаго совмѣщенія мыслей*», подчасъ самыхъ противорѣчивѣйшихъ и нелѣпѣйшихъ.

Вообще говоря, когда цѣли познанія достигаются при преобладаніи воли, то онѣ обыкновенно считаются достигнутыми, когда наступаетъ чувствованіе удовольствія, неразрывно свя-

занное съ удовлетвореніемъ всякаго хотѣнія, и устраняется чувствованіе неудовольствія, сопряженное съ неудовлетвореніемъ. По этой причинѣ, дѣятельность воли всегда представляется индивидуальною, и только неразсудительные люди имѣютъ притязаніе на то, чтобы ихъ личныя хотѣнія и чувствованія были раздѣляемы и всѣми остальными людьми. Чтобы сбить человѣка съ позиціи его хотѣнія, надо допустить существованіе интеллектуальнаго момента въ сферѣ чувствованій, на что нельзя найти реальныхъ основаній. Замѣчательно, однако же, что ошибка эта наблюдается у представителя того направленія новѣйшей философіи, которое придерживается соотносительности воли и чувствованій.

Гартманъ, въ своей критикѣ человѣческихъ иллюзій, утверждаетъ, что прогрессирующее сознаніе большей части чувствованій удовлетворенія будетъ устранено, когда будетъ доказана несостоятельность объективнаго обоснованія ихъ. Такое утвержденіе нельзя не счесть ошибочнымъ, такъ какъ организація человѣческаго духа должна быть радикально измѣнена для того, чтобы сознаніе получило возможность вліять непосредственно на чувствованія. До тѣхъ поръ, пока существуютъ еще воля и побужденія, до тѣхъ поръ удовольствіе всегда будетъ сознаваться непосредственно при всякомъ удовлетвореніи личнаго побужденія, независимо отъ того, одобряется ли оно разумомъ или нѣтъ, такъ какъ для чувства удовольствія безразлично—разумно-ли оно или нѣтъ. Впослѣдствіи, разсудительный человѣкъ можетъ и сожалѣть о томъ, что предавался удовольствію безъ разумнаго на то основанія, и именно до тѣхъ поръ, пока разумъ не уяснилъ еще, что всѣ удовольствія и страданія не имѣютъ ничего общаго съ разумомъ и непосредственно зависятъ отъ одной только воли, какъ ея дѣйствія. Такъ какъ эта зависимость обыкновенно не замѣчается и большинству остается неизвѣстной, то и возможно, что всякій считаетъ иллюзіей то чувство, которое онъ не раздѣляетъ, какъ это дѣйствительно и случается очень часто. Вопреки такому взгляду, удовольствіе остается для всякаго, испытывающаго его, совершенно реальнымъ и вовсе не иллюзіей, даже и тогда, когда обусловливающая его воля не обосновывается достаточными объективными данными. Иллюзіи существуютъ лишь въ области ума, когда дѣятельность его направлена на явленія міра объективнаго, которымъ присуща всеобщая обязательность; воля

же, по природѣ своей, чисто субъективная и индивидуальная, сама-по-себѣ ни правильна, ни неправильна. Поэтому и удовольствіе не можетъ быть ни оправдано, ни не оправдано, не можетъ считаться ни истиной, ни иллюзіей, въ томъ смыслѣ, въ которомъ говорится объ истинѣ и заблужденіи въ познаніи объектовъ. Поэтому, если кто-нибудь и сталъ бы увѣрять, что, съ замѣною непосредственнаго сознанія удовольствія теоретическимъ знаніемъ, удовольствіе можетъ исчезнуть, все-жетаки осталось бы вѣрно лишь то, что до тѣхъ поръ, пока человѣческая организація остается неизмѣнною, до тѣхъ поръ и удовольствія останутся вполнѣ реальными и ни въ какомъ случаѣ не исчезнутъ отъ разсужденій мыслящаго субъекта, если онъ не устранитъ постоянную причину ихъ—волю, которою они вызываются.

Предшествующее разсужденіе проливаетъ достаточно свѣта на характеръ естественнаго побужденія къ познанію. Побужденіе это считаетъ цѣль свою достигнутою при возникновеніи чувства удовлетворенія и, вводимое въ заблужденіе аналогіей другихъ хотѣній, отвергаетъ обыкновенно всякую критику, пытающуюся отнять у него это удовлетвореніе. Такъ какъ оно хорошо знаетъ, что удовлетвореніе хотѣній матеріальныхъ не вводитъ въ обманъ, то оно естественно приходитъ къ мысли о неизбѣжности удовлетворенія и тогда, когда дѣло идетъ уже не о волѣ, а о разумѣ. Въ силу такого смѣшенія, воля начинаетъ считать себя вѣчно правою и доходитъ, наконецъ, до того, что удерживаетъ даже и такія положенія, ложь которыхъ была доказана теоретически, или, по крайней мѣрѣ, оставляетъ непоколебимыми излюбленныя мнѣнія даже и тогда, когда противъ нихъ выставляются самыя солидныя возраженія. Отсюда проистекаетъ скрываемая иногда, но часто и открыто высказываемая ненависть противъ всякой критики, которая и выражается обычно въ извѣстныхъ жалкихъ словахъ, направленныхъ по адресу критики: разрушительная, всеотрицающая, бездушная, безсердечная, и т. д. И это происходитъ вовсе не исключительно тогда, когда критика входитъ въ столкновеніе съ проявленіями воли, имѣющими матеріальный характеръ; даже и въ практически-безразличныхъ вопросахъ выказывается обычное предпочтеніе субъективнаго удовлетворенія любознательности объективному познанію. Отъ всякаго обличающаго заблужденія требуется, главнымъ образомъ,

чтобы онъ не совершалъ этого ранѣе, чѣмъ имъ будетъ поставлено на мѣсто отвергаемаго нѣчто положительное, для того, чтобы хотѣніе не было, такимъ образомъ, осуждено испытывать то тягостное чувство, которое происходитъ отъ его неудовлетворенія.

Теперь, когда читатель имѣетъ передъ глазами сопоставленіе двухъ частныхъ теорій, служащихъ основами соотвѣтственныхъ общихъ теорій умственной дѣятельности, ему не трудно будетъ прослѣдить за развитіемъ нѣкоторыхъ положеній, вытекающихъ изъ этихъ основъ, и сравнить ихъ между собою какъ по отношенію внутренней выдержанности, такъ и по отношенію согласованія съ дѣйствительностью. Мы только-что видѣли, какъ мѣтко и правдиво очерчиваетъ научно-философская теорія роль воли въ процессѣ познаванія. Она схватываетъ самое ядро дѣла, и для читателя, понявшаго и усвоившаго ее, невольно развертываются цѣлыя перспективы приложенія ея въ исторіи мысли и окружающей насъ жизни. Рядомъ съ этимъ теорія оборота осуждена утверждать только, что уклоненіе отъ вѣрнаго пути къ познанію можетъ быть приписано лишь «дурной волѣ» (стр. 275) или «равнодушію къ истинѣ» (стр. 337). Хорошо, если бы было такъ; но мы знаемъ что именно страсть къ истинѣ, пылъ при ея преслѣдованіи губитъ успѣхъ. Это цѣлая трагедія, и ужасная трагедія. Но мы не станемъ слѣдить за нею: намъ пришлось бы для этого уйти слишкомъ далеко въ изложеніи теоріи воли; надо бы было изложить различіе знанія отъ пониманія, показать привлекательность послѣдняго для недисциплинированнаго ума, выяснить, какъ вплетеніе хотѣній въ процессъ познаванія ведетъ къ преждевременнымъ и неосновательнымъ выводамъ въ области знанія, какъ побочныя хотѣнія создаютъ оптимистическія теоріи, и т. д. Все это мы оставимъ и обратимся къ одному изъ тѣхъ послѣдствій теоріи оборота, которое проходитъ черезъ всю книгу г. Грота и различіе котораго отъ соотвѣтствующихъ воззрѣній научной философіи и должно теперь занять все наше вниманіе. Мы говоримъ объ отождествленіи г. Гротомъ мышленія и познаванія. Переходя къ этому вопросу, мы считаемъ необходимымъ начать съ ознакомленія со взглядомъ на него г. Грота, а затѣмъ мы перейдемъ уже и къ нашимъ замѣчаніямъ.

Мы сказали, что отождествленіе мышленія и познаванія проходитъ черезъ всю книгу,—что, впрочемъ, видно уже и изъ крат-

каго изложенія ея содержанія, приведеннаго выше,—поэтому для насъ важно схватить, такъ сказать, узловой пунктъ и такимъ образомъ сократить, насколько возможно, выясненіе вопроса. Такимъ узловымъ пунктомъ можно считать, если мы не ошибаемся, опредѣленіе познавательной дѣятельности, даваемое авторомъ на стр. 67-й. Онъ опредѣляетъ ее здѣсь, какъ «психическую *дѣятельность*, спеціально *направленную къ развитію явленій объективной воспріимчивости*», т.-е. къ приспособленію ихъ отношеній къ отношеніямъ органическихъ ощущеній, чувствованій и т. д. Употребленное въ этомъ опредѣленіи выраженіе: «дѣятельность, направленную къ развитію явленій объективной воспріимчивости» (которое мы подчеркнули) не показываетъ еще, достигаетъ-ли направленная такимъ образомъ дѣятельность своей цѣли и потому въ дальнѣйшемъ развитіи этой мысли могло быть сдѣлано различеніе мышленія отъ познаванія въ томъ, что мысленная дѣятельность, какъ обусловленная субъективною необходимостью любознательности, достигаетъ своей цѣли лишь отрывочно и случайно и иногда удовлетворяется лишь мнимымъ достиженіемъ ея; познавательная же дѣятельность, перенося центръ тяжести на необходимость объективную, на необходимость согласованія мыслей съ фактами, удовлетворится лишь дѣйствительнымъ достиженіемъ своей цѣли, не разбирая при этомъ—удовлетворяются ли субъективныя хотѣнія или нѣтъ. Мы говоримъ: «могло бы», для того, чтобы напомнить читателю, при какихъ условіяхъ возможность эта могла бы стать дѣйствительностью; но такъ какъ у г. Грота условій этихъ не было, то онъ, въ слѣдующемъ за приведенною нами цитатою абзацѣ, сразу присоединяетъ къ вышеприведеннымъ подчеркнутымъ нами словамъ слѣдующія: «и *имѣющихъ результатомъ* приспособленіе отношеній этихъ явленій, какъ своего рода внѣшнихъ,—къ внутреннимъ отношеніямъ, лежащимъ въ основаніи самихъ оборотовъ, составляющихъ эту дѣятельность, т.-е. оборотовъ познавательныхъ». Такимъ образомъ, дѣятельность, только-что указанная какъ *направленная* къ достиженію извѣстной цѣли, признается уже *достигшею* этой цѣли, или, иначе говоря, пущенное въ ходъ мышленіе признается уже познаваніемъ, дающимъ въ результатѣ—познаніе. Это отождествленіе, какъ мы видѣли, совершилось помимо борьбы съ мнѣніемъ, отвергающимъ такое отождествленіе, помимо устраненія его или хоть обстоятельнаго его разсмотрѣнія. Авторъ, правда, упоминаетъ о немъ вскользь

на стр. 71, но затѣмъ переходитъ къ изслѣдованію вопроса о томъ, всѣ ли умственные процессы слѣдуетъ считать познавательными, и болѣе не возвращается къ вопросу, считающемуся уже какъ бы рѣшеннымъ. Между тѣмъ, съ этого именно мѣста начинается для читателя цѣлый рядъ вопросовъ, которые такъ и остаются безъ отвѣта: такъ, напр., все ли одно утверждать, что всѣ умственные процессы *служатъ* цѣлямъ познаванія или что они только *могутъ служить* этимъ цѣлямъ? Все ли равно утверждать, что умственные процессы суть одинъ изъ *элементовъ* познавательной дѣятельности, или—*одно* изъ *орудій* ея? Все-ли равно: *орудіе* познавательной дѣятельности или *моментъ* ея? и т. д. На всѣ эти вопросы, конечно, нѣтъ отвѣта; разъ мышленіе и познаваніе отождествлены,—орудія, моменты, элементы познаванія пестро смѣшиваются и для различенія ихъ нельзя найти никакого основанія. Мы должны, впрочемъ, отдать автору справедливость въ той послѣдовательности, съ которой онъ провелъ этотъ взглядъ; ею, этою послѣдовательностью, онъ какъ бы старался возмѣстить то отсутствіе тонкости въ его работѣ, которую и для обыкновеннаго читателя пріятно было бы встрѣтить въ изслѣдованіи вопросовъ, самихъ по себѣ, неизбѣжно тонкихъ. Что же касается послѣдовательности, то она въ данномъ случаѣ не оставляетъ желать ничего болѣе. Упорствуя въ отождествленіи мышленія и познанія, онъ вынужденъ былъ раздѣлить результаты умственной дѣятельности на положительные и отрицательные, т.-е. на такіе, которые совершенствуютъ и исправляютъ знанія, и на такіе, которые, *напротивъ, только спутываютъ и искажаютъ ихъ* (*73*). Мы отказываемся понимать этотъ спутывающій и искажающій знаніе процессъ познаванія, такъ же какъ и не можемъ согласиться считать, хотя бы и самою низшею познавательною дѣятельностью, ту умственную дѣятельность, благодаря которой мы видимъ сновидѣнія. Но, повторяемъ, вся эта галиматія послѣдовательна: если всякая смѣна представленій, всякій процессъ мышленія есть eo ipso и познаваніе, то надо же признать и нулевую точку познаванія (во снѣ), и отрицательныя его степени (въ искаженіи и извращенномъ познаваніи) все-же-таки познаваніемъ.

Сказавъ, что авторъ послѣдователенъ, мы не хотѣли, однако же, утверждать, что онъ послѣдователенъ во всѣхъ направленіяхъ, вездѣ и всегда. Мы отдали ему справедливость лишь въ той послѣдовательности, на которую только-что указали, а те-

перь мы обязаны указать и на непослѣдовательность, неизбѣжную, впрочемъ, при его точкѣ зрѣнія и легко предвидимую. Если мышленіе и познаваніе неразличимы, если познаваніе можно найти и въ смѣнѣ представленій, доставляемой сновидѣніями, то, казалось бы, могутъ ли существовать науки, которыя были бы чужды познаванія, которыя были бы продуктами (отрозненнаго отъ познаванія) мышленія? А между тѣмъ, авторъ утверждаетъ, что именно такія науки существуютъ. Онъ говоритъ ясно и прямо, что науки эти представляютъ лишь *систему мыслей*, что въ нихъ, *кромѣ мыслей*, *ничего нѣтъ* (стр. 22). Но если допущены безсодержательныя науки, то поневолѣ надо допустить и безсодержательное мышленіе вообще, мышленіе даже и не систематизирующее своихъ продуктовъ, т.-е. не поддѣлывающееся подъ знаніе даже и съ внѣшней стороны. А если такъ, то г. Гротъ могъ бы съ пользою для себя быть менѣе «оригинальнымъ».

Да, повидимому, взглядъ г. Грота, если изъ него исключить все «оригинальное», вовсе не далекъ отъ нашего, а если всмотрѣться ближе, то окажется, пожалуй, что общихъ точекъ гораздо даже болѣе, чѣмъ можно было ожидать. Въ самомъ дѣлѣ, если г. Гротъ отдѣлитъ вопросъ о генезисѣ познаванія отъ изслѣдованія самого познаванія, или, говоря иначе, отдѣлитъ характеристику познаванія образующагося отъ характеристики познаванія образовавшагося, то и у него элементы и моменты мышленія неизбѣжно будутъ разсматриваться какъ орудія познаванія и перестанутъ смѣшиваться съ элементами и моментами познанія; пестрая смѣна представленій, какъ напр., въ сновидѣніяхъ, низведется на чистое мышленіе, и мнимое знаніе, или «науки изъ однѣхъ мыслей» окажутся вполнѣ возможными и объяснимыми, какъ продуктъ мышленія, не достигшаго своей цѣли—познанія. Конечно, останется еще разногласіе по отношенію къ роли воли въ процессѣ мышленія и познаванія, но этотъ вопросъ, при согласіи въ вышеизложенномъ, получитъ второстепенное значеніе и поставитъ насъ передъ метафизикой, какъ единодушныхъ враговъ ея.

Центръ тяжести же въ борьбѣ съ метафизикою и лежитъ именно въ вопросѣ генезиса познанія. Когда на этомъ пунктѣ апріорики и трансцендентики теоріи побѣждены, съ ними можно затѣмъ уже болѣе и не считаться. Обратимся же къ вопросу о генезисѣ познанія, какъ его разумѣетъ научная философія. Принципъ генезиса познанія былъ высказанъ впервые еще въ древ-

ности съ той точки зрѣнія, на которой и теперь стоитъ научная философія. Онъ формулировался, по свидѣтельству Платона, такъ: «наука есть воспріятіе» [1]). Такая формула имѣетъ тотъ же смыслъ и значеніе, какое имѣетъ, напримѣръ, утвержденіе естествознанія, что алмазъ есть углеродъ. Но какъ мы не имѣемъ права оборачивать этотъ послѣдній тезисъ и утверждать, что углеродъ есть алмазъ, такъ точно мы не можемъ говорить и о томъ, что воспріятіе есть наука, т.-е. другими словами, мы не можемъ смѣшивать алмазъ и углеродъ, воспріятіе и науку до безразличія и, выяснивъ вопросъ ихъ генетической связи, должны изучить каждое изъ явленій отдѣльно, такъ какъ каждое имѣетъ свои конкретно-индивидуальныя свойства, не могущія итти одно за другое,—свойства, до такой степени различныя, что самое изученіе ихъ распредѣлено между различными науками: углеродъ изучаетъ химія, алмазъ—минералогія, воспріятія составляютъ предметъ психологіи, наука—предметъ теоріи познанія. Но если химія составляетъ основу минералогіи, такъ же какъ психологія—основу теоріи познанія, то ясно, что воспріятіе и его комбинаціи вплоть до того момента, когда оно сходитъ на путь познаванія, можетъ быть изучаемо совершенно независимо отъ самого познаванія и что, слѣдовательно, натуральный (безъискусственный) процессъ мышленія можетъ быть изучаемъ и дѣйствительно изучается отдѣльно отъ процесса познаванія, особою самостоятельною наукою.

Не воспользовавшись готовымъ и плодотворнымъ различеніемъ мышленія и познаванія, авторъ вынужденъ былъ самое познаваніе дѣлить на ступени, которыя должны соотвѣтствовать дѣйствительному положенію вещей. Вопросу этому онъ далъ, по его собственнымъ словамъ, совершенно новую постановку, нисколько не заботясь о томъ, что сдѣлано было въ этомъ отношеніи его предшественниками, такъ какъ «говорить въ данномъ случаѣ о предшественникахъ значило бы почти то же самое, что

---

[1]) Мысль эта формулируется такимъ образомъ Теэтетомъ, но приписывается Протагору или, по крайней мѣрѣ, признается согласной съ ученіемъ Протагора. Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что вопросъ о генезисѣ познанія приводитъ къ другому, весьма важному и интересному: о соотношеніи теоріи сенсуализма и теоріи ассоціаціи. О вопросѣ этомъ, котораго касается и Ферри, см. *E. Laass.* Idealismus und Positivismus. I Theil. 1879. По отношенію къ значенію Протагора, ср. мнѣніе Лааса и *W. Halbfass.* Die Berichte des Platon und Aristoteles über Protagoros. 82.

искать объясненія явленіямъ человѣческаго сознанія на-яву въ отрывочныхъ сновидѣніяхъ предшествующей ночи» (стр. 76). Самостоятельность даетъ, конечно, въ результатѣ нѣчто оригинальное, но оригинальность, какъ мы только-что видѣли, не ручается еще ни за вѣрность, ни за убѣдительность. А этихъ качествъ, какъ мы сейчасъ постараемся показать, именно и нѣтъ въ оригинальной идеѣ г. Грота. Для опредѣленія ступеней развитія познаванія онъ избираетъ, по его мнѣнію, совершенно твердый критерій, а именно: различную степень сознательности соотвѣтствующихъ ему процессовъ. Такимъ образомъ, получается четыре ступени умственной дѣятельности: 1) безсознательная, 2) сознательная, 3) произвольная и 4) методическая. Чтобы дѣленіе получило для читателя достаточную степень ясности и опредѣленности, необходимо остановиться на болѣе подробномъ разсмотрѣніи« составныхъ элементовъ познавательной дѣятельности», какъ они изложены въ книгѣ г. Грота. Тутъ, прежде всего, надо различать процессы и ихъ результаты. Процессы—кромѣ процессовъ умственныхъ въ тѣсномъ смыслѣ или центральныхъ (собственно мысленныхъ)—суть еще периферическіе процессы, снабжающіе мышленіе матеріаломъ (ощущенія) и периферическія выраженія (языкъ); затѣмъ продукты этихъ процессовъ—какъ и слѣдуетъ уже само собою изъ предыдущаго—раздѣляются на продукты центральные (представленія и т. д.) и продукты периферическіе,—воспріятія, на одномъ концѣ, и звуки, имена и названія—на другомъ. Согласно четыремъ ступенямъ познавательной дѣятельности, всѣ процессы ея и продукты этихъ процессовъ дѣлятся также на четыре ступени, согласно ихъ сознательности, какъ то и видно изъ нижеслѣдующей таблицы, заимствованной нами изъ книги г. Грота и поправляющей тѣ неточности и неполноты, которыя мы, для большей ясности, допустили въ нашемъ изложеніи.

	Познавательная дѣятельность.			
	Безсознательная:	Сознательная:	Произвольная:	Методическая:
Периферич. движенія, снабжающія познавательнымъ матеріаломъ:	Ощущеніе.	Воспріятіе.	Наблюденіе.	Экспериментъ.
Продукты этихъ движеній:	Ощущенія.	Воспріятія.	Наблюденія.	Данныя эксперимента или научные факты.

	Познавательная дѣятельность.			
	Безсознательная:	Сознательная:	Произвольная:	Методическая:
Центральныя или умств. движенія:	Ассоціація.	Мышленіе.	Размышленіе.	Изслѣдованіе.
Ихъ продукты:	Конкретныя представленія.	Конкретныя понятія.	Отвлеченныя понятія.	Научныя идеи.
Периферич. движенія, направленныя къ выражен. умст. пріобрѣтеній:	Языкъ.	Рѣчь.	Разсужденіе.	Изложеніе.
Продукты этихъ движеній:	Звуки.	Имена.	Названія.	Термины.
Общіе результаты познават. дѣятельности:	Опытъ.	Званіе.	Познанія.	Наука.

Разсматривая внимательно эту таблицу, мы не можемъ не замѣтить прежде всего того, что третья ступень познавательной дѣятельности—произвольная—не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что препятствовало бы подведенію подъ нее лже-познанія мнимой науки—метафизики. Никто не станетъ спорить, конечно, что метафизикѣ не чужды: размышленіе, отвлеченныя понятія, разсужденія и названія (если не термины), и если кто-либо сталъ бы оспаривать присутствіе въ ней наблюденій, то опровергнуть его было бы нетрудно, тѣмъ болѣе, что было уже спеціально доказано присутствіе наблюденія во всякой метафизической системѣ [1]). Иные, пожалуй, назовутъ это замѣчаніе наше «легкомысленнымъ издѣвательствомъ», но другіе,—при серьезномъ вдумываніи въ различіе между мышленіемъ и познаніемъ,—замѣтятъ нѣкоторыя весьма важныя недомолвки въ классификаціи г. Грота или даже нѣкоторый существенный въ ней дефектъ. Во всякомъ случаѣ, мы не будемъ настаивать на этомъ замѣчаніи, такъ какъ о воззрѣніяхъ г. Грота на метафизику мы будемъ говорить особо, при разсмотрѣніи рѣчи его о философіи. Затѣмъ, оставляя вопросъ о метафизикѣ въ сторонѣ, мы останавливаемся теперь надъ различіемъ обыденнаго мышленія и научнаго познанія и не можемъ не замѣтить, что различіе весьма явственно сквозитъ чрезъ подраздѣленія таблицы г. Грота. Обыденное мышленіе охватываетъ двѣ низшія ступени этой таблицы, а научное познаваніе—двѣ высшія. Дѣленіе обыденнаго мышле-

[1]) *B. Siebeck.* Die metaph. Systeme in ihrem gemeinsamen Verhältniss zur Erfahrung (Vierteljahrsschrift für w. Philos. 1878, I und II Heft.).

нія на двѣ ступени можетъ быть, конечно, допущено, такъ какъ оно соотвѣтствуетъ реальнымъ фактамъ; но раздвоеніе научнаго познаванія намъ представляется совершенно несостоятельнымъ. Согласно этому раздвоенію, нѣкоторыя науки, не допускающія эксперимента, должны быть выключены изъ ряда наукъ и впредь считаться только познаніемъ. Такимъ образомъ, выйдетъ, что астрономія не наука и что въ научномъ отношеніи она стоитъ ниже всѣхъ наукъ, гдѣ экспериментъ возможенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ придется сказать, что изслѣдованіе ей чуждо, что изложеніе для нея недоступно, что терминовъ у нея быть не можетъ. Всматриваясь далѣе въ картину этихъ ступеней познавательной дѣятельности, мы не можемъ не недоумѣвать надъ тѣмъ, почему въ одну рубрику съ периферическими движеніями, снабжающими познавательнымъ матеріаломъ, каковы ощущенія и воспріятія, процессы дѣйствительно чисто-периферическіе, поставлены наблюденіе и экспериментъ, т.-е. такіе процессы, въ которыхъ роль периферіи отходитъ совсѣмъ на задній планъ, которые суть не что иное, какъ воплощеніе размышленія и изслѣдованія, у которыхъ съ отнятіемъ отъ нихъ того, что есть въ нихъ «центральнаго», остается опять-таки только одно воспріятіе. И далѣе, мы высказываемъ то же недоумѣніе и по поводу включенія разсужденія и изложенія въ одну рубрику съ языкомъ и рѣчью, а названій и терминовъ въ одну рубрику съ звуками и именами; опять-таки вся «суть» этихъ будто бы «периферическихъ» продуктовъ и процессовъ совсѣмъ не въ периферіи. Если они состоятъ изъ звуковъ, то изъ этого и слѣдуетъ только, что звуки—дѣйствительно продукты периферическаго образованія; но утверждать это нельзя уже и по отношенію къ словамъ, такъ какъ роль центральныхъ органовъ слишкомъ значительна при ихъ образованіи. Мы остаемся неубѣжденными всею этою схематическою симметричностью и думаемъ даже, что она и на этотъ разъ,—вопреки похваламъ, заслуженнымъ ею отъ самаго г. Грота, оказала ему плохую услугу. Весьма простая мысль о томъ, что мышленіе есть орудіе познаванія и что вмѣстѣ съ нимъ неизбѣжно роль того же орудія играютъ воспріятія и языкъ, разрѣшаетъ, какъ нельзя лучше, всѣ указанныя выше недоумѣнія. Всякое различіе между произвольною и методическою ступенями мышленія должно исчезнуть, такъ какъ въ идеалѣ (о которомъ только и можетъ здѣсь идти рѣчь) нѣтъ науки и науки, а есть только одна наука и одно научное познаваніе—методи-

ческое. Затѣмъ, степени развитія различныхъ наукъ суть измѣнчивые факты конкретной дѣйствительности, которымъ нѣтъ мѣста при установленіи принципіальныхъ положеній, долженствующихъ охватить всѣ эти факты, потопить ихъ въ себѣ. Ростъ познанія идетъ не вопреки такимъ принципіальнымъ положеніямъ, а согласно съ ними; поэтому если бы существовала только одна наука, успѣвшая осуществить принципъ во всей полнотѣ, а всѣ другія науки были бы только на пути къ тому, то и тогда даже мы не имѣли бы основаній создавать какой-то фантастическій типъ знанія, лишенный метода, терминовъ, научныхъ идей и способный укладываться только въ разсужденіе, а не въ изложеніе. Если же мы хотимъ сказать этимъ, что знаніе это не научно, то соединеніемъ этихъ несоединимыхъ терминовъ мы выражаемъ неизбѣжно, что знаніе это есть не знаніе, а случайный продуктъ обыденнаго мышленія, находки и обрывки, поддѣлывающіеся подъ знаніе. Такого рода знаніе было то, которое облекалось въ форму «системы мыслей» и носило названіе астрологіи, алхиміи и т. д. Но развѣ можно утверждать, что астрологія и алхимія выражали какой-нибудь теоретическій принципъ? Развѣ можно указать на принципіальное отличіе ихъ отъ продуктовъ обыденнаго мышленія вообще. И далѣе, руководясь таблицей г. Грота, не должны-ли мы утверждать, что астрологія превратилась въ астрономію тогда, когда ей сталъ доступенъ экспериментъ? Или должны мы полагать, что въ алхиміи не было экспериментовъ? Все это приводитъ насъ къ убѣжденію въ совершенной безполезности подраздѣленій г. Грота, и мы по-прежнему остаемся при простомъ и ясномъ различеніи, обоснованномъ научной философіей и имѣющемъ для насъ жизненное значеніе.

Переходя теперь къ взглядамъ автора по вопросу о воплощеніи его ступеней умственной дѣятельности въ дѣйствительной жизни, мы встрѣчаемся съ новыми недоумѣніями и неопредѣленностями. О нихъ мы и поведемъ теперь нашу рѣчь.

Не оспаривая мнѣнія автора, что вопросъ о воплощеніи различныхъ ступеней познавательной дѣятельности можетъ быть поставленъ лишь въ слѣдующей формѣ: существуютъ-ли организмы, которымъ доступна лишь безсознательная дѣятельность; существуютъ-ли организмы, которымъ, *рядомъ* съ безсознательною, доступна также сознательная познавательная дѣятельность, и т. д.?.. мы остановимся только на отвѣтѣ на этотъ вопросъ,

который, по мнѣнію автора, долженъ быть утвердительный, а именно: «многимъ животнымъ, дѣтямъ въ первые мѣсяцы жизни, а также и взрослымъ людямъ съ низшимъ или болѣзненно-искаженнымъ умственнымъ развитіемъ (нѣкоторые роды дикарей, идіоты, многіе душевно-больные) доступна лишь самая низшая или безсознательная познавательная дѣятельность, съ которою, впрочемъ, и каждый развитой человѣкъ знакомъ во снѣ, т.-е. изъ сновидѣній. Безсознательная и сознательная ступени познавательной дѣятельности доступны совмѣстно нѣкоторымъ высшимъ животнымъ (которыя способны судить и дѣлать простѣйшія умозаключенія), дѣтямъ въ низшемъ возрастѣ (пока они не привыкнутъ размышлять и разсуждать) и людямъ низшаго умственнаго уровня и развитія, т.-е. стоящимъ на низшей степени культуры и самосознанія. Произвольная познавательная дѣятельность доступна всѣмъ людямъ, мало-мальски развитымъ, хотя бы они принадлежали и къ низшимъ слоямъ культурнаго общества. Методическая познавательная дѣятельность, на ряду съ другими, доступна всѣмъ людямъ научно образованнымъ, хотя, конечно, опять въ различной степени: высшія формы ея извѣстны только людямъ науки, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. спеціалистамъ знанія (да и то далеко не всѣмъ!)» (стр. 87).

Перечисленіе, прежде всего,—неполное: ниже умственной дѣятельности многихъ животныхъ, дѣтей въ первые мѣсяцы жизни, дикарей, идіотовъ, сумасшедшихъ и людей, погруженныхъ въ сонъ, авторъ долженъ былъ поставить умственную дѣятельность, проявляемую тѣми науками, которыя не сочетаются даже съ самою низшею познавательною дѣятельностью, а представляютъ однѣ только мысли. Далѣе, авторъ долженъ бы пояснить опредѣленнѣе, какихъ именно людей разумѣетъ онъ подъ «людьми низшаго умственнаго уровня или низшей умственной культуры и самосознанія», а также, что такое люди «мало-мальски развитые, хотя бы они принадлежали и къ низшимъ слоямъ культурнаго общества». Для насъ, признаемся, все это загадки, напоминающія тотъ «большой кусокъ магнезіи», который какая-то институтка просила отпустить ей изъ аптеки... Наконецъ, мы совсѣмъ отказываемся разобрать что-либо въ томъ, что авторъ говоритъ о воплощеніи методической умственной дѣятельности: здѣсь нагромождено столько степеней и «нѣкоторые» спеціалисты знанія поставлены на такую высоту, что нельзя не спросить: да для кого же они работаютъ, если плоды ихъ трудовъ недо-

ступны даже для всѣхъ собратовъ ихъ, спеціалистовъ? Быть можетъ, все это далеко не такъ страшно; но разбирать вопроса этого мы не станемъ: отлетѣвшіе въ заоблачныя сферы, недоступные намъ простымъ смертнымъ, да почіютъ въ мирѣ!

Но если высшая ступень познавательной дѣятельности является превознесенною въ вышеприведенной цитатѣ, то за то мы можемъ привести другую, въ которой эта же дѣятельность представляется крайне униженною, такъ, что взявъ среднее, пожалуй, получится нѣчто близкое къ дѣйствительному положенію вещей. Допустивъ, что могутъ существовать науки изъ однѣхъ только мыслей, авторъ никакъ не соглашается, чтобы процессы воображенія или умственнаго творчества хотя бы иногда, въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ, могли быть поставлены внѣ познавательныхъ процессовъ и были признаны состоящими изъ однѣхъ только мыслей. «Если бы даже построенія ума были совершенно фантастичны и произвольны—говоритъ онъ, развивая эту мысль—и если бы даже мы сами *сознавали* эту ихъ фантастичность и произвольность [1]), то и тогда они не только должны были бы измѣнять и осложнять наши идеи, но и отражаться, хотя бы косвенно, на представленіяхъ и понятіяхъ нашихъ о внѣшнемъ мірѣ, такъ какъ сознаніе, по самой природѣ своей, всегда *объективируетъ* свои ощущенія и идеи, т.-е. ставитъ имъ объекты во внѣшней дѣйствительности. Сколько бы мы ни увѣряли себя, напр., что видѣнная нами историческая опера или прочитанный нами историческій романъ составляютъ продуктъ фантазіи ихъ авторовъ,—но воспріятія, сложившіяся въ связи съ этими фантастическими произведеніями, несомнѣнно войдутъ, какъ извѣстный ингредіентъ, въ составъ строго реальныхъ и даже *научныхъ знаній* о соотвѣтствующихъ историческихъ эпохахъ, событіяхъ и лицахъ. Сколько бы ни увѣряли себя, что прочитанная въ литературномъ произведеніи или видѣнная нами въ театрѣ бытовая сцена вымышлена тѣмъ или другимъ романистомъ, поэтомъ или драматургомъ,—мы все-таки не въ состояніи будемъ устранить пріобрѣтенныхъ даннымъ способомъ представленій о бытѣ того или другого народа, того или дру-

---

[1]) Нельзя не замѣтить, что выраженіе «произвольность» имѣетъ здѣсь значеніе, *прямо противуположное* тому, которое придано ему авторомъ въ характеристикѣ ступеней познаванія, гдѣ *произвольность* мышленія непосредственно предшествуетъ его *методичности*.

гого слоя общества, того или другого разряда людей вообще. Но не только мы, зрители и читатели произведеній фантазіи, но и самые *авторы* ихъ, и даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ многіе ихъ читатели, чрезъ призму этихъ произведеній, какъ готовыхъ цѣлыхъ, созерцаютъ дѣйствительность, ибо уже и самое созданіе соотвѣтствующихъ образовъ и картинъ и воплощеніе ихъ въ словѣ возможно лишь подъ условіемъ нѣкотораго отождествленія и смѣшенія фикцій и реальной дѣйствительности. Потому-то, между прочимъ, поэты и обладаютъ всегда совершенно своеобразными идеями о мірѣ и его значеніи, болѣе или менѣе далекими отъ объективныхъ результатовъ науки и часто даже противорѣчащими выводамъ этой послѣдней; ихъ знанія чаще всего носятъ *мистическій* отпечатокъ, составляющій прямой продуктъ сплетенія фантазіи съ объективными данными опыта» (припомнимъ только Достоевскаго, стр. 72—73).

Не очевидно ли, что авторъ нарисовалъ намъ картину обыденнаго мышленія и лишь подъ вліяніемъ предвзятой идеи пріурочилъ къ картинѣ этой научное познаваніе. Въ самомъ дѣлѣ, во что же обращается это *научное*, *методическое* познаваніе, если оно безсильно передъ всякой фантастикой и галиматьей? Что станется съ этимъ возвышеннымъ спеціальнымъ знаніемъ, доступнымъ лишь немногимъ, если въ него войдутъ, какъ извѣстный ингредіентъ, фантастическія представленія? Мы считали до сихъ поръ все это печальною участью обыденнаго мышленія и думали, что наука въ состояніи не только вывести изъ этихъ дебрей, но и всегда служитъ противъ нихъ опорой и защитой, такъ что созерцаніе и воспріятіе ихъ можетъ оказаться совершенно безслѣднымъ, какъ бы не бывшимъ. Теперь насъ хотятъ убѣдить, что противъ фантастики защиты нѣтъ, что сколько бы мы ни обманывали себя, что можемъ быть отъ нея свободны, а на самомъ дѣлѣ, она-таки все же попсказитъ наши реальныя представленія и извратитъ наши научныя понятія! Выходитъ, что какой-нибудь профессоръ исторіи не можетъ прочитать безнаказанно, положимъ, драму, Александра Сумарокова, гдѣ Дмитрій Самозванецъ передъ смертью восклицаетъ:

> Иди, душа, во адъ и будь тамъ вѣчно плѣнна!
> О, если бы со мной погибла вся вселенна!

Не можетъ безъ ущерба для своихъ научныхъ знаній открыть пародію Энеиды и *узнать* изъ нея, что

Эней бувъ паробокъ моторный
И хлопецъ хоть куды козакъ...

Не можетъ безслѣдно присутствовать при представленіяхъ оперетокъ Оффенбаха и т. д., и т. д. Мы, хоть и изъ числа обыкновенныхъ читателей и никакою ученостью похвалиться не можемъ, думаемъ, однако же, что научный методъ и научное дисциплинированіе ума могутъ представлять достаточную гарантію противъ всего необъемлемаго моря пестрыхъ впечатлѣній и воспріятій, какими мы окружены,—что, вооруженные наукою, мы всегда въ состояніи распознаться среди этой пестроты и остаться свободными отъ самомалѣйшаго вліянія всего, что нами будетъ признано нереальнымъ и фантастичнымъ.

Что же касается самихъ авторовъ фантастическихъ произведеній, то они очень и очень часто могутъ быть жертвами игры своего собственнаго воображенія, и мы, признаться, не понимаемъ, чего ради авторъ остановился на нихъ по поводу возможности извращенія *научныхъ идей* и *реальныхъ представленій* фантастическою образностью. Поэтъ можетъ, вѣдь, быть совершенно чуждымъ научной области и вовсе не имѣть въ міросозерцаніи своемъ защиты противъ иллюзій, еще болѣе противъ собственныхъ, субъективно-реальныхъ иллюзій. Все это можетъ быть, и все это ровно ничего не доказываетъ, что поэты всего чаще бываютъ *мистиками*. Мистицизмъ у поэтовъ и непоэтовъ имѣетъ—и это едва-ли надо доказывать—свои особыя, спеціальныя причины. Говорить объ этомъ было бы слишкомъ долго, да это и завело бы насъ далеко въ сторону. Замѣтимъ только въ заключеніе, что мы не видимъ никакого повода вспоминать одного Достоевскаго; мы можемъ вспомнить десятки поэтовъ, ну, хоть бы всю блестящую плеяду представителей пессимистической поэзіи: Байрона, Альфреда-де-Мюсэ, Ленау, Гейне, Леопарди, Луизу Аккерманъ, Джемса Томсона,—кто же изъ нихъ мистикъ? Если назвать мистикомъ того или другого, то придется прибрать иной терминъ для Достоевскаго, такъ какъ міросозерцанія всѣхъ названныхъ личностей несоизмѣримы съ міросозерцаніемъ Достоевскаго. Перестанемъ же навязывать поэзіи мистицизмъ, отъ котораго она можетъ быть вполнѣ свободна, и станемъ смотрѣть на поэзію, какъ на выраженіе чувства и воображенія, слившихся въ одинъ стройный голосъ. «Для меня, говоритъ поэтъ, все—поэзія, все—оживлено, все мыслитъ, все сливается въ об-

щей гармоніи и преобразуется въ чувство. Душа моя, какъ хрустальная чаша, звучитъ при малѣйшемъ прикосновеніи, и ея любовь, ея грезы, самыя ея скорби представляются неисчерпаемымъ источникомъ поэтическаго восторга!» [1]) Это—поэзія, и, когда идетъ рѣчь о ней, можно и не говорить о мистицизмѣ, да еще о мистицизмѣ Достоевскаго.

Намъ очень и очень пора, однако же, обратиться къ другой сторонѣ теоріи г. Грота и разсмотрѣть, хоть въ самыхъ общихъ чертахъ, поднимаемые ею вопросы. На этотъ разъ мы имѣемъ въ виду остановиться надъ тѣмъ моментомъ психическаго оборота, который граничитъ съ такъ-называемыми «атомами сознанія», но не переходитъ въ ихъ сферу,—мы разумѣемъ ощущенія. Сопоставляя то, что говоритъ объ этихъ атомахъ г. Гротъ (стр. 95, 113 и 182), съ данными, доставляемыми современною нѣмецкою эмпирическою психологіею, мы не можемъ не признать сообщеній г. Грота слишкомъ краткими, по крайней мѣрѣ, для обыкновенныхъ читателей; а такъ какъ болѣе полныя свѣдѣнія объ этомъ вопросѣ имѣютъ значеніе для тѣхъ замѣчаній, которыя мы имѣемъ въ виду, то мы и считаемъ нужнымъ остановиться теперь на нѣкоторыхъ подробностяхъ, о которыхъ г. Гротъ, имѣя въ виду спеціалистовъ, считалъ излишнимъ распространяться.

Было бы слишкомъ длинно, а для обыкновенныхъ читателей утомительно, если бы мы принялись за разсмотрѣніе нашего вопроса, что называется, по источникамъ; стали бы приводить взгляды Лотце, Гельмгольца, Вундта, Фехнера, по ихъ подлиннымъ сочиненіямъ, да еще, пожалуй, сличая особенности разныхъ изданій. Куда намъ!... «Оставимъ астрономамъ»... и обратимся къ сочиненію, которое позволитъ намъ охватить все это съ одного раза и именно, поскольку намъ это нужно. Сочиненіе, къ которому мы имѣемъ въ виду обратиться, принадлежитъ автору весьма извѣстному, автору, котораго недавно цитировалъ самъ г. Гротъ. Мы разумѣемъ Рибо и его «Исторію современной нѣмецкой психологіи». Приступая къ общему очерку результатовъ современной нѣмецкой психологіи, Рибо останавливается прежде всего на вопросѣ объ элементахъ простого ощущенія. «Элементы простого,—говоритъ онъ,—не отзывается ли это противорѣчіемъ? Но одна изъ заслугъ физіологической

[1]) Чилійскій поэтъ Гильермо Пратъ (Guillermo Prat).

психологіи именно и заключается въ выясненіи того, что простое для сознанія есть въ дѣйствительности нѣчто сложное, синтезъ. Справедливо, что опыты физиковъ давно уже подготовили путь для этого заключенія, и оно было бы добыто ранѣе, если бы психологія, замкнутая въ «я» и исключительно сосредоточенная на внутреннемъ наблюденіи, не смотрѣла на изысканія такого рода, какъ на дѣло ей постороннее, безразличное для ея задачи, какъ на причину *отвлеченія*, которую ей полезно было игнорировать. Такъ какъ физики стоятъ очень вдалекѣ отъ изученія явленій сознанія, а психологи зачастую ничего не хотятъ знать о матеріи, то нѣкоторые физіологи и принялись именно за такого рода опыты, которые имѣютъ въ виду точку соприкосновенія явленій физическаго и явленій психическаго міра; такимъ образомъ, иногда безсознательно, имъ и пришлось изслѣдовать элементарныя ощущенія. По этой причинѣ справедливость требуетъ приписать физіологической психологіи, имѣющей главныхъ представителей своихъ въ Германіи, заслугу въ починѣ тѣхъ изслѣдованій, изъ которыхъ нѣкоторые современные психологи извлекли большую долю пользы (Спенсеръ, Тэнъ). Гельмгольцъ долженъ быть упомянутъ здѣсь прежде всѣхъ. Его изслѣдованія по физіологической акустикѣ, и въ особенности опыты, доказавшіе, что тембръ—качество, представляющее собою неопредѣлимое явленіе,—обязанъ своимъ происхожденіемъ дополнительнымъ звукамъ, группирующимся согласно опредѣленнымъ отношеніямъ вокругъ звука основного, обнаружили въ фактѣ физическомъ, непосредственной причинѣ ощущенія, сложную группировку элементовъ, всякое измѣненіе въ которыхъ влечетъ за собою соотвѣтственное измѣненіе въ ощущеніи.

«Самое бѣдное состояніе сознанія, воспріятіе звука, цвѣта, самое простое ощущеніе, т.-е. ощущеніе, разсматриваемое внѣ всякой ассоціаціи, внѣ всякой локализаціи, есть уже ощущеніе сложное. У звука есть своя высота, интенсивность, тембръ, которые соотвѣтствуютъ числу, амплитудѣ и формѣ вибрацій. Ощущеніе цвѣта соотвѣтствуетъ скорости вибрацій эфира и длинѣ волнъ. Оставляя въ сторонѣ всякую гипотезу о трансформаціи нервныхъ явленій въ явленія психическія и имѣя въ виду одни только факты, надо признать, что состояніе сознанія, измѣняющееся соотвѣтственно измѣненію непосредственныхъ условій, не можетъ быть сочтено за простое. Если впечатлѣніе становится инымъ, то и нервные процессы (по всей вѣроятности,

молекулярное движеніе въ нервахъ и клѣткахъ) становятся иными, и ощущеніе тоже измѣняется. Физіологическая экспериментація, вспомоществуемая субъективнымъ анализомъ, клонится къ прозрѣнію въ мірѣ психическомъ чего-то аналогичнаго атомамъ міра физическаго. Можно сказать, безъ сомнѣнія, что психологіи нѣтъ дѣла до изученія этихъ первичныхъ элементовъ, какъ физикѣ и химіи нѣтъ дѣла до изученія атомовъ,— что это конечный вопросъ, который окольнымъ путемъ привелъ бы ее опять къ метафизикѣ; что ей только и можно избрать своей точкой исхода ощущенія, которыя для нея просты, такъ же, какъ науки физико-химическія избираютъ себѣ точкой отправленія тѣла простыя и ихъ элементарныя свойства. Изысканія физіологической психологіи проливаютъ тѣмъ не менѣе нѣкоторый свѣтъ въ ту темную лабораторію, изъ которой выходитъ сознаніе; ибо здѣсь возможны только двѣ гипотезы: или надо принять вмѣстѣ съ Лейбницемъ, что «такъ какъ изъ ста тысячъ ничто не можетъ произойти нѣчто», то и такъ называемое простое ощущеніе слагается изъ элементарныхъ состояній, слабая интенсивность или малая продолжительность коихъ исключаетъ ихъ изъ сознанія; или же надо допустить, что такъ называемое простое ощущеніе есть результатъ элементовъ разнородныхъ и относится къ нимъ такъ, какъ относится въ химіи какое-нибудь соединеніе ко входящимъ въ него элементамъ.

«Какова бы ни была, впрочемъ, гипотеза, которую мы приняли бы, мы все же таки получаемъ право сомнѣваться въ простотѣ состоянія, которое принимается за таковое сознаніемъ и которое дѣйствительно просто для сознанія. Утвержденіе сознанія, приводимое такъ часто психологами извѣстной школы, какъ сужденіе безъапелляціонное, сводится такимъ образомъ къ весьма относительной достовѣрности. Сознаніе перестаетъ быть непогрѣшимымъ оракуломъ; оно—такой же свидѣтель, какъ и всякій другой,—свидѣтель, часто обманывающій и обманываемый, который ни въ чемъ не имѣетъ привилегіи абсолютной истины. Таково поученіе, полученное нами отъ физіологической психологіи по поводу очень скромнаго вопроса» [1]).

Хотя Рибо и вѣрно резюмируетъ результаты изслѣдованій эмпирической психологіи, но высказываемое имъ при этомъ

---

[1]) *Th. Ribot.* La psychologie allemande contemporaine. (Ecole expérimentale, 1879 p. 359—361).

его собственное мнѣніе можетъ подать поводъ предполагать, что, строго говоря, анализъ ощущенія выпадаетъ изъ области психологіи и долженъ быть отнесенъ въ метафизику, подобно тому, какъ и ученіе объ атомахъ должно считаться принадлежностью метафизики, а не естественныхъ наукъ, такъ какъ химія, напримѣръ, беретъ своею точкою исхода простыя тѣла, а не атомы. Объ этомъ мнѣніи можно сказать, что оно никогда не было бы высказано, если бы Рибо обратилъ вниманіе на отличіе метафизическихъ умозрѣній объ атомахъ отъ научной теоріи ихъ. Различіе этихъ двухъ направленій въ воззрѣніи на атомы воспрепятствовало бы ему утверждать, что современная химія беретъ своею исходною точкою простыя тѣла, а не атомы. Химики не согласятся, конечно, что законъ, открытый Менделѣевымъ, поддержанный Лотаръ-Мейеромъ и Вюрцомъ и подкрѣпленный открытіями де-Буабодрана, переходитъ за предѣлы, указываемые Рибо; законъ же Менделѣева несоизмѣримъ ни съ какими метафизическими и вообще сверхъопытными теоріями.

Если мы сопоставляемъ тутъ метафизику и науку, то дѣлаемъ это исключительно только потому, что къ этому привело насъ замѣчаніе Рибо. Не будь этого замѣчанія, намъ пришлось бы только пояснить, что съ тѣхъ поръ, какъ выработалась идея научной философіи, т.-е. съ тѣхъ поръ, какъ явилась возможность согласовать работу философіи и науки, нѣтъ уже ни малѣйшаго повода говорить о метафизикѣ въ примѣненіи къ изученію атомовъ; въ настоящее время существуютъ вѣдь философскія теоріи, не заключающія въ себѣ ничего метафизическаго. Укажемъ хоть на прекрасный трудъ Лясвица «Атомистика и критицизмъ» [1]).

И такъ, объ атомахъ можно говорить и въ наукѣ, а слѣдовательно и въ научной философіи. Но это только мимоходомъ; не въ этомъ вопросъ. Какъ бы тамъ ни смотрѣли на роль атомовъ, а воззрѣніе на анализъ ощущеній идетъ своимъ независимымъ путемъ, и тутъ можно указать на представителей научной философіи, которые очень далеки отъ мнительности Рибо. Такъ, напр., Зибекъ, резюмируя взгляды эмпирической психологіи на анализъ ощущеній, прямо утверждаетъ, что «физіологическія

[1]) *K. Lasswitz.* Atomistik und Kriticismus. Ein Beitrag z. Erkenntniss-theoretischen Grundlegung der Physik. 1878.

и психологическія изслѣдованія воспріятія внѣшнихъ предметовъ единогласно привели къ тому результату, что актъ сознанія воспріятія не есть актъ недѣлимый и неподдающійся анализу, не есть нѣчто происходящее въ предѣлахъ опредѣленнаго времени; но, напротивъ того, изслѣдованія эти показали, что самое простѣйшее воспріятіе есть уже процессъ, результатъ цѣлой суммы явленій, въ общемъ итогѣ которыхъ и является то, что и вступаетъ въ сознаніе, какъ ощущеніе опредѣленнаго цвѣта, тона, какъ воспріятіе того или другого опредѣленнаго предмета». Онъ говоритъ далѣе, что наукѣ удалось не только наблюдать, но вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать, и подслушать этотъ фактъ, такъ что теперь не подлежитъ ужъ никакому сомнѣнію, что воспріятіе предметовъ во времени и пространствѣ, какимъ воспріятіе это является въ сознаніи, есть результатъ развитія, опирающагося на ассоціаціи множества единичныхъ впечатлѣній (раздраженій) и затѣмъ на переработкѣ ихъ при посредствѣ воображенія и рефлексіи [1]). Исчерпывающимъ доказательствомъ чисто-реальнаго значенія анализа ощущеній можетъ служить, впрочемъ, не мнѣніе Зибека или кого-нибудь другого, такъ какъ ссылки на нихъ смахиваютъ на ссылки на авторитетъ, а указаніе на наблюденія, сдѣланныя г. Троицкимъ и описанныя имъ въ его «Наукѣ о духѣ». Наблюденія г. Троицкаго показали какъ нельзя яснѣе, что есть возможность достичь до реальнаго различенія нѣкоторыхъ такъ называемыхъ побочныхъ или дополнительныхъ тоновъ, обыкновенно воспринимаемыхъ слитно, какъ одинъ звукъ [2]). О другомъ подобномъ наблюденіи говоритъ Штрикеръ, который производилъ свои наблюденія надъ явленіями зрѣнія, хотя, правда, съ меньшею рельефностью, чѣмъ г. Троицкій, но зато съ большею ихъ общедоступностью и во всякомъ случаѣ съ такою опытною убѣдительностью, которая не оставляетъ никакого сомнѣнія въ реальной роли элементовъ ощущеній и устраняетъ всякую мысль о какомъ-либо, хотя бы и самомъ слабомъ намекѣ на метафизику [3]). Теперь, когда вопросъ выяснился, какъ мы думаемъ, въ достаточной степени, не излишне

---

[1]) Ueber das Bewusstsein als Schranke der Natur-Erkenntniss, von Prof. Dr. *Herm. Siebeck*. 1879. S. 1—2.

[2]) *М. Троицкаго*, Наука о духѣ. Т. I, стр. 105—7.

[3]) Studien über die Association der Vorstellungen von Dr. *S. Stricker*, 1883 Cap. XII und XIII.

будетъ сказать, что эмпирическая психологія въ Англіи и Италіи также не чужда тому рѣшенію его, основаніе котораго было положено въ Германіи. Изъ англійскихъ психологовъ мы укажемъ на Дж. Сёлли, къ сочиненію котораго объ иллюзіяхъ намъ придется еще обратиться и который подробно коснулся именно вопроса объ анализѣ въ вышедшей ранѣе трактата объ иллюзіяхъ книгѣ «Sensation and Intuition»[1]); изъ итальянскихъ же мы укажемъ на Роберта Ардиго, который заключаетъ свое изложеніе анализа воспріятій, подобно Рибо, сравненіемъ физической психологіи съ химіей, съ тою разницею только, что вмѣсто предостереженія по отношенію къ метафизикѣ, онъ, напротивъ того, призываетъ психологію къ этого рода изслѣдованіямъ и наблюденіямъ [2]).

Если послѣ всего сказаннаго мы обратимся къ книгѣ г. Грота, то въ состояніи будемъ указать въ ней нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, сказывается крайне недостаточное вниманіе его къ вопросу, о которомъ только-что шла рѣчь. Остановимся хоть на его взглядѣ на условія возникновенія иллюзій. По его мнѣнію, возникновеніе ихъ обусловлено исключительно «отрывочными и недостаточными впечатлѣніями», «ненаблюденіемъ и происходящимъ оттого незнаніемъ» (стр. 334). «Самыя же ощущенія и воспріятія наши всегда вѣрны,—поясняетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—невѣрно только ихъ истолкованіе, отнесеніе ихъ къ тому или другому внѣшнему объекту» (стр. 331).

Если бы, высказывая этотъ взглядъ, авторъ не упускалъ изъ виду, что ощущенія наши суть уже результаты синтеза, то онъ—и съ своей собственной точки зрѣнія—долженъ бы былъ приписать безошибочность не ощущеніямъ, а только ихъ элементамъ. Высказываясь такъ, онъ, дѣйствительно, и по отношенію къ предмету изслѣдованія началъ бы съ его начала. Удержалась ли бы при этомъ его теорія оборота,—это вопросъ, касаться котораго я не стану, предоставляя его всецѣло спеціалистамъ. Я останавливаюсь лишь на томъ, что достодолжное изученіе элементовъ ощущеній поставило бы г. Грота на тотъ путь, по которому шло изслѣдованіе Сёлли, спеціально изучавшаго яв-

---

[1]) См. Essays III: «Recent german Experiments with sensation», нач. со стр. 57, и Essays VII: «The basis of musical sensation».

[2]) *Roberto Ardigo*. La psicologia come scienza positiva. 1870, p. 303.

ленія иллюзіи и написавшаго монографію о нихъ. Очень можетъ быть, что работа г. Грота на этомъ пути была бы даже гораздо успѣшнѣе и блистательнѣе, чѣмъ работа Сёлли; во всякомъ же случаѣ, изучая простѣйшія сочетанія психическихъ элементовъ, онъ не могъ бы не замѣтить, что ограничивать условія возникновенія иллюзій отрывочностью и недостаточностью впечатлѣній, ненаблюденіемъ и ложнымъ истолкованіемъ—невозможно. Та сотня страницъ, которую даетъ намъ теперь книга Сёлли, поучаетъ насъ, что вопросъ этотъ вовсе не такъ маловаженъ, какъ онъ представляется для г. Грота. «Вся наша минувшая умственная жизнь, со всѣми особенностями ея опыта, ея господствующими волненіями, ея обычнымъ направленіемъ фантазіи, налагаетъ особенный колоритъ на всѣ наши новыя впечатлѣнія и такимъ образомъ способствуетъ возникновенію иллюзіи. *Для воспріятія*, какъ и для вѣрованія (belief), существуетъ свое «личное уравненіе», свой итогъ ошибочныхъ уклоненій отъ обычнаго воззрѣнія на предметы внѣшняго міра. Они происходятъ отъ *индивидуальнаго темперамента и привычекъ ума*. Такимъ образомъ, по природѣ робкій человѣкъ будетъ вообще склоненъ видѣть вещи безобразныя и страшныя тамъ, гдѣ умъ, свободный отъ предразсудковъ, не замѣтитъ ничего подобнаго, причемъ формы, которыя примутъ для робкаго пугающія его вещи, будутъ опредѣлены характеромъ его прошедшаго опыта и обычнымъ направленіемъ его воображенія» [1]). «Мы можемъ характеризовать иллюзіи,—говоритъ Сёлли въ другомъ мѣстѣ,—какъ недостаточное воззрѣніе (partial view), недостаточное въ двоякомъ смыслѣ: и въ смыслѣ неполноты, и въ смыслѣ зависимости отъ особенныхъ предрасположеній ума» [2]). Мы не приводимъ тѣ многочисленныя иллюстраціи, которыми такъ богато сочиненіе Сёлли, по недостатку мѣста, и очень сожалѣемъ объ этомъ, такъ какъ тогда стало бы еще яснѣй, что въ очень многихъ и многихъ случаяхъ самыя достаточныя и самыя полныя впечатлѣнія не устраняютъ, однако, иллюзій и не могутъ устранить ихъ, такъ какъ причина ихъ лежитъ въ самомъ субъектѣ, и лежитъ очень глубоко.

Видя тѣсную связь между иллюзіями и заблужденіями, г. Гротъ весьма послѣдовательно приходитъ къ утвержденію,

---

[1]) *J. Sully.* Illusions, pp. 101—102.

[2]) Ib. p. 336.

что источникъ иллюзій тотъ же, что и источникъ ложныхъ обобщеній и заблужденій вообще, а именно—ненаблюденіе и незнаніе (стр. 334). О заблужденіяхъ же,—какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ,—можетъ быть рѣчь лишь до тѣхъ поръ, пока субъектъ вообще признанъ находящимся въ нормальныхъ условіяхъ познанія, т.-е. обладающимъ правильно организованною и здоровою нервною системою (стр. 329). Такимъ образомъ, между тѣмъ психическимъ состояніемъ, въ которомъ причиною заблужденія можетъ быть только ненаблюденіе и незнаніе, и тѣмъ, о заблужденіяхъ коего не можетъ быть и рѣчи, ибо оно представляетъ уже полное искаженіе познавательной дѣятельности, проводится рѣзкая черта, и затѣмъ не остается мѣста ни для чего средняго.

Съ такимъ рѣзкимъ разграниченіемъ едва ли согласятся спеціалисты. Сёлли съ нѣкоторымъ удареніемъ указываетъ на то, что проведеніе разграничительной черты между здравымъ разумомъ и областью иллюзій есть дѣло обыденнаго мышленія (common sanse), не знающаго никакихъ тонкихъ различеній. Въ дѣйствительности же кругъ нашего яснаго разумѣнія всегда окруженъ полутѣнью иллюзій. Иллюзіи же, въ свою очередь, не могутъ быть отдѣлены рѣзкою чертою отъ заблужденій и переходятъ въ нихъ совершенно незамѣтно. Причина же заблужденій такъ же, какъ и иллюзій, лежитъ, по мнѣнію Сёлли, не въ одномъ только ненаблюденіи, но и въ предрасположеніяхъ самого субъекта, такъ что въ бо́льшей части заблужденій пассивный и активный факторы являются комбинированными [1]).

Такъ какъ мы придаемъ большое значеніе вопросу о постепенности и нечувствительности перехода отъ нормальнаго состоянія къ болѣзненному, то приведемъ еще одно мнѣніе спеціалиста, еще болѣе рѣшительное и опредѣленное, чѣмъ приведенное выше мнѣніе Сёлли. Баль, въ статьѣ своей о «Границахъ помѣшательства», замѣчаетъ, что одностороннимъ умамъ весьма нравится очень простое, но, въ то же время, совершенно ложное представленіе о будто бы существующей рѣзкой границѣ между помѣшательствомъ и здравымъ смысломъ, иначе говоря, о томъ, будто человѣкъ долженъ быть непремѣнно или помѣшаннымъ, или здоровымъ. «Полвѣка назадъ, Франція и Марокко заключили между собою трактатъ для опредѣленія западной границы

[1]) *Sully*, id. pp. 1—3, 234—235, 207.

Алжира; начиная отъ извѣстнаго пункта къ югу, оставили, съ общаго согласія, границу неопредѣленною, потому что, по словамъ мусульманъ, дальше шла необитаемая пустыня. Теперь въ этой необитаемой пустынѣ оказалось населеніе въ шестьсотъ тысячъ человѣкъ. Такова же и область, расположенная на границѣ разума и помѣшательства, которую обыкновенно считаютъ пустынею, но которая населена не шестью стами тысячъ, а нѣсколькими милліонами. Очень мало такихъ людей, которые всю жизнь идутъ по совершенно прямому пути и поведеніе которыхъ всегда совершенно разумно. Если судить по обычнымъ правиламъ діагностики, то можно отнести къ помѣшаннымъ множество встрѣчающихся съ нами каждый день людей,—и все-таки было бы беззаконіемъ подвергнуть ихъ заключенію».

«Эти полупомѣшанные не только часто достигаютъ высокаго положенія, но оказываютъ иногда неоспоримое вліяніе на окружающихъ, на свою страну, на вѣкъ, въ которомъ они живутъ. Галлюцинаціи Жанны д'Аркъ произвели чудо, котораго не могъ осуществить героизмъ нѣсколькихъ военачальниковъ; и между знаменитыми людьми, потрясшими до основаній свою эпоху, найдется много такихъ, которые, не будучи совершенно помѣшанными, были, по меньшей мѣрѣ, полупомѣшаны. Въ дѣйствительности, эти умы оказываются часто болѣе интеллигентными, чѣмъ другіе; они, вообще, отличаются поразительною дѣятельностью, именно потому, что они тронулись; наконецъ, они обладаютъ могущественною оригинальностью, такъ какъ мозгъ ихъ изобилуетъ совершенно новыми идеями. Почитайте исторію, и вы увидите, что преимущественно они совершали міровые перевороты, основывали новыя религіи, создавали и разрушали государства, спасали народы, рискуя ихъ гибелью, и оставили слѣдъ въ наукѣ, въ литературѣ и въ правахъ своей страны и своего времени. Часто цивилизація принуждена была бы отставать, если бы не было помѣшанныхъ, подвигающихъ ее впередъ» [1]).

Какъ ни обширна та область неопредѣленнаго психическаго состоянія, о которой говоритъ Баль, но мы не можемъ признать еще, что вмѣстимостью ея исчерпывается вся та средняя полоса, которая лежитъ между умоповрежденіемъ и такимъ состояніемъ умственныхъ способностей, которое впадаетъ въ иллюзію или

[1]) *Ball.* Les frontiéres de la folie. Revue scientifique, 1883, № 1.

заблужденіе лишь по недостатку наблюденія. Къ обширной области, обмежеванной Балемъ, непосредственно примыкаетъ другая, еще болѣе обширная, границы которой опредѣляются расовыми и національными особенностями. Особенности эти, какъ показалъ Рибо въ своемъ сочиненіи «О наслѣдственности», опредѣляютъ ту совокупность свойствъ, которую обыкновенно называютъ народнымъ характеромъ, передающимся изъ поколѣнія въ поколѣніе и обнаруживающимъ поразительное упорство. Такъ, Рибо доказываетъ, что характеръ, напримѣръ, римлянъ или характеръ галловъ опредѣлился уже въ глубокой древности и затѣмъ остается неизмѣннымъ въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ, такъ что въ современныхъ французахъ легко видѣть основныя черты галловъ временъ Цезаря)[1]. Говоря затѣмъ объ общихъ результатахъ своего изслѣдованія, Рибо приходитъ къ выводу о постепенномъ ростѣ умственныхъ способностей и считаетъ ошибкой вѣрованіе въ способность всякаго хорошо одареннаго ума понимать факты, лишь только факты эти будутъ ему представлены. «Разумъ,—какъ говоритъ Рибо:—подобенъ зданію, каждый этажъ котораго можетъ быть возводимъ лишь тогда, когда достодолжнымъ образомъ заложено то, на что онъ долженъ опираться и чѣмъ онъ долженъ держаться» [2]. Такимъ образомъ, область, допускающая заблужденіе лишь при условіи наблюденія [3], сводится къ крайне узкой полоскѣ, охватывающей умы, дисциплинированные наукой и преодолѣвшіе всѣ неблагопріятныя условія наслѣдственности; вся же остальная масса должна неизбѣжно быть подведена подъ общую рубрику обыденнаго мышленія, которое достигаетъ знанія отрывочно и случайно, не не-

---

[1]) L'hérédité psychologique, par *Th. Ribot*. 2 ed. P. 1882. pp. 112 et suiv.

[2]) Id. p. 305.

[3]) Мы уже имѣли случай указать, что наблюденіе даетъ такъ много мѣста центральной дѣятельности, что отнесеніе его къ дѣятельности периферической и приравненіе воспріятію не можетъ считаться правильнымъ. Периферическая сторона сложнаго процесса «наблюденія» все-жетаки остается «воспріятіемъ». Замѣтимъ поэтому, что и въ данномъ случаѣ указаніе г. Грота на *ненаблюденіе* мы считаемъ ошибочнымъ и думаемъ, что можетъ итти рѣчь лишь о невоспріятіи, о пропускѣ явленія сознаніемъ. Ненаблюденіе же, по смыслу теоріи самого г. Грота, есть уже ошибка центральной дѣятельности, напр., ненаблюденіе врачемъ температуры больного при діагнозѣ, ненаблюденіе машинистомъ полотна дороги—во время слѣдованія поѣзда и т. д.

рестаетъ жить и дѣйствовать подъ вѣчною властью хотѣній, наконецъ, затемняетъ пріобрѣтенныя знанія расовыми, національными и другими особенностями и упорно отказывается отъ подчиненія объективной требовательности науки [1]).

Приведенными указаніями не исчерпываются, однако же, тѣ данныя, которыя даютъ намъ поводъ сомнѣваться въ основательности упрощенія вопроса о познавательномъ процессѣ, которое мы встрѣтили у г. Грота. Мы укажемъ еще хоть мимоходомъ на замѣчательныя изслѣдованія итальянскаго психолога, Тито Виньоли, которыя также заставляютъ думать, что, кромѣ ненаблюденія, существуютъ еще глубокія внутреннія причины заблужденій,—причины, устраненіе или, вѣрнѣе, подавленіе дѣйствій конхъ есть дѣло продолжительной эволюціи, результатъ трудной дисциплины. Обойти молчаніемъ Виньоли было бы тѣмъ болѣе ошибочно, что ученый этотъ представляетъ собою рѣдкій типъ психолога-экспериментатора и выдается своею оригинальностью. Его книга: «Объ основномъ законѣ разума въ царствѣ животномъ», вышедшая въ 1877 году, обратила на него вниманіе многихъ спеціалистовъ въ Европѣ, а вышедшее черезъ два года затѣмъ сочиненіе «Миѳъ и наука» вошло въ составъ международной научной библіотеки и переведено уже на нѣмецкій и англійскій языки. Мы не можемъ, конечно, останавливаться надъ воззрѣніями Виньоли настолько, насколько они того заслуживаютъ, и скажемъ только, что основная его мысль заключается въ едва ли переводимомъ на русскій языкъ понятіи «энтификаціи», присущей, какъ доказываетъ Виньоли, всему животному царству. Энтификація, по Виньоли, есть такой психологическій процессъ, который служитъ, такъ сказать, подкладкою процесса миѳотворчества и обусловливается чисто самопобудительной (спонтанейной) необходимостью,—процессъ прирожденный, непосредственный, неизбѣжный [2]). Такимъ образомъ, по идеѣ Виньоли, выходитъ, что разумъ, находящійся въ про-

---

[1]) Нелишне привести здѣсь мнѣніе одного психіатра, съ которымъ мы имѣли случай говорить по поводу разсматриваемаго здѣсь вопросъ. Можно признать безошибочность дѣятельности центральнаго органа въ здоровомъ организмѣ и въ то же время допустить несомнѣнность существованія расовыхъ, національныхъ, сословныхъ и т. д. предрасположеній, но непремѣнно подъ условіемъ—считать всѣ эти предрасположенія *патологическими* явленіями.

[2]) Mito e scienza. Saggio per *Tito Vignoli*. Milano. 1879, pp. 134—135.

цессѣ энтификаціи, неизбѣжно заблуждается или, иначе говоря, неизбѣжно подчиняетъ энтификаціи всѣ свои наблюденія. Вѣрно ли это или нѣтъ,—рѣшать не намъ. Мы можемъ сказать только, что нѣсколько строкъ объ идеяхъ Виньоли въ книгѣ г. Грота было бы встрѣтить гораздо пріятнѣе, нежели перечисленіе такихъ книгъ, какъ: Fabricius, Specimen elencticum historiae logicae. Hamb. 1699. Feuerlinus. Diss. de variis modis logicam frodendi. Ienae 1712 и т. п. Хорошо еще, что у насъ нѣтъ спеціалистовъ, которые сказали бы, что г. Гротъ пропустилъ еще одно сочиненіе, вышедшее въ 1698 году, и что тутъ-то, какъ говорятъ нѣмцы, и зарытъ песъ.

Принявъ во вниманіе все вышесказанное, придется, какъ мы полагаемъ, убѣдиться, что вопросъ о мышленіи и познаніи нѣсколько сложнѣе, чѣмъ утверждаетъ то г. Гротъ, и что принятый имъ путь не можетъ привести къ надлежащему его уясненію. Смѣшеніе мышленія и познанія привело г. Грота, какъ мы видѣли, къ нѣкоторымъ противорѣчіямъ и болѣе чѣмъ спорнымъ положеніямъ, и это же смѣшеніе, въ свою очередь, заставило его смѣшать психологію, теорію познанія и логики въ одну науку, которую ему угодно было назвать логикой, но которая все-же-таки по своему содержанію есть *теорія познанія*. Къ ея типу мы и старались еще болѣе приблизить тему г. Грота нашими замѣчаніями, но далеки отъ мысли, что такимъ образомъ склоняли тему эту къ сторонѣ метафизики, какъ можетъ замѣтить намъ, пожалуй, читатель, знакомый съ книгой г. Грота, и узнавшій изъ нея, что теорія познанія есть наука полуметафизическаго характера [1]). Отвѣчая на такое весьма возможное замѣчаніе, мы не станемъ останавливаться на томъ, что самъ г. Гротъ въ другомъ мѣстѣ называетъ свою теорію именно теоріей познанія [2]), а попросимъ только указать намъ метафизическія черты въ теоріи познанія Геринга, какъ она изложена въ его «Системѣ критической философіи». По нашему мнѣнію, г. Гротъ

---

[1]) Что она можетъ быть метафизичною и бываетъ такою нерѣдко, объ этомъ не можетъ быть спора; но какой же отрасли знанія нельзя придать метафизическаго характера? Иной вопросъ, неизбѣжна ли ея метафизичность? Какъ сводъ матеріала, см. «Il nuovo realismo contemporaneo della Teorica della conoscenza in Germania ed Inghilterra, studo critico di Giovanni Casca. 1883». Тутъ достойны вниманія первыя три части; послѣднюю же «Conclusione» можно, пожалуй, и не читать.

[2]) См. стр. 13 и 221.

много потерялъ, игнорируя это сочиненіе. Одна глава о различіи знанія и пониманія дала бы ему болѣе типическихъ чертъ для характеристики познанія, чѣмъ цѣлая масса его стертыхъ подраздѣленій и переподраздѣленій. Мы не станемъ, впрочемъ, настаивать на этой мысли или развивать ее. Очередь такой задачѣ придетъ тогда, когда явится популярное изложеніе сочиненія г. Грота, а теперь мы и то занимались имъ слишкомъ уже долго, и пора кончить.

Какъ? скажетъ опять читатель, ознакомившійся хотя бы съ обстоятельнымъ оглавленіемъ книги;—какъ? вы хотите уже кончать, не сказавъ ни слова ни по вопросу о сведеніи всѣхъ умственныхъ процессовъ къ ассоціаціи, диссоціаціи, дизассоціаціи, интеграціи, дезинтеграціи и т. д., ни по вопросу критики основныхъ законовъ мышленія? Пощадите, отвѣтимъ мы, вѣдь пришлось бы написать еще столько же, сколько нами написано; надо оставить что-нибудь и спеціалистамъ: они вѣдь только и могутъ быть судьями такихъ гипотезъ, какія изложены, напримѣръ, на стр. 147, а мы довольствуемся малымъ, да и то боимся злоупотребить терпѣніемъ читателя. Еще разъ напоминаемъ, что мы пишемъ не критику, а лишь рядъ замѣтокъ, и что поэтому съ насъ и требовать нельзя разсмотрѣнія всѣхъ безъ исключенія вопросовъ, обсуждаемыхъ въ довольно обширномъ трудѣ г. Грота.

Заканчивая наши замѣтки, мы считаемъ себя обязанными сказать, что, несмотря на всѣ несогласія наши съ почтеннымъ авторомъ, мы высоко цѣнимъ, однако же, научное направленіе его труда и искренно желаемъ ему полнаго и блистательнаго успѣха въ борьбѣ съ умопомрачающею и жизнеубивающею метафизикою. Уже при чтеніи его первой работы мы радовались появленію новаго врага того направленія, которое отклоняетъ мысль отъ плодотворной дѣятельности и устремляетъ ее въ область безпечальнаго созерцанія и утомительно безплодной любознательности. Въ своей новой книгѣ, и особенно въ рѣчи, произнесенной на диспутѣ, г. Гротъ, заодно съ метафизикой, стремится уже исключить изъ области наукъ и философію. Объ этомъ вопросѣ мы надѣемся поговорить еще особо, а теперь скажемъ только, что если г. Гроту удастся убѣдить насъ,—мы съ удовольствіемъ занесемъ въ лѣтописи литературы нашей не очень-то часто встрѣчающееся въ ней нарожденіе новой истины, и, чествуя ее, съумѣемъ побѣдить то горькое чувство, которое можетъ быть вы-

звано исчезновеніемъ изъ храма науки такого дорогого намъ кумира, какъ философія.

Мы очень хорошо понимаемъ, что стать на вѣрный путь еще не значитъ пріобрѣсти вѣрную гарантію для достиженія цѣли. И на вѣрномъ пути можно спотыкаться, падать, останавливаться. Но и одно ужъ избраніе вѣрнаго, т.-е., въ данномъ случаѣ, научнаго пути въ такихъ областяхъ, гдѣ еще очень и очень распоряжается метафизика, все-же-таки не малая заслуга,—заслуга, которую мы весьма цѣнимъ въ трудѣ г. Грота. Мы бы желали, чтобы на трудъ этотъ было обращено серьезное вниманіе всякаго, принимающаго къ сердцу успѣхи такихъ важныхъ отраслей знанія, какъ психологія и логика. Отъ этихъ успѣховъ много зависитъ ослабленіе безплоднаго вниманія въ области безпочвенныхъ умозрѣній, которымъ мы отъ всего сердца желаемъ наступленія сколь возможно скораго конца.

Переходя къ вопросу объ исполненіи сочиненія г. Грота, несомнѣнно прекрасно задуманнаго, и не возвращаясь болѣе къ тѣмъ сторонамъ его, по поводу которыхъ мы имѣли случай сдѣлать наши замѣчанія, скажемъ, что объ оригинальности общаго плана—оригинальности, которой авторъ придаетъ особенно важное значеніе—мы не выскажемся вовсе. Съ одной стороны для насъ, обыкновенныхъ читателей, не мечтающихъ никогда даже и о совѣщательномъ голосѣ въ средѣ спеціалистовъ, вопросъ этотъ лишенъ всякаго интереса и даже нѣсколько напоминаетъ препирательство о томъ, кто первый сказалъ «э!». Съ другой стороны, чтобы отвѣчать на него, необходимо было писать критическую статью, охватывающую всѣ вопросы сочиненія и во всей ихъ полнотѣ, на что у насъ нѣтъ ни времени, ни матеріаловъ. Очень возможно и очень вѣроятно, что спеціалисты вполнѣ признаютъ несомнѣнность общей оригинальности труда г. Грота, и мы, само собою разумѣется, и не подумаемъ выражать, съ нашей стороны, какія бы то ни было сомнѣнія по этому поводу. Намъ думается только, что, такъ какъ произведеніе г. Грота не есть произведеніе художественное, то не важнѣе ли, при разсмотрѣніи вопроса объ оригинальности, рѣшить, въ какой мѣрѣ оригинальны тѣ отдѣльные главные тезисы, изъ которыхъ оно построено. Мы искренно желаемъ, чтобы такого рода критики дали въ результатѣ несомнѣнную увѣренность въ томъ, что въ книгѣ г. Грота много новаго и много хорошаго, и что все новое въ ней хорошо, а хорошее—ново.

Въ заключеніе мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о формѣ сочиненія, съ содержаніемъ котораго мы успѣли нѣсколько познакомить читателя при посредствѣ нашихъ замѣтокъ. Нечего и говорить послѣ того, что уже извѣстно, что общедоступности формы странно было бы и ожидать. Сочиненіе написано для спеціалистовъ, и читатель былъ своевременно предувѣдомленъ, что изложеніе будетъ сухо и лаконично. Таково оно и есть на самомъ дѣлѣ, хотя, при внимательномъ чтеніи, и обыкновенный читатель даже не можетъ встрѣтить ничего совершенно недоступнаго его разумѣнію. Съ перваго взгляда его поразятъ, пожалуй, формулы алгебраическаго характера, своеобразные знаки, графическія схемы, но, присмотрѣвшись ближе, онъ увидитъ, что весь этотъ сложный аппаратъ сводится только къ мудреной внѣшности весьма простыхъ вещей. Алгебраическія формулы, повторяя на иной ладъ сказанное въ текстѣ и не приводя къ такъ называемымъ алгориѳмическимъ дѣйствіямъ (Determination, Summation, Negation [1])), могли бы съ успѣхомъ и не испещрять страницъ книги и, ограничивъ ея объемъ, оказать читателю важную услугу; своеобразные знаки могли бы уйти вслѣдъ за формулами, такъ какъ опять-таки, безъ изложенія теоріи алгориѳма и безъ его приложенія, надобности въ нихъ нѣтъ; и, наконецъ, графическія схемы, способныя напугать неопытнаго читателя, покажутся даже и ему совсѣмъ излишнимъ балластомъ, если онъ примется за чтеніе книги, такъ какъ онѣ весьма досадливо пережевываютъ всякія азбучности. Какихъ такихъ спеціалистовъ имѣлъ въ виду авторъ—и понять трудно. Серьезный разсчетъ могъ быть только относительно г. Страхова, если и его счесть спеціалистомъ, а другіе, пожалуй, только плечами будутъ пожимать, когда наткнутся на толкованіе интеграціи и дифференціаціи съ чертежиками и въ тонѣ «Родного слова».

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи г. Гротъ такъ мало щадитъ спеціалистовъ, что подчасъ за нихъ стыдно становится. Просмотрѣвъ, напримѣръ, примѣры предложеній на стр. 136—138 и натыкаясь на оговорку, что примѣры эти взяты, «по возможности, изъ дѣйствительнаго міра, чтобы предложенія были какъ можно проще по своему составу», спрашиваемъ съ удивленіемъ, для кого же это писано? Кто эти убогіе и нищіе духомъ, для

---

[1]) По Вундту. См. его «Logik. Eine Untersuchung der Principien der Erkenntniss». 1880. I. Band viertes Capitel.

которыхъ все это жуется и пережевывается? Подобные же вопросы навертываются, напримѣръ, и тогда, когда авторъ начинаетъ вдалбливать своимъ спеціалистамъ различіе науки отъ теоріи искусства, и во многихъ другихъ мѣстахъ... Но верхъ удивленія постигаетъ читателя, когда, по поводу самой простѣйшей мысли, авторъ начинаетъ доканывать спеціалиста примѣрами. Всякій разсказъ и пересказъ окажется тутъ слабымъ и блѣднымъ, и поэтому мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшую выписку: «положимъ,—говорится здѣсь:—мы сидимъ въ концертѣ, довольно далеко отъ сцены, да къ тому же отличаемся близорукостью и не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о различіи струнныхъ инструментовъ: вышелъ артистъ, мелькнулъ въ воздухѣ какой-то коричневый предметъ, и полились звуки: ощущеніе извѣстнаго цвѣта и ощущеніе какой-то неопредѣленной формы ассоціировалось въ нашемъ умѣ съ извѣстнымъ преемствомъ звуковыхъ ощущеній, и больше ничего. Но вотъ въ антрактѣ мы случайно встрѣчаемъ въ коридорѣ носъ къ носу артиста съ его инструментомъ, бесѣдующаго съ какимъ-нибудь любителемъ изъ публики. Мы подходимъ поближе, становимся въ сторонку и разсматриваемъ инструментъ: скрипку мы немного знаемъ, віолончель тоже; но это ни то, ни другое,—больше скрипки, но, меньше віолончели. Собесѣдники упоминаютъ часто объ альтѣ, кивая на данный инструментъ; ощущенія цвѣта, формы, величины становятся опредѣленнѣе и ассоціируются полнѣе, ассоціируются они и съ суммою ощущеній отъ слышанныхъ ранѣе звуковъ, ассоціируются наконецъ и съ именемъ, случайно нами услышаннымъ,—и въ результатѣ является интегрированное цѣлое, новое для насъ представленіе объ альтѣ, какъ особомъ инструментѣ. Ничего, кромѣ ассоціацій, въ этомъ случаѣ не было; но онѣ совершили извѣстный кругъ—и получилась интеграція». Возьмемъ другой примѣръ: «ребенокъ видитъ постоянно въ своей дѣтской предметъ съ четырьмя ножками, на которомъ онъ играетъ въ игрушки: ему говорятъ, что это столъ; посреди столовой стоитъ предметъ гораздо больше, овальной формы, съ шестью ножками, и про него говорятъ ему тоже, что это столъ: происходитъ ассоціація по сходству; въ гостиной стоитъ предметъ, состоящій изъ круглой доски, покрытый скатертью, съ одной ногою, внизу раздѣляющейся на три ножки: опять, говорятъ, столъ,—новая ассоціація; у отца въ кабинетѣ большая масса безъ ножекъ, покрытая зеленымъ сукномъ и въ серединѣ подъ

доской имѣющая пустоту,—опять «столъ»,—еще ассоціація. Такъ какъ эти формы постоянно повторяются и въ другихъ комнатахъ, и въ другихъ квартирахъ, то всѣ частныя представленія ассоціируются другъ съ другомъ наконецъ совершенно прочно и окончательно, и является общее представленіе о столѣ, т.-е. новое интегрированное цѣлое. Очевидно, и тутъ опять нѣтъ ничего, кромѣ ассоціацій, но прошедшихъ извѣстный кругъ: представленіе *a* ассоціировалось съ представленіямъ *b*, *b* съ *c*, *c* съ *d* и *d* опять съ *a*,—кругъ закончился и рядъ ассоціацій привелъ къ интеграціи: явилось новое цѣлое—N» (стр. 99).

Поистинѣ удивительный тонъ такого рода изложенія тѣмъ болѣе неожиданъ, что авторъ успѣлъ уже ранѣе заявить о своихъ тенденціяхъ, не имѣющихъ съ такимъ тономъ ничего общаго. Еще въ своей «Психологіи чувствованій», разбирая вопросъ о научной терминологіи, онъ обнаружилъ нежеланіе спускаться до толпы и полную рѣшимость замкнуться въ своего рода академическомъ величіи. Не желая знать, что злоба дня заключается въ доступности научныхъ знаній для массъ, забывая, въ коей мѣрѣ форма можетъ способствовать или препятствовать этой доступности, авторъ, увлеченный лишь заботою о выработкѣ «единой и для всѣхъ языковъ обязательной научной терминологіи» и проникнутый вѣрою въ неизбѣжность наступленія этого единства, отвергаетъ всякое значеніе общепонятной терминологіи и отстаиваетъ абракадабру, понятную лишь для однихъ ученыхъ. По его мнѣнію, даже такія слова, какъ «памятованіе» и «забвеніе» должны исчезнуть изъ психологіи и замѣниться словами «аккумуляція» и «эвакуація». Онъ увѣряетъ, что во всѣхъ точныхъ наукахъ такая терминологія уже выработана и несомнѣнно содѣйствуетъ обмѣну мыслей, *распространенію* знаній и успѣхамъ этихъ наукъ. Такъ ли это? Пусть скажутъ математики, физики, химики, біологи. Ужели Дарвинъ, если бы онъ раздѣлялъ мнѣніе г. Грота, не могъ бы придумать латинскаго или греческаго термина, вмѣсто общедоступной его «Struggle for life» и др. Неужели, вмѣсто выраженія «единство силъ», надо ввести опять-таки всемірный терминъ классическаго происхожденія? Ужели у народа, у обыкновенныхъ читателей и всякаго такого люда больше досуга, больше средствъ, больше всякаго рода возможностей, чѣмъ у ученыхъ, у спеціалистовъ, только и имѣющихъ одну заботу—свою спеціальность? И все это ради какой-то будущей науки, которой не дождутся и внуки

нашихъ внуковъ, которую будутъ разрабатывать, надо полагать, не лишенные твердой памяти, не слабоумные какіе-нибудь, и которая все-же-таки будетъ излагаться на народныхъ языкахъ, пока существуютъ народы, если только,—само собою разумѣется,—чрезъ мѣру усердствующіе ученые вновь не обратятся къ латинскому языку и не скроются отъ нашихъ глазъ въ его глубинахъ. Намъ остается одна только надежда на ихъ непослѣдовательность и, можно полагать, что эта надежда не обманетъ насъ.

Полтава, 1883.
«Этюды и Очерки».

НЕРВНО-ПСИХОПАТИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ.

Когда въ нашемъ образованномъ обществѣ заходитъ рѣчь о фактѣ для него новомъ, непонятномъ, съ перваго взгляда необъяснимомъ, да можетъ быть и вообще не легко объяснимомъ, то возникаютъ тотъ же часъ два противоположныя мнѣнія, обнаруживающія два умственныхъ типа. Приходитъ вѣсть, напримѣръ, что столъ можетъ двигаться и подыматься при наложеніи на него рукъ; для однихъ фактъ этотъ, требующій, конечно, повѣрки, какъ и всякій другой, не представится, однако жъ, противорѣчащимъ установленной наукою всеобщей закономѣрности естественныхъ явленій, и если и будетъ наблюдаться, то только именно съ точки зрѣнія самой закономѣрности. Для другихъ сразу явится объясненіе, уносящее мысль за предѣлы научнаго опыта въ міръ, недоступный наблюденію, въ міръ сверхъестественный; пойдетъ рѣчь о медіумахъ, духахъ и всякаго рода таинственныхъ силахъ, о которыхъ можно разговаривать сколько угодно, но знать которыя совершенно невозможно. Если припомнить при этомъ, что распространеніе естественнонаучныхъ знаній у насъ очень скудно, что самыя простыя явленія иллюзій, самыя обыкновенныя галлюцинаціи могутъ представляться неслыханными, новыми и непонятными, то станетъ очевидно, до какой степени много имѣется у насъ поводовъ къ пустопорожнему мечтанію, и какая богатая почва всегда готова для спиритизма и т. п. бредней. Бредни эти, при поддержкѣ со стороны людей болѣзненной организаціи, предрасполагающей къ фантастикѣ, могутъ разростись и принять такія псевдонаучныя формы, что для подростающаго поколѣнія создается серьезное орудіе умопомраченія и вообще слагаются условія, крайне неблагопріятствующія умственному прогрессу. Можно сказать, что если бы при такихъ условіяхъ было сдѣлано из-

вѣстное наблюденіе Гальвани надъ безпричиннымъ съ перваго взгляда сокращеніемъ мышцъ мертвой лягушки, то вмѣсто геніальнаго открытія динамическаго электричества получилось бы какое-нибудь дикое мистическое ученіе—новая преграда истинному просвѣщенію. Ко всему этому присоединяется погоня за наживой, которая спѣшитъ эксплоатировать суевѣріе, старается выжать сокъ изъ болѣзненныхъ субъектовъ и своими сеансами и рекламами не мало способствуетъ ухудшенію и безъ того уже безотраднаго положенія доброй половины нашего «образованнаго» общества. Безотрадное это положеніе должно, конечно, дѣйствовать возбудительно на тѣхъ, которые не могутъ быть причислены къ его жертвамъ. Люди этого типа—типа здороваго, или, пожалуй, бодраго—должны напрягать всѣ усилія для исцѣленія и ободренія противоположнаго имъ типа—типа болѣзненнаго или, пожалуй, убогаго. Работа эта, какъ то и очевидно, сопряжена съ большими трудностями, полна безчисленныхъ разочарованій, но она далеко не безнадежна. Вотъ, напримѣръ, рѣдкій болѣзненный случай, описанный во 2-й книжкѣ «Архива психіатріи». Рѣдкость этого случая сама собою свидѣтельствуетъ о его малоизвѣстности, а симптомы, имъ представляемые, именно и принадлежатъ къ числу тѣхъ, по поводу которыхъ легко могутъ распространяться въ обществѣ всякія нелѣпости. Излѣчивъ такого рода болѣзнь и публикуя затѣмъ исторію излеченія, врачъ приноситъ обществу двойную пользу: онъ не только возвращаетъ къ нормальной жизни страдающаго человѣка, но еще и предотвращаетъ тѣ бредни, источникомъ которыхъ сдѣлался бы загадочный больной, и сводитъ всю эту загадочность къ факту, лишенному всякой таинственности, факту, который наука не только обслѣдовала, но которымъ она уже вполнѣ овладѣла.

Дѣло идетъ о случаѣ «большой истеріи» или такъ называемой истеро-эпилепсіи, болѣзни, которая получила свою научную разработку въ рукахъ геніальнаго французскаго невролога Шарко въ 1870 году. «До того времени,—говоритъ авторъ статьи г. Пастернацкій—да и въ наши дни, какъ это случается видѣть, напр., у магиковъ или читать въ газетахъ, больными этого рода пользовались, ради своихъ спекулятивныхъ цѣлей, различныхъ видовъ шарлатаны, которые, зная симптомы этой болѣзни и условія ихъ появленія, творятъ надъ этого рода больными въ глазахъ простой публики что-то магическое—чудеса. Да и какъ не удивляться зрителю, когда онъ видитъ, что отъ одного вашего

упорнаго взгляда больной погружается въ глубокій сонъ? Какъ ему не удивляться, когда нажатіе вашей руки на извѣстную точку организма больного даетъ взрывъ ужасныхъ судорогъ, и когда повторное нажатіе на ту же точку, какъ бы по волшебству, прекращаетъ ихъ? Какъ не удивляться, когда больной, во время искусственно вызваннаго вами глубокаго сна, встаетъ по вашему приказанію съ постели, ходитъ, пишетъ, исполняетъ другія ваши распоряженія съ закрытыми глазами? Какъ не удивляться, когда съ приподнятіемъ во время такого сна вѣкъ больного, онъ сохраняетъ самыя трудныя положенія, которыя придаетъ его организму посторонняя рука? Не удивительно ли, наконецъ, когда одного дуновенія вашего въ лицо больного достаточно для прекращенія его глубокаго сна и возвращенія ему полнаго сознанія? Всѣ эти удивительныя и поразительныя явленія удивляютъ и поражаютъ, однако же, только до тѣхъ поръ, пока они не сведены къ настоящимъ ихъ причинамъ и пока, такимъ образомъ, не устранено мистическое и суевѣрное толкованіе. Къ несчастью, для установки вѣрной точки зрѣнія у цѣлой массы русскихъ «образованныхъ» людей нѣтъ именно тѣхъ знаній, которыя необходимы для этого. Ну, что выйдетъ изъ того, если «образованные» такого сорта узнаютъ, что «подробное описаніе большой истеріи можно найти въ объемистой книгѣ P. Richet, вышедшей въ 1881 г. въ свѣтъ, подъ заглавіемъ: «Etudes cliniques sur l'hystero-epilepsie ou grande hysterie»? Книга эта останется для нихъ все-таки недоступной, такъ какъ ни анатоміи, ни физіологіи они не знаютъ. О дѣятельности нервной системы имѣютъ дикое представленіе и по своему умонастроенію всегда болѣе склонны воспринимать мистическую чепуху и спиритическія бредни, чѣмъ научныя объясненія. Но каковы бы ни были «охи», и «ахи» такого рода господъ, имъ придется сложить свое оружіе предъ краснорѣчіемъ того реальнаго факта, что большая истерія не «отчитывается» и не изгоняется какими-нибудь сеансами медіумовъ, а излечивается знающими свое дѣло медиками посредствомъ извѣстнаго систематическаго образа дѣйствія, главную роль въ которомъ играютъ водяные души особеннаго вѣерообразнаго вододѣйствія. Интересный отчетъ о блестящемъ примѣненіи такого лѣченія читатель и найдетъ въ статьѣ г. Пастернацкаго, примѣнившаго полный способъ лѣченія къ тому рѣдкому случаю большой истеріи у мужчины, который встрѣтился ему въ отдѣленіи душевныхъ больныхъ Уяздовскаго госпиталя

въ Варшавѣ. Рекомендуя статью г. Пастернацкаго вниманію нашихъ читателей, мы не можемъ умолчать и о чисто-литературной сторонѣ этой статьи, представляющей образецъ превосходнаго изложенія. Г. Пастернацкій, очевидно, не принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые боятся быть общедоступными и общепонятными, изъ опасенія прослыть не глубокимъ, поверхностнымъ, дилетантомъ. Онъ скорѣе ставитъ себѣ въ заслугу то, что онъ дѣлаетъ и глубину прозрачною, наперекоръ мнѣнію, что «La profondeur n'est jamais limpide». Онъ не только ясенъ и простъ, но еще и большой мастеръ въ искусствѣ передачи своихъ мыслей и знаній. Онъ явно мѣтитъ не на однихъ спеціалистовъ, но и на массу образованныхъ читателей и нисколько не соревнуетъ тѣмъ гелертерамъ, идеалъ которыхъ заключается въ такой абракадабрѣ, которая могла бы быть понятной лишь для нихъ самихъ. Говоря о представителяхъ регрессивныхъ воззрѣній, мы—не въ гнѣвъ будь сказано г.г. обскурантамъ—приблизились къ вопросу о вырожденіи. Вторая книжка «Архива» содержитъ весьма важное и интересное соображеніе по этому вопросу г. Ліона, въ статьѣ о земледѣльческой колоніи для душевно-больныхъ. Останавливаясь надъ всюду замѣчаемымъ грустнымъ фактомъ увеличенія процента психическихъ заболѣваній, г. Ліонъ представляетъ и объясненіе этого явленія и разсуждаетъ по этому поводу слѣдующимъ образомъ: «Въ настоящее время,—говоритъ онъ,—судьба индивидуальной жизни болѣе чѣмъ когда-либо обусловливается степенью развитія и крѣпостью центральной нервной системы, въ частности—передняго мозга. Борьба за существованіе обостряется съ каждымъ днемъ. Отъ мозговой дѣятельности требуется все больше и больше напряженія. Кто не въ состояніи вынести этихъ усилій, чья нервная система недостаточно подготовлена, тотъ гибнетъ. Предупредить роковой исходъ могутъ лишь: хорошее питаніе нервной ткани, возможно при лучшемъ экономическомъ положеніи, методическое воспитаніе ея, достигаемое при лучшихъ педагогическихъ условіяхъ. Не наше дѣло говорить теперь какъ о томъ, такъ и о другомъ. Мы констатируемъ лишь, что какъ питаніе, такъ и воспитаніе нервной системы не соотвѣтствуетъ тѣмъ требованіямъ, которыя ставитъ современная жизнь. Однѣ группы индивидуумовъ встрѣчаютъ слишкомъ много препятствій и должны до-нельзя напрягать свои гангліозные элементы. Ихъ нервная система не выдерживаетъ, перерождается, вырождается. Съ дру-

гой стороны, возрастаетъ число индивидуумовъ, которые не встрѣчаютъ почти никакихъ препятствій. Ихъ «я» лишается, такимъ образомъ, естественнаго импульса къ своему нормальному развитію; оно чахнетъ отъ отсутствія противодѣйствія, оно вырождается.

Вырождаются, слѣдовательно, и тѣ общественные классы, нервная сила которыхъ оказывается ниже уровня современныхъ требованій,—и тѣ, нервные элементы которыхъ не находятъ достаточной пищи для своего оживленія; у этихъ послѣднихъ самое существованіе высшей нервной системы какъ бы теряетъ свое raison d'être. Гармонія между «я» и требованіями внѣшняго міра и въ томъ и въ другомъ случаѣ нарушена. Вотъ почему число психическихъ заболѣваній возрастаетъ съ ужасающей быстротой. Вотъ почему въ настоящее время преобладающей формой являются дегенеративные процессы. Хотя точныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи еще нѣтъ, но мнѣ кажется, что антагонизмъ между соединительно-тканными и нервными элементами возрастаетъ. Число чистыхъ нейрозовъ и психонейрозовъ, сравнительно, уменьшается и теряется въ массѣ дегенеративныхъ формъ, характеризующихся разрастаніемъ соединительной ткани (склерозовъ). Одновременно съ ожесточающей соціальной борьбой разгорается, если позволено такъ выразиться, война анатомическая: между тканью соединительною и тканью нервною. И нервные элементы гибнутъ, и соединительная ткань на ихъ счетъ размножается.

Соединительная ткань грозитъ вытѣснить нервную. Такъ какъ сравнительная анатомія учитъ, что по мѣрѣ восхожденія отъ низшихъ организацій къ высшимъ совершается постепенный приростъ массы нервныхъ элементовъ въ ущербъ количеству соединительной ткани, то нужно заключить, что современныя условія возвращаютъ насъ къ прошлому, къ тѣмъ ступенямъ, которыя наша нервная система уже однажды пережила». Вотъ поистинѣ роковой вопросъ, который стоитъ передъ современнымъ человѣкомъ, горько иронизируя надъ хваленымъ прогрессомъ: телеграфами, телефонами и всѣми пресловутыми чудесами техники. Сегодня мы еще чествуемъ Эдиссоновъ и ликуемъ по поводу ихъ геніальныхъ открытій и изобрѣтеній, а завтра—будемъ ли мы въ состояніи производить не только новыхъ Эдиссоновъ, но даже и такихъ людей, которые теперь считаются заурядными. Вопросъ этотъ приходитъ теперь въ

голову многимъ. Якоби,—о книгѣ котораго мы упоминали въ прежней статьѣ нашей, утверждаетъ, что самыя условія умственнаго подбора являются причинами вырожденія, и авторъ статьи о «человѣкѣ будущаго», въ «The nineteenth Century», недавно помѣщенной въ извлеченіи въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, говоритъ, что если процессъ видимой жизни человѣчества будетъ совершаться при тѣхъ же ненормальныхъ условіяхъ, которыя созданы современной цивилизаціей, то можно съ увѣренностью предсказать, что съ теченіемъ времени человѣкъ превратится въ беззубое, безволосое существо, со слабыми, неспособными къ продолжительной ходьбѣ ногами, лишенное мышечной силы и храбрости, такъ что со временемъ можетъ дойти до того, что даже до крайности развитыя мозговыя способности не обезпечатъ за человѣкомъ побѣды въ борьбѣ съ другими видами животнаго міра. Но, слѣдуя Якоби и г. Ліону, мы должны потерять всякую надежду и на крайнее развитіе мозговыхъ способностей... Очень и очень желательно поэтому, чтобы спеціалисты обратили особенное вниманіе на тѣ наблюденія, которыхъ, по словамъ г. Ліона, еще пока нѣтъ, и чтобы указанные выводы не прошли мимо ушей части общества, способной еще мыслить здраво.

Мы остановились надъ мыслью г. Ліона ради особенно важнаго общаго ея значенія, хотя мысль эта входитъ въ статью почтеннаго автора лишь эпизодически. Что касается самой статьи, то она прочтется съ большимъ интересомъ не одними только спеціалистами, и можетъ быть рекомендована въ особенности вниманію тѣхъ земствъ, у которыхъ не угасла еще окончательно послѣдняя искра живого интереса къ общественнымъ вопросамъ.

Намъ пришлось такъ много бесѣдовать о статьяхъ г.г. Пастернацкаго и Ліона, что теперь поневолѣ мы должны ограничиться лишь краткимъ упоминаніемъ о томъ, что во второй книжкѣ «Архива» заканчивается прекрасная статья г. Фресе и продолженіе почтеннаго труда г-на Фесенко, о которомъ мы уже говорили. Не вдаваясь затѣмъ въ подробности, могущія интересовать лишь спеціалистовъ, мы пожелаемъ въ заключеніе наибольшаго успѣха прекрасному журналу г. Ковалевскаго, достойному сочувствія всѣхъ порядочныхъ людей. Съ будущаго года редакція обѣщаетъ вмѣсто четырехъ книжекъ въ годъ выдавать по шести, и мы надѣемся, что это расширеніе объема дастъ редакціи возможность съ большею полностью выполнить про-

грамму журнала, которая, какъ мы уже и говорили,—обнимаетъ не только спеціальные, но и общіе вопросы, интересные для всѣхъ вообще образованныхъ читателей. Исполненіе этой программы въ первыхъ двухъ книжкахъ показало, что редакція стоитъ на высотѣ своей задачи, что она имѣетъ взглядъ живой и здоровый, и что польза ея дѣятельности для нашего общества несомнѣнна. Пожелаемъ мы, чтобы рутина, лицемѣріе и тупоуміе, противъ которыхъ еще суждено у насъ бороться всякому иниціатору добраго дѣла, были сколь возможно полнѣе устранены съ пути «Архива» энергіею редакціи и сочувствіемъ читателей.

1883. «Заря», № 147.

ОБЛАСТЬ ПСИХОПАТИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ.

Выходъ третьей книжки «Архива психіатріи» дастъ намъ поводъ еще разъ повести рѣчь о явленіяхъ печальнаго міра психопатологіи, и мы дѣлаемъ это тѣмъ съ большею охотою, что обращеніе къ этому міру, вдумываніе въ него, считаемъ въ высшей степени полезнымъ и важнымъ для нашего такъ называемаго «образованнаго общества».

Мы говорили въ нашей послѣдней замѣткѣ («Заря» № 147), что значительная часть нашихъ «образованныхъ людей» лишена всякой подготовки для правильнаго взгляда на болѣзненно-психическія явленія, и указали на нѣкоторыя невыгодныя стороны жизни, обусловливаемыя этимъ фактомъ. Само собою разумѣется, что такого рода вопросы исчерпываются не въ замѣткахъ, даже и не въ статьяхъ, а въ цѣлыхъ трактатахъ или въ цѣломъ рядѣ статей. Не даромъ же вслѣдъ за появленіемъ «Архива» г. Ковалевскаго является «Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи» г. Мержеевскаго. Будемъ надѣяться, что возникновеніе этихъ двухъ журналовъ вызвано дѣйствительною потребностью общества пополнить недостающія ему знанія и обратить наконецъ вниманіе на ту сторону жизни, къ которой вошло уже въ привычку относиться слишкомъ невѣжественно и слишкомъ легкомысленно. Невѣжество и легкомысліе, о которомъ мы говоримъ,—это факты зіяющіе и вопіющіе. Проявленіе ихъ то и дѣло рѣжетъ наши глаза: то мы читаемъ, что даже въ Петербургѣ только половинное число помѣшанныхъ находитъ себѣ помѣщеніе въ больницахъ, а остальные дѣваются неизвѣстно куда,—то мы знаемъ, что больницы оказываются какими-то вертепами, гдѣ гораздо легче здоровому сойти съ ума, нежели больному найти пріютъ или—что уже смѣшно и требовать—излѣченіе. То, наконецъ,—и это всего

ужаснѣе—мы читаемъ и слышимъ, что пути, ведущіе въ дома умалишенныхъ, нисколько не зарастаютъ, а становятся все болѣе и болѣе торными. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ принимаются серьезныя мѣры къ предотвращенію появленія путниковъ на этомъ истинно-скорбномъ пути? И вотъ они являются цѣлыми толпами, толпы эти растутъ, а невѣжество и легкомысліе, что называется, и не моргнетъ. Толпы эти падаютъ на дорогѣ, какъ мухи, или попадаютъ въ больницы, гдѣ вмѣсто психіатровъ правятъ какіе-то вооруженные не познаніями, а палками, Собакевичи... И что же, невѣжество и легкомысліе остаются погруженными въ свои дѣловые интересы, въ которые, какъ пояснилъ еще Гоголь, входитъ и привязываніе бумажки къ хвосту зюзюшки, воображая, что все обстоитъ благополучно! Но раздѣляется ли это мнѣніе тѣми, которые цѣлыми массами выпихиваются съ благополучнаго житейскаго пути на дорогу въ Кирилловское заведеніе? Легкомыслію и невѣжеству потому и особенно легко дѣлать свое дѣло, что они по самой природѣ своей, такъ сказать, прямолинейны, не менѣе преславнаго «Угрюмъ Бурчеева». Возраженія, опроверженія, предостереженія... что все это для нихъ? Оно идетъ мимо, или тамъ гдѣ-то вверху надъ головою, и нисколько ихъ не задѣваетъ. Что имъ до того, что требуютъ поправки въ постановкѣ вопроса о воспитаніи и образованіи, что все вопіетъ о чрезмѣрномъ заостреніи общественной борьбы. Не хотятъ они серьезно подумать о томъ, отчего мы, общество, выдѣляемъ такую массу помѣшанныхъ; не хотятъ понять, почему эта масса годъ отъ году растетъ, не способны уразумѣть, что въ силу «наслѣдственности» все это не пройдетъ даромъ грядущимъ поколѣніямъ; не хотятъ вдуматься въ страшный смыслъ слова «вырожденіе». Но если все это идетъ мимо головъ тѣхъ, которые должны были бы объ этомъ подумать, то въ чемъ же заключается «образованіе» и «просвѣщеніе»? Профессоръ Фрезе останавливается надъ этимъ вопросомъ въ своемъ «Краткомъ курсѣ психіатріи» по поводу мнѣнія, будто бы цивилизація способствуетъ развитію душевныхъ болѣзней, и рѣшаетъ его, конечно, въ пользу цивилизаціи. Но мы думаемъ, что г. профессоръ упустилъ изъ виду, что рядомъ съ цивилизаціей, т.-е. съ «процессомъ возрастающаго развитія, ведущаго насъ къ постоянному сознательному совершенствованію», идетъ псевдоцивилизація, имѣющая весь внѣшній ея обликъ, но внутри представляющая то же содержаніе, тѣ же «повапленные гробы».

Не угодно ли отличить этотъ призракъ отъ дѣйствительности, когда поддѣлка достигла самой высокой степени совершенства! Тутъ и опытный глазъ часто смотритъ и не видитъ! А между тѣмъ не псевдо-цивилизація ли и причиняетъ всѣ указанныя выше бѣдствія? Не есть ли «культурный человѣкъ», такъ ловко и искусно надѣвшій маску цивилизаціи, тотъ истинный носитель невѣжества и легкомыслія, который давно уже занятъ у насъ рытьемъ ямы для себя, своего потомства и своихъ ближнихъ?

Зло, о которомъ мы говоримъ, раскинулось такъ широко и пустило столь глубокіе корни, что стоитъ только присмотрѣться, чтобы видѣть его повсюду, начиная съ ученаго, «считающаго»—по выраженію земляка нашего Гребенки—«складки на плащѣ Александра Македонскаго», и кончая послѣднимъ гранильщикомъ бульвара.

Пословица говоритъ, что отъ тюрьмы да отъ сумы отрекаться нельзя; къ этому можно бы прибавить: а отъ дома сумасшедшихъ и подавно. Это одно даже и въ томъ случаѣ, когда способность мыслить себя на мѣстѣ другого слабо развита—должно заставить насъ относиться къ человѣку, впавшему въ психическую болѣзнь, кротко, участливо, сострадательно. Стоитъ подумать къ тому же еще и о нѣкоторыхъ особенностяхъ причинъ, приводящихъ къ помѣшательству, чтобы сразу видѣть, что состраданіе къ психически больнымъ неизбѣжно должно стоять выше состраданія къ больнымъ вообще. Если психически больной сдѣлается жертвой болѣзни вслѣдствіе нравственныхъ потрясеній, несчастій, ударовъ такъ называемой судьбы, т.-е. сочетанія независящихъ отъ него обстоятельствъ, то болѣзнь его необходимо представляется развязкой болѣе или менѣе тягостной трагедіи или по крайней мѣрѣ драмы, которая часто сама по себѣ не можетъ не трогать насъ; если же помѣшательство явилось какъ результатъ наслѣдственности, то состраданію нашему не можетъ быть и мѣры, такъ какъ передъ нами является ни въ чемъ неповинная жертва несчастій, ошибокъ, а часто невѣжества и легкомыслія отцовъ и даже дѣдовъ. Наслѣдственность, на значеніе которой мы уже указывали, выступаетъ тутъ съ особенною яркостью и обусловливаемое ею вырожденіе и представляетъ именно то грозное явленіе, которое не могутъ не видѣть только слѣпые.

Новая книжка «Архива психіатріи» продолжаетъ иллюстриро-

вать эту общественную изнанку весьма яркими картинами. Новый плачевный примѣръ генеративнаго психоза выведенъ теперь въ прекрасномъ очеркѣ г. Ахшарумова: «Исторія болѣзни дѣвицы М.» «Предлежащая исторія болѣзни,—говоритъ почтенный авторъ,—представляетъ прирожденное патологическое состояніе нравственнаго недоразвитія, родственнаго съ моральнымъ идіотизмомъ, которое съ вырастаніемъ дитяти и развитіемъ организма мало-по-малу принимало видъ смѣшанной формы дегенеративнаго психоза. Мозговое страданіе это представляетъ не малый интересъ по физической крѣпости организма, на которомъ оно развилось, силѣ характера душевно-больной, замѣчательной комбинаціи бреда ипохондрическаго, сомнѣнія, преслѣдованія и величія, и формамъ, въ которыхъ выражались и приводимы были въ исполненіе ея безумныя идеи». Какъ особенно яркія черты той внутренней драмы, которую переживаетъ этотъ несчастный субъектъ, выдаются ея живая сообразительность и «очень сильная работа ея довольно слабаго мозга». Она не довольствуется начальнымъ образованіемъ, ею полученнымъ, ѣдетъ въ Петербургъ, оканчиваетъ тамъ курсъ повивальнаго института, много и усердно читаетъ сочиненія по физіологіи и гигіенѣ, словомъ, всѣми силами карабкается вверхъ; но въ это же самое время законъ наслѣдственности, благодаря коему она несетъ въ себѣ зародышъ психоза, тянетъ ее внизъ, тянетъ и перетягиваетъ. И вотъ, та самая дѣвушка, которая по окончаніи курса «весьма усердно и успѣшно занималась воспитаніемъ дѣтей», въ концѣ концовъ все же таки попадаетъ въ больницу умалишенныхъ и доживаетъ до одного изъ обычныхъ исходовъ помѣшательства — слабоумія.

Но, если больная г-на Ахшарумова представляетъ примѣръ «нравственнаго недоразвитія, родственнаго съ моральнымъ идіотизмомъ, то тутъ же рядомъ, въ 3-й книжкѣ «Архива», мы имѣемъ образчики и полнаго нравственнаго разстройства въ лицѣ «прирожденныхъ преступниковъ» Барре и Лебіэ, и такимъ образомъ получаемъ возможность составить понятіе о различныхъ фазисахъ «нравственнаго помѣшательства». Извращеніе нравственнаго чувства у названныхъ двухъ субъектовъ тѣмъ особенно замѣчательно, что оба они съ значительнымъ умственнымъ развитіемъ и образованіемъ соединяли почти неповрежденною сферу умственной дѣятельности. Послѣ возмутительнаго убійства, сопровождавшагося, «тщательнымъ» разсѣченіемъ трупа на

части съ цѣлью скрыть преступленіе, Лебіэ продолжаетъ свои обычныя занятія—приготовленіе естественно-историческихъ препаратовъ, для чего совершаетъ экскурсію изъ Парижа за червями, лягушками и цвѣтами, и даже находитъ возможность читать публичную лекцію о дарвинизмѣ. О пробужденіи совѣсти, раскаяніи и исправленіи такого рода людей не можетъ быть и рѣчи—это преступники «прирожденные»: они стремятся къ совершенію убійства, истязаній, насилій роковымъ, неотвратимымъ образомъ; склонность къ преступленію заложена у нихъ наслѣдственностью. И до какой степени могутъ доходить аномаліи, порождаемыя этою глубокою, далеко идущею причиною, видно изъ такихъ случаевъ, какъ, напр., желаніе одной дѣвушки отрѣзать кусокъ тѣла у ребенка, къ родителямъ котораго она не питала никакого враждебнаго чувства, или желаніе одной дамы задушить свою собственную маленькую дочь, которую она нѣжно любила (см. Handbuch der Geisteskrankheiten von. H. Schüle).

Но намъ пора и выйти изъ области психопатологическихъ явленій. Мы имѣли уже случай обратить вниманіе читателей на то, что программа журнала г-на Ковалевскаго далеко не такъ узка, какъ можно судить по названію изданія, такъ какъ г. Ковалевскій подъ терминомъ «нейрологіи» разумѣетъ «выясненіе строенія и проявленія нервной жизни въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и тѣхъ условій, при которыхъ она развивается». По этой причинѣ въ журналѣ находятъ себѣ мѣсто статьи не только по психіатріи и психопатологіи, но также и по физіологіи, сравнительной психологіи, химіи, анатоміи и эмбріологіи нервной системы, а также и по антропологіи, исторіи, соціологіи и педагогикѣ. Нельзя сказать, чтобы вышедшими тремя книжками редакціи удалось охватить программу эту во всей ея широтѣ, но справедливо, конечно, что все то немногое, что было дано ею изъ области, лежащей внѣ предѣловъ психіатріи, стояло не ниже даннаго въ этой спеціальной области. Перломъ 3-й книжки въ этомъ отношеніи является, конечно, статья знаменитаго Мейнерта: «Отрывки изъ анатоміи и физіологіи передняго мозга». Благодаря Вундту, имя Мейнерта извѣстно у насъ и неспеціалистамъ, а тѣ, которые читали прекрасный трудъ г. Пастернацкаго, рекомендованный въ 1-й книжкѣ «Архива» (Анатомическія основы ученія о душевныхъ болѣзняхъ) и «Механику душевной дѣятельности» самого Мейнерта, въ переводѣ г. Кандинскаго, имѣютъ еще болѣе широкое и опредѣленное понятіе о заслугахъ этого

ученаго по отношенію къ изученію нервной системы. Всѣ заинтересовавшіеся воззрѣніями Мейнерта бросятся, именно, съ жадностью, на статью его въ «Архивѣ», а тѣмъ, которые этого не сдѣлаютъ, мы посовѣтовали бы сдѣлать непремѣнно, такъ какъ незнакомство съ трудами Мейнерта должно считаться теперь слишкомъ серьезнымъ пробѣломъ въ знаніяхъ. Излагать содержаніе этой статьи даже и вкратцѣ мы, однако же, не станемъ и главнымъ образомъ потому, что говорить о ней, не изложивъ предварительно, хоть въ самыхъ общихъ чертахъ, основныхъ воззрѣній Мейнерта, невозможно. Если же мы коснулись бы основныхъ воззрѣній этого ученаго, то одинъ только вопросъ объ образованіи понятій пространства и времени завелъ бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы газетной статьи.

Упомянемъ въ заключеніе о прекрасной статьѣ г. Фесенко «Странствованіе животныхъ», изложенной, къ сожалѣнію, нѣсколько безпорядочно. Авторъ, очевидно, хотѣлъ непремѣнно дебютировать интереснымъ анекдотомъ о Карлѣ IV и пожертвовалъ этому эффекту стройностью своего этюда, естественнымъ началомъ котораго несомнѣнно должны бы быть общія соображенія о вопросѣ, изложенномъ на стр. 151-й. Редакція снабдила статью г. Фесенко примѣчаніемъ, въ которомъ заявляетъ, что «по ея глубокому убѣжденію, изученіе психической жизни животныхъ, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, должно составить собою тотъ базисъ, на которомъ должны быть основаны научные выводы психологіи человѣка вообще и психіатріи въ частности. Признавая постепенность развитія формъ животныхъ, населяющихъ нашу планету, логически необходимо признать и постепенность развитія функцій тѣхъ или иныхъ органовъ отдѣльныхъ индивидуумовъ животнаго царства. Вотъ почему вполнѣ справедливо то замѣчаніе, что человѣческій организмъ представляетъ собою лишь дальнѣйшее видоизмѣненіе всего того, что присуще организмамъ, ниже его стоящимъ въ ряду постепенно развившихся формъ на нашей планетѣ. Nihil est in humano, quod antea non fuerit in animal».

Читатель, согласный съ изложеннымъ въ этомъ примѣчаніи взглядомъ, съ настоящимъ понятнымъ интересомъ станетъ, конечно, слѣдить за его осуществленіемъ на страницахъ «Архива», и, кромѣ статей оригинальныхъ или компилятивныхъ, которыя могутъ въ немъ появиться на эту тему, онъ можетъ ожидать еще, что редакція дастъ обстоятельныя рецензіи и по явленіямъ

иностранной литературы въ этой области. Въ послѣднее время здѣсь есть за что взяться. Кромѣ сочиненія Романеса, о которомъ мы уже упоминали въ одной изъ нашихъ замѣтокъ, назовемъ Lubbock's «Ants, Bees and Wasps»; Schneider's «Der Thierische Wille» и продолженіе ея—«Der menschliche Wille», а также стоящее особнякомъ, но въ высшей степени достойное вниманія, сочиненіе Tito Vignoli—«Della legge fondamentale dell'intelingenza nel regno animale». Находящееся въ связи съ этимъ послѣднимъ «Mito e Scienza» того же автора входитъ тоже въ программу «Архива» и можетъ служить превосходнѣйшей иллюстраціей взгляда, изложеннаго въ приведенномъ выше примѣчаніи редакціи къ статьѣ г. Фесенко. Можно надѣяться, что расширеніе объема журнала съ будущаго года откроетъ возможность исполненію всѣхъ справедивыхъ ожиданій живо заинтересованныхъ читателей.

1883. «Заря», № 193.

ПЕРВЫЕ ПРОВОЗВѢСТНИКИ СПИРИТИЗМА [1]).

«Я попробую вычистить этотъ скотный дворъ Авгія, если не вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, сколько могу: я наберу нѣсколько корзинъ нечистотъ, которыя позволятъ тебѣ судить о томъ, какое громадное количество навоза могли произвести три тысячи быковъ за нѣсколько лѣтъ».

Лукіанъ. Жизнеопис. Алекс. Абонотейхскаго.

I.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки жили двѣ сестры—Маргарита и Катерина Фоксъ. Въ концѣ 1847 или началѣ 1848 года имъ стали слышаться въ занимаемой квартирѣ необъяснимый шумъ, стукъ и трескъ, усиливавшіеся по ночамъ. Такъ разсказы-

---

1) Факты, о которыхъ я буду упоминать, заимствованы мною изъ слѣдующихъ книгъ:

A. Кардекъ. Спиритизмъ въ самомъ простомъ его выраженіи (русскій переводъ книги: Le spiritisme á sa plus simple expression, напеч. въ Лейпцигѣ).

A. Kardec. Le livre des esprits. 14 édition.

Le même. Qu'est ce que le spiritisme. 8 édition.

J. B. Tissandier. Des sciences occultes et du spiritisme. 1866.

L. Stefanoni. Storia critica della superstizione. 1869.

A. Erdan. La France mystique. 1858.

Morin. Du magnétisme et des sciences occultes. 1860.

B. Диксонъ. Новая Америка. 1868.

M. Perty. Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur. 1861.

вали онѣ сами. Вначалѣ онѣ не знали, какъ отнестись къ этимъ явленіямъ, но потомъ имъ пришло на мысль обратиться къ невидимой силѣ, ихъ производившей, съ вопросомъ: кто ты, живой или мертвецъ? Вслѣдъ за послѣднимъ словомъ послышался отдѣльный стукъ, который былъ принятъ какъ утвердительный отвѣтъ. Такимъ образомъ былъ открытъ новый способъ сношеній съ покойниками и невидимымъ міромъ вообще, посредствомъ устныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, даваемыхъ помощью постукиванья.

Такое открытіе обѣщало извѣстность и деньги. Въ самомъ дѣлѣ, кто не прельстится возможностью поговорить съ милыми сердцу покойниками, о сношеніяхъ съ которыми нельзя было и мечтать? У сестеръ явились блестящія надежды. Но такія надежды въ деревнѣ неисполнимы: жители здѣсь хоть легковѣрны, но небогаты. И вотъ, достопочтенныя сестры переселились въ 1848 году въ одинъ изъ городовъ по сосѣдству съ Рочестеромъ къ старшей сестрѣ. Здѣсь онѣ скоро пріобрѣли громадную извѣстность, особенно же между искренними и послѣдовательными спиритуалистами разныхъ оттѣнковъ. Чудеса, производимыя духами въ ихъ квартирѣ, стали предметомъ всеобщаго любопытства и удивленія. Мѣстный протестантскій пасторъ Гаумондъ написалъ нѣсколько статей, въ которыхъ доказывалъ, что все видѣнное и слышанное имъ у сестеръ Фоксъ несомнѣнно убѣдило его въ возможности сношенія съ духами. Мало-по-малу число вѣрующихъ начало возрастать, и слава сестеръ Фоксъ распространяться по всѣмъ штатамъ. Такой успѣхъ побудилъ предпріимчивыхъ авантюристокъ перенести свою дѣятельность въ С.-Луи, гдѣ дѣятельность эта приняла самые широкіе размѣры.

Въ іюлѣ 1852 года онѣ подвергли себя первому публичному испытанію, которое, по словамъ одной мѣстной газеты, привлекло около 600 зрителей. Такой шагъ вполнѣ соотвѣтствовалъ американскимъ нравамъ и, въ случаѣ успѣха, обѣщалъ наилучшіе результаты. Испытаніе происходило въ одной изъ залъ университета подъ наблюденіемъ особаго комитета, предсѣдательствуемаго деканомъ медицинскаго факультета. Успѣхъ испытанія былъ самый блестящій: духи производили свое характеристическое щелканіе и постукиваніе и давали отвѣты на разные вопросы, даже довольно удачно на вопросы научные. Надо помнить, конечно, что отвѣты заключались только въ знакахъ подтвержденія и отрицанія. Конечнымъ результатомъ испытанія было

обращеніе самого декана въ спириты, чего публика врядъ ли и ожидала.

Послѣдствіемъ такого успѣха «рочестерскихъ барышень» было возникновеніе въ Америкѣ безчисленныхъ имъ подражателей или медіумовъ, какъ ихъ назвали, т.-е. посредниковъ между людьми и духами. Медіумы, въ свою очередь, въ сильной степени способствовали распространенію спиритизма повсемѣстно.

Въ началѣ 1852 года извѣстность сестеръ Фоксъ достигла такихъ размѣровъ и ученіе медіумовъ пріобрѣло такое значеніе, что подъ прошеніемъ, поданнымъ конгрессу и содержащемъ защиту интересовъ новой доктрины, подписалось 400,000 гражданъ. Въ прошеніи этомъ указывалось на различныя гипотезы, помощью которыхъ старались объяснить таинственныя явленія постукиванья и т. п. Далѣе говорилось, что явленія эти обратили на себя всеобщее вниманіе и что дѣйствительность ихъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Затѣмъ, «въ интересахъ человѣчества» просители требовали терпѣливаго, научнаго и глубокаго изслѣдованія указанныхъ ими явленій,—изслѣдованія, отъ котораго они ожидали громадныхъ результатовъ.

Хотя конгрессъ, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтилъ на прошеніе переходомъ къ очереднымъ занятіямъ, тѣмъ не менѣе, прошеніе до извѣстной степени достигло своей цѣли, послуживъ спиритизму какъ могущественное средство пропаганды.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ спиритизмъ былъ одною изъ распространеннѣйшихъ сектъ въ Сѣверной Америкѣ.

II.

Въ разсмотрѣнный нами первый періодъ существованія спиритизма, догматы и культъ этого ученія не были еще достаточно выяснены. Они сложились въ опредѣленныя до извѣстной степени формы позже. Общія черты этого ученія въ эпоху его установленія заключались: въ вѣрѣ въ духовъ и ихъ откровеніе, въ вѣрѣ въ преимущество этого откровенія передъ всѣми предшествующими и, наконецъ, въ вѣрѣ въ медіумовъ или посредниковъ между двумя мірами. Культъ духовъ и вообще способы сношенія съ ними заключался въ приложеніи рукъ къ столу и иногда въ пѣніи нѣкоторыхъ нарочно для того

сочиненныхъ гимновъ. Духи, по увѣренію спиритовъ, проявляли себя постукиваніями, которыя производились или ножками стола, или происходили, какъ казалось присутствующимъ, въ самомъ столѣ. Въ это же время выдѣлились изъ толпы и медіумы. Они были своего рода жрецами этой новой секты; чрезъ нихъ исключительно пошло все откровеніе и имъ обязанъ спиритизмъ всею своею догматическою частью. Медіумы во время вызыванія духовъ часто обнаруживали признаки экстатическаго состоянія. Вообще большая часть ихъ принадлежала въ это время къ числу субъектовъ, подверженныхъ нервнымъ болѣзнямъ; но было не мало и обманщиковъ, прикидывавшихся экстатиками. Медицинскій осмотръ, могшій предотвратить обманъ, не допускался, а потому обманы были нетрудны.

Итакъ, содержаніе спиритскаго ученія выработано медіумами. Изъ какихъ же элементовъ могли они организовать его? Самая сущность этого ученія указываетъ намъ на то, что основы его заимствованы изъ доктринъ спиритуалистическихъ, затѣмъ въ него вошли разнообразнѣйшіе элементы, бывшіе въ распоряженіи медіумовъ, т.-е. масса обрывковъ разныхъ суевѣрій, повѣрій, преданій, заимствованныхъ у мистиковъ и духовидцевъ прежнихъ временъ и т. д. Ко всему этому, медіумы, откровенія которыхъ были всегда безусловно-безконтрольны, присоединили предразсудки современнаго общества, наконецъ, свои личные понятія и взгляды, все то, что они выработали самостоятельно наблюденіемъ, размышленіемъ, жизнью вообще. Спиритизмъ, въ этомъ отношеніи, имѣетъ большую аналогію съ мормонизмомъ, возникшимъ годами двадцатью ранѣе. И мормонизмъ также заимствовалъ свою основную идею у отжившаго міросозерцанія, въ духѣ котораго написаны мормонскія поддѣльныя традиціи и легенды; къ нимъ впослѣдствіи свободное ясновидѣніе пророковъ присоединило новѣйшія идеи и стремленія. Оба ученія представляютъ рѣзкую двойственность. Обоимъ ученіямъ, вслѣдствіе принципа свободнаго и непрерывно-дѣйствующаго откровенія, предстоитъ широкая и неопредѣленная возможность измѣняться, при чемъ каждая изъ половинъ того и другого ученія, сообразно условіямъ времени и мѣста, можетъ измѣняться или равномѣрно съ другою половиною, или ей въ ущербъ. Въ мормонизмѣ, въ эпоху борьбы съ его фанатическими противниками, преобладалъ элементъ мистическій; со времени же перехода на мирные берега Соленаго

озера явный перевѣсъ взялъ элементъ соціально-экономическій. Что же касается спиритизма, то изъ послѣдующаго изложенія будетъ видно, какое направленіе принялъ онъ въ Америкѣ и чѣмъ сталъ, попавъ въ Европу. Не подлежитъ притомъ же сомнѣнію, что разница между американскимъ и европейскимъ спиритизмомъ будетъ годъ отъ году не ослабѣвать, а возрастать.

Сестрамъ Фоксъ, какъ мы уже знаемъ, спиритизмъ внѣшнимъ образомъ обязанъ своимъ существованіемъ. Ошибочно было бы, однако жъ, какъ видно изъ предыдущаго, считать возникновеніе спиритизма случайнымъ. Сестры Фоксъ съ ихъ удивительнымъ даромъ постукиванья, даромъ, объясняемымъ, какъ увидимъ ниже, крайне просто, не успѣли бы ни возбудить такого всеобщаго вниманія, ни подняться выше натуральнаго курьеза, который бы стала, вѣроятно, показывать мѣстная m-me Гебгардъ, если бы въ умахъ современниковъ не бродили готовые элементы, которымъ оставалось только сложиться. Сестры Фоксъ и дали толчокъ именно въ этомъ смыслѣ; спиритизмъ же, какъ ученіе, вышелъ изъ умовъ медіумовъ самостоятельно, т.-е. былъ непосредственнымъ плодомъ ихъ умственнаго строя. Этимъ и объясняется чрезвычайная быстрота, съ которою развилось и распространилось это ученіе. Она удивляетъ всякаго, кто не видитъ связи его, съ одной стороны, со струею мистическихъ идей, идущихъ съ глубокой древности, и съ другой—съ прогрессивными и революціонными идеями, выработавшимися въ современномъ американскомъ обществѣ.

Какъ послѣдній аргументъ въ пользу моего взгляда, я приведу тотъ замѣчательный фактъ, что уличеніе сестеръ Фоксъ въ самомъ нагломъ обманѣ нисколько не помѣшало успѣхамъ спиритизма. Значеніе этихъ первыхъ пророчицъ было въ самомъ дѣлѣ ничтожно въ сравненіи съ тѣми внутренними причинами, которымъ спиритизмъ обязанъ своими успѣхами.

III.

Уличеніе сестеръ Фоксъ въ обманѣ произошло слѣдующимъ образомъ:

Чудесная способность сестеръ производить постукиванье или, вѣрнѣе, щелканье, обратила вниманіе нѣкоего д-ра Флинта, профессора медицины университета въ Буффало. Онъ принялся

съ особенною ревностью за раскрытіе причины этого щелканья. Уже прежде сестры были не разъ посѣщаемы комитетомъ дамъ, которыя тщательно осматривали ихъ платья, но ничего подозрительнаго не нашли. Кромѣ того, стѣны, мебель и все въ домѣ было подвержено изслѣдованію столь же безуспѣшно: нигдѣ не оказалось никакого скрытаго механизма, способнаго производить загадочное щелканье. Все это заставило д-ра Флинта обратить особенное вниманіе на самихъ сестеръ. Наблюденія эти скоро навели его на мысль, что щелканье производится только младшею изъ нихъ: во время сеанса она всегда дѣлала усилія и тщетно старалась скрыть ихъ. Очевидно было также, что усилія эти утомляли ее. Причина несомнѣнно скрывалась въ какой-нибудь аномаліи организма.

Раскрытію тайны помогъ случай. Д-ръ Флинтъ познакомился съ одной дамой, которая могла производить точно такое же щелканье или постукиванье, какъ и младшая Фоксъ. Необыкновенная растяжимость связокъ мускуловъ колѣна позволяла, при помощи напряженія этихъ мускуловъ, производить эти щелканья. Необходимымъ для того условіемъ была потребность твердой точки опоры для ноги.

Легко представить себѣ, сколько шуму сдѣлало это открытіе, сколько споровъ произвело оно между спиритами и ихъ противниками. Сестрамъ не оставалось ничего болѣе, какъ подвергнуть себя испытанію особой комиссіи, состоявшей изъ д-ра Флинта и другихъ медиковъ. На испытаніи этомъ всего прежде произведены были опыты, несомнѣнно доказавшіе, что способностью производить постукиванье обладала только младшая. Затѣмъ ей предложено было обнаружить свою способность, сидя на стулѣ и держа ноги на мягкой подушкѣ. Она не могла. Какъ только подушка была принята, щелканье немедленно возобновилось. Затѣмъ ее попросили сѣсть на диванъ и вытянуть ноги, не опуская ихъ съ дивана. Щелканья не было. Наконецъ, когда во время произведенія щелканья, при обыкновенномъ положеніи на стулѣ, кто-либо изъ членовъ комиссіи прикасался къ колѣнямъ производившей опытъ, щелканье немедленно прекращалось. Испытаніе окончилось полнымъ разоблаченіемъ обмана и совершеннымъ разъясненіемъ загадочнаго явленія.

Успѣхъ спиритизма, какъ и было уже замѣчено, нисколько оттого не пострадалъ.

Нисколько не повредила спиритизму и другая подобная неудача, о которой разсказываетъ Моренъ.

Въ 1857 году нѣкоторые жители Бостона объявили въ газетахъ, что предлагаютъ премію въ 500 долларовъ всякому, кто въ присутствіи профессоровъ университета произведетъ нѣсколько опытовъ, изъ числа тѣхъ, которые, по словамъ спиритовъ, такъ легко дѣлаются ежедневно при помощи медіумовъ. Вызовъ былъ принятъ нѣкіимъ докторомъ Гарднеромъ и другими лицами, хвалившимися своими сношеніями съ духами, въ томъ числѣ и сестрами Фоксъ. Конкуренты собирались нѣсколько разъ къ ряду безуспѣшно. Ученая комиссія пришла, наконецъ, къ тому заключенію, что «такъ какъ д-ру Гарднеру не удалось представить ей такого медіума, который могъ бы угадать слово, написанное внутри книги, или произвести звуки фортепіано, не прикасаясь къ нему, или сдвинуть столъ, не трогая его руками, который, наконецъ, могъ бы произвести передъ глазами комиссіи какое-либо явленіе, могущее считаться равнозначущимъ предыдущимъ при самомъ широкомъ и снисходительномъ толкованіи его, опредѣляетъ, что никто изъ состязавшихся не пріобрѣлъ права на полученіе преміи въ 500 долларовъ».

Но шарлатанство сестеръ Фоксъ, д-ра Гарднера и т. п. весьма слабо сравнительно съ шарлатанствомъ медіумовъ, избравшихъ медицинскую практику или, какъ выражаются иногда спириты, занимающихся исцѣленіемъ страждущихъ. Бо̀льшая часть американскихъ медіумовъ считаетъ себя одаренными способностью избавлять отъ болѣзней наложеніемъ рукъ. Въ ихъ органѣ «Знамя Свѣта» постоянно печатаются объявленія, «что такой-то, или еще чаще, такая-то излѣчиваютъ всякія болѣзни при посредствѣ духовъ, за извѣстную плату». Въ этихъ объявленіяхъ очень часто говорится, что цѣлительная сила медіума вполнѣ испытана или медіумъ заявляетъ о себѣ какъ объ испытанномъ, дѣловомъ, ясновидящемъ и т. д. Другія объявленія отличаются темнотой и разсчитаны на извѣстный эффектъ. Такъ, напримѣръ, говорится о «положительныхъ и отрицательныхъ порошкахъ», какъ о «великомъ спиритическомъ средствѣ», или дѣлается предложеніе паціентамъ обращаться къ медіуму письменно, вкладывая въ письмо прядь волосъ, почтовую марку и долларъ, или какой-то «электрическій, магнетическій, излѣчивающій и усовершенствованный медіумъ»

объявляетъ, что «лѣчитъ одинаково душу и тѣло»; наконецъ, есть и такіе медіумы, которые предлагаютъ излѣчивать недуги, «втягивая ихъ въ себя» на какомъ угодно разстояніи за 10 долларовъ.

У медіумовъ-обманщиковъ эксплуатація кармана ближняго доходитъ, какъ видно изъ этого, до геркулесовскихъ столбовъ шарлатанства; у искреннихъ же, самообольщенныхъ медіумовъ увлеченіе спиритскимъ ученіемъ оканчивается умопомѣшательствомъ. Это другая печальная сторона спиритизма. Американская пресса стала обращать на то вниманіе съ первыхъ годовъ успѣха спиритизма. «Courrier and Inquirer», «Herald», «Boston-Pilot» и другіе журналы стали постоянно указывать на повторяющіеся случаи помѣшательства въ средѣ спиритовъ. Послѣдній изъ названныхъ журналовъ говоритъ объ этомъ, между прочимъ, слѣдующее: «Бо́льшая часть медіумовъ обыкновенно дѣлается неистовыми, идіотами, полуумными и безсмысленными, что случается также и съ ихъ поклонниками. Не проходитъ недѣли безъ того, чтобы кто-нибудь изъ этихъ несчастныхъ не лишилъ себя жизни или не лишился разсудка». По словамъ Стефанони, который ссылается на «Ami des Sciences», домъ умалишенныхъ въ Бостонѣ, въ теченіе девяти лѣтъ, а именно отъ 1848 до 1859 года, далъ пріютъ 54 больнымъ, помѣшавшимся на спиритизмѣ. Другихъ статистическихъ данныхъ у меня, къ сожалѣнію, не имѣется.

IV.

Никакія неудачи не помѣшали, однако же, спиритизму дѣлать самые быстрые и рѣшительные успѣхи.

Начиная съ шестидесятыхъ годовъ, спиритизмъ, какъ было уже замѣчено, становится одною изъ самыхъ видныхъ религіозныхъ сектъ въ Сѣверной Америкѣ. Въ 1866 году всѣхъ спиритовъ въ Америкѣ было, по Диксону, 3 милліона. Перти говоритъ, что еще ранѣе, а именно въ шестидесятомъ году, ихъ было уже 4 милліона. Это, конечно, мало вѣроятно. Спиритская литература принимаетъ чрезвычайные размѣры. Въ 1860 г. существовало уже 20 повременныхъ изданій, изъ нихъ бостонское «Знамя Свѣта» (Banner of Light) имѣло болѣе 30-ти тысячъ подписчиковъ. Большою извѣстностью пользовался также

и «Ново-Орлеанскій Спиритуалистъ» (Spiritualiste de la Nouvelle-Orleans). Отдѣльныя сочиненія медіумовъ продавались во множествѣ и нѣкоторыя расходились въ нѣсколькихъ изданіяхъ, по 10-ти тысячъ экземпляровъ каждое. Публичныя лекціи о спиритизмѣ и спиритскіе митинги имѣли также большой успѣхъ. Немаловажная перемѣна послѣдовала и въ формѣ сношеній медіумовъ съ невидимымъ міромъ: медіумы перестали садиться вокругъ стола и класть на него руки, какъ это было принято вначалѣ, а стали записывать откровенія духовъ, точно такъ же, какъ обыкновенные смертные записываютъ свои собственныя мысли. Наконецъ, въ 1864 году положено было начало спиритскимъ конгрессамъ первымъ конгрессомъ въ Чикаго. На конгрессахъ стали разсматривать капитальные вопросы спиритизма и, такимъ образомъ, руководить дѣятельностью медіумовъ, разсыпанныхъ по Америкѣ. Здѣсь же дѣлались разныя заявленія, происходилъ обмѣнъ мыслей, разсматривались предположенія. Ничто не можетъ, по этой причинѣ, въ такой мѣрѣ характеризовать спиритизмъ, какъ конгрессы. На конгрессѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивалась вся внутренняя и внѣшняя жизнь спиритизма. Здѣсь можно было видѣть всѣхъ его знаменитостей, всѣхъ главныхъ дѣятелей. Здѣсь можно было наблюдать нравы медіумовъ и ближе и лучше, чѣмъ гдѣ-либо, знакомиться съ характеромъ спиритовъ вообще.

Съ однимъ изъ этихъ конгрессовъ, а именно съ тѣмъ, который собирался въ Провиденсѣ въ 1866 году, знакомитъ насъ Диксонъ. Онъ говоритъ, что «спокойные наблюдатели со стороны были особенно поражены дикимъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лицъ энтузіастовъ, собравшихся на конгрессъ. Ихъ глаза какъ-то неестественно блистали, ихъ лица были какъ-то неестественно блѣдны. Многіе изъ нихъ накладывали другъ на друга руки. Почти всѣ мужчины имѣли длинные волосы, почти всѣ женщины были коротко обстрижены» (стр. 276). Во время преній, ораторы обращались не только къ присутствовавшимъ депутатамъ, но и къ невидимымъ представителямъ міра духовъ, витавшихъ, по глубокому убѣжденію собравшихся, въ залѣ и стоявшихъ въ дверяхъ. «Не на васъ однихъ надѣемся мы въ отношеніи совѣта, вдохновенія и небесной гармоніи,—сказалъ одинъ изъ ораторовъ, обращаясь къ депутатамъ:—наша конгрегація превосходитъ число видимыхъ ея членовъ. Другіе, кромѣ насъ, стоятъ въ этихъ дверяхъ,—тѣ,

которые были въ давніе вѣка свѣточами человѣчества, тѣ, которые безстрашно приняли мученическій вѣнецъ въ своей земной жизни за преданность истинѣ. Эти достолюбезные люди мудрости и добра прошлыхъ вѣковъ и недавняго времени выкажутъ свое сочувствіе, осчастливятъ своимъ присутствіемъ многочисленнѣйшее на этомъ континентѣ собраніе людей, которые познаютъ ихъ дѣйствительное присутствіе и силу. Мы привѣтствуемъ этихъ небесныхъ представителей, какъ и васъ».

Заявленія, сдѣланныя на этомъ конгрессѣ, весьма характеристичны; но чтобы видѣть ихъ въ настоящемъ свѣтѣ, необходимо познакомиться съ воззрѣніями, высказанными на предыдущемъ филадельфійскомъ конгрессѣ, бывшемъ въ 1865 году.

Филадельфійскій конгрессъ изложилъ свое «profession de foi» въ торжественномъ посланіи «по всѣмъ народамъ земного шара». Переводъ этого посланія помѣщенъ у Стефанони.

«Спиритизмъ,—говоритъ посланіе,—есть религія и вмѣстѣ съ тѣмъ философія, основанная на фактахъ. Въ этомъ отношеніи спиритизмъ отличается отъ всѣхъ другихъ религій, полагающихъ основаніе свое въ вѣрѣ. Мы, какъ спиритуалисты, уважаемъ вѣрованія человѣчества, но противополагаемъ имъ факты, обнаруженные природой и богомъ природы». Далѣе говорится о фактахъ, извѣстныхъ уже читателю изъ разсказа о сестрахъ Фоксъ, и затѣмъ, посланіе продолжаетъ: «Чтобы принести пользу тѣмъ, которые или по недостатку доброй воли, или по неимѣнію благопріятнаго случая, не ознакомились еще съ новымъ ученіемъ, мы и намѣрены изложить его вкратцѣ». Всего прежде посланіе заявляетъ, что «люди науки пришли къ согласію по вопросу объясненія таинственныхъ явленій, посредствомъ указанія на духовъ, какъ на причину ихъ. Духи эти воплощались и жили прежде на землѣ, послѣ смерти же не удалились съ поприща своей дѣятельности». Этою дѣятельностью духовъ посланіе объясняетъ всѣ удивительныя способности медіумовъ и, между прочимъ, и даръ исцѣленія. Сказавъ затѣмъ о необходимости изучать всѣ формы проявленія чудесной силы духовъ, посланіе говоритъ, что оно не намѣрено представлять результаты этого изученія, какъ догматы вѣры или какъ выраженіе абсолютнаго убѣжденія всѣхъ спиритовъ, но только какъ общія истины религіи и философіи спиритизма. Не останавливаясь надъ неопредѣленностью мыслей, неопредѣленностью, всегда и вездѣ сопутствующею всякое спиритское

изложеніе и разсужденіе, взглянемъ, вмѣстѣ съ посланіемъ, на эти общія истины.

«Мыслители всего свѣта,—говоритъ оно:—ищутъ для безсмертія души доказательствъ болѣе осязательныхъ, чѣмъ тѣ, которыя преподаются намъ современными религіями. Мы скажемъ въ нѣсколькихъ словахъ о томъ, что можетъ совершить здѣсь спиритизмъ на благо человѣчества:

«Спиритизмъ, въ своей философіи, отвергаетъ супра-натуральное въ явленіяхъ и утверждаетъ, что явленія происходятъ на основаніи законовъ естественныхъ, существовавшихъ уже и въ прежнія времена, но только въ настоящее время открытыхъ разуму человѣческому. Спиритизмъ доказываетъ безсмертіе души, никогда прежде не считавшееся доказаннымъ и бывшее только одною гипотезою». Тщетно, однако, читатель будетъ искать въ посланіи самого доказательства. Авторы посланія, какъ бы не замѣчая этого затрудненія, считаютъ его блистательно разрѣшеннымъ и переходятъ, не безъ торжественности, къ заключительнымъ словамъ о спиритизмѣ. «Спиритизмъ представляется намъ,—говорится здѣсь:—какъ религія, согласная съ законами природы, лишенная догматовъ и положеній, принимаемыхъ на вѣру, какъ религія, отвергающая формы духа сектъ (?) и принимающая истины всѣхъ временъ (?). Спиритизмъ,—говоритъ далѣе посланіе:—разсматриваетъ развитіе человѣческаго духа, какъ высшее выраженіе божественной гармоніи. Онъ ставитъ себѣ цѣлью усовершенствованіе человѣчества и установленіе религіи естественной, истинной и возвышенной. Въ Творцѣ видитъ онъ отца и мать и проповѣдуетъ братство всѣхъ людей. Онъ стремится къ освобожденію человѣка отъ духовнаго рабства—слѣдствія невѣжества и заблужденій, не менѣе, чѣмъ отъ рабства матеріальнаго. Онъ установляетъ вѣру въ будущее существованіе души, какъ абсолютную достовѣрность, и разрушаетъ страхъ смерти, посредствомъ раскрытія законовъ жизни загробной. Онъ не осуждаетъ никого, но поучаетъ всякаго своимъ истинамъ, которыя, подобно солнцу, освѣтятъ міръ и положатъ конецъ невѣжеству и преступленіямъ. Онъ не стремится связывать души, потому что для него вѣра есть результатъ убѣжденія. Онъ опирается на законъ прогресса и на усилія всѣхъ добродѣтельныхъ душъ, стремясь, вмѣстѣ съ ними, къ распространенію между всѣми народами самыхъ высокихъ

истинъ, какія когда либо были провозглашены въ мірѣ, истинъ вѣчныхъ».

Перейдемъ теперь къ заявленіямъ, сдѣланнымъ на конгрессѣ.

На конгрессѣ въ Провиденсѣ, нѣкто Джосленъ, одинъ изъ подписавшихъ филадельфійское посланіе, привѣтствуя гостей, прибывшихъ въ городъ, особенно напиралъ на то, что они считаются міромъ еретиками и язычниками. «Сегодня,—сказалъ онъ:—спириты Соединенныхъ Штатовъ—великіе еретики, и въ качествѣ такихъ еретиковъ привѣтствуютъ васъ спириты Провиденса, зная, что вы невѣрные лишь въ отношеніи тѣхъ старыхъ ересей, которыя были скорѣе проклятіемъ, чѣмъ благословеніемъ для человѣчества». «Я, дѣйствительно, невѣрный,—воскликнулъ другой ораторъ, говорившій на ту же тему:—невѣрный относительно многихъ формъ общепринятой религіи; я невѣрный, потому что не вѣрю во многіе изъ догматовъ, исповѣдуемыхъ большинствомъ христіанъ даже протестантской церкви». Далѣе онъ прибавилъ, что, вмѣсто вѣры въ установленные догматы и преданія, онъ вѣритъ въ прогрессъ, въ свободу и въ духовъ. Вообще всѣ рѣчи, по словамъ Диксона, отличались упорной враждой къ религіознымъ вѣрованіямъ и нравственнымъ понятіямъ всѣхъ христіанскихъ народовъ: одна спиритка объявила, что она «не стала бы болѣе строить церквей, ибо онѣ уже достаточно угнетали и держали во мракѣ человѣчество»; другая воскликнула, что она «благодаритъ Бога, что нынѣшній вѣкъ—вѣкъ не молитвъ, а изслѣдованій». Медіумъ Перри сказалъ, «что онъ, какъ спиритъ, отвергаетъ признаніе чего-либо святымъ и протестуетъ противъ всякой резолюціи, въ которой будетъ стоять слово «святой». Наконецъ, еще одинъ медіумъ заявилъ себя представителемъ новой вѣры, какъ плода союза всѣхъ типовъ человѣческаго рода. «Старая вѣра же,—сказалъ онъ,—умерла».

Кромѣ вопросовъ религіозныхъ, были затронуты и другіе. При преніяхъ о нихъ были сдѣланы не менѣе рѣшительныя заявленія, чѣмъ и при преніяхъ о первыхъ. «Спиритизмъ,—сказалъ, напримѣръ, д-ръ Чайльдъ—перебросилъ мостъ черезъ бездну, отдѣлявшую лоно Авраама отъ ада богача. Вознесемъ хвалу за каждый ударъ, нанесенный *человѣческому* закону», и т. д. «Я готова,—воскликнула одна юная реформаторша:—я готова работать со всякимъ мужчиной, женщиной или общиной,

которые сдѣлаютъ первый практическій шагъ къ выработкѣ основъ высшей нравственности, строжайшей честности, лучшаго управленія и вообще высшаго существованія для всякаго человѣческаго рода. Я хочу работать, хочу видѣть другихъ готовыми работать. Я знаю, что гораздо легче молиться за спасеніе человѣчества, чѣмъ работать для достиженія лучшей судьбы, и часто заслуживается гораздо болѣе славы молитвой, чѣмъ дѣломъ; но я не къ этому стремлюсь. Я искренно предана молодому поколѣнію». Другая сказала: «Я надѣюсь, что вы примете рѣшенія, которыя будутъ дѣйствительно полезны, а не мертвой буквой, переносящей насъ къ мертвому, погребенному прошедшему; я надѣюсь, что здѣсь найдется достаточно мужскихъ и женскихъ силъ, способныхъ работать на человѣчество».

По вопросу труда вообще конгрессъ постановилъ слѣдующую резолюцію: «Рѣшено, что лишь въ рукахъ честнаго труда находится скипетръ цивилизаціи; что его права соразмѣряются съ его характеромъ и важностью и что поэтому честный трудъ долженъ быть такъ всецѣло и совершенно вознагражденъ, чтобы доставить работающимъ милліонамъ средства, время и случай для воспитанія, образованія и удовольствія; чтобы равный трудъ мужчины и женщины получалъ бы равное вознагражденіе».

Нельзя не замѣтить, что измѣненія въ спиритскомъ ученіи, выраженныя приведенными здѣсь данными, представляютъ весьма замѣтный переходъ отъ консервативно-примирительнаго направленія къ революціонно-вызывающему, и также возрастаніемъ значенія практическихъ вопросовъ надъ значеніемъ вопросовъ теоретическихъ. Очевидно, что американцамъ надоѣло играть въ спиритизмъ и что на провиденсійскомъ конгрессѣ каждый изъ медіумовъ, подъ псевдонимомъ «духа», сознательно проводилъ свои собственныя убѣжденія. Отъ этой перемѣны спиритизмъ, конечно, выигралъ настолько, насколько пересталъ быть дѣйствительнымъ спиритизмомъ; много выиграли также ясность и опредѣленность мыслей и выраженій.

V.

Въ исходѣ 1853 года духи переплываютъ океанъ и поселяются въ Европѣ. Въ это время, какъ помнитъ читатель, они

еще занимались верченіемъ столовъ и стучаньемъ; ихъ великое будущее было еще впереди. Столоверченье, столостучанье и столописанье, какъ способы сношенія съ невидимымъ міромъ, были приняты въ Европѣ какъ великое открытіе и получили громадное примѣненіе; у многихъ оно стало маніею. Явилось огромное количество медіумовъ, обманщиковъ, помѣшанныхъ; возникла новая отрасль литературы; по всѣмъ концамъ Европы разнеслась тьма разсказовъ о такомъ вздорѣ, о которомъ годъ ранѣе стыдно было говорить. Множество анекдотовъ, ходившихъ изъ устъ въ уста въ то время и наполнявшихъ спиритскіе книги и журналы, мы находимъ въ упомянутомъ выше сочиненіи Пертп. Авторы, питавшіеся этимъ вздоромъ, проходятъ здѣсь передъ читателемъ длинной вереницей со своими странными разсказами и откровеніями. Горнунгъ, Колеманъ, Лотцъ, Рейхенбахъ, Россингеръ, Піераръ и, наконецъ, самъ Перти—неисчерпаемы какъ источники духовидства и столокруженія. Читая ихъ удивительные разсказы, невольно изумляешься возможности успѣха такихъ бредней въ обществѣ, считающемъ себя образованнымъ: одинъ разсказываетъ, какъ комодъ, вѣсомъ въ 60 пудовъ, начиналъ плясать, лишь только прикасались къ нему руки двухъ медіумовъ; другой говоритъ, что онъ видѣлъ, какъ вся мебель въ одномъ домѣ ходила и останавливалась по командѣ медіума; третій передаетъ чудеса о борьбѣ своей со столомъ, которому удалось побороть его и отбросить въ сторону; четвертый увѣряетъ, что его столъ всегда угадываетъ число спичекъ въ коробочкѣ, и т. п. безконечная нить невѣроятностей мелкихъ, дрянныхъ, ни къ чему не приводящихъ...

Общая картина умопомраченія стала столь безотрадною, что авторитеты науки и передовые мыслители того времени сочли необходимымъ вмѣшаться въ дѣло, сдѣлать попытку для образумленія одурѣвшей толпы, объяснить ей всю пустоту и естественность явленія, въ которомъ только ограниченность и невѣжество могли видѣть нѣчто чудесное и сверхъестественное. Но все было тщетно. Напрасно Фарадей, посредствомъ остроумно устроеннаго аппарата, обнаруживалъ съ высочайшею степенью ясности истинную причину столокруженія, заключающуюся въ давленіи, производимомъ руками безсознательно; напрасно Шеврель и Бабине старались отрезвить умы—спиритизмъ, находя богатую почву, выработанную вѣками, продол-

жалъ дѣлать успѣхи, не внимая разумному слову. Для проницательнаго ума Прудона явленіе это представилось страшнымъ симптомомъ. «Велико то паденіе и предвѣщаетъ оно великія катастрофы,—писалъ онъ:—когда народы, неспособные къ научной работѣ, бѣгутъ отъ природы и разума за вызываніями духовъ и чудесами» (Цит. у Эрдана. Т. I, p. 74).

Эпоха столоверченія богата чертами, живо характеризующими среду, въ которой подвизались столокружащіе медіумы. Въ это время еще не думали, что духи способны открыть цѣлое догматическое ученіе. Крайне возбужденное любопытство не вдавалось еще ни въ какую систематичность. Сношенія съ духами ограничивались мелкими сценами и отрывочными разговорами.

«Я былъ на одномъ вечерѣ,—говоритъ Моренъ:—гдѣ находился также и нѣкій знаменитый медіумъ-писатель, при посредствѣ котораго многія историческія личности описали свою жизнь. На этотъ разъ явился духъ Людовика XI-го. Было предложено обращаться къ нему съ вопросами. Я спросилъ у этого короля, не можетъ ли онъ вмѣсто современнаго французскаго языка говорить на языкѣ своего времени, на языкѣ Коммина. Отвѣтъ: «не испытывайте». Одинъ изъ присутствовавшихъ, спеціалистъ по французской исторіи, просилъ разъясненія нѣкоторыхъ подробностей осады Мобежа, о которыхъ не говоритъ ни одинъ историкъ. Отвѣтъ былъ тотъ же: «не испытывайте».

Тисандье разсказываетъ, что духъ Вольтера былъ вызываемъ въ разныхъ спиритскихъ кружкахъ и вездѣ давалъ разные отвѣты. Въ одномъ онъ поддерживалъ свои нападки на церковь, въ другомъ объявлялъ себя католикомъ и заявлялъ о себѣ какъ о спиритѣ, отрекался отъ всѣхъ сочиненій, направленныхъ противъ христіанства, и пр. Это послѣднее отреченіе онъ даже подписалъ. Факсимиле съ этой подписи было приложено къ книгѣ «Letter sur les évocations».

Эрданъ говоритъ объ одномъ спиритѣ, который, несмотря на всѣ свои старанія, никакъ не могъ добиться сношенія съ серьезными духами. На зовъ его являлись исключительно духи шаловливые. Они объявляли свои странныя имена: Инъ, Цефикъ, Зосъ, Сигобръ и т. п., и никакого толку отъ нихъ не было. Одинъ изъ нихъ объявилъ только, что онъ puant...

Моренъ передаетъ случай сношенія съ духами, который обнаруживаетъ крайнюю наивность спиритовъ. Духовъ вызывала дама, занимавшаяся черной магіей. Въ стѣнахъ послышался

стукъ. Спириты, сидѣвшіе вокругъ стола, пришли въ смущеніе. Наконецъ, одинъ изъ присутствовавшихъ рѣшился вступить съ духомъ въ разговоръ. «Кто ты?»—Августъ.—«Что дѣлаешь?»—Чищу трубы.—«Чьимъ именемъ чистишь ты трубы?»—Ресторана...

Въ 1853 году, въ Парижѣ, разсказываетъ Эрданъ, въ квартирѣ одного доктора поселился духъ, получившій въ то время извѣстность подъ страннымъ именемъ jopudiès'a. Продѣлки этого духа были безчисленны. Ихъ можно сравнить развѣ съ шалостями кобольдовъ и домовыхъ. Но кромѣ разныхъ шутокъ, забавлявшихъ всѣхъ домашнихъ доктора, духъ этотъ былъ полезенъ тѣмъ, что посредствомъ постукиванья давалъ отвѣты на всѣ вопросы, разрѣшая всевозможныя недоразумѣнія. Однажды—упоминается даже день: 15-го іюля—докторъ, ложась спать, услышалъ шумъ, точно споръ двухъ голосовъ. Въ комнатѣ, однако же, никого не было. Вскорѣ докторъ замѣтилъ, что шумъ этотъ происходилъ въ его ночномъ столикѣ. Онъ отворилъ его и замѣтилъ, къ немалому своему удивленію, что стоявшая тамъ посудина слегка качалась. Духъ на другой день объяснилъ значеніе этого приключенія. «Столикъ,—сказалъ онъ,—требовалъ у посудины за постой; ну, а такъ какъ посудина отказывала, то и вышло препирательство».

Подобныхъ случаевъ множество.

VI.

Я уже указалъ на измѣненія, которымъ подвергся американскій спиритизмъ во второе десятилѣтіе своего существованія. Главное изъ нихъ заключалось въ переходѣ къ непосредственному откровенію медіумовъ. Оно скоро перешло и въ Европу. «Съ тѣхъ поръ,—говоря словами одного спирита:—сообщеніямъ не было предѣла, и обмѣнъ мыслей между духами и людьми могъ совершаться съ такою же быстротою, какъ и между живыми людьми». Это значитъ, что искренніе медіумы стали всякое свое убѣжденіе считать внушеніемъ или сообщеніемъ духа, а обманщикамъ была открыта широкая дверь. Такимъ образомъ, и въ Европѣ образовалась своя спиритская литература со своими оригинальными философами, повѣствователями, поэтами и фельетонистами. Литература эта съ одинаковою ревностью занялась,

какъ описаніемъ и объясненіемъ чудесныхъ и сверхъестественныхъ явленій, служащихъ основаніемъ спиритизму, такъ и популяризаціей того догматическаго ученія, которое было открыто духами при помощи этихъ явленій. Надо отдать справедливость спиритскимъ писателямъ и признать ихъ людьми крайне смѣлыми. Допустивъ возможность явленій, противорѣчащихъ законамъ природы, они не останавливаются ни передъ чѣмъ и ничего не смягчаютъ. Читая описаніе видѣннаго и слышаннаго ими, вступаешь въ міръ, ничего общаго не имѣющій съ міромъ реальнымъ: чудесное въ немъ обыденно, невозможное совершается легко, почти шутя... Это непрерывное сновидѣніе, къ несчастью для спиритовъ, столь же безтолковое, какъ и всѣ сновидѣнія. Для характеристики этой стороны литературной дѣятельности медіумовъ, я приведу нѣкоторыя черты біографіи знаменитаго Юма, компилированной Перти по разнымъ спиритскимъ источникамъ.

Юмъ родился въ 1833 году въ Эдинбургѣ. Будучи ребенкомъ, онъ уже находился въ сношеніи съ духами: колыбель его качалась сама собой, игрушки сами летѣли ему въ руки. Десяти лѣтъ онъ былъ отвезенъ въ Америку и помѣщенъ въ домѣ своей тетки; немедленно послѣ его водворенія, въ домѣ этомъ стала ходить мебель по комнатамъ, стучать и т. п. Въ 1850 году онъ былъ уже извѣстенъ, какъ медіумъ, получающій отъ духовъ откровенія. Въ это же время онъ могъ уже подыматься на воздухъ и держаться такъ нѣкоторое время. Юноша-медіумъ, прославясь въ Америкѣ, уѣхалъ въ Европу: у медіумовъ и духовъ есть свой Drang nach Osten. Италія была первымъ театромъ его дѣятельности: во Флоренціи онъ вызвалъ тѣнь Данте и всѣ видѣли, какъ точно изъ-подъ полу, появились двѣ сухія, желтыя руки; руки эти сорвали вѣтку апельсиннаго дерева и положили ихъ на голову одной изъ присутствовавшихъ при вызываніи дамъ. Во Флоренціи же Юмъ не разъ подымался на воздухъ. Въ народѣ онъ прослылъ колдуномъ и чуть не поплатился очень дорого за такую репутацію. Спасеніемъ своимъ онъ обязанъ какому-то графу Браницкому. Послѣ Флоренціи Юмъ посѣтилъ Неаполь. Здѣсь въ февралѣ 1856 года духи объявили, что покидаютъ его на цѣлый годъ. Онъ переѣхалъ въ Римъ и принялъ католичество. Папа, желая вѣрно произвести надъ нимъ нѣчто въ родѣ экзорцизма, далъ ему поцѣловать распятіе и сказалъ: вотъ нашъ волшебный жезлъ. Ничто не помѣшало,

однако, духамъ снова овладѣть Юмомъ въ февралѣ 1857 года. Это случилось въ Парижѣ. Наполеонъ и весь его дворъ не могли надивиться Юму: онъ вызывалъ разныхъ духовъ, подымался на воздухъ, и пр. Однажды въ его присутствіи невидимая рука написала слово Наполеонъ, почеркомъ Наполеона I-го, и когда бывшій при этомъ Наполеонъ III пожелалъ поцѣловать эту руку, то онъ ощутилъ ее у своихъ губъ. Этимъ диковинамъ конца нѣтъ: одна дама, напримѣръ, принадлежащая къ числу видящихъ медіумовъ, утверждала, что она видѣла, какъ 8 духовъ поддерживали Юма подъ потолкомъ такъ долго, что онъ могъ написать на потолкѣ свое имя... Но довольно. Я думаю, что объ этомъ говорить больше не стоитъ.

Что касается объясненія этихъ явленій, то оно вполнѣ достойно ихъ описанія.

«Что такое эти духи? Какую роль играютъ они во вселенной? Съ какою цѣлью сообщаются смертнымъ?» Вотъ вопросы, какіе ставитъ извѣстнѣйшій изъ спиритскихъ писателей, Кардекъ.

— Это не отдѣльныя существа,—говоритъ онъ, отвѣчая на эти вопросы:—но души жившихъ на землѣ или въ другихъ мірахъ; эти души, оставивъ свою тѣлесную оболочку, витаютъ въ пространствѣ. Невозможно было болѣе сомнѣваться въ этомъ, когда между ними узнали многіе своихъ родственниковъ и друзей, съ которыми могли разговаривать; когда они сами привели доказательства своего существованія, указали, что въ нихъ умерли только тѣла, но что души ихъ живы, что они здѣсь, возлѣ насъ, видятъ насъ и наблюдаютъ за нами, какъ и во время своей жизни, окружая попеченіямъ тѣхъ, которыхъ любили, и воспоминаніе о которыхъ доставляетъ имъ сладчайшее утѣшеніе.

Какимъ же образомъ духи проявляются физически?

— Посредствомъ перисприта,—отвѣчаетъ Кардекъ.

— Что же это за перисприть?

— Перисприть,—объясняетъ Кардекъ: — есть легкая оболочка, служащая связью и посредствомъ между духомъ и тѣломъ. Послѣ смерти, духъ, покидая тѣло, не покидаетъ перисприта, составляющаго для него родъ эфирнаго тѣла, воздушнаго, невѣсомаго, имѣющаго форму человѣческаго и, какъ кажется, первообразнаго тѣла. Въ нормальномъ состояніи перисприть невидимъ, но духъ можетъ подчинить его нѣкотораго рода измѣненіямъ, дѣлающимъ его временно доступнымъ зрѣ-

нію и даже осязанію» (Спир. въ самомъ простомъ его выраженіи, стр. 7).

Есть, впрочемъ, и другое мнѣніе о возможности физическаго проявленія духовъ. Рессингеръ, редакторъ спиритскаго изданія «Journal de l'âme», говоритъ, что физическое проявленіе можетъ случиться тогда, когда медіумъ или медіумы столь впечатлительны и имѣютъ такую, какъ онъ выражается, симпатическую натуру, что этими свойствами даютъ духу возможность «комбинировать часть элементовъ, составляющихъ ихъ атмосферу, съ элементами своей собственной атмосферы, сплочивать, овеществлять эти элементы и образовать изъ нихъ какое-нибудь тѣло, по своей фантазіи, и дѣлать его видимымъ для присутствующихъ» (Perty, 397).

Которое изъ мнѣній еретическое—неизвѣстно.

Обращаясь къ догматической части спиритскаго ученія, я остановлюсь на самомъ извѣстномъ, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, учителѣ и проповѣдникѣ этого ученія, Ривайлѣ, извѣстномъ подъ псевдонимомъ Аллана Кардека. Этотъ Ривайль былъ прежде сотрудникомъ у Вельо́. Онъ прошелъ хорошую школу, основательно изучилъ искусство эксплуатированья человѣческой глупости и невѣжества. Въ немъ спиритизмъ нашелъ все, что́ только нужно было для того, чтобы разростись и процвѣсти. И дѣйствительно, Ривайль, разставшись съ Вельо́, принялся за систематическую разработку спиритизма. Но прежде всего онъ, такъ сказать, отрекомендовалъ себя публикѣ. Онъ объявилъ, что онъ и Ривайль, и не Ривайль. Нѣкогда онъ былъ добрымъ разбойникомъ, покаявшемся на крестѣ; впослѣдствіи, уже въ средніе вѣка, духъ его воплощался въ бретонскаго крестьянина, по имени Аллана Кардека, и теперь, наконецъ, называясь Ривайлемъ, переживаетъ третье воплощеніе. Хотя этотъ послѣдовательный рядъ воплощеній и не указываетъ логически на предпочтительность второго изъ нихъ предъ всѣми прочими, но такъ какъ въ спиритизмѣ всѣ вопросы разрѣшаются не логикой, а откровеніемъ духовъ, то и въ этомъ случаѣ Ривайль, руководствуясь откровеніемъ, назвался Алланомъ Кардекомъ, и сталъ писать отъ его имени. Ривайль въ 1869 году умеръ отъ апоплексіи. Духи, открывшіе ему всю подноготную невидимаго міра, не могли предувѣдомить его о приближеніи момента отдѣленія безсмертнаго перисприта отъ бреннаго тѣла... Ривайль оставилъ послѣ себя цѣлую школу спиритовъ во Франціи и

другихъ странахъ. Сочиненія его имѣли большой сбытъ [1]). Онъ очевидно удовлетворялъ потребности извѣстной части общества.

Въ чемъ же именно заключается самое ученіе Кардека?

«Самое ученіе, преподаваемое нынѣ духами,—говоритъ онъ:—не имѣетъ ничего новаго; мы его находимъ отрывками у многихъ философовъ индійскихъ, египетскихъ и греческихъ, и во всей полнотѣ въ ученіи Христа. Какая же польза отъ этого ученія? Оно подтверждаетъ новымъ свидѣтельствомъ и доказываетъ фактами истины непризнанныя или дурно понятыя, возстановляя дурно растолкованный истинный смыслъ ихъ».

«Спиритизмъ ничему новому не учитъ, это правда; но развѣ мало доказать яснымъ и неопровержимымъ образомъ существованіе души, переживающей тѣло, ея индивидуальность послѣ смерти, ея безсмеріе, наказанія и награды въ будущемъ? Сколько людей вѣруетъ въ это, но вѣруютъ съ неопредѣленною затаенною мыслью сомнѣнія и думаютъ въ глубинѣ души: «однако же, если это неправда!» Сколько людей было доведено до невѣрія, потому только, что имъ представлена была будущая жизнь въ такомъ образѣ, котораго ихъ разумъ не могъ принять за истинный. Развѣ этого мало, что колеблющійся вѣрующій можетъ сказать: «теперь я увѣренъ»... «Въ области религіозныхъ воззрѣній, спиритизмъ основывается на фундаментальныхъ истинахъ

---

[1]) Главные литературные труды Кардека слѣдующіе:

«Le livre des esprits» contenant les principes de la doctrine spirite; partie philosophique et morale. 14 édition.

«Le livre des médiums», contenant la théorie des phénoménes spirites; partie expérimentale. 9-e édit.

«L'évangile selon le spiritisme, contenant l'explication des maximes morales du Christ, leur concordance avec le spiritisme et leur application aux diverses positions de la vie. 3-e édition.

«Le ciel et l'enfer, ou la justice divine selon le spiritisme», contenant l'examen des doctrines comparées sur la mort, le ciel, l'enfer et le purgatoire, de celles des anges et des démons, etc.

«Qu'est-ce que le spiritisme?» Introduction á la connaissance du monde invisible ou des esprits, contenant le résumé des principes de la doctrine spirite, et la réponse aux principales objections. 6-e édit. revue et augmentée.

«Le spiritisme é sa plus simple expression», exposé sommaire de l'enseignement des esprits et de leurs manifestations. 6-e édit.

«Voyage spirite en 1862».—Brochure.

«Résumé de la loi des phénoménes spirites».—Brochure.

«Revue spirite», journal d'études psychologiques, paraissant chaque mois, depuis le 1-er janvier 1858, par livraisons.

всѣхъ религій: на существованіи Бога, на существованіи души, на ея безсмертіи, наградѣ и наказаніи въ будущемъ, но онъ не имѣетъ никакого особеннаго богослуженія. Его цѣль доказать невѣрующимъ, или сомнѣвающимся, что душа существуетъ, что она переживаетъ тѣло, что послѣ смерти тѣла она подвергается послѣдствіямъ того добра или зла, которое было сдѣлано во время его жизни; эти истины находятся во всѣхъ религіяхъ. Какъ вѣрованіе въ духовъ, спиритизмъ равно принадлежитъ всѣмъ религіямъ и всѣмъ народамъ, потому что вездѣ, гдѣ есть люди, есть и души или духи; проявленія ихъ были замѣчаемы всегда и разсказы о нихъ находятся во всѣхъ религіяхъ безъ исключенія. Итакъ, можно быть греческимъ или римскимъ католикомъ, протестантомъ, евреемъ или мусульманиномъ, и вѣрить въ проявленія духовъ, и, слѣдовательно, быть спиритомъ. И въ самомъ дѣлѣ, спиритизмъ имѣетъ единомышленниковъ во всѣхъ сектахъ.

«Какъ ученіе нравственное, оно существенно христіанское, ибо оно есть развитіе и примѣненіе ученія Христа, ученія чистѣйшаго, и котораго превосходство никѣмъ не оспаривается; очевидное доказательство, что ученіе это есть законъ Божій; нравственность же его доступна всѣмъ.

«Спиритизмъ отвергаетъ, однако же, нѣкоторыя христіанскія вѣрованія: вѣчность загробныхъ каръ, существованіе дьявола и др.; но такъ какъ, несмотря на это, онъ все же таки возвращаетъ къ вѣрѣ оставившихъ ее, то онъ дѣлаетъ услугу религіи. По этому поводу одинъ достопочтенный священникъ сказалъ: «спиритизмъ заставляетъ вѣрить чему-нибудь; лучше вѣрить чему-нибудь, нежели ничему не вѣрить» (Сп. въ самомъ простомъ его выраж., стр. 13 и слѣд.).

Цитаты эти, въ которыхъ заключается все существенное въ ученіи Аллана Кардека, приводятъ къ тому убѣжденію, что ученіе это не выходитъ за предѣлы области религіозно-этической. Такъ его понимаетъ и самъ Кардекъ; онъ называетъ спиритизмъ философскимъ ученіемъ, обнимающимъ всѣ нравственныя послѣдствія сношенія съ духами (Qu'est ce que le sp., p. 2). Мы уже знаемъ, что, понимаемое такимъ образомъ, спиритское ученіе представляетъ собою отголосокъ разныхъ спиритуалистическихъ ученій и ничего новаго не содержитъ. Желательно бы поэтому ограничиться сказаннымъ и не входить въ дальнѣйшія подробности; но, къ сожалѣнію, сдѣлать этого еще нельзя.

Спиритское понятіе о религіозно-нравственныхъ вопросахъ нѣсколько странно: въ число ихъ включены и нѣкоторые вопросы соціологическіе. Пройти ихъ молчаніемъ, значило бы дать о спиритизмѣ неполное понятіе.

— Почему,—спрашиваетъ Кардекъ:—существуютъ на землѣ люди дикіе и люди цивилизованные?

— Безъ убѣжденія въ предсуществованіи души,—отвѣчаетъ духъ:—вопросъ этотъ неразрѣшимъ, если мы не предположимъ, впрочемъ, что Богъ создалъ души дикія и души цивилизованныя—предположеніе, противорѣчащее его правосудію. Съ другой стороны, разумъ отказывается допустить, чтобы послѣ смерти душа дикаря вѣчно оставалась на низкой степени (?), также, какъ и то, чтобы положеніе ея было уравнено съ положеніемъ души человѣка образованнаго.

Единственное ученіе, согласное съ идеей правосудія Божія, то, что исходная точка для всѣхъ душъ одна и та же (?). Одновременное существованіе цивилизованныхъ и дикихъ на землѣ, есть фактъ, обнаруживающій тотъ прогрессъ, который сдѣлали цивилизованные и который могутъ сдѣлать и дикіе. Душа дикаря достигнетъ со временемъ той же высоты, что и душа цивилизованнаго; но, такъ какъ ежедневно умираютъ дикари, то души ихъ могутъ достигнуть этой высоты только чрезъ послѣдовательный рядъ воплощеній, постоянно прогрессирующихъ и приспособленныхъ такъ, чтобы они могли пройти всѣ ступени, находящіяся между обѣими крайними точками.

— Отчего происходятъ,—спрашиваетъ Кардекъ, — отличительныя свойства народовъ?

— Народы,—отвѣчаетъ духъ:—состоятъ изъ духовъ, имѣющихъ одни и тѣ же вкусы и наклонности и воплощающихся поэтому въ симпатичной имъ средѣ, въ которой и находятъ возможное удовлетвореніе своихъ наклонностей.

Наконецъ, «Какъ прогрессируютъ и падаютъ народы?»

— Если бы души были создаваемы одновременно съ тѣломъ,—отвѣчаетъ духъ:—то души людей современныхъ были бы столь же новы и первобытны, какъ и души людей, жившихъ въ средніе вѣка; но, въ такомъ случаѣ, спрашивается, отчего нравы современныхъ людей мягче и разумъ ихъ болѣе развитъ? Если по смерти тѣла душа оставляетъ землю окончательно, то спрашивается опять: въ чемъ заключался результатъ работы, производимой для улучшенія народа (кѣмъ?): съ

каждою новою душою работу эту (?) приходилось бы начинать сызнова.

«Духи воплощаются въ средѣ симпатичной и всегда сообразной со степенью своего усовершенствованія. Китаецъ, напримѣръ, который достаточно прогрессировалъ (?) и который не находитъ въ своей средѣ ничего, соотвѣтствующаго той высотѣ, которой онъ достигъ, воплощается въ средѣ народа болѣе развитаго, чѣмъ народъ китайскій. По мѣрѣ того, какъ поколѣніе дѣлаетъ шагъ впередъ, оно, посредствомъ симпатіи, притягиваетъ къ себѣ новыхъ пришельцевъ соотвѣтствующей степени развитія. Такимъ образомъ и совершается поступательное движеніе націи. Если большинство вновь пребывающихъ состоитъ изъ сравнительно мало развитыхъ, то народъ, вслѣдствіе этого обстоятельства и вымиранія стараго поколѣнія, можетъ окончательно прекратить свое существованіе» (Qu'est ce que le spiritisme, p. 166 et suiv.).

VII.

Устойчивость всего спиритскаго ученія неизбѣжно зависитъ отъ состоятельности двухъ его пунктовъ, которые я считаю поэтому основными: 1) духи одарены способностью проявляться физически, и 2) физическое проявленіе духовъ есть незамѣнимый и постоянный источникъ истины.

Духи одарены способностью проявлятъся физически.

Что это такое,—догматъ вѣры или тезисъ, который еще слѣдуетъ доказать?

Если бы спиритизмъ преподавалъ его какъ догматъ вѣры, спиритизмъ былъ бы, съ своей точки зрѣнія, правъ. Кто могъ или хотѣлъ, тотъ бы вѣрилъ, и разсуждать было бы не о чемъ, такъ какъ разсуждать можно только о предметахъ, подлежащихъ знанію. Но спиритизмъ вѣры не требуетъ; онъ притязаетъ на *изученіе* невидимаго міра, сравниваетъ это изученіе съ изученіемъ безконечно-малыхъ и утверждаетъ, что физическое проявленіе духовъ есть фактъ, установленный научно.

Такое увѣреніе основано на наивнѣйшемъ смѣшеніи понятій. Ал. Кардекъ и его спириты воображаютъ, что реальность явленій, на которыхъ они основываютъ свое ученіе, тождественна съ правильностью объясненія ими этихъ явленій; другое объясненіе, будучи для *нихъ* недоступно, представляется, вслѣд-

ствіе того немыслимымъ. Имъ кажется, что фактъ физическаго проявленія духовъ установленъ ими научно, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они и не касались даже этого вопроса. Они обошли его, думая, что экстазъ и галлюцинаціи неизбѣжно *предполагаютъ* дѣятельность духовъ, и не понимая, что научное объясненіе этихъ фактовъ, какъ явленій патологическаго состоянія организма, навсегда устранило возможность произвольнаго и фантастическаго перерѣшенія этого вопроса.

Отсутствіе логическаго развитія въ спиритскомъ ученіи не ограничивается, впрочемъ, указаннымъ смѣшеніемъ понятій. Оно присуще всему ученію.

Допустимъ, что первый тезисъ доказанъ, или, что мы приняли его на вѣру. Что же далѣе? Остановиться на немъ нельзя, такъ какъ одной возможности физическаго проявленія духовъ для спиритовъ еще недостаточно. Признаніе обособленнаго факта физическаго проявленія духовъ ведетъ къ игрѣ и потѣхѣ съ духами, въ родѣ той, съ которой мы познакомились, говоря о столоверченіи. О такой игрѣ спириты говорятъ съ презрѣніемъ. Имъ дорога внутренняя стоимость физическаго проявленія. Ал. Кардекъ говоритъ, что какой-то духъ выразилъ твердую увѣренность въ томъ, что надъ ученіемъ духовъ никогда не будутъ смѣяться, какъ смѣялись надъ вертящимися столами. Отчего же не будутъ? Оттого, что ученіе это истинно. И такъ, опять приходится или требовать вѣры во второе основное положеніе, или доказать его. Ал. Кардекъ не сдѣлалъ ни того, ни другого. Онъ допустилъ возможность лжи и обмана въ откровеніяхъ духовъ и, въ то же время, оставилъ спиритовъ безъ всякаго критерія истины. Они могутъ, сколько захотятъ, внимать откровеніямъ безчисленныхъ духовъ; но какая имъ отъ того польза? Одинъ только сортировщикъ откровеній имѣетъ рѣшительный голосъ; зато онъ и торгуетъ отборными откровеніями, собирая ихъ сотнями и тысячами. Такимъ образомъ авторитетъ сортировщика откровеній поставленъ выше авторитета духовъ, и самая сущность спиритизма эскамотируется. Нѣтъ вѣры въ духовъ,— нѣтъ и спиритизма.

И такъ, въ рѣшеніяхъ двухъ своихъ основныхъ вопросовъ спиритизмъ проявилъ какое-то удивительное стремленіе къ самоуничтоженію. Онъ предупредилъ въ этомъ своихъ судей.

Не забудемъ, однако же, что самоосужденіе и самоотрицаніе спиритизма безсознательно. Спиритизмъ, изобличая свою соб-

ственную несостоятельность, наивно вѣритъ, однако же, въ свое значеніе и строитъ на сыпучемъ пескѣ своихъ основныхъ положеній извѣстное намъ догматическое ученіе. Ученіе это, независимо отъ вопросовъ, разсмотрѣнныхъ выше, можетъ представлять въ качествѣ религіозно-нравственной системы, извѣстныя достоинства, а потому оно и должно быть оцѣнено въ этомъ смыслѣ.

Самоосужденіе и самоотрицаніе, къ несчастью для спиритизма, проявляются и въ этомъ случаѣ съ тою же фатальною силою, какъ и въ прежде разсмотрѣнныхъ. Намъ извѣстно уже сознаніе Кардека, что спиритизмъ ничему новому не учитъ. Возникаетъ вопросъ: зачѣмъ онъ существуетъ? Отвѣтъ уже извѣстенъ: для того, чтобы дать возможность людямъ вѣрить во что-нибудь, такъ какъ вѣрить во что-нибудь лучше, чѣмъ ни во что не вѣрить. Я доказалъ уже, что спиритизмъ сводитъ вѣру въ духовъ на вѣру въ медіумовъ, т.-е. одержимыхъ нервными болѣзнями, или обманщиковъ. Что же лучше, спрашивается: ни во что не вѣрить, или вѣрить въ бредъ помѣшанныхъ и шарлатановъ? И ужели для того только спиритизмъ и существуетъ?

Спиритизмъ ничему новому не учитъ; но, быть можетъ, онъ относится критически къ предшествовавшимъ и современнымъ ему ученіямъ; быть можетъ онъ требуетъ провѣрки установившихся въ той или другой сектѣ и школѣ воззрѣній или, наконецъ, перерѣшаетъ какимъ-нибудь новымъ методомъ вопросы, разрѣшенные неудовлетворительно? Ничуть не бывало; онъ безконечно далекъ отъ всего этого. Онъ прежде всего— не скажу эклектикъ: эклектизмъ предполагаетъ выборъ,—а какое-то подобіе губки, впитывающей въ себя все безъ различія. Всю свою догматику и этику онъ заимствовалъ по клочкамъ у разныхъ теологическихъ ученій; его медіумы съ ихъ вызываніями напоминаютъ представителей тѣхъ мистическихъ сектъ, въ средѣ которыхъ процвѣтала магія и теургія; наконецъ, матеріальность духовъ наводитъ на мысль о вліяніяхъ воззрѣній, ничего общаго не имѣющихъ съ предыдущими, а осужденіе духовъ на вѣчную матеріальную обстановку и на вѣчную заботу о дѣлахъ житейскихъ указываетъ на не послѣднюю роль, которую играли во всемъ этомъ чисто-практическіе взгляды. Всю эту пеструю смѣсь взаимно противорѣчащихъ понятій Кардекъ стремится еще согласить съ догматами существующихъ теологическихъ системъ и, въ то же время, хочетъ первенствовать въ ихъ средѣ, и т. д. Стремленія его чрезвычайно разнообразны,

но врядъ ли есть какая-нибудь возможность опредѣлить равнодѣйствующую этихъ стремленій. Одно только ясно въ этомъ хаосѣ, а именно, что философская хламида спиритизма не ладно скроена и не крѣпко сшита изъ разныхъ лохмотій, что она ветха, но что спириты ею несказанно довольны.

Спиритизмъ ничему новому не учитъ, и самъ сознается въ томъ. Сознаніе это не лишено значенія. Оно доказываетъ, что послѣ усилій создать не только хронологическое новое, но и существенно-новое ученіе, усилій, окончившихся сознаніемъ полной ихъ безплодности, спиритизмъ, со скрытымъ отчаяніемъ, долженъ былъ провозгласить, что развитіе, движеніе впередъ, и зависящее отъ нихъ открытіе новаго невозможно болѣе въ области того міросозерцанія, одну изъ формъ котораго представляетъ спиритизмъ. Міросозерцаніе это прошло уже черезъ всѣ фазы развитія, на которое оно было способно, и изжило. Будущее, со всѣмъ новымъ, какое только возможно, принадлежатъ наукѣ.

Спиритизмъ ничему новому не учитъ; но и старому учитъ онъ крайне скверно. Проповѣдники спиритизма, къ стыду ихъ, лишены самыхъ элементарныхъ знаній и сколько-нибудь сноснаго умѣнія излагать свои мысли. Приведенныя цитаты доказываютъ, я думаю, съ достаточною ясностью, что изложеніе спиритскаго ученія страдаетъ какою-то, ему особенно свойственною, неопредѣленностью, неясностью и непослѣдовательностью. У насъ, въ литературѣ извѣстнаго рода, врядъ ли можно встрѣтить нѣчто болѣе глупое, чѣмъ кардековское разсужденіе о цивилизаціи и прогрессѣ.

Спиритизмъ ничему новому не учитъ, и при томъ не только спиритизмъ европейскій, но и американскій. Нѣкоторыми американскими спиритами были, правда, высказаны положенія, съ которыми нельзя не согласиться; заявлены стремленія, которымъ нельзя не сочувствовать; но присвоивая себѣ эти положенія и стремленія, спиритизмъ вредитъ ихъ настоящему значенію и подрываетъ ихъ будущее. Онъ отнимаетъ у нихъ ту почву, на которой они возникли и на которой только и могутъ развиваться,—почву науки; онъ вредитъ также и обществу, бросая въ умы поводы къ смѣшенію науки и проистекающихъ отъ нея благъ со своими темными бреднями.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о формѣ, въ которой является передъ нами лишенное всякой самобытности содержа-

ніе спиритизма. Форма эта, какъ могъ уже замѣтить читатель изъ приведенныхъ мною цитатъ, отличается крайнею безцвѣтностью, вялостью и пошлостью. Считая спиритизмъ мистическою сектою и приступая къ чтенію твореній его проповѣдниковъ, ждешь и языка истыхъ мистиковъ, языка полнаго картинъ, сравненій, своеобразностей, странностей, словомъ, того «language exagératif et éxorbitant», о которомъ говоритъ гдѣ-то Боссюэтъ; но языкъ этотъ въ наше время невозможенъ. Огонь, вдохновлявшій мистиковъ, согрѣваетъ теперь сердца иныхъ проповѣдниковъ, и несчастные медіумы, преемники мистическихъ традицій, выродились въ низменный типъ, который и въ мысляхъ, и въ рѣчахъ своихъ выдаетъ свое полнѣйшее и безотраднѣйшее умственное и нравственное убожество [1]).

---

[1]) Свѣтская литература, обратившая на спиритизмъ вниманіе только въ послѣднее время, была значительно предупреждена въ этомъ литературою духовною. Эта послѣдняя уже восемь лѣтъ тому назадъ указывала на безобразіе спиритскаго ученія и предостерегала отъ него общество. Преосвященный Игнатій, епископъ Кавказскій и Черноморскій, въ своемъ «Словѣ о чувственномъ и о духовномъ вѣдѣніи духовъ» (Спб. 1863 г.), говоритъ слѣдующее: «Въ наше время многіе позволяютъ себѣ входить въ общеніе съ духами, посредствомъ магнетизма, при семъ падшіе духи обыкновенно являются въ видѣ свѣтлыхъ ангеловъ, обольщаютъ и обманываютъ различными интересными сказками, перемѣшивая правду съ ложью,—всегда причиняютъ крайнее душевное и даже *умственное разстройство*. Употребленіе магнетизма есть отрасль волхвованія. При немъ нѣтъ явнаго отреченія отъ Бога, но несомнѣнно имѣется отреченіе прикрытое, такъ какъ въ настоящее время вообще діаволъ очень прикрываетъ свои сѣти, болѣе заботясь объ уничтоженіи существеннаго, нежели наружнаго. Оставляя безъ всякаго вниманія постановленія Божіи, не справясь тщательно, угодно ли Богу, сообразно ли волѣ Божіей предпринимаемое, легкомысленный испытатель таинственнаго слѣпо ввѣряется дѣйствію магнетизма, безъ всякой предосторожности вступаетъ въ общеніе съ духами, вѣритъ имъ и ввѣряется, дѣйствуетъ подъ ихъ руководствомъ и по ихъ наставленіямъ» и т. д. (стр. 30). Въ другомъ мѣстѣ почтенный авторъ очевидно имѣетъ въ виду ученіе Кардека о бесѣдѣ съ духами умершихъ родственниковъ. Предостерегая противъ этого лжеученія, онъ говоритъ: «Инымъ (злые духи) являлись въ видѣ отсутствующихъ родственниковъ и знакомыхъ; инымъ являлись въ какомъ-либо видѣ, свойственномъ человѣкамъ, уговаривая видящихъ, чтобы они не сомнѣвались въ нихъ, не подумали, что они—отверженные духи, стараясь увѣрить, что они человѣческіе духи, участь которыхъ еще не рѣшена и которые по этой причинѣ блуждаютъ по землѣ, не обрѣтши еще себѣ пристанища; при этомъ они сочиняютъ какую-нибудь интересную сказку, способную возбудить любо-

VIII.

Новообращенный спиритъ, вступая въ таинственный міръ духовъ, не можетъ не подвергать насилію своихъ умственныхъ способностей для того, чтобы внѣдрить въ свою голову ту массу абсурдовъ, изъ которыхъ состоитъ спиритизмъ. Не удивительно, если испытываемое, вслѣдствіе этого, напряженіе приводитъ его къ умственному разстройству. Въ Америкѣ, какъ намъ уже извѣстно, явленіе это было уже давно замѣчено. Въ западной Европѣ было также обращено на него вниманіе. Только у насъ пока еще не слышно, чтобы спириты сходили съ ума, хотя мало вѣроятно, чтобы извращеніе ума достигалось русскимъ человѣкомъ съ меньшимъ напряженіемъ, чѣмъ французомъ или американцемъ. Не желая обижать русскихъ спиритовъ, я допускаю мысль, что они неспособны такъ отдаваться спиритизму, какъ ихъ собратья въ другихъ странахъ, что они спириты поверхностные. Я не настаиваю, впрочемъ, на этомъ предположеніи, такъ какъ спиритизмъ извѣстенъ мнѣ исключительно по книгамъ. Обращаясь къ случаямъ помѣшательства, происшедшимъ подъ вліяніемъ спиритизма въ западной Европѣ, я считаю нелишнимъ упомянуть, что у Морена и Стефанони можно найти перечисленіе цѣлаго ряда случаевъ помѣшательства, происшедшаго подъ вліяніемъ спиритскихъ вѣрованій. Особенно поразителенъ случай съ Геннекеномъ, писателемъ, отличавшимся талантомъ и пылкимъ воображеніемъ. Онъ и жена его сошли съ ума почти одновременно. Смерть обоихъ послѣдовала весьма скоро за потерею разсудка.

До сихъ поръ еще не имѣется статистическихъ данныхъ о случаяхъ помѣшательства въ средѣ спиритовъ. Тисандье замѣ-

---

пытство въ легкомысленныхъ и привлечь ихъ довѣренность ко лжи, представивъ ее чистѣйшею и святою правдою. Послѣдній способъ обольщенія особливо употребляется духами *въ наше время*. Блуждающимъ душамъ довѣряютъ и тѣ, *которые не вѣрятъ злымъ духамъ*» (намъ уже извѣстно, что злымъ духамъ не вѣрятъ именно спириты). Злымъ духамъ это-то и надо (стр. 56). Наконецъ, предостереженіе отъ спиритскаго ученія находится еще, какъ я думаю, и въ слѣдующихъ словахъ: «Однимъ только христіанскимъ подвижничествомъ доставляется правильный, законный входъ въ міръ духовъ. Всѣ *прочія средства* незаконны и должны быть отвергнуты, какъ непотребныя и пагубныя» (стр. 39).

чаетъ весьма справедливо, что на вопросъ этотъ пора обратить серьезное вниманіе и обнаружить и эту сторону зла, приносимаго обществу проповѣдниками дикаго вздора.

Спиритизмъ продолжаетъ, между тѣмъ, свою проповѣдь не безъ успѣха; почва для него давно вспахана и, по словамъ Кардека, даже засѣяна. Спиритизмъ сознательно пожинаетъ плоды вѣковой работы мысли въ извѣстномъ направленіи...

Слушая и читая разсказы объ успѣхахъ спиритизма, съ грустью думаешь о громадномъ количествѣ силъ физическихъ и нравственныхъ, гибнущихъ жертвою этого тупого преслѣдованія призрачныхъ цѣлей, созданныхъ разстроеннымъ воображеніемъ и имъ же перенесеннымъ въ міръ дѣйствительный. Невольно останавливаешься передъ этимъ явленіемъ, спрашивая себя: неужели нѣтъ средствъ противъ этой повальной болѣзни? неужели она будетъ губить людей безъ конца?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, приведемъ себѣ на память тотъ общеизвѣстный фактъ, что умъ человѣческій никогда не коснѣлъ и не можетъ коснѣть исключительно въ тискахъ того міросозерцанія, подъ сѣнью котораго развился спиритизмъ. Изъ него есть выходъ, и выходъ рано или поздно неизбѣжный, къ міросозерцанію научному. Передовые умы человѣчества давно уже нашли этотъ выходъ и теперь предстоитъ попасть въ него и всему обществу. На пути стоятъ, однако же, тысячи препятствій, и только упорная борьба заставляетъ мрачныя силы отступать шагъ за шагомъ. Нельзя перечислить, при бѣгломъ указаніи на значеніе этой борьбы, всего того, что должно быть совершено обществомъ и отдѣльными личностями для облегченія успѣховъ борцовъ за науку; но можетъ-ли кто-либо, не рискуя попасть на дорогу къ спиритизму, сомнѣваться въ томъ, что только тогда, когда мы избавимся отъ дѣтскаго страха передъ свободою науки и необходимости ея всеобщаго распространенія, будемъ мы въ состояніи надѣяться на скорое наступленіе того времени, когда существованіе въ средѣ нашей ученія, подобнаго спиритизму, будетъ вызывать въ нашей проснувшейся общественной совѣсти сознаніе горькаго, глубокаго стыда. Это время будетъ предвѣстникомъ наступленія лучшихъ дней.

С.-Петербургъ, 1871.
«Этюды и очерки».

СПИРИТИЗМЪ И СУМАСШЕСТВІЕ.

П. Р. Пастернацкаго. Случай душевнаго заболѣванія вслѣдствіе занятій спиритизмомъ. «Архивъ психіатріи» П. И. Ковалевскаго. 1884 г., кн. 2).

Извѣстно, что процвѣтающее нынѣ ученіе спиритовъ, такъ неожиданно сблизившее ученыхъ съ ворожеями и уже добравшееся, по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, до Ташкента, имѣло въ свое время своихъ предшественниковъ и провозвѣстниковъ въ лицѣ поклонниковъ столоверченія и столописанія. Въ это блаженное время зачаточнаго спиритизма представители науки не только не нисходили еще съ каѳедръ своихъ для принятія участія въ «сеансахъ» или для рекламированія какого-нибудь «медіума», но самымъ энергическимъ образомъ подымали свой авторитетный голосъ, въ видахъ подавленія быстро возраставшаго и усиливавшагося мракобѣсія. Феррадо отстаивалъ здравомысліе при помощи нарочно устроеннаго имъ аппарата, предназначеннаго для открытія обмановъ шарлатановъ, Шеврель и Бабина старались отрезвить умы выясненіемъ истинной причины столодвиженія, заключающейся въ безсознательной дѣятельности мускуловъ. Но все это напрасно. Надорванные организмы, совершенно пустые или наполненные обрывками знанія головы, вѣчный бездѣльный недосугъ праздныхъ людей, не знающихъ, чѣмъ наполнить зіяющую пустоту своей жизни, и весь вообще пошлый пошибъ буржуазно-культурнаго быта, дѣлали свое дѣло, и общая картина широкоразлившагося умопомраченія стала столь безотрадною, что нѣкоторые проницательные умы не могли не высказать волновавшаго ихъ безпокойства. «Велико паденіе—восклицалъ Прудонъ—и великія предвѣщаетъ оно катастрофы, когда народы, неспособные къ научной работѣ, бѣгутъ отъ природы и разума

за вызываніемъ духовъ и чудесами» (см. цит. Y. Erdan. La France mystique. 1858 г. Т. У. р. 74). Уже въ то время, судя по нѣкоторымъ случаямъ, разсказываемымъ Эрданомъ, можно было видѣть, что спириты успѣли стать на самыхъ «границахъ помѣшательства». Изъ множества случаевъ, передаваемыхъ въ цитированной, весьма интересной и назидательной книгѣ этого писателя, мы выбираемъ одинъ для наглядаго изображенія того умоповрежденія, которое успѣло тогда обозначиться. Въ 1853 году, въ Парижѣ, разсказываетъ Эрданъ, въ квартирѣ одного доктора поселился духъ, заявившій себя самыми изумительными продѣлками. Однажды—и именно 15 іюля—докторъ, ложась спать, услышалъ шумъ, точно споръ двухъ голосовъ; въ комнатѣ, однако же, никого не было. Вскорѣ докторъ замѣтилъ, что шумъ этотъ происходитъ въ его ночномъ столикѣ. Онъ отворилъ его, и къ немалому своему удивленію, замѣтилъ, что стоявшая тамъ посудина слегка покачивалась. «Духъ» на другой день объяснилъ значеніе этого приключенія: «столикъ—сказалъ онъ—требовалъ у посудины уплату за постой; ну, а такъ какъ посудина отказывала, то и вышло препирательство». Замѣчательно, что «духъ», этотъ «давалъ отвѣты на всѣ вопросы и разрѣшалъ всевозможныя недоразумѣнія». Америка, гдѣ зародилось спиритическое ученіе и откуда оно проникло въ Европу, дѣйствительно и оправдала первая же справедливость этихъ опасностей, которыя предвидѣлись отъ медіумическихъ упражненій.

Уже въ пятидесятыхъ годахъ дома для умалишенныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ начали наполняться помѣшанными спиритами, о чемъ и стали много писать въ мѣстныхъ газетахъ и журналахъ. Католическій журналъ «Boston Pibot», на свой манеръ повѣствуя о возрастаніи числа помѣшанныхъ спиритовъ, между прочимъ говоритъ: «большая часть медіумовъ становится неистовствующими, идіотами, сумасшедшими и безсмысленными, что постигаетъ и ихъ поклонниковъ. Не проходитъ недѣли, чтобы который-нибудь изъ этихъ несчастныхъ не лишилъ себя жизни или не попалъ въ домъ умалишенныхъ. Медіумы часто обнаруживаютъ несомнѣнные признаки ненормальнаго состоянія ихъ умственныхъ способностей, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ обнаруживаются симптомы настоящаго діавольскаго навожденія. Зло распространяется быстро и черезъ нѣсколько лѣтъ навѣрно приведетъ къ страшнымъ результа-

тамъ. (См. L. Stefanoni Storia critica della superstizione. 1869 г. Т. II. p. 393). И дѣйствительно, судя по тѣмъ даннымъ, которыя собралъ Стефанони за періодъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, есть отчего придти въ ужасъ, несмотря на то, что тѣ поражающія цифры, до которыхъ будто бы доходило въ послѣднее время число сумасшедшихъ спиритовъ въ Америкѣ, и не оправдались и даже свелись на числа «почти незначительныя» (Daniel Hack Fuke. Insanity in ancient and modern life. 1878. p. 124). Самымъ ужаснымъ остается то, что сами спириты въ своемъ органѣ «Revue spiritualiste» могли, по свидѣтельству Стефанони, усмотрѣть въ возрастаніи числа помѣшанныхъ въ ихъ средѣ «торжество спиритизма» (Stefanoni, id. p. 412). Такъ какъ, по весьма вѣрному замѣчанію г. Ковалевскаго, «общество считаетъ помѣшаннымъ только того, кто дерется на стѣну», тогда какъ «не подлежитъ сомнѣнію, что въ обществѣ во всякое время находится очень большое количество помѣшанныхъ, которые считаются чудаками, странными людьми и т. п.» (П. И. Ковалевскій. Руководство къ правильному уходу за душевнобольными. 1880, стр. XV), то едва ли ни правильно будетъ предположить, что самое совращеніе въ спиритизмъ есть уже помѣшательство, но только въ той не бросающейся въ глаза формѣ, которая для общества непримѣтна, хотя легко можетъ быть діагностирована психіатромъ. Общество все ждетъ, чтобы больной сталъ «драться на стѣну»... Доходитъ, впрочемъ, и до этого.

Теперь становится ужъ совершенно понятнымъ, почему въ новѣйшее время субъекты, подверженные спиритизму, такъ сказать, окончательно сданы въ вѣдѣніе психіатровъ, которые не мало сдѣлали уже для ихъ изученія и ввели результаты своихъ изслѣдованій, какъ постоянную рубрику, въ курсы.

Мы бы никогда не кончили, если бы попытались дать съ нѣкоторою полнотою одни только указанія на литературу вопроса. Ограничимся поневолѣ двумя, тремя ссылками; и ихъ уже будетъ, какъ мы смѣемъ надѣяться, достаточно для того, чтобы предостереженія, въ нихъ заключающіяся, представлялись въ достодолжной степени серьезными.

Докторъ Деспинъ называетъ спиритизмъ «нравственною эпидеміей» и утверждаетъ, «что такого рода эпидемія можетъ возникнуть при извѣстныхъ условіяхъ всегда вопреки успѣхамъ просвѣщенія, ибо свѣтъ науки не доходитъ въ достаточной степени до народныхъ массъ; стремленіе къ чудесному

и другія подобныя стремленія, присущія человѣчеству, могутъ угаснуть лишь вмѣстѣ съ нимъ, а пока всегда найдутся возбуждающія эти стремленія условія, даже и по отношенію къ людямъ науки, и притомъ въ такой степени, что подчинятъ себѣ ихъ познанія, и, наконецъ, нервная система всегда будетъ потрясаема различными причинами, потрясающими нравственную сторону человѣческой природы». (De la folie au point de vue philosophique par le Dr. Prosper Despine. 1875, p. 766).

Извѣстный психіатръ Школе дѣлаетъ предположеніе, что фаталистическое отрѣшеніе отъ собственной воли и постоянное обращеніе къ рѣшенію вопрошаемаго «духа» наблюдается у спиритовъ, представляетъ признакъ, усиливающійся до степени болѣзни абуліи, т.-е. связанности воли не психологическими, а чисто внѣшними мотивами. (Д-ръ г. Шюзе. Душевныя болѣзни. Перев. Д. Фридберга. 1880, стр. 187). Гораздо полнѣе, точнѣе и обстоятельнѣе развита эта мысль у г. Кандинскаго, который, останавливаясь надъ поразительностью сходства въ состояніи гипнотизированнаго человѣка съ состояніемъ людей, участвующихъ, при ловкомъ медіумѣ, въ спиритическихъ сеансахъ, выясняетъ роль гипнотизированія, т.-е. наведенія (suggestion) галлюцинацій на лицъ, участвующихъ въ сеансѣ. Объективная реальность медіумическихъ явленій сводится, такимъ образомъ, на субъективную, а какъ основа разнообразія этихъ явленій — оказывается лишеніе воли. Это характеристическая особенность гипнотическаго состоянія. (Общеполезные психологическіе этюды В. Кандинскаго. 1881, стр. 226 и слѣд.) Но если совращеніе въ спиритизмъ есть уже полное умственное паденіе и если на человѣка, признающаго себя спиритомъ, надо смотрѣть, какъ на отпѣтаго, хотя бы онъ еще и не «дрался на стѣну» и сохранялъ способность разсуждать о какой-нибудь болѣе или менѣе узкой спеціальности, то не забудемъ, что самое участіе въ спиритическихъ сеансахъ, хотя бы еще и безъ окончательнаго умственнаго вывиха, предрасполагаетъ уже къ сумасшествію. На это обстоятельство слѣдовало бы обратить очень и очень серіозное вниманіе всякому, пока еще благополучно обрѣтающемуся человѣку.

Профессоръ Фрезе, предостерегая отъ занятій спиритизмомъ, «приверженцы котораго нерѣдко заболѣваютъ душевнымъ разстройствомъ», говоритъ, что «подготовленіе къ общенію съ духами» (какъ напр., долгое сидѣніе, молчаніе, ожиданіе,

какой-то страхъ, предвзятая мысль и т. д.) въ высшей степени способно привести въ извѣстное раздраженіе головной мозгъ. Подъ вліяніемъ этого раздраженія многіе спириты, не будучи вовсе обманщиками, совершенно убѣждены въ томъ, что они дѣйствительно видѣли, слышали, ощущали то-то и то-то; они во всемъ этомъ нисколько не сомнѣваются; для нихъ все это вполнѣ реально, но въ то же время ихъ ощущенія были ни больше, ни меньше, какъ галлюцинаціи. Ложныя же ощущенія составляютъ чрезвычайно обильный источникъ душевнаго разстройства. (А. Фрезе. Краткій курсъ психіатріи. 1881 г. стр. 151—152).

Послѣ этого предисловія, которое быть можетъ и покажется иному читателю слишкомъ длиннымъ, но которое, по нашему убѣжденію, было необходимо въ виду того, что мы имѣемъ намѣреніе передать разсказъ о случаѣ помѣшательства, изложенный спеціалистомъ въ спеціальномъ изданіи, мы можемъ приступить и къ самому разсказу. Больной, о которомъ идетъ рѣчь, прежде пользовался хорошимъ здоровьемъ и велъ совершенно правильную жизнь, но, въ силу распространяющейся въ нашемъ отечествѣ вѣры въ возможность общенія съ духами, сталъ, прежде просто изъ любопытства, почитывать соотвѣтствующія сочиненія, которыя и возбудили въ немъ желаніе заняться спиритизмомъ на практикѣ. Вскорѣ больной попалъ въ кружекъ лицъ, занимающихся спиритическими сеансами, и самъ занялся ими, послѣ достаточной къ тому подготовки, т. е. безъ всякой критики, но зато съ полною вѣрою и соблюдая всѣ наставленія, необходимыя для успѣха сеансовъ. Больному пришлось ходить недолго и вскорѣ онъ почувствовалъ на себѣ вліяніе духовъ, выразившееся безсонницей, теплотою и покалываніемъ въ лицѣ, чувствомъ давленія въ головѣ, особенно въ сторонѣ лба, появляющимся по временамъ, во время безсонницы, чувствомъ страха и, при закрытыхъ глазахъ, чувствомъ посторонняго прикосновенія по тѣлу. Чувствуя все это, больной бросилъ сеансы и сталъ упражняться въ спиритизмѣ одинъ, у себя дома. Ничѣмъ посторонним онъ въ то время заниматься не могъ и думалъ только о духахъ. Мышленіе его сдѣлалось однопредметнымъ, разсуждать онъ совсѣмъ пересталъ, о врачебной помощи ему некогда было думать, да онъ и не сознавалъ своего заболѣванія и, собственно говоря, былъ доволенъ, что достигаетъ своей цѣли, т. е. общенія съ духами (помѣшательства), хотя—какъ заявилъ—

бывали минуты, когда онъ сознавалъ, что попадетъ въ отдѣленіе душевныхъ болѣзней. Больной—человѣкъ молодой, а потому неудивительно, что въ то время онъ находился въ эротическомъ настроеніи, которому при томъ же способствовало предшествовавшее продолжительное возбужденіе. По наблюденію д-ра Пастернацкаго, лѣчившаго его въ варшавскомъ военномъ госпиталѣ, больной совершалъ еще дома цѣлый рядъ сознательныхъ дѣйствій, которыя онъ лишь по недостатку наблюдательности принималъ за безсознательныя и потому—это, «потому» очень характерно у спиритовъ—считавшихся имъ внушенными духами. Такъ, напримѣръ, карандашъ въ его рукахъ писалъ отдѣльныя слова и фразы, вполнѣ соотвѣтствующія эротическому настроенію больного, и т. п. «По словамъ больного, онъ чувствовалъ приближеніе того момента, когда успѣшнѣе всего могъ войти въ сношеніе съ духами: именно были сигналы (постукиванья въ головѣ), которыми духъ (понятно дѣвушка) давалъ знать больному о своемъ приближеніи къ нему. Сигналы эти давались обыкновенно вечеркомъ или ночью и въ послѣднемъ случаѣ, насколько больной можетъ вспомнить, онъ испытывалъ сладострастныя ощущенія. Вскорѣ духъ сталъ появляться больному и въ тѣлесномъ образѣ. Въ своихъ грезахъ на яву больной больше настаивалъ, а духъ только обѣщалъ, и только черезъ извѣстное время рѣшился вступить въ недуховное общеніе съ больнымъ, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ оставилъ свои очки дома, отправился въ клубъ и затѣмъ молился Богу. Больной съ радостью оставилъ очки дома, но въ клубѣ пробылъ только самое короткое время, такъ какъ оттуда былъ доставленъ въ отдѣленіе душевныхъ болѣзней въ приступѣ буйства, которымъ разразилось овладѣвшее имъ чрезмѣрное возбужденіе. При соотвѣтствующемъ лѣченіи буйство его вскорѣ прекратилось, и черезъ мѣсяцъ онъ былъ выписанъ изъ госпиталя совершенно здоровымъ и, вѣроятно, заниматься больше спиритизмомъ не будетъ. Какъ хорошо бы поступили и всѣ тѣ, которые, внявъ предостереженію, представляемому исторіею этого больного, и вовсе бы не брались за спиритическія занятія и такимъ образомъ подальше бы держались отъ «границъ помѣшательства, приближеніе къ которымъ не всегда остается безнаказаннымъ».

1884,
«Заря», № 89.

СУМАСШЕСТВІЕ И ОБЫДЕННАЯ ЖИЗНЬ.

«Не подлежитъ сомнѣнію,—говоритъ П. И. Ковалевскій,—что въ нашемъ обществѣ во всякое время находится очень большое количество помѣшанныхъ, и это пребываніе ихъ переносится обществомъ весьма благосклонно. Подобные люди считаются чудаками, странными людьми, и никто не подумаетъ предложить, не рискуя оскорбить данное лицо, помѣстить ихъ въ психіатрическое отдѣленіе больницы. Можно сказать съ положительностью, что нѣтъ почти въ обществѣ человѣка, у котораго не былобы родственника или близкаго знакомаго помѣшаннаго». (Руководство къ правильному уходу за душевными больными стр. XV). До какой степени велико число помѣшанныхъ, свободно обращающихся среди насъ, можно видѣть изъ статьи д-ра Пастернацкаго, посвященной вопросу призрѣнія нашихъ душевнобольныхъ, помѣщенной въ 4-й книжкѣ «Архива психіатріи» за прошлый годъ. «Принимая въ разсчетъ найденное наукою отношеніе числа душевнобольныхъ къ здоровымъ—говоритъ Г. Пастернацкій—мы найдемъ, что самое наименьшее число душевныхъ больныхъ въ Россіи должно быть сто тысячъ человѣкъ!» Изъ этой же статьи мы узнаемъ, что только ничтожная часть этой ужасающей цифры падаетъ на больныхъ, содержащихся въ лечебницахъ, а именно всего семь тысячъ человѣкъ находятъ убѣжище въ заведеніяхъ этого рода, остальные же 93 тысячи живутъ среди насъ, не претерпѣвая большею частью никакихъ стѣсненій. Они занимаютъ насъ своимъ пріятнымъ обществомъ, даютъ намъ совѣты, рѣшаютъ наши дѣла, учатъ нашихъ дѣтей и, что всего хуже, плодятся и плодятся... А психическія разстройства—надо помнить—наслѣдственны, и наслѣдственны, такъ сказать, усугубительно. Если супруги страдаютъ падучей, истерикой, пляской св. Вита и т. п., то не надо быть пророкомъ,

чтобы предсказать, что только особенно-благопріятныя обстоятельства могутъ помѣшать развитію у ихъ дѣтей опредѣленныхъ формъ помѣшательства: меланхоліи, маніи и т. д., и что внукамъ ихъ угрожаетъ идіотизмъ, слабоуміе, глухонѣмость и, наконецъ, безплодіе, которое и положитъ предѣлъ свихнувшемуся роду.

Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ сочиненій Моро, Лелью, Гагена, Ломброзо и другихъ, было много толковъ о соотношеніяхъ помѣшательства къ высшимъ стадіямъ умственнаго развитія, а потому могутъ явиться возражатели, которые скажутъ, что появленіе геніевъ и талантовъ въ семьяхъ, склонныхъ къ душевному разстройству, можетъ служить возмездіемъ за производимыхъ этими же семействами помѣшанныхъ, а потому препятствія къ бракамъ нервно-разстроенныхъ лицъ могли-бы одинаково пресѣчь и рожденіе помѣшанныхъ, и появленіе талантовъ, а такъ какъ вредъ, причиняемый помѣшанными, можетъ находить свой коррективъ въ самомъ обществѣ, а потеря пользы, приносимой талантомъ и геніемъ, невосполнима, то и преждевременное пресѣченіе душевно-разстроенныхъ родовъ должно считаться для общества скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ.

Предвидя такое возраженіе, мы и перечислимъ только три поколѣнія вырождающагося рода и пропустимъ намѣренно первое поколѣніе, обыкновенно относящееся только къ нервнымъ темпераментамъ и способное производить какъ людей съ блестящими способностями, такъ и душевнобольныхъ. У насъ нѣтъ, поэтому, и рѣчи о тѣхъ нервныхъ людяхъ, которые подходятъ къ самому порогу помѣшательства, не переходя его, и которые могутъ сдѣлаться отцами талантливыхъ и геніальныхъ людей. Говоря о 93 тысячахъ помѣшанныхъ, обращающихся безпрепятственно въ нашей средѣ, мы разумѣемъ только тѣхъ душевнобольныхъ, которые всегда и неизбѣжно предшествуютъ поколѣніямъ явно-сумасшедшихъ и идіотовъ. Не надо забывать при этомъ, что надорванные люди эти всегда взаимно симпатизируютъ и ищутъ другъ друга, такъ что не остается и малѣйшей даже надежды на рожденіе отъ нихъ душевно-здоровыхъ дѣтей.

Итакъ, говоря о 93 тысячахъ душевнобольныхъ, мы говоримъ о людяхъ совершенно безнадежныхъ и безусловно вредныхъ. Если они поставлены такъ, что могутъ совать свой носъ всюду, и всюду подпускать свой специфическій запахъ, да къ

тому же имѣютъ возможность безпрепятственно плодиться и множиться, то не трудно представить себѣ картину тѣхъ трудностей, которыя помимо другихъ обстоятельствъ—должны преодолѣвать утлую ладью нашего скромнаго прогресса! Нечего удивляться послѣ этого, что помѣшанные, помѣщенные въ благоустроенныя заведенія и сколько-нибудь попривыкшіе къ установленному въ немъ порядку и дисциплинѣ, становятся гораздо болѣе общительными и порядочными, нежели распущенные ихъ родственники. Психіатры, завѣдывающіе заведеніями для душевнобольныхъ, и своимъ родомъ занятій до высокой степени изощрившіе свое терпѣніе и самообладаніе, очень часто безсильны побороть антипатію къ назойливымъ и наглымъ родственникамъ своихъ паціентовъ. «Мнѣ приходилось очень часто слышать отъ многихъ психіатровъ,—говоритъ г. Ковалевскій,—да и самъ я часто прихожу къ тому заключенію, что гораздо лучше и пріятнѣе имѣть дѣло съ душевнобольными, чѣмъ съ ихъ родными, родственниками и друзьями (тамъ же стр. 224). А между тѣмъ эти несносные «родственники» неотвратимы, какъ судьба, въ нашей обыденной жизни они здѣсь, они тамъ, съ ними надо считаться... И хорошо еще, если мы отъ нихъ зависимъ мало, что не находимся совсѣмъ въ ихъ рукахъ!

Приходится утѣшиться, однакоже, если то, о чемъ будетъ рѣчь, можетъ назваться утѣшеніемъ: большая часть бѣдъ, причиняемыхъ обществу обращающимися въ немъ помѣшанными, не сознается обществомъ и принимается, какъ неизбѣжное и даже должное.

Неудовлетворительное образованіе и напичкиваніе головъ безполезнымъ хламомъ составляетъ своего рода профилактическое средство противъ испытыванія непріятности отъ сообщества сумасшедшихъ. Они городятъ и совершаютъ вздоры, но и не сумасшедшая голова, набитая хламомъ, тоже городитъ и совершаетъ вздоръ,—и особенной дисгармоніи не ощущается. Только тогда, когда сумасшедшіе совсѣмъ ужъ завруться и выйдутъ изъ всякихъ границъ, когда они начинаютъ рѣзать и душить людей, лѣзть на стѣну, кидаться изъ верхнихъ этажей на улицу черезъ окно, принимаемое ими за выходную дверь,—тогда только становится ясно для всѣхъ, что чудакъ-то былъ сумасшедшимъ и что его давнымъ-давно надо было, такъ сказать, «изъять изъ общенія». Факты, иллюстрирующіе такое положеніе вещей, попадаются въ газетахъ очень часто.

Изъ недавнихъ мы напомнимъ читателю два: въ Нижній-Новгородъ пріѣхалъ какой-то господинъ, который объявилъ, что онъ учитъ «легкимъ и тяжелымъ» танцамъ, и у него стали учиться, не умѣя правильно оцѣнить его странныхъ выходокъ. Все это продолжалось вплоть до тѣхъ поръ, пока онъ не перерѣзалъ безъ всякаго повода чуть не цѣлое семейство. Среда, въ которой обращался этотъ субъектъ, не имѣла никакого предчувствія о его помѣшательствѣ и, вѣроятно, очень пріятно проводила съ нимъ время, учась «легкимъ и тяжелымъ танцамъ». Другой примѣръ представляетъ намъ гласный петербургской думы купецъ Семеновъ. Онъ слылъ чудакомъ, и чудачество его дошло до того, что разъ, въ засѣданіи думы, послѣ рѣчи одного изъ гласныхъ, посвященной заслугамъ недавно скончавшагося общественнаго благотворителя Быкова, Семеновъ просилъ слова... и завелъ рѣчь объ очисткѣ ретирадныхъ мѣстъ. Очень можетъ быть, что кружокъ, къ которому онъ принадлежалъ и который состоялъ изъ трактирщиковъ и кабатчиковъ, даже одобрялъ такое поведеніе, но еще болѣе разительные факты не замедлили уяснить дѣло вполнѣ: Семеновъ вскорѣ послѣ происшествія въ думѣ пытался выброситься изъ окна, былъ затѣмъ подвергнутъ медицинскому осмотру и признанъ помѣшаннымъ.

Но если такъ идутъ дѣла въ томъ малообразованномъ слоѣ общества, гдѣ бесѣда съ помѣшаннымъ сходитъ за развлеченіе и гдѣ, пожалуй, ищутъ случая насладиться ею, то и въ средѣ, считающей себя интеллигентною, дѣла идутъ очень часто не лучше. Газеты извѣстнаго сорта разсказываютъ подчасъ анекдоты о сумасшедшихъ съ такимъ зубоскальствомъ и обнаруживаютъ при этомъ такое дикое невѣжество, что нельзя бываетъ не заподозрить въ составителяхъ анекдотовъ и редакторахъ друзей г. Семенова или учениковъ нижегородскаго танцмейстера. Недавно, въ одномъ изъ журналовъ, который, подобно Скалозубу, можетъ похвалиться, что «въ товарищахъ довольно счастливъ онъ», помѣщена была статья, состоявшая сплошь изъ разговоровъ помѣшанныхъ, подслушанныхъ авторомъ случайно при посѣщеніи больницы «Всѣхъ Скорбящихъ». Курьезному автору и на мысль не пришло даже прочитать хоть одинъ курсъ психіатріи, хоть одну какую-нибудь книжку, которая была бы способна открыть ему глаза на истинное значеніе того, что ему довелось видѣть и слышать. Нѣтъ, онъ со всею примитивностью первобытнаго человѣка ходитъ по коридорамъ больницы, запи-

сываетъ слышанное, а затѣмъ печатаетъ весь этотъ сумбуръ. Да вѣдь если бы сумасшедшіе не говорили всего того, что такъ поразило наивнаго наблюдателя, то вѣдь они были бы и не сумасшедшіе! O sancta simplicitas! Ужели вся эта богатая, поучительная и глубоко-интересная психіатрическая литература писана не для тѣхъ, которые являются въ роли проповѣдниковъ истины и свѣта, ужели всѣ слезы, всѣ ужасы, весь трагизмъ, который проглядываетъ сквозь видимый міру бредъ больныхъ, можетъ служить поводомъ только для хихиканья? Пощадите!...

Значеніе наслѣдственности, на которое мы указали въ началѣ нашей замѣтки, вырожденіе, имѣющее своею исходною точкою самые обыденнѣйшіе «нервные темпераменты», не сдерживаемое размноженіе дегенеративныхъ субъектовъ, ужасающій размѣръ ихъ численности въ настоящее время, сообразная съ этою численностью безпріютность,—все это, надо полагать, вещи настолько серьезныя, что могутъ отнять охоту смѣяться у сколько-нибудь мыслящаго и чувствующаго человѣка. Но есть еще одна сторона дѣла, которая тоже сильно хватаетъ за сердце и наводитъ на серьезныя размышленія—это отвѣтственность психопатовъ передъ судомъ и связанный съ нею вопросъ освидѣтельствованія душевно больныхъ, съ цѣлью опредѣленія ихъ гражданской правоспособности. Вопросъ этотъ имѣетъ громадное значеніе, и литература представляетъ намъ цѣлую массу трагическихъ случаевъ, возникшихъ вслѣдствіе неудовлетворительнаго его разрѣшенія. Послѣдній нумеръ «Архива психіатріи» приводитъ, напримѣръ, уголовное дѣло крестьянина А., совершившаго въ короткое время два убійства: отца своего и товарища-арестанта. Несчастный крестьянинъ этотъ, помѣшавшійся гораздо ранѣе совершенія перваго преступленія, былъ судимъ какъ здоровый и только послѣ убійства въ тюрьмѣ признанъ, наконецъ, невмѣняемымъ. И, замѣтьте себѣ, болѣзнь этого субъекта не представляла ничего особеннаго, ничего темнаго и загадочнаго!... Что-же сказать о тѣхъ случаяхъ, когда и психическое разстройство представляетъ явленія рѣдкія, трудно изслѣдуемыя и требующія для своего опредѣленія не только знаній, но и таланта того эксперта, къ которому она попадаетъ въ руки? Таково было надѣлавшее столько шуму дѣло Островлевой, выясненіе котораго передъ судомъ присяжныхъ сдѣлано было извѣстнымъ психіатромъ г. Кандинскимъ. Всякій, кто прочтетъ замѣчательную статью г. Кандинскаго въ 4-й книжкѣ

«Архива» за прошлый годъ, въ состояніи будетъ судить о той глубокой пропасти, которая раздѣляетъ работы такого рода отъ легкомысленнаго верхоглядства, на которое мы только-что жаловались. Проницательный и тонкій анализъ г. Кандинскаго, во всей рѣзкости противоположный обыденному пустомыслію, показываетъ, какъ много еще нужно нашему обществу для того, чтобы возвыситься до свѣтлаго и гуманнаго пониманія фактовъ, возбуждающихъ теперь или тупое недоумѣніе, или легковѣсное балагурство; какъ великъ—еще тотъ путь, который ему предстоитъ сдѣлать отъ культурной полировки, которою онъ теперь довольствуется, до едва мерцающаго еще гдѣ-то вдали свѣта истины и добра.

«Удивительна судьба нашей спеціальности,—пишетъ д-ръ Совѣтовъ въ 3-й книжкѣ «Архива» за настоящій годъ—спеціальность, безусловно интереснѣйшая, безусловно труднѣйшая для изученія и пониманія, — спеціальность, въ которой высшіе умы и люди считаютъ себя развѣ только прикоснувшимися къ концу завѣсы,—вдругъ всякими проходимцами съ улицы считается вполнѣ изученною и досконально знаемою. Быть можетъ, эта дерзость именно и объясняется тѣмъ, что спеціальность эта очень трудна, а такъ какъ она совершенно неизвѣстна намъ, то въ большинствѣ и считается ею досконально извѣстною».

«Не мало оскорбительно въ этомъ отношеніи то высокомѣрное отношеніе многихъ изъ публики (разумѣется, въ большинствѣ нищихъ духомъ или отъ рожденія, или по преклоннымъ лѣтамъ), съ которымъ они удостоиваютъ отзывами о мнѣніи психіатровъ по тому или другому вопросу въ области психопатологіи. Будь экспертомъ сапожникъ—ему вѣрятъ и принимаютъ его мнѣніе компетентнымъ. Довѣряютъ экспертизѣ прачки. Я не говорю уже о химикахъ, техникахъ, инженерахъ, хирургахъ и проч. Всюду есть довѣріе, всюду признается въ извѣстной мѣрѣ авторитетность. Одна область психіатріи является какою-то падчерицею, гдѣ всякъ воленъ толковать мнѣніе эксперта (мы разумѣемъ и здѣсь эксперта-спеціалиста, а не перваго попавшагося) такъ и иначе. Это не есть плачъ за недосягаемымъ авторитетомъ психіатра, а это есть плачъ о нахальствѣ и невѣжествѣ людей, которые должны были бы быть и болѣе свѣдущими, и болѣе разумными»...

«Но сущность дѣла не въ психіатрическомъ самолюбіи, а въ тѣхъ несчастіяхъ, которыя очень часто бываютъ результа-

томъ гаерства профановъ». Гаерство профановъ—замѣтимъ мы при этомъ случаѣ—у насъ общее мѣсто, и въ то время, когда въ Западной Европѣ этіологія душевныхъ болѣзней ставится въ связь съ основными общественными вопросами—блистательнымъ примѣромъ чего могутъ служить сочиненія Маудсли, и гдѣ вслѣдствіе этого психіатрія начинаетъ пріобрѣтать глубокій и широкій интересъ, когда ею, какъ недавно замѣтилъ англійскій психіатръ Гакъ Тьюкъ, интересуются и законодатели, и юристы, и духовные, и соціологи, и метафизики... Что видимъ мы въ это время у насъ? Психіатры осуждены на судьбу рыбы, бьющейся объ ледъ: имъ нѣтъ хода отъ тысячи препятствій и преградъ, ихъ не способенъ даже понимать средній умъ нашего культурнаго человѣка»... А психіатры между тѣмъ плодятся и множатся, мелькаютъ вездѣ и всюду, чувствуютъ себя какъ нельзя лучше: у насъ какъ вѣрно замѣтилъ П. И. Ковалевскій—помѣшаннымъ считается только тотъ, «кто дерется на стѣну».

1884.

«Заря», № 177.

САМОУБІЙСТВО СКОРПІОНОВЪ, КОШЕКЪ И СОБАКЪ. «ПРЕСТУПНЫЯ УБІЙСТВА ВЪ МІРѢ ЖИВОТНЫХЪ».

Въ дополненіе къ сообщаемымъ въ № 189 «Зари» свѣдѣніямъ по вопросу о самоубійствѣ животныхъ, мы намѣреваемся подѣлиться съ читателями кое-какими данными о томъ же предметѣ, находимыми нами въ имѣющихся у насъ подъ руками матеріалахъ.

Прежде всего о самоубійствѣ скорпіоновъ. О немъ идетъ рѣчь въ двухъ сочиненіяхъ Джорджа Роменс а (George Romanes) «Animal Intelligence» 1882 и «Mental Evolution in Animals» 1883 г. Читая первое изъ нихъ, нельзя не обратить вниманія на то, что до 82 года такой спеціалистъ по изученію жизни животныхъ, какъ Роменсъ, могъ представить всего только два наблюденія, пытающіяся установить фактъ самоубійства скорпіоновъ, именно Бидди (Biddie), изложенное въ XI томѣ журнала «Nature», и неизвѣстнаго очевидца, передаваемое въ XX томѣ того же журнала докторомъ Allen Thomson'омъ, упоминающимъ о различныхъ заявленіяхъ сомнѣнія въ этомъ фактѣ со стороны ученыхъ натуралистовъ. Перепечатывая in exstenso сообщенія этихъ двухъ кореспондентовъ «Nature», Роменсъ обратилъ особенное вниманіе на то обстоятельство, что Алленъ Томсонъ не производилъ этихъ наблюденій самъ и что лицо, производившее ихъ, имѣло въ виду не какую-либо научную цѣль, а только желало избавиться какимъ-нибудь образомъ отъ докучливыхъ животныхъ. Роменсъ предполагалъ, поэтому, что фактъ самоубійства скорпіоновъ требуетъ дальнѣйшихъ подтвержденій, ранѣе чѣмъ мы будемъ въ состояніи окончательно признать его (pp. 222—5). Въ новомъ своемъ сочиненіи объ умственномъ развитіи животныхъ Роменсъ говоритъ, что перепечатка корреспонденціи «Nature» въ его первой книгѣ побудили двухъ компетентныхъ натура

листовъ произвести новыя наблюденія. Одинъ изъ нихъ профессоръ Ланкестеръ опубликовалъ ихъ въ «Gournal of Linne an Society» (1882), а другой—Ллойдъ Морганъ—въ XXVII томѣ «Nature». Оба эти наблюдателя согласны въ томъ, что скорпіоны никогда не совершаютъ самоубійствъ, и такъ какъ Морганъ подвергалъ этихъ животныхъ самымъ ужаснымъ мукамъ, всегда съ отрицательнымъ результатомъ, то Роменсъ полагаетъ, что вопросъ можно считать рѣшеннымъ. Сверхъ того Бидди, возбудившій этотъ вопросъ и рѣшившій его утвердительно, помѣстилъ въ той же «Nature» (1883 г. іюля 12) письмо, въ которомъ онъ дѣлаетъ вѣроятное—по мнѣнію Роменса—предположеніе, что такъ какъ онъ сосредоточивалъ солнечные лучи на очень маломъ пространствѣ поверхности тѣла животнаго, то оно, жаля само себя, «могло представлять себѣ, что избавляется отъ воображаемаго врага» (р. 278). Изъ этого видно, что вопросъ разрѣшенъ отрицательно еще въ прошломъ году и что остроумное объясненіе мнимаго факта самоубійства скорпіоновъ предположено тѣмъ же скромнымъ мистеромъ Бидди, которому принадлежитъ инициатива пересмотра и окончательнаго рѣшенія этого вопроса.

Легенда о самоубійствѣ скорпіоновъ очень стара и существуетъ, по всей вѣроятности, вездѣ, гдѣ есть скорпіоны. Томсонъ, какъ мы упоминали—говоритъ, что такія легенды очень въ ходу въ Италіи. Намъ же приводилось не разъ слышать ихъ въ разныхъ мѣстахъ Закавказья болѣе 25 лѣтъ тому назадъ. Г. Свиридовъ, спеціально изслѣдовавшій закавказскихъ скорпіоновъ, помѣстилъ во «Всемірномъ Путешественникѣ» 1876 или 1877 года очень обстоятельную статью о нравахъ этихъ интересныхъ животныхъ. Не могъ онъ, конечно, пройти молчаніемъ и повѣрья относительно ихъ способности самопроизвольно лишать себя жизни. Г. Свиридовъ рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно, но объясненіе его заключалось въ томъ, что онъ обусловливалъ смерть скорпіона исключительно дѣйствіемъ жара и затѣмъ утверждалъ, что запусканіе жала въ спину происходило безсознательно при свертываніи животнаго кольцомъ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Переходя теперь къ самоубійству кошекъ и собакъ, мы приведемъ замѣтку по этому вопросу, помѣщенную Маудсли въ журналѣ «Mind» (1879, july). Главная цѣль замѣтки Маудсли заключается въ нѣкоторомъ отрезвленіи тѣхъ, которые спѣшили со своими заключеніями и хватали на лету непровѣренные факты. Такъ,

напр., многія газеты разсказывали о кошкѣ, которая будто бы такъ огорчилась потерею котятъ, что задушилась, защемивъ голову въ вилообразно-расходящихся древесныхъ вѣтвяхъ. Маудсли справедливо замѣчаетъ по поводу этого разсказа, что кореспондентъ, пустившій его въ ходъ, несомнѣнно былъ очень мало знакомъ съ сельскою жизнью, которая представляетъ множество случаевъ гибели кошекъ во время травли ихъ за птицами, совершенно подобной той, которая приведена выше.

Случаи защемленія головы въ вѣтвяхъ бывали даже и съ людьми. «Разсказы такого рода,—замѣчаетъ Маудсли,—должны быть обстоятельно излѣдованы и ихъ никакъ нельзя принимать, если разсказчикъ не обнаружилъ заботливости объ огражденіи отъ обыденныхъ оплошностей наблюденія и умозаключенія, или если разсказъ его не былъ провѣренъ кѣмъ-нибудь, болѣе склоннымъ къ сомнѣнію, нежели къ довѣрію, и всегда находящимся на сторожѣ по отношенію къ ошибкамъ такого рода».

Другая поразительная исторія, напоминающая исторію кошки, обошла тоже всѣ газеты. Дѣло шло о собакѣ, которая утопилась съ горя послѣ разлуки съ любимымъ ею хозяиномъ.

Маудсли постарался какъ можно тщательнѣе обслѣдовать этотъ случай и результатъ его поисковъ оказался отрицательный. Собака—какъ подтвердили лица, видѣвшія ее—была больна и истощена; она забралась въ воду, чтобы напиться, но не могла стоять на ногахъ, легла, захлебнулась, не могла встать и потому и утопилась. Самъ хозяинъ ея приписывалъ смерть ея болѣзни и истощенію. «Очень возможно,—говоритъ Маудсли, заключая свой разсказъ объ этой собакѣ,—очень возможно, что животное, будучи въ состояніи возбужденія или изступленія, происходящихъ отъ тоски или болѣзни, совершаетъ какой-нибудь неистовый порывъ, приводящій его къ смерти, то же самое бываетъ и съ людьми; но это совсѣмъ не то, что опредѣленно задуманное и самопроизвольно выполненное самоубійство. Пока у насъ нѣтъ достаточнаго основанія для допущенія такого факта въ мірѣ животныхъ».

Затѣмъ Маудсли передаетъ еще одинъ разсказъ, и этотъ разсказъ заимствуетъ ужъ не изъ газетъ, а изъ описи проф. Кельдерууда (Galderwood) «The Relations of Mind and Brain». «Мнѣ извѣстенъ очень поразительный случай скорой смерти собаки съ горя—говоритъ почтенный профессоръ. Однажды, какъ передавалъ мнѣ одинъ пасторъ—хозяинъ этой собаки—

когда все семейство пастора находилось въ церкви, собака принялась гоняться за домашней птицей. Поймавъ нѣсколько куръ и задушивъ ихъ, она зарыла трупы ихъ въ разныхъ мѣстахъ сада, въ которомъ она производила травлю. Вслѣдъ за возвращеніемъ семейства домой исчезновеніе куръ было замѣчено, но сдѣланные поиски не открыли никакихъ слѣдовъ ни въ усадьбѣ, ни по сосѣдству. Наконецъ, кто-то замѣтилъ, что въ саду земля въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была разрыта. Въ этихъ именно мѣстахъ и найдены были задавленныя куры. Собаку привели въ садъ и она тотчасъ же повинилась въ своемъ поступкѣ. Хозяинъ ея повелъ ее въ свою комнату, и, заперевъ за собою дверь, прочелъ ей слѣдующую нотацію: «что за нечестивое дѣло совершила ты, передушивъ куръ! Вѣдь ты собака пастора и должна бы служить образцомъ для всѣхъ остальныхъ собакъ, а ты вмѣсто того дѣлаешь такія дѣла. Притомъ же сегодня суббота и поэтому содѣянное вмѣняется тебѣ еще болѣе ради дня, въ который ты его совершила». Послѣ этого увѣщанія собака была выгнана изъ комнаты и дверь за нею захлопнута. На слѣдующее утро она была найдена мертвою. Судебное слѣдствіе произведено, конечно, не было, но призванный ветеринаръ произнесъ такой вердиктъ: «умерла отъ сердечнаго сокрушенія». Онъ сказалъ, что если бы животное послѣ наказанія было обласкано, то все пошло бы ладно, но оно не могло перенести, чтобы съ нимъ обращались, какъ съ отверженнымъ. Хотя проф. Кельдеруудъ и говоритъ, что пасторъ, передававшій ему разсказъ о собакѣ, «отличается своимъ знаніемъ искусства, умѣніемъ проповѣдывать и особенною любовью къ животнымъ», но Маудсли все же таки думаетъ, что необходимо было разслѣдовать это дѣло по обстоятельнѣе, и въ заключеніе говоритъ, что если провинившаяся собака можетъ чувствовать стыдъ и раскаяніе, когда ее уличаютъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что она можетъ умереть съ тоски послѣ увѣщаній хозяина только въ томъ случаѣ, если увѣщанія эти будутъ подкрѣплены соотвѣтственною дозою мышьяка. Слѣдуетъ, однакоже, отмѣтить тотъ фактъ, что убѣжденіе въ невозможности самоубійства животныхъ нельзя еще считать общепринятымъ или, пожалуй, нельзя считать данныхъ, на которыхъ это убѣжденіе основывается, общераспространенными.

Такъ, въ статьѣ итальянскаго проф. Энрико Фёрри «О преступныхъ убійствахъ между животными (Enrico Ferri. Le

uccifioni criminaze tra gli animali), помѣщенной въ одномъ изъ выпусковъ «Revista di filosofia scientifica» за прошлый годъ, мы встрѣчаемъ утвержденіе возможности такого рода самоубійствъ. Хотя Фёрри и ссылается не только на устарѣлое сочиненіе Пьеркена, но и на Брема, но такъ какъ онъ ровно ничего не говоритъ о степени точности тѣхъ наблюденій, на которыхъ основывается высказываемое имъ мнѣніе, и такъ какъ почти все то, что было писано объ этомъ въ Англіи, остается ему неизвѣстнымъ и утвержденіе его вообще говоря слишкомъ уже голословно, то намъ и приходится считать послѣднимъ словомъ въ рѣшеніи этого вопроса то мнѣніе, которое поддерживается Роменсомъ и Маудсли. Разсказъ о собакѣ проф. Кельдерууда даетъ указаніе еще на одну сторону психической жизни животныхъ, о которой въ послѣднее время было не мало толковъ,— на признаніе собакой своей вины, своей, такъ сказать преступности. Способность собакъ чувствовать стыдъ и раскаяніе есть, впрочемъ, фактъ общеизвѣстный. Ее подтверждаетъ и Роменсъ, отводящій ей въ ряду явленій психической жизни животныхъ высшее мѣсто.

Согласно его наблюденіямъ и собраннымъ имъ даннымъ, способность эта встрѣчается кромѣ собакъ лишь у весьма немногихъ четвероногихъ и четверорукихъ. Такъ какъ раскаяніе, или также угрызеніе совѣсти (remoge), предполагаетъ сознаніе вины, сознаніе поступка или преступленія, совершонныхъ животнымъ, то, слѣдовательно, нѣкоторыя дѣйствія животныхъ могутъ съ достаточнымъ основаніемъ разсматриваться, какъ преступныя, и въ этомъ отношеніи можно ожидать установленія гораздо большаго числа чертъ сходства между нравами человѣка и нравами животныхъ, чѣмъ по отношенію искусственно постановленнаго вопроса о самоубійствѣ. Энрико Фёрри резюмировалъ довольно обширную литературу этой области изслѣдованія въ статьѣ своей о преступныхъ убійствахъ между животными, о которой мы только-что упоминали. Фёрри приходитъ къ заключенію, что между убійствами, совершаемыми людьми, и убійствами, имѣющими мѣсто у животныхъ, въ томъ случаѣ, когда жертвы убійцъ принадлежатъ тому же роду, что и убійцы, существуетъ столько общихъ чертъ, что нельзя не признать во многихъ случаяхъ самаго поразительнаго между ними сходства. Прежде всего, убійства между животными, по характеру своему, представляютъ настоящія преступленія.

Они совершаются не только между индивидами одного и того-же рода, но нерѣдко между очень близкими по крови и очень часто бываютъ не послѣдствіемъ общаго и специфическаго инстинкта, но чисто-индивидуальныхъ склонностей. Затѣмъ, въ убійствахъ этихъ можно наблюдать большое разнообразіе психологическихъ и патологическихъ мотивовъ, почти такихъ же, какіе замѣчаются у людей. Далѣе, при исполненіи замышленнаго дѣйствія, поведеніе животныхъ очень уподобляется поведенію людей: тутъ пускается въ ходъ не одно только грубое насиліе, но и хитрость, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ожесточеніе доходитъ до того, что убійцы терзаютъ трупъ убитыхъ, а иногда и пожираютъ его помимо всякаго побужденія голода. Кромѣ того, можно наблюдать и союзы между нѣсколькими индивидами, заключаемые собственно только для совершенія убійства. Особенно достойно вниманія, наконецъ, то, что у животныхъ наиболѣе общественныхъ заключается иногда общественная реакція противъ убійцъ индивидовъ того-же рода и такимъ образомъ подавляется или наказуется ихъ замыселъ. Нельзя не замѣтить, однакоже, что интересная работа Фёрри могла-бы много выиграть, если бы онъ ограничилъ область изслѣдованія общественными животными и поставилъ бы критеріемъ-преступности не внѣшній признакъ принадлежности убійцъ къ одному роду съ ихъ жертвами, а большую или меньшую степень сознанія противорѣчія между даннымъ поступкомъ и условіями, налагаемыми общественностью. Теперь по Фёрри выходитъ, что между убійствами въ средѣ скорпіоновъ и пауковъ и между убійствами въ средѣ животныхъ стадныхъ нѣтъ качественнаго различія, а между тѣмъ, принявъ во вниманіе упомянутые выше два момента—сознанія и общественности—едва ли возможно будетъ сомнѣваться, что явленія эти совершенно разнородны. Упущеніе изъ виду этой стороны вопроса придаетъ нѣкоторымъ мѣстамъ статьи Фёрри извѣстную степень искусственности и натянутости. Во всякомъ случаѣ, однако, изслѣдованіе Фёрри имѣетъ свою долю цѣнности и нельзя не пожелать, чтобы работы такого рода являлись чаще, такъ какъ онѣ такъ же, какъ и разсмотрѣнный выше вопросъ о самоубійствѣ животныхъ—могутъ принести много пользы не только для своей науки—зоосоціологіи, но и для постоянно-нуждающейся въ добываемыхъ ею результатахъ—антропосоціологіи.

1884. «Заря», № 215.

РАЗВИТІЕ ПЕССИМИЗМА ВЪ ИНДІИ.

Powst anie i rozwój pesymizmu w Indyach. Napisal Maurycy Straszewski, professor filozofii na Wszechnicy Jagiellonskiej. Krakow, 1884).

Почтенный авторъ книги, на которую мы желаемъ обратить вниманіе читателей, справедливо замѣчаетъ, что вопросъ о восточномъ пессимизмѣ имѣетъ значеніе и для нынѣшняго времени, такъ какъ пессимистическія теоріи, играющія въ современномъ философскомъ движеніи весьма важную роль, находятся въ близкомъ къ нему отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, не замѣчалъ ли всякій, принимающійся за изученіе современной философіи, что сопоставленіе представляемыхъ ею типовъ—особенно же столь виднаго типа пессимистическаго—съ типами, выработанными въ Индіи, не остается безъ вліянія на установленіе правильной оцѣнки современныхъ теорій. Между тѣмъ при всемъ обиліи спеціальныхъ изслѣдованій по исторіи философской мысли въ Индіи, особливо у англичанъ, никто еще не пытался свести имѣющіяся теперь данныя въ одну общую картину, которая могла бы дать точку опоры при изученіи современности примѣнительно къ требованіямъ столь плодотворнаго въ другихъ областяхъ знанія—сравнительнаго метода.

Г. Страшевскій блистательно выполнилъ эту трудную и благодарную задачу. Давно работая надъ обширнымъ сочиненіемъ по исторіи философіи, онъ остановился на мысли о неудовлетворительности и рутинности исходнаго пункта, принимаемаго всѣми историками, и отъ Греціи обратился къ Востоку. Плоды изысканій его въ этомъ направленіи лежатъ теперь передъ нами въ изящномъ и роскошномъ изданіи, вышедшемъ ко дню празднованія трехсотлѣтняго юбилея эдинбургскаго университета и посвященномъ «clarisisimae humanissimae universitati litterarum Edinburgensi tertia saecularia celebranti».

Сочиненіе г. Страшевскаго состоитъ изъ краткаго предисловія и семи главъ:—1-я глава заключаетъ общее вступленіе, выясняющее точку зрѣнія автора и представляющее списокъ обширныхъ матеріаловъ, которыми онъ пользовался; 2-я глава рисуетъ картину первобытнаго индійскаго общества и его позднѣйшихъ видоизмѣненій; 3-я глава говоритъ о зачаткахъ философскаго умозрѣнія въ гимнахъ Ригъ-Веды; 4-я глава разсматриваетъ литургико-теологическія умозрѣнія индійскихъ жрецовъ и вѣру въ странствованіе душъ по смерти; 5-я глава имѣетъ предметомъ самостоятельное философское умозрѣніе индійскихъ жрецовъ и главнымъ образомъ останавливается на понятіи Атманъ-Брахмы и на трансцендентальной метафизикѣ вообще; затѣмъ идетъ рѣчь собственно о пессимизмѣ, и первоначально—само собою разумѣется—о пессимизмѣ на почвѣ брахманскихъ умозрѣній; 6-я глава останавливается на разсмотрѣніи буддизма, изслѣдуетъ его генезисъ и даетъ характеристику пессимизма, развившагося на его основахъ; 7-я глава, наконецъ, посвящена сравненію индійскаго пессимизма съ проявленіями пессимизма у другихъ народовъ и въ особенности у нѣмцевъ, а также и сравненію буддійской религіи съ религіей христіанской; въ заключеніе разсматривается вопросъ о судьбахъ, подготовленныхъ пессимизмомъ тѣмъ обществамъ, которыя приняли его за основу религіозной жизни, при чемъ выясняется и значеніе того «зерна истины», которое содержится въ пессимизмѣ.

Имѣя въ виду одну только цѣль—обратить на сочиненіе г. Страшевскаго вниманіе тѣхъ, которые интересуются избраннымъ имъ для изученія вопросомъ, мы съ сожалѣніемъ должны отказать себѣ въ удовольствіи даже вкратцѣ передать читателямъ содержаніе этого превосходнаго сочиненія. Ограничиваясь отрывочными указаніями, скажемъ только, что основной вопросъ лежащей передъ нами книги заключается въ томъ, «какимъ образомъ и по какому пути индійское общество дошло еще въ эпоху глубокой древности до выработки пессимистической религіи и философіи?» Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ самыхъ общихъ чертахъ формулируется самимъ авторомъ слѣдующимъ образомъ: «Пессимизмъ, какъ основа позднѣйшихъ формъ религіозной жизни въ Индіи, есть плодъ того религіознаго и философскаго движенія, которое, начавъ съ обоготворенія жертвоприношенія и молитвы, закончилось признаніемъ человѣческаго «я» единственнымъ и непосредственнымъ

проявленіемъ абсолюта. Можно утверждать, конечно, не безъ основанія, что пессимистическому настроенію въ Индіи сильно благопріятствовали и многіе другіе факторы, какъ-то: жаркій и влажный климатъ, порождающій склонность къ квіетизму безмѣрный пылъ воображенія и тревога мысли, раздражаемой жаждой безконечности, а также общественныя условія и пресыщеніе наслажденіемъ; превыше же всего—вѣра въ переселеніе душъ по смерти. Всѣ эти факторы, однако же, никогда не довели-бы до выработки догмата, установляющаго взглядъ на личное существованіе, какъ на зло, и не убѣдили бы въ тщетѣ и суетности всякаго существованія, если бы мысль не подчинялась вліянію теоріи абсолюта (атмана)» (стр. 84—85). Положеніе это г. Страшевскій подтверждаетъ обзоромъ хода умственнаго развитія у разныхъ народовъ—евреевъ, грековъ, европейцевъ новаго времени—и вездѣ усматриваетъ доказательства того несомнѣннаго, по его мнѣнію, факта, что одно пессимистическое умонастроеніе безъ воздѣйствія метафизической теоріи абсолюта не приводитъ къ выработкѣ пессимистическаго міросозерцанія, и что только одно это метафизическое воздѣйствіе способно завершить совокупное вліяніе другихъ факторовъ и обосновать философскій и религіозный пессимизмъ, какъ мы то и видимъ въ современной Германіи.

Систематическій пессимизмъ дѣйствительно не обходился до сихъ поръ безъ метафизическаго понятія абсолюта какъ въ древней Индіи, такъ и въ новѣйшей Германіи, и изъ числа представителей несистематизированнаго пессимистическаго міросозерцанія мы знаемъ только одного—Джемса Томсона, который вполнѣ опредѣленно и ясно отвергаетъ метафизику въ самомъ принципѣ. Но и признавъ совершенную неизбѣжность метафизической теоріи абсолюта въ систематически обработанномъ пессимизмѣ, мы не придадимъ еще ему значеніе элемента, завершающаго совокупное вліяніе всѣхъ прочихъ факторовъ, и не упустимъ изъ виду опасности чрезмѣрнаго стушевыванія элемента общественнаго, безъ участія котораго всѣ остроумнѣйшія измышленія пессимистическихъ философовъ останутся только кабинетными теоріями и въ общественную среду не проникнутъ.

Характеристика восточнаго пессимизма, какую мы находимъ у г. Страшевскаго, наводитъ насъ еще на одинъ вопросъ: возможно ли обойти элементъ психопатологическій, когда идетъ

рѣчь о выработкѣ пессимистическихъ воззрѣній на востокѣ? Ольденбергъ наводитъ на рѣшеніе этого вопроса, указывая на психопатологическія явленія въ созерцательной жизни брахмановъ и буддійскихъ бикшу (H. Oldendberg. Buddha. Berlin, 1881, S. 69 und 323); но онъ недостаточно останавливается—какъ мы думаемъ—на томъ воздѣйствіи, которое несомнѣнно имѣетъ фиктивныя блаженныя состоянія, обусловливаемыя экстазомъ и галюцинаціями, на оцѣнку обыденной дѣйствительности. Индійскій пессимизмъ весьма многимъ обязанъ, конечно, вліянію душевнаго разстройства, порожденнаго аскетизмомъ и созерцаніемъ отшельниковъ, вполнѣ подходя подъ категорію тѣхъ явленій, о которыхъ говоритъ Лестеръ-Уордъ въ своей «Соціологіи». (T. I, p. 12). Въ другомъ мѣстѣ (Литературный сборникъ «Восточнаго Обозрѣнія») мы говоримъ объ этомъ подробнѣе, а теперь считаемъ достаточнымъ сдѣланное указаніе [1]).

Остается замѣтить, что, при всемъ богатствѣ источниковъ почтеннаго автора исторіи возникновенія и развитія пессимизма въ Индіи, источники эти все-таки нуждались-бы въ пополненіи, такъ какъ онъ не ограничился изложеніемъ исключительно только тѣхъ явленій и вопросовъ, на которые указываетъ заглавіе его сочиненія, но затронулъ еще и нѣкоторые вопросы и явленія смежные и побочные. Такъ, напримѣръ, онъ сравниваетъ буддизмъ съ христіанствомъ, даетъ оцѣнку современнаго пессимизма и т. д.

Въ виду такого расширенія его темы, и матеріалы его съ пользою могли бы быть пополнены такими сочиненіями, какъ, напримѣръ: R. Seydel. Das Evangelium von Jesu in seinen Verhältnissen zu Buddha-Sage und Buddha-Lehre. Leipzig, 1882. E de Bunsen The Angel-Messiah of Buddhists, Essenes and Christians. London, 1880 Spence Hardy Christianity and Buddhism. London, 1875. Samuel Beal. Abstract of four lectures on buddhist literature in China, Lond. 1882. (Lecture IV, Coincidences between buddhism and other religions systems). James Sully. Pessimism. A History and a Criticism. London, 1877.

Скажемъ въ заключеніе, что мы съ намѣреніемъ умолчали о точкѣ зрѣнія самого автора разсматриваемой нами книги,

---

[1]) Отыскать этотъ «Сборникъ» не удалось ни въ публичныхъ библіотекахъ Москвы и Петрограда, ни у частныхъ лицъ, ни въ библіотекѣ автора. Повидимому онъ вышелъ въ 1884 году. *Прим. ред.*

такъ какъ желали воздержаться отъ полемики, на которую эта точка зрѣнія насъ вызвала-бы и невольно увлекла далеко за предѣлы даннаго спеціальнаго вопроса. Несогласіе съ философскими воззрѣніями почтеннаго автора не мѣшаетъ намъ цѣнить добросовѣстность его труда, ясность и изящество его изложенія, богатство его эрудиціи и проницательность его критическихъ взглядовъ, рекомендовать его книгу всѣмъ, интересующимся исторіей философіи, и желать появленія ея въ русскомъ переводѣ.

1885 г.
«Заря».

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ НАУКИ О ДУШЕВНЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ.

Трудно сказать, какого рода невѣжествомъ преимущественно отличается наше, такъ называемое, образованное общество, но едва ли можно сомнѣваться, что по части психологіи и особенно психопатологіи оно препорядочно таки хромаетъ. Вѣра въ медіумовъ, жадность, съ которою поглощается всякая спиритическая галиматья, обиліе вздора, появляющагося при всякомъ случаѣ, требующемъ хоть элементарныхъ познаній психической природы человѣка,—все это очень рельефно и ярко обнаруживаетъ не только скудость положительныхъ знаній вообще, но почти полное отсутствіе психологическихъ свѣдѣній въ особенности. Не подлежитъ сомнѣнію, конечно, что не всѣ случаи спиритическаго умопомраченія и медіумическаго гаерства слѣдуетъ относить исключительно къ невѣжеству; многое приходится ставить, несомнѣнно, на счетъ дегенераціи, т.-е. говоря проще—на счетъ принадлежности юродствующихъ личностей къ числу выродковъ, разувѣрять и переучивать которыхъ значило бы то же, что выправлять кривыя деревья. Все же однако на долю невѣжества остается еще такъ много, что всякій, кому знакомо наше культурное общество, затруднится, конечно, подыскать такую область, въ которой и понынѣ здравствующій Амосъ Ѳедоровичъ въ такой же мѣрѣ не «доходилъ бы своимъ собственнымъ умомъ», во всемъ, что касается «души». Такимъ образомъ эта важная отрасль знанія почти-что отсутствуетъ въ головахъ тѣхъ людей, которые, считая себя призванными разсуждать обо всемъ, на самомъ дѣлѣ обладаютъ кое-какими обрывками знанія и кое-какими безсвязными свѣдѣніями. Еще не далѣе какъ въ прошломъ году одинъ изъ нашихъ психіатровъ, раздраженный наглостью невѣждъ, съ которыми ему приходи-

лось имѣть дѣло, писалъ съ негодованіемъ о печальной судьбѣ своей спеціальности, какъ бы разтерзываемой всякими темными силами. Спеціальность эта—безусловно интереснѣйшая, безусловно труднѣйшая для изученія и пониманія—спеціальность, въ которой высшіе умы и люди считаютъ себя развѣ только прикоснувшимися къ концу завѣсы,—вдругъ всякими проходимцами съ улицы считается вполнѣ изученною и досконально знаемою. Быть можетъ эта дерзость и объясняется тѣмъ, что спеціальность эта очень трудна, а такъ какъ она совершенно неизвѣстна массѣ, то въ большинствѣ и считается ею досконально извѣстною» [1]). Такое положеніе вещей тѣмъ болѣе печально, что наука о душевныхъ болѣзняхъ достойна самаго серьезнаго вниманія, какъ чрезвычайно близко стоящая къ жизни, какъ затрагивающая существеннѣйшіе ея интересы. Изслѣдуя явленія, въ которыхъ выражается вырожденіе и разстройство психической жизни человѣка, наука эта стоитъ какъ бы въ центрѣ круга, откуда во всѣ стороны открываются перспективы къ глубокоскрытымъ и далеко-идущимъ причинамъ этихъ печальныхъ явленій—послѣдняго итога всѣхъ общественныхъ бѣдствій. Разработка этой науки и распространеніе истинъ, ею добываемыхъ, является такимъ образомъ высокимъ общественнымъ служеніемъ, смыслъ и значеніе котораго не должно оставаться непонятнымъ и чуждымъ тому, кто теоретически или практически принимаетъ участіе въ жизни общества и кому не чужды ея интересы. Всякая душевная болѣзнь знаменуетъ собою вырожденіе, такъ какъ, будучи наслѣдственною, она является продолженіемъ этого процесса, начавшагося ранѣе, у одного изъ предковъ, и будучи пріобрѣтенною, полагаетъ начало того же процесса для потомства. Вырожденіе, явленіе хотя и предотвратимое, всегда возможно, такъ какъ въ процессѣ эволюціи оно столь же естественно, какъ и противуположное ему явленіе выработки (elaboration). Условія, приводящія къ нему, весьма многообразны [2]), но общій всѣмъ имъ характеръ заключается въ такомъ ихъ вліяніи на организмъ, которое ослабляетъ приспособляемость его и низводитъ его къ сравнительно простѣйшимъ формамъ. Такой упа-

---

[1]) *С. Н. Совѣтовъ.* Къ изученію о слабоуміи. «Архивъ психіатріи» Ковалевскаго. Т. III. № 3.

[2]) Перечисленіе ихъ см. у *Bordiel.* La géographie médicale. Paris. 1884, p. 627 et suiv.

докъ организма—какъ показалъ Рей Ленкастеръ [1]). можетъ возникнуть какъ слѣдствіе всякой перемѣны въ жизненной обстановкѣ индивида, если перемѣна эта заставляетъ его ограничивать свою жизнедѣятельность. Это ограничительное значеніе—какъ прекрасно выяснилъ д-ръ Ліонъ—въ высшей степени присуще обострившейся борьбѣ за существованіе въ человѣческомъ обществѣ,—борьбѣ, требующей отъ мозговой дѣятельности такого напряженія, которое могутъ вынести далеко не всѣ. «Кто не въ состояніи вынести этихъ усилій, чья нервная система недостаточно подготовлена, тотъ гибнетъ». Предупредить роковой исходъ могутъ лишь: хорошее *питаніе* нервной ткани, возможное при лучшемъ экономическомъ строѣ, и методическое. [2])

. . . . . .

II.

Приведенная нами характеристика вырожденія показываетъ, что послѣдовательное приложеніе теоріи эволюціи къ изученію явленій психическаго разстройства необходимо должно руководствоваться критеріемъ приспособляемости индивида къ данной общественной средѣ и въ немъ искать основанія для установленія состоятельнаго опредѣленія помѣшательства. Цитированные выше слова Маудсли наводятъ уже насъ на мысль, что представители современной психіатріи, отказавшись отъ метафизическихъ теорій и извѣрившись въ мнимую абсолютность отвлеченныхъ тезисовъ, принимаютъ этотъ единственный и вѣрный путь для рѣшенія труднаго вопроса о томъ, кого считать помѣшаннымъ. Ихъ точка зрѣнія по своей относительности и полномъ отсутствіи притязанія на непогрѣшимость есть единственная, на которой можно остановиться, не рискуя попасть въ безвыходный лабиринтъ противорѣчій и несообразностей.

Чтобы оцѣнить ее по достоинству слѣдуетъ помнить прежде всего, что нормальное психическое состояніе отдѣляется отъ помѣшательства не рѣзкою раздѣлительною чертою, а широкою полосою постепенныхъ, незамѣтно переходящимъ одно въ другое измѣненій, такъ что при всей силѣ контраста взаимно-про-

---

[1]) *Ray Lankester.* Degeneration. A. Chapter on Darwinism. London, 1880, p. 32—33.

[2]) Не закончено въ рукописи. *Прим. ред.*

тивуположныхъ крайностей, промежуточныя градаціи могутъ быть едва-едва обозначены. При необходимости же проведенія раздѣлительной черты только и остается, что руководствоваться общественными условіями. Нельзя сомнѣваться, что большая часть такъ называемыхъ «буйныхъ» европейскихъ домовъ помѣшанныхъ вовсе не считались бы сумасшедшими въ такой общественной средѣ, гдѣ всякое возбужденіе неудержимо прорывается наружу и гдѣ всякаго рода насиліе представляется какъ явленіе обыденное. Обратимъ вниманіе еще и на то, что существуетъ родъ маніи (случаи которой весьма нерѣдки), которая напоминаетъ слабую степень опьяненія: больной болтаетъ много и безсвязно, всего чаще увлекаясь возбужденіемъ даннаго момента и случайною ассоціаціею представленій или сходствомъ словъ. И, однакоже, больные эти лукавы и злонамѣренны; они способны прикинуться здоровыми и дѣлаютъ это съ большимъ искусствомъ, но они же легко поддаются всякому страстному импульсу. Возможно ли сомнѣваться, что въ обществѣ, находящемся на низкой ступени развитія, маніаки эти считались бы людьми нормальными, а между тѣмъ, живя въ обществѣ цивилизованномъ, они совершенно не способны владѣть собою настолько, чтобы приспособиться къ обычной жизни этого общества и неизбѣжно попадаютъ въ число душевнобольныхъ.

Помѣшательство—какъ видно изъ этихъ разсужденій, заимствованныхъ нами у одного англійскаго психіатра [1]), никакъ нельзя считать такимъ психическимъ состояніемъ, которое могло бы опредѣляться безотносительно, an sich und für sich, а потому и слѣдуетъ видѣть въ немъ «такой психическій дефектъ, который дѣлаетъ личность неспособною приспособляться къ общественнымъ требованіямъ» [2]).

Пріурочивъ опредѣленіе помѣшательства къ зависимости отъ общественныхъ условій, психопатологія сдѣлала лишь первый шагъ на избранномъ ею пути. Затѣмъ ставится уже вопросъ о томъ, какъ совершитъ она этотъ путь. Если нельзя достигнуть цѣли находясь на ложномъ пути, то случиться это можетъ и на пути вѣрномъ: вѣрный путь открываетъ только возможность достиженія цѣли, а затѣмъ остается еще совершить самый путь—

---

[1]) W. *Huggard.* Definition of insanity. (The Journal of Mental Science 84, I, p. 477).

[2]) id.

путь длинный, преисполненный множества трудностей и преградъ. Преодолѣвая ихъ, научное изслѣдованіе вмѣстѣ съ тѣмъ уясняетъ все болѣе и болѣе правильность выбора того направленія, которому оно должно слѣдовать, и вырабатывать убѣжденіе что всякая иная постановка вопроса должна быть сочтена ошибочною, такъ какъ нѣтъ науки о душевныхъ болѣзняхъ внѣ связи ея съ наукою объ обществѣ, нѣтъ иной точки зрѣнія, которая была бы руководящею въ ней, какъ точка зрѣнія соціологическая; вся совокупность работъ и изслѣдованій, совершаемыхъ въ этой области, получаетъ отъ нея свой смыслъ и значеніе [1]).

. . . . . .

III.

Покончивъ съ только что разсмотрѣннымъ вопросомъ, пойдемъ далѣе.—Неспособность приспособленія къ требованіямъ общества получаетъ особенно яркое выраженіе въ тѣхъ дѣйствіяхъ неприспособляющихся личностей и тѣхъ ихъ поступковъ, которые имѣютъ значеніе преступленій. Само собою разумѣется, что и въ этомъ случаѣ примѣнимы тѣ соображенія, на которыя какъ на вытекающія изъ основного тезиса эволюціонной, теоріи мы опирались при разсмотрѣніи вопроса объ отношеніи геніальности къ помѣшательству, и читателю понятно, конечно, что не всякое преступленіе является непремѣнно результатомъ вырожденія совершившей его личности. «Записки» Достоевскаго и другія подобныя описанія какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ, что въ числѣ обитателей «мертвыхъ домовъ» есть не мало людей, отличающихся силою характера и другими достоинствами, несомнѣнно ставящими ихъ выше средняго уровня. Не останавливаясь надъ этою стороною вопроса, достаточно освѣщенною предшествовавшими разсужденіями, мы займемся исключительно тѣми проявленіями преступности, которыя исходятъ отъ личностей страдающихъ подъ бременемъ подорванности и болѣзненности и которыя такъ или иначе носятъ на себѣ печать вырожденія.

Особенная трудность при рѣшеніи вопроса въ такой его постановкѣ возникаетъ вслѣдствіе всегда почти вызываемаго преступными дѣяніями конфликта между представителями научнаго воззрѣнія и хранителями метафизическихъ традицій, отстаивающихъ извѣстныя юридическія суевѣрія. Трудность эта какъ ни

[1]) Пропускъ въ рукописи. *Прим. ред.*

горько достается она провозвѣстникамъ науки, все таки относится къ числу трудностей внѣшнихъ, преодолѣніе которыхъ есть вопросъ времени. Гораздо важнѣйшее значеніе имѣютъ трудности внутреннія, обусловливаемыя сложностью и запутанностью самой задачи; съ ними не такъ-то скоро справишься. Метафизическія теоріи принципіально препобѣждены, задача сведена на научную почву, выяснена роль вырожденія; но остается еще выяснить причины вырожденія, показать преобладаніе тѣхъ или другихъ элементовъ, какъ корней зла, рѣшить біологическія ли данныя, наслѣдственность ли превозмогаетъ надъ данными общественныхъ условій, или наоборотъ. Все это дѣлается далеко не такъ легко и не такъ скоро, какъ можно бы желать или ожидать. Въ Италіи, гдѣ научныя изслѣдованія преступности сдѣлали особенно видные успѣхи, и до сихъ поръ идетъ о поставленныхъ выше вопросахъ горячая полемика: Ферри и Цорли, съ одной стороны, Турати и Колаяни, съ другой, ломаютъ копья весьма ожесточенно и для посторонняго зрителя съ явными шансами успѣха для защитниковъ преобладанія общественныхъ условій [1]).

Чтобы читатель могъ хоть сколько-нибудь представить себѣ трудности вопроса, на который мы можемъ—не разсматривая его—только указать, скажемъ еще, что больные, страдающіе нравственнымъ помѣшательствомъ (moral insanity), ровно ничего общаго не имѣютъ съ обыденнымъ представленіемъ о помѣшательствѣ, тѣсно связанномъ всегда съ представленіемъ умственнаго разстройства; нравственно помѣшанные вовсе не путаются въ мысляхъ, не болтаютъ безъ толку, а владѣютъ всѣми своими умственными способностями, часто являются ловкими діалектиками, искусными защитниками въ своихъ процессахъ, и не рѣдко блещутъ большимъ образованіемъ [2]). Они, согласно наблюденію многихъ психіатровъ—«не теряютъ представленія о добрѣ и злѣ и, совершая что-либо, дѣлаютъ это не потому, что не понимаютъ свойствъ и послѣдствій своего поступка, но потому что не въ силахъ сопротивляться болѣзненному импульсу [3]).

---

[1]) См. статью *Alb. Zorli* «Questione penale e questione sociale» въ «Rivista della Filosofia scientifica, 1885, № I и здѣсь же рецензію Серджи о книгѣ *N. Colajanni* Socialismo e sociologia criminale.

[2]) См. *H. Maudsly*. Responsability in mental descase. London, 1876, p. 172.

[3]) «Архивъ психіатріи». Т. V. № I, стр. 141.

Въ этой неспособности преодолѣвать болѣзненно-возникающіе импульсы лежитъ и зерно той неспособности приспособляться къ требованіямъ общества, которая при благопріятствующихъ ей вліяніяхъ можетъ разрости широко и крѣпко укорениться Примѣры, подтверждающіе этотъ взглядъ, весьма многочисленны и всякій интересующійся вопросомъ найдетъ ихъ въ «Архивѣ психіатріи». Не желая удлинять статьи, мы не станемъ на нихъ останавливаться и только въ дополненіе къ тому, что мы сказали уже о трудностяхъ установленія факта помѣшательства у преступниковъ, обратимъ вниманіе читателей на тѣ случаи преступности психопатовъ, когда преступность эта является не прямымъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ помѣшательства, но совершается лишь подъ омрачающимъ сознаніе вліяніемъ его. Факты такого рода особенно поразительны въ случаяхъ такъ называемаго циркулирующаго помѣшательства. Помѣшательство это, заключающееся въ постоянной смѣнѣ большей или меньшей степени возбужденнаго и подавленнаго состояній (маніи и меланхоліи), служитъ иногда подпочвой поразительнаго извращенія половыхъ инстинктовъ,—извращенія до того угнетающаго больного, что онъ оказывается совершенно безсильнымъ въ борьбѣ съ нимъ и совершаетъ преступленіе частью вопреки самому себѣ, частью при потерѣ сознанія. Въ высшей степени интересные и поучительные анализы такого рода болѣзни, принадлежащіе такимъ мастерамъ, какъ Вестфаль, напримѣръ, выразили съ поразительною ясностью всю глубину несчасья этихъ больныхъ и всю неповинность ихъ въ этомъ несчастіи [1]). Въ нашей литературѣ, рядомъ съ этими работами европейскихъ психіатровъ, какъ по глубинѣ мысли, такъ и по таланту изложенія, должно быть поставлено изслѣдованіе г. Кандинскаго [2]), прочесть которое мы бы посовѣтовали между прочимъ тѣмъ беллетристамъ, которые привыкли выдавать размазываніе о разныхъ душевныхъ состояніяхъ за «психологическій анализъ». Настоящій

---

[1]) *C. Westphal.* Die conträre Sexkalempfindung, Symptom eines neuropatischen (psychopatischen) Zustandes. (Archiv für Psychiatrie, II Band, I Heft. *E. Gley.* Les aterrations de l'instinct sexuel d'aprês les travaux récents. (Revue Philosophique, 84, № 1).

[2]) *В. Х. Кандинскій.* Сомнительное душевное состояніе предъ судомъ присяжныхъ. (Архивъ Психіатріи. Т. II. № 2.)

психологическій анализъ съ размазываніемъ этихъ господъ имѣетъ—какъ можетъ убѣдиться всякій—очень мало общаго [1]).

. . . . . .

Настаивая на указанныхъ выше трудностяхъ, мы ведемъ рѣчь къ тому, чтобы, съ одной стороны, уяснить необходимость въ знающихъ экспертахъ для постановки діагноза во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ сомнительнаго душевнаго состоянія, и съ другой—показать, что общее образованіе не должно оставаться чуждымъ свойству и характеру тѣхъ трудностей, которыя и теоретически и практически должны преодолѣть эксперты. Если бы мысль Гальтона о необходимости знанія психопатологіи для правильнаго разумѣнія психологическихъ вопросовъ [2]) была у насъ общераспространенною, то у насъ не было бы въ ходу столько нелѣпыхъ воззрѣній на явленія психической жизни и всякій образованный человѣкъ зналъ бы, что само общество именно и является первымъ виновникомъ гибели своихъ членовъ: не будь въ немъ извѣстныхъ ненормальностей и дефектовъ, оно никогда бы не увидѣло среди себя ни нравственно помѣшанныхъ, ни симкулянтовъ, и никогда бы не стало лицомъ къ лицу съ мудреною задачею, ими представляемою. Съ какою же полною отвѣтственности серьезностью должно оно приступать къ рѣшенію участи этихъ несчастныхъ своихъ выродковъ, съ какимъ страхомъ должно оно налагать руки на людей, которые несутъ уже страшную кару за грѣхи своихъ отцовъ и дѣдовъ, которые, ранѣе, чѣмъ они появились на скамьѣ подсудимыхъ, ранѣе даже, чѣмъ они совершили свои дѣянія, успѣли уже выстрадать такъ много, какъ и представить себѣ не могутъ одаренные здоровьемъ и благополучіемъ люди, которые никакого серьезнаго горя въ жизни не знали, всякую бѣду умѣли и могли вышучивать и—главное—всегда находили возможность жить «согласно съ строгою моралью». Счастливы они конечно, и очень счастливы, но ужели счастье это далось имъ откуда-то извнѣ, изъ надзвѣздныхъ сферъ какихъ-то, и общество тутъ совсѣмъ не при чемъ, такъ что счастье это такъ-таки ни къ чему и не обязываетъ?

---

[1]) Пропускъ въ рукописи. *Пр. ред.*

[2]) *F. Galton.* Inquiries into human faculty, London, 1883, p. 68.

ЭКСКУРСІИ ВЪ ОБЛАСТЬ ПСИХІАТРІИ.

1. О психическомъ вырожденіи.

I.

Психологія настоящаго времени, устранивъ навсегда тѣ задачи, которыя представляли безъисходный кругъ для метафизическихъ ученій стараго времени «о душѣ», рѣшительно вступила на вѣрный путь опыта и теперь можетъ уже считаться наукою установившеюся. Разставшись со скудною исключительностью интроспективныхъ пріемовъ наблюденія, новая психологія, прежде всего, преобразовала свой методъ и, найдя свою прочную опору въ научной физіологіи, стала быстро и успѣшно развиваться. Благодаря полученной ею устойчивости и жизненности, новая психологія нашла возможность распознаться среди той пестрой массы явленій, въ которой то терялась, то создавала себѣ мечтательные выходы прежняя умозрительная доктрина. Не изслѣдованіе трацендентной субстанціи и ея свойствъ составляетъ теперь задачу психологіи, а методическое изслѣдованіе психическихъ явленій, раскрытіе управляющихъ ими законовъ, выясненіе связи ихъ съ законами сопредѣльныхъ областей. Психологъ нашего времени не закрываетъ глазъ, не затыкаетъ ушей для вящей сосредоточенности на самонаблюденіе и не ищетъ въ себѣ только самомъ матеріаловъ для рѣшенія всѣхъ вопросовъ своей науки. Онъ обращается къ обширному міру, его окружающему, наблюдаетъ другихъ людей различныхъ возрастовъ, половъ, состояній, расъ и національностей, не упускаетъ изъ вида міръ животныхъ, пользуется данными исторіи и внимательно слѣдитъ за всѣми разнообразными явленіями вырожденія, придавая громадное значеніе фактамъ психо-

патологическимъ и анормальнымъ вообще. Всѣ эти разнообразныя проявленія психической силы (mind) старается онъ систематизировать и охватить одною общею научною теоріей.

Примыкая къ наукамъ біологическимъ, психологія должна была съ первыхъ же шаговъ своихъ на пути научномъ усвоить и основной руководящій принципъ біологическихъ наукъ— идею эволюціи или развитія. Идея эта, помимо вопроса объ ея философскомъ, т.-е. междунаучномъ, значеніи, имѣетъ для психологіи въ высшей степени важное значеніе и, пожалуй, она можетъ назваться любимою идеей нашего времени, но любимою вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ бываютъ любимыя идеи ненаучной среды. Идея эволюціи стала любимою идеей XIX вѣка совсѣмъ не въ силу тѣхъ же причинъ, по которымъ какая-нибудь идея симпатіи, напримѣръ, сдѣлалась любимою идеей XVI столѣтія, какъ-то утверждаетъ остроумный А. Лангъ [1]). Тутъ не играла никакой роли потребность остановиться на какомъ-нибудь «объясненіи», необходимость «свести» неизвѣстное на нѣчто, столь же неизвѣстное; здѣсь передъ нами окончательный результатъ методическаго научнаго обобщенія со всѣми его плодотворными послѣдствіями и блестящими приложеніями, и въ нихъ и можетъ заключаться причина, почему идея стала «любимою». Притомъ же, пути и цѣли познанія нашего вѣка и вѣка XVI, вообще говоря, такъ несходственны, что упомянутое выше сравненіе можетъ развѣ служить для того, чтобъ отчетливо и рѣзко отмѣтить современное значеніе идеи эволюціи.

Идея эволюціи, какъ извѣстно, разсматриваетъ высшія или сложнѣйшія формы существованія, какъ зависимыя отъ низшихъ и возникающія вслѣдъ за ними; она представляетъ міровую жизнь какъ постепенный переходъ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, отъ простого къ сложному, и полагаетъ причину этого процесса въ самомъ мірѣ, такимъ образомъ преобразовывающемся. И такъ какъ «все живущее отцвѣтаетъ и угасаетъ», то и эволюція не значитъ еще прогрессъ. Рядомъ съ процессомъ выработки (élaboration) идея эволюціи предполагаетъ процессъ вырожденія (dégénération) или разложенія. Такимъ образомъ, и въ области психическихъ явленій эволюціонная теорія, вслѣдъ за психологіей, приводитъ насъ къ психо-патологіи или психіатріи, наукѣ объ аномаліяхъ психической жизни,

[1]) *Andrew Lang*: «*Custom and* Myth». London, 1885, p. 189.

установленіе которой, такъ же какъ и психологія, стало возможно лишь тогда, когда явилась возможность устраненія трансцендентныхъ теорій, когда для изслѣдованія открылся вѣрный путь научнаго метода.

Общій переворотъ, пережитый наукой о психической жизни, выразился въ коренномъ измѣненіи понятія о личности человѣка, о нашемъ «я». На этомъ важномъ пунктѣ намъ нельзя не остановиться.

Нѣсколько лѣтъ назадъ мы имѣли уже случай пояснить, что непосредственное самосознаніе человѣческой личности вырабатывается на почвѣ дѣятельности организма, а потому никогда и не можетъ быть дано a priori. Поэтому-то, какъ объясняли мы тогда, воззрѣніе первобытнаго человѣка всегда охватываетъ словомъ «я» всю совокупность организма; организмъ представляется ему какъ нѣчто единое, выраженіемъ чему и служитъ мѣстоименіе перваго лица. Научное изслѣдованіе исправляетъ это воззрѣніе и приводитъ къ тому убѣжденію, что организмъ можетъ служить основаніемъ для понятія нашего «я» лишь постольку, поскольку онъ является носителемъ психическихъ функцій, и хотя «я», такимъ образомъ, является какъ сумма ощущеній, чувствъ, представленій и наблюденій, нами испытываемыхъ и переживаемыхъ [1]). Придавая теперь мысли этой большую степень полноты и точности, мы считаемъ нужнымъ добавить, что хотя «я», какъ и всякое другое естественное явленіе, подчинено закону эволюціи и, слѣдовательно, не является, подобно Палладѣ, исходящею изъ головы Зевса, но образуется, формируется, установляется, «эвольвируетъ» рука объ руку съ эволюціей организма. Представляя собою «центръ тяжести психическихъ функцій», поднявшихся до высоты сознанія и обладающихъ стойкими сознательными энергіями, оно въ этомъ смыслѣ легко поддается сравненію съ «динамическимъ центромъ группы магнитовъ», расположенныхъ другъ подлѣ друга въ различныхъ направленіяхъ и снабженныхъ каждый своею безразличною точкой. Это образное сравненіе облегчаетъ пониманіе необходимости измѣненія динамическаго центра съ перемѣною

[1]) *Письма о научной философіи.* Спб., 1878 г., стр. 179. Въ этомъ общемъ опредѣленіи заключаются уже данныя для различенія *первичнаго и вторичнаго «я»*, о чемъ и будетъ говорено далѣе. (Въ этомъ изданіи Т. I).

группировки элементовъ. Эта же послѣдняя не можетъ не сдѣлаться иною, какъ только сила возбудимости частей подвергнется существенному измѣненію или, когда идетъ рѣчь объ эволюціи нашего «я», измѣненію органическому[1]). Или еще точнѣе: единство нашего «я» есть координація извѣстнаго числа состояній организма, это—сцѣпленіе въ данный промежутокъ времени извѣстнаго количества отчетливыхъ состояній сознанія, сопутствуемыхъ другими, менѣе опредѣленными, и цѣлою массой состояній чисто-физіологическихъ. Координація эта непрестанно колеблется между двумя крайними точками: между совершеннымъ единствомъ и абсолютною дискоординаціей; но даже и въ нормальномъ состояніи сознанія она бываетъ нерѣдко весьма недостаточна и представляетъ нѣсколько сосуществующихъ рядовъ, то прерывающихся, то переходящихъ одинъ въ другой. Во всѣхъ же случаяхъ неизмѣнно consensus сознанія остается подчиненнымъ consensus' у организма [2]). Множественность органической индивидуальности, являющаяся, такимъ образомъ, въ связи съ процессомъ эволюціи, упрощаетъ основную психологическую задачу, устраняетъ изъ нея все мистическое и незакономѣрное и сводитъ всю психическую жизнь къ доступнымъ наукѣ фактамъ [3]).

Имѣя предъ собой, вмѣсто идеи абсолютнаго единства какой-то трансцендентной субстанціи, аггрегатъ психическихъ состояній, координацію извѣстныхъ моментовъ психической жизни, подвижное и условное единство органическихъ функцій, мы должны представить себѣ теперь, какъ consensus элементовъ этого текучаго, измѣнчиваго, колеблющагося, множественнаго вѣчно переливается подобно игрѣ цвѣтовъ морской поверхности и ежемгновенно отражаетъ на себѣ вліяніе многоразличныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій; связь, гармонія его элементовъ то укрѣпляется, то слабѣетъ, то нарушается отчасти или вполнѣ, то получаетъ высочайшую степень интенсивности, то падаетъ до нуля. Эти безчисленные градаціи и оттѣнки, эти, то

---

[1]) *Д-ръ Г. Шюле*: «Душевныя болѣзни». Переводъ Д. Г. Фридберга. Харьковъ, 1880 г., стр. 158.

[2]) *Т. Рибо*: «Болѣзни личности». Перев. д-ра П. Викторова. Москва, 1887 г.

[3]) *Lester F. Ward*: «Dynamic Sociology». New-York, 1883, v. I, p. 376.

рѣзкія, то едва уловимыя колебанія и пертурбаціи сложныхъ и многочисленныхъ элементовъ личности, будучи систематизированы и классифицированы, даютъ нѣсколько общихъ типическихъ картинъ и, прежде всего, представляютъ противуположеніе координаціи уравновѣшенной и устойчивой и координаціи шаткой и нестойкой, между которыми затѣмъ и располагаются уже группы или полосы всѣхъ остальныхъ промежуточныхъ оттѣнковъ. О пограничной чертѣ двухъ крайнихъ, противуположныхъ типовъ, не можетъ быть, конечно, и рѣчи. Такой черты, какъ то и было тысячу разъ повторяемо на всѣ лады, нѣтъ и быть не можетъ. «Естественныя группы обозначаются всегда только одними своими ядрами (nuclei), но не имѣютъ очертаній (outlines); онѣ со всѣхъ сторонъ сливаются съ другими системами чуждаго имъ характера. Натуралистъ, при изображеніи природы, долженъ держаться того самого принципа, котораго придерживается граверъ,—начинать со свѣтлыхъ пятенъ, какъ исходныхъ точекъ, и мало-по-малу сгущать точки, пока не заполнятся промежуточныя пространства» [1]).

Психіатры теперь такъ и поступаютъ. Начнемъ съ извѣстнаго Крафтъ-Эбинга, который твердо установляетъ положеніе, что психопатическіе процессы не могутъ кореннымъ образомъ отличаться отъ процессовъ физіологической жизни, такъ какъ болѣзнь есть жизненный процессъ при ненормальныхъ условіяхъ и здоровье по отношенію къ ней не представляется абсолютною противуположностью. Между нормальнымъ и анормальнымъ состояніемъ организма существуетъ аналогіи и переходныя ступени. Элементы, изъ которыхъ строится психическая жизнь, остаются въ томъ и другомъ случаѣ одни и тѣ же, измѣняются только условія ихъ координаціи. Характеристическая черта болѣзненныхъ процессовъ заключается въ томъ, что они возникаютъ независимо отъ внѣшнихъ раздраженій, вслѣдствіи чего и нарушаютъ гармонію между сознаніемъ и явленіями окружающаго міра. Какая разница между человѣкомъ, погруженнымъ въ глубокую скорбь вслѣдствіе тяжкихъ утратъ, и человѣкомъ, унывающимъ безъ всякаго внѣшняго повода, скорбящимъ объ утратахъ воображаемыхъ? Въ сопоставленіи душевнаго состоянія обоихъ этихъ людей намъ представляется весьма ярко выраженная аналогія. Обыденная жизнь представляетъ множество та-

[1]) *Francis Galton*: «English men of science». London, 1874, p. 2.

кихъ аналогій и, благодаря имъ, становится невозможнымъ провести рѣзкую пограничную черту между физіологическимъ и патологическимъ состояніемъ. Въ большинствѣ случаевъ психическая болѣзнь начинается *не* разстройствомъ познавательныхъ способностей, а болѣзненными душевными движеніями, т.-е. разстройствомъ чувствъ: недостаточно мотивированными или вовсе не мотивированными настроеніями духа, душевными волненіями и явленіями ненормальной раздражительности характера. Всѣ эти состоянія аналогичны съ извѣстными состояніями вполнѣ здороваго человѣка. При внимательномъ разсмотрѣніи отдѣльныхъ случаевъ нельзя провести никакой раздѣлительной черты между душевными волненіями, еще не выходящими изъ области нормальнаго, и нѣкоторыми душевными движеніями, мотивированными хотя и въ слабой степени, но, судя по ихъ напряженности, продолжительности и временной потерѣ самосознанія, уже явно патологическими, какъ это мы наблюдаемъ въ извѣстныхъ случаяхъ болѣзненной мозговой организаціи и при нѣкоторыхъ нервныхъ болѣзняхъ [1]).

Общая характеристика пониженія психической дѣятельности отъ уровня нормальнаго къ анормальному или патологическому, очерченная въ предшествовавшихъ строкахъ, могла бы, если бы то было нужно для нашихъ цѣлей, распасться на спеціальныя разсмотрѣнія отдѣльныхъ рядовъ психическихъ моментовъ, смѣняющихъ здоровое состояніе личности съ болѣзненнымъ. Такіе ряды представляли бы, по удачному выраженію французскаго психіатра Глея [2]), линіи наименьшаго сопротивленія каждаго отдѣльнаго типа психическому заболѣванію. Такъ, напримѣръ, печальное настроеніе указывало бы на линію наименьшаго сопротивленія по отношенію къ меланхоліи, веселое—по отношенію къ маніи, мизантропія обозначала бы тяготѣніе къ нравственному помѣшательству, извѣстнаго пошиба фривольность—къ эротоманіи и т. д. Такая спеціализація, необходимая только для изученія частныхъ типовъ или случаевъ, не всегда прослѣживаемая даже и психіатрами въ курсахъ общей патологіи помѣшательства, для насъ была бы безполезна и удлинила бы только наше из-

[1]) *Крафтъ-Эбингъ*: «Учебникъ психіатріи». Перев. А. Черемшанскаго. Спб., 1881 г., т. I, стр. 32—36.

[2]) D-r *E. Gley*: «Les aberrations de l'instinct sexuel». (*Revue Philosophique*, 1884, № 1).

ложеніе. Мы остановимся далѣе на ближайшемъ разсмотрѣніи двухъ такихъ рядовъ, а теперь ограничимся общею характеристикою промежуточной между здоровьемъ и болѣзнью инстанціи, находимою въ сочиненіяхъ извѣстныхъ психіатровъ, и начнемъ съ Маусдли, который указываетъ на значительное число лицъ, безпрестанно встрѣчающихся въ обществѣ, которыя «отличаются эксцентричностью мысли, чувствованій и поведенія и которыя, не будучи положительно помѣшанными, обращаютъ, однако же, на себя вниманіе и крайне затрудняютъ рѣшеніе вопроса о ихъ нравственной и юридической отвѣтственности. Они до такой степени отличаются отъ обыкновенныхъ людей своими чувствованіями и мыслями, они совершаютъ такія странности, что всегда можно предположить въ нихъ крупицу помѣшательства; имъ присущъ тотъ темпераментъ, который можно назвать темпераментомъ сумасшедшихъ, т.-е. неустойчивостью или несостоятельностью ихъ нервныхъ элементовъ, обнаруживающеюся внезапными выходками, странными и импульсивными мыслями, чувствованіями и поведеніемъ. Такое состояніе, коренящееся очень часто въ наслѣдственной надорванности, можетъ быть названо «спазмодическимъ неврозомъ» [1]). Такого же рода личностей описываетъ и Ломброзо, придавая имъ названіе маттоидовъ (отъ итальянскаго слова matto—сумасшедшій); онъ набрасываетъ бѣглый очеркъ характера маттоидовъ, руководствуясь, главнымъ образомъ, наблюденіями Раджи, который описалъ больныхъ этой категоріи подъ общимъ названіемъ «невропатовъ» [2]). Хорошую характеристику этихъ же лицъ даетъ проф. Бехтеревъ, называя ихъ «психопатами» и соединяя въ общую картину отдѣльныя черты, разбросанныя у разныхъ писателей по психіатріи, и дополняя эти данныя собственными наблюденіями [3]). Общую же и весьма яркую картину всѣхъ этихъ представителей «наслѣдственнаго невроза» находимъ мы еще и у Шюле, который изображаетъ этого рода субъектовъ съ дѣтства хилыми и болѣзненными, то чувствительными къ чужому горю, то равнодушными тамъ, гдѣ

---

[1]) *Henry Moudsly*: «La pathologie de l'esprit». Trad. de l'anglais par le Dr. Germont. Paris, 1883, p. 317.

[2]) *C. Lombroso*: «Genio e follia in rapporto alla medicina legale, alla critica ed alla storia». Torino, 1882, p. 150—151.

[3]) «Психопатія (психо-нервная раздражительная слабость) и ея отношенія къ вопросу о вмѣненіи». Казань, 1886 г.

другіе выказываютъ состраданіе, впадающими въ малѣйшее раздраженіе, доходящее иногда до судорогъ, и составляющими истинное мученіе для воспитателей. «Многіе изъ нихъ,—говоритъ Шюле,—остаются загадками для всѣхъ, такъ какъ рядомъ съ этимъ неисправимымъ темпераментомъ у нихъ часто обнаруживаются богатыя умственныя способности, а иногда даже по истинѣ замѣчательная даровитость. Но и этотъ одинокій плодъ рѣдко вызрѣваетъ на наслѣдственной почвѣ: вскорѣ начинаютъ проступать эксцентрическія направленія, любовь къ пустякамъ, поразительная неровность логическаго развитія, широта взгляда въ одномъ случаѣ, узкость въ другомъ,—и все это безъ доступности воздѣйствіямъ, вѣчное, ходячее противорѣчіе, будто отдѣльныя душевныя направленія, обыкновенно стремящіяся къ одному общему центру тяжести, дѣйствуютъ всѣ только за свой счетъ. Такимъ образомъ, въ глазахъ внимательнаго наблюдателя усиливающаяся, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія, дисгармонія душевной жизни—второй характеристическій признакъ описываемой формы—очень скоро подрываетъ обманчивыя надежды. Въ другихъ случаяхъ даже нѣтъ и обмана, такъ какъ уже съ самаго начала обнаруживается tardes ingenium. Часто около этого времени наслѣдственныя клейма начинаютъ выступать съ еще большею осязательностью. Является перемежаемость умственнаго развитія: вялость и безучастность смѣняются порывистою жаждой труда, безпричинное охлажденіе—горячею энергіей. Нѣтъ также недостатка въ болѣе серьезныхъ проявленіяхъ дефекта нравственной сферы, несмотря на нѣжный возрастъ: наклонность къ лжи и воровству, злорадство и жестокость своимъ мрачнымъ свѣтомъ уже теперь освѣщаютъ передъ нами картину будущаго». Въ зрѣломъ возрастѣ душевный разладъ у такого рода личностей выступаетъ въ еще болѣе поразительной наготѣ. «Что бы ни начинали эти больные, все это они чрезъ нѣкоторое время снова бросаютъ; внутренняя неудовлетворенность, неугомонная страсть къ перемѣнамъ ради перемѣны, безъ всякихъ причинъ, обращаетъ въ ничто большую часть ихъ начинаній. Но вотъ, послѣ долгихъ метаній, найденъ настоящій путь, цѣль достигнута, и что же?—совершенно неожиданно появляется остановка въ развитіи, охота и интересъ къ излюбленному занятію, на которое потрачено такъ много труда и усердія, пропадаютъ, больной самъ не знаетъ почему,—и пропадаютъ, чтобы больше не воскреснуть. Это и есть преждевременное слабоуміе многихъ

изъ такихъ наслѣдственныхъ существованій: взобравшись со стремительною быстротою на извѣстную высоту развитія, они завядаютъ, какъ лишенное соковъ дерево; ихъ наслѣдственное приданое было слишкомъ скудно и слишкомъ быстро растрачено[1])» Тутъ, очевидно, немного уже надо сгустить краски, чтобы дойти до картины полнаго помѣшательства, до совершеннаго крушенія «логическаго отношенія» человѣка къ внѣшнему міру вообще и соціальной средѣ въ особенности. Очерченная же стадія, охватывающая преимущественно людей, не настолько еще нарушившихъ это логическое отношеніе, чтобы попасть подъ опеку или въ больницу, имѣетъ то особенно важное общественное значеніе, что опредѣляетъ нравственную цѣнность того немалаго количества людей, которые, вращаясь среди насъ и подчасъ вліяя на тѣ или другія дѣла, нечувствительно и незамѣтно, то тамъ то сямъ, вносятъ свой духъ, коверкаютъ условія жизни по своему разумѣнію и подвергаютъ своему психопатическому вліянію здоровый ростъ той или иной личности, той или иной отрасли дѣятельности.

II.

Въ дополненіе общаго очерка психической дегенареціи, представленнаго въ предшествующей главѣ, остановимся еще только на двухъ спеціальныхъ рядахъ психическихъ явленій и покажемъ нисхожденіе ихъ отъ нормальнаго уровня до патологическаго. Я имѣю въ виду, во-первыхъ, иллюзіи и галлюцинаціи и, во-вторыхъ, ту особенную форму невропатическаго разстройства, которую нѣмцы называютъ «die Grübelsucht» и которую, пожалуй, можно назвать метафизическимъ помѣшательствомъ.

Джемсъ Сёлли, посвятившій цѣлую монографію изслѣдованію иллюзій и галлюцинацій, особенно налегаетъ на опроверженіи того обычнаго предразсудка, который, какъ видно, такъ же силенъ въ Англіи, какъ и у насъ, будто между здравымъ и умственнымъ состояніемъ и такимъ, которое способно подвергаться иллюзіямъ и галлюцинаціямъ, проходитъ рѣзкая разграничительная черта. Обыденное мышленіе,—говоритъ Сёлли,—не разумѣющее такихъ различій, исключаетъ изъ числа здравомыслящихъ

[1]) *Шюле*, тамъ же, стр. 221 и 222.

тѣхъ, которые подвержены иллюзіямъ и галлюцинаціямъ, а, между тѣмъ, нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго, какъ такое мнѣніе. Сёлли доказываетъ, что если пассивныя и активныя иллюзія (галлюцинаціи) и изучались до сихъ поръ, главнымъ образомъ, психіатрами, то это происходило оттого, что психіатры имѣли передъ глазами самыя рѣзкіе и опредѣленные случаи такого рода разстройствъ; въ особой же степени иллюзіи и галлюцинаціи встрѣчаются у людей здоровыхъ и должны быть разсматриваемы какъ естественныя условія человѣческой жизни вообще. Изучившему эти явленія извѣстно, что иллюзіи и галлюцинаціи въ нормальной и патологической сферѣ переходятъ однѣ въ другія съ такою нечувствительною постепенностью, что изученіе ихъ нельзя не вести совмѣстно. Научное изслѣдованіе иллюзій должно, такимъ образомъ, сдѣлаться выходомъ не только въ науку о психическихъ разстройствахъ, но и въ психологію и теорію познанія. Оно, кромѣ того, должно пролить много свѣта на нѣкоторыя важныя историческія личности и событія, которыя внѣ этого свѣта остаются или совершенно непонятными, или извращенными ложнымъ толкованіемъ [1]). Психіатрія входитъ тутъ въ самую близкую связь съ этикой и соціологіей, такъ какъ она, по мѣткому выраженію Гуичарди, разсматриваетъ человѣческій мозгъ какъ «органъ исторіи» [2]). Мы имѣли случай указать въ нашемъ этюдѣ «о буддійскомъ нравственномъ типѣ» важное значеніе теоріи галлюцинаціи на измѣненіе мистическихъ движеній и добавимъ теперь, что въ исторіи буддизма, такъ же, какъ и въ исторіи другихъ аналогическихъ явленій соціально-патологическаго характера, можно прослѣдить цѣлый рядъ ступеней, ведущихъ отъ нормальнаго или близкаго къ нормальному состоянія до совершенно типичнаго галлюцинаторнаго помѣшательства.

Переходя теперь къ «метафизическому помѣшательству», мы, прежде всего, замѣтимъ, что линіею наименьшаго сопротивленія, по которой всякая, предающаяся метафизическому паренію, личность можетъ низойти до психическаго разстройства, слѣдуетъ считать болѣе или менѣе присущій всякому истинному

---

[1]) «Illusions, a psychological study» *Jomes Sully*. London, 188. См. еще: «The blat upon the brain» by *W. Freland*. London 1885.

[2]) *G. Guiicciardi:* «Psicologia e psichiatria» (*Rivista sberimentia di freniatria*. Anno XI, fasicol V).

метафизику поэтическій даръ или—соотносительно—приложеніе всякимъ метафизикомъ присущаго ему поэтическаго дара къ изслѣдованію отвлеченныхъ вопросовъ.

Положеніе это требуетъ нѣсколько пространнаго разъясненія.

Англійскій психіатръ Тривзъ—въ статьѣ, о которой мы когда-нибудь поговоримъ подробно [1])—путемъ обстоятельнаго и тщательнаго анализа доказываетъ, что основное свойство поэтическаго ума заключается въ неспособности точно отражать внѣшнія условія и положенія. Поэтому, утверждаетъ Тривзъ, поэты должны считаться людьми ненормальными, и отъ нихъ можно ожидать аномалій не въ однихъ только проявленіяхъ ихъ поэтическаго творчества, а и во многихъ другихъ отношеніяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, жизнеописанія извѣстныхъ поэтовъ показываютъ, что они были крайне неспособны относиться нормально къ дѣйствовавшимъ на нихъ стимуламъ и всегда проявляли массу эксцентричностей и массу несообразностей въ интеллектуальномъ, моральномъ и соціальномъ отношеніяхъ. Исключенія, конечно, всегда были, но здѣсь идетъ рѣчь не объ исключеніяхъ, а о тѣхъ лишь явленіяхъ, которыя могутъ считаться общими. Подмѣчая несообразности поэтовъ, можно прослѣдить незамѣтный переходъ отъ поэтическаго настроенія къ помѣшательству. Нерѣдко поэтовъ считаютъ помѣшанными, и, въ свою очередь, въ нерѣдкихъ случаяхъ помѣшательства на первый планъ выступаетъ полная неспособность правильно усвоивать и упорядочивать впечатлѣнія. Значеніе этихъ впечатлѣній очень часто преувеличивается и вообще обнаруживается если не поэтическая способность, то, по крайней мѣрѣ, преобладаніе воображенія. Фантастическія представленія, иллюзіи и галлюцинаціи сумасшедшихъ бываютъ иногда поразительны, и если въ нихъ нерѣдко отсутствуютъ изящество и красота, то это происходитъ оттого, что психически-больные часто бываютъ лишены того регулятива, который всегда есть у истиннаго поэта и который ставитъ его въ возможность отличать прекрасное отъ безобразнаго.

Если мы остановимъ наше вниманіе на томъ, не разъ уже указываемомъ, фактѣ, что непосредственно къ поэтамъ примыкаютъ метафизики, то намъ не трудно будетъ расширить при-

---

[1]) *Frederick Treves:* «The physiology of some phases of the poetic mind» (*Journal of mental science*, 1878, April and July).

ложеніе мысли Тривза. Что̀ такое метафизики, какъ не своего рода поэты? Метафизики—это такія творческія натуры, умъ которыхъ не принимаетъ замѣчаемыхъ ими событій и фактовъ просто и опредѣленно, не изслѣдуетъ при свѣтѣ знанія, пріобрѣтеннаго ранѣе, не сравниваетъ съ другими дѣйствительно однородными событіями и фактами, не провѣряетъ ихъ неизмѣнно опредѣленными пріемами и способами, но реагируетъ на эти событія и факты подобно уму поэтическому, т.-е., какъ то выяснилъ Тривзъ, сводитъ ихъ къ чему-то новому, къ продукту своего собственнаго творчества. Вся разница между метафизикомъ и поэтомъ только и заключается въ томъ, что мысль поэта устремляется въ міръ образовъ, въ міръ представленій, а мысль метафизика—въ міръ абстракцій, въ міръ понятій. И метафизикъ, какъ поэтъ, не можетъ справляться съ дѣйствующими на него стимулами, а принимаетъ ихъ на почву зыбкую и подвижную своего воображенія и тотчасъ же уносится за предѣлы возможнаго опыта, въ міръ, существующій только въ его мысли. По этой причинѣ метафизики, какъ и поэты, проявляютъ массу эксцентричностей и несообразностей, и затѣмъ, по этой наклонной плоскости, легко спускаются до того умственнаго состоянія, въ которомъ исчезаетъ возможность правильно усвоивать и упорядочивать впечатлѣнія. «Уже давно замѣчено, что метафизиковъ слѣдуетъ считать поэтами, не угадавшими своего призванія»,—говоритъ Рибо. И, развивая свою мысль, онъ проводитъ остроумную параллель между поэтами и метафизиками, показывая, какъ тѣсно примыкаютъ одни къ другимъ и какъ даже вовсе сливается высокая поэзія и метафизика, напримѣръ, въ третьей части великой поэмы Данте. Рибо сближаетъ картезіанизмъ съ трезвою и размѣренною поэзіей XVII вѣка и логику Гегеля съ великою поэмой Гёте. Онъ припоминаетъ изреченіе Гегеля: «одни мистики только умѣли философствовать» и спрашиваетъ по этому поводу: «не значитъ ли это, что метафизика считается тѣмъ болѣе возвышенною, чѣмъ она болѣе походитъ на мечты и грезы?» «Намъ пришлось бы прослѣдить всю исторію метафизики,—говоритъ онъ,—для того, чтобы вполнѣ уяснить все сходство ея съ поэзіей» [1]). Противупоставляя пріемъ науки пріемамъ метафизики, Рибо дѣлаетъ еще одно замѣчаніе, которое какъ

[1]) *Th Ribot.*: «La psychologie anglaise contemporaine». Paris, 1875 pp. 19—20.

нельзя лучше указываетъ на ту наклонную плоскость или ту линію наименьшаго сопротивленія, которая является фатальною для метафизическихъ умовъ. Допуская для примѣра, что математику стали разрабатывать метафизики, Рибо говоритъ, что они, несомнѣнно, задались бы, прежде всего изысканіемъ принциповъ, а потому ихъ работа заключалась бы въ разсмотрѣніи аксіомъ, обсужденіи законности метода, рѣшеніи вопросовъ о томъ, что такое—количество, мѣра, время, пространство; и они никогда не сознали бы въ себѣ рѣшимости приняться за самое дѣло. Они могли бы даже потеряться въ странныхъ системахъ чиселъ, подобно Пиѳагору и Платону [1]). Выходитъ, однимъ словомъ, что мечтательство погубило бы ихъ дѣло. Тщетно напрягаясь силою творчества найти начало всѣхъ началъ, они не только не дождались бы результата всѣхъ результатовъ, но не дождались бы ровно ничего. Злополучіе метафизиковъ—всегда тянуть свою нить не иначе, какъ изъ-за надзвѣздныхъ сферъ, и никогда не дотягивать ее до земли—сказалось бы и въ этомъ случаѣ, какъ и въ тысячѣ другихъ.

Метафизики, впрочемъ, ставятъ себѣ выспренность эту въ заслугу, и каждый изъ нихъ готовъ, конечно, повторить вслѣдъ за бездарнымъ, но искреннимъ поэтомъ:

«Вспылалъ мой умъ ужасной жаждой!
И, какъ растопленный металлъ,
Огнемъ бѣжитъ по мысли каждой
Зловѣщій грохотъ всѣхъ началъ!»

Но всецѣло отдаваясь «грохоту всѣхъ началъ», метафизикъ не знаетъ, что его, какъ Данте, заблудившагося въ темномъ лѣсу, ждутъ на пути страшилища, появленіе которыхъ предвидѣлъ ученый и свойство и значеніе которыхъ онъ описалъ. Джемсъ Сёлли, въ сочиненіи, на которое мы уже ссылались, удѣлилъ нѣсколько страницъ и тѣмъ иллюзіямъ, которыя возникаютъ «изъ преувеличенія значенія сознанія», или—какъ по-моему, точнѣе выразилась бы та же мысль—изъ смѣшенія сознанія и знанія. Нѣкоторые философы, говоритъ Сёлли, предполагаютъ, что, вопрошая свое сознаніе, они отстраняютъ отъ себя всякій рискъ заблужденія. Свидѣтельство сознанія представляется для этого рода мыслителей запечатлѣннымъ высшею авторитетностью, не подлежащею сомнѣнію. И они, въ самомъ дѣлѣ, всегда ссы-

[1]) Ibid., p. 11.

лаются на свое сознаніе, какъ на послѣднюю инстанцію во всѣхъ философскихъ спорахъ. А, между тѣмъ, тутъ легко и оказывается иллюзія, вмѣсто истины. Такъ, напримѣръ, при рѣшеніи вопроса о простѣйшихъ неразложимыхъ состояніяхъ сознанія, философу, довѣряющему одному внутреннему наблюденію или свидѣтельству сознанія, всегда можно поставить на видъ слабость его вниманія или другой недостатокъ его метода и усомниться въ вѣрности его выводовъ. Точно такъ же, если философы этого пошиба утверждаютъ, что понятіе пространства не заключаетъ въ себѣ мускульнаго чувства,—иллюзія ихъ легко можетъ происходить отъ несовершенства внутренняго анализа. Самимъ психологическимъ явленіямъ присуща извѣстная сложность и запутанность, поощряющая заблужденія самонаблюденія. Такъ, напримѣръ, когда представители извѣстныхъ философскихъ направленій заявляютъ о своей пресловутой способности познавать интуитивно самый фактъ того самопобудительнаго (спонтанейнаго) самоопредѣленія нашей дѣятельности, которое стоитъ выше вліянія мотивовъ и заправляетъ этимъ вліяніемъ, то мы можемъ усмотрѣть, что это представленіе возникаетъ частью изъ смѣшенія фактовъ настоящаго момента самосознанія съ выводами, изъ него дѣлаемыми, частью изъ естественнаго предрасположенія нашего «я» облекаться высшею мощью абсолютной самобытности.

Такимъ же путемъ ошибочнаго самонаблюденія возникаютъ и другія философскія иллюзіи, которыя отчасти представляются, впрочемъ, переживаніями (survivals) грубѣйшихъ иллюзій обыденнаго мышленія, смягчившихъ только свои формы [1]).

Можетъ случиться, однако же, что «грохотъ всѣхъ началъ», получивъ въ иллюзіяхъ всякаго рода только укрѣпляющее его питаніе и, лишась послѣдняго регулятива, «вскипаетъ такой ужасной жаждой», утоленіемъ которой можетъ быть только одинъ бредъ. Такъ и совершится постепенное нисхожденіе отъ нормальнаго состоянія къ патологическому. Катастрофа эта, само собою разумѣется, можетъ, совершиться и при другихъ условіяхъ и иными путями; но, такъ или иначе, а намъ представится бредъ чисто-метафизическаго характера. Съ однимъ изъ обращиковъ этого бреда мы теперь и ознакомимся.

«Что за странное слово «Mensch» (человѣкъ), — говоритъ

[1]) *J. Sully* о. с., pp. 206—208.

больной д-ра Бергера.—Въ началѣ буква м, въ концѣ—шипящая; и зачѣмъ же именно такъ звучитъ это слово? Я произношу его громко нѣсколько разъ и прихожу, наконецъ, къ сомнѣнію, въ самомъ ли дѣлѣ произношу я то именно слово, которое соотвѣтствуетъ понятію «человѣкъ»? Быть можетъ, я произношу слово, означающее совсѣмъ иной предметъ,—почему я непремѣнно долженъ былъ попасть на правильное выраженіе? Да и существуетъ ли основаніе для того, чтобъ извѣстное слово, за исключеніемъ звукоподражательныхъ, непремѣнно выражало такое-то опредѣленное понятіе? Не одинаково ли владѣютъ даромъ слова нѣмцы и французы, напримѣръ, и почему у однихъ говорится «l'homme», у другихъ—«Mensch»? И такъ, нѣтъ разумныхъ основаній для того или иного выраженія. Значитъ, произволъ,—произволъ, внѣ насъ существующій,—предустановляетъ даже рѣчь людей, которые, однако же, если не что другое, то свою рѣчь должны бы были установить на разумныхъ основаніяхъ, такъ, чтобы народъ, имѣющій значеніе въ духовномъ отношеніи, могъ дать всякой вещи соотвѣтствующее ей наименованіе; но нѣтъ, все это уже предустановлено... Человѣкъ движется вообще по предопредѣленнымъ путямъ, и если ему удается открыть что-либо, какъ ему кажется, своимъ разумомъ и своими усиліями, если ими онъ объясняетъ какое-нибудь явленіе, то онъ становится, вѣдь, только орудіемъ, которое осуществляетъ то, что должно было осуществиться. И эти люди хотятъ еще утверждать, что они сами открыли истину! И они же подымаютъ еще объ этомъ споръ и стараются убѣдить другъ друга! И всякій требуетъ признанія, что онъ де, въ силу своей изъ ряду вонъ выходящей проницательности и наблюдательности, двигался впередъ и осчастливилъ міръ извѣстною дозой прогресса!... И такъ, предустановленный произволъ предопредѣляетъ прогрессъ, онъ вынуждаетъ изобрѣтенія и поступательное знаніе законовъ природы. Если бы творящая сила пожелала устроить природу иначе, могла ли бы она это совершить? И тогда естествоиспытатели съ тою же логичностью доказывали бы, что такъ именно все должно быть и иначе быть не можетъ, а пасторы съ тѣмъ же благоговѣніемъ восхваляли бы мудрость, проявляющуюся даже и въ мелочахъ».

Этотъ философствующій больной никогда не могъ угомонить своего усугубленія въ мысляхъ о всякаго рода предметахъ. Какъ истинный метафизикъ, онъ, погружаясь въ пучины глубокомыс-

лія, не оставлялъ въ покоѣ и самыя обыденнѣйшія явленія, и по поводу ихъ тотчасъ же начиналъ философствовать.

«Почему,—спрашивалъ онъ, — у стула четыре ножки? Почему не одна? Если мы отвѣтимъ, что стулъ, имѣющій только одну ножку, долженъ, согласно законамъ природы, упасть, то моя мысль не можетъ удовлетвориться такимъ отвѣтомъ, и я снова спрашиваю: зачѣмъ этотъ законъ природы именно таковъ? Зачѣмъ не существуетъ, напримѣръ, такого, въ силу котораго стулъ могъ бы, повинуясь особеннаго рода притяженію, держаться на одной ножкѣ, и лишь только вмѣсто нея устраивалось бы двѣ или болѣе,—тотчасъ же, подъ вліяніемъ силы, подобной электричеству, вслѣдствіе образованія особаго рода электрической цѣпи, отъ соприкосновенія двухъ ножекъ съ поломъ, возникало бы проявленіе не притягательной, а отталкивающей силы, и внезапно лишнія ножки стула отбрасывались бы, и стулъ падалъ?» [1]).

Мнѣ остается сказать въ заключеніе этой главы, что психическая дегенерація, выражающаяся въ разнаго рода психическихъ болѣзняхъ, классификаціи которыхъ можно найти въ курсахъ психіатріи, всегда почти имѣетъ и внѣшнее выраженіе или, какъ говоритъ Морель, свой «типическій отпечатокъ». Отпечатокъ этотъ можетъ бросаться въ глаза даже и тогда, когда мы только просмотримъ атласъ рисунковъ знаменитаго сочиненія Мореля [2]). Но замѣтимъ при этомъ случаѣ, что основою психическаго вырожденія все же таки остается строеніе мозга и его функціи, а потому внѣшнее проявленіе иногда можетъ быть и обманчиво для глаза обыкновеннаго наблюдателя. Д-ръ Флоринскій обращаетъ вниманіе на то, что дегенеративныя формы, не гармонирующія съ физіологическими отправленіями органовъ, не указываютъ на улучшеніе народа даже въ физическомъ отношеніи. Если искусственная форма разнаго рода животныхъ и цѣнится хозяевами, то не надо забывать, что формы эти всегда идутъ въ ущербъ общему здоровью и крѣпости этихъ животныхъ и нужны человѣку для извѣстныхъ спеціальныхъ цѣлей. Вслѣдствіе этого, свинья, до безобразія заплывшая жиромъ, или изнѣженный

---

[1]) *Dr. Oscar Berger* «Die Grübelsucht, ein psychopathisches Symptom». (*Acrhiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten.* VI Band., 1 Heft).

[2]) *B. A. Morel*: «Traité des dégéneressences physiques, intellectuelles et morales de l'espéce l'espece humaine etc». Paris, 1857.

рысакъ, пригодный только для удовольствія и тщеславія его хозяина, считаются лучше обыкновенной свиньи и здоровой, крѣпкой лошади. Въ человѣческомъ же родѣ такихъ спеціальныхъ цѣлей для усовершенствованія и, слѣдовательно, исключительной заботы о своемъ породистомъ носѣ, рукахъ, ногахъ и пр. существовать не должно. Граціозныя формы и тонкія черты могутъ считаться совершенствомъ въ такомъ только случаѣ, когда онѣ составляютъ не исключительную задачу улучшенія породы, когда развитіе ихъ не идетъ въ ущербъ физіологическому отправленію и гармоническому развитію болѣе существенныхъ и важныхъ органовъ. «Развивать однѣ внѣшнія формы чисто съ эстетическою цѣлью значитъ содѣйствовать вырожденію породы, точно такъ же, какъ подобное вырожденіе мы должны признать въ зоологическомъ смыслѣ и за вышеупомянутыми животными, хотя они и считаются въ хозяйственномъ отношеніи усовершенствованными» [1]).

III.

Выше было замѣчено, что «естественныя группы обозначаются только своими ядрами, но не имѣютъ очертаній и со всѣхъ сторонъ сливаются съ другими системами чуждаго имъ характера» Согласно этому *основному положенію*, ряды психическихъ состояній, идущіе отъ нормальныхъ типовъ къ патологическимъ, предполагаются какъ бы представляющими крайнее постепенное и едва замѣтное сгущеніе красокъ, но оба конечные пункта этихъ родовъ, ядра или соотвѣтствующіе имъ въ данномъ случаѣ типы, предполагаются опредѣленными, постоянными и безусловными. Эта опредѣленность, постоянство и безусловность могутъ быть допускаемы, однакоже, только до тѣхъ поръ, пока мы разсматриваемъ изучаемый комплексъ явленій въ одномъ лишь исключительномъ, психологическомъ отношеніи, пока мы беремъ его безотносительно ко времени и мѣсту. Мы искусственно создаемъ опредѣленность и постоянство нашихъ конечныхъ пунктовъ, мы умышленно, такъ сказать, обусловливаемъ ихъ для уясненія нашего тезиса; но немедленно затѣмъ мы должны при-

[1]) *Ф. Флоринскій.* «Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода» Спб., 1866 г. стр. 159.

знать, что, относя конечные пункты нашихъ рядовъ или ядра противуполагаемыхъ естественныхъ группъ къ опредѣленной эпохѣ или опредѣленной странѣ, мы и ихъ самихъ дѣлаемъ неопредѣленными, непостоянными и условными. Такимъ образомъ, наше основное положеніе о постепенности перехода нормальнаго состоянія въ патологическое должно получать въ каждомъ данномъ случаѣ свое конкретно-индивидуальное значеніе, подвергаясь во времени и въ пространствѣ безчисленнымъ передвиженіямъ и колебаніямъ.

Возьмемъ для примѣра такъ называемое «импульсивное помѣшательство»; въ настоящее время оно считается совершенно опредѣленною формой психическаго разстройства и во всякомъ курсѣ психіатріи можно найти его описаніе, и, однако же, не всегда это было такъ. Шюле говоритъ, что импульсивное помѣшательство открывается или сразу, какимъ-нибудь внезапнымъ насиліемъ, или же предварительно хранится въ сознаніи больнаго въ видѣ темнаго влеченія. Въ первомъ случаѣ больного толкаетъ какая-то невѣдомая сила, о которой онъ не въ состояніи дать себѣ никакого отчета; во второмъ импульсъ принимаетъ какой-нибудь болѣе или менѣе опредѣленный складъ: чей-то голосъ повелѣваетъ больному совершить какой-нибудь чудовищный поступокъ и т. п. Вообще импульсивный больной предается своему роковому влеченію въ припадкѣ внезапнаго замѣшательства, часто влекомый какъ бы темною силой, но онъ при этомъ сохраняетъ самосознаніе, хотя и теряетъ самообладаніе. Иной разъ онъ совершаетъ поступокъ совершенно равнодушно, но всегда при сознаніи чего-то роковаго, чего-то допускающаго одно слѣпое повиновеніе [1]). Д-ръ Ле-Бонъ, характеризуя импульсивныхъ субъектовъ, говоритъ, что они, подобно дикарямъ, женщинамъ и дѣтямъ, руководствуются однимъ только моментальнымъ побужденіемъ. Разсудокъ не играетъ у нихъ роли посредствующей инстанціи между побужденіемъ и поступкомъ, какъ у людей сравнительно высшаго развитія. Смотря по возбуждающимъ ихъ мотивамъ, для нихъ и порокъ, и добродѣтель могутъ быть одинаковы доступны. Съ одинаковою ясностью совершая дѣянія героическія и самыя черныя преступленія, они готовы или броситься въ пламя для спасенія незнакомца, или убить того, кто навлечетъ на себя ихъ ненависть. Цѣлые народы обла-

[1]) *Шюле*, о. с., стр. 344 и 345.

дали такимъ импульсивнымъ характеромъ. Итальянцы среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія представляютъ одинъ изъ совершеннѣйшихъ образцовъ. Остановимся для примѣра на фактахъ, которые даютъ намъ мемуары извѣстнаго Бенвенуто Челлини. Онъ разсказываетъ, какъ его братъ, узнавъ, что одинъ изъ его друзей былъ убитъ караульными солдатами, «разражается такими криками бѣшенства, что было слышно за десять миль», и затѣмъ, найдя убійцу, онъ тотчасъ же бросается на него и вонзаетъ ему шпагу въ животъ. Товарищи павшаго въ свою очередь накидываются на нападающаго и ранятъ его смертельно. Челлини желаетъ немедленно же отомстить за смерть брата, но ему препятствуютъ, тогда онъ подстерегаетъ врага, наконецъ, настигаетъ его и пытается отрубить ему голову ударомъ ножа. Противникъ, опасно раненый, старается скрыться, но Челлини догоняетъ и вонзаетъ ему кинжалъ въ спину съ такою силой, что не можетъ вытащить его назадъ. Папа узнаетъ о случившемся, но такъ какъ онъ находится въ хорошемъ расположеніи духа въ этотъ день, то и не придаетъ происшествію никакого значенія.

Папѣ этому былъ, впрочемъ, свойственъ такой же импульсивный характеръ, какъ и всѣмъ его современникамъ. Возникаетъ новое происшествіе: Бенвенуто Челлини встрѣчаетъ на улицѣ пріятеля своего Бенедетто, который завязываетъ съ нимъ ссору; Челлини тотчасъ же бросаетъ ему въ физіономію первые попавшіеся подъ руку камни и ранитъ противника, но не серьезно, такъ что раненый можетъ въ тотъ же день приняться за свои обычныя занятія. О приключеніи этомъ разсказываютъ папѣ. Первосвященникъ, находящійся этотъ разъ въ дурномъ настроеніи, немедленно же отдаетъ приказъ губернатору арестовать Челлини и немедленно же повѣсить, прибавляя, что губернаторъ не долженъ являться къ нему на глаза ранѣе, чѣмъ не исполнитъ этого приказанія. Челлини удается скрыться, и тотъ же папа, который утромъ хотѣлъ повѣсить великаго художника, объявляетъ вечеромъ, что «ни за что на свѣтѣ не желаетъ погубить его». Всѣ эти личности повинуются инстинктивнымъ импульсамъ, такъ же мало колеблясь, какъ мало колеблется кошка, бросаясь на попадающуюся ей на глаза мышь.

Всѣ приключенія, о которыхъ повѣствуетъ Челлини и которыя, впрочемъ, совершенно аналогичны съ приключеніями, передаваемыми и другими источниками той же эпохи, позволяютъ намъ представить себѣ во всей ясности всѣ эти импульсивные

характеры. Истинктивное побужденіе и дѣйствіе никогда не раздѣлялись вмѣшательствомъ размышленія. При встрѣчѣ съ врагомъ первымъ дѣломъ было нападеніе на него съ цѣлью убійства, точь-въ-точь какъ у враждующихъ между собою собакъ, внезапно встрѣчающихся и тотчасъ же кидающихся одна на другую. Бенвенуто, напримѣръ, встрѣчаетъ своего соперника—золотыхъ дѣлъ мастера Помпейо—въ аптекѣ; не говоря ни слова, онъ вонзаетъ ему въ горло кинжалъ. Онъ, впрочемъ, увѣряетъ, что не намѣренъ былъ убить его, но прибавляетъ тономъ философа: «никогда нельзя полагаться на силу наносимыхъ ударовъ». Въ другой разъ Челлини по пути во Флоренцію заѣзжаетъ на постоялый дворъ и узнаетъ отъ хозяина, что по заведеннымъ у него правиламъ проѣзжающіе должны платить за все впередъ. Челлини получаетъ кровать, по его же собственнымъ словамъ, совершенно исправную и чистую, но его до такой степени оскорбляетъ требованіе уплаты впередъ, что онъ замышляетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ поджечь домъ, чтобы выместить обиду. Онъ не приводитъ въ исполненіе этого замысла единственно только по затруднительности выбраться изъ своей комнаты во время пожара. И вотъ онъ ограничивается тѣмъ, что, взявъ ножъ, портитъ имъ стоявшія тутъ же новыя кровати. Импульсы—порывистые, поводы—слабые, нравственности—никакой [1]).

Имѣя въ виду эти и подобные факты, нельзя будетъ не согласиться съ англійскимъ психіатромъ Хёггардомъ, что человѣкъ, способный сообразоваться съ обычаями первобытнаго общежитія, можетъ оказаться совершенно неспособнымъ приспособляться къ болѣе строгимъ требованіямъ сравнительно передового общества, и точно также человѣкъ, способный къ самостоятельности при пастушеской или кочевой жизни, потребуетъ опеки надъ собой, попавъ въ среду той хитрой или безчестной цивилизаціи, какова современная, когда люди крадутъ не столько при помощи насилія, сколько посредствомъ обмана. Такъ, напримѣръ, у варварскихъ и свирѣпыхъ народовъ многія психическія разстройства, какъ-то: бѣсноваціе эпилептиковъ, припадочное неистовство паралитиковъ и буйственное возбужденіе маніаковъ могутъ, по своимъ внѣшнимъ проявленіямъ, очень слабо различаться отъ обычнаго проявленія недисциплинированныхъ стра-

---

[1]) *D-p G. Le Bon*: «Problémes anthropologiques». (*Revue philosophique*, 1881, № 5).

стей и легко сходятъ за преходящія вспышки извѣстнаго темперамента. Существуетъ родъ маніи, встрѣчающейся весьма нерѣдко, проявленія которой почти тождественны съ проявленіями легкаго опьяненія. Больной обнаруживаетъ извѣстную степень возбужденнаго состоянія, мысли его текутъ съ большою быстротой, но связываются между собою не столько логическою или естественною ассоціаціей, сколько разнообразными душевными волненіями даннаго момента или какою-нибудь случайною связью, какъ, напримѣръ, сходствомъ словъ и т. п. Рѣчь больнаго становится, такимъ образомъ, если не безсвязною, то непослѣдовательною. Больные этого рода бо̀льшею частью лукавы и злонамѣренны. Хотя они и не способны къ сдерживанію своихъ импульсовъ, но могутъ, однако же, какъ то нерѣдко случается съ пьяными, скрытничать и вести рѣчь такъ, что невозможно становится отличить ихъ отъ здоровыхъ. Возможно ли сомнѣваться, что на низшей сравнительно съ нашею ступени цивилизаціи личности эти непремѣнно будутъ считаться нормальными? И въ самомъ дѣлѣ ихъ и нельзя признать ненормальными, принявъ въ разсчетъ ихъ общественную среду.

Вообще можно сказать, что вопросъ о психическомъ разстройствѣ личности можетъ ставиться только тогда, когда разсматриваемое дѣйствіе ея стоитъ ниже обычной нормы даннаго общества. Когда же принимаются къ разсмотрѣнію факты безразличные, не можетъ быть и рѣчи о психическомъ разстройствѣ. Безсмысленно было бы говорить о маніи убійства, какъ формѣ психическаго разстройства, тамъ, гдѣ убійство является признаннымъ обычаемъ, или считать убійство признакомъ сумасшествія въ такой странѣ, гдѣ оно совершается безпрестанно.

Даже въ одномъ и томъ же обществѣ можно подмѣтить колебанія, на которыя нельзя не обратить вниманія. Остановимся напримѣръ, на половыхъ излишествахъ англійскаго культурнаго общества. Если половыя побужденія обнаруживаются у молодой особы женскаго пола и особа эта не умѣетъ обуздывать ихъ силою личной воли, то проявленія эти, навѣрное, будутъ признаны симптомами нимфоманіи и послужатъ оправданіемъ для тѣхъ принудительныхъ мѣръ, какія окажется нужнымъ принять. Если подобный же казусъ случится съ молодымъ человѣкомъ при тѣхъ же условіяхъ, то казусъ этотъ, навѣрное, будетъ разсматриваться только какъ признакъ того, что юноша «еще не перебѣсился». Болѣзнь не неизбѣжна, однако же, ни въ

первомъ случаѣ, ни во второмъ. Если же общественное мнѣніе станетъ когда-либо относиться къ половымъ излишествамъ какъ женщинъ, такъ и мужчинъ одинаково строго, то всякая попытка «перебѣситься» будетъ непремѣнно разсматриваться какъ опредѣленная форма помѣшательства. То же самое можно сказать и о пьянствѣ: сто лѣтъ тому назадъ о немъ не было и рѣчи. Теперь поговариваютъ уже о немъ какъ о формѣ помѣшательства. Еще черезъ сто лѣтъ помѣшательство всякаго пропойцы перестанетъ быть вопросомъ [1]).

Соображенія Хёггарда, истекающія, главнымъ образомъ, изъ наблюденій англійскихъ общественныхъ отношеній, въ основныхъ чертахъ приложимы, конечно, ко всякой странѣ. И у насъ, тоже на протяженіи извѣстнаго періода или въ одно и то же время на значительныхъ разстояніяхъ, можно наблюдать весьма различную оцѣнку человѣческихъ дѣйствій. Кто помнитъ, напримѣръ, бытъ помѣщиковъ до эмансипаціи крестьянъ, согласится, конечно, что самое яркое воспоминаніе объ этомъ бытѣ можетъ возникнуть у современнаго человѣка лишь при посѣщеніи буйныхъ отдѣленій домовъ для умалишенныхъ. Кому же приходилось проѣзжать хоть бы въ недавнее время, примѣрно лѣтъ семь-восемь назадъ, тысячи двѣ-три верстъ за Уралъ, тотъ знаетъ, конечно, что цѣлая масса лицъ, выбитыхъ изъ колеи въ Европейской Россіи и не ужившихся потомъ даже и въ Западной Сибири, находятъ себѣ теплыя мѣста въ Восточной, и здѣсь своимъ поведеніемъ, опять-таки, напоминаютъ тѣхъ же буйныхъ больныхъ. Эти «буйные» рука объ руку съ уголовными, ссылаемыми ежегодно массами, создаютъ здѣсь такую нравственную атмосферу, въ которой импульсивность дѣйствій едва ли не столь обычна, какъ и въ томъ обществѣ, которое изображаетъ Челлини, съ тою разницей только, что убійства совершаются сравнительно рѣже, а всего чаще пускаются въ ходъ палки и кулаки. Сходство двухъ импульсивныхъ теченій заходитъ такъ далеко, что намъ случалось даже слышать тѣ же замѣчанія о силѣ ударовъ, которые дѣлаетъ Челлини; тѣмъ же философскимъ тономъ говорилъ намъ одинъ изъ защищавшихся отъ ночного нападенія грабителя, что онъ наносилъ удары съ расчетомъ не убить нападавшаго, и затѣмъ, какъ бы помня, что «никогда

---

[1]) *William R. Huggard*: «Definitions of insanity» (*The Journal of mental science*, January, 1884).

не слѣдуетъ полагаться на силу удара», онъ прибавилъ: «отойдя немного, я оглянулся; лежавшій немного шевелился,—значитъ, ударъ былъ вѣренъ!» Нельзя сомнѣваться, что большая часть этихъ сибирскихъ героевъ сидѣла бы въ острогахъ или психіатрическихъ больницахъ по сю сторону Урала; но дореформенная Сибирь должна еще видѣть въ нихъ не помѣшанныхъ, не импульсивныхъ бо́льныхъ, а вліятельныхъ членовъ общества, нерѣдко рѣшающихъ судьбу случайно занесенныхъ туда злымъ рокомъ нормальныхъ людей!

IV.

Мы сказали уже, что человѣческая личность представляетъ аггрегатъ психическихъ состояній или, точнѣе, координацію извѣстныхъ моментовъ психической жизни, подвижное и условное единство органической функціи, текучее, измѣнчивое, колеблющееся множественное нѣчто, согласованіе и гармонія элементовъ котораго переливаются подобно игрѣ цвѣтовъ морской поверхности, и, ежемгновенно отражая на себѣ вліяніе многоразличныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій, то укрѣпляется, то слабѣетъ, то нарушается отчасти, то вполнѣ, то получаетъ высочайшую степень интенсивности, то падаетъ до нуля... Послѣдующее изложеніе показало намъ, что, продолжая сравненіе текучести и подвижности человѣческаго «я» съ игрою и переливами цвѣтовъ на поверхности моря, мы должны будемъ сказать, что хотя мы и можемъ отличить на поверхности моря синіе, переходящіе то въ голубой, то въ зеленый, тоны отъ фіолетово-сѣрыхъ, сбивающихъ то на свинцовые, то на пепельные, но мы никогда не въ состояніи обозначить, гдѣ именно начинаются переливы одного характера и гдѣ другого. Мало того, въ разное время дня, въ разныхъ мѣстахъ берега, при разной облачности неба, картина все мѣняется и мѣняется, переходы однихъ тоновъ въ другіе становятся все неуловимѣе, устойчивость различій—все безнадежнѣе. Не то ли же самое зрѣлище представляетъ намъ и человѣческое «я»? Не только переходы отъ его гармонической координаціи къ полному крушенію всякой гармоніи оказались несовмѣстимы съ проведеніемъ какой бы то ни было опредѣленной пограничной черты между нормальнымъ и патологическимъ состояніемъ, но и самыя опорныя точки эти при

ближайшемъ разсмотрѣніи представились подвижными и въ пространствѣ, и во времени, такъ что оріентировка оказалась возможною только для данной страны, въ данный періодъ времени. Затѣмъ, чуть мы переходимъ эти границы, всѣ элементы сложной картины снова приходятъ въ движеніе, намѣченные пункты перемѣщаются и требуется новая, соотвѣтствующая мѣсту и времени, оріентировка.

Но какъ человѣкъ, всматривающійся въ игру цвѣтовъ на морской поверхности, можетъ настолько изучить эту игру, что, вопреки всей ея прихотливости, найдетъ возможность установить извѣстные типы морского ландшафта какъ для разныхъ пунктовъ берега, такъ для разныхъ частей дня, для разныхъ временъ года и разныхъ состояній погоды, и, владѣя кистью, можетъ зафиксировать физіономіи подмѣченныхъ типовъ у себя на полотнѣ, такъ правдиво и вѣрно, что никто не смѣшаетъ виды моря днемъ и виды моря ночью, виды съ отмели и виды съ горы,—точно такъ же и изучающій жизнь психическую, измѣнчивое море человѣческаго «я», можетъ, вооружась наукою, преодолѣть всѣ трудности оріентировки и ввести въ рамки науки то, что съ перваго взгляда какъ будто и отказывалось помѣститься въ нихъ. Идея эволюціи и здѣсь оказываетъ свою неоцѣненную услугу: она располагаетъ все многообразное различіе культурныхъ формъ по степенямъ ихъ развитія, классифицируетъ типы различныхъ стадій координаціи элементовъ человѣческаго «я», показываетъ прогрессъ или элаборацію этой координаціи въ однихъ случаяхъ, при одной совокупности условій, регрессъ и дегенерацію въ другихъ случаяхъ, при другихъ условіяхъ, и, такимъ образомъ, фиксируетъ схваченные моменты и типы, давая возможность не только распознать ихъ, но предвидѣть ихъ возникновеніе или исчезновеніе и, слѣдовательно, способствовать тому или другому. Послѣдній результатъ такой работы, конечно, будетъ, все же таки, пріуроченъ къ опредѣленной эпохѣ и опредѣленному мѣсту, но понятія этой эпохи и этого мѣста будутъ шире понятія эпохи и мѣста, наблюдаемыхъ обыденнымъ свидѣтелемъ событій, такъ какъ эти понятія будутъ относиться ко времени и мѣсту, занимающимъ опредѣленный пунктъ въ эволюціонномъ ряду, и будутъ находиться въ извѣстной связи какъ съ предшествовавшими имъ, такъ и съ сосуществующими группами явленій другихъ типовъ. Въ довершеніе всего, послѣднимъ словомъ такого изслѣдованія явится если

не практическое, то, по крайней мѣрѣ, теоретическое преодолѣніе условій времени и мѣста самого изслѣдователя, такъ какъ, опираясь на общую совокупность своей работы, онъ будетъ въ состояніи противупоставить окружающей его средѣ идеалъ того лучшаго, осуществимаго будущаго, съ высоты котораго ему возможно будетъ судить и оцѣнивать переживаемое.

Уловивъ постоянство и неизмѣнность отношеній, скрытыя за непостоянствомъ и измѣнчивостью явленій, наблюдатель, стоящій на научной точкѣ зрѣнія, оставитъ далеко за собою обыденнаго зрителя, теряющагося среди пестроты и кажущейся ему случайности совершающагося, но не станетъ догонять и метафизика, уносящагося за предѣлы опыта въ міръ призраковъ своего якобы-знанія. У трезваго наблюдателя есть своя прочная почва, свои ясныя цѣли, свои опредѣленныя средства, и, твердо полагаясь на нихъ, онъ бодро идетъ впередъ именно настолько, насколько онъ можетъ итти, не уклоняясь отъ своего пути. Онъ принадлежитъ опредѣленному времени и опредѣленной странѣ, но онъ уже владѣетъ извѣстными опорными точками, которыя составляютъ достояніе общее и неизмѣнное впредь до тѣхъ поръ, пока самыя основы современной науки остаются непоколебимыми и достаточными для разумѣнія окружающаго насъ міропорядка.

Мы подошли къ вопросу о факторахъ вырожденія и указали на эволюцію среды, и, главнымъ образомъ, общественной среды, и на эволюцію личности, какъ на факторы основные, существенные. Если мы подумаемъ, что отрицательный ходъ эволюціи, т.-е. дегенерація этихъ обоихъ факторовъ, приводитъ не къ какому-нибудь такому или иному существованію, о свойствахъ и достоинствахъ котораго могли бы еще затѣять споры тѣ, которые симпатизируютъ дегенераціи, или же спорщики quand même, но просто-напросто—къ прекращенію самаго существованія дегенерирующаго, къ его небытію, то этимъ самымъ не только положимъ конецъ усугубленію въ мысляхъ въ этомъ направленіи всякаго рода мудрецовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, установимъ, что положительный ходъ эволюціи есть движеніе въ сторону діаметрально противуположную дегенераціи общественныхъ узъ, разложеніе общества, исчезновеніе его, есть разложеніе связующей его солидарности, альтруизма, гуманизаціи, прогрессъ которыхъ показываетъ положительный, элаборативный характеръ общественной эволюціи, высшее раскрытіе

ея жизнеспособности. И не то же ли мы видимъ и въ жизни личности? Невропатія, слабоуміе, идіотизмъ,—и на этомъ пунктѣ полное участіе психической жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, окончательное пресѣченіе продолженія рода,—смерть и индивида, и его племени. Обратное движеніе эволюціи личности установляется тутъ само собой и связь этой эволюціи съ ходомъ эволюціи общественной среды очерчивается весьма опредѣленно.

Чтобы представить себѣ вполнѣ ясно и опредѣленно связь нашего «я» съ окружающей его средой и, главнымъ образомъ, общественною средой, мы остановимся, прежде всего, на установленномъ Мейнертомъ различеніи первичнаго «я» или первичной идивидуальности отъ вторичнаго «я» или вторичной индивидуальности. Ядромъ первичной индивидуальности, по идеѣ Мейнерта, служитъ обособленіе собственнаго тѣла ребенка отъ внѣшняго міра. Образъ «я» съ центральнымъ представленіемъ о собственномъ тѣлѣ будетъ для насъ тѣмъ ядромъ, вокругъ котораго кристаллизуются *наичаще* повторяющіяся впечатлѣнія внѣшняго міра, а равно—наичаще воспроизводимыя образныя воспоминанія, особенно тѣ, которыя сопряжены съ аффектами. Образы эти также образуютъ весьма прочныя соединенія и составляютъ ядро *вторичной индивидуальности*... «Матеріалъ этой индивидуальности лежитъ внѣ границъ собственнаго тѣла. Такимъ образомъ, индивидуальность совершенно децентрализуется и становится функціей, которая вмѣщаетъ въ себѣ многое изъ внѣшняго міра». «Въ составъ этого вторичнаго «я» входятъ: близкія лица, собственность, совершенство въ искусствахъ и т. д.». «Иногда индивидуумъ жертвуетъ собственнымъ тѣломъ и, такимъ образомъ, изъ всей этой массы составленныхъ элементовъ своего «я» тѣмъ или инымъ путемъ сознательно уничтожаетъ первичное «я». «Человѣкъ, жертвующій своею жизнью, надѣется при этомъ сохранить многія, не менѣе дѣйствительныя составныя части своей индивидуальности, независимыя отъ составныхъ частей его собственнаго тѣла» [1]).

Эти указанія Мейнерта какъ нельзя лучше вскрываютъ самое основаніе связи личности и окружающей ее среды, и надо признать поэтому, что Маудсли весьма вѣрно указываетъ на неизбѣжность приспособленія отдѣльной личности къ обще-

---

[1]) *Мейнертъ*: «Психіатрія». Перев. М. Е. Ліона и П. И. Ковалевскаго. Харьковъ 1885 г., стр. 191 и 192.

ственной средѣ даже и на первыхъ грубыхъ стадіяхъ развитія. И тутъ уже возникаетъ контроль надъ страстями, вызываемый необходимостью считаться съ воздѣйствіемъ страстей своего ближняго, и становится основою первобытнаго соціальнаго чувства. При дальнѣйшемъ успѣхѣ общественнаго развитія отношенія человѣка къ обществу становятся опредѣленнѣе и сложнѣе. Симпатія къ людямъ становится однимъ изъ условій развитія всякаго общественнаго строя, и никто никогда не можетъ устранить это условіе. Только психически-больной исключаетъ себя изъ общаго хода жизни своей среды, не чувствуетъ и не работаетъ за одно съ нею. Человѣконенавистничество есть начало душевной болѣзни. Если какая-нибудь личность не можетъ установить гармоническихъ отношеній между собою и окружающимъ обществомъ, то личность эта уподобляется болѣзненному элементу организма и такъ же, какъ элементъ этотъ, должна быть устранена, для того, чтобы организмъ могъ продолжать свою нормальную дѣятельность; такая личность сдѣлалась чуждою обществу, и, можно сказать, чуждою самой себѣ, такъ какъ нормальному «я» присуще согласованіе съ жизнедѣятельностью своего рода. Личность же, которая сторонится отъ своихъ ближнихъ, которая преслѣдуетъ только одни свои эгоистическіе интересы и знать ничего не хочетъ объ альтруистическихъ узахъ, связующихъ ее съ обществомъ, находится, навѣрное, на пути вырожденія; она идетъ или къ преступленію, или къ сумасшествію [1]).

Преступленіе можетъ во многихъ случаяхъ обозначать тотъ оттѣнокъ психическаго разстройства, на которомъ необщественность (асоціальность) психически-больного индивида переходитъ въ противообщественность (антисоціальность). Тогда какъ меланхоликъ, маніакъ, паралитикъ, идіотъ, кретинъ, теряя способность гармонировать съ окружающею ихъ общественной средой, приносятъ вредъ обществу безсознательно и безсмысленно и въ нѣкоторомъ случаѣ представляются безвредными, а въ другихъ— сравнительно легко укротимыми и устранимыми, тѣ дегенеративныя личности, болѣзнь которыхъ заключается въ сознательной противообщественности, въ такъ называемомъ нравственномъ помѣшательствѣ или нравственномъ идіотизмѣ, сохраняя иногда почти вполнѣ свой логическій аппаратъ, пользуются имъ

[1]) *Maudsley*: «La pathologie etc.», pp. 105 et suiv.

для борьбы съ общественностью и стремятся къ подчиненію общественныхъ интересовъ своимъ личнымъ, эгоистическимъ цѣлямъ. Они объявляютъ войну не такимъ или инымъ формамъ общественности, не ставятъ себѣ задачею измѣненія этихъ формъ,—нѣтъ, они вооружаются противъ самаго принципа общественности, противъ солидарности, связующей членовъ общества, противъ всѣхъ плодовъ альтруизма. Счастье, трудъ, достояніе и спокойствіе ближняго они приносятъ въ жертву своему ненасытному своекорыстію и алчности и незнаютъ ни мѣры, ни границъ своего человѣконенавистничества. Конечная ихъ цѣль—праздность, развратъ и бражничанье. Въ извѣстныя эпохи и въ извѣстныхъ странахъ личности эти могутъ настолько гармонировать если не со всею своею общественной средой, то съ нѣкоторымъ большинствомъ ея, что дѣйствія ихъ сходятъ только за своеобразныя причуды и прихоти, но въ наше время они были обслѣдованы очень тщательно, и изученіе ихъ дало въ результатѣ весьма опредѣленный патологическій типъ, имѣющій, какъ показало новое наблюденіе Ломброзо, близкое соотношеніе къ типу эпилептическому (type de l'èpilepsie) [1]). Такимъ образомъ, противуобщественность и болѣзненность слились окончательно въ комплексы симптомовъ чисто-объективнаго характера.

Но если нравственный типъ личности находится въ такой тѣсной связи съ жизнью той общественной среды, которой личность эта принадлежитъ, то возникаетъ въ высшей степени важный и богатый послѣдствіями вопросъ о томъ, гдѣ мы должны установить *исходную точку всякаго дегенеративнаго ряда*? Выясненіе этой исходной точки имѣетъ первостепенное значеніе, такъ какъ разъ исходная точка дана, законъ наслѣдственности довершаетъ все остальное и, какъ было замѣчено выше, пресѣкаетъ на извѣстной дегенеративной стадіи зачахнувшую вѣтвь.

Большая часть психіатровъ нашего времени, считая помѣшательство дегенеративнымъ явленіемъ, ставятъ его появленіе въ зависимость отъ двоякаго рода условій: во-первыхъ, отъ

---

[1]) L'uomo delinquente in rapporto all'antropologia, giurisprundenza e alle discipline carcerarie. 3 edizione. Torino, 1884. Identità dell'epilepsia colla pazzia morale e delinquenza congenita. (*Archivio di psichiatria scienze qenali* etc. Vol. VI., fasc. I—II). La fusion de la folie morale et du criminelné. Reponse à M. Tarde. (Rev. philos. 1885 № 8).

болѣзненныхъ врожденныхъ расположеній, переносимыхъ на индивидъ уже въ моментъ зачатія и служащихъ выраженіемъ у наслѣдуемыхъ патологическихъ состояній мозга родителей, и, во-вторыхъ, въ пріобрѣтеніи въ теченіе жизни самого индивида болѣзненныхъ измѣненій строенія и отправленій мозга, а также и такого рода болѣзненныхъ состояній, которыя при наслѣдственной передачѣ могутъ переходить въ психическія разстройства. Къ такимъ болѣзненнымъ состояніямъ причисляютъ: сифилисъ, алкоголизмъ, чахотку, рахитизмъ и нѣкоторыя другія. Эти исходныя точки такъ называемыхъ наслѣдственныхъ метаморфозъ играютъ въ высшей степени важную роль, какъ полагающія начала дегенеративнымъ рядамъ и ускоряющія процессы дегенераціи тамъ, гдѣ процессы эти получили свое начало ранѣе.

Рей-Ленкестеръ, изучившій явленія вырожденія спеціально въ области зоологической, считаетъ, что исходную точку явленіямъ этого рода даетъ паразитизмъ. Всякое новое сочетаніе условій, дающее животному возможность безъ большого напряженія пользоваться обезпеченностью и достаточнымъ количествомъ пищи, обыкновенно ставитъ это животное на путь вырожденія. Точно то же случается и съ дѣятельнымъ здоровымъ человѣкомъ, внезапно дѣлающимся обладателемъ значительнаго богатства; то же постигло и древній Римъ, когда онъ сталъ обладателемъ богатства современнаго ему міра. Привычки паратизма всегда дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ. Лишь только паразитическое существованіе обезпечивается, какъ начинается атрофія членовъ: ноги, челюсти, глаза, уши исчезаютъ, и сравнительно богато-одаренное животное становится простымъ мѣшкомъ, принимающимъ пищу и кладущимъ яйца [1]).

По отношенію къ человѣку паразитизмъ долженъ всегда и неизбѣжно, какъ то можно заключить изъ предшествовавшаго изложенія, оказывать пагубное и нравственно-разрушительное вліяніе. Паразитъ теряетъ нормальныя связи со своей средой; онъ не нуждается въ приспособляемости къ ней, ему становится излишне то напряженіе психическихъ силъ, котораго требуетъ жизнь въ томъ случаѣ, когда она должна слиться со своею общественной средой и установить соотношенія къ ней. Мы

---

[1]) *Ray Lankester:* «Degeneration. A chapter in Darwinism». London, 1880, p. 33.

видѣли, что даже на первобытныхъ ступеняхъ развитія общественности вопросъ объ отношеніи личности къ окружающимъ ее являлся уже исходною точкой зачаточной морали и что при дальнѣйшемъ ходѣ общественнаго развитія узы, связующія индивиды и общество, осложнялись, требовали себѣ все большаго и большаго вниманія, вызывали у личности все большее и большее напряженіе. Но въ жизни паразита никакого усилія воли не требуется, никакой сосредоточенности не нужно, нѣтъ помину даже и о тѣхъ примитивныхъ расчетахъ, въ которыхъ едва только свѣтится заря человѣческой нравственности. Что же удивительнаго, если паразитъ роковымъ образомъ дегенерируетъ, если онъ съ первыхъ же моментовъ сознанія своего паразитизма становится какъ бы исключеннымъ изъ общества, чуждымъ окружающимъ его людямъ: онъ не живетъ съ ними общими чувствами, онъ не дѣлитъ ихъ труда и заботъ, онъ всецѣло погруженъ въ свои эгоистическіе интересы, живетъ только ими и только для нихъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такихъ противуобщественныхъ инстинктовъ и ненормальныхъ условій жизни является и ненормальность самой личности: дѣятельность высшихъ, заправляющихъ центровъ его нервной системы слабѣетъ, координація психическихъ элементовъ падаетъ, начинается та психическая дезорганизація, которая можетъ на первыхъ порахъ имѣть и весьма слабое внѣшнее выраженіе, но теченіе и развитіе которой не оставляютъ уже никакихъ сомнѣній для всякаго внимательнаго наблюдателя.

Надо прочитать у П. И. Якобія, въ его прекрасномъ сочиненіи: *О подборѣ по отношенію къ наслѣдственности*, тѣ замѣчательныя страницы, въ которыхъ этотъ талантливый авторъ рисуетъ пониженіе нравственной силы и энергіи личности, поставленной въ условія паразита, и входитъ при этомъ въ такую обстоятельную обрисовку этого процесса, которая только и возможна въ пространной монографіи, а не простой журнальной статьѣ. Надо прочитать эти интересныя и поучительныя описанія и дополняющіе ихъ примѣры, чтобы со всею ясностью и во всей полнотѣ представить себѣ роковую неизбѣжность дегенераціи при данныхъ условіяхъ. Намъ поневолѣ приходится довольствоваться сдѣланными общими указаніями и, не пытаясь даже исчерпать вопросъ, примириться съ неизбѣжностью обработки его въ тѣхъ тѣсныхъ предѣлахъ, въ которые онъ у насъ введенъ. Возбудить интересъ къ предмету, отмѣтить его значеніе,

открыть просвѣтъ къ его изученію и уясненію,—вотъ все, на что мы можемъ разсчитывать,—все, что только мы можемъ имѣть въ виду [1]).

Нельзя, однакоже, терять изъ вида, что паразитизмъ имѣетъ и другую свою сторону, которая такъ же необходима соотносительно къ нему, какъ выпуклая сторона какой-нибудь кривой поверхности—къ вогнутой ея сторонѣ. Если есть индивиды, которые могутъ безъ большаго или даже какого бы то ни было напряженія своихъ силъ пользоваться достаточнымъ или даже болѣе чѣмъ достаточнымъ количествомъ пищи и полною обезпеченностью и прочими благами жизни, то всенеизбѣжно бокъ-о-бокъ съ ними существуютъ другіе индивиды, напрягающіе свои силы до переутомленія и не завоевывающіе себѣ, однакоже, ни достаточнаго количества пищи, ни обезпеченнаго существованія. Отъ взора проницательныхъ психіатровъ не ускользнуло, что не только въ первомъ изъ этихъ случаевъ, но и во второмъ, нервная система не выдерживаетъ ненормальныхъ условій, перерождается и вырождается. Гармонія между «я» и требованіями внѣшняго міра нарушена и тамъ, и здѣсь; нарушеніе это ведетъ къ возростанію числа психическихъ заболѣваній и даетъ замѣтное преобладаніе дегенеративнымъ формамъ [2]), т.-е. увеличиваетъ число тѣхъ рядовъ, эволюція которыхъ идетъ отрицательнымъ путемъ даже и въ томъ случаѣ, когда, вполнѣ или отчасти, измѣняются породившія ее условія.

Обратимся къ психіатрамъ, и мы увидимъ, что почти всѣ они говорятъ о психическихъ разстройствахъ наслѣдственныхъ и пріобрѣтенныхъ. Но какъ же пріобрѣтаются психическія разстройства организмами, не отягощенными наслѣдственностью? Жизнью, конечно; но подъ этимъ выраженіемъ, за незначительнымъ исключеніемъ чисто-индивидуальныхъ случаевъ, всегда разумѣютъ, и не могутъ не разумѣть, вліянія среды и, главнымъ образомъ, общественной среды. Если же намъ укажутъ на Балля, напримѣръ [3]), какъ на психіатра, который видитъ въ наслѣд-

---

[1]) *P. Jacoby*: «Etudes sur la sélection dans ses raports avec l'hérédité chez l'homme». Paris, 1881, pp. 25 et suiv.

[2]) *Д-ръ Ліонъ*: «Земледѣльческія колоніи для душевнобольныхъ» (*Архивъ психіатріи* проф. Ковалевскаго, т. I, № 2, стр. 105 и слѣд.).

[3]) *B. Ball*: «Leçons sur les maladies mentales». Paris, 1880—1883, p. 354.

ственности единственную причину психическаго вырожденія, то придется спросить: гдѣ же исходная точка патологической наслѣдственности, если только нормальный, здоровый типъ— не фикція воображенія? Если же мы допускаемъ существованіе такого нормальнаго, здороваго типа, то мы должны будемъ признать не только полную обусловленность всякой исходной точки вырожденія въ данное время, при данныхъ внѣшнихъ условіяхъ, но и не сомнѣваться еще въ томъ, что въ каждый данный моментъ возникаетъ не малое количество такихъ исходныхъ точекъ въ формѣ психическихъ или иныхъ болѣзней, которыя въ нисходящихъ звеньяхъ ряда, прямо или метаморфически, объявляются, какъ наслѣдственныя психическія разстройства. Въ этіологіи психическаго вырожденія, какъ видно изъ этого, среда и наслѣдственность играютъ соотносительныя роли, и намъ, при опредѣленіи ихъ сравнительнаго значенія, необходимо всякій разъ обращать вниманіе на то, сосуществованіе ли явленій, или ихъ послѣдовательность важны въ данномъ отдѣльномъ случаѣ. Балль очень остроумно сравниваетъ психически-больныхъ съ «мѣщанами во дворянствѣ». При старомъ режимѣ, говоритъ онъ, эти послѣдніе въ своей новой средѣ все же оставались мѣщанами, тогда какъ дѣти ихъ и внуки считались уже настоящими дворянами. Такъ и помѣшанные: у всѣхъ есть своя родословная, и у всякаго можно прослѣдить начало его «предрасположеній»; но всякій, замѣтимъ мы при этомъ, можетъ, порывшись въ архивахъ, доискаться, когда именно родъ его былъ возведенъ въ дворянство и при какихъ именно обстоятельствахъ. Обстоятельства эти, къ какому бы прошедшему и давнопрошедшему они ни относились, не могутъ не выдвигаться во всей своей трагичности изъ-за фактовъ современныхъ, наблюдаемыхъ нами непосредственно; они всего чаще не видны, зато видны тысячи имъ подобныхъ, и сомнѣваться въ ихъ существованіи мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ.

Вопросъ этотъ подвергся недавно новому пересмотру по отношенію къ нравственно-помѣшаннымъ и прирожденнымъ преступникамъ, т.-е. психически-больнымъ исключительно дегенеративнаго характера.

Школа Ломброзо - Ферри сдѣлала, какъ извѣстно, особенно много для изученія преступниковъ вообще и прирожденныхъ преступниковъ въ особенности; она, однакоже, опираясь, главнымъ образомъ, на біологическія данныя, старается стушевать

значеніе общественныхъ условій по отношенію къ развитію преступности и сводитъ большую часть преступныхъ типовъ къ наслѣдственности. По мнѣнію представителей этой школы, общество будетъ и впредь совершенствоваться лишь съ тою самою постепенностью, съ которою оно прогрессировало до настоящаго времени, и никакая реформа не сможетъ поднять нравственнаго уровня его, такъ какъ высота этого уровня обусловливается цѣлыми вѣками эволюціи и не можетъ подняться подъ вліяніемъ частныхъ воздѣйствій. Школа Ломброзо не разсчитываетъ поэтому на быстрый подъемъ общественной нравственности и имѣетъ въ виду лишь послѣдовательныя, постепенныя улучшенія ея, для чего она и старается изыскать вѣрнѣйшія средства.

Въ противуположность этой, такъ называемой «позитивной» школѣ, другая—школа Турати-Колаяни [1]) — утверждаетъ, что хотя противники ея и установляютъ, вмѣсто прежнихъ отвлеченностей и предразсудковъ, научное изслѣдованіе преступника, все же они еще остаются далеко отъ непосредственнаго прикосновенія къ общественнымъ язвамъ, такъ какъ они упускаютъ изъ вида, что современная организація общества представляетъ явленіе ненормальное, патологическое: оно построено на тунеядствѣ и на дисгармоніи интересовъ и даетъ преступность, какъ логическое послѣдствіе своего уклада. Преступность, поэтому, не можетъ быть излечена раньше, чѣмъ не очистится кореннымъ образомъ его источникъ. Оцѣнка значенія преступности вытекаетъ изъ этихъ положеній сама собой. Преступленіе представляется продуктомъ трехъ факторовъ: естественнаго, индивидуальнаго и общественнаго, и, сообразно такому различенію факторовъ преступленія, самые преступники распадаются на пять категорій: помѣшанныхъ и полупомѣшанныхъ, прирожденныхъ-неисправимыхъ, руководимыхъ страстью, дѣйствующихъ по привычкѣ и случайныхъ. Въ первыхъ трехъ категоріяхъ преобладаютъ факторы естественные и индивидуальные; въ двухъ послѣднихъ—факторы общественные. Съ перваго взгляда очевидно, что преступники двухъ послѣднихъ категорій не совершили бы своихъ дѣяній, если бы у нихъ были отняты вызвавшія эти

---

[1]) *Filippo Turati*: «Il delitto e la questione sociale». Milano, 1883.— *Napoleono Colajanni*: «L'alcoolismo, sue consequenze morali e sua causa». Catania, 1887. Тутъ читатель найдетъ указанія и на другія сочиненія Колаяни. См. еще: «Rivista di filosofia scientifica». Vol. IV, № 1.

дѣянія условія. Къ тому же, статистика, какъ то признаетъ и школа Ломброзо, указываетъ на крайне незначительный процентъ преступниковъ первыхъ трехъ категорій въ общей массѣ всѣхъ преступниковъ, да и изъ этого незначительнаго количества надо исключить преступниковъ - помѣшанныхъ, включаемыхъ обыкновенно только благодаря очень ужъ грубой аналогіи ихъ поступковъ съ поступками дѣйствительныхъ преступниковъ. Затѣмъ, значительное большинство преступниковъ, а именно $^4/_5$ всего ихъ числа, принадлежа двумъ послѣднимъ категоріямъ, является исключительно какъ пагубное послѣдствіе патологическихъ условій общественной среды. Вообще можно утверждать, что въ послѣднемъ итогѣ среда всегда создаетъ человѣка, общественная среда создаетъ гражданина. Это не значитъ, однакоже, что она его импровизируетъ,—нисколько: она его формируетъ постепенно, мало-по-малу, въ послѣдовательномъ рядѣ поколѣній, путемъ подбора и приспособленія. А изъ этого можно заключить, что и три первыя категоріи преступниковъ могли бы исподоволь исчезнуть изъ общества при улучшеніи и оздоровленіи его. Воспитаніе получило бы тогда иное, новое значеніе и дало бы новые результаты; тогда и улучшеніе человѣческой нравственности получило бы реальное осуществленіе.

V.

Установивъ принципіально значеніе среды по отношенію къ возникновенію и развитію психическаго вырожденія, бросимъ хотя бѣглый взглядъ на то, что̀ оно представляетъ въ современной дѣйствительности.

Сравнительно простыя задачи болѣе раннихъ періодовъ общественнаго развитія до чрезвычайности усложнились и запутались въ наше трудное время, и никакой личный опытъ, никакая умѣлость, никакая сноровка не въ состояніи теперь, помимо случая, удачи, обмана, хищничества и насилія, преодолѣть тѣ безчисленныя преграды, которыми усѣянъ въ настоящее время путь жизни. Этотъ общій характеръ нашего времени самъ по себѣ указываетъ уже на неизбѣжность возростанія психическихъ болѣзней, этого показателя роста психическаго вырожденія. Статистика подтверждаетъ этотъ печальный фактъ. Констатированіе его стало общимъ мѣстомъ у психіатровъ, и то и дѣло

являются новыя его подтвержденія [1]). Нѣкоторыя прежнія причины, вліявшія на возростаніе числа психическихъ разстройствъ: суевѣріе, невѣжество и т. д., частью поослабѣли, но на мѣсто ихъ явились новыя обстоятельства, дѣйствующія съ гораздо большею активностью и неотвратимостью. Психическое вырожденіе возросло до степени серьезной общественной опасности, на которую все чаще и чаще начинаютъ указывать съ самой компетентной стороны.

Серьезность этой опасности усиливается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что направленіе, въ которомъ складываются современныя общественныя условія, безмѣрно отстало отъ выводовъ науки и сообразной съ ними выработки жизненнаго уклада. Современному человѣку еще далеко до установленія и приложенія къ жизни того высокаго искусства, о которомъ пока мечтаютъ еще только лучшіе умы, которое, споспѣшествуя естественной эволюціи, систематически облегчая побѣду человѣка надъ природой, не надрывало бы самого человѣка, не вырождало бы его. Кому же теперь не очевидно, что ходъ общественнаго развитія, оставаясь традиціоннымъ, нисколько не подвигается къ облегченію все усложняющихся и утрудняющихся задачъ, и, обходя ясную и прямую постановку назрѣвающихъ вопросовъ, накопилъ массу болѣзненнаго напряженія, создалъ безчисленныя новыя трудности и не мало поработалъ въ пользу преуспѣянія дегенераціи? Но если и въ самомъ бѣдствіи, порожденномъ такимъ положеніемъ вещей, можно отыскать зачатки лучшаго будущаго, то, все же таки, современное поколѣніе поставлено лицомъ къ лицу съ печальнымъ сознаніемъ возростанія упадка психическихъ силъ и все болѣе и болѣе накопляющихся условій тѣхъ патологическихъ моментовъ, которые являются исходными точками вырожденія и черезъ цѣлый рядъ поколѣній несутъ свои пагубныя послѣдствія. А, между тѣмъ, для многихъ самая идея о возведеніи споспѣшествованія естественной эволюціи въ искусство, въ сознательное систематическое руководительство, представляется еще или чуждою, или непонятною, и тянется нескончаемая рѣчь о слѣдованіи путемъ естественнымъ, путемъ природы, что на практикѣ сводится, собственно говоря, къ пресловутой системѣ laissez faire. «Всѣ,—говоритъ Лестеръ

---

[1]) См., между прочимъ, статью д-ра *Людвига Мейера*: «Die Zunahme der Geisterkrankheiten», въ *Deutsche Rundschau*. October. 1885.

Уордъ,—которые заговариваютъ объ усовершенствованіи естественнаго хода событій, причисляются сторонниками естественной эволюціи къ сонму болтуновъ, дерзающихъ измѣнять непреложное. Ихъ системы объявляются утопическими, открытые ими законы — bruta fulmina. Всѣ усилія въ этомъ направленіи считаются вздорными и всѣ попытки получаютъ названіе невѣжественныхъ посягательствъ на непреложность законовъ природы» [1]).

Итакъ, пока остается установленнымъ фактомъ, что число психически-больныхъ повсемѣстно возростаетъ, что психическое вырожденіе идетъ все crescendo. Психіатры, установивъ этотъ фактъ, не могли не попытаться оцѣнить его значеніе, и мы, дѣйствительно, очень часто встрѣчаемъ въ ихъ сочиненіяхъ разсужденія на эту тему, — разсужденія, то старающіяся смягчить хотя отчасти безотрадность положенія, то приступающія къ нему со всею горечью сознанія истины. Нашъ извѣстный психіатръ, недавно скончавшійся, А. У. Фрезе, въ своемъ *Курсѣ психіатріи*, очень сомнѣвается, чтобы цивилизація сама по себѣ могла вліять на возростаніе числа помѣшанныхъ. Сравненіе странъ цивилизованныхъ и нецивилизованныхъ несостоятельно, по его мнѣнію, потому, что исчисленіе психическихъ больныхъ въ нецивилизованныхъ странахъ совершенно гадательно, а потому и въ расчетъ принято быть не можетъ. Указывая затѣмъ на перевѣсъ числа помѣшанныхъ въ центрахъ цивилизаціи разныхъ странъ сравнительно съ окраинами этихъ же странъ, Фрезе говоритъ, что, «останавливаясь только на этомъ фактѣ, утверждали, что цивилизація способствуетъ развитію душевныхъ болѣзней. Что такое цивилизація? Цивилизація, это, конечно, коллективное понятіе, выражающее собою общее возростающее развитіе человѣка какъ въ умственномъ и нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ. Трудно было бы a priori согласиться съ тѣмъ, что процессъ возростающаго развитія, ведущій насъ къ постоянному сознательному совершенствованію, несъ въ самомъ себѣ зачатки заболѣванія. Цивилизація учитъ насъ, напротивъ, все болѣе и болѣе сознательно относиться какъ къ самому себѣ, такъ и къ окружающимъ условіямъ. Она учитъ насъ, какимъ образомъ избѣгать болѣзней, какимъ образомъ предохранять себя отъ нихъ и сохранять свое здоровье. Циви-

[1]) *Lester F. Word*: «Mind as a social factor» (*Mind*. October 1884).

лизація открываетъ все болѣе и болѣе средствъ, способствующихъ сохраненію здоровья. Она не только даетъ возможность пріобрѣтать бо̀льшую сумму эмпирическихъ познаній, но и постоянно стремится примѣнять ихъ къ дѣлу. Она знакомитъ насъ съ нашимъ организмомъ, и не только организмомъ отдѣльнаго человѣка, но и съ организмомъ всего общества, государства. Словомъ, она вездѣ проливаетъ свѣтъ. Каковъ бы онъ ни былъ, трудно согласиться съ тѣмъ, что подобный просвѣщающій процессъ могъ быть признанъ моментомъ, увеличивающимъ число помѣшанныхъ» [1]). Фрезе, какъ видно, смѣшалъ науку и цивилизацію, теоретическія разсужденія ученыхъ и дѣйствительный ходъ жизни, принадлежность двухъ-трехъ съ тѣмъ, что присуще чуть не всѣмъ, а потому аналогія его слаба. Не резоннѣе ли бы спросить: правильно ли называть цивилизаціей тотъ строй жизни, который приноситъ такіе печальные плоды? На эту мысль наводятъ и тѣ соображенія Крафтъ-Эбинга, которыя Фрезе упоминаетъ вслѣдъ за только что приведенными своими доводами. Соображенія знаменитаго психіатра, имѣющіяся нынѣ въ болѣе полномъ изложеніи [2]), очень живо и ярко рисуютъ тягостный и болѣзнетворный режимъ торгово-промышленнаго класса съ его жгучею погоней за наживой и чувственными удовольствіями, съ его вѣчною суетой, антигигіеническимъ образомъ жизни и острыми разочарованіями биржевой игры и спекуляцій, или же неизбѣжными послѣдствіями шалопайства—скукою, пресыщеніемъ и т. п. Но все это—только одна сторона медали; другая, относящаяся къ тѣмъ массамъ, которыя своимъ чернымъ трудомъ поддерживаютъ весь этотъ режимъ и вырождаются подъ гнетомъ условій, прямо противуположныхъ яду пресыщенія и отравѣ бездѣльнаго недосуга, могли бы показать современную цивилизацію, какъ цѣлое, и навести на вопросы, правильное освѣщеніе которыхъ разрушило бы до тла сладкогласіе добродушныхъ наблюдателей, глядящихъ на нее сквозь розовое стекло своей мечтательности.

Гораздо трезвѣе Фрезе отнесся къ занимающему насъ вопросу англійскій психіатръ Хакъ-Тьюкъ, который, прежде всего, установляетъ различіе между извѣстнымъ намъ состояніемъ

---

[1]) *А. У. Фрезе*: «Краткій курсъ психіатріи». Спб. 1881 г., стр. 133 и 134.

[2]) *D-r. R. v. Krafft-Ebbing*: «Ueber gesunde und kranke Nerven». Tübingen. Безъ обозначенія года. Предисловіе помѣчено 1885 г.

общества и отвлеченнымъ понятіемъ цивилизаціи (civilisation in the abstract). «Если мы станемъ разсуждать о современной цивилизаціи,—говоритъ онъ,—то, ясное дѣло, мы должны будемъ разумѣть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ смѣшанное состояніе, представляемое современнымъ обществомъ. Нашъ пауперизмъ и наше пьянство во всемъ его объемѣ придется устранить и—воплотить идею цивилизаціи въ образованной, нравственной и религіозной части нашего общества. Но если бы мы стали прилагать этотъ терминъ къ современному состоянію такъ называемой цивилизованной Европы, то намъ пришлось бы подвести подъ эту идею выдающіяся черты этого состоянія, несмотря на то, что онѣ представляютъ остатки стараго варварства. Такимъ образомъ, нашъ отвѣтъ на вопросъ о вліяніи цивилизаціи на распространеніе психическихъ болѣзней находится въ полной зависимости отъ того смысла, который мы придадимъ термину «цивилизація». Если мы исключимъ порокъ и нужду, то исключимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и плодотворнѣйшія причины помѣшательства, и тогда вліяніе цивилизаціи должно сдѣлаться въ высшей степени благотворнымъ, хотя въ самомъ процессѣ ея и могутъ оказаться нѣкоторыя неблагопріятныя вліянія. Если же мы допустимъ включеніе въ наше понятіе всѣхъ условій жизни всего населенія современныхъ цивилизованныхъ странъ, не исключая и той части этого населенія, которая страдаетъ заразъ отъ нищеты и пороковъ, но которая, въ то же время, играетъ въ высшей степени важную роль въ споспѣшествованіи успѣхамъ страны по отношенію ея богатства и развитію промышленности и современное состояніе которой до извѣстной степени обусловлено поступательнымъ ходомъ цивилизаціи, то въ такомъ случаѣ отвѣтъ нашъ на поставленный выше вопросъ будетъ далеко не благопріятный.

«Цивилизовать, согласно обычному опредѣленію этого термина, значитъ внѣдрять искусство правильной жизни, выводить изъ варварства, совершенствовать способность къ сожительству въ громадномъ обществѣ; и затѣмъ, если бы ничего болѣе и не требовалось, то, въ случаѣ, когда всѣ эти условія были бы выполнены, цивилизація могла бы совмѣщаться съ невоздержностью, расточительностью и значительнымъ накопленіемъ нищеты. Все это отчасти или, скорѣе, вполнѣ согласуется съ дѣйствительнымъ состояніемъ цивилизаціи нашего времени. Но идеальная цивилизація должна быть чѣмъ-то гораздо болѣе высокимъ, и

въ теоріи по крайней мѣрѣ, ей слѣдуетъ быть въ антагонизмѣ ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ: она должна предполагать нѣчто большее, чѣмъ одно только накопленіе знаній или усовершенствованіе утонченности жизни»[1]). Въ концѣ-концовъ, Хакъ-Тьюкъ приходитъ къ заключенію, что «цивилизація должна быть признана причиною психическихъ болѣзней»; «но, когда я говорю это,—прибавляетъ онъ, — я не желаю утверждать, что человѣкъ образованный и живущій въ довольствѣ легче подпадетъ помѣшательству или слабоумію, нежели бѣдный земледѣлецъ, обремененный семьею, помѣщающійся въ тѣсномъ жильѣ, не всегда сытый и часто пьяный; моя мысль заключается только въ томъ, что земледѣлецъ цивилизованной страны очень часто болѣе подверженъ неблагопріятнымъ психическимъ вліяніямъ, чѣмъ какой-нибудь членъ совершенно необразованнаго племени, и что даже наивыгоднѣйшимъ образомъ обставленный образованный человѣкъ находится въ большей опасности въ этомъ отношеніи, нежели «невѣжественный дикарь». Я знаю, что мое заявленіе о вліяніи цивилизаціи на возростаніе числа помѣшанныхъ сочтется многими какъ измѣна современному прогрессу, человѣчности и даже христіанству; но поскольку возростаніе это приписывается злоупотребленію цивилизаціи, постольку предъявляется обвиненіе противъ такого злоупотребленія; поскольку же оно обусловливается со стороны культуры умственныхъ способностей, постольку условія эти ставятся въ параллель съ условіями жизненности высшимъ формъ организаціи сравнительно съ жизненностью формъ низшихъ. Высшіе организмы несутъ только кару за сравнительно большее развитіе своей впечатлительности и чувствительности. Цивилизація предполагаетъ извѣстный рискъ, такъ какъ она заключается въ выработкѣ высшей формы умственной жизни, и поэтому высшимъ проявленіемъ мудрости съ нашей стороны было бы признательное принятіе ея даровъ и уклоненіе отъ сопряженнаго съ ними риска посредствомъ предупрежденія психическихъ заболѣваній»[2]).

Изъ предшествующаго явствуетъ, что возростанію психическаго вырожденія въ какой-нибудь странѣ должно непремѣнно

---

[1]) *Daniel Hack Tuke:* «Insanity in ancient and modern life, with chapters on its prevention»: London, 1878, pp. 5—7.

[2]) Ibidem, p. 9—11.

соотвѣтствовать, какъ крайнее выраженіе этого вырожденія, относительное возростаніе числа помѣшанныхъ, такъ и всѣ остальныя стадіи, лежащія широкою полосой между состояніемъ нормальнымъ и анормальнымъ. При этомъ, какъ то и очевидно, соціально-патологическое состояніе страны можетъ болѣе или менѣе ясно сознаваться внимательными и вдумчивыми наблюдателями и вызывать у нихъ то настроеніе, которое, пожалуй, съ вульгарной точки зрѣнія можно назвать пессимистическимъ, но которое на самомъ дѣлѣ будетъ только истинною оцѣнкой дѣйствительнаго положенія вещей. Настроеніе это можетъ итти рука объ руку съ энергическимъ стремленіемъ помочь дѣлу или оно можетъ вызывать уныніе и отчаяніе—это будетъ зависѣть отъ того, въ какой мѣрѣ захваченъ дегенеративнымъ процессомъ самъ наблюдатель; но во всякомъ случаѣ оно не минуетъ того, кто можетъ разумѣть положеніе и принимать его къ сердцу.

Изъ европейскихъ странъ, Португалія представляетъ весьма типичный примѣръ интесивнаго развитія дегенеративнаго процесса. Обстоятельное изслѣдованіе португальскаго психіатра д-ра де-Сенна, появившееся два года тому назадъ [1]), показываетъ, что здѣсь возростаніе числа психически-больныхъ идетъ въ ужасающихъ размѣрахъ. Сопоставляя вновь добытыя данныя съ тѣми, которыя были собраны ранѣе, именно въ 1851 и 1870 годахъ, де-Сенна считаетъ, что возростаніе числа душевнобольныхъ въ его отечествѣ можетъ быть выражено слѣдующимъ поразительнымъ рядомъ: $^1/_{1725}$, $^1/_{1271}$ и $^1/_{724}$. Итакъ, число больныхъ возросло за 15 лѣтъ болѣе чѣмъ вдвое. Такое быстрое возростаніе числа психическихъ разстройствъ,—какъ говоритъ д-ръ де-Сенна,—показываетъ быстрый упадокъ португальской расы и объясняетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, историческую малозначительность, выпавшую на долю Португаліи въ настоящемъ вѣкѣ. Этотъ упадокъ расы обнаруживается и другими признаками: на первомъ планѣ д-ръ де-Сенна выставляетъ чрезвычайную апатичность португальскаго общества къ своимъ дѣламъ вообще: «Португалія есть такая страна, гдѣ не любятъ работать, или, лучше сказать, такая страна, въ которой главное стремленіе большинства заключается въ созиданіи для себя такого положенія, въ которомъ можно бы было не работать. Въ этой средѣ, точно въ средѣ

[1]) *Dr. A. M. Senna:* «Os alienados em Portugal. I. Historia e statistica» Lisbon, 1884.

еле-влачащихъ свое существованіе грибовъ, если и возникаетъ какой-нибудь болѣе здоровый и крѣпкій организмъ, способный къ проявленію возвышенныхъ чувствъ и великодушныхъ идей, ему рѣдко идутъ навстрѣчу слова ободренія и дружественные совѣты; но всего чаще грибы всѣмъ громаднымъ скопомъ накидываются на него со своею вздорною критикой и, если сочтутъ нужнымъ, соединяютъ свои шапочки и безпощадно душатъ то проявленіе жизни, которое дерзнуло обнаружить присущую имъ ничтожность»[1]). При такомъ положеніи вещей бѣдность является главною причиной психическаго вырожденія, а беззаботность о больныхъ довершаетъ затѣмъ ея губительную работу, тогда какъ апатія общества закрываетъ послѣдній просвѣтъ въ будущемъ[2]).

Де-Сенна впервые показалъ картину психическаго вырожденія португальскаго народа при научной разработкѣ фактовъ и правильномъ указаніи корней и нитей бѣдствія; но ранѣе, съ самаго начала настоящаго столѣтія, раздаются уже голоса публицистовъ, историковъ, поэтовъ, сливающіеся въ одинъ общій вопль о бѣдствіяхъ и гибели отечества.

Историкъ португальской литературы Ромеро Ортисъ приводитъ цѣлый рядъ отрывковъ изъ португальскихъ писателей настоящаго столѣтія, ясно свидѣтельствующихъ о томъ остромъ чувствѣ, которое гложетъ людей, понимающихъ всю трагичность положенія современной Португаліи. Они называютъ Португалію страною, подверженною болѣзни; они отчаиваются въ ея будущности; они, наконецъ, впереди видятъ только смерть[3]).

Въ Португаліи, какъ видно, есть основаніе прежде другихъ странъ, перечисленныхъ въ извѣстной книгѣ Макса Нордау[4]), забыть восклицаніе ищущаго познанія и счастія Фауста:

Zum Augenblicke dürft'ich sagen:
Verweile doch, du bist so schön!

---

[1]) Ibid., p. 19.

[2]) Ibid., pp. 73—75, 86 etc.

[3]) *D. Antonio Romero Ortiz*: «La literatura Portugueza en el siglo XIX». Madrid, 1870, pp. 420—5.

[4]) *Max Nordau*: «Die conventionnelen Lügen der Kulturmenschheit». Leipzig, 1886.

2. О психическомъ возрожденіи.

VI.

Разсматривая условія, при которыхъ возникаетъ и развивается психическое вырожденіе, мы указали на исходныя точки дегенеративныхъ рядовъ и пояснили, что разысканіе источниковъ дегенераціи имѣетъ особенно важное значеніе съ соціологической точки зрѣнія, такъ какъ, разъ вырожденію положено начало, законъ наслѣдственности довершаетъ остальное. Надорванное потомство быстро проходитъ при этомъ по ступенямъ возростающей психической дезорганизаціи, и наконецъ, исчезаетъ. Характеризуя затѣмъ современныя условія возникновенія дегенеративныхъ рядовъ и обстоятельства, споспѣшествующія въ настоящее время росту дегенераціи, мы старались показать преизобиліе ихъ въ европейскомъ обществѣ и пытались выяснить значеніе возростанія психическихъ заболѣваній, наблюдаемаго теперь повсемѣстно. Лежащая внѣ всякаго сомнѣнія преемственность и генетическая связь указанныхъ нами фактовъ развернули передъ читателемъ весьма безотрадную картину. Факты эти могли бы, впрочемъ, вести къ печальнымъ окончательнымъ выводамъ только въ такомъ случаѣ, если бы дегенерація, въ смыслѣ общественной язвы, представляла процессъ безповоротный, зло—непоправимое, ядъ—не имѣющій противоядія; но это не такъ. Очевидно, что общественныя условія, роль которыхъ въ ростѣ вырожденія мы старались обрисовать, могутъ во всякое данное время получить значеніе того спасительнаго противоядія, безъ котораго дегенеративный процессъ мало-по-малу охватилъ бы всѣ наличные генеалогическіе ряды современнаго общества и не оставилъ бы никакихъ шансовъ къ регенераціи расы. Мы видимъ, однако же, что въ Австраліи, напримѣръ, потомство нѣкогда ссылаемыхъ туда уголовныхъ преступниковъ,

часть которыхъ неизбѣжно принадлежала къ числу прирожденныхъ преступниковъ и нравственно-помѣшанныхъ, дало при новыхъ условіяхъ жизни здоровое и бодрое поколѣніе, процвѣтанію котораго въ наше время можетъ позавидовать любая изъ европейскихъ странъ. Извѣстное выраженіе Байрона: «the Botany Bay of moral geography» потеряло уже теперь свою реальную основу. Въ настоящее время Австралія, по словамъ недавно посѣтившаго эту страну французскаго путешественника Гюбнера, есть «Эльдорадо трудящагося люда», такъ что если бы не страхъ передъ постоянною иммиграціей, измѣняющею нынѣшнія выгодныя условія труда, поселенцы чувствовали бы себя въ раю. Регенерація, какъ можно видѣть изъ этого примѣра, совершается не только посредствомъ подбора наиболѣе жизнеспособныхъ элементовъ данной группы личностей, но и путемъ предупрежденія тѣхъ зачатковъ вырожденія, которые, при сохраненіи прежнихъ жизненныхъ условій, несомнѣнно имѣли бы гибельное значеніе.

Изученіе смѣны колебаній прогрессивнаго и регрессивнаго характера въ исторіи всякаго народа должно неизбѣжно привести къ раскрытію основы этихъ явленій: первобытнаго характера расы, передаваемаго, въ силу закона наслѣдственности, при такой оцѣнкѣ перипетій изъ поколѣнія въ поколѣніе, и внѣшнихъ условій, такъ или иначе воздѣйствующихъ на этотъ характеръ жизни народа, ясно обнаружится, что основныя черты характера, заложенныя прародителями расы, то стираются, блѣднѣютъ, извращаются, вырождаются, то опять возрождаются и достигаютъ высшихъ стадій духовной мощи и производительности. Такимъ образомъ, «nature» и «nurture», по терминологіи Гальтона, въ послѣдовательномъ рядѣ ихъ взаимодѣйствія и окажутся тѣми глубокими факторами общественной эволюціи, раскрытіе которыхъ составляетъ самую существенную и самую интересную часть науки объ обществѣ.

Опредѣленіе характера того первобытнаго племени, отъ котораго ведетъ начало та или другая историческая раса, представляется съ этой точки зрѣнія вопросомъ первостепенной важности. Зная этотъ основной характеръ, мы получаемъ опорную точку для оцѣнки послѣдующихъ моментовъ жизни изучаемой расы и пріобрѣтаемъ возможность судить о значеніи тѣхъ воздѣйствій, которымъ она подвергалась въ позднѣйшее время, узнаемъ: подымался или понижался ея типъ, дегенерація или элаборація

были преобладающими двигателями въ жизни, къ расцвѣту или къ упадку двигались они въ такое или иное время.

Историческія судьбы арійской расы могутъ служить фактическимъ подтвержденіемъ правильности этой точки зрѣнія.

Гимны Ригъ-Веды состоятъ, главнымъ образомъ, изъ двухъ наслоеній: новѣйшаго, образовавшагося уже тогда, когда часть арійскаго племени, направившаяся къ югу, владѣла уже нѣкоторыми полосами индійской территоріи, и древнѣйшаго, приписываемаго инымъ пѣвцамъ—предкамъ современниковъ вторженія въ Индію и завоеванія ея. Преданіе относитъ этихъ древнѣйшихъ пѣвцовъ къ весьма отдаленному времени и указываетъ на иное мѣсто ихъ осѣдлости и иныя условія жизни.

Хотя продолжительность періода, предшествовавшаго разселенію племенъ арійской расы изъ ихъ прародины, и не можетъ быть опредѣлена, но она несомнѣнно была настолько значительна, что дала возможность установиться извѣстному типу,—типу, оказавшемуся до такой степени устойчивымъ и прочнымъ, что въ главныхъ чертахъ онъ продолжаетъ жить и до настоящаго времени въ своемъ обширномъ и разнообразномъ потомствѣ.

Пиктѐ, въ своемъ изслѣдованіи культуры арійскаго пранарода, представляетъ намъ его въ высшей степени даровитымъ и отличающимся замѣчательною гармоничностью способностей; его энергія, какъ утверждаетъ Пиктé, была смягчена добродушіемъ, онъ обладалъ живымъ воображеніемъ и сильнымъ дѣятельнымъ разумомъ, открытымъ для чувства прекраснаго, затѣмъ, правильною идеей правъ и обязанностей, чистою нравственностью и возвышенною религіозностью, любовью къ свободѣ и постояннымъ стремленіемъ къ самопожертвованію. Такое сочетаніе качествъ,—замѣчаетъ ученый авторъ,—не встрѣчается у другихъ расъ и должно считаться едва ли не единственнымъ въ исторіи. Только благодаря такому сочетанію арійцы могли стать цивилизаторами міра [1]).

Въ числѣ гимновъ, свидѣтельствующихъ о высокой умственной силѣ древняго арійскаго племени, поразителенъ въ особенности тотъ космогоническій гимнъ, въ которомъ поэтъ-мыслитель, набросавъ въ общихъ чертахъ свою идею генезиса всего сущаго, заканчиваетъ свой очеркъ утвержденіемъ, что указан-

---

[1]) *Adolphe Pictte*: «Les origines indo-européenes ou les Arias primitifs. Essai de paléontologie linguistique» Paris, 1863. Seconde partie, pp. 753—5.

ный имъ переходъ отъ небытія къ бытію есть плодъ размышленія мудрецовъ; но что никто не знаетъ и не можетъ утверждать, какимъ образомъ произошло мірозданіе. «Кто можетъ знать, кто можетъ утверждать что-либо о его происхожденіи? Кто вѣдаетъ о его началѣ, если сами боги возникли уже позднѣе? Откуда явился этотъ міръ, созданъ онъ или нѣтъ?—объ этомъ знаетъ лишь онъ, пребывающій въ небесной выси, или, быть можетъ, и онъ этого не знаетъ». Читая эти строки, можно получить понятіе о глубокой вдумчивости и пытливой силѣ мысли и тѣхъ, которые произвели этотъ гимнъ, и тѣхъ, которые хранили и передавали его цѣлый рядъ столѣтій преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Гимнъ этотъ обнаруживаетъ здравое разумѣніе значенія гипотезы и изумительное чутье въ оцѣнкѣ высшихъ обобщеній. И хотя позднѣйшая арійская мысль и отнесла къ области непознаваемаго то, что въ гимнѣ сперва приписывается познанію сверхчеловѣческой силы, но особенно замѣчательно то, что въ этомъ же гимнѣ тотчасъ вслѣдъ за такимъ предположеніемъ выступаетъ на первый планъ преодолѣвающее его высшее начало человѣческой проницательности, снимающее съ процесса мысленной дѣятельности мертвящую печать всякой абсолютности и силою сомнѣнія раскрывающее этой дѣятельности неизмѣримый просторъ. Неугомонный скептицизмъ и здѣсь, на первыхъ ступеняхъ испытующей мысли, становится уже источникомъ прогресса, добрымъ зерномъ богатыхъ всходовъ будущаго. Мысль праотца сливается съ голосомъ позднѣйшаго потомка,—оба опираются на одно и то же начало [1]).

Разойдясь изъ своей прародины въ разныя стороны, арійцы въ теченіе тысячелѣтій разселились отъ Индіи до Америки, отъ Сибири до южныхъ оконечностей Европы, перешли въ Австралію и съумѣли пріобрѣсти во всемъ свѣтѣ преобладающее вліяніе. Въ эти тысячелѣтія своей дѣятельности они не разъ находились въ соприкосновеніи съ другими расами и иногда болѣе или менѣе смѣшивались съ ними или подвергались ихъ вліянію. Кромѣ того, они неизбѣжно подвергались разнообразнѣйшему воздѣйствію всевозможныхъ климатовъ и всевозможной обстановки. Все это, само собою разумѣется, не могло не оставить слѣдовъ на типѣ тѣхъ различныхъ народностей, на которыя распалась арійская раса и которыя населяютъ теперь различныя части

[1]) Ср. «Отношеніе къ скептицизму» *Лестеръ Уорда*, о. с. t. II, p. 89.

свѣта. Первобытныя качества расы не могли не ослабѣть, не поблекнуть, не съузиться у различныхъ потомковъ блестящаго народа-прародителя; но все же и теперь арійскій отпечатокъ, тамъ полинялый, здѣсь потускнѣвшій, всегда легко распознается при сопоставленіи съ типами другихъ расъ и вездѣ, гдѣ онъ еще не окончательно выродился, носитъ зачатки регенераціи, которая при благопріятныхъ условіяхъ и можетъ, несомнѣнно, всегда наступить и осуществиться.

Если мы припомнимъ, что краеугольнымъ основаніемъ дегенераціи всегда былъ и есть паразитизмъ, приводящій къ переутомленію и истощенію силы однихъ и оставляющій безъ надлежащаго упражненія силы другихъ, то мы будемъ въ состояніи объяснить себѣ послѣдствія столкновенія различныхъ расъ. Если менѣе даровитая и бодрая раса не вымираетъ отъ столкновенія съ болѣе слабою и вялою и, въ концѣ-концовъ, смѣшивается съ нею, то неизбѣжно проходитъ извѣстный періодъ времени, достаточный для того, чтобы порабощеніе одной расы другою принесло свои роковые плоды. Такъ, въ Индіи, напримѣръ, хотя арійцы и думали оградить себя отъ смѣшенія со сравнительно низкими туземными расами посредствомъ учрежденія кастъ, но это учрежденіе само по себѣ не могло не вести къ вырожденію не только низшую туземную, но и мечтавшую сохранить себя—расу арійскую. И въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ теперь, что индійскіе арійцы дегенерировали въ значительной степени. Подавляющій жизнь мистицизмъ, нашедшій яркое выраженіе въ буддизмѣ, былъ краснорѣчивымъ признакомъ упадка арійскаго духа въ Индіи. Затѣмъ, укрѣпленіе кастовыхъ различій и разгулъ своеволія раджей понизили типъ индійскихъ арійцевъ до неузнаваемости.

Индусы, по свидѣтельству непосредственно и близко изучившаго ихъ д-ра Ле-Бона, отличаются всѣми тѣми недостатками, которые становятся неизбѣжными для всякаго народа, изъ вѣка въ вѣкъ переносящаго гнетъ такихъ общественныхъ условій, какія переносятъ индусы. «Вообще говоря, индусъ слабъ, робокъ, лукавъ, вкрадчивъ и въ высшей степени скрытенъ. Его обхожденіе льстиво и назойливо; онъ совершенно лишенъ чувства любви къ родинѣ. Вѣка своеволія раджей пріучили его къ мысли о необходимости властной руки, и лишь бы рука эта не касалась законовъ его касты и его религіозныхъ убѣжденій индусъ заранѣе обрекаетъ себя на исполненіе всѣхъ ея прихо-

тей и считаетъ себя счастливымъ, если у него не отымаютъ горсти рису, необходимой для поддержанія его жизни»,—словомъ индусъ не сопротивляется злу насиліемъ.

«Индусы благодушны, терпѣливы, безусловно-покорны своей участи. Изъ ихъ недостатковъ наиболѣе поражаютъ европейцевъ лѣнь, непредусмотрительность и, въ особенности, отсутствіе энергіи.

«Это послѣднее свойство представляетъ чрезвычайно выдающуюся черту ихъ характера; этимъ однимъ недостаткомъ можно объяснить тотъ фактъ, что населеніе въ 250 милліоновъ человѣкъ безропотно переноситъ иго 60 тысячъ европейцевъ, т.-е. такой горсти, которую она могла бы истребить такъ же легко, какъ туча саранчи истребляетъ хлѣбныя нивы, если бы только имъ не была совершенно чужда идея массоваго движенія. Если нѣсколько полковъ сипайевъ, доведенные до отчаянія, и возстали въ 1857 году, то это движеніе такъ и осталось мѣстнымъ,—народныя массы отнеслись къ нему съ полнымъ равнодушіемъ [1])».

Европейскіе народы тоже пережили эпоху глубокаго упадка, отмѣченнаго господствомъ мистицизма, подавившаго первобытную бодрость и самобытность арійскаго духа и шедшаго рука объ руку съ угнетеніемъ гордымъ барономъ презрѣннаго вилана. Если бы тотъ, близкій еще къ расцвѣту и блеску арійскихъ началъ, пѣвецъ, о которомъ мы упоминали выше, могъ когда-нибудь услышать лепетъ потомка, онъ просто бы не понялъ значенія такихъ изреченій, какъ «credo, quia absurdum» и т. п. Возрожденный въ позднѣйшемъ потомствѣ, онъ могъ бы, однако же, найти утѣшеніе, такъ какъ чуть только при благопріятныхъ обстоятельствахъ образовались въ Италіи свободныя городскія сословія, какъ, выражаясь словами Кардуччи, «la forza vindice della ragione» опять беретъ верхъ, начинается регенерація, «возрожденіе». Это «возрожденіе» хотя и было ближайшимъ образомъ возрожденіемъ греко-римской цивилизаціи и пробужденіемъ античныхъ музъ,—по духу своему, по присущей ему бодрости, смѣлости, стремительности, жаждѣ познанія и критической вдумчивости, представляло, конечно, регенерацію того исконнаго арійскаго духа, который является въ исторіи предпосылкой и ведійскихъ гимновъ, и теогоніи Гезіода и Гомера, и всей антич-

---

[1]) *D-r Gustave Le Bon*. «Les civilisations de l'Inde». Paris, 1887, pp. 184—185.

ной культуры. Справедливо видитъ Гальтонъ въ характерѣ «возрожденія» «пробужденіе *инстинктовъ* изслѣдованія и изысканія» [1]), т.-е. возстановленіе той основной «nature», которой Гальтонъ отдаетъ рѣшительно первенство передъ «nurture». Еще рѣшительнѣе очерчиваетъ характеристику «возрожденія» Эмиль Бюрнуфъ, который въ одномъ изъ раннихъ своихъ сочиненій, отличающихся гораздо большею степенью опредѣленности сравнительно съ позднѣйшими, прямо высказываетъ ту мысль, что «возрожденіе наукъ» есть только «пробужденіе арійскаго духа»[2]). Арійскій духъ означаетъ во всѣхъ этихъ случаяхъ здоровое, бодрое, смѣлое стремленіе къ подъему умственнаго и нравственнаго состоянія общественной среды,—къ такому подъему, который ставитъ психическій уровень этой среды никакъ не ниже извѣстнаго исконнаго арійскаго типа и можетъ вести развитіе основныхъ чертъ этого типа и далѣе, приращая опытъ прошедшаго новыми положительными пріобрѣтеніями и не сбиваясь болѣзненными грезами, влекущими къ психическому разстройству и вырожденію.

Когда отдѣльныя арійскія племена, по выходѣ изъ ихъ прародины, нашли для себя мѣстности, гдѣ и основали окончательную осѣдлость, когда они частью приспособились къ этимъ мѣстностямъ, частью приспособили ихъ къ той культурѣ, которою они уже обладали, когда сліяніе съ аборигенами тѣхъ мѣстностей совершились и когда, наконецъ, вновь образовавшаяся народность успѣла установиться преемственною наслѣдственностью въ цѣломъ рядѣ поколѣній, тогда появились новые типы, въ которыхъ на исконной арійской основѣ обозначились свои индивидуальныя особенности, свои отличительныя свойства. Отдѣльные типы эти представили, какъ то само собою разумѣется, различныя стадіи пониженія или того или иного измѣненія первобытнаго типа и, затѣмъ, играли въ исторіи въ теченіе ряда вѣковъ роль, соотвѣтствующую отношенію, существовавшему во всякое данное время между присущими этимъ народностямъ психическими качествами и условіями физической и соціальной среды, съ которыми имъ пришлось считаться. То расцвѣтая, то вырождаясь, типы, однажды установившіеся, сохранили свои наслѣдственныя черты даже до настоящаго

---

[1]) *F. Galton*: «Inquieries» etc., p. 179.

[2]) *Emile Burnouf*: «Essai sur le Véda». Paris, 1863, p. 465.

времени, такъ что Рибо могъ найти указанія на основныя черты современнаго французскаго характера у Цезаря, Страбона и Діодора, а у современныхъ грековъ отыскать черты ихъ отдаленнѣйшихъ праотцевъ. Сравнивая грека цвѣтущей эпохи съ византійцемъ временъ упадка, Рибо очень образно очерчиваетъ дегенеративный характеръ послѣдняго: «Это тотъ же грекъ временъ Перикла,—говоритъ онъ,—но изсохшій и одряхлѣвшій» [1]).

Понятіе эволюціи, какъ мы сказали уже прежде, совмѣщая понятіе развитія или элаборація и понятіе вырожденія или дегенераціи, показываетъ, что одно изъ этихъ явленій ограничиваетъ другое и непосредственно примыкаетъ одно къ другому, такъ что жизнь расы, взятая на значительномъ промежуткѣ времени, можетъ представлять цѣлый рядъ смѣнъ процвѣтанія и упадка. Регенерація или возрожденіе и есть именно моментъ перехода отъ вырожденія къ элаборації, къ прогрессу, къ подъему типа расы, къ ея усовершенствованію. Допустивъ, что благопріятныя обстоятельства, служащія опорой прогрессивнаго развитія, сохраняются значительно долгое время, мы должны допустить, вмѣстѣ съ тѣмъ, что качества, пріобрѣтаемыя расой за это время, въ силу закона наслѣдственности, дѣлаются прочною принадлежностью грядущихъ поколѣній и сохраняются до измѣненія основныхъ условій жизни. Измѣненіе это можетъ явиться вслѣдствіе нашествія чужеземцевъ, или какихъ-нибудь иныхъ источниковъ возникновенія и разростанія паразитизма; но пока эти бѣдствія еще не наступили, до тѣхъ поръ беретъ верхъ процессъ элаборації. До сихъ поръ процессъ этотъ совершался всегда и вездѣ неравномѣрно, не дружнымъ подъемомъ средняго уровня представителей расы, а путемъ выдѣленія отдѣльныхъ личностей, въ которыхъ особенно интенсивно обозначался подъемъ психическаго уровня въ данное время. Намъ и предстоитъ поэтому разсмотрѣть вопросъ о значеніи піонеровъ прогресса—геніевъ, талантовъ, высокодаровитыхъ людей вообще—по отношенію къ преуспѣянію той среды, въ которой личности эти возникли, жили и дѣйствовали.

---

[1]) *Th. Ribot*: «L'hérédité psychologique». Deuxième édition. Paris, 1882, p. 123.

VII.

«Самою выдающеюся чертой необыкновенныхъ натуръ,—говоритъ Жоли въ своей *Психологіи великихъ людей*,—слѣдуетъ считать ту способность, которая называется геніальностью и имѣетъ значеніе дара творчества. Творчество, въ томъ чисто-относительномъ смыслѣ, въ которомъ можно понимать этотъ терминъ, обнаруживается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ оказывается способнымъ производить то, чего не могли достигнуть соединенныя усилія другихъ людей, когда человѣкъ предоставляетъ въ пользованіе всего человѣчества такіе способы выраженія, такіе пріемы вычисленія и изобрѣтательности или такія средства дѣятельности, благодаря которымъ умственныя силы и сфера дѣятельности общества получаютъ приращеніе» [1]). Творческую силу эту разумѣютъ, конечно, когда говорятъ о «волшебной силѣ, съ которою возникаютъ идеи у генія» [2]), или о «мощной проницательности генія» [3]), или способности генія «сосредоточивать вниманіе» [4]). Все это вмѣстѣ составляетъ ту совокупность основныхъ свойствъ, которыя выдѣляютъ изъ толпы особенно богато одаренныя натуры—геніи и таланты. Въ нихъ, въ рѣзкой противуположности жертвамъ вырожденія, олицетворяются прогрессивные шаги эволюціи расы, дается живой обращикъ высшей стадіи психической элаборація, осуществляются въ одномъ индивидѣ тѣ счастливыя возможности, которыя, оставаясь разсѣянными во множествѣ обыкновенныхъ личностей, никогда въ разрозненности своей не способны дать тѣхъ блестящихъ и плодотворныхъ результатовъ, которые являются плодомъ гармоническаго ихъ сочетанія и единства.

При такой постановкѣ вопроса, геній и талантъ съ одной стороны, помѣшанный—съ другой, являются личностями, стоящими на двухъ противуположныхъ концахъ психической эволюціи, и получается весьма простая и ясная точка исхода для

---

[1]) *H. Joly*: «Psychologie des grands hommes» (*Revue Philosophique*, 1882, № 4, p. 363).

[2]) *David Hume*, «A treatise on human nature». Edited by T. H. Green and T. H. Grose. London, 1882, V. I, p. 331.

[3]) *J. A. Simonds:* «Shakspere's predecessors in the englich drama». London, 1884, p. 73.

[4]) *James Sully*: «Outlines of psychologie». London, 1884, p. 100.

разсужденія о томъ, какимъ путемъ и въ какой мѣрѣ геній оказываетъ свое вліяніе на современниковъ и потомство. Но тутъ встрѣчается возраженіе; говорятъ: крайности сходятся, разстояніе между указываемыми противуположностями совсѣмъ не такъ велико, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда; говорятъ: между геніемъ и помѣшаннымъ существуютъ черты сходства, которыми нельзя пренебрегать; указываютъ цѣлую литературу, посвященную такому неожиданному и поразительному сближенію. Намъ нельзя поэтому не остановиться на время, чтобъ ознакомиться нѣсколько ближе съ разными взглядами на значеніе предполагаемаго соотношенія между геніальностью и помѣшательствомъ.

Чтобы дать понятіе читателю о томъ, въ какомъ именно смыслѣ дѣлается сближеніе геніевъ съ помѣшанными, разсмотримъ нѣсколько случаевъ, взятыхъ изъ разныхъ историческихъ эпохъ и относящихся къ людямъ разной степени значенія и различныхъ областей умственной дѣятельности.

Начнемъ съ Сократа. Извѣстно, что этотъ геніальный мыслитель очень часто впадалъ въ экстатическое состояніе, оставался подолгу сосредоточеннымъ и неподвижнымъ; извѣстно также, что иногда, принимая рѣшенія, онъ ссылался на внушеніе внутренняго голоса, приписываемаго имъ, какъ онъ обыкновенно выражался, демону. Указанія этого демона онъ относилъ то къ будущему, и тогда считалъ предостереженіемъ, то къ прошедшему, и въ этомъ случаѣ считалъ припоминаніемъ тѣхъ истинъ, которыми проникнута человѣческая душа и которыя имѣютъ не подлежащее для него никакому сомнѣнію мистическое происхожденіе.

Факты такого рода,—а ихъ не мало,—дали поводъ французскому психіатру Лелю (1836) предположить, что Сократъ былъ галлюцинантъ и психически-больной. Мысль Лелю не разъ подвергалась самой разносторонней критикѣ и теперь еще отчасти поддерживается итальянскимъ психіатромъ Трецціою, который утверждаетъ, что извѣстныя экстатическія состоянія, которымъ подвергался Сократъ, могутъ быть объяснены только эпилептическими галлюцинаціями, хотя,—какъ замѣчаетъ Трецца,—было бы ошибочно преувеличивать значеніе этихъ явленій и сводить ихъ къ помѣшательству [1]).

---

[1]) *G. Trezza*: «Il demonion di Socrate» (Rassegna critica di opere filosofiche etc. diretta dal prof. A. Angiulli. 1881. Num. 1).

Другой итальянскій психіатръ, Морселли, сравнивая выводы Лелю и Треццы съ критическими сопоставленіями и замѣчаніями Целлера, Фулье, Гаве и др. писателей, находитъ, что психіатры не имѣли достаточнаго основанія усматривать патологическія явленія въ довѣріи Сократа внутреннему голосу или демону. Этотъ внутренній голосъ или демонъ могъ и помимо всякаго патологическаго разстройства субъекта явиться простымъ слѣдствіемъ крайняго увлеченія самонаблюденіемъ и чрезмѣрнаго сосредоточенія мысли философа надъ ходомъ и смѣною внутреннихъ состояній. Принимая во вниманіе характеръ міросозерцанія Сократа, Морселли легко допускаетъ мистическое со стороны Сократа толкованіе важнѣйшихъ подмѣченныхъ имъ моментовъ сознанія [1]). Здѣсь кстати будетъ освѣжить въ памяти читателя то мѣсто въ діалогѣ *Федръ*, въ которомъ Платонъ влагаетъ въ уста Сократа разсужденіе объ умопзступленіи и бредѣ. Сократъ утверждаетъ здѣсь, что бредъ никакъ нельзя считать зломъ, такъ какъ онъ внушается богами и нерѣдко бываетъ источникомъ великихъ благъ. Доказательство такого мнѣнія Сократъ видитъ въ томъ, что дельфійскія пророчицы и додонскія прорицательницы только въ бреду были въ состояніи оказывать важныя услуги греческимъ государствамъ и частнымъ лицамъ, тогда какъ, находясь въ состояніи нормальномъ, онѣ могли быть полезными лишь незначительными услугами или не оказывали ровно никакихъ. Такое же значеніе Сократъ приписываетъ и прорицательству сивиллъ, а также и всѣхъ тѣхъ личностей, которыя, получивъ отъ боговъ даръ пророчества, внушали людямъ разумныя мысли, открывая имъ будущее. Въ подтвержденіе такого взгляда Сократъ ссылается на наслѣдіе предковъ—языкъ, и путемъ словесныхъ сближеній—правильныхъ или нѣтъ, для настоящаго случая не важно—старается показать, что греки исконп смотрѣли на бредъ, какъ на даръ боговъ, и были очень далеки видѣть въ немъ что-нибудь позорное. Съ бредомъ или умопзступленіемъ Сократъ сближаетъ, наконецъ, и вдохновеніе поэтовъ и утверждаетъ, что поэзія, которой вздумалъ бы предаваться мудрецъ, неизбѣжно осталась бы ниже пѣсенъ, вдохновенныхъ божественнымъ безуміемъ.

Всѣ эти указанія достаточно выясняютъ, какъ мы думаемъ,

---

[1]) *E. Morcelli*: «Il demone di Socrate» (Rivista di filosofia scientifica. 1882, Num. 1).

что если къ Сократу, какъ человѣку иного времени и иныхъ воззрѣній, и нельзя примѣнять діагнозъ Лелю и Треццы, то все же придется признать въ его экстатическихъ состояніяхъ нѣчто ненормальное, нѣчто, по меньшей мѣрѣ, аналогичное съ подобными явленіями, безпрестанно наблюдаемыми у душевнобольныхъ.

Другой замѣчательный примѣръ, иллюстрирующій вопросъ о соотношеніи высокихъ дарованій и психопатологическихъ явленій, представляетъ одинъ изъ предшественниковъ Шекспира Робертъ Гринъ [1]). Еще тогда, когда ему было какихъ-нибудь двадцать лѣтъ, Гринъ отправился путешествовать въ Италію и здѣсь «не замедлилъ подпасть подъ вліяніе своихъ товарищей по путешествію, людей веселаго нрава, страшныхъ кутилъ, впрочемъ, добрыхъ малыхъ, которые принялись просвѣщать его по-своему и которымъ онъ изъ всѣхъ силъ старался подражать. Безпутная жизнь въ обществѣ такихъ пріятелей оставила самое позорное воспоминаніе въ душѣ Грина; въ своемъ *Repentance* онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ сознается, что за границей предавался такимъ порокамъ, о которыхъ отвратительно вспомнить». На родину онъ возвратился разочарованнымъ, скучающимъ, неспособнымъ приняться за что бы то ни было, такъ какъ «никакая профессія его не удовлетворяла». Въ этотъ періодъ жизни онъ представлялъ собою одинъ изъ тѣхъ типовъ, который выведенъ Шекспиромъ подъ видомъ *меланхолика* Жака въ *Какъ вамъ угодно*. Вслѣдъ затѣмъ онъ страстно отдается ученію и литературнымъ занятіямъ, держитъ экзаменъ, пишетъ, при этомъ нерѣдко совращается съ пути труда и науки «на веселое поприще разгула и оргій, которое онъ проходилъ въ обществѣ своихъ товарищей по профессіи, жившихъ также литературнымъ трудомъ и, подобно ему, прожигавшихъ жизнь». Вперемежку съ такими оргіями его «брало горькое раздумье» и онъ былъ близокъ къ раскаянію, но эти благія намѣренія, при недостаткѣ выдержки въ характерѣ Грина и пагубномъ вліяніи среды, такъ

---

[1]) Свѣдѣнія о жизни и характерѣ Роберта Грина мы заимствуемъ изъ соч. проф. Стороженко: *Робертъ Гринъ. Его жизнь и произведенія.* Москва, 1878. Нельзя не замѣтить при этомъ случаѣ, что въ Англіи сочиненіе это считается «the only adequate biography and critical study of R. Green», а потому для приложенія къ новому полному собранію сочиненій Грина потребовалось перевести его на англійскій языкъ, что и взялъ на себя проф. *Hodgetts*.

и оставались намѣреніями, не переходя въ дѣло. Въ своемъ *Repentance* Гринъ разсказываетъ случай, что въ одну изъ своихъ поѣздокъ на родину, въ Норричъ, онъ зашелъ въ церковь, чтобы послушать мѣстнаго проповѣдника, котораго онъ уважалъ. Горячее слово вдохновеннаго оратора, призывавшаго людей къ болѣе чистой жизни и яркими красками изображавшаго судьбу нераскаяннаго грѣшника, произвело сильное впечатлѣніе на Грина. Совѣсть заговорила въ немъ; страхъ Божьяго суда объялъ его душу; ему стала противна безпутная жизнь; онъ рѣшился навсегда покончить съ своимъ прошедшимъ и обратиться на путь истинный. «Боже,—внутренно молился онъ,—сжалься надо мною; дай мнѣ силу сдѣлаться новымъ и лучшимъ человѣкомъ!» Въ такомъ благочестивомъ настроеніи онъ возвратился въ Лондонъ и поразилъ пріятелей грустно-сосредоточеннымъ выраженіемъ своего лица. Спрошенный о причинѣ такой непонятной перемѣны, Гринъ откровенно разсказалъ, что̀ съ нимъ случилось и что̀ онъ намѣренъ дѣлать. Разумѣется, гуляки подняли его насмѣхъ, прозвали пуританиномъ, говорили, что на общій счетъ устроятъ для него каѳедру, съ которой онъ можетъ сколько душѣ угодно призывать людей къ покаянію, и т. д. Слабохарактерный Гринъ спасовалъ передъ насмѣшками; прекрасный порывъ пропалъ безслѣдно—и все пошло по-старому. Продолжавшаяся два года смѣна оргій и покаянія,—маніи и меланхоліи, какъ сказали бы психіатры,—временно остановилась: у Грина явился опять своего рода intervallum lucidum. Онъ проводитъ спокойно цѣлый годъ подъ вліяніемъ любви и женитьбы на любимой особѣ; но, затѣмъ, расходится съ женой навсегда, и «прежніе буйные инстинкты, временно подавленные, забушевали въ его душѣ съ новою силой; потребность страстно-возбужденнаго состоянія сдѣлалась неодолимою потребностью и заглушила голосъ долга и благоразумія; онъ сталъ убѣгать изъ дому и вести прежнюю жизнь». Такъ начался для Грина 1587 годъ, и уже въ 1590 г. онъ рѣшается «измѣнить характеръ своей литературной дѣятельности и не писать ничего, что не было бы внушено нравственными и назидательными мотивами». Но «крутой поворотъ въ литературной дѣятельности Грина, къ сожалѣнію, не сопровождался соотвѣтственнымъ измѣненіемъ въ его образѣ жизни». «Гринъ продолжалъ предаваться разгулу». Послѣ многихъ лѣтъ такой жизни онъ снова бросился къ противуположной крайности и, лежа больнымъ, писалъ два свои послѣдніе памф-

лета, въ которыхъ съ большимъ увлеченіемъ снова говоритъ о покаяніи и добродѣтели и предается самообличенію. Смерть его послѣдовала въ 1592 году.

Если мы примемъ во вниманіе, что «произведенія его свидѣтельствуютъ о томъ, какъ честно онъ стремился уяснить себѣ жизненную задачу», и что «житейская грязь, въ которую ему приходилось окунаться, не загрязнила, однако, его чистаго воображенія, которое зачастую рисовало ему образы, отмѣченные печатью высокой нравственной чистоты и человѣческаго достоинства», то передъ нами предстанетъ одна изъ тѣхъ личностей, характеръ которой едва ли можетъ быть опредѣленъ безъ содѣйствія психіатріи.

Проф. Веселовскій замѣтилъ уже при разборѣ книги Н. И. Стороженка, что Грина слѣдуетъ считать больнымъ человѣкомъ; но намъ думается, что о болѣзни Грина можно высказаться опредѣленнѣе, такъ какъ признаки его слишкомъ уже ярко бросаются въ глаза. Если принять во вниманіе изображенную выше перемежаемость возбужденнаго и подавленнаго душевнаго состоянія Грина и сравнить ее съ извѣстною формой циркулирующаго или круговаго помѣшательства, то едва ли останется сомнѣніе въ правильности діагноза. Круговое помѣшательство, по описанію Крафтъ-Эббинга, заключается въ поочередномъ, циклическомъ появленіи меланхолическаго и маніакальнаго состоянія. Разъ эти состоянія возникли, они типически возвращаются въ продолженіи всей остальной жизни субъекта. Круговое помѣшательство начинается бо́льшею частью въ видѣ меланхоліи. Первоначальная картина болѣзни не отличается ни чрезмѣрностью своей силы, ни своею продолжительностью отъ позднѣйшихъ, одноименныхъ съ нею періодовъ. Всего чаще тотчасъ же вслѣдъ за этимъ первоначальнымъ періодомъ развивается періодъ, противуположный ему; въ рѣдкихъ случаяхъ оба эти періода *раздѣляются свѣтлымъ промежуткомъ*. Продолжительность цѣлаго оборота болѣзни, равно какъ и каждаго изъ составляющихъ его періодовъ, у различныхъ индивидовъ, да и у одного и того же больного, бываетъ различна. Иногда каждый отдѣльный циклъ протекаетъ въ нѣсколько недѣль, а иногда растягивается на нѣсколько мѣсяцевъ и *даже лѣтъ*. Въ большинствѣ случаевъ, періоды не переходятъ за предѣлъ простого меланхолическаго угнетенія (*меланхолія безъ бреда*) и маніакальной экзальтаціи,

при чемъ на этой основѣ часто приходится наблюдать *резонирующій оттѣнокъ* обоихъ состояній. Если болѣзнь длится очень долго, то появляются признаки психической слабости, однако же, *исхода въ слабоуміе Крафтъ-Эббингу ни разу не случилось наблюдать*[1]).

Допустимъ, однако же, что нѣтъ возможности утверждать, опираясь на ретроспективное наблюденіе, какою именно формой психическаго разстройства страдалъ Р. Гринъ; все же аналогія его душевныхъ состояній съ душевными состояніями такъ называемыхъ циркулянтовъ не можетъ не поражать насъ. Если же нельзя итти далѣе аналогіи, то примѣръ Грина, все-таки, представляетъ такой случай соотношенія высокихъ дарованій и психическихъ страданій, который или останется навсегда открытымъ вопросомъ, или разрѣшится при содѣйствіи психіатріи.

Еще одинъ достойный вниманія примѣръ представляетъ авторъ картины *Явленіе Мессіи* А. А. Ивановъ. Каково бы ни было мнѣніе спеціалистовъ какъ объ этой картинѣ, такъ и о другихъ произведеніяхъ нашего художника, для насъ, въ настоящемъ случаѣ, имѣетъ значеніе несомнѣнный фактъ громадности творческой и критической силы, которою обладалъ этотъ человѣкъ, искренній и горячій въ своей преданности идеѣ, упорный и стойкій въ преслѣдованіи ея осуществленія. Слѣдя за мыслью Иванова въ перипетіяхъ ея развитія, мы не можемъ не остановиться съ удивленіемъ и благоговѣніемъ передъ его честными, прямодушными, неуклонными поисками истины,—поисками, приведшими вдумчиваго художника къ такому внутреннему кризису, который рѣдко выпадаетъ на долю поздняго возраста, да и при томъ еще при томъ условіи, когда болѣе двадцати лѣтъ жизни было уложено на дѣло, близившееся уже къ окончанію. Легко ли свыкнуться при всемъ этомъ съ убѣжденіемъ, что вся минувшая дѣятельность, всѣ волненія и страданія, всѣ надежды и стремленія были плодомъ погони за чистою иллюзіей? И вотъ, художникъ-мыслитель оставляетъ свою уединенную студію и ѣдетъ въ Лондонъ къ А. И. Герцену, въ разговорѣ съ которымъ надѣется выяснить мучащіе его вопросы: «Слѣдя за современными успѣхами,—пишетъ онъ Герцену,—я не могу не замѣтить, что и мое искусство живописи должно тоже получить

[1]) *Крафтъ-Эббингъ*: «Учебникъ психіатріи», т. II, стр. 161.

новое направленіе. Я полагаю, что нигдѣ столько не могу зачерпнуть разъясненія мыслей моихъ, какъ въ разговорѣ съ вами, а потому рѣшаюсь пріѣхать на недѣлю въ Лондонъ». По прибытіи, онъ открываетъ Герцену, что «утратилъ ту религіозную вѣру, которая облегчала ему работу»: что онъ мучится невозможностью «формулировать искусствомъ» свое новое воззрѣніе, «а до стараго касаться я считаю преступнымъ,—прибавилъ онъ съ жаромъ.—Писать безъ вѣры религіозныя картины—это безнравственно, это грѣшно» [1]).

Какъ трудно представить себѣ, что этотъ пылкій, пытливый, мыслящій человѣкъ страдалъ бредомъ преслѣдованія! Онъ вѣчно боялся фантастическихъ отравителей и обнаружилъ ребяческую наивность въ проявленіяхъ своей нелѣпой подозрительности. Онъ говорилъ, напримѣръ, Тургеневу, что его вездѣ отравляютъ, куда онъ ни явится, что въ Римѣ во всѣхъ ресторанахъ ему угрожаетъ опасность отъ отравителей, и что есть только единственный честный гарсонъ, на котораго можно положиться, и т. п. По этой причинѣ онъ могъ рѣшиться отобѣдать въ одномъ изъ «подозрительныхъ» ресторановъ только при условіи мѣняться тарелками съ товарищами всякій разъ, какъ ему подадутъ кушанье [2]).

Къ этимъ примѣрамъ можно бы присоединить не мало другихъ, иллюстрирующихъ вопросъ о близости или смежности геніальности и помѣшательства; можно бы указать случаи чрезвычайной разсѣянности многихъ великихъ людей (Архимедъ, Ньютонъ, Джонсонъ, Бетховенъ), случаи преслѣдовавшихъ ихъ навязчивыхъ представленій (Джонсонъ, Паскаль, м-мъ де-Сталь) и галлюцинацій (Декартъ, Мальбраншъ, Попъ, Джонсонъ, Байронъ, Шелли, Карлейль), привести разсказы о томившемъ ихъ меланхолическомъ настроеніи (Свифтъ, Карлейль, Леопарди, Шопенгауэръ), но мы не считаемъ слишкомъ краткія указанія удовлетворяющими нашей цѣли и не станемъ дѣлать пространныхъ извлеченій изъ біографій поименованныхъ нами личностей, такъ какъ извлеченія эти непомѣрно удлинили бы эту статью; да и

---

[1]) *Александръ Андреевичъ Ивановъ. Его жизнь и переписка 1806—1858 гг.* Издалъ Михаилъ Боткинъ. Спб., 1880 г., стр. XXIII.

[2]) Тамъ же, стр. 413. См. еще: *И. С. Тургеневъ на вечерней бесѣдѣ въ Петербургѣ, 4 мая 1880 г. (Русская Старина* 1883 г., октябрь) и *Шесть лѣтъ переписки съ Тургеневымъ* П. А. Анненкова (*Вѣстникъ Европы* 1885 г. мартъ).

послѣ приведенныхъ выше примѣровъ достаточно, какъ думается намъ, уяснившихъ смыслъ вопроса, они были бы излишни. По этой причинѣ мы заканчиваемъ настоящую главу и переходимъ къ ознакомленію читателя съ тѣми мнѣніями о соотношеніи геніальности и помѣшательства, которыя такъ или иначе способствовали уясненію этого труднаго и пока еще далеко не вполнѣ разрѣшеннаго вопроса.

VIII.

Хотя новѣйшая эпоха и перестала считать помѣшательство счастливымъ даромъ небесъ, но та ассоціація идей, образцомъ которой можетъ служить приведенная выше цитата изъ Платонова *Федра* [1]), удержалась, однако же, на многіе вѣка, и цѣлый рядъ писателей, начиная съ Монтаня, говоритъ о патологической сторонѣ генія. Посѣтивъ Тасса, Монтань замѣчаетъ, что «великіе умы гибнутъ отъ собственной силы и гибкости», Шекспиръ устами Тезея въ *Снѣ въ лѣтнюю ночь* утверждаетъ, что «помѣшанный, влюбленный и поэтъ составлены всѣ изъ воображенія... Воображеніе же часто проказитъ такъ, что ежели оно лишь вздумаетъ о радости, тотчасъ же передъ собой оно какъ-будто видитъ и вѣстника той радости; а ночью оно въ себѣ рождаетъ ложный страхъ и кустъ легко медвѣдемъ почитаетъ». Паскаль думаетъ, что «высшая степень ума соприкасается съ высшею степенью безумія»; Дидро полагаетъ, что геніальность и помѣшательство представляютъ собой смежныя области; Ламартинъ высказываетъ мысль, что «геній въ самомъ себѣ содержитъ начало разрушенія, смерти и помѣшательства, подобно тому, какъ плодъ содержитъ въ себѣ червя»; Гёте, наконецъ, какъ бы олицетворяетъ всѣ эти разрозненныя замѣчанія и мысли въ образѣ Тасса, геніальность котораго на нашихъ глазахъ какъ бы разъѣдается и истребляется зачатками вложеннаго въ него

[1]) Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что древняя литература изобилуетъ такого рода указаніями на соотношеніе геніальности и помѣшательства: такъ, у Цицерона мы встрѣчаемъ «furor poeticus», у Горація—«amabilis insania», а Аристотель,—по словамъ Сенеки,—утверждалъ, что не существуетъ такого высокаго ума, къ которому не примѣшивалась бы крупица безумія (подробнѣе см. въ соч. *Sully*, *Radestock* и др., упоминаемыхъ ниже).

помѣшательства. Съ одной стороны, онъ своимъ умомъ и талантомъ вызываетъ удивленіе окружающихъ его лицъ, а съ другой—своею ни на чемъ не основанною подозрительною недовѣрчивостью и мрачною сосредоточенностью заставляютъ ставить вопросъ о томъ—

«Не бредни-ль, не томительный ли сонъ—
Пустая недовѣрчивость Торквато?
Гдѣ-бъ ни былъ онъ, все кажется ему,
Что окруженъ врагами отовсюду.
Завистника таланту своему
Во всякомъ видитъ онъ, воображая,
Что каждый, кто завидуетъ ему,
И гнать его, и ненавидѣть долженъ».

И далѣе, изображая пустую подозрительность Тасса, повѣствователь обращается къ покровителю и другу его, герцогу Альфонсу, и говоритъ:

«Ты помнишь, часто жалобами онъ
Тебя обременялъ; перехватили
Его письма; разбитъ замокъ въ дверяхъ;
Кинжалъ и ядъ... Чего ему не снилось?
Ты всякій разъ приказывалъ развѣдать,
И что-жь всегда оказывалось?—грезы».

Боясь слишкомъ удлинить списокъ этихъ цитатъ, мы приведемъ еще только одно очень характерное мнѣніе Альфреда де-Мюссе:

Ma poétique, un jour, si je puis la donner,
Sera bien autrement savante et salutaire.
C'est trop peu que d'aimer, c'est trop peu que de plaire:
La jour où l'Hélicon m'entendra sermonner,
Mon premier point sera qu'il faut *déraisonner*.

Всѣ указанія такого рода тѣмъ особенно замѣчательны, по мнѣнію Сёлли, что они сдѣланы *не извнѣ*, не посторонними наблюдателями, а самими геніальными и высокодаровитыми людьми, которые находились въ возможности изучить психическія состоянія, происходящія въ нихъ самихъ, и судить о нихъ, какъ о явленіяхъ самосознанія.

Но, могутъ сказать нѣкоторые, что, все же таки, всѣ эти указанія представляютъ не болѣе, какъ «мнѣнія», и научнаго значенія имѣть не могутъ. Но и научныхъ изысканій по занимающему насъ вопросу было сдѣлано не мало. Мы обратимся теперь къ бѣглому обзору ихъ содержанія.

Самое рѣшительное сближеніе геніальности и помѣшательства можно найти въ сочиненіяхъ Лелю, Морò (де-Туръ) и П. И. Якобія [1]). Эти писатели полагаютъ, что между геніальностью и помѣшательствомъ существуетъ родственная связь, что они принадлежатъ какъ бы къ одному общему семейству психически-анормальныхъ людей. «Было бы нелѣпо,—говоритъ г. Якобій, резюмируя сущность этого взгляда,—отождествлять геніальность и талантливость съ психопатическимъ состояніемъ, утверждая, что геніальность есть извѣстная форма помѣшательства,—мысль, которую хотѣли навязать Морò его противники; но доктрина Морò указываетъ только на родственную связь, на единокровность, если можно такъ выразиться, между всѣми возможными психическими аномаліями и представляетъ въ совершенно иномъ свѣтѣ самые сложные и темные вопросы психологіи человѣка» [2]).

Ломброзо, указывая на черты сходства между геніальностью и помѣшательствомъ, показалъ и существенное между ними различіе. «Истина и заблужденіе, — говоритъ онъ,—являются особенно сильно внѣдренными какъ у помѣшанныхъ, такъ и у геніевъ; возбудимость тѣхъ и другихъ имѣетъ много общихъ чертъ: поэтическое вдохновеніе часто прямо переходитъ въ галлюцинаціи и меланхолія нерѣдко служитъ основою, на которой развивается міросозерцаніе великихъ мыслителей и поэтовъ». Ломброзо, въ то же время, указалъ и на черты противуположности между обоими изучаемыми имъ типами и очертилъ смѣшанныя промежуточныя стадіи, представляемыя помѣшанными геніями, геніальными психопатами и «маттоидами», совмѣщающими въ себѣ элементы геніальности и психическаго разстройства [3]).

Хагенъ и Редстокъ еще глубже изслѣдовали сходство и различіе между помѣшанными и геніями и показали, что черты сходства между ними дѣйствительно не могутъ быть отвергаемы.

---

[1]) *Lélut*: «Du Démon de Socrate». 1836. «L'amulette de Pascal». 1646.—*J. Moreau* (de Tours): «Psychologie morbide dans ses rapports avec la philosophie de l'histoire et de l'influence des névropathies sur le dynamisme intellectuel». P. 1859.—*Dr. Paul Jacoby*: «Etude sur la séléction dans ses rapports avec l'hérédité chez l'homme». Paris, 1881.

[2]) *P. Jacoby*, o. c., p. 450.

[3]) *C. Lombroso*: «Genio follia in raporto alla medicina lege, alla critica ed alla storia». Torino, 1882, pp. 4—23, 125 etc.

Такъ Хагенъ, сравнивая меланхолическую форму помѣшательства съ геніальностью, говоритъ, что форма эта имѣетъ нѣкоторое сходство съ извѣстнымъ родомъ геніальнаго дарованія, такъ какъ обоимъ имъ свойственно допытываніе, углубленіе, вдумчивость, такъ же, какъ и сомнѣнія. И меланхолики, какъ и геніи, никакъ не могутъ угомонить своихъ размышленій хотя—или, быть можетъ, потому что—размышленія эти остаются у нихъ безъ результатовъ. Ихъ также непрестанно тревожитъ чувство, проистекающее изъ увѣренности, что въ вещахъ есть нѣчто сокровенное, никакъ не поддающееся ихъ пытливости. Къ этому присоединяется извѣстное замедленіе и затрудненіе пониманія и представленія, подобно тому какъ то бываетъ у геніевъ по отношенію къ житейскимъ дѣламъ и такимъ областямъ, которыя лежатъ далеко отъ ихъ кругозора,—обстоятельство, дающее поводъ мало-знающимъ ихъ людямъ считать ихъ тупыми. Другая форма помѣшательства—манія—является какъ бы отраженною въ геніальности: постоянно-возбужденное состояніе, жажда дѣятельности, блаженство, почерпаемое изъ созерцанія идеи, живая смѣна представленій и т. п., придаютъ всему исходящему отъ одержимыхъ маніей такой блескъ и такую яркость, безъ которой они, при другихъ обстоятельствахъ, представились бы совершенно обыденными. Къ этому надо прибавить еще, что чрезвычайная чувствительность, живость образовъ, какъ сохраняемыхъ памятью, такъ и создаваемыхъ фантазіею, слабость воли, разсѣянность и т. д. проявляются болѣе или менѣе одинаково какъ у геніевъ, такъ и у помѣшанныхъ, и представляютъ между ними не мало точекъ соприкосновенія и сходства. При всемъ этомъ различіе между геніальностью и помѣшательствомъ остается капитальнымъ: оно, главнымъ образомъ, заключается въ общемъ характерѣ типа генія, съ одной стороны, и типа помѣшаннаго — съ другой. Геній всегда запечатлѣнъ оригинальностью, онъ всегда богатъ замыслами, преисполненными жизненности, плодотворными, направленными на общее благо. Осуществленію ихъ геній отдаетъ всѣ свои лучшія силы, не падаетъ духомъ, не перестаетъ преслѣдовать свою цѣль съ неизмѣннымъ постоянствомъ и непоколебимымъ упорствомъ. Не то помѣшанный: замыслы его пусты и не планомѣрны; приведеніе ихъ въ исполненіе безалаберно; оно и не поддерживается упорствомъ въ трудѣ и достодолжнымъ изученіемъ предмета. Вообще типъ помѣшаннаго отмѣченъ лишь кажущеюся оригинальностью. Ори-

гинальность эта бьетъ въ глаза при сопоставленіи помѣшаннаго съ людьми нормальными, но она совершенно исчезаетъ при погруженіи помѣшаннаго въ среду ему подобныхъ, — среду, сравнительно не богатую характерными особенностями и очень часто повторяющую однѣ и тѣ же шаблонныя фигуры [1]).

Извѣстный англійскій психологъ Джемсъ Селли, на работы котораго мы не разъ имѣли уже случай ссылаться, опираясь на труды своихъ предшественниковъ по изслѣдованію занимающаго насъ вопроса, значительно подвинулъ его выясненіе своимъ мастерскимъ и многостороннимъ этюдомъ. Сёлли, прежде всего, съ особенною силой налегаетъ на невозможность окончательнаго разрѣшенія вопроса въ настоящее время. Причина тому— отсутствіе достаточнаго количества фактовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, недостаточность тѣхъ теоретическихъ основаній, опираясь на которыя можно бы было установить научно генезисъ общей совокупности свойствъ, называемой геніальностью. «При настоящемъ состояніи нашихъ знаній,—говоритъ онъ,—геній долженъ быть разсматриваемъ какъ самое замѣчательное и яркое проявленіе стремленія природы къ варіированію формъ и индивидуализаціи ея органическихъ образованій. Наука, констатируя это стремленіе, вынуждена, однако же, признать его необъяснимымъ. Какимъ образомъ отъ времени до времени возникаютъ такіе геніи, какъ Шекспиръ, Микель-Анджело, Гёте?—на этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта. Наше невѣжество по отношенію ко множеству скрытыхъ нитей, входящихъ въ общую связь причинности, заставляетъ насъ смотрѣть на всякое появленіе новаго свѣточа геніальности съ большимъ удивленіемъ, хотя и безъ того суевѣрія, съ которымъ взирали на явленіе это древніе. Имѣя въ виду это условіе, намъ придется довольствоваться лишь временною предварительною теоріей отношеній между геніальностью и психическимъ разстройствомъ». Рѣшительно отвергая воззрѣнія Морò, на томъ основаніи, что «мы еще слишкомъ мало изучили отношенія, могущія имѣть мѣсто въ строеніи и дѣятельности нервной системы, для того, чтобы высказаться съ увѣренностью о тождествѣ нервной организаціи у генія и у

---

[1]) «Ueber die Verwandschaft des Genies mit dem Irresein» von *Dr. F. W. Hagen* (*Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie*, XXXIII Band, 1877).— «Genie und Wahnsinn». Eine psychologische Untersuchung von *Dr. P. Radestock*. Breslau, 1884.

помѣшаннаго», Сёлли думаетъ, что возможно только приблизиться къ рѣшенію вопроса разсмотрѣніемъ тѣхъ психическихъ свойствъ, которыя характеризуютъ геній. Въ этой области на первомъ планѣ, по наблюденію Сёлли, слѣдуетъ поставить чрезвычайно тонкую чувствительность, чуткость, впечатлительность, переходящія въ раздражительность и служащія источникомъ безчисленныхъ мукъ для тѣхъ, кто ими одаренъ. Это душевное состояніе и является стимуломъ, побуждающимъ генія стремиться въ міръ его собственнаго воображенія,—вырываться изъ здѣшняго міра въ міръ лучшій, возвышенный. Такое настроеніе мысли, въ свою очередь, дѣлаетъ генія мало-способнымъ для приспособленія къ обыденнымъ условіямъ жизни. Онъ обыкновенно избѣгаетъ подчиненія тѣмъ требованіямъ, которыя могли бы превратить его въ ординарную прозаическую личность. Это бѣгство изъ міра дѣйствительнаго дѣлаетъ генія въ извѣстной степени отшельникомъ. Онъ становится всегда способнымъ оскорбить свѣтъ отказомъ преклониться предъ его общепризнанными фетишами. Сёлли припоминаетъ при этомъ извѣстное изреченіе Шамфора: «мало можно найти пороковъ, которые могли бы препятствовать человѣку имѣть много друзей въ такой мѣрѣ, въ какой препятствуютъ этому слишкомъ высокія добродѣтели». И, однако же, большая отзывчивость и возбудимость генія являются причиной сильной потребности его въ симпатіи. А, между тѣмъ, сознаніе разлада между такою жаждующею симпатіи натурой и окружающею ее средой въ одномъ только умственномъ отношеніи можетъ наполнить душу генія жестокими страданіями. «Вы знаете, конечно,—пишетъ Леопарди къ одному изъ друзей,—но вы едва ли испытали, до какой степени мысль можетъ распинать и мучить человѣка, отличающагося своими воззрѣніями отъ другихъ людей». Такая умственная изолированность не можетъ, какъ то и очевидно, способствовать психическому здоровью, а неизбѣжно предрасполагаетъ къ анормальнымъ эксцентричностямъ мысли. Она воздѣйствуетъ также и на эмоціональную сферу, порождая меланхолію, подозрительность, мизантропію и другія болѣзненныя явленія.

Ко всему этому присоединяется то напряженіе психическихъ силъ, которое сопровождаетъ всякую дѣятельность генія, и то страданіе, которое онъ претерпѣваетъ, противупоставляя свой оригинальный взглядъ на вещи взгляду обыденному. Съ этой борьбой идетъ часто рука объ руку бѣдность, особенно

чувствительная для крайне впечатлительнаго человѣка, и, наконецъ, изъ всѣхъ перечисленныхъ тутъ невзгодъ и слагается то положеніе, которое можно назвать роковымъ удѣломъ великихъ дарованій. Когда этотъ роковой удѣлъ сочетается съ сильнымъ здоровьемъ и мощнымъ характеромъ, является блестящій представитель здоровой геніальности; при неблагопріятныхъ же условіяхъ здоровье и характеръ генія не могутъ не получить нѣкоторый болѣе или менѣе выраженный патологическій отпечатокъ.

Общее заключеніе Сёлли состоитъ въ томъ, что геніальность совмѣщаетъ въ себѣ условія, обличающія воздѣйствіе тѣхъ разрушительныхъ силъ, которыя окружаютъ всѣхъ насъ. Она предполагаетъ состояніе крайне неустойчиваго равновѣсія психофизической организаціи и такой стимулъ дѣятельности, который, не останавливается ни передъ какими внѣшними препятствіями, и очень часто обнаруживаетъ весьма слабую склонность приспособленія къ условіямъ окружающей среды. Стремясь достигнуть самой передовой точки интеллектуальной эволюціи, геній увлекаетъ къ этой цѣли и все общество, иногда и всю расу во всей ея совокупности. Геній подобенъ развѣдчику, который далеко опередилъ армію, подвергаетъ себя своею отрозненностью особенно серьезнымъ опасностямъ. Такимъ образомъ, геніальность, такъ же, какъ и сознательное самопожертвованіе для блага ближнихъ,—заключаетъ свое разсужденіе Сёлли,—есть такого рода новообразованіе въ сферѣ человѣческой природы, которое будучи неблагопріятно для сохраненія личности, способствуетъ эволюціи рода [1]).

Послѣднимъ по времени, но первымъ—здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ—стоитъ вѣское слово Генри Маудсли, который резюмировалъ свои воззрѣнія на разсматриваемый нами вопросъ въ статьѣ *О наслѣдственности въ здоровьѣ и болѣзни*, имѣющейся теперь и въ русскомъ переводѣ. «Уже испоконъ вѣка твердятъ,—говоритъ Маудсли,—что геній и помѣшательство находятся въ тѣсномъ родствѣ между собою. Что они часто встрѣчаются бокъ-о-бокъ или смѣняютъ другъ друга въ однихъ и тѣхъ же семействахъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Сынъ или братъ человѣка, совершившаго самоубій-

---

[1]) *James Sully*: «Cenius and Insanity» (*The Nineteenth Century*, 1885, june).

ство или страдавшаго другимъ душевнымъ разстройствомъ, можетъ оказаться геніемъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что врядъ ли существуетъ хоть одинъ геніальный человѣкъ, въ семействѣ котораго не было бы помѣшательства или вообще какого-нибудь нервнаго разстройства. Чтобы помѣшаться или стать геніемъ, человѣкъ долженъ быть оригиналенъ, т.-е. долженъ чувствовать общую органическую неудовлетворенность наличнымъ порядкомъ вещей и повелительно-настоятельное побужденіе покинуть избитыя колеи мысли и чувствъ, по которымъ девяносто девять человѣкъ изъ ста движутся всю свою жизнь съ полнѣйшимъ довольствомъ. Всякій, пожелавшій внимательно оглядѣться вокругъ себя, не можетъ не поразиться тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство людей представляетъ собою чистѣйшихъ автоматовъ: они говорятъ, думаютъ, чувствуютъ и дѣлаютъ однѣ и тѣ же вещи на одинъ и тотъ же манеръ день изо дня, годъ изъ году, словно какіе-нибудь попугаи или органическія машины. Положимъ, что кто-нибудь, для забавы, сталъ бы ѣздить на желѣзно-дорожныхъ поѣздахъ въ разныя стороны и выходить изъ вагона въ различныхъ городахъ или деревняхъ въ пятидесяти или ста миляхъ отъ центра, приблизительно около одного и того же часа дня,—что пришлось бы ему увидѣть? Увидѣлъ бы онъ пѣтуховъ и куръ съ ихъ вѣчно-одинаковымъ клохтаньемъ, крикомъ и ссорами; собакъ съ ихъ неизмѣнно однимъ и тѣмъ же обнюхиваніемъ, блужданіемъ, лаемъ и драками; увидѣлъ бы дѣтей, ползающихъ, лазящихъ, бѣгающихъ, играющихъ и ссорящихся всегда и всюду однимъ и тѣмъ же образомъ и издающихъ одни и тѣ же крики и восклицанія; увидѣлъ бы на улицѣ и въ домахъ мужчинъ и женщинъ, толпящихся, бродящихъ и сплетничающихъ, говорящихъ и дѣлающихъ однѣ и тѣ же вещи и однимъ и тѣмъ же путемъ. Короче, онъ замѣтилъ бы всегда и всюду одни и тѣ же акты животной и человѣческой жизни, совершающіеся почти съ тѣмъ же механическимъ постоянствомъ, хотя и съ бо̀льшимъ разнообразіемъ, съ какимъ совершается работа машинъ. Замѣтилъ бы это и, очень можетъ быть, пришелъ бы къ заключенію, что человѣкъ, такъ краснорѣчиво восхваляющій свой разумъ и такъ высоко ставящій его надъ инстинктами муравьевъ и пчелъ, воздаетъ себѣ болѣе чѣмъ должное, а этимъ маленькимъ существамъ—менѣе чѣмъ должное.

«Можно сказать, такимъ образомъ, что человѣкъ, на кото-

ромъ лежитъ печать оригинальности, вдохновляющей и побуждающей его думать, чувствовать и дѣйствовать отлично отъ всего остальнаго міра, долженъ быть однимъ изъ двухъ: геніемъ, идущимъ далеко впереди міра въ мысляхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ, или помѣшаннымъ, отчужденнымъ и отчуждающимся отъ міра. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ представляетъ собою органическое видоизмѣненіе (варіацію), которое въ одномъ случаѣ имѣетъ физіологическій или эволюціонный характеръ, въ другомъ же—патологическій и дегенеративный. Геніальнымъ человѣкомъ является тотъ, кто, рядомъ съ своею неотразимою и непобѣдимою оригинальностью личности, обладаетъ мощнымъ мозгомъ, который обезпечиваетъ ему возможность поддерживать равновѣсіе между нимъ и міромъ,—поддерживать или путемъ гармоническаго приспособленія личности къ обстоятельствамъ, или путемъ властнаго приспособленія обстоятельствъ къ личности. Помѣшаннымъ же является тотъ, кто, рядомъ съ неотразимою оригинальностью личности, обладаетъ лишь слабосильнымъ мозгомъ, который не въ состояніи поддерживать такого равновѣсія. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего особенно удивительнаго въ томъ обстоятельствѣ, что одинъ изъ братьевъ создаетъ себѣ знаменитое имя въ свѣтѣ, тогда какъ другой сидитъ въ домѣ умалишенныхъ, а также, что иные люди съ какими-нибудь спеціальными геніальными дарованіями бываютъ по временамъ немножко помѣшанными или, по крайней мѣрѣ, кажутся таковыми Фестамъ дня, когда они развиваютъ энтузіазмъ и энергію, напоминающіе апостола Павла. Какъ бы тамъ ни было, передъ нами стоитъ тотъ неумолимый, неоспоримый и крайне поучительный фактъ, что изъ двухъ лицъ, принадлежащихъ къ одному и тому же болѣзненному роду и къ одному и тому же поколѣнію, одно можетъ представлять собою физіологическую разновидность, отмѣчающую новый шагъ на пути эволюціи, между тѣмъ какъ другое можетъ представлять собою патологическую разновидность, являющуюся несомнѣннымъ шагомъ въ направленіи къ вырожденію» [1]).

Сводя все то, что̀ мы реферировали по литературѣ разсматриваемаго вопроса, можно, думаемъ мы, считать выясненнымъ, по крайней мѣрѣ, то, что противуположность типовъ генія и

---

[1]) *Генри Маудсли*: «Наслѣдственность въ здоровьѣ и въ болѣзни». Спб., 1886 г., стр. 30 и слѣд.

помѣшаннаго установлена совершенно достаточно и что черты сходства между ними могутъ считаться не столько результатомъ общаго имъ обоимъ патологическаго характера, сколько неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ихъ соотносительнаго къ нормальному типу положенія. Въ самомъ дѣлѣ, противуполагаясь другъ другу, геніальность и помѣшательство противуполагаются, въ то же время, и тому нормальному типу, отъ котораго представляютъ отступленіе. Они противуполагаются ему по двумъ разнымъ направленіямъ: вверхъ и внизъ или точнѣе, впередъ и назадъ; но каждый, въ своемъ относительномъ положеніи къ нормальному типу, имѣетъ нѣчто общее съ другимъ, ему противустоящимъ, а именно: нѣчто отрицающее, отвергающее типъ нормальный, нѣчто напрягающееся для осуществленія этого отрицанія и отверженія и потому неизбѣжно претерпѣвающее, выстрадывающее свое исключительное положеніе и неизбѣжно несущее послѣдствіе отъ такого своего отношенія ко всему тому, что уже установилось, уравновѣсилось, стало обыденнымъ, шаблоннымъ приглядѣвшимся и, въ силу рутины, нормальнымъ.

Такая формулировка вопроса установляетъ, думается намъ, одну изъ тѣхъ точекъ зрѣнія на различіе психически-здоровыхъ и психически-больныхъ, относительность значенія которыхъ мы старались выяснить въ нашей первой статьѣ. Съ этой точки зрѣнія, принимающей во вниманіе теорію эволюціи и пользующуюся результатами спеціальныхъ изслѣдованій, съ которыми мы ознакомились выше, эволюціонный рядъ психическихъ типовъ представляется нисходящимъ отъ высочайшей точки прогрессивнаго развитія, олицетворяемой въ геніи, до послѣдняго представителя дегенераціи, стоящаго на противуположномъ концѣ ряда. Между геніемъ, этимъ «высочайшимъ продуктомъ органической энергіи природы и послѣднимъ чудомъ эволюціи» [1]), и помѣшаннымъ, «истощающимъ свой мозгъ надъ какимъ-нибудь утомительнымъ вздоромъ или какою-нибудь дребеденью» [2]), стоитъ шаблонный, обыденный человѣкъ, который, съ одной стороны, повторяетъ и пережевываетъ то, что повторялось и переживалось цѣлый рядъ вѣковъ ранѣе его, а съ другой—выдерживаетъ на своихъ мощныхъ плечахъ все бремя его же ошибками, невѣ-

---

[1]) *Sully*, o. c., p. 951.

[2]) Выраженіе это принадлежитъ сумасшедшему; оно приведено у *Ломброзо*: «Genio et follia», p. 123.

жествомъ и страстями произведенной дегенераціи [2]) и, въ то же время, кропотливою муравьиною работою своей подготовляетъ открытія геніевъ, освѣщающихъ и очищающихъ имъ же самимъ то засоряемый, то теряемый изъ вида путь.

IX.

Природа мать! когда-бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала міру,
Заглохла-бъ нива жизни...

Эта мысль Некрасова сжато и ясно резюмируетъ тотъ взглядъ на значеніе геніевъ, который вытекаетъ изъ разсужденій предшествовавшей главы. Теперь предстояло бы разсмотрѣть условія, сближающія геній съ современною ему средой и придающія стремленіямъ генія наибольшую степень плодотворности, но мы не можемъ обойти молчаніемъ того воззрѣнія, которое направлено противъ самой сущности выставленной нами идеи и которое можетъ поколебать ее или, по крайней мѣрѣ, повліять на наши выводы. Намъ говорятъ, будто бы геніи, таланты и люди высокихъ дарованій вообще способствуютъ не прогрессу расы, а ея дегенераціи: они будто бы истощаютъ ее и влекутъ къ упадку, ихъ роль—та же, что и всѣхъ тѣхъ, которые, въ силу какихъ бы то ни было преимуществъ, выдѣляются изъ массы и поднимаются надъ нею: они вырождаются и вымираютъ, но вмѣстѣ съ ними вырождается и вымираетъ и вся та среда, изъ которой они вышли. «Смерть—великая уравнительница,—говоритъ самый яркій представитель этого взгляда. — Истребляя все возвышающееся, она демократизируетъ человѣчество. *Но природа—плохая хозяйка*; *она достигаетъ своихъ цѣлей только путемъ чрезмѣрной расточительности матеріи и силы.* Всякій геніальный и талантливый человѣкъ представляетъ, по словамъ Ренана, капиталъ, накопленный нѣсколькими поколѣніями. Но разъ этотъ

---

[2]) Эли Реклю приводитъ одинъ очень интересный примѣръ частнаго случая стоимости дегенераціи тому обществу, среди коего она имѣетъ мѣсто. Потомство нѣкоего Джьюка, достигшее почтенной цифры 1,200 человѣкъ и состоявшее большею частью изъ пьяницъ, воровъ, проститутокъ и т. д., обошлось обществу въ 120,000 фунтовъ стерлинговъ! (*Encyclop. Britannica*, ninth edition, art. «Ethnography», p. 615).

капиталъ накопленъ, олицетворенъ въ человѣкѣ, онъ уже не возвращается болѣе въ общую сокровищницу человѣчества,— онъ изъятъ изъ обращенія, *потерянъ*, и его *единственный остатокъ*—помѣшательство, бѣдность и вырожденіе потомства, вскорѣ угасающаго и вымирающаго, къ счастью для него самого, но къ несчастью для тѣхъ семей и родовъ, въ которые потомство это успѣло уже внести вырожденіе и смерть. Это явленіе объясняетъ циклъ жизни цивилизованныхъ народовъ. Поднявшись до наивысшей точки цивилизаціи, народы эти выдѣлили изъ своей среды богатыя, изящныя и энергичныя семьи правителей, вельможъ, художниковъ, ученыхъ и интеллигентныхъ людей; но такъ какъ всѣ эти избранники судьбы роковымъ образомъ исчезаютъ, то и надорванная, истощенная, высосанная до мозга костей нація падаетъ отъ перваго толчка и разрушается, и исторія съ изумленіемъ подтверждаетъ, что цѣлый народъ, пройдя длинный и славный историческій путь, исчезаетъ затѣмъ съ лица земли; она заноситъ въ свои лѣтописи сказаніе о томъ, какъ военный погромъ убиваетъ безъ надежды на возрожденіе не только сильно организованное государство, но и самую націю даже цѣлую расу. Это совершается по той причинѣ, что на своемъ историческомъ пути нація достигаетъ верха могущества и славы и затѣмъ начинаетъ клониться къ упадку. Тотъ же самый процессъ подбора, который превратилъ ее въ націю интеллигентную, энергичную и производительную, приводитъ и къ ея окончательному истощенію; подобно деревьямъ, подточеннымъ термитами, она временно сохраняетъ внѣшній видъ жизни, силы и крѣпости, но при малѣйшемъ ударѣ—падаетъ, и изъ народа, долго игравшаго роль на сценѣ исторіи, остается безобразная и безсвязная куча, лишенная своей индивидуальности и самаго своего имени, а иногда теряющая даже и воспоминаніе о своемъ славномъ прошедшемъ. И чѣмъ болѣе народъ этотъ въ свое время произвелъ великихъ людей, тѣмъ скорѣе и стремительнѣе совершается его рѣшительное и окончательное паденіе. Такова была судьба великихъ народовъ древности, такова будетъ и судьба современныхъ цивилизованныхъ народовъ Европы, и многіе симптомы показываютъ, что мы вступили уже въ этотъ періодъ истощенія и паденія. Ничто не выходитъ изъ ничего, и всякая производительность предполагаетъ потребленіе. Науки, искусства, идеи потребляютъ цѣлыя поколѣнія, и только при этомъ условіи могутъ они возникать и развиваться. Народы, исто-

щенные производительностью, *подобны неудобреннымъ пашнямъ*: продукты ихъ производительности не возвращаются въ общій фондъ и матеріально погибаютъ для нихъ. Въ этомъ смыслѣ и слѣдуетъ понимать явленія, называемыя въ исторіи старостью и дряхлостью націй. Въ силу подбора и рокового закона упадка привилегированныхъ расъ, народы сперва цивилизуются, подымаются до высшей точки величія, затѣмъ быстро падаютъ и исчезаютъ, истощенные, надорванные, уничтоженные; ихъ замѣняютъ народы молодые, т.-е. такіе, въ средѣ которыхъ едва еще только началъ устанавливаться подборъ таланта и энергіи и истощеніе которыхъ поэтому еще не начиналось. Случается, что великій умъ, великое сердце—послѣдній остатокъ прежняго величія націи, не постигая законовъ исторіи, возгорается любовью къ своей умирающей національности и пытается вдохнуть въ нее новую жизнь, пытается гальванизировать ея трупъ, остановить разложеніе ея. Иногда ему удается бросить послѣдній лучъ славы на народъ, нисходящій въ могилу, но это—дѣло одной минуты, и затѣмъ, все же таки, наступаетъ роковое, безповоротное паденіе. Раса погибаетъ за недостаткомъ людей; самые родники жизни ея оказываются изсякшими, она неизбѣжно обрекается смерти и или, покорная, безмолвно сходитъ со сцены міра во тьму забвенія и небытія, или шумно погибаетъ въ агоніи внѣшней и внутренней войны. Еще остаются человѣческія существа, но нѣтъ ни націи, ни расы; индивидуальность ея исчезаетъ, ея имя стирается со скрижалей исторіи, ея могила закрывается навѣки...

«Люди представляются организованными, если позволено такъ выразиться, въ видахъ равенства. Всякое раздѣленіе на классы: политическіе, экономическіе, интеллектуальные—и логическое и естественное послѣдствіе такого раздѣленія, такой или иной подборъ, одинаково гибельны для человѣчества, какъ избранникамъ его, такъ и всѣмъ остальнымъ людямъ. Это раздѣленіе причиняетъ *недостатокъ* съ одной стороны и *избытокъ*—съ другой того элемента, на которомъ построено различіе классовъ. Если только одна часть человѣчества является обладательницей слишкомъ большаго количества матеріальныхъ и нравственныхъ благъ, то у остальной части необходимо оказывается недостаточное количество этихъ же самыхъ благъ, и обѣ стороны одинаково претерпѣваютъ какъ отъ недостаточности, такъ и отъ излишества. Но природа какъ будто мститъ за это насиліе

надъ ея законами и жестоко караетъ избранниковъ и счастливцевъ въ четвертомъ и седьмомъ поколѣніи ихъ.

«Законы природы необоримы, и горе тому, кто нарушаетъ ихъ. Всякая привилегія, *присвоенная* себѣ человѣкомъ, есть шагъ къ вырожденію, психическимъ болѣзнямъ, смерти расы. *Принижая* стремящихся возвыситься надъ обычнымъ уровнемъ человѣчества, карая гордыхъ, мстя за излишекъ счастья, природа превращаетъ самыхъ привилегированныхъ въ палачей своей же расы. Избытокъ счастья, по мысли древнихъ, оскорбляетъ и раздражаетъ боговъ, и мысль эта вполнѣ подтверждается изученіемъ послѣдствій всякаго превосходства, всякаго подбора, какъ интеллектуальнаго, такъ и соціальнаго» [1]).

Въ другомъ мѣстѣ г. Якобій дополняетъ уясненіе своей мысли слѣдующими соображеніями: «Человѣкъ,—говоритъ онъ,—живетъ въ своихъ праправнукахъ; эта жизнь въ потомствѣ есть дѣйствительное безсмертіе, какъ матеріальное, такъ и нравственное; только *это* безсмертіе истинно и достижимо. По крайней мѣрѣ, стараясь подняться надъ обыденнымъ уровнемъ, мы тѣмъ самымъ осуждаемъ на смерть нашу расу и замѣняемъ истинное безсмертіе,—безсмертіе физіологическое,—безсмертіемъ условнымъ, называемымъ извѣстностью; мы расплачиваемся жизнью грядущихъ поколѣній и нашимъ собственнымъ существованіемъ въ безконечности вѣковъ за нѣсколько строчекъ въ біографическихъ словаряхъ. Не потомки сильныхъ, богатыхъ, энергичныхъ, интеллигентныхъ образуютъ человѣчество будущаго, а потомство крестьянъ-тружениковъ, нуждающихся горожанъ, скромныхъ и малыхъ,—будущность принадлежитъ посредственности» [2]).

Вникая въ это разсужденіе уважаемаго ученаго, нельзя не замѣтить, прежде всего, что предполагаемое имъ стремленіе природы къ уравниванію людей болѣе чѣмъ сомнительно. Природа, какъ могущественно вліяющая среда, охватывающая со всѣхъ сторонъ человѣка, представляетъ такое множество до противуположности разнообразныхъ условій и установляетъ при ихъ посредствѣ такое рѣзкое неравенство между племенами и индивидами, что если и обнаруживаетъ какое-нибудь стремленіе, то скорѣе стремленіе къ предотвращенію и искорененію одинако

---

[1]) *P. Jacoby*, O c., p. 606—8.
[2]) Ibid., p. XII.

вости въ какомъ бы то ни было отношеніи, нежели стремленіе къ уравниванію. Наслѣдственность затѣмъ поддерживаетъ въ потомствѣ различія, установившіяся у предковъ, столь упорно, что и безъ новообразованій, только увеличивающихъ установившееся и переходящее изъ поколѣній въ поколѣніе разнообразіе, различія эти никакъ не могутъ давать идеи о томъ стремленіи природы, которое видитъ въ ней г. Якобій. Если же геніи и не являются родоначальниками расы геніевъ, а психически-больные являются всего чаще послѣдними или предпослѣдними звеньями своихъ родовъ, то это показываетъ только, что разнообразіе природы имѣетъ свои границы, свою амплитуду, что оно останавливается на пути новообразованій какъ по одну, такъ и по другую сторону нормальной точки эволюціоннаго ряда и не идетъ далѣе; но что въ этихъ предѣлахъ, все же таки, оно настолько значительно, что и не намекаетъ даже на тенденцію къ нивелированію личностей и подведенію ихъ подъ одинъ общій шаблонъ.

Мы знаемъ, что паразитизмъ, обусловливающій переутомленіе одной части общества и разслабленіе отъ неупражненія, другой, ведетъ къ вырожденію, а отсутствіе паразитизма является источникомъ возрожденія общества, и думаемъ, поэтому, что *искусство* устроенія общества на такихъ или иныхъ началахъ можетъ расширять или съуживать границы амплитуды, на которую мы только что указали, и что оно можетъ когда-нибудь сблизить эти границы до крайняго минимума; но такой результатъ, если онъ и можетъ когда-нибудь быть достигнутъ, будетъ результатомъ борьбы съ естественными условіями, результатомъ *искусства* преодолѣнія ихъ, плодомъ цѣлесообразнаго воздѣйствія сознательно направленныхъ силъ, стремящихся упразднить вліяніе широтъ, долготъ, топографическихъ данныхъ и самой наслѣдственности. Не говоря объ утопической расѣ геніевъ и талантовъ, если бы возможно было только поднять средній уровень талантливой арійской расы, то подъемъ этотъ могъ бы совершиться только вопреки имѣющимся теперь налицо естественнымъ условіямъ, т.-е. путемъ препобѣжденія и измѣненія ихъ.

Что же касается предвидѣнія естественной нивелировки, долженствующей привести къ безбрежному разливу посредственности, то этотъ прогнозисъ,—по отношенію къ народамъ арійской расы, по крайней мѣрѣ, — можно считать болѣе чѣмъ сомнительнымъ, потому что посредственность у арійскаго пле-

мени есть уже стадія вырожденія, а процессъ вырожденія никогда не бываетъ и не можетъ быть стаціонарнымъ; онъ неизбѣжно идетъ нисходящимъ порядкомъ, и если не встрѣчаетъ толчка, способнаго возродить дегенерирующихъ, то безповоротно приводитъ ихъ къ изморy. Посредственность по этой причинѣ никогда не можетъ имѣть достаточный запасъ силъ для борьбы за существованіе и завоеваніе себѣ будущаго. Переживъ расцвѣтъ національности, она никогда не сможетъ влачить свое стертое существованіе, не вырождаясь въ конецъ и не подпадая всѣмъ трагическимъ перипетіямъ дегенераціи.

Не надо забывать, что паразитизмъ, плодъ общественнаго нестроительства, идетъ во главѣ вырожденія и, подобно злому волшебнику, бьетъ націю своимъ магическимъ жезломъ о двухъ концахъ: надорванностью отъ переутомленія и обезсиленіемъ отъ неупражненія, а потому тѣ народности, которыя имѣли несчастіе подпасть подъ эти двойные удары, должны дорого расплатиться за недостатокъ проницательности или отсутствіе чувства справедливости; они, какъ то и утверждаетъ въ одномъ мѣстѣ своего разсужденія г. Якобій, «исчезнутъ съ лица земли», и нѣтъ никого основанія думать, что такого рода катастрофу переживетъ одна посредственность, что она отвоюетъ себѣ будущее даже у безпощаднаго демона дегенераціи!

Читая заключительныя строки разсужденія г. Якобія, нельзя не замѣтить, что въ нихъ звучитъ предположеніе, будто геніальность и талантливость—такіе дары, которые можно пріобрѣсти преднамѣренно или отъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, можно по произволу отказаться. Если-бъ это было такъ, то, конечно, мы имѣли бы право осуждать тѣхъ необузданныхъ людей, которые готовы лучше погубить расу, чѣмъ лишиться мѣста въ біографическомъ словарѣ. На дѣлѣ, однакоже, это совсѣмъ не такъ. Въ этомъ случаѣ, болѣе чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ, много званныхъ, но мало избранныхъ. И хотя при этомъ не играютъ никакой роли ни знатность, ни богатство, ни званіе, ни чины,—никто не можетъ сказать, однако же, что стоитъ ему захотѣть, и мѣсто въ біографическомъ словарѣ будетъ для него готово. Ломоносовъ, Шевченко, Кольцовъ и др. вознеслись выше богатыхъ и сильныхъ, вопреки всѣмъ преградамъ, всѣмъ препятствіямъ; но, вырывая свои лавры силою у судьбы-мачехи, эти люди, какъ и всѣ имъ подобные, можетъ быть, и одного раза въ жизни не подумали о своихъ будущихъ біографахъ.

Руководись они въ жизни мыслью объ извѣстности и славѣ, они бы не были именно такими, какими мы ихъ знаемъ. Пустому и вздорному, точимому тщеславіемъ честолюбцу можно соревновать развѣ съ Геростратомъ, но внутреннихъ мотивовъ истиннаго величія ему взять негдѣ. Прямую противуположность такому напыщенному собой ничтожеству представляютъ тѣ личности, которыя мыслятъ, двигаются и существуютъ, подъ напоромъ всевластныхъ, неугомонныхъ побужденій, толкающихъ ихъ все впередъ, все дальше. Они хотя и знаютъ роковое значеніе этихъ импульсовъ, хотя и видятъ гибель на своемъ пути, но все же не останавливаются, не повертываютъ назадъ. Съ ними повторяется вѣчно-старая и вѣчно-новая исторія Лонгфеловскаго юноши:

«Try not the pass! the old man said,
«Dark lowers the tempest overhead,
The roaring torrent is deep and wide!»
And loud that clarion voice replied,
Excelsior!

Такихъ людей нельзя прельстить никакими великими приманками—отъ золота до мѣста въ біографическомъ словарѣ включительно. На искусительныя рѣчи каждый изъ нихъ дастъ единственно возможный и извѣстный отвѣтъ:

«Напрасно я стараюсь укротить
Потребность эту мыслящаго духа:
Она въ груди мѣняетъ ночь со днемъ.
Нѣтъ, ежели мечтать, творить и мыслить
Не долженъ я, то мнѣ и жизнь не въ жизнь.
Заставь червя не прясть шелковыхъ нитей,
Когда все ближе къ смерти онъ прядетъ!
Онъ изъ больной груди неутомимо
Мотаетъ дорогую нить свою
До той поры, пока въ своей же пряжѣ—
Въ своемъ гробу—не заключится весь».

Справедливо было замѣчено уже не разъ, что терновымъ вѣнцомъ генія слѣдуетъ считать и не одну еще эту необоримость импульса, но еще и способность чувствовать скорбь и горе людское сильнѣе, острѣе, чѣмъ чувствуютъ ихъ обыкновенные люди. Этою чертой отмѣченъ, между прочимъ, и тотъ супра-соціальный характеръ, который присущъ генію и который такою глубокою пропастью отдѣляетъ его отъ жертвы вырожденія всѣхъ степеней и оттѣнковъ. И если геніальность и являлась до сихъ поръ явленіемъ исключительнымъ, то это могло происходить

оттого, что общества, выдѣлявшія геніевъ, не были свободны отъ недуговъ, производимыхъ дегенераціей. Но—кто знаетъ?—можетъ придти время, когда люди, постигнувъ весь ужасъ терзающаго ихъ неустройства, вырвутъ зло съ корнемъ и съумѣютъ придать здоровому и высокому развитію психическихъ способностей наивысшую степень экстенсивности и вызовутъ къ расцвѣту не отдѣльныхъ личностей, какъ то было до сихъ поръ, а всѣхъ и каждаго, соотвѣтственно его индивидуальнымъ задаткамъ. Тогда Просперо окажется магомъ въ высокомъ значеніи этого слова; возвысивъ жертву вырожденій—Калибана или, по крайней мѣрѣ, его потомство до своего уровня, онъ тѣмъ возвыситъ самого себя, и тогда обоимъ имъ будетъ легче дать имъ волю «потребности мыслящаго духа», и безстрашнѣе станетъ «мотать дорогую нить жизни» при полномъ сознаніи, что мотаетъ ее изъ своей собственной пряжи, не захватывая ничего чужого и не отдавая ничего своего чужеядной алчности ненасытнаго сосѣда. Въ дружномъ хорѣ гармоническихъ силъ можно будетъ тогда отложить попеченіе о томъ, потребляется ли нація своимъ расцвѣтомъ или нѣтъ; интенсивность жизни, а не ея долгота, станетъ единственнымъ мѣриломъ ея цѣнности.

Но, чтобъ эти мечты моими когда-нибудь стать дѣйствительностью, необходимо взглянуть на природу трезвыми глазами, отрѣшиться отъ олицетворенія ея, перестать приписывать ей цѣли и стремленія, не обольщать себя пустыми ожиданіями. Намѣренность и цѣлесообразность присущи только человѣческой дѣятельности или той области, которую въ широкомъ смыслѣ мы, вслѣдъ за О. Контомъ, можемъ назвать *искусствомъ*. Значеніе его должно необходимо подняться и открыть для будущаго новые горизонты.

X.

Никакое знаніе не дается намъ какимъ-нибудь внезапнымъ наитіемъ, не является вдругъ въ силу чудодѣйственной интуиціи, а вырабатывается постепенно, и подчинено закону развитія точно такъ же, какъ и тѣ явленія, которыя подлежатъ нашему изученію. Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на изученіе явленій общественности, то нельзя будетъ не признать, что современный моментъ этого изученія представляетъ однѣ лишь начальныя попытки, первые шаги предстоящаго длиннаго и не

легкаго пути. До полныхъ, законченныхъ теорій еще далеко; пытаться предвосхищать ихъ было бы самообольщеніемъ, напоминающимъ того борзописца, который готовъ выдавать всякую свою догадку за «соціологическій законъ». Соціологія поневолѣ довольствуется пока собираніемъ матеріаловъ и первыми опытами обобщеній. Правильно поставить вопросъ, сдѣлать вѣрное указаніе, дать достодолжное направленіе изслѣдованію для нея имѣетъ уже то же значеніе, что̀ установленіе новой теоріи для другой, далѣе ушедшей по пути выработки, болѣе созрѣвшей науки. Объ этомъ никогда не слѣдуетъ забывать, когда идетъ рѣчь о современномъ состояніи обществовѣдѣнія.

Ранѣе, чѣмъ созрѣетъ и установится какая-нибудь научная теорія,—наблюденія, изслѣдованія, критика проходятъ цѣлый рядъ, повидимому, разрозненныхъ и обособленныхъ моментовъ; позже они схватываются какимъ-нибудь творческимъ синтетическимъ умомъ, сливаются, объединяются, образуютъ зачаточную гипотезу, и затѣмъ, шагъ за шагомъ, подвигается дѣло и доходитъ и до прочно установленной теоріи. Возьмемъ для примѣра химію: еще сравнительно недавно никто не могъ бы дерзнуть даже и намекнуть на происхожденіе элементовъ путемъ эволюціи; но вотъ тамъ-сямъ дѣлаются робкіе подходы, затѣмъ являются болѣе смѣлые указанія и въ послѣднее время Круксъ, сближая всѣ моменты этой эволюціи, связываетъ воедино всю работу прошедшаго и является передъ нами съ гипотезой, или, пожалуй, какъ говоритъ переводчикъ его, съ зародышемъ гипотезы «о происхожденіи химическихъ элементовъ», и химія, или, если хотите, философія химіи, дѣлаетъ громадный шагъ впередъ, привлекаетъ къ себѣ новый интересъ со стороны всякаго мыслящаго человѣка. Общественная наука еще не даетъ и такихъ гипотезъ, но она владѣетъ уже извѣстными указаніями, извѣстною постановкой нѣкоторыхъ вопросовъ, и мы, руководствуясь ими, можемъ уже не довольствоваться однимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ чисто-пессимистическимъ вѣяніямъ, образцомъ которыхъ можетъ служить разсмотрѣнное выше разсужденіе г. Якобія, но пойти далѣе.

Огюстъ Контъ создалъ слово «соціологія», хотя и не создалъ еще самого предмета. Въ его *Курсѣ* есть, однакоже, очень важныя, а иногда и очень цѣнныя для предмета указанія и соображенія. Между ними мы намѣрены отмѣтить теперь два: первое—важное потому, что имъ завершается та доктрина, положенія которой долгое время были руководительными для цѣлой школы

соціологовъ и считались ими послѣднимъ словомъ, заключительнымъ тезисомъ, послѣ котораго только и остается, что поставить точку. Второе—цѣнное по той причинѣ, что въ немъ содержится зерно дальнѣйшаго развитія обществовѣдѣнія. Читатель, знакомый съ ученіемъ Огюста Конта, догадывается, конечно, что, прежде всего, мы имѣемъ въ виду то положеніе, которымъ онъ завершилъ, замкнулъ объективное отношеніе къ соціальнымъ явленіямъ. «Не восхищаясь политическими фактами и не осуждая ихъ,—говоритъ Контъ,—положительная соціологія, какъ и всѣ остальныя науки, видитъ въ нихъ только простые предметы наблюденія и разсматриваетъ каждое явленіе съ двоякой точки зрѣнія: его гармоніи съ сосуществующими фактами и его связи съ предшествующими и послѣдующими состояніями человѣческаго развитія»[1]). И рядомъ съ этимъ догматомъ объективизма можно сопоставить то капитальное и плодотворное различеніе науки и искусства, которое сдѣлалось опорною точкой для новаго поступательнаго шага соціологіи. Контъ исходитъ изъ того внѣспорнаго положенія, что умозрѣніе и дѣйствіе исчерпываютъ собою понятіе о работѣ, которую можетъ производить человѣкъ. Такимъ образомъ,—разсуждаетъ онъ,—самое общее раздѣленіе нашихъ знаній заключается въ различеніи знаній теоретическихъ отъ знаній практическихъ. Только первыя составляютъ область науки, вторыя же относятся къ области *искусства*. Вникая въ отношеніе науки и искусства, понимаемыхъ въ этомъ смыслѣ, легко видѣть, что первая служитъ основаніемъ второму, потому что дѣйствіе человѣка на природу можетъ имѣть только одну истинно-раціональную основу—изученіе природы. Только знаніе законовъ природы, съ его постояннымъ результатомъ—предвидѣніемъ, *можетъ повести къ возможности признанія однихъ явленій посредствомъ другихъ*; наши же собственныя прямыя средства вліянія на естественныя явленія, насъ окружающія, слишкомъ слабы и слишкомъ несоразмѣрны съ нашими потребностями. Всякій разъ, когда намъ удается произвести на естественныя явленія значительное вліяніе, мы обязаны тѣмъ введенію въ условія, опредѣляющія эти явленія, такихъ элементовъ, знаніе которыхъ пріобрѣтено нами путемъ изученія природы. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что знаніе ведетъ къ предвидѣнію, а предвидѣніе къ дѣйствію. Этою простою формулой, по мнѣнію Конта,

---

[1]) *Aug. Comte*: «Cours de philos. positive». Paris, 1869, т. IV, p. 293.

можно опредѣлить весьма точное отношеніе науки къ *искусству*, принимая термины эти въ общемъ ихъ смыслѣ [1]).

Посмотримъ же теперь, какимъ образомъ указываемое нами различеніе Контомъ науки и «искусства» стало исходною точкой новыхъ успѣховъ въ области общественной науки.

Добрая вѣсть о такихъ успѣхахъ идетъ къ намъ изъ страны бодрыхъ янки, въ натурѣ которыхъ заложены наилучшія качества, создающія піонеровъ, развѣдчиковъ тѣхъ счастливыхъ возможностей, которыя зрѣютъ для перехода въ дѣйствительность. Мы имѣемъ въ виду обширный трудъ Лестеръ-Уорда, вышедшій четыре года тому назадъ въ Нью-Іоркѣ и носящій заглавіе: *Dynamic Sociology or applied social science, as based upon statical sociology and the less complex sciences.*

Съ главнымъ основанымъ положеніемъ этого труда мы и имѣемъ въ виду теперь познакомить читателя.

Въ приведенномъ ранѣе разсужденіи г. Якобія мы подчеркнули слова, выражающія взглядъ уважаемаго автора на природу. «Природа,—говоритъ онъ,—плохая хозяйка; она достигаетъ своихъ цѣлей только путемъ чрезмѣрной расточительности матеріи и силы». Въ этихъ словахъ намъ слышится отзвукъ другого выраженія той же мысли въ звучныхъ стихахъ поэта-мыслителя, несчастнаго Леопарди, который въ своемъ *Risorgimento* говоритъ, что «природа глуха, что она не знаетъ состраданія, что она не заботится о благѣ, а только о бытіи, и хотя сохраняетъ насъ для страданія, но не тревожится ни о чемъ другомъ» [2]). И Лестеръ-Уордъ также имѣетъ въ виду этотъ характеръ дѣятельности природы, но онъ не кладетъ его во главу угла философіи унынія и отчаянія, а, напротивъ того, принимаетъ за исходную точку окончательнаго перехода къ теоріи своего «дѣйственнаго обществовѣдѣнія», долженствую-

---

[1]) *Aug. Comte*, ibid., p. 50—51. Считаемъ нужнымъ обратить при этомъ случаѣ вниманіе читателя, интересующагося обществовѣдѣніемъ, на блестящее приложеніе этого плодотворнаго различенія къ вопросу о догмѣ права въ прекрасномъ трудѣ *С. А. Муромцева*: *Что такое догма права?* Москва, 1885 г.

[2]) So che natura e sorda,
Che miserar non sa.
Che non del ben sollecita
Fu, ma dell'esser solo;
Purché ci serbi al duolo,
Or d'altro a lei non cal.

щаго избавить насъ отъ многихъ если не отъ всѣхъ, общественныхъ золъ и бѣдствій.

Наука,—по мнѣнію Л.-Уорда,—даетъ намъ понятіе о «методѣ природы»; теоріей же искусства установляется «методъ человѣка». Отсутствіе всякаго телеологическаго начала въ дѣятельности природы причиняетъ то постоянное несоотвѣтствіе между затраченными средствами и достигнутыми результатами, которое мы постоянно и повсемѣстно можемъ наблюдать. Изъ тысячи зеренъ проростаютъ сотни, а изъ сотни ростковъ остается десятокъ растеній и т. д. Природа дѣйствуетъ какъ бы подъ напоромъ неистощимости своихъ средствъ, и если она никогда не покупаетъ ничего, что не имѣло бы хотя какой-нибудь стоимости, то она зато и платитъ всегда безмѣрныя цѣны. Эволюція человѣчества, какъ то и разумѣется само собой, всегда шла и идетъ и до сихъ поръ исключительно путемъ «метода природы», и этотъ порядокъ остается неизбѣжнымъ до тѣхъ поръ, пока человѣкъ продолжаетъ ставить себя по отношенію къ природѣ въ положеніе раба. *Пассивное* развитіе остается его удѣломъ и онъ не перестаетъ оставаться жертвой расточительности матери своей природы и не перестаетъ постоянно подвергаться всѣмъ колебаніямъ и опасностямъ такого положенія. Даже и впослѣдствіи, когда человѣкъ изъ раба природы становится ея ученикомъ, стремящимся постигнуть ея тайны и разгадать ея загадки, эпоха пассивнаго развитія еще не прекращается: все, попрежнему, задачею человѣка остается умѣнье приспособляться къ существующимъ условіямъ, и онъ все еще не мечтаетъ о приспособленіи ихъ, этихъ условій, къ своимъ нуждамъ и потребностямъ. Знаніе природы, правда, даетъ человѣку возможность приспособляться полнѣе, легче, дѣйствительнѣе, нежели это дѣлалось въ тотъ періодъ, когда средствомъ приспособленія онъ считалъ заклинанія, магическія формулы и амулеты; но власть природы, попрежнему, продолжается. Если въ общемъ итогѣ этого періода и получается результатъ, который можно считать шагомъ впередъ на пути развитія, то все же прогрессъ пріобрѣтается постольку, поскольку затраченныя средства содержатъ въ себѣ избытокъ и излишекъ, такъ какъ масса и масса средствъ продолжаетъ погибать тщетно и безслѣдно. Одинъ лишь эксцессъ прогрессивной волны даетъ возможность нѣкоторой ея части сохраниться и уцѣлѣть; остальное сносится и губится безповоротно и безплодно. Такъ, изъ вѣка въ вѣкъ смѣна чередующихся созидательныхъ и разрушительныхъ волнъ

идетъ подобно колебанію океана въ его приливахъ и отливахъ, и такъ совершается неразборчивый на средства и расточительный процессъ естественной эволюціи. Общественное развитіе, слѣдуя по такому ненадежному пути, терпитъ всѣ послѣдствія этихъ слабо содѣйствующихъ прогрессу условій и подвигается впередъ медленно и тихо.

Новый моментъ эволюціи начнется только съ той поры, когда человѣкъ придетъ къ сознанію въ себѣ силы, достаточной для сверженія власти естественныхъ условій и получитъ возможность отнестись къ природѣ не какъ рабъ, не какъ ученикъ, но какъ и владыка. Въ этомъ новомъ дѣйственномъ періодѣ общественной эволюціи человѣку предстоитъ намѣчать свои цѣли ясно и опредѣленно, избирать средства, вполнѣ сообразныя съ намѣченными цѣлями, ему предстоитъ умѣть отклонять всякую слѣпую случайность и выработать свой телеологическій, продуктивный методъ, свои способы и средства властнаго воздѣйствія на природу. Тогда можно ожидать существеннаго признанія въ поступательномъ ходѣ общественнаго развитія и установить, вмѣсто шаткаго и медленнаго генетическаго прогресса, шествующій твердою поступью, скорый и вѣрный прогрессъ телеологическій.

Таково, по Лестеръ-Уорду, значеніе искусства, созидающаго господство человѣка надъ природой и переустраивающаго весь складъ человѣческой жизни. Наука, съ ея объективизмомъ, само собою не отвергаетъ его и, какъ пояснилъ еще Контъ, остается основою всякой теоріи искусства; но наука остается въ тѣхъ тихихъ, огражденныхъ вершинахъ, о которыхъ мечталъ еще Лукрецій, а для жизни она получаетъ значеніе лишь постольку, поскольку она имѣетъ значеніе для прямо-руководящаго жизнью искусства. Заслуга Лестеръ-Уорда и заключается въ томъ, что онъ дѣйствительно сдѣлалъ шагъ, намѣченный Контомъ, и создалъ ту дѣйственную соціологію, безъ которой чистой теоріи долго еще пришлось бы оставаться мертвою.

Хотя воздѣйствіе того «искусства», о которомъ говоритъ американскій соціологъ, еще не установилось и, слѣдовательно, не могло нигдѣ дать тѣхъ результатовъ, которые ожидаетъ отъ него Уордъ,—хотя цивилизованному обществу еще только предстоитъ понять и усвоить идею необходимости перемѣнъ во всѣхъ сферахъ жизни; и въ области мысли, гдѣ удѣлено слишкомъ много мѣста гимнастикѣ, а не производительной работѣ, и въ области знанія, гдѣ продолжаютъ играть видную роль вопросы, лишенные всякаго значенія для человѣческаго блага, и гдѣ

мало обращаютъ вниманія на изученіе столь могущественно вліяющей на человѣка среды въ обширномъ значеніи этого термина, и въ области общественныхъ отношеній, гдѣ и до сихъ поръ еще превозмогаетъ традиція и рутина,—но едва ли можно, однако, оспаривать ту несомнѣнную истину, что время наше носитъ явныя черты переходной эпохи и что самыя бѣдствія и несчастія нашего поколѣнія подготовляютъ перемѣны самаго глубокаго жизненнаго значенія. Чѣмъ болѣе дѣйствительное знаніе вытѣсняетъ фантастическія представленія и бредни, сохранявшіяся подъ измѣнившимися названіями чуть что не отъ людоѣдскихъ временъ, тѣмъ замѣтнѣе начинаютъ пробиваться признаки созрѣвающаго убѣжденія въ необходимости выработки такихъ условій жизни, которыя могли бы быть воплощеніемъ задачъ высшаго «искусства», преодолѣвающаго дегенерацію и ставящаго общества на путь безповоротнаго прогресса.

Мы, къ сожалѣнію, могли едва только коснуться основныхъ положеній Лестеръ-Уорда, очень еще мало извѣстнаго въ нашей литературѣ [1]), но мы думаемъ, что, намѣтивъ характеръ его исходнаго пункта, мы достаточно опредѣленно дали понять читателю различіе тенденцій американскаго мыслителя отъ воззрѣній объективистовъ, становившихся по отношенію къ общественнымъ событіямъ въ то же положеніе, въ которомъ они стоятъ къ химическимъ реагенціямъ или метаморфозамъ растеній. Лестеръ-Уордъ своимъ дѣйственнымъ обществовѣдѣніемъ учитъ, что руководящимъ нашимъ принципамъ по отношенію къ фактамъ общественной жизни должно быть не только восхищеніе ими или осужденіе ихъ, но и немедленное претвореніе нашего восхищенія или осужденія въ дѣйствіе, въ реагированіе на событія, долженствующее замѣнить слѣпое слѣдованіе по ихъ теченію. Понявъ значеніе этой истинно-жизненной доктрины, мы съ полнымъ убѣжденіемъ повторимъ вслѣдъ за Гальтономъ, что сознательное споспѣшествованіе общественной эволюціи должно стать религіозною обязанностью современнаго человѣка.

1886.

---

[1]) Мы остановились только на томъ положеніи, которое мы считаемъ основнымъ и которому придаемъ особенно важное значеніе. Еслибъ мы поставили здѣсь своею задачей ближайшее ознакомленіе читателя съ воззрѣніями Уорда, то намъ пришлось бы оспаривать весьма многія изъ нихъ и выйти изъ рамокъ, намѣченныхъ для этой статьи. Общее знакомство съ доктриной Уорда можно получить по статьѣ г. Зигеля *Исторія права*, напечат. въ *Юридич. Вѣстн.* 1886 г., іюнь и іюль.

ПСИХОЛОГІЯ ТЩЕСЛАВІЯ.

Ghr. Sigwart. Ueber die Eitelkeit. Freiburg I. B. 1881.
I. Hoppe. Die Eitelkeit und ihre Arten. Basel. 1890.

Не существуетъ человѣка, который могъ бы избѣжать того, что моралисты называютъ общественною санкціею его словъ, поступковъ, его дѣятельности или поведенія вообще. Такая санкція неизбѣжно слагается не только для общественнаго дѣятеля—будь то политикъ, писатель, земецъ, администраторъ,—не только для всякаго такъ или иначе погруженнаго въ волны житейскаго моря, но и для уединившагося факира или предавшагося блаженному ничего-недѣланію Обломова. Всякій общественный дѣятель или даже простой «обыватель», всякій факиръ или Обломовъ, могутъ различно относиться къ этой санкціи, къ этой общественной оцѣнкѣ ихъ поведенія или образа жизни, но все же таки оцѣнка эта—вѣрная или ошибочная—необходимо существуетъ, и никакое отрицаніе не въ силахъ свести ее къ нулю. Но, если даже и убѣгая отъ общества или глубоко зарываясь въ скорлупу своего эгоизма, человѣкъ все жъ таки всегда видитъ передъ собою судъ того общества, отъ котораго онъ бѣжалъ или скрылся, то человѣкъ, не прерывающій своихъ связей съ тою средою, въ которой онъ по рожденію или какой-либо случайности оказывается поставленнымъ, на каждомъ шагу долженъ считаться съ санкціею своего круга, постоянно испытывать его поощряющее или порицающее воздѣйствіе. Онъ, если бы и захотѣлъ, не можетъ свести своей практической морали къ аскетическому самодовлѣющему благочестію или самозамкнутой душевной чистотѣ,—вся его жизнь, «какъ городъ на горѣ», у всѣхъ передъ глазами, и такое или иное сужденіе о ней будетъ сопутствовать ей постоянно и останется даже тогда, когда она прервется.

И такъ, общественная санкція необходимо-соотносительна всякой дѣятельности; она, подобно выпуклой сторонѣ оптическаго стекла, неотдѣлима отъ вогнутой, и въ этой неотдѣлимости есть нѣчто неизбѣжное, роковое. Но если, общественный дѣятель не можетъ избѣжать этой соотносительности, то не надо еще упускать изъ виду, что онъ всегда почти и не имѣетъ мотивовъ для замѣны общественно-санкціонируемой морали аскетическою. «Es wächst der Mensch in seinen höh'ren Zwecken», а потому можетъ случиться и нерѣдко случается, что человѣкъ становится въ разрѣзъ съ санкціею общества, нынѣ его окружающаго, и взываетъ къ санкціи—будущаго или отдаетъ преимущество воззрѣніямъ меньшинства, но такъ или иначе онъ никогда не получаетъ права сказать: мнѣ нѣтъ дѣла до какого бы то ни было общества—настоящаго ли, будущаго, того или этого, мои принципы стоятъ внѣ всякой такой санкціи. Не можетъ онъ сказать такъ ужъ потому, что съ вопросомъ о санкціи тѣсно сплетается для каждаго дѣятеля жизненный нервъ всякой дѣятельности—ея цѣледостиженіе.

Борьба за оцѣнку того или иного поведенія сплошь и рядомъ сливается съ борьбою за успѣхъ того дѣла, торжество котораго представляетъ собою основной мотивъ дѣятельности. Одобреніе, поэтому, можетъ быть дорого человѣку, вполнѣ идейному и безусловно безкорыстному, и я думаю, что борьба за одобреніе можетъ, какъ видно изъ этого, и не предполагать тщеславной погони за нимъ, можетъ быть вполнѣ закономѣрна и справедлива. И хотя, съ внѣшней стороны, такое положеніе и представляетъ собою какъ бы нѣкоторое необороненное пространство, очень выгодное для нападенія, но человѣку жизни часто приходится придерживаться мудраго принципа: «fais ce que dois, advienne ce que pourra» и итти впередъ въ надеждѣ, что онъ или достигнетъ цѣли, или падетъ борцомъ за нее, завѣщающимъ продолженіе своего дѣла грядущему поколѣнію, или, что, наконецъ, враги «полаютъ и отстанутъ», что и въ самомъ дѣлѣ, хоть и рѣдко, но случается. При всемъ этомъ нельзя не признать, что тѣсная связь вопроса о качествѣ дѣятельности и вопроса о ея одобреніи преисполнена массы опасностей. Одна изъ этихъ опасностей представляется съ перваго взгляда крайне простою проблемою, спутываемою, однакоже, на практикѣ до такой степени, что ложное рѣшеніе представляется порокомъ обычнѣйшимъ, обыденнѣйшимъ, распространеннѣйшимъ до раз-

мѣровъ поразительныхъ. Что можетъ быть проще, казалось бы, какъ, преслѣдуя какую-либо цѣль, цѣнить прежде всего и выше всего тѣ средства, которыя съ нею сообразны, и довольствоваться затѣмъ тою долею успѣха, которая при такой постановкѣ вопроса можетъ выпасть на долю дѣятеля. Но что же мы видимъ сплошь и рядомъ на дѣлѣ? Санкція изъ сопутствующаго дѣятельности условія сама превращается въ цѣль, сама становится тою мѣтою, ради которой возгарается борьба,—и тогда горе тому дѣлу, изъ-за котораго она возникаетъ: оно или оказывается совсѣмъ потопленнымъ въ околичностяхъ или терпитъ большой ущербъ въ своей чистотѣ, въ своемъ достоинствѣ, въ своей истинной цѣнности. На сцену вступаетъ тщеславный, а тщеславный это тотъ, который никогда не можетъ въ полной мѣрѣ беззавѣтно отдаться увлеченію своею мыслью, своимъ дѣломъ; который постоянно чувствуетъ себя какъ бы на сценѣ, въ виду зрителей, и для котораго «казаться» всегда почти значитъ столько же, сколько «и быть», а иногда и больше. Таланты, дарованія, пригодность къ тому или иному дѣлу бываютъ у тщеславныхъ различны, а поэтому ихъ относительная стоимость не одинакова; но какъ бы высоко ни подымалась цѣна ея, всегда въ сознаніи тщеславнаго подымается и значеніе производимаго имъ впечатлѣнія, и онъ никогда не можетъ отрѣшиться отъ мысли, что на него смотрятъ, имъ восхищаются, ему удивляются, если не во всемъ свѣтѣ, то хоть въ его муравейникѣ. Тщеславному и во снѣ снится, что міръ сотворенъ для того, чтобъ быть сценою его славы; ему, какъ пѣтуху въ баснѣ, представляется, что самое солнце всходитъ лишь для того, чтобы слушать его дивныя пѣсни.

Окиньте взглядомъ разнообразныя проявленія тщеславія и вы увидите, что проявленія эти расходятся во всѣ стороны длинными и пестрыми рядами. Вотъ тутъ:

Ходитъ спѣсь надуваючись,
Съ боку на бокъ переваливаясь...

Тамъ, дальше видна муха на рогахъ вола; далѣе, надувающаяся и, къ сожалѣнію, не всегда лопающаяся лягушка; еще далѣе, дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, Добчинскій и Бобчинскій, маіоръ Ковалевъ, Грушницкій, грибоѣдовскій Максимъ Петровичъ, вагнеровскій Курилка и масса, масса другихъ, хорошо знакомыхъ всякому читателю личностей.

Богатая галлерея этихъ старыхъ знакомыхъ представляетъ собою, конечно, и богатую иллюстрацію къ психологіи тщеславія. Самая психологія тоже весьма богата и легко могла бы поглотить собою ту краткость, которую я намѣренъ удержать для моей замѣтки о двухъ книгахъ, помѣченныхъ въ заголовкѣ. Не вдаваясь, поэтому, въ разсужденія о тщеславіи Монтаня, Лабрюйэра, Шефтсбёри и др. моралистовъ, я остановлюсь только на мысляхъ Давида Юма, съ обычною ему ясностью и силою намѣтившаго главные пункты характеристики того порока, изслѣдованію котораго посвящены работы Зигварта и Гоппе.

Ознакомленіе съ литературою по психологіи тщеславія даже и въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ я могу теперь представить ее читателямъ, имѣетъ, по моему, извѣстное значеніе для всѣхъ и каждаго. Если тщеславные этою литературою и не будутъ исправлены, то все же взоры ихъ, столь упорно устремленные на созерцающихъ ихъ зрителей, будутъ хотя на минуту отклонены на нихъ самихъ и заставятъ ихъ хоть на малую толику времени тоже стать зрителями. Всякій-же, хоть и не тщеславный человѣкъ, увидитъ здѣсь поучительность и важность обращенія внутренняго ока на самого себя, оцѣнитъ значеніе самокритики и самообвиненія, въ чемъ очень часто оказывается у насъ большой недочетъ. Обратимся теперь къ самой психологіи тщеславія и начнемъ, какъ я замѣтилъ выше, съ замѣтокъ Юма объ этомъ вопросѣ.

Вопреки мнѣнію Аристотеля—говоритъ Юмъ—люди болѣе склонны къ крайности по отношенію къ преувеличенію своего значенія, нежели къ такой же крайности по отношенію къ преумаленію его. Благодаря этому обстоятельству, мы подозрительно смотримъ на крайность перваго рода и съ особенною благосклонностью относимся къ проявленію скромности и недостатку самонадѣянности, не опасаясь крайности въ этомъ послѣднемъ отношеніи. Такимъ образомъ, въ странахъ, гдѣ люди склонны къ проявленію большой физической силы, красота связывается съ значительно высшею степенью малосилья, нежели въ странахъ, гдѣ это послѣднее является обычнымъ недостаткомъ. Имѣя постоянно передъ глазами одинъ извѣстный родъ недостатковъ, люди думаютъ, что они всегда не далеки отъ него, и желаютъ, по крайней мѣрѣ, обладать хоть склонностью къ его противоположности. Точно также, если бы самовосхваленіе не знало для себя преградъ, и если бы могло быть испол-

няемо правило Монтаня объ открытомъ заявленіи всякаго, что онъ уменъ, ученъ, храбръ, красивъ и остроуменъ,—что, конечно, всякому случается о себѣ думать,—то я полагаю,—на насъ хлынулъ бы такой потокъ наглости, что жизнь въ обществѣ стала бы невыносимою. По этой причинѣ обычай и установилъ какъ правило, что люди не должны давать воли самохвальству и даже не должны много говорить о себѣ самихъ. И только между близкими людьми или среди людей истинно мужественныхъ и благородныхъ возможно самому себѣ воздавать должное. Никто не порицаетъ Морица Оранскаго за отвѣтъ тому, кто хотѣлъ узнать отъ него, кого онъ почитаетъ первымъ полководцемъ его времени,—«Маркиза Спинолу считаю я вторымъ». Хотя слѣдуетъ замѣтить, что подразумѣваемая тутъ похвала самому себѣ была бы высказана далеко не такъ удачно, если бы въ ней не заключалось никакой маскировки.

Слѣдуетъ считать весьма поверхностнымъ мыслителемъ того—говоритъ далѣе Юмъ—кто воображаетъ, что всѣ проявленія взаимной учтивости должны быть принимаемы въ строгомъ смыслѣ серьезно и что того человѣка надо признать почтеннѣе, который пребываетъ въ невѣдѣніи своихъ достоинствъ и талантовъ. Нѣкоторая наклонность къ скромности, даже и въ области внутренняго чувства, благосклонно оцѣнивается въ особенности у молодежи, а болѣе выраженная, такая наклонность во внѣшнихъ проявленіяхъ считается обязательною, но все это вовсе не исключаетъ благороднаго сознанія собственнаго достоинства и чувства гордости во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приходится подвергаться гоненію или быть жертвою клеветы. Такое поведеніе, когда оно достаточно обосновано, облечено въ удачныя внѣшнія формы и смѣло приведено наперекоръ гнету бѣдствій и тяжести нареканій, является большою доблестью и свидѣтельствуетъ о возвышенно-благородныхъ чувствахъ дѣйствующаго. Въ повседневныхъ характерахъ мы обыкновенно одобряемъ пошибъ скромности; что же касается чрезмѣрности указаннаго выше достоинства, а именно: наглости и высокомѣрія, то они столь же непріятны для окружающихъ, сколько обыденная скромность пріятна.

Желаніе славы, репутаціи или проявленія извѣстной твердости характера не только не заслуживаютъ порицанія, но предоставляются неотдѣлимыми отъ сознанія своего достоинства, геніальности и великодушнаго или благороднаго настроенія.

Точно также условія общественности требуютъ нѣкотораго вниманія даже къ мелочнымъ вещамъ, если только эти мелочи могутъ быть пріятны другимъ; такъ, никто не осудитъ, напримѣръ, если являясь въ общество, человѣкъ относится внимательнѣе къ своей внѣшности, нежели тогда, когда онъ проводитъ время дома, въ семьѣ. Въ чемъ же, въ такомъ случаѣ, заключается тщеславіе, справедливо разсматриваемое какъ погрѣшность и недостатокъ?—спрашиваетъ Юмъ. Оно заключается, главнымъ образомъ, въ такомъ неумѣренномъ выказываніи нашихъ преимуществъ, дарованій и всего вообще, что можетъ доставить намъ почетъ. Въ такомъ назойливомъ и открытомъ требованіи одобренія и почитанія есть всегда нѣчто обидное для окружающихъ насъ лицъ, нѣчто причиняющее ущербъ ихъ скрытому тщеславію и самолюбію. Кромѣ того, оно является вѣрнымъ признакомъ отсутствія истиннаго достоинства и благородства, всегда служащими украшеніемъ всякаго характера. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему нуженъ постоянный спросъ на похвалы, если вы ихъ не заслуживаете и не можете съ достаточнымъ основаніемъ ожидать всегда? Зачѣмъ такая забота объ освѣдомленіи насъ о всѣхъ тѣхъ почестяхъ, которыхъ вы удостоились, точно будто все это не на столько обычно, чтобы мы и сами могли представить себѣ не выслушавъ вашихъ о томъ разсказовъ? (D. Hume. An Enquiry concerning the principles of morals. Section VIII).

Переходя теперь къ сочиненіямъ, заглавія которыхъ отмѣчены выше, я начинаю съ Зигварта. Этотъ писатель весьма обстоятельно останавливается на той почвѣ, на которой произрастаетъ тщеславіе и которая еще сама по себѣ свободна отъ укоровъ, лежащихъ бременемъ на этомъ порокѣ. Для ясности предварительной оріентировки, Зигвартъ различаетъ, прежде всего, активное тщеславіе отъ пассивнаго. Это различіе указываетъ несомнѣнно на степень роста и силы порока; но, по общности своего характера, оно не даетъ еще картины проявленія волнующихъ личность чувствованій и стремленій, а только подготовляетъ его, представляетъ его первый абрисъ.

Пассивнымъ типомъ, по мнѣнію Зигварта, опредѣляется типъ активный: если мы представимъ себѣ тѣ черты характера, особенности поведенія и пріемы обращенія съ людьми, которые вообще нравятся и вызываютъ похвалу, то, тѣмъ самымъ, опредѣлимъ тѣ произвольныя и умышленныя дѣйствія, которыя

долженъ совершить человѣкъ для того, чтобы вызвать въ своей средѣ расположеніе къ себѣ и похвалы. Такъ какъ дѣло всегда идетъ о степени значенія оцѣниваемой личности, то Зигвартъ и опредѣляетъ область, захватываемую тщеславіемъ, областью чести въ широкомъ значеніи этого слова. Почести, чествованіе, почетъ или хоть слабая степень ихъ—простая извѣстность,— вотъ что само собою достается на долю истинно достойныхъ ихъ людей, чего тщеславіе хочетъ добиться помимо истинныхъ заслугъ и во что бы то ни стало. Для тщеславнаго всѣ, непризнающіе его высокихъ достоинствъ, всѣ, невосхищающіеся его талантами, представляются враждебными противниками. Но и самимъ противникамъ тщеславный долгомъ своимъ считаетъ импонировать; противникъ долженъ признать, что тщеславный правъ, долженъ получить высокое понятіе о его силѣ и превосходствѣ и, когда то возможно, и о его великодушіи.

Зигвартъ находитъ, что только обширная распространенность выражаемаго этою чертою настроенія препятствуетъ намъ видѣть всю его странность. Намъ, вообще говоря, представляется не требующимъ никакого объясненія то обстоятельство, что впечатлѣніе, производимое нами на другихъ, всегда становится не для нихъ, а для насъ самихъ источникомъ живѣйшаго наслажденія или же горькаго оскорбленія. А между тѣмъ, что намъ до того, какъ тѣ, другіе, смотрятъ на насъ? Какое намъ дѣло до такой или иной оцѣнки насъ въ мысляхъ этихъ тѣхъ, другихъ? Напрасно старались бы объяснить такое отношеніе людей къ вопросу о похвалѣ или порицаніи практическими соображеніями; слѣдуетъ ясно различать чувствованія, порождаемыя разсчетомъ, отъ тѣхъ, которыя возникаютъ вполнѣ независимо отъ всякихъ корыстныхъ видовъ и касаются мнѣній лицъ, не могущихъ ни быть намъ полезными, ни вредить намъ. Мы обыкновенно широко распространяемъ тотъ кругъ, о мнѣніи котораго заботимся, далеко за предѣлы окружающаго насъ общества и доходимъ нерѣдко до того, что подумываемъ даже и о ненародившихся еще поколѣніяхъ. И такъ, не какъ средство достиженія какой-нибудь намѣченной намъ цѣли, но сами по себѣ, имѣютъ цѣну для насъ мнѣнія и пересуды о насъ посторонннихъ лицъ. И не только мнѣнія и пересуды могутъ взбудораживать насъ; мы способны выходить изъ себя даже и по поводу одного предположенія о томъ, что тотъ или та имѣетъ о насъ въ своихъ мысляхъ, хотя бы мысли эти такъ и оставались мы-

слями, безъ малѣйшаго внѣшняго проявленія, или выказывались какимъ-нибудь незначительнѣйшимъ словомъ или жестомъ и, во всякомъ случаѣ, ни на волосъ не касались нашихъ матеріальныхъ интересовъ. Повидимому, намъ ни тепло, ни холодно, отъ этихъ воздушныхъ и неосязаемыхъ образовъ, витающихъ, по нашему предположенію, въ мысляхъ нашихъ ближнихъ, и однако же мы готовы забыть о себѣ и всецѣло предаться погонѣ за этими тѣнями, за этими нашими двойниками, готовы приносить имъ жертвы, точно какимъ-то демонамъ, обладающимъ силою осчастливить или обездолить насъ! Ужъ не послушать ли намъ по этому случаю поученій Фальстафа о томъ, что честь не можетъ залечивать ранъ или приставлять отнятыя ноги?

Какъ ни загадочно все это—говоритъ далѣе Зигвартъ—но фактъ таковъ: мы не довольствуемся тѣмъ знаніемъ, которое имѣемъ сами о себѣ, не удовлетворяемся уединеннымъ разсмотрѣніемъ нашего собственнаго образа, а питаемъ непреодолимое стремленіе стать предметомъ мысли другихъ лицъ, знать, что эти лица обращаютъ на насъ вниманіе. Мы какъ-будто получаемъ несокрушимое убѣжденіе въ существованіи нашемъ только тогда, когда существованіе это засвидѣтельствовано другими; мы точно опасаемся, что растворимся въ воздухѣ, если потеряемъ увѣренность, что насъ разсматриваютъ; мы точно боимся, что потеряемся, подобно единственной рукописи, если только не сохранится наша копія въ сознаніи другихъ. Мы идеалисты; на каждомъ шагу подтверждаемъ мы положеніе, что существовать, собственно говоря, значитъ быть мыслимымъ, быть представляемымъ.

Зигвартъ утверждаетъ, что потребность постоянно жить въ мысляхъ ближняго есть только выраженіе общественной природы человѣка и вмѣстѣ въ тѣмъ сильнѣйшій мотивъ, непрестанно поддерживающій общественность въ средѣ людей. Потребность эта и прочнѣе, и обширнѣе, нежели потребность взаимопомощи и взаимообороны, такъ какъ мысли наши подвижнѣе нашихъ рукъ. Пока общество держится потребностью физическаго самосохраненія, до тѣхъ поръ человѣкъ служитъ человѣку какъ средство для цѣли, какъ общеупотребительное орудіе или одомашненное животное. При такомъ условіи должно, конечно, отдаваться предпочтеніе наименѣе самостоятельной единицѣ, рабу, безусловно подчиненному своему господину. Но и господинъ надъ рабами только тогда считаетъ властолюбіе свое удовле-

твореннымъ, когда онъ видитъ выраженіе признанія рабами его превосходства надъ ними. Такимъ образомъ, онъ фактически становится въ извѣстную зависимость отъ самихъ рабовъ: человѣческая душа, въ которой отражается его образъ, дѣлается силою, отъ воздѣйствія которой нѣтъ возможности уклониться, и сознаніе этой силы неизбѣжно установляетъ извѣстную обоюдность отношеній, уравнивающую положенія и никогда не позволяющую никакому человѣческому обществу пасть до уровня стада барановъ.

Общественность человѣческой природы выражается, по мнѣнію Зигварта, и въ томъ чувствѣ удовольствія, которое испытываетъ всякій отъ самой безразличной и чисто-внѣшней формы сношенія—простого знакомства. Одно повтореніе имени какого-нибудь лица многими подымаетъ уже до извѣстной степени значеніе этого лица. Какой подъемъ духа испытываетъ гимназистъ, когда впервые видитъ имя свое пропечатаннымъ въ газетахъ въ числѣ принятыхъ въ университетъ; онъ живо представляетъ себѣ, что теперь тысячи подписчиковъ знаютъ уже о немъ, Карлѣ Миллерѣ, или Фрицѣ Шульцѣ; да едва ли и профессора затѣмъ только просматриваютъ объявленія о своихъ лекціяхъ, чтобы убѣдиться въ ихъ исправности и отсутствіи опечатокъ и совсѣмъ ужъ не испытываютъ тайнаго удовольствія отъ мысли, что нынѣ де о нихъ оповѣщается Urbi et Orbi. И далѣе, не претендуемъ ли всѣ мы на то, чтобы самая бѣглая и ничего не значащая встрѣча непремѣнно оставила о себѣ прочное воспоминаніе, такъ чтобы въ альбомѣ памяти всякаго, видѣвшаго насъ хоть мелькомъ, непремѣнно сохранялась наша фотографія? Не считаемъ ли мы себя оскорбленными, когда насъ забываютъ тѣ, которые знали насъ прежде? Изъ этихъ тонкихъ нитей сплетается обширная сѣть взаимныхъ соотношеній благодаря которой первоначальная отрозненность отдѣльныхъ лицъ обоюдно препобѣждается, и установляется чувство взаимной связи между членами общества.

Сколь не важною представляется однако человѣку мысль о томъ, что его знаютъ, еще важнѣе является для него та окраска, которую получаетъ его образъ у знающихъ его, благодаря ассоціируемыхъ съ этимъ образомъ чувствованій. Пренебреженіе этими чувствованіями предполагаетъ или отсутствіе чувства чести, или вліяніе меланхоліи или чрезмѣрное высокомѣріе. Чувствительность и чуткость къ похваламъ является, такимъ

образомъ, великою цивилизаціонною силою, значеніе которой нельзя не признать. Стоитъ только представить себѣ такое общественное состояніе, въ которомъ равнодушіе людей ко взаимной похвалѣ или порицанію было бы всеобщимъ, чтобы сейчасъ же возникла передъ нами картина самаго ужаснаго варварства. Не слѣдуетъ терять изъ виду, что и важныя правила поведенія пріобрѣтаютъ значительную часть своей дѣйственной силы благодаря лишь той части, которая связывается съ ихъ исполненіемъ, или тому стыду, который является неизбѣжнымъ для неисполняющихъ ихъ; по этой-то причинѣ, внѣшняя сторона поведенія, та именно сторона, которая подпадаетъ оцѣнкѣ общественнаго мнѣнія, вообще говоря, лучше, чѣмъ неоглашенные помыслы и вожделѣнія. Точно также и мелочи жизни, не подпадающія ни подъ заповѣди, ни подъ законы, и которыя мы все же таки разсматриваемъ, какъ важные элементы поведенія, опредѣляются все тѣмъ же основнымъ свойствомъ нашей природы.

Изъ этого основного свойства проистекаетъ, по мнѣнію Зигварта, стремленіе скрашивать свою внѣшность, проявляющуюся даже у дикарей. Такое стремленіе какъ бы предполагаетъ своего рода философскую подкладку—проведеніе въ жизнь идеи цѣлесообразности въ природѣ. Мы поведеніемъ своимъ хотимъ высказать убѣжденіе въ томъ, что природа одарила человѣка вполнѣ цѣлесообразною, совершенною и изящною внѣшностью, и что мы возлагаемъ на себя задачу, считая цѣль эту, вообще говоря, достигнутою, заботиться о воспоминаніи тѣхъ недочетовъ, которые могли произойти отъ случайныхъ вліяній. Поступая такъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, опровергаемъ пессимистическое міровоззрѣніе, усматривающее повсемѣстно отсутствіе разумности и цѣлемѣрности; мы насильственно возстановляемъ случайно утраченную красоту міровыхъ явленій и присущую имъ цѣлесообразность.

Обычаи наши показываютъ, правда, что указанныя выше стремленія къ выполненію пробѣловъ и недочетовъ природы падаютъ у насъ на долю лишь одной половины человѣчества, тогда какъ другая довольствуется однимъ лишь прикрытіемъ слишкомъ явныхъ недостатковъ. И въ самомъ дѣлѣ, если сравнить любовь къ нарядамъ у первобытныхъ людей съ тѣмъ, что мы видимъ вокругъ насъ, то окажется, что однѣ лишь запонки на сорочкахъ представляютъ собою исключеніе, являясь какою-то окаменѣлостью отдаленной старины, такъ какъ цвѣтныя

ленты и блестящія звѣзды не могутъ быть разсматриваемы какъ украшенія, а скорѣе имѣютъ значеніе видимыхъ знаковъ не видимыхъ достоинствъ. Существуетъ зато другая область, въ которой мы не перестаемъ конкурировать въ полной мѣрѣ съ прекраснымъ поломъ,—это область поступковъ, словъ, пріемовъ, представляющихся внѣшнимъ выраженіемъ нашего внутренняго состоянія. И надо признать, что всѣ свѣтскія наши отношенія построены далеко не на случайномъ значеніи тѣхъ внѣшнихъ знаковъ, которыми мы обнаруживаемъ наши мысли и чувства. Мы—актеры, и публика наша тоже состоитъ изъ актеровъ; всякій играетъ свою роль болѣе или менѣе удачно и играетъ ее такъ, чтобы изобразить себя такимъ, какимъ онъ долженъ бы быть, или, по крайней мѣрѣ, какимъ онъ желалъ бы представиться другимъ. Пытаться расточать умъ и остроуміе въ большей мѣрѣ, чѣмъ сколько ихъ имѣется въ наличности, есть, конечно, дѣло безнадежное, и тому, кто въ этомъ отношеніи желаетъ казаться хоть на вершокъ выше своего дѣйствительнаго роста, остается довольствоваться многозначительными улыбками и выразительными кивками: что же касается любезности и проявленія благородныхъ свойствъ души, то это дѣло обрабатывается посредствомъ драматическаго искусства гораздо легче: скрывать свое недовольство, гнѣвъ, злобу, напрягать всѣ силы самообладанія, для избѣжанія какой-нибудь сцены, оказывать участіе, благодарность за всякое вниманіе, великодушіе къ врагамъ, скромность въ сужденіяхъ о другихъ,—привыкаетъ легко и скоро всякій. Близорука была бы, однако же, та мораль, которая осудила бы всю эту комедію, какъ недостойное лицемѣріе и обманъ, и, такимъ образомъ, отвергла бы изъ общественнаго обихода всѣ тѣ пріемы вѣжливости и обходительности, которые не могутъ почитаться естественными, правдивыми и неподдѣльными выразителями нашего дѣйствительнаго настроенія и чувства. Ошибочно было бы также искать для этой комедіи извиненія въ томъ, что она никого не обманываетъ, и что никто никогда не принимаетъ вѣжливостей нашихъ за наличную монету; гораздо правильнѣе искать во всѣхъ этихъ внѣшнихъ оказательствахъ и всемъ этомъ лицедѣйствѣ, вопреки сопряженнымъ съ ними опасностямъ, то глубокое значеніе, которое придается ими нравственно-человѣческому идеалу и то почитаніе, которое при ихъ посредствѣ идеалу этому воздается. Поступки наши ни въ какомъ случаѣ не должны служить выраженіемъ

порыва нашихъ страстей, а непремѣнно гармонировать тому высшему самосознанію, которое должно быть въ насъ всегда живо и дѣятельно; внѣшнее проявленіе характера, запечатлѣннаго достоинствомъ и добрыми чувствами, воздѣйствуетъ и на внутренній источникъ этихъ чувствъ и неизбѣжно подымаетъ человѣка, и слова Миньоны: «So lasst mich scheinen, bis ich werde», очень мѣтко выражаютъ истинный смыслъ нашего стремленія достигнуть признанія нашего достоинства.

Представивъ въ общихъ чертахъ ту почву, на которой возникаетъ и развивается тщеславіе, Зигвартъ утверждаетъ, что всѣ приведенныя имъ характеристическія черты обще-человѣческихъ отношеній никакъ не могутъ подойти подъ то понятіе, которое слѣдуетъ соединить съ изслѣдуемою имъ слабостью. Только нѣкоторыя, особыя развѣтвленія, идущія отъ этого общаго ствола, можно признать проявленіями тщеславія, не теряя при этомъ изъ виду, что степени его интенсивности и направленія, по которымъ идетъ его разростаніе, бываютъ весьма различны.

Мы, говоритъ Зигвартъ, называемъ тщеславнымъ только такого человѣка, у котораго особенно развита чуткость по отношенію къ его признанію или непризнанію и у котораго, поэтому, чрезмѣрно сильны и тѣ чувствованія, которыя проистекаютъ изъ такого его настроенія; мы отличаемъ, однако же, тщеславнаго отъ честолюбиваго, обладающаго также чрезвычайною этого же рода чуткостью, на томъ основаніи, что честолюбивый, исходя отъ заслуженнаго и прочнаго одобренія дѣйствительныхъ заслугъ своихъ, никогда не остается удовлетвореннымъ ими, и постоянно напрягаетъ свои силы для полученія все высшихъ и высшихъ почестей, тогда какъ тщеславный мѣтитъ на признаніе того значенія, которое онъ уже имѣетъ, и радуется всякаго рода похваламъ, даже и самому мимолетнѣйшему проявленію произведеннаго имъ впечатлѣнія.

Общую эту характеристику Зигвартъ дополняетъ тѣмъ соображеніемъ, что живое возбужденіе можетъ вызвать въ насъ ни въ какомъ случаѣ не то, что само собою для насъ разумѣется какъ неизбѣжное или къ чему мы успѣли привыкнуть. По отношенію къ удовольствію, причиняемому признаніемъ, дѣло стоитъ совершенно такъ же, какъ и по отношенію къ здоровью: въ обыкновенное время мы не испытываемъ особеннаго счастья, если утромъ можемъ встать и не жаловаться ни на какую боль.

Тщеславнымъ можетъ сдѣлаться только тотъ, кто не имѣетъ увѣренности въ своемъ признаніи и въ глубинѣ души страшится неудачи, кто съ трепетомъ ожидаетъ суда другихъ надъ собою. Афродиту мы не можемъ заподозрить въ тщеславіи; она твердо увѣрена въ своей красотѣ, и очарованіе, ею производимое, нисколько не представляется ей изумительнымъ. Смертные же, не возникающія въ полной красѣ изъ волнъ морскихъ, но постепенно до нея, начиная со школьной скамьи, дорастающія, обыкновенно переживаютъ эпоху такого изумленія; они начинаютъ понемножку замѣчать, что къ нимъ приглядываются, что они нравятся, и они возвышаются тогда въ своихъ собственныхъ глазахъ и начинаютъ жадно подмѣчать всякій знакъ одобренія,— прислушиваться къ каждому слову, свидѣтельствующему о томъ, что ихъ признаютъ. И вотъ, изъ пассивнаго тщеславія прорастаетъ, само собою, мало-по-малу тщеславіе активное, ищущее всякаго случая предстать предъ глаза судьи и нажить новыя похвалы. На уровнѣ такого тщеславія можетъ долго оставаться только тотъ, кто постоянно себѣ не довѣряетъ, постоянно ставитъ себя въ зависимость отъ сужденія другихъ и чувствуетъ себя обязаннымъ благодарить за всякую похвалу, такъ какъ не считаетъ себя имѣющимъ на нее права. Эта черта отличаетъ тщеславнаго отъ высокомѣрнаго, всегда въ себѣ увѣреннаго и не тревожащаго себя постоянною заботою о томъ, что говорятъ о немъ люди. Шаткость положенія, въ которомъ находится тщеславный, заставляетъ его безпрестанно слѣдить за выраженіемъ впечатлѣнія, которое онъ производитъ, такъ какъ основательное сужденіе о всемъ человѣкѣ не приходится слышать столь часто, какъ то бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о бѣглой похвалѣ отдѣльныхъ поступковъ, объ удачной рѣчи, напримѣръ, или популярной лекціи.

Очерченная въ послѣднихъ строкахъ форма тщеславія считается Зигвартомъ самою распространенною; она не отдѣлима рѣзкою чертою отъ обыкновенной чуткости къ постороннимъ мнѣніямъ и не способна раздражать насъ; она покорно признаетъ превосходство нашего сужденія, открыто и явно добиваясь нашего одобренія; она дѣлаетъ людей общительными, ласковыми и услужливыми—это форма любезничающаго тщеславія. Мы навѣрно ощутили бы недостатокъ въ чемъ-то, если бы этотъ родъ тщеславія вдругъ исчезъ бы со свѣта.

Но на той же вѣтви есть и иные листья. Потребность со-

знавать себя признаннымъ очень жива; аппетитъ не утоляется высказываемыми и отчетливо слышимыми похвалами; досада тщеславнаго возбуждается тѣмъ обстоятельствомъ, что существуютъ люди, которые не хотятъ оцѣнить его по достоинству. Какъ быть? Тщеславные восполняютъ недостаточность питательнаго матеріала тѣмъ, что мѣняются мѣстомъ съ зрителемъ и апеллируютъ къ своему собственному, само собою разумѣется, безпристрастному сужденію. Она становится передъ зеркаломъ и рѣшаетъ, что въ самомъ дѣлѣ она хороша и одѣта со вкусомъ, такъ что должна нравиться всякому, у кого есть глаза; онъ прочитываетъ мѣста изъ своихъ сочиненій,—мѣста мѣткія, умныя, хватающія за сердце, классическія! И вотъ, высшая апелляціонная инстанція упраздняетъ прежнее рѣшеніе и упреждаетъ несомнѣнное будущее. Такъ поступаетъ то тщеславіе, которое можно назвать самодовольнымъ, не потому, чтобы оно ограничивалось своею собственною похвалою, а по той же причинѣ, что оно считаетъ то, чѣмъ оно довольно, неизбѣжно пріятнымъ всѣмъ и каждому.

Одно изъ видоизмѣненій самодовольнаго тщеславія есть тщеславіе дурацкое, хватающееся за всякія средства, которыми оно разсчитываетъ заслужить похвалу. Пускать въ печать плохонькіе стишки; по поводу какого-нибудь пустяка подымать такой вопль, какъ-будто дѣло идетъ о серьезномъ бѣдствіи; пытаться возблистать новымъ блескомъ, при помощи юношескаго наряда, выставляющаго еще съ большею очевидностью тщету этой попытки; искать въ ничтожныхъ искусствахъ превосходства, котораго можно было достигнуть въ дѣлахъ серьезныхъ,—вотъ тѣ черты, которыми отличается смѣшное тщеславіе, преисполняющее глупыхъ людей.

Разсмотрѣвъ дружелюбныя формы тщеславія, Зигвартъ переходитъ къ разсмотрѣнію формъ враждебнаго характера, порождаемыхъ эгоистическою борьбою за существованіе. Безобидное тщеславіе,—говоритъ, онъ,—довольствуется выпадающею ему на долю частью похвалъ, тщеславіе же завистливое хочетъ, чтобы его часть была наибольшею; оно живетъ только сравнительною и превосходною степенью, оно не желаетъ блистать подобно звѣздамъ, тысячи которыхъ восхищаютъ глазъ, но непремѣнно какъ солнце, передъ которымъ меркнутъ всѣ другія свѣтила. Зеркало не должно ограничиваться словами: ты красавица, но, подобно зеркалу сказочной царицы, твердить: ты первая краса-

вица во всемъ свѣтѣ... Въ концѣ-концовъ, тщеславный самъ опредѣляетъ то мѣсто и положеніе, которыя ему приходится занимать наперекоръ всѣмъ соперникамъ и считать принадлежащимъ себѣ по заслугамъ.

Результатомъ усилій, расточаемыхъ въ этомъ направленіи, является стремленіе поднять, насколько только хватитъ силъ, производимое тщеславною личностью впечатлѣніе, добиться, чтобы всѣ поняли ея превосходство; простѣйшимъ средствомъ является тутъ разговоръ о себѣ самомъ, похвалы самому себѣ, разсказы о своихъ геройскихъ подвигахъ или еще лучше о похвалахъ, сыпавшихся извнѣ, отъ другихъ; въ напряженіи усилій поднять свое значеніе, проявлять торжественность даже въ мелочахъ, стараясь производить впечатлѣніе многозначительности и не терять случая низводить всякое дѣйствіе ближняго, о которомъ будутъ отзываться съ похвалой, до надлежащихъ размѣровъ посредствомъ противопоставленія своихъ собственныхъ тріумфовъ.

Это болтливое тщеславіе, особенно омерзительное въ тѣхъ случаяхъ, когда оно пытается импонировать пошлою похвальбою богатствомъ, претерпѣваетъ большею частью рѣшительный провалъ и всегда возбуждаетъ жажду противорѣчія. Тотъ, кто приступаетъ къ дѣлу нѣсколько тоньше, старается взять свое при помощи пріемовъ жалостливости, опроверженіе которыхъ способствуетъ замысламъ самого печалующагося. Тщеславный этого сорта напускаетъ на себя скромность, принижаетъ себя передъ другими, меланхолическимъ голоскомъ заявляетъ, что ничто не удается. Если же попался бы человѣкъ достаточно наивный, который сталъ бы подпѣвать такимъ пѣснямъ, сталъ бы участливо одобрять и призывать къ самоотреченію,—бѣшеные взгляды вскорѣ образумили бы такого человѣка и показали ему истинное значеніе элегической слащавости.

Заговоривъ о притворной скромности тщеславныхъ, Зигвартъ снова приходитъ въ соприкосновеніе съ тѣми общественными обманными оказательствами, о которыхъ было говорено ранѣе и которыя теперь являются лишенными прежняго ихъ значенія и представляются не болѣе, какъ карикатурою своего нормальнаго вида. Мы предполагаемъ, что всякому особенно пріятно узнать о томъ хорошемъ впечатлѣніи, которое онъ на насъ производитъ, становится для него какъ бы зеркаломъ, въ которомъ онъ можетъ восхищаться своимъ изукрашеннымъ

отраженіемъ; мало того, мы не довольствуемся преподнесеніемъ ему того лживаго изображенія, которое было создано самимъ оригиналомъ, а стараемся прибавить къ нему еще и другія прикрасы своего собственнаго изобрѣтенія въ разсчетѣ, что то зеркало ему больше придется по вкусу, которое будетъ болѣе льстиво представлять его. И если мы къ тому же высказываемъ чрезмѣрныя похвалы наши передъ посторонними или же публично, то восхваляемый нами съ удовольствіемъ можетъ видѣть, какъ его обольстительный образъ становится предметомъ созерцанія и восхищенія множества людей. Этотъ фортель двойного отраженія окружаетъ восхваляемаго цѣлою массою изукрашенныхъ его отраженій, и онъ начинаетъ испытывать то головокруженіе, которое испытывается въ зеркальной залѣ. Тамъ, гдѣ такой способъ оказыванія любезности былъ бы общепринятымъ, тамъ неизбѣжно исчезла бы всякая правда изъ человѣческихъ взаимныхъ отношеній и установилось бы новое правило— льстить всегда свыше мѣры, такъ какъ хоть нѣчто, въ силу крайней воспріимчивости людей къ лести, всегда сойдетъ за истину. И хотя всякому разсудительному человѣку обязательно различать дѣйствительность отъ мнимыхъ образовъ и призраковъ и питать отвращеніе къ лести, но многое множество людей чуждо этой разсудительности и, легко поддаваясь обаянію этихъ подпѣваній, до того привыкаетъ ко вдыханію обильно расточаемаго ѳиміама, что начинаетъ чувствовать въ немъ ежедневную потребность. Въ концѣ-концовъ, пропадаетъ способность различенія лицъ, изъ устъ которыхъ изливаются хвалы, и появляются галлюцинаціи: аплодисменты райка принимаются за выраженія восторга всей собравшейся въ театрѣ публики.

Ничего нѣтъ удивительнаго послѣ этого, если трезво-мыслящіе люди считаютъ долгомъ быть настороже и избѣгать всякаго признака тщеславія, и дѣйствительно есть люди, которымъ удается быть свободными отъ этого зла. Но уже Сократъ замѣтилъ Антисѳену, что тщеславіе сквозитъ чрезъ дыры его плаща; и въ самомъ дѣлѣ, съ исчезновеніемъ внѣшняго вида тщеславія, можетъ еще не исчезнуть самое тщеславіе, и многіе не желаютъ казаться тщеславными опять-таки изъ тщеславія. Болѣзнь вошла во внутрь и стала оттого только упорнѣе.

Второе изъ отмѣченныхъ мною въ заголовкѣ сочиненій— «Тщеславіе и его виды» проф. І. Гоппе—могло бы прибавить очень мало существеннаго къ мѣткой и талантливой характе-

ристикѣ Зигварта. Попытка Гоппе выяснить соотношеніе звуковъ слова «Eitelkeit» съ существенными свойствами изучаемаго предмета является, по моему мнѣнію, крайне искусственною и ничего не выясняющею. Его критика взглядовъ Зигварта частью мелочна и придирчива, частью относится къ выпущеннымъ мною положеніямъ, не играющимъ въ общемъ строѣ изложенія рѣшающей роли, а потому я о критикѣ этой считаю излишнимъ распространяться. Изложеніе самого Гоппе переполнено такими дѣленіями, раздѣленіями и подраздѣленіями, которыя скорѣе запутываютъ вопросъ, чѣмъ помогаютъ его разрѣшенію. Такія рубрики, какъ «thörichte, dumme, närrische, geckenhafte Eitelkeit», повидимому, сбиваютъ съ толку самого изслѣдователя. Я полагаю, что мелочи, которыми такъ щедро уснащена книжечка Гоппе, могутъ скорѣе служить для характеристики извѣстнаго слоя нѣмецкаго общества, нежели для психологическаго этюда о тщеславіи. Такъ, напримѣръ, особыя подраздѣленія о тщеславіи мужчинъ своими бородами и о тщеславіи женъ бородами мужей легко можетъ быть отнесено подъ соотвѣтствующую имъ рубрику въ очеркѣ Зигварта, не прибавляя къ ней ничего важнаго или даже достойнаго вниманія. Примѣры Зигварта достаточно намѣчаютъ разнообразіе объектовъ тщеславія, и всякій читатель легко пойметъ, что объекты эти безконечно разнообразны, какъ безконечно разнообразны формы жизни, нравы, обычаи, привычки, суевѣрія и предразсудки разныхъ народовъ и разныхъ общественныхъ слоевъ одного и того же народа или даже одной и той же общественной группы въ разныя эпохи. Независимо отъ этихъ подробностей и мелочей, характеристики Гоппе легко могутъ быть сближены съ характеристиками Зигварта и ознакомившемуся съ сочиненіемъ послѣдняго нѣтъ никакой надобности обращаться къ первому.

Отдавая полную справедливость удачному изображенію Зигвартомъ столь распространеннаго порока, какъ тщеславіе, я признаю, что онъ подмѣтилъ въ немъ и смѣшныя, и отвратительныя его стороны очень вѣрно. Далѣе, я весьма цѣню то, что онъ отдѣлилъ проявленіе самого порока отъ той почвы, на которой порокъ произрастаетъ. При всемъ томъ, я считаю, однако же, что полнотою изображенія это изслѣдованіе не можетъ похвалиться, такъ какъ такой порокъ, какъ тщеславіе, никогда не можетъ получить достодолжнаго освѣщенія, пока

авторы, его изслѣдующіе, не укажутъ на тѣ бросающіяся въ глаза психопатическія аналогіи, которыя въ настоящемъ случаѣ особенно ярки. Извѣстно, что апогея своего тщеславіе достигаетъ у душевнобольныхъ. Я не говорю о бредѣ величія, выдѣляющагося въ особую форму, но только о тщеславіи больныхъ истеріею, представляющихъ поразительные примѣры самыхъ разнообразныхъ проявленій этого порока въ самомъ тѣсномъ его значеніи. Легранъ Дюсоль, изучивъ истеричныхъ въ большомъ спеціальномъ сочиненіи (Les hystériques. Paris, 1891) приводитъ поразительные примѣры такихъ поступковъ, о которыхъ и мы всѣ сплошь и рядомъ узнаемъ изъ газетъ и изъ непосредственнаго наблюденія, и о психопатической основѣ которыхъ очень часто вовсе не догадываемся. И если не всякій одержимый тщеславіемъ, заболѣвъ психически, проявитъ непремѣнно тщеславіе же или установится на идеѣ собственнаго величія, то очень многіе тщеславные и теперь уже больны и представляются неисправимыми только потому, что не лечатся, а и въ поблажкахъ, и въ противодѣйствіяхъ окружающихъ ихъ людей одинаково находятъ обильный матеріалъ для укрѣпленія своего тщеславія.

1892.

«Русск. Бог.».

РЕЦЕНЗІИ.

О. Е. Левинъ. Единство физическихъ силъ съ точки зрѣнія гипотезы непрерывнаго творчества эф(ѳ)ирныхъ частицъ на границахъ пространства: Спб. 1877.

«Auch ich war in Arkadien geboren», сказалъ какъ-то разъ г. Левинъ и немедленно принялся сочинять «новое міросозерцаніе», «новую философію». Работа эта была ему тѣмъ особенно легка, что основной пріемъ ея былъ изобрѣтенъ не имъ самимъ, а перешелъ къ нему по преданію, взятъ какъ нѣчто готовое. Прислушайтесь къ тому, что говорятъ кругомъ и скажите, нова ли мысль, что философіи не зачѣмъ учиться, что философствовать можно, не учась? Ариѳметикѣ, говорятъ, надо учиться медицинѣ надо учиться, кройкѣ и шитью надо учиться, печь пироги надо учиться, и чему только не надо учиться? Одну философію можно обрабатывать, не зная, что́ она такое, откуда она взялась, какія судьбы переживала, до чего дожила, въ какихъ отношеніяхъ стояла къ остальному знанію и въ какихъ стоитъ теперь? Все это лишнее. Истый философъ исходитъ прямо отъ своего разума: онъ сперва размышляетъ, затѣмъ беретъ перо и записываетъ свои размышленія, и вотъ, незамѣтно для самого себя, легко и скоро «обосновывается» какая-нибудь эдакая доктрина или возникаетъ «новое міросозерцаніе». Не одинъ г. Левинъ, но и многіе доморощенные наши философы пребываютъ въ убѣжденіи, что размышлять и значитъ уже философствовать. Одинъ, размышляя только надъ заглавіемъ «Die Welt als Wille und Vorstellung», возстановляетъ всю философію Шопенгауэра и роковымъ образомъ приходитъ къ заключенію, что въ этой, т.-е. имъ же импровизированной философіи, нѣтъ ни системы, ни направленія, ни связи и послѣдовательности, нѣтъ ни одной глубокой философской мысли; другой, размышляя

надъ успѣшнымъ ходомъ продажи сочиненій Гартмана, проникается идеей величія философіи безсознательнаго и приходитъ къ убѣжденію, что философія эта преодолѣла всѣ другія философіи и нынѣ единодержавно господствуетъ надъ умами во всей Европѣ; третій, начавъ размышлять безъ всякаго повода, открываетъ, что бѣдность наговорена на бѣдныхъ злонамѣренными людьми, а на самомъ дѣлѣ бѣдность эта есть только скрытое богатство... Какія только размышленія не выдавались за философію и сколько разъ уже наши «алчущіе» получали камень вмѣсто хлѣба, змѣю вмѣсто рыбы! Благодаря г. Левину, намъ еще разъ доводится присутствовать при этомъ печальномъ зрѣлищѣ. «На всякое хотѣніе есть терпѣніе», говоритъ старая пословица, такъ и на хотѣніе все узнать, все понять вдругъ, не учась, не трудясь, и на него также должно быть великое терпѣніе. Если хотѣніе, упреждая затрату силъ, упреждая фатальную послѣдовательность восхожденія по лѣстницѣ знанія, не разъ и обольщало человѣка мнимымъ открытіемъ всѣхъ тайнъ бытія, достиженіемъ вершины всякой премудрости, то вѣдь человѣчество пережило уже не мало разочарованій, которыя должны бы были его умудрить, пережило, наконецъ, и тотъ великій кризисъ, когда доказано было, что мышленіе не есть знаніе и что безъ знанія нѣтъ философіи. Обыденное мышленіе можетъ по-прежнему, ничему не научась и ничего не забывъ, олицетворять отвлеченія, смѣшивать міръ мысли съ міромъ объектовъ, не различать степеней обобщеній въ работѣ ума, принимать аналогіи за доказательства, считать повседневное извѣстнымъ, только ради его обычности, произвольно распространять *это* извѣстное и за предѣлы области повседневнаго и обычнаго, словомъ, дѣлать ошибку вслѣдъ за ошибкой, не сознавая ихъ, не подозрѣвая самой ихъ возможности. Все это практикуется вокругъ насъ въ обыденной жизни Молчалиныхъ, Утробиныхъ и какъ тамъ они еще называются; но развѣ мы принимаемъ размышленія этихъ господъ за философію? Совсѣмъ иное дѣло—когда продукты обыденнаго мышленія передаются намъ не на языкѣ Молчалиныхъ и Утробиныхъ, но облекаются въ павлинья перья науки, разукрашаются мудреными терминами и хитросплетаются въ нѣчто необычное и вычурное. Тутъ мы опускаемъ оружіе, отдаемся съ руками и ногами и думаемъ себѣ: «вонъ она гдѣ философія-то!» И съ какимъ легкимъ сердцемъ создается эта философія! Какъ-то смутно, точно сквозь сонъ, слышалось ея

автору, что исторія философіи представляетъ картину длиннаго ряда замѣщеній однихъ воззрѣній другими, слышалось, что какъ во всѣ времена, такъ и въ наше, въ нѣдрахъ самой философіи идутъ споры и пререканія, и представилось все это безсмысленной толчеей, сумятицей, сутолокой, въ которой самъ чортъ не разберетъ, кто кого деретъ... въ результатѣ открылось одно великое поученіе, одна необоримая истина: право безшабашнаго разглагольствія о чемъ попало и какъ попало, ибо абсурдъ сегодняшняго дня можетъ стать для завтрашняго святою истиною (Левинъ стр. 35 и 36). Не имѣя никакого понятія о противоположности обыденнаго мышленія критическому, не имѣя идеи о кризисѣ, обусловленномъ этою противоположностью, не зная эпохи этого кризиса и отношенія между нею и временемъ, ей предшествовавшимъ и за ней слѣдовавшимъ, обыденномыслящій псевдо-философъ сваливаетъ въ одну кучу обрывки знанія, понадерганные имъ изъ учебниковъ, сентенцій и изреченій, встрѣченныхъ имъ въ жизни Ляпкиныхъ-Тяпкиныхъ, плоды своихъ собственныхъ досужихъ размышленій, сооружаетъ книжицу и мнитъ, что попалъ въ рядъ философовъ. И въ чемъ же, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ онъ, различіе *моей системы* отъ системы какого-нибудь Аристотеля, Спинозы, Канта? Какъ у нихъ обо всемъ и, не вразумительно, точно такъ-же и у меня: обо всемъ и не вразумительно. Если мой трудъ назовутъ окрошкой, то такъ же должны будутъ назвать и труды всѣхъ пресловутыхъ мудрецовъ! Чего робѣть! И вотъ начинаетъ тянуться канитель «новой философіи», ѣдутъ андроны «новаго міросозерцанія»: «небытіе», какъ существо (стр. 30), внутреннее существо сущностей, кои суть: пространство, время, матерія и движеніе (15), сущность явленій (16), сущность космическихъ основъ (17), тождество «существа» и «дифференціала» (19), физическія представленія (27 и 50), мыслимая причина a priori (59), всемірное тяготѣніе, какъ миф(ѳ)ическая, несуществующая метафизика (73), сфинксъ, котораго необходимо разгадать (69), догматизмы и миѳическія силы, будто бы предполагаемыя въ природѣ современною наукою (196). Стоитъ-ли продолжать? Да, стоитъ потому что «новыя міросозерцанія», подобныя тому, съ которымъ является передъ нами г. Левинъ, были уже принимаемы съ восторгомъ и ликованіемъ, были привѣтствуемы, какъ первые плоды зрѣлости нашей мысли, какъ первыя *русскія* философскія системы. Въ самомъ дѣлѣ, однако же, пока народится та истинно-

русская философія, которая будетъ результатомъ *сознанія* нашего убожества и ничтожества, философія, благовѣствованіе о которой уже свершилось, до тѣхъ поръ появленіе печатной белиберды, выдаваемой за философію, и привѣтствія, ею встрѣчаемыя, несомнѣнно свидѣтельствуютъ объ отсутствіи самомалѣйшаго даже зачатка сознанія нашего ничтожества и убожества. «Новыя міросозерцанія» являются колыбельными пѣснями нашей дремы, и мы легко поддаемся ихъ сладко-убаюкивающему вліянію. Какъ же можно намъ проходить молчаніемъ эти новыя міросозерцанія и какъ намъ не знать того, что̀ въ жизни нашей имѣетъ еще несомнѣннѣйшее значеніе? Въ чемъ-же заключается міросозерцаніе г. Левина, буде оно существуетъ и можетъ быть выдѣлено изъ хаоса его размышленій? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, ознакомимся съ гипотезой, которая, какъ думаетъ авторъ, служитъ будто бы основаніемъ его міросозерцанія.

Матеріальный міръ, по мнѣнію автора, не безграниченъ и представляетъ сферу, окруженную «небытіемъ». Это небытіе, которое авторъ называетъ «существомъ», есть самое странное изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ существъ, странное уже всего прежде потому, что оно не существуетъ. Съ перваго взгляда, говоритъ авторъ, область «небытія» *ничьмъ* никого не можетъ интересовать. Это было бы справедливымъ для всякой другой философской или религіозной системы, продолжаетъ онъ, но не для настоящей. Въ предлагаемой системѣ именно это небытіе, это ничто, эта нирвана, *считается* «самымъ замѣчательнымъ, если можно такъ выразиться, существомъ, обладающимъ наидрагоцѣннѣйшими, съ научной и философской точки зрѣнія, качествами и потому заслуживающимъ самаго напщательнѣйшаго изслѣдованія» стр. (30). Посмотримъ же, какъ ухитрился авторъ изслѣдовать не *понятіе о небытіи*, а самое небытіе, какъ объектъ? Само собою разумѣется, что изслѣдованія никакого нѣтъ, а вмѣсто него выставлены догматически четыре положенія, обличающія четыре момента авторскаго бреда: «Небытіе», говоритъ авторъ, очевидно, не есть ни матерія, ни пространство, ни время, ни движеніе, потому что въ небытіи окончательно ничего не заключается: вѣдь—небытіе само ничто. Слѣдовательно: 1) «Небытіе» не нуждается, чтобъ его сотворили, потому что и творить-то «нечего», стало быть: 2) «Небытіе» абсолютно ни отъ кого и ни отъ чего не зависитъ, т. е. небытіе не можетъ

быть въ зависимости отъ какого бы то ни было бытія, потому что и зависѣть-то «нечему». Наконецъ, при изслѣдованіи нами сущности *предѣльнаго атома или дифференціала* оказалось, что: 3) Небытіе есть абсолютный «конецъ» всякаго вещества, всякаго бытія: что матерія, измельченная до безконечности, до ея предѣла, дифференціальнаго состоянія, даетъ, въ концѣ-концовъ, «чистое небытіе». Но *не трудно видѣть* (!), что вмѣстѣ съ тѣмъ: 4) Небытіе есть *абсолютное «начало»* всякаго бытія, потому что всякое вещество, всякое тѣло, всякое «бытіе», при своемъ зарожденіи, *какъ таковое* (?), въ формѣ предѣльнаго атома или дифференціала, по необходимости, роковымъ образомъ, «должно начаться» съ небытія, съ нуля» (стр. 31). И все это «не трудно видѣть»... Это «не трудно» обличаетъ такое блаженное, безмятежное состояніе духа, представить которое намъ не только трудно, но едва ли и возможно. Теперь мы можемъ отвѣтить на вопросъ, поставленный выше, и рѣшительно утверждать, что міросозерцаніе автора пребываетъ еще въ области «небытія». И какое, въ самомъ дѣлѣ, можетъ выработаться міросозерцаніе въ головѣ, которая ничего не различаетъ, для которой что ни мысль, то истина, что ни попъ, то батька. Ужъ сколько разъ твердили міру, что міросозерцаніе можетъ созидаться только изъ отвлеченій, но все не впрокъ, и всегда сыщется такой или сякой Левинъ, который станетъ выдавать рядъ описаній, аггрегатъ представленій за философію. И что особенно скучно: представленія, такъ обильно расточаемыя, идутъ не отъ міра дѣйствительнаго, а исходятъ прямо «отъ разума» самого автора. Таково и «міросозерцаніе» г. Левина: наивнѣйшая фантасмагорія на темы космогеніи и космологіи, утомительно-пошлыя размазыванія, долженствующія изобразить происхожденіе атомовъ изъ «небытія» и дальнѣйшую судьбу этихъ глупыхъ атомовъ. За то ужъ какъ обстоятельны эти описанія, такъ обстоятельны, что представители россійскаго любомудрія навѣрно придутъ къ убѣжденію, что г. Левинъ видѣлъ и осязалъ то, о чемъ повѣствуетъ. Сіе и да будетъ наградой ему за аккуратность. Сладко вѣруется автору, что его сочиненіе произведетъ переворотъ въ современномъ міросозерціи и подорветъ хищничество, будто бы порожденное и поддерживаемое наукою, которая «просачивается сквозь академіи, школы, литературу и жизнь въ сокровенную глубь общественнаго сознанія» (стр. 5). Не безъ театральнаго эффекта обращается онъ къ приверженцамъ современной науки и призы-

ваетъ ихъ стать подъ новое, его, г. Левина, знамя, знамя, на которомъ красуется новый девизъ, великая всеобновляющая истина: «матерія творится, но не исчезаетъ». «Этотъ новый девизъ,—говоритъ онъ,—означаетъ, что въ мірѣ нѣтъ слѣпыхъ и мертвыхъ силъ, а есть одно только вѣчно-живое, вѣчно-непрерывное и вѣчно-прогрессивное, творческое движеніе ко всеобщему благу и вѣчной жизни» (стр. 197 и 198). Усердіе автора, какъ видно изъ этого, безмѣрно, и если бы оно не напоминало усердія крыловской обезьяны, въ подражаніе пахарю таскающей по полю до истощенія силъ тяжелое бревно, тогда бы, конечно, при охотѣ смертной, участь труженика была бы не горькая. Если бы авторъ не мнилъ себя реформаторомъ философіи, онъ могъ бы еще избѣжать этой горькой участи хоть въ будущемъ, начавъ учиться, учиться, учиться... Тогда, быть можетъ, онъ могъ бы дойти до того, что ему удалось бы что-нибудь и выдумать: если не порохъ, то... что тамъ придется. Если же и ученіемъ онъ помочь себѣ не можетъ, то, по всей вѣроятности, ему предстоитъ закончить обѣщанную 2-ю часть его сочиненія опытомъ изученія шишки, помѣщавшейся нѣкогда, какъ то, вѣрно, и ему не безъизвѣстно, подъ самымъ носомъ у алжирскаго бея.

Основы раціональной физики или объясненіе физическихъ явленій посредствомъ одной свойственной матеріи силы растяжимости. Сочиненіе Алексѣя Кусакова. Спб. 1876.

Часть населенія Россіи, называемая «образованнымъ обществомъ», носитъ названіе это весьма условно и представляетъ поэтому нѣчто крайне неопредѣленное. Если признакомъ принадлежности къ образованному обществу считать извѣстную бытовую внѣшность, то часть населенія, имѣющая право называться образованною, представится очень обширною; если же такимъ признакомъ мы изберемъ присутствіе въ головѣ индивидовъ кое-какихъ отрывочныхъ и разрозненныхъ знаній, то намъ придется значительно съузить предѣлы образованной части населенія, и если, наконецъ, для включенія въ эту часть мы потребуемъ систематическаго знанія и обоснованнаго на немъ міроразумѣнія, то образованное общество наше сведется къ очень немногимъ группамъ, раскиданнымъ по широкому пространству нашего отечества, къ очень немногимъ свѣтлымъ точкамъ въ безпредѣльномъ пространствѣ весьма густого мрака. Оцѣните

условія развитія отдѣльныхъ личностей, удаленныхъ отъ этихъ свѣтлыхъ точекъ, и вы, конечно, придете къ заключенію, что условія эти жестоки. Заѣданіе людей средою, въ которую мы погружены, стало общимъ мѣстомъ. Заѣдаетъ среда, притаптывая искры, заѣдаетъ она и тогда, когда, поклоняясь фосфорическому блеску, какъ нѣкоему свѣтилу, оставляетъ въ усыпленіи тѣ силы, которыя могли бы произвести, быть можетъ, хоть искорку. Если результаты заѣданія первыхъ проблесковъ богатыхъ дарованій ужасны, то и результаты заѣданія скромныхъ способностей все же таки плачевны, и если въ первомъ случаѣ дается поводъ къ возникновенію трагедіи, то нельзя сказать, чтобы комедія, неизбѣжная при второмъ, вызывала одинъ только видимый смѣхъ и не скрывала подъ нимъ и незримыхъ для міра слезъ. Вотъ хоть бы и судьба автора сочиненія, заглавіе котораго приведено выше, Алексѣя Петровича Кусакова, философствовавшаго въ селѣ Сковородневѣ, г. Покровѣ и Смоленскѣ, не представляетъ ли она самаго пестраго сплетенія смѣшного и плачевнаго? «Отъ природы я получилъ наклонность къ изученію ея таинствъ», пишетъ онъ къ отцу (стр. VII); и подъ старость мечтаетъ «часы досуга проводить въ разговорахъ о прекрасномъ Божіемъ мірѣ, созерцаніе котораго доставляетъ высшее наслажденіе, далеко превосходящее сладостью всѣ другія» (idem).—Но что же дала ему жизнь для удовлетворенія этой, самому ему невѣдомой, не то поэтической, не то философской наклонности? Въ юности (род. 1814 г.) онъ, вѣроятно, еще въ с. Сковородневѣ, читалъ Велланскаго (надо полагать, его «Опытную, наблюдательную и умозрительную физику», вышедшую въ въ 1831 году), потомъ былъ въ гимназіи и университетѣ, гдѣ изучалъ естественныя науки «подъ вліяніемъ идей отца», т. е. идей Шеллинга, воспринятыхъ отъ Велланскаго, и затѣмъ... Затѣмъ прозябаніе въ Сковородневѣ, мимоѣздомъ въ Москвѣ, въ Смоленскѣ... Въ этомъ послѣднемъ, впрочемъ, А. П. «сидитъ совершенно одинъ» и радъ, что «мысль можетъ работать безъ пертурбацій». Въ 1858 году онъ издаетъ брошюру «Объ истинности понятій или достовѣрности человѣческихъ знаній», о которой никто въ литературѣ не сказалъ и словечка, и затѣмъ 17 лѣтъ занимается подготовленіемъ къ печати «Основъ раціональной физики», лежащихъ передъ нами, и умираетъ, не окончивъ труда, изданнаго теперь его братомъ. Человѣкъ имѣлъ кое-какія знанія, имѣлъ наклонность къ поэзіи и философіи, корпѣлъ чуть не всю жизнь надъ высшими вопросами... Но въ

то же время не видно и слѣда, незамѣтно и намека на то, чтобы онъ встрѣчалъ достойную себя критику, натыкался на оппозицію, которая была бы ему по плечу, вырабатывался бы среди борьбы, возбуждающей сомнѣнія и самокритику, безъ запаса которыхъ нѣтъ правильнаго хода для развитія, нѣтъ здоровой жизни для умственныхъ силъ. Кто вступалъ съ нимъ въ пренія въ Сковородневѣ или Покровѣ, кто указывалъ ему ошибки, увлеченія, недостатки? Въ письмахъ его нѣтъ и самомалѣйшаго намека на такихъ собесѣдниковъ. Отецъ и братъ, съ которыми онъ переписывался, тоже не могли быть ими, къ его несчастью, и вотъ, человѣкъ, жизнь котораго могла бы протечь не безполезно, попадаетъ въ геніи села Сковороднева и проводить годы подъ сѣнью дешевыхъ лавровъ, возросшихъ на родномъ огородѣ. Братъ Алексѣя Петровича такъ-таки прямо и называетъ его геніемъ (XXIII) и доказываетъ свое убѣжденіе цитатою изъ сочиненій Писарева. Чего вамъ еще? комическое въ жизни прекраснодушнаго Алексѣя Петровича создано. Слушайте его самого: «Судя потому, что ты написалъ объ книгѣ А. Секки въ твоемъ письмѣ,—пишетъ онъ брату:—мнѣ кажется, что наши взгляды на жизнь вселенной если не тождественны, то весьма близки. *Да иначе и быть не можетъ; я и онъ* живемъ въ одномъ вѣкѣ — что же мудренаго, что въ нашихъ взглядахъ на природу много общаго» (XIV). Самообольщеніе исчезаетъ, конечно, вслѣдъ за прочтеніемъ книги, но Алексѣй Петровичъ и не догадывается даже, что было какое-то самообольщеніе и, забывая о своемъ «иначе и быть не можетъ», преспокойно начинаетъ третировать Секки свысока и принимать мѣры, чтобы «Основы физики» «не пропали безслѣдно *для человѣчества*» (XVIII). Что же не должно пропасть для человѣчества? Много и очень много: скорбный листъ открытій А. П. весьма великъ. Онъ открылъ, что «теплородъ» есть особый видъ матеріи, одаренный наибольшею способностью дѣйствія (?) сравнительно съ разными видами матеріи вѣсомой» (XI), что «время есть *приходъ* силы, а пространство—ея *расходъ*» (29), что «въ физикѣ допущено *нелѣпое* предположеніе существованія силы притяженія, какъ общаго свойства матеріи (17) и т. д. въ этомъ родѣ. Всѣ эти открытія были конечно привѣтствуемы какъ геніальныя въ Сковородневѣ, а быть можетъ и въ Покровѣ, и братъ А. П—ча счелъ священнымъ долгомъ воззвать къ ученымъ (покрово-сковородневскимъ, надо полагать) о продолженіи труда покойнаго и изученіи для этой

цѣли оставшихся послѣ него рукописей. Но если А. П. великъ, какъ ученый, для сковородневскаго человѣчества, то онъ долженъ быть сугубо великъ для него, какъ философъ. Въ этой области А. П. произвелъ такія замѣчательныя *упрощенія*, онъ установилъ тождество *раціональнаго вывода* и *факта* (IX), отбросилъ различіе между *системою* и *методомъ* (XI), не отличалъ мышленія отъ знанія (VIII), опредѣлялъ *понятіе* то какъ результатъ взаимнаго другъ на друга дѣйствія предмета и ума человѣческаго (4), то какъ впечатлѣніе, производимое предметомъ на душу человѣческую (5), говорилъ о *представленіи* всецѣлаго бытія (9), и т. д., словомъ пренебрегъ всѣмъ тѣмъ, что имѣетъ основное значеніе въ философіи внѣ Сковороднева, и явилъ намъ высоко-назидательный образъ уединеннаго отъ человѣчества мыслителя, Робинзона философіи, Пятница котораго, въ лицѣ нѣжно любящаго брата, считаетъ все вышедшее изъ рукъ этого необыкновеннаго человѣка верхомъ всякаго совершенства, послѣднимъ словомъ человѣческаго творчества... Такъ можетъ выродиться въ нашей глуши человѣкъ съ несомнѣнно хорошими задатками, такъ можетъ уйти цѣлая жизнь на измышленіе философскихъ и научныхъ фантасмагорій, поражающихъ досужихъ обитателей Сковороднева и безполезныхъ какъ для остальныхъ жителей этого богоспасаемаго мѣста, такъ и для всего остального люда, населяющаго землю. Братъ почтеннаго А. П—ча взглянулъ на дѣло иначе: онъ издалъ «Основы физики» для всеобщаго назиданія, приложилъ къ нимъ, неизвѣстно зачѣмъ, портретъ покойнаго автора и за 8 листовъ разгонистой и крупной печати назначилъ цѣну — 1 рубль. Какъ ни жаль тѣхъ, которые въ настоящее время бросятъ этотъ рубль, но нельзя не пожалѣть еще болѣе читателей, которымъ придется нивѣсть чего ради усвоивать себѣ сковородневскую точку зрѣнія на науку и философію. Да минуетъ ихъ чаша сія.

1877.

«Отеч. Зап.» № 3.

НОВЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

(Архивъ психіатріи, нейрологіи и судебной психопатологіи. Редакторъ П. И. Ковалевскій, доцентъ психіатріи и нервныхъ болѣзней при Харьк. унив. Годъ первый. Томъ 1, № 1. 1883 г. IV и 276).

Прочитавъ только-что выписанное нами длинное названіе журнала, читатели могутъ предположить, что мы собираемся говорить о такомъ изданіи, которое можетъ интересовать только медиковъ и юристовъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ; «Архивъ психіатріи, нейрологіи и судебной психопатологіи» имѣетъ очень широкую программу, такъ что при удачномъ осуществленіи ея можетъ сдѣлаться интереснымъ не только для спеціалистовъ, но и для всѣхъ образованныхъ людей. Первая книжка его, лежащая передъ нами, даетъ на это полную надежду, и мы, привѣтствуя ее какъ первую попытку этого рода въ нашей литературѣ и какъ первый шагъ хорошо задуманнаго дѣла, отъ всего сердца желаемъ новому журналу полнаго успѣха. Общею задачею журнала будетъ вовсе не изученіе одной психіатріи, какъ это можно предположить, судя по названію его, а «выясненіе строенія и проявленія нервной жизни въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и тѣхъ условій, при которыхъ она развивается, а потому въ журналѣ найдутъ мѣсто статьи по физіологіи, сравнительной психологіи, химіи, анатоміи (сравнительной и микроскопической) и эмбріологіи нервной системы, а также и по антропологіи, исторіи соціологіи и педагогикѣ. Всю совокупность этой задачи редакція имѣла въ виду выразить словомъ «нейрологія». Затѣмъ, изученіе ненормальностей въ нервной жизни человѣка, его болѣзней, преступленій, условій ихъ развитія и средствъ искорененія, составитъ только частную задачу журнала, такъ что психіатрія и судебная психопатологія будутъ

стоять въ дѣйствительности лишь на второмъ планѣ. Мы думаемъ, поэтому, что названіе журнала не только слишкомъ длинно, но еще и весьма неудачно. Находясь въ противорѣчіи съ программой и вводя читателей въ заблужденіе относительно содержанія журнала, оно является нецѣлесообразнымъ и въ первое время будетъ оказывать распространенію журнала плохую услугу. Впослѣдствіи, если журналъ пойдетъ такъ, какъ даетъ право надѣяться его первая книжка, привыкнутъ, конечно, къ тому, что «Архивъ психіатріи, нейрологіи и судебной психопатологіи» содержитъ статьи общеинтересныя, живыя и по изложенію доступныя всякому образованному человѣку, теперь же едва ли легко объ этомъ догадаться? Мы, съ своей стороны, думаемъ, что чѣмъ скорѣе журналъ станетъ популярнымъ, тѣмъ лучше для него и для читателей, такъ какъ въ этомъ именно и заключается первое условіе для того, чтобы «помощь низшему невѣжественному брату», какъ конечная цѣль всѣхъ трудовъ лицъ, работающихъ въ журналѣ, была по возможности скорѣе осуществлена. Многія страницы журнала своимъ яркимъ изображеніемъ невѣжественности и дикости общественной среды, о которую разбиваются наилучшія намѣренія, придаютъ желанію этому особенную интенсивность. Переходя къ содержанію первой книжки, мы не можемъ не пожалѣть, что размѣры нашей замѣтки не позволяютъ намъ остановиться на ней настолько подробно, насколько это требуетъ серьезность и важность затронутыхъ въ ней вопросовъ. Мы поневолѣ должны удовлетвориться тѣмъ, что возбудимъ желаніе прочесть ее. Но и въ томъ краткомъ перечнѣ статей, который мы намѣрены сдѣлать, намъ придется говорить лишь о самомъ интересномъ для большинства читателей, хотя мы твердо увѣрены, что всякій сколько-нибудь подготовленный къ пониманію остальныхъ сравнительно болѣе спеціальныхъ работъ, прочтетъ ихъ съ самымъ живымъ интересомъ и вниманіемъ. Выдающимися статьями первой книжки намъ показались именно нѣкоторыя статьи по психіатріи и судебной психопатологіи, т. е. того отдѣла, который отвѣчаетъ лишь частной задачѣ журнала. Обстоятельство это произошло вѣроятно оттого, что редакторъ, какъ психіатръ, обращался заблаговременно къ товарищамъ своимъ по профессіи, которые и дали ему статьи преимущественно по своей спеціальности. Случилось, однако же, такъ, а можетъ быть и впредь такъ будетъ,—что и эти спеціальныя статьи рядомъ съ изслѣдованіемъ

поставленныхъ ими вопросовъ представляются въ высшей степени яркими и выразительными очерками нашего общественнаго быта. Вы можете, напримѣръ, не интересоваться вопросомъ о связи эпилепсіи съ нервнымъ помѣшательствомъ, и все-таки, не переводя дыханія, прочтете статью г. Платонова о двухъ случаяхъ помѣшательства, имъ описанныхъ. Спеціальный интересъ идетъ своей чредой, но рядомъ съ нимъ развивается страшная, раздирающая, глубоко-реалистическая драма. Г. Платоновъ обнаружилъ замѣчательную наблюдательность и образцовое умѣніе излагать.

Въ его очеркѣ передъ вами встаютъ, какъ живыя, двѣ несчастныя жертвы нашей поистинѣ азіатской еще дикости и лютости... Едва-ли поэтическія фикціи могутъ потрясти такъ, какъ эти правдивыя повѣствованія? И если нужно поэзіи, то бредъ одной изъ несчастныхъ, тщательно записанный, представляетъ особенный образчикъ своего рода поэтическаго творчества, въ которомъ, какъ въ волшебномъ зеркалѣ, отразились горькія страданія несчастной. Но едва вы оторветесь отъ этой картины, какъ передъ вами возстаютъ новыя въ статьѣ г. Андрузскаго «О свѣтлыхъ промежуткахъ при общемъ прогрессивномъ параличѣ помѣшанной», и затѣмъ «Эпилептическое сумасшествіе» г. Боткина (Я. А.). Сердце болѣзненно сжимается, и книга выпадаетъ изъ рукъ въ нѣкоторые моменты этого тяжелаго, но въ то же время и увлекающаго чтенія. Вѣдь это именно то горе, та скорбь, то несчастіе, которое вѣчно стучится къ намъ въ двери среди нашей убогой и злосчастной жизни. Какъ же намъ не знать, не изучать его, не смотрѣть ему прямо въ глаза? Но не будемъ останавливаться на частностяхъ, какъ они ни ужасны.

Сведите къ одному впечатлѣнію все, что угнетало и томило васъ, пока страница за страницей развертывались передъ вами всѣ эти бѣдствія, и вы услышите страшныя слова: наслѣдственность, вырожденіе... Вотъ передъ нами «человѣкъ съ природой, зараженной тяжкой наслѣдственностью, которая—лицо его исказила асимметріей, нервную систему изуродовала, нравственное чувство его извратила, одарила его характеромъ безумнымъ, вселила въ него неодолимое влеченіе къ порочному и преступному; поработила его умъ и волю; поразила его недугами великими, сдѣлала выродкомъ человѣчества и, наконецъ, выбросила его на позоръ общественный» (Я. А. Боткинъ, стр. 187).

Если пораженный картиною такихъ ужасныхъ послѣдствій наслѣдственности и вырожденія, вы постараетесь вникнуть въ ихъ корни и возметесь за такія сочиненія, какъ «L' hérédité psychologique par Th. Ribot», или «Etudes sur la selection chez l'homme dans ses rapports avec l'hérédité par P. Yacoby»,—вы убѣдитесь, какой глубокій жизненный интересъ имѣютъ картины, представляемыя въ указанныхъ нами статьяхъ «Архива», и какъ желательно, чтобы разработка затрогиваемыхъ ими вопросовъ шла все далѣе и далѣе въ ширь и въ глубь.

Какъ бы дополненіемъ къ этой картинѣ частныхъ бѣдствій, выражающихъ собою одно общее колоссальное бѣдствіе, служитъ статья г. Ліона, рисующая намъ современное состояніе дома умалишенныхъ въ Кишиневѣ. Авторъ избралъ для статьи своей очень подходящій эпиграфъ: «vae victis», и весьма справедливо говоритъ, что описываемая имъ больница блистательно осуществила на практикѣ принципъ: «homo homini lupus». То, что здѣсь разсказывается, не можетъ быть передано въ двухъ словахъ... «Грустно, читатель:—говоритъ авторъ въ заключеніе.—Страшно за ту общину, въ которой мыслимо такое явленіе».

Прежде, чѣмъ перейдемъ къ другимъ статьямъ, помѣщеннымъ въ этой же книжкѣ, не можемъ не отмѣтить одного недосмотра со стороны редакціи,—недосмотра—правда незначительнаго, но все же таки могущаго вызвать у неспеціалистовъ нѣкоторое недоумѣніе. Статья г. Андрузскаго озаглавлена такъ: «О свѣтлыхъ промежуткахъ (intervalla lucida) при общемъ прогрессивномъ параличѣ помѣшанныхъ». Между тѣмъ г. Я. А. Боткинъ считаетъ терминъ «свѣтлый промежутокъ», устарѣлымъ и даже—если мы не ошибаемся—самое понятіе, соединенное съ нимъ,—несовсѣмъ опредѣленнымъ, иначе не стоило бы и замѣнять этотъ устарѣвшій терминъ новымъ—«промежуточное состояніе». Кто изъ двухъ спеціалистовъ болѣе точенъ, должна бы рѣшить редакція, но она—къ сожалѣнію—безмолвствуетъ. Назвавъ статьи по психіатріи и судебной психопатологіи выдающимися, мы не хотѣли сказать этимъ, что причисляемъ ихъ къ лучшимъ въ настоящей книжкѣ «Архива». Въ числѣ статей, отвѣчающихъ на болѣе общіе вопросы, мы можемъ, въ свою очередь, указать такія, которыя не уступаютъ по достоинству упомянутымъ выше, выдающимися же мы назвали ихъ лишь ради заключающагося въ нихъ общественнаго интереса.

Изъ статей не спеціально-психіатрическихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующія: статья г. Фрезе «Историческій очеркъ о душѣ», прекрасно очерчивающая переходъ отъ метафизической психологіи къ научной; статья редактора г. Ковалевскаго «Измѣненіе затылочной доли у хроническихъ слѣпыхъ», вносящая новые факты въ литературу вопроса о локализаціи зрительныхъ ощущеній и въ соотвѣтственной мѣрѣ способствующая вытѣсненію метафизики изъ одного изъ послѣднихъ ея убѣжищъ, и, наконецъ, статья г. Фесенко. «Чувство гнѣва въ животномъ царствѣ», написанная особенно популярно и живо и проникнутая тою же мыслью, что—и двѣ упомянутыя выше, мыслью, о необходимости приложенія къ психологіи научнаго метода и возведенія, такимъ образомъ этой отрасли познанія на степень науки. Мы позволяемъ себѣ замѣтить автору этой послѣдней статьи, что работа его много бы выиграла, если бы были расширены рамки матеріала, который для нея берется. Такъ, если бы авторъ обратилъ вниманіе на сочиненіе G. I. Romanes'a «Animal Intelligence» (междунар. научн. библ)., статьи Kollmann'a «Aus dem Leben der Gephalopoden», въ «Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie» (1. Sohrgang, 1. Heft) и т. п.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены краткіе отчеты о двадцати вновь вышедшихъ книгахъ и статьяхъ. И этотъ отдѣлъ составленъ вполнѣ обстоятельно и дѣльно, съ развитіемъ въ той его части, которая посвящена иностраннымъ книгамъ, пріобрѣтетъ несомнѣнно еще большій интересъ. Единственное желаніе, которое напрашивается здѣсь подъ перо, заключается въ томъ, чтобы книжные отчеты самого редактора вошли въ ту же спокойную колею, по которой идутъ работы его сотрудниковъ; теперь же нѣсколько возбужденный тонъ ихъ не мало вредитъ впечатлѣнію. Отдѣлъ «смѣси» составленъ тоже весьма хорошо безъ малѣйшаго признака того неряшества, которое нерѣдко проглядываетъ въ этомъ отдѣлѣ и въ серьезныхъ изданіяхъ. Въ числѣ свѣдѣній, здѣсь сообщаемыхъ, мы остановимся лишь на перечисленіи тѣхъ насилій, которымъ подверглись психіатры въ различныхъ лечебницахъ Европы за послѣдніе 18 мѣсяцевъ.

Одному сумасшедшій разсѣкъ лицо и повредилъ глазъ, другой—умеръ вслѣдствіе зараженія крови послѣ укуса его одной психопаткой, третій убитъ выстрѣломъ изъ револьвера

и т. д., всего пять несчастныхъ случаевъ. «Несмотря на все это, психіатры честно относятся къ своимъ обязанностямъ—сказано въ заключеніи этой замѣтки—и безъ страха посѣщаютъ своихъ больныхъ. Въ награду же за все это получаютъ отъ общества клевету, презрѣніе, самое ничтожное вознагражденіе и ложь». (Annales medico-psych. 1883, № 1). Маленькая замѣтка эта подымаетъ еще уголокъ завѣсы, за которую рѣдко кто заглядываетъ, но которая скрываетъ многое и многое, достойное самаго серіознаго общественнаго вниманія.

Оканчивая нашъ краткій отчетъ о первой книжкѣ «Архива», мы считаемъ нужнымъ отмѣтить одинъ вопросъ, достодолжное разрѣшеніе котораго должно неизбѣжно повести къ большей опредѣленности и ясности положенныхъ въ основаніе программы журнала возрѣній, т. е. вообще говоря, послужить къ пользѣ журнала и его успѣху. Дѣло въ томъ, что редакторъ журнала не знаетъ или не хочетъ знать о различіи между тою философіею, которая упреждаетъ факты и затѣмъ приспособляетъ ихъ къ своимъ тезисамъ, и тою философіею, которая тезисы приспособляетъ къ фактамъ и упрежденіе фактовъ считаетъ нелѣпостью,—словомъ сказать, редакторъ смѣшиваетъ метафизику и научную философію. Это смѣшеніе, всего прежде, грѣшитъ именно противъ того принципа, противъ котораго оно вооружаетъ, такъ какъ оно упускаетъ изъ виду фактъ существованія научной философіи,—фактъ, который—какъ и всякій другой—нельзя привести къ нулю, умолчаніемъ о немъ. Затѣмъ, неизбѣжно является то недоразумѣніе, что аргументы, направленные противъ метафизики, идутъ мимо научной философіи, и читатель имѣетъ право спросить: а объ этой-то философіи что-же вы думаете? Можно, конечно, отрицать и ее—примѣры того мы имѣемъ,—но, очевидно, отрицать ее тѣми же пріемами, коими отрицается метафизика, не только невозможно, но сама попытка такого отрицанія можетъ явиться только какъ проявленіе недоразумѣнія и стремленія ошибочно обращаться со сложными вопросами, такъ какъ будто вопросы эти были нивѣсть какъ просты. Г. Ковалевскій, какъ можно видѣть изъ его заявленія «отъ редакціи» смотритъ на философію, какъ доктрину, не имѣющую объекта,—и относительно метафизики это такъ, но пусть онъ не удивляется, если при перенесеніи этого разсужденія на научную философію онъ наткнется на цѣлый рядъ самыхъ неожиданныхъ вопросовъ. Вопросы эти скажутся, впрочемъ, сами собою, когда программа

журнала станетъ осуществляться во всей своей ширинѣ. Философія явится «безсознательно» и она будетъ тѣмъ хуже, чѣмъ безсознательнѣе будетъ ея возникновеніе. Утѣшительно, впрочемъ, думать, что коррективъ изойдетъ изъ среды самыхъ сотрудниковъ журнала и поможетъ бѣдѣ.

Уже въ первой же книжкѣ—и въ первой статьѣ ея встрѣчаемъ мы коррективъ этотъ in spe. Г. Фрезе по поводу разсужденія о дуализмѣ въ психологіи высказывается такъ: «лишь только въ наши дни, на основаніи быстрыхъ и крупныхъ успѣховъ естественныхъ наукъ, болѣе рѣзко стало выступать впередъ стремленіе къ монизму, т.-е. установленію и разработкѣ философскаго понятія о единствѣ явленій тѣлесныхъ и душевныхъ (стр. 4). Итакъ г. Фрезе, противупоставляющій метафизическій дуализмъ философскому монизму, можетъ, конечно, вполнѣ удовлетворительно разрѣшить поставленный нами вопросъ и избавить редакцію отъ напрасной борьбы съ вѣтряными мельницами принимаемыми за гигантовъ.

1883.

«Заря».

Psychologie in Umrissen auf grundlage der Erfahrung. Von Dr. Harald Höffding, Professor an der Unirersität in Kopenhagen. Unter Mitwirkung des Verfassers nach der zweiten dänischen Auflage übersetzt von F. Benedixen. Leipzig, 1887, VI u. 463 S.

Профессоръ Копенгагенскаго университета Гаральдъ Гёфдингъ, извѣстный въ своемъ отечествѣ какъ авторъ нѣсколькихъ весьма солидныхъ ученыхъ сочиненій: *Очерки современнаго состоянія философіи въ Англіи и Германіи*, *Основы человѣческой этики*, *Жизнь Спинозы и Психологія*,—выпустилъ теперь въ свѣтъ второе изданіе этой послѣдней, явившейся вскорѣ въ лежащемъ передъ нами нѣмецкомъ переводѣ. При слабой распространенности знанія датскаго языка въ Европѣ, извѣстность Гёфдинга, точно такъ же, какъ и извѣстность другихъ датскихъ ученыхъ—Мадвига, Панума, Горнемана и др., цитируемыхъ въ книгѣ Гёфдинга, въ весьма слабой мѣрѣ проникла бы за предѣлы Даніи, если бы Гёфдингъ писалъ только на родномъ своемъ языкѣ. Выпустивъ въ свѣтъ нѣмецкій переводъ *Этики* (1880) и помѣстивъ двѣ статьи въ *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie* (1883 и 86), Гёфдингъ могъ уже выступить съ нѣмец-

кимъ переводомъ *Психологіи*, какъ писатель, извѣстный европейской публикѣ. Новая его книга сразу была замѣчена и тотчасъ же по выходѣ заслужила хорошій пріемъ у рецензентовъ англійскаго, французскаго и итальянскаго философскихъ журналовъ.

Какъ отъ сотрудника научно-философскаго изданія, отъ Гёфдинга можно ожидать, конечно, такой обработки избраннаго имъ предмета, въ которой принятый за основу опытъ имѣетъ дѣйствительно руководящее и опредѣляющее значеніе. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, какъ съ первыхъ же страницъ своей книги авторъ хлопочетъ объ установленіи опытнаго метода для своего изслѣдованія и разграниченія его области отъ сферы безпочвенныхъ метафизическихъ гипотезъ. Съ перваго же шага отвергая одну изъ такихъ гипотезъ,—гипотезу абсолютной сущности или субстанціи, такъ долго служившую исходнымъ пунктомъ и средоточіемъ науки о психическихъ явленіяхъ,—авторъ нашъ твердо устанавливается на томъ положеніи, что психологія въ предѣлахъ своего вѣдѣнія, такъ же, какъ физика—въ предѣлахъ своего, не должна вовсе и подымать вопроса, переступающаго границы опытнаго познанія, должна исключить поползновеніе къ трансцендентному изъ изученія міра внутренняго, какъ оно исключено изъ изученія міра внѣшняго. Ставя вопросъ такимъ образомъ, Гёфдингъ, прежде всего, желаетъ выгородить психологію изъ метафизики, спасти ея изысканія отъ опаснаго воздѣйствія тѣхъ внѣопытныхъ умозрѣній, гдѣ всецѣло царятъ одни только гадательныя положенія. Но, поступая такъ, онъ не закрываетъ эту область отъ проникновенія въ нее тѣхъ умовъ, которые рѣшились бы двигаться неуклонно и твердо по направленіямъ, указаннымъ опытомъ. Онъ считаетъ необходимымъ дать это удовлетвореніе человѣческому уму, который, какъ говоритъ онъ, никогда не перестанетъ добиваться до послѣдняго основанія бытія, никогда не перестанетъ стремиться къ обоснованію своего міровоззрѣнія на извѣстныхъ высшихъ заключительныхъ идеяхъ. Но, давая уму полетъ въ область фантазіи, Гёфдингъ желаетъ, чтобы полетъ этотъ не былъ свободнымъ отъ извѣстныхъ руководительныхъ началъ; онъ желаетъ, чтобы умъ, отдающійся созерцанію, предварительно научился умѣнью отдѣлять это созерцаніе отъ жизненнаго опыта и пріучился бы не предвосхищать проблеммъ чистаго опыта. Поиски заключительной гипотезы должны совер-

шаться такимъ образомъ, по мысли Гёфдинга, только при томъ условіи, чтобы у метафизики было одно общее основаніе съ эмпирикомъ, чтобы метафизикъ не сбивался съ пути, предназначеннаго опытной наукой.

Въ виду такихъ ограничительныхъ условій, поставляемыхъ для метафизическаго умозрѣнія, въ виду полнаго отнесенія его за предѣлы всякаго возможнаго воздѣйствія на положительную работу опытной науки, можно, пожалуй, оставить безъ всякихъ опроверженій и замѣчаній терпимость, оказываемую Гёфдингомъ метафизикѣ, низводимой къ чисто-поэтической спекуляціи. Если эта метафизирующая поэзія имѣетъ одно только назначеніе—удовлетворять обезпокоиваемые нерѣшенными вопросами умы какими бы то ни было правдоподобными рѣшеніями, то объ этомъ не стоитъ спорить. Нельзя только пройти молчаніемъ, что у нѣкоторыхъ другихъ сотрудниковъ того нѣмецкаго философскаго журнала, въ которомъ пишетъ изрѣдка и Гёфдингъ, рѣшеніе этого вопроса имѣетъ болѣе опредѣленную, рѣзче прочерченную обрисовку, тутъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, сказалась та слабая сторона работъ Гёфдинга, та недостаточность опредѣленности и рѣшительности, въ которой упрекалъ его еще Гижицкій, разбирая въ *Vierteljahrsschrift*'ѣ его *Этику*. Уясненіе различія между взглядомъ Гёфдинга и нѣкоторыхъ его сотоварищей требуетъ изложенія ихъ взглядовъ на общее значеніе философіи и отношеніе къ ней теоріи познанія,—цѣлую экскурсію, которая завела бы насъ далеко за предѣлы предположенной замѣтки. Мы надѣемся поговорить обо всемъ этомъ поподробнѣе впослѣдствіи, въ другомъ отдѣлѣ журнала.

И такъ, Гёфдингъ вводитъ свою задачу въ предѣлы опыта, беретъ его за основу разработки избранной имъ отрасли знанія и не допускаетъ воздѣйствія на нее трансцендентныхъ гипотезъ. Мы только что взглянули на такую постановку вопроса съ его внѣшней стороны; перейдемъ теперь къ внутренней и ознакомимся ближе съ понятіемъ, которое соединяетъ авторъ съ терминомъ «опыта»

Стараясь избѣжать недоразумѣнія, авторъ, прежде всего, весьма точно установляетъ свою «чисто-психологическую точку зрѣнія». О психической жизни непосредственно,—говоритъ онъ,—мы знаемъ лишь столько, сколько извѣстны намъ явленія сознанія. Но сознаніе не есть самозамкнутый міръ: въ немъ не-

престанно возникаютъ новыя явленія, которыя мы можемъ сводить только къ нашей основной психологической точкѣ зрѣнія, а не къ чему-либо иному, являющемуся ранѣе. Всякое новое ощущеніе возникаетъ какъ-будто изъ ничего; мы не въ состояніи сказать, какимъ образомъ оно входитъ въ сознаніе, мы можемъ только слѣдить за его измѣненіями и дѣйствіями въ сферѣ сознанія, не болѣе. По этой причинѣ мы и вынуждены искать средствъ, опирающихся на иныя основы и могущихъ восполнить недостаточность чисто-психологическаго штандпункта. Прежде всего, является необходимымъ прибѣгнуть къ сравненію нашихъ собственныхъ наблюденій съ наблюденіями другихъ людей и этимъ путемъ избѣжать индивидуальной односторонности, затѣмъ предстоитъ удостовѣриться, въ какой мѣрѣ принята во вниманіе вся совокупность взаимодѣйствующихъ элементовъ даннаго психологическаго явленія. Наконецъ, для конкретнаго психологическаго познанія недостаточно еще имѣть въ виду одни общіе законы взаимодѣйствія явленій сознанія, а необходимо принять во вниманіе и темпераментъ, и жизненныя условія, и спеціальный опытъ. Изъ этого видно, что строго-психологическая точка зрѣнія должна быть пополнена физіологической и соціологической, или, пользуясь выраженіемъ Спенсера, должно пополнить *субъективную* психологію психологіей *объективной*. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что *объективная психологія* стоитъ къ явленію лицомъ къ лицу. Само собою разумѣется, однако же, что установленныя аналогіи могутъ служить для нашего субъективнаго наблюденія необходимымъ коррективомъ. Психологъ долженъ, поэтому, разсчитывать на въ высшей степени важныя услуги со стороны біологіи и никогда не упускать случая пользоваться ея содѣйствіемъ. Онъ долженъ не забывать, однако же, что чисто-біологическая точка зрѣнія существенно разнится отъ чисто-психологической. Интересъ біолога, или, точнѣе, физіолога, заключается не въ явленіяхъ сознанія, какъ таковыхъ, а въ физическихъ процессахъ, неразрывно съ ними связанныхъ. Для него, поэтому, психологическія явленія представляются лишь симптомами, по которымъ онъ заключаетъ о физіологическихъ фактахъ. Психологическія явленія имѣютъ свои законы, которые слѣдуетъ изучать, не пытаясь топить эти явленія въ морѣ физіологическихъ фактовъ. Наконецъ, къ понятію опыта, обрисовываемаго намѣченными здѣсь штрихами, от-

носится и та важная часть его, которая привносится психіатріей, представляющей, по мысли Гёфдинга, переходную ступень къ соціологической психологіи, содержаніе которой охватываетъ жизнь животныхъ, жизнь дѣтей, жизнь дикарей, всю исторію человѣчества,—матеріалъ, доставляемый поэтическимъ творчествомъ и жизнеописаніями отдѣльныхъ лицъ. Соціологическая психологія распадается, поэтому, на нѣсколько отдѣльныхъ отраслей, соотвѣтствующихъ перечисленнымъ выше предметамъ изслѣдованія. Такимъ образомъ, соціологическая психологія, развертывая тѣ историческія условія, при которыхъ совершается развитіе индивидуальнаго сознанія, оказываетъ психологіи съ своей стороны такую же услугу, какую физіологія оказываетъ съ своей, вводя психическую дѣятельность индивида въ связь съ явленіями физическими и показывая, какимъ образомъ, въ силу этой связи, жизнь психическая является частью жизни міровой.

Установивъ, такимъ образомъ, чисто-психологическую точку зрѣнія и показавъ ея отношеніе къ смежнымъ концентрическимъ сферамъ—физіологической и соціальной, Гёфдингъ и ведетъ свое изслѣдованіе, имѣя, главнымъ образомъ, въ виду явленія сознанія и обращаясь къ ихъ физіологической основѣ и воздѣйствію соціальнаго фактора во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда представляется въ томъ необходимость. Изложеніе Гёфдинга расчленяется на три части, сообразно тремъ основнымъ психологическимъ категоріямъ—уму, чувству и волѣ; но это устарѣвшее подраздѣленіе находитъ себѣ оправданіе въ томъ толкованіи, которое придаетъ авторъ этимъ шаблоннымъ категоріямъ, настаивая не одинъ разъ, что онъ разумѣетъ подъ ними не особенныя «способности» старой школы, а лишь такія психическія состоянія, въ которыхъ преобладаетъ одинъ изъ означенныхъ элементовъ. Всякое же состояніе сознанія онъ считаетъ сложнымъ и, въ то же время, цѣльнымъ, различаемымъ только при посредствѣ анализа, указывающаго роль и значеніе каждаго отдѣльнаго элемента въ единомъ для сознанія комплексѣ.

Было бы слишкомъ долго входить въ подробности по отношенію изложенія отдѣльныхъ частей книги Гёфдинга, достаточно будетъ сказать, что авторъ остается вѣренъ разъ установленной точкѣ зрѣнія, почти никогда не теряетъ изъ вида послѣдовательности и ясности и никогда не загромождаетъ своего

труда ничѣмъ лишнимъ и не идущимъ къ дѣлу. И если иногда его и можно упрекнуть въ нѣкоторой эклектичности, какъ то замѣтилъ рецензентъ журнала *Mind*, или, если сквозь прорѣхи неполнаго позитивизма виднѣется подчасъ старая канва традиціонной психологіи, какъ-то утверждаетъ рефератъ итальянской *Rivista di filosofia scientifica*, зато можно указать не мало главъ, вполнѣ выдержанныхъ и безупречно научныхъ, и не мало страницъ, блещущихъ тонкою наблюдательностью и въ высшей степени удачными сопоставленіями. Сколько правдивости, напримѣръ, въ этомъ сжатомъ, попутно брошенномъ замѣчаніи относительно «интеллектуальныхъ» натуръ, сопоставляемыхъ авторомъ съ натурами поэтическими и музыкальными. Какъ для этихъ послѣднихъ,—говоритъ Гёфдингъ,—невыносимы фальшивыя ноты и жалкіе стихи, точно также для интеллектуальныхъ натуръ невыносимы самопротиворѣчіе (Selbstwiederspruch), неясность и несвязность. Или, сколько остроумія въ раздѣленіи цвѣтовъ (Farben) на активные и рецептивные: активные цвѣта, а именно: пурпурный, красный, оранжевый, желтый, имѣютъ стимулирующее вліяніе, они возбуждаютъ къ дѣятельности и движенію; тогда какъ рецептивные—всѣ оттѣнки голубаго цвѣта—дѣйствуютъ подавляющимъ и задерживающимъ образомъ и не внушаютъ стремленія къ дѣйствію. Различіе между ними можно сблизить съ различіемъ дня и ночи, свѣта и тьмы. Хотя замѣчанія эти и были уже высказываемы Гёте и потомъ Фехнеромъ, но Гёфдингъ очень кстати напомнилъ о нихъ и прекрасно обрисовалъ при ихъ помощи вопросъ о вліяніи цвѣтовъ на наши чувствованія.

Мы смѣло рекомендуемъ читателямъ нашимъ прекрасную книгу Гёфдинга и въ заключеніе нашей замѣтки не можемъ не пожелать появленія ея въ русскомъ переводѣ. Ужъ если нѣмецкій переводъ далъ поводъ говорить о переводѣ французскомъ и англійскомъ, то намъ нечего бы и медлить; но желателенъ, само собою разумѣется, переводъ хорошій, а не такой, какіе слишкомъ ужъ часто, къ несчастью, у насъ стряпаются.

1887.

«Русская Мысль», № 12.

Публичныя лекціи по философіи наукъ. Основныя понятія и методъ наукъ физико-математическихъ. А. И. Смирновъ. Казань 1896.

Книга эта посвящается авторомъ «всѣмъ молодымъ людямъ, интересующимся философіей и стремящимся къ знанію философски-обоснованному». Посвященіе это нисколько не препятствуетъ, однако, выставить *цѣлью* книги возбужденіе вниманія къ философіи, въ которомъ упомянутые молодые люди, конечно, ужъ не нуждаются. Можно думать, что они не нуждаются также и въ указаніи значенія философіи для другихъ наукъ и въ вызовѣ у нихъ желанія близкаго и глубокаго изученія философіи. Все это, повидимому, нужно для той публики, которую г. Смирновъ называетъ «образованною» и которая, какъ оказывается, можетъ едва-едва считаться подготовленною для слушанія лекцій о «философіи наукъ»; по крайней мѣрѣ, многое пришлось для нея урѣзать, сократить, упростить, а «глубокіе и старые вопросы метафизики и теоріи познанія» и вовсе опустить. «Молодые люди», стоящіе, какъ то видно изъ приведенныхъ словъ автора, выше всего этого, тутъ ни при чемъ; но въ виду обѣщаемаго всѣмъ безъ различія удовлетворенія желанія близко, основательно и глубоко изучить философію, придется, пожалуй, и имъ поиспытать на себѣ состоятельность метода, обѣщающаго глубокое изученіе посредствомъ обхода глубокихъ вопросовъ и усвоенія урѣзаннаго и приспособленнаго къ низкой степени умственнаго развитія слушателей курса.

Встрѣчая послѣ указанныхъ заявленій предисловія толкованіе такихъ терминовъ, какъ анализъ, синтезъ, ощущеніе, представленіе и т. д., читатель долженъ помнить, что все это совершенно необходимо для «образованной публики» г. Смирнова. Доведетъ ли лекторъ своихъ слушателей до близкаго и основательнаго знакомства съ философіей и покажетъ ли ту глубину, которую обѣщаетъ показать, предрѣшить трудно, но не можетъ подлежать сомнѣнію, что попутно онъ сообщитъ массу общеполезныхъ свѣдѣній. И *этотъ* трудъ вѣдь—дѣло, во всякомъ случаѣ доброе и благодарное. Если «образованная публика» не имѣла, напримѣръ, случая ознакомиться, ну, хоть съ книжкою для учащихъ по «Родному Слову» Ушинскаго и, услышавъ на лекціи толкованіе активнаго и пассивнаго вниманія, станетъ старательно заносить слушаемое въ свои записныя тетрадки,—это добрый знакъ и имъ слѣдуетъ пользоваться и

стараться выдержать тонъ чтеній до конца подъ опасеніемъ роли вопіющаго въ пустынѣ. Чтеніе окажется не безплоднымъ, и этимъ пренебрегать не слѣдуетъ.

Очевидно, однако, что, приспособляясь къ своего рода «образованной публикѣ», можно оказать ей массу услугъ, но основательнаго близкаго и, въ особенности, глубокаго знанія философіи можно при этомъ и не дать. И то ужъ хорошо было бы, если бъ оказалась возможность объяснить, что такое философія, что она такое была прежде, какія измѣненія пережила, въ какихъ отношеніяхъ была и есть къ положительному знанію и т. д. Г. Смирновъ полагаетъ, что ко всему этому можно придти, урѣзывая тутъ, умалчивая тамъ, пропуская одно и обходя другое; пусть такъ, но затѣмъ все же таки остается необходимымъ, хотя бы и скачками, добраться до такого рѣшенія хоть нѣкоторыхъ изъ указанныхъ вопросовъ, которое само бы ужъ не сгибалось до уровня «образованной публики», а ее бы поднимало до уровня лектора. Подготовляйте эту публику, какъ знаете и какъ можете, а затѣмъ ужъ дайте ей здравыя, неподточенныя недугомъ внутренняго противорѣчія, знанія,—знанія, способныя выдержать напоръ критики, устойчивыя, словомъ, не поддѣльныя, а настоящія. И какая польза, въ самомъ дѣлѣ, начать съ громкихъ словъ, наобѣщать съ три короба и затѣмъ придти къ тремъ китамъ и черепахѣ, свѣдѣнія о которыхъ были сообщены ранѣе блаженной памяти доброю нянюшкою, вдобавокъ и говорившею куда образнѣе и сердечнѣе. Популяризація философіи, расширеніе университетскаго образованія, глубина познанія,—все это звучитъ прекрасно, но какъ это сдѣлать, не уподобляясь кимвалу бряцающему,—вотъ гдѣ вся «суть», все достоинство этого истинно труднаго и истинно благого дѣла. Тотъ, кому удалось бы совершить это благое дѣло, могъ бы оставаться при убѣжденіи, что даже и бросаемые имъ публикѣ «обрѣзки» представляютъ хоть какія ни-на-есть цѣнности, и никто не скажетъ, что это «обрѣзки» просто соръ и больше ничего.

Достоинство науки требуетъ, чтобы она шла по своему пути твердою и увѣренною поступью, не косясь по сторонамъ, не стараясь поддѣлаться подъ чьи бы то ни было вкусы, прихоти или даже потребности, не заискивая чьихъ бы то ни было милостей. Путь науки или ея эволюція не есть что-нибудь произвольное, выдуманное, гибкое, приспособимое къ случайнымъ ми-

молетнымъ запросамъ. Всякій понимаетъ или можетъ понять, что если накопленіе знанія не вмѣщается болѣе въ прежнемъ синтезѣ, то значитъ назрѣло время для новаго обобщенія, для перестройки научнаго знанія заново, по новому плану и стилю. Устойчивыя научныя положенія инымъ путемъ вѣдь и не достигаются. Какой же смыслъ можетъ имѣть здѣсь то «примирительное» направленіе, которое такъ нравится г. Смирнову. Какое можетъ быть «примиреніе» между системой Коперника и предшествовавшими ей воззрѣніями? Какъ примирить теорію флогистона съ теоріей окисленія? Какъ совершить примиреніе современной медицины съ шептаніями знахаря? Все это слова, слова и слова... Самое «примиреніе» приплетается тутъ по одной аналогіи съ дѣлами жизни практической и никакого смысла и значенія и для установившейся и для отжившей теоріи не имѣетъ. Иванъ Ивановичъ могъ помириться съ Иваномъ Никифоровичемъ, но система Птолемея можетъ, пожалуй, погубить, извратить, спутать систему Коперника, но примириться съ нею не можетъ: или солнце ходитъ вокругъ земли, или земля вокругъ солнца,—ничего средняго быть тутъ не можетъ. Точно также и философія: если она не шутка, не забава, не культурная побрякушка, она не можетъ принимать мѣру вещей сосѣда за свою собственную и преслѣдовать двѣ задачи заразъ. Преслѣдуя осуществленіе такой двойственности, философія теряетъ свое достоинство и взамѣнъ не можетъ получить ничего.

Но если, представляя философію тѣмъ, которые ею интересуются или же могутъ интересоваться, необходимо блюсти ея достоинство и не пытаться низводить ее на степень служанки, то не менѣе необходимо представлять ее и въ той обстановкѣ, которую она заслуживаетъ, и не подвергать ее случайностямъ чьихъ бы то ни было прихотей. Надо помнить, что солнце всходитъ и тогда, когда пѣтухи и не кричатъ, а потому—къ чему служатъ всѣ вульгарныя ссылки? Вѣдь если считаться со всѣмъ вздоромъ, который пишется и печатается, съ теософскими, спиритскими и иными бреднями, и наличность ихъ считать за аргументъ, то въ результатѣ получится одинъ только сумбуръ. Если г. Смирновъ и оберегаетъ себя отъ тѣхъ густыхъ красокъ, которыя можетъ дать теософія или спиритизмъ, то все же онъ по отношенію къ сопоставленіямъ боковыхъ по отношенію къ философскому руслу теченій, принципіально держится такого пути, который отъ только-что указаннаго отличается лишь сте-

пенью, оттѣнкомъ, количественно, что для даннаго случая и неважно. Предоставляя, напримѣръ, метафизикѣ вносить въ философію соотвѣтствующую степень порчи, г. Смирновъ отстаиваетъ эту порчу именно вульгарнымъ пріемомъ, а въ этомъ-то и вся «суть». Приписавъ попутно Ог. Конту такое опредѣленіе метафизики, котораго Контъ не давалъ и не могъ дать (метафизика есть ненаучный методъ, господствовавшій въ средніе вѣка), г. Смирновъ, не вникая въ принципіальный характеръ отрицательнаго отношенія къ метафизикѣ Ог. Конта и другихъ философовъ, ссылается, такъ сказать, на баллотировку этого вопроса: выходятъ-де сочиненія по метафизикѣ и т. д. Правда, выходятъ... Болѣе того: цѣлая уйма людей боится 13-го числа, боится трехъ свѣчекъ, боится просыпать соль; и того еще мало: кликуши воютъ, знахари шепчутъ, шаманы шаманятъ... Но неужели же это значитъ, что всю эту «премудрость» надо включить въ курсъ наукъ или въ курсъ философіи, хорошенько все смѣшать, «примирить» и подавать на банкетѣ любомудрія?

Разставаясь съ искалѣченной всякими операціями, убогой и униженной философіей, выступившей передъ нами изъ лекцій г. Смирнова, мы не можемъ не сдѣлать еще одного, какъ полагаемъ, полезнаго для «молодыхъ людей, интересующихся философіей», замѣчанія. Пора бы перестать напускать этихъ достойныхъ участія людей на плохія книги, вообще, и на совершенно негодныя книги, въ особенности.

Если кому-нибудь, можетъ быть, и покажется нужнымъ походить вмѣстѣ съ г. Смирновымъ вокругъ да около философіи,—на то его добрая воля. Нашъ совѣтъ: лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать «ничего».

1897.

«Русск. Бог.», № 1.

ПЕРВЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ РАБОТЫ В. В. ЛЕСЕВИЧА.

ЖЕНЩИНА И МЕДИЦИНА [1]).

Fa tutto cio che sta in te per essere utite citadino e per indurre altri ah esser tali, e poi lascia che le cose vadano come vanno.

Silvio Pellico.

Мы до такой степени привыкли къ нѣкоторымъ недостаткамъ нашего общества, что обыкновенно и не замѣчаемъ ихъ. Многіе ли изъ насъ обратили вниманіе на то, что женщины наши далеко отстали въ умственномъ и нравственномъ развитіи отъ мужчинъ? Если кому и приходила эта мысль, то весьма немногіе останавливались на ней. А между тѣмъ въ то время, какъ мужчины увлекаемые благороднымъ соревнованіемъ, быстро шагали въ области прогресса, и каждое новое поколѣніе дарило отечеству людей не только выполнившихъ свое назначеніе, но еще сдѣлавшихъ и болѣе, женщины совершенствовались только въ вырѣзываніи фестончиковъ и воланчиковъ, тратили время

---

[1]) Статья эта—первая литературная работа В. В. Лесевича. Она была напечатана въ 1858 г. въ газетѣ «Кавказъ», редакція которой снабдила ее слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Мы очень охотно помѣщаемъ эту статью, оживленную дѣльною и практическою мыслью, достойною обратить на себя вниманіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы также обязаны сказать, что не вполнѣ раздѣляемъ съ авторомъ его строгій приговоръ современной женщинѣ. Предоставляемъ нашимъ любезнымъ читательницамъ выбрать себѣ отвѣтчика изъ среды себя и смѣло поднять перо на защиту прекраснаго пола. Мы въ особенности открываемъ столбцы нашей газеты для статей, написанныхъ женскою рукою о такомъ слишкомъ существенномъ и серьезномъ для нихъ вопросѣ. Справедливость требуетъ, чтобы и онѣ въ своемъ дѣлѣ имѣли голосъ».

Статья была подписана: *В. Викторовъ.*

Прим. ред.

на изученіе кадрилей и полекъ, терзали свое воображеніе интригами нелѣпыхъ романовъ, со дня на день дѣлаясь большими кокетками, сплетницами и бѣлоручками.

Женщины такъ отстали отъ насъ, что неспособны теперь и заинтересовать насъ серьезно; а оттого, отчасти, такъ размножились браки по-расчету, оттого столь многіе теперь женятся на приданомъ, а не на женщинахъ. А если бываютъ партіи и не по-расчету, то онѣ падаютъ на долю гувернантокъ, классныхъ дамъ и вообще на исключенія въ женскомъ обществѣ, погруженномъ въ абсолютную vis inertiae. Но женщины говорятъ, какъ справедливо замѣчаетъ, г. М. В. [1]), что всѣ поприща имъ закрыты, что, кромѣ классной дамы и гувернантки, онѣ ни чѣмъ быть не могутъ. Боже мой! до чего можетъ довести лѣнь, пустившая глубокіе корни. Какъ силенъ бываетъ предразсудокъ! «Многія женщины»,—говоритъ г. М. В.,—чѣмъ взяться за трудъ, скорѣе рѣшатся брать милостыню, выйти замужъ за ненавистнаго человѣка, втереться въ чужое семейство, терпѣть униженіе, льстить, лгать, потворствовать слабостямъ и даже порокамъ». Какъ же низко ставятъ себя женщины, какъ мало предполагаютъ онѣ въ себѣ способностей! А между тѣмъ есть нѣсколько отраслей труда [2]), равно доступныхъ, какъ тому, такъ и другому полу; посвятивъ себя этимъ отраслямъ, женщины вступятъ на тотъ же путь развитія, что и мужчины, вслѣдствіе чего обратятся въ полезныхъ членовъ общества; выйдя изъ своего вѣчно зависимаго положенія, сдѣлаются самостоятельными. Найдутся, можетъ быть, такія, которые скажутъ, что въ удѣлъ женщинѣ дано чувство, а не разумъ, и что назначеніе ея быть матерью и женой такъ важно, что странно требовать отъ нея чего-либо болѣе. Но, съ одной стороны, чувства не могутъ достичь полнаго и правильнаго развитія при застоѣ ума, да и одного чувства для жены и матери весьма недостаточно.

Съ другой стороны, не всѣмъ же удается выходить замужъ,

---

[1]) См. въ № 60-мъ «Экономическаго Указателя» за настоящій годъ статью 1. М. В. «Женскій Трудъ».

[2]) Ихъ исчисляетъ г. М. В.: 1) торговля, 2) фабричное дѣло, 3) сельское хозяйство, 4) литература, 5) поэзія, 6) наука, 7) преподаваніе, 8) *медицина*, 9) художества, 10) сценическое искусство, 11) пѣніе и музыка и 12) ремесла.

и очень многія вскорѣ послѣ свадьбы лишаются мужей. Безпрестанно встрѣчаемъ мы непристроенныхъ дѣвицъ и разстроенныхъ вдовъ, лишенныхъ возможности существовать одиноко, потому что безъ помощи мужчины онѣ не могутъ сдѣлать шагу. Но и мы, мужчины, не мало виновны въ этомъ; мы увлеклись одностороннимъ взглядомъ на женщинъ. Мы допустили и даже помогли имъ оставаться въ томъ состояніи, въ которомъ застало ихъ встрепенувшееся теперь общество. Мы приняли на себя все бремя жизни и сдѣлали изъ женщины существо до крайности слабое, куклу, разряженную и мишурно блестящую. Мы *влюблялись* въ женщинъ, но не *любили* ихъ, потому что не желали имъ добра; говорили имъ тысячи глупѣйшихъ комплиментовъ и ни разу не сказали правды. Трудились и работали за нихъ и произвели и взлелѣяли ихъ лѣность.

Но справедливыя напоминанія и требованія мужчинъ начинаютъ появляться. Общество, затронувшее уже столько важныхъ вопросовъ, вдохнувши новую жизнь во всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, не оставило безъ вниманія самостоятельности женщинъ и ихъ воспитанія. Но женщины погружены еще въ сонъ, особенно у насъ на Кавказѣ: здѣсь онѣ читаютъ только повѣсти и романы (да и то переводные, значитъ—чуждые нашимъ нравамъ), отъ всякаго серьезнаго заглавія бѣгутъ, какъ отъ чумы, а въ газетахъ интересуются только объявленіями модныхъ лавокъ. А потому современная реакція, имъ вообще говоря, или вовсе неизвѣстна, или онѣ знаютъ о ней кое-что по слухамъ. Между тѣмъ на Кавказѣ женщины болѣе чѣмъ гдѣ-либо нуждаются въ самостоятельности вслѣдствіе частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ мужей, братьевъ и вообще мужчинъ изъ семейства, а также и по исключительной многочисленности вдовъ. А какая самостоятельность можетъ быть у женщины пустой, вѣтреной, провождающей свои дни въ бездѣльѣ или за самой дрянной механической работой? Ничто тогда не мѣшаетъ ея несозрѣвшимъ мыслямъ прилѣпляться всѣми, какія ни есть, силами къ городскимъ глупымъ сплетнямъ, толкамъ; а воображенію—создавать странные (чтобъ не сказать болѣе) планы и воздушные замки на основаніи непонятныхъ идей Сю, Занда или Дюма. И выходитъ изъ этого или *ровнехонько ничего* или вольность, столь далекая отъ самостоятельности. Ну, такъ пускай же до поры до времени спятъ наши физически пухленькія и нравственно худощавыя барыни,

пусть имъ грезятся пока ихъ кринолины со стальными обручами—эти, особеннаго рода, власяницы и вериги моднаго свѣта, тогда какъ слишкомъ пылкая ихъ фантазія рисуетъ имъ всю прелесть вновь изобрѣтенныхъ «jupons-coquilles»; пускай себѣ восхищаются тульями отъ шляпокъ, столь наивно принимаемыми за самыя шляпки; пусть дѣлаютъ, что хотятъ... а мы безъ ихъ вѣдома и спроса позаботимся о ихъ будущности, постараемся вывести ихъ изъ того жалкаго положенія, въ которое они ввергнуты своею недѣятельностью и склонностью къ тунеядству. Мы уже сказали, что г. М. В. исчисляетъ 12 отраслей труда, доступныхъ для женщинъ, но составляющихъ по настоящее время почти исключительное достояніе мужчинъ Женщина—поэтъ, женщина—художникъ, артистъ, учитель воспитатель—какъ ни рѣдко, все же существуютъ; значитъ, остальнымъ женщинамъ предоставляются живые примѣры. Весьма желательно, чтобы эти примѣры не остались безъ вліянія, на что, при теперешнемъ направленіи общества, можно надѣяться. Но *женщина—медикъ* будетъ явленіемъ совершенно новымъ и явленіемъ отраднымъ. «Женщина.. медикъ! Да что вы»?—вскрикнетъ, пожалуй, иной читатель. Сообразна ли съ характеромъ женщины эта обязанность, доступна ли уму ея эта наука, не истребитъ ли она въ душѣ ея всякое чувство, не сдѣлаетъ ли она изъ женщины матеріалистку, съ ея ли силами перенести трудности, сопряженныя съ обязанностью медика? На это я скажу, что мало есть обязанностей болѣе сообразныхъ съ характеромъ женщины, какъ обязанности медика: женщинѣ-медику предстоитъ являться ангеломъ-утѣшителемъ въ поверженномъ въ скорбь семействѣ, помогать страждущимъ, видѣть возстановленіе силъ опасно больныхъ и сознавать это плодомъ своихъ усилій и заботъ; распространять вокругъ себя радость, возбуждать благодарность въ сердцахъ, заставить любить себя тою любовью, какою никогда еще не любили женщину. Это ли не сообразно съ ея характеромъ? Доступна ли эта наука уму ея? Мнѣ кажется, что вполнѣ доступна, и если мы видимъ теперь, что умъ женщины—въ состояніи упадка и слабости, то это произошло отъ ложнаго воспитанія и условій общественнаго быта, не допустившихъ ума ихъ развиться до возможныхъ предѣловъ; а нѣтъ причины думать, чтобы предѣлы эти не развились съ предѣлами ума мужчинъ. И я увѣренъ, что распространеніе медицины (и другихъ серьезныхъ познаній) между

женщинами разовьетъ ихъ, научитъ ихъ вникать и наблюдать, сообщитъ основательность и критическій взглядъ, почти невстрѣчающійся у нашихъ дамъ; онѣ станутъ разборчивы въ идеяхъ, убѣжденіяхъ и намѣреніяхъ, какъ теперь разборчивы въ нарядахъ. Я не думаю также, чтобы медицина убивала чувство; я думаю, что она развиваетъ его. Кругъ дѣятельности медика великъ и даетъ ему случай узнать всѣ виды бѣдности, всѣ роды несчастій, и отъ любви къ семейству и близкимъ возвышаетъ его до любви къ человѣчеству. Женщина, посвятившая себя медицинѣ, войдетъ въ отношенія съ людьми всѣхъ званій и сословій, что познакомитъ ее съ ихъ идеями, дастъ ей возможность всмотрѣться въ жизнь, какова она есть въ дѣйствительности, а не въ романахъ; это расширитъ кругъ ея собственныхъ идей и сообщитъ имъ вѣрность; что, въ свою очередь, дастъ истинное направленіе и развитіе ея чувству, растрачиваемому теперь большей частью напрасно и неспособному симпатизировать съ предметами общечеловѣческихъ интересовъ. Въ то же время видъ скорби, страданія, смерти отчасти закалитъ ея душу и отыметъ тотъ излишекъ чувствительности, коимъ одержима большая часть женщинъ и который дѣлаетъ изъ нихъ членовъ тяжелыхъ не только въ обществѣ, но и въ семействѣ. Пора, наконецъ, убѣдиться женщинамъ, что всѣ эти обмороки, истерики и разстройства нервъ дѣлаютъ ихъ то жалкими, то смѣшными, и что отъ этихъ бѣдъ онѣ могутъ избавиться не только разумнымъ воспитаніемъ, но и жизнью, полезною для общества, жизнью необходимо предполагающею борьбу, въ которой онѣ пріобрѣтутъ силы — и тѣлесныя, избавляющія отъ истинныхъ обмороковъ, и умственныя, помощью которыхъ женщины поймутъ, что притворно падать въ обморокъ — глупо.

Весьма ошибается тотъ, кто предполагаетъ, что изученіе медицины порождаетъ матеріализмъ. Человѣкъ вѣрующій, съ душою возвышенной, одаренною тонкою чувствительностью, со взглядомъ ученымъ, неотуманеннымъ какимъ-нибудь частнымъ философскимъ воззрѣніемъ, никакъ не сдѣлается матеріалистомъ отъ изученія медицины. И такъ какъ женщинѣ преимущественно сродны эти качества, то я увѣренъ, что она всегда останется далекою отъ матеріализма. Предполагающій, что теперешняя слабость женщинъ есть ихъ нормальное состояніе, очень ошибается. Причина такой слабости заключается въ воспитаніи и

образѣ жизни женщины; а всѣмъ извѣстно, что какъ то, такъ и другое, или очень мало или вовсе не развиваетъ этихъ силъ.

И если мы примемъ въ соображеніе, что два или три поколѣнія передавали постепенно одно другому слабость, изнѣженность и расположеніе къ недѣятельности, то перестанемъ удивляться теперешнему отвращенію женщинъ къ труду. И, можетъ быть, не легко женщинѣ нынѣшняго вѣка возбудить въ себѣ давно утраченныя силы, возродить терпѣніе, усидчивость, смѣтливость, рѣшимость—достоинства, необходимыя трудящемуся,—коихъ женщины совсѣмъ не имѣютъ.

Рѣшивъ эти вопросы, мы перейдемъ къ ближайшему ознакомленію съ новымъ, *возможнымъ* и полезнымъ членомъ общества—женщиною-медикомъ:

Не всѣмъ, можетъ быть, извѣстно, сколько претерпѣваютъ женщины отъ своей неумѣстной, хотя и естественной застѣнчивости съ докторами, и сколько съ своей стороны затрудняются доктора, когда вопросы, кои они принуждены дѣлать, сколько нибудь выдаются изъ общихъ правилъ, предписываемыхъ приличіями. Обоюдное это затрудненіе влечетъ за собою трудность для доктора опредѣлить болѣзнь, а слѣдовательно и леченіе ея, и потому паціентка дѣлается жертвою своей скромности и соблюденія однихъ изъ самыхъ основательныхъ законовъ свѣтскаго обращенія. И какъ ни печально такое положеніе, но оно дѣлается еще прискорбнѣе, когда мы припомнимъ, что женщина назначена играть столь важную роль въ возрожденіи человѣческаго рода.—Зачѣмъ спросимъ мы,—тронутые такою несправедливостью, отъ какого-нибудь весьма легко пополнимаго недостатка общества, будутъ терпѣть безвинно цѣлыя поколѣнія?

И отчего женщины, отъ коихъ зависитъ уничтоженіе этого недостатка, давно не взялись за трудъ, столь важный и столь достойный благодарности всякаго, сочувствующаго общему благу? И такъ, польза замѣненія дамскихъ докторовъ женщинами-медиками—очевидна. Чего же надо требовать отъ женщины-медика и чего она, въ свою очередь, имѣетъ право требовать? Вотъ, о чемъ скажемъ мы теперь нѣсколько словъ. Женщинѣ-медику слѣдовало бы, по моему мнѣнію, имѣть общее основательное понятіе о медицинѣ и спеціально изучить женскія болѣзни. Желательно было бы также, чтобъ и леченіе дѣтскихъ болѣзней перешло къ женщинамъ-медикамъ. Сама природа

назначила женщину хранительницей малолѣтняго возраста; женщины инстинктивно умѣютъ угадывать потребности и страданія этихъ нѣмыхъ существъ; а потому, кажется мнѣ, ни одному доктору не удастся такъ скоро и удачно вылечить ребенка, какъ женщинѣ-медику.

Сообразно съ такими познаніями права женщины-медика должны быть тѣ же, какъ и всякаго получившаго докторскій дипломъ. По ея рецептамъ должны бы быть отпускаемы изъ аптеки лѣкарства и ей предоставлены мѣста въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ женскихъ отдѣленіяхъ больницъ, женскихъ монастыряхъ и пріютахъ. Причемъ слѣдовало бы, конечно, давать имъ положенное на этихъ мѣстахъ жалованье и награды. Вотъ цѣль, права и карьера женщины-медика. Всякій согласится, что такая женщина была бы достойна величайшаго уваженія. Общество сумѣло бы оцѣнить промѣнъ пустяковъ на науку и переходъ отъ мелочей къ служенію общей пользѣ. И съ какимъ восторгомъ привѣтствовали бы женщину, стяжавшую кресты и звѣзды своими собственными трудами!— Женщины-медики замѣнили бы у насъ повивальныхъ бабокъ, пріобрѣтающихъ большей частью практически свои познанія и недостаточно свѣдущихъ въ медицинѣ, чтобы не затрудниться при разнообразныхъ случаяхъ, представляющихся во время родовъ, и почти неспособныхъ подать помощь больной *до* и *послѣ* нихъ. А потому нерѣдко приходится отсылать бабку и приглашать доктора, и я уже сказалъ, какія неудобства это влечетъ за собою. Но не одни только роды требуютъ медицинской помощи: есть еще множество болѣзней, припадковъ и случаевъ, когда женщина нуждается въ совѣтахъ этой благодѣтельной науки. А такъ какъ большая часть этихъ случаевъ неохотно открывается доктору, то и неизбѣженъ ущербъ или здоровью или приличію, особенно у дѣвицъ до замужества. На Кавказѣ, кромѣ этихъ причинъ, есть еще другія, исключительныя. Значительная часть населенія состоитъ изъ мусульманъ, какъ извѣстно, ревнивыхъ и подозрительныхъ до крайности. Медицина у нихъ (за исключеніемъ леченія ранъ, производимыхъ оружіемъ) находится въ жалкомъ состояніи; и если отъ распространенія въ городахъ русскихъ медиковъ выиграло мужское населеніе этихъ мѣстъ, то положеніе женщинъ весьма мало или совсѣмъ не улучшилось. Мнѣ разсказывалъ одинъ докторъ въ Дербентѣ, что онъ чуть не поплатился жизнію за

свое желаніе помочь одной родильницѣ. На другой день онъ съ ужасомъ узналъ, что бѣдному ребенку, принявшему поперечное положеніе, оторвали руку и чуть не по частямъ вынули изъ утробы умиравшей матери. А отецъ, зная все это, грозилъ доктору кинжаломъ и слушать не хотѣлъ никакихъ доводовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такихъ случаевъ много, и нельзя несогласиться, что женщина-медикъ есть единственное средство къ избавленію отъ нихъ. Именно женщина-медикъ, изучившая свое дѣло, а не повивальная бабка, которая, начавъ свое поприще неудачами и обнимая своими недостаточными свѣдѣніями только часть женскихъ болѣзней, не въ состояніи принести всей требуемой отъ нея пользы, а у татаръ и довѣрія никогда пріобрѣсти не можетъ. Итакъ, если обязанности медика сообразны съ характеромъ женщины, если они удовлетворяютъ ея призванію, разовьютъ ея умъ, чувство, силы и принесутъ всю требуемую пользу, какъ для нея, такъ и для всего общества; если они возвысятъ женщинъ на степень самостоятельныхъ членовъ общества и послужатъ иниціативой всѣмъ другимъ, еще пребывающимъ во снѣ, то остается желать, чтобы мы скорѣе имѣли случай узнать объ успѣхахъ первой женщины-медика. Но, можетъ быть, скажутъ, что у женщинъ не было средствъ къ приготовленію себя въ медики, а оттого и упреки наши несправедливы. На это можно отвѣчать: такъ какъ женщины до сихъ поръ не высказывали ни малѣйшей склонности къ серьзнымъ занятіямъ, и, какъ вообще, посвященіе себя труду являлось у нихъ исключеніемъ, а не общимъ правиломъ, то поэтому и не читались въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ науки спеціальныя, соблюденіе формальностей—чтеніе лекцій съ каѳедры,—еще не привело бы къ цѣли, когда не согласовалось съ общимъ убѣжденіемъ и когда женщины еще не были къ тому подготовлены. Весьма справедливо замѣчаетъ г. М. В.: «Книги есть, и для всѣхъ доступны; учись и читай». Онъ говоритъ, *что есть множество молодыхъ людей, образовавшихъ самихъ себя помощью тяжелыхъ лишеній и самыми скудными средствами.* Между тѣмъ, какъ между женщинами если и есть такіе примѣры, то они такъ рѣдки, что едва ли кому извѣстны. Кто же виноватъ? Окончивъ эту статью я невольно задалъ себѣ вопросъ:—Ну, что выйдетъ изъ всего этого?... и отрадныя мысли стали приходить мнѣ въ голову, и было мнѣ какъ-то весело. Съ минуту я надѣялся... Но Ла-

рошфуко еще, не знаю въ который разъ, перебилъ и смѣшалъ всѣ мои мысли: «L'esprit de la plupart des femmes sert plus á fortifier leur folie que leur raison *). А я столько понадѣялся на женскій умъ!...

1858.

«Кавказъ», №№ 53 и 54.

---

[1]) Sentences et maximes, CCCXL.

НАУЧНЫЯ ВѢСТИ.

I.

Собственное движеніе солнца и звѣздъ. — Новѣйшія наблюденія.—Работы Брюссельской обсерваторіи.—Труды Ложье и д'Арреста.—Наблюденіе лорда Росса надъ туманностями.—Спектральный анализъ.—Составъ солнца.—Новые металлы.—Значеніе спектральнаго анализа въ медицинѣ и гигіенѣ.

Что такое рутина?

Рутина, говоритъ одинъ французскій писатель, это жалкое исчадіе привычки и лѣни, по милости которой всегда и вездѣ берутъ верхъ идеи ложныя и застарѣлыя; рутина выдаетъ ихъ за истинныя и живыя.

Трудно себѣ представить, сколько изъ-за нея существуетъ смѣшныхъ предразсудковъ, нелѣпыхъ суевѣрій и всевозможной ерунды. Но у рутины *«твердокаменная»* грудь, ее ничто не колеблетъ, будь то самые даже жестокіе удары очевидности. Цѣлые годы неутомимыхъ усилій и неопровержимѣйшихъ доказательствъ нужны для того, чтобы чуть-чуть ее сдвинуть съ мѣста и направить на новый путь. Напрасно вы, подобно Галилею, топнете ногой и съ отчаяніемъ крикнете «e pur si muove», Рутина съ видомъ тупоумнѣйшей важности отвѣтитъ вамъ, что она вѣрила, вѣритъ и будетъ впредь вѣровать, что земля стоитъ на мѣстѣ.

И такимъ образомъ во всемъ: въ большомъ и маломъ. Въ настоящее время, во второй половинѣ XIX-го вѣка, девять десятыхъ такъ называемой образованной публики остается при четырехъ стихіяхъ, вычитанныхъ изъ азбуки, при страхѣ и ужасѣ отъ кометъ и затмѣній. И кто знаетъ, сколько времени пройдетъ еще, пока лучъ свѣта проникнетъ въ этотъ глубокій мракъ, въ эту «бѣлую Арапію», какъ называетъ одинъ изъ героевъ

послѣдней комедіи Островскаго эту бездну невѣжества и застоя. Пусть себѣ работа кипитъ на западѣ, пусть ученые дѣлаютъ великія открытія, пускай прогрессъ будетъ не однимъ только пустымъ словомъ... какъ же намъ-то бросить свои милыя привычки, свои удобныя *сложившіяся* понятія и начать *переучиваться*, усваивать новыя идеи и новые взгляды, когда мы даже для нашихъ дорогихъ, нашихъ прекрасныхъ денегъ еще не успѣли совершенно усвоить *новаго* счета на серебро.

Послѣ этого, конечно, нельзя и требовать, чтобы научныя идеи скоро проникали въ публику и получали въ ней право гражданства. Нельзя, напримѣръ, требовать, чтобы выучивъ изъ географіи Арсеньева извѣстную фразу о неподвижности солнца, стали считать его двигающимся; или, выдолбивъ выраженіе «неподвижныя звѣзды», отказались отъ этого понятія... Легко ли? Да и притомъ неподвижность все же какъ-то симпатичнѣе. Но если идеи эти съ трудомъ проникаютъ въ публику и не скоро ею усваиваются, то это можетъ служить тѣмъ большимъ побужденіемъ для всякаго, кому противны застой и невѣжество, не переставать повторять о наукѣ, о дѣятельности, объ интересахъ общечеловѣческихъ, о прогрессѣ. Всякій, кто сознаетъ себя неспящимъ, долженъ, подражая жителямъ, извѣстнаго острова, посѣщеннаго Гулливеромъ, давать щелчки въ носъ своему заснувшему ближнему и будить его.

Ну вотъ, напримѣръ, я только что сказалъ о неподвижности солнца и звѣздъ, о которой случается не только очень часто слышать, но иногда и читать... Объ этомъ-то на первый разъ, и о другихъ вопросахъ впослѣдствіи намѣренъ я говорить безъ всякой претензіи на ученость и съ единственнымъ желаніемъ и намѣреніемъ популяризировать научныя свѣдѣнія и передавать новости о замѣчательныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ на Западѣ.

Я не знаю, понимаютъ ли всѣ тѣ, которые до сихъ поръ еще вѣруютъ въ неподвижность звѣздъ и солнца, что они, выражая это вѣрованіе, обнаруживаютъ чрезвычайное невѣжество и на цѣлое столѣтіе отстаютъ отъ современнаго состоянія науки.

Открытіе собственныхъ движеній звѣздъ относится къ прошлому вѣку. Галлей (1718) первый подозрѣвалъ такое движеніе. А Жакъ Кассини (1738) несомнѣнно доказалъ движеніе одной изъ нихъ. Впослѣдствіи Товія Мейеръ гораздо подробнѣе изучилъ этотъ вопросъ, распространивъ свои изысканія на 80 звѣздъ.

Наконецъ, послѣ изысканій Уильяма Гершеля, Мессье, Медлера и др. вопросъ этотъ считается рѣшеннымъ, и наблюденія астрономовъ обратились къ опредѣленію направленія къ скорости этихъ движеній.

Солнце, какъ одна изъ звѣздъ млечнаго пути, по неизбѣжной аналогіи, должно также надлежать этому закону, и дѣйствительно еще Фонтельне, Бредлей, Т. Мейеръ и Ламбертъ довольно ясно выражали подозрѣнія свои о поступательномъ движеніи солнца въ пространствѣ. Уильямъ Гершель (1788) не только окончательно доказалъ дѣйствительное существованіе такого движенія, но даже опредѣлилъ положеніе точки на небѣ, къ которой направляется солнце со всею своею системою. По его мнѣнію, точка эта находилась въ созвѣздіи Геркулеса. Конечно, что такой результатъ при тогдашнемъ состояніи науки, былъ не болѣе намъ вѣроятнымъ и приблизительнымъ. Онъ подтвердился лишь впослѣдствіи.

Послѣ Гершеля вопросомъ этимъ занимались: Аргеландеръ, Лундаль, О. Струве и Галовей, наблюденія которыхъ, хотя и имѣютъ между собою незначительныя различія, но всѣ единогласно подтверждаютъ, что солнце несется къ созвѣздію Геркулеса со скоростью $7^1/_2$ верстъ въ каждую секунду, какъ вычислили В. Струвье и Петерсъ.

Какъ ни точны приведенныя здѣсь наблюденія, особенно же новѣйшихъ астрономовъ, но все же ихъ, сравнительно, было еще такъ мало, что окончательное опредѣленіе какъ направленія, такъ и скорости солнечной системы еще впереди. Опредѣленія эти основываются на знаніи собственнаго движенія звѣздъ, и изученію этого движенія, несмотря на всѣ утомительныя трудности, съ нимъ сопряженныя, посвятили себя теперь весьма многіе ученые, труды коихъ тѣмъ болѣе достойны глубокаго уваженія и благодарности, что не имъ самимъ, а только ихъ потомству придется воспользоваться этими трудами. Такъ Брюссельская обсерваторія около четверти вѣка уже занята подобной работой. Г. Эрнестъ Кетле представилъ уже мемуаръ о собственномъ движеніи звѣздъ въ королевскую академію наукъ. Первый каталогъ, изданный Брюссельской обсерваторіей, заключаетъ въ себѣ около 166 звѣздъ, которыя были наблюдаемы въ 1837, 38, 39 годахъ и движеніе которыхъ опредѣлено. Второй каталогъ вышелъ въ прошломъ году и заключаетъ въ себѣ наблюденія, сдѣланныя отъ 1848 до 1856 года. Надъ третьимъ

каталогомъ, начатомъ въ 1859 году, работаютъ теперь. Главная цѣль этого каталога—пересмотръ всѣхъ звѣздныхъ движеній, достигающихъ $^1/_{10}$ секунды въ годъ и, кромѣ того, новыя наблюденія надъ звѣздами стараго каталога, которыя не были еще разсмотрѣны. Для окончанія его потребуется еще нѣсколько лѣтъ, такъ трудна и кропотлива эта работа.

Но новѣйшая наука не останавливается только на этомъ. Она не довольствуется гигантской работой надъ движеніемъ звѣздъ млечнаго пути; но чувствуетъ себя въ силахъ взяться за опредѣленіе движенія и направленіе самой звѣздной системы, называемой нами млечнымъ путемъ, или, вѣрнѣе, млечною туманностью; и для этого предпринимаются наблюденія надъ движеніемъ туманностей въ пространствѣ. Но прежде, чѣмъ скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ наблюденіяхъ, припомнимъ, вмѣстѣ съ читателемъ, что такое туманность? Представьте себѣ, что мы бы унеслись въ пространство на такое разстояніе, что солнце не только не показалось бы намъ отдѣльной звѣздой, но слилось со всѣми прочими, и весь млечный путь съ его милліонами звѣздъ представился бы намъ въ видѣ бѣловатаго небольшого пятна, для разсмотрѣнія котораго потребовались бы уже сильнѣйшіе телескопы. Вотъ это-то бѣловатое пятно и называется туманнымъ пятномъ или просто туманностью и такими туманностями наполнено небесное пространство за предѣлами млечнаго пути. Всѣ бѣловатыя пятна, усматриваемыя на небѣ, суть цѣлые міры, громадныя звѣздныя системы, разлагающіяся подъ телескопами на безчисленное множество свѣтилъ. Теперь мы безъ труда оцѣнимъ всю громадность и важность работъ, предпринятыхъ лѣтъ десять тому назадъ г. Ложье, занимавшимся опредѣленіемъ собственнаго движенія млечной системы. Ложье могъ достигнуть этого составленіемъ точнѣйшаго каталога туманностей. Измѣненіе въ положеніи туманностей, записанныхъ въ этомъ каталогѣ, сравненное съ положеніемъ ихъ, опредѣленнымъ послѣдующими и притомъ весьма позднѣйшими наблюденіями, дозволитъ опредѣлить какъ ихъ собственное движеніе, такъ и движеніе млечнаго пути. Каталогъ этотъ, издаваемый гг. Ложье и д'Аррестомъ, послужилъ уже для сравненія въ наблюденіяхъ г. Анвера (Anvers). Этотъ астрономъ помѣстилъ въ 1393 нумерѣ «Astronomische Nachrichten» каталогъ положенія 40 туманностей, которыя онъ наблюдалъ въ Кенигсбергѣ въ 1860 году и допол-

нилъ, такимъ образомъ, трудъ Ложье и д'Арреста. Понятно, впрочемъ, что время, протекшее между двумя этими наблюденіями, такъ невелико, что въ положеніи туманностей не могло быть еще замѣчено чувствительной разности. Кромѣ того, Дж. Гершель, по извѣстіямъ *Космоса*, издалъ въ декабрѣ новый общій каталогъ 2508 туманностей, согласно прежнимъ и новымъ наблюденіямъ. Судя по каталогу, изданному имъ въ 1833 году, и который служилъ основаніемъ новому, надо полагать, что трудъ этотъ совершенно безупреченъ. Таковы замѣчательныя наблюденія, проникающія далеко за предѣлы нашего міра въ безпредѣльность пространства; но этимъ они еще не ограничиваются. Очевидно, что нельзя было не изслѣдовать, сколько возможно, тѣ предметы, движенія коихъ теперь изучаютъ. И дѣйствительно, наблюденія надъ туманностями весьма много занимали астрономовъ. Прежде большую часть ихъ относили къ массамъ разлитой міровой матеріи еще не сконцентрировавшейся въ отдѣльныя системы солнца; но со временъ Гершеля, а особенно же послѣ неутомимыхъ наблюденій лорда Росса, туманности эти разложились подъ телескопами на отдѣльныя звѣзды. О послѣднихъ наблюденіяхъ мы и намѣрены сказать нѣсколько словъ. Уже около 25 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ученый лордъ посвятилъ себя изысканіямъ и изслѣдованіямъ туманностей, и ему были обязаны любопытнѣйшими открытіями по этой части. Онъ самъ устроилъ огромные отражательные инструменты, величина зеркалъ которыхъ доходитъ до 6 футовъ въ поперечникѣ, а фокусное разстояніе до 56 фут. Послѣдній его телескопъ былъ устроенъ въ 1844 году и установленъ, какъ извѣстно, въ паркѣ Parsonstawn, въ Ирландіи. Этимъ-то инструментомъ лордъ Россъ разложилъ тѣ изъ туманностей, которыя до него считались неразложимыми. Открытіе спиральной туманности въ созвѣздіи «Ловчихъ псовъ» произвело на ученый міръ сильное впечатлѣніе.

До этого открытія Дж. Гершель изображалъ эту туманность въ видѣ кольца изъ міровой матеріи, раздѣленнаго на двѣ вѣтви, кромѣ того, въ сторонѣ отъ нея видно было бѣловатое пятно, которое, какъ казалось, къ ней же принадлежало.

Замѣтимъ при этомъ, что туманность эта, въ такомъ видѣ изображенная, представляла весьма приблизительно нашъ млечный путь, видимый зрителю, находящемуся на огромномъ разстояніи по линіи, перпендикулярной къ плоскости, про-

дольно пересѣкающей этотъ весьма сплюснутый шаръ. Такимъ образомъ, представлялся какъ бы въ зеркалѣ нашъ звѣздный міръ, вѣрнымъ подобіемъ котораго была эта туманность. Но подъ сильнымъ телескопомъ лорда Росса это обыкновенное явленіе преобразилось въ нѣчто такое, что еще никогда не подвергалось наблюденіямъ астрономовъ. Вмѣсто кольцеобразной формы, была замѣчена свивающаяся спираль, имѣющая около 12 оборотовъ, весьма между собою различающихся и отстающихъ одинъ отъ другого на неровныя разстоянія; и что въ особенности достойно удивленія: вмѣсто свойственнаго другимъ туманностямъ обыкновеннаго порядка, установляющаго постоянное равновѣсіе, замѣчено самое сложное построеніе, находящееся въ неустойчивомъ равновѣсіи, управляемомъ динамическими законами, не примѣняющимися къ подобнымъ явленіямъ нашей солнечной системы.

Лордъ Россъ того мнѣнія, и большая часть астрономовъ вмѣстѣ съ нимъ, что туманность эта и вообще всѣ спиральныя туманности, находятся въ неустойчивомъ равновѣсіи и не могутъ существовать въ такомъ состояніи безъ особаго внутренняго движенія. Сколько нужно было вѣковъ и тысячъ вѣковъ, чтобы привести цѣлую массу солнцъ въ такое устройство? Наше счисленіе, ограниченное тѣсными предѣлами понятій, вытекающихъ изъ наблюденія окружающихъ насъ предметовъ, не можетъ дать объ этомъ никакого понятія. «Transactions philosophiques» за 1862 годъ содержитъ мемуаръ знаменитаго лорда, плодъ семилѣтнихъ его трудовъ; къ этому мемуару приложено семь таблицъ, изображающихъ 43 туманности. Кромѣ того, онъ, вмѣстѣ со своими помощниками Мичелемъ и двумя Стонеями, изучили 2300 туманностей сѣвернаго каталога Дж. Гершеля. Многія изъ нихъ были срисованы и въ томъ числѣ 15, имѣющихъ спиральную форму. Изъ всего этого видно, говоритъ г. Flammarion, что вторая половина нашего вѣка ознаменовывается научными трудами необыкновенной важности; еще нѣсколько десятковъ лѣтъ—и вопросы теперь не разрѣшимые, станутъ игрушками. Можно ли бояться, что мы идемъ слишкомъ скоро или слишкомъ далеко? Нѣтъ, какъ пространство, такъ и наука, раздвигаютъ свои предѣлы по мѣрѣ того, сказалъ Паскаль, какъ раздвигаются наши неутомимыя желанія и наше пониманіе.

«Умъ имѣетъ свои вѣчныя права,—говоритъ Гейне въ своихъ

«Reisebilder»,—облетѣлъ всѣ страны земли, взобрался на самыя высокія горы, издавая клики восторга и побѣды; онъ припомнилъ о многихъ вѣковыхъ желаніяхъ и сомнѣніяхъ и принялся размышлять надъ чудесами дня и считать звѣзды ночи. Мы не знаемъ еще числа этихъ свѣтилъ, блистающихъ на небесномъ сводѣ, мы еще не проникли въ интересныя тайны земли и моря; многія загадки, однако жъ, ужъ разрѣшены, мы знаемъ много, отгадываемъ еще болѣе». И въ самомъ дѣлѣ, день ото дня загадки эти одна за другою разрѣшаются, и то, что еще при жизни Гейне можно было только угадывать, мы теперь знаемъ.

Если бы, напримѣръ, сказать Лавуазье, что не пройдетъ и вѣка послѣ его великихъ открытій, какъ станутъ уже подвергать химическому анализу самое солнце; и что анализъ этотъ будетъ производиться посредствомъ стеклянной призмы и экрана—быть можетъ, великій геній усумнился бы въ возможности такого чуда. И вотъ теперь, благодаря Бунзену и Кирхгофу, двумъ знаменитымъ Гейдельбергскимъ ученымъ, открывшимъ *спектральный анализъ* и положившимъ основаніе такъ называемой *оптохиміи*, дѣло это сдѣлалось столько простымъ, какъ и легкимъ. Чтобы сдѣлать яснымъ это замѣчательное открытіе, опишемъ способъ производства опытовъ самого Бунзена, какъ ихъ передаетъ Парвиль въ своихъ «Causeries scientifiques».

Бунзенъ производитъ свои опыты въ двухъ комнатахъ. Въ первой изъ нихъ царствуетъ безусловный мракъ. Только нѣсколько лучей свѣта проходятъ черезъ щель, устроенную въ ставнѣ. Впереди этой щели установлена стеклянная призма, а передъ нею большой бѣлый экранъ.

По данному знаку лучи направляются на призму, и тотчасъ же получается на экранѣ яркое изображеніе всѣхъ цвѣтовъ радуги съ чрезвычайною ясностью. Начиная снизу различаются слѣдующіе 7 цвѣтовъ: фіолетовый, синій, голубой, зеленый, желтый, оранжевый, красный. Это пока еще опытъ очень часто производимый физиками, но о которомъ намъ непремѣнно нужно упомянуть, чтобы быть понятными для всѣхъ. Цвѣтное изображеніе извѣстно въ наукѣ подъ названіемъ *солнечнаго спектра*. Отчего онъ происходитъ? Припомнимъ, что лучъ свѣта сложенъ и состоитъ изъ разноцвѣтныхъ лучей, общее одновременное впечатлѣніе которыхъ на сѣтчатую оболочку произво-

дитъ впечатлѣніе бѣлаго цвѣта. Извѣстно, что кругъ, разрисованный въ должной соразмѣрности всѣми радужными цвѣтами, при быстромъ обращеніи также кажется бѣлымъ.

Если внимательно разсмотрѣть солнечный спектръ, то легко замѣтить, что онъ состоитъ не изъ однихъ только семи цвѣтовъ радуги. Въ самомъ дѣлѣ они сливаются между собою, такъ что нельзя опредѣлить съ точностью линіи ихъ раздѣла; такимъ образомъ составляются многочисленные промежуточные оттѣнки.

Если спектръ разсмотрѣть еще ближе, то обозначатся весьма отчетливо множество черныхъ полосъ, идущихъ поперекъ изображенія, отъ верху до низу. При терпѣніи легко сосчитать 500, 600, 700 и т. д. полосъ и тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе увеличеніе зрительной трубы, въ которую ихъ будутъ разсматривать.

Фрауэнгоферъ, впервые изучившій эти черныя полосы, замѣтилъ 8 главныхъ, обозначаемыхъ обыкновенно первыми буквами азбуки. Отличить ихъ очень легко.

Эти черныя линіи спектра обнаруживаютъ, что въ солнечномъ свѣтѣ нѣтъ лучей всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ. Объясненіе причины этого явленія мы представимъ тотчасъ, но прежде намъ нужно познакомиться еще съ нѣкоторыми опытами Бунзена.

Въ другой комнатѣ, освѣщенной дневнымъ свѣтомъ, поставленъ аппаратъ, называемый спектроскопомъ, который мы опишемъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Аппаратъ этотъ состоитъ изъ ящика, раздѣленнаго поперечной перегородкой на два отдѣленія. Въ одномъ изъ нихъ располагается газовый рожокъ, въ переднемъ же призма, а за нею зрительная труба, окуляръ, который находится надъ ящикомъ. Свѣтъ отъ газа достигаетъ до призмы чрезъ отверстіе, продѣланное въ перегородкѣ и, проходя чрезъ призму разлагается. Стоитъ только взлянуть въ трубу, чтобы увидѣть цвѣтной спектръ: сѣтчатая оболочка служитъ въ этомъ случаѣ вмѣсто экрана.

Замѣтить надо только, что спектръ, получаемый въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ отличается отъ спектра солнечнаго, что мѣсто темныхъ линій занимаютъ свѣтлыя цвѣтныя полоски. Причину этой разности мы объяснимъ ниже, а теперь намъ предстоитъ прослѣдить за интереснѣйшею и существеннѣйшею частью опыта. Возьмемъ нѣсколько крупинокъ соли и бросимъ ихъ въ огонь аппарата Бунзена. Въ спектрѣ тотчасъ же явится

весьма явственно желтая линія. Бросимъ еще нѣсколько крупинокъ поташа, тогда увидимъ немедленно двѣ новыя линіи— красную и фіолетовую. И такимъ образомъ всякій разъ, когда мы будемъ вводить въ огонь частицы новаго тѣла, на спектрѣ будутъ являться особыя характеристическія, блестящія линіи разныхъ цвѣтовъ. И такъ всякое вещество какъ будто бы телеграфируетъ свое названіе посредствомъ свойственныхъ ему цвѣтныхъ линій. И слѣдовательно всякій разъ, когда какая-нибудь извѣстная линія появится на спектрѣ, можно будетъ съ совершенною увѣренностью утверждать, что соотвѣтствующее ей вещество входитъ въ составъ испытуемаго тѣла.

Самъ Бунзенъ такъ привыкъ къ этимъ опытамъ, что, справляясь только съ одною своею памятью, онъ немедленно узнаетъ по спектру всякое новое постороннее тѣло, вводимое въ огонь.

Если только хотите удостовѣриться въ необыкновенной точности этого способа, возьмите маленькую агатовую ступку и начните толочь въ ней поташъ: вы тотчасъ замѣтите, что характеристическія линіи этого вещества, красная и фіолетовая, покажутся на спектрѣ. Это произошло отъ того, что при ударахъ пылинки поташа разлетались въ воздухѣ и попадали въ огонь. Изъ этого видно, что достаточно самой малѣйшей частицы, пылинки какого-нибудь тѣла, для обнаруженія его присутствія въ спектрѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ вполнѣ, возьмите $2\frac{1}{2}$ фунта соли и раздѣлите ее на милліонъ частей, а каждую такую часть еще на 3 милліона, то достаточно будетъ одной доли послѣдняго дѣленія, чтобы вызвать въ спектрѣ черту, характеризующую присутствіе натра, составляющаго металлическое основаніе повареной соли. Но мы сказали, что спектральный анализъ даетъ средство изслѣдовать составъ солнца и опредѣлить, заключаетъ ли оно въ себѣ тѣ же элементы, какъ и земля. Теперь намъ легко будетъ доказать, какъ это достигается.

Изъ описанія нашего увидятъ, какъ всѣ явленія во вселенной связаны между собой, и какъ отъ заключенія къ заключенію доходятъ до самыхъ удивительныхъ результатовъ. Черныя линіи спектра, остававшіяся до сихъ поръ загадкой для физиковъ, объясняются теперь съ величайшею достовѣрностью, и сами они разрѣшаютъ множество труднѣйшихъ задачъ. Возьмемъ описанный нами аппаратъ Бунзена и приспособимъ его такъ, чтобы за лампой можно было установить электрическое

освѣщеніе, которое можно было бы возобновлять и уничтожать по желанію. Устроивъ все такимъ образомъ, бросимъ въ огонь крупинку натра и станемъ наблюдать за спектромъ.

Мы увидимъ тогда, что пока электрическое освѣщеніе не будетъ еще замѣтно, характеристическая желтая черта натра ясно на немъ обозначится; но какъ только появится электрическій свѣтъ, тотчасъ мѣсто желтой линіи займетъ темная, почти черная линія. И сколько мы разъ ни будемъ уничтожать и снова производить искру, каждый разъ желтая и черная линіи будутъ взаимно смѣняться до тѣхъ поръ, пока въ огнѣ будетъ горѣть натрій. Когда же онъ сгоритъ, ни желтая, ни черная линіи болѣе не появятся. Что слѣдуетъ заключить изъ этого опыта?

Очевидно, что мы здѣсь производимъ въ маломъ размѣрѣ то, что происходитъ на солнцѣ. Ядро этого свѣтилъ замѣняетъ въ немъ электрическій свѣтъ, а свѣтлая его оболочка заступаетъ мѣсто газоваго пламени въ нашемъ опытѣ.

Для произведенія темной черты необходимо было положить въ газовое пламя крупинку натрія; наоборотъ, солнце, для произведенія той же черной линіи, должно содержать натрій въ своей оболочкѣ. Подобные же опыты убѣдили Бунзена, что на солнцѣ кромѣ натрія есть еще калій, желѣзо, магній, хромъ и никкель; и положительно нѣтъ ни мѣди, ни серебра.

Таковы громадныя послѣдствія спектральнаго анализа, и если бы этимъ только ограничивались выводимыя изъ него послѣдствія, то и тогда бы онъ уже заслуживалъ названіе великаго открытія, но послѣдствія эти гораздо обширнѣе. Мы укажемъ на главнѣйшія.

Такъ какъ малѣйшей частицы какого-нибудь тѣла достаточно для обнаруженія его присутствія, то очевидно, что спектральный анализъ составляетъ вѣрнѣйшее средство для открытія новыхъ химическихъ элементовъ, ускользавшихъ доселѣ отъ обыкновеннаго анализа.

Такимъ образомъ, испаряя минеральную Дуркгеймскую воду, Бунзенъ открылъ новый металлъ *цезій*, а вскорѣ затѣмъ рубидій, что значитъ голубой и красный,—названія соотвѣтствующія характеристическимъ чертамъ этихъ металловъ. Вслѣдъ затѣмъ англійскій химикъ Villiam Crokes открылъ *талій*. По извѣстіямъ же «Космоса» въ концѣ прошлаго года еще открыты:

индій Рейхомъ и Риттеромъ и *вазій* Баромъ въ Стокгольмѣ [1]).

Весьма ясно также значеніе спектральнаго анализа въ медицинѣ; здѣсь онъ даетъ могущественное средство для распознаванія отравленій, какъ посредствомъ анализа ядовъ, такъ и отравленныхъ труповъ.

Вотъ еще какое, наконецъ, значеніе можетъ имѣть этотъ анализъ, по замѣчанію Радо въ «Гигіенѣ».

Болѣе двухъ третей земной поверхности покрыты мельчайшей пылью морской соли, приносимой вѣтрами. До сихъ поръ присутствіе ея не замѣчалось по крайней ничтожности, незамѣтной даже подъ микроскопомъ. Но теперь новое открытіе Бунзена обнаруживаетъ эти пылинки, и является вопросъ, не имѣетъ ли вліяніе недостатокъ или избытокъ этой пыли на происхожденіе эпидемическихъ болѣзней? Быть можетъ, что производя ежедневныя наблюденія надъ спектромъ, можно бы открыть связь усиленія и ослабленія яркости желтой линіи съ степенью развитія эпидеміи.

И тогда спектроскопы сдѣлаются необходимыми не для однихъ только ученыхъ, а будутъ заведены особыя спектральныя обсерваторіи. Но оставимъ предположенія и окончимъ эту статью прекрасными словами одного французскаго ученаго. Напрасно, говоритъ онъ, станутъ измѣрять глубину науки. Неожиданность здѣсь встрѣчается на каждомъ шагу и поражаетъ своими плодотворными послѣдствіями. Всякій новый научный вопросъ, кромѣ своей утилитарной цѣли, влечетъ всегда за собою новые взгляды, преисполненные величія и поэзіи.

Эта горячая дѣятельность прогресса производитъ въ эти минуты истинное ослѣпленіе, легко объясняемое блескомъ зрѣлища и великостью добытыхъ результатовъ.

---

[1]) Существованіе послѣдняго металла оспаривалъ въ Парижской Академіи Никлесъ (въ засѣданіи 2 ноября).

II.

Старый миѳъ о Прометеѣ и Эпиметеѣ.—Какъ онъ прилагается къ нашему времени.—Телеграфы: аппаратъ Морзе.—Успѣхи печатающихъ и автографическихъ аппаратовъ съ 1839 года.—Изобрѣтеніе Казелли.—Его выгоды.—Казусъ съ портретомъ императрицы Евгеніи.—Импровизація Россини, телеграфированная изъ Парижа въ Марсель.—Мнѣніе французскаго законодательнаго корпуса о системѣ Казелли.—Примѣненіе къ ней стенографіи.—Аппаратъ Бонелли.—Его выгоды и недостатки.—Удивительное изобрѣтеніе г. Рейсса.—Телефонъ.—Новость sous toute réserve.

Помните ли вы, читатель, чудный миѳъ о Прометеѣ, этотъ прекраснѣйшій миѳъ во всей исторіи? Если забыли, то позвольте мнѣ напомнить его вамъ въ двухъ-трехъ словахъ.. Человѣчество находилось въ первобытномъ состояніи, было невѣжественно, грубо, не знало ни наукъ, ни искусствъ. Великій титанъ Прометей провидѣлъ будущее этого человѣчества и понималъ чего недоставало ему. Онъ отважился похитить священный огонь у Зевса и передалъ его людямъ: онъ положилъ начало общежитію, знаніямъ, искусствамъ, наукамъ... всему этому умственному движенію, которое составляетъ жизнь и славу человѣчества. Самъ Зевсъ міродержавный не могъ измѣнить совершившагося и, негодуя на Прометея, повелѣлъ приковать его къ скалѣ, гдѣ ежедневно орелъ выклевывалъ его печень, нараставшую потомъ для новыхъ терзаній.

Страданія эти однако не сломили героя, и онъ, гордый своими подвигами, не переставалъ посылать проклятія жителямъ Олимпа, пророча имъ вѣрную гибель.

Поставьте рядомъ съ этимъ другой миѳъ, объ Эпиметеѣ. Этотъ младшій братъ Прометея является его противоположностью и представляется виновникомъ бѣдствій, тяготѣющихъ надъ человѣчествомъ. Напрасно Прометей отговариваетъ его жениться на Пандорѣ, напрасно предостерегаетъ его отъ вскрытія принесеннаго ею въ приданное ящика. Недальновидный Эпиметей дѣлаетъ и то и другое и поспѣшно захлопываетъ крышку ящика только тогда, когда фактъ совершился: бѣды и несчастія были выпущены на міръ; хорошо, что ему осталось одно благо—надежда. Сколько Прометеевъ съ тѣхъ поръ благодѣтельствовали человѣчеству и гибли! Сколько Эпиметеевъ, напротивъ того, пакостили этому бѣдному человѣчеству, съ пренебреженіемъ

относились къ совѣтамъ Прометеевъ и надѣляли людей благами столь же солидными, какъ, напримѣръ, надежда.

Эпиметеи видятъ въ настоящую минуту, что Лиссабонъ можетъ переговариваться съ Оменомъ, а Лондонъ съ Тифлисомъ; они, конечно, видятъ это, потому что вѣдь *это фактъ*. Сила, обращающая желѣзо въ магнитъ и притягивающая другое желѣзо, обратилась въ телеграфъ, и Эпиметеи не могутъ не знать этого. Но когда Прометей въ видѣ инженернаго капитана, представлялъ лѣтъ двадцать тому назадъ французской академіи наукъ *идею* электромагнитнаго телеграфа, академія эта торжественно объявляла, что идея эта—вздоръ, что проектъ не исполнимъ и годится развѣ для какой-нибудь дѣтской игрушки.

И въ настоящее время, видятъ ли Эпиметеи, что̀ пріѣдетъ въ одно прекрасное утро по желѣзнымъ дорогамъ, и что̀ возвѣститъ телеграфъ?

Нѣтъ, они не видятъ этого, они видятъ только желѣзную дорогу и телеграфъ.

Или, если какому-нибудь Эпиметею сказать, что крючковатый его почеркъ можно въ точности передать за тысячу верстъ въ нѣсколько минутъ?

Эпиметей отвернется и станетъ хихикать.

Или, если сказать ему, что даже портретъ съ его глупой рожи можно передать, вмѣстѣ съ его подписью на какое угодно разстояніе?

Эпиметей опять таки будетъ хихикать.

А между тѣмъ, кто взвѣситъ, и оцѣнитъ, чего стоили Прометеямъ эти чудныя изобрѣтенія?

Ужъ, конечно, не Эпиметеи.

Но прежде чѣмъ опишемъ эти въ высшей степени замѣчательныя произведенія, припомнимъ устройство телеграфнаго аппарата, дѣйствующаго нынѣ во всей почти Европѣ *), для того чтобы сравнить его потомъ съ новѣйшими усовершенствованными механизмами.

Извѣстно, что желѣзо, при прохожденіи вокругъ него электрическаго тока, становится мягкимъ до тѣхъ поръ, пока токъ не прервется, послѣ чего оно теряетъ это свойство впредь до слѣдующаго тока. Представьте себѣ, что вблизи этого желѣза

---

[1]) Мы говоримъ о телеграфномъ аппаратѣ Морзе, который принятъ вездѣ, кромѣ Англіи, гдѣ употребляется игольчатый телеграфъ Витстона.

помѣщена желѣзная же пластинка. Очевидно, что притяженіе этой пластинки на болѣе или менѣе продолжительные сроки будетъ зависѣть отъ насъ и что мы получаемъ, такимъ образомъ, возможность, скорымъ или медленнымъ притягиваніемъ этой пластинки, подавать извѣстные условные знаки.

На практикѣ это свойство магнита примѣняется слѣдующимъ образомъ: въ катушку проволоки вкладывается кусокъ желѣза, а къ пластинкѣ прикрѣпляется желѣзная шпилька, надъ которой, во время дѣйствія телеграфа, часовой механизмъ тянетъ бумажную полоску. Когда одинъ конецъ пластинки притянется къ магниту при дѣйствіи тока, то другой конецъ ея со шпилькой упрется въ полоску бумажки и вдавитъ на ней точку или линію, смотря по продолжительности дѣйствія тока. Итакъ, мы можемъ произвести на бумажной полоскѣ рядъ линій и точекъ, раздѣленныхъ между собой различными промежутками, соотвѣтствующими перерывамъ тока болѣе или менѣе краткимъ.

Изъ точекъ и линій составлена азбука (.-a, -..b, -.- с и т. д.), на которую и переводятся депеши для передачи.

На одной станціи, положимъ здѣсь въ Петербургѣ, сигналистъ посредствомъ особаго механизма пускаетъ и прекращаетъ токъ, а на другой, хоть въ Москвѣ, напримѣръ, получаются вдавленныя, соотвѣтственно дѣйствію петербургскаго сигнала, точки и линіи. Вотъ *вся суть* телеграфа Морзе; остальное—подробности. Переводы телеграммъ на условную азбуку Морзе, какъ видно изъ этого описанія, увеличиваютъ шансы ошибокъ, особенно же въ тѣхъ случаяхъ, когда телеграфистъ передаетъ депешу на языкѣ ему неизвѣстномъ, или если въ ней много собственныхъ именъ и цифръ. Для предупрежденія этихъ ошибокъ принято повторять собственныя имена и цифры, находящіяся въ телеграммѣ. Все это, разумѣется, вредитъ скорости телеграфированія.

Аппаратъ Морзе доставляетъ среднимъ числомъ не болѣе 20 депешъ въ часъ [1]); а поэтому, чтобы достигнуть ста депешъ, надо имѣть въ своемъ распоряженіи 10 аппаратовъ и 10 сигналистовъ, по 5 на каждой станціи, между которыми должно быть протянуто 5 проволокъ. Но въ большихъ городахъ Европы число депешъ бываетъ обыкновенно такъ велико, что такое даже развитіе телеграфа недостаточно, и значительная часть

[1]) Какъ здѣсь, такъ и далѣе разумѣются депеши въ 20 словъ.

депешъ поневолѣ запаздываетъ, и такимъ образомъ телеграфъ не достигаетъ своей цѣли. Очевидно, что та система, которая при одинаковомъ числѣ аппаратовъ, проволокъ и сигналистовъ дѣйствовала бы вдвое или втрое скорѣе, хотя и не представила бы кромѣ того другихъ выгодъ, была бы уже большимъ шагомъ впередъ и принесла бы громадную пользу. Но послѣднія изобрѣтенія, кромѣ скорости, совмѣщаютъ еще въ себѣ и другія выгоды: простоту работы, вѣрность, ясность и удобство контроля, а потому безъ преувеличенія сказать можно, что телеграфы въ настоящее время не далеки отъ совершенства и представляютъ одно изъ удивительнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ пріобрѣтеній новѣйшей науки. Но, прежде чѣмъ опишемъ эти новыя телеграфныя системы, сдѣлаемъ бѣглый обзоръ попыткамъ на этомъ поприщѣ, предшествовавшимъ геніальнымъ изобрѣтеніямъ гг. Бонелли и Казелли.

Съ 1839 года, т. е. тогда, когда электрическій телеграфъ не вошелъ еще во всеобщее употребленіе, англійскій ученый Гумфри Деви предлагалъ свой печатающій телеграфъ; но этотъ первый опытъ былъ еще очень несовершененъ: онъ требовалъ трехъ проволочныхъ проводниковъ и былъ слишкомъ сложенъ. Позднѣе Бенъ (Bain) въ Америкѣ предложилъ свой аппаратъ, который, подобно аппарату Морзе, могъ только доставлять точки и линіи, но онъ не вдавливалъ ихъ, а чертилъ на бумагѣ синей краской. Онъ былъ началомъ множества предложеній, болѣе или менѣе практическихъ, въ Америкѣ и во Франціи; *печатающіе телеграфы* стали быстро совершенствоваться. Въ 1849 году англійскій физикъ Блеквель первый предложилъ *автографическій* телеграфъ, воспроизводящій вполнѣ и точно рукописи и рисунки (fac simile).

Наконецъ, послѣдній въ этомъ ряду предшественниковъ Казелли и Бонелли, стоитъ нью-іоркскій профессоръ физики Гюгсъ, предложившій новую конструкцію *печатающихъ* телеграфовъ. Телеграфъ этотъ печатаетъ типографическими буквами способомъ столь же остроумнымъ, сколько и сложнымъ. Способъ этотъ въ настоящее время испытывается во Франціи и даже соперничаетъ со способомъ Казелли [1]).

---

[1]) Болѣе подробное описаніе этихъ телеграфовъ можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: *H. de Parville*. Causeries scientifiques 1862. Schellen. Der electro-magnetische Telegraph и *du Moncel*. Exuse des applications de l'électricité, tom V.

Вотъ старая карикатура Шама (Cham), сказалъ однажды сотрудникъ «Patrie» Берту своему другу Бонье:—здѣсь изображенъ какой-то господинъ, просящій доставить ему по телеграфу портретъ его невѣсты. Въ то время когда появилась карикатура, шутка эта была смѣшна, но вѣдь то, что было невозможно вчера, дѣлается сегодня общимъ мѣстомъ, и телеграфы въ настоящее время могли бы выполнить странное тогда требованіе господина, осмѣяннаго Шамомъ.

— Интересно бы взглянуть на эту штуку,—отвѣчалъ Бонье.

— Ну, такъ нарисуйте же мнѣ на этой посеребренной бумагѣ портреты всѣхъ насъ, собравшихся здѣсь,—сказалъ Берту.

— Черезъ полчаса,—продолжаетъ разсказывать Берту,—я запечаталъ въ конвертъ 12 портретовъ и отослалъ ихъ немедленно въ Марсель брату г. Казелли. На другой день, въ 9 часовъ утра, въ рабочей комнатѣ аббата Казелли собрались всѣ оригиналы 12-ти отосланныхъ портретовъ.

Мы усѣлись вокругъ весьма простого аппарата, на который были положены два листа бумаги, предварительно смоченные въ растворѣ синеродистаго калія, и ожидали дѣйствія машины. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ тонкая иголка стала бѣгать взадъ и впередъ по бумагѣ, едва до нея дотрагиваясь. А вслѣдъ затѣмъ на бумагѣ стали показываться портреты, нарисованные наканунѣ. Они развивались постепенно или, вѣрнѣе, они какъ бы выходили изъ бумаги тонкими слоями, причемъ черты имѣли прекрасный голубой цвѣтъ.

Когда портреты были окончены, новая бумага была положена и на ней явились опять тѣ же портреты.

— Господа,—сказалъ аббатъ Казелли,—дѣло очень просто. Въ Марсели, на аппаратъ, подобный тому, который вы здѣсь видите, были положены портреты, нарисованные вчера обыкновенными чернилами. Платиновая игла этого аппарата движется по ихъ поверхности такъ же точно, какъ здѣсь движется эта желѣзная иголка. Концы обѣихъ этихъ иголокъ соприкасаются на обоихъ краяхъ линіи въ Марсели и Парижѣ съ телеграфными проволоками. Каждый разъ, когда платиновая игла въ Марсели встрѣчаетъ чернильныя черты рисунка, въ соединительной проволокѣ развивается *положительный* токъ, наэлектризовывающій желѣзную иголку, находящуюся здѣсь, и производящій химическую реакцію, которая обнаруживается голубыми чертами. Эти голубыя черты состоятъ изъ синероди-

стаго желѣза, произведеннаго разложеніемъ синеродистаго калія, содержащагося въ *пріемномъ* листѣ бумаги.

Напротивъ того, когда та же самая платиновая игла встрѣчаетъ посеребренную поверхность бумаги, покрытую чернилами, возбуждается токъ *отрицательный*, препятствующій вышеописанному химическому процессу, и бумага остается чистою. Такимъ образомъ, прежняя упомянутая работа сигналистовъ замѣняется легкимъ надзоромъ за аппаратомъ. Кромѣ того, посеребренные листы бумаги можно снабдить штемпелемъ телеграфнаго управленія и пустить въ продажу; всякій, заплативъ за такой листъ цѣну одной депеши, можетъ писать на немъ дома, что ему угодно, будучи увѣренъ, что факсимиле съ его рукописи дойдетъ по назначенію. Ошибки перестаютъ существовать; администрація избавляется отъ прежней отвѣтственности.

— Кромѣ того, можно писать на какихъ угодно языкахъ, посылать рисунки, карты, планы, таблицы, коммерческіе счеты.

— И, если нужно, препроводить куда слѣдуетъ портретъ преступника, не попавшаго еще въ руки правосудія.

— А сколько можно переслать депешъ въ часъ?

— Отъ 30 до 35; но когда къ нему примѣнятся рабочіе, и нѣкоторыя усовершенствованія сдѣлаютъ его еще болѣе практическимъ, то надо надѣяться, что это число увеличится еще цѣлою третью.

21-го августа 1862 года аппаратъ Казелли принималъ въ Парижѣ портретъ императрицы Евгеніи, посланный изъ Ліона. Въ Парижѣ погода была самая тихая, но гдѣ-то въ Бурбонне разразилась сильная гроза, и вдругъ на лбу этой прекрасной особы, ясно обозначились знаками Морзе слѣдующія слова: «Я жду съ величайшимъ нетерпѣніемъ твоего...»

Казусъ этотъ произошелъ отъ того, что проволока, соединявшая два аппарата Морзе, находясь по близости къ той, которая соединяла аппараты Казелли, была приведена сильнымъ порывомъ вѣтра въ соприкосновеніе съ этою послѣднею, отчего сюда и попали нѣсколько словъ той депеши, которая тогда передавалась. Прибавимъ къ этому для тѣхъ, которые знакомы съ устройствомъ телеграфовъ, что при аппаратѣ Казелли, для усиленія дѣйствія тока, имѣется также *реле*, подобное тому, какое существуетъ у Морзе.

Болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ, появилось первое извѣстіе

о телеграфѣ Казелли; тогда всѣ газеты говорили объ этомъ удивительномъ изобрѣтеніи и передавали любопытное извѣстіе объ импровизаціи Россини, сыгранной въ Марсели черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ она была написана въ Парижѣ; но такъ какъ послѣ того не имѣлось ни потвержденій, ни новыхъ извѣстій объ этомъ открытіи, то многіе смотрѣли на него, какъ на научную фантазію и даже какъ на журнальную утку.

Но съ тѣхъ поръ система Казелли, называемая иными *пантелеграфіей* (всеобщей телеграфіей), другими казеллографіей, усовершенствовалась до такой степени, что объ ней заговорили не только въ ученомъ кругу, не только въ публикѣ, но даже во французскомъ законодательномъ корпусѣ и сенатѣ. Оба эти *многоглаголивыя* учрежденія успѣли какъ-то промежъ тѣмъ и семъ, касающемся славы великой націи, вотировать законъ о пантелеграфіи.

Вотъ какъ относился докладчикъ по этому вопросу д—ръ Конно къ изобрѣтенію Казелли:

— Выгоды системы Казелли не заключаются въ одной только вѣрности передачи телеграммы; система эта, кромѣ того, сохраняетъ время, работаетъ скорѣе и лучше. Она дозволяетъ получать депешу вдвойнѣ, если къ ней будетъ примѣнена еще одна добавочная игла, что очень важно для контроля.—Исчисливъ затѣмъ всѣ выгоды, на которыя мы уже указывали, г. Конно добавляетъ:

— Во время грозы, когда атмосферное электричество, препятствуя правильности тока, перепутывало передачу телеграммъ по всѣмъ другимъ линіямъ, линія Казелли не переставала дѣйствовать съ полною правильностью и точностью.—Изобрѣтеніе аббата Казелли есть, слѣдовательно, громадный прогрессъ въ области электрическихъ телеграфовъ, и мы поздравляемъ правительство съ производствомъ надъ этимъ изобрѣтеніемъ испытаній въ большомъ масштабѣ.

Ко всему этому можно только прибавить, что если депеши, передаваемыя по телеграфу Казелли, будутъ стенографированы, что даетъ возможность помѣстить въ 4 раза больше содержанія на одномъ и томъ же листкѣ бумаги, то скорость передачи по этому телеграфу будетъ совершенно исключительная. И въ самомъ дѣлѣ, тогда можно будетъ передать 2400 словъ въ часъ!

Другое замѣчательнѣйшее изъ новѣйшихъ открытій отно-

сится къ *печатающимъ* телеграфамъ и принадлежитъ г. Бонелли. Оно принято въ Англіи и имѣетъ тамъ большой успѣхъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ основной принципъ *типо-телеграфа* Бонелли. Представимъ себѣ телеграфную проволоку, примыкающую на каждой изъ двухъ станцій къ платиновому острію. Подъ остріемъ, представляющимъ положительный полюсъ батареи, будемъ проводить полоску бумаги, пропитанную въ растворѣ азотно-кислаго марганца и лежащую на желѣзной, посеребренной линейкѣ, сообщающейся съ землею, тогда какъ подъ другимъ остріемъ, соотвѣтствующимъ отрицательному полюсу, проводится депеша, набранная предварительно обыкновенными типографскими буквами и также сообщенная съ землею. Въ то время, когда это послѣднее остріе встрѣчаетъ выпуклость буквы, токъ проходитъ и разлагаетъ азотнокислый марганецъ пріемной бумаги на второй станціи. Такимъ образомъ получаются коричневые знаки, прекращающіеся тогда, когда первое остріе проходитъ по пустымъ промежуткамъ между буквами или ихъ частями.

Но, очевидно, что эта послѣдовательность коричневыхъ знаковъ и бѣлыхъ промежутковъ еще недостаточна для обозначенія формы буквы. Поэтому въ телеграфномъ аппаратѣ Боннели устроено нѣсколько платиновыхъ иглъ, отстоящихъ одна отъ другой на самомъ незначительномъ отдаленіи, такъ что образуется нѣчто въ родѣ гребеночки о пяти зубьяхъ, которую и проводятъ вдоль по набранной строкѣ буквъ. Очевидно, что если-бы гребеночкой этой провести не по буквамъ, а по совершенно ровной поверхности, то на бумагѣ второй станціи получится пять параллельныхъ линеекъ, подобно линейкамъ нотной бумаги.

Но въ аппаратѣ Бонелли гребеночка двигается по ряду буквъ, то ясно, что линейки эти будутъ мѣстами прерываться, и перерывы эти будутъ соотвѣтствовать формѣ набранныхъ буквъ; а такъ какъ линейки расположены густо, то буквы выходятъ совершенно отчетливо и читаются такъ же легко, какъ и печатныя.

Мы не станемъ описывать подробностей устройства аппарата Бонелли, читатель можетъ самъ догадаться легко, что аппаратъ этотъ крайне простъ. Скажемъ только, что проведеніе гребеночкой по буквамъ достигается посредствомъ движенія вагончика по маленькимъ рельсамъ, расположеннымъ на столѣ, къ которому прикрѣплена гребеночка. Дѣло такъ практично,

что въ 12 секундъ получается и передается одна депеша. Изъ этого видно, что скорость работы этого аппарата значительно превосходитъ скорость аппарата Морзе болѣе чѣмъ втрое, кромѣ того, работа несравненно легче и отъ работниковъ не требуется такого искусства, какъ отъ сигналистовъ, передающихъ телеграммы по нынѣшней системѣ. И, наконецъ повтореніе словъ дѣлается излишнимъ, телеграмма получается сразу, безъ ошибокъ.

Главнѣйшіе недостатки этой системы заключаются въ томъ, что она требуетъ пяти проволокъ и что устраненіе соприкосновеній между ними можетъ оказаться на практикѣ затруднительнымъ. Бонелли отвѣчаетъ на эти замѣчанія тѣмъ, что предложеніе свое онъ дѣлаетъ только для большихъ линій, на которыхъ существуетъ уже и безъ того 5 проволокъ, а такъ какъ съ его аппаратомъ проволоки эти дадутъ большіе результаты, то слѣдовательно польза ихъ несомнѣнна. Что же касается до второго замѣчанія, то и оно не особенно важно, такъ какъ соприкосновеніе проволокъ мѣшаетъ только отчасти ясности телеграммы и не смѣшиваетъ совершенно ея знаки, какъ у Морзе. При томъ же это неудобство можно устранить совершенно, проложивши проводники подъ землею.

Все здѣсь рѣшитъ опытъ; а до сей поры рѣшеніе его весьма удовлетворительно. Съ нѣкотораго времени типо-телеграфъ Бонелли дѣйствуетъ между Ливерпулемъ и Манчестеромъ, и испытанія его между Парижемъ и Булонью были совершенно удачны. Вначалѣ предложеніе Бонелли имѣло мало успѣха, ему недовѣряли, но когда ему удалось произвести свои опыты передъ Палатою Лордовъ, противорѣчія прекратились, и системы его были приняты въ Англіи. Перейдемъ теперь къ открытію, превосходящему своею необыкновенностью все, что до сихъ поръ только было изобрѣтено, что, какъ говорятъ, и во снѣ никому не снилось, что поневолѣ кажется уткой... Но вѣдь и телеграфъ Казелли былъ когда-то уткой!.. «Наука, говоритъ де-Парвиль,—осуществляетъ ежедневно волшебныя сказки добраго, стараго времени».

Пропѣть въ Парижѣ такъ, чтобъ было слышно въ Москвѣ... не чудо ли это? Морзе писалъ презирая пространствомъ, Бонелли печатаетъ, о немъ не справляясь, Казелли чертитъ и рисуетъ, забывая о немъ, что же если въ самомъ дѣлѣ Рейссъ (Reiss) уничтожаетъ пространство и для живого слова... пожалуй,

что чуда никакого и не окажется: новое открытіе такъ же просто, какъ и всѣ остальныя.

«Многочисленная публика была собрана въ большомъ физическомъ амфитеатрѣ во Франкфуртѣ. Въ ста метрахъ отъ этого амфитеатра г. Рейссъ, профессоръ физики въ Фридрихсдорфѣ, помѣстилъ свой аппаратъ въ одной залѣ, окна и двери которой были плотно закрыты. Въ данный моментъ публика, собравшаяся въ амфитеатрѣ, услышала вдругъ пріятный голосъ, исходившій какъ бы съ потолка, и вслѣдъ затѣмъ прелестная мелодія наполнила залу, къ великому удивленію присутствующихъ. Точно невидимые сильфы и гномы носились по воздуху... Эффектъ былъ поразительный». Дѣло въ томъ, что г. Рейссъ попросилъ одного франкфуртскаго артиста спѣть, стоя за его аппаратомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ залы, гдѣ онъ пѣлъ, ничего не было слышно, въ амфитеатрѣ же, на разстояніи ста метровъ, звуки были совершенно явственны. Если бы амфитеатръ былъ еще далѣе, результатъ былъ бы тотъ же самый, потому что Рейссъ пользуется электричествомъ, которое, какъ извѣстно, дѣйствуетъ на большихъ разстояніяхъ. И такъ, вотъ новый телеграфъ—акустическій, или, какъ его окрестили, телефонъ. Остается теперь объяснить, хоть кратко, какимъ образомъ искусный физикъ достигаетъ этого удивительнаго результата.

Въ залѣ, гдѣ производится опытъ, помѣщается деревянный пустой ящикъ кубической формы, въ одной сторонѣ котораго продѣлано большое отверстіе, а въ другой маленькое, закрытое тонкой, сильно натянутой плевой. Съ другой стороны ящика приспособляется платиновая пластинка такимъ образомъ, чтобы она упиралась въ середину плевы. Другая пластинка изъ того же металла прикрѣплена такъ, что едва касается первой, наконецъ обѣ онѣ соединены съ противоположными полюсами гальванической цѣпи. Извѣстно, что звукъ происходитъ отъ перемѣннаго сгущенія и разрѣженія воздуха. Если передъ широкимъ отверстіемъ ящика будетъ произведенъ звукъ, то волнообразное движеніе воздуха, имъ произведенное, заставитъ плеву прійти въ колебательное движеніе; она, повинуясь своему двигателю—звуку, будетъ двигаться взадъ и впередъ и такимъ образомъ то соединятъ, то разъединятъ платиновыя пластинки, что, въ свою очередь, будетъ то пропускать токъ, то препятствовать его прохожденію. И такъ, движенія плевы будутъ вполнѣ соотвѣтствовать звукамъ и будутъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ

звуки эти выше и обратно. Такъ устроенъ собиратель звука. Разсмотримъ теперь, какъ устроенъ его пріемникъ.

Электрическій токъ проходитъ изъ залы въ амфитеатръ. Здѣсь г. Рейссъ устраиваетъ въ надлежащемъ разстояніи отъ слушателей, спираль изъ мѣдной проволоки, окружающей стальную вязательную иглу, упирающуюся въ барабанъ. Игла при прохожденіи тока издаетъ звукъ и передаетъ окружающей средѣ воздуха то волнообразное движеніе, которое было произведено голосомъ пѣвца въ залѣ. Но не входя въ дальнѣйшія объясненія,—оканчиваетъ де-Парвиль,—положительно то, что фактъ существовалъ, и этого довольно». Хотя, по нашему мнѣнію, этого еще мало, такъ какъ фактъ этотъ, единственный въ своемъ родѣ, и притомъ могъ еще и не быть, и намъ нужно бы ясную и отчетливую идею о немъ для возможности провѣрки, но мы передаемъ его за новость вѣроятную и много обѣщающую въ будущемъ, такъ какъ принципъ ея чисто научный. Притомъ считаемъ нужнымъ оговориться, что, невстрѣчая нигдѣ подтвержденій, мы передаемъ пока это извѣстіе, какъ говорятъ французы, «sous toute réserve».

1864.

«Русь», №№ 14, 16 и 17.

ПОПУЛЯРНЫЯ КНИГИ.

Arthur Mangin. Voyage scientifique autour de ma chambre.

Араго, знаменитый авторъ «Общепонятной астрономіи», доказывалъ однажды въ кругу своихъ друзей, что популяризація науки, обработка ея на такой ладъ, чтобы она стала пріятной и доступной всякому, есть одно изъ самыхъ высокихъ назначеній нашего вѣка; «притомъ же,—прибавлялъ онъ,—это дѣло самое легкое».—Высокое назначеніе, правда, сказалъ ему кто-то изъ присутствовавшихъ,—но легкое... едва ли? Я думаю, напротивъ, что оно самое трудное.

— Какъ такъ?—спросилъ Араго съ живостью.

— Чтобы передавать науку, надо самому быть ученымъ; чтобы заставить любить ее, надо обладать живостью ума и остроуміемъ. Но что можетъ быть рѣже остроумнаго ученаго? Съ другой же стороны, люди живого, остраго ума обыкновенно бываютъ не учены. Ученый по природѣ тяжелъ и скученъ; остроумный человѣкъ страдаетъ поверхностью, пожалуй невѣжествомъ. Одинъ пугаетъ своей наукой и заставляетъ отъ нея бѣжать, другой распространяетъ ложь и заблужденія...

— Вся штука въ томъ, какъ взяться за дѣло,—замѣтилъ Араго.—Пусть ученые изберутъ себѣ органами бойкихъ писателей и людей краснорѣчивыхъ, а эти послѣдніе пускай идутъ за совѣтами къ ученымъ, такимъ образомъ задача будетъ разрѣшена. Это ничуть не сложнѣе, чѣмъ сноровка Полишинеля, которую заимствовалъ Нодье у маленькихъ театровъ Елисейскихъ полей. Извѣстна ли вамъ эта забавная исторія? Нодье имѣлъ страсть къ Полишинелю (нашъ Петрушка), и ему очень хотѣлось передать его гнусливый голосъ. Вотъ подходитъ онъ разъ къ ширмочкамъ, за которыми, какъ извѣстно, играется эта комедія подъ открытымъ небомъ, и спрашиваетъ у хозяина:

— Какъ это вы ухитряетесь говорить въ носъ?

— Ничего не можетъ быть проще,—отвѣчаетъ онъ,—все дѣло въ сноровкѣ

— Да, понимаю, привычка. А долго ли надо упражняться?

— Нѣтъ, сударь, сноровка... вотъ вамъ и все.

— Что же это за сноровка?

— А вотъ этотъ маленькій инструментикъ,—и уличный артистъ вынулъ изо рта нѣчто въ родѣ маленькаго металлическаго колечка. Нодье попробовалъ и заговорилъ, какъ Полишинель.

— Берегитесь,—закричалъ ему артистъ,—не проглотите этой штучки, это иногда случается.

— Что?.. и эту самую вамъ уже случалось глотать?

— Три раза въ продолженіе вчерашняго и сегодняшняго дня.

Нодье выплюнулъ «сноровку» съ ужасомъ и бѣгомъ домой. Дорогой, однако же, онъ купилъ себѣ новую сноровку, которой пользовался ужъ только самъ... и глоталъ сколько ему было угодно.

— Хотите ли,—прибавилъ Араго,—чтобы я снабдилъ васъ своею «сноровкой?»

Съ ея помощью вы заставите любить и понимать науку людей самыхъ глупыхъ и пустыхъ. Моя «сноровка» чисто нравственная продолжалъ онъ,—во время моихъ чтеній, я съ первой же лекціи выбираю между слушателями самую глупую, самую безсмысленную физіономію, и ее я ужъ не выпускаю изъ виду до конца курса. Къ этой-то физіономіи я обращаюсь съ самыми трудными и сложными доказательствами. Я до тѣхъ поръ повторяю и возобновляю мои доводы, пока физіономія какъ бы освѣтится, какъ бы скажетъ мнѣ: «я понялъ». И когда дуракъ меня понялъ, тогда я увѣренъ, что всѣ меня поняли. Вотъ способъ, которымъ я свелъ науку до уровня толпы. Вотъ моя «сноровка». Такой сноровкой вполнѣ обладаетъ г. Артуръ Манженъ,—авторъ выписанной нами въ заголовкѣ книги. Простота и ясность его изложенія таковы, что тому, для кого они покажутся все-таки еще неудовлетворительными мы даемъ добрый совѣтъ не браться за научныя сочиненія, а довольствоваться Бовой-Королевичемъ и много, много, если ужъ очень хочется читать, романами московской стряпни, и т. п. Г. Манженъ держится того мнѣнія, «что значительная энциклопедія можетъ помѣститься на четырехстахъ страницахъ хорошо написанной книги, точно такъ же, какъ

весь міръ можетъ содержаться на семи квадратныхъ аршинахъ комнаты мыслящаго человѣка».

Вѣрность этого мнѣнія онъ доказываетъ своей книгой, въ которой, обозрѣвая свое жилище, онъ по поводу термометра, камина, сигары, чашки кофе и проч., т.-е. вообще предметовъ, входящихъ въ обиходъ каждаго европейца, знакомитъ читателей съ законами физики, ботаники, технологіи, гигіены и т. д. Рядъ интереснѣйшихъ фактовъ, разсказанныхъ бойкимъ, живымъ, легкимъ языкомъ, если и не знакомитъ читателя вполнѣ съ науками, къ коимъ факты эти относятся, то, по крайней мѣрѣ, вводитъ его во вкусъ къ нимъ, заманиваетъ его и доказываетъ какъ дважды два четыре, что наука не только не скучна, какъ еще и до сихъ поръ думаютъ иные, но способна, напротивъ того, быть источникомъ самаго живого и чистаго удовольствія. Въ первой главѣ своей книги авторъ затрагиваетъ чрезвычайно важный вопросъ, такъ недавно еще истерзанный «Московскими Вѣдомостями», о различіи образованія реальнаго отъ классическаго. Г. Манженъ стоитъ, конечно, за реальное образованіе; но и классическое, по его понятію, имѣетъ свою цѣну и значеніе и пренебрегать имъ, во всякомъ случаѣ, нельзя. Не надо забывать, впрочемъ, что классическое классическому рознь. Если мы подъ классическимъ образованіемъ будемъ разумѣть проповѣдываніе допотопныхъ идей, соединенное съ зубреніемъ латыни, то такое образованіе, конечно, никуда не годится. Дѣло иное, если образованіе это основано на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ и имѣетъ цѣлью вѣрное пониманіе прошедшаго, тогда оно получаетъ совсѣмъ иной характеръ и даетъ совсѣмъ иные результаты. Остается замѣтить только, что вопросъ, поставленный такимъ образомъ, опять приводитъ къ реальнымъ знаніямъ, безъ которыхъ вѣрное пониманіе прошедшаго немыслимо. Это новое подтвержденіе второстепеннаго значенія классическихъ знаній и отведеніе имъ настоящей ихъ роли.

Къ Манжену является молодой человѣкъ, которому совершенно чуждо естествознаніе и который питаетъ даже къ нему отвращеніе, считая изученіе природы дѣломъ сухимъ и безплоднымъ.

— Глядя на васъ,—говоритъ ему Манженъ,—представляешь себѣ ребенка, который увѣряетъ, что терпѣть не можетъ того или другого кушанья, тогда какъ даже его и не пробовалъ. Если наука представляется вамъ безплодною, если она васъ

пугаетъ, то это потому только, что вы знакомы съ нею по школьнымъ учебникамъ, напичканнымъ сухими доказательствами, испещренными цифрами и формулами, которыя заслонили отъ васъ величественный, могу сказать даже поэтическій характеръ этихъ наукъ. Вы, однако же, не можете отрицать ихъ обширной пользы, вы не сомнѣваетесь, что онѣ со дня на день все болѣе и болѣе проникаютъ даже въ мелочи общественной и частной жизни и служатъ источникомъ счастливѣйшихъ изобрѣтеній и всего матеріальнаго прогресса, которымъ вы окружены. Но эти видимыя, осязаемыя ихъ достоинства, заставляющія васъ питать къ нимъ уваженіе, недостаточны для того, чтобы вы ихъ полюбили; вы даже не прочь, пожалуй, поставить имъ въ вину слишкомъ положительное направленіе, преобладающее у многихъ и несправедливо приписываемое ихъ вліянію. Вы не знаете, что науки эти представляютъ истинную поэму природы, законы и тайны которой онѣ намъ раскрываютъ; что далеко не изсушая сердца, онѣ заставляютъ биться его для правды и добра; что онѣ чудесный талисманъ человѣческаго могущества, и что каждый шагъ ихъ обозначенъ новой побѣдой свободнаго генія человѣчества надъ слѣпыми силами, которымъ повинуется вещество.—

Можно надѣяться, конечно, что человѣкъ такъ понимающій естествознаніе и такъ живо любящій природу, сумѣетъ написать хорошую книгу, несмотря на тѣсныя ея рамки. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ наблюденія, весь горизонтъ ограничены его комнатой, по которой онъ въ продолженіе одного дня путешествуетъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ, согласившимся познакомиться такимъ способомъ съ естественными науками. И вотъ они принялись странствовать по этой маленькой области, останавливаясь надъ замѣчательнѣйшими предметами, ее наполняющими. Это не пустое «путешествіе вокругъ комнаты», предпринятое 60 лѣтъ тому назадъ графомъ де-Местромъ изъ развлеченія: де-Местръ фланировалъ по своей комнатѣ и болталъ о чемъ ни попало, городилъ подчасъ вздоръ, ему не было никакого дѣла до системы міра и до метаморфозъ матерій. Совсѣмъ не то у Манжена, книга котораго имѣетъ общаго съ брошюркой де-Местра одно только заглавіе. Манженъ хочетъ стянуть, концентировать весь міръ въ своей комнатѣ и отыскать въ ней все, что входитъ въ сферу науки. Это обстоятельство придаетъ его путешествію такой интересъ, какого часто не имѣютъ многія отдаленныя поѣздки. Странствуя вмѣстѣ съ Манженомъ вы не по днямъ, а буквально

по часамъ обогащаетесь новыми познаніями, избавляетесь отъ старыхъ предразсудковъ и дѣлаете у себя подъ носомъ такія открытія, какихъ бы навѣрно не сдѣлали, десять разъ съѣздивши не только къ себѣ въ деревню, но даже и за границу. Итакъ не смѣйтесь, читатель, надъ мыслью путешествовать по комнатѣ.

— Чтобы путешествовать съ пользою, говоритъ онъ,—не надо ѣздить много, а слѣдуетъ хорошо разсмотрѣть то, что стоитъ вниманія.—Истинно добрый совѣтъ для нашихъ туристовъ, которые чуть только переѣдутъ за предѣлы Россіи, какъ тотчасъ обращаются въ «бѣгуновъ».

Извѣстно, что раскольничья секта бѣгуновъ предписываетъ все бѣжать и бѣжать... оставаться на одномъ мѣстѣ запрещается. Вотъ такъ и наши туристы: они бѣгутъ, бѣгутъ... И когда возвратятся, въ головѣ у нихъ «хаосъ-кавардакъ»; а оттого вы безпрестанно слышите отъ нихъ такія выраженія: «Какой-то городъ», «картина какого-то художника» и т. д. Ужъ лучше бы имъ остаться дома и подражать Манжену.

А Манженъ все переглядѣлъ въ своей комнатѣ и о каждой вещи разсказалъ столько любопытнаго, что читая его описанія нельзя оторваться отъ книги.

Сидя у камина, онъ разсказалъ теорію теплоты и объяснилъ, что такое огонь. Странствуя далѣе, онъ разсказываетъ о составѣ воздуха, даетъ основныя понятія о химіи и знакомитъ съ Лавуазье. Переходя къ цвѣтамъ, онъ касается ботаники и помѣщаетъ здѣсь два разсказа: одинъ о Жюсье, несшемъ черезъ весь Парижъ въ своей шляпѣ маленькій отростокъ Ливанскаго кедра, другой о Декли, перевозившемъ кустикъ кофейнаго дерева на Антильскіе острова и дѣлившемъ съ этимъ кустикомъ свою дневную порцію воды, которая по недостатку отпускалась весьма малыми дозами. Оба разсказа эти такъ прелестны, что мы очень сожалѣемъ о невозможности передать ихъ вполнѣ. Затѣмъ авторъ говоритъ о табакѣ, о его приготовленіи, при чемъ разбираетъ вопросъ о вліяніи табака на организмъ; потомъ переходитъ къ термометру, къ змѣѣ, сохраняемой въ спиртѣ, къ чучелу птицы, и, по поводу всѣхъ этихъ вещей, безъ утомленія притягиваетъ вниманіе читателя къ своему разсказу, полному самаго высокаго интереса.

Далѣе авторъ переходитъ къ птицамъ и энергически упрекаетъ грубое невѣжество, не умѣющее отличать между этими животными вредныхъ отъ полезныхъ. Извѣстно, что и у насъ охотники и

разные любители пострѣлять бьютъ зря что ни попало. А между тѣмъ большая часть птицъ приноситъ огромную пользу человѣку истребляя насѣкомыхъ; птицъ даже мало для этой работы, и во Франціи теперь нарочно воспитываютъ и продаютъ для этого жабъ, которыхъ также еще недавно неистово истребляли.

— Откровенно говорю,—продолжаетъ Манженъ,—не совсѣмъ-то пріятно быть принужденнымъ держать у себя такихъ отвратительныхъ жильцовъ и населять ими свой садъ; но это заслуженный, хотя и запоздалый урокъ для человѣка; онъ бы избавилъ себя отъ него, если бы пощадилъ своихъ естественныхъ союзниковъ, которые, охраняя его поля, огороды и сады, оживляютъ ихъ кромѣ того своимъ щебетаньемъ, своей граціей и живостью. Правосудіе, человѣчность, интересъ побуждали уважать бѣдныхъ птичекъ; но у человѣка есть инстинктъ, который превозмогаетъ надъ такими соображеніями и предъ которымъ ни красота, ни грація, ни кротость не находятъ пощады: это хищный инстинктъ истребленія, удовольствіе убивать; и когда къ этому инстинкту, самому по себѣ столь уже сильному, присоединяется суетное хвастовство своею ловкостью, наслажденіе достигаетъ своей полноты и прелесть убійства дѣлается непреодолимою. Страсть охотника можно—сравнить развѣ со страстью игрока. Какъ игрокъ живетъ только у зеленаго стола, такъ точно охотникъ забываетъ все: привязанности, долгъ, работу, лишь бы только бѣгать съ ружьемъ и собаками по лѣсамъ и болотамъ. Онъ скучаетъ, заболѣваетъ сплиномъ во все время невольнаго бездѣйствія, налагаемаго на него законами и административными распоряженіями. Онъ пробуждается, онъ вознаграждается лишь съ началомъ охоты. Съ какимъ удовольствіемъ тогда онъ покидаетъ дѣла, семейство, друзей и устремляется въ погоню за своими жертвами; съ какою гордостью онъ всякій вечеръ, покрытый грязью или пылью, истощенный усталостью, умирая съ голоду, возвращается домой, опорожняетъ всю свою суму и разсказываетъ о подвигахъ дня!.. Убивать такъ пріятно!.. Потому что, замѣтьте себѣ, охотникъ никогда не убиваетъ для того, чтобы добыть себѣ дичи; онъ даже не можетъ извинить себя лакомствомъ, еще менѣе—нуждой. Нѣтъ, онъ убиваетъ для того, чтобы убивать; это искусство для искусства... Что доказываетъ, въ какой степени былъ справедливъ тезисъ, съ такимъ краснорѣчіемъ развитый Жанъ-Жакомъ Руссо, а именно что «человѣкъ по природѣ добръ!»

Отдѣлъ книги, посвященной птицамъ, вышелъ у Манжена однимъ изъ самыхъ интереснѣйшихъ; видно, что авторъ очень любитъ этихъ милыхъ животныхъ, быть которыхъ ему хорошо извѣстенъ. Читатель, мало знакомый съ орнитологіей, встрѣтитъ здѣсь кучу такихъ любопытныхъ описаній, что можно съ увѣренностью пророчить ему совершенный переворотъ въ идеяхъ объ этомъ предметѣ. Прочитавъ Манжена, онъ уже иначе, чѣмъ прежде, отнесется къ царству пернатыхъ и къ наукѣ, ими занимающейся, захочетъ, пожалуй, почитать Мишле (L'oiseau), книга котораго здѣсь же рекомендуется, и еще что-нибудь... ну, въ добрый часъ,—этого только и хочется *всѣмъ Манженамъ* въ свѣтѣ. Въ XII главѣ авторъ разсказываетъ о жемчугѣ и его добываніи, сопряженномъ, какъ извѣстно, съ чрезвычайными опасностями.

«Прекрасныя барыни,—говоритъ онъ,—наряжающіяся съ такою радостью и гордостью, знаютъ только, что онъ дорого стоитъ; но имъ неизвѣстно, что за самое скромное изъ этихъ украшеній, быть можетъ, поплатился не одинъ изъ несчастныхъ жизнью, пускающихся на этотъ промыселъ только потому, что имъ ѣсть нечего».

«И не говорите мнѣ,—продолжаетъ онъ,—что дамы перестали бы носить жемчугъ, если бы онѣ это знали. Заблужденіе, чистое заблужденіе. Узнавъ это, дамы такъ ухватились бы за жемчугъ, что цѣна его утроилась бы или учетверилась.

И это вотъ почему. Страсть женщинъ къ нарядамъ состоитъ изъ двухъ различныхъ между собою элементовъ: первый заключается въ желаніи нравиться, а потому онѣ ищутъ того, что красиво и изящно, что способно возвышать ихъ собственныя прелести; второй элементъ—это тщеславіе, суетность, заставляющія ихъ придавать цѣну только тому, что считается рѣдкостью, что привозиться издалека, что стоило большихъ денегъ, трудовъ, даже опасностей. Я имѣю, значитъ, основаніе сказать, что дамы будутъ польщены, когда получатъ возможность сказать, что каждое почти зерно ихъ жемчуга представляетъ собою жизнь человѣка».

Затѣмъ авторъ разсказываетъ о производствѣ искусственнаго жемчуга въ Китаѣ и фальшиваго въ Римѣ и Венеціи. Потомъ переходитъ въ область минералогіи, говоритъ о горномъ хрусталѣ, графитѣ, брилліантахъ и проч. и, задѣвъ вопросъ о значеніи углерода въ природѣ, принимается за физіологію; объ-

ясняетъ процессъ дыханія кровообращенія и причины теплоты тѣла животныхъ. Въ XIV главѣ онъ толкуетъ о сухости и влажности воздуха, объ измѣреніи степени сырости, о гигрометрахъ. Далѣе затѣмъ о барометрѣ и его разныхъ употребленіяхъ: Галилей, Торричели, Паскаль проходятъ передъ читателемъ съ ихъ чудными открытіями и изобрѣтеніями. Обо всемъ понемногу, но желаніе знать возбуждено: болѣе пространное изложеніе найдется въ другихъ книгахъ; читайте же, читайте. Въ слѣдующихъ затѣмъ трехъ словахъ авторъ знакомитъ насъ съ производствомъ бѣлаго оружія, въ особенности съ замѣчательными мастерскими въ Толедо, потомъ переходитъ къ оружію огнестрѣльному и, основываясь на послѣднихъ изысканіяхъ, рѣшаетъ вопросъ объ изобрѣтеніи пороха, которое, какъ извѣстно, приписывается обыкновенно Бертольду Шварцу, что совершенно ложно. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о сѣрныхъ спичкахъ, о фосфорѣ, о кофе и, по поводу кофейника, о парѣ, объ изобрѣтеніи паровой машины, о знаменитомъ Джемсѣ Уаттѣ.

Въ особенности же интересенъ разсказъ Манжена о примѣненіи пара къ мореплаванію. Здѣсь ему приходится разрушить старую басню объ отношеніяхъ Наполеона I къ Франклину и основать на вѣрныхъ данныхъ истинное повѣствованіе объ этомъ дѣлѣ. Надо замѣтить, что вопросъ этотъ извѣстенъ автору весьма близко, такъ какъ до изданія своей послѣдней книги, онъ спеціально изучилъ его и написалъ два трактата, въ которыхъ ему удалось совершенно возстановить истину. Мы, къ сожалѣнію, не можемъ передать этого мѣста изъ сочиненія Манжена, такъ какъ оно слишкомъ ужъ удлинило бы статью, но совѣтуемъ только обратить на него особенное вниманіе, такъ какъ вопросъ этотъ многими рѣшается превратно. Въ послѣднихъ главахъ Манженъ говоритъ объ электричествѣ, о телеграфахъ и въ заключеніе не забываетъ и астрономіи, о которой даетъ общее понятіе, и заключаетъ свою книгу увѣщаніемъ не впадать въ пошлость, въ филистерство... «Чтобы избавиться отъ этого зла,—говоритъ онъ,—не переставайте возвращаться къ природѣ, этому неизсякаемому источнику всякаго творчества; но къ природѣ серьезно изучаемой и добросовѣстно вопрошаемой, т. е. къ наукѣ, которая никогда не старится и не истощается, которая безпрестанно изобрѣтаетъ, открываетъ, преобразовываетъ, распространяетъ свѣтъ на всякую вещь, исправляетъ заблужденіе, искореняетъ предразсудки и направляетъ человѣче-

скій умъ на единственномъ пути, котораго онъ достоинъ, на пути къ истинѣ!»

Итакъ, мы положительно хвалимъ книгу Манжена и искренно совѣтуемъ каждому, мало еще знакомому съ естественными науками, прочесть ее, въ особенности же молодымъ людямъ и дамамъ, для которыхъ она преимущественно и написана. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, однако жъ, чтобы мы не видѣли въ этой книгѣ недостатковъ: мы видѣли ихъ. Мы очень жалѣемъ, напримѣръ, что авторъ, при умѣніи его популяризировать науку, ограничился 400 страницъ крупной печати и, не взирая на то, потратилъ еще страницъ 50 на пустую, безцѣльную болтовню, встрѣтить которую среди серьезнаго содержанія книги какъ-то странно. Поэтому свѣдѣнія, даваемыя авторомъ, вышли отрывочными, болѣе раздражающими любознательность, какъ мы уже замѣтили, чѣмъ удовлетворяющими ее. Это должно было побудить автора налечь на библіографію каждой изъ затрогиваемыхъ имъ наукъ, но онъ это упустилъ изъ виду, и читатель, расшевеленный его разсказомъ, не знаетъ за что взяться, если не имѣетъ другого руководителя. Есть еще и другіе мелкіе промахи не портящіе, однако, книгу, которая, вполнѣ достойна назваться дѣльной и полезной книгой.

1864.

«Русск. Бог.», еженед. газета.

ДРЕВНЯЯ ЯЗЫЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ.

(По М. Никола).

I.

Невѣріе и религіозная реакція.

За столѣтіе почти до начала христіанской вѣры, языческая религія, давно уже опровергаемая философіей, потеряла все свое обаяніе и была, повидимому, на краю гибели. Большая часть лицъ, своимъ образованіемъ и положеніемъ поставленныхъ надъ толпою, считали высшимъ безуміемъ[1]) вѣру въ боговъ, которымъ преданіе придало всѣ человѣческія страсти и которые въ томъ только и имѣли превосходство надъ смертными, что безнравственность ихъ была болѣе ярка. Космологическія объясненія стоиковъ, старавшихся сообщить религіи символическій характеръ, ни къ чему не повели и сдѣлали ее только смѣшною. Между просвѣщенными людьми было принято, что языческія вѣрованія и церемоніи были изобрѣтеніемъ политики; Еврипидъ провозгласилъ мнѣніе это устами Сизифа, и съ тѣхъ поръ оно сдѣлалось всеобщимъ. Упадокъ вѣры въ оракулы замкнулъ уста прорицателей: пиѳія была нѣма. Немногіе защитники древнихъ вѣрованій объясняли это молчаніе тѣмъ, что сила, ее вдохновлявшая и заключавшаяся въ испареніи земли, со временемъ исчезла. Но это пустое объясненіе возбуждало только смѣхъ. По мнѣнію Цицерона, сила эта пропала съ тѣхъ поръ, какъ стали не такъ довѣрчивы. Философія торжествовала рѣшительно. Выставляя ребячество языческихъ преданій, она провозглашала, что древность ошибалась во многомъ и что древнія вѣрованія были разумно преобразованы временемъ и образованіемъ. Невѣріе было всеобщимъ между

[1]) Ciceron. De la nature de Dieu Liv. 1, § 16.

людьми просвѣщенными—фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Но въ какомъ отношеніи къ языческимъ вѣрованіямъ находился народъ? Если бы патриціи были въ состояніи по своему произволу управлять умами, они, конечно, не дали бы проникнуть въ массы идеямъ, считаемымъ ими принадлежностью умовъ, хотя нѣсколько философскихъ. Варронъ, Цицеронъ, Титъ-Ливій, Діонисій Галикарнасскій, Діодоръ Сицилійскій согласно утверждали, что благо государства обязывало сохранить всѣ языческіе обычаи. Эти обычаи хотя, по ихъ мнѣнію, и не имѣли никакого значенія, но они служили прекраснымъ средствомъ для политическихъ цѣлей. Поэтому всѣ тѣ, которые добивались управленія общественными дѣлами, считали своею обязанностью, поддерживать ихъ въ народѣ. Такъ, напримѣръ, Цицеронъ тщательно скрываетъ свои убѣжденія. Но уже поздно. Народъ не хуже патриціевъ смѣется надъ тѣмъ, что эти послѣдніе называютъ вѣрованіемъ невѣждъ. Да какъ же и могло быть иначе? Плебеи не нуждались въ урокахъ философіи, чтобы научиться презрѣнію къ политеизму своихъ предковъ. Невѣріе проповѣдывалось открыто словомъ и дѣломъ. Засѣданія Сената не были столь тайны, чтобы до народнаго слуха не доходили насмѣшки надъ авгурами, которыя тамъ допускались. Наконецъ, съ форума онъ слышалъ отъ самого Цицерона, не говоря о другихъ менѣе осмотрительныхъ ораторахъ, такія рѣчи, которыя неизбѣжно должны были поколебать его вѣру. Но что значило все это въ сравненіи съ ученіями, публично проповѣдывавшимися какъ положительнѣйшій результатъ философіи? Амафиній, Рабирій и Кацій наводнили Италію общепонятными сочиненіями, посвященными изложенію ученія Эпикура. Лукрецій воспѣлъ его въ своей извѣстной поэмѣ—«О природѣ боговъ». По словамъ Цицерона, она имѣла необыкновенный успѣхъ. Слѣдуетъ ли прибавлять къ этому, что невѣріе патриціевъ обнаруживалось во всей ихъ жизни? Презрѣніе къ богамъ, выражавшееся продажею, сожженіемъ и разграбленіемъ храмовъ, изгнаніемъ жрецовъ, убійствами, совершаемыми передъ самыми изображеніями боговъ,—все это было вѣрнымъ средствомъ для уничтоженія народныхъ вѣрованій. Если патриціи хотѣли отличаться отъ народа ученой критикой вѣрованій, которыя они осмѣивали, считая ихъ, впрочемъ, полезными для своего владычества, если они иногда не предполагали возможности распространенія своихъ понятій въ низшихъ классахъ, то они заблуждались, и это

заблужденіе легко объясняется. Ихъ желанія были, однако же, обмануты. Въ Римѣ и другихъ центрахъ населенія древняго міра невѣріе проникло до самыхъ низшихъ слоевъ общества. Объ этомъ намъ свидѣтельствуютъ всѣ историки этой эпохи. Титъ-Ливій, Діодоръ Сицилійскій, Діонисій Галикарнасскій, которые, съ презрѣніемъ относясь къ религіознымъ вѣрованіямъ своего времени, оплакиваютъ во имя политики и общественныхъ интересовъ упадокъ политеизма и, каждый разъ, когда представляется случай, выхваляютъ ихъ пользу для счастія народовъ. Цицеронъ, говоря о древнихъ преданіяхъ, полагаетъ, что въ его время ни одна старая баба имъ не вѣрила болѣе. При видѣ повсемѣстныхъ насмѣшекъ и оскорбленій боговъ Гомера и обрядовъ Ромула и Нумы, можно было подумать, что насталъ послѣдній часъ язычества. Ничуть не бывало. Варроны и Цицероны предполагали, разумѣется, искоренить суевѣріе въ пользу политеизма; на дѣлѣ же совершилось совсѣмъ обратное. Языческая религія ослабѣвала все болѣе и болѣе и суевѣріе выигрывало то, что она теряла.

Цицеронъ могъ замѣтить это на нѣкоторыхъ изъ своихъ современникахъ. Цесарь полагаетъ, что смерть есть крайній предѣлъ нашего существованія и вѣритъ въ то же время въ заклинанія.

Пятьдесятъ лѣтъ едва прошло отъ смерти великаго римскаго оратора, какъ уже самыя нелѣпыя повѣрія стали рядомъ съ рѣшительнѣйшимъ невѣріемъ. Политеизмъ, выработанный поэтическимъ геніемъ образованнаго меньшинства Греціи, съ его изящными формами и отчасти нравственными тенденціями, поблѣднѣлъ и, оказалось, что подъ нимъ лежалъ несокрушимый слой вѣрованій въ колдовство и заклинанія, въ безобразныя видѣнія, отвратительные обряды и безсмысленные амулеты,— вѣрованій, составлявшихъ и еще составляющихъ весь религіозный капиталъ огромнаго большинства населенія. Не признавали болѣе, что боги управляютъ событіями и пекутся о судьбѣ смертныхъ, и тысячи томовъ, полныхъ предсказаніями, были распространены въ Римѣ только между одними частными лицами. Не вѣрили въ будущую жизнь, смѣялись надъ елисейскими полями и вызывали тѣни умершихъ, чтобы вывѣдать у нихъ будущее и поразспросить о вещахъ самыхъ пустыхъ. Разные восточные шарлатаны собирали значительную дань отъ глупой довѣрчивости высшихъ классовъ; толпа же между тѣмъ

тѣснилась вокругъ колдуновъ низшаго разряда, располагавшихся въ циркѣ и на полѣ Тарквинія.

Суевѣріе было доведено до жестокости.

Общій голосъ обвинялъ жрецовъ Митры въ закланіи человѣческихъ жертвъ. Императоръ Адріанъ запретилъ впослѣдствіи совершеніе этихъ таинствъ и изгналъ изъ Рима жрецовъ этого кроваваго культа.

Эти человѣческія жертвы не представляютъ ничего невѣроятнаго въ то время, когда всѣ классы римскаго общества публично исполняютъ самые грубые и возмутительные обычаи. Одни погружаютъ зимой три раза свою голову въ мерзлый Тибръ, другіе на окровавленныхъ колѣняхъ ползаютъ вокругъ поля Тарквинія, иные собираютъ по ночамъ для преступныхъ и запрещенныхъ закономъ обрядовъ кости мертвецовъ и траву, растущую на могилахъ. Изъ всѣхъ писателей перваго вѣка христіанской вѣры, Валерій Максимъ скорѣе всѣхъ другихъ можетъ дать намъ понятіе объ этомъ поворотѣ въ религіозныхъ понятіяхъ того времени. Онъ собралъ у всѣхъ предшествовавшихъ ему писателей множество болѣе или менѣе интересныхъ анекдотовъ и расположилъ ихъ по содержанію. Первая книга этой компиляціи посвящена языческой религіи. Всѣ приведенные въ ней факты представляютъ самыя невѣроятныя чудеса, большей частью забавно-нелѣпыя: говорящій быкъ, потѣющіе кровью щиты, куски мяса, падающіе съ неба и т. п. И страннѣе всего то, что большая часть этихъ разсказовъ заимствована у писателей, приводившихъ ихъ какъ нелѣпыя сказки, составлявшія пищу народной довѣрчивости. Въ продолженіе одного вѣка совершилась такая перемѣна и такъ далеко ушли отъ высокаго и прямого разума Цицерона!

И, однако же, Валерій Максимъ въ глубинѣ сердца вѣруетъ далеко не искренно. Писатель этотъ, столь превозносящій древнихъ римлянъ за преданность религіознымъ вѣрованіямъ, высказывающій такую полную вѣру въ авгуровъ, въ сны, въ предсказанія, посредствомъ которыхъ боги передаютъ свою волю людямъ, высказываетъ съ удивительнѣйшимъ простодушіемъ, что всѣ языческія чудеса и знаменія были выдуманы для того, чтобы внушить народу больше уваженія къ священнымъ предметамъ и что Нума, Миносъ, Ликургъ и другіе древніе законодатели, въ видахъ владычества, злоупотребляли только простотою людей. Это возвращеніе къ суевѣрію было ли реакціей

религіознаго чувства противъ невѣрія или слѣдствіемъ угрызеній совѣсти среди ужасной деморализаціи этой эпохи? Или же опасеніе за совершенную погибель общественнаго порядка, пошатнувшагося уже въ своихъ основаніяхъ отъ такихъ потрясеній, каковы бѣдствія междоусобныхъ войнъ, потеря свободы и установленіе деспотизма, снова привели всѣ классы общества къ языческой религіи? Всѣ ли эти причины вмѣстѣ воскресили брошенныя передъ тѣмъ и пренебреженныя вѣрованія и обряды?—разбирать этого мы не станемъ; мы намѣрены подтвердить только тотъ фактъ, что язычество ожило не вслѣдствіе угрожающаго успѣха христіанства, какъ полагаетъ Гиббонъ. Несомнѣнно, что гдѣ христіанство получало нѣкоторое развитіе, вездѣ сначала оно возбуждало противъ себя оппозицію, самое замѣтное послѣдствіе которой было возвращеніе толпы къ алтарямъ народныхъ боговъ. Но эти частныя и отдѣльныя движенія обнаружились только во второмъ вѣкѣ; за пятьдесятъ же лѣтъ ранѣе имъ предшествовало общее движеніе, возстановившее во всемъ языческомъ мірѣ старыя суевѣрія. Языческая реакція совершилась, и домы частныхъ людей наполнились изображеніями Изиды и Митры ранѣе, чѣмъ христіанство стало угрожать язычеству, ранѣе, чѣмъ оно вышло изъ мрака, скрывавшаго его первые шаги, и когда даже имя его еще не было произнесено и не стало извѣстнымъ въ Римской имперіи. Съ первыхъ же дней реакція эта раздѣлилась на двѣ весьма различныя части. Первая составляетъ то, что вмѣстѣ съ Бенжаменъ-Констаномъ мы можемъ назвать языческимъ правовѣріемъ; второе вводитъ въ язычество родъ мистическаго раціонализма.

Мы разсмотримъ послѣдовательно обѣ эти стороны языческой реакціи.

II.

Правовѣры.

Не знаешь, чему болѣе удивляться въ языческомъ правовѣріи предположеніямъ, о которыхъ оно мечтаетъ, или смѣлости, съ которою оно ихъ представляетъ. Возстановленіе политеизма такимъ, какъ онъ былъ въ самомъ началѣ греко-римской ци-

вилизаціи, вотъ чего оно хочетъ; и такъ какъ оно убѣждено, что это ему не удастся до тѣхъ поръ, пока не перестанутъ восхищаться сочиненіями Платона, Аристотеля и Цицерона, то, во имя религіи, оно и осуждаетъ, какъ невѣріе, всѣ побѣды, сдѣланныя разумомъ въ четыре послѣдніе вѣка надъ предразсудками, невѣжествомъ и заблужденіемъ. Убѣжденія, съ трудомъ понимаемыя по выходѣ изъ эпохи философіи, оно выставляетъ съ увѣренностью, близкою къ безстыдству, если не къ цинизму, и съ упорствомъ, не встрѣчающимся у прежнихъ писателей.

Съ особеннымъ усердіемъ восхваляетъ оно именно то, что было сильнѣе всего опровергаемо и возбуждало наибольшее невѣріе въ предшествовавшіе вѣка: сверхестественную и антропоморфическую [1]) сторону мифологическихъ преданій. Философія въ его глазахъ представляется не болѣе какъ нелѣпымъ распутствомъ разума въ тѣхъ случаяхъ, когда она не была преступнымъ возмущеніемъ противъ божественныхъ установленій.

Партія эта, считая себя мстительницей оскорбленной религіи и защитницей интересовъ боговъ, предоставляла себѣ въ то же время призваніе спасти общество умирающее съ тѣхъ поръ, какъ оно разорвало свою связь со святыми преданіями старины. Послѣдовательная въ своихъ принципахъ, она связывала съ возстановленіемъ религіи возстановленіе стариннаго порядка вещей, она требовала, чтобы общество, отвергнувъ всѣ опасныя нововведенія, которыя извращенный гордостью разумъ считалъ улучшеніями въ наукѣ и жизни, возвратилось ко временамъ Рима до вторженія въ него греческой философіи, или, еще лучше, къ тому, что было въ Греціи въ эпоху Орфея.

Все, что сдѣлано съ тѣхъ поръ, было пагубнымъ заблужденіемъ, отречься отъ котораго слѣдовало спѣшить. Оно восхваляло учрежденія той эпохи, которую можно назвать средними вѣками греко-римской исторіи, и въ ожиданіи этого будущаго, счастливаго времени, смѣлѣйшіе люди этой партіи уничтожали сочиненія, въ которыхъ прямо опровергались древнія преданія.

Но ошибочно было бы заключить изъ этого, что партія эта состояла только изъ лицемѣровъ и невѣждъ-фанатиковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и тѣ и другіе были въ ней многочисленны; но

[1]) Приданіе богамъ человѣческой формы и побужденій.

рядомъ съ шарлатанами и невѣжественной массой, составлявшей ея силу, она заключала въ себѣ искреннихъ людей, главный недостатокъ которыхъ состоялъ въ томъ, что воображенія у нихъ было болѣе, чѣмъ разсудка, и набожности болѣе, чѣмъ просвѣщенія, или же такихъ, у которыхъ, при достаточной разборчивости ума, было мало образованія и знаній, бывшими въ такомъ случаѣ скорѣе вредными, чѣмъ полезными.

Доказательство этому мы находимъ у Плутарха, который знакомитъ насъ съ нѣкоторыми сторонниками языческаго правовѣрія, между прочимъ съ поэтомъ Серапіономъ Аѳинскимъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ Лукіанъ, преслѣдующій ихъ своими ѣдкими насмѣшками, называетъ между ними лицъ, извѣстныхъ по богатству и положенію, философовъ и врачей. Позднѣе еще, наконецъ, защитникъ языческаго правовѣрія, являющій въ «Октавіи» Минуція Феликса, хотя и не мыслитель, или даже не умъ свѣтлый и проницательный, но человѣкъ, принадлежащій къ образованному классу и обладающій въ значительной, для того вѣка, степени литературными и философскими познаніями. Не надо забывать, что паденіе началось въ самой высшей сферѣ мысли греко-римскаго міра. Ослабѣвшій и безсильный разумъ не понимаетъ болѣе нравственной дѣятельности и энергіи мысли. Философы работаютъ безъ желанія, безъ умѣнія различать, они трудятся надъ соглашеніемъ несогласимыхъ системъ, принципы и характеристическія черты которыхъ ускользаютъ отъ умовъ, неспособныхъ къ самостоятельному размышленію. Сократа, Платона, Аристотеля считаютъ не болѣе, какъ отголоскомъ предшествовавшихъ ученій, переданныхъ имъ непрерывною цѣпью мудрецовъ, и эти ученія они, въ свою очередь, передадутъ своимъ преемникамъ. Въ литературѣ, кромѣ исторіи, не появляется болѣе оригинальныхъ произведеній. Подражаютъ древнимъ, комментируютъ ихъ и вообще занимаются ученой педантической критикой. Въ политикѣ видимъ, что общественныя дѣла, которыми не умѣютъ не только управлять, но которыхъ не умѣютъ и обсуждать, предоставляются произволу одного; склоняютъ голову, провозгласивши самоотреченіе первою добродѣтелью, и когда жизнь дѣлается невыносимою— умираютъ.

Героизмъ безсилія и ничтожества!

По мѣрѣ того, какъ дряхлость дѣлаетъ успѣхи, становятся все менѣе чувствительными къ тому, что такъ оскорбляло Вар-

роновъ и Цицероновъ, и тѣмъ легче подчиняются авторитетамъ, чѣмъ менѣе способны отличать истину отъ лжи и руководить самихъ себя.

Послѣ отреченія ума, когда не остается ни дѣятельности, ни свободы, и рабство тяготѣетъ надъ мыслью столько же, какъ и надъ жизнью, можно ли избрать въ религіи иного путеводителя, какъ развѣ только одно преданіе, которое, избавляя умъ отъ труда разыскиванія, сужденія, сравненія, даетъ ему готовыя понятія и установившіяся вѣрованія? Самою силою вещей оно навязывалось обществу, обезсиленному и падающему. И если только что-нибудь насъ можетъ удивлять въ этомъ всеобщемъ паденіи всего составляющаго достоинство человѣка, такъ это, конечно, не внезапное почти возстановленіе языческой мифологіи среди нравственной пустоты этой эпохи, а скорѣе насмѣшливое спокойствіе немногихъ атеистовъ, достаточно увѣренныхъ въ самихъ себѣ для противустоянія теченію, или, еще болѣе, наивное самообольщеніе языческихъ философовъ, сознающихъ въ себѣ достаточно силы для очистки этой кучи нечистотъ. Въ порядкѣ вещей, значитъ, то, что древнимъ вѣрованіямъ возвратилось ихъ прежнее обаяніе. Они наводнили собою Римскую Имперію. Но ихъ торжество подняло противъ нихъ всѣхъ, оставшихся вѣрными философіи. Споры, считавшіеся давно покончеными, снова возгорѣлись. Снова надо было защищать разумъ, бороться противъ суевѣрія и антропоморфизма и защищать религіозный спиритуализмъ [1]) отъ грубыхъ понятій древнихъ временъ. Но языческое правовѣріе не смутилось: оно представило въ свою защиту противъ сатиры и философіи извѣстное число соображеній, самихъ по себѣ довольно бѣдныхъ, правда, но которыя, будучи выставлены съ увѣренностью, свойственною этой партіи, должны были произвести на выродившіеся умы этой эпохи нѣкоторое впечатлѣніе. Эти доказательства образуютъ родъ апологіи языческаго баснословія и въ продолженіе трехъ вѣковъ служатъ защитою противъ философовъ и скептиковъ, а впослѣдствіи и противъ христіанъ. Нельзя нигдѣ найти изложенія всей совокупности этихъ различныхъ доказательствъ, потому ли, что у партіи этой

---

[1]) Т. е. религіозныя понятія, гдѣ Боги Олимпа улетучились въ безтѣлесныя духовныя силы, въ нравственный законъ, во всемірный разумъ въ загробный судъ и т. п.

не было довольно искуснаго человѣка для составленія свода ихъ ученія, или отъ того, что не считали нужнымъ изложить его письменно, или же потому, наконецъ, что сочиненія, которыя ихъ въ себѣ заключали, не были сочтены достойными перейти въ потомство. Но эти доказательства сохранены намъ писателями, взявшими на себя ихъ опроверженіе. Ихъ легко собрать изъ сочиненій этихъ писателей и, сблизивъ между собою, дать понятіе о средствахъ, употребленныхъ языческимъ правовѣріемъ для приданія значенія своей системѣ.

Два рода общихъ соображеній составляютъ содержаніе, и, конечно, по мнѣнію того времени, главнѣйшую часть апологіи языческаго правовѣрія. Съ одной стороны полагаютъ, что разумъ человѣческій не можетъ самъ по себѣ возвышаться до познанія божественныхъ предметовъ, и заключаютъ изъ этого, что религіи только остается обратиться къ древнимъ преданіямъ; а съ другой стороны старались доказать, что благоденствіе народовъ и счастье отдѣльныхъ лицъ было всегда въ прямомъ отношеніи къ ихъ благочестію и изъ этого выводятъ то заключеніе, что это составляетъ достовѣрнѣйшій признакъ истинности и божественности древней религіи.

Цецилій, устами котораго Минуцій Феликсъ защищаетъ язычество, излагаетъ въ этомъ порядкѣ свои доказательства, подкрѣпляя ихъ множествомъ историческихъ фактовъ, объясненныхъ имъ согласно съ тѣми заключеніями, которыя онъ намѣренъ вывести.

Къ этимъ доводамъ въ пользу божественнаго происхожденія язычества прибавляли еще и другіе, извлекаемые изъ исполненія прорицаній оракуловъ.

Исполненіе пророчествъ пиѳіи не было ли доказательствомъ того, что она была вдохновлена Аполлономъ, и, въ то же время, вѣрнымъ признакомъ божественности языческой религіи? Въ этомъ убѣжденіи—поэтъ Серапіонъ замѣчаетъ, что ослабленіе довѣрія къ оракуламъ потрясаетъ вѣру въ могущество и провидѣніе боговъ. Апологія языческаго правовѣрія не заключалась только въ этихъ общихъ соображеніяхъ: исчислялись въ подробности всѣ заслуги, оказанныя религіей слабому человѣчеству. Она одна только имѣетъ утѣшенія для несчастныхъ и надежды для скорбящихъ; она одна умѣетъ смягчать бѣдствія жизни; она одна располагаетъ сердца богатыхъ и сильныхъ къ призрѣнію несчастныхъ и изліянію даровъ милосердія на

бѣдныхъ и больныхъ; она же, наконецъ, стараніями жрецовъ, поучаетъ людей ихъ обязанностямъ, даетъ имъ понятіе объ опасностяхъ, которыхъ слѣдуетъ избѣгать, предостерегаетъ ихъ противъ превратностей будущаго, открываемаго оракулами.

Ей обязаны еще большимъ благомъ: она единственная опора общества, которое не замедлило бы распасться.

На этомъ пунктѣ особенно торжествовало языческое правовѣріе. У него не было достаточно проклятій для невѣрующихъ и полувѣрующихъ, этихъ «безумныхъ, которые, работая надъ уничтоженіемъ или по крайней мѣрѣ, ослабленіемъ древнихъ вѣрованій, разрывали послѣднюю связь между людьми». Правовѣры тѣмъ сильнѣе налегали на это разсужденіе, что знали объ ужасѣ, съ которымъ смотрѣли богатые на полное бурь будущее, несмотря на то, что и настоящее ихъ было шатко. Кромѣ того, эта партія была увѣрена въ помощи государственныхъ людей, которые, каковы бы тамъ ни были ихъ личныя убѣжденія, преслѣдовали невѣріе, какъ причины общественнаго разстройства. Ни одна изъ древнихъ институцій не была упущена языческимъ правовѣріемъ; каждая была упорно защищаема безъ малѣйшей заботы даже о здравомъ смыслѣ. Такъ варварскій языкъ пиѳіи, осмѣиваемый и оспариваемый и вѣрующими, былъ выставляемъ ими какъ образцовый, и не пониманіе красотъ его Серапіонъ приписывалъ порчѣ нравовъ.

Напрасно благоразумные язычники, какъ, напр., Плутархъ думая спасти авторитетъ пиѳіи, старались доказать, что отъ неправильности языка нельзя еще заключать о лживости оракула: правовѣрные съ презрѣніемъ отвергали такія половинчатыя мнѣнія и считали ихъ опасными заблужденіями. Всѣ эти разсужденія и жалобы не были единственнымъ оружіемъ людей, принявшихъ на себя защиту древней религіи. Если вѣрить имъ, то сами боги, взявъ на себя защиту своего собственнаго дѣла, готовы уже были возвратить людей къ подножію своихъ алтарей, приведя знаменіями въ замѣшательство безумную философію, осмѣявшую чудеса, подтвержденныя всею древностью. Корыстная набожность и суетное благочестіе разносили по всей имперіи разсказы о происшествіяхъ самыхъ необыкновенныхъ. Повсемѣстно заговорили о заклинаніяхъ, появленіи привидѣній, о томъ, что священныя статуи стали двигаться и говорить. Оракулы опять стали прорицать, и слова ихъ постоянно сбывались. Вошло въ моду быть вѣрующимъ и набожнымъ, точно

такъ же, какъ за вѣкъ передъ тѣмъ было въ модѣ быть невѣрующимъ и философомъ. Всѣ и каждый принимали за истину разсказы о чудесахъ, какъ совершающихся въ ихъ время, такъ и извѣстныхъ по преданію. Большинство грековъ и римлянъ состояло, по выраженію Лукіана, изъ глупцовъ, безсмысленно жаждущихъ чудесъ, и всякій невѣрующій считался смѣшнымъ и дурно воспитаннымъ. Между тѣмъ, такой порядокъ вещей глубоко огорчалъ многочисленный еще классъ людей, также любившихъ политеизмъ и желавшихъ возвращенія его власти надъ душами, но которые не въ состояніи были отказаться отъ требованій своего разума и образованія. Смѣлое ретроградное движеніе правовѣровъ казалось имъ опаснымъ для самого политеизма, потому что движеніе это имѣло въ виду возстановить самый грубый антропоморфизмъ, уронившій уже его въ глазахъ людей просвѣщенныхъ. Они не хотѣли хранить для однихъ себя своего философскаго пониманія политеизма, обольщая себя надеждою, что ихъ принципы могутъ сдѣлаться популярными и поднять всѣхъ людей до ихъ уровня. При томъ же, дѣйствія партіи правовѣрныхъ явно давали предчувствовать возвращеніе эпохи древняго варварства, что не могло не устрашать людей просвѣщенныхъ. Надо было предотвратить это бѣдствіе. За это-то дѣло взялись люди, дѣятельность которыхъ мы намѣрены теперь описать.

И хотя имъ это не удалось, потому что, вмѣсто будущаго, они обращались также къ прошедшему; но они хотѣли спасти права разума, они стояли за просвѣщеніе, и это даетъ имъ право на благодарность потомства, какъ бы ни были дурно направлены ихъ усилія.

III.

Примирительные философы.

Описанное нами языческое правовѣріе было въ глазахъ людей, о которыхъ мы намѣрены говорить, уничиженіемъ политеизма. Замѣчательнѣйшій писатель этой эпохи, первый и достойнѣйшій представитель этого мнѣнія, Плутархъ, обнародовалъ противъ противной партіи спеціальный трактатъ, въ которомъ онъ клеймитъ ее именемъ суевѣрія и не упускаетъ случая

показать всю лживость и опасность ея въ отношеніи къ вѣрно понимаемому политеизму. Онъ говоритъ, что суевѣріе еще менѣе, можетъ быть, выносимо нежели самый атеизмъ: суевѣріе не даетъ человѣку покоя, наполняя міръ страхами и ужасами и дѣлая изъ боговъ существа злыя и вредныя. Далѣе онъ упрекаетъ правовѣровъ въ предоставленіи атеистамъ предлога ихъ невѣрію, предлога, которымъ невѣрующіе же пользуются, говоря, что лучше вовсе не признавать боговъ, чѣмъ вѣрить въ такихъ, которые терпятъ столь отвратительныя суевѣрія. Потомъ онъ доказываетъ, что религіозный антропоморфизмъ есть произведеніе невѣжества: онъ говоритъ, что величайшее оскорбленіе божества, это предположеніе, что ему свойственны страсти—подобныя человѣческимъ. Лучше было бы отрицать существованіе боговъ. «По мнѣ,—говоритъ онъ,—лучше пусть говорятъ, что Плутарха вовсе нѣтъ, чѣмъ утверждать, что Плутархъ человѣкъ слабый, непостоянный, мстительный и раздражительный».

Съ такой точно энергіей въ слѣдующемъ вѣкѣ Апулей отвергаетъ и осуждаетъ антропоморфическія вѣрованія. По его мнѣнію, суевѣрный культъ грубой толпы, чуждой всего святого, разумнаго, истиннаго, не менѣе безчеститъ боговъ, пребывающихъ въ высокихъ областяхъ неба, чѣмъ самое дерзкое презрѣніе, невѣріе. Малое число невѣрующихъ кажется ему не столь опаснымъ, какъ невѣжественный ужасъ, на которомъ основывается вѣра толпы. Наконецъ, чужеземныя суевѣрія, распространяемыя въ Италіи и Греціи обманщиками, пришедшими съ востока, не менѣе опасны и ложны, по мнѣнію раціоналистовъ, чѣмъ тѣ, которыя произошли отъ Гомеровой миѳологіи. Плутархъ, полный уваженія къ восточной мудрости, оплакиваетъ безчестіе, наносимое ей плутами, которые подъ ея именемъ распространяютъ отвратительные и преступные обряды. Однако же, эти люди, преслѣдуя суевѣріе, желали работать не для торжества невѣрія. Ихъ набожность менѣе шумная, чѣмъ набожность правовѣровъ, была столь же искренняя, и идея, которую они составили себѣ о религіи, была гораздо почтительнѣе. Для нихъ, религія—чувство, напечатлѣнное природою въ душѣ, составляетъ первую и благороднѣйшую изъ ея потребностей. Потому-то и свойственна религія всѣмъ людямъ, и нѣтъ народа, который, подъ тою или другою формою, не возносилъ бы своихъ моленій къ божеству.

Плутархъ полагаетъ, что найдутся народы, которые не имѣютъ ни литературы, ни домовъ, ни денегъ, ни царей, ни театровъ, но никогда не было и не будетъ такихъ, которые не признавали бы Бога.

Изъ всѣхъ благъ, находящихся во власти человѣка, нѣтъ другого, которое такъ приближало бы къ божественной природѣ и такъ способствовало бы его счастью, какъ данная его разуму способность знанія боговъ. Это славное преимущество есть также источникъ чистѣйшаго наслажденія и живѣйшаго удовлетворенія, какое только можетъ испытывать душа. И тогда, какъ для суевѣра, религія со всѣмъ ея великолѣпіемъ, преисполнена ужаса, она приноситъ Плутарху лишь самыя пріятныя впечатлѣнія.

Святость религіи такъ велика въ его глазахъ, что онъ негодуетъ на тѣхъ, кто вноситъ въ храмъ одни лишь мірскіе интересы и вопрошаютъ оракуловъ о предметахъ жизни земной, не относящихся къ благу души.

Во многихъ изъ своихъ сочиненій онъ возстаетъ съ гнѣвомъ противъ людей, обращающихся къ богамъ для узнанія: хорошо или дурно сдѣлаютъ они, если женятся, или отдадутъ свои деньги на проценты, или предпримутъ путешествіе; а также противъ городовъ, которые спрашиваютъ, будетъ ли обильна жатва и не случится ли эпидемій?

Какая разница между этимъ языкомъ и рѣчами свирѣпаго правовѣра, говорящаго только о разгнѣванныхъ богахъ и мести небесной! Это ужъ не безпокойный умъ, который, не умѣя отдать себѣ отчета ни о природѣ религіозныхъ потребностей, имъ ощущаемыхъ, ни о томъ, какова должна быть религія, долженствующая удовлетворять ихъ, ищетъ въ отдаленномъ и дурно понятомъ преданіи, въ освященныхъ временемъ и безъ критики принятыхъ вѣрованіяхъ, слѣпого рѣшенія задачъ, на которыя онъ не умѣетъ даже и смотрѣть прямо. Плутархъ самъ себѣ хотѣлъ объяснить предметъ своей вѣры и, разобравъ его тщательно, онъ увѣренъ (или по крайней мѣрѣ такъ ему кажется) въ прочности своихъ вѣрованій и находитъ въ этой прочности миръ и спокойствіе, неизвѣстные суевѣру. Это не значитъ, однако же, чтобы онъ презиралъ ученіе, переданное ему предками и чтобы религія его была чисто философскою. Какъ ни велика довѣренность его къ своему разуму, однако же, онъ все-таки не считаетъ его способнымъ разъяснить ему собствен-

нымъ своимъ свѣтомъ важные вопросы, такъ близко касающіеся счастья его души. Онъ также обращается къ древнимъ преданіямъ, признаетъ ихъ за божественныя откровенія, и въ своихъ разговорахъ опасается даже не только отрицать, но даже ослабить истину религіозныхъ идей, вдохновенныхъ богами и повсемѣстно принятыхъ. По его мнѣнію, отрицаніе и уничтоженіе оракуловъ должно повлечь за собой паденіе могущества и провидѣнія боговъ. Кто не остановится передъ такими послѣдствіями? говоритъ онъ и добавляетъ, что когда отыскиваются противорѣчія въ божественныхъ свойствахъ, слѣдуетъ избѣгать прежде всего чѣмъ-либо оскорблять вѣру, переданную отъ предковъ, какъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе. Таково положеніе, занимаемое имъ въ отношеніи къ религіи, положеніе, въ которое становились вмѣстѣ съ нимъ всѣ тѣ, которые не хотѣли жертвовать ни философіи религіею, какъ дѣлали невѣрующіе, ни религіи философіею, какъ правовѣры.

Они одинаково отвращаются отъ невѣрія и суевѣрія; для избѣжанія противурѣчивыхъ мнѣній правовѣрія, они не хотятъ впадать и въ атеизмъ; они претендуютъ на настоящую середину, на которой покоится истинная религія и которая равно удалена отъ обѣихъ крайностей. Ихъ дѣло состояло въ томъ, чтобы согласить древнюю религію съ результатами философіи, которые они считали неопровержимыми, или, какъ бы мы выразились теперь, преданія съ разумомъ. Это соглашеніе кромѣ того, что было необходимостью для ихъ собственнаго ума, казалось имъ еще самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для побѣды надъ атеизмомъ, для истребленія суевѣрія и для приданія религіи всего ея блеска.

Въ дѣйствительности соглашеніе это было невозможно. Философія могла уступать, и она въ самомъ дѣлѣ уступила во многихъ пунктахъ, имѣвшихъ тоже лишь второстепенную важность, и для которыхъ, съ нѣкоторою ловкостью, легко было отыскать болѣе или менѣе удовлетворительное объясненіе. Но былъ одинъ пунктъ, на которомъ невозможна была никакая уступка, пунктъ фундаментальный, отъ котораго зависѣла вся религія; мы говоримъ о самой идеѣ божества. Философія не могла признавать и утверждать, что богъ духовный, нравственный, отецъ и благодѣтель людей, и боги священныхъ преданій были бы запятнаны всѣми пороками и преступленіями, составлявшими стыдъ человѣчества. Какимъ образомъ очистить ми-

фологію отъ этихъ антропоморфизмовъ и преобразовать эти разсказы о насиліяхъ, битвахъ, прелюбодѣяніяхъ, въ поученія, способныя просвѣтить умъ и освятить душу? Тутъ было самое серьезное затрудненіе. Для умовъ непредубѣжденныхъ оно было неразрѣшимо. Сильная, послѣдовательная сама себѣ, философія разорвала бы связь свою съ преданіями и искала бы внѣ ихъ болѣе прочнаго и болѣе достойнаго основанія для своей религіозной системы. Но то время было эпохою паденія; философія не избѣжала всеобщей заразы; не способная на высокія усилія, она прибѣгла къ увертками и призвала себѣ на помощь аллегорическое объясненіе, это послѣднее средство умирающей теологіи. Отвергая буквальный смыслъ религіозныхъ преданій, предположили въ нихъ смыслъ скрытый, непонятный для невѣждъ, но видимый окомъ разума. Священныя сказанія были лишены историческаго характера и стали мифами, предназначенными для представленія въ драматической формѣ философскихъ и нравственныхъ истинъ. Это удобная теорія дала просторъ воображенію и дозволила открыть въ древней миѳологіи самый удовлетворительный спиритуализмъ. Этотъ способъ былъ однако слишкомъ ужъ произвольнымъ, чтобы не возбудить оппозиціи. Онъ имѣлъ за себя, правда, авторитетъ Платона и стоиковъ. Но Платонъ не имѣлъ большого значенія для правовѣровъ, а стоики считались ими не болѣе, какъ невѣрующими. Принять такой способъ объясненія религіи значило подать просто руку атеизму.

Это значило ниспровергнуть вѣрованія подъ предлогомъ утвержденія ихъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Правовѣры должны были спросить у раціоналистовъ, по какому праву они придавали аллегорическій смыслъ такимъ сказаніямъ, буквальный смыслъ которыхъ былъ ясенъ, положителенъ, неопровержимъ, и обвинить ихъ, наконецъ, въ подставленіи своего личнаго разума на мѣсто божественнаго откровенія. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что затрудненія эти были возбуждены, въ этомъ удостовѣряютъ старанія, съ которыми Плутархъ усиливается ихъ устранить, и трудъ, съ которымъ онъ заботится утвердить положеніе, что религіозныя преданія не могутъ быть принимаемы буквально. Утвержденіе, что первоначальные авторы религіозныхъ сказаній имѣли только цѣлью проповѣданіе натуральной теологіи въ аллегорической формѣ, можно считать очень ловкимъ.

Но это утвержденіе нуждалось въ доказательствахъ болѣе прочныхъ, чѣмъ доводы Плутарха, прежде чѣмъ само могло послужить доказательствомъ. Также напрасно было предполагать, что самая нелѣпость разсказа насильно приводитъ къ розысканію сокровеннаго смысла. Правовѣры не находили никакой нелѣпости въ древнихъ преданіяхъ и примѣняли къ нимъ то, что Серапіонъ говорилъ о стихахъ пиѳіи; они упрекали невѣрующихъ и раціоналистовъ въ потерѣ способности понимать и чувствовать божественное. Несмотря на объясненія Плутарха, теорія миѳа стала слабой стороной раціонализма. Доказательство этому имѣется въ повторяемыхъ долгое время усиліяхъ его партизановъ поставить эту теорію выше всѣхъ опроверженій.

Неоплатоническая школа занималась, между прочимъ, этимъ дѣломъ и составила полную теорію изъ всѣхъ опытовъ своихъ предшественниковъ. Не было достаточно, однако жъ, показать, что религіозныя преданія суть только аллегоріи; надо было ихъ еще объяснить и отыскать въ нихъ смыслъ. Тутъ возникли новыя затрудненія. Какимъ образомъ согласиться насчетъ ихъ толкованія? Какое бы то ни было сказаніе, взятое буквально, имѣетъ одинъ только смыслъ; если же его разсматривать, какъ аллегорію, то оно получаетъ безчисленное множество объясненій. Это и было причиною, почему языческія преданія безразлично приняли ту форму, которую каждому изъ ихъ толкователей вздумалось имъ придать. Нерѣдко можно было видѣть, какъ философы, смотря по необходимости, придавали одному и тому же факту два противоположныя между собою значенія. Замѣшательство было чрезвычайное.

Плутархъ не знаетъ, какого принципа держаться. Тутъ онъ принимаетъ вмѣстѣ со стоиками, которыхъ, однако же, обыкновенно оспариваетъ, что миѳологія имѣетъ цѣлью объяснить космогоническія и физическія явленія. Въ другомъ мѣстѣ онъ близокъ къ мысли, что нѣкоторыя религіозныя преданія предназначены для сохраненія памяти о великихъ дѣяніяхъ царей, которымъ общественная признательность придала божественное происхожденіе. Эта система, принадлежащая Эвгемеру, имѣетъ свое основаніе въ исторіи, но онъ не принимаетъ ее вполнѣ, боясь потрясти основанія религіи. Вообще онъ предпочитаетъ слѣдовать Платону и видѣть въ миѳологіи символы добродѣтелей и дѣйствій человѣческой души.

Принципы эти господствовали въ школѣ раціоналистовъ, не исключая собою, впрочемъ, вполнѣ физическаго объясненія стоиковъ. Мы не станемъ излагать здѣсь ученій, отсюда проистекшихъ, но замѣтимъ только, что принятіе аллегорическаго толкованія принесло свои плоды. Историческая часть была все болѣе и болѣе поглощаема философскими ученіями, которыя вначалѣ думали только получить изъ нея, какъ выводы, и это привело къ тому, что миѳологія сдѣлалась, наконецъ, не болѣе, какъ оболочкой мистической философіи. Таковъ неизбѣжный конецъ всякой раціональной теологіи, которая желаетъ остаться послѣдовательной со своими принципами. Она выходитъ изъ твердаго намѣренія согласить откровеніе съ разумомъ и достигаетъ чистой философіи, не имѣющей ничего общаго съ этимъ откровеніемъ.

IV.

Сравненіе двухъ партій.

Изложивъ главнѣйшіе взгляды двухъ партій, раздѣлявшихъ язычество со времени его возстановленія, въ срединѣ I вѣка христіанской вѣры до окончательнаго паденія алтарей боговъ Гомера, не безполезно будетъ противупоставить ихъ между собою, для того, чтобы вывести изъ этого сравненія еще болѣе ясную идею объ ихъ относительномъ значеніи. Мы ограничимся чертами самыми характеристическими.

Двѣ эти партіи, какъ можно было замѣтить изъ нашего разсказа, представляли двѣ, совершенно различныя между собою системы. Правовѣріе разсматривало преданія, какъ сказанія о дѣйствительныхъ фактахъ; раціоналисты же, какъ аллегоріи, заключающія въ себѣ философское поученіе.

Эта послѣдняя система, развитая неоплатонической школой, вообще принята новѣйшими учеными, которые, такимъ образомъ, становятся за языческій раціонализмъ и противъ языческаго правовѣрія. Неумѣстно было бы теперь разсматривать этотъ вопросъ, который не можетъ быть разобранъ мимоходомъ, и вовсе не составляетъ необходимости для нашей цѣли; намъ достаточно только замѣтить, что оракулы, единственная

законная религіозная власть у грековъ и римлянъ, выразились въ смыслѣ, противоположномъ тому, который преобладалъ у философовъ и ученыхъ. Въ общественномъ, официальномъ культѣ, миѳологія была принята, какъ совокупность историческихъ фактовъ, и такимъ образомъ, долженъ былъ понимать ее всякій, остававшійся вѣрнымъ религіи своей страны. Что въ философскихъ школахъ не довольствовались этими вульгарными вѣрованіями и что старались поставить ихъ въ бо́льшую сообразность съ требованіями здраваго разума, это объясняется легко, это было неизбѣжно даже. Но эти теоріи, какъ результаты ученой критики предметовъ народной вѣры, принадлежали наукѣ; онѣ никогда не были принимаемы жрецами.

Ихъ постоянно изгоняли изъ храмовъ, и только тогда безнаказанно допустили въ школы, когда ослабленіе вѣры не дозволило примѣненія наказаній, нѣкогда назначавшихся невѣрующимъ.

Партія, которую мы обозначили именемъ правовѣрной, признавала и принимала, какъ факты, то, что раціоналисты, въ подражаніе Платону и стоикамъ, любили объяснять, какъ миѳы.

Она одна только была вѣрною защитницею истиннаго язычества. И если наука ее осуждала—что ей было до того?—она обращалась къ наукѣ только для того, чтобы опровергать послѣднюю и показывать ея заблужденія. Раціоналисты же весьма обманывались, когда выдавали себя за искреннихъ язычниковъ. Въ дѣйствительности они исповѣдывали другую религію, которая не имѣла почти ничего общаго съ язычествомъ. Только ихъ, достойный уваженія характеръ, заставляетъ изъять ихъ отъ упрека въ лицемѣріи, и потому правовѣры, съ языческой точки зрѣнія, отдавая справедливость искренности ихъ религіознаго чувства, могли порицать ихъ только въ неисполненіи предписаній и наставленій народнаго культа. Имѣлъ ли право раціонализмъ, съ своей стороны, укорять правовѣровъ въ суевѣріи? Справедливо, что религія, въ томъ видѣ, какъ представляли ее правовѣры, была запутаннымъ скопленіемъ нелѣпыхъ преданій, вздорныхъ вѣрованій и смѣшныхъ, либо возмутительныхъ обрядовъ. Но язычество Греціи и Рима, то самое, которое цѣлые вѣка царило въ храмахъ, которое было признаваемо законами, которое перешло въ общественные обычаи и образовало собою народную вѣру, не было чѣмъ-либо инымъ.

Какъ же это раціоналисты, требовавшіе возстановленія древней религіи, могли осуждать суевѣрія, которыя составляли именно эту самую религію? Упрекъ этотъ имѣлъ смыслъ въ устахъ невѣрующихъ, и не имѣлъ его, даже былъ въ высшей степени несправедливъ, въ устахъ раціоналистовъ. Правовѣры были послѣдовательны, нападая на философію, упрямо отвергая всю умственную культуру, ею произведенную, и восхваляя древніе нравы, варварство прежнихъ временъ, предразсудки и невѣжество. Язычество не могло существовать во всей своей полнотѣ, ни вмѣстѣ съ философіей, ни безъ отталкивающихъ обычаевъ древности. Точка исхода была нелѣпа, конечно; но лишь только она была признана за истинную и полезную, заключенія выводились неизбѣжно; требуя ихъ, правовѣры были логичны; раціоналисты же шли противъ логики, объявляя язычество спасительнымъ и отвергая суевѣрія, бывшія его принадлежностью. Въ языческомъ мірѣ только два было искреннихъ положенія—правовѣровъ и невѣрующихъ; середина, на которой, по мнѣнію Плутарха, покоится истинная религія, была самообольщеніемъ. Атакованная съ двухъ сторонъ, эта партія давала противъ себя оружіе въ руки какъ правовѣровъ, такъ и невѣрующихъ. Сочиненія, въ которыхъ были изложены ея мнѣнія, служили богатымъ арсеналомъ для невѣрующихъ, которые черпали изъ него доводы противъ народныхъ вѣрованій; съ другой же стороны, и правовѣры представляли простому народу это уваженіе философовъ къ древнимъ вѣрованіямъ, какъ доказательство истины послѣднихъ. Такимъ образомъ, имя и авторитетъ Плутарха и тѣхъ, которые считали честью быть въ числѣ его учениковъ, служили и невѣрующимъ, которыхъ онъ презиралъ, и суевѣрамъ, бывшимъ для него ненавистными. Что заключить изъ всѣхъ этихъ соображеній, какъ не то, что языческій раціонализмъ обманывался относительно той самой религіи, которую предполагалъ возстановить, что онъ доводилъ непослѣдовательность до впаденія въ противорѣчіе съ самимъ собою, и что у него, наконецъ, недоставало ловкости, необходимой для всякой партіи. Но его заблужденія суть заблужденія вѣка; все, что есть истиннаго и великаго, въ совокупности его представленій, принадлежитъ ему вполнѣ. Это была не логическая, но поучительная попытка разума, согласить несогласимое, внести умѣренную критику въ область, недопускающую критики, и поставить священные кумиры въ

другой области, не терпящей никакихъ кумировъ. Плутархъ и его школа пытались сохранить традицію великой языческой цивилизаціи, не рѣшаясь перенести ее на здоровую почву единомышленниковъ Лукіана и отвращались отъ грубаго варварства, грозившаго древнему міру и мало-по-малу его поглотившаго. Но борьба шла на-смерть между двумя направленіями. Конечно, трудно сказать, чтобы нѣсколько замѣчательныхъ мыслителей этой школы, если бы они стали на точку зрѣнія чистой критики, не дали міру впасть въ невѣжество и поддержали традицію науки. Они все-таки составляли незначительное меньшинство въ виду невѣжественнаго и жаднаго къ чудесамъ населенія, которое получило большое участіе въ общественной жизни вслѣдствіе равенства всѣхъ подданныхъ имперіи предъ самодержавною властью цезарей. Но въ этомъ положеніи, въ какомъ мы видимъ дѣло, когда обаяніе древности склоняло Плутарховъ и Ямблиховъ къ поклоненіямъ Платонамъ и Пиѳагорамъ, къ отысканію таинственнаго значенія въ миѳахъ Ганимеда и Атридовъ; когда насмѣшливый голосъ Лукіана раздавался одиноко—будущность человѣческаго разума была неизбѣжна. Въ осмѣянныхъ повѣрьяхъ Олимпа, изъѣденныхъ аллегорическими объясненіями, подкопанныхъ культами Митры, Сераписа, Изиды и другихъ боговъ варварскихъ пантеоновъ, человѣкъ уже не могъ успокоиться. Сами неоплатонники, думавшіе защищать язычество, такъ мало защищали его, что одинъ изъ отцовъ западной церкви *) говорилъ: «Имъ стоило измѣнить только нѣсколько словъ въ своей системѣ для перехода въ христіанство».

Древняя цивилизація должна была пасть вмѣстѣ съ древними религіозными формами.

1864.

«Заграничн. Вѣст.», № 11. VII.

---

[1]) Августинъ: «De vera Religione»,

ОГЛАВЛЕНІЕ III ТОМА.

Статьи обще-научнаго характера

Историческое значеніе науки и книга Уевеля 1
Очеркъ развитія идеи прогресса 25
Роль науки въ періодъ возрожденія и реформаціи:
1) Біографія и исторія 104
2) Европа въ половинѣ XV вѣка 120
3) Книгопечатаніе 131
4) Новый свѣтъ 140
5) Протестантизмъ 156
6) Предшественники новаго времени 178
Общіе геологическіе вопросы и ихъ рѣшенія 218
Характеристическія черты развитія философіи и науки въ средніе вѣка 251
Гуманисты XIV и XV столѣтій 341
Новая логика 391
Нервно-психопатическія явленія 449
Область психопатическихъ явленій 456
Первые провозвѣстники спиритизма 463
Спиритизмъ и сумасшествіе 492
Сумасшествіе и обыденная жизнь 499
Самоубійство скорпіоновъ, кошекъ и собакъ 505
Развитіе песисимизма въ Индіи 510
Общественное значеніе науки о душевныхъ болѣзняхъ 516
Экскурсіи въ область психіатріи 524
Психологія тщеславія 605

Рецензіи:

О. Е. Левина. Единство физическихъ силъ 625
Основы раціональной физики А. Кусакова 630
Новый научный журналъ 634
Psylogie in Umrissen auf Grundlage der Erfahrung von F. Benedixen. 640
Публичныя лекціи по философіи наукъ А. Н. Смирнова 646

Первыя литературныя работы В. В. Лесевича:

Женщина и медицина 653
Научныя вѣсти 662
Популярныя книги 684
Древняя языческая реакція 693

В. В. ЛЕСЕВИЧЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ ПЯТИ ТОМАХЪ.

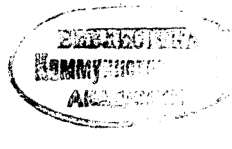
т. I и II—СТАТЬИ ПО ВОПРОСАМЪ ФИЛОСОФІИ.

т. III—СТАТЬИ ОБЩЕ-НАУЧНАГО ХАРАКТЕРА.

т. IV—ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКІЯ.

т. V—СТАТЬИ ПО ФОЛЬКЛОРУ И ПО ИЗСЛѢДОВАНІЮ РЕЛИГІОЗНЫХЪ УЧЕНІЙ.

Къ пятому тому будутъ приложены: біографія автора и его портреты, а также статья академика С. Ф. Ольденбурга, посвященная фольклорнымъ работамъ В. В. Лесевича.



ИЗДАНІЕ Ю. В. ЛЕОНТОВИЧЪ.